ЭКОНОМИЧЕСКІЙ РОСТЪ ЕВРОПЫ

ДО ВОЗНИКНОВЕНІЯ

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

ТОМЪ I-й.

М. М. Ковалевскій.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.
Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій п., свой домъ.
1898.

Экономистамъ-историкамъ и Историкамъ-экономистамъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемая работа не выходитъ изъ области тѣхъ вопросовъ, которымъ посвящена была моя преподавательская и литературная дѣятельность за послѣднія 25 лѣтъ. Написавъ исторію «Происхожденія современной демократіи», естественно было задаться вопросомъ о подготовившемъ его въ прошломъ экономическомъ и политическомъ ростѣ европейской гражданственности. Первой половинѣ этой задачи посвящено издаваемое сочиненіе; оно возникло изъ лекцій, читанныхъ въ разное время въ Москвѣ и за границей и совершенно переработанныхъ, а также изъ монографическихъ изслѣдованій, основанныхъ частью на архивномъ матерьялѣ. Богатая нѣмецкая и англійская литература по экономической исторіи среднихъ вѣковъ позволила нерѣдко черпать готовое. Въ сочиненіи не разъ цитируются имена Гансена, Мейцена, Лампрехта, Шмоллера, Инама Штернега и другихъ творцовъ экономической исторіи Германіи, труды которыхъ нимало не исчерпываются сдѣланными у нихъ заимствованіями. Авторъ ставилъ себѣ болѣе общія задачи, чѣмъ тѣ, какія затрогиваются существующей литературой, и въ тоже время ограничивалъ больше Мейцена, напримѣръ, районъ своего изслѣдованія. Европейская гражданственность создана, какъ извѣстно, взаимодѣйствіемъ германскаго и романскаго элементовъ; она представляетъ въ прошломъ господство феодально-комунальныхъ порядковъ, помѣстнаго и цехового хозяйства. Все, что выходитъ за эти предѣлы, искусственно обойдено, въ виду его второстепеннаго значенія и невозможности обнять въ одномъ трудѣ всѣ особенности финскихъ, кельтическихъ, славянскихъ и нерѣдко арабскихъ поселеній и землепользованій, родового и клановаго быта, на ряду съ феодальнымъ. Показавъ такимъ образомъ, чего читатель не въ правѣ искать въ издаваемомъ трудѣ, авторъ желалъ бы также предупредить его относительно необходимости

повѣрять представленные имъ общіе выводы на монографическихъ изслѣдованіяхъ по частнымъ вопросамъ. Быстрый ростъ историко-экономической литературы за послѣднее время не оставляетъ въ немъ сомнѣнія, что его работа вскорѣ будетъ превзойдена, и чѣмъ быстрѣе послѣдуетъ эта неизбѣжная устарѣлость сочиненія, слишкомъ общаго, чтобы не заключать въ себѣ фактическихъ недочетовъ и погрѣшностей, тѣмъ сильнѣе будетъ его увѣренность, что книга сдѣлала свое дѣло.

Максимъ Ковалевскій.

29 марта 97 года.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Общій взглядъ на экономическій ростъ Европы въ эпоху, предшествующую капиталистическому хозяйству, и на соответствующія экономическія ученія.

§ 1.

Формы народнаго хозяйства не слѣдуютъ другъ за другомъ въ произвольномъ порядкѣ, но подчинены извѣстному закону преемства. Важнѣйшимъ факторомъ ихъ эволюціи является въ каждый данный моментъ и въ каждой данной странѣ ростъ населенія, большая или меньшая его густота, а во всѣхъ вмѣстѣ обусловленная тѣмъ-же ростомъ большая или меньшая зависимость отдѣльныхъ національныхъ хозяйствъ въ дѣлѣ производства и потребленія другъ отъ друга. Эта теорія противорѣчитъ защищаемому итальянцемъ Лоріа [1]) ученію, что большее или меньшее протяженіе свободныхъ для занятія земель обусловливаетъ чередованіе хозяйствъ рабскаго, крѣпостническаго и вольно-наемнаго. Въ дѣйствительности никогда не существовало, какъ мы покажемъ это ниже, такихъ свободныхъ для занятія земель, такъ какъ пустоши признавались издавна собственностью племенъ и родовъ, сельскихъ общинъ и замѣнившихъ ихъ современемъ помѣстій, откуда между прочимъ возникло и запрещеніе допускать чужеродцевъ къ поселенію иначе, какъ подъ условіемъ усыновленія ихъ племенемъ или родомъ, запрещеніе занимать земли въ предѣлахъ общины безъ согласія всѣхъ и каждаго изъ ея членовъ, «сосѣдей» или «вициновъ», а также правило, въ силу котораго никѣмъ не занятые участки признавались принадлежащими феодальному собственнику.

---

[1]) Genesi della proprieta capitalista.

Если Лоріа говоритъ о свободной землѣ въ средніе вѣка, то онъ дѣлаетъ это только потому, что злоупотребляетъ аналогіей средневѣковыхъ хозяйственныхъ порядковъ съ тѣми, какіе созданы были колонистами Новаго Свѣта; да и сами эти колонисты потому только имѣли дѣло со свободными землями, что отрицали за туземцами тѣ права племенного, родового, общиннаго и частнаго владѣнія, какія нашедшіе на Римскую Имперію варвары признали за римскимъ населеніемъ Послѣ работъ Вайца и Фюстель-де-Куланжа трудно говорить о существованіи и въ моментъ нашествія варваровъ свободной для занятія земли. Даже тамъ, гдѣ какъ въ мусульманскомъ мірѣ, собственность не находила еще полнаго признанія, пустопорожнія земли считались принадлежащими главѣ правовѣрныхъ (имаму). Отголоски этого воззрѣнія можно открыть даже въ такихъ христіанскихъ государствахъ, какъ древняя Московія, въ которой Антоній Поссевинъ въ XV-омъ вѣкѣ находилъ еще господствующимъ ученіе о принадлежности всей земли царю, быть можетъ, какъ преемнику татарскихъ хановъ.

Не большее или меньшее обиліе пустопорожнихъ земель обусловливаетъ смѣну формъ народнаго хозяйства, а большая или меньшая густота населенія, отъ которой зависитъ прежде всего выборъ формъ производства, а затѣмъ зависятъ размѣръ и порядки фактическаго владѣнія землей и самый характеръ общественныхъ отношеній.

Еще Либихомъ высчитано приблизительно, какое пространство земли необходимо для удовлетворенія потребностей охотничьей семьи. При возростающей густотѣ населенія эта пропорція нарушается и нѣтъ возможности обойтись безъ перехода къ болѣе интензивнымъ формамъ хозяйства, какъ-то—къ пріуроченью извѣстныхъ животныхъ къ потребностямъ человѣка (скотоводство, птицеводство, пчеловодство), разведенію питательныхъ растеній (земледѣліе, винодѣліе, садоводство) и т. д. Формою же производства обусловливаются и порядокъ владѣнія, и отношенія свободы и зависимости отдѣльныхъ группъ и индивидовъ.

Сравнительная этнографія открыла намъ тотъ фактъ, что охота на большого звѣря, какъ сухопутнаго, такъ и рѣчного или морского, производится у отсталыхъ народностей не въ одиночку, а цѣлыми бандами. Такъ какъ мясо подлежитъ порчѣ, то неудивительно, если и въ потребленіи охотничьихъ народовъ долгое время держится коммунистическій принципъ. Обыкновенно только кости (рога, клыки), кожа или сало становятся предметомъ индивидуальнаго присвоенія.

Въ условіяхъ охотничьяго и рыболовнаго промысла нѣтъ также

данныхъ для развитія сословнаго неравенства, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока увеличивающаяся густота населенія не заставляетъ охотничье племя посягнуть на территорію сосѣда и обезпечить себѣ господство надъ послѣдней истребленіемъ или закабаленіемъ ея жителей. Такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ ростъ населенія является главнымъ факторомъ измѣненій въ сферѣ народнаго хозяйства и построенныхъ на немъ общественныхъ отношеній. Въ противность Лорія, мы скажемъ поэтому, что первичные промыслы, устраняя всякую мысль объ индивидуальномъ присвоеніи почвы, не требуютъ также личной зависимости человѣка отъ человѣка,—а это значитъ, что начальныя формы производства и потребленія проникнуты характеромъ комунизма и свободы Вотъ чѣмъ объясняется, между прочимъ, и то, что охота на крупнаго звѣря производится обыкновенно не цѣлыми племенами или родами, а свободными товариществами, возникающими и расторгающимися по взаимному согласію. Наглядную иллюстрацію этого представляетъ бытъ эскимосовъ Гренландіи и инородцевъ сѣверо-восточной Сибири.

Переходъ къ скотоводству, вызванный невозможностью удовлетворить потребностямъ разросшагося населенія одной охотой и рыболовствомъ, предполагаетъ уже нѣкоторую перемѣну какъ въ производствѣ, такъ и въ потребленіи, а потому и въ формахъ фактическаго владѣнія и характерѣ общественныхъ отношеній. Если охотникамъ необходимо извѣстное пространство для осуществленія ихъ промысла, то для пастуховъ важно, чтобы въ предѣлахъ отведенной для стадъ территоріи устранено было всякое вторженіе постороннихъ элементовъ. Охотники дѣйствуютъ свободно на протяженіи большихъ пространствъ, перемѣщаясь вслѣдъ за гонимымъ ими звѣремъ. Скотоводы не выходятъ изъ предѣловъ извѣстнаго ограниченнаго района и не впускаютъ никого въ этотъ районъ. Сами эти предѣлы несравненно уже тѣхъ, какіе необходимы охотничьему племени, почему малѣйшее возрастаніе живущаго скотоводствомъ народца сопровождается необходимостью найти новыя пастбища для умножившагося скота. Эти пастбища могутъ быть пріобрѣтены силою, путемъ войны и порабощенія сосѣднихъ охотничьихъ или пастушескихъ племенъ; но тотъ же результатъ можетъ быть достигнутъ и мирнымъ порядкомъ, сдачею скота на прокормъ сосѣднимъ, болѣе богатымъ пастбищами семьямъ-родамъ, нерѣдко цѣлымъ племенамъ. Примѣры мы находимъ еще въ наши дни на Кавказѣ, гдѣ горные Тушинцы посылаютъ свой скотъ къ жителямъ сосѣднихъ низменностей, и Балкарцы принимаютъ на содержаніе стада сосѣднихъ Кабардинцевъ. Не менѣе

рѣзкіе примѣры представляютъ намъ древняя Ирландія, гдѣ по всей вѣроятности разноплеменные съ кельтическими кланами «фуидъ-гиры» брали на свое попеченіе скотъ такъ называемыхъ «боайрэ», т. е. владѣющихъ стадами чистокровныхъ. При такихъ порядкахъ могутъ возникнуть отношенія не столько рабства и господства, сколько кліентства и патроната. Въ такія отношенія могутъ вступать не только частныя лица, въ родѣ Іакова, зарабатывающаго себѣ часть стадъ и женъ службою у Лавана, но и цѣлыя племена, соглашающіяся въ обмѣнъ на защиту взять на прокормъ скотъ сильныхъ сосѣдей. Въ этомъ фактѣ надо видѣть источникъ происхожденія тѣхъ своеобразныхъ и регулируемыхъ однимъ обычаемъ договоровъ, по которымъ услуги снявшаго скотъ на прокормъ оплачиваются продуктами стадъ и извѣстной частью приплода, нерѣдко подъ условіемъ, чтобы съемщикъ поступилъ въ личную зависимость отъ собственника стада.

Филологи, производя терминъ феодъ отъ слова Ve (Vieh—скотъ), указываютъ на связь, въ какой первоначальное происхожденіе феодальнаго верховенства стоитъ со владѣніемъ стадами. Въ свою очередь, высокое общественное положеніе ирландскихъ боайрэ или владѣльцевъ коровъ и зависимость отъ нихъ фуидъ-гировъ показываютъ, что и въ кельтическомъ мірѣ скотовладѣльцы имѣли извѣстныя права патроната по отношенію къ лицамъ и племенамъ, получавшимъ отъ нихъ эту ссуду живаго капитала изъ-за его прироста.

Извѣстно, что земледѣліе является на первыхъ порахъ простымъ суррогатомъ къ скотоводству и охотничеству. Оно носитъ этотъ характеръ не только у германскаго племени Свевовъ, среди которыхъ, по описанію Цезаря, только часть населенія поперемѣнно, изъ года въ годъ, озабочена была сборомъ болѣе или менѣе дико растущихъ злаковъ, но и у автохтоновъ Америки, среди которыхъ первые европейскіе колонисты также открыли зародыши сельскаго хозяйства, только въ качествѣ дополненія къ первичнымъ промысламъ. Ростъ населенія и на этотъ разъ обусловилъ собою сперва появленіе такого сурогата, а затѣмъ все большее и большее расширеніе земледѣльческой дѣятельности въ ущербъ скотоводству и первичнымъ промысламъ.

Торжество земледѣлія означало одновременно и переходъ къ совершенно новымъ порядкамъ потребленія, и наступленіе неизвѣстной дотолѣ системы общественныхъ отношеній. Этотъ переворотъ совер-

шился разумѣется не сразу; переживанія старинныхъ формъ производства еще многочисленны въ древнѣйшую эпоху земледѣльческихъ порядковъ. Стоитъ припомнить, хотя бы, существованіе той наиболѣе экстензивной системы хозяйства, какой является подсѣчное, еще удержавшееся на нашемъ сѣверѣ, въ Сибири и въ казацкихъ степяхъ, а нѣкогда распространенное по всей Московіи; при немъ крестьянинъ землепашецъ, по примѣру своего предка-охотника, не знаетъ другихъ границъ своему фактическому владѣнію, кромѣ тѣхъ, какія кладетъ его топоръ и соха, съ тою, однако, оговоркой, что захватная система пользованія не должна выходить за предѣлы общины-волости, которой данный владѣлецъ состоитъ членомъ.

При окончательномъ водвореніи земледѣльческихъ порядковъ, производство и потребленіе все болѣе и болѣе теряютъ тотъ характеръ комунизма и свободы, какой отличалъ ихъ въ эпоху первичныхъ промысловъ и только что зарождающагося скотоводства. Земледѣліе преополалагаетъ болѣе постоянную связь производителя съ почвою, чѣмъ та, какой требуетъ охота и даже скотоводство. Переходы съ мѣста на мѣсто возможны, правда, на первыхъ порахъ, и въ земледѣльческую эпоху опять-таки подъ вліяніемъ недостаточной густоты населенія; доказательства мы находимъ и въ быту древнихъ германцевъ, которые, по словамъ Тацита, arva per annos mutant, и въ быту первоначальныхъ поселенцевъ нашихъ степей съ характеризующимъ ихъ переложнымъ хозяйствомъ.

Но съ возрастаніемъ числа жителей той или другой мѣстности, заимки изъ годовыхъ становятся все болѣе и болѣе продолжительными. Когда же подъ вліяніемъ все той же причины—прогрессивнаго роста населенія, устанавливается впервые двухпольная система, въ свою очередь, уступающая мѣсто при большей густотѣ, сперва трехполію, а затѣмъ многополію,—связь пахаря съ почвою становится постоянной. Это значитъ, что одна и таже земля требуетъ отнынѣ непрекращающихся заботъ его по воздѣлыванію. Одно уже это обстоятельство порождаетъ, если не частную собственность, то по крайней мѣрѣ частное владѣніе при общинной собственности, родовой или мірской.

Общинное присвоеніе, устраняющее мысль о свободной заимкѣ земли первымъ встрѣчнымъ, другими словами, не допускающее существованія такъ называемаго jus primi occupantis, ни мало не противится, однако, тому, чтобы фактическая утилизація полей производилась чужеродцами и иноплеменниками, попавшими въ зависимое отношеніе благодаря насилію или свободному контракту. Цѣлью

войнъ съ этого момента является не одно расширеніе района охотничьихъ угодій и пастушескихъ выпасовъ, но и пріобрѣтеніе того живого орудія производства, какимъ является человѣкъ. Неудивительно поэтому, если истребленіе плѣнныхъ замѣняется тою формою земельной кабалы, какую представляютъ такъ называемые servi rustici, т. е. поселенные въ предѣлахъ рода-общины и приуроченные къ уходу за полями рабы. Мы находимъ ихъ и въ древнемъ Римѣ, и у галловъ Юлія Цезаря, и у Германцевъ Тацита. Ихъ присутствіе, засвидѣтельствованное извѣстнымъ текстомъ римскаго анналиста, ни мало не устраняетъ возможности одновременнаго существованія общинной собственности родовъ и сельскихъ союзовъ,— точно также, какъ произведенное Джатами и Раджпутами поселеніе, на правахъ простыхъ воздѣлывателей, членовъ покоренныхъ ими племенъ сѣверо западной Индіи и Пенджаба ни мало не мѣшаетъ сохраненію побѣдителями нераздѣльнаго общиннаго владѣнія сельской территоріей

И помимо войны, необходимость въ землѣ и наипростѣйшихъ орудіяхъ производства, какихъ требуетъ ея утилизація, заставляла безземельныхъ отщепенцевъ чужихъ родовъ (абрековъ, изгоевъ, vargi и т. п.) обмѣнивать свою личную свободу и независимость на экономическую обезпеченность въ неволѣ. Отсюда источникъ тѣхъ добровольныхъ закабаленій, примѣры которыхъ представляетъ исторія Рима, Галліи, древней Германіи и Ирландіи, не говоря уже о нашемъ отечествѣ, въ которомъ они представлены, между прочимъ, «ролейными закупами» Русской Правды.

§ 2.

Вся эта хозяйственная эволюція, потребовавшая тысячелѣтій для своего завершенія, предшествовала зарожденію философской мысли, понимаемой въ смыслѣ всякаго вообще отвлеченія. Древнѣйшіе хозяйственные трактаты, не исключая и простыхъ разсужденій о домостроительствѣ, образецъ которыхъ представляетъ намъ извѣстное сочиненіе Ксенофонта, появились уже въ эпоху окончательнаго торжества земледѣлія надъ первичными промыслами и скотоводствомъ. Неудивительно поэтому, если на исторіи экономическихъ ученій могла отразиться только послѣдующая смѣна формъ народнаго хозяйства, и если древнѣйшія произведенія мысли въ этой области являются уже систематизаціей быта земледѣльческаго народа, тѣмъ только отличающагося отъ позднѣйшихъ типовъ сельскохозяйствен-

пыхъ производителей, что интересы торговаго обмѣна отодвинуты у него на задній планъ, и надо всѣмъ господствуетъ забота о домашнемъ потребленіи. Это та стадія экономическаго развитія, на которой стояли народы Греціи, въ особенности—внутреннихъ ея областей, въ эпоху троянской войны и, въ слабѣйшей степени, наканунѣ войнъ персидскихъ. Это та стадія, которая пройдена была римлянами въ эпоху царей и въ первыя времена республики или германцами до ихъ поселенія въ предѣлахъ Римской Имперіи; она держалась долгое время, почти до XVIII-го вѣка, среди клановъ сѣверной Шотландіи, сохранившихъ, вмѣстѣ со своей автономіей, и большую или меньшую оторванность отъ прочаго міра. Ирландцы также удержали ее до момента ихъ насильственнаго сближенія съ англійской культурой, предпринятаго Елизаветою и Кромвелемъ. Она ожила снова и въ феодальномъ обществѣ, въ моментъ рѣшительнаго неуспѣха затѣяннаго Карломъ Великимъ возрожденія Римской Имперіи, и держалась, наконецъ, въ Московіи до тѣхъ поръ, пока открытія Англичанъ и враждебныя столкновенія съ Литвою и Польшею не создали благопріятныхъ условій для сбыта русскаго сырья за-границу. Въ глухихъ углахъ Россіи тотъ же порядокъ самодавлѣющаго хозяйства, на правахъ переживанія, уцѣлѣлъ и много вѣковъ спустя, поддерживаемый даровымъ трудомъ крѣпостныхъ и отсутствіемъ удобныхъ средствъ сообщенія.

На этой ступени народнаго хозяйства мѣновая цѣнность еще не отличается отъ цѣнности потребительной и ростъ капиталовъ задержи вается сознаніемъ безполезности накоплять легко подвергающіеся порчѣ запасы долѣе, чѣмъ до ближайшей жатвы. Кредитъ, позволяющій современнымъ хозяйствамъ производить операціи на сумму, превышающую ихъ оборотный капиталъ, совершенно не извѣстенъ, такъ что раздѣлъ продукта производится исключительно между двумя классами лицъ: земельными собственниками, являющимися въ то же время и капиталистами, и сельскими рабочими, оплачиваемыми не жалованіемъ, а землею.

Таково положеніе поселенныхъ на земляхъ римскихъ собственниковъ такъ называемыхъ servi rustici и колоновъ II-го и III-го вѣковъ, а также сервовъ, виллановъ или крѣпостныхъ людей на средневѣковомъ Западѣ и въ Россіи, гдѣ они въ обмѣнъ за болѣе или менѣе продолжительную барщину и натуральные платежи получаютъ наслѣдственное пользованіе надѣломъ въ земляхъ помѣстья.

Различіе рабства и крѣпостничества, съ момента пріуроченія рабовъ къ сельскимъ производствамъ и надѣленія каждаго паемъ въ

общихъ поляхъ и мірскихъ угодьяхъ, необходимо сглаживается. Происходитъ тотъ процессъ, благодаря которому холопы древней Россіи перешли въ крѣпостныхъ людей, на ряду съ задолженными свободными обывателями—такъ называемыми «серебренниками», а римскіе колоны, смѣшавшись съ рабами и мелкими аллодіальными владѣльцами, обратившимися въ «чужихъ людей» въ силу «комендаціи», наполнили собою ряды средне-вѣковыхъ виллановъ.

Характерную особенность помѣстнаго хозяйства,—все равно, будетъ ли классъ собственниковъ представленъ членами нераздѣльной земельной общины, эксплоатирующими трудъ поселенцевъ, членовъ покореннаго племени, или частными владѣльцами,—составляетъ большая или меньшая его изолированность. Я говорю о большей или меньшей изолированности такъ какъ трудно представить себѣ такой моментъ, въ который отсутствовало бы всякое понятіе объ обмѣнѣ. Даже у народовъ охотничьихъ и пастушескихъ встрѣчаются мѣновыя сдѣлки, производимыя при соблюденіи цѣлаго ряда обрядностей, свидѣтельствующихъ о томъ, что купецъ, какъ чужеродецъ, слыветъ врагомъ и всякое сношеніе съ нимъ почитается поэтому за какой то перерывъ военныхъ дѣйствій, Но объектами мѣны являются въ это время не предметы необходимости, а предметы роскоши; производство направлено на изготовленіе цѣнностей не для обмѣна, а для мѣстнаго потребленія. Впрочемъ, и здѣсь нужна оговорка: изъ продуктовъ первой необходимости, живыя орудія производства, въ томъ числѣ—скотъ, становятся и мѣновыми цѣнностями, откуда—происхожденіе денегъ, (pecunia отъ pecus—скотъ) и обычай варварскихъ народностей, въ томъ числѣ кавказскихъ горцевъ, древнихъ Грековъ и Ирландцевъ производить оцѣнку предметовъ числомъ быковъ, коровъ и мелкаго рогатаго скота (щитъ Гектора стоитъ столько то быковъ, а щитъ Главка—столько то; высшая плата за убійство у Осетинъ 18 разъ 18 коровъ и т. п.). Но если такимъ образомъ понятіе мѣновой цѣнности не отсутствуетъ вполнѣ и въ бытѣ охотничьихъ и пастушескихъ народовъ, если объектами между-племенныхъ сдѣлокъ служатъ у нихъ украшенія, орудія и живой рабочій инвентарь, то у народовъ земледѣльческихъ продукты производства почти всецѣло идутъ на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей. Стоитъ вспомнить, что этими продуктами являются прежде всего хлѣбные злаки, трава, молоко исыръ, медъ и воскъ, т. е. такіе предметы, которые обыкновенно производятся въ нужномъ количествѣ сосѣдями и не допускаютъ негограниченнаго въ срокѣ сбереженія. Подобная изолированность дѣлаетъ

изъ помѣщичьяго хозяйства совершенно особый типъ. Его нельзя приравнять къ атому въ общемъ организмѣ, какъ любое изъ современныхъ частныхъ хозяйствъ: это обособленное цѣлое, самодавлѣющая и независимая отъ другихъ величина. О немъ нельзя говорить въ смыслѣ народнаго хозяйства, и самый фактъ его существованія устраняетъ возможность зарожденія политико экономической мысли, т. е. теоретизаціи условій, благопріятныхъ нарастанію богатствъ въ цѣлой націи. Можетъ идти рѣчь только о домостроительствѣ или имѣнии-строительствѣ; можетъ возникать вопросъ только о томъ, на сколько цѣлесообразно одностороннее стремленіе къ накопленію цѣнностей, разъ онѣ превышаютъ размѣръ потребленія, и нужна ли для его удовлетворенія, внѣ котораго товары не находятъ сбыта, частная апропріація орудій производства, начиная съ земли и оканчивая рабочимъ инвентаремъ, въ томъ числѣ—и невольниками. При изолированномъ хозяйствѣ экономическіе интересы,—понимая подъ ними, согласно опредѣленію политико-экономовъ, стремленіе къ производству возможно большаго числа цѣнностей съ возможно меньшими затратами,—не обособляются еще строго отъ интересовъ этическихъ, т. е. стремленія сообразовать жизнь съ велѣніями голкуемаго религіей нравственнаго закона.

Немудрено поэтому, если въ первыхъ сочиненіяхъ древнихъ писателей объ экономіи, какъ и въ воззрѣніяхъ средне-вѣковыхъ отцовъ церкви и канонистовъ, постоянно смѣшиваются экономическая и нравственная точки зрѣнія.

Въ трактатѣ Ксенофонта, съ котораго обыкновенно начинаютъ исторію политической экономіи, нѣтъ ничего, что бы даже издалека напоминало намъ науку о народномъ богатствѣ, точно также, какъ нельзя считать продуктами экономической мысли разсужденій отцовъ церкви о бѣдности и богатствѣ, милостыни и стяжаніи. Даже въ позднѣйшую эпоху уже начавшагося мѣнового хозяйства, склонные къ морализаціи философы будутъ съ любовью смотрѣть на этотъ начальный періодъ хозяйственной эволюціи, провозглашать его, за одно съ народомъ, «золотымъ вѣкомъ» и черпать въ характеризующихъ его особенностяхъ элементы для построенія идеальнаго въ ихъ глазахъ общества.

Мечтанія Платона, какъ и позднѣйшія по времени утопіи Моруса и Кампанеллы, сознательно или безсознательно, будутъ отраженіемъ порядковъ изолированнаго хозяйства, въ которомъ чрезмѣрное производство, не находя исхода для цѣнностей на рынкѣ, ведетъ

только къ безцѣльной затратѣ силъ и даетъ поэтому всѣ основанія ограничивать его размѣры въ интересахъ этическихъ

Тѣ немногіе писатели, которые, какъ напримѣръ, Аристотель, Блаженный Августинъ или Ѳома Аквинатъ, будучи современниками болѣе или менѣе сложившагося мѣнового хозяйства, пожелаютъ дать теоретическія основы выдвигаемымъ имъ требованіямъ, будутъ принуждены еще считаться съ этической точкой зрѣнія и придумывать особые натуръ-философскіе, религіозные или хозяйственные мотивы для оправданія такихъ, напримѣръ, явленій, какъ рабство и ростъ процентовъ. Аристотель поведетъ рѣчь о естественномъ подчиненіи низшихъ расъ высшимъ, Блаженный Августинъ—о закабаленіи за грѣхи, Ѳома Аквинатъ, въ противность болѣе раннимъ канонистамъ, о необходимости вознаграждать кредитора, не во время получившаго обратно свои деньги, за причиненный ему тѣмъ убытокъ (отсюда и оправданіе процентовъ).

Особенности изолированнаго хозяйства искусственно поддерживаются подъ вліяніемъ традиціи и много времени спустя послѣ исчезновенія самой этой изолированности, другими словами—даже тогда, когда путемъ политическаго объединенія, улучшенія средствъ сообщенія и т. д., обособленныя хозяйства становятся органами одного и того-же экономическаго и политическаго цѣлаго,—все равно, будетъ-ли имъ городъ съ прилегающей къ нему территоріей, или княжество. Производство по прежнему пріурочивается главнымъ образомъ къ удовлетворенію потребностей мѣстнаго рынка. Городскія муниципіи Италіи или Германіи, какъ и цѣлыя королевства, въ родѣ Англіи временъ Плантагенетовъ или Франціи эпохи Капетинговъ, смотрятъ на иноземный сбытъ, какъ на случайное и временное явленіе. Для вывоза хлѣба или шерсти, напримѣръ, требуются особыя разрѣшенія, выдаваемыя только при крайнемъ паденіи цѣнъ или по соображеніямъ политическимъ и фискальнымъ (благодаря, напримѣръ, дружескому союзу съ той или другой державой, желанію казны обогатиться вывозными пошлинами и т. п.). Но разъ сбытъ ограниченъ, въ видѣ общаго правила, потребностями мѣстнаго потребленія, то нѣтъ необходимости давать производству ту напряженность, которая отвѣчаетъ строгому проведенію экономическаго принципа накопленія наибольшаго числа цѣнностей съ наименьшими затратами. Къ экономическому мотиву продолжаетъ присоединяться и нравственный — обезпеченіе каждому не равныхъ условій существованія, т. е. такихъ, которыя отвѣчаютъ ступени, занимаемой каждымъ на общественной лѣстницѣ. Отсюда—ученіе о justum pretium и законодательныя мѣры, при-

нятыя къ проведенію этого ученія на практикѣ. Отсюда и нормированіе цѣнъ на товары и трудъ и забота о качествѣ поступающихъ на внутренній рынокъ цѣнностей,—забота, вызывающая своеобразную организацію цеховъ съ обязательнымъ срокомъ ученичества и контролемъ властей за изготовляемыми мастерами продуктами. Отсюда же запрещеніе оптовыхъ закупокъ сырья для спекуляціи на разницу и преслѣдованіе всѣхъ скупщиковъ, такъ называемыхъ въ Англіи engrossers и engrossers Отсюда, наконецъ, и часто возобновляемыя мѣры противъ роста процентовъ и преслѣдованія, жертвой которыхъ дѣлаются евреи заимодавцы. Все равно, удерживается ли регулированіе промышленности въ рукахъ центральнаго правительства (князя и его совѣта, городской ратуши и т. д.), или оно ввѣряется заботамъ торговыхъ гильдій и промышленныхъ цеховъ, при одномъ лишь контролѣ чиновниковъ, — свободная конкурренція одинаково устранена вмѣшательствомъ государства въ порядки промышленнаго производства и распредѣленія потребительныхъ цѣнностей.

Экономическая литература конца среднихъ вѣковъ и даже эпохи Возрожденія еще во многомъ проникнута началами, руководившими хозяйственой политикой республикъ и монархій XII, XIII и XIV-аго столѣтій.

Если ранніе итальянскіе экономисты полемизируютъ съ Аристотелемъ, то главнымъ образомъ изъ за того, что послѣднимъ въ недостаточной степени принятъ въ расчетъ этическій мотивъ, не вступающій, какъ мы видѣли, при изолированномъ хозяйствѣ въ ту рѣзкую коллизію съ экономическимъ, какая неизбѣжна въ эпоху свободной конкурренціи. Тѣ-же писатели любятъ задаваться вопросами о справедливой цѣнѣ за товары и трудъ, о несоотвѣтствіи роста съ Евангельской проповѣдью и требованіями христіанской морали, о необходимости правительственнаго вмѣшательства въ промышленную и торговую дѣятельность, въ интересахъ поддержанія высокаго качества товаровъ и установленныхъ закономъ максимальныхъ цѣнъ, о пользѣ обезпечить дешевизну припасовъ своевременнымъ ихъ накопленіемъ путемъ устройства хлѣбныхъ магазиновъ, запрещеніемъ иноземной торговли предметами первой необходимости и всякихъ спекуляцій на разницу.

Большинство не понимаетъ еще ни значенія капитала или кредита для производства, ни дѣйствительной роли монеты, какъ товара, имѣющаго извѣстную и, при томъ, наиболѣе неизмѣнную рыночную цѣнность, помимо всякаго правительственнаго признанія. Этимъ и объясняются тщетныя попытки парализовать вексельный курсъ

законодательными мѣропріятіями и оправдать обезцѣненіе мѣновыхъ знаковъ правительствомъ, принимающимъ на себя въ этомъ случаѣ роль фальшиваго монетчика.

Совершенными исключеніями являются такіе писатели, какъ напримѣръ, Николай Орэмъ и позднѣйшіе экономисты ранняго итальянскаго Возрожденія, которые, подъ вліяніемъ практики морскихъ государствъ и республикъ, проникаются сознаніемъ выгодъ экономической свободы и конкурренціи, безплодности правительственой регламентаціи цѣнъ, качества мануфактуратовъ и легальнаго курса монетъ, а также—всѣхъ попытокъ запрещенія роста, оптовыхъ закупокъ и спекуляцій на разницу. Эти ранніе провозвѣстники теоріи мѣнового хозяйства обыкновенно примыкаютъ къ Аристотелю, но исправляютъ и дополняютъ его выводы самостоятельными наблюденіями надъ практикой государствъ, которыя, благодаря особенностямъ ихъ географическаго положенія и политикѣ правителей, вовлечены были въ международный обмѣнъ и сдѣлались, подобно Венеціи и Генуѣ, городамъ южной Франціи, Сициліи и Тосканы, въ частности Флоренціи, фландрскимъ и германскимъ комунамъ, первыми представителями нарождающагося мѣнового, банковаго и кредитнаго хозяйства. Такимъ образомъ, и на этотъ разъ развитіе экономической мысли идетъ рука объ руку съ измѣненіемъ хозяйственныхъ формъ и новыя идеи и ученія складываются тамъ, гдѣ являются первыя попытки окончательнаго разрыва съ порядками изолированнаго хозяйства.

§ 3.

Чѣмъ-же, спрашивается, вызванъ былъ самый этотъ разрывъ?

Помимо естественной невозможности сохранить полную обособленность отъ сосѣдей, когда все, начиная съ интересовъ военной защиты, указывало на пользу болѣе тѣснаго общенія, самый фактъ политическаго объединенія, на федеративныхъ-ли началахъ, какъ въ Италіи, или на принципѣ единства и централизаціи, необходимо сопровождался паденіемъ тѣхъ преградъ хозяйственному обмѣну, которыми поддерживалась прежняя изолированность. Стоитъ отмѣтить такіе, напримѣръ, факты, какъ включеніе въ текстъ договоровъ, которые повели къ образованію въ XII-омъ вѣкѣ ломбардской лиги гвельфскихъ городовъ, боровшихся съ Фридрихомъ Барбаросою, а затѣмъ въ XIII-мъ—тосканской лиги, устроенной папою противъ Фридриха II-го,—такихъ постановленій, какъ обязательство снабжать другъ друга въ случаѣ нужды хлѣбомъ и допускать поэтому свободный вывозъ про-

віанта въ предѣлы союзныхъ городовъ,—чтобы вынести впечатлѣніе о громадномъ вліяніи попытокъ политическаго объединенія на развитіе принципа свободнаго обмѣна. Венеція, постепенно включившая въ предѣлы своихъ владѣній города и земли Далмаціи, Истріи и Фріуля, неизмѣнно вносила въ трактаты о подчиненіи зависимыхъ городовъ и областей обязательство съ ихъ стороны допускать свободный вывозъ своихъ произведеній въ метрополію.

Французская монархія, возникшая, подобно австрійской, не путемъ одного завоеванія, но и путемъ наслѣдованія и брачныхъ договоровъ, присоединяя къ своей области новыя княжества, выговаривала обыкновенно большую или меньшую свободу внутренняго обмѣна изъ провинціи въ провинцію. Какъ велика была косность тѣхъ, кого призывали къ пользованію выгодами экономической свободы, показываетъ то обстоятельство, что еще наканунѣ французской революціи держались внутреннія таможни, и цѣна хлѣба нерѣдко въ два раза превышала въ одной провинціи цѣну его въ другой. Гдѣ политическое объединеніе совершилось всего раньше и всего полнѣе, тамъ мы встрѣчаемъ и первое торжество принципа свободы внутренняго рынка Въ такомъ именно положеніи оказалась Англія, гдѣ гептархія исчезла еще къ концу англо-саксонскаго періода, а завоеваніе Вильгельма Норманскаго во второй половинѣ XI-ого вѣка только упрочило политическое единство, между прочимъ, тѣмъ, что помѣшало установленію, по французскому образцу, суверенныхъ правъ высшихъ вассаловъ.

Къ этимъ политическимъ причинамъ присоединились дѣйствовавшія одновременно съ ними причины экономическія. На первомъ планѣ я поставлю ростъ городовъ и прежде всего тѣхъ, которые расположены были по теченію или при устьяхъ судоходныхъ рѣкъ или, хотя и внутри страны, но на протяженіи построенныхъ еще римлянами дорогъ. Спросъ на иноземные товары, несмотря на запрещеніе церковью всякаго торга съ невѣрными, сказался съ такой силой, что сразу обратилъ Амальфи, Салерно, Неаполь, Пизу, Геную, Палермо, Марсель, Барселону и Венецію въ средоточіе съ каждымъ поколѣніемъ возростающаго промышленнаго производства и обмѣна. Въ результатѣ получилось размноженіе въ этихъ городахъ туземныхъ и чужеземныхъ рабочихъ и купцовъ, накопленіе числа жителей и установленіе между городомъ и селомъ той зависимости въ дѣлѣ полученія припасовъ, которая сразу нарушила прежній строй самодавлѣющаго хозяйства съ производствомъ цѣнностей для одного только мѣстнаго потребленія. Одновременно на Нѣмецкомъ морѣ возникали такіе-же торговые центры

въ лицѣ городовъ Ганзейской лиги, постепенно распространившей свои факторіи и на скандинавское побережье (Бергенъ), и на Балтійское (Готландъ), и заставившей даже такія охотничьи племена, какъ жителей Новгородскаго Поволочья, заняться травлей пушного звѣря съ коммерческими цѣлями На Западѣ развитіе ганзейской торговли сопровождалось образованіемъ факторій въ Лондонѣ и оживленіемъ довольно ограниченнаго на первыхъ порахъ торга англійской шерстью что въ свою очередь, наложило неизбѣжно на сельско-хозяйственную дѣятельность англійскихъ помѣстій несвойственный имъ прежде характеръ производства, превышающаго размѣры мѣстнаго спроса. Голландскія и фландрскія муниципіи, соперничая въ промышленности и торговлѣ съ городами ганзейскими, въ свою очередь, вызывали цѣлый переворотъ въ экономическихъ условіяхъ какъ ближайшихъ, такъ и отдаленныхъ сосѣдей, и препятствовали дальнѣйшему удержанію ими такъ называемаго натуральнаго хозяйства. По теченію большихъ рѣкъ, на Дунаѣ и Рейнѣ, на Луарѣ и Сенѣ, на Шельдѣ, Одерѣ и Эльбѣ, По и Арно, какъ и въ центрѣ пересѣченія римскихъ дорогъ, напримѣръ, въ Труа въ Шампани и Нюренбергѣ въ Баваріи, создавались постоянные или періодическіе склады мануфактуратовъ и сырья изъ разнообразнѣйшихъ мѣстностей, другими словами, факторіи и ярмарки, что опять вело къ указаннымъ уже послѣдствіямъ по отношенію къ сельскому производству.

Разрывъ съ изолированнымъ хозяйствомъ означалъ не одно только производство въ размѣрахъ, превышающихъ потребности мѣстнаго рынка. Онъ обусловилъ собою еще рядъ существенныхъ измѣненій въ строѣ помѣстнаго хозяйства, вызвавъ въ помѣщикѣ и въ членахъ населяющей его земли сельской общины стремленіе къ накопленію цѣнностей, другими словами, онъ обезпечилъ экономическому интересу перевѣсъ надъ этическимъ. Отнынѣ въ выгодахъ помѣщика будетъ замѣнить оброчное держаніе, т. е. вѣчно-наслѣдственную и неизмѣнную въ размѣрѣ рентъ крестьянскую аренду кратко-срочнымъ и возростающимъ въ цѣнѣ фермерствомъ; открытыя поля, общинные выпасы и лѣса—хорошо огороженными нивами, лугами, запретными рощами и пастбищами, такъ называваеми défens и banna. Въ этихъ удержанныхъ помѣщикомъ за однимъ собою угодьяхъ станетъ разводиться крупный и мелкій скотъ, приготовляемый на убой для удовлетворенія спроса въ мясѣ сосѣдняго города или для ежегодной стрижки шерсти, поступающей на международные рынки. Производство въ большихъ размѣрахъ потребуетъ утилизаціи недостающихъ помѣщику капиталовъ, а это обстоятельство заставитъ его обратиться за по-

мощью къ денежнымъ людямъ, къ представителямъ нарождающейся сельской буржуазіи и городскимъ капиталистамъ. Вмѣсто того, чтобы вести хозяйство на свой страхъ, помѣщикъ предпочтетъ сдачу своей доманіальной земли фермерамъ, принимающимъ на себя всѣ нужныя по обработкѣ полей затраты. Эти фермеры современемъ заступятъ мѣсто крестьянина-общинника и на надѣльныхъ земляхъ помѣстья—по мѣрѣ того, какъ его владѣлецъ, разсчитавъ неудобство полученія ренты натурою, переведетъ ее на деньги; паденіе же цѣнности серебра, вызванное открытіемъ Новаго Свѣта и богатыхъ въ немъ серебряныхъ рудниковъ произведетъ обезцѣненіе платимой серебромъ ренты Съ этого момента интересъ собственника возстанетъ противъ дальнѣйшаго удержанія системы открытыхъ полей и оброчныхъ держаній крестьянства. Въ свою очередь, поселянинъ, и ранѣе того привлекаемый въ городъ большимъ заработкомъ въ сферѣ промышленнаго и торговаго труда, въ настоящее же время стѣсняемый помѣщикомъ въ своемъ пользованіи общинными угодьями, обнаружитъ понятное стремленіе обмѣнять свою крѣпостную неволю на положеніе свободнаго земельнаго съемщика или свободнаго ремесленника и торговца. Ликвидація зависимыхъ отношеній совершится или путемъ фактическаго оставленія помѣстья, убѣгомъ или путемъ выкупа личной свободы съ надѣломъ или безъ надѣла.

§ 4.

Только что изложенный процессъ по самой своей сложности нуждается въ столѣтіяхъ для своего завершенія.

Случайныя причины болѣе или менѣе общаго характера, какъ напримѣръ, крестовые походы, эпидеміи и, въ частности, черная смерть 1348-го года и вызванное ею внезапное паденіе числа жителей, наконецъ открытіе Америки, вліяли то поощряющимъ, то задерживающимъ образомъ на его развитіе. Крестовые походы, требуя немедленной реализаціи значительныхъ капиталовъ, заставляли феодальныхъ собственниковъ соглашаться охотно на отпущеніе на волю своихъ крѣпостныхъ, а канонистовъ—прекращать дальнѣйшія преслѣдованія роста и открывать такимъ образомъ возможность развитію какъ частнаго, такъ и государственнаго и международнаго кредита. Далеко не случайностью объясняется то обстоятельство, что въ центрѣ христіанскаго міра—въ Римѣ, главные агенты кредитныхъ операцій—евреи пользовались спеціальной защитой папы, и что та же защита предоставлена была имъ постепенно главами свѣтскихъ правительствъ, нуждавшимися въ ихъ услугахъ.

Крестовые походы разумѣется содѣйствовали также оживленію торговаго оборота и процвѣтанію лежавшихъ на Средиземномъ морѣ портовъ Италіи, Испаніи и южной Франціи, гдѣ нагружались шедшія на востокъ суда крестоносцевъ. На пути ихъ слѣдованія, вплоть до Амальфи, росли торговые и промышленные центры и развивался международный кредитъ такихъ городовъ, какъ, напримѣръ, Генуя и Палермо, Флоренція и Венеція. Продолжительныя войны, какъ столѣтняя война Англіи съ Франціей, требуя подобной-же реализаціи денежныхъ средствъ, косвеннымъ образомъ благопріятствовали тоже успѣху банковыхъ операцій флорентинскихъ и генуэзскихъ конторъ (стоитъ лишь вспомнить о займѣ, сдѣланномъ Эдуардомъ III у флорентинскихъ Перуцци). Когда прекратилась эра заморскихъ походовъ ради освобожденія гроба Господня, характеръ интересующаго весь христіанскій міръ и потому такъ же крестоваго похода признанъ былъ и за военными дѣйствіями противъ еретиковъ, напримѣръ, альбигойцевъ, и за чисто политическими войнами, разъ заинтересованной стороной въ нихъ являлся папа. Для всѣхъ такихъ предпріятій допускались исключенія изъ каноническихъ запретовъ о ростѣ; сама римская курія не разъ вступала въ сдѣлку съ евреями и ломбардцами съ цѣлью достать нужныя ей денежныя средства.

Крестовые походы и международныя войны косвенно содѣйствовали ускоренію процесса разложенія средневѣковыхъ формъ хозяйства, побуждая феодальныхъ сеньеровъ къ замѣнѣ натуральныхъ сборовъ съ крестьянъ денежными и къ продажѣ жителямъ сколько нибудь населенныхъ и зажиточныхъ центровъ—сперва рыночныхъ привилегій, а затѣмъ и отдѣльныхъ правъ мѣстной автономіи, преимущества которой предоставлялись, впрочемъ, членамъ однѣхъ торговыхъ гильдій, позднѣе—и наиболѣе выдающихся промышленныхъ цеховъ. Въ свою очередь, эпидеміи и голода,—въ ряду первыхъ особенно видное мѣсто занимаетъ черная смерть 1348 года,—задерживая даже въ большей степени, чѣмъ международныя и гражданскія усобицы, естественный ростъ населенія, дѣйствовали въ обратномъ направленіи. Послѣдствіемъ ихъ было, очевидно, уменьшеніе числа сельскихъ и городскихъ рабочихъ, что само собою подымало на нихъ спросъ, а слѣдовательно и содѣйствовало возростанію заработной платы. Вполнѣ понятно было поэтому и стремленіе помѣщиковъ второй половины XIV-го вѣка вернуться къ прежней барщинѣ и натуральнымъ рентамъ, возстановить крѣпостное право. Далеко не случайностью надо объяснить то обстоятельство, что повсюду, гдѣ вольнонаемный трудъ не успѣлъ еще упрочиться,—а въ этомъ положеніи находилось большин-

ство народовъ Европы, за исключеніемъ городскихъ республикъ Италіи, южнаго Арагона и Кастиліи, гдѣ война съ маврами съ самаго начала стала препятствіемъ къ закабаленію и подняла крестьянина до положенія свободнаго товарища рыцаря и гранда (онъ же участвовалъ въ раздѣлѣ завоеванныхъ у невѣрныхъ земель).— крестьянскія возстанія и соціальная борьба низшихъ слоевъ городского населенія съ гильдейской и цеховой знатью сдѣлались злобою дня.

Съ середины XIV-го вѣка идетъ рядъ крестьянскихъ бунтовъ, начиная съ возстанія Занекена во Фландріи и Жаковъ во Франціи, переходя къ движенію Уота Тейлора въ Англіи. Pecheros Новарры и сѣверной Каталоніи, виллановъ Пьемонта, крестьянъ лѣсныхъ кантоновъ Швейцаріи, и оканчивая знаменитыми крестьянскими войнами, ознаменовавшими собою эпоху реформаціи въ Германіи. Еще ранѣе поднялся народный демосъ городовъ, такъ какъ онъ прежде всѣхъ добился гражданской эмансипаціи, противъ олигархіи гильдейской и цеховой знати. За эпохой выдачи комунальныхъ вольностей свѣтскими и духовными сеньерами городовъ не замедлила послѣдовать эпоха междуусобныхъ столкновеній простонародья съ «житьи люди», или мелкаго народа, «popolo minuto» съ жирнымъ народомъ, «popolani grassi».

Эта эпоха обнимаетъ собою въ Миланѣ и Флоренціи, въ Пизѣ, Генуѣ и Венеціи все XIII-е столѣтіе. Послѣдними ея отголосками въ Италіи можно считать возстаніе Чіомпи во Флоренціи и однохарактерное движеніе въ Сіенѣ. Исходъ далеко не былъ всюду благопріятенъ запросамъ простонародья, которое добилась изополитіи или уравненія въ правахъ съ высшей буржуазіей не ранѣе и не иначе, какъ въ союзѣ съ вышедшими изъ рядовъ же дворянства диктаторами-демагогами, такъ называемыми тиранами.

§ 5.

Если въ Италіи городское и сельское простонародье послужили опорою для честолюбивыхъ замысловъ демагоговъ и отъ нихъ добились признанія гражданскихъ правъ личности, то въ монархическихъ странахъ тотъ-же процессъ выразился въ торжествѣ абсолютизма надъ представительствомъ владѣющихъ сословій и повелъ къ уравненію всѣхъ въ политическомъ безправіи и въ гражданской свободѣ. Съ момента окончательнаго торжества единовластія, верховная забота о направленіи экономической политикой сосредоточилась въ рукахъ монарховъ и ихъ совѣтовъ. Вмѣстѣ съ этимъ сдѣлалось возможнѣе подчинить

эту политику руководительству общихъ принциповъ и ученій, выработанныхъ экономистами,—и не только туземными, но и чужестранными, на основаніи довольно широкихъ наблюденій современной жизни или недавняго прошлаго. Но перемѣна сказалась не только въ большей теоретизаціи экономическаго законодательства; она проявилась еще въ томъ, что интересъ казны или, что̀ тоже, интересъ государя отождествленъ былъ болѣе или менѣе произвольно съ интересомъ народа, какъ сельскаго и городского производителя. Неудивительно поэтому, если первымъ проявленіемъ этого отождествленія была политика меркантилизма, направленная къ тому, чтобы въ ущербъ прочимъ государямъ и народамъ набить казну даннаго правителя наибольшимъ количествомъ золотой и серебрянной монеты. Одно обстоятельство содѣйствовало еще упроченію этого стремленія,—я разумѣю открытіе въ новыхъ владѣніяхъ испанскаго короля богатыхъ рудниковъ, сдѣлавшихъ его вскорѣ главнымъ владѣльцемъ золота и серебра. Этотъ фактъ отразился разумѣется прежде всего на паденіи цѣнности звонкой монеты, что въ свою очередь, имѣло самыя разнообразныя послѣдствія; оно затормозило, между прочимъ, стремленіе крестьянства къ ликвидаціи средневѣковыхъ формъ вѣчно-наслѣдственной несвободной аренды, которая сдѣлалась болѣе выгодной съ момента паденія дѣйствительной цѣны платимой за нее неизмѣнной ренты

Не случайностью также объясняется тотъ фактъ, что съ конца XV-го вѣка и въ теченіи всего XVI-го англійскіе народолюбцы, начиная съ религіозныхъ проповѣдниковъ и оканчивая философами и экономистами: Бекономъ, Морусомъ, Стафордомъ, Стебсомъ, вооружаются противъ упраздненія системы открытыхъ полей и устройства загородей. Это движеніе въ слабѣйшей степени распространяется и на Германію въ эпоху реформаціи и крестьянскихъ войнъ, вызывая здѣсь не только попытку лейденскихъ анабаптистовъ и моравскихъ братій возстановить систему общенія имуществъ, по образцу апостольской церкви, но и побуждая возставшихъ крестьянъ включить въ текстъ ихъ знаменитой петиціи ходатайство о сохраненіи мірского землевладѣнія. Знакомство съ сочиненіями Платона, впервые сдѣлавшимися доступными въ эпоху Возрожденія, благодаря распространенію греческаго языка и передачи ихъ на болѣе ходячую въ публикѣ латинскую рѣчь, по всей вѣроятности, только упрочило въ писателяхъ, какъ Томасъ Морусъ и Кампанелла, вызванную практическимъ запросомъ тенденцію къ сохраненію и оживленію формъ комунизма, унаслѣдованныхъ отъ среднихъ вѣковъ.

Другимъ и не менѣе серьезнымъ послѣдствіемъ открытія въ Америкѣ большихъ залежей золота и серебра, доставшихся, благодаря завоеванію, испанцамъ, было стремленіе всѣхъ прочихъ правительствъ Европы заполучить часть этого металическаго фонда путемъ обмѣна на него собственныхъ товаровъ. Но такъ какъ въ этотъ обмѣнъ могли поступить только продукты, составляющіе счастливую особенность той или другой страны, и мануфактураты—въ большей степени, чѣмъ сырье, въ виду большей дороговизны, меньшей потребляемости и меньшей распространенности первыхъ сравнительно съ послѣднимъ, то не мудрено, что при дворахъ правителей и въ сочиненіяхъ ихъ совѣтниковъ-экономистовъ все болѣе и болѣе упрочивалось возрѣніе, въ силу котораго государство, въ интересахъ обогащенія своей казны, обязано содѣйствовать развитію и искуственному насажденію промысловъ и ремеселъ, запрещая вывозъ сырья и прежде всего хлѣба, такъ какъ только при дешевизнѣ предметовъ первой необходимости, а, слѣдовательно, и заработной платы, возможна успѣшная конкуренція заграницей.

Всѣ эти соображенія, вмѣстѣ взятыя, и вызвали въ жизни теорію и практику меркантилизма, въ ея грубѣйшей формѣ; я разумѣю систему металическаго фонда. Она нашла краснорѣчиваго защитника въ первомъ по времени французскомъ экономистѣ, въ лангедокцѣ Монкретьенѣ, если не считать Николая Оремъ, а самое рѣзкое законодательное выраженіе этой системы представляетъ знаменитый навигаціонный актъ Кромвеля. Опытъ вскорѣ показалъ, однако, что, получая золото и серебро изъ своихъ колоній въ количествѣ, превышающемъ наличность его въ другихъ странахъ, Испанія, особенно со смерти Филиппа II-го, отнюдь не могла считаться богатѣйшей страною и принуждена была уступать большую часть своего металическаго фонда государствамъ съ болѣе развитой промышленностью и производившимъ поэтому большій отпускъ товаровъ заграницу. Не мудрено поэтому, если система металическаго фонда не замедлила уступить мѣсто системѣ торговаго баланса, и если правительства XVII-го вѣка, руководствуясь примѣромъ Голандіи, стали заботиться не объ одномъ ввозѣ драгоцѣнныхъ металовъ изъ-за границы, а главнымъ образомъ о томъ, чтобы развитіемъ мануфактуръ, внѣшней торговли и мореплаванія дать перевѣсъ своему вывозу надъ ввозомъ. А это означало на практикѣ уже нѣкоторую уступку принципу свободной торговли, такъ какъ, что для обезпеченія сбыта своихъ мануфактуратовъ въ сосѣднія страны, при-

ходилось открывать собственные рынки сосѣдямъ, по крайней мѣрѣ—тѣмъ, которые производили сырье.

Этимъ объясняется, почему въ сочиненіяхъ писателей, которые, подобно Мелону и Дюто, являются сторонниками теоріи торговаго баланса, можно прочесть страницы, направленныя къ прославленію выгодъ свободнаго обмѣна, почему еще ранѣе этого протекціонизмъ Кольбера не принимаетъ уродливыхъ формъ и не ратуетъ за установленіе запретительныхъ пошлинъ на иноземные товары,—однимъ словомъ, почему меркантилизмъ долженъ былъ привести постепенно и дѣйствительно привелъ къ необходимости допустить свободу обмѣна даже въ отношеніи къ такому товару, какъ хлѣбъ, считавшійся нѣкогда первымъ изъ тѣхъ сырыхъ продуктовъ, обладаніе которыми должно быть обезпечено исключительно туземнымъ производителямъ. Въ странахъ по природѣ земледѣльческихъ, какъ напр., Франція, только вывозъ хлѣба могъ обезпечить выгодный торговый балансъ; неудивительно, поэтому, если еще задолго до физіократовъ, слышались голоса въ пользу свободнаго отпуска хлѣба за границу, и Сюлли объявлялъ земледѣліе однимъ изъ «сосцевъ государства».

§ 6.

Въ Италіи, опередившей, какъ мы видѣли, другія страны Европы въ дѣлѣ ликвидаціи средне-вѣковыхъ формъ хозяйства, споръ меркантилистовъ и фритредеровъ загорѣлся еще въ эпоху Возрожденія. Составленная изъ мелкихъ государствъ, которыя, за исключеніемъ приморскихъ, не имѣли возможности сбывать свои мануфактураты иначе, какъ при условіи обезпеченія свободы торга путемъ международныхъ трактатовъ, Италія и, въ частности, Флоренція, едва-ли не первая, выступила поборницей этого принципа. Нельзя сказать, чтобы ея усилія увѣнчались сразу успѣхомъ. Венеція продолжала смотрѣть на Адріатику, какъ на свое внутреннее море, въ которомъ не допускалась конкуренція иностранныхъ судовъ. Но открытіемъ портофранко въ Ливорно тосканское герцогство смѣло выступило въ защиту новаго порядка, а его экономическіе писатели не мало содѣйствовали выясненію тѣхъ самыхъ идей, поборницей которыхъ сдѣлается современемъ Англія. Другое государство — Голландія, спустя нѣсколько столѣтій, когда проводимая ею меркантильная политика встрѣтитъ отпоръ въ успѣшно подражающихъ ей правительствахъ Англіи и Франціи, также сдѣлается съ Гуго-де Гротомъ, авторомъ извѣстнаго трактата о «Mare liberum», поборницей принципа свободы морей. Но всѣ эти ранніе предвѣстники наступающей реакціи противъ мерканъ-

тилизма только подготовляютъ почву для развитія тѣхъ смѣлыхъ ученій, которыя въ XVIII-омъ вѣкѣ найдутъ сперва въ Англіи, а затѣмъ и во Франціи благодарную почву для своего распространенія, въ первой—благодаря рѣшительному перевѣсу англійской промышленности и прежде всего шерстяной, а со времени изобрѣтенія механическихъ станковъ, приводимыхъ въ дѣйствіе паромъ, и хлопчатобумажной, надъ промышленностью всѣхъ прочихъ странъ, во второй—благодаря постепенно сложившемуся сознанію, что Франція найдетъ въ эксплоатаціи натуральныхъ богатствъ своей почвы главную доходную статью какъ для подданныхъ, такъ и для правительства.

Въ Петти, Давенантѣ, Чайльдѣ, Локкѣ, Юмѣ, Дудлеи Норсѣ, Тукерѣ и многочисленныхъ писателяхъ по вопросамъ торговли, Англія дала не только классическихъ истолкователей принципа экономической свободы, но и прямыхъ учителей Гурнэ и Тюрго, т. е. той фракціи школы физіократовъ, которая отличается наименьшей односторонностью взглядовъ и наибольшей приверженностью къ идеѣ правительственнаго невмѣшательства въ экономическую дѣятельность, подчиненную, думаетъ она, дѣйствію непреложныхъ, такъ сказать, естественныхъ законовъ. Изъ этихъ рядовъ выйдутъ первые французскіе фритредеры, виновники довольно невыгоднаго для Франціи торговаго договора съ Англіей 1786 года,—договора, во многомъ ускорившаго процессъ давно надвигавшагося національнаго банкротства. Что касается другой фракціи той-же школы, родоначальникомъ которой надо признать Кэнэ, то она дала только одностороннее развитіе тѣмъ взглядамъ о необходимости поднять уровень земледѣлія, первое выраженіе которыхъ можно найти еще у Сюлли. Насколько эта теорія явилась поборницей болѣе интензивной культуры и противницей препятствующихъ ей средне-вѣковыхъ порядковъ вѣчно-наслѣдственной аренды, системы общинныхъ пастбищъ и открытыхъ полей, она нашла отголосокъ и въ Англіи у сельскохозяйственныхъ писателей, въ родѣ Артура Юнга, Синклера и Маршала, и въ Италіи—въ сочиненіяхъ такихъ экономистовъ, какъ Васко, Верри, Бекаріа, Филанджіери, Занонъ, Палміери и др., объявившихъ безпощадную войну всему тому, съ чѣмъ боролись и физіократы, начиная отъ остатковъ мірского владѣнія и оканчивая заповѣдностью церковныхъ имуществъ.

§ 7.

Эта проповѣдь свободной торговли и невмѣшательства была услышана и правительствомъ, которое ранѣе всего въ Англіи отказалось отъ политики Генриха VII и Генриха VIII, благопріятной интере-

амъ оброчнаго крестьянства, отмѣнило всѣ законодательныя прегр а-ды къ огораживанію и тѣмъ содѣйствовало какъ замѣнѣ средне-вѣ-ковыхъ формъ земельнаго держанія свободнымъ арендным договоромъ или фермерствомъ, такъ и расторженію вѣковой связи крестьянина съ землею. Борьба съ половничествомъ или шампаромъ, открытая во Франціи Кэнэ, нашла отголосокъ въ наказахъ 1789 года и въ соціальномъ законодательствѣ Конституанты. Распространеніе же французскихъ демократическихъ теорій и порядковъ по Европѣ и, въ частности, въ Италіи, Бельгіи и Голландіи, въ свою очередь, упрочило повсемѣстное преобладаніе фермерства надъ вѣчно-наслѣдственной арендой. Торжествуя снизу, въ формѣ свободнаго земельнаго контракта, принципъ неограниченной конкуренціи торжествовалъ и сверху, въ формѣ упраздненія тѣхъ стѣсненій, какими въ самой Англіи, не говоря уже о Франціи и другихъ странахъ Европы, обставлена была промышленность и торговля Изъ рядовъ физіократовъ, а именно—Тюрго вышла первая попытка отмѣнить цеховые порядки и дозволить вывозъ хлѣба не только изъ провинціи въ провинцію, но и за границу.

Послѣ временнаго пораженія, эта политика во всемъ, что касается цеховъ, была воспринята Конституантой, которой Франція и обязана полной свободой промышленности.

Въ Англіи отпаденіе сѣверо-американскихъ колоній, служившихъ до того главнымъ мѣстомъ сбыта ея мануфактуръ, и нежеланіе уцѣлѣвшихъ за моремъ провинцій подчиниться тѣмъ самымъ промышленнымъ стѣсненіямъ, которыя вызвали возстаніе Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, указали правительству на необходимость порвать окончательно съ традиціей меркантилизма и открыть новые рынки для своихъ товаровъ проповѣдью и практикой свободной торговли.

Всѣ эти явленія повели въ концѣ концовъ къ введенію въ производство новыхъ агентовъ и къ обособленію особаго класса какъ сельскихъ, такъ и городскихъ капиталистовъ, принимающихъ участіе въ распредѣленіи чистой выручки путемъ полученія процента. Я разумѣю крупныхъ фермеровъ, утилизирующихъ почву вольнонаемными рабочими, и лицъ, дающихъ деньги въ кредитъ на промышленныя и торговыя предпріятія. При такихъ условіяхъ не трудно было Буагильберу и Тюрго указать на дѣйствительную природу ренты, какъ вознагражденія собственника за пользованіе производительными силами природы,—заработной платы, какъ награды за трудъ,—и процента, какъ той доли общей выручки, которая платится за пользованіе капиталомъ и получается одинаково и фермеромъ, и предпринимателемъ.

Торжество принципа свободной конкурренціи открыло одновременно

глаза на тѣсную зависимость, въ какой цѣна товаровъ стоитъ отъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ; а наблюденія надъ практикой, освобожденной отъ цеховыхъ регламентовъ промышленности, не могло не навести на мысль о преимуществахъ системы раздѣленія труда. Въ экономическомъ трактатѣ Тюрго уже говорится о пользѣ такого раздѣленія. Со времени же признанія законности роста, поборниками которой въ XVIII вѣкѣ выступили Юмъ и Бентамъ, возникли условія, благопріятныя развитію кредитныхъ сдѣлокъ: наблюденіе надъ послѣдними положило начало экономической литературѣ о банковыхъ и биржевыхъ спекуляціяхъ. Наконецъ, практика свободнаго обмѣна, вслѣдъ за заключеніемъ торговаго договора 1786 года, — практика, крайне выгодная для Англіи, раскрыла глаза на преимущества, какія страны съ широко развитою промышленностью могутъ найти въ системѣ фритредерства.

Связать всѣ эти мысли, построить на нихъ систему народнаго хозяйства, направленную на накопленіе возможно большаго числа цѣнностей съ наименьшими затратами—вотъ въ чемъ состоитъ поставленная и отчасти исполненная Адамомъ Смитомъ задача. Его можно считать основателемъ политической экономіи не потому, что онъ впервые высказалъ ея основныя ученія (большинство ихъ уже нашло выраженіе себѣ въ сочиненіяхъ его предшественниковъ), а потому, что онъ первый свелъ разрозненыя до него мысли въ систему, связанную единствомъ принципа (экономическаго) и провѣренную огромнымъ числомъ наблюденій.

§ 8.

Какъ въ прошлыя столѣтія, въ частности въ XVI и XVII, наступленіе новыхъ формъ экономической жизни, задѣвая массу интересовъ, вызвало сопротивленіе и протестъ со стороны тѣхъ, кто приносился имъ въ жертву, такъ и въ XVIII-мъ вѣкѣ торжество выгоднаго для буржуазіи принципа свободы хозяйственныхъ сдѣлокъ и неограниченной конкуренціи не обошлось безъ сильной оппозиціи со стороны дѣйствительныхъ или самозванныхъ представителей рабочаго класса, какъ сельскаго, такъ и городского. Англійскіе радикалы указывали, что ликвидація средневѣковыхъ порядковъ землевладѣнія повела къ обращенію англійскаго крестьянина въ безземельнаго батрака Если однохарактерныя жалобы не слышались одновременно въ сферѣ промышленной жизни, то только потому, что машинное производство не успѣло еще понизить заработной платы созданіемъ труду человѣческому опасной конкуренціи, въ формѣ современной техники Открыв-

шаяся эра свободной торговли обѣщала неограниченный ростъ промышленности и устраняла всякую опасность забастовокъ или кризисовъ.

Всѣ неудобства современнаго экономическаго порядка скажутся въ Англіи не ранѣе первыхъ десятилѣтій текущаго вѣка, въ значительной мѣрѣ—благодаря наполеоновскимъ войнамъ и континентальной системѣ, сразу ограничившей районъ ея сбыта. Но во Франціи, разоренной войнами Людовика XIV-го и нескончаемымъ ростомъ податей, далеко недостигшей поэтому той высокой ступени промышленнаго развитія, на какой одновременно стояла Англія, проповѣдуемый физіократами новый хозяйственный порядокъ грозилъ совершеннымъ разоренiемъ массѣ сельскаго люда, составленной изъ половниковъ или шампартистовъ. Онъ задѣвалъ также интересы простого рабочаго, которому вывозъ хлѣба заграницу пророчилъ увеличеніе издержекъ существованія; запрещеніе всякаго рода союзовъ, начиная отъ цеховъ и оканчивая товариществами (compagnionages), грозило ему лишеніемъ той силы сопротивленія, какую даетъ ассоціація,—а свобода торговли и конкуренція англійскихъ товаровъ обѣщали забастовки, которыя и не замедлили проявиться въ эпоху посѣщенія Франціи Артуромъ Юнгомъ. Такимъ образомъ создана была благопріятная почва для идеализаціи отжившихъ порядковъ экономіи, — порядковъ изолированнаго хозяйства, озабоченнаго равномѣрностью распредѣленія въ большей мѣрѣ, чѣмъ интензивностью производства.

Какъ въ XVI в. Морусъ и Кампанелла мечтали о возстановленіи аграрнаго и отчасти монастырскаго комунизма, такъ въ XVII-омъ вѣкѣ во Франціи Фенелонъ рѣшался строить идеалъ изолированнаго полукомунистическаго хозяйства, расположеннаго на фантастическомъ островѣ Салентѣ. Въ XVIII вѣкѣ Руссо открылъ серію нападокъ на частную собственность своимъ извѣстнымъ трактатомъ «О причинахъ неравенства между людьми», а Мабли и Морелли выступили съ проповѣдью уравненія состояній, отголосокъ которой можно найти въ агитаціонной дѣятельности Бабефа. Какъ общее правило, соціалистическія теоріи, требующія расширенія правительственнаго вмѣшательства, еще не находили симпатіи въ обществѣ, по всей вѣроятности—потому, что Франція въ это время страдала не отъ слабости, а отъ избытка силы государственной власти и административной централизаціи. Тою-же причиной объясняется большій сравнительно успѣхъ комунистическихъ и даже чисто анархическихъ ученій, къ числу которыхъ можно отнести тѣ, какія проповѣдывались извѣстнымъ членомъ Законодательнаго Собранія и Конвента—Бриссо. Большинство народолюбцевъ не шло, однако, далѣе требованій добавочнаго надѣла

или, какъ тогда говорили, «аграрнаго закона». Въ этомъ смыслѣ высказывался знаменитый аббатъ Фошэ и члены основаннаго имъ «Cercle social», доктрины котораго не встрѣчали сочувствія въ главныхъ вожакахъ общественнаго мнѣнія, не исключая Камиля де-Мулена, Дантона, Марата и самаго Робеспьера. Формальное равенство, выражающееся въ началѣ всеобщаго голосованія и въ признаніи естественныхъ правъ человѣка, казалось имъ вѣрнѣйшимъ средствомъ для достиженія и при господствѣ свободной конкуренціи того общаго матерьяльнаго довольства, о которомъ мечтаютъ современные реформаторы Самое большее,если въ интересахъ скорѣйшаго насажденія во Франціи мелкой собственности, которую превозносилъ еще «Другъ людей», Мирабо старшій, они считали возможнымъ рекомендовать отчужденіе національныхъ имуществъ мелкими участками, доступными и для слабо набитыхъ кошельковъ,

Вообще XVIII-ое столѣтіе не можетъ считаться колыбелью соціализма или комунизма въ большей степени, чѣмъ предшествующіе ему вѣка. Враждебное отношеніе къ корпоративному духу (esprit de corps), будто бы, всегда противному общему благу, запрещеніе стачекъ, отмѣна всякаго рода вѣчно-наслѣдственныхъ контрактовъ, законодательное принужденіе къ раздѣлу общинныхъ имуществъ (законъ 1793-го года) и вся податная система, враждебная принципу прогрессивнаго обложенія достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, что, вопреки утвержденію Луи Блана, дѣятели не только Конституанты, но и Конвента были, по преимуществу, сторонниками индивидуализма. Законъ о максимумѣ былъ скорѣе возрожденіемъ отжившихъ порядковъ, проникнутыхъ стремленіемъ къ справедливой цѣнѣ (justum pretium), нежели первымъ шагомъ къ созданію соціалистическаго государства. Самъ Конвентъ смотрѣлъ на maximum, какъ на временную мѣру, а крайняя суровость, съ какой смѣнившіе его Совѣты отнеслись къ недоказанному заговору Бабефа и «равныхъ» (égaux), не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что еще наканунѣ переворота 18-го брюмера, вернувшаго Францію къ порядкамъ протекціонизма, руководящіе революціей дѣятели давали полное признаніе тѣмъ хозяйственнымъ взглядамъ и теоріямъ, выраженіе которыхъ можно найти и у позднѣйшихъ по времени физіократовъ и отчасти также у Адама Смита.

Таковъ въ самыхъ общихъ, разумѣется, чертахъ параллельный ходъ развитія экономической жизни и экономическихъ ученій. Я счелъ нужнымъ указать на него съ самого начала, желая тѣмъ дать читателю руководящую нить въ томъ лабиринтѣ разномѣстныхъ и

разновременныхъ явленій, анализъ которыхъ составитъ мою ближайшую задачу.

Въ мои намѣренія входило также показать, какое значеніе можетъ имѣть предлагаемая мною общая картина хозяйственнаго развитія Европы для исторіи экономической науки, отправляющейся отъ анализа и занятой теоретизацией фактическихъ отношеній. Наконецъ, мнѣ необходимо было сразу указать на то мѣсто, которое въ общемъ процессѣ эволюціи народнаго хозяйства занимаетъ исторія его роста въ государствахъ новой Европы. Для этого необходимо было отмѣтить и его первоначальныя стадіи, которыя, очевидно, были уже пройдены народами, вошедшими въ составъ римской Имперіи въ ту эпоху, которой открывается наше изслѣдованіе.

Нашествіе варваровъ и неудача, постигшая попытку оживить Имперію,—попытку связанную съ именемъ Карла Великаго,—имѣли послѣдствіемъ возрожденіе въ Европѣ того натуральнаго хозяйства, конецъ которому былъ положенъ въ древности, включеніемъ всего цивилизованнаго міра въ предѣлы «orbis romanus»

Характеристикѣ этого натуральнаго хозяйства, въ формѣ хозяйства помѣстнаго, и посвящены будутъ ближайшіе два тома моего сочиненія. Постепенно изучены будутъ элементы, вошедшіе въ его образованіе, характерныя особенности, его отличающія, и тѣ внутреннія причины, которыя вызвали процессъ его постепеннаго вымиранія.

Болье, 29/17 мая 1897 г

ЧАСТЬ I.

ГЕНЕЗИСЪ, ПРИРОДА и РАЗЛОЖЕНІЕ

ПОМѢСТНАГО ХОЗЯЙСТВА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Римскіе и германскіе элементы въ образованіи средневѣковаго помѣстья и сельской общины. . . . . . 1—376

Глава I Римское помѣстье 3
Глава II. Хозяйственные порядки германцевъ въ эпоху Цезаря и Тацита 31
Глава III Землевладѣніе у франковъ въ эпоху Салической Правды и первыхъ капитулярієвъ 50
Глава IV Землевладѣніе въ эпоху франкскихъ правдъ и сборниковъ юридическихъ формулъ 75
Глава V Землевладѣніе у бургундовъ 105
Глава VI. Землевладѣніе у вестготовъ 129
Глава VII Французское помѣстье въ эпоху Меровинговъ и Карловинговъ 144
Глава VIII. Землевладѣніе у аллемановъ, баварцевъ и другихъ германскихъ племенъ 182
Глава XI Землевладѣніе въ Италіи съ VI-го столѣтія . 234
Глава X Землевладѣніе въ средней и южной Италіи съ VIII по X столѣтіе 262
Глава XI Землевладѣніе у лангобардовъ 305
Глава XII Землевладѣніе у англосаксовъ въ VII, VIII, IX в. . 335

Экономическая сторона процесса феодализаціи недвижимой собственности. . . . . . 377—712

Глава XIII. Происхожденіе крупнаго землевладѣнія 387
Глава XIV. Процессъ образованія крупныхъ имѣній и замѣны свободной общинной собственности зависимымъ помѣстнымъ владѣніемъ въ Англіи 408
Глава XV. Древне-германская марка 432
Глава XVI. Французское помѣстье въ IX, X и XI столѣтіяхъ. . 458
Глава XVII Сѣверо-французское помѣстье и мелкая свободная собственность въ XI и XII вѣкахъ 485
Глава XVIII. Общинныя пользованія во Франціи XII и XIII в в. 501
Глава XIX. Эволюція крѣпостного права во Франціи. 541
Глава XX Помѣстная система и крѣпостное право въ Бретани, Бельгіи и Лангедокѣ. 621
Глава XXI. Землевладѣніе и помѣстное хозяйство въ Нормандіи. 644

РИМСКІЕ и ГЕРМАНСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ

ВЪ ОБРАЗОВАНІИ

СРЕДНЕВѢКОВАГО ПОМѢСТЬЯ

И СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ.

ГЛАВА I

Римское помѣстье.

§ I.

Средневѣковое помѣстное хозяйство, будучи продуктомъ переживаемыхъ обществомъ экономическихъ и политическихъ условій, въ то же время воспріяло въ себя многія черты предшествовавшихъ ему порядковъ. О немъ нельзя говорить, какъ о совершенно новомъ созданіи. Приписывать его происхожденіе разрушившимъ Имперію варварскимъ народностямъ уже потому не мыслимо, что эти народности жили еще, какъ мы покажемъ, въ условіяхъ общинно-родового быта; никому, за исключеніемъ американца Росса, не приходило въ голову искать у Тацита картины древне-германскаго помѣстья.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что для выясненія генезиса средневѣковаго помѣстья необходимо заглянуть въ римское прошлое. Надо прежде всего, задаться вопросомъ въ какой мѣрѣ римскіе saltus, massa и fundus, термины, подъ которыми извѣстно было помѣстье, продолжали держаться и послѣ нашествія варваровъ, во времена Имперіи, какія черты ихъ внутренняго устройства уцѣлѣли въ VI, VII, VIII-омъ и слѣдующихъ столѣтіяхъ, наконецъ, въ какой мѣрѣ онѣ могутъ служить къ раскрытію источника тѣхъ порядковъ, какіе установились въ эпоху полнаго торжества феодальныхъ отношеній. Многое сдѣлано уже въ этомъ направленіи новѣйшими историками и никѣмъ болѣе, какъ Фюстель де Куланжъ. Упрекъ, какой можно сдѣлать этому писателю и еще въ большей мѣрѣ его фанатическимъ послѣдователямъ, утрирующимъ не вполнѣ или вовсе не доказанныя положенія учителя, лежитъ въ добровольномъ игнорированіи контраста, какой римскій земельный строй представляетъ съ древне-германскимъ, и то-

го видоизмѣняющаго вліянія, какое воздѣйствіе этого столь различнаго по природѣ элемента должно было оказать на характеръ помѣстнаго устройства въ VI, VII-омъ и VIII-омъ вѣкѣ. Говорить, какъ это дѣлаетъ напримѣръ Ашлэ, о непрекращающемся существованіи даже въ такой слабо романизированной странѣ, какой была Англія, всѣхъ особенностей римскихъ земельныхъ порядковъ и о незамѣтномъ переходѣ «виллы» въ норманскій «маноръ» можно только при большой вѣрѣ въ verba magistri, слабомъ знакомствѣ съ источниками и отсутствіи всякаго критическаго такта [1]).

Думать, что англосаксы и датчане пришли упрочивать римскіе порядки уже съ перваго взгляда кажется абсурдомъ. Это впечатлѣніе только усиливается при чтеніи грамотъ, житій святыхъ, уцѣлѣвшихъ отрывковъ древнихъ ренталей и того перваго по времени земельнаго кадастра, который извѣстенъ подъ именемъ Думздебука. Гораздо вѣроятнѣе найти въ большей или меньшей полнотѣ черты римскаго помѣстья въ такихъ романскихъ странахъ, какъ Италія, Испанія или Франція. Замѣчательно, что, за исключеніемъ послѣдней, которая еще въ прошломъ столѣтіи выставила въ лицѣ аббата Дюбо ревниваго поборника теоріи исключительно римскихъ воздѣйствій, ни Испанія, ни Италія, не могутъ указать на писателя, который-бы не держался въ изображеніи судебъ земельной собственности почти исключительно германистическихъ воззрѣній. Послѣднія даже зародились во Франціи въ главахъ «Духа законовъ», говорящихъ о томъ какъ въ лѣсахъ Германіи возникли основы ново-европейскаго строя. Какъ Боди ди Весмъ, такъ и Шупферъ и Гауденци, не могутъ быть отнесены къ числу писателей, въ достаточной степени оцѣнившихъ громадное вліяніе римскихъ землевладѣльческихъ и хозяйственныхъ порядковъ на средневѣковые. Еще въ большей мѣрѣ можно сказать это о тѣхъ немногихъ историкахъ, которые, подобно Колмейеро и Карденасу, задались мыслью изобразить ходъ развитія земельной собственности въ Испаніи. Эти писатели не восходятъ далѣе временъ «вторичнаго завоеванія», «reconquista», или самое бо́льшее эпохи первоначальнаго поселенія вестготовъ; этимъ двумъ факторамъ да еще занесеннымъ карловингами феодальнымъ порядкамъ они считаютъ возможнымъ приписать происхожденіе всѣхъ особенностей средневѣковаго землевладѣнія въ собственной родинѣ. Въ романскихъ странахъ, въ кото-

[1]) См. его этюдъ объ англійскомъ помѣстьи въ приложеніи къ сдѣланному имъ же переводу статьи Фюстеля въ Revue des Questions historiques, посвященной сравнительному изученію древнѣйшихъ судебъ землевладѣнія

рыхъ, если не говорить о сѣверной Галліи, германцы явились не столько завоевателями, производящими насильственное обезземеленіе побѣжденныхъ, сколько поселенцами, hospites, въ пользу которыхъ послѣдовалъ только выдѣлъ части земель и владѣній наличныхъ собственниковъ, римская помѣстная система, очевидно, должна была уцѣлѣть, подвергаясь въ то же время тѣмъ перемѣнамъ, какихъ потребовалъ такой болѣе или менѣе вынужденный дѣлежъ и приспособленіе къ новымъ земледѣльческимъ условіямъ полупастушескаго народа, живущаго кровными и сосѣдскими союзами. Здѣсь поэтому легче, чѣмъ въ самой Германіи или странахъ, занятыхъ англосаксами и франками, найти въ VI и VII-омъ вѣкѣ живые слѣды землевладѣльческихъ порядковъ, установившихся въ Имперіи къ эпохѣ первыхъ германскихъ поселеній. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сопоставить отдѣльныя черты римскаго помѣстья или виллы съ тѣми, какія выступаютъ изъ разбора древнѣйшихъ средневѣковыхъ грамотъ и помѣстныхъ описей VI, VII-ого и слѣдующихъ столѣтій.

Послѣ тщательныхъ изслѣдованій Фюстель де Куланжъ нѣтъ необходимости настаивать на той мысли, что господствующимъ типомъ поселеній въ римской имперіи IV-го и V-го вѣка было помѣстье или такъ называемая вилла. Это можетъ быть сказано въ равной мѣрѣ и о Галліи и объ Италіи, насколько сельско-хозяйственные порядки послѣдней извѣстны намъ изъ переписки папы Григорія I-го и тѣхъ эмфитевтическихъ и ливелларныхъ договоровъ, какіе заключены были въ VII-омъ вѣкѣ епископами равеннскими въ предѣлахъ экзархата. Сопоставимъ отрывочныя извѣстія, даваемыя названными источниками, съ картиной галло-римскаго помѣстнаго хозяйства, мастерски начертанной Фюстель де Куланжъ, и мы убѣдимся въ томъ, что римская вилла въ центральной Италіи представляла большое сходство съ тою, какую мы находимъ въ Галліи въ эпоху Сидонія Аполлинарія [1]).

Помѣстье или вилла распадается, какъ здѣсь, такъ и тамъ, на двѣ самостоятельныя хозяйственныя единицы, изъ которыхъ одна воздѣлывается трудомъ рабовъ, подъ личнымъ надзоромъ помѣщика или поставленнаго имъ управителя, «villicus, actor», а другая содержитъ въ себѣ усадьбы и надѣлы, какъ рабовъ, пріуроченыхъ пожизненно или только временно къ извѣстнымъ участкамъ, «servi glebae adscripti», такъ и свободныхъ съемщиковъ, краткосрочныхъ (обыкновенно пятилѣтнихъ) или наслѣдственныхъ. Названія, какими римскіе

---

[1]) См. L'Alleu et le domaine rural par Fustel de Coulanges la villa gallo-romaine, стр. 91

источники обозначаютъ помѣстье, а также надѣлы, занятые одной или нѣсколькими семьями наслѣдственныхъ воздѣлывателей—тѣ самые, съ какими мы встрѣтимся въ позднѣйшихъ по времени средневѣковыхъ документахъ. Villa, fundus, massa, saltus, такое-то или другое число унцій (unciae) одного и того же помѣстья (fundus)—вотъ какими словами передается въ церковныхъ источникахъ Рима и Равенны, какъ и въ болѣе раннихъ по времени кодексахъ Ѳеодосія и Юстиніана, понятіе помѣстья, совокупности помѣстій или части его. Когда на земляхъ римской церкви заходитъ рѣчь объ имѣніи, состоящемъ изъ нѣсколькихъ виллъ, употребляется слово massa; напримѣръ massa gratiliana, [1]) и также часто терминъ saltus [2])

Когда въ томъ же источникѣ заходитъ рѣчь о полныхъ надѣлахъ, находящихся въ рукахъ одного или нѣсколькихъ семействъ колоновъ и несущихъ опредѣленную ренту въ пользу собственника, обычнымъ терминомъ служитъ слово condoma или conduma [3]).

И на югѣ Италіи употребительны тѣ же выраженія. Когда въ 591-омъ году, папа Григорій I пишетъ управителю въ Сициліи (rector) о необходимости воздержаться отъ произвольнаго увеличенія

---

[1]) См. Mommsen. Die Bewirtschaftung der Kirchengüter unter Papst Gregor I. въ Zeitschrift fur Social-und Wirthschaftsgeschichte, т. I, стр. 47.

[2]) Schulten Die römischen Grundherrschaften (Ibid., III B, Heft II). Авторъ доказываетъ, что терминъ saltus, употребительный на первыхъ порахъ для обозначенія никѣмъ не занятыхъ пустопорожнихъ земель, служащихъ выгономъ или лѣсомъ (Festus стр 302. Saltus est, ubi silvae et pastiones sunt), постепенно сталъ обозначать обширныя помѣстья и сдѣлался синонимомъ въ IV и V вѣкѣ слова massa, иначе говоря совокупности нѣсколькихъ имѣній или fundi (стр 168, 169, 173 и 174.).

[3]) Ibid, стр. 46 и 53 Григорій Великій въ одной изъ своихъ эпистолъ говоритъ объ одной condoma, quae vineolam parvam tenere dicitur. (S Georg M. Epistolae XI, 20). Фабръ въ статьѣ о колонахъ римской церкви въ VI вѣкѣ (См. Revue d'histoire et de littérature religieuses годъ 1896-ый № 1, стр 74 и слѣдующія), толкуя текстъ письма папы Григорія къ ректору или управителю сицилійскихъ владѣній римской куріи, текстъ, въ которомъ, между прочимъ, попадается выраженіе „conductores singulae condumae", считаетъ кондому совокупностью извѣстнаго числа земельныхъ держаній (стр 87). Но уже Papias давалъ ей слѣдующее опредѣленіе: domus cum curia et ceteris necessariis, а это опредѣленіе, очевидно, совпадаетъ съ понятіемъ двора и дворовой общины. Разросшись и распавшись, она можетъ сдѣлаться источникомъ происхожденія цѣлаго хутора, входящаго въ составъ massa или fundus Этотъ хуторъ, сданный въ аренду отдѣльно отъ другихъ, и лежитъ въ основѣ тѣхъ порядковъ, которые передаются папою словами conductores singulae condumae (lib II, стр. 38, 135, I, 1).

денежныхъ и натуральныхъ требованій, предъявляемыхъ къ rustici ecclesiae или къ поселеннымъ на церковныхъ земляхъ колонамъ, онъ говоритъ о massis ecclesiae [1]) О тѣхъ же massae заходитъ рѣчь и въ Галліи, какъ видно изъ самаго обращенія папскихъ посланій къ conductores massarum sive fundorum per Gallas constituti [2]). Терминъ massa встрѣчается и въ реестрѣ земель и владѣній равеннской церкви VII-го вѣка, напримѣръ, massa aliana, massa ausimana (въ послѣдней, какъ видно изъ текста, имѣлось болѣе тысячи югеровъ). [3]) Какъ общее правило, massa отвѣчала понятію обширнаго владѣнія, латифундіи. Въ этомъ смыслѣ употребляютъ этотъ терминъ Симакъ и Кассіодоръ, какъ видно изъ текстовъ, собранныхъ Фюстелемъ. Отмѣтимъ одну подробность, повидимому, упущенную изъ виду только что названнымъ писателемъ и имѣющую на нашъ взглядъ не малое значеніе для правильнаго пониманія позднѣйшихъ хозяйственныхъ порядковъ. Терминъ massa въ VI вѣкѣ вытѣсняетъ собою ранѣе употребительный терминъ villa; такъ Григорій I говоритъ о conductores massarum, а не villarum, и, запрещая бракъ крестьянъ разныхъ помѣстій, объявляетъ, что каждый долженъ брать жену въ той massa, къ землямъ которой онъ прикрѣпленъ. [4]).

Въ реестрѣ равеннской церкви положеніе отдѣльныхъ участковъ обозначается не принадлежностью ихъ къ той или другой villa, а включеніемъ ихъ въ составъ той или другой massa. Не то, чтобы названнымъ источникамъ неизвѣстно было существованіе болѣе тѣсной землевладѣльческой единицы, но ею является уже не villa, а нѣчто отличное отъ нея,—plebe, которое впослѣдствіи сдѣлается извѣстнымъ въ итальянизированой формѣ pieve, что не помѣшаетъ ему имѣть своимъ прообразомъ римскій vicus, селеніе, построенное по сосѣдству съ виллою или усадьбой помѣщика для рабовъ и колоновъ. [5]). Что, спрашивается, означаетъ такая замѣна терминовъ? Не то ли, что центръ тяжести перемѣстился изъ дворца помѣщика, все-

---

[1]) Gregorii I papae Registrum epistolarum въ Monumenta Germaniae historica, изд, Эвальдъ-Гартманъ, стр. 65, 128 и 135

[2]) Mommsen, стр 55.

[3]) Registro di concessoni enfiteutiche chiavellarie della chiesa di Ravenna, Fantuzzi. Mon. Ravenat: т 1, стр 7 и 59.

[4]) In ea massa, qua lege ex condicione ligati sunt socientur (Gregorii I Registrum epistolarum, epistola 128 rectori Siciliae (кн. II, стр. 128).

[5]) См. Fustel, L'alleu, стр. 38. Шультенъ настаиваетъ на томъ, что saltus по крайней мѣрѣ въ африканской провинціи содержитъ въ себѣ, на ряду съ villa, или усадьбой помѣщика, не столько открытыя селенья, vici, сколько укрѣпленныя (castella), Zeitschrift für Social—und Wirthschafts-

го чаще покинутаго собственникомъ для укрѣпленнаго, готоваго къ защитѣ города, въ приходъ или сельскій храмъ, вокругъ котораго расположены усадьбы фактическихъ воздѣлывателей; совокупность ихъ образуетъ село (vicus), открытое или укрѣпленное (castellum), обстоятельство, благодаря которому оба понятія прихода и села взаимно покрываютъ другъ друга. Это не значитъ, однако, что источники VII-ого вѣка не знаютъ болѣе помѣстья, отличнаго отъ massa или saltus Понятіе его передаетъ терминъ fundus, сопровождаемый, какъ и прежде, [1]) именемъ перваго пріобрѣтателя или устроителя; отсюда выраженія fundus savinianus, fundus arinianus и т. д., встрѣчающіяся въ реестрѣ владѣній равеннской церкви. [2]).

Замѣна терминовъ не сопровождается перемѣной въ порядкѣ измѣренія отдѣльныхъ частей помѣстья унціями или долями въ $^1/_{12}$ каждая. Эта система напротивъ того въ полномъ ходу. Отчужденія, производимыя въ предѣлахъ земель, составляющихъ собственность равеннскаго епископа, говорятъ сплошь и рядомъ объ уступкѣ покупателю одной, четырехъ, шести и болѣе унцій (unciae) одного и того же fundus [3]). То же надо сказать о купчихъ и дарственныхъ актахъ, заключаемыхъ въ Римѣ, Венеціи, Аквилеѣ, Бергамо и т. д. [4]) Отмѣтимъ еще одну черту, также ускользнувшую отъ вниманія Фюстеля,—это то, что на смѣну villa является нерѣдко терминъ casale, такъ напримѣръ, говорится de sex unciis fundi, quod vocatur casale basilii [5]). Casale является нерѣдко величиной и менѣе значительной, чѣмъ fundus — это часть имѣнія, пріуроченная къ тому или другому съемщику (conductor), къ его усадьбѣ, casa, и носящая, по примѣру

---

geschichte III. Bd Heft III und IV. стр 314 На присутствіе vici въ окрестностяхъ villa указываетъ извѣстный текстъ Фронтина (vici circa villam in modum municipiorum)

[1]) Fustel, стр. 17

[2]) Fantuzzi, т I, стр 3. 4 и слѣд.

[3]) Ibid., стр. 13 и 14

[4]) См Marini. Papiri diplomatici, стр 184, 185, 187, 190, 197. Въ регестахъ аббатства Фарфы также можно найти грамоты середины VIII-го вѣка, въ которыхъ еще говорится объ уступкѣ дарителемъ или продавцемъ такого то числа unciae того или другаго помѣстья, т. II, стр. 45, а 753. Regnante Haistolfo rege, нѣкто по имени Micciole и его братья дарятъ монастырю „substantiam nostram, quam habuimus in Casale, qui dicitur casa Victoris, quae sunt de ipso casale unciae sex“ Въ 757 году въ другой дарственной заходитъ рѣчь объ уступкѣ монастырю „uncias tres in Corneliano“, т е въ помѣстьи этого имени (ibid., стр 47)

[5]) Ibid., стр 4

римскаго помѣстья или villʼы, имя ея перваго устроителя [1]). Говорить послѣ этого, какъ дѣлаетъ Фюстель, что въ Италіи VI и VII-го вѣка помѣстье (le domaine rural) обозначается безразлично терминами fundus, villa или cortis [2])—то же, что подгонять источники подъ предвзятую теорію. Римская помѣстная система подверглась уже значительному видоизмѣненію со II и III вѣковъ, а тѣмъ болѣе со временъ Горація, эпоха, которую постоянно имѣетъ передъ глазами французскій историкъ. Эта перемѣна сказывается въ появленіи новаго, какъ онъ самъ признаетъ, термина massa, что въ свою очередь говоритъ о расширеніи, особенно въ рукахъ духовенства и церкви, того крупнаго землевладѣнія, которое въ эпоху обоихъ Плиніевъ еще уживалось съ средней и мелкой собственностью. Если прибавить къ этому частое упоминаніе источниками термина saltus, въ смыслѣ обширнаго имѣнія, термина, подъ которымъ во времена Scriptores de re rustica разумѣлись одни мѣстныя и гористыя пространства, утилизируемыя частью какъ угодья, частью какъ постоянный фондъ для новыхъ корчевокъ, то передъ нами воочію выступятъ тѣ послѣдствія, какія долженъ былъ имѣть на судьбу мелкихъ и среднихъ собственниковъ ростъ помѣстной системы и рабскаго труда въ провинціяхъ. Уже Гейстербергъ указалъ на то обстоятельство, что обремененіе земельной податью или tributum не Италіи, а исключительно провинцій, заставило послѣднія перейти къ болѣе интензивнымъ, расчитаннымъ на внѣшній сбытъ порядкамъ обработки. Не выдерживая конкуренціи дешеваго хлѣба провинцій, мелкіе собственники Италіи принуждены были запустить свои поля подъ траву, отказаться отъ земледѣлія въ ущербъ луговодству. Въ этомъ именно смыслѣ надо понимать извѣстный текстъ Плинія о погубившихъ Италію латифундіяхъ [3]). Не успѣвшія еще сложиться въ республиканскій періодъ, обширныя помѣстья подъ вліяніемъ перехода къ скотоводству быстро растутъ въ числѣ и въ самой Италіи, хозяйственные порядки которой, какъ показалъ Моммзенъ, въ эпоху имперіи приближаются постепенно къ типу провинціальныхъ, т. е. основаны на одномъ съ ними началѣ крупной собственности и на приниженіи земледѣльцевъ къ роли мелкихъ съемщиковъ.

Имѣя возможность пользоваться болѣе или менѣе даровымъ трудомъ рабовъ и эксплоатировать задолженность свободныхъ фермеровъ,

---

1) Ibid., стр. 7, 21

2) L'alleu et le domaine rural, стр. 31

3) Heisterberg K Die Entstehung des Colonats. Leipzig, 1876 г.

прикрѣпленныхъ отнынѣ къ землѣ въ обезпеченіе дальнѣйшихъ расплатъ [1]), владѣльцы massae постепенно захватили въ свои руки никѣмъ не утилизируемые пустыри; въ рукахъ церкви и монастырей, въ частности, этихъ великихъ корчевщиковъ и поднятелей нови [2]), должны были сосредоточиться обширныя имѣнія, о которыхъ и говорятъ грамоты VI-го столѣтія.

Сборникъ Маріни какъ нельзя лучше знакомитъ насъ съ общераспространенностью въ средневѣковой Италіи латинскихъ по своему источнику терминовъ massa и saltus и при томъ даже въ занятыхъ германцами областяхъ; такъ въ одномъ духовномъ завѣщаніи, составленномъ во Флоренціи въ половинѣ IX-го вѣка, говорится о «cassaliae и massae infra territorio cornihensi et in pleum sancti Savinis vel in aliis plevis» [3]). Термины massa, fundus, casale, plebe, продолжаютъ употребляться въ прежнемъ смыслѣ и на земляхъ, принадлежащихъ церкви въ Опорто, а также въ Геронской епископіи въ VIII, IX и X столѣтіяхъ Это видно, напримѣръ, изъ выраженій concedimus massam cum fundis et colonis suis, въ какихъ надѣляется землями церковь въ Опорто [4]).

То же надо сказать и о тѣхъ massae и fundi, о какихъ упоминается въ папскихъ грамотахъ, выданныхъ на имя каѳедральнаго собора въ Геронѣ въ сѣверо-восточной Испаніи [5]).

Въ самой папской области употребительны прежнія наименованія съ присоединеніемъ собственныхъ именъ, какъ напримѣръ, massa Licinіana, и обозначеніемъ величины отдѣльныхъ участковъ большимъ или меньшимъ числомъ унцій въ теченіе не только VI и VII-го, но и IX, X и XI-го вѣка. Такъ въ грамотѣ, выданной въ 854-мъ году аббатству въ Нонантолѣ, говорится о передачѣ ему монастыря св. Севастьяна «cum massis, fundis seu casalibus». Massae и fundus носятъ собственныя имена [6]) напр., fundus atticianus. Не разъ дѣлается прибавка, что имѣніе уступается съ населяющими его колонами, имена

---

[1]) См. статью Фюстеля о происхожденіи колоната въ Quelques problèmes d'histoire.

[2]) См Theod Sommerlad: Die wirthschaftliche Thatigkeit der Kirche im Mittelalterlichen Deutschland Iahrbücher fur Nationalokonomie Jena 1894, 5 Heft. стр. 659 и слѣд.

[3]) Marini Papiri diplomatici., стр. 151.

[4]) При этомъ говорится, что принадлежащія ей plebes и casalia, благодаря опустошеніямъ сарацинъ, остались безъ жителей и воздѣлывателей (absque agricolis et habitatoribus).

[5]) Marini. Papiri Diplomatici, стр 32 и 29

[6]) Marini, стр. 15.

которыхъ приведены. Иногда говорится объ уступкѣ только занятаго колономъ участка; слово colonia съ сопровождающимъ его собственнымъ именемъ заступаетъ въ такомъ случаѣ мѣсто—fundus [1]). Когда уступается часть имѣнія, говорится о передачѣ того или другого числа унцій. Подъ каждой разумѣется $^1/_{12}$ доля, такъ что 4 унціи образуютъ $^1/_3$, о чемъ прямо сказано въ одной папской грамотѣ 1018-го года [2]).

Измѣреніе унціями приложимо не только къ землямъ, но и къ такимъ доходнымъ статьямъ, какъ напримѣръ богатая рыбой запруда или stagnum [3]). Отмѣтимъ при этомъ совершенное отсутствіе во всѣхъ названныхъ грамотахъ слова villa. Въ Папской области и вообще всюду, гдѣ, какъ напримѣръ, въ Равеннѣ, Венеціи и Аквилеѣ, жива была римская традиція, и сохранилось точное представленіе о первоначальномъ значеніи отдѣльныхъ терминовъ классической латыни, немыслимо то безразборчивое употребленіе слова villa въ его, какъ мы укажемъ впослѣдствіи, новомъ смыслѣ селенія или совокупности земель и владѣній нѣсколькихъ сосѣднихъ собственниковъ, какое позволяютъ себѣ одновременно франкскія, бургундскія и аллеманскія грамоты, т. е. тѣ источники, на буквальной передачѣ которыхъ и построена главнымъ образомъ теорія Фюстель де Куланжа о продолженіи римской помѣстной системы въ меровингской Франціи и имперіи Карла Великаго. Вмѣсто villa въ документахъ римской куріи и равеннскаго епископа стоитъ casale или fundus, а понятіе села передается его синонимомъ, приходомъ (plebe). Кое-гдѣ попадается и терминъ condoma, въ прежнемъ смыслѣ совокупности земель, входящихъ въ составъ цѣлаго надѣла, занятаго однимъ или нѣсколькими семьями колоновъ. Codex Cavense, другими словами сборникъ грамотъ, вышедшихъ изъ архива аббатства Кавы, не разъ говоритъ о такихъ condomae [4]). Упоминаніе о нихъ встрѣчается также въ хроникѣ Беневентскаго монастыря св. Софіи [5]) и въ лангобардскихъ грамотахъ, приводимыхъ Троіа и Шупферомъ [6]).

---

[1]) Напримѣръ: Concedimus massam Cesanam in integrum cum fundis et colonis suis, qui appellantur (слѣдуютъ собственныя имена). Item coloniam de Solato et coloniam de Tribunulo. Грамота 90о года, Marini, стр. 32.

[2]) Ibid, стр. 67.

[3]) См. грамоту 1018-го года. Confirmamus vobis quatuor in integrum principales uncias, quod est tercia pars de toti stagno majore Partinense cum omni Piscatione. Marini, стр. 67.

[4]) Cod. Dipl Cavens. Glossarium.

[5]) Ughelli Italia Sacra, t. X,

[6]) Troya Codex Dipl. Lang III, стр 490, Schupfer, стр 292

«Беневентскія кондомы», о которыхъ говорятъ грамоты IX и X-го вѣка, замѣчаетъ профессоръ Виноградовъ, «состоятъ изъ братьевъ съ женами, дѣтьми, племянниками и т. д.»; другими словами, носятъ всѣ признаки нераздѣльной семьи, подобной юго-славянской «задруги» или «общей купѣ» [1]).

Римскіе по своему источнику термины удержаны будутъ и именами отдѣльныхъ мѣстностей, они оживутъ въ названіяхъ Massa Carrara, Massa Fiscalia, Pieve e Molle, Casale и т. д. Источники XV-го вѣка, говоря о владѣніяхъ общины Медичина, Санъ Джіовани инъ Персичето и т. д. еще будутъ употреблять выраженіе massa [2]).

Изслѣдованія Лоніона и Флакка въ послѣднее время показали, что и въ примѣненіи къ Галліи выводы Фюстель де Куланжа страдаютъ односторонностью и неполнотою. Оставаясь общераспространенной формой земельнаго уклада, помѣстье или villa въ то же время далеко не поглотило собою тѣхъ селъ, vici, какихъ Цезарь насчитываетъ цѣлыя сотни въ средѣ древнихъ кельтовъ [3]). Въ Итинераріяхъ или помѣткахъ о передвиженіяхъ императоровъ (въ частности Антонина) по различнымъ частямъ Галліи, мѣстами стоянокъ, на ряду съ городами, civitates, являются и отдѣльныя села: Vungo vicus, Epoisso vicus, Orolauno vicus, т. е. Voncy въ Арденахъ, Ivoy, нынѣ Carignan, также въ Арденахъ, Arlon въ бельгійскомъ Люксембургѣ [4]). «Не судите о числѣ селъ по числу тѣхъ, о которыхъ упоминаютъ источники», справедливо замѣчаетъ Флаккъ. «Подобно населяющимъ ихъ труженикамъ, они являются анонимными факторами исторіи. Необходимо совершенно исключительное стеченіе обстоятельствъ, неожиданная перемѣна, внезапный призывъ къ дѣятельной роли, чтобы заставить ихъ выйти изъ той тѣни, въ какой оставляютъ ихъ источники». Фюстель не считается съ этимъ вполнѣ вѣрнымъ соображеніемъ, когда говоритъ «извѣстны тысячи помѣстій и всего 50 селеній» Тѣ 50, какія онъ приводитъ, заимствованы цѣликомъ изъ однихъ сочиненій Григорія Турскаго. Но Григорій занимается почти

---

[1]) Виноградовъ Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ Лангобардской Италіи, стр 207.

[2]) Многія итальянскія селенія (говоритъ Шультенъ) получили свои наименованія отъ римскихъ именій, напримѣръ, изъ fundus cabardiacus возникла позднѣйшая Caverzago. (Zeitschrift fur Social—und Wirthschaftsgeschichte, т. III, стр 151, прим. 2).

[3]) Caesar. De bello gallico, I, 5· „Oppida sua omnia, numero ad duodecim, vicos ad quadringentos, reliqua privata aedificia incendunt".

[4]) См Itinéraires de la Gaule publiés par Léon Rénier. Annuaires de la société des antiquaires 1850 г, стр 203 и 206.

исключительно селами, расположенными въ двухъ областяхъ: въ Лионезѣ и въ Аквитаніи, да и здѣсь его интересуютъ по преимуществу тѣ, которыя лежатъ въ окрестностяхъ Тура: ихъ однихъ онъ насчитываетъ болѣе 30. Уже по одному этому можно судить, какой бы высоты достигла цифра всѣхъ селеній, если бы Григорію Турскому пришлось упомянуть о тѣхъ, какія въ его время существовали на протяженіи цѣлой Галліи [1]).

Самое число селъ, приводимыхъ Григоріемъ, указано Фюстелемъ невѣрно. Лоньонъ въ своей «Географіи Галліи въ VI-омъ вѣкѣ» исправляетъ его ошибку, говоря о 65 селахъ [2]). Но этого мало. Не довольствуясь совершенно неумѣстнымъ въ данномъ случаѣ противуположеніемъ тысячъ помѣстій полусотни селъ, Фюстель старается еще показать, что изъ упоминаемыхъ Григоріемъ vici большая часть не заслуживаютъ этого названія и должны быть признаны помѣстьями, то потому, что ихъ имя сопровождается суффиксомъ acus, будто бы свойственнымъ названію однихъ частныхъ имѣній, то потому, что они являются средоточіемъ прихода. Флакк ъ побѣдоносно доказываетъ, что тотъ же суффиксъ встрѣчается въ именахъ мѣстностей, которыя, какъ напримѣръ Tolbiacus, признаны Итинераріями за селенія. Еще раньше его Ленингъ также рѣшительно опровергъ то соображеніе, что присутствіе храма доказываетъ помѣстный характеръ селенія; онъ выяснилъ, что въ помѣстьяхъ, какъ общее правило, во времена Меровинговъ встрѣчались только часовни и ораторіи, приходскіе же храмы устраиваемы были въ однихъ селахъ [3]).

Такимъ образомъ, по воззрѣніямъ новѣйшей критики, на ряду съ помѣстьемъ село или vicus, нерѣдко совпадавшее съ приходомъ, въ такой же мѣрѣ извѣстно было римской, какъ и франкской Галліи. Въ противность Фюстелю, методъ котораго, по замѣчанію Флакка, «состоитъ въ томъ, чтобы признавать за терминами какой-то сакраментальный характеръ» [4]), новѣйшіе изслѣдователи и во главѣ ихъ Лоньонъ считаютъ необходимымъ признать, что изъ 65 упоминае-

---

[1]) См. Les Origines de l'ancienne France par Jacques Flach, т. II, стр 32. 33 и 49.

[2]) Géographie de la Gaule au VI-e siècle, стр 17.

[3]) Das Kirchenrecht im Reiche der Merowinger. (Флакк ъ, т. II. стр. 50)

[4]) La méthode de M. Fustel, pour élucider les points ténébreux de l'histoire, est presque toujours la même. Il s'en tient à la lettre. L'institution s'incarne en un mot sacramentel. Ici le mot sacramentel est vicus. Est-il absent des textes, le village est absent des institutions (стр. 47).

мыхъ Григоріемъ Турскимъ vici всѣ, за исключеніемъ двухъ [1]), должны считаться селеніями, и что тѣ топографическія названія, которыя представляютъ модернизированную форму латинскаго слова vicus, подчасъ сопровождаемаго прилагательнымъ novus, vetus, longus и т. д., восходятъ къ римской или по меньшей мѣрѣ франкской эпохѣ. Флаккъ идетъ еще далѣе въ томъ-же направленіи, доказывая, что въ меровингскій періодъ терминъ villa уже сталъ употребляться, какъ синонимъ vicus [2]), и что поэтому подъ многими мнимыми помѣстьями слѣдуетъ разумѣть въ дѣйствительности деревни. Такое смѣшеніе понятій и терминовъ съ наглядностью выступаетъ въ Политикѣ аббата Ирминона, памятникѣ VIII-го в., но оно встрѣчается и столѣтіями ранѣе, напримѣръ, у поэта Rutilius Numatianus, который, будучи родомъ изъ Галліи, еще въ V-омъ вѣкѣ, по замѣчанію послѣднихъ издателей словаря Дюканжа, употреблялъ слово villa въ смыслѣ vicus [3]).

§ 2.

Сходство римскихъ и средневѣковыхъ земельныхъ и хозяйственныхъ порядковъ не ограничивается однимъ воспроизведеніемъ источниками VII-го, VIII и слѣдующихъ столѣтій терминовъ, обозначающихъ существованіе бокъ о бокъ селеній, помѣстій и тѣхъ конгломератовъ воздѣлуемыхъ и пустопорожнихъ имѣній, какими являются massa и saltus. Она выступаетъ также при сопоставленіи внутренней организаціи этихъ хозяйственныхъ единицъ въ столѣтія, предшествующія и слѣдующія за нашествіями варваровъ. Это сходство будетъ тѣмъ нагляднѣе, чѣмъ ближе стоятъ другъ къ другу сравниваемыя эпохи. Въ самомъ дѣлѣ, если имѣть въ виду римскую имперію первыхъ двухъ вѣковъ христіанства, то нельзя не будетъ отмѣтить почти исключительнаго преобладанія несвободнаго сельскохозяйствен-

---

[1]) Vibriacus въ Аквитаніи и Sexciacus въ Ново-Пампелуніи.

[2]) Vicus et villa devinrent synonymes (стр 51)

[3]) Флаккъ, т II, стр 54 Такимъ образомъ, оправдывается и по отношенію къ Галліи та догадка, какая еще въ 85-омъ году сдѣлана была мною по отношенію къ германскимъ vill'амъ VII и VIII вѣка (См статью, отпечатанную въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ и озаглавленную „Древне-германская марка“). „Всего чаще границы марки сливаются съ границами той земельной площади, какая принадлежитъ vill'ѣ *или селенію* Villa не всегда обозначаетъ собою частное имѣніе; въ ней можетъ быть нѣсколько владѣльцевъ. Источники говорятъ о сосѣдяхъ, vicini, какъ объ участникахъ въ передачѣ права собственности на ту или другую villa“

наго труда, — труда рабскаго. Правда, многіе изъ рабовъ уже приближаются къ типу поселенныхъ среди полей и крѣпкихъ къ землѣ крестьянъ; это такъ называемые glebae adscripti, которыхъ законы запрещаютъ отчуждать иначе, какъ съ землею [1]). Но юридическая защита дана имъ только со временъ императора Юстиніана: на первыхъ порахъ ихъ болѣе выгодное экономическое положеніе зависѣло исключительно отъ доброй воли помѣщика или точнѣе отъ правильности его хозяйственнаго расчета, заставлявшаго, какъ замѣчаетъ Родбертусъ, поручать болѣе интензивную огородническую культуру болѣе независимымъ въ своей дѣятельности и потому болѣе трудолюбивымъ и предпріимчивымъ земледѣльцамъ. Тогда какъ невольники воздѣлываютъ землю подъ начальствомъ выбранныхъ изъ ихъ среды старостъ и организованы, въ цѣляхъ болѣе бдительнаго контроля, въ десятни, переходящія, смотря по требованіямъ помѣщика и управителя, съ одного участка на другой, пашущими одно поле и собирающими хлѣбъ съ другого, adscripti glebae сидятъ семьями на отведенныхъ имъ надѣлахъ, не имѣя другой обязанности, кромѣ возможно производительной ихъ утилизаціи Передъ закономъ они, разумѣется, не болѣе, какъ рабы, но ихъ экономическое положеніе приближается къ тому, какое въ средніе вѣка займутъ владѣльцы крестьянскихъ надѣловъ. Что такіе пріуроченные къ земельнымъ участкамъ невольники еще не были извѣстны римлянамъ въ первый вѣкъ имперіи, видно изъ словъ Тацита, противуполагающаго обычай германцевъ — селить рабовъ среди полей, тому, что онъ называетъ «нашимъ порядкомъ» (nostrum modum). Сельскохозяйственныя причины вызвали въ III и IV-омъ вѣкѣ учащеніе подобной практики. На нихъ указываетъ Родбертусъ, а за нимъ Гауденци, говоря о томъ, что войны II-го и III-го вѣка съ германцами и парѳянами не доставляли Риму тѣхъ толпищъ рабовъ, какими сопровождались военныя предпріятія предшествовавшей эпохи. Это обстоятельство, сдѣлавшее изъ невольниковъ болѣе рѣдкій товаръ, повысилъ ихъ цѣну. Одновременно конкуренція провинцій во всемъ, что касается продуктовъ хлѣбопашества заставила италійцевъ прибѣгнуть къ болѣе интензивнымъ формамъ хозяйничанья, къ огородничеству и садоводству. Но для этой мелкой культуры болѣе подходящимъ орудіемъ были поселенные среди участковъ glebae adscripti [2]).

---

[1]) Cod Justin, XI, 48, édit Krüger: Quemadmodum originarios absque terra, ita rusticos censitosque servos vendi omniariam non licet

[2]) См. Rodbertus Ueber die Adscripticier, Colonen und Inquilinen in den Jahrbüchern für Nationalökonomie und Statistic, II Jahrb (1864) Gaudenzi Sulla proprietà in Italia nella prima metà del medio aevo, стр. 13.

Одновременно съ законодательнымъ признаніемъ этой установившейся, независимо отъ закона экономической практики, слѣдуетъ два еще болѣе существенныхъ измѣненія въ порядкахъ хозяйственной эксплоатаціи. Обиліе запустѣлыхъ земель, брошенныхъ ихъ воздѣлывателями, бѣжавшими отъ налоговаго гнета, обиліе, о которомъ можно судить хотя бы потому, что въ одной Кампаніи въ періодъ отъ Константина до Θеодосія 523,000 югеровъ [1]) оставлены были впустѣ, заставило муниципіи, а по ихъ примѣру казну и церковь прибѣгнуть къ новому виду утилизаціи земель, къ долгосрочной и наслѣдственной арендѣ или эмфитевзису. Интересы фиска сошлись въ этомъ отношеніи съ интересами собственниковъ. Въ долгосрочныхъ и наслѣдственныхъ арендаторахъ правительство нашло постоянныхъ плательщиковъ налога, а собственники возможность реализаціи, если не высокой, то по крайней мѣрѣ постоянной ренты съ ничего не приносившихъ имъ дотолѣ пространствъ. Законами императора Зенона эмфитевзисъ распространенъ былъ и на земли частныхъ собственниковъ. Можно предположить, что практика и на этотъ разъ опередила законодательство.

«Конституція Зенона», говоритъ профессоръ Виноградовъ, «по самой своей неожиданности предполагаетъ или какія-либо предшествовавшія и затерянныя законодательныя постановленія или подготовку на почвѣ фактическихъ отношеній» [2]). Распространеніе эмфитевзиса въ IV и V вѣкахъ наглядно выступаетъ изъ того факта, что, какъ говоритъ тотъ же историкъ, «за исключеніемъ родственнаго ему колоната, ничто не давало чаще повода къ законодательной дѣятельности императоровъ въ періодъ отъ Константина до Юстиніана, какъ эмфитевзисъ [3])».

Наконецъ, третьимъ нововведеніемъ было широкое распространеніе въ тѣ же столѣтія колоната, неизвѣстнаго первымъ вѣкамъ имперіи, когда на земляхъ помѣстья можно было встрѣтить только одинокихъ срочныхъ арендаторовъ, такъ называемыхъ conductores, заключавшихъ съ собственникомъ контракты обыкновенно на пятилѣтіе [4]). Генезисъ колоната не долженъ отвлечь нашего вниманія отъ главной цѣли —

---

[1]) Cod. Theod. de indulgent. debit. II. См. Baudi di Vesme. Vicende della proprietà in Italia, стр. 56; см. constitutio 322. Ipsos etiam colonos, qui fugam meditantur in servilem conditionem ferro ligari conveniet etc.

[2]) Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ Лангобардской Италіи, стр. 71.

[3]) Ibid, стр. 72.

[4]) См. Fustel, стр. 63.

воспроизведенія картины сельскохозяйственнаго строя въ періодъ варварскихъ нашествій. Мы ограничимся поэтому общимъ замѣчаніемъ, что экономическія и фискальныя причины, болѣе или менѣе выясненныя работами Родбертуса, Гейстерберга, Виноградова и Фюстель де Куланжа, не говоря о болѣе раннихъ изслѣдователяхъ, повели къ тому результату, что въ IV-омъ вѣкѣ, благодаря прекратившейся конкуренціи провинцій, уже опустошаемыхъ варварами, Италія сочла нужнымъ сдѣлать болѣе широкій, чѣмъ прежде, опытъ соединенія преимуществъ мелкой культуры съ крупнымъ землевладѣніемъ. Готовымъ матеріяломъ для этого опыта явились задолженные фермеры Чтобы сдѣлать возможнымъ расплату съ помѣщикомъ, послѣдовало прикрѣпленіе арендаторовъ къ занятымъ ими участкамъ На пользу такого прикрѣпленія указывалъ и фискальный расчетъ, безъ него земли снова могли опустѣть, а казна—потерять налоговыхъ плательщиковъ. Чтобы сохранить за прикрѣпляемыми къ землѣ присущую ихъ состоянію свободу, законы рѣшились оградить ихъ отъ чрезмѣрныхъ требованій помѣщиковъ. «Связавъ крестьянъ, они связали также и собственника», они фиксировали оброкъ, натуральныя повинности и платежи [1].

Въ VI и VII-омъ вѣкахъ мы находимъ всѣ только что перечисленные виды сельскохозяйственной эксплоатаціи. Помѣстье распадается на двѣ неравныя части, изъ которыхъ одна остается въ личномъ завѣдываніи помѣщика или поставленнаго имъ управителя, а другая поступаетъ въ надѣлъ колонамъ, glebae adscripti, или прикрѣпленнымъ къ землѣ рабамъ, срочнымъ и наслѣдственнымъ фермерамъ, изъ которыхъ одни извѣстны подъ именемъ либелляріевъ, а другіе—эмфитевтическихъ владѣльцевъ Объ организаціи рабскаго труда въ послѣдніе вѣка Имперіи мы находимъ въ законодательныхъ памятникахъ нѣкоторыя подробности, способныя уже потому приковать наше вниманіе, что воспроизводятся позднѣйшими источниками. Въ части помѣстья, состоящей въ личномъ завѣдываніи собственника и носящей названіе curtis отъ тѣхъ двухъ дворовъ (думаетъ Сэбомъ), какими окружена была усадьба, встрѣчаются двоякаго рода рабы. дворня, familia urbana, и сельскіе рабы, familia rustica. Ближайшій къ усадьбѣ дворъ содержитъ въ себѣ хозяйственныя постройки, амбары, конюшни, стойла, особое помѣщеніе для пряжи рабынь, такъ называемый gyaeceum [2]. Здѣсь же устроены кузни и нерѣдко ремесленныя за-

[1] См Виноградовъ, стр 24, 25

[2] Дигесты, XXXIII, 7, 12, Cod. Theod. XV, 8, 6. Cod. Just IX, 27, 5, XI, 7, 5. (Fustel, ст. 46). См. также Schulten (Z für Soc. g, т. III стр 322—327).

веденія для сапожниковъ, оружейниковъ и другихъ лицъ несвободнаго, рабскаго состоянія Всѣ эти детали важны для насъ, такъ какъ воспроизводятся въ дарственныхъ, купчихъ, мѣновыхъ, завѣщательныхъ и другихъ актахъ VII, VIII и IX вѣковъ. Слово curtile постоянно встрѣчается въ меровингскихъ и карловингскихъ формулахъ, изданныхъ Розьеромъ и Цеусомъ, а также въ тѣхъ образцахъ древнѣйшихъ грамотъ, какія напечатаны Тардифомъ. Въ VIII-мъ вѣкѣ въ помѣстьяхъ Карла Великаго мы найдемъ такія же зданія для пряхъ-рабынь, какія представляютъ намъ римскія massae [1]); въ окрестностяхъ Сенгалленской обители столѣтія спустя организованы будутъ по римскому образцу ремесленныя заведенія сапожниковъ, портныхъ, оружейниковъ и стекольщиковъ, персоналъ которыхъ будетъ вербоваться изъ рабовъ [2])

Мы видѣли, что помѣстная усадьба (curtile) заключала въ себѣ при римлянахъ два двора, одинъ для familia urbana, другой для familia rustica; въ послѣднемъ помѣщалось общее зданіе для сельскихъ рабовъ, семьи которыхъ занимали отдѣльныя комнаты, cellae [3]). Эти термины не исчезнутъ сразу. Грамоты позднѣйшихъ столѣтій еще будутъ упоминать о cellae, при перечисленіи составныхъ частей жалуемаго или другимъ путемъ отчуждаемаго имущества, но онѣ уже будутъ связывать съ этимъ терминомъ новый смыслъ, разумѣть подъ cella подраздѣленіе помѣстья Другая особенность, которая также воспроизведена будетъ на разстояніе столѣтій, это распредѣленіе сельскихъ рабовъ, хлѣбопашцевъ, пастуховъ, винодѣловъ, по десятнямъ или декуріямъ [4]). Мы не только найдемъ сотню на земляхъ аббатства Сенъ Жерменъ де Прэ, въ VIII и IX-мъ вѣкѣ, но и многія столѣтія спустя на земляхъ англо-норманскихъ помѣщиковъ. Тѣ, сперва личные, позднѣе территоріальные союзы, которые извѣстны англо-саксонскимъ грамотамъ подъ названіемъ tenmanetale, а норманскимъ ренгалямъ и вотчино-судебнымъ протоколамъ подъ прозвищемъ decenae, прежде чѣмъ быть пріуроченными къ полицейскимъ задачамъ,

---

[1]) См. далѣе въ главѣ о помѣстьи въ Карловингскій періодъ.

[2]) Arx Geschichte von St-Gallen, Sommerlad. Die Wirthschaftliche Thätigkeit der Kirche in Deutschland (Jahrbücher für Nationalökonomie. Iena 1894 г 5 Heft, стр 676)

[3]) См. Sebohm. Village communities Глава о римской виллѣ—Fustel: L'alleu et le domaine rural—La villa-gallo-romaine.

[4]) О нихъ упоминаетъ Колумелъ, говоря. Classes non majores quam denum hominum faciendae, quas decurias appellaverunt antiqui et maxime probaverunt quod si numeri modus in opere commodissime custodiretur. (Fustel, стр. 45)

къ охранѣ внутренняго мира, розыску и обвиненію его нарушителей, легко могли преслѣдовать и чисто хозяйственныя цѣли. Первоначальный источникъ ихъ происхожденія не засвидѣтельствованъ документами и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ продолженіемъ или оживленіемъ римской традиціи [1]).

За предѣлами curtis, которой въ средневѣковыхъ источникахъ Франціи, Италіи и Испаніи, отвѣчаетъ такъ называемый dominicum или terra dominicata, извѣстная въ Англіи подъ прозвищемъ «inhoc», лежитъ сфера мелкой хозяйственной культуры, осуществляемой частью приписанными къ землѣ рабами—владѣльцами небольшихъ участковъ, обыкновенно оставляемыхъ за ними изъ поколѣнія въ поколѣніе, частью колонами, ливелларными и эмфитевтическими пользователями. Вотъ какія подробности даютъ намъ о всѣхъ ихъ эпистолы папы Григорія Великаго и реестры владѣній равеннской церкви. Поселенные на земляхъ рабы живутъ нераздѣльными семьями, «conduitae», владѣя обыкновенно одной или двумя парами быковъ, одной или двумя коровами и большимъ или меньшимъ количествомъ мелкаго скота [2]). Отмѣтимъ однако то обстоятельство, что ихъ положеніе настолько улучшилось, что папа Григорій, говоря объ этихъ rustici, постоянно смѣшиваетъ ихъ съ колонами. Фабръ справедливо указываетъ, что оба термина противуполагаются только слову conductor, или земельный съемщикъ, и что, напавъ на незаконные поборы съ rustici, папа тутъ же прибавляетъ, что, помимо такъ называемыхъ excepta et vilicialia, ничего не слѣдуетъ взимать съ колоновъ церкви [3]). Это совпаденіе rustici и coloni выступаетъ и въ позднѣйшихъ тосканскихъ грамотахъ, приводимыхъ Румеромъ. На земляхъ сіенской епископіи XI вѣка, какъ столѣтіями ранѣе въ сицилійскихъ помѣстіяхъ римской куріи, встрѣчается только одинъ классъ крѣпкихъ къ землѣ поселенцевъ, обозначаемыхъ словами rustici et coloni [4]). Колоны нерѣдко носятъ характеръ половниковъ, платящихъ согласно закону Адріана для имперскихъ доменовъ въ Африкѣ tertiae partes fructuum [5]), и потому не безынте-

[1]) Я считаю нужнымъ сдѣлать эту существенную поправку къ той попыткѣ объяснить генезисъ института круговой поруки десятенъ, какая сдѣлана мною въ первыхъ двухъ главахъ моей „Исторіи полицейской администраціи и полицейскаго суда въ Англіи XIII и XIV вѣка“

[2]) Mommsen: die Bewirthschaftung der Kirchengüter unter Papst Gregor I. Zeitschrift fur Social—und Wirthschaftsgeschichte. T. 1. стр 48

[3]) Les colons de l'église Romaine au VI-e siècle, стр 76.

[4]) Ursprung der Besitzlosigkeit des Colonen im Mitleren Italien

[5]) См далѣе главу о землевладѣніи въ сѣверной Италіи

ресно отмѣтить упоминаніе о «terciatores» въ древнѣйшихъ статутахъ Милана и вообще Ломбардскихъ городовъ [1]). На ряду съ rustici coloni мы встрѣчаемъ въ VI вѣкѣ въ помѣстьяхъ римской куріи лицъ, снявшихъ землю въ силу письменныхъ договоровъ (libellus) [2]), откуда удержанное ими въ средневѣковой Италіи названіе ливелларіевъ. Условія, на которыхъ они владѣютъ своими участками, весьма разнообразны, и, по выраженію нѣкоторыхъ грамотъ VII-го вѣка, опредѣляются мѣстнымъ обычаемъ (secundum consuetudinem loci) [3]). Въ окрестностяхъ Римини и Сенегаліи господствующей формой является половничество, но не въ видѣ платежа половины или трети продуктовъ, а всего седьмой или десятой части урожая хлѣба и льна, третьей или четвертой части урожая винограда [4]). Встрѣчаются и случаи платежа деньгами [5]), иногда комбинація тѣхъ и другихъ: съ хлѣба и льна десятая часть, съ вина то или другое число солидовъ [6]). Въ рѣдкихъ случаяхъ заходитъ рѣчь о поставкѣ опредѣленнаго количества оливокъ, винныхъ ягодъ, яблокъ и выдѣланныхъ изъ конопли тканей, полотнищами въ десять шаговъ съ человѣка [7]). Часто указано только число модіевъ хлѣба, безъ объясненія того, какую часть общей выручки представляютъ эти модіи. Къ платежамъ присоединяется и повинность поставки на помѣщичій дворъ или сохраненія въ своихъ амбарахъ причитающейся собственнику части общей выручки [8]). Сверхъ того требуется пла-

---

[1]) Schulten, стр 366

[2]) Fantuzzi Monumenti Ravenati, т I, стр 19.

[3]) Въ письмѣ папы Григорія къ управителю сицилійскихъ помѣстій мы читаемъ жалобу на частую смѣну съемщиковъ, вредную, по его мнѣнію, для хозяйства (Ex qua mutatione quid aliud agitur, nisi ut ecclesiastica praedia nunquam colantur) и объясняемую тѣмъ, что отъ заключаемыхъ имъ арендныхъ контрактовъ rector или управитель получаетъ libellaticum (очевидно, отъ слова libellus) Папа приказываетъ соразмѣрять его съ величиною арендной платы (Sed ipsa etiam libellatica prout summa pensionis fuerit moderentur (p 65, I. 28—32) Pertz Monumenta Epistolae Gregorii Magni.

[4]) Sub reddito de omni labore modio decimo, lino manna decima, vino arfora quarta (ibid, стр. 73) Sub redditus septimo, vino arfora tercia (стр. 45)

[5]) Sub pensione denariorum octo (ibid, стр 39)

[6]) Sub reditus de omni labore modio decimo, lino manna decima et pro vino sol' mancosum unum. (ibid, стр 18) ..lino seu canafa manipula X (стр. 66), lino tremisse tres, canava tremisse duos.

[7]) Sub pensione de oleo libras lino tremisse tres, canava tremisse II, ficas reste L, capistros de canava per unumque hominem pedem decem (ibid, стр. 67), pommas quartam partem (стр. 6[11]).

[8]) ...deductum totum per nos colonos in civitatem arimini et ibi salvare debeamus in casa et vasis nostris usque dum missus venerit ad tollendum (ibid, стр 17) или только deductum per nos colonos in dominicalia vestra (ibid, стр.20).

тежъ пары куриць ежегодно, двухъ или болѣе динаріевъ за право пасти свиней въ лѣсу, pro glandatico, и скотъ на выпасѣ, pro herbatico, нерѣдко замѣняемый приношеніемъ двадцати или болѣе яицъ или пары ягнятъ; взамѣнъ извозной повинности допускается платежъ деньгами [1]) Всѣ эти частности интересны для насъ, такъ какъ не только съ половничествомъ въ формѣ mezzeria или шампара, но и съ приношеніемъ яицъ, куръ, ягнятъ и т. д. въ обмѣнъ за тѣ или другія права пользованія въ предѣлахъ угодій, мы встрѣтимся впослѣдствіи на протяженіи всей Европы, начиная отъ Каталоніи и Аррагона и оканчивая Нормандіей и Англіей. Самый даже размѣръ вознагражденія седьмой и десятой частью продуктовъ воспроизведенъ будетъ такъ называемыми Carbreus Руссиліона, Геронской епископіи и Барселонскаго графства. Термины же herbaticum и glandaticum сдѣлаются общеупотребительными для обозначенія тѣхъ самыхъ правъ выпаса и откорма свиней желудями, какія разумѣются приводимыми нами источниками.

На ряду съ ливелларными владѣльцами, мы встрѣчаемъ въ римскихъ помѣстьяхъ и эмфитевтическихъ. На земляхъ куріи они несутъ, какъ общее правило, денежную ренту. «Цензъ», пишетъ Моммзенъ, «въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ становится наслѣдственнымъ, всегда платится деньгами. Бываетъ также, что мѣсто такой pensio занимаютъ натуральные платежи, но о нихъ не заходитъ рѣчи въ эмфитевтическихъ сдѣлкахъ временъ Григорія Великаго» [2])

Свободныхъ арендаторовъ Моммзенъ вообще не находитъ въ средѣ жителей папскихъ имѣній. Онъ ставитъ этотъ фактъ въ связь съ закономъ императора Анастасія, объявляющимъ, что 30-ти лѣтняго пребыванія на одномъ и томъ же участкѣ достаточно, чтобы считаться впредь прикрѣпленнымъ къ землѣ. Этотъ законъ, по его мнѣнію, положилъ конецъ мелкой свободной арендѣ, сдѣлался причиной исчезновенія тѣхъ conductores terrarum, о которыхъ заходитъ рѣчь у писателей de re rustica и у юристовъ первыхъ вѣковъ Имперіи [3]). И это обстоятельство отразилось въ грамотахъ и ренталяхъ средневѣковой Европы. И въ нихъ, какъ въ одновременныхъ или болѣе раннихъ римскихъ сдѣлкахъ, отсутствуетъ упоминаніе о conductores terrarum. Мѣсто ихъ занимаютъ ливелларіи и эмфитевтическіе владѣльцы. Когда свободный арендный контрактъ оживаетъ снова въ Италіи, луккскія

[1]) Pro herbatico et glandatico et exemo opere den' triginta (ibid, стр. 39), pull' paria duo, ova viginti, pro erbatico arietes duos (ibid, стр 45).

[2]) Mommsen, стр 47.

[3]) См. Fustel, стр. 61—68

грамоты, какъ и падуанскія, за одно съ документами монастырскихъ архивовъ Фарфы, Кавы, Монте-Кассино, Валомброзы и т. д., поставятъ насъ лицомъ къ лицу только съ ливелларіями и эмфитевтистами. Но традиція римскихъ краткосрочныхъ арендъ не погибнетъ вполнѣ, и мы увидимъ наглядное доказательство тому въ принятіи средневѣковыми прекаріальными и ливелларными контрактами того же пятилѣтняго срока, какого придерживались, какъ мы видѣли, римскіе собственники при наймѣ своихъ земель фермерами.

Вообще на земляхъ папской куріи въ VI-мъ вѣкѣ отсутствуетъ элементъ свободныхъ владѣльцевъ. Вольнонаемныя отношенія уступаютъ мѣсто тѣмъ, основу которыхъ составляетъ личная зависимость или только прикрѣпленіе къ землѣ. Выраженія servus, ancilla, mancipium, famulus, familia, rusticus, colonus, cultor, служатъ обозначеніемъ лицъ, участвующихъ въ хозяйственной эксплоатаціи почвы, но это тѣ самые термины, къ какимъ обращаются грамоты VIII-го и IX-го вѣка при перечисленіи личнаго состава отчуждаемыхъ имуществъ. Формула «cum familiis, servis, colonis, tributariis, agriculis, mancipiis» и т. д., равно встрѣчается какъ въ меровингскихъ и карловингскихъ источникахъ [1]), такъ и въ папскихъ пожалованіяхъ VIII-го и IX-го вѣка [2]), такъ, наконецъ, въ англосаксонскихъ, лангобардскихъ и каталонскихъ документахъ, не говоря уже о позднѣйшихъ полиптикахъ, ренталяхъ, censiers, aveux et dénombrements, наконецъ capbreus. О колонахъ Liber pontificalis Григорія I сообщаетъ слѣдующія подробности, не лишенныя значенія при толкованіи нѣкоторыхъ еще плохо выясненныхъ сторонъ средневѣковаго помѣстнаго хозяйства. Колоны въ отличіе отъ эмфитевтическихъ владѣльцевъ платятъ исключительно натурой. И на этотъ разъ Моммзенъ видитъ причину такого порядка въ имперскихъ постановленіяхъ. Domini praediorum, значится въ кодексѣ Юстиніана [3]), id quod terra praestat accipiant, pecuniam non requirant. Л. Гартманъ спѣшитъ присоединиться къ проведенному Моммзеномъ различію между колонатнымъ держаніемъ, всегда связаннымъ съ натуральными, платежами, и эмеритевтическимъ, при которомъ съемщиками являются лица высшаго общественнаго состоянія, согласные платить только деньгами. Та же черта, замѣчаетъ онъ, выступаетъ при ана-

---

[1]) См. Тардифъ

[2]) Marini. Papiri Diplomatici, стр 11, 15, 29, 32. См. также Monumenti Ravennati Fantuzzi и Regesto di Farfa, любую грамоту VIII или IX-го вѣка, наконецъ, Камбля: Сборникъ англо-саксонскихъ грамотъ и въ частности тѣ, которыя редактированы по-латыни.

[3]) Cod. Just. 11, 48, 5. Mommsen, стр 51.

лизѣ такъ называемаго Баварскаго кодекса равениской церкви, впервые отпечатаннаго Fantuzzi [1]).

Независимо отъ платимаго казнѣ земельнаго налога, извѣстнаго подъ именемъ burdatio, колоны римской курии въ Сицилии обложены поборами въ пользу управителя или vilicus, откуда и самое названіе ихъ vilicialia. Мѣсто управителя могъ занимать взятый, какъ думаетъ Моммзенъ, изъ среды колоновъ откупщикъ, къ которому въ этомъ случаѣ поступаютъ и эти vilicialia. На ряду съ ними въ папскомъ письмѣ идетъ рѣчь и о натуральной рентѣ, старинномъ канонѣ, или pensio, а также о добавочныхъ приношеніяхъ, обозначаемыхъ терминомъ excepta. Въ другомъ письмѣ того же папы, приводимомъ Фабръ, точнѣе указано, изъ чего состояли эти excepta: 20 свиней, 20 овецъ, 60 цыплятъ [2]). Въ средніе вѣка мы встрѣтимся съ любымъ изъ этихъ платежей: съ обязанностью содержать помѣщика или его замѣстителя и съ независимыми отъ натуральной ренты приношеніями куръ, яицъ, овецъ, свиней, окороковъ и т. п.

На ряду съ періодическими платежами, колоны римскаго помѣстья несутъ и случайные; нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ напоминаютъ тѣ, съ какими мы встрѣтимся въ средневѣковомъ помѣстьи. Укажемъ хотя бы на то обстоятельство, что при женитьбѣ колонъ папскихъ земель въ VI-омъ вѣкѣ платитъ «commodum nuptiale» величиною въ одинъ солидъ, точь въ точь, какъ средневѣковый вилланъ вноситъ сеньеру свой formariage Фюстель де Куланжъ объясняетъ происхожденіе его крѣпостью одинаково колона и серва къ землѣ помѣщика; отсюда требованіе, чтобы колонъ или сервъ не бралъ другой жены, какъ уроженки одного съ нимъ помѣстья, такой же, какъ и онъ, colona или ancilla; въ противномъ случаѣ собственникъ земли потерялъ бы рабочую силу, вознагражденіемъ за которую и является nuptiale commodum или formariage [3]).

Другая не менѣе любопытная черта, сближающая римскаго колона VI-го вѣка съ каталонскимъ pagense IX, X и слѣдующихъ столѣтій,

---

[1]) Hartman цитируетъ изданіе Бернгарта Cod trad. eccl. Rav. München 1810

[2]) Epistolae въ изданіи Эвальда—Гартмана (lib. IX ep 78, t II, p 65)

[3]) Cm L'alleu et le domaine rural, стр. 74 и 75 Въ эпистолѣ папы Григорія I-го къ управителю земель римской курии въ Сициліи прямо говорится, что колонъ обязанъ взять жену изъ той massa, къ которой онъ принадлежитъ Папа озабоченъ не отмѣной брачныхъ денегъ (nuptiale commodum), а тѣмъ, чтобы земельные съемщики или арендаторы, conductores, не увеличивали произвольно ихъ размѣра; послѣдній, говоритъ онъ не долженъ превышать одного солида; съ бѣдныхъ надо довольствоваться и меньшимъ сборомъ (стр 65, I-го выпуска эпистолъ)

состоитъ въ томъ, что ни тотъ, ни другой, не несутъ въ строгомъ смыслѣ слова барщины, а одни только общественныя помочи, ограниченныя опредѣленнымъ числомъ дней въ году, не болѣе шести, и опредѣленнымъ числомъ югеровъ вспашки (operae et iuga). Изъ шести рабочихъ дней два посвящаются оранкѣ, два посѣву и два уборкѣ [1]) Что еще любопытнѣй — это то обстоятельство, что въ Англіи, гдѣ liberi tenentes за одно съ вилланами призваны къ несенію общественныхъ помочей, пользуясь въ то же время свободой отъ барщины, также заходитъ рѣчь о двухдневной пахотѣ или, что тоже, объ оранкѣ каждымъ полнымъ дворомъ двухъ акровъ, о двухдневной работѣ при посѣвѣ и двухдневной при уборкѣ. Въ Германіи, сверхъ трехдневной барщины, крестьяне отправляютъ еще въ XI—XIII вѣкѣ такіе же operae et iuga [2]) Платежъ колоновъ носитъ въ римскихъ источникахъ названіе agraticum или pars agraria [3]); подъ тѣмъ же модернизированнымъ только названіемъ agrier извѣстенъ платежъ, производимый руссильонскими крестьянами въ X, XI и слѣдующихъ столѣтіяхъ [4]).

Еще одна подробность, также сближающая римскій колонатъ съ

---

[1]) Въ декретѣ импер Коммода, какъ и въ законѣ Адріана для африканскихъ доменовъ, требуется двѣ operae aratoriae, двѣ sartoriae, двѣ messoriae (Schulten, стр 367) См Corpus inscr lat., VIII, n⁰ 10570. 3-e col , 1, 11—13: Non amplius annuas quam binas aratorias, binas sartorias, binas messorias operas debeamus 4-e col , 1 5: Ne plus quam ter binas operas curabunt (Fustel L'alleu, стр. 77 § 3) Объ этой не столько барщинѣ, сколько общественной помочи, эпистола Григорія I-го къ сицилійскому ректору упоминаетъ только однимъ словомъ, употребленіемъ термина angariae Но въ Кампаніи, гдѣ римская курія также имѣла свои земли и своихъ эмфитевтическихъ пользователей, тотъ же папа однажды потребовалъ помочей людьми съ ихъ волами (hac in re homines cum bobus suis faciat praebere solacia, Epist. Reg кн. IX, epist, 125 +II, стр 126) Сопоставляя этотъ текстъ съ тѣмъ praebitio operarum jugorumve, о которомъ говорится въ надписѣ, открытой въ Souk-el Khmis въ Африкѣ (отъ II-го вѣка), Поль Фабръ, издатель Liber Censuum, приходитъ къ заключенію о несеніи колонами барщины, (см Revue d'histoire et de littérature religieuse № 1, 1896 г Les colons de l'église romaine au VI siècle, стр 90 и 91), но, какъ слѣдуетъ изъ той же надписи, даровая помощь колоновъ собственнымъ трудомъ ограничивалась двумя днями пахоты, двумя днями посѣва и двумя днями уборки, барщина же, какъ извѣстно обнимала собою въ средніе вѣка опредѣленное число дней въ недѣлю

[2]) Guterverzeichnis der Abtei Prum von 893 (Mittel-Rheinisches Urkundenbuch, стр 149: facit mansionarius corvadas III, iugera III

[3]) См Fustel, стр 77

[4]) См Brutails Les populations agricoles du Roussillon.

крѣпостнымъ держаніемъ. Надѣлъ колона установленъ обычаемъ или соглашеніемъ и не подлежитъ произвольному отнятію Папа Григорія пишетъ одному изъ управителей своихъ имѣній: ut nulla ratione praesumat locum eis pertinentem usurpare et alio cuilibet conducere vel locare [1]). Точно также у средневѣковаго крестьянина не можетъ быть отнята произвольно его усадьба и приуроченныя къ ней имущественныя права на опредѣленный участокъ или только на долю въ открытыхъ поляхъ въ такъ называемой надѣльной землѣ помѣстья. Закончимъ это сопоставленіе римскаго колоната VI-го вѣка съ крѣпостнымъ держаніемъ позднѣйшихъ столѣтій, указаніемъ на то обстоятельство, что въ отдаленныхъ помѣстьяхъ, изъ которыхъ собственникъ не находитъ выгоднымъ извлекать дохода въ формѣ натуральныхъ продуктовъ или части годовыхъ урожаевъ, изъ среды самихъ колоновъ выбирается одинъ, который, такъ сказать, беретъ на откупъ ежегодныя поступленія и отвѣчаетъ передъ хозяиномъ въ извѣстной суммѣ. Такими лицами, думаетъ Моммзенъ, и являются упоминаемые папой Григоріемъ conductores: ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ прежними свободными арендаторами того же имени; Моммзенъ указываетъ на то, что въ ихъ пользу допускалась извѣстная сбавка съ ожидаемой выручки, и что сами они нерѣдко вели хозяйство на болѣе широкую ногу въ отведенномъ имъ участкѣ, превышавшемъ своими размѣрами надѣлы поставленныхъ подъ ихъ контроль товарищей [2]). Въ одномъ изъ раннихъ англійскихъ ренталей, въ ренталѣ аббатства Рамзэ, мы встрѣчаемъ нѣчто подобное римскимъ conductores—это такъ называемые firmarii, отнюдь не фермеры, а откупщики дохода, поступающаго съ отдѣльныхъ виллъ, далеко расположенныхъ отъ монастырской резиденціи [3]). Опредѣливши величину натуральныхъ службъ и платежей, ренталь выводитъ сумму солидовъ и пенсовъ, въ которой фирмарій отвѣтственъ предъ собственникомъ. Профессоръ Виноградовъ [4]), указывающій на этотъ фактъ, отказывается дать ему какое-либо объясненіе. Я склоненъ думать, что и въ данномъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ римской традиціей, которая всего легче могла удержаться на земляхъ такого стариннаго аббатства, какъ

---

[1]) Mommsen, стр. 58

[2]) Mommsen, стр 53—59

[3]) Такіе же откупщики всѣхъ слѣдуемыхъ съ имѣнія службъ, рентъ и вообще натуральныхъ и денежныхъ поступленій могутъ быть констатированы на земляхъ монастырскихъ обителей въ Германіи въ началѣ XIII-го вѣка (Lamprecht,+II, стр 933, т III, № 306 и 507)

[4]) Villenage in England.

Рамзэ, основаннаго если не во времена римлянъ, то въ близкую къ нимъ эпоху,—первыхъ англо-саксонскихъ правителей

Производительныя монополіи помѣщика, извѣстныя въ средніе вѣка подъ наименованіемъ банналитетовъ, также имѣютъ римскій прообразъ. Собственникъ villa или massa обыкновенно держалъ въ помѣстьи особыя мельницы, пекарни, прессы, которыми пользовалось, очевидно, не безвозмездно мѣстное населеніе. Будучи единственнымъ капиталистомъ, онъ одинъ располагалъ нужными средствами для производства тѣхъ затратъ, какихъ требовало возведеніе всѣхъ этихъ построекъ. Нѣтъ, слѣдовательно, ничего удивительнаго въ томъ, что во многихъ имѣніяхъ начало хозяйственнымъ монополіямъ помѣщика положено было еще въ римскія времена. На эту мысль прямо наводитъ упоминаніе въ папскихъ грамотахъ VII-ого и VIII-ого вѣка объ aquimolis или водяныхъ мельницахъ, какъ о составной части жалуемаго или другимъ путемъ отчуждаемаго имущества [1]), и обычная формула древнѣйшихъ меровингскихъ грамотъ о переходѣ имѣній «cum aquis aquarum decursibus molendinis furnis и т. д.» [2]). Но, допуская преемственность правъ римскихъ и средневѣковыхъ помѣщиковъ въ этомъ отношеніи, мы ни мало не желаемъ подвергнуть тѣмъ самымъ сомнѣнію высказанную Віолэ догадку, что многія изъ сеньеріальныхъ мельницъ на первыхъ порахъ составляли собственность свободныхъ селъ, и что мірскія права пользованія лежатъ, такимъ образомъ, не разъ въ основѣ позднѣйшихъ помѣщичьихъ монополій. Оба источника ни мало не исключаютъ другъ друга. Ничто не мѣшаетъ допущенію, что къ унаслѣдованнымъ отъ римлянъ банналитетамъ со временемъ присоединились новые, изъ которыхъ одни возникли благодаря затратамъ, произведеннымъ собственниками на постройку мельницъ, пекарень [3]) и такъ далѣе, въ помѣстьяхъ, недавняго происхожденія или не имѣвшихъ прежде этихъ хозяйственныхъ приспособленій, а другіе, благодаря процессу феодализаціи или перехода свободныхъ общинъ въ зависимыя, съ которымъ необходимо была связана замѣна правъ міра на мельницы и пекарни правами сеньера.

Сказанное о хозяйственныхъ монополіяхъ примѣнимо и къ угодь-

---

1) Marini. Papiri diplomatici, стр. 11, 15 и др.

2) Всему этому можно найти многочисленныя иллюстраціи въ сборникѣ формулъ Розьера и древнѣйшихъ грамотъ Тардифа, а также въ Regesto di Farfa, въ Codice Cavense и т. д.

3) Объ этомъ не разъ говорится, напр., въ Regesto di Farfa, см. грам. 778, т. I, стр. 94

ямъ. И они могли имѣть двоякій источникъ. Однимъ изъ нихъ было унаслѣдованіе средневѣковыми помѣщиками правъ римскихъ собственниковъ на пустопорожнія и лѣсныя пространства, входившія въ составъ Saltus, massae и villae. Оно открывало имъ возможность и новыхъ корчевокъ, и выпаса собственныхъ стадъ, и извлеченія добавочнаго дохода отъ платежей колоновъ и арендаторовъ за право общиннаго пользованія въ формѣ тѣхъ herbatica и glandatica, о которыхъ сказано было выше, а также въ формѣ «medem» или платы седьмой части урожая съ корчевокъ, платы, шедшей, какъ показываютъ Шредеръ и Лампрехтъ въ римскую эпоху въ руки государства [1]) Но рядомъ съ этимъ, необходимо указать и на другой источникъ помѣстныхъ угодій—унаслѣдованіе ихъ сеньерами отъ тѣхъ сельскихъ общинъ или vici, которыя еще въ эпоху писателей de re rustica знакомы были съ мірскимъ пользованіемъ пастбищами, съ общимъ выгономъ и т. п. Ager communis, communia, communiones, compascua—вотъ выраженія, подъ которыми юристамъ золотаго вѣка и сельско-хозяйственнымъ писателямъ равно извѣстны какъ общая собственность, собственность, такъ сказать, товарищеская или кампанейская, такъ и коммунальная или общинная, состоящая въ совокупномъ пользованіи жителей одного или нѣсколькихъ селеній, весьма часто также городовъ. На послѣдній видъ собственности, на мірское владѣніе, указываетъ на мой взглядъ слѣдующее мѣсто Фронтина (De controversiis agrorum). Ea compascua multis in locis in Italia communia appellantur, quibusdam provinciis pro indiviso [2]). Толковать этотъ текстъ въ томъ смыслѣ, что подъ владѣльцами сообща разумѣется опредѣленное число лицъ, тѣмъ или другимъ путемъ пріобрѣвшихъ общую собственность, значитъ жертвовать истиной интересамъ теоріи. Не то, чтобы писателямъ этого времени неизвѣстна была и та форма пользованія угодьями, источникомъ которой служитъ оставленіе въ нераздѣльности части территоріи, пріобрѣтенной совмѣстно или унаслѣдованной нѣсколькими собственниками. На нее указываютъ слова Гигина: compascua quae pertinerent ad proximos quosque possessores [3]). Здѣсь, разумѣется, дѣло идетъ не о мірскомъ, а о компанейскомъ владѣніи. Изъ Lex Malacitana, изъ надписей, изъ свидѣтельствъ нѣкоторыхъ древнихъ писателей, какъ Амміана Марцелина, грамматиковъ и юри-

---

[1]) Lamprecht. Deutsches Wirthschaftsleben im Mittelalter, т. I, стр. 391. Schröder. (Zeitschr. der Savignystiftung. german. Theil, II, стр. 62 и слѣд.).

[2]) Lachman., стр. 15.

[3]) De condicionibus agrorum, стр. 117.

стовъ, мы узнаемъ, что многіе города владѣли земельными участками, изъ которыхъ одни сдаваемы были въ аренду, обыкновенно долгосрочную и наслѣдственную (это такъ называемые agri vectigales), а другіе служили мірскому пользованію На послѣднее указываетъ слѣдующее мѣсто Сцеволы Plures ex municipibus, qui diversa praedia possidebant, saltum communem, ut jus compascendi haberent, mercati sunt; idque etiam a successoribus eorum observatum est [1]) Я рѣшительно не могу понять, какъ можетъ Фюстель [2]) говорить въ примѣненіи къ этому тексту о собственности, купленной сообща нѣсколькими лицами для выпаса ихъ стадъ По моему, дѣло идетъ «о многихъ муниципіяхъ, владѣющихъ разными участками и покупающихъ общую пустошь для выпаса; потомство оставляетъ ее въ нераздѣльности. Если, какъ видно изъ тѣхъ же Дигестъ, села и города могли получать легаты, т е. пріобрѣтать собственность, администрировать ее, при посредствѣ выбираемыхъ эдиловъ и квесторовъ [3]), то я не вижу причины, почему въ числѣ такъ или иначе доставшихся имъ земель не могли быть нераздѣльныя угодья, частью оставляемыя въ мірскомъ пользованіи, частью сдаваемыя частнымъ лицамъ подъ выпасъ, certis personis depascenda, по выраженію Фронтина и Агена Урбика. Этими лицами обыкновенно являются сосѣдніе собственники (vicini называетъ ихъ Сикулъ Флаккъ), для нихъ такія угодья становились «сопастбищами», compascua,—терминъ, какимъ обозначаетъ ихъ Гигинъ [4]). Самъ Фюстель не рѣшается отрицать одного вида общинныхъ угодій, тѣхъ, какія оставлены были въ нераздѣльности между членами основываемыхъ на ager publicus колоній ветерановъ. На этихъ земляхъ мы находимъ также единственный, дошедшій до насъ отъ римской древности образецъ системы общихъ полей, въ которыхъ въ черезполосицу лежатъ неогороженные надѣлы колонистовъ. Сэбомъ основываетъ на этихъ, какъ мы видимъ, исключительныхъ фактахъ, свою теорію происхожденія въ Англіи системы открытыхъ полей или такъ называемыхъ common fields еще въ римскую эпоху. То немногое, что извѣстно намъ о порядкѣ размежеванія земель, связан-

---

[1]) Дигесты,—VIII, 5, 20

[2]) L'alleu, стр 8

[3]) Klippfel. Etude sur le régime municipal gallo-romain, Тексты, которые имѣетъ въ виду авторъ слѣдующіе. Vicis legata perinde licere capere atque civitatibus rescripto Imperatoris nostri significatur. Dig. De legatis 30, 1, L. 73 ss 1).—Inscript.Gall. Narbon. ed. Hirschfeld. Marciano optimo juveniet pientissimo officio inter convicanos suos functo aedilitatis, n° 2611

[4]) См. Fustel, прим 2 и 3 къ стр. 9.

номъ съ установленіемъ подобныхъ колоній или о такъ называемой центуріаціи, въ немногихъ словахъ можетъ быть передано въ слѣдующемъ видѣ: отводимая подъ колонію территорія дѣлилась на участки, величиною въ 240 югеровъ каждый: въ предѣлахъ послѣднихъ не всегда слѣдовала новая разверстка. Нерѣдко самимъ колонистамъ предоставлялось размежеваться между собою. Это обстоятельство дѣлало возможнымъ сообразовать величину частныхъ надѣловъ съ качествомъ почвы Сикулъ Флаккъ говоритъ, что земли каждаго двора разсѣяны по разнымъ полямъ. Съ цѣлью уравненія надѣловъ, производятся иногда добавочныя нарѣзки. Лѣсъ и пастбища остаются въ нераздѣльности и составляютъ предметъ мірского пользованія.

Порядки, соблюдаемые при основаніи поселковъ ветерановъ, воспроизводятся отчасти и въ предѣлахъ земель, отводимыхъ колонамъ. Источники не допускаютъ, правда, утвержденія, что ихъ владѣнія всегда лежали въ чрезполосицу. На это нѣтъ указаній ни въ эпистолахъ Григорія Великаго, ни въ реестрѣ имѣній равеннской церкви въ VII-омъ вѣкѣ Но когда въ серединѣ VIII-го столѣтія заходитъ рѣчь о передачѣ аббатству Фарфы Сполетскими герцогами и Лангобардскими королями колоновъ съ занимаемыми ими участками, грамоты не указываютъ границъ каждаго колона и довольствуются заявленіемъ, что онъ переходитъ къ новому собственнику вмѣстѣ со своей portiuncula, расположенной въ предѣлахъ того или другаго gualdus. Этимъ послѣднимъ именемъ обозначалась вся та часть помѣстья, которая не удержана была въ рукахъ собственника и поступила къ колонамъ въ надѣлы [1]). Вообще выноситъ представленіе о томъ, что если не

---

[1]) См II Regesto di Farfa, т II, стр 30 О колонахъ значится, что ipsi gualdum possederunt et nunc possedunt Весьма характерно въ этомъ отношеніи судебное разбирательство, произведенное спеціальнымъ посланнымъ короля Рахиса въ 747-мъ году Дѣло идетъ о примиреніи претензій монастыря Фарье и королевскихъ колоновъ. Судьи, подъ предводительствомъ посланца Инсарія, выходятъ на мѣста (accessimus super casale, quem такіе-то и такіе-то cum germanis et consortibus suis colonis publicis habeant in ipso gualdo) Оказывается, что въ совокупности колоны одного casale держатъ то 83, то 92, то 100 funes въ 105 шаговъ каждый. При промѣрѣ обращается вниманіе на то, принадлежитъ ли участокъ къ удобнымъ для воздѣлыванія землямъ или неудобнымъ: (terra culta и terra arida). Во главѣ каждаго casale, какъ и на земляхъ римской куріи въ VI-мъ вѣкѣ, стоитъ взятый изъ среды самихъ колоновъ „conductor“. Что это лицо не свободное, слѣдуетъ изъ того, что libertas даруется тому или другому изъ conductores на правахъ особой милости за вѣрную службу. (Герцогъ Луно Сполетскій

на протяженіи всего помѣстья, то въ границахъ отдѣльныхъ хуторовъ, какими въ данномъ случаѣ являются casalia, земля раздѣлена была между дворами колоновъ, сообразно ихъ хозяйственной способности, т. е. числу работниковъ и рабочаго скота, обыкновенно пары или двухъ паръ воловъ. Поставленный помѣщикомъ и отвѣчающій передъ нимъ за своевременность слѣдуемыхъ съ хутора поступленій, «conductor», мѣсто котораго, какъ видно изъ грамотъ, подчасъ заступаетъ старшій свинопасъ (archiporcarius) или стряпчій (actor), слѣдитъ за тѣмъ, чтобы пропорція, въ какой землевладѣніе колоновъ стоитъ къ ихъ хозяйственнымъ способностямъ, не была нарушена. Отъ него зависитъ подчасъ надѣленіе землею того или другаго лица, не имѣвшаго ея прежде [1]). Если прибавить къ сказанному, что пустошь и пастбище (incultum et pascua), прилегающіе къ хуторамъ, состояли въ нераздѣльномъ пользованіи населяющихъ ихъ колоновъ, то нельзя будетъ не согласиться, что нѣкоторыя черты средневѣковой надѣльной системы выступаютъ уже въ тѣхъ источникахъ довольно поздней, правда, эпохи (середины VIII-го вѣка), въ которыхъ случайно заводится рѣчь объ имущественномъ положеніи колоновъ, перешедшихъ вмѣстѣ съ публичными, другими словами фискальными землями, въ руки Лангобардскихъ герцоговъ и королей [2]).

повелѣваетъ, чтобы одному изъ conductores libertas fuisset concessa de persona eius, vel quae ad manus suas habuerat). Когда въ качествѣ также особой милости (per largitatem) дарилась земля, которой кто-либо прежде владѣлъ на правахъ колона, послѣдствіемъ было обведеніе ее загородью —новое указаніе на то, что, какъ общее правило, земли колоновъ лежали въ открытомъ полѣ (см. ibid, ut clausuram faciat).

[1]) Изъ той же грамоты видно, что porcarius подчасъ держитъ medietatem casalis. Отдѣльные колоны ссылались на то, что per largitatem actoris vel archiporcarii они получили свой надѣлъ (ibid., стр. 41 и 42).

[2]) Въ цитируемой грамотѣ имѣются въ виду такіе coloni publici

ГЛАВА II.

Хозяйственные порядки германцевъ въ эпоху Цезаря и Тацита.

Едва ли можно указать во всей исторической литературѣ болѣе спорный вопросъ, чѣмъ тотъ, какой представляетъ бытъ древнихъ германцевъ. Наряду съ писателями, говорящими о нѣмецкомъ государствѣ во времена не только Тацита, но и Цезаря, встрѣчаются рѣшительные отрицатели всякаго сколько-нибудь прочнаго политическаго порядка и постоянныхъ публичныхъ властей у германцевъ. Въ то время, какъ Зибель толкуетъ объ ихъ родовомъ бытѣ, Вайцъ считаетъ его общиннымъ, а Денманъ Россъ—феодальнымъ, Гансенъ и Рошеръ, допуская подсѣчное хозяйство у германцевъ, въ то же время предполагаютъ существованіе у нихъ системы періодическихъ передѣловъ. Фюстель де Куланжъ готовъ признать въ ихъ средѣ институтъ частной собственности. Мезеръ еще въ прошломъ вѣкѣ, подобно Инама Штернегу въ настоящемъ, отрицалъ всякаго рода сельскія поселенія за германцами, объявляя ихъ хуторянами. Мауреръ наоборотъ не хотѣлъ допустить существованія у нихъ изолированныхъ дворовъ, не связанныхъ между собою никакими общественными узами. Преобладаніе первобытныхъ промысловъ или земледѣлія, кочевой или осѣдлый характеръ послѣдняго, свобода или крѣпостная зависимость сельскихъ воздѣлывателей, совмѣстная эксплоатація почвы или раздѣльное пользованіе ею, доселѣ составляютъ предметъ горячихъ преній между историками и экономистами, занимающимися вопросомъ о бытѣ древнихъ германцевъ! Кому только не приписываемо было въ ихъ средѣ право собственности: и государству, и сотнѣ, и маркѣ, и селенію, и роду, и дворовой общинѣ, и частнымъ лицамъ. Большинство считало возможнымъ говорить въ примѣненіи къ

германцамъ и о собственности и о владѣніи, а нѣкоторые даже предполагали возникновеніе уже въ это время того различія между юридическимъ титуломъ и фактическимъ пользованіемъ, какое въ средніе вѣка выступаетъ въ противуположеніи dominium eminens и dominium utile. Замѣтимъ, что всѣ эти теоріи возникли на почвѣ толкованія однихъ и тѣхъ же свидѣтельствъ Цезаря и Тацита, съ рѣдкимъ обращеніемъ къ методу переживаній и историко-сравнительнымъ параллелямъ съ бытомъ арійскихъ, а тѣмъ болѣе неарійскихъ народностей. Разнорѣчіе порождало прежде всего самое чтеніе текстовъ, а затѣмъ интерпретація того смысла, какой оба римскихъ историка связываютъ съ употребленіемъ того или другаго слова Къ этому присоединялась нерѣдко оцѣнка достовѣрности самыхъ свидѣтельствъ, опиравшаяся на простыхъ догадкахъ о томъ, насколько наблюденіямъ Цезаря и Тацита доступенъ былъ бытъ германцевъ. Одни отрицали, другіе, напротивъ, признавали за обоими анналистами достоинство точнаго изображенія всего слышаннаго и видѣннаго ими. Одни находили въ ихъ описаніяхъ чистую этнографію, тогда какъ другіе признавали, по крайней мѣрѣ за Германіей Тацита, дидактическія задачи [1]), одни оспаривали общность сдѣланныхъ ими описаній, другіе, напротивъ, считали ее несомнѣнной. Только въ послѣднее время начинаетъ брать верхъ болѣе разностороннее отношеніе къ изучаемому вопросу: этнографія и сравнительная исторія права привлекаются все болѣе и болѣе къ его рѣшенію.

Филологическій разборъ именъ древнѣйшихъ поселеній, какъ и данныя сравнительнаго языкознанія, наконецъ широкое пользованіе методомъ переживаній одни могутъ разсѣять тѣ недоумѣнія, какія вызываетъ въ умѣ несовершенная редакція дошедшихъ до насъ текстовъ, отрывочность и неполнота заключающихся въ нихъ сообщеній. Только показавши соотвѣтствіе всѣхъ этихъ разнообразныхъ свидѣтельствъ, можно признать за выставляемыми гипотезами, а ни о чемъ другомъ, какъ мы покажемъ, не можетъ быть и рѣчи, характеръ научныхъ. Только подъ этимъ условіемъ возможно достигнуть нѣкоторыхъ выводовъ, бросающихъ свѣтъ и на весь дальнѣйшій ходъ экономическаго и общественнаго развитія германцевъ и устраняющихъ необходимость допускать въ немъ рѣзкіе переломы и радикальныя новшества, другими словами перевороты, которые всего менѣе мыслимы на тѣхъ низкихъ ступеняхъ гражданственности, на кото-

---

1) См предисловіе къ Ausführliche Erläuterung des Allgemeinen Theiles der Germania des Tacitus von. D. Anton Baumstark, стр. XIII

рыхъ стоятъ германцы въ эпоху, предшествующую занятію ими римскихъ провинцій.

Согласно нашему основному воззрѣнію на первенствующее значеніе, какое принадлежитъ росту населенія въ дѣлѣ чередованія экономическихъ и общественныхъ порядковъ, мы зададимся прежде всего вопросомъ о томъ, въ какой мѣрѣ занятая древними германцами область могла считаться густо или слабо заселенной. Для рѣшенія этого вопроса мы имѣемъ, помимо текстовъ, не только Цезаря, Тацита, но также Страбона и Помпонія Мела, еще свидѣтельства древнѣйшихъ топографическихъ названій; послѣднія не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что Германія въ отдаленнѣйшую эпоху своей исторіи была покрыта лѣсами и болотами; это, съ одной стороны, затрудняло ростъ земледѣлія, а съ другой—требовало совокупныхъ усилій со стороны первыхъ колоновъ, поставленныхъ въ необходимость предпосылать всякой утилизаціи почвы ея расчистку. Къ числу ранѣе другихъ занятыхъ германцами мѣстностей принадлежитъ гершогство Гессенъ. Арнольдъ подвергъ филологическому разбору наименованія его древнѣйшихъ селеній. Часть ихъ кельтическаго происхожденія, часть—германскаго. Въ числѣ послѣднихъ преобладаютъ имена, корень которыхъ указываетъ на присутствіе лѣса, какъ, напримѣръ, strat (лиственный лѣсъ), hart (верхи), hecke, кустарниковый плетень, holz, wald, harst, forst, busch, strauch, или болота, sumf, bruch moor и т. д. [1]), т. е. различныя его наименованія. Послѣ этого немудрено, если Цезарь, говоря о германцахъ, замѣчаетъ, что они всѣ мало занимаются земледѣліемъ (minime omnes germani agriculturae student) [2]), и что вся жизнь ихъ проходитъ въ охотѣ или воинскихъ упражненіяхъ [3]); если, упоминая объ одномъ изъ ихъ племенъ, о сигамбрахъ, онъ называетъ ихъ падкими на стада, другими словами, озабоченными скотоводствомъ [4]). Помпоній Мела, сообщая о войнахъ другого германскаго племени, свевовъ, замѣчаетъ, что причиной ихъ нельзя считать желаніе расширить районъ воздѣлуемыхъ земель, такъ какъ свевы не обрабатываютъ вполнѣ даже тѣхъ, которыми

---

1) См. Arnold, Ansiedelungen und Wanderungen Deutscher Stämme.

2) De Bello Gallico VI, 29.

3) Vita omnis in venationibus atque in studiis rei militaris consistit. B. G. VI, 21.

4) (Sigambri) primos Eburonum fines adeunt, multos ex fuga dispersos excipiunt, magno pecoris numero, cuius sunt cupidissimi barbari, potiuntur. B. G. VI, 35.

владѣютъ [1]). Въ свою очередь, Страбонъ, повѣствуя о походахъ Друза Старшаго, сообщаетъ о легкости, съ какой германцы измѣняютъ свое мѣстожительство. Объясненіе ей даетъ, по его мнѣнію, между прочимъ, отсутствіе у нихъ земледѣлія и накопленныхъ сокровищъ; живутъ они въ хижинахъ и довольствуются дневнымъ продовольствіемъ. Пищу доставляютъ имъ, какъ и всякимъ другимъ кочевникамъ, стада, почему имъ и нетрудно, собравъ пожитки на подводу, переселиться со скотомъ, куда угодно [2])

Въ XV-ой главѣ своей Germania Тацитъ также объявляетъ ея жителей нерадивыми, проводящими время или на войнѣ, или на охотѣ, или въ бездѣйствіи и лѣни, а ихъ землю покрытой лѣсами и болотами,—показаніе, подтверждаемое и Помпоніемъ Мела [3]).

Слабая густота населенія—необходимое условіе консерватизма первобытныхъ промысловъ. Охотничьи уловы и пастушескіе выгоны—естественное препятствіе и къ расположенію пахатей вблизи жилищъ и къ самой скученности послѣднихъ. Охотнику и скотоводу необходимъ значительный просторъ; библейское сказаніе объ Авраамѣ и Лотѣ, принужденныхъ разойтись по причинѣ недостатка въ пастбищахъ, какъ нельзя лучше иллюстрируетъ порядки, свойственные большинству племенъ, у которыхъ земледѣліе не сдѣлалось еще обычнымъ способомъ существованія. Въ полномъ соотвѣтствіи со сказаннымъ, оба римскіе историка (Цезарь и Тацитъ) рисуютъ намъ германскія городища окруженными на большомъ разстояніи пустошами и лѣсными чащами, а поселенія фактическихъ воздѣлывателей почвы лежащими на далекомъ разстояніи отъ центровъ народной жизни, разсѣянными на широкомъ пространствѣ и обыкновенно расположенными вблизи лѣса, источника или способнаго доставить кормъ скоту поля (campus). Гильдебрандъ первый обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что извѣстные тексты четвертой и шестой книги «Комментаріевъ о галльской войнѣ», говорящіе, что германцы считаютъ долгомъ чести держать пахатные участки какъ можно дальше отъ гра-

---

[1]) (Suebi) bella cum finitimis gerunt, causas eorum ex libidine arcessunt, neque imperitandi prolatandique, quae possident, nam ne illa quidem emixe colunt, sed et c

[2]) Страбонъ, кн VII, 1. Ср. Meitzen, Siedelung und Agrarwesen der Germanen, т I, стр 121

[3]) Germania, гл. V. Terra — in universum aut silvis horrida aut paludibus foeda Pomp Mela (Chorogr. III, 29)· terra magna ex parte silvis ac paludibus invia. См. также Germania, гл XV.

ницъ своихъ civitates, вокругъ которыхъ поэтому тянется пустошь [1]), находятъ иллюстрацію себѣ въ данныхъ этнографіи. Дѣйствительно, въ образцовомъ изслѣдованіи Паульчке о нѣкоторыхъ племенахъ сѣверной Африки—племенахъ, по преимуществу пастушескихъ, хотя и не чуждыхъ вполнѣ земледѣлію, мѣста народныхъ поселеній изображены окруженными на 10, 15 километровъ новью; на ней растутъ лѣсъ и трава, и насутся стада жителей [2]).

Если имѣть въ виду ближайшее назначеніе городищъ—служить убѣжищемъ на случай набѣговъ не только для людей, но и для скота, то совершенно понятнымъ станетъ, почему окружающая ихъ мѣстность считается запретной для земледѣлія. Къ тому же весьма часто она всего менѣе удобна къ обработкѣ. Интересы защиты заставляютъ давать предпочтеніе при основаніи городищъ возможно менѣе доступнымъ мѣстностямъ, расположеннымъ на скалахъ и горныхъ покатостяхъ. Кавказскіе аулы въ этомъ отношеніи довольно наглядно рисуютъ намъ то, чѣмъ было нѣкогда кельтическое, индусское или древне-германское городище, со временемъ уступившее мѣсто замку или бургу. Не даромъ же наши поэты именуютъ аулъ орлинымъ гнѣздомъ. Въ странахъ плоскостныхъ, подобныхъ великой россійской равнинѣ или нѣкоторымъ частямъ средней и сѣверной Германіи, неприступность городища достигаема была сохраненіемъ вокругъ него лѣсныхъ чащъ и пустырей, о чемъ, между прочимъ, говоритъ въ примѣненіи къ свевамъ и Помпоній Мела, замѣчающій, что этотъ народъ озабоченъ тѣмъ, чтобы все лежащее вокругъ него было впустѣ (ut circa ipsos quae iacent vasta sint) [3]).

---

[1]) Latissime a suis finibus vacare agros.... latissime circum se vastatis finibus solitudines habere

[2]) Paulitschke, стр. 22

[3]) Текстъ приведенъ Гильдебрандомъ, Recht und Sitte auf den verschiedenen wirtschaftlichen Kulturstufen, von D-r Richard Hildebrand, стр. 59. О городищѣ, какъ о прямомъ предшественникѣ города и центрѣ столько же германской, сколько кельтической, индусской, греческой или римской civitas, см. Ihering, Die Vorgeschichte der Indo-Germanen, и Zimmer, Altindisches Leben Ошибка г-на Самоквасова состоитъ въ смѣшеніи городища съ городомъ. Городъ развился изъ городища, которое не возникло ни позднѣе, ни раньше хуторовъ и селъ, а одновременно съ ними. Видѣть въ селеніяхъ продуктъ колонизаціи, предпринятой горожанами, значитъ строить гипотезы на произвольномъ расширеніи лѣтописнаго свидѣтельства объ отношеніи городовъ къ пригородамъ На все это своевременно было указано профессорами: Леонтовичемъ, Дитятинымъ и мною, что, разумѣется, не помѣшало г-ну Самоквасову повторить то же и въ своихъ послѣдующихъ сочиненіяхъ и изданіяхъ.

Если нельзя не присоединиться къ г-ну Гильдебранду, когда онъ утверждаетъ, что земледѣліе имѣло въ бытѣ древнихъ германцевъ второстепенное значеніе, то, съ другой стороны, приходится разойтись съ нимъ вполнѣ, едва рѣчь заходитъ о ближайшихъ послѣдствіяхъ этого факта въ сферѣ отношеній народа къ землѣ. Цезарь категорически заявляетъ, что германцы мало радѣютъ о земледѣліи, и что большая часть ихъ пищи состоитъ изъ молока, сыра и мяса. Сказавъ это, онъ немедленно прибавляетъ. «и никто изъ нихъ не имѣетъ опредѣленнаго участка пахотной земли или своихъ собственныхъ границъ. Но власти (magistratus) и старѣйшины (principes) отводятъ изъ года въ годъ родамъ и союзамъ сожительствующихъ родственниковъ столько поля, сколько имъ покажется нужнымъ, и въ томъ мѣстѣ, въ какомъ они заблагоразсудятъ. Въ ближайшій же годъ они заставляютъ ихъ переходить на новыя мѣста [1])». Буквально то же Цезарь повторяетъ въ IV книгѣ о свевахъ: «Частнаго обособленнаго поля для пахати у нихъ нѣтъ; долѣе года не позволено имъ оставаться въ одномъ мѣстѣ въ цѣляхъ обработки. Питаются они хлѣбомъ мало, больше молокомъ и мясомъ, много также заняты охотою [2])». Въ отличіе отъ другихъ германскихъ народностей, свевы ежегодно поручаютъ заботу о продовольствіи только той части населенія, которая въ числѣ тысячи человѣкъ отъ каждаго изъ ста округовъ или pagi не уходитъ для военныхъ набѣговъ. По прошествіи года забота о продовольствіи переходитъ на воиновъ, а военное дѣло поручается тѣмъ, кто прежде оставался на дому [3]). Римскій полководецъ самъ наводитъ на объясненіе причинъ этой особенности, говоря, что изъ всѣхъ племенъ свевы не только самое многочисленное, но и наиболѣе воинственное. Если у нихъ только часть населенія ежегодно и по очереди избавлена была отъ участія въ народномъ производствѣ, то отсюда, очевидно, можетъ быть сдѣланъ только тотъ выводъ, что у германцевъ сельско-хозяйственныя заботы падали, какъ общее правило, безразлично на всѣхъ или, выражаясь языкомъ Цезаря, на всѣ роды и на всѣ союзы сожительствующихъ родственниковъ (gentes et cognationes hominum). Регламентація этой хозяйственной дѣятельности

---

[1]) Комментаріи, кн. VI, стр. 22.

[2]) Ibid., кн. IV.

[3]) Sueborum gens est longe maxima et bellicosissima Germanorum omnium. Hi centum pagos habere dicuntur, ex quibus quotannis singula milia armatorum bellandi causa ex finibus educunt. Reliqui, qui domi manserunt, se atque illos alunt. Hi rursus in vicem anno post in armis sunt, illi domi remanent B. G. IV, 1.

принадлежала, какъ видно изъ словъ того же писателя, правителямъ и старѣйшинамъ (magistratus ac principes). Обращаю вниманіе на то обстоятельство, что эти два термина ни мало не покрываютъ другъ друга, что Цезарь не смѣшиваетъ правителей со старѣйшинами и наоборотъ; поэтому всякая попытка представить дѣло такимъ образомъ, какъ будто у германцевъ въ эпоху Цезаря не было другого начальства, кромѣ родовитыхъ и зажиточныхъ людей или старѣйшинъ, прямо противорѣчитъ буквальному смыслу разбираемаго нами текста Правда, въ VI книгѣ Цезарь замѣчаетъ, что въ мирное время въ германской civitas не имѣется communis magistratus, общаго начальника, но тутъ же онъ спѣшитъ прибавить, что во главѣ отдѣльныхъ областей и округовъ, regiones atque pagi, старѣйшины, principes, отправляютъ правосудіе между своими (inter suos ius dicunt). Обыкновенно это сообщеніе сближали и сближаютъ съ тѣмъ, что Цезарь говоритъ о выборѣ отдѣльными кельтическими племенами особаго предводителя или «вергобрета» для веденія общихъ военныхъ предпріятій. При такомъ сближеніи только что приведенныя слова не стоятъ въ противорѣчіи съ тѣмъ, что нѣсколькими строками ранѣе Цезарь сообщалъ о раздачѣ земель, производимой magistratus ac principes. Помимо общаго magistratus, назначаемаго на время войны для цѣлой civitas и населяющаго ее племени, могли существовать власти, поставленныя во главѣ отдѣльныхъ regiones или областей и отличные отъ тѣхъ principes pagorum или начальниковъ болѣе тѣсныхъ округовъ, о которыхъ говорится въ томъ же текстѣ, и которые у Тацита являются выборными. Снова подчеркиваемъ тотъ фактъ, что Цезарь отличаетъ regiones отъ pagi; между обоими стоитъ слово atque—*и*, а не *или*. Поэтому не признавать у германцевъ, какъ это дѣлаетъ Гильдебрандъ, иного начальства, кромѣ наиболѣе выдающихся и вліятельныхъ личностей, пользующихся возможно бо́льшимъ авторитетомъ между своими единокровными, членами одного съ ними рода, и считающихся поэтому только primi inter pares [1]), значитъ насиловать тексты, подгоняя ихъ подъ напередъ сложившуюся теорію. Толкованіе Гильдебранда кажется мнѣ тѣмъ болѣе произвольнымъ, что такой первобытной анархіи не знаютъ близко стоящіе къ германцамъ и живущіе однимъ съ ними родовымъ бытомъ кельтическія и славянскія племена, не говоря уже о грекахъ временъ Гомера, съ ихъ базилевсами, ставившими надъ собою общаго предводителя только для веденія совмѣстно военныхъ предпріятій. Если славяне, кото-

[1]) Гильдебрандъ, стр. 68 и 69

рые, по словамъ нашего начальнаго лѣтописца, «сидяху кождо съ родомъ своимъ», имѣли, какъ видно изъ примѣра древлянъ, своихъ князей; если кельты Ирландіи подчинялись рѣшеніямъ не однихъ только старѣйшихъ и богатѣйшихъ, боэровъ (въ переводѣ—богатыхъ коровами), но и начальниковъ рода [1]),—то я не вижу причины, по которой германскія gentes временъ Юлія Цезаря лишены были бы своихъ начальниковъ по старшинству, начальниковъ, отличныхъ отъ тѣхъ главъ сожительствующихъ родственниковъ (cognationes hominum, qui una coierunt), которыхъ необходимо предполагаетъ самый фактъ существованія нераздѣльныхъ семей. Упоминаемое Тацитомъ различіе въ dignatio или личномъ достоинствѣ, которое, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, вліяетъ и на размѣръ владѣнія каждаго землею, было бы немыслимо безъ того допущенія, что въ германскомъ родѣ съ самаго начала нѣкоторыя лица и династіи, какъ ближе стоящія къ дѣйствительному или мнимому родоначальнику, пользовались и бо́льшимъ почетомъ и властью, точь въ точь, какъ это замѣчается въ бытѣ кельтовъ Ирландіи и Уэльса [2]).

Что касается до родовыхъ порядковъ древнихъ германцевъ, то мнѣ приходится повторить о нихъ уже сказанное мною въ сочиненіи «Первобытное Право»; я старался тамъ связать и подкрѣпить показанія римскихъ историковъ нѣкоторыми позднѣйшими данными варварскихъ правдъ и обычаевъ (Oeffnungen и Coutumiers XI, XII и XIII столѣтія). «По словамъ Цезаря», говорилъ я въ этомъ сочиненіи и готовъ сказать вновь, «землею владѣютъ у германцевъ «gentes et cognationes hominum, qui una coierunt», другими словами, роды и болѣе тѣсные союзы живущихъ сообща родственниковъ.

Что такое эти послѣдніе—какъ не семейныя общины? Тацитъ, не упоминая прямо о существованіи подобныхъ группъ, въ то же время описываетъ отдѣльные признаки ихъ; такъ напримѣръ, говоря объ уплатѣ виры за преступленіе, онъ утверждаетъ, что эта вира идетъ въ пользу всего «дома» (recipitque satisfactionem universa domus). При господствѣ нераздѣльной семейной собственности домовладыка не въ правѣ самовольно дарить ее ни при жизни, ни на случай смерти. Такія же запрещенія приписываетъ Тацитъ и древнему германскому

---

[1]) См. Seebohm, The tribal system in Wales.

[2]) Для Ирландіи см. то, что Спенсеръ и Дависъ говорятъ въ XVI вѣкѣ о наслѣдованіи должности родового старѣйшины (on the law of tanistry). Оба сочиненія отпечатаны въ изданіи старинныхъ англійскихъ экономистовъ лордомъ Овертономъ. См также Сэбомъ, The tribal system in Wales, и Мэна, *Древнѣйшая исторія учрежденій*.

праву. у германцевъ, говоритъ онъ, нѣтъ завѣщаній (nullum testamentum). Нераздѣльностью и неотчуждаемостью семейной собственности объясняется также упоминаемый Тацитомъ фактъ устраненія женщинъ отъ наслѣдованія и неполученіе ими приданаго изъ отцовскаго имущества. Приданое платитъ не отецъ невѣсты, а ея женихъ. О существованіи семейной общины у германцевъ мы узнаемъ также изъ тѣхъ данныхъ, какія Цезарь и Тацитъ сообщаютъ о военномъ ихъ устройствѣ; по словамъ перваго, сражаются германцы generatim, т. е родами; по свидѣтельству второго, каждаго во время битвы окружаетъ его семья (familia) и члены болѣе численныхъ союзовъ родственниковъ, которыхъ Тацитъ обозначаетъ терминомъ «propinquitates». Эти propinquitates, очевидно, то же, что cognationes Цезаря. Семейная община встрѣчается у германцевъ и въ позднѣйшую эпоху редактированія варварскихъ правдъ. Мы находимъ ее одинаково у аллемановъ и баварцевъ, законы которыхъ упоминаютъ о такъ называемыхъ «genealogiae», какъ о землевладѣльческихъ союзахъ, спорящихъ между собою о границахъ ихъ землевладѣнія,—у салическихъ и рипуарскихъ франковъ, древнѣйшіе своды которыхъ хранятъ упорное молчаніе о продажѣ земли частнымъ лицомъ или о завѣщательномъ распоряженіи ею, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, открыто высказываются въ пользу устраненія женщинъ отъ наслѣдованія. Что все это, какъ не отдѣльныя проявленія началъ неотчуждаемости и недѣлимости, присущихъ семейной собственности? Къ сказанному прибавимъ еще слѣдующее: въ одномъ изъ текстовъ (текстѣ Герольда) Салической Правды упоминается объ аллодахъ, какъ о землѣ, поступающей въ раздѣлъ между внуками и правнуками,—прямое указаніе на то, что ими могли владѣть совмѣстно нѣсколько поколѣній родственниковъ (отецъ, сыновья, внуки и правнуки). Въ законахъ лангобардовъ, въ числѣ прочихъ видовъ имущества заходитъ также рѣчь о земляхъ, еще не поступившихъ въ раздѣлъ между братьями и родителями (inter fratres vel inter parentes), а также о земляхъ, раздѣленныхъ не только между братьями, но и между племянниками,—фактъ, указывающій на первоначальное существованіе нераздѣльнаго владѣнія отца съ дѣтьми и внуками.

Древнѣйшія юридическія сдѣлки также рисуютъ намъ порядокъ вещей, при которомъ земля состоитъ во владѣніи не частнаго лица, а семейной общины. Въ грамотахъ нижняго Рейна о coheredes, conparticipes et consanguinei упоминается, какъ о землевладѣльцахъ,—а это означаетъ принадлежность полей въ общую собственность болѣе или менѣе значительному числу родственниковъ.

О consortes или socii, какъ о владѣющихъ сообща имуществомъ или подвергающихъ его раздѣлу между собою, одинаково говорится какъ въ аллеманскихъ грамотахъ (въ томъ числѣ, въ грамотахъ С Галленскаго аббатства), такъ и въ бургундскихъ или лангобардскихъ [1]) Интереснѣйшей стороной труда проф. Виноградова о земельныхъ отношеніяхъ лангобардовъ надо признать описаніе имъ земледѣльческихъ общинъ, составленныхъ изъ родственниковъ, или такъ называемыхъ «Consorteriae», на основаніи грамотъ, изданныхъ академіей города Лукка. Изъ нихъ видно, что семейная община являлась вполнѣ жизненнымъ фактомъ въ средневѣковой Тосканѣ

Въ кутюмахъ Франціи, какъ и въ германскихъ записяхъ мѣстныхъ обычаевъ (Oeffnungen), она попадается намъ на каждомъ шагу; отсюда, между прочимъ, неоднократное упоминаніе въ этихъ источникахъ о необходимости испрашивать согласіе родственниковъ-однодворцевъ на отчужденіе недвижимой собственности (это такъ называемое Beispruchsrecht), о родовой преэмпціи и родовомъ выкупѣ (droit de préemption, retrait lignager—на языкѣ французскихъ легистовъ).

Какъ и у другихъ народовъ арійской семьи, господство родового быта сказывается у германцевъ не въ одной лишь сферѣ гражданскихъ отношеній. Въ послѣдствіяхъ, вытекающихъ изъ преступленій, также выступаетъ начало кровнаго единства. Обязанность преслѣдовать обидчика падаетъ на родственниковъ обиженнаго Тѣ же родственники получаютъ, въ случаѣ примиренія родовъ, и причитающуюся виру или композицію. Всего нагляднѣе выступаетъ родственная солидарность въ уголовномъ правѣ сѣверныхъ германскихъ народностей, въ древнѣйшихъ сводахъ Норвегіи и Даніи, Готланда и Исландіи. Правда, въ нихъ это начало обставлено значительными ограниченіями, но изъ самой новизны этихъ послѣднихъ легко прійти къ заключенію, что нѣкогда весь родъ, какъ одинъ человѣкъ, являлся мстителемъ обиженнаго сочлена Въ древнемъ законѣ Феоніи, приводимомъ Вильдою, значится: «Ни при какомъ преступленіи родственники не обязаны платить виры за преступника; исключеніе дѣлается только при убійствѣ». Преступникъ не получаетъ помощи отъ родственниковъ, стоитъ, въ свою очередь, въ Ютландскомъ законѣ, иначе, какъ въ случаѣ убійства [2]). Въ Фрисландіи и въ позднѣйшее время за родственниками признается обязанность не остав-

---

[1]) Ross, Early history of landholding among the Germans 1883 г. стр. 31 и слѣд

[2]) Wilda, стр 370

лять собственной крови безъ отмщенія и помогать въ платежѣ пени [1]). По древнимъ норвежскимъ законамъ (Гулатингъ), весь родъ получаетъ виру, но такъ, что большая часть ея идетъ къ ближайшимъ родственникамъ (которые отъ этого получаютъ и наименованіе Baug-gildismen), а меньшая—къ отдаленнымъ, родство которыхъ исчисляется отъ прадѣда, а также—къ когнатамъ и незаконнорожденнымъ [2]).— Еще подробнѣе говоритъ объ участіи родственниковъ въ платежѣ и полученіи виры Исландскій Gragas въ особой рубрикѣ, озаглавленной «Счетъ кругамъ» (Baugatal отъ baug—кругъ или кольцо и tal—число) Подъ кругами или кольцами разумѣются тѣ 4 части, на которыя дѣлится вира. Первую часть, въ размѣрѣ 3 марокъ 6 унцій и 48 оболовъ, выплачиваютъ и соотвѣтственно получаютъ—отецъ, сынъ и братъ; вторую и слѣдующія—дальнѣйшіе родственники по отцу и матери

Народныя правды континентальныхъ германцевъ содержатъ одни отрывочныя свидѣтельства объ участіи родичей въ платежѣ или полученіи выкуповъ; всего яснѣе говоритъ объ этомъ Салическій законъ Si alicuius pater occisus fuerit, medietatem compositionis filii colligant et aliam medietatem parentes, qui proximiores fuerint, tam de paterna quam de materna generatione dividant. Изъ капитулярія Хильдеберта мы узнаемъ, что этими proximiores считались три ближайшихъ родственника со стороны отца и столько же со стороны матери.— Въ законахъ саксонцевъ и фризовъ значится, что треть виры платятъ родственники убійцы, а двѣ трети самъ онъ [3]).

Родовое начало сказывалось и на судѣ въ присутствіи соприсяжниковъ-родственниковъ, удостовѣрявшихъ справедливость дѣлаемыхъ стороною показаній. Недаромъ же въ Салической Правдѣ разрывъ съ единокровными сопровождается потерей правъ не только на наслѣдованіе, но и на присягу родственниковъ [4]). И въ законахъ баварцевъ мы встрѣчаемъ двѣнадцать соприсяжниковъ одного рода съ отвѣтчикомъ: (sacramentales de suo genere nominatos). Законы англосаксовъ настаиваютъ на принесеніи присяги за одно съ роднею (со своими магами). У лангобардовъ большая часть соприсяжниковъ выбирается противникомъ изъ среды родственниковъ присягающаго [5])

---

[1]) Ibid., стр. 375

[2]) Ibid., стр 377

[3]) См. *Первобытное право*, вып. I: Родъ, стр. 69 и слѣд.

[4]) De eo qui se de parentella tollere voluerit.. et ibi dicere debet ut de juramento et de hereditate et de tota illorum ratione se tollat См. *Современный обычай и древній законъ*, главу о соприсягѣ.

[5]) См. Kossack's die Eidgeschworenen des Beklagten, стр 15—20

Такимъ образомъ, во всѣхъ сторонахъ правовой жизни еще V, VI и слѣдующихъ столѣтій сказывается вліяніе родового начала. Какъ послѣ этого не признать, что оно было всесильно и въ сферѣ землевладѣнія, что тѣ gentes и cognationes hominum, которымъ, по словамъ Цезаря, magistratus и principes ассигнуютъ годовые участки способной къ обработкѣ земли, владѣли ею на томъ же началѣ кровнаго единенія и въ эпоху Тацита. Итакъ, cultores, которые, какъ это слѣдуетъ изъ XXVI главы Germania, обусловливаютъ своимъ числомъ протяженіе занимаемыхъ подъ обработку полей, не кто иные, какъ главы нераздѣльныхъ семей одного или нѣсколькихъ состоящихъ въ союзѣ и принадлежащихъ къ одной civitas родовъ. Съ этой точки зрѣнія нѣтъ необходимости дѣлать ту въ сущности гипотетическую поправку къ тексту, какую позволяетъ себѣ Гильдебрандъ, объявляя, что слова in vicis попали въ изданія Тацита благодаря ошибкѣ писца, не замѣтившаго, что in, стоящее надъ словомъ vicis, входитъ въ составъ его вслѣдъ за буквой c, такъ что въ оригиналѣ должно было стоять слово vicinis, т. е. сосѣди, члены одного селенія или vicus; они, молъ, и были дѣйствительными заимщиками почвы у германцевъ, согласно представленію Тацита [1]). Эта гипотеза, которая въ свою очередь построена на рядѣ предположеній, напримѣръ, томъ, что буквы i и n стояли надъ словомъ vicis, т. е что ранній переписчикъ раскрылъ читателю обычное сокращеніе, или титло, ни мало, разумѣется, не устраняетъ возможности нашего толкованія, такъ какъ родовой характеръ древнѣйшихъ поселеній едва ли подлежитъ сомнѣнію. Vicini поэтому могли быть только членами разросшагося двора или рода (cognatio hominum, qui una coierunt, или gens). Допустимъ ли мы поправку Гильдебранда, или послѣдуемъ установившемуся чтенію текста, по которому in vices или in vicem означаетъ попеременное занятіе почвы, согласно съ тѣмъ, что на этотъ счетъ ранѣе было сообщено Цезаремъ, мы все же необходимо придемъ къ заключенію, что раздѣлъ занятой площади на неравныя доли «secundum dignationem» или личному достоинству отдѣльныхъ участниковъ, объяснимъ только при допущеніи, что заимщики стояли въ разной степени родства съ дѣйствительнымъ или мнимымъ родоначальникомъ и потому пользовались бо́льшимъ или меньшимъ почетомъ. Баумштаркомъ уже установлено, что на языкѣ Тацита dignatio примѣнимо только къ людямъ, а не къ имуществамъ Тѣмъ самымъ устраняется возможность того толкованія, по которому неравенство участковъ

[1]) Hildebrand, стр. 121.

ставилось въ связь съ различнымъ качествомъ почвы; съ другой стороны, хотя и нельзя отрицать существованія у германцевъ уже въ это время дворянскихъ родовъ, въ виду извѣстнаго текста Тацита— duces ex virtute, reges ex nobilitate sumunt, но уже фактъ малочисленности этихъ родовъ даже въ позднѣйшую эпоху, доказываемый, напримѣръ, законами баварцевъ, и употребленіе Тацитомъ въ разбираемомъ текстѣ слова dignatio, а не nobilitas, позволяютъ думать, что онъ имѣлъ въ виду именно привилегированное положеніе, занимаемое въ родѣ нѣкоторыми семьями, ближе стоящими къ его основателю. Такой неравный раздѣлъ не собственности, а временнаго владѣнія, тѣмъ менѣе можетъ казаться страннымъ, что мы встрѣчаемъ его одинаково и въ Индіи, при господствѣ такъ называемыхъ gots и patti [1]), т. е родовъ и нераздѣльныхъ семей, и въ долевомъ владѣніи нашихъ сѣверныхъ губерній въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ, пропешедшемъ, какъ это доказано г-жею Ефименко, отъ разростанія и разложенія первоначальныхъ дворовыхъ общинъ. Ко всѣмъ этимъ даннымъ можно присоединить и примѣръ родового владѣнія между кельтами Уэльса, по поводу которыхъ Сэбомъ говоритъ, не слѣдуетъ вносить современное представленіе о равенствѣ правъ и долей каждаго въ разсужденіе о родовыхъ порядкахъ. Это начало было вполнѣ имъ чуждо [2]).

Я, впрочемъ, нисколько не считаю нужнымъ настаивать на томъ, что причиной неравенства является всегда родовая честь и обусловливающія ее причины. Самъ Тацитъ, прибавляя къ своему заявленію слово mox, не устраняетъ тѣмъ самымъ возможности и другихъ мотивовъ. Имп, по всей вѣроятности, являлись не разъ различія въ личномъ и имущественномъ составѣ семьи или, точнѣе, дворовой общины

---

[1]) Tuper, Punjab customary law, II, главы 8, 26 и 37 Цитировано мною въ статьѣ: Le passage historique de la propriété collective à la propriété individuelle, стр. 14, отдѣльный оттискъ отчета, прочтеннаго на второмъ международномъ соціологическомъ конгрессѣ и отпечатаннаго во второмъ томѣ его анналовъ Еще ранѣе та же мысль о неравенствѣ долей при господствѣ родовой общины развита была мною какъ въ сочиненіи „Общинное владѣніе, причины ходъ и послѣдствія его разложенія", такъ и въ лекціяхъ, читанныхъ въ Оксфордѣ и отпечатанныхъ подъ заглавіемъ: Modern Customs and ancient laws in Russia; такъ, наконецъ, и въ статьѣ о старозаимочномъ землевладѣніи, появившейся въ Revue historique de droit français въ 1891-мъ году. Самъ г-нъ Гильдебрандъ въ подтвержденіе своего взгляда на неравенство долей при раздѣлѣ „secundum dignationem ссылается на мои лекціи въ Оксфордѣ, напр, на стр. 126 и 134 См. также Baden—Powell, т. II стр. 124 и 126, 665, т. III, стр 283. (The Land systems of British India)

[2]) The tribal system in Wales, стр. 88.

или очага, большая или меньшая его численность и большее или меньшее его богатство рабочимъ инвентаремъ.

Чѣмъ ближе мы знакомимся съ характеромъ земельныхъ порядковъ въ мѣстностяхъ, слабо населенныхъ и изобилующихъ поэтому землей, тѣмъ яснѣе выступаетъ передъ нами та характерная черта архаической общины, которая состоитъ въ отсутствіи уравнительнаго передѣла и возможности каждому занимать въ предѣлахъ сельской территоріи участокъ большей или меньшей величины, смотря по потребностямъ его двора. Старинная русская поговорка, гласящая, что владѣніе простирается всюду, гдѣ топоръ и соха ходили, нашла характерную иллюстрацію въ описанныхъ впервые г Лалышемъ порядкахъ нашего сѣвернаго землевладѣнія. Отмѣченное имъ въ Олонецкой губерніи констатировано было также въ землѣ Войска Донского [1]), а въ послѣднее время и въ Сибири, благодаря трудамъ гг. Астырева и Кауфмана [2]). Россія въ этомъ отношеніи не стоитъ особнякомъ. Тѣ же порядки повторяются и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Индіи, какъ напримѣръ, въ Ориссесѣ, гдѣ, по словамъ Баденъ-Пауеля, пріоритетъ въ занятіи служитъ единственнымъ титуломъ владѣнія среди племени кандовъ, доселѣ придерживающихся подсѣчнаго хозяйства [3]). Характеризуя эти порядки захватнаго пользованія, я сказалъ въ моемъ «Этюдѣ о переходѣ отъ коллективныхъ формъ землевладѣнія къ частной собственности», что они кажутся мнѣ представляющими значительную аналогію съ тѣмъ, что должно было имѣть мѣсто въ Германіи въ эпоху описанія ея Тацитомъ. Но и на Югѣ Россіи, въ Слободской Украйнѣ, неравенство, такъ наглядно отличающее старозаимочное землевладѣніе отъ мірского, кажется мнѣ новымъ подтвержденіемъ той, повидимому, очевидной, но все еще не сознаваемой истины, что передѣлы вовсе не составляютъ характерной черты древнѣйшихъ порядковъ апропріаціи почвы. Въ нихъ не можетъ чувствоваться необходимости въ условіяхъ, при которыхъ, выражаясь языкомъ Тацита, даже ежегодная перемѣна пашенъ оставляетъ много не находящей утилизаціи, но способной къ обработкѣ земли [4]).

Производимыя германцами заимки не носятъ постояннаго характера. Правда, Тацитъ говоритъ, что земля подвергается раздѣлу, «partiuntur agri», но онъ тутъ же прибавляетъ, что самое занятіе произво-

---

[1]) См „Казацкія общины на Дону“ Харузина и Wallace Russia II, стр. 85. Keussler, Zur Geschichte und Kritik des Gemeindebesitzes in Russland, I, стр. 77.

[2]) См статью послѣдняго въ Юридическомъ сборникѣ г. Муромцева.

[3]) Baden—Powell, т. I, стр. 562.

[4]) Arva per annos mutant et superest ager

дится попеременнно, in vices. Разъ мы сопоставимъ всѣ эти признаки, передъ нами развернется картина, подобная той, какую представляютъ еще многія общины европейской и азіатской Россіи, гдѣ держится такъ называемый захватный способъ пользованія. Топоромъ или косою указываетъ частный занимщикъ границы присвоеннаго имъ на время, обыкновенно на годъ или нѣсколько лѣтъ, участка. Въ предѣлахъ обрубленной рощи или обкошенной степи никто не въправѣ сдѣлать заимки Выжиганіе лѣса, сопровождаемое посѣвомъ производится трудомъ двора его обрубившаго; точно также трава сносится трудомъ обкосившей степь семьи. Не выходя изъ предѣловъ принадлежащей селу территоріи, другіе заимщики въ разсыпную занимаютъ каждый любой участокъ, придерживаясь тѣхъ же порядковъ. Только при увеличивающейся густотѣ населенія является необходимость въ нѣкоторомъ ограниченіи этой свободы захвата, его не отмѣняютъ, а вводятъ въ извѣстныя рамки. Пахари и косари должны выходить въ поле въ указанные дни такъ, чтобы каждый производилъ заимку, обпахивалъ и обкашивалъ свой пай одновременно съ сосѣдями. Пройдетъ годъ, другой, и заимки нерѣдко сдѣланы будутъ въ совершенно другой части той же сельской территоріи, при чемъ снова пойдутъ раздѣлы на неравныя доли, также мало ведущія къ созданію собственности, какъ и предыдущія. Слова Тацита:» способныя къ обработкѣ поля (agri) занимаются попеременно (in vices), смотря по числу воздѣлывателей, послѣ чего обыкновенно слѣдуетъ разверстка на неравныя части, сообразно родовой чести (dignatio); пашни мѣняются съ годами, и способной къ обработкѣ земли все же остается вдоволь», не заключаютъ въ себѣ ничего, идущаго въ разрѣзъ съ такимъ пониманіемъ древнегерманскихъ порядковъ землевладѣнія. Тѣ, кто подобно Фюстель де Куланжу, Сэбому, Денманъ Россу и Гильдебранду, разумѣютъ подъ partiuntur окончательный раздѣлъ, ведущій къ возникновенію собственности, не въ состояніи указать причинъ, которыя на разстояніи полутора столѣтія, отдѣляющаго Тацита отъ Цезаря, могли вызвать такой переворотъ въ бытѣ германцевъ. Хозяйственные порядки, какъ извѣстно, отличаются большимъ консерватизмомъ, и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если во времена Тацита держится у германцевъ, какъ онъ самъ о томъ свидѣтельствуетъ, подсѣчное хозяйство,—если жители еще мало озабочены земледѣліемъ и поручаютъ занятіе имъ женщинамъ, старикамъ и вообще слабосильнымъ [1]). Но разъ хозяйственные порядки

[1]) Cap. XV: delegata domus et penatium et agrorum cura feminis senibusque

остались прежними, это доказываетъ не только то, что ростъ населенія былъ незначителенъ, но и то, что не имѣлось никакой ближайшей необходимости перейти къ дворовой собственности въ замѣнъ простого владѣнія.

Захватный способъ пользованія предполагаетъ, какъ мы видѣли, разсѣянность запмокъ на большомъ протяженіи земли. Желаніе имѣть рабочій скотъ подъ рукою заставляло, разумѣется, основывать хозяйскіе дворы вблизи запмокъ, а это въ концѣ концовъ вело къ преобладанію хуторскихъ поселеній надъ сельскими. Я нарочно употребляю слово «преобладаніе», желая тѣмъ показать, что германцамъ вовсе не было чуждо основаніе селъ (vici); иначе Тацитъ не могъ бы говорить о principes, отправляющихъ правосудіе per vicos [1]). Но эти vici, по всей вѣроятности, играли роль городищъ, т е. убѣжищъ для людей и скота на случай нападенія. Римскій анналистъ прямо говоритъ, что города неизвѣстны германцамъ. Въ его описаніи они разсѣяны на значительномъ пространствѣ, германцы избираютъ мѣстомъ поселенія и хозяйственной эксплоатаціи сосѣдство облюбованнаго ими лѣса, поля или ручья [2]) Даже въ селахъ они, подобно крестьянамъ нашихъ украинскихъ слободъ, живутъ не сплошными улицами, а дворами, окруженными бо́льшимъ или меньшимъ пространствомъ, служащимъ у насъ для сада и огорода, а у нихъ, по всей вѣроятности, для выпаса скота. Тацитъ приписываетъ эту особенность двумъ причинамъ. страху пожара и недостатку архитектурныхъ познаній [3]).

На мой взглядъ, всякая попытка объяснить характеръ поселеній психическими свойствами націи, а не условіями защиты и хозяйственными порядками, необходимо должна быть оставлена. Кто не слышалъ о томъ, что славянамъ столько же свойственно жить сплошными селами, сколько германцамъ обособленными хуторами, а между тѣмъ оказывается, что не далѣе, какъ въ XIV и XV вѣкѣ латинскія грамоты Галиціи отличаютъ славянскія поселенія отъ нѣмецкихъ ничѣмъ другимъ, какъ тѣмъ, что первыя разсѣяны. Славяне живутъ, по

et infirmissimo cuique ex familia· ipsi habent. Cap. XIV· nec arare terram aut exspectare annum tam facile persuaseris quam vocare hostem et vulnera mereri.

[1]) Cap. XII: principes, qui iura per pagos vicosque reddunt, на то же указываетъ текстъ гл. 19: abscisis crinibus nudatam coram propinquis expellit domus maritus ac per omnem vicum verbere agit. О селахъ у германцевъ говоритъ еще Цезарь въ примѣненіи къ сигамбрамъ; ему извѣстны не только обособленные дворы или, aedificia, но и сплошныя деревни, vici. IV, 19.

[2]) Cap XVI: Nullas Germanorum populis urbes habitari satis notum est, ne pati quidem inter se iunctas sedes

[3]) Colunt discreti ac diversi, ut fons, ut campus, ut nemus placuit

выраженію ихъ составителей, sparsim modo rhenensco, нѣмцы in una linea secundum jus theutonicum [1]; и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ нѣмецкіе колонисты въ Галиціи представляли не только болѣе промышленный и торговый классъ, но и нуждавшееся во взаимопомощи меньшинство Точно также жизнь селами проявляется въ славянскомъ населеніи главнымъ образомъ тамъ, гдѣ, какъ напримѣръ, на Украйнѣ, оно ждало частыхъ набѣговъ отъ татаръ Въ виду сказаннаго, я не могу придать большого значенія попыткамъ Мейцена [2] опредѣлить районы поселенія кельтовъ и германцевъ преобладаніемъ хуторовъ или соотвѣтственно селъ; оба вида осѣдлости встрѣчаются въ Германіи уже въ эпоху Цезаря и Тацита. позднѣйшая перемѣна въ хозяйственныхъ порядкахъ, какъ и поселеніе германцевъ въ покоренныхъ имп галло-римскихъ провинціяхъ. могли только дать преобладаніе селамъ надъ хуторами, что и замѣтно въ сѣверной Франціи. Если то же не повторилось въ предѣлахъ бургундскихъ и вестготскихъ владѣній, если здѣсь хутора удержались въ большемъ числѣ, то произошло это, по всей вѣроятности, отъ того, что германцы въ данныхъ мѣстностяхъ явились не завоевателями, а колонистами, добровольно призванными и допущенными къ раздѣлу съ римлянами.

Общинное владѣніе не менѣе частнаго мирится съ фактической обработкой полей не ихъ собственниками, а зависимыми отъ нихъ несвободными обывателями. Въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ Индіи, тамъ, гдѣ земля принадлежитъ на общинномъ началѣ воинственнымъ и мало склоннымъ къ земледѣлію племенамъ раджпутовъ, сельское хозяйство производится поселенными на ихъ земляхъ и разнокровными съ ними колонистами.

Нѣтъ поэтому ничего несообразнаго въ томъ, что германцы, которые, по описанію Цезаря, подтверждаемому и Тацитомъ, agriculturae non student, возложили бремя земледѣлія на зависимые классы. Гильдебрандъ недоумѣваетъ, изъ кого могли составиться эти послѣдніе. Намъ кажется, что ничто не мѣшаетъ слѣдующему предположенію: зависимые классы могли образоваться изъ покореннаго кельтическаго или доарійскаго населенія. Одно присутствіе въ числѣ топографическихъ названій многихъ словъ, корень которыхъ кельтическій [3], вызываетъ въ умѣ представленіе о болѣе раннихъ насельникахъ края, которыхъ

---

1) См. Линниченко, Очеркъ исторіи сословій въ Галиціи въ XIV и XV вѣкѣ. Москва, 1894 годъ

2) Siedelung und Agrarwesen der Germanen, т. I, стр. 515—526.

3) См. Arnold, Ansiedelungen und Wanderungen der Germanen, глава о топографическихъ названіяхъ, корень которыхъ кельтическій.

германцы, очевидно, не имѣли возможности истребить поголовно Первоначальный контингентъ рабовъ возросъ съ теченіемъ времени, благодаря добровольному закабалѣнію, о которомъ Тацитъ говоритъ въ XXIV главѣ, приводя источникомъ его страсть къ азартнымъ играмъ и готовность рискнуть при случаѣ даже свободой. Попытка установить двѣ категоріи рабовъ, изъ которыхъ одни были бы туземнаго, а другіе иноземнаго происхожденія, не находитъ себѣ оправданія въ текстахъ. Тацитъ знаетъ только рабовъ и вольноотпущенниковъ (liberti), о послѣднихъ онъ замѣчаетъ, что они мало чѣмъ возвышаются надъ рабами [1]). Это обстоятельство не удивитъ насъ, разъ мы узнаемъ изъ словъ того же Тацита, что положеніе рабовъ болѣе приближается у германцевъ къ положенію крѣпостныхъ, чѣмъ къ положенію невольниковъ. Каждая семья надѣлена самостоятельнымъ очагомъ и платитъ собственнику только извѣстную ренту хлѣбомъ, скотомъ или одеждою. Самъ Тацитъ сравниваетъ въ этомъ отношеніи германскаго серва съ римскимъ колономъ, которому господинъ также предписываетъ платежъ опредѣленной ренты, canon или tributum. Такъ какъ земля поступала въ надѣлъ рабамъ, то не удивительно, что закабаленныхъ ждала обыкновенно нѣсколько иная участь. Этихъ соплеменниковъ не сажали на землю, къ обработкѣ которой они были не привычны; ихъ старались сбыть съ глазъ долой, опасаясь, быть можетъ, съ ихъ стороны тѣхъ актовъ сопротивленія, которыхъ нечего было ждать отъ вѣковѣчныхъ рабовъ. Вотъ почему о нихъ Тацитъ говоритъ, какъ о поступающихъ обыкновенно въ продажу [2]). Это не значитъ, чтобы прочіе рабы составляли высшее по отношенію къ нимъ состояніе, какъ не прочь, повидимому, думать Гильдебрандъ, пытающійся основать на фактѣ умолчанія Тацитомъ продажи другихъ рабовъ гипотезу о принадлежности отчуждаемыхъ къ германскому племени. Болѣе выгодное сравнительно съ римскими рабами положеніе германскихъ находитъ объясненіе себѣ въ самыхъ условіяхъ патріархальнаго быта, при которомъ нѣтъ нужды въ челяди, въ дворовыхъ холопахъ, такъ какъ, по словамъ того же Тацита, жена и дѣти производятъ всѣ домашнія работы [3]). Понятно, что при такихъ условіяхъ нѣтъ мѣста для содержанія рабовъ по римскому образцу при усадьбѣ помѣщика и пріуроченія ихъ группами къ различнымъ ремесламъ. Это и говоритъ Тацитъ, замѣчая. ceteris servis non in

1) Гл. XXV: liberti non multum supra servos sunt

2) Гл. XXIV: Servos condicionis huius per commercia tradunt, ut se quoque pudore victoriae exsolvant.

3) Cetera domus officia uxor ac liberi exsequuntur

nostrum morem descriptis per familiam ministeriis utuntur. Нерасположеніе германцевъ къ сельскому хозяйству, которое, какъ мы видѣли, состоитъ у нихъ въ завѣдываніи женщинъ и неспособныхъ къ военной службѣ, служитъ лишнимъ основаніемъ къ тому, чтобы отказаться даже отъ веденія хозяйства на собственный рискъ. Германцы предпочитаютъ положиться на сельскихъ рабовъ, обложивъ ихъ одной натуральной рентой. Въ эпоху Тацита они дѣлаютъ съ покоренными ими кельтическимъ или галльскимъ населеніемъ то же, что въ V вѣкѣ они продолжаютъ дѣлать съ галло-римскими колонами и plebae adscripti: они сохраняютъ за ними ихъ надѣлы и требуютъ только приношеній продуктами. Живя вдали отъ господъ самостоятельною жизнью и являясь для нихъ источникомъ постояннаго дохода, сельскіе рабы представляютъ цѣнность, которую хозяинъ не рѣшится принести въ жертву собственной утѣхѣ или капризу. Онъ можетъ убить раба, говоритъ Тацитъ, въ порывѣ гнѣва, но онъ не станетъ ни обременять его работой, ни бить его, рискуя нанести ему увѣчья и сдѣлать негоднымъ къ труду; онъ не станетъ также держать его въ заточеніи [1]). Все это противно его собственнымъ интересамъ, и хозяйственный расчетъ побуждаетъ къ гуманности, какой не требуетъ законъ.

Такова въ общихъ чертахъ картина хозяйственныхъ порядковъ, господствовавшихъ въ Германіи въ I вѣкѣ имперіи. Мы не имѣемъ свѣдѣній о тѣхъ перемѣнахъ, какимъ изображенные порядки подверглись въ ближайшія столѣтія до момента поселенія германцевъ среди римлянъ. Весьма вѣроятно, что ростъ населенія, заставившій германцевъ принять предложеніе поселиться сперва въ Савойѣ и Бургундіи, а затѣмъ въ Аквитаніи, самопроизвольно вызвалъ въ ихъ средѣ процессъ перехода къ болѣе интензивнымъ формамъ хозяйничанья, плохо мирившимися съ прежней захватной системой пользованія. Весьма вѣроятно, что тѣснимые съ востока славянскими и тюркскими племенами, и не находя достаточнаго простора въ собственной родинѣ, они проникали въ Галлію мирно или силою оружія, надѣленные уже нѣсколько иными хозяйственными и юридическими представленіями, чѣмъ тѣ, какія держались у нихъ въ эпоху Тацита. Это обстоятельство могло только содѣйствовать той романизаціи германскаго экономическаго и правового строя, съ характеромъ которой мы познакомимся въ ближайшихъ главахъ.

---

[1]) Cap. XXV: Verberare servum ac vinculis et opere coercere rarum: occidere solent, non disciplina et severitate, sed impetu et ira, ut inimicum, nisi quod impune est.

ГЛАВА III.

Землевладѣніе у франковъ въ эпоху Салической Правды и первыхъ капитуляріевъ.

§ 1.

При толкованіи тѣхъ статей Салической Правды, которыя бросаютъ, если не прямой, то косвенный свѣтъ на характеръ землевладѣнія у того изъ германскихъ племенъ, которое получило письменную запись своихъ обычаевъ еще до вторженія въ римскіе предѣлы, можно слѣдовать двоякому пріему. Можно анализировать статью за статьею этотъ вызывающій такъ много разнорѣчій памятникъ, стараясь проникнуть сквозь призму не всегда удачно выбранныхъ латинскихъ терминовъ въ дѣйствительную природу передаваемыхъ ими бытовыхъ и юридическихъ отношеній, или, составивъ себѣ на основаніи предварительнаго знакомства съ Правдою и ближайшими къ ней по времени источниками общую картину современныхъ имъ земельныхъ порядковъ, доказать ссылками на отдѣльныя постановленія ихъ рѣшительное сопаденіе съ буквальнымъ смысломъ источниковъ. Первый путь испробованъ былъ не разъ; за послѣднее время Фюстель де Куланжемъ и Блюменштокомъ, которые, слѣдуя ему, пришли къ двумъ противуположнымъ выводамъ. Не указываетъ ли уже самое это обстоятельство на необходимость измѣнить методъ въ смыслѣ возведенія въ систему отдѣльныхъ нормъ и широкаго пользованія аналогіей для доказательства, что отрывочныя свидѣтельства Правды, упоминаемые ею одиночные обычаи и отношенія мыслимы только при извѣстномъ порядкѣ землевладѣнія. Этотъ порядокъ долженъ вполнѣ отвѣчать какъ экономическимъ условіямъ времени: слабой относительно густотѣ населенія, преобладанію пастушескаго образа жизни, экстензивному характеру землевладѣнія, такъ и общественному и политическому укладу, а именно отсутствію рѣз-

ко проведенныхъ сословныхъ различій и противуположности бѣдности и богатства, а также постепенно возрастающей власти племеннаго старѣйшины, который въ порядкахъ завоеванной франками Галліи и въ нормахъ римскаго права, регулирующаго гражданскія отношенія его новыхъ подданныхъ, ищетъ образцовъ затѣваемыхъ имъ юридическихъ реформъ въ расчетѣ, что эти послѣднія только упрочатъ его власть и вліяніе.

Исторической критикой установленъ, какъ намъ кажется, вполнѣ прочно тотъ фактъ, что до насъ не дошло, если не говорить о позднѣйшей редакціи короля Клодвига или такъ называемой emendata, офиціальнаго текста древнѣйшей Салической Правды. [1]) Разнорѣчія отпечатанныхъ Гесселемъ рукописей слишкомъ значительны, чтобы найти объясненіе себѣ въ случайныхъ описяхъ; они свидѣтельствуютъ о томъ что въ обращеніи было нѣсколько, можетъ быть, разновременныхъ записей юридическихъ обычаевъ франковъ до эпохи заселенія ими сѣверо-восточной Галліи, и что первоначальная редакція потеряна. Это обстоятельство указываетъ намъ на необходимость принимать въ расчетъ варіанты и не слѣдовать исключительно болѣе или менѣе произвольно возстановленному, такъ называемому древнѣйшему тексту Другое поученіе, какое выносишь изъ чтенія обширной литературы комментаторовъ этого памятника, это—односторонность того взгляда, который между частной собственностью и мірскимъ землевладѣніемъ не видитъ никакихъ посредствующихъ формъ и, соотвѣтственно этому, пытается то ввести въ систему индивидуальнаго и, самое бо́льшее, семейнаго землевладѣнія обычаи и порядки, явно его отрицающіе, то восполнить эти послѣдніе не упоминаемыми Правдою періодическими передѣлами. Историко-сравнительное изученіе земельныхъ порядковъ вполнѣ осуждаетъ такой пріемъ, раскрывая предъ нами длинный рядъ формъ коллективной собственности, не нуждающейся въ передѣлахъ для обезпеченія каждой семьѣ отвѣчающаго ея дѣйствительнымъ нуждамъ фактическаго пользованія почвой; оно показываетъ намъ также, что общинный принципъ землевладѣнія не исключаетъ вполнѣ возможности и дворового владѣнія, осуществляемаго членами семейной общины также по смерти ея главы, даже послѣ частичнаго раздѣла наслѣдства между сыновьями покойнаго, его братьями и внуками. Еще въ наши дни слабо населенныя области сѣвера и юга Россіи (Олонецкая губернія, Сибирь, земля войска Донского) представляли

[1]) Ср. Блюменштокъ. Entstehung des deutschen Immobiliareigenthums, стр 207.

образцы такого не вполнѣ удачно названнаго изслѣдователями захватнаго способа пользованія, при которомъ обрубливаніе и обпахиваніе участковъ въ предѣлахъ принадлежащей общинѣ территоріи создавали титулъ владѣнія для производящихъ ихъ очаговъ. Кончина главы двора не уничтожала правъ оставшихся въ живыхъ «заимщиковъ» на пользованіе произведеннымъ выдѣломъ, а распаденіе семейнаго единства становилось только источникомъ долевого владѣнія заимкой.

Ничто, повидимому, не противорѣчитъ въ такой мѣрѣ принципу общинной собственности, какъ право распоряженія, осуществляемое частными семьями, а между тѣмъ, какъ показываетъ примѣръ тѣхъ же областей и всей нашей сѣверной и южной окраины (напримѣръ, Архангельской губерніи и Вологодской), не далѣе, какъ въ прошломъ столѣтіи, заимки отдѣльныхъ дворовъ могли переходить вполнѣ или отчасти въ чужія руки, разумѣется, съ согласія лицъ, входившихъ въ составъ двора Только подъ условіемъ занятія всей свободной отъ лѣса и не утилизируемой подъ пастбище площади численно умножившимися дворами, община, какъ цѣлое, выходитъ изъ роли безмолвнаго свидѣтеля такихъ частныхъ распоряженій и налагаетъ на нихъ свое veto.

Но всего ранѣе принципъ принадлежности земли не частному лицу, а всей совокупности сосѣдей-членовъ одного міра, сказывается въ недопущеніи заимокъ со стороны чужаковъ. Какъ показываетъ приведенный мною примѣръ изъ быта осетинъ, протестъ можетъ принять форму даже насильственнаго разрушенія жилища пришлеца, очевидно, изъ страха, чтобы новый поселенецъ не уменьшилъ размѣровъ фактическаго владѣнія наличныхъ членовъ общины въ нивахъ, лугахъ, лѣсахъ и водахъ, ей принадлежащихъ. Этимъ же мотивомъ объясняется, почему община не относится безразлично даже къ пріему частнымъ дворомъ на своей заимкѣ новаго поселенца, такъ какъ послѣдній можетъ предъявить требованіе на пользованіе остающимися въ нераздѣльности лѣсами и выпасами, охотами и уловами. Новыя заимки, производимыя путемъ корчеванія лѣса, при возростающей густотѣ населенія и de facto и de jure становятся преимуществомъ однихъ входящихъ въ составъ общины дворовъ. Возникающіе такимъ путемъ хутора обусловливаютъ собою образованіе на ряду съ сельскими поселеніями и обособленныхъ дворовыхъ; такъ что нерѣдко одна и таже община заключаетъ въ себѣ оба, повидимому, взаимно исключающіе другъ друга типа. Но по мѣрѣ того, какъ новыя заимки начинаютъ граничить съ прежними, хуторъ уступаетъ

мѣсто селу. Крестьяне, какъ показываетъ опытъ тѣхъ изъ нашихъ великорусскихъ губерній, которыя уже перешли къ системѣ періодическаго передѣла, вводятъ нерѣдко вновь возникшій хуторъ въ общую систему мірской разверстки, для чего существуетъ даже особый установленный практикой терминъ «припустить». Но это только послѣднее звено въ продолжительной эволюціи, начало которой положено было дѣйствующими разрозненно и поодаль другъ отъ друга корчевщиками, каждый разъ пользующимися молчаливымъ согласіемъ общины Обычное выраженіе, которымъ обозначаются въ нашей крестьянской практикѣ, такія заимки «куда топоръ и соха ходили» какъ нельзя лучше указываетъ, что обрубливаніе корчевщикомъ границъ занятаго участка съ вѣдома и согласія общины является первоначальнымъ источникомъ возникновенія обособленнаго отъ міра дворового владѣнія.

Та юридическая фикція, которая переноситъ на большинство правъ всего состава общины, не была извѣстна древнему праву. Въ русскихъ вѣчевыхъ собраніяхъ и, столѣтіе спустя, въ польскихъ сеймахъ рѣшеніе считалось состоявшимся только подъ условіемъ единогласія. Есть поэтому полное основаніе думать, что личный протестъ, всесильный въ сферѣ административныхъ и политическихъ мѣропріятій, имѣлъ не меньшее значеніе и въ области экономическихъ распорядковъ, что частной инициативы было достаточно, чтобы опорочить распоряженіе, сдѣланное тѣмъ или другимъ дворомъ, даже при нѣмомъ согласіи общины, по отношенію къ части или ко всей совокупности принадлежащей ему заимки.

Эти органически связанныя между собою черты общиннаго быта и хозяйства, предшествующаго по времени системѣ періодическихъ передѣловъ и мыслимаго только при слабой густотѣ населенія и преобладаніи первобытныхъ промысловъ надъ землевладѣніемъ, представились моему воображенію при чтеніи отдѣльныхъ титуловъ Салической Правды, имѣющихъ отношеніе къ имущественному праву. Начать съ того, что во всемъ этомъ памятникѣ ни разу не встрѣчается термина, служащаго для обозначенія права собственности на землю. Употребляемыя же имъ выраженія—facultas и fortuna, какъ указано комментаторами, примѣнимы только къ движимости [1]). Когда подлежащій возмездію преступникъ, признавая себя несостоятельнымъ уплатить

[1]) „Facultas und fortuna, говоритъ Блюменштокъ, bezeichnen wie bekannt in der L. Sal. ausschliesslich bewegliches Vermögen". (См. Entstehung des deutschen Immobiliareigenthums von D-r Blumenstok. 1894 г., стр 270).

композицію, поставленъ въ необходимость разорвать связь съ родственниками и сдѣлаться такимъ же бездомнымъ скитальцемъ, какимъ является кавказскій абрекъ, [1]) онъ оставляетъ только facultas et fortuna. Что въ извѣстномъ титулѣ «de chrenecruda» дѣло идетъ о такомъ разрывѣ съ близкими, на это указываетъ употребительный въ такомъ случаѣ символъ, въ которомъ передача горсти земли, собранной изъ четырехъ угловъ жилища, означаетъ готовность порвать съ землею родины, а не уступку на нее права собственности, въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что о значеніи этого символа говоритъ еще Плиній въ своей Historia Naturalis [2]). Какъ во всѣхъ родовыхъ обществахъ, практикующихъ систему кровной мести и выкуповъ, такъ въ частности и въ средѣ кавказскихъ горцевъ, выбытіе виновнаго переноситъ на ближайшаго родственника, вмѣстѣ съ обязанностью по платежу композиціи, и все его достояніе. Неудивительно поэтому, что то же имѣетъ мѣсто и среди салическихъ франковъ. Если же въ руки ближайшаго родственника, на котораго падаетъ отвѣтственность, переходитъ только facultas et fortuna, то это обстоятельство служитъ косвеннымъ указаніемъ на то, что частной недвижимой собственности не было въ рукахъ случайнаго виновнаго или, что то же, въ рукахъ любого изъ салическихъ франковъ. [3]).

Но что же въ такомъ случаѣ означаетъ защита загородей (clausurae) и урожаевъ (messes), о которой говоритъ титулъ IX-й Салической Правды? То же, что въ обычномъ правѣ нашего сѣвернаго и сибирскаго крестьянства означаетъ запретъ всякаго присвоенія чужой заимки, границы которой указаны топоромъ, плугомъ или косою.

Возведеніе живыхъ плетней не можетъ служить препятствіемъ къ поступленію частныхъ полей подъ общій выпасъ, какъ это показываетъ и позднѣйшая практика занятыхъ германцами странъ, въ которыхъ надѣльная система мирилась съ правомъ охранять нивы отъ потравъ

---

[1]) Салическая Правда употребляетъ для его обозначенія терминъ uuargus. (См. титулъ LV, § 2). Позднѣйшая прибавка къ титулу IV буквально говоритъ: uuargus id est expellis, другими словами, изгнанникъ, отверженный, а титулъ LVI объявляетъ такого человѣка extra sermonem regis positus, другими словами, порвавшимъ связь подданства и потерявшимъ право на заступничество высшаго представителя племени; это послѣдствіе его разрыва съ родиной.

[2]) Historia Naturalis, 22, 4. На это указано Лампрехтомъ въ его Deutsches Wirthschaftsleben, т I, гл. I, стр. 24.

[3]) Въ титулѣ 58 de chrenecruda неспособный уплатить композицію убійца бросаетъ за спину горсть земли только super illum, quem proximiorem parentem habet.

путемъ возведенія снимаемыхъ послѣ уборки огорожъ. [1]) А что такія подвижныя загороди только и имѣются въ виду Салическимъ закономъ, на это указываетъ возможность ихъ кражи, о которой говоритъ титулъ XXXIV-ый [2]). Правда, Салическій законъ знаетъ и campus alienus и messis aliena, но это чужое поле или чужая нива еще не доказываютъ существованія права частной собственности Мы видѣли, что обпаханное общинное поле, какъ и обкошенный общинный лугъ, могутъ пользоваться защитой, не переставая отъ этого быть общинными. Вспахавшій чужое поле, смотря по тому, упорствовалъ ли онъ въ своемъ присвоеніи, подвергнувъ его послѣдовательному посѣву, или нѣтъ, также наказуется Правдой штрафомъ въ 15 и 45 солидовъ. [3]) Блюменштокъ совершенно правильно настаиваетъ на той мысли, что законъ защищаетъ въ данномъ случаѣ только жатву; [4]) въ немъ нѣтъ ни одной статьи, которая бы противилась свободному прогону стадъ послѣ снятія урожаевъ. Титулъ XXXIV даже косвенно указываетъ на то, что поля подлежали общему проѣзду во все время отъ уборки до новыхъ всходовъ. Платежу 15 солидовъ подлежитъ только тотъ, кто per messe aliena (sic) iam palmitantem sine via transierit. Штрафъ падаетъ до 3 солидовъ для того, кто попортитъ чужую пашню уже послѣ уборки, проѣхавшись по ней съ оставляющимъ глубокій слѣдъ земледѣльческимъ орудіемъ или подводой (qui ergicem traxerit aut cum caro sine via transierit). О тѣхъ же, кто не причинилъ никакого вреда будущимъ урожаямъ прогономъ скота или проходомъ, не сказано ни слова.

Еще меньшей защитой пользуются сѣнокосы: скосившій траву на

---

[1]) См, напримѣръ, у Сэбома и Мейцена описаніе системы открытыхъ полей въ XIII и XIV вѣкѣ.

[2]) Дѣло нисколько не измѣняется отъ того, что, какъ старается доказать это Мейценъ, заборы возводимы были франками не изъ однихъ сплетенныхъ вѣтокъ, но также изъ сухого дерева, что и объясняетъ возможность ихъ поджога, о которомъ говоритъ § 4 титула XVI Соображая то, что говоритъ о cepibus furatis XXXIV титулъ, § 2, 3 и 4, можно думать, что огорожа представляла, какъ это сплошь и рядомъ встрѣчается еще въ нашихъ хозяйствахъ, смѣсь кольевъ и плетней. Они, очевидно, имѣли цѣлью защиту посѣвовъ не отъ людей, а отъ животныхъ. Иначе, покидающій родину убійца, согласно титулу LVIII, не имѣлъ бы возможности въ одномъ бѣгѣ sua sepe salire, другими словами, перелѣзть черезъ заборъ; прибавимъ, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ, очевидно, объ огорожѣ заселеннаго двора, который конечно пользовался большей защитой, чѣмъ нивы.

[3]) Титулъ XXVII, § 24 и 25

[4]) См, стр. 237.

чужомъ лугу, согласно § 10, XXVII титула, только теряетъ въ пользу владѣльца произведенный имъ трудъ (opera sua perdat); трава достается не косильщику, а тому, въ чьихъ рукахъ находится пользованіе лугомъ. Но такая защита принадлежитъ и любому члену сельской общины, который, слѣдуя обычаю, обкоситъ присвоенный имъ на годъ участокъ степи; и онъ въ правѣ повернуть въ свою пользу трудъ того, кто сниметъ траву въ предѣлахъ его заимки.

Не скажу сходство, а тождество порядковъ землевладѣнія салическихъ франковъ съ тѣми, какіе мы встрѣчаемъ всюду, гдѣ господствуетъ заимочное владѣніе при общинной собственности, съ тою же наглядностью выступаетъ и въ примѣненіи къ лѣсу Чтобы указать границы своего индивидуальнаго присвоенія, заимщикъ обращается къ топору въ такой же степени, какъ къ плугу или косѣ Совершенно согласно съ этой практикой, Салическая Правда грозитъ штрафомъ въ три солида только тому, кто присвоитъ себѣ въ лѣсѣ «дерево», помѣченное чужимъ топоромъ, хотя бы съ одной стороны (ex una parte dolato). Но вотъ нѣчто еще болѣе характерное и не оставляющее сомнѣнія въ томъ, что дѣло идетъ о защитѣ одного пользованія, а не права собственности: подобнаго рода надсѣчки служатъ средствомъ присвоенія только на годъ. § 19 того же титула говоритъ. тотъ, кто срубитъ дерево годъ спустя послѣ наложенія на него клейма, не несетъ никакой отвѣтственности (si quis arborem post annum quo fuit signatus praesumpserit, nullam habeat culpam). Этотъ обычай остается въ силѣ и много времени спустя послѣ первоначальной редакціи Салической Правды, какъ видно изъ позднѣйшей прибавки къ тому же титулу. Она точнѣе выясняетъ самую природу обычая. Если, значится въ ней, кто-либо помѣтитъ вѣтку и не повалитъ дерева, а со времени наложенія клейма пройдетъ годъ, то за тѣмъ, кто возьметъ себѣ дерево, не можетъ быть признано никакой вины. Если же кто въ теченіе года снесетъ верхушку (такимъ образомъ помѣченнаго дерева), тому платить штрафъ въ 3 солида) [1].

Какъ послѣ всего сказаннаго Мейценъ, полемизируя съ Шредеромъ, считаетъ возможнымъ говорить, что все въ Салической Правдѣ свидѣтельствуетъ о старинномъ и прочномъ господствѣ начала частной

---

[1]) Дѣйствительный смыслъ употребляемаго Правдою термина capulare, выступаетъ изъ слѣдующихъ словъ одного изъ франкскихъ капитуларіевъ: si quis materiam de silva involaverit aut lignarium quem alter capulaverit vel in carro carcaverit pro utraque causa XV sol c. j Здѣсь, очевидно, дѣло идетъ о томъ, кто присвоитъ себѣ снятый другимъ лѣсъ

собственности. мы рѣшить не беремся [1]), тѣмъ болѣе, что названный писатель совершенно чуждъ тѣхъ пріемовъ, какихъ придерживается, напримѣръ, Фюстель де Куланжъ, придающій употребляемымъ Правдою терминамъ—dominus, alienus, suus, то самое значеніе, какое они имѣютъ въ Кодексѣ Юстиніана, и потому, разумѣется, находящій въ средѣ салическихъ франковъ и систему частной собственности [2])

О послѣдней въ строгомъ смыслѣ слова можно говорить только въ примѣненіи къ усадьбѣ съ ея составными частями, со скрыней (screuna)[3]), амбарами, загонами для свиней, конюшнями, о которыхъ упоминаетъ титулъ XVI-й, а также—въ примѣненіи къ огородамъ или садамъ, все равно, будутъ ли они служить къ разведенію фруктовыхъ деревьевъ: рѣпы, чечевицы, фасоли или горошка. Титулъ XXVII уже различаетъ pomarium и pergrium отъ ortus, въ которомъ онъ предполагаетъ посадку поименованныхъ выше овощей. Въ томъ обстоятельствѣ, что усадьба и сады уже являются предметомъ не столько индивидуальнаго, сколько семейнаго присвоенія, нельзя видѣть противорѣчія сказанному объ общинномъ характерѣ недвижимой собственности. Древнѣйшее право причисляетъ и усадьбу и фруктовыя деревья къ движимостямъ, признавая, напримѣръ, за тѣмъ, кто посадилъ яблоню или грушу даже въ чужомъ полѣ, право на снятіе плодовъ [4]). Лампрехтъ, раздѣляя высказанную Гриммомъ догадку касательно пріуроченія древними германцами жилищъ къ движимостямъ, справедливо указываетъ на то, что въ основѣ такого воззрѣнія, еще выступающаго въ народныхъ юридическихъ поговоркахъ, лежали фактическія отношенія. Если германцы не жили, подобно древнимъ сарматамъ, на своихъ повозкахъ [5]), то и они складывали свои хижины изъ легко разбираемаго матеріала. Деревянныхъ половъ не было; иначе бы въ титулѣ de chrenecruda не говорилось о возможности набрать земли въ руку изъ четырехъ угловъ комнаты; не было также и потолка,

---

[1]) Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slawen, von August Meitzen. Томъ I, 1895 г., стр 591: „Vielmehr deuten alle Anzeichen auf alten und dauernden Bestand des Privateigenthums".

[2]) См. L'alleu et le domaine rural стр. 101.

[3]) Ducange. У жителей Шампани скрыней считается землянка, прикрытая сверху навозомъ.

[4]) См I-ую гл. моего „Общиннаго землевладѣнія".

[5]) Страбонъ еще говоритъ о свевахъ и вообще о народностяхъ къ востоку отъ Эльбы, какъ о проводящихъ время въ вѣчномъ передвиженіи съ мѣста на мѣсто на своихъ подводахъ въ сопровожденіи стадъ, VII, 1, 3. Цитировано Waitz, Verfassungsgeschichte, 3-е изд., т. I, стр. 106

иначе—брошенный чрезъ отверстіе крыши камень не могъ бы грозить смертью или пораненіемъ лицамъ, пребывающимъ въ домѣ,—случай, предвидѣнный однимъ капитуляріемъ, говорящимъ de eo, qui de supra tecto lapide miserit aut iactaverit super ingenium, dum in domum suam resedit [1]). Салическая Правда даетъ свою защиту жилищу франка; она даетъ ее плетню и кольямъ, изъ которыхъ слагается его ограда, и все это потому, что признаетъ титулъ собственности за тѣмъ, кому принадлежитъ строительный матеріялъ. Въ позднѣйшей добавкѣ къ титулу XXVII предвидится даже случай кражи чужого дома—«si quis casam alienam sine consilium domini sui traxerit»,—что, очевидно, возможно только при легкости постройки и возможности разобрать ее во всякое время. Не высокій штрафъ въ 30 солидовъ, всего въ два раза превышающій тотъ, какой грозитъ вору ограды (титулъ XXXIV de sepibus furatis), только подтверждаетъ догадку о подвижности жилищъ и приуроченія ихъ на этомъ основаніи къ движимой собственности, которая одна, какъ извѣстно, можетъ сдѣлаться предметомъ кражи.

Остается затѣмъ еще одно недоразумѣніе, порождаемое упоминаніемъ Правдою о vinea aliena, чужомъ виноградникѣ; но оно устраняется тѣмъ соображеніемъ, что, вслѣдствіе климатическихъ условій первоначально занятой салическими франками мѣстности, винодѣліе необходимо отсутствовало въ ихъ быту, а, слѣдовательно, о немъ не могло быть и рѣчи въ не дошедшемъ до насъ древнѣйшемъ текстѣ. Только съ момента проникновенія ихъ въ Галлію въ IV вѣкѣ и воздѣйствія римскихъ хозяйственныхъ и юридическихъ порядковъ на германскіе, сложились условія, объясняющія намъ появленіе въ текстѣ Правды §§ 12 и 13 XXVII-го титула о защитѣ чужихъ виноградниковъ [2]). Во всей Салической Правдѣ одно упоминаніе о льнѣ in campo alieno говоритъ въ моихъ глазахъ о возможности присвоенія извѣстныхъ участковъ на бо́льшее или меньшее число лѣтъ, такъ какъ земля не можетъ дать послѣдовательно нѣсколькихъ урожаевъ этого растенія и требуетъ семилѣтняго отдыха. Но ничто въ нашей теоріи и не говоритъ объ ограниченіи періода семейныхъ заимокъ въ общин-

---

[1]) Capit. III, 2 Цитированъ Мейценомъ на стр. 582, I т.

[2]) См Schröder: Die Franken und ihr Recht, стр 37. Блюменштокъ указываетъ на то, что упоминаемый въ титулѣ XXXV древнѣйшаго свода (предпослѣдній § X титула въ изданіи Гесселя) виноградарь (vinator) во многихъ дошедшихъ до насъ кодексахъ: въ 3, 5, 6, 7, 8 и 9 уступаетъ мѣсто охотнику, venator, высшая общественная квалификація котораго, на ряду съ кузнецомъ и золотыхъ дѣлъ мастеромъ, является вполнѣ объяснимой. См стр 235.

ной землѣ исключительно однимъ или двумя годами. Такое допущеніе необходимо тѣмъ, кто, подобно Лампрехту, предполагаетъ существованіе у салическихъ франковъ періодическаго передѣла. Но такъ какъ о послѣднемъ нѣтъ и помину въ текстѣ Правды, а только что приведенное соображеніе рѣшительно противорѣчитъ ему, то мы видимъ въ этомъ новое основаніе въ пользу мысли, что общинное землевладѣніе въ эпоху первоначальной редакціи этого древняго свода было землевладѣніемъ захватнымъ, а не мірскимъ. При захватномъ способѣ пользованія одни и тѣ же участки въ теченіе ряда лѣтъ могутъ быть и обыкновенно бываютъ предметомъ присвоенія одной и той же семьи, что, однако, не ведетъ ни мало къ потерѣ общиной ея титула собственности Но общинное владѣніе необходимо предполагаетъ сельскія, а не дворовыя поселенія. Между тѣмъ, многіе писатели. Инама Штернегъ, Фюстель де Куланжъ и отчасти Мейценъ, не говоря о болѣе раннихъ комментаторахъ Салической Правды, начиная съ Юстуса Мезера, рѣшительно отрицаютъ существованіе селъ у древнихъ германцевъ и, въ частности, у франковъ. Такой взглядъ опирается частью на извѣстный текстъ Тацита, colunt dispersi ac diversi, ut fons etc. placuit, частью на отсутствіе въ Правдѣ термина vicus, въ классической латыни употребительнаго для обозначенія села. Считая дворовыя поселенія типической особенностью болѣе раннихъ насельниковъ, кельтовъ [1]), Мейценъ думаетъ, что они усвоены были и франками, которые только съ момента перехода на лѣвый берегъ Рейна вплоть до Луары, сочли нужнымъ прибѣгнуть къ сельской формѣ поселеній [2]). То обстоятельство, что, какъ показываетъ тотъ же писатель, села смѣняютъ въ сѣверной Франціи и Лотарингіи распространенные на правомъ берегу Рейна и на его низовьяхъ дворы [3]), служитъ подтвержденіемъ этой теоріи, такъ какъ противуполагаетъ порядкамъ позднѣйшей родины порядки болѣе древней.

Дворовый характеръ осѣдлости вполнѣ отвѣчаетъ захватному способу общиннаго владѣнія и сплошь и рядомъ можетъ быть констатированъ въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ въ XVII и XVIII вѣкахъ. Споръ о дворовомъ или сельскомъ характерѣ поселеній древнихъ германцевъ могъ имѣть значеніе только для признанія или непризнанія за ними системы періодическихъ передѣловъ, такъ что рѣшеніе этого

---

[1]) См. т I, стр. 536.
[2]) Ibid , стр. 525.
[3]) Ibid., стр. 517

спора въ первомъ смыслѣ служитъ подтвержденіемъ нашей теоріи о захватномъ, а не мірскомъ порядкѣ пользованія среди германцевъ. Но если, такимъ образомъ, мы вполнѣ присоединяемся къ Мейцену въ томъ, что онъ говоритъ о раннемъ періодѣ исторіи германцевъ и, въ частности, франковъ, то, съ другой стороны, мы рѣшительно возстаемъ противъ только отчасти раздѣляемаго имъ стремленія видѣть въ упоминаемыхъ Салической Правдой villae исключительно одиночные дворы, а не села. Никто, конечно, изъ тѣхъ, кто стоитъ за признаніе селъ у франковъ Галліи, не рисуетъ себѣ этихъ селъ обширными слободами, на подобіе нашихъ украинскихъ селъ, вызванныхъ интересами защиты въ такой же мѣрѣ, какъ и сельско-хозяйственнымъ расчетомъ Это могли быть, самое бо́льшее, деревни, занятыя однимъ или нѣсколькими родами и возникшія благодаря дробленію семей и очаговъ Если Фюстель де Куланжъ переводитъ постоянно villa помѣстьемъ (domaine), то онъ можетъ дѣлать это только потому, что, въ его глазахъ, ко времени редакціи Салической Правды это слово имѣло то же значеніе, что и въ I и II вѣкѣ Но такъ ли это? Можемъ ли мы утверждать, что Правда всегда употребляетъ этотъ терминъ въ одномъ и томъ же смыслѣ—частнаго имѣнія? Разберемъ внимательно тѣ статьи, въ которыхъ попадается слово villa. Въ древнѣйшемъ текстѣ оно встрѣчается четыре раза. Въ трехъ случахъ, какъ мы сейчасъ покажемъ, villa по смыслу отвѣчаетъ понятію деревни. Только въ одномъ случаѣ возможно разнорѣчіе въ интерпретаціи. Начнемъ съ этого послѣдняго. Дѣло идетъ о нападеніи на чужую villa. Въ одной, правда, позднѣйшей редакціи, этотъ случай переданъ словами: буде кто нападетъ на чужую villa и сломаетъ въ ней жилища, убьетъ собакъ, причинитъ пораненіе людямъ и увезетъ оттуда что-либо на подводѣ, тотъ присуждается къ уплатѣ 200 солидовъ и возвращенію всего похищеннаго. Всѣ, кто принимали участіе въ шайкѣ или присоединились къ ней впослѣдствіи, платятъ $62^1/_2$ солида

Если Мейценъ считаетъ возможнымъ толковать эту статью въ томъ смыслѣ, будто въ ней говорится о нападеніи на частный дворъ, то онъ дѣлаетъ это на основаніи только слѣдующаго соображенія. «Въ § 2 титула VI», пишетъ онъ, «говорится объ убійствѣ по заходѣ солнца, когда спущены съ цѣпи собаки (canis, qui legamine novit); днемъ онѣ были на привязи, ночью же могли бѣгать свободно, что, очевидно, могло имѣть мѣсто только въ предѣлахъ двора, а не селенія» [1]). Я рѣшительно не вижу причинной зави-

[1]) См. т. I, стр 284.

симости между этими фактами. Авторъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, когда переводитъ встрѣчаемый въ той же статьѣ франкскій терминъ turpephaldeo — словомъ Dorfuberfall. Извѣстно, что многія статьи Правды снабжены такъ называемой мальбергской глоссой, которая должна была употребленіемъ освященнаго обычаемъ германскаго термина вызвать, если не въ судьяхъ, то въ сторонахъ, быть можетъ, не всегда знакомыхъ съ латынью, представленіе о томъ, что служило предметомъ законодательнаго регулированія. Слово turpephaldeo выражаетъ въ данномъ случаѣ все то, что стоитъ въ латинскомъ текстѣ, другими словами, въ глазахъ франковъ описанное нападеніе было нападеніемъ на деревню, и villa aliena означала здѣсь не чужой дворъ, а чужую деревню. Да и какъ согласовать высокую пеню, взимаемую съ виновныхъ, съ тѣмъ штрафомъ въ 30 солидовъ, которому подлежитъ разобравшій чужое жилище, если допустить, что въ обоихъ случаяхъ объектомъ преступленія является частный дворъ? Напротивъ, высокая пеня въ первомъ случаѣ будетъ вполнѣ понятна, разъ мы признаемъ, что дѣло идетъ объ интересующемъ внутреннее спокойствіе государства междоусобіи двухъ, по меньшей мѣрѣ, родовъ, занимающихъ разныя деревни.

Другой титулъ, въ которомъ также заходитъ рѣчь о villa, титулъ LXXIII, говоритъ о случаѣ, когда преступленіе совершено juxta villam aut inter duas villas proximas sibi vicinas; лица, живущія въ этихъ villa, обозначены терминомъ vicini. Уже одно это вызываетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы законодатель имѣлъ въ виду частные дворы, такъ какъ всякое другое наименованіе для лицъ, ихъ занимающихъ, было бы болѣе подходящимъ Но терминъ «сосѣди» какъ нельзя лучше передаетъ то отношеніе, въ какомъ стоятъ жители одной и той же деревни по самому расположенію своихъ жилищъ. Дальнѣйшее содержаніе статьи еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что дѣло идетъ объ опредѣленіи отвѣтственности жителей одного изъ двухъ селъ, а не одного изъ двухъ дворовъ. Откуда было бы въ противномъ случаѣ достать тѣхъ 65 соприсяжниковъ, съ которыми «житьи люди», «meliores», поселенные въ одной изъ этихъ villa, должны очистить себя отъ подозрѣнія въ убійствѣ? Вѣдь соприсяжники всегда брались изъ ближайшей среды — родственниковъ и сосѣдей.

Титулъ III, § 6-ой, въ которомъ говорится о бугаѣ, общемъ для трехъ villae (taurus de tres villas communis), также подалъ поводъ къ утвержденію, что Салическая Правда употребляетъ терминъ villa только въ смыслѣ двора. Какъ могъ бы, разсуждаютъ защитники этого

взгляда, одинъ бугай удовлетворить запросу трехъ деревень? Мейценъ высчитываетъ даже, что въ этомъ случаѣ общее стадо не могло бы включить въ себя болѣе 40 коровъ. Но современная практика южнорусскихъ хозяйствъ сплошь и рядомъ ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ фактами, противорѣчащими такой оцѣнкѣ. Къ тому же, что̀ мѣшаетъ допустить, что три упомянутыя деревни имѣли совмѣстно не одного, а нѣсколькихъ бугаевъ? Титулъ III ни мало не исключаетъ такой возможности. Почему также представлять себѣ эти поселки настолько обширными, чтобы сдѣлать возможнымъ образованіе сотеннаго стада коровъ? Мы уже высказали нашъ взглядъ на то, чѣмъ могли они быть на самомъ дѣлѣ; мы сказали, что они рисуются намъ приближающимися скорѣе къ типу нашихъ великорусскихъ деревень, нежели украинскихъ слободъ.

Остается титулъ XLV de migrantibus, титулъ, подавшій поводъ къ продолжительной полемикѣ между Фюстель де Куланжемъ и тѣми, кто, подобно Віолэ, Глассону, Даресту, за одно съ Вайцемъ и большинствомъ нѣмецкихъ комментаторовъ, думаютъ, что Салическая Правда разумѣетъ подъ villa деревню или село. Этотъ титулъ въ древнѣйшей редакціи гласитъ въ буквальномъ переводѣ слѣдующее: «Буде кто захочетъ переселиться in villa къ другому (super alterum), и одинъ или нѣсколько человѣкъ изъ тѣхъ, кто пребываютъ in villa, пожелаютъ принять его, достаточно противорѣчія одного человѣка, чтобы отнять у него licenciam migrandi—позволеніе переселиться». Нѣкоторыя рукописи Правды заключаютъ въ себѣ варіанты, которыми не мѣшаетъ воспользоваться для правильной интерпретаціи этого текста. Такъ въ той изъ нихъ, которая у Гесселя обозначена № 4, отмѣченъ фактъ, что дѣло идетъ о переселеніи въ чужую villa, «in alienam villam». Переселяющійся не могъ быть поэтому мѣстнымъ уроженцемъ. Кодексы 7, 8 и 9 заключаютъ въ себѣ ту же прибавку. Они даютъ намъ также возможность признать, что переселеніе, о которомъ говоритъ титулъ, предпринимается съ цѣлью найти новое мѣстожительство, такъ какъ замѣняютъ терминъ licencia migrandi словами licencia permanere [1]). Фюстель де Куланжъ сопоставляетъ приведенный титулъ съ тою статьею Правды, которая говоритъ о признаніи кѣмъ-либо своего раба или лошади у другого и употребляетъ при этомъ выраженіе super alterum. Онъ послѣдовательно приходитъ къ заключенію, что Правда пользуется словомъ super въ смыслѣ apud,

---

[1]) См. Hessel-Kern. Lex Salica. варіанты къ титулу XLV древнѣйшаго текста.

и что поэтому migracio super alterum означаетъ намѣреніе поселиться у другого [1]). Правда говоритъ о переселеніи еще въ другомъ титулѣ, XIV-омъ, и предполагаетъ, что въ данномъ случаѣ переселеніе снабженъ королевскимъ приказомъ или полномочіемъ. Въ такихъ условіяхъ никакой протестъ не допустимъ, и виновный въ немъ подлежитъ пени въ 200 солидовъ, той самой, замѣтимъ мимоходомъ, какая грозитъ въ случаѣ нападенія на чужую деревню, нападенія, заключающаго въ себѣ такое же нарушеніе королевскаго мира. Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ кодексахъ: 6, 5, 10 прямо встрѣчается варіантъ, говорящій о нападеніи на такого новаго поселенца (si aliquis adsallire eum presumpserit). Въ одномъ изъ отрывочныхъ постановленій, не нашедшихъ себѣ мѣста въ общей редакціи Правды, но относящихся, несомнѣнно, къ одному съ нею періоду, объяснена причина, по которой поселеніе чужеземца можетъ вызвать протестъ со стороны того или другого изъ мѣстныхъ жителей; въ немъ говорится о разрѣшеніи пользоваться травою, водою и дорогой; это разрѣшеніе можетъ быть дано, а, слѣдовательно, въ немъ можетъ быть и отказано, жителями одной и той же convicinia (этимъ терминомъ обозначается, очевидно, совокупность сосѣдей) [2]).

Принимая во вниманіе всѣ приведенныя данныя, мы не можемъ не видѣть въ разбираемомъ титулѣ XLV нормированія того случая, когда чужеземецъ вздумаетъ устроить свой очагъ у одного изъ деревенскихъ жителей съ его согласія, при чемъ такое поселеніе, грозящее общинѣ, по меньшей мѣрѣ, необходимостью подѣлиться съ чужакомъ травою, водою и проѣздомъ, вызываетъ протестъ хотя бы одного изъ ея членовъ. Такой протестъ, очевидно, не имѣлъ бы силы и значенія по отношенію ко всему селу, если бы члены его не являлись совладѣльцами; если бы воды, выпасы и сѣнокосы не принадлежали имъ на правахъ общинной собственности, а служащее для посѣвовъ поле не подлежало общинному прогону. Вотъ почему одинъ изъ приведенныхъ нами текстовъ, на значеніе котораго для правильной интерпретаціи занимающаго насъ титула указано Віолэ, замѣняетъ слово villa терминомъ convicinia. Онъ какъ нельзя лучше показываетъ, что населяющіе деревню сосѣди образуютъ изъ себя нѣчто цѣлое, связаны фактомъ совладѣнія водою, травою и прогономъ.

Изъ позднѣйшихъ по отношенію къ Салической Правдѣ источниковъ эдиктъ Хильперика, отмѣняющій права vicini въ пользу боко-

---

[1]) См. Nouvelles recherches sur quelques problèmes d'histoire, стр 342

[2]) Extrav. B. II

вой линіи, брата, а за его смертью сестры, указываетъ, что и на разстояніи столѣтія члены сельской общины, vicini, сохраняютъ еще тѣ права собственности на частныя заимки въ сельской территоріи, которыя при захватномъ способѣ пользованія возвращаются къ общинѣ, за вымираніемъ основавшаго заимку двора. Совершенно согласно съ этой практикой, знакомой намъ изъ обычнаго права нашихъ сѣверныхъ и сибирскихъ губерній, эдиктъ Хильперика, ссылаясь на Салическую Правду, говоритъ, что сыновья и впредь должны наслѣдовать земли отца (quamdiu filii advixerint, terram habeant, sicut et Lex Salica habet). Но законодатель отмѣняетъ обычай и идетъ въ разрѣзъ съ Правдою, когда вслѣдъ затѣмъ допускаетъ наслѣдованіе дочери при отсутствіи сыновей, брата при отсутствіи дочери и сестры при отсутствіи брата. О первоначальномъ исключеніи женщинъ отъ наслѣдованія недвижимостью говоритъ извѣстный текстъ: «de terra nulla portio hereditatis ad mulierem veniat, sed ad virile sexum tota terrae hereditas perveniat». О томъ же, что наслѣдованіе въ боковой линіи является новшествомъ, заявляетъ самъ законодатель, отмѣняя болѣе раннюю практику наслѣдованія vicini [1]).

Такимъ образомъ, всѣ свидѣтельства сходятся въ признаніи общиннаго характера собственности у салическихъ франковъ и одного лишь дворового владѣнія заимками въ пахотахъ и сѣнокосахъ, при свободномъ прогонѣ стадъ по снятіи урожаевъ и пользованіи лѣсомъ для охоты, выпаса и рубки, какъ нераздѣльной собственности.

Значитъ ли это, однако, что франкамъ совершенно неизвѣстно было право индивидуальнаго присвоенія недвижимости? Не думаю, и вотъ по какимъ причинамъ.

Внимательное изученіе Салической Правды и сопоставленіе ея съ другими, даже позднѣйшими по времени законами германскихъ племенъ, напримѣръ, англо-саксонскими, не можетъ не произвесть того впечатлѣнія, что королевская власть въ эпоху ея редакціи пользовалась тою силою и вліяніемъ, какой она не имѣла у варваровъ, не проникшихъ въ предѣлы Римской Имперіи или основавшихся въ слабо романизированныхъ провинціяхъ; англо-саксы грозятъ виновному въ убійствѣ короля взысканіемъ высокаго выкупа, тогда какъ франки подвергаютъ его уже казни. Конфискація въ пользу государственной казны или фиска—одно изъ обычнѣйшихъ наказаній, упоминаемыхъ Салической Правдой. Ей доступно также понятіе вымороч-

---

[1]) Ср. Gierke, Erbrecht und Vicinenrecht (Zeitsch f Rechtsgeschichte, т. XII, стр 432).

ности: такъ въ титулѣ LXII, говорящемъ о раздѣлѣ выкуповъ за убійство пополамъ между дѣтьми покойнаго и совокупностью отцовскихъ и материнскихъ родственниковъ до третьей степени включительно, сказано, что при отсутствіи этихъ родственниковъ—illa portio in fisco colligatur. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ VII, VIII, IX и X вѣковъ это выраженіе замѣнено словами, еще рѣшительнѣе передающими ту мысль, что государственная казна вступаетъ въ права вымершаго рода. illa portio, значится въ нихъ. fiscus adquirat. Въ той же редакціи, какую Правда получила во времена карловинговъ, сдѣлана прибавка, указывающая на право распоряженія короля этою достающеюся ему частью выкупа: portio illa ad fiscum perveniat vel cui fiscus concederit [1]).

Если король находитъ въ конфискаціяхъ, штрафахъ и композиціяхъ средство къ обогащенію своей казны, источникъ для покрытія государственныхъ издержекъ и для производства денежныхъ раздачъ своимъ приближеннымъ и военачальникамъ, то присвоеніемъ себѣ доменовъ римскихъ императоровъ онъ создаетъ первоначальный типъ частной недвижимой собственности и фондъ для земельныхъ пожалованій въ пользу церкви и частныхъ лицъ,— пожалованій, которыя въ свою очередь утверждаютъ въ обществѣ новые порядки независимыхъ отъ общинъ собственности и владѣнія.

Я не безъ цѣли употребляю оба термина, такъ какъ въ источникахъ имѣется положительное указаніе на то, что, перенося въ чужія руки тѣ или другіе участки казенной земли, правители франковъ удерживали за собой право получать отъ нихъ постоянный доходъ въ формѣ agraria, pascuaria и decimae porcorum, другими словами, въ формѣ земельной ренты съ пахотъ и пастбищъ, а также десятины съ пасущихся въ лѣсахъ свиней [2]). Необходимъ былъ спеціальный отказъ отъ такихъ поборовъ, чтобы обратить зависимое отъ фиска владѣніе въ частную собственность. Меровингскіе правители въ серединѣ XI вѣка возвели такой отказъ въ общее правило по отношенію къ землямъ, переданнымъ ими или ихъ предшественниками въ руки церкви [3]). Это не значитъ, однако, чтобы пожалованія въ полную собственность не начались полустолѣтіемъ ранѣе, уже во времена Клодвига, и притомъ

[1]) См. Hessel—Kern, Lex Salica, титулъ LXII.

[2]) См. Pertz, Monumenta Germaniae historica Leges Capitularia regum francorum. Капитуларій II, Clothachari primi regis constitutio, статья 11-ая.

[3]) Agraria, pascuaria vel decimas porcorum ecclesiae pro fidei nostrae devotione concedimus, ita ut actor aut decimator in rebus ecclesiae nullus accedat; ecclesiae vel clericis nullam requirant agentes publici functionem, qui avi vel genitoris aut germani nostri immunitatem meruerunt. Ibid.

въ пользу церкви. Въ грамотѣ, выданной Еуспицію и Максимину, рѣчь идетъ объ уступкѣ всего, что въ данной мѣстности принадлежитъ фиску, не исключая лѣса изъ вербъ и дубовъ, а также мельницъ [1]). Несомнѣнно, однако, что рядомъ съ такими распоряженіями мы встрѣчаемъ и уступку одного владѣнія и пользованія подъ условіемъ натуральныхъ рентъ. Субъектами такихъ надѣленій всего чаще были, по всей вѣроятности, новые корчевщики. Мейценъ замѣчаетъ, что терминъ agraria, мѣсто котораго въ грамотахъ X-го вѣка заступаетъ часто слово medema agrorum, всегда означаетъ платежъ съ очистокъ, тогда какъ terragium и tributum выражаютъ собою всякаго рода земельную ренту. Изъ позднѣйшихъ грамотъ, разобранныхъ Шредеромъ, видно, что заступившій мѣсто agraria medema обыкновенно равнялся седьмому снопу. А такъ какъ источники происходятъ изъ мѣстностей на лѣвомъ берегу Рейна, занятыхъ франками или усвоившими ихъ право позднѣйшими насельниками, и такъ какъ рѣчь въ нихъ идетъ о земельныхъ распоряженіяхъ, восходящихъ еще къ серединѣ VIII вѣка, то можно согласиться съ тѣми, кто, подобно Шредеру и Мейцену, ищутъ обоснованія этой позднѣйшей практики въ обычаяхъ салическихъ франковъ [2]).

О характерѣ частнаго землевладѣнія въ VI и VII вѣкахъ можно составить себѣ понятіе по жалованнымъ грамотамъ первыхъ меровингскихъ правителей; всѣ онѣ касаются распоряженія одними фискальными землями. Хлодвигъ и Хильдебертъ дарятъ только то, что принадлежитъ ихъ доменамъ: dedimus, говорятъ они, de fisco nostro или quicquid est fisci nostri или еще quicquid fiscus noster continet, или in terra, quae aspicit ad fiscum nostrum [3]).

То же можно сказать и о пожалованіяхъ, сдѣланныхъ Дагобертомъ, Сигибертомъ II, Хильдерикомъ II и Клотаромъ; и въ ихъ дипломахъ рѣчь идетъ о выдѣлѣ земель, находящихся in fisco regis, или объ уступкѣ villae nostrae или villae juris nostri, или еще того, что лежитъ in terra et silva nostra, или in foresta nostra, или, наконецъ, того, quod pars fisci esse videtur, или что фискомъ дано было во владѣніе жителямъ извѣстныхъ селеній, подъ условіемъ платежа ими въ казну freda et reliquae functiones [4]). Одно уже это обстоятельство показываетъ ошибочность того взгляда, который приписываетъ королю право

---

[1]) ...quicquid est fisci nostri... cum querceto et salicto et utroque molendino. См. Pertz, Monumenta Diplomatum, т I, № 1

[2]) Schröder, Die Franken und ihr Recht, S. 68 Мейценъ, стр. 597, т I.

[3]) Diplomatum, т. I, № 1, 2, 3 и 5

[4]) Ibid., № 15, 16, 21, 23, 25, 30 и 33.

собственности на всю занятую племенемъ франковъ территорію. Меровингскіе правители только заступили мѣсто римскихъ императоровъ по отношенію къ принадлежавшимъ имъ въ Галліи доменамъ; но эти послѣдніе перешли въ ихъ руки при тѣхъ же хозяйственныхъ и правовыхъ порядкахъ, какіе установились въ нихъ въ позднѣйшую эпоху имперіи. Дипломы Клодвига, Хильдеберта, Дагоберта, Сигиберта, Хильдерика, дипломы, обнимающіе собою цѣлыхъ полтора столѣтія, начиная съ 510-го года, ставятъ насъ лицомъ къ лицу съ римскими порядками помѣстнаго владѣнія на земляхъ королевскаго фиска. Границы отдѣльныхъ имѣній или villae, какъ и входящихъ въ ихъ составъ хуторовъ колоновъ (colonicae), обозначены точными границами или служатъ камни, lapides, кресты и другіе знаки, сдѣланные на деревьяхъ. Хильдебертъ въ грамотѣ 528 года, говоря о colonica, прозываемой, согласно римскому обыкновенію именемъ ея владѣльца (colonica, quae appellatur Curtleutachario), объявляетъ, что границы ея обозначены per lapidis fixis contra montem et solis ocasum. Въ томъ же дипломѣ говорится о cruces in albero, o lapides grandes et sub ipsos lapides signa posita [1]). Помѣстье на земляхъ королевскаго фиска въ первой половинѣ VI вѣка является такимъ же населеннымъ имѣніемъ, какимъ была римская villa въ IV и V столѣтіяхъ. Его поселенцами являются mancipii, занимающіе отдѣльные mansi или крестьянскіе дворы и надѣлы [2]). Но эти послѣдніе находятся не исключительно въ рукахъ лицъ несвободнаго состоянія. На ряду съ servi и рабами, мы встрѣчаемъ поселенцевъ, inquilini, подъ которыми, очевидно, разумѣются крѣпкіе къ землѣ колоны. Переходную ступень отъ свободы къ несвободѣ составляютъ либерты (liberti), или вольноотпущенники, и министеріалы (ministeriales), т е. лица, занимающіяся извѣстными ремеслами и потому освобожденныя отъ сельско-хозяйственныхъ службъ.

Въ помѣстьяхъ встрѣчаются также свободные; иначе дипломъ Хильдеберта отъ 556 года, въ которомъ говорится о пожалованіи населеннаго имѣнія вблизи Парижа построенной королемъ церкви св Винцента, не счелъ бы нужнымъ закончить списокъ переходящихъ къ храму людей словами: praeter illos, quos nos ingenuos esse praecipimus [3]). Терминъ mancipii всего чаще выражаетъ собою всю массу помѣстныхъ жителей, и въ этомъ случаѣ грамота не считаетъ нужнымъ перечислять составляющіе его классы. Наоборотъ, homines — выраже-

[1]) Diplomatum, т. I, № 2, годъ 528-й.
[2]) Ibid, № 3 и 5
[3]) Ibid, № 5

ніе, употребляемое для обозначенія свободныхъ поселенцевъ, живущихъ деревнями и получающихъ отъ фиска земельные надѣлы съ обязательствомъ нести не частныя, а государственныя повинности (funcciones), въ томъ числѣ, платежи съ преступниковъ (freda) [1]) Такихъ именно свободныхъ homines мы встрѣчаемъ во второй половинѣ VII вѣка въ Monifensishaim и Omenhaim въ Эльзасѣ, гдѣ они получали земли отъ казны и несли freda et reliquae funcciones.

Весьма вѣроятно, что въ числѣ этихъ лицъ не мало было и корчевщиковъ, впервые поднявшихъ новь, отчего и самыя ихъ заимки носили наименованіе novellae [2]). На такихъ колоновъ намекаетъ уже приведенный нами XIV титулъ Салической Правды, говорящій о переселенцѣ, снабженномъ королевскимъ приказомъ о допущеніи его къ осѣдлости (et de rege habuerit praeceptum). Въ этомъ случаѣ къ государственнымъ повинностямъ присоединялись еще требованіе земельныхъ рентъ съ пахоты и пастбища да десятина за пользованіе лѣсомъ для выпаса свиней. Право селить новыхъ колонистовъ переходило вмѣстѣ съ пожалованіемъ отъ казны къ надѣленнымъ ею церквамъ и монастырямъ, почему въ числѣ уступаемыхъ правъ мы встрѣчаемъ разрѣшеніе mansiones faciendi [3]).

Имущественный составъ помѣстья въ VI вѣкѣ столь же разнообразенъ, какъ и въ римскую эпоху. На ряду съ пахотями, agri, и виноградниками, vineae, тянутся луга и лѣса, prata et silvae, въ которыхъ извѣстные участки объявлены защитными и образуютъ королевскія forestae, т. е. населенныя дичью мѣста для охоты [4]). Рыбные уловы по теченію рѣкъ также поставлены подъ особою защиту и изъяты изъ общаго пользованія [5]).

Такъ какъ лѣса, о принадлежности которыхъ не однимъ общинамъ, но и королевскому фиску, упоминаетъ уже Салическая Правда въ XXXIII титулѣ, а Рипуарская въ XLII и LXXVI [6]), были очень многочислены и служили не только для топлива и построекъ, но и для

---

[1]) Ibid., № 30.

[2]) Ibid., грамота Сигиберта II отъ 644 года за № 21

[3]) Ibid, грамота Хильдерика II отъ 661 года за № 25.

[4]) Я понимаю въ этомъ смыслѣ противуположеніе silva и foresta, какое мы встрѣчаемъ въ грамотѣ Хильдеберта I отъ 556 года Ibid., № 5 Въ той же грамотѣ попадается выраженіе: et nostra forestis est (sic).

[5]) Ibid., грамота 556 года, гдѣ говорится о находящихся на Сенѣ piscatoria, quae appellatur banna. Bannum, какъ извѣстно означаетъ исключеніе, исходящій свыше запретъ.

[6]) Лампрехтъ, Deutsches Wirtschaftsleben, т. I, стр. 14.

выпаса стадъ, въ частности прокорма свиней [1]), то не удивительно, если королевскіе дипломы сравнительно рѣдко упоминаютъ объ особыхъ выпасахъ, pascua. Обычай же держать скотъ на подножномъ корму большую часть года объясняетъ намъ и то, почему терминъ prata попадается далеко не часто [2]). О проточныхъ водахъ, рѣкахъ, запрудахъ, источникахъ, какъ принадлежности помѣстья, заходитъ рѣчь каждый разъ, когда дѣлается перечень его составныхъ частей. Обычная формула гласитъ, что villa переходитъ въ собственность cum terris, domibus, vineis, silvis, pratis, pascuis, aquis, aquarumve decursibus vel omnibus adiacentiis [3]). Въ составъ хозяйственнаго инвентаря входятъ также мельницы, о которыхъ между прочимъ заходитъ рѣчь въ ближайшей окрестности Парижа [4]). Помѣстье имѣетъ свой рабочій скотъ и свой хозяйственный инвентарь [5]); послѣдній составляютъ еще въ эпоху Салической Правды плугъ, борона (egrex), двухколесная подвода (carrus) [6]).

Весьма часто упоминаются табуны лошадей, стада рогатаго скота, овецъ и свиней, также пчелы, помѣщающіяся подъ крышей или въ особыхъ колодахъ [7]); наконецъ, собаки, исполняющія роль дворовой стражи. Лампрехтъ и Мейценъ справедливо отмѣчаютъ тотъ фактъ, что объ общихъ стадахъ, составленныхъ изъ сотенъ головъ, принадлежащихъ разнымъ дворамъ и селеніямъ, не заходитъ рѣчи ни въ Салической Правдѣ, ни въ Рипуарской, если не говорить объ общихъ бугаяхъ. Обычный размѣръ табуна въ Салической Правдѣ не превышаетъ 7 — 12 головъ, стада рогатаго скота заключаютъ въ себѣ отъ 12 до 25 штукъ, а овечьи отъ 40 до 50. Однѣ свиньи имѣются въ бо́льшемъ числѣ [8]). Но всѣ эти расчеты, очевидно, примѣнимы только къ тѣмъ дворовымъ хозяйствамъ, о которыхъ заходитъ рѣчь въ Правдѣ, но отнюдь не къ унаслѣдованнымъ отъ римскихъ императоровъ помѣстьямъ, которыми занимаются меровингскія жалованныя грамоты.

---

[1]) Объ этомъ упоминаютъ уже встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ редакціяхъ Салической Правды постановленія См. у Гесселя, Extravagantes.

[2]) См грамоту короля Дагоберта отъ 635 года за № 16.

[3]) Ibid, № 16.

[4]) Ibid, грамота 556 . cum molendinis inter portam civitatis et turrim positis.

[5]) Ibid, грамота 635 года за № 15 и Салическая Правда, титулъ XXXIV § 2, Рипуарская, титулъ XLIV.

[6]) Ср. Лампрехтъ, т. I, стр. 309.

[7]) Салическая Правда, титулъ VIII, apes in casa.. foris casa

[8]) См. Лампрехтъ, т I, стр 12.

Если мы зададимся въ настоящее время вопросомъ, какія причины содѣйствовали распространенію той же помѣстной системы и частной собственности среди франкскаго населенія Галліи, мы опять такъ не будемъ въ состояніи обойтись безъ аналогій и параллелей. Дѣло въ томъ, что и на нашемъ Сѣверѣ захватный способъ пользованія не всегда уступаетъ мѣсто мірскому землевладѣнію, но переходитъ и прямо въ дворовую, а затѣмъ и въ частную собственность. Примѣры этого нерѣдки какъ въ XVII, такъ въ XVIII вѣкахъ [1]) Еще съ бо́льшей наглядностью то же явленіе выступаетъ въ Слободской Украйнѣ, гдѣ старозаимочное землевладѣніе, какъ общее правило, становится землевладѣніемъ частнымъ, а не общимъ. Въ близко знакомой мнѣ мѣстности, на границѣ Харьковскаго и Валкскаго уѣздовъ, гдѣ лежатъ обширныя слободы Люботинъ, Ольшаны, Пересѣчное, рядомъ съ мірскимъ владѣніемъ бывшихъ казацкихъ полковъ, тянутся частныя земли старозаимщиковъ, особенно многочисленныя въ послѣднемъ изъ названныхъ мною селеній. Нѣтъ сомнѣнія, что это частное землевладѣніе покрывало собою еще въ началѣ столѣтія несравненно болѣе обширную площадь, и что многія заимки включены были ошибочно въ составъ имуществъ государственныхъ крестьянъ, подлежащихъ мірскому передѣлу [2]). Несомнѣнно, что существованіе бокъ о бокъ двухъ юридическихъ системъ, частно-правовой и общинной, — изъ которыхъ одна находитъ себѣ выраженіе въ примѣнимомъ ко всѣмъ классамъ сводѣ (X томъ), а другая въ дѣйствующемъ среди одного крестьянскаго міра и примѣняемомъ волостными судами обычномъ правѣ, — должно было вызвать взаимное проникновеніе этихъ системъ — одной въ другую; въ частности, оно обусловило собою воздѣйствіе на болѣе косное и менѣе подверженное видоизмѣненіямъ народное право — болѣе опредѣленнаго законченнаго письменнаго права.

Есть основаніе думать, что аналогичныя явленія повторялись и въ сѣверо-восточной Галліи, когда франки столкнулись съ римлянами, и ихъ юридическіе порядки, только отчасти нашедшіе выраженіе себѣ въ Салической Правдѣ и продолжавшіе жить въ обычаяхъ семейныхъ и сельско-родовыхъ общинъ, столкнулись съ вполнѣ выработаннымъ римскимъ правомъ, котораго обязательную силу для провинціаловъ, т. е. покореннаго населенія, а также и для выходящаго въ большин-

[1]) См. Ефименко (Александра), Изслѣдованія народной жизни: Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ Сѣверѣ, стр. 305 и 375 (Москва, 1884 г).

[2]) См мою статью о старозаимочномъ землевладѣніи въ Юридическомъ Вѣстникѣ.

ствѣ изъ его рядовъ духовенства, поспѣшили признать меровингскіе правители [1]). Признанная германцами personalitas legum, другими словами, принципъ, по которому каждый долженъ былъ судиться по праву той національности, къ которой принадлежалъ по рожденію [2]), могла, разумѣется, послужить защитой народному праву, если бы два могущественныхъ фактора, король и духовенство, не были одинаково заинтересованы въ восполненіи и видоизмѣненіи его въ духѣ римской юриспруденціи. Торжество послѣдней обѣщало правителю франковъ приближеніе его власти ко всемогуществу римскихъ императоровъ, замиреніе общества и обогащеніе казны, благодаря замѣнѣ родового самоуправства государственными карами, штрафами и конфискаціями; духовенству же оно открывало возможность расширенія его земельныхъ владѣній, благодаря завѣщательнымъ и дарственнымъ распоряженіямъ, неизвѣстнымъ Салической Правдѣ и противорѣчившимъ самому факту присвоенія земли родами и сельскими общинами.

Въ ближайшихъ совѣтникахъ, въ членахъ своей свиты и начальникахъ войска, король находилъ ревнителей дальнѣйшаго расширенія правъ наслѣдованія и установленія неизвѣстнаго франкамъ принципа юридической давности. Для этого не нужно было быть римляниномъ, достаточно было быть отцомъ и имѣть инстинктъ пріобрѣтенія.

Изучая капитуларіи франкскихъ королей, приходится присутствовать при постепенномъ проникновеніи подчиненнаго имъ и смѣшаннаго по племенному составу общества юридическими понятіями покоренныхъ галлоримлянъ. Хильперикъ вводитъ своимъ эдиктомъ систему наслѣдованія дочерей и боковыхъ родственниковъ въ первой линіи, что одно уже дѣлаетъ невозможнымъ возвращеніе общинѣ дворовой заимки со смертью лицъ, принимавшихъ въ ней участіе, и допускаетъ ея переходъ въ руки чужого двора, за одно съ дочерью и сестрою—наслѣдницами. Не удивительно, если права вициновъ отодвинуты тѣмъ же закономъ на задній планъ, о чемъ и говорится въ самомъ эдиктѣ [3]).

---

[1]) Chlothacharii I regis constitutio Inter Romanos negotia causarum Romanis legibus praecipimus terminari Pertz, Capitularia № 2.

[2]) Капитуларій Пипина для Аквитаніи § 10. (Pertz, Leges II, стр. 13).

[3]) Разбираемый текстъ любопытенъ еще въ томъ отношеніи, что на ряду со случаями, когда частный дворъ, какъ входящій въ составъ общины, имѣетъ сосѣдей, онъ допускаетъ и такіе дворы, при которыхъ подобныхъ сосѣдей не имѣется. Всего вѣроятнѣе предположить, что въ послѣднемъ случаѣ законодатель принимаетъ въ расчетъ заимщиковъ на

Во всѣхъ послѣдующихъ капитуларіяхъ мы видимъ параллельный ростъ частной собственности въ рукахъ клириковъ и провинціаловъ, съ одной стороны, свободныхъ франковъ, съ другой. Хлотохаръ во второй половинѣ VI вѣка упрочиваетъ за церковью дареніе своихъ предшественниковъ и обращаетъ въ ея собственность то, что на первыхъ порахъ было не болѣе, какъ зависимымъ пользованіемъ фискальной землей,—пользованіемъ, обложеннымъ земельной рентой съ очистокъ, пастбищъ и лѣсныхъ угодій [1]).

Тотъ же капитуларій признаетъ за церковью и провинціалами, подъ которыми разумѣются, очевидно, покоренные галло-римляне, преимущество 30-лѣтней давности, обращающей добросовѣстное владѣніе въ собственность,—эта давность, по источнику своему, римская [2]). Въ концѣ того же столѣтія (596 г.), королемъ Хильдебертомъ II водится такимъ же образомъ десятилѣтняя исковая давность [3]).

Одновременно идетъ расширеніе правъ наслѣдованія свободныхъ франковъ Ни Салическая Правда, ни эдиктъ Хильперика не знаютъ еще права представленія при наслѣдованіи. Его вводитъ впервые декретъ Хильдеберта II по отношенію къ прямымъ нисходящимъ,

---

земляхъ фиска Они, какъ это видно изъ доселѣ не вполнѣ интерпретированнаго § 3 того же эдикта, имѣли свой особый обычай, но какой именно, тексты не говорятъ Эти, какъ видно изъ словъ законодателя, пришлые колоны пользовались своими землями наслѣдственно Хильперикъ обѣщаетъ имъ сохраненіе тои consuetudo, какой пользовались они при его родителѣ Клотарѣ I въ примѣненіи къ землѣ Такъ какъ интересы хозяйства и безостановочной обработки почвы предполагаютъ со стороны казны желаніе укрѣпить связь пришельцевъ съ землею, то нѣтъ основанія полагать, чтобы эти не вошедшіе въ составъ общинъ корчевщики не были надѣлены правомъ безграничнаго наслѣдованія въ своей тѣсной семейной средѣ. Въ этомъ, по всей вѣроятности, и состояло ихъ особое consuetudo. См интерпретацію этого текста Блюменштокомъ и его критику толкованія Лампрехта, стр. 303—305.

[1]) Pertz, Capitularia № 2, § 11 и 12.

[2]) Ibid, § 13. Quicquid ecclesia clerici, vel provinciales nostri intercedente tamen justo possessionis initio per triginta annos inconcusso jure possedisse probantur in eorum ditione res possessa permaneat, nec actio tantis aevi spatiis sepulta ulterius contra legum ordinem sub aliqua repetitione consurgat possessione in possessoris jure sine dubio permanente

[3]) Ibid, стр 8 Childeberti II, Regis decretio § 3 Convenit ut servo campo aut qualibet res ad unum ducem et unum judicem pertinentes per decem annos unusquisque inconcusso possedit nullam habeat licentiam interciandi nisi tantum orfanorum usque vicesimo anno licentiam tribuimus (15 sol). De reliquis vero conditionibus omnes omnino causas tricenaria lex excludat praeter id quod in alia regna huc usque detenuit.

но отнюдь не къ боковымъ линіямъ [1]). Позднѣе, въ инструкціи, данной Клотаромъ II, и въ сопровождающемъ его эдиктѣ 614-го года, который, какъ видно изъ самаго его содержанія, только кодифицируетъ издавна установившуюся практику [2]), заходитъ рѣчь и о завѣщаніяхъ. Король опредѣляетъ законный порядокъ наслѣдованія только на тотъ случай, когда не оставлено завѣщанія [3]).

По мѣрѣ развитія наслѣдственнаго права и устраненія притязаній vicini или членовъ сельской общины, частное владѣніе получаетъ со стороны законодателя все большую и большую защиту.

Еще въ такъ называемыхъ capitula Pacto Legis Salicae addita заходитъ рѣчь о запрещеніи собирать колосья съ чужой пашни подъ страхомъ пени въ 15 солидовъ, и приняты новыя мѣры противъ тѣхъ, кто сломаетъ заборъ чужого огорода или чужой плантаціи бураковъ [4])

Позднѣе, уже въ карловингскихъ капитуляріяхъ, а именно въ извѣстномъ постановленіи отъ 799 года, мы встрѣчаемъ запрещеніе пользоваться чужой травою иначе, какъ въ случаѣ войны или во время исполненія королевскимъ посланцемъ (missus) его обязанностей. Капитуларій заключаетъ въ себѣ указаніе на то, что подобная защита извѣстна была еще десятки лѣтъ ранѣе (въ 779 году), но только до тѣхъ поръ, пока поля считались запретными defensionis tempore, т. е. въ эпоху роста травы, предшествующаго первому покосу Эти постановленія получаютъ дѣйствительный смыслъ и значеніе только при сопоставленіи ихъ съ нормами Салической Правды. Послѣдняя, какъ мы указали уже, грозитъ скосившему чужое поле только потерею его труда. Въ числѣ же вошедшихъ въ большинство рукописей постановленій мы встрѣчаемъ одно, рѣшительно высказывающееся въ пользу свободнаго проѣзда всадниковъ по чужимъ лугамъ и запрещающее арестъ лошади за потраву [5]).

Такимъ образомъ, луга пріобрѣтаютъ ту же охрану, что и пахоть, и вмѣсто того, чтобы защищать, какъ прежде, владѣльцевъ скота отъ поврежденій, какія могутъ причинить послѣднему задерживающіе его

---

1) Convenit, ut nepotes ex filio vel ex filia ad aviaticas res cum avunculos vel amitas sic venirent in hereditatem tamquam si pater aut mater vivi fuissent. De illos tamen nepotes istud placuit observare qui de filio, vel filia nascuntur, non qui de fratre. Pertz, Capitularia. стр. 8.

2) Iubemus ut in omnibus causis antiqui juris forma servetur, значится въ текстѣ этого памятника.

3) См. § 6 эдикта и толкованіе, данное ему Блюменштокомъ, стр 314

4) См § 90, Hessel, стр. 410 и Pertz, Leges 2, стр 12.

5) Et si caballus herbam alterius paverit, nihil respondendum erit nec includendus (Hessel, Extravag B 9)

въ своемъ лугу или на своей степи собственники, [1]) законодатель установляетъ пеню за потравы.

Виндикаціи земли, т. е. особаго иска, охраняющаго недвижимую собственность, Салическая Правда, какъ это доказано Зомомъ, не знаетъ, что, очевидно, отвѣчаетъ вполнѣ господствовавшему въ эпоху ея редакціи общинному принципу собственности. Но послѣдній долженъ въ равной степени исключать и возможность земельныхъ конфискацій; и дѣйствительно, о нихъ нѣтъ помину въ Правдѣ, вычисляющей пени солидами и динаріями и обращающей ихъ такимъ образомъ на движимость (на facultas). О взысканіяхъ съ недвижимости заходитъ рѣчь впервые въ § 5 капитулярія 816-го года [2]). Новый шагъ въ томъ же направленіи къ индивидуализму сдѣланъ два года спустя, когда новымъ капитуларіемъ право дарственнаго распоряженія признано и въ томъ случаѣ, если одаряемымъ является не церковь, а свѣтское лицо. Первымъ проявленіемъ этой свободы даренія было, какъ указано выше, право составлять завѣщанія въ пользу духовенства [3])

Мы видѣли, далѣе, какія препятствія на первыхъ порахъ встрѣчаетъ поселеніе пришельца въ средѣ сельской общины при противодѣйствіи, оказываемомъ ему любымъ изъ членовъ общины. Эти препятствія, очевидно, должны были исчезнуть съ того момента, когда прекратилось право каждаго отдѣльнаго двора и любого изъ его обывателей считать себя совладѣльцемъ съ цѣлымъ селеніемъ. Не удивительно поэтому, если въ капитуларіи 819 года нѣтъ болѣе и рѣчи о юридическихъ послѣдствіяхъ протеста противъ новыхъ поселенцевъ [4]).

Такимъ образомъ, во всемъ, что касается права владѣнія, пользованія и распоряженія состоящей подъ обработкой площади, будутъ ли ею виноградники, фруктовые сады, огороды, пахоти и сѣнокосы, общинный принципъ уступилъ мѣсто частному. Но онъ не потерялъ еще всей своей силы въ примѣненіи къ угодьямъ, и мы будемъ имѣть случай убѣдиться немедленно въ томъ, что на ряду съ защитными лѣсами, forestae, и частными пастбищами, въ VIII и IX вѣкахъ, не говоря о послѣдующихъ, продолжаютъ держаться общинные лѣса и выгоны.

---

[1]) Салическая Правда, титулъ IX.

[2]) Capit Legibus additus, см. Boretius, изданіе капитуларіевъ, стр. 267.

[3]) Boretius, стр 281.

[4]) См., § 9 Boretius, стр. 292.

ГЛАВА IV.

Землевладѣніе въ эпоху другихъ франкскихъ правдъ и сборниковъ юридическихъ формулъ.

§ 1.

Успѣхи, сдѣланные принципомъ частной собственности въ періодъ времени, прошедшій между первоначальной редакціей Салической Правды и тѣми, также франкскими по источнику, сводами, которые извѣстны подъ наименованіемъ Правды Рипуарской и закона хамавовъ, объясняютъ намъ причину, по которой эти памятники, во многомъ слѣдующіе постановленіямъ Салической Правды, расходятся съ нею въ вопросахъ земельнаго права. Не вдаваясь въ полемику относительно эпохи первоначальнаго возникновенія Рипуарской Правды и вопроса о томъ, слѣдуетъ ли относить къ первой половинѣ VII вѣка весь этотъ сводъ или только тѣ опредѣленія его о размѣрѣ выкуповъ или композицій за отдѣльныя преступленія, какія заключаютъ въ себѣ первыя 31 статья [1]), отмѣтимъ тотъ фактъ, что новѣйшіе изслѣдователи сходятся въ признаніи выдающагося вліянія, оказаннаго Салической Правдой на редакцію II части Рипуарской, т. е. начиная съ титула XXXII-го. Это обстоятельство даетъ намъ возможность видѣть въ отступленіяхъ, какія сводъ Рипуарскій позволяетъ себѣ при рѣшеніи общихъ съ Салическимъ вопросовъ, указаніе на переживаемую франками внутреннюю эволюцію, которая повела къ постепенному расширенію и упроченію начала недвижимой собственности въ рукахъ частныхъ дворовъ.

Мы видѣли, что Салическая Правда беретъ подъ свою защиту огороды и урожаи. То же дѣлаетъ и Правда Рипуарская въ титулѣ XLIII

---

[1]) Зомъ высказывается въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, Мауеръ считаетъ весь памятникъ возникшимъ между 633 и 626 годомъ. См. Entstehung der Lex Ribuaria.

и XLIV, при чемъ размѣръ требуемой съ виновнаго пени въ обоихъ сводахъ одинъ и тотъ-же.

Но гдѣ Рипуарская Правда рѣшительно отступаетъ отъ Салической,—это въ вопросѣ о законномъ переходѣ имущества къ родственникамъ по отцу и матери. Согласно ей, мужская линія исключаетъ женскую, восходящіе призываются къ наслѣдованію взамѣнъ дѣтей, боковые же первой степени взамѣнъ восходящихъ; нѣтъ и ихъ на лицо, имущество переходитъ къ сестрѣ по матери и къ сестрѣ по отцу—черта глубокаго архаизма, можетъ быть, пережитокъ материнской семьи. Права наслѣдованія прекращаются только въ пятомъ поколѣніи. Однихъ этихъ постановленій достаточно, чтобы признать частную собственность вполнѣ установленной. Но этого мало Рипуарская Правда ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ правомъ свободнаго распоряженія землею путемъ дареній и продажъ. Въ отношеніи дареній она даетъ только дальнѣйшее развитіе тѣмъ зачаткамъ безвозмезднаго отчужденія имущества, какіе заключаетъ въ себѣ и Правда Салическая Въ XLVI титулѣ послѣдней заходитъ рѣчь объ оригинальномъ обычаѣ, по которому допускается нѣчто среднее между усыновленіемъ и завѣщаніемъ. Точнѣе сказать, Салическое affatimire не есть ни актъ искусственнаго установленія наслѣдника, ни передача преимуществъ крови постороннему лицу.. Салическій пріемышъ не становится родственникомъ и получаетъ имущество при жизни дарителя. Въ самомъ текстѣ закона ничего не говорится о томъ, чтобы въ составъ переводимой такимъ образомъ собственности входила также недвижимость Законодатель употребляетъ терминъ fortuna, который, какъ мы видѣли, не имѣетъ этого значенія. Онъ говоритъ, что отъ дарителя зависитъ передать всю свою fortuna одаряемому или только часть ея. Хотя ближайшая связь только что описанной практики съ отсутствіемъ прямыхъ наслѣдниковъ не указана, но аналогія съ пріемомъ зятя или даже посторонняго лица въ собственный дворъ, съ цѣлью создать себѣ, бездѣтному хозяину, рабочаго-помощника, невольно бросается въ глаза всякому, знакомому съ обычаями нашего крестьянства. Въ капитуларіи 819 года, ставящемъ себѣ задачей дополнить Салическую Правду новыми постановленіями, объ affatomia уже говорится, какъ о traditio, которая въ актахъ этого времени прилагается, главнымъ образомъ, къ недвижимой собственности [1]) Принимая же во вниманіе, что капи-

---

1) Boretius, VII капитуларій, стр 115 и слѣд § 10. De affatomia dixerunt quod traditio fuisset

туларій ставитъ себѣ сознательной цѣлью только сохраненіе въ отношеніи къ affatomia уже установившейся практики [1]), мы имѣемъ основаніе допустить, что въ промежутокъ между V и VIII вѣкомъ и совершилось то расширеніе права дарственнаго распоряженія на недвижимость, на которое намекаетъ уподобленіе affatomia traditio. Рипуарская Правда позволяетъ намъ пріурочить это явленіе къ VII вѣку: она же указываетъ на источникъ происхожденія этого уже открыто признаваемаго ею усыновленія съ цѣлью передачи наслѣдства. Титулъ XLVIII открывается заявленіемъ, что бездѣтный въ правѣ распорядиться въ присутствіи короля всѣмъ своимъ достояніемъ, мужъ въ пользу жены и жена въ пользу мужа: они могутъ также усыновить, съ цѣлью передачи наслѣдства (adoptare in hereditatem vel adfatimire), кого-либо изъ близкихъ или чужихъ, путемъ выдачи усыновляемому письменнаго документа или передачи ему имущества (traditio) въ присутствіи свидѣтелей, какъ требуетъ этого законъ Рипуарскій [2]).

На ряду съ дарственными распоряженіями, Рипуарская Правда говоритъ и о покупкѣ и продажѣ недвижимости. LIX титулъ de venditionibus начинается словами: si quis alteri aliquid vendiderit, а слѣдующій затѣмъ титулъ прямо предполагаетъ покупку помѣстья, виноградника и вообще какого-нибудь земельнаго владѣнія, заявляя, что, при невозможности получить купчую, необходимо произвесть платежъ въ присутствіи большаго или меньшаго числа свидѣтелей (3, 6 или 12, смотря по величинѣ участка). При этомъ рекомендуется, очевидно, старинная обще-германская практика, доселѣ уцѣлѣвшая, напримѣръ, въ Штиріи [3]): покупатель долженъ привести съ собою такое число дѣтей-

---

[1]) De hoc capitulo judicaverunt, ut sicut per longam consuetudinem antecessores eorum facientes habuerunt, ita et omnes, qui in lege Salica vivunt, in antea habeant et faciant (ibid).

[2]) См. изданіе Зома Lex Ribuaria, титулъ XLVIII. Что Рипуарская Правда употребляетъ traditio въ примѣненіи къ недвижимой собственности, объ этомъ можно судить по титулу LX de traditionibus, въ которомъ говорится о продажѣ и покупкѣ villa, vinea и вообще possessiuncula.

Капитуларій 803, который, какъ доказано Зомомъ, заключаетъ въ себѣ дополненіе къ Рипуарской Правдѣ, уже прямо говоритъ о правѣ бездѣтнаго, желающаго создать себѣ наслѣдника, произвесть въ пользу избраннаго имъ лица traditio своей собственности, въ присутствіи короля или графа, засѣдающаго вмѣстѣ со скабинами, или королевскаго посланца, missus (Зомъ, стр. 108)

[3]) См. Bauereleben in Steiermark. Ср. также, что говоритъ объ этомъ Гриммъ въ своихъ Rechtsalterthümer

мальчиковъ, каково число требуемыхъ отъ него закономъ свидѣтелей. Каждому изъ нихъ онъ даетъ пощечину, каждаго деретъ за уши, чтобы укрѣпить въ умѣ дѣтей память о случившемся и чтобы они впослѣдствіи могли засвидѣтельствовать самый актъ покупки [1]).

Итакъ, частная собственность въ эпоху редакціи Рипуарской Правды и въ районѣ ея дѣйствія является вполнѣ установленной. Разбираемый памятникъ постояно занятъ преслѣдованіемъ тѣхъ, кто такъ или иначе нарушилъ границы частныхъ дворовыхъ владѣній. Простое сопоставленіе его статей съ тѣми, какія содержитъ въ себѣ Правда Салическая, показываетъ успѣхи, сдѣланные принципомъ индивидуальнаго присвоенія недвижимости. Тогда какъ редактированное, самое позднее, при Клодвигѣ обычное право франковъ скорѣе защищаетъ чужой скотъ отъ раненій, какія можетъ причинить ему застигшій его на своей жатвѣ собственникъ, Рипуарская Правда принимаетъ мѣры противъ того, кто сдѣлаетъ попытку воспротивиться задержанію скота, и требуетъ съ виновнаго въ причиненіи убытковъ въ предѣлахъ огороженнаго поля возмѣщенія вреда, а при отрицаніи имъ факта, караетъ его, какъ вора, требуя особой композиціи и вознагражденія доносчику [2]). XXVII титулъ предполагаетъ даже возможность задержанія человѣка, проникшаго въ предѣлы чужой собственности (si quis hominem super res suas comprehenderit et eum ligare voluerit). Штрафъ въ 15 солидовъ, тотъ самый, какимъ Салическая Правда грозитъ за разрушеніе загородей, падаетъ въ Рипуарской на каждаго, кто тѣмъ или другимъ способомъ завладѣлъ даже самой ничтожной частью чужого поля. Редакція статьи даетъ поводъ думать, что пахоти не были еще окружены загородями и лежали въ чрезполосицу съ землями сосѣдей. Объ этомъ говоритъ употребляемый Правдою терминъ consors suus для обозначенія того, чье владѣніе было прихвачено. Sors, какъ извѣстно, то же, что жребій въ нашемъ крестьянскомъ быту, т. е. пай или доля, доставшаяся по разверсткѣ отдѣльному лицу. Ничто не говоритъ о періодическомъ возобновленіи паевъ или sortes въ средѣ рипуарскихъ франковъ. «Жребіи» могли сдѣлаться предметомъ постояннаго присвоенія, заимки могли перейти въ собственность, не устраняя тѣмъ чрезполосности, вызванной первоначально

---

[1]) et unicuique de parvulis alapas donet et torqueat auriculas ut ei in postmodum testimonium praebeant. См. изданіе Зома, стр 88.

[2]) Титулъ LXXXII въ рукописи, отпечатанной Вальтеромъ, говоритъ объ уплатѣ въ этомъ случаѣ capitale cum furto et delatura. Въ болѣе же правильной транскрипціи, приводимой Зомомъ, слово furto замѣнено терминомъ texaga, объясняемомъ издателемъ, какъ compositio furti.

общиннымъ характеромъ владѣнія и желаніемъ каждаго двора обезпечить себѣ равныя выгоды участіемъ въ пользованіи разными по удобству эксплоатаціи землями. Предвидя случай, когда кто присвоитъ себѣ хотя бы малую часть того, что принадлежитъ его consors Правда, очевидно, имѣетъ въ виду запахиваніе, легко объяснимое при черезполосицѣ и отсутствіи загородей [1]). На ряду съ такими запашками въ общемъ полѣ, Рипуарская Правда знаетъ еще захватъ земель, принадлежность которыхъ частному лицу основывается на королевской грамотѣ. Пеня въ этомъ случаѣ возрастаетъ въ четыре раза Когда же границы подобнаго участка обозначены вещественными знаками, со стороны захватчика не допускается никакого спора о владѣніи Тою же квалифицированной защитой пользуются церковныя имущества. Всякое присвоеніе чего-либо принадлежащаго церкви ведетъ къ тройному возмѣщенію убытковъ (in triplum restituat). Редакція только что приведенныхъ статей обнаруживаетъ существованіе у рипуарскихъ франковъ не одного, а двухъ видовъ частной недвижимой собственности: болѣе и менѣе защищенной. Послѣдняя или опирается на римское право—таково все землевладѣніе церкви, за которой, какъ мы видѣли, капитуларіи признаютъ преимущество жить и судиться secundum legem romanam—или на королевскую грамоту: ее никто не въ правѣ опорочить подъ страхомъ смертной казни [2]). Что законодатель не ставитъ консортовъ въ равныя условія съ церковью или лицами, притязанія которыхъ основываются на королевской грамотѣ, что нарушеніе владѣльческихъ правъ первыхъ ведетъ за собою менѣе тяжкія послѣдствія,—все это указываетъ на переходное состояніе отъ общинныхъ къ частнымъ порядкамъ, въ какомъ находится земельное право рипуарскихъ франковъ. Поселянинъ владѣетъ своимъ жребіемъ или sors не какъ простой заимкой въ мірской землѣ, заимкой, которая, за вымираніемъ двора, возвращается къ своему первоначальному источнику и можетъ сдѣлаться предметомъ новаго надѣленія: онъ уже въ правѣ передать ее по наслѣдству въ отдаленнѣйшія степени прямыхъ и боковыхъ родственниковъ, въ правѣ распорядиться ею при жизни въ пользу чужеродца-пріемыша или какого бы то ни было любого покупателя. Но его заимка все

---

1) § 2 титула LX гласитъ буквально: Si quis consortem suum quantulumcunque superpriserit cum quindecim solidis restituat.

2) Титулъ LX § 6. Quod si testamentum Regis absque contrario testamento falso clamaverit non aliunde quam de vita componat (Sohm. стр. 89 отдѣльнаго оттиска)

еще находитъ въ обычномъ правѣ только ту защиту, какой она пользовалась въ эпоху господства общиннаго принципа. Далеко не въ томъ же положеніи находится собственность, источникъ которой лежитъ внѣ общины, и которая возникаетъ не изъ присвоенія мірской земли. Корчевщики на земляхъ фиска, получившіе собственность изъ рукъ короля, церкви или монастыря,— послѣдніе надѣлены ею по милости того же монарха,—а также всѣ тѣ, въ пользу коихъ произведена traditio въ присутствіи короля,—въ этомъ положеніи, какъ мы видѣли, находится любой изъ бездѣтныхъ супруговъ, въ интересахъ котораго производится affatomia,— являются частными собственниками въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Изъ всѣхъ германскихъ народностей мы у однихъ только англосаксовъ видимъ такое рѣзкое противоположеніе между землями, принадлежность которыхъ засвидѣтельствована письменной записью, и землями, владѣніе которыми опирается на народный обычай,—между такъ называемымъ bocland и folkland. Будемъ ли мы понимать этотъ послѣдній терминъ въ смыслѣ мірского владѣнія или вернемся къ толкованію, данному ему Сельденомъ и блестяще обоснованному за послѣднее время Виноградовымъ [1]), мы одинаково должны будемъ признать его источникомъ народный обычай. Наоборотъ, bocland стоитъ въ ближайшемъ отношеніи къ интересующему правительство засвидѣтельствованію актовъ перехода имуществъ изъ рукъ въ руки. Многое говоритъ въ пользу того предположенія, что terra aviatica или «дѣдина», о которой заходитъ рѣчь въ Рипуарской Правдѣ и которая, повидимому, то же, что alod parentum другихъ варварскихъ правдъ и грамотъ VI, VII и слѣдующихъ столѣтій, служитъ обозначеніемъ опирающейся на обычай собственности, тогда какъ conquisitum и adfractum позднѣйшихъ дипломовъ выражаютъ собою то же, что собственность, основанная на королевскомъ testamentum или письменномъ свидѣтельствѣ. Не только при Меровингахъ, но и при смѣнившей ихъ династіи, распоряженіе аллодомъ обставлено, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, такими ограниченіями, которыхъ не знаетъ продажа и дареніе какъ благопріобрѣтенной собственности, такъ и той, на которую титулъ созданъ очисткой нови (adfractum или novale). Эти ограниченія имѣютъ также источникомъ своимъ обычай, народный складъ дворового землевладѣнія, которымъ исключались крайности индивидуализма и предполагались соучастіе и контроль ближайшихъ родственниковъ въ распоряженіи се-

[1]) English historical Review. January, 1893

мейнымъ достояніемъ. Такимъ образомъ, и въ то время, когда оба вида недвижимости—перешедшій въ собственность жребій или занимка въ мірской землѣ (sors) и обязанное своимъ возникновеніемъ не одному личному труду, но и королевскому признанію, помѣстье—получили отъ законодателя равную защиту, различіе между той и другой собственностью продолжало выступать въ меньшей или бо́льшей свободѣ распоряженія, вызываемой присутствіемъ или отсутствіемъ опирающихся на народный обычай стѣсненій и ограниченій.

Если въ эпоху редактированія Рипуарской Правды воздѣлываемая площадь составляетъ уже предметъ частнаго присвоенія, то нельзя сказать того же въ равной мѣрѣ о лѣсныхъ угодьяхъ. Титулъ LXXVI въ связи съ титуломъ XLII позволяютъ думать что права рубки, охоты и рыбной ловли, носили въ это время характеръ общиннаго сервитута, что, разумѣется, ни мало не устраняетъ существованія рядомъ королевскихъ или доменіальныхъ лѣсовъ. Титулъ LXXVI прямо противополагаетъ ихъ silva communis. О частныхъ же лѣсахъ говорится, какъ снятыхъ въ наемъ у короля или фиска; такому пониманію не противорѣчитъ и § 5 титула LX, который, по крайней мѣрѣ, въ транскрипціи Зома, говоритъ о foresta alterius, т. е. о чужихъ защитныхъ лѣсахъ. Эти послѣдніе могли принадлежать не въ собственность, а во владѣніе, и имѣть источникомъ ту locatio, тотъ наемъ, о которомъ говорится въ LXXVI титулѣ. Но редакція § 5-го титула LX бросаетъ еще косвенный свѣтъ на самый характеръ общиннаго пользованія лѣсомъ: она говоритъ объ отвѣтственности того, кто extra marca in forestem alterius fuerit ingressus. Въ транскрипціи Вальтера слово foresta замѣнено словомъ sors. Невольно приходитъ на умъ, что статья имѣетъ въ виду тотъ случай, когда кто перешелъ границу (marca) [1]) ассигнованнаго ему въ общемъ лѣсу пая и проникъ въ предѣлы чужой защиты, при чемъ безразлично, какъ названа эта послѣдняя: жребіемъ, sors, или запретнымъ для другихъ лѣснымъ участкомъ, foresta.

Постановленія, регулирующія пользованіе лѣсомъ, примѣнимы также къ охотамъ и рыбнымъ уловамъ; объ этомъ прямо говоритъ титулъ LXXVI, который, опредѣливъ отвѣтственность за кражу дровъ въ общинномъ или королевскомъ лѣсу, прибавляетъ: «тоже (sicut) объ охотахъ и уловахъ, ибо рѣчь идетъ не объ имуществѣ, состоящемъ въ частномъ владѣніи, а о лѣсномъ матеріалѣ (lignum)». Этому

---

[1]) Что marca въ Рипуарской Правдѣ означаетъ границу, это указано Фюстель де Куланжемъ (La marc germanique).

предложенію соотвѣтствуетъ въ титулѣ XLII объ охотахъ слѣдующее: «ибо это не состоящее въ частномъ владѣніи имущество; рѣчь идетъ только объ охотахъ» Прибавимъ отъ себя, что отвѣтственность за присвоеніе лѣсного матеріала и за укрытіе краденной дичи одна и та же—15 солидовъ, та самая, какая грозитъ, какъ мы знаемъ, за нарушеніе чужого владѣнія, а не чужой собственности [1]). Бо̀льшей охраной пользуются защитные лѣса, forestae. На нихъ, какъ мы думаемъ, намекаетъ § 2 XLII статьи, упоминающій объ убійствѣ охотникомъ cervum dominum, т. е ручного оленя, (очевидно, содержимаго въ особыхъ заповѣдныхъ рощахъ). Штрафъ въ этомъ случаѣ возростаетъ въ три раза.

Рипуарская Правда переноситъ насъ въ хозяйственную обстановку, въ которой франкское племя, поселенное за предѣлами Галліи, жило въ VII вѣкѣ. Такъ называемый законъ хамавовъ возстановляетъ передъ нами въ весьма, впрочемъ, отрывочномъ и несовершенномъ видѣ, бытовыя особенности, удержанныя одной, представляющей большое сродство съ франками, германской народностью въ концѣ VIII и самомъ началѣ IX-го вѣка и притомъ въ мѣстности, расположенной у устьевъ Рейна и лежащей внѣ сферы, по крайней мѣрѣ, непосредственнаго воздѣйствія галло-римскихъ порядковъ.

Фюстель де Куланжу и его школѣ удалось, какъ намъ кажется, поколебать ученіе Гаупа и слѣдующихъ за нимъ германскихъ изслѣдователей, которые считали возможнымъ видѣть въ такъ называемомъ законѣ хамавовъ народную правду этого племени, будто бы заселявшаго извѣстный позднѣйшимъ источникамъ Hamaland. Терминъ хамавы ни разу не встрѣчается въ текстѣ; ни разу также ни въ одномъ памятникѣ VIII, IX и слѣдующихъ столѣтій не говорится о томъ, чтобы хамавы пользовались правомъ судиться по своему народному закону, подобно тому, какъ это было признано относительно салическихъ и рипуарскихъ франковъ, фризовъ, бургундовъ, лангобардовъ. Наконецъ, о хамавахъ даже не заходитъ рѣчи въ грамотахъ, происходящихъ изъ будто бы занятой ими мѣстности, напримѣръ, въ дарственной, совершенной Фолькеромъ въ пользу монастыря въ Верденѣ въ 855 году.

Развивая взгляды своего учителя, Фроадево вполнѣ успѣшно, на нашъ взглядъ, доказываетъ, что мнимый законъ хамавовъ не болѣе, какъ короткая запись посланцами (missi) Карла Великаго обычаевъ небольшого германскаго племени, сроднаго франкамъ и поселеннаго

---

[1]) Правда Салическая и Правда Рипуарская, титулы de septibus et clausuris.

у низовьевъ Рейна. Эта запись предпринята была вскорѣ послѣ установленія Имперіи, когда, согласно показаніямъ хроники Эгингарда, Карлъ Великій рѣшился надѣлить каждое изъ вошедшихъ въ ея составъ племенъ народною правдою. Запись на этотъ разъ не сопровождалась редакціей самостоятельнаго свода и сохранила навсегда характеръ тѣхъ частныхъ законодательныхъ компиляцій, какими являются приложенныя Генелемъ къ его Lex Romana Wisigothorum записи матеріаловъ права. [1]).

Что дошедшая до насъ редакція далеко не имѣетъ въ виду всѣхъ сторонъ правовой жизни, что она обращаетъ вниманіе только на частныя отступленія отъ нормъ, общихъ всѣмъ свободнымъ (Franci), т. е. полноправнымъ подданнымъ императора, это слѣдуетъ уже изъ двухъ первыхъ статей, говорящихъ о церкви и о регламентирующей власти верховнаго правителя. Въ этомъ отношеніи, значится въ текстѣ, мы придерживаемся тѣхъ же правилъ, какимъ слѣдуютъ прочіе Franci. Подобное заявленіе имѣетъ для насъ то значеніе, что имъ указывается и на источники прямого воздѣйствія римскихъ порядковъ на обычаи даже стоящаго внѣ предѣловъ Галліи народца и на возможность существеннаго измѣненія его туземнаго права подъ вліяніемъ регламентирующей власти королей. Говоря, что въ дѣлахъ церкви и ея служителей тѣ, къ кому относятся постановленія разбираемаго памятника, слѣдуютъ общимъ для всѣхъ Franci порядкамъ, составители памятника признаютъ тѣмъ самымъ римское право обязательнымъ во всемъ, что касается юридической жизни духовенства, въ частности—сферы церковнаго землевладѣнія. Точно также заявленіе, что bannum dominicum у нихъ общій съ прочими Franci, равносильно возведенію регламентирующей власти короля на степень видоизмѣняющаго обычное право фактора. Не удивительно послѣ этого, если въ мнимомъ законѣ хамавовъ замѣтно рѣшительное торжество начала, если не индивидуальной, то дворовой собственности, —если отъ первоначальнаго захватнаго или заимочнаго владѣнія этотъ памятникъ не сохраняетъ болѣе и слѣда. Это не мѣшаетъ, однако, тому, что передаваемыя имъ нормы въ общемъ носятъ черты глубокаго архаизма. Таково, напримѣръ, послѣдовательное проведеніе родового принципа при опредѣленіи частныхъ выкуповъ за преступленія, выкуповъ, въ три раза превышающихъ поступающую въ казну пеню. Народъ, котораго имѣютъ въ виду

[1]) См. Фюстель де Куланжъ, De la prétendue loi des Chamaves, (отдѣльный оттискъ), и Henri Froidevaux, Etudes sur la Lex dicta Francorum Chamavorum et sur les Francs du pays d'Amor Paris 1891, стр. 17, 19, 21, 220, 225, 229

составители записи, не можетъ представить себѣ преступленія безъ возмездія и композиціи. Если у жертвы нѣтъ родственниковъ, если по самой принадлежности къ числу пришельцевъ убитый или пораненный является чужимъ и безроднымъ, король осуществляетъ по отношенію къ нему права отсутствующаго рода, получая поэтому ту же композицію, на какую были бы въ правѣ лица, связанныя съ жертвою кровными узами Самое названіе пришельца, wargengus, имѣющее одинъ корень съ wargus или отщепенцемъ отъ рода, изгоемъ, даетъ поводъ думать, что въ той родовой организаціи, какую представляли собою жители рейнскаго устья, не было мѣста для другихъ безродныхъ, кромѣ лицъ, изгнанныхъ изъ собственной ихъ среды за преступленіе противъ родственниковъ.

Что композиціи являются только выкупомъ болѣе стариннаго кровнаго возмездія (jus talionis), это слѣдуетъ изъ XX и XXXII титуловъ, въ которыхъ осужденіе лица, совершившаго не только преступленіе, но и проступокъ, на потерю руки, ноги или глаза —признается вполнѣ возможнымъ, допускается только уплата за каждый изъ названныхъ органовъ денежнаго эквивалента, равнаго четвертой части той композиціи или leudis, которой можетъ быть искуплена жизнь человѣка, подлежащаго возмездію за убійство.

Всемогущее въ сферѣ уголовнаго права кровное единство сохраняетъ всю свою силу и въ области гражданскихъ отношеній. Тогда какъ въ другихъ источникахъ къ участію въ соприсяжничествѣ призываются сосѣди и даже вообще свободные, такъ называемый законъ хамавовъ выставляетъ еще требованіе, чтобы соприсяжниками были только родственники. Двѣнадцать человѣкъ de suis proximis parentibus требуются для доказательства свободнаго состоянія лица, котораго кто-либо впндицируетъ въ качествѣ раба, и тѣ же 12 человѣкъ участвуютъ въ отпущеніи раба на волю, т. е. въ распоряженіи собственностью [1]).

Такое преобладаніе родоваго начала въ связи съ господствомъ дворовыхъ поселеній на правомъ берегу Рейна вплоть до его впаденія въ Нѣмецкое море, о чемъ говоритъ Мейценъ [2]), исключаетъ возможность возникновенія въ этой области того захватнаго или заимочнаго владѣнія въ мірской землѣ, о которомъ мы говорили въ примѣненіи къ франкамъ салическимъ. Переходъ къ частной собственности принялъ здѣсь форму разложенія семейной нераздѣльности; ему содѣйствовала заинтересованная въ поддержаніи мира и прекращеніи

---

[1]) Титулъ X и XI

[2]) Томъ I, стр. 524

кровныхъ усобицъ—регламентирующая власть короля Принципъ перехода имуществъ отъ отца къ дѣтямъ выступаетъ изъ смысла XLII титула, въ которомъ говорится о поступленіи къ сыновьямъ всего достоянія ихъ родителя, въ томъ числѣ, лѣса и земли. Интерпретація этого титула до сихъ поръ является спорной, но разнорѣчіе не касается только что затронутаго вопроса: оно возникаетъ въ примѣненіи къ наслѣдованію дочерей Если придерживаться той разстановки знаковъ препинанія, какой слѣдуютъ рукописи, приходится интерпретировать XLII титулъ въ томъ смыслѣ, что, рядомъ съ наслѣдованіемъ сыновей въ землѣ, лѣсѣ, рабахъ и скотѣ ихъ родителя, признаваемо было и наслѣдованіе дочери въ материнскомъ имѣніи. Въ пользу такого толкованія можно привести и долго державшійся на правомъ берегу Рейна исконный салическій принципъ, по которому дочь при наличности сына устранялась отъ наслѣдованія въ отцовскомъ имѣніи и получала одни vestimenta matris et operatam pecuniam, другими словами, материнскую одежду и накопленное ею имущество [1]).

Но стоитъ только, какъ предложилъ Лемонье, отступить отъ принятой рукописями пунктуаціи и поставить точку тамъ, гдѣ кончается фраза о наслѣдованіи въ землѣ и лѣсѣ, и получится нѣсколько иной смыслъ, притомъ совершенно согласный съ тѣмъ, что мы знаемъ изъ Салической и Рипуарской Правды. «Въ рабахъ же и скотѣ изъ материнскаго наслѣдія часть принадлежитъ и дочери», гласила бы въ этомъ случаѣ вторая часть статьи, которая, такимъ образомъ, допускала бы устраненіе женщинъ отъ наслѣдованія только въ недвижимой собственности.

Фроадево не прочь присоединиться къ этому послѣднему взгляду, который даетъ ему возможность показать совпаденіе такъ называемаго

---

[1]) Въ формулахъ Маркульфа мы читаемъ: Diuturna, sed impia inter nos consuetudo tenetur ut de terra paterna sorores cum fratribus portionem non habeant etc, Marculfus II, 12 (Zeumer, стр. 83). Приведенный текстъ говоритъ только объ одной сторонѣ тѣхъ отношеній, какія затрогиваются титуломъ XLII, объ устраненіи женщинъ отъ наслѣдованія in terra paterna, но въ цитируемой Зомомъ записи епископомъ Вормса Бурхартомъ особаго права поселенцевъ на принадлежащихъ церкви земляхъ (отъ 1024 г.) выступаетъ и другая сторона тѣхъ же порядковъ—наслѣдованіе дочерей въ материнскомъ имуществѣ. Jus erit, гласитъ X статья, si ex familia vir aliquis et uxor eius obierint et filium cum filia reliquerint filius hereditatem servilis ferrae accipiat, filiam autem vestimenta matris et operatam pecuniam accipiat, reliqua quae remanserint in omnibus aequaliter inter se partiantur (Sohm, 38 въ V томѣ Leges)

права хамавовъ и въ сферѣ наслѣдованія съ правомъ прочихъ франковъ Карловингской Имперіи. Я не вижу съ своей стороны никакихъ причинъ не принять предложеннаго чтенія, такъ какъ неправильность пунктуаціи нерѣдка въ рукописяхъ IX-го вѣка. Исключеніе же сыновей отъ наслѣдованія въ материнскомъ имуществѣ, о которомъ говорила бы статья въ противномъ случаѣ, не согласимо съ нормами не только германскаго, но и всякаго древняго права. Въ приводимой Зомомъ грамотѣ 1024 года, касающейся обычнаго наслѣдованія въ Вормской епископіи, говорится только о переходѣ къ дочери материнской одежды и накопленной ею pecunia; за исключеніемъ этого, все оставленное поступаетъ въ равный раздѣлъ между сыномъ и дочерью (reliqua quae remanserint in omnibus aequaliter inter se partiantur). Отмѣтимъ еще тотъ фактъ, что разбираемый памятникъ, говоря о наслѣдованіи, предполагаетъ только случай оставленія свободнымъ человѣкомъ послѣ себя прямыхъ нисходящихъ (Si quis francus homo habuerit filios etc.). Но что становилось съ имуществомъ бездѣтнаго—не сказано, и мы поставлены въ необходимость довольствоваться однѣми догадками. Если принять во вниманіе родовой характеръ всѣхъ юридическихъ отношеній и, въ частности, участіе родственниковъ въ такихъ актахъ распоряженія собственностью, какимъ является, напримѣръ, отпущеніе раба на волю, то весьма вѣроятнымъ покажется предположеніе, что достояніе частной семьи возвращалось въ родъ, т. е. къ тому первоначальному двору, изъ котораго выдѣлился оставившій наслѣдство покойникъ Ни въ одномъ изъ юридическихъ памятниковъ франкской группы не выступаетъ въ равной мѣрѣ стремленіе охранить неприкосновенность двора, какъ въ мнимомъ законѣ хамавовъ. Его комментаторы, какъ мнѣ кажется, недостаточно обратили вниманіе на то обстоятельство, что,—помимо выкупа въ 12 или соотвѣтственно 6 солидовъ, какимъ этотъ памятникъ грозитъ въ случаѣ насильственнаго вторженія въ чужой домъ и чужой дворъ, помимо также однообразно взимаемыхъ при всѣхъ правонарушеніяхъ, не связанныхъ со смертью и членовредительствомъ, четырехъ солидовъ въ пользу фиска, на правахъ такъ называемаго fredus,—титулъ XX еще заводитъ рѣчь о потерѣ виновнымъ ноги, руки или глаза и о выкупѣ этихъ органовъ четвертой частью платы, полагаемой за убійство. Но эта плата, какъ мы знаемъ изъ III и IX титуловъ, равнялась 600 солидамъ. За что же, спрашивается, требовалась еще, сверхъ перечисленныхъ выкуповъ и штрафовъ, потеря органа или уплата 150 солидовъ? Очевидно, не за причиненный вторженіемъ матеріальный вредъ, такъ какъ онъ уже искупленъ платежомъ 12 или соотвѣтственно 6 солидовъ. Приходится поэтому предполо-

жить, что насильственное вторженіе, какъ дѣйствіе, оскорбляющее честь всей родни, являлось поводомъ къ родовому возмездію и выкупу родовой чести. Но не даетъ ли все это вмѣстѣ взятое основанія для новой гипотезы, а именно, что въ предѣлахъ curtis, границы которой были нарушены, стояли поселенія не отдѣльныхъ семей, а обширныхъ дворовъ, занятыхъ родственниками,—дворовъ, къ которымъ и возвращалось достояніе выдѣлившагося сочлена при его бездѣтной смерти? Прибавимъ, что разбираемый нами памятникъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о дареніяхъ и купчихъ, предметомъ которыхъ была бы недвижимая собственность—фактъ, вполнѣ согласующійся съ родовымъ характеромъ землевладѣнія Такимъ образомъ, наше пониманіе статей, относящихся къ имущественному праву, нѣсколько отличается отъ того, какого придерживается Фюстель и его школа. Тамъ, гдѣ они видятъ торжество частной собственности [1]), я констатирую начало кровнаго единства и имущественной нераздѣльности, предполагающее отсутствіе индивидуальнаго распоряженія недвижимостью; другими словами, землевладѣніе у устьевъ Рейна кажется мнѣ скорѣе родовымъ, нежели частнымъ.

§ 2.

Обозрѣвъ, такимъ образомъ, тѣ три памятника, въ которыхъ отразилось народное юридическое воззрѣніе франковъ на земельную собственность и владѣніе, зададимся вопросомъ, въ какой мѣрѣ тѣ же воззрѣнія продолжали регулировать отношенія этого народа къ почвѣ въ столѣтія, слѣдующія за редакціей Правдъ, до момента замѣны личнаго права или такъ называемой personalitas legum, правомъ территоріальнымъ, jus loci. Нельзя установить общей границы этого періода для всѣхъ странъ Запада. Въ Ломбардіи, Тосканѣ и вообще во всей сѣверной и средней Италіи упоминанія о правѣ того или другого лица жить и судиться согласно римскому, салическому или лангобардскому закону встрѣчаются еще въ XI вѣкѣ [2]). Въ королевствѣ вест-

[1]) См. Froideveaux, стр 214.

[2]) См. статью, отпечатанную въ Archivio Giuridico Serafini и посвященную вопросу о personalitas legum въ Тосканѣ Упоминаніе о томъ, что тотъ или другой человѣкъ живетъ secundum legem Langobardorum или secundum legem salicam, встрѣчается нерѣдко въ грамотахъ аббатства Фарфы, Кавы и въ тѣхъ еще рукописныхъ хартуляріяхъ, какіе хранятся въ государственномъ архивѣ во Флоренціи.

готовъ, какъ и въ Англіи, издавно упрочилось законодательное единство, и о personalitas legum въ этихъ странахъ не можетъ быть рѣчи; но далеко не то слѣдуетъ сказать о франкской монархіи, хотя и здѣсь стремленіе къ замѣнѣ личнаго права территоріальнымъ выступаетъ уже въ VIII вѣкѣ. Стоитъ сравнить, напримѣръ, постановленіе капитуларія 768 года съ титуломъ XXXI, § 3 Рипуарской Правды, чтобы убѣдиться въ томъ, что эта забота не оставалась чуждой правительству еще до Карла Великаго «Пусть всѣ люди имѣютъ каждый свое особое право, какъ римляне, такъ и салическіе франки; если же кто прибудетъ изъ другихъ провинцій, пусть онъ живетъ по праву своей родины», таковы въ буквальной передачѣ постановленія капитуларія Пипина, относящаго къ Аквитаніи, въ немъ личное право признано только за туземцами, къ пришлымъ же должно примѣняться только право ихъ родины. Это право одно признано въ титулѣ XXXI, § 3 Правды Рипуарской Франки, бургунды, аллеманы и вообще всѣ поселенцы, къ какой бы націи они ни принадлежали, должны отвѣчать на судѣ sicut lex loci continet ubi natus fuerit. Карлъ Великій принимаетъ, правда, мѣры къ редакціи особыхъ законовъ для саксонцевъ, фризовъ, англовъ и вериновъ, предписывая въ то же время восполнять и видоизмѣнять тексты Салической и Рипуарской Правды. Но всѣ эти вновь возникающіе своды построены на общей основѣ, доставленной Правдой Салической, и включаютъ въ себя лишь наиболѣе характерныя отступленія мѣстнаго права, особенно наглядно выступающія при опредѣленіи размѣра композицій [1])

Это обстоятельство позволяетъ намъ искать въ частныхъ сборникахъ формулъ, употребительныхъ при заключеніи юридическихъ сдѣлокъ, выраженія франкскаго права въ VII и VIII вѣкѣ каждый разъ, когда эти сборники происходятъ изъ мѣстностей, въ которыхъ Салическое и Рипуарское право были jus loci, или мѣстнымъ правомъ. Такихъ сборниковъ дошло до насъ нѣсколько. Во главѣ всѣхъ надо поставить компиляцію Маркульфа. Авторъ ея объявляетъ себя монахомъ, получившимъ отъ своего епископа приказъ соединить воедино тѣ образцы, которыхъ держались еще прежде (maiores sui) при совершеніи актовъ согласно мѣстному обычаю (iuxta consuetudinem loci). Изслѣдованіямъ Цеймера мы обязаны болѣе точнымъ выясненіемъ

---

[1]) Это положеніе поставлено внѣ сомнѣнія изслѣдованіями Зома, Мейера и Бруннера См., въ частности, Deutsche Rechtsgeschichte послѣдняго, т. I, стр 306 и слѣд

самой личности Маркульфа. Отправляясь отъ того факта, что одна изъ включенныхъ имъ въ свой сборникъ формулъ почти цѣликомъ заимствована изъ грамоты короля Дагоберта отъ 635 года въ пользу монастыря въ Ребэ или Ресбахъ въ діоцезѣ Мо (Meaux), Цеммеръ, а за нимъ Бруннеръ, выставляютъ ту правдоподобную догадку, что Маркульфъ принадлежалъ къ этому же монастырю и жилъ въ концѣ VII вѣка Сборникъ настолько отвѣчалъ характеру дѣйствовавшаго въ каролингской монархіи Салическаго права, что при первыхъ представителяхъ династіи эта частная компиляція пользовалась официальнымъ признаніемъ и служила руководствомъ при составленіи грамотъ королевской канцеляріи. При Карлѣ же Великомъ она сдѣлалась предметомъ новой обработки ранѣе 800 года, но только въ той мѣрѣ, въ какой заключала въ себѣ образцы королевскихъ грамотъ: къ ней сдѣланы существенныя дополненія, которыя, впрочемъ, далеко не были единственными или древнѣйшими, такъ какъ еще въ VII вѣкѣ присоединено было шесть образцовъ контрактовъ, затрогивавшихъ оставленные втунѣ вопросы [1])

Познакомившись, такимъ образомъ, въ самыхъ, разумѣется, общихъ чертахъ съ исторіей возникновенія занимающаго насъ памятника, спросимъ себя, какую картину земельныхъ отношеній можно составить себѣ на основаніи изученія заключающагося въ немъ матеріала? Сборникъ состоитъ изъ 92 формулъ, въ числѣ которыхъ 40 должны служить образцами для составленія королевскихъ грамотъ, а 52 для частныхъ контрактовъ. На ряду съ Салическимъ правомъ, положеннымъ въ основу формулъ, упоминается не разъ lex et consuetudo Romana Хотя авторъ и говоритъ, что онъ редактировалъ свои образцы сдѣлокъ не на основаніи одной consuetudo loci, но и по собственному усмотрѣнію, ex sensu proprio, но его личное участіе, какъ это установлено критикой, было весьма ничтожно и отразилось, самое бо́льшее, въ прологахъ къ отдѣльнымъ актамъ распоряженія имуществомъ, нисколько не измѣняя регулирующаго ихъ права. Въ большинствѣ случаевъ онъ, по всей вѣроятности, только списывалъ бывшіе въ его рукахъ документы, какъ это сдѣлано имъ, напримѣръ, по отношенію къ уже упомянутой грамотѣ Дагоберта. Слѣды такого пріема сохранились и въ самомъ сборникѣ, гдѣ иногда не вполнѣ опускаются подробности, излишнія въ формулахъ и находящія себѣ мѣсто въ дѣйствительныхъ контрактахъ. Это слабое отраженіе личности автора на характерѣ сообщаемаго имъ матеріала только увеличиваетъ цѣн-

---

[1]) См. Бруннеръ, Deutsche Rechtsgeschichte, т I, стр 405

ность послѣдняго, давая возможность видѣть въ сборникѣ Маркульфа вѣрное отраженіе мѣстнаго обычая.

Земельная собственность въ томъ видѣ, въ какомъ она выступаетъ въ формулахъ Маркульфа, носитъ характеръ помѣстной. На каждомъ шагу онъ говоритъ о villa и всегда въ смыслѣ частнаго имѣнія. Тѣмъ не менѣе, его «villa включаетъ въ себя земли разнаго происхожденія. На ряду съ тѣми, которыя составляютъ собственность въ силу наслѣдованія отъ родителей (выраженіе ex alode parentum смѣняются у Маркульфа нерѣдко выраженіемъ ex proprietate parentum)[1]), выступаютъ королевскія пожалованія и личныя пріобрѣтенія, въ свою очередь, распадающіяся на «очистки» (exarta) и покупки (comparata). О первыхъ говорится описательно: quicquid proprio labore acquisivi на вторые указано словами: quicquid quibuslibet titulis atque contractis vendicionibus, cessiones, donationes vel undique ad nostram pervenit dominacionem [2]) Такимъ образомъ, сборникъ Маркульфа подтверждаетъ сказанное выше о тройномъ источникѣ происхожденія частной собственности у франковъ: аллодъ или унаслѣдованной дворовой заимкѣ, exartum или novale, другими словами, произведенной съ согласія общины или короля очисткѣ, иначе, поднятіи нови, и conquisitum или, что то же, пріобрѣтеніи, сдѣланномъ на основаніи контрактовъ и договоровъ. Этотъ послѣдній источникъ, очевидно, позднѣйшій; онъ могъ появиться только съ того времени, когда допущено было свободное распоряженіе недвижимостью, о чемъ, какъ мы видѣли, не заходитъ еще рѣчи въ древнѣйшей редакціи Салической Правды. Первоначальными титулами собственности у франковъ были поэтому, если не говорить о королевскихъ пожалованіяхъ изъ земель фиска, дворовая заимка и индивидуальная расчистка. Новымъ подтвержденіемъ той мысли, что частныя владѣнія, возникшія изъ наевъ или жребіевъ (sortes) въ общинной землѣ, лежали чрезполосно въ открытомъ полѣ, служатъ употребляемые формулами пріемы для обозначенія границъ отдѣльныхъ полей или campi. Такъ, въ образцѣ купчей не приводятся указанныя камнями, рвами или заборами межи, а говорится только, что уча-

---

[1]) Напримѣръ, въ XVII формулѣ, заключающей въ себѣ образецъ завѣщанія Zeumer, Formulae, pars I, стр. 86.

[2]) Ibid., формула XVII. Въ образцѣ взаимнаго даренія между мужемъ и женою говорится объ уступкѣ ими другъ другу земель троякаго рода. de alod, de conparatum (sic) и de qualibet adtractu; послѣдняя категорія, очевидно, отсутствуетъ въ распоряженіяхъ, дѣлаемыхъ женою въ пользу мужа. Zeumer, pars I, стр 79, № 7

стокъ граничитъ съ одного конца такимъ-то, съ другого такимъ-то съ третьяго такимъ-то, а съ четвертаго такимъ-то [1]).

Имущественный составъ «виллы» обыкновенно передается формулами въ слѣдующемъ видѣ. помѣстье заключаетъ въ себѣ бо́льшее или меньшее число colonicae со всѣми ихъ смежностями, adjacentia, домами, сельскими рабами или крѣпостными, mancipii, виноградниками, лѣсами, нивами (campi), сѣнокосами (prata), пастбищами и другими, какими бы то ни было доходными статьями [2]). Въ помѣстьи нерѣдко имѣются мельницы, farinarii, и почти всегда особые табуны и стада рогатаго скота, коровъ, овецъ, свиней, лошадей, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ своихъ особыхъ пастуховъ, pastores gregis Весьма часто живой инвентарь передается словами крупный и мелкій скотъ обоего пола, peculium utriusque sexus maiore vel minore [3]).

Мы видѣли, какую выдающуюся роль въ процессѣ индивидуализаціи недвижимой собственности у франковъ играютъ король, церковь и патронизируемое этой послѣдней римское право. Наши соображенія на этотъ счетъ находятъ рѣшительное подтвержденіе въ формулахъ Маркульфа. Въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что Салическая Правда говоритъ о правѣ короля потребовать принятія общиной новаго поселенца (титулъ XIV, § 4), а Рипуарская о силѣ, какую придаетъ владѣнію засвидѣтельствованіе его предъ королемъ (титулъ LX, § 3, 6), одна изъ сообщаемыхъ Маркульфомъ формулъ гласитъ буквально: „то, что совершено въ нашемъ присутствіи или нашей рукою передано кому-либо, должно оставаться навсегда крѣпкимъ и нерушимымъ [4]). Эта неоспоримость королевскихъ распоряженій и санкцій является источникомъ нерушимости и дареній, произведенныхъ въ пользу церкви, какъ самимъ королемъ, такъ и частными лицами, дѣйствующими съ его согласія и по его распоряженію. Въ полномъ соотвѣтствіи съ содержаніемъ древнѣйшихъ королевскихъ дипломовъ, формулы Маркульфа, говоря о пожалованіяхъ короля въ пользу церкви, одно-

---

[1]) Venditio de campo..... qui subiungit a latere uno lui, ab alio latere lui, a fronte, uno illi, ab alio vero fronte illis (Формула за № 21 Zeumer, pars I, стр 90).

[2]) Commutatione cum rege, Marculfi, lib. I Zeumer, pars I, № 30

[3]) Cessio ad ecclesia, ibid., Marculfi lib II, № 4. Въ актѣ объ установленіи приданаго (libellum dotis) перечислены caballi, boves, grex aequarum, grex armentorum, grex porcorum, grex ovium (ibid., № 15).

[4]) См. Walter, стр. 296 Quicqid enim in presentiam nostram agetur vel per manu nostra videtur esse transvulsum volumus et iubemus, ut maneat in posterum robustissimo iure firmissimo (Praecepcio de lesaeum verpo per manu Regis, Marculfi, liber I, № 13 Zeumer, pars I).

образно указываютъ на то, что предметомъ traditio всегда являются имущества, дотолѣ состоявшія въ рукахъ фиска (villae quae usque nunc fiscus noster tenuit) [1]. Образцу жалованныхъ грамотъ въ пользу церкви слѣдуютъ и дарения, производимыя королемъ свѣтскимъ лицамъ, и они упоминаютъ о принадлежности даримаго къ числу королевскихъ доменовъ [2].

Чтобы встрѣтиться съ пожалованіями, предметомъ которыхъ служили бы земли, не входящія въ составъ казенныхъ имуществъ, надо перейти къ эпохѣ, слѣдующей за апропріаціей церковныхъ владѣній Карломъ Мартелемъ и упроченіемъ сперва бенефиціальной, а затѣмъ и феодальной системы. Въ распоряженіяхъ, какія правители VI и VII вѣковъ дѣлаютъ относительно принадлежащихъ фиску земель, нельзя видѣть поэтому доказательства того, что германскій конунгъ признавался когда-либо единственнымъ собственникомъ завоеванной территоріи. Они говорятъ только о переходѣ въ его руки доменовъ римскихъ императоровъ и объ освобожденіи его во всемъ, что касается отчужденія этихъ доменовъ, отъ тѣхъ ограниченій, какія германское право ставило распоряженію дворовой собственностью. Земли фиска продолжаютъ въ этомъ отношеніи подчиняться постановленіямъ римскаго права, которое не требуетъ согласія родственниковъ и домочадцевъ для дѣйствительности «традиціи».

Сила королевскаго testamentum, другими словами, утвержденія и скрѣпы самого короля или дѣйствующихъ его именемъ чиновниковъ,—обращаетъ недопускаемый обычаемъ актъ распоряженія недвижимостью въ законный и пользующійся судебной защитой. Обычное право франковъ не знаетъ, какъ мы видѣли, ни дареній недвижимости, ни наслѣдованія дочери при наличности сыновей въ недвижимостяхъ, ни права представленія по наслѣдству, въ силу котораго племянники могли бы вступать въ права ихъ покойныхъ родителей, ни усыновленія чужеродца. Все это становится возможнымъ благодаря видоизмѣняющему вліянію короля, церкви и римскаго права: короля, распорядительная власть котораго (bannum) ставитъ себѣ открыто цѣлью измѣненіе обычаевъ; церкви, непосредственно заинтересованной въ установленіи начала свободной отчуждаемости земель, безъ котораго не мыслимо было бы расширеніе ея недвижимаго фонда; наконецъ, римскаго права, являющагося тѣмъ источникомъ,

---

[1]) Cessio regis ad loco sancto (liber I, № 15).

[2]) Confirmatio ad secularibus viris упоминаетъ о томъ, что служащая предметомъ надѣленія villa antea ad fisco suo (короля) aspexerat

изъ котораго король и духовенство черпаютъ принципы свободы сдѣлокъ, дарственныхъ и завѣщательныхъ распоряженій, усыновленій и передачъ недвижимой собственности въ руки женщинъ и ихъ наслѣдниковъ

Мы видѣли, что уже Салическая Правда (тит 48) считаетъ возможнымъ дарения супруговъ другъ другу, при отсутствіи прямыхъ наслѣдниковъ и подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы эти дарения происходили ante regem, т. е. получали санкцію короля VII-ой капитуларій приравниваетъ уже такія дарения къ traditio, давая тѣмъ самымъ понять, что ихъ предметомъ можетъ служить и недвижимость. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ, одна изъ формулъ Маркульфа говоритъ о случаѣ передачи бездѣтными супругами другъ другу отдѣльныхъ «виллъ» и всякой вообще недвижимости, будетъ ли ея источникомъ милость короля или аллодъ родителей; но это распоряженіе имѣетъ силу только потому, что происходитъ съ вѣдома и согласія короля (in palatio nostro per manu nostra) [1]).

Мы, очевидно, имѣемъ передъ собою не простой актъ дарения, а то же самое, что извѣстно Салической Правдѣ и толкующему ее капитулярію подъ именемъ affatomia. Супруги выговариваютъ право пережившаго владѣть до смерти всѣмъ оставшимся имуществомъ, а затѣмъ передать его propinquis eorum, т. е. отдаленнымъ родственникамъ обоихъ [2]).

Уже въ разбираемой формулѣ оговорено право передачи пережившимъ супругомъ чего-либо въ пользу церкви ради спасенія души: королевское участіе и согласіе дѣлаетъ законнымъ такой противорѣчащій обычаю актъ. Во всемъ сборникѣ Маркульфа я не встрѣчаю частныхъ дареній въ пользу духовенства, которыя бы не были снабжены такой королевской скрѣпой, если не говорить о прекаріяхъ, т. е. объ условныхъ уступкахъ земли въ собственность церкви съ сохраненіемъ права пользованія на все время жизни обоихъ супруговъ [3]). Прекаріи еще извѣстны Имперіи и, очевидно, обязаны своимъ

---

[1]) Preceptum inter donationis (Marculfi, liber I, № 12 Zeumer, pars I, стр. 50).

[2]) Ср. съ содержаніемъ этого акта формулу, озаглавленную Carta interdonationes (sic) inter virum et femina de eorum res. Она представляетъ ту особенность, что въ ней право пережившаго супруга приравнено къ пожизненному владѣнію, исключающему возможность отчужденія имущества et nullum pontificium quicquam exinde alienandi aut minuendi habere non debeas. Marculfi formularum liber II, № 8 (Zeumer, pars I, стр. 80).

[3]) Ibid., Precepta de ipsa villa (Marculfi form liber II, № 5 Zeumer, pars I, стр. 77)

происхожденіемъ не германскому, а римскому праву [1]) Лица, ихъ совершающія, должны были принадлежать къ числу провинціаловъ или покоренныхъ туземцевъ. Только со временемъ эта практика распространилась и на членовъ завоевательнаго племени.

Если франкское право не знаетъ дареній, то оно въ равной мѣрѣ не допускаетъ и завѣщаній, этихъ дареній на случай смерти, а также и усыновленій съ цѣлью созданія наслѣдника. Но, какъ мы видѣли, уже Салическая Правда дѣлаетъ отступленіе отъ строгости принциповъ, допуская передачу бездѣтнымъ при жизни всего или части имущества, но не иначе, какъ въ присутствіи королевскаго чиновника, начальника надъ сотнею (thunginus aut centenarius) на судебномъ сходѣ, in mallo Такимъ образомъ, выступаетъ снова тотъ же принципъ измѣненія обычая подъ вліяніемъ регламентирующей власти короля и обращенія беззаконнаго дѣйствія въ законное при его участіи и согласіи. Формулы Маркульфа сохранили намъ образецъ такого рода акта, изъ котораго видно, что задачей affatomia въ данномъ случаѣ являлось обезпеченіе себѣ бездѣтнымъ крова и содержанія. «Пока я буду живъ», значится въ текстѣ, «пищу и одежду какъ для ложа, такъ и для собственнаго моего тѣла (tam in dorso, quam in lecto), ты мнѣ долженъ доставить въ нужномъ количествѣ (sufficienter) Все же, чѣмъ я владѣю, еще при жизни моей переходитъ въ твою власть». Салическій франкъ VI и VII вѣка поступаетъ при бездѣтности точь въ точь, какъ русскій крестьянинъ XIX столѣтія въ равныхъ условіяхъ. Институтъ усыновленія, съ трудомъ мирящійся съ заботою родовыхъ сообществъ о сохраненіи чистоты крови, развивается и упрочивается вліяніемъ и торжествомъ чисто экономическаго мотива

Завѣщательныя распоряженія, не возможныя по отношенію къ церкви въ той же мѣрѣ, въ какой не мыслимы въ ея пользу и даренія при жизни, отвергаются обычнымъ правомъ и тогда, когда въ выигрышѣ отъ нихъ должны оказаться родственники покойнаго. Необходимо было поэтому воздѣйствіе римскаго права для того, чтобы установить практику передачи наслѣдства иначе, какъ ближайшимъ родственникамъ, или дать дочери часть въ оставленной отцомъ недвижимости, или, наконецъ, увеличить долю одного сына въ ущербъ остальнымъ. Языкъ, которымъ написаны относящіяся къ такимъ распоряженіямъ формулы, воочію показываетъ это воздѣйствіе. Каждый разъ, когда отецъ передаетъ что-либо дѣтямъ и внукамъ изъ своего достоянія, гласитъ текстъ Маркульфа, римское право предписываетъ

[2]) См Fustel de Coulanges, Le bénéfice et le précaire

соблюденіе его воли. «Такъ какъ», продолжаетъ завѣщатель «по закону вы, мои внуки, не въ правѣ наслѣдовать наравнѣ съ вашими дядями, моими сыновьями, въ моемъ аллодѣ, то этою грамотою я распоряжаюсь такъ-то и такъ-то въ вашу пользу». Едва ли нужно доказывать, что подобнаго рода акты являются лучшимъ подтвержденіемъ той мысли, что только римскому праву и оказанному имъ воздѣйствію надо приписать возникновеніе у франковъ начала представленія по наслѣдству и самую практику завѣщаній [1]).

Послѣ этого понятно, что и надѣленіе одного внука большей долею въ наслѣдствѣ противъ другого, о чемъ говоритъ формула, озаглавленная Carta qui suo nepote aliquid meliorare voluerit [2]), сдѣлалось возможнымъ только подъ тѣмъ же римскимъ вліяніемъ. Еще нагляднѣе это вліяніе выступаетъ въ вопросѣ о допущеніи женщинъ къ наслѣдованію въ движимости, при наличности нисходящихъ мужескаго пола. Титулъ Салической Правды, отрицавшій такое наслѣдованіе, признается одной изъ формулъ Маркульфа «древнимъ, правда, но нечестивымъ обычаемъ» [3])

Римскій по источнику тестаментъ служитъ и въ данномъ случаѣ средствомъ для обхода обычнаго права и открываетъ дочери возможность найти защиту противъ исковыхъ претензій ея братьевъ на исключительность наслѣдованія въ имуществѣ родителя.

Франкское право высказывается, какъ мы видѣли, въ пользу недѣлимости семейнаго имущества; римское признаетъ свободу раздѣловъ. Подъ вліяніемъ этого примѣра, франки VI и VII вѣка производятъ разверстку общаго достоянія такимъ образомъ, что каждому достаются особыя villae, и только отцовская усадьба со всею ея движимостью дѣлится поровну [4]). То обстоятельство, что такіе акты совершаются между consortes въ присутствіи королевскаго посланца (missus) [5]), обнаруживаетъ и въ данномъ случаѣ силу принципа, по которому королевское засвидѣтельствованіе обращаетъ противное обычаю дѣйствіе въ законномѣрное.

Только что разобранный нами памятникъ является далеко не единственнымъ въ своемъ родѣ. Отъ того же VIII вѣка и притомъ изъ областей, въ которыхъ Салическая Правда служила мѣстнымъ пра-

---

[1]) Epistula cum in loco filiorum nepotes instituentur ab avo (liber II, № 10).

[2]) Ibid., № 11

[3]) Diuturna, sed impia inter nos consuetudo tenetur, ut de terra paterna sorores cum fratribus portionem non habeant (Ibid., liber II, № 12)

[4]) Ibid., liber II, № 12

[5]) Ibid., liber I, № 20 De divisione, ubi rege accederit missus

вомъ, дошли до насъ однохарактерные сборники. Нѣкоторые, какъ напримѣръ отпечатанная Биньономъ компиляція, носятъ на себѣ слѣды заимствованія у Маркульфа [1]); но другіе и, прежде всего, сборникъ, составленный въ городѣ Анжу, по всей вѣроятности, однимъ изъ секретарей городской куріи, возникъ, повидимому, ранѣе сборника Маркульфа [2]) и знакомитъ насъ съ характеромъ дѣйствовавшаго въ этомъ графствѣ права въ концѣ меровингскаго періода Въ нѣкоторыхъ формулахъ встрѣчается упоминаніе о римскихъ сановникахъ: defensor, curator, magister militum и curia publica (sic) [3]). Салическая Правда лежитъ не одна въ основѣ этихъ формулъ; рядомъ съ нею упоминаются Lex Romana и consuetudo andicavis civitatis, другими словами, обычное право города Анжу, сильно романизированное. Нѣкоторые институты, какъ напримѣръ, вѣчно-наслѣдственная аренда, выступающая то подъ именемъ прекарія, то подъ именемъ бенефиція, какъ и договоръ довѣренности, mandatum, имѣютъ чисто римскій источникъ. По всѣмъ этимъ причинамъ указываемый нами памятникъ въ гораздо меньшей степени можетъ служить къ иллюстраціи германскихъ порядковъ земле владѣнія, чѣмъ къ характеристикѣ того видоизмѣняющаго вліянія, какое оказало на нихъ римское право Послѣднее въ данномъ случаѣ находило поддержку и, по крайней мѣрѣ, молчаливое признаніе со стороны не одного духовенства, для котораго оно было личнымъ правомъ, но и со стороны правительства, короля Сплошь и рядомъ мы находимъ въ формулахъ выраженія въ родѣ слѣдующихъ: римское право учитъ, мѣстный обычай соглашается, а королевская власть не противится тому-то и тому-то [4]) Совершая сдѣлки, не отвѣчающія нормамъ Салической Правды, стороны стараются заинтересовать казну въ ихъ соблюденіи, выговаривая въ ея пользу штрафъ съ нарушителя [5]). Самое упоминаніе о фискѣ и получаемой имъ пени (старинаго fredus) не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что сила акта зависитъ отъ того

---

[1]) См. Formulae Bignonae, формула IX и XVII По мнѣнію Цеймера и Бруннера, этотъ сборникъ возникъ не позже 774 года.

[2]) Розьеръ относитъ возникновеніе этого сборника къ эпохѣ, предшествующей 681 году

[3]) № 1, § 1. 2, 4. Ex codice Fuldense, заключающаго въ себѣ такъ называемыя formulae andegavenses. У Розьера та же формула носитъ № 260 того отдѣла, который отведенъ гражданскому праву.

[4]) Lex romana edocet, consuetudo pacem (sic, вѣроятно, pagi) consentit et regalis potestis (sic) non prohibit ut etc .. Грамота за № 57 въ рукописи аббатства Фульда и 358 у Розьера

[5]) См, напримѣръ, формулу за № 9 Ex codice Fuldense и 293 у Розьера

засвидѣтельствованія, testamentum, какое дается ему фактомъ совершенія передъ правительственнымъ чиновникомъ, заступающимъ каждый разъ мѣсто отсутствующаго короля [1]). Въ одной формулѣ прямо указано, что къ соблюденію сдѣлки не однѣ стороны, но и всѣ заинтересованные принуждаются gestis municipalis, другими словами, заключеніемъ ея передъ муниципальными властями и, быть можетъ, записью въ городскіе реестры.

Другую санкцію тѣ же сдѣлки находятъ въ призываемыхъ ими на нарушителя небесныхъ карахъ, къ которымъ присоединяется иногда и угроза отлученія отъ церкви [2]). При опредѣленіи размѣра взысканій съ нарушителя выступаетъ опять таки римское вліяніе: въ большинствѣ формулъ говорится о взиманіи съ виновнаго двойной цѣны убытковъ. Не зная, подо что подвести нарушеніе неизвѣстныхъ ему первоначально актовъ отчужденія недвижимости, германецъ пріурочиваетъ его къ понятію воровства и грозитъ виновному положенной римскимъ правомъ карой (duplum).

Послѣ сказаннаго не удивительно, если разбираемый нами памятникъ подъ покровомъ германскихъ только по виду порядковъ заключаетъ въ себѣ рѣшительныя новшества. Къ числу послѣднихъ я отношу упоминаніе о передачѣ себя вмѣстѣ со всѣмъ своимъ достояніемъ въ кабалу, при невозможности разсчитаться иначе за преступленіе. О такомъ закабаленіи идетъ рѣчь въ трехъ формулахъ, озаглавленныхъ: Vindicio qui se ipsum vindit. Совершающій отчужденіе сознается въ совершеніи имъ furta, кражъ, и говоритъ о грозящей ему за то смерти. Въ искупленіе содѣяннаго, онъ соглашается быть впредь такимъ же рабомъ, какимъ являются прочіе mancipii лица, въ пользу котораго онъ совершаетъ сдѣлку. Къ этому послѣднему переходитъ все его движимое имущество,—на что указываютъ слова: «cum omni peculiare,»—а также все, чѣмъ онъ владѣетъ in fundo illa villa, другими словами, въ земляхъ той или другой виллы. Иногда слѣдуетъ денежный платежъ со стороны будущаго собственника закабаленнаго. Но изъ текста не слѣдуетъ, чтобы уступаемая недвижимость принадлежала въ собственность лицу, передающему себя въ рабство. Въ одной формулѣ прямо говорится, что его дворъ, земля и виноградники лежатъ super terra ecclesiae Andicavis, другими словами, въ предѣлахъ

---

[1]) № 40, у Розьера 247.

[2]) Такъ въ одной формулѣ (№ 57, у Розьера 358) мы читаемъ: кто нарушитъ постановленіе этой грамоты, dei incurat iudicium et sanctorum loca efficiatur extraneus.

владѣній церкви, т. е. епископіи въ Анжу [1]). Мы имѣемъ, такимъ образомъ, передъ собою не полноправнаго германца, а колона, поселеннаго въ предѣлахъ чужой собственности. Этотъ колонъ за содѣянное имъ преступленіе подлежитъ конфискаціи имущества и смерти; взамѣнъ этого, онъ переходитъ въ кабалу, сохраняя въ то же время фактическое владѣніе своимъ участкомъ. Изъ колона онъ становится mancipium Какъ бы старинны поэтому ни были только что упомянутыя формулы, онѣ не даютъ намъ ни малѣйшаго права заключать о характерѣ отношеній свободнаго германца къ землѣ и его правѣ закабалять не только себя лично, но и дворовое имущество, имѣвшее своимъ источникомъ, какъ мы видѣли, заимку въ общественной землѣ. То обстоятельство, что пожалованія въ пользу церкви, этотъ, по всей вѣроятности, древнѣйшій способъ отчужденія дворовой собственности, —отчужденія, образцы котораго даны были частнымъ лицамъ германскими конунгами еще со временъ Клодвига,—всегда ищутъ оправданія себѣ въ Lex Romana et antiqua consuetudo, т е. въ сильно романизированномъ городскомъ обычаѣ,—наводитъ на мысль, что даже такія отчужденія не входили первоначально въ предѣлы частной правоспособности, не допускались салическимъ правомъ [2]). Нельзя также видѣть доказательства свободнаго распоряженія недвижимой собственностью у древнихъ франковъ и въ тѣхъ двухъ формулахъ, которыя говорятъ объ уступкѣ, cessio, мужемъ женѣ, по случаю заключенія ими брака съ вѣдома и согласія родителей невѣсты, дома, двора, виноградниковъ, лѣсовъ, луговъ, пастбищъ и т д.,—такъ какъ въ одномъ случаѣ признается, что всѣ эти имущества не составляютъ собственности дарителя и лежатъ въ предѣлахъ церковныхъ владѣній (salvi. iure sancti illius cuius terre esse videtur [3]), а въ другомъ—прямо сдѣлана ссылка на Lex Romana и на молчаливое согласіе короля. Въ первой грамотѣ мы имѣемъ передъ собою фактъ установленія колономъ, живущимъ на церковной землѣ и слѣдующимъ обязательному для духовенства римскому праву, того, что извѣстно Кодексу Ѳеодосія подъ наименованіемъ donatio propter nuptias, а во второй—сдѣлка

---

[1]) „Подъ церковью въ V и VI вѣкѣ“, говоритъ Клодіо Жаннэ, „надо разумѣть епископію, такъ какъ епископъ одинъ сосредоточивалъ въ это время въ своихъ рукахъ администрацію церковнаго достоянія, составлявшаго еще единое цѣлое въ предѣлахъ епископіи“. (См. Les grandes époques de l'histoire économique jusqu'à la fin du XVI siècle, стр. 111).

[2]) См. epistola, qui (sic) de heredibus aliquid at ecclesia delegat, № 45. Фульденской рукописи и 197 у Розьера.

[3]) Грамота № 1, § 3, у Розьера 222.

совершена въ соотвѣтствіи не съ германскимъ, а съ римскимъ правомъ, рѣшительное вліяніе котораго открыто признано. Встрѣчается и еще одна формула, говорящая о такой же cessio имущества женѣ, но въ ней значится, что бракъ заключенъ былъ согласно римскому праву [1]).

Чѣмъ ближе мы знакомимся съ формулами, употребительными въ городѣ Анжу, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что мѣстный обычай городскихъ поселеній сложился подъ вліяніемъ не столько принесеннаго варварами, сколько сохраненнаго покореннымъ населеніемъ права. Раздѣлъ собственности между братьями, дареніе въ пользу дѣтей, внуковъ и чужеродцевъ, продажа, обмѣнъ, происходятъ по началамъ, ни мало не противорѣчащимъ римскому праву и не всегда согласнымъ съ франкскимъ. Нѣкоторые изъ этихъ актовъ заслуживаютъ вниманія не столько по характеру обнаруживаемыхъ ими юридическихъ порядковъ и отношеній, которые въ общемъ тѣ же, что и въ формулахъ Маркульфа, сколько по времени ихъ составленія. Если соображенія Розьера справедливы,—а ничто пока не доказало противнаго,—то формула за № 36, упоминающая о походахъ въ Бретань и Гасконь, возникла въ концѣ VI-го вѣка; въ ней говорится о надѣленіи сына обоими родителями предпочтительно предъ другими наслѣдниками извѣстною частью наслѣдства. Такимъ образомъ, видно, что еще въ I-ое столѣтіе, послѣ принятія христіанства и прочнаго поселенія въ Галліи, практика завѣщательныхъ распоряженій была въ общемъ ходу въ Анжу. Но что она имѣетъ источникомъ не Салическую Правду, это слѣдуетъ не только изъ отсутствія въ послѣдней всякихъ упоминаній о завѣщаніи, но и изъ подлинныхъ словъ разбираемой нами формулы. Каждому дозволено распоряжаться тѣмъ, чѣмъ онъ владѣетъ въ этомъ свѣтѣ, какъ въ пользу мѣстъ святителей, такъ и въ пользу родныхъ. Законъ, подъ которымъ разумѣется Lex Romana, научаетъ этому, а вѣковѣчный обычай упрочиваетъ такой порядокъ [2]). Попадающееся въ формулѣ выраженіе: произвесть раздѣлъ «равнымъ копьемъ», equalis lanciae dividere, повидимому, намекаетъ на франкскіе порядки; но сравненіе со многими другими формулами, римскій источникъ которыхъ не подвергнутъ сомнѣнію, лишаетъ это

---

1) Non habetur incognitum qualiter te secundum lege romana sponsata visi sum habire (sic) (№ 39 Ex cod. Fuld, 227 у Розьера).

2) Licet unicuique de rebus suis, quas in presente seculo viditur (habere) tam ad sanctorum loca seu parentum meliorare et lex manet et consuetudo longinquam percurrit, facere quod voluerit

соображеніе всякаго значенія. Извѣстно же, что даже такіе безспорно германскіе термины, какъ alodis, не разъ встрѣчаются подъ перомъ составителей основанныхъ на римскомъ правѣ формулъ [1]).

Въ двухъ другихъ городахъ, также расположенныхъ въ предѣлахъ ранняго распространенія франковъ, въ Турѣ и въ Сансѣ, возникли въ VIII вѣкѣ тоже сборники, въ родѣ только что разобранныхъ. Въ нихъ римское вліяніе выступаетъ еще съ бо́льшею рѣшительностью, подтверждая нашу догадку, что городской обычай сложился почти исключительно подъ его вліяніемъ. Остановимся сперва на формулахъ Тура, впервые отпечатанныхъ Сирмондомъ и долгое время обозначавшихся его именемъ. Въ формулѣ 22 (131 у Розьера) заходитъ рѣчь о передачѣ аллода. Самое употребленіе этого термина наводитъ на мысль, что въ памятникѣ должны быть черты древне-германскаго права, но содержаніе памятника не оправдываетъ этого расчета. Рѣчь идетъ о передачѣ имущества внукамъ взамѣнъ сыновей (по всей вѣроятности, умершихъ) Между тѣмъ, мы знаемъ, что право представленія по наслѣдству неизвѣстно древнимъ франкамъ. Не удивительно поэтому, если, въ оправданіе дѣлаемаго имъ распоряженія, отчуждающій считаетъ нужнымъ сослаться на римское право. «Что родитель отказалъ дѣтямъ или внукамъ, то Lex Romana приказываетъ соблюдать въ строгости»—вотъ какими словами открывается разбираемый нами источникъ [2]).

Перейдемъ къ другому способу распоряженія недвижимостью, къ такъ называемой cessio или передачѣ имущества въ руки другого. Предметомъ ея служитъ villa со всѣми ея принадлежностями и поселенными въ ней свободными и несвободными дворами, въ томъ числѣ, и дворами вольноотпущенниковъ (liberti). Въ оправданіе cessio приводятся слова, цѣликомъ заимствованныя изъ Кодекса Юстиніана и Институцій [3]).

Сопоставимъ съ приведенной формулой другую, заключающую въ себѣ cessio въ пользу церкви. Выдержки изъ Кодекса Юстиніана здѣсь

---

[1]) См., что говоритъ Бруннеръ о формулахъ, впервые отпечатанныхъ Балюзомъ (Deutsche Rechtsgeschichte, т I, стр. 405 и слѣд).

[2]) Quicquid filiis vel nepotibus de facultate patris cognoscitur ordinasse voluntatem eius in omnibus lex romana constringit adimplere,

[3]) Latores legum sanxerunt ut quicquid unusquis alteri cesserit profiteatur se tantum rem cessisse vel concedi et sola voluntas illius aut scriptura aut testibus comprobata pro omni firmitate sufficiat Розьеръ указываетъ, что эти выраженія встрѣчаются въ Кодексѣ Юстиніана (VIII, LIV, 29) и въ Институціяхъ (книга II, tit VII, § 2)

отсутствуютъ, но зато встрѣчаются слѣды прямого заимствованія изъ Lex Romana Wisigothorum, что̀ видно изъ употребленія однихъ съ нею выраженій,— non occulte, sed publice, non privatim, sed palam. Составитель грамоты только въ одномъ отступаетъ отъ римской практики: имѣя въ виду, что его распоряженіе можетъ встрѣтить противодѣйствіе со стороны лицъ, которыя не живутъ по началамъ римскаго права, онъ считаетъ нужнымъ закрѣпить свой актъ упоминаніемъ объ особой пенѣ съ нарушителя въ пользу церкви и фиска; онъ самъ сознаетъ необычность избраннаго имъ средства, замѣчая: хотя въ cessio и не включается статьи о пенѣ, но ради прочности моего распоряженія мнѣ угодно внести ее [1]).

Приведемъ еще примѣръ. Отецъ хочетъ надѣлить одного сына больше другихъ, или дѣдъ намѣревается принять подобную же мѣру по отношенію къ одному изъ внуковъ; чтобы оправдать свое дѣйствіе, тотъ и другой ссылаются на римское право и приводятъ выдержку изъ Lex Romana Wisigothorum. Что отецъ оставилъ любому изъ сыновей или внуковъ, то, согласно порядку legis (разумѣется Romanae), не можетъ быть оспариваемо consortes надѣленнаго и подлежитъ защитѣ: никто не можетъ предпринять чего-либо противъ воли отца (или соотвѣтственно—дѣда-дарителя) [2]). Даже въ актахъ, которые имѣютъ предметомъ юридическія отношенія, вытекающія изъ германскаго обычая родового возмездія и замѣняющихъ его композицій, легко прослѣдить черты романизаціи. Человѣкъ заключилъ бракъ увозомъ невѣсты, чѣмъ, по собственному сознанію, подвергъ себя опасности смерти. Онъ долженъ выкупить свою вину платежомъ композиціи. Повидимому, дѣло идетъ о примѣненіи чисто германскаго обычая. Но слѣды романизаціи выступаютъ не только въ заимствованномъ прологомъ текстѣ изъ Сентенцій Павла, но и въ томъ, что виновный подводитъ свой актъ подъ понятіе римской cessio и переноситъ въ руки невѣсты (а не ея родителя) часть своего недвижимаго имущества. Какъ оказывается, рѣчь идетъ не о выкупѣ вины, на что, какъ будто, намекаетъ упоминаніе о композиціи, а о donatio propter nuptias [3]).

---

[1]) Грамота за № 36 и 195 у Розьера.

[2]) Этотъ текстъ цѣликомъ встрѣчается въ книгѣ II, титулѣ XXIV, Lex Romana Wisigothorum, на что и указано Розьеромъ. (См. примѣчаніе къ формулѣ 21 у Сирмонда и 166 собственнаго его собранія).

[3]) См. формулу за № 16 у Сирмонда, 241 у Розьера Carta in puellam facta ab eo qui ipsam invitam traxerit. Viventibus patribus inter filios familias sine voluntate eorum matrimonium non legitime copulantur sed contracta non solvuntur. (Pauli Sententiae, lib. II, tit. XX, § 2 Interpr.). ..... Dum rapto

Формулы, бывшія въ употребленіи въ городѣ Сансѣ, носятъ на себѣ печать германскаго права; но и въ нихъ завѣщательныя распоряженія ищутъ опоры въ постановленіяхъ римскаго закона. Ссылки на конституцію императора Константина о порядкѣ отпущенія рабовъ у алтаря путемъ выдачи имъ вольной,—конституцію, которую можно найти въ Кодексѣ Ѳеодосія (книга IV, титулъ XII),— встрѣчаются въ прологѣ къ распоряженіямъ, принимаемымъ на смертномъ одрѣ съ цѣлью освободить людей изъ неволи. На римское же право ссылается тотъ, кто, за непмѣнімъ законнаго потомства, намѣревается передать свое имущество незаконнорожденнымъ [1]). Когда германецъ приступаетъ къ совершенію акта, явно противорѣчащаго салическому праву, онъ старается придать ему силу тѣмъ средствомъ, на которое указываютъ капитуларіи и позднѣйшіе своды франкскаго народнаго права,— онъ старается заинтересовать въ его соблюденіи казну, придать своему личному распоряженію силу акта, совершеннаго ante regem или укрѣпленнаго посредствомъ testamentum regis, свидѣтельства короля. Подтвержденіе этому мы находимъ въ слѣдующихъ формулахъ. Частное лицо желаетъ передать часть своего аллода или наслѣдственной собственности въ руки дочери, при наличности сыновей, или въ руки незаконнорожденнаго, когда имѣются законные наслѣдники. Онъ знаетъ, что его дѣйствіе противорѣчитъ Lex Salica, и самъ говоритъ объ этомъ въ текстѣ грамоты. Чтобы сдѣлать, тѣмъ не менѣе, свое распоряженіе дѣйствительнымъ, онъ прибѣгаетъ къ составленію epistola hereditaria, къ засвидѣтельствованію ея и закрѣпленію (adfirmatio). Онъ вноситъ въ нее также постановленіе о томъ, что нарушитель обязанъ уплатить извѣстное число унцій золота какъ потерпѣвшему, такъ и королевской казнѣ [2]).

Точно такъ поступаетъ и тотъ, кто рѣшается уменьшить семейное достояніе отпущеніемъ раба на волю. Франкская символика тре-

---

scelere in meo sociavi conjugio unde vite periculum incurere debeo . . per hanc epistolam compositionalem aut si convenit cessionem locelum etc (trado)

[1]) Формула за № 63 у Розьера и 56 въ приложеніи къ формуламъ Маркульфа говоритъ объ отпущеніи на волю per tabulas in ecclesia; формула за № 130 у Розьера и 52 въ приложеніи къ Маркульфу имѣетъ предметомъ передачу всей собственности незаконорожденнымъ; послѣдняя грамота открывается прологомъ, въ которомъ сдѣлано извлеченіе изъ Epitome novellarum Юліана, конституція 82, глава XII

[2]) № 135 у Розьера, 49 въ приложеніи къ Маркульфу и 137 у Розьера, 47 въ приложеніи къ Маркульфу

буетъ, чтобы этотъ актъ, въ которомъ бросаніе динарія является обязательнымъ, совершенъ былъ непремѣнно въ присутствіи короля [1]). ante regem, очевидно, съ цѣлью сообщить ему силу королевскаго засвидѣтельствованія.

Пожалованіе въ пользу церкви, выдѣлъ одному изъ сыновей большей части имущества сравнительно съ долями остальныхъ, происходятъ не иначе, какъ путемъ выдачи крѣпостныхъ актовъ, въ которыхъ выговорено право фиска на полученіе пени съ нарушителя. То же надо сказать и о даренiи, производимомъ женихомъ въ пользу невѣсты Это приданое, о которомъ говоритъ еще Тацитъ, замѣчая, что у германцевъ невѣста надѣляется не отцомъ, а будущимъ супругомъ, искусственно подводится формулами подъ понятіе римской donatio propter nuptias и защищается то ссылками на римское право (Lex Romana Wisigothorum, книга III, титулъ V), то пріобщеніемъ фиска къ выгодамъ, доставляемымъ пенями съ нарушителей [2]). Даже семейные раздѣлы между братьями, раздѣлы, предметомъ которыхъ является отцовскій аллодъ, не обходятся безъ этой послѣдней гарантіи—новое доказательство въ пользу того, что семейное достояніе на первыхъ порахъ пользовалось у германцевъ нераздѣльностью, и что заимка въ общинныхъ земляхъ считалась принадлежностью цѣлаго двора [3]).

Мы закончимъ наше изученіе франкскихъ формулъ двумя сборниками, изъ которыхъ одинъ содержится въ рукописяхъ Ватиканской библіотеки и изданъ Меркелемъ, а другой носитъ имя впервые обнародовавшаго его Линденброга. Оба сборника могутъ считаться болѣе или менѣе одновременными. Путемъ внутренней критики текста, Вайцу удалось отнести первый изъ нихъ къ эпохѣ Карла Великаго [4]); Линденброгъ же опредѣлилъ время составленія обнародованныхъ имъ актовъ началомъ IX-го вѣка.

Мѣстность, къ которой относятся формулы Меркеля, по словамъ Цеймера, лежитъ на западѣ Франціи, въ сферѣ примѣненія салическаго права, въ границахъ Турской или Парижской области [5]).

Сборникъ Меркеля открывается тремя дарственными грамотами въ

---

[1]) № 55 у Розьера, 27 въ приложеніи къ Маркульфу.

[2]) № 169 у Розьера, 35 въ приложеніи къ Маркульфу; № 220 у Розьера и 14 въ приложеніи къ Маркульфу; № 224 у Розьера и 37 въ приложеніи къ Маркульфу.

[3]) № 123 у Розьера и 39 въ приложеніи къ Маркульфу.

[4]) Событія, упоминаемыя сборникомъ, относятся къ первой эпохѣ этого царствованія (Waitz, Verfassungsgeschichte, т. I, стр. 537).

[5]) Pertz, Leges, т. V. Formulae, изд. Zeumer, стр 240.

пользу церкви. Предисловіе къ одной изъ нихъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ глазахъ составителя свобода распоряженія недвижимостью является неоспоримой. Въ защиту ея онъ ссылается на авторитетъ первыхъ отцовъ (priscorum patrum auctoritas) [1]). Предметомъ отчужденія въ равной мѣрѣ является alod, comparatum и adtractum, другими словами, тѣ же три вида собственности, какіе извѣстны салическому праву, отличающему унаслѣдованную отъ предковъ первоначальную заимку (alod) отъ тѣхъ, которымъ начало положено позднѣйшими расчистками въ общинной землѣ, такъ называемой adtractio ad culturam, равносильной поднятію нови [2]). На ряду съ собственностью, предметомъ распоряженія являются и связанные съ нею общинные сервитуты. Обычная формула, гласящая, что имѣніе отчуждается со своими принадлежностями, заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, упоминаніе объ обширныхъ пустыряхъ (saltus) невоздѣлываемой площади [3]). При обозначеніи границъ выступаетъ еще первоначальная разбросанность участковъ въ общемъ полѣ и отсутствіе точныхъ межъ и постоянныхъ загородей. Составитель купчей довольствуется заявленіемъ, что границею служитъ съ одной стороны земля такого-то, а съ другой и третьей—alod такого-то и такого-то [4]).

Чтобы опредѣлить мѣсто нахожденія имущества, называются графство и сотня (pagus, centena). Не имѣется, повидимому, возможности пріурочить имущество ни къ опредѣленному селенію, ни къ опредѣленному приходу, какъ это сплошь и рядомъ встрѣчается въ позднѣйшихъ грамотахъ; рѣдко также упоминается о villa въ смыслѣ помѣстья. Всего обычнѣе терминъ «terra», нерѣдко съ прибавкой: «доставшаяся мнѣ по закону часть»; употребительно также слово res mea. Въ общемъ получается представленіе скорѣе о мелкой, чѣмъ о крупной собственности, разсѣянной на протяженіи всѣхъ земель сотни и связанной съ пользованіемъ ея пустошами и угодьями [5]).

Чтобы закрѣпить сдѣлку и навсегда сдѣлать ее ненарушимой, отчуждающій землю обращается къ одному изъ слѣдующихъ пріемовъ. онъ или выговариваетъ себѣ опредѣленное число унцій золота и фунтовъ

---

[1]) Priscorum patrum sanxit auctoritas ut unus quisque homo de rebus suis proprus ubicumque voluerit dare aut delegare per cartarum saerie Christo presule plenius roboretur (Zeumer, Formulae Merkelianae, № 3).

[2]) См. формулу IX, заключающую въ себѣ образецъ купчей

[3]) Формулы за № 1, 9, 10

[4]) См. формулу за № 11

[5]) См. грамоты за № 1, 9, 10, 11, 15, 17.

серебра [1]) или грозитъ нарушителю взысканіемъ двойной суммы того, что получено было продавцомъ,—пріобщая почти каждый разъ фискъ или государственную казну къ выгодамъ отъ этихъ штрафовъ (socio fisco multa conponat) [2]). Но что обращеніе къ защитѣ королевскаго засвидѣтельствованія является уже не болѣе, какъ формальностью, на это указываетъ и недостатокъ точнаго обозначенія величины поступающаго въ казну штрафа и нерѣдкое отсутствіе всякаго упоминанія о такомъ штрафѣ.

Вообще техническія выраженія, служившія франкамъ для передачи опредѣленныхъ юридическихъ понятій, потеряли прежній смыслъ и значеніе. Такъ въ формулѣ, озаглавленной «affatimum», на ряду съ упоминаніемъ о томъ, что, согласно Салической Правдѣ, не допустимо наслѣдованіе дѣтей умершаго сына при живыхъ дядяхъ (право представленія), фискъ призывается не только къ санкціонированію актовъ передачи имущества мужемъ женѣ или одаренія родственника при жизни, но и къ созданію права представленія по наслѣдству въ пользу внуковъ [3]).

Установленіе приданаго, согласно германскому обычаю, производится не родителемъ невѣсты, а будущимъ супругомъ. Но этотъ актъ въ формулахъ носитъ несоотвѣтственное названіе «tandono» и заключаетъ въ себѣ передачу не одного только движимаго имущества, но и земли [4]).

Вообще частое повтореніе терминовъ Салической Правды и упоминаніе рекомендуемыхъ ею символовъ не изглаживаетъ представленія о томъ, что совершители сдѣлки слѣдуютъ рѣзко противуположнымъ этому памятнику принципамъ неограниченной свободы распоряженія не только движимостью, но и землею.

Формулы Липденброга, въ которыхъ на каждомъ шагу упоминаются Lex Salica и предписываемые ею символическіе обряды, какъ напримѣръ, передача festuca и рукобитіе при сдѣлкахъ, имѣющихъ цѣлью отчужденіе имущества, врученіе солида и динарія женихомъ невѣстѣ при заключеніи брака и т. п. [5]), свидѣтельствуютъ въ то же время

---

[1]) Quicherat указываетъ на то что pondus означалъ иногда и poids d'une livre.

[2]) Формулы за № 1, 9, 10. Иногда мы встрѣчаемъ выраженіе: discutiente fisco multa conponat или еще socio fisco (См формулу за № 16)

[3]) Формула за № 24

[4]) Формула за № 15

[5]) См въ изданіи Zeumer—Pertz, Leges, томъ V, формулы за № 6, 7, 8, 2: trado per fistucam et andelangum .... ut ego tibi solido et denario secundum legem salicam sponsare deberem

о полномъ торжествѣ римскихъ началъ землевладѣнія надъ германскими.

Процессъ индивидуализаціи собственности завершился, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ воздѣлываемой площади. Отъ прежней нераздѣльности уцѣлѣли только общинныя угодья. Источники прямо говорятъ о нихъ, обозначая ихъ терминомъ communia. Въ случаяхъ отчужденія бо́льшаго или меньшаго числа манзовъ, или полныхъ крестьянскихъ надѣловъ, съ занимающими ихъ людьми [1]), формулы непзмѣнно перечисляютъ всѣ принадлежности этихъ манзовъ: идетъ рѣчь о лѣсахъ, водахъ, дорогахъ, пастбищахъ, и особую статью въ ряду этихъ adiacentia и appendicia составляютъ communia. Эти принадлежащія нераздѣльно всѣмъ манзамъ помѣстья общиннаго пользованія, очевидно, не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ пустошью, открытой для новыхъ очистокъ и для выгона скота, да еще лѣсной площадью, насколько она оставлена открытой для осуществленія крестьянами права въѣзда [2]).

Термины alod и conquisitum по прежнему въ ходу, но уже исключительно въ смыслѣ противуположенія родовой собственности благопріобрѣтенной. Смотря по тому, перешло ли имущество отъ отца или отъ матери, alod считается paternus или maternus [3]) Но не видно, чтобы эти различія въ источникѣ возникновенія установливали какія-нибудь ограниченія свободы распоряженія собственностью [4]). Аллодъ и конквизитъ равно могутъ сдѣлаться предметомъ продажи и даренія, равно могутъ пойти въ приданое или быть оставленными по завѣщанію [5]). Для крѣпости сдѣлки достаточно совершенія акта въ присутствіи свидѣтеля и снабженія его особой stipulatio, въ которой выговаривается штрафъ въ пользу фиска въ случаѣ нарушенія договора и платежъ двойныхъ убытковъ (римскій duplum) [6]). Бездѣтный не считаетъ болѣе нужнымъ обращаться къ совершенію дозволенной

---

[1]) Формулы употребляютъ при передачѣ этихъ манзовъ слѣдующія выраженія: trado mansos tantos cum hominibus ibidem cummanentibus или cum mancipibus ibi commanentibus vel aspicientibus.

[2]) О communia говорится и при актахъ отчужденія имущества въ пользу церкви, и при обоюдномъ дареніи супруговъ, и при установленіи прекарія, т. е. уступкѣ земли въ собственность подъ условіемъ сохраненія пожизненнаго или наслѣдственнаго владѣнія ею. См. формулы за №№ 1, 2, 3, 13

[3]) Грам. за № 8. Additamenta, гр за № 2 и 3.

[4]) Ibid, № 6 и 8: Traditio circumque tradere vult.

[5]) № 7, 8, 13, 14

[6]) Грамоты за № 12, 13, 14

Салической Правдой afatomia: онъ прибѣгаетъ къ римскому порядку усыновленія. Желающій что-либо оставить по наслѣдству внукамъ не стѣсненъ болѣе предписаніями Салической Правды, не знавшей, какъ мы видѣли, права представленія [1]); мужъ въ оправданіе своихъ дареній женѣ не ссылается на силу королевскаго засвидѣтельствованія (testamentum) и довольствуется заявленіемъ, что, такъ какъ Богъ требуетъ мира и согласія между супругами, то взаимное обезпеченіе одного другимъ передачей имущества является желательнымъ [2]).

Нигдѣ ни однимъ словомъ распоряжающійся землею, вопреки нормамъ Салической Правды, не высказываетъ опасенія, чтобы его актъ могъ быть оспоренъ передъ судами.

Фюстель де Куланжъ ставитъ въ вину противникамъ его взгляда на господство частной собственности у франковъ односторонность привлекаемаго ими къ изслѣдованію матеріала. «Надо», говоритъ онъ, «читать всѣ тексты и основывать свои выводы на общемъ впечатлѣніи, ими производимомъ». Мы послѣдовали его совѣту и пришли въ результатѣ этого сравнительнаго изученія правдъ, законовъ, королевскихъ грамотъ и формулъ далеко не къ тому выводу, какой сдѣланъ на основаніи тѣхъ же источниковъ французскимъ историкомъ Тамъ, гдѣ онъ видитъ полное совпаденіе германскихъ и римскихъ порядковъ, мы нашли слѣды глубокаго разнорѣчія, устраненнаго только на разстояніи вѣковъ, благодаря торжеству римскихъ началъ надъ германскими. Этимъ торжествомъ право покореннаго населенія обязано не только своей бо́льшей выработанности и возможности дать готовыя рѣшенія тѣмъ все болѣе и болѣе сложнымъ вопросамъ, какіе ставились ростомъ экономической жизни, но и прямой поддержкѣ со стороны двухъ могущественнѣйшихъ факторовъ общественной эволюціи— правительства и церкви.

---

[1]) См. грамоты за № 18. 12 и 14.

[2]) Формула за № 13: Quando quidem Deus voluerit inter virum et uxorem pacis vinculum atque concordiam innecti, ut res eorum inter se condonare deberent etc.

ГЛАВА V.

Землевладѣніе у бургундовъ.

Очень отлично отъ франкскаго занятія сѣверо-восточной Галліи поселеніе бургундовъ въ Савойѣ и Лионской области. Ни о какомъ завоеваніи въ примѣненіи къ нимъ не можетъ быть рѣчи; они—призванные гости, которыхъ римскіе собственники охотно селятъ на своихъ земляхъ или, вѣрнѣе, которыми они стараются замѣстить мятежныхъ крестьянъ-багодовъ и создать себѣ военныхъ защитниковъ отъ напирающихъ изъ-за Рейна, Вогезъ и Севенъ германскихъ варваровъ. [1]) Одинъ изъ историковъ древняго бургундскаго королевства, разбирая свидѣтельства о поселеніи бургундовъ въ предѣлахъ римской имперіи, справедливо замѣчаетъ, что лѣтописцы избѣгаютъ словъ, выражающихъ насильственное занятіе. Глаголы: occupare, ingredi, которыми въ V вѣкѣ передается характеръ вторженія остготовъ въ Италію, вандаловъ, аланъ и вестготовъ во Францію и Испанію, отсутствуютъ въ томъ разсказѣ, какимъ Просперъ Тиронъ передаетъ ходъ первоначальнаго поселенія бургундовъ въ Савойѣ. Эта провинція, по его словамъ, отдается имъ для раздѣла съ туземцами [2]). Самыя условія, въ которыхъ находились бургунды въ моментъ ихъ появленія въ Савойѣ, исключаютъ мысль о возможности какого-либо завоеванія съ ихъ стороны. «Разбитые въ 435 году римскимъ полководцемъ Аэціемъ, они въ слѣдующемъ затѣмъ году почти истреблены гунами», говоритъ Фюстель де Куланжъ: «уцѣлѣвшимъ отъ погрома дается Савойя для раздѣла съ тузем-

---

[1]) Binding, Geschichte des Burgundisch-romanischen Königreichs. Leipzig, 1868 г., стр. 10

[2]) Sabaudia Burgundionum reliquis datur cum indigenis dividenda.

цами». [1]) На это и указываютъ слова хроники Проспера Тирона, говорящія о пожалованіи Савойи не племени бургундовъ, а остаткамъ этого племени (Burgundionum reliquiis). Мотивы, побудившіе римлянъ къ приглашенію бургундовъ, указаны еще Гауптомъ, а въ новѣйшее время Кальемеромъ. Изъ всѣхъ германскихъ народностей, поселенныхъ по теченію Рейна, ни одна не отличалась большей мягкостью нравовъ и не стояла ближе по своему религіозному исповѣданію къ жителямъ римской имперіи. Орозій говоритъ, что бургунды обращались съ римлянами, какъ съ братьями во Христѣ [2]) Фактъ добровольнаго распоряженія Савойей въ пользу бургундовъ не стоитъ одиноко въ исторіи V вѣка; рядомъ съ нимъ можно поставить послѣдовавшее всего двумя годами ранѣе (въ 441 г.) приглашеніе аланъ полководцемъ Аэціемъ къ раздѣлу земель съ туземцами въ предѣлахъ Galliae Ulterioris. [3]).

Обезлюденіе, на которое жалуются въ одно слово анналисты V вѣка, и которое было вызвано отчасти налоговымъ гнетомъ и системою круговой поруки въ платежѣ податей, заставляло приглашать нѣмецкихъ поселенцевъ на покинутыя римскими колонами земли и покупать рабовъ у аллеманновъ для заселенія римскихъ massae. [4]) Въ такомъ занятіи обширныхъ saltus приходившими изъ Германіи колонистами одинаково заинтересованы были и казна и частные собственники. Первой они обезпечивали своевременное поступленіе земельнаго налога, вторымъ — возможность сбросить на чужія плечи часть тяготѣвшаго надъ ними бремени податей и государственныхъ повинностей. Помимо этого, все населеніе было заинтересовано въ увеличеніи своихъ средствъ обороны противъ не разъ уже нарушавшихъ limes imperii варваровъ. Лѣтописцы не говорятъ намъ, на какихъ условіяхъ произведенъ былъ упоминаемый ими раздѣлъ бургундами Савойи съ ея поселенцами, incoli. Но какъ болѣе ранняя, такъ и позднѣйшая практика, о которой заходитъ рѣчь въ текстѣ Бургундской Правды, позволяютъ ду-

---

[1]) Recherches sur quelques points des lois barbares въ Nouvelles recherches sur quelques problèmes d'histoire, стр. 282

[2]) Orosii VII, 3 2, цитировано Гауптомъ (Die germanischen Ansiedelungen und Landtheilungen, гл. I).

[3]) Просперъ Тиронъ пишетъ въ своей хроникѣ подъ 441 годомъ: Alani quibus terrae Galliae Ulterioris cum incolis dividendae a Patritio Aetio traditae fuerant, resistentes armis subiugunt et expulsis dominis terrae possessionem vi adipiscuntur.

[4]) О такомъ выводѣ рабовъ изъ Аллеманіи упоминается и въ текстѣ Бургундской Правды, начала VI вѣка, титулъ LVI: De servis in Alamannia comparatis

мать, что дѣло шло объ отведеніи пришельцамъ пустопорожнихъ земель помѣстій въ фактическое владѣніе, регулируемое ихъ мѣстными обычаями и, по всей вѣроятности, построенное на томъ же принципѣ дворового занятія свободныхъ земель, примѣры котораго мы находимъ въ Германіи временъ Цезаря и Тацита, въ Бельгіи же и сѣверо-восточной Галліи въ эпоху осѣданія въ ней франковъ. Что казенныя земли сдѣлались такимъ же предметомъ надѣленія, какъ и частныя, можно допустить на основаніи аналогіи съ позднѣйшими порядками занятія бургундами Лионской области. [1])

То обстоятельство, что, въ противность позднѣйшимъ свидѣтельствамъ, относящимся къ Лионской Галліи, лѣтописцы ни словомъ не упоминаютъ о раздѣлѣ рабовъ римскими собственниками Савойи съ бургундами, позволяетъ думать, что предметомъ надѣленія были только свободныя отъ занятія земли, разрозненность же селившихся семей пришельцевъ, этихъ остатковъ разгромленнаго племени, наводитъ на мысль, что имъ отводимы были не сплошные округа, и что они входили въ обладаніе или запустѣвшими colonicae или новыми расчистками. Никакія натуральныя или денежныя обязательства не связывали ихъ съ бывшими собственниками отводимой имъ площади; они отвѣтствены были только передъ правительствомъ за исправное несеніе воинской службы и податей. Римскій помѣщикъ V вѣка очутился по отношенію къ нимъ въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ столѣтіемъ раньше предшественники его стояли по отношенію къ квартировавшимъ у нихъ войскамъ.

Эдикты императоровъ Аркадія и Гонорія, включенные въ Кодексъ Юстиніана, требовали отвода собственникомъ одной трети его жилища подъ квартиру поселеннымъ у него солдатамъ. Вполнѣ естественнымъ являлось примѣненіе того же принципа раздѣла къ цѣлымъ massae, какъ скоро временное квартированіе войскъ смѣнилось постояннымъ, и каждый изъ поселенцевъ пріобрѣлъ возможность обзавестись собственной усадьбой. Земля въ личномъ распоряженіи помѣщика, terra dominica, оставлена была за нимъ, и выдѣлъ былъ произведенъ изъ одной terra servilis да еще изъ общихъ угодій, образовавшихъ собою тѣ обширные salius, о которыхъ говорятъ источники послѣднихъ вѣковъ Имперіи. Лѣтописцы не упоминаютъ о томъ, какой масштабъ принятъ былъ при раздѣлѣ, по всей вѣроятности, потому, что въ этомъ

[1]) Титулъ LIV Бургундской Правды говоритъ о земляхъ, доставшихся въ силу королевскаго пожалованія (nostra largitate). Но такому распоряженію подлежали только перешедшіе отъ римскаго фиски домены

отношенія не было однообразія. Помѣщики теряли свою не утилизируемую подъ хозяйство площадь, которая могла быть больше въ одномъ помѣстьи и меньше въ другомъ. Самый порядокъ поселенія бургундовъ въ Савойѣ рисуется намъ въ формѣ основанія отдѣльныхъ хуторовъ тѣми faramoni, или начальниками отдѣльныхъ семей (fara), о которыхъ говоритъ позднѣйшій источникъ—Бургундская Правда. Эти faramoni, очевидно,—главы тѣхъ consanguinitates hominum, qui una coierunt, о которыхъ говоритъ въ примѣненіи къ древнимъ германцамъ Юлій Цезарь. При такихъ порядкахъ не мыслимо возникновеніе обширныхъ селъ, встрѣчавшее къ тому же препятствіе въ гористомъ характерѣ мѣстности и разрозненности долинъ и ущелій. Не удивительно поэтому, если Савойя и въ позднѣйшее время является ареной не сельскихъ общинъ, а дворовыхъ поселеній, что не исключаетъ, разумѣется, возможности обращенія нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ въ села по мѣрѣ естественнаго размноженія и путемъ раздѣловъ.

Намъ скажутъ, что краткія выраженія лѣтописца отнюдь не уполномочиваютъ на то, чтобы изъ нихъ дѣлать всѣ только что приведенные выводы. И дѣйствительно, наши заключенія построены, главнымъ образомъ, на аналогіи какъ древнѣйшихъ, такъ и слѣдующихъ по времени порядковъ. Достаточно того, что они не противорѣчатъ буквальному смыслу лѣтописнаго свидѣтельства. Намъ нѣтъ надобности утверждать, какъ это дѣлаетъ Фюстель де Куланжъ, что употребляемый Проспером Тирономъ глаголъ dividere не означаетъ необходимо раздѣла владѣній. Мы не сближаемъ произвольно этого текста съ упоминаемыми Бургундской Правдой tertiatores, своего рода половниками, поставляющими владѣльцу земли треть урожая,—и все это съ цѣлью доказать, что бургундскіе поселенцы удержали собственность за римлянами и согласились сдѣлаться ихъ колонами. Утверждающій это Фюстель де Куланжъ [1]) не можетъ привести въ защиту своего взгляда ничего, кромѣ такихъ фактовъ, какъ распоряженія въ VIII вѣкѣ Карломъ Мартелломъ и Пипиномъ Младшимъ церковными землями въ пользу свѣтскихъ вассаловъ. Не говоря о томъ, что эти факты отдѣлены четырьмя столѣтіями отъ занимающей насъ эпохи, они по самому своему характеру представляютъ нѣчто своеобразное и не имѣющее ничего общаго съ поселеніемъ бургундовъ въ Савойѣ. Опасеніе, чтобы «земля изъ службы не выходила» выражаясь языкомъ русскихъ царскихъ грамотъ XVI вѣка), вызы-

[1]) Nouvelles recherches sur quelques problèmes d'histoire (стр. 286—289)

ваетъ мѣры Карла Мартелла и Пипина. Совершенно иныя соображенія руководятъ римскими начальниками, отдающими Савойю въ раздѣлъ между германскими пришельцами и римскими уроженцами.

Мы не думаемъ, чтобы занятіе бургундами Лионской Галліи существенно отличалось отъ ихъ поселенія въ Савойѣ, если не говорить о позднѣйшемъ регулированіи эдиктами королей размѣра участія обѣихъ народностей въ обладаніи почвой и ея несвободными воздѣлывателями. Марій изъ Аванша подъ 456 годомъ сообщаетъ, что, распространяясь на западъ отъ Савойи, бургунды заняли часть Галліи и раздѣлили землю съ галльскими сенаторами, подъ которыми, очевидно, нельзя разумѣть никого, кромѣ магнатовъ [1]). И въ этомъ свидѣтельствѣ отсутствуетъ всякое упоминаніе о томъ, какая часть земель досталась каждому племени. Но имъ рѣшительно подкрѣпляется уже высказанная нами догадка, что выдѣламъ въ пользу бургундовъ подвергнуты были только латифундіи, и что мелкая и средняя собственность, самые размѣры которой устраняли возможность оставленія земель впустѣ, избѣжали общей участи. Съ бургундами, поселенными на земляхъ римлянъ, повторилось то же, что десятками лѣтъ ранѣе случилось съ аланами. Подъ 441 Просперъ Тиронъ пишетъ о послѣднихъ, что, получивъ отъ Аэція земли въ раздѣлъ съ туземцами, они прибѣгли къ оружію и, изгнавъ собственниковъ, захватили ихъ владѣнія. Такія насилія вызвали въ этотъ разъ противодѣйствіе со стороны высшихъ представителей племени, въ ряду которыхъ стоялъ одинъ изъ тѣхъ королей, которыхъ Гундобальдъ перечисляетъ въ титулѣ III Бургундской Правды [2]). Это столкновеніе бургундовъ и римлянъ сдѣлалось поводомъ для такого рода регламентаціи ихъ взаимныхъ правъ на землю: помѣстья поступили въ раздѣлъ за одно съ населяющими ихъ крѣпостными, но римляне, удержавъ за собою всего треть площади, сохранили двѣ трети несвободныхъ дворовъ; бургунды же, занявъ остальную часть помѣстья, т. е. $^2/_3$ его, присвоили себѣ только $^1/_3$ населяющихъ его крестьянъ.

Косвенное указаніе на то, что такой дѣлежъ дѣйствительно воспослѣдовалъ, даетъ намъ памятникъ VII вѣка—завѣщаніе Аббона. Изъ него съ наглядностью выступаетъ, что при разверсткѣ земель

---

[1]) Eo anno Burgundiones partem Galliae occupaverunt et terram cum Gallicis senatoribus diviserunt.

[2]) De libertatibus servorum... Si quis apud regiae memoriae actores nostros id est Gibicam, Godomarem, Gisdaarium, Gundaarium, patrem quoque nostrum et patruus liberosve fuisse constiterit, in eodem libertatem permaneant

старались избѣгать дробленія занятыхъ колонами надѣловъ и выдѣляли въ терцію (tertia Romanorum) цѣлыя colonicae. Мы читаемъ въ завѣщаніи, что Аббонъ уступаетъ, между прочимъ, каѳедральному собору въ Гренобле ту colonica, какую онъ получилъ отъ жены Гисмунда Панутіи на правахъ терціи (in tertia). Это свидѣтельство интересно еще потому, что оно укрѣпляетъ въ насъ увѣренность въ томъ, что фактическій раздѣлъ между римлянами и бургундами совершился не сразу. Рядъ поколѣній продолжалъ владѣть землями помѣстья на правахъ consortes, не производя окончательной развертки [1]).

Дѣлежъ населенныхъ и ненаселенныхъ земель на неравныя части, при чемъ бургандамъ достается въ два раза больше земли, а римлянамъ въ два раза больше дворовъ, не можетъ считаться случайнымъ. Онъ стоитъ въ прямой связи съ тѣмъ, что сказано было выше о занятіи бургундами пустопорожнихъ земель помѣстья; поэтому же, и при окончательномъ раздѣлѣ, они получаютъ бо́льшую часть площади и меньшую — рабочихъ помощниковъ. Владѣлецъ massae болѣе заинтересованъ въ удержаніи послѣднихъ, чѣмъ въ сохраненіи не приносящихъ ему дохода земель. Но нечего говорить, что и этимъ мѣропріятіямъ не удалось положить конецъ столкновеніямъ. Вотъ почему король Гундобальдъ считаетъ нужнымъ напомнить своимъ подданнымъ о необходимости соблюдать разъ установленное соглашеніе и нападаетъ на тѣхъ, «кто, теряя память о грозящей имъ опасности, преступали данные имъ приказы и позволяли себѣ требовать земель и крестьянъ внѣ предѣловъ участка, въ которомъ допущено было ихъ поселеніе на правахъ гостей или hospites» (ex eo loco in quo ei hospitalitas fuerat delegata) [2]). Усадьба и фруктовые сады, а также лѣса и произведенныя въ нихъ очистки, подлежатъ иному порядку дѣлежа, чѣмъ прочія части помѣстья. Въ этомъ отношеніи бургунды ставятся въ равныя условія съ римлянами: каждая сторона получаетъ половину. Законоположеніе это вызвано, какъ видно изъ самаго его текста, злоупотребленіемъ корчевками со стороны бургундовъ; оно вполнѣ объяснимо, какъ послѣдствіе уже указаннаго нами принципа, по которому не подлежавшая хозяйственной утилизаціи площадь прежде всего была призвана удовлетворять запросу на землю со стороны начальниковъ бургундскихъ дворовыхъ общинъ или фарамоновъ. Та-

[1]) См. Cartulaire de l'église de Grenoble. Cart S-t. Gugonis № 22

[2]) Титулъ LIV такъ называемой loi Gombette въ изданіи Valentin Smith, deuxième fascicule, заключающемъ въ себѣ перепечатку Ватиканской рукописи Бургундской Правды (Pertz, т. III, Leges)

кія очистки грозили полнымъ истребленіемъ лѣсовъ и наносили существенный вредъ интересамъ римскихъ собственниковъ. Въ виду этого, короли, уже сдѣлавшіеся въ это время правителями какъ римлянъ, такъ и бургундовъ, и надѣлившіе первыхъ особой кодификаціей дѣйствовавшаго среди нихъ римскаго права, считаютъ нужнымъ напомнить вторымъ въ эдиктѣ, вошедшемъ въ составъ Бургундской Правды, обязательство не преступать начала равнаго дѣлежа лѣсовъ между обѣими націями—и при производствѣ расчистокъ. Чтобы дать фактическое выраженіе этому равенству, одинъ изъ титуловъ Бургундской Правды (титулъ XIII De exartis) постановляетъ: каждый разъ, когда бургундъ или римлянинъ въ общемъ имъ обоимъ лѣсу произведетъ расчистку, равная площадь лѣса должна быть предоставлена его hospes. Каждый владѣетъ своей заимкой на индивидуальномъ началѣ, «remota hospitis communione» [1]). Въ этомъ текстѣ нагладно выступаетъ безразличное обозначеніе терминомъ hospes или гость, какъ бургунда по отношенію къ римлянину, такъ и римлянина по отношенію къ бургунду.

Тѣ, кто подобно Фюстель де Куланжу, стараются на противоположеніи бургундской hospitalitas и римскаго dominium построить цѣлое ученіе о томъ, что бургунды пріобрѣли не право собственности, а только зависимое пользованіе на земляхъ римлянъ, не достаточно обращаютъ вниманія на приведенный фактъ. Крайне неубѣдительнымъ является и другое выдвигаемое ими соображеніе. Въ LX титулѣ Бургундской Правды предвидится случай, когда между двумя римскими помѣщиками возникнетъ споръ изъ-за границъ ихъ владѣній. Законодатель постановляетъ, что въ этотъ споръ бургундамъ нечего вступаться. Этого довольно, чтобы побудить Фюстель де Куланжа къ слѣдующему утвержденію «если бы», говоритъ онъ, «бургунды, осѣвшіе на земляхъ этихъ двухъ помѣстій, были собственниками, у римлянъ не могло бы возникнуть спора о границахъ» [2]). Я рѣшительно отказываюсь понять силу этого аргумента. Разбираемая статья предвидитъ случай, весьма обычный всюду, гдѣ есть собственники, и гдѣ допустимо отчужденіе недвижимости. Римлянинъ уступаетъ часть помѣстья бургунду, сосѣдній собственникъ предъявляетъ споръ о принадлежности ему отчужденной земли. Этотъ споръ могъ бы сдѣлаться предметомъ междоусобія и, во всякомъ случаѣ, не получилъ бы удовлетво-

[1]) Титулъ XIII De exartis: Si quis tam burgundio, quam romanus in silvam communem exartum fecit aut facerit, alium tantum spacii de silva hospiti suo consignet. Et exartum quem fecit remota hospitis communionem possideat.

[2]) Стр 288

рительнаго разрѣшенія, если бы бургундъ призванъ былъ къ отвѣту взамѣнъ римлянина. Какіе акты укрѣпленія по имуществу могли бы быть представлены въ этомъ случаѣ въ опроверженіе предъявленной претензіи? Ихъ, очевидно, не можетъ быть въ рукахъ бургунда. Удивительно ли, что въ такихъ обстоятельствахъ законодатель возлагаетъ на лицо, произведшее отчужденіе, хотя бы и вынужденное, ту обязанность «очистки» всякихъ претензій по имѣнію, какую сплошь и рядомъ несутъ продавцы по отношенію къ покупщикамъ.

Такая обязанность настолько очевидна, что могла бы обойтись и безъ напоминанія о ней со стороны законодателя, если бы послѣдняго не побуждала къ этому верховная забота объ охраненіи мира въ обществѣ, разъединенномъ еще недавними племенными усобицами.

Но если попытка Фюстель де Куланжа приравнять hospites V вѣка къ тѣмъ hospites, которыхъ мы встрѣтимъ столѣтіе спустя на земляхъ французскихъ помѣщиковъ, и которые дѣйствительно будутъ не болѣе, какъ зависимыми владѣльцами чужой земли, должна быть признана несостоятельной, то въ критикѣ Фюстеля господствующихъ воззрѣній на характеръ занятія бургундами Галліи нельзя не отмѣтить слѣдующей положительной стороны. Онъ первый указалъ на то, что въ LIX титулѣ, какъ и въ § 2 слѣдующаго за нимъ титула, отмѣчается существованіе, на ряду съ землями, доставшимися бургундамъ въ силу ихъ поселенія на римскихъ латифундіяхъ, и такихъ земель, которыя сдѣлались ихъ собственностью въ силу королевскаго пожалованія. Эти agri, полученные варваромъ (barbarus) за одно съ занимающими ихъ крестьянами—publica largitione, т. е. благодаря королевскому пожалованію, отличаются отъ земель, выдѣленныхъ изъ римскихъ помѣстій, тѣмъ, что они представляютъ собою сплошныя поселенія,—что̀ указывается и словами ex integro, употребляемыми законодателемъ для обозначенія этихъ поселеній. Цѣликомъ занятыя бургундами деревни могли поэтому возникнуть бокъ-о-бокъ съ дворовыми хуторами—обстоятельство, которымъ и объясняется фактъ присутствія въ занятыхъ бургундами мѣстностяхъ, какъ это показано Мейценомъ, обоихъ типовъ осѣдлости. Господствующимъ былъ все же дворовый типъ, хотя въ большей части бывшаго герцогства Бургундскаго въ тѣсномъ смыслѣ слова, разумѣя подъ этимъ герцогствомъ доставшуюся Людовику XI провинцію, какъ и въ части Франшъ-Канте, тянутся села [1]). Слѣдуетъ еще замѣтить, что наплывъ бургундовъ въ среднюю

---

[1]) Meitzen, Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, т I, стр 531 и 532

Галлію не оканчивается эпохой выдѣленія имъ двухъ третей помѣстій и трети крестьянскихъ манзовъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ то обстоятельство, что въ кодексѣ Гундобальда предвидится случай прихода новыхъ единоплеменниковъ - поселенцевъ, которымъ приказано не выдѣлять изъ римскихъ помѣстій болѣе того, что необходимо для удовлетворенія ихъ потребностей, и отнюдь не преступать начала раздѣла земель поровну [1]). При этомъ новомъ надѣленіи удерживается въ силѣ старинный принципъ занятія поселенцами неутилизированной площади, почему въ надѣлъ и не поступаютъ участки, занятые крѣпкими къ землѣ крестьянами (mancipii). Принужденные осѣдать на пустошахъ и въ лѣсныхъ угодьяхъ, отдѣльно отъ занятыхъ римлянами помѣстныхъ усадебъ, бургунды имѣли возможность обратиться къ обычному германцамъ поселенію деревнями,—благодаря чему въ позднѣе занятыхъ мѣстностяхъ и получился перевѣсъ селъ надъ хуторами.

Спрашивается теперь, на какихъ началахъ построено было землевладѣніе того смѣшаннаго по племенному составу населенія, какое заключало въ себѣ первое Бургундское королевство?

Подобно франкскимъ правителямъ, и бургундскіе признали за туземнымъ населеніемъ право судиться по его исконнымъ законамъ, но, въ отличіе отъ первыхъ, они сами взялись за кодификацію этихъ законовъ. Такъ возникла Lex Romana Burgundionum, которая въ вопросѣ объ отношеніи римлянъ къ землѣ удержала, само собою, и освященный Кодексомъ Ѳеодосія принципъ частной собственности. Но бургунды получили особое законодательство: свою народную правду, включившую въ себя, подобно Салической, на ряду со старинными обычаями, и декреты отдѣльныхъ правителей, во многомъ измѣнившіе характеръ народнаго права. Въ какой же мѣрѣ этотъ кодексъ, связанный съ именемъ короля Гундобальда и въ просторѣчіи извѣстный подъ названіемъ loi Gombette, испыталъ на себѣ вліяніе римскаго права въ интересующей насъ области отношеній народа къ землѣ? Путь къ проникновенію римскаго права лежалъ здѣсь въ той же регламентирующей власти королей (Konigsbann), съ которой мы встрѣтились уже у франковъ. Въ своей «Исторіи бургундовъ и Бургундіи въ эпоху первой династіи» Янъ задается вопросомъ, въ какой мѣрѣ законодательство Гундобальда содѣйствовало про-

[1]) Титулъ CVII, xi: De Romanis vero hoc ordinavimus, ut non amplius a burgundionibus qui infra venerunt requiratur quam ad praesens necessitas fuerit, medietas terrae, alia vero medietas cum integritate mancipiorum a Romanis teneatur nec exinde ullam violentiam patiantur.

цессу романизаціи народнаго права. Онъ справедливо указываетъ, что кодексъ, изданный для бургундовъ, ставитъ римлянъ на равную съ ними ногу, позволяя имъ слѣдовать своему исконному праву. Но этого мало. Когда между римляниномъ и бургундомъ возникаетъ препирательство, предметомъ котораго служитъ поступающее въ надѣлъ «гостю» помѣстье, законодатель требуетъ примѣненія не бургундскаго, а римскаго права. То же имѣетъ мѣсто и въ томъ случаѣ, когда варваръ (barbarus) получитъ участокъ «ex integro publica largitione»,—вѣроятно, потому, что бывшія владѣнія римскаго фиска, перешедшія въ распоряженіе германскихъ королей, пользовались у бургундовъ, какъ и у франковъ, привилегіей римскаго права [1]). Но выдѣлъ «гостямъ» и непосредственное пожалованіе земли правительствомъ составляютъ, какъ мы видѣли, единственные первичные титулы недвижимой собственности для бургундовъ. Удивительно ли послѣ этого, что и право распоряженія построено въ кодексѣ Гундобальда на началахъ римскаго права? Въ титулѣ LXXXIV, говорящемъ о продажѣ земель, ихъ отчужденію не ставится другихъ границъ, кромѣ права предпочтительной покупки совладѣльца, все равно, будетъ ли имъ римлянинъ или бургундъ. Такая мѣра вызвана, какъ видно изъ самыхъ словъ законодателя, тѣмъ обстоятельствомъ, что раздѣлъ помѣстій между членами обѣихъ національностей совершился далеко не всюду: трудности его производства во многихъ мѣстахъ были значительны [2]), и поэтому введеніе третьяго лица въ эти и безъ того запутанныя отношенія подало бы поводъ къ новымъ столкновеніямъ и стало бы новой опасностью для общественнаго мира и спокойствія! Что разверстка полей и угодій между римлянами и германцами не была закончена и въ эпоху появленія Бургундской Правды, на это указываетъ намъ, помимо только что приведенныхъ словъ, и титулъ XIII, говорящій объ общемъ римлянину и германцу лѣсѣ и о необходимости положить конецъ совладѣнію при корчевкѣ этого лѣса обоими hospites, и титулъ LIV, упоминающій о нерѣдкомъ занятіи бургундами участковъ внѣ предѣловъ отведенной «гостямъ» земли (ex eo loco in quo ei hospitalitas fuerat delegata). Въ этой практикѣ мы видимъ не что-либо случайное, а доказательство того, что и на земляхъ римскихъ собственниковъ бургунды старались оживить или, точнѣе, сохранить исконную германскую систему

---

[1]) Титулъ LV, § 2

[2]) Титулъ LXXXIV начинается словами: Quia cognovimus burgundiones sortes suas nimia facilitate distrahere etc.

подсѣчнаго хозяйства и заимочнаго владѣнія, при которыхъ участки, долгое время бывшіе подъ обработкой, оставляются для новыхъ, еще не тронутыхъ сохою или нѣсколько лѣтъ отдыхавшихъ отъ плуга земель [1]); а при такихъ условіяхъ занятіе земель ex eo loco, in quo hospitalitas fuerat delegata, является, очевидно, необходимостью и затрудняетъ возможность окончательнаго раздѣла. Бургундская Правда не знаетъ другихъ ограниченій права распоряженія, кромѣ тѣхъ, какія ставитъ отчужденію участковъ отсутствіе ихъ правильной размежевки. Титулъ XCIX уравниваетъ условія покупки раба и недвижимости, все равно, будетъ ли служить предметомъ этой покупки домъ или дворовое мѣсто, пахоть или виноградникъ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ нормами римскаго права, Бургундская Правда требуетъ письменной записи этихъ сдѣлокъ каждый разъ, когда отсутствуютъ свидѣтели, пользующіеся доброй славой на мѣстѣ нахожденія имущества [2]). Свободѣ распоряженія собственностью соотвѣтствуетъ и право юридической защиты ея предъ судами. Титулъ XXVII устанавливаетъ отвѣтственность тѣхъ, кто, не имѣя въ виду личнаго присвоенія, только изъ желанія причинить вредъ, разоритъ чужую загородь или проникнетъ въ чужой виноградникъ. За каждый вынутый изъ земли колъ полагается платежъ tremissis, трети золотого солида. При наспльственномъ вторженіи въ предѣлы чужого виноградника пеня возростаетъ до трехъ солидовъ. Такъ какъ за рабами не признается имущества, то денежныя наказанія замѣняются для нихъ тѣлесными. Помимо наказанія, требуется каждый разъ устраненіе причиненнаго вреда поправкою загороди.

Разбираемый титулъ представляетъ для насъ еще тотъ интересъ, что имъ доказывается какъ нельзя лучше отсутствіе у бургундовъ надѣльной системы съ характеризующей ее чрезполосностью владѣнія: о загородяхъ говорится одинаково въ примѣненіи къ хлѣбнымъ урожаямъ (messis), сѣнокосамъ (pratum) и виноградникамъ (vinea). Это не исключаетъ, однако, возможности посадки лозы однимъ изъ совладѣльцевъ, римляниномъ или бургундомъ, въ полѣ, еще не поступившемъ въ раздѣлъ между ними, in communi campo. Къ такому случаю примѣняются тѣ же правила, что и къ расчисткамъ въ общемъ лѣсу. Бургундъ, разведшій виноградникъ на землѣ, общей ему съ римляниномъ, долженъ выдѣлить въ пользу послѣдняго участокъ равной величины для посадки лозы. Но, разъ послѣдовала разверстка, никто не въ правѣ начинать никакого хозяйственнаго предпріятія своевольно

---

[1]) Напомнимъ свидѣтельство Тацита: arva per annos mutant

[2]) Титулъ de venditionibus, quae sine testibus scribuntur

въ чужомъ участкѣ. Въ Салической Правдѣ говорится только о потерѣ труда при покосѣ чужого сѣнокоса; въ Бургундской такое дѣйствіе обложено уже штрафомъ и вознагражденіемъ вреда; если равная пеня не требуется съ того, кто развелъ виноградникъ въ той части общаго поля, какая пошла въ частный выдѣлъ, то только потому, что сдѣлавшій это теряетъ, вмѣстѣ со своимъ трудомъ, и посаженную имъ лозу [1]).

Обязанность возмѣщенія вреда римлянином бургунду и бургундомъ римлянину признается и въ случаѣ простой неосторожности, при отсутствіи злого умысла. Титулъ XLI предполагаетъ производство очистки, очевидно, въ общемъ римлянину и бургунду лѣсу; иначе не было бы необходимости упоминать объ огнѣ, наипростѣйшемъ способѣ обращенія пустоши подъ годную къ обработкѣ площадь. Пожаръ распространился и причинилъ вредъ чужой загороди или чужой нивѣ. Убытки падаютъ на разведшаго огонь: онъ признается свободнымъ отъ нихъ только въ томъ случаѣ, если причиною распространенія огня былъ вѣтеръ.

До сихъ поръ мы не встрѣтили въ Бургундской Правдѣ ни одного упоминанія объ общемъ владѣніи. Мы вполнѣ присоединяемся къ тому, что говоритъ Фюстель де Куланжъ о тенденціозности всякой интерпретаціи, которая въ только что разобранныхъ статьяхъ о silva communis и pratum commune видитъ что-либо, кромѣ упоминанія о не поступившемъ еще въ разверстку между бургундомъ и римляниномъ лѣсѣ и полѣ. Все, что Мауреръ, а за нимъ Гарсоне и Глассонъ говорятъ въ противность такому толкованію, намъ кажется не убѣдительнымъ [2]). Но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы въ Бургундской Правдѣ не было никакихъ указаній, если не на общинную пахоть и, тѣмъ болѣе, на виноградники, то на общинныя угодья, и чтобы редакція статей, говорящихъ о защитѣ загородей, устраняла мысль о поступленіи нивъ и сѣнокосовъ, по снятіи урожаевъ, подъ общій выпасъ. Титулъ XXVIII предполагаетъ тотъ случай, когда въ поступившемъ въ раздѣлъ имѣніи не окажется лѣса, такъ что послѣдняго не получаетъ ни бургундъ, ни римлянинъ. Какъ въ

---

[1]) Титулъ XXXI De plantandis vineis inter burgundiones et romanos id censuimus observandum Quicumque in communi campo nullo contradicente vineam fortasse plantaverit simile campum illi restituat in cuius campum vineam posuit. Si vero post interdictum quicumque in campum alterius vinea plantare presumpserit, laborem suum perdat et vineam cuius campus est accipiat.

[2]) Ср F de Coulanges, L'alleu et le domaine rural, стр 107, прим 2 и стр 108.

такомъ случаѣ удовлетворить потребности въ строительномъ матеріалѣ и топливѣ? Въ предѣлахъ необходимости (гласитъ статья) какъ бургундъ, такъ и римлянинъ, не имѣющій лѣса, можетъ присвоить себѣ деревья въ любомъ лѣсу, разъ эти деревья не принадлежатъ къ числу плодовыхъ,—а такими признаются не одни фруктовыя, но и поставляющіе желудь дубы, а также шишки сосны и ели. Этотъ особый видъ права въѣзда въ чужой лѣсъ получаетъ должное освѣщеніе при сопоставленіи XXVIII титула съ титуломъ XVII [1]) Lex Romana Burgundionum, въ которой, вслѣдъ за постановленіемъ о дорогахъ и водахъ (aquae cursum) стоятъ слѣдующія знаменательныя слова: консортамъ разрѣшается во всякое время произвести уравнительный дѣлежъ (exaequatio) общаго поля, никакими межами неразверстаннаго; въ лѣсахъ же, горныхъ и другихъ выпасахъ пользованіе должно

---

[1]) Ему соотвѣтствуютъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ Бургундской Правды титулъ LXXXVIII. Онъ начинается какъ въ текстѣ парижской рукописи, такъ и въ текстѣ рукописи Св Павла въ Каринтіи (См Douzième et treisième fascicule, изд Loi Gombette Valentin Smith) тѣмъ же приказомъ оставлять открытыми дороги, отведенныя собственниками по обоюдному согласію между ихъ полями какъ и всякія вообще публичныя дороги, о которыхъ говоритъ Lex Romana Burgundionum Запрещается загораживать и запахивать ихъ Въ рукописи церкви Св. Павла въ Каринтіи болѣе обстоятельно выяснено, что надо разумѣть подъ этими дорогами между полями, — это то, что совмѣстно (communiter) выдѣлено въ общее пользованіе владѣльцами прилежащихъ полей, другими словами, общая, не подлежащая запашкѣ, полевая межа: Viam publicam vel inter agros communiter divisa nec possedere nec interclaudi nec exartari possint. Приказъ этотъ цѣликомъ заимствованъ изъ титула XV, § 3 Кодекса Ѳеодосія Если я считаю нужнымъ обратить вниманіе на присутствіе однихъ и тѣхъ же постановленій о полевыхъ межахъ въ обоихъ сводахъ, какъ въ изданномъ для бургундовъ, такъ и въ изданномъ для римлянъ, то прежде всего съ цѣлью показать, что принципы обоихъ сводовъ во всемъ, что касается недвижимой собственности и владѣнія, далеко не стоятъ въ противорѣчіи другъ съ другомъ, очевидно, по причинѣ сильной романизаціи, какой обычное право германцевъ подверглось въ Правдѣ бургундовъ Дѣлаю я это также потому, что въ самомъ искаженіи бургундами римскаго принципа сказываются нѣкоторыя особенности ихъ экономическаго строя Бургундскій текстъ говоритъ о дорогѣ, которая съ общаго согласія раздѣлена (divisa); кто не узнаетъ въ этой выдѣленной сообща дорогѣ между полями ту полосу земли, которую оставляютъ владѣльцы смежныхъ пашенъ для поворота плуга? Ее запрещено загораживать и обращать въ частное владѣніе, а также дѣлать изъ нея предметъ заимки (exartari отъ exartum, а не exarari, какъ стоитъ въ текстѣ Lex Romana Burgundionum)

быть общимъ,—оно открыто каждому pro rata, т. е. по соразмѣрности съ его частнымъ владѣніемъ, possessio.

Эта статья цѣликомъ вошла въ составъ LXXXVIII титула Бургундской Правды, которая въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, напримѣръ, въ парижской и въ рукописи Св Павла въ Каринтіи, заключаетъ въ себѣ слѣдующій варіантъ. Объявивъ объ общности владѣнія лѣсами, горами и пастбищами, рукописи поясняютъ, въ какомъ отношеніи это владѣніе должно быть общимъ, словами: de servitutis luminis vel eris. Какъ перевести эти послѣднія слова? Текстъ крайне испорченъ. Въ парижской рукописи, напримѣръ, стоитъ lumines, и eris соединено съ vel. Если допустить, что въ словѣ eris выпущено послѣ буквы «r»—«b», то смыслъ становится ясенъ: дѣло идетъ, очевидно, о снабженіи лѣсомъ, состоящимъ въ общемъ владѣніи, горными и другими пастбищами, также общими,—матеріала для свѣта, тепла (lumen) и травы, (herba), т. е. о правѣ извлекать изъ лѣса, альпъ и альменды—термины, подъ которыми эти общинныя угодья извѣстны грамотамъ позднѣйшихъ столѣтій,—матеріалъ для топлива и выпасъ для скота. [1]).

Что дѣло идетъ здѣсь не о пользованіи бургунда и римлянина,—совладѣльцевъ одного и того же помѣстья,—оставленнымъ внѣ раздѣла имуществомъ, какъ то думаетъ Фюстель де Куланжъ,—это слѣдуетъ изъ сближенія только что приведеннаго текста съ титуломъ LXVII той же Правды. Въ немъ говорится о томъ, какъ бургунды должны дѣлить между собою лѣсъ, разъ они владѣютъ землею и занятыми колонами участками, colonicae. Рекомендуется тотъ же порядокъ, что и при пользованіи сообща, другими словами, дѣлежъ пропорціонально

---

[1]) Если не предположить выпуска буквы, то придется читать aer, aeris. При такомъ чтеніи получилось бы право всѣхъ на пользованіе воздухомъ въ предѣлахъ лѣса, горныхъ покатостей и пастбищъ, что во всякомъ случаѣ предполагаетъ право свободнаго прохода, а, можетъ быть, прогона и проѣзда. Но aer имѣетъ еще другой специфическій смыслъ: онъ означаетъ и верхушку дерева Въ этомъ случаѣ его обыкновенно сопровождаютъ отсутствующія въ разбираемомъ текстѣ слова summus arboris какъ, напримѣръ, у Вергилія (См. латинскій словарь Кишера, стр 38). Такое чтеніе дало бы возможность видѣть въ этихъ словахъ полное совпаденіе съ тѣмъ, что говорится въ титулѣ XXVIII о правѣ забирать въ любомъ частномъ лѣсу матеріалъ для топлива, не вредя приносящимъ плодъ деревьямъ Но въ такомъ случаѣ, какая необходимость была бы упоминать о пастбищахъ и горахъ, которыя, очевидно, не могутъ доставить ни матеріала для свѣта, ни древесныхъ верхушекъ, но которыя поставляютъ траву (herba, въ средневѣковой латыни erba)?

личному владѣнію каждаго (secundum terrarum modum vel possessionis suae ratam), при чемъ ставится еще на видъ, что римлянину изъ лѣсовъ и корчевокъ должна быть каждый разъ сохранена половинная часть Эта прибавка затемняетъ смыслъ, и многіе стараются видѣть въ ней объясненіе того, что означаетъ дѣлежъ pro rata possessionis suae; но въ такомъ случаѣ мы имѣли бы дѣло съ совершенно ненужнымъ повтореніемъ въ одномъ и томъ же сводѣ и въ двухъ разныхъ его статьяхъ однихъ и тѣхъ же опредѣленій. О раздѣлѣ лѣсовъ и корчевокъ пополамъ между римляниномъ и бургундомъ говорится уже въ титулѣ LIV. Я понимаю, поэтому, эту статью такимъ образомъ, что въ ней регулируется обычаемъ порядокъ раздѣла лѣса между одними бургундами, при чемъ оговорено, что этому раздѣлу не подлежитъ слѣдуемая римлянину половина. Въ предѣлахъ же бургундскихъ общинныхъ угодій къ дѣлежу прилагался тотъ же принципъ пропорціональности доли фактическому владѣнію, какой рекомендованъ и при нераздѣльномъ пользованіи лѣсомъ со стороны римлянина и бургунда.

Общее заключеніе, къ какому приходишь на основаніи анализа всѣхъ этихъ титуловъ, то, что, независимо отъ совмѣстнаго владѣнія римлянина и бургунда, въ эпоху редактированія Loi Gombette существовало еще совмѣстное владѣніе самихъ бургундовъ горами, лѣсами и пастбищами въ формѣ извлеченія изъ нихъ топлива и травы въ размѣрѣ, отвѣчающемъ фактическому владѣнію каждаго состоящей подъ обработкой площадью, и подъ условіемъ затраты всего извлекаемаго изъ угодій матеріала на собственныя нужды (ad usus suos). Это—тѣ самые порядки, съ какими мы встрѣтимся въ заселенныхъ бургундами провинціяхъ и въ позднѣйшія столѣтія. Мы найдемъ ихъ въ равной степени и въ полиптикѣ ліонской церкви Св. Павла въ XIII в., когда въ немъ заходитъ рѣчь о nemus commune [1]), и въ грамотахъ, выданныхъ феодальными сеньерами сельскимъ и городскимъ общинамъ Бургундскаго герцогства въ XIII и XIV ст., гдѣ не разъ упоминается о правѣ пользованія сухолѣсьемъ (mort bois), но съ оговоркой, что изъ него ничего не будетъ продано на сторону, [2])—и въ кантонахъ романской Швейцаріи, въ которыхъ, какъ это указано мною же въ «Очеркѣ исторіи распаденія общиннаго землевладѣнія въ кантонѣ Ваадтъ», каждый житель общины въ правѣ

---

[1]) См. Guige, Polyptique de l'église de S-t Paul de Lyon, стр 89.

[2]) См. Garnier, Chartes de communes et d'affranchissements en Bourgogne, т. I, стр. 146 и 552.

пользоваться ея угодьями pro fatа своего фактическаго владѣнія и въ границахъ нужды. Нельзя считать такой принципъ исключительно германскимъ, такъ какъ онъ извѣстенъ былъ и галло-римскому населенію, на что указываетъ усвоеніе этого принципа и XVII титуломъ Lex Romana Burgundionum, предназначенной только для галлоримлянъ. Можно лишь сказать, что исконные германскіе обычаи ни мало ему не противорѣчили и сдѣлались одной изъ причинъ его сохраненія на разстояніи столѣтій.

Говоря о народныхъ правдахъ франковъ, мы сопоставили ихъ постановленія съ древнѣйшими формулами и дипломами. Сдѣлаемъ то же для Правды Бургундской. Задача эта менѣе легкая. Изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ сборниковъ, одна collectio Flaviniacensis, другими словами, сводъ формулъ, возникшій въ аббатствѣ Флавиньи въ VIII вѣкѣ, заключаетъ въ себѣ образцы нотаріальныхъ сдѣлокъ, скопированные съ грамотъ, изданныхъ для Бургундіи и восходящихъ къ первой четверти того же столѣтія (къ 719 и 721 г.), т. е. ко времени, когда франкское вліяніе не могло еще сказаться съ тою силою, какъ во времена Карловинговъ. Этотъ сборникъ, какъ показалъ Цеймеръ, заключаетъ въ себѣ рядъ заимствованій изъ компиляціи Маркульфа и свода формулъ, возникшаго въ Турѣ. Весьма небольшое число актовъ могутъ быть признаны редактированными независимо отъ воздѣйствія другихъ болѣе раннихъ сводовъ. Это замѣчаніе примѣнимо и къ тѣмъ дополненіямъ, какія сдѣланы были къ первоначальному тексту въ позднѣйшее время: и въ нихъ не трудно открыть слѣды заимствованія, помимо упомянутыхъ уже сборниковъ, еще изъ того свода, который носитъ имя перваго его издателя Линденброга и, подобно сборнику Маркульфа, содержитъ въ себѣ образцы сдѣлокъ, возникшихъ въ области примѣненія Салической Правды.

Въ виду сказаннаго, приходится ограничиться лишь немногими, несомнѣнно, бургундскими по источнику формулами, какія мы находимъ въ разбираемомъ памятникѣ, восполняя ихъ указанія тѣми также бургундскими грамотами, какими является, напримѣръ, завѣщаніе Аббона отъ 739 года, включенное въ составленный монахомъ Гугономъ хартуларій каѳедральной церкви въ Гренобле, да еще нѣкоторыми позднѣйшими актами IX вѣка, хранящимися въ архивахъ аббатства Клюни и происходящими изъ мѣстностей, нѣкогда занятыхъ бургундами.

На основаніи этого далеко не богатаго матеріала характеръ землевладѣнія въ Бургундіи, въ эпоху только что начавшагося вліянія

Салической Правды и Капитуляріевъ, рисуется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Память о нѣкогда произведенномъ выдѣлѣ земель римлянамъ и бургундамъ уцѣлѣла въ названіи «porciones», употребляемомъ при обозначеніи каждымъ его частной собственности. Въ дарственныхъ и завѣщательныхъ актахъ говорится объ отчужденіи porciones meae, расположенныхъ въ такомъ-то мѣстѣ и такомъ-то графствѣ (pagus). [1]). Эти porciones, въ полномъ соотвѣтствіи съ Бургундской Правдой, которая, впрочемъ, въ этомъ отношеніи не расходится съ Салической, представлены въ формулахъ состоящими изъ троякаго рода имуществъ: аллода, который весьма часто замѣняется описательно словами «res mea propria quae ex successione parentum meorum mihi obvenit», [2])—корчевки (adtractum) и благопріобрѣтенной собственности (comparatum). [3]). Имѣніе бургунда,—къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ, римской или германской,—составленное изъ этого троякаго источника, изображено въ формулахъ населеннымъ не только сервами или рабами, но и крѣпкими къ землѣ крестьянами, glebae adscripti,—выступающими подъ именемъ mancipii, — вольноотпущенными или либертами, колонами и свободными поселенцами, ingenui et accolae. [4]) Если прибавить къ названнымъ классамъ еще одинъ, а именно—прекаристовъ, о которыхъ говорится въ одной дополнительной формулѣ [5]), то передъ нами выступятъ всѣ составные элементы населенія римской villa или massa, и мы лишній разъ будемъ имѣть случай констатировать тотъ фактъ, что раздѣлъ, о которомъ говоритъ Бургундская Правда, дѣйствительно коснулся и земель помѣстья и населяющихъ его дворовъ.

---

[1]) Collectio Flaviniacensis, № 7 и № 8 (Zeumer, Formulae pars posterior, стр 475 и 476).

[2]) См. формулу, заимствованную изъ грамоты аббата Видерада отъ 27 мая 719 года и упоминающую о самостоятельномъ Бургундскомъ царствѣ—„Regnum Burgundiae" (Ibid., № 43, стр. 480) Но что терминъ „аллодъ" употребителенъ былъ и въ Бургундскомъ царствѣ для обозначенія перешедшей отъ родителей собственности и притомъ въ эпоху, предшествующую насильственному сближенію Бургундіи съ франкской монархіей, показываетъ текстъ другой формулы, которая также упоминаетъ о rege Burgundiae и въ которой говорится о постройкѣ монастыря in alode proprio (Ibid., № 44, стр 481)

[3]) Ibid., № 7, №43, стр 475 и 480. Въ завѣщаніи Аббона терминъ adtractus замѣняется латинизированнымъ нѣмецкимъ словомъ, обозначающимъ собою корчевку, rodis (отъ roden—корчевать) Рядомъ съ нимъ стоятъ выраженія: alod parentum и conquestum (Cartul. de l'église cath. de Grenoble, cart de S-t Hugues, publ par Jules Marion 1869. (Doc. hist. de Fr.), № 22).

[4]) Collectio Flaviniacensis № 7, 8, 43, 44; Additamenta № 3, завѣщаніе Аббона

[5]) Additamenta № 3

Въ какомъ же, спрашивается, видѣ рисуютъ намъ положеніе каждаго изъ этихъ классовъ разбираемые источники? О сервахъ или рабахъ, не занимающихъ земельныхъ участковъ, говорится сравнительно мало. При перечисленіи наличнаго состава имѣній они указаны, правда, самостоятельной группой, отличной отъ mancipii, coloni и inquilini или accolae (формула гласитъ: una cum mancipiis libertis, colonis, inquilinis et servis) [1]. Но изъ отрывочныхъ указаній, какія содержитъ въ себѣ завѣщаніе Аббона о судьбѣ нѣкоторыхъ сервовъ, видно, что эти послѣдніе нерѣдко занимали надѣлы колоновъ (colonicae) [2]. Зато сравнительно много подробностей содержится въ анализируемыхъ грамотахъ о вольноотпущенникахъ или либертахъ. Весьма ясно выступаетъ между прочимъ та черта, что полученіе вольной не сопровождается разрывомъ либерта съ помѣстьемъ; онъ надѣлялся собственникомъ земельнымъ участкомъ, переходя въ положеніе обложеннаго оброкомъ колона. Въ случаѣ его кончины, имущество возвращалось по праву въ руки собственника, или по соглашенію переходило къ наслѣдникамъ умершаго. Уходъ изъ помѣстья былъ спеціально запрещенъ, какъ запрещено было и отчужденіе сданнаго помѣщикомъ участка. Литы или вольноотпущенники обязаны были въ пользу собственника особымъ платежомъ, называемымъ lidemonium, и необходима была спеціальная оговорка для того, чтобы освободиться отъ него. Помѣщикъ имѣлъ право переселять ихъ изъ другихъ имѣній, надѣляя землею или только дворомъ (casata) и даже рабами. Но всякая попытка съ ихъ стороны нарушить обязанность постояннаго пребыванія въ предѣлахъ помѣстья и платежа падающаго на нихъ оброка (impensio), а также—того подчиненія (obsequium), къ которому они были обязаны, имѣло неизбѣжнымъ послѣдствіемъ возвращеніе въ рабское состояніе [3].

---

[1]) Завѣщаніе Аббона

[2]) Colonica ubi dicitur Albariosco quem Marcianus servos (sic) noster habet (Завѣщаніе Аббона).

[3]) Въ формулѣ за № 8 мы читаемъ: illas vero cessiones, quas ad libertos nostros ill. ad eorum ingenuitates confirmandas fecimus, id sunt ill. et ill, quando ipsos pro anime nostre remedium ingenuus dimisimus, ut, dum advivunt, hoc teneant et post eorum descessum cum omni superpositum ad iam dicta ecclesia sancti ill., ubi eis patrocinio et deffensione constituimus, revertere faciant. Volumus enim, ut ingenuus quos fecimus aut inantea fecerimus, quanticumque in ipsa loca manent, quod ad sancta ecclesia ill. diligavimus, inspecta eorum libertates, super ipsas terras pro ingenuos conmanent et aliubi conmanendi nullam habeant potestatem, set ad ipsa loca sancta debeant sperare, et nulus de ipsis lidemonio ad nostros eredes nulatenus reddant, et de hoc, quod alıquibus eis per cartas dedimus, nulatenus aliubi vindere nec alienare abeant

Изъ текстовъ не видно, чѣмъ существенно отличалось положеніе колоновъ отъ только что описаннаго нами состоянія либертовъ, получившихъ земельное довольство. Объясняется это тѣмъ, что бытъ послѣднихъ устраивался по типу колонатныхъ отношеній, откуда слѣдуетъ, что наслѣдственное и притомъ хозяйственное пользованіе помѣщичьей землей, въ соединеніи съ обязанностью постояннаго пребыванія въ предѣлахъ помѣстья, платежомъ pensio или стариннаго канона и obsequium или подчиненіемъ лицу собственника, продолжало составлять характеристику членовъ этого зависимаго класса въ VIII вѣкѣ, какъ и въ ближайшую къ паденію римской имперіи эпоху. Въ завѣщаніи Аббона говорится не разъ о colonicae или наслѣдственныхъ владѣніяхъ колоновъ, которыя, т. е. эти владѣнія, не всегда, однако, заняты колонами; мѣсто ихъ заступаютъ часто крѣпостные крестьяне (mancipii) и даже рабы (servi). Такъ въ одной сидитъ овчаръ Бланкъ (Blancolus verbicarius manet), въ другой Марціанъ сервъ (servus), въ третьей принадлежащій къ помѣстью ремесленникъ, занятый выдѣлкой шелка (siricarius [1]).

Эта перемѣна въ личномъ состояніи владѣльцевъ объясняется не однимъ ростомъ крѣпостнаго права, но и мѣстной причиной: въ самомъ завѣщаніи говорится, что нападенія сарацинъ заставили многихъ разбѣжаться по сосѣднимъ округамъ, такъ что приходилось

---

licentiam.—Testamentum Abbonis—Et in Valaucis portione quem a liberto nostro Theudaldo dedimus volo ut habeat et ipse et infantes sui ad heredem meam aspicere debeant volo ac jubeo .... Et dono liberto meo ad ipsa ecclesia quem ego manumisi et ipsum dua mancipia dedi ... .. et libertus nostros (sic) Maraaldo et uxore sua, vel filiis eorum, quem genitrix mea Rustica de pago Genevense fecit venire et super ipsa terra ipsus mansurus fecit..

Capanas quem ad liberta mea dedi ..... et volo ut omnis liberti nostri quos, quas parentes nostri fecerunt liberos et nos postea fecimus, ut ad ipsem heredem meam ecclesiam S Petro aspiciant et obsequium et impensionem sicut ad parentes nostros et nobis justa legis ordine debetur impendere ita et in antia ad ipse herede meam S Petro Novalicis monasterii constructa facere debeant. Quod si contumacis aut ingrati ad heredem meam suprascripta ecclesia steterint et revellare voluerint, tunc liceat agentes herede meam eos cum pietatis ordine cohercere ut ipsi inpensionem faciant sicut ad parentes nostros et nos fecerunt Quod si ingrati et rebelli prestiterint (legendum· perstiterint) tunc quod lex de ingratis et contumacis libertis continet cum judice interpellatione et distractione ad herede mea exsolvant et ad ipsa revertant, volo ac jubeo..... .—volo ut ipse per testamenta nostrum libertus fiat et ipsas colonicas sub nomen libertinitatis habeat et ad heredem meam sicut liberti nostri aspiciunt, ita et ipse sic facere debeat Et si ipse de ipso monasterio sicut libertus se abstrahere voluerit in pristino servitio revertatur et ipsas colonicas ipsi monachi ad parte herede meam S. Petri mon recipiant (Завѣщаніе Аббона).

[1]) Colonica in Gradoso quem ministerialis noster Bajo in beneficio habuit, или colonica in Cumbolis ubi siricarius noster Peter mansit.

снова собирать и водворять разбѣжавшихся на прежнемъ мѣстѣ жительства. Заодно съ этими перемѣнами въ персоналѣ поселенцевъ, послѣдовали измѣненія и въ порядкѣ обозначенія colonicae Въ римскую эпоху онѣ носили имена своихъ старинныхъ наслѣдственныхъ пользователей; теперь же ихъ различаютъ по мѣсту нахожденія (colonicae in Gradoso, in Cumbolis, in Valle Briantiana et Aquisiana или colonica ubi dicitur Albariosco). Вообще colonica начинаетъ пріобрѣтать характеръ самостоятельнаго экономическаго цѣлаго, своего рода хутора, въ составъ котораго входятъ поля, луга, лѣса, воды, мельницы, пастбища; здѣсь можетъ быть поселено и нѣсколько дворовъ, имѣющихъ въ этомъ случаѣ своего старосту, именуемаго capitularius [1]). Терминъ «colonica» примѣняется даже къ оставленной въ личномъ завѣдованіи помѣщика землѣ, terra dominicalis,—такъ что въ завѣщаніи Аббона заходитъ рѣчь о colonica dominicalis. Часто это слово является синонимомъ и болѣе неопредѣленнаго выраженія locellum (небольшое мѣсто). Такъ, въ формулѣ за № 43, представляющей собою копію съ грамоты аббата Видерада, попадаются слова: «locella seu Colonicae».

Объ ingenui или accolae, т. е. о свободныхъ поселенцахъ, постоянно заходитъ рѣчь, какъ о лицахъ, входящихъ въ составъ имѣнія; оно покупается вмѣстѣ съ ними [2]). Отношеніе этихъ ingenui къ землѣ рѣдко гдѣ указывается. Но есть основаніе думать, что изъ нихъ, главнымъ образомъ, вербовался классъ тѣхъ прекаристовъ, которые, по свидѣтельству приложенныхъ къ сборнику формулъ аббатства Флавиньи грамотъ за № 3 и 4, были представителями съ каждымъ поколѣніемъ возроставшаго класса свободныхъ земельныхъ съемщиковъ, пожизненныхъ и наслѣдственныхъ. Особенность положенія этихъ послѣднихъ состояла въ томъ, что предметомъ аренды была вполнѣ или отчасти земля, принадлежавшая имъ прежде въ собственность и уступленная ими подъ условіемъ сохраненія пожизненнаго пользованія, которое облагалось платежомъ выговореннаго ценза. Я говорю *вполнѣ* или *отчасти*, такъ какъ ничто не мѣшало помѣщику увеличить размѣръ поступавшей въ аренду площади выдѣломъ того или другого участка, искони ему принадлежавшаго. Въ этихъ случаяхъ актъ носилъ уже

---

[1]) См. Recueil des chartes de l'abbaye de Cluny, formé par Aug. Bernard, т. I, стр 307, № 312. съ 927 по 942 г. Colonica cum omnibus ad ipsam colonicam aspicientibus, hoc sunt campi, prati, silvae, aquae, molendini, pascua, egressus et regressus Завѣщаніе Аббона упоминаетъ о Vitalis capitularius.

[2]) Завѣщаніе Аббона. Quonaone in pago Vasense una cum ingenuis quem de vuidegunde conquisivimus. Въ одномъ мѣстѣ того же завѣщанія заходитъ рѣчь о либертѣ, мужъ которой homo ingenuus

названіе не precaria, а prestaria. Надѣленіе могло быть пожизненнымъ, но также и срочнымъ: на пять, десять лѣтъ и т. д.

Хозяйственная эксплоатація почвы и платежъ выговоренныхъ денегъ или натуральныхъ взносовъ, напримѣръ, воскомъ, были вынуждаемы, первая—страхомъ отобранія участка собственникомъ, второй—отвѣтственностью, какъ за воровство, т. е. платежомъ двойной суммы римскаго duplum. Всѣ приращенія шли въ пользу собственника, который въ правѣ былъ воспротивиться всякому отчужденію и всякой передачѣ даже части снятаго участка другому арендатору.

Въ Lex Romana Burgundionum (титулъ LVII) заходитъ рѣчь о вольноотпущенникѣ-бургундѣ, который не получилъ отъ римлянъ земли съ трети, nec tertiam a romanis consecutus est Поэтому любопытно отмѣтить упоминаніе о такихъ же terciatores и въ завѣщаніи Аббона (colonica in tercia posessa) [1]). Весьма вѣроятно, что эта сдача земель съ трети продолжала и въ послѣдующія столѣтія отличаться отъ половничества, называясь спеціально бургундской. Въ контрактахъ земельнаго найма мы встрѣчаемъ указаніе, что то или другое лицо сдало участокъ more burgundionum ad medium plantum или ad medium planteum secundum Gallorum morem.

Мы видѣли, что Законъ Гундобальда, наравнѣ со сводомъ, обнародованнымъ для римскихъ уроженцевъ Бургундіи, говоритъ объ общинныхъ сервитутахъ и, въ частности, о лѣсахъ, состоящихъ въ совмѣстномъ пользованіи не только двухъ hospites, но и всего сосѣдства. Рѣшительнымъ подтвержденіемъ этихъ законовъ, слишкомъ казуальныхъ, чтобы не вызвать разнорѣчія въ интерпретаціи, служатъ разбираемыя нами формулы и грамоты. Въ нихъ прямо говорится о silvis pratis, pascuis, aquis, aquarum decursibus, какъ о принадлежности имѣній и всего ихъ личнаго состава [2]) Завѣщаніе Аббона употребляетъ даже обычный въ послѣдующія столѣтія терминъ alpes для обозначенія горныхъ пастбищъ. Въ купчихъ середины X столѣтія къ этимъ названіямъ присоединяется еще терминъ «общинный лѣсъ», boscus communalis [3]).

Вотъ все, что позволяетъ намъ сказать о характерѣ землевладѣнія въ Бургундіи въ періодъ, слѣдующій за кодификацей Гундобальда, скудость и односторонность дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ источниковъ.

---

[1]) См. вступительный очеркъ Маріона къ хартуларіямъ каѳедральнаго собора въ Гренобле, стр. LXIII.

[2]) Формула за № 7 и 8.

[3]) Chartes de Cluny, т. I, грамота за № 698, годъ 947, въ которой при обозначеніи границъ одного campus, расположеннаго на земляхъ церкви Св. Винцента въ Маконѣ, упоминается о bosco communali

ГЛАВА VI.

Землевладѣніе у вестготовъ.

Первоначальныя судьбы вестготовъ интересуютъ насъ настолько, насколько онѣ обусловили собою ихъ пастушескій образъ жизни, вѣрность обычаю и искусственное сближеніе съ римской культурой и римскимъ правомъ. Исторія застаетъ готовъ впервые въ Скандинавіи, гдѣ слѣдъ ихъ уцѣлѣлъ въ двухъ шведскихъ памятникахъ народнаго права, Вестгота-и Остгота-лагъ. Въ 150 г. часть готовъ эмигрируетъ на Дунай, гдѣ они просятъ земель у римлянъ. Новая эмиграція сопровождается поселеніемъ ихъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Въ 238 г. слѣдуетъ первое вооруженное столкновеніе готовъ съ римлянами, которое сопровождается шестидесятилѣтними войнами. Авреліанъ селитъ часть готовъ въ Трансильваніи и Румыніи, между Тиссой и Дунаемъ. Въ 270 г. эта область перестаетъ быть римской провинціей и становится страною готовъ. Если не говорить о временной попыткѣ Германарика соединить все племя подъ своей державой въ 350 г, готы продолжаютъ жить мелкими политическими союзами, одни подъ властью королей, другіе подъ властью судей. Тѣснимые гуннами, они заключаютъ во второй половинѣ IV столѣтія союзъ съ императоромъ Ѳеодосіемъ и при королѣ Атанарикѣ получаютъ отъ римлянъ земли для поселенія во Ѳракіи. Дальнѣйшая судьба тѣхъ изъ нихъ, которые при Аларихѣ предприняли завоевательное нашествіе въ Италію, не можетъ интересовать насъ въ настоящее время, такъ какъ это завоеваніе сопровождалось опредѣленными послѣдствіями только для той ихъ вѣтви, которая подъ именемъ остготовъ положила начало первому королевству варваровъ на Апеннинскомъ полуостровѣ. Мы будемъ имѣть случай указать, что это событіе не произвело радикальнаго переворота въ сферѣ землевладѣнія и не ознаменовалось даже редакціей особой народной правды,— такъ сильна была романизація этого германскаго племени, вызван-

ная близкимъ общеніемъ его съ имперіей, и такъ горячо было пристрастіе воспитаннаго въ римскихъ идеяхъ и представленіяхъ короля Теодориха къ римскому праву. Насъ занимаетъ въ настоящее время только судьба той вѣтви этого племени, которая подъ именемъ вестготовъ и на правахъ римскихъ союзниковъ заняла сперва Нарбонскую Галлію, а затѣмъ чрезъ Пиренеи проникла въ сѣверную Испанію. На Пиренейскомъ полуостровѣ вестготы находятъ ранѣе ихъ вторгшіяся германскія племена свевовъ въ Галиціи, вандаловъ въ Бетикѣ и аланъ въ Лузитаніи. Нашествіе ихъ восходитъ, по свидѣтельству одной современной лѣтописи (епископа Хавъ), къ 409 году. Данъ въ своихъ изслѣдованіяхъ «О короляхъ Германіи»—и въ частности вестготовъ — справедливо указываетъ на то, что занятіе такой сильно романизированной провинціи, какой была Нарбонская Галлія, необходимо должно было кончиться глубокимъ проникновеніемъ вестготовъ римской культурой [1]). Атаульфу, ихъ верховному предводителю, родственнику Алариха, приписывается то же стремленіе замѣнить туземные обычаи римскимъ правомъ, которое со временемъ и осуществлено было въ Италіи Теодорихомъ Остготскимъ. Вызванный этой антинаціональной политикой антагонизмъ готскаго дворянства сопровождается не только убійствомъ Атаульфа, но и временнымъ торжествомъ противоположнаго направленія при вновь избранномъ королѣ Сигерикѣ, котораго впрочемъ вскорѣ смѣняетъ Валіа, болѣе благопріятствующій римлянамъ. Одно обстоятельство содѣйствуетъ поддержанію національной розни и препятствуетъ торжеству римскаго права надъ мѣстными обычаями: вестготы—послѣдователи аріанства, подчиненные имъ римляне—католики. Аларихъ II разрываетъ съ традиціей религіозныхъ преслѣдованій и, желая упорядочить положеніе римлянъ въ своихъ владѣніяхъ, принимаетъ мѣры къ изданію въ 506 г. особаго кодекса римскихъ законовъ, примѣнимыхъ въ спорахъ его подданныхъ, и устанавливаетъ для послѣднихъ особую подсудность. Возникшій такимъ образомъ Breviarium Alarici, иначе, Lex Romana Visigothorum, включаетъ въ себя постановленія Кодекса Ѳеодосія, новеллъ и т. д и въ теченіе столѣтій, до момента объединенія обѣихъ національностей въ законодательномъ отношеніи королемъ Хиндасвиндомъ, остается личнымъ закономъ римлянъ. Даже послѣ запрещенія слѣдовать другому кодексу, кромѣ того, который былъ обнародованъ Хиндасвиндомъ, Бревіарій Алариха сохраняетъ свою силу въ отпавшей еще при этомъ королѣ Нарбонской

---

[1]) Dahn, Die Könige der Germanen Das Westgothenreich, стр 70

Галліи. Со временемъ онъ вытѣсняетъ изъ употребленія Lex Romana Burgundionum и проникаетъ постепенно до восточныхъ Альпъ Швейцаріи, гдѣ въ теперешнемъ кантонѣ Граубюнденъ пріобрѣтаетъ силу земскаго права.

Но кодификація тѣхъ нормъ, какимъ слѣдуютъ въ ихъ гражданскомъ оборотѣ римскіе подданные вестготскихъ королей, не прекращаетъ дѣйствія туземныхъ обычаевъ, о чемъ мы имѣемъ прямое свидѣтельство епископа Севильи, Св. Исидора, говорящаго нами: antea tantum moribus et consuetudine tenebantur (Gothi). Этотъ лѣтописецъ начала VII вѣка († 636 г.) относитъ первую кодификацію туземныхъ обычаевъ ко второй половинѣ V столѣтія, ко временамъ короля Эврика [1]) (между 466 и 484 гг.). Бруннеръ не прочь приписать Эврику отысканные Блуме фрагменты какого-то древняго свода вестготскаго права, отступающаго нерѣдко отъ тѣхъ нормъ, какія заключаетъ въ себѣ такъ называемая Lex antiqua, изданіе которой принадлежитъ Рекареду. Но встрѣчающіяся въ этихъ фрагментахъ упоминанія о законѣ, изданномъ еще родителемъ [2]) (sicut et bonae memoriae pater noster in alia lege praecipit), заставляютъ, по меньшей мѣрѣ, приписать ихъ редакцію Леовигильду, о которомъ тотъ же Исидоръ говоритъ: in legibus quoque ea quae ab Eurico incondite constituta videbantur correxit, plurimas leges praetermissa adjiciens plerasque superfluas auferens [3]). Признать Леовигильда авторомъ того кодекса, часть котораго открыта была Блуме, мы въ правѣ потому, что въ немъ выступаетъ еще рѣзко разрозненность римлянъ-католиковъ и вестготовъ-аріанъ. Леовигильдъ, какъ извѣстно, своей религіозной нетерпимостью и желаніемъ установить единство вѣры и церкви вызвалъ открытое возстаніе и не отступилъ передъ мыслью о тайномъ убійствѣ собственнаго сына, Германегильда, ставшаго во главѣ этого возстанія. Роль кодификатора туземныхъ обычаевъ вполнѣ пристала человѣку, расширившему власть своего племени разрушеніемъ царства свевовъ въ Галиціи и отнятіемъ Кордовы у византійцевъ, водворившихся въ юго-восточной Испаніи отъ Гибралтара до Валенціи еще въ царствованіе Аллариха II [4]).

---

[1]) Sub hoc rege Gothi legum statuta in scriptis habere coeperunt (Historia Gothorum въ Espaňa Sagrada, т. VI, стр 494).

[2]) Титулъ 277 фрагментовъ

[3]) Historia Gothorum въ Espaňa Sagrada, т. VI, стр. 499

[4]) Въ этомъ очеркѣ внѣшнихъ судебъ вестготскаго права я слѣдовалъ преимущественно испанскому ученому Eduardo de Hinojosa (Historia general del derecho español, т. I, Madrid, 1887 г. стр 217—227 и 358—361).

Въ разысканныхъ Блуме фрагментахъ не дошедшаго до насъ древнѣйшаго сборника вестготскихъ законовъ,—который самъ онъ приписываетъ королю Рекареду I, а другіе изслѣдователи и, въ числѣ ихъ, Бруннеръ отодвигаютъ на цѣлое столѣтіе назадъ, ко временамъ короля Эврика,—оба племена, римляне и вестготы, выступаютъ еще двумя самостоятельными и далеко не равноправными половинами одного и того же народа; имъ не доступенъ даже тотъ порядокъ сближенія, какой представляетъ заключеніе браковъ, jus connubii. Хиндасвиндъ впервые упразднилъ существовавшіе на этотъ счетъ запреты [1]). Римляне судятся еще въ это время по своему туземному праву, которое вскорѣ будетъ кодифицировано въ особой Lex Romana Visigothorum. Привилегированное положеніе готовъ передъ римлянами сказывается въ указываемомъ фрагментами стремленіи римлянъ переносить титулъ собственности на спорное имущество въ руки готовъ,—стремленіи, которому законодатель хочетъ положить предѣлъ своимъ запретомъ. Все это, вмѣстѣ взятое, показываетъ, что открытые Блуме отрывки принадлежатъ эпохѣ, предшествующей переходу вестготовъ въ католицизмъ, что, какъ извѣстно, послѣдовало при сынѣ Леовигильда Рекаредѣ Противъ довольно поздняго свидѣтельства хроники Луки изъ Тюи (Tuy) († 1250 г.), приписывающей Рекареду роль перваго законодателя вестготовъ, можно выставить авторитетъ епископа Исидора изъ Севильи († 636 г.), который оказываетъ ту же честь Эврику и Леовигильду. Указывая на то, что нѣкоторыя изъ нормъ, выраженныхъ въ фрагментахъ Блуме, оказали вліяніе на редакцію Салической Правды, Бруннеръ справедливо склоняется въ пользу признанія этихъ фрагментовъ обломкомъ не дошедшаго до насъ и болѣе ранняго, чѣмъ lex antiqua, кодекса Рекареда, представляющаго собою едва ли не древнѣйшій юридическій памятникъ германцевъ [2]). Что же, спрашивается, говоритъ намъ этотъ источникъ о порядкѣ занятія страны готами?

Въ статьѣ, которой мы имѣемъ только конецъ, говорится о готахъ, какъ вступающихъ in loco hospitum [3]). Изъ этихъ словъ мы видимъ, что поселеніе готовъ произошло на тѣхъ же началахъ hospitalitas, на какихъ къ раздѣлу съ римлянами допущены были и бургун-

---

[1]) Lex Visigothorum, кн. III. титулъ I, статья 1.

[2]) Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte, т I, стр. 324

[3]) См Recaredi antiqua legum collectio въ изд. Blume 1847 г. (рукопись библ. С. Жерменъ де Пре № 1278). Новое изданіе въ Fontes juris germanici antiqui ad usum scholarum; изданіе сдѣлано Цеймеромъ на основаніи Парижской рукописи (Cod Paris lat 12161), стр 3

ды. Достававшіеся имъ участки получали, подобно бургундскимъ, наименованіе sortes.. Статья 277 разбираемаго источника говоритъ о sortes gothicae. Самое названіе указываетъ на то, что жребій участвовалъ въ рѣшеніи вопроса, какому двору долженъ быть выдѣленъ участокъ и изъ какого помѣстья. Подобно древнѣйшимъ раздѣламъ бургундовъ, и раздѣлы, произведенные въ пользу вестготовъ, касаются только земли, а не рабовъ. Частое упоминаніе и въ позднѣйшихъ по времени сводахъ о пустошахъ, не обведенныхъ никакими изгородями [1]), даетъ поводъ думать, что неутилизированная площадь во время производства раздѣла между римлянами и вестготами была настолько значительна, что не представилось необходимости распространить конфискацію ни на terra dominica, т. е. на землю, состоящую въ собственномъ завѣдованіи помѣщика, въ томъ числѣ, его усадьбу, ни на занятые рабами и вольноотпущенниками mansi. Подобно бургундамъ, вестготы получили $^2/_3$ общей площади, а римляне—всего $^1/_2$, которая уже въ древнѣйшемъ сводѣ, нами анализируемомъ, носитъ названіе tertia Romanorum (стр. 277) Король предписываетъ соблюдать разъ установленные раздѣлы и прибавляетъ, что подобное же постановленіе было принято и его родителемъ Уже въ это время, т. е. въ концѣ V и началѣ VI-го вѣка, законодатель считаетъ возможнымъ поставить произведенный раздѣлъ подъ защиту римскаго института давности, но вмѣсто того, чтобы принять установленный Кодексомъ Ѳеодосія тридцатилѣтній срокъ, онъ для выдѣловъ изъ римскихъ помѣстій допускаетъ оспариваніе въ теченіе цѣлыхъ 50-ти лѣтъ [2]). Принципъ давности далеко не единственное заимствованіе, дѣлаемое вестготскимъ законодателемъ изъ римскаго права. Даже въ тѣхъ 55 статьяхъ, которыя дошли до насъ отъ свода, насчитывавшаго ихъ не менѣе 360, легко прослѣдить романизацію германскихъ обычаевъ. Границы приказано соблюдать въ строгости и возстановлять межи не иначе, какъ въ присутствіи «консорта» или совладѣльца въ имѣніи, подъ которымъ, т. е. совладѣльцемъ, разумѣется, смотря по обстоятельствамъ, то римлянинъ, то готъ. Одинъ уже этотъ фактъ устраняетъ мысль о томъ, что вестготы на земляхъ римлянъ имѣли возможность продолжать свойственную имъ въ ихъ первона-

---

[1]) Lex Visigothorum. кн VIII, титулъ IV, § 27, въ которомъ говорится о pascua non conclusa Статья эта принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ antiqua, т е. къ предшествующему эпохѣ Хиндасвинда законодательству; § 26 того же титула, также принадлежащій къ antiqua. въ свою очередь говоритъ о campa aperta et vacantia.

[2]) Ibid., стр 277.

чальной родинѣ систему кочевого хозяйства, предполагавшую постоянную перемѣну границъ.

Другое заимствованіе, также говорящее противъ мысли о сохраненіи права собственности за общинами, при одномъ захватномъ пользованіи со стороны частныхъ дворовъ, это—упоминаемое титуломъ 286 право отчужденія имуществъ путемъ выдачи письменной записи Эта чисто римская практика только возмѣщается въ случаяхъ необходимости германскимъ порядкомъ передачи слѣдуемой продавцу цѣны въ присутствіи свидѣтелей. Правда, въ титулѣ 294, трактующемъ о порядкѣ совершенія купчихъ, не упоминается о другихъ предметахъ отчужденія, кромѣ скота и рабовъ. Но уже въ такъ называемой antiqua, т. е. въ сборникѣ вестготскихъ законовъ Рекареда, восходящемъ къ серединѣ VI в., отчуждаемыми имуществами считаются также и земли [1]). И въ сферѣ наслѣдованія торжествуетъ римскій принципъ свободнаго распоряженія. Статья 320 [2]) упоминаетъ о незнакомомъ германцамъ завѣщаніи Все это, вмѣстѣ взятое, даетъ уже возможность предвидѣть отсутствіе въ Испаніи того самостоятельнаго развитія германскаго права, независимо отъ римскаго, какое мы одновременно находимъ въ мѣстностяхъ, занятыхъ франками и бургундами. И дѣйствительно, такъ называемыя Leges Visigothorum не могутъ считаться народной правдой. Даже въ той древней редакціи, какую даютъ намъ весьма незначительные, къ сожалѣнію, отрывки найденнаго Гауденци свода, находившаго, повидимому, примѣненіе въ южной Галліи, вліяніе римскаго права сказывается въ провозглашаемомъ законодателемъ принципѣ свободы дареній [3]). Что же касается

---

[1]) См Lex Visigothorum, кн V, титулъ IV, гл VII

[2]) Zeumer, стр. 14, tit. De successionibus Si pater vel mater intestati decesserint

[3]) Изданные Гауденци фрагменты заключаютъ въ себѣ нормы касательно гражданскаго процесса, наслѣдованія, дареній, положенія рабовъ. Какъ самъ издатель, такъ и Цеймеръ отмѣчаютъ въ нихъ слѣды воздѣйствія Кодекса Ѳеодосія и приложенной къ Lex Romana Visigothorum Interpretatio, заключающей въ себѣ нерѣдко отличныя отъ Бревіарія Алариха нормы вошедшаго въ обычай римскаго права иберійскихъ провинцій. См Capitula iuris Visigothici recusa ex collectione juris Romano-gothica, reperta ab Gaudenzi (Zeumer, Appendix, стр. 316), а также критическія замѣчанія Цеймера въ Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichte, т. XII, стр 387.

Предметомъ дареній, какъ видно изъ статьи 15, можетъ быть и недвижимость, domus aut villa. Готское помѣстье (villa), подобно римскому, населено лицами, или принадлежащими къ рабскому состоянію (servi) или, хотя и свободными, но платящими tributum и прикрѣпленными къ землѣ на

редакціи вестготскихъ законовъ, предпринятой въ VII столѣтіи Хиндасвиндомъ,—редакціи, которая въ свою очередь была исправлена и дополнена Рекесвиндомъ,—то и въ порядкѣ расположенія матеріала, и въ содержаніи излагаемыхъ нормъ постоянно выступаетъ вліяніе Кодекса Ѳеодосія и вообще римскаго права, поборникомъ котораго является близкое къ престолу и всемогущее въ Испаніи духовенство. Законы Рекареда дошли до насъ только въ передачѣ кодекса Рекесвинда, который обозначаетъ ихъ двумя названіями. antiqua и antiqua noviter emendata, разумѣя подъ послѣдней тѣ новеллы, какія самъ законодатель или его преемники сочли нужнымъ присоединить къ этому кодексу [1]).

Во всѣхъ этихъ юридическихъ памятникахъ нельзя найти ничего подобнаго той записи туземныхъ обычаевъ, какую заключаетъ въ себѣ Салическая и Рипуарская Правда или Законъ бургундовъ. Это—не болѣе, какъ сумма изданныхъ королями эдиктовъ, содержаніемъ которыхъ могъ служить въ равной мѣрѣ и народный обычай и римское право. Бѣглаго знакомства съ Lex Visigothorum въ томъ видѣ, какъ она отпечатана въ нѣмецкихъ и испанскихъ изданіяхъ [2]), достаточно, чтобы вынести убѣжденіе въ радикальномъ измѣненіи германскаго народнаго права римскимъ во всемъ, что касается землевладѣнія и порядка перехода и отчужденія недвижимой собственности. Съ трудомъ можно открыть подъ покровомъ римскихъ нормъ слѣды стародавняго германскаго обычая. Особенный интересъ для насъ представляетъ въ этомъ отношеніи книга X, титулы I и III, а также книга V, титулы II и VIII. § 8 титула I-го, X книги заключаетъ въ себѣ тѣ же нормы касательно земельнаго раздѣла готовъ и римлянъ, съ которыми мы познакомились уже при анализѣ изданныхъ Блуме древнѣйшихъ фрагментовъ. Но въ той окончательной редакціи, какая лежитъ передъ нами, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія черты. Законодатель допускаетъ, что фактическій раздѣлъ между готомъ и римляниномъ далеко не всегда имѣлъ мѣсто; отсюда оговор-

---

правахъ колоновъ. Статья 20 предвидитъ случай брака между сервами двухъ помѣщиковъ и объявляетъ, что сыновья, рожденные отъ такихъ браковъ, поступятъ къ тому изъ помѣщиковъ, которому принадлежитъ мать Иное дѣло, если брачущимися были tributarii: ихъ приплодъ дѣлится пополамъ между помѣщиками (стр. 320).

[1]) Hinojosa, т. I, стр. 364

[2]) См. Fuero Juzgo и Corpus juris germanici antiqui, изданный Вальтеромъ, т. I. Новѣйшее и болѣе совершенное изданіе Zeumer (Leges Visigothorum antiquiores. Hannover, 1894, въ Fontes juris germanici antiqui, стр 23 и слѣд.).

ка, что divisio должна оставаться въ силѣ и не подлежитъ нарушенію, разъ доказано, что она произведена была въ законномъ порядкѣ (si tamen probatur celebrata divisio) [1]). Для законности раздѣла требуется участіе въ немъ родителей и сосѣдей, а это нужно понимать въ томъ смыслѣ, что разверстка, на которую дали свое согласіе родители, обязательна для дѣтей; точно также считается окончательной и та разверстка, какая произведена съ обоюднаго согласія сосѣдей [2]) Позднѣе всего перешли въ частное пользованіе мѣстныя угодья. Lex Visigothorum говоритъ de silvis inter Gothum et Romanum indivisis relictis [3]) и предвидитъ случай корчеванія ихъ однимъ изъ совладѣльцевъ. Буде (значится въ текстѣ) и послѣ такой заимки одной изъ сторонъ, останется на корню равное количество однокачественнаго лѣса, то онъ поступитъ въ вознагражденіе не произведшему корчевки совладѣльцу. Въ противномъ случаѣ, сама заимка дѣлается предметомъ разверстки между обѣими сторонами. Мотивомъ удержанія за римлянами выдѣляемыхъ имъ третей (tertiae) является фискальный интересъ. Земли готовъ свободны отъ поземельнаго налога. Казна заинтересована поэтому въ томъ, чтобы районъ платящихъ ей подати владѣній не былъ сокращенъ захватами готовъ или добровольными передачами римлянъ. Городскимъ судьямъ и начальникамъ надъ деревнями (villici atque praepositi) поручено отбирать занятое, дабы ничто не пропадало для казны (ut nihil fisco debeat deperire). Только истеченіе 50-ти лѣтней давности кладетъ конецъ всякимъ претензіямъ [4]).

При производствѣ раздѣла надо отправляться отъ фактическаго состоянія римскихъ помѣстій и принимать въ расчетъ тѣ приращенія и утраты, какія причинены были имъ продажами, покупками, раздѣлами и вообще всякаго рода контрактами. При этомъ нужно соблюдать старинныя границы, обозначенныя видимыми знаками, прежде всего, камнями, а при ихъ недостаткѣ—помѣтками на деревьяхъ, разъ эти помѣтки носятъ на себѣ печать старинныхъ. Буде же отсутствуютъ всѣ эти знаки, то межи устанавливаются съ согласія сторонъ и по усмотрѣнію присутствующаго на мѣстѣ судьи. Никакая новая граница не должна быть проведена однимъ изъ со-

---

[1]) Divisio inter Gothum et Romanum facta de portione terrarum sive silvarum nulla ratione turbetur, si tamen probatur celebrata divisio (Zeumer, стр. 378).

[2]) Sed quod a parentibus vel vicinis divisum est posteritas immutare non tentet.

[3]) Кн. X, титулъ I, § 9 (Zeumer, стр 278)

[4]) Кн. X, титулъ I, § 16, кн. X, титулъ II, § I (Zeumer, стр. 281).

владѣльцевъ помѣстья въ отсутствіи другого (nullus novum terminum sine consortis presentia constituat) [1]).

Даже при окончательной разверсткѣ отношеній бывшихъ совладѣльцевъ, hospites остаются болѣе тѣсно связанными между собою, чѣмъ отношенія лицъ, не стоящихъ въ сосѣдствѣ. Это наглядно выступаетъ изъ тѣхъ постановленій, какими опредѣляются послѣдствія постановки усадьбы или разведенія виноградника въ чужомъ полѣ. Если это сдѣлано не консортомъ, то слѣдуетъ потеря въ пользу собственника, даже въ случаѣ неоказанія этимъ послѣднимъ какого бы то ни было сопротивленія. На земляхъ консорта тотъ же исходъ имѣетъ мѣсто только тогда, если заимка произведена была вопреки его запрету [2]).

Въ предѣлахъ какъ выдѣленной римлянамъ, такъ и поступившей къ готамъ части помѣстья путемъ послѣдовательныхъ дѣлежей между родственниками можетъ образоваться значительное число consortes; для всѣхъ нихъ равно обязательны разъ установленныя границы. Если (гласитъ § 2 титула I-го, книги X, озаглавленный «О дѣлежѣ между братьями») [3]) въ раздѣлѣ участвовало нѣсколько consortes, то, что рѣшено было большинствомъ или лучшими, должно быть навсегда обязательнымъ и для меньшинства или худшихъ [4]). Захватчику грозитъ потеря не только присвоеннаго имъ участка, но и равнаго пространства изъ собственной доли,—очевидно, оттого, что подобные захваты приравнивались къ воровству и подлежали, какъ таковое, тѣмъ же послѣдствіямъ, какія римское право соединяло съ кражей, т. е. уплатѣ duplum [5]). Эти постановленія восходятъ ко временамъ Рекареда и, такимъ образомъ, свидѣтельствуютъ о сильномъ воздѣйствіи римскаго права на вестготскіе обычаи еще въ VI вѣкѣ [6]). Если законодатель уже въ это время ревниво относится къ охраненію межъ, то не удивительно, что съ тою же строгостью онъ преслѣдуетъ всякое нарушеніе загородей и всякое присвоеніе плодовъ изъ чужого виноградника или чужихъ садовъ. Снесшему плетень грозитъ quadruplum, вырывшему

---

[1]) См. кн. X, титулъ III, § 1, 3 и 5 (Zeumer, стр. 288—290)

[2]) Кн. X, титулъ I, § 6 и 7.

[3]) De non revocandam divisione inter fratres (Zeumer, стр. 276).

[4]) Ut quod a plurimis et melioribus in divisione est constitutum, a paucis et deterioribus non liceat inmutari (Zeumer, стр. 276).

[5]) Кн. X, титулъ I, § 5: Qui placitum divisionis inruperit et quamlibet partem alienae portionis invaserit, tantum de suo, quantum de alieno occupavit, amittat (Zeumer, стр. 277).

[6]) Книга X относитъ ихъ къ числу antiqua.

лозу изъ чужого виноградника или просто разорившему ее,—duplum,—это все нормы, очевидно, заимствованныя изъ римскаго права и возникшія благодаря подведенію подъ понятіе кражи всякаго рода дѣйствій, состоящихъ въ поврежденіи чужого имущества. Это явленіе довольно обычно въ древнихъ системахъ права, еще не умѣющихъ выдѣлять въ самостоятельные виды преступленій и проступковъ различныя дѣйствія, нарушающія частные интересы. Заимствованныя изъ римскаго права нормы съ трудомъ уживаются съ народнымъ обычаемъ, который, какъ видно изъ постановленій той же antiqua, довольствовался требованіемъ отъ захватчика одного возмѣщенія вреда. Старинный принципъ выступаетъ еще въ тѣхъ постановленіяхъ, которыя говорятъ объ опустошеніи чужого огорода, какъ и въ тѣхъ, которыя предвидятъ случаи, когда въ полѣ, обведенномъ изгородью, не имѣется никакихъ плодовъ. Виновный приговаривается на этотъ разъ къ одному возмѣщенію вреда, т. е. къ возстановленію изгороди [1]). Тотъ же принципъ примѣняется ко всѣмъ случаямъ потравы чужихъ нивъ и виноградниковъ, а также снабженныхъ изгородью луговъ (pratum defensum), при чемъ къ вознагражденію убытковъ, размѣръ которыхъ опредѣляется сосѣдями, присоединяется еще поштучный штрафъ [2]).

Изъ только что приведенныхъ статей мы узнаемъ о существованіи какъ частныхъ лѣсовъ (silva aliena), такъ и защитныхъ луговъ (pratum defensum), притомъ еще въ VI вѣкѣ, такъ какъ оба постановленія помѣчены словомъ antiqua. Даже къ пустошамъ (campi vacantes) примѣнимо то же право частной защиты путемъ проведенія рвовъ, какое по отношенію къ лугамъ даетъ возведеніе изгородей. Но эта защита не закрываетъ доступа въ огороженное пространство прогоняемому скоту. Проѣзжіе (iter agentes), значится въ § 9 того же титула, должны сохранять въ цѣлости устроенные рвы, но никто не въ правѣ изгонять ихъ съ этихъ пастбищъ [3]). § 25 титула IV-го той же книги опредѣляетъ даже мѣру наказанія для тѣхъ, кто вздумаетъ загнать чужой скотъ, пасущійся на этихъ пустошахъ, разъ онъ принадлежитъ проѣзжимъ. Тѣмъ же проѣзжимъ дозволено рубить вѣтви деревьевъ, даже приносящихъ жолуди, и безъ согласія ихъ собственни-

---

[1]) Кн. VIII, титулъ III, §§ 2 и 6: Si ortum qui vastaverit alienum. Si sepis incidatur vel incendatur (Zeumer, стр. 235 и 237).

[2]) См. кн. VIII, титулъ III, §§ 8, 10, 12 и 15.

[3]) Campos autem vacantes si quis fossis concinxerit, iter agentes non haec signa deterreant, nec aliquis eos de his pascuis presumat expellere (Zeumer, стр. 238)

ковъ. Запрещается только рубить ихъ до основанія, какъ и держать на пастбищѣ болѣе пары быковъ. Послѣднія ограниченія установлены, впрочемъ, только для чужеродцевъ; уроженцамъ же помѣстья, будутъ ли то римляне или готы, разъ дѣло идетъ о совладѣльцахъ (consortes), дозволенъ свободный выпасъ,—ибо. гласитъ § 5 титула V-го той же книги, трава состоитъ въ общемъ пользованіи консортовъ, если она не обведена изгородью [1]). Кто же снабдитъ крѣпкой защитою все, что вошло въ составъ его доли или жребія, тотъ можетъ не допускать чужой скотъ на свое пастбище [2]). Что касается до пользованія лѣсомъ подъ выпасъ свиней, то въ раздѣльныхъ рощахъ оно допустимо только подъ условіемъ платежа десятой штуки въ пользу собственника, куда присоединяется еще двадцатая, разъ выпасъ продолжается и послѣ сумерокъ Законодатель предвидитъ и тотъ случай, когда консорты сообща выгонятъ свиней на выпасъ. Одинъ можетъ въ этомъ случаѣ поставить больше животныхъ, чѣмъ приходится на его долю лѣса, другой — меньше; рекомендуется раздѣлъ десятины сообразно величинѣ лѣсныхъ участковъ каждаго изъ консортовъ [3]). Все изложенное указываетъ намъ на тѣ превращенія, какимъ подверглась римская villa, благодаря раздѣлу ея между членами обѣихъ національностей и позднѣйшей развертклѣ долей въ средѣ каждой изъ этихъ двухъ группъ, по мѣрѣ обособленія отдѣльныхъ дворовъ родственниковъ.

Изъ частнаго имѣнія villa превратилась въ селеніе смѣшаннаго состава, въ которомъ различные consortes и hospites держатъ въ раздѣльности виноградники и пахоти, нерѣдко также луга и лѣса, а въ общемъ пользованіи сохраняютъ только пустошь и пастбища, обнаруживая также вынуждаемое закономъ гостепріимство къ проѣзжимъ. Удержаніе въ нераздѣльности нѣкоторыхъ угодій не мѣшаетъ свободному распоряженію каждымъ его sors. Книга V (титулъ II и IV) говоритъ объ обмѣнахъ и продажахъ недвижимости, какъ объ обыденныхъ явленіяхъ. Законъ Рекесвинда, вошедшій въ составъ § I титула V-го, кн. IV, ограничиваетъ эту свободу распоряженія въ отношеніи $^1/_3$ родового имущества по соображеніямъ, ничего не имѣющимъ общаго съ сохраненіемъ стародавняго обычая, и основаннымъ на

---

1) Consortes vero velh ospites nulli calumniae subiaceant, quia illis usum erbarum que concluse non fuerant, constat esse communem (Zeumer, стр. 257)

2) Qui vero sortem suam totam forte concluserit et alhena pascua absente domino invadit, sine pascuario non presumat nisi forsitan dominus pascua voluerit (Zeumer, стр. 257).

3) Кн. VIII, титулъ VI, §§ 1 и 2

заботѣ объ общественной пользѣ [1]). Титулъ II (о дареніяхъ) говоритъ о безповоротности не однихъ королевскихъ пожалованій, но и частныхъ, разъ они засвидѣтельствованы письменной записью Титулъ же I-ый V-ой книги признаетъ ту же незыблемость за всякими безвозмездными отчужденіями, сдѣланными въ пользу церкви. Правда, всѣ эти постановленія содержатся не въ древнѣйшихъ законахъ, а въ мѣропріятіяхъ, принятыхъ правителями VII вѣка. Къ antiqua принадлежитъ только статья, допускающая совершеніе супругами взаимныхъ дареній. Но та же antiqua знаетъ наслѣдованіе сестеръ заодно съ братьями, а слѣдовательно, и выходъ недвижимости изъ предѣловъ двора. Она знаетъ и наслѣдованіе по завѣщанію, неизвѣстное древнимъ германскимъ обычаямъ, и наслѣдованіе мужа въ имуществѣ жены, и жены въ имуществѣ мужа при отсутствіи наслѣдниковъ до седьмой линіи включительно

Если въ открытыхъ Розьеромъ вестготскихъ формулахъ [2]) мы вздумаемъ искать отвѣта на вопросъ, въ какой мѣрѣ юридическая практика отразила на себѣ вліяніе только что изученной нами романизаціи вестготскихъ обычаевъ, намъ придется на каждомъ шагу констатировать удержаніе скорѣе германскихъ терминовъ, въ родѣ morgengabe, нежели соотвѣтствующихъ имъ порядковъ матеріальнаго и формальнаго права. «Помимо уцѣлѣвшихъ формулъ, отъ эпохи вестготовъ», говоритъ Розьеръ, «до насъ дошла только одна грамота, но и она заключаетъ въ себѣ дарственное распоряженіе недвижимостью въ пользу монастыря Compludo отъ 684 года, при чемъ дарителемъ является король Хиндасвиндъ» [3]).

Нѣкоторыя формулы значительно древнѣе. Розьеръ показываетъ, что онѣ предшествуютъ воцаренію Хиндасвинда, т. е. принадлежатъ къ первой половинѣ VII вѣка. Въ это время обѣ національности, готы и римляне, держались еще каждая своего личнаго права, что не мѣшало, однако, тому, что въ дареніяхъ, завѣщаніяхъ и продажахъ, какъ и въ практикѣ частныхъ сдѣлокъ, заносимыхъ въ реестры городскихъ курій [4]), выступало рѣшительное вліяніе римскаго

---

[1]) Ut super tertiam partem rerum suarum (pater et mater) meliorandi partem nihil impendant nec in extraneam personam transducant nisi fortasse legitimos filios vel nepotes non habere. См. также вызванное политическими причинами законодательство Хиндасвинда о наслѣдованіи куріаловъ (кн. 5, тит. IV, § 19).

[2]) Formules Wisigothiques inédites, a. 1854.

[3]) Ibid, Introduction.

[4]) Ibid, формула за № 25 acta habita patricia (curia) Corduba.

права. Письменная запись сдѣлокъ требуется даже отъ неграмотныхъ, которые даютъ вмѣсто подписи собственоручный значекъ на пергаментѣ предъ свидѣтелями «добраго рожденія» (bene natis) [1]. Отпущеніе на волю происходитъ въ присутствіи муниципальныхъ властей. Ссылки на Сентенціи Павла, на stipulatio aquilea, на lex Papia Poppaea, встрѣчающіяся въ формулахъ за № 1, 67 и 14, доказываютъ близкое знакомство редакторовъ съ самыми источниками римскаго права, точно такъ же, какъ и противоположеніе въ формулѣ 21-ой права гражданскаго праву преторскому, и все вообще, вмѣстѣ взятое, убѣждаетъ насъ въ происхожденіи формулъ въ эпоху, предшествующую особой кодификаціи римскаго права для Испаніи. Самое содержаніе грамотъ оправдываетъ предположеніе о полномъ торжествѣ римскихъ началъ собственности надъ германскимъ захватнымъ владѣніемъ.

Нерушимость разъ состоявшагося отчужденія недвижимости признается обыкновенно въ началѣ купчей [2]); земли за одно съ движимостью поступаютъ въ приданое, которое носитъ подчасъ только германское прозвище morgengabe, но на самомъ дѣлѣ отвѣчаетъ римскому понятію donatio propter nuptias [3]). Провозглашая начало безповоротности дареній [4]), формулы примѣняютъ его и тогда, когда имѣется въ виду взаимное обезпеченіе супруговъ на случай смерти [5]).

Какъ и въ Бургундіи, villa носитъ въ Аквитаніи и Испаніи VII-го вѣка, насколько это можно заключить изъ разбираемаго памятника, характеръ помѣстья, вполнѣ отвѣчающаго, по своему личному и имущественному составу, римской massa или saltus. Дарственныя въ пользу церкви говорятъ о передачѣ цѣлыхъ villae со зданіями, виноградниками, лѣсами, водами, водопроводами, а также съ населяющими ихъ glebae adscripti, изъѣстными подъ наименованіемъ mancipii. Формулы отличаютъ послѣднихъ отъ сервовъ (servi) или составляющихъ дворню холопей, которые передаются независимо отъ земли, вполнѣ подчиняются волѣ господина и цѣнятся дорого или дешево, смотря по тому, представляютъ ли они какой-либо изъянъ, спорнымъ или нѣтъ является владѣніе ими, и не обнаружено ли съ ихъ стороны желанія избѣжать неволи путемъ бѣгства [6]).

---

[1]) Формула № 7.
[2]) Формула № 13
[3]) Формулы №№ 14 и 20.
[4]) Формула № 30.
[5]) Формула № 23
[6]) Формула № 11: Et tradidi tibi supramemoratum servum, non causarium, non

Формулы №№ 14, 20 и 21 позволяютъ дополнить составъ помѣстнаго населенія еще двумя классами. крестьянами (rustici), приуроченными къ сельскимъ надѣламъ, per nostra manentes rura,—это, по всей вѣроятности, потомки римскихъ колоновъ, упоминаемыхъ мимоходомъ [1]), — и получившими свободу рабами, о которыхъ не разъ заходитъ рѣчь въ завѣщаніяхъ при надѣленіи ingenui и cives romani [2]) тѣмъ или другимъ имуществомъ.

Сборникъ заключаетъ въ себѣ три формулы, изъ которыхъ видно, что помѣстье включило въ себя и свободныхъ людей, добровольно передавшихся въ неволю, или вступившихъ только въ отношенія имущественной зависимости къ собственнику, въ силу снятія его земель въ прекарій Необезпеченное и беззащитное положеніе мелкихъ людей какъ нельзя лучше выступаетъ изъ вступительныхъ словъ, которыми открываются эти акты. «Такъ какъ я поставленъ былъ въ необходимость бороться съ бѣдностью», значится въ одномъ изъ нихъ, «то, чтобы улучшить свое положеніе, я рѣшился передаться въ Ваши руки. Вамъ же угодно было дать мнѣ за это столько-то солидовъ, которые и были приняты мною. Вотъ почему отнынѣ личностью моею Вы будете владѣть на правахъ господина (dominus), можете виндицировать и защищать меня и вообще распоряжаться мною, какъ Вамъ будетъ угодно» [3]). Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ закабаленіемъ свободнаго, но неимущаго человѣка А вотъ грамота, въ которой рѣчь идетъ уже объ одномъ снятіи свободнымъ, но безземельнымъ и мало состоятельнымъ лицомъ участка на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ держатъ землю колоны, т. е. съ обязательствомъ платить десятину на правахъ аренды [4]). Владѣніе названо прекаріальнымъ (praecaria) въ томъ смыслѣ, что неплатежа ренты достаточно для его прекращенія Помѣщикъ сохраняетъ право прогнать недоимщика съ занятаго имъ участка [5]). Десятина платится, какъ видно изъ другой формулы, и со всѣхъ приращеній, сдѣланныхъ къ участку, и, притомъ, какъ съ получаемаго съ пашни зерна, такъ и съ винограда и

---

fugitivum, non vexaticum, neque aliquod vitio in se habentem, nec cuiuslibet alterius domino pertinentem .... vel quicquid de supradicti serv personam facere volueris liberam habeas potestatem.

[1]) Формула № 36 ut colonis est consuetudo.

[2]) Формула № 2

[3]) Формула № 32.

[4]) Decimas vero praestatione vel exenia, ut colonis est consuetudo, annua inlatione me promitto persolvere (№ 36)

[5]) Liberam habeas potestatem de supradictas terras foris expellere (Ibid.).

фруктовъ, въ частности, съ яблочныхъ садовъ и стадъ [1]). Такой платежъ объявленъ согласнымъ съ исконнымъ обычаемъ (secundum priscam consuetudinem). Поступающій въ надѣлъ участокъ измѣряется числомъ получаемыхъ съ него модіевъ хлѣба.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что разобранныя формулы косвенно подтверждаютъ свидѣтельство вестготскихъ законовъ во всемъ, что касается рѣшительнаго торжества римскихъ порядковъ землевладѣнія надъ германскимъ. Нигдѣ это торжество не выступаетъ такъ рѣшительно, какъ въ Аквитаніи и Испаніи, и нигдѣ общинные сервитуты, о которыхъ упоминаютъ позднѣйшіе памятники, не имѣютъ меньшаго отношенія къ стародавнимъ германскимъ обычаямъ, какъ здѣсь. Источникъ ихъ происхожденія лежитъ или въ римскихъ порядкахъ, или въ тѣхъ новыхъ условіяхъ, какія созданы были вѣковымъ владычествомъ мавровъ, постепеннымъ возсоединеніемъ отнятыхъ у нихъ земель съ христіанскими княжествами и королевствами, наконецъ, колонизаціей этихъ земель привлекаемыми всякими льготами поселенцами (pobladores) или членами военныхъ товариществъ, своего рода дружинъ, такъ называемыми behetrias. Со всѣмъ этимъ мы познакомимся въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ.

---

[1]) Формула № 37: annis singulis secundum priscam consuetudinem de fruges aridas et liquidas, atque universa animalia vel pomaria seu in omni re quod in eodem loco augmentaverimus decimas vobis annis singulis persolvere (promittimus).

ГЛАВА VII.

Французское помѣстье въ эпоху Меровинговъ и Карловинговъ.

§ 1.

Спрашивается, какое представленіе можно составить себѣ о французскомъ помѣстьи въ эпоху, слѣдующую за завоеваніями и поселеніями германцевъ, на основаніи варварскихъ Правдъ, сборниковъ формулъ, дипломовъ и древнѣйшихъ капитуляріевъ?

Изъ всего, что было сказано нами о землевладѣніи франковъ, бургундовъ и вестготовъ, непосредственно вытекаетъ то заключеніе, что строй римскаго помѣстья былъ задѣтъ ими только косвенно. Послѣдовала не отмѣна, а сокращеніе района massae и villae, не отнятіе, а ограниченіе правъ собственности римскихъ латифундистовъ.

Вотъ почему всюду, гдѣ германцамъ не суждено было положить основанія сплошнымъ поселеніямъ аллодіальныхъ собственниковъ, владѣющихъ сообща и наравнѣ съ римлянами нераздѣльной маркою, т. е. угодьями [1]), сохранился старинный строй галло-римской villa. Это, въ частности, можетъ быть сказано о земляхъ, перешедшихъ отъ римскаго фиска къ королямъ германцевъ.

Въ дипломахъ Клодвига и Хильдеберта I, говорящихъ о дареніяхъ въ пользу той или другой церкви или монастыря, при чемъ каждый разъ слѣдуетъ выдѣлъ изъ доменовъ, постоянно выступаетъ передъ нами римское помѣстье съ участками, занятыми сельскими рабами, mancipii и лично свободными, но прикрѣпленными къ

---

[1]) Терминъ „марка“ въ смыслѣ не простой границы, но и всего, что лежитъ въ ея предѣлахъ, встрѣчается уже въ Рипуарской Правдѣ—титулъ LXXV, въ которомъ говорится объ отысканіи слѣда, оставленнаго воромъ per tres marcas.

землѣ колонами; и тѣ и другіе образуютъ изъ себя нерѣдко столь обособленныя группы, что грамоты считаютъ возможнымъ говорить о межевыхъ знакахъ, обозначающихъ границы той или другой colonica; ими служатъ камни или нарѣзки крестовъ на деревьяхъ. Нерѣдко также приказывается класть значки подъ камни и располагать эти послѣдніе подъ деревьями, sub arbores lapides subterfigere... et sub ipsos lapides sunt signa posita [1]).

Какъ и въ эпоху, предшествующую нашествіямъ варваровъ, отведенная колону площадь обозначается именемъ ея наличнаго, всего чаще, прежняго воздѣлывателя,—такъ что, сдѣлавшись даже хуторомъ и включивъ въ себя рядъ дворовъ, colonica продолжаетъ называться именемъ этого перваго или одного изъ первыхъ колоновъ, напримѣръ, colonica quae appellatur Curtleniachario.

Что касается до сельскихъ рабовъ (mancipii), то они приписаны къ помѣстьямъ (villae) и владѣютъ равнымы надѣлами и дворами. Отсюда выраженіе: передаю такую-то или такую-то виллу cum mansis comanentibus [2]).

Какъ и въ римскомъ помѣстьи, на ряду съ terra servilis въ рукахъ рабовъ и колоновъ, мы встрѣчаемъ и земли въ личномъ завѣдованіи помѣщика. Въ приводимомъ Пардессю дипломѣ Клодвига отъ 499 г., говорящемъ объ основаніи монастыря Св. Петра въ Суассонѣ, идетъ рѣчь объ уступкѣ villa mea indominicata. Въ приложенномъ къ той же грамотѣ отрывкѣ изъ стариннаго полиптика монастыря Св. Петра, который Пардессю относитъ къ самому концу V столѣтія, перечисленъ личный составъ имѣнія. Изъ него видно, что рабы нерѣдко занимали участки, отведенные прежде свободнымъ колонамъ [3]), и что въ числѣ крѣпостныхъ людей не всѣ несли барщину ручной работой или подводами (manopera, caropera); ремесленники, въ частности, кузнецы (fabri), замѣняли ее даровой поставкой желѣзныхъ орудій [4]); вышедшіе на оброкъ вносили установленную соглашеніемъ натуральную или денежную ренту [5]). Въ

[1]) Pertz, Monumenta, Diplomatum, т. I, грамота 528 г. № 2.

[2]) Ibid, грамота Хильдеберта I отъ 556 г. № 5 См также дипломъ Хильдерика II отъ 661 г. № 25.

[3]) In villare colonus unus, manet ibi servus Gausbertus faber, solvit ferri (Pardessus, Diplomata, v. I, № 64).

[4]) Ibid.

[5]) In eadem ripa fluminis ecclesia est S. Eulache, coloni duo, ibi manent Bertrandus, Andulfus, sunt servi Sancti Petri, solvunt in anno friscingas duas, annonam sextarios quatuor. ...In villa Uscladinas coloni tres, manent ibi Godranus, Bertinus, Andulfus servi, solidos tres solvunt (Ibid, № 65)

числѣ приношеній, дѣлаемыхъ ими въ пользу собственника, указана поставка каждые пять лѣтъ быка или коровы [1]).

На ряду съ колонами и сельскими рабами, мы встрѣчаемъ въ помѣстьи VI-го вѣка и вольноотпущенниковъ или либертовъ. Въ завѣщаніи Св. Ремигія отъ 533 г. упоминается Vitalem colonum, (quem) libertum esse jubeo. При этомъ наглядно выступаетъ тотъ фактъ, что выдача вольной не влекла за собою полнаго разрыва между бывшимъ крѣпостнымъ и его помѣщикомъ. Либертъ сохранялъ свой надѣлъ на началахъ зависимости и переходилъ вмѣстѣ съ нимъ къ наслѣдникамъ своего освободителя [2]).

О самомъ порядкѣ отпущенія на волю варварскія правды, капитуларіи и формулы сообщаютъ намъ много любопытныхъ подробностей. Мы узнаемъ изъ нихъ, что, подобно отчужденію всякой другой недвижимости, отпущеніе на волю требовало на первыхъ порахъ той же санкціи короля, что и передача имущества женѣ или отдаленному родственнику и чужеродцу. Этимъ объясняется, почему въ древнѣйшемъ текстѣ Салической Правды встрѣчается только та формула отпущенія, которая извѣстна подъ наименованіемъ manumissio per denarium ante regem [3]). Потребовался королевскій эдиктъ, какъ это доказано Зомомъ, для того, чтобы ввести во франкское право давно извѣстную римлянамъ практику отпущенія per cartam или tabulam, т. е. отпущеніе путемъ выдачи письменной вольной въ храмѣ, въ присутствіи духовенства и свидѣтелей [4]). Всюду, гдѣ римское право и

---

[1]) In villa Uscladinas... tres manent servi . vaccas tres ad quintum annum... In villa Faiola colonus unus, manet servus Constancius solvit ad quintum annum bovem unum (Ibid).

[2]) Pardessus, Diplomata, т I, № 118 Testamentum Remigii remorum episcopi, a. 553: Vitalem colonum libertum esse iubeo, et familiam suam ad nepotem meum Agathimerum pertinere . Cispiciolum colonum liberum esse praecipio et ad nepotem meum Actium eius familiam pertinere (Ibid).

[3]) Въ формулахъ Маркульфа № 27 Preceptum regis de servo per denarium relaxato . iactante denario secundum legem Salicam dimisit ingenuum in presentia nostra (regis). (Zeumer, Formulae, pars prior, стр. 124. См. также формулу за № 22 Preceptum denariale; ibid, стр. 57). Въ Cartulaire de l'Eglise de St Lambert de Liège (№ 7, стр. 9) имѣется актъ 900 года, въ которомъ отмѣченъ фактъ отпущенія на волю 3 сервовъ, согласно Салическому праву „secundum legem salicam denarium de manu episcopi excussimus et sic ea (mancipia) a servitutis vinculo liberavimus“ (Collection des chroniques belges).

[4]) См. Lex Ribuaria, tit. LVIII Самая редакція титула указываетъ, что дѣло идетъ не о записи обычая, а о передачѣ королевскаго постановленія (bannum). Hoc etiam jubemus ut etc. Что законодатель въ данномъ

жившее подъ его покровомъ духовенство рано наложили печать на запись германскихъ обычаевъ, мы встрѣчаемъ и формулу эмансипаціи несвободнаго per cartam; это мы видимъ какъ въ Бургундскомъ и Вестготскомъ сводахъ, такъ и въ законѣ аллемановъ и баварцевъ [1]).

Въ такъ называемую Lex Francorum Chamavorum этотъ порядокъ отпущенія рабовъ проникаетъ, по всей вѣроятности, изъ смежной области примѣненія Рипуарской Правды [2]) Что касается до тѣхъ разновидностей этого способа эманципаціи, какія представляетъ намъ manumissio per testamentum или in ecclesia, иначе, super altare, чему, какъ доказалъ Фруадево, соотвѣтствуетъ по своимъ послѣдствіямъ и юридической природѣ и manumissio per hantradam, упоминаемая мнимымъ закономъ хамавовъ, то и онѣ—явленія позднѣйшаго времени, свидѣтельствующія о рѣшительномъ торжествѣ церкви и защищаемыхъ ею порядковъ надъ первоначальной неотчуждаемостью семейнаго имущества у германцевъ [3]).

Гораздо важнѣе для насъ другой вопросъ, а именно, въ какой мѣрѣ отпущеніе на волю обособляло прежняго сельскаго раба отъ помѣстья. Если бы послѣдствіемъ отпущенія была всегда свобода передвиженія для либерта, то трудно было бы объяснить себѣ самое существованіе этого класса, вполнѣ отличнаго отъ ingenui или полноправныхъ гражданъ. Но этого на самомъ дѣлѣ не было. Какъ варварскія правды, такъ и формулы знаютъ двоякаго рода эманципацію такую, при которой помѣщикъ терялъ всякія права на своего бывшаго серва, а послѣдній—всякое участіе въ надѣльной системѣ, и такую, при которой, въ обмѣнъ за покровительство и надѣлъ, бывшій собствен-

---

случаѣ довольствуется распространеніемъ на франковъ старинной римской практики, указываютъ слова того же титула: . .pro precio secundum legem romanam liberare voluerit—и нѣсколько ниже: ut ei tabulas secundum legem romanam scribi.

1) Lex Burgundionum, tit. LXXXVIII, 2; Lex Visigothorum V, 7; Lex Alemannorum 17, 18.—Capitula ad legem Baiuvariorum addita, 6 (Boretius, 158). Manumissio per cartam извѣстно также лангобардамъ (Rotharis, 214).

2) Lex Francorum Chamavorum (изд. Sohm), ст XII: Qui per cartam auper hantradam ingenuus est; ст. XIII: Qui per cartam est ingenuus sic debet in omnia pertinere sicut et alii Franci.

3) См. Etudes sur la Lex Dicta Francorum Chamavorum et sur les Francs du pays d'Amor par Henri Froidevaut (Paris 1891, стр. 120): „Les affranchissements per hantradam et in ecclesia ne sont qu'un seul et même mode d'affranchissement". Вопросъ о различныхъ порядкахъ отпущенія на волю у германцевъ и о связанныхъ съ ними юридическихъ послѣдствіяхъ подробно разсмотрѣнъ Marcel Fournier въ его. „Essai sur les formes et les effets de l'affranchissement dans le droit gallo-franc" (Bibl. de l'école des hautes études, 60 fascicule).

никъ удерживалъ право на личныя и имущественныя услуги со стороны освобожденнаго, нерѣдко также и его потомства. На ряду съ формулами, въ которыхъ совершающій manumissio не удерживаетъ ни за собою, ни за одаряемымъ имъ храмомъ никакихъ правъ на личность и имущество вольноотпущеннаго, объявляя, что этотъ послѣдній, подобно римскимъ гражданамъ (cives romani), свободенъ a vinculo noxiae servitutis aut aliquid libertinitatis obsequio [1]), или еще, что онъ впредь воленъ въ выборѣ патрона [2]), — встрѣчаются и такія, гдѣ прямо выражено, что право патроната удержано за прежнимъ помѣщикомъ или лицомъ, въ пользу котораго произведена traditio, взамѣнъ чего либертъ, получивъ свободное распоряженіе своимъ peculium, сохраняетъ за собою и прежній надѣлъ (mansus) на зависимомъ титулѣ [3]). Такъ называемый законъ хамавовъ предвидитъ возможность этихъ обоихъ послѣдствій и объявляетъ, что головщина либерта (eo leudis) только тогда принадлежитъ королю, если manumissor отослалъ его отъ себя (si ille foris de eo miserit) [4]). И судьба пекулія зависитъ отъ тѣхъ условій, какія поставлены были отпущеннику при его выходѣ на свободу: разъ онъ не остается подъ покровительствомъ и защитой (сеньератомъ) прежняго помѣщика, онъ обязанъ вернуть ему все, чѣмъ владѣлъ на зависимыхъ отношеніяхъ [5])

Но возможна и передача пекулія въ полную собственность вольноотпущенника, даже при разрывѣ всякой связи между нимъ и его прежнимъ сеньеромъ, какъ это видно изъ формулъ, говорящихъ, что libertus удерживаетъ peculiare et collaboratum absque ullius senioris retractione [6]).

Только этой возможностью удержать либертовъ на занятыхъ ими прежде участкахъ подъ условіемъ наслѣдственныхъ рентъ и службъ.

---

[1]) Formulae Turonenses, № 12 (Zeumer, стр 141) и Codex Laudensis, № 14 (Zeumer, стр 518)

[2]) Nec honus patronatı nec ulla obedientia ipsius non requiratur. Defensionem vero .. ubicumque expetire voluerint, licentiae tribuissemus ad faciendum in omnibus quidquid voluerint (Form. Arvernenses, Zeumer, стр. 30).

[3]) Complacuit mihi ...такого-то ingenuum или такую-то ingenuam relaxare ...in ea videlicet ratione ut, quamdiu vixeris, ad prafatam ecclesiam in cera tramissa valente sive argento vel in alia qualibet pecunia annis singulis prosolvas, similiterque nati tui ...faciant (Formulae Augienses, B. № 21, Zeumer, стр. 356)—или еще. mundeburgium vel defensionem ad ipsam ecclesiam pertineat, et ibidem annis singulis trimissa valente in cera aut quicquid potuerit solvat (Ibid., № 34, стр. 360).

[4]) Lex Francorum Chamavorum, ст. XII

[5]) Qui de mundeburgio aliquid habuerit ad illum seniorem qui eum ingenuum dimisit, sua peculia reverti faciat.

[6]) Codex Laudensis, № 14 (Zeumer, стр. 518).

объясняется частое повтореніе случаевъ отпущенія на волю и образованіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Брабантѣ, многочисленнаго класса свободныхъ мансіонаріевъ, такъ называемыхъ messeniers или meyssionier-lieden, предки которыхъ были рабами [1]). Отпущеніе на волю сельскихъ рабовъ не было равнозначительно удаленію ихъ изъ помѣстья и не грозило собственнику потерей того живого инвентаря, которымъ при слабой густотѣ населенія и обиліи никѣмъ не обработанныхъ или запущенныхъ земель, онъ, очевидно, не могъ не дорожить. Въ одной грамотѣ Хильдеберта I отъ 556 г. наглядно выступаетъ существованіе бокъ-о-бокъ обоихъ видовъ эмансипаціи: съ удержаніемъ и безъ удержанія сеньората. Распоряжаясь въ пользу церкви Св. Винцента въ Парижѣ частью своихъ доменовъ, король говоритъ, что передаетъ ей въ числѣ прочихъ манзовъ и такіе, которые заняты либертами-ремесленниками, за исключеніемъ, однако, тѣхъ, владѣльцы которыхъ его приказомъ обращены были въ свободныхъ людей, ingenui [2]). Терминъ «ingenui» въ данномъ случаѣ означаетъ то же, что лангобардскій hamund [3]), т. е. человѣка, который разорвалъ съ прежнимъ собственникомъ отношенія покровительства и заступничества, съ одной стороны, подчиненія и службы, съ другой. Изъ той же грамоты видно, что либерты отличались также отъ инквилиновъ (inquilini), въ другихъ источникахъ именуемыхъ нерѣдко accolae [4]), такъ что послѣдніе, не будучи, очевидно, ни крѣпостными, ни вольноотпущенниками, могутъ считаться только свободными людьми. Не удивительно поэтому, если въ позднѣйшихъ грамотахъ оба термина часто уступаютъ мѣсто названію ingenui или liberi. Mansi ingenuiles полиптиковъ VIII и IX вѣка, отличаемые не только отъ mansi serviles, но и отъ mansi litonum и mansi hospitum, стоятъ въ прямой генетической связи съ этими свободными поселенцами, inquilini или accolae. Въ грамотахъ VII вѣка, говорящихъ о

---

[1]) См. о нихъ Ancien droit de la Belgique par Eugène Defacqz, т. I, стр. 249. Слово „messenier“ происходитъ отъ mesnie, что означаетъ семейный дворъ, mansio. Мы находимъ messeniers не только на земляхъ герцога брабантскаго, напр., въ Брюсселѣ, гдѣ о нихъ говоритъ еще la charte de l'ammanie 1292 г., но и въ предѣлахъ частныхъ помѣстій, напр., во владѣніяхъ сеньёровъ Гримбергенъ.

[2]) Pertz, Monumenta, Diplomatum, т. I, № 5, грамота 556 г.

[3]) Liutprandi leges, XXIII.

[4]) См. въ Cartulaire de St. Bertin, pars I, Cartularium Folquini (стр. 17), De eo quod Adroaldus tradidit Beato Bertino, a. 648: Dono vobis villam Sithiu... cum... mancipiis, acculabus —Cartul général de l'Jonne (т. I, № 8, стр 17), Testament de S-t Vigile: ..cum acolabus ...servis et ancillis.—Cartulaire de Montier

надѣленіи того или другого монастыря свободою отъ административныхъ и судебныхъ разъѣздовъ графа и вообще королевскихъ чиновниковъ, къ пользованію такимъ иммунитетомъ призываются всѣ, кто подчиненъ той или другой церкви или монастырю, всѣ ихъ homines, какъ свободные поселенцы, такъ и несвободные (tam ingenui quam et servientes super terras suas commanentes) [1]). Въ извѣстномъ завѣщаніи Аббона, сына Феликса и Рустики, всѣ три класса сельскіе рабы, либерты и свободные выступаютъ передъ нами съ характеризующими ихъ особенностями, личными и имущественными. Жалуясь на то, что, благодаря нашествіямъ сарацинъ, многіе servi, ancillae и liberti разбрелись по сосѣднимъ мѣстностямъ, Аббонъ уполномочиваетъ монастырь Св. Петра, въ пользу котораго сдѣлано завѣщаніе, водворить ихъ на своихъ земляхъ и возстановить надъ ними свое владычество [2]). Очевидно, водвореніе либертовъ на ряду съ рабами въ разъ занятыхъ ими манзахъ было бы немыслимо, если бы эти либерты были полноправными людьми, свободными отъ сеньерата помѣщика. Въ полномъ соотвѣтствіи со сказаннымъ, Аббонъ объявляетъ въ другомъ мѣстѣ своего завѣщанія, что, буде лица, владѣющія землею на правахъ либертовъ, вздумаютъ уклониться отъ подчиненія, имъ грозитъ возвращеніе въ прежнюю неволю [3]). Разбираемый памятникъ указываетъ и на источникъ зависимости: онъ лежитъ въ фактѣ занятія дворовъ бывшихъ колоновъ (colonica trado quas ad libertos meos dedi). Либерты вмѣстѣ съ землею получаютъ иногда отъ собственника и рабовъ. На это намекаетъ, между прочимъ, слѣдующее мѣсто въ завѣщаніи Аббона: въ числѣ уступаемыхъ церкви Св. Петра въ Гренобле имуществъ встрѣчается рядъ либертовъ; о нѣкоторыхъ изъ нихъ говорится, что они не только держатъ terram, но и mancipia in beneficio habent. Цѣлью передачи ихъ монастырю является переходъ на послѣдній того obsequium и impensio, другими словами, того подчиненія и тѣхъ рентъ, какихъ отъ либертовъ могли тре-

---

la celle (Collection des Cartulaires du diocèse de Troyes, vol VI, № 1, грам. 753 г.): Trado . mancipia, libertos, accolas una cum peculiaribus eorum.—Cartulaire Blésois, publié par l'abbé Ch. Métais, № 1, грам. 832 г., въ которой говорится о переходѣ виллы cum mancipiis et acolabus.

[1]) Chartularium Folquini, грамота 691 г. № 14

[2]) Volo ut ubicumque adgentes monasterii Sancti Petri, heredem meam, eos invenire potuerint, licentiam habeant in eorum revocare dominatione (Cartulaire de l'église cathédrale de Grenoble. Ch. St. Hugonis № 22).

[3]) Et si ipse (Rodbertus qui colonicas sub nomen libertinitatis habeat) de ipso monasterio sicut libertus se abstrahere voluerit, in pristino servitio revertatur.

бовать по закону родители завѣщателя и самъ завѣщатель (iuxta legis ordine). Но colonicae заняты не одними либертами. Мы встрѣчаемъ въ нихъ также рабовъ и свободныхъ; о послѣднихъ прямо упомянуто въ слѣдующихъ словахъ завѣщанія передаю то-то и то-то, доставшееся мнѣ отъ родителей (ex alode parentum una cum colonica. . una cum illos ingenuos de Amberto et liberto nostro et ingenua nostra). Въ другомъ мѣстѣ того же акта сказано, что одна изъ либертъ Аббона вышла замужъ за человѣка свободнаго (ingenuus), что, согласно закону, должно было повлечь за собою несвободное состояніе потомства. Поселившись съ женою на земляхъ Аббона, ingenuus Rodbertus переходитъ вмѣстѣ съ имуществомъ въ руки монастыря, что не ведетъ, однако, за собою потери его свободнаго состоянія, а только принуждаетъ его держать землю отъ Аббона на правахъ либерта [1]). Завѣщаніе Аббона, составленное въ районѣ дѣйствія Бургундской Правды, упоминаетъ еще о классѣ лицъ, которыя въ другихъ мѣстностяхъ Франціи уже болѣе или менѣе слились съ сельскими рабами: оно говоритъ о колонахъ и отличаетъ ихъ отъ либертовъ и сервовъ, что видно, между прочимъ, изъ такихъ выраженій, какъ una cum libertis ac colonis et servis. Эти колоны, какъ и въ эпоху, предшествующую германскимъ поселеніямъ, занимаютъ сплошные хутора подъ главенствомъ выбраннаго изъ ихъ среды начальника. Такимъ рисуется намъ тотъ Bardinus Capitolarius, присутствіемъ котораго характеризуется рядъ занятыхъ колонами участковъ въ особой долинѣ, купленной завѣщателемъ у нѣкоего Видегунда [2]).

Какъ на земляхъ монастыря Св. Петра въ Суассонѣ, такъ и во владѣніяхъ, принадлежавшихъ Аббону въ Віенскомъ и Гренобльскомъ графствахъ (in pago Viennense, in pago Gratiopolitano), совершается одинъ и тотъ же процессъ постепеннаго перехода colonicae въ руки сельскихъ рабовъ и вольноотпущенниковъ. Въ одной colonica живетъ помѣщичій овчаръ (verbecarius), въ другой сервъ Марціанъ, третья передана въ beneficium ремесленнику Баю, четвертая уступлена родителями прежняго собственника Видегунда евнуху Гондоберту и т. д.

Меровингское помѣстье включаетъ въ себя, на ряду съ состоящей подъ обработкой площадью, и обширные лѣса и пустыри — наслѣдіе тѣхъ saltus [3]), какіе извѣстны намъ еще изъ римской эпохи.

---

1) Et ipsas colonicas sub nomen libertinitatis habeat.

2) Et colonicas (tradimus) in ipsa valle quem conquisivimus de Vuidegunde, unde Bardinus Capitolarius est.

3) Одна грамота Теодориха III, отпечатанная въ сборникѣ дипломовъ Pardessus, еще употребляетъ терминъ saltus въ 673 г., желая обозна-

Расчисткою этихъ пустырей и заняты тѣ монастырскія обители, въ пользу которыхъ короли первой династіи такъ щедро распоряжаются землями фиска. Въ дипломахъ короля Дагоберта отъ 634 и 637 гг., какъ и въ болѣе раннихъ грамотахъ временъ Клотара II, говорится о постройкѣ обители in monte silvestri satis horido и о необходимости предпослать этому корчеваніе [1]). Тяжела была расчистка земли, значится въ другомъ актѣ того же рода, въ виду густоты растущаго на ней лѣса (propter multam silvae densitatem) [2])

Удивительно ли, если при такихъ условіяхъ значительную часть достававшихся церкви помѣстій составляли древесныя насажденія или пустыри, а также заимки въ общинныхъ лѣсахъ, уже перешедшія въ собственность дарителей О такихъ adtracta говоритъ, между прочимъ, одна грамота VI-го вѣка, которой монастырю Св. Бенина передаются въ Альби не только аллоды, но и расчистки [3]). Выраженіе: «все, чѣмъ я владѣю по наслѣдству отъ родителей, и все, что пріобрѣтено мною путемъ покупки или поднятія нови собственнымъ моимъ трудомъ», довольно обычно въ формулахъ даренй, продажъ, обмѣновъ и т. д., производимыхъ въ пользу какъ храмовъ и монастырей, такъ и частныхъ лицъ [4]). Рыбные уловы не менѣе часто встрѣчаются въ числѣ входящихъ въ составъ помѣстья угодій. Такъ, въ 558 г , надѣляя разнаго рода имуществами церковь Св. Винцента въ Парижѣ, Хильдебертъ I, между прочимъ, даетъ ей право забрасывать неводы и держать лодки на Сенѣ, для чего береговые владѣльцы по обѣ стороны рѣки должны уступить въ ея пользу

чить имъ невоздѣланную, служащую выпасомъ или лѣсомъ площадь (См № 370)

[1]) Nam spinis et vepribus extirpatis construxi ibi monasterium (Pardessus, Diplomata, т. I, № 231, 620 г.)

[2]) Ibid , т II, № 270, 637 г. и № 230, 615 г Testamentum Bertrani, episcopi Cenomanensis.. quicquid a nobis fuerat, laboratum. — Cartul. de Montier la celle, № I, a 753: ...res quae tam de comparato, vel de qualibet adtractione ad me pervenerint.

[3]) Ibid., т. I, № 186, a. 579: Charta qua Godinus et uxor ejus Lantrudis Albiniacum donant monasterio Divionensi S Benigni ...quicquid in villa seu agro Albiniaco tam de alodo quem de adtracto habere videntur

[4]) Formulae Arvernenses, № 6, Cessionem: De nostro iure in tua tradimus dominatione manso nostro in pago Arvenico in vico illo, in villa illa, que de alode vel de atracto ibi vissi sumus habere (Zeumer, ч I, стр. 31) —Formulae Marculfi, ч. I, № 35: Confirmatio de omni corpore facultatis monasterii... Rex... (precipiet), ut omnes facultates ipsius monasterii, quicquid... est legaliter atquesitum aut conparatum immoque de quibuscumque rebus rectae adtractum... valeant per tempora.. permanere (Zeumer, стр 65).—Marculfi Formularum liber II,

пертику земли, согласно обычаю (sicut mos est) [1]). Въ королевскихъ пожалованіяхъ piscatoriae, quae appellantur banna, forestae et silvae, упоминаются на каждомъ шагу. Встрѣчаются также, особенно на Югѣ, въ Провансѣ, случаи надѣленія оливковыми рощами, доставляющими масло для церковныхъ лампадъ (ad luminaria facienda) [2]). Охоту короли чаще удерживаютъ за собою, и приходится обратиться къ довольно позднимъ актамъ, какъ напримѣръ. къ пожалованіямъ Карла Великаго отъ послѣдней четверти VIII-го столѣтія, чтобы прочесть распоряженія, въ родѣ слѣдующаго: во всѣхъ лѣсахъ аббатства вы въ правѣ venationem exercere, дабы достать матеріалъ для вашихъ кожанныхъ поясовъ (zonae) и обшлаговъ (manicae), а также для переплета вашихъ рукописей (ad codices contegendos, иначе ad volumina librorum tegenda) [3]). Мѣста лѣсныхъ насажденій, какъ и пустоши, входившія въ составъ даренія, даже въ томъ случаѣ, если они выдѣлялись изъ королевскихъ доменовъ до поступленія въ руки церквей и монастырей, не разъ составляли предметъ общиннаго пользованія мѣстныхъ поселенцевъ. Вотъ почему они, какъ въ формулахъ, такъ и въ грамотахъ, называются часто *communia*. Этотъ терминъ становится особенно употребительнымъ въ VIII и IX вѣкахъ, въ районѣ дѣйствія франкскаго права; мы находимъ его и въ купчихъ крѣпостяхъ, включенныхъ въ составъ хартуларія аббатства Св. Бертина въ С.-Омерѣ монахомъ Фолькиномъ [4]), и въ образцахъ салическихъ сдѣлокъ, впервые изданныхъ Линденброгомъ [5]).

При такихъ условіяхъ не удивительно, что отчужденіе лѣсовъ и невоздѣланной площади (incultum), разъ оно сопровождалось очистками и поднятіемъ нови, породило недовольство въ тѣхъ, чьи права общиннаго пользованія приносимы были въ жертву инте-

---

№ 6· Donatione de parva rem ad ecclesia ...quicquid tam de alode parentum vel de qualibet adtractu possidere videor (ibid., стр 78)—и № 7: Carta interdonationis inter viro et femina de eorum res:...dono tibi ...tam de alode aut de conparatum vel de qualibet adtractu (ibid, стр. 79) См. также Marculfi Formularum liber II, № 11, 23. Formulae Turonenses, № 14, и въ Additamenta № 3; Form. Bituricenses, № 15; Form. Senonenses, № 50 etc.

[1]) Pardessus, Diplomata, т. I, № 163.

[2]) Pertz, Diplomata, № 3, 528 г.; № 5, 556 г: № 16, 635 г.; № 21, 644 г, № 23, 651 г

[3]) Cartulaire de St Bertin, pars I, Cart. Folquini, № 44 и 45, 788 г.

[4]) Ibid., стр. 59 и слѣд., № 39. Exemplar emptionis 770 г., гдѣ говорится о продажѣ частныхъ имѣній cum communiis. То же выраженіе встрѣчается въ двухъ другихъ купчихъ, отъ 776 и 788 г за № 41 и 43, 60 и 83.

[5]) Formulae Salicae Lindenbrogianae, № 2 и 3 (Zeumer, стр 267 и 268)

ресамъ земледѣлія. Примѣръ такихъ столкновеній новыхъ собственниковъ съ крестьянскимъ міромъ представляютъ намъ тѣ открытыя нападенія, какія, по словамъ короля Клотара III, позволили себѣ въ серединѣ VII-го вѣка homines infra terminum villae Elariacum commanentes. Имѣніе это досталось въ даръ аббатству Св. Бенина, но большинство населявшихъ его homines не только отказались платить монахамъ ренту (redditus), но и захватили еще въ свои руки многія его владѣнія (plurima invasissent), опустошили лѣса, завладѣли корчевками и сѣнокосами, разнесли ограды и развели безъ спроса собственные виноградники [1]). Когда отъ нихъ потребовали письменныхъ доказательствъ, удостовѣряющихъ законность ихъ поведенія, они, разумѣется, не могли представить ни одного акта, закрѣпляющаго за ними право собственности на землю (такъ какъ такихъ актовъ и не можетъ быть въ рукахъ общинныхъ пользователей, права которыхъ основываются на обычаѣ). Чтобы оправдать свое поведеніе, homines villae ссылаются, впрочемъ, на то, что князь (princeps) Гонтрамъ, отъ котораго монастырь производитъ свою собственность, призналъ за ихъ предками право безповоротнаго владѣнія тѣмъ, что досталось имъ по наслѣдству отъ родителей (quicquid ex successione parentum habebant); но эти соображенія, какъ не подкрѣпленныя никакой письменной записью, оставляются судьями безъ вниманія. Въ результатѣ получилось признаніе основательности той претензіи, какую противъ захватчиковъ предъявило аббатство. Клотаръ III счелъ нужнымъ выдать новую грамоту, закрѣплявшую за монастыремъ право собственности на спорное имущество.

Изложенный нами актъ любопытенъ не только какъ древнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ случаевъ столкновеній частныхъ собственниковъ съ сельскимъ міромъ изъ-за земли, но и какъ новое доказательство того, что свободныя общины, члены которыхъ владѣютъ землями наслѣдственно, являются далеко не тѣмъ продуктомъ фантазіи, какимъ считаютъ ихъ послѣдователи ученій Фюстель де Куланжа и Сэбома. Кѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ не свободными мірянами надо признать тѣхъ homines villae Elariacum, которые видятъ въ монахахъ узурпаторовъ ихъ наслѣдственной собственности и силою пытаются возстановить свое исконное владѣніе?

---

[1]) Ipsi homines ex parte maxima plurima pervasissent, vel ad suam partem contradicerent, et redditus terrae partibus ipsius basilicae reddere contemnerent et silvas de ipso agro devastassent, et terram exinde aut prata per loca plurima invasissent, vel vineas plantassent aut calmas rupissent (Pardessus. t. II, № 349, a. 663). Diploma Chlotarii III, regis Francorum, quo audita causa villam Elariacum monasterio Sancti Benigni solemni judicio contra invasores asserit.

Но изложенные факты стоятъ не одиноко. Всюду, гдѣ позднѣйшія нашествія, норманновъ ли въ сѣверной Франціи или сарацинъ въ южной, искусственно нарушали обычный складъ земельныхъ порядковъ, открывался широкій просторъ для насилія и произвола. Въ монастырскихъ архивахъ сохранилось немало документовъ, упоминающихъ объ этой смутной эпохѣ и вызванныхъ ею аграрныхъ переворотахъ. Хартуларій Фолькерія содержитъ въ себѣ не одинъ разсказъ о томъ, какъ, благодаря норманскимъ нашествіямъ, народъ бѣжалъ, покидая свои поля [1]).

Грамоты X вѣка, вошедшія въ составъ хартуларія ліонской епископіи, говорятъ объ опустошеніяхъ, производимыхъ варварами, и о постоянныхъ разгромахъ, жертвой которыхъ дѣлаются имущества церкви [2]). Цѣлыми двумя столѣтіями ранѣе завѣщаніе Аббона уже упоминаетъ, какъ мы видѣли, о колонахъ и либертахъ, которые вынуждены нашествіемъ иновѣрцевъ разбрестись по сосѣднимъ мѣстамъ (perplura loca vicinorum) [3]). Въ концѣ X-го вѣка одна грамота, принадлежащая архивамъ церкви Св. Виктора въ Марселѣ, вспоминая о томъ, какъ сарацины, на которыхъ ея составитель смотритъ, какъ на язычниковъ (gens pagana), изгнаны были изъ Тулузской области, и какъ послѣдняя снова начала заселяться и воздѣлываться, говоритъ, что каждый захватывалъ себѣ при этомъ столько земли, сколько могъ (unusquisque secundum propriam virtutem rapiebat terram), преступая исконныя границы (transgrediens terminos) Тогда, прибавляетъ онъ, тѣ, кто были могущественнѣе, споря и отталкивая другихъ, присвоивали себѣ, что могли [4]).

Въ этомъ общемъ хищничествѣ видная роль выпала семьямъ придержащихъ властей, поставленныхъ королями графовъ, и падкимъ на землю церквамъ и монастырямъ. Разбираемый нами памятникъ влагаетъ въ уста захватчиковъ, братьевъ мѣстнаго вице-графа Теодорика, слѣдующія слова: «эти монахи всегда собираютъ всю землю подъ свои расчистки, мы же, ею надѣленные, остаемся въ обманѣ и ничего не получаемъ» [5]).

---

[1]) Cartulaire de S-t Bertin, pars I.

[2]) Videntes assiduas desolationes barbarorum continuas devastationes rerum quae a sanctis patribus ac christicolis Deo et sanctis ejus collatae sunt etc. (Cart. Lyonnais, изд. Guige, грамота 984 г., № 9).

[3]) Cartul de l'église cathédrale de Grenoble: Cartulaire A № 22, 739 г.

[4]) Illi qui potentiores videbantur esse impingebant se ad invicem rapientes terram ad posse.

[5]) Isti monachi semper habebant totam terram ruptam et nos, qui dicimur

Для насъ безразлично, кто былъ правъ въ данномъ случаѣ, аббатъ ли, отправляя своихъ воловъ для поднятія нови (terram rumpere et comdaminas facere), или братья вице-графа, сгоняя съ полей пашущихъ землю животныхъ и нанося удары воловикамъ [1]). Намъ интересно только засвидѣтельствовать соперничество духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ въ присвоеніи себѣ земли. Оно объясняетъ намъ, почему свободные люди, владѣющіе аллодами въ Альмисъ въ концѣ X и началѣ XI столѣтія, подчиняясь необходимости, уступаютъ марсельскому вице-графу половину слѣдуемыхъ съ ихъ земель натуральныхъ рентъ (tascha), и почему, при переходѣ имѣнія въ руки церкви Св. Виктора, они на разстояніи 16 лѣтъ тщетно пытаются возстановить полноту своихъ землевладѣльческихъ правъ [2]).

Меровингское и карловингское помѣстья являются средоточіемъ не одной сельско-хозяйственной дѣятельности. Съ нашествіями варваровъ промышленность и торговля стали переходить въ деревню. Вилла включила въ свои предѣлы на правахъ министеріаловъ разнаго рода ремесленниковъ и въ формѣ рынка и ярмарки открыла возможность сбыта сырья и мануфактуратовъ нерѣдко на много верстъ въ окружности. Тѣ, кто, подобно Бюхеру [3]), пріурочиваютъ помѣстное хозяйство къ типу, совершенно чуждому обмѣну и обращенію цѣнностей,—типу дворового или нераздѣльно-семейнаго хозяйства, потребляющаго все имъ производимое,—впадаютъ въ историческій анахронизмъ. Разумѣется, не всѣ помѣстья въ одинаковой мѣрѣ являлись очагами промышленности и торговли: баналитетныя хлѣбопекарни и мельницы составляли особенность наиболѣе населенныхъ имѣній. Рынки и ярмарки устраивались въ мѣстахъ церковныхъ приходовъ (parochiae), вблизи епископскихъ резиденцій и монастырскихъ обителей—всюду, гдѣ благочестіе и легкость сообщеній содѣйствовали привлеченію поломниковъ и купцовъ. Въ этихъ привилегированныхъ центрахъ мы встрѣчаемъ уже въ эпоху редакціи варварскихъ правдъ и древнѣйшихъ грамотъ, исходящихъ какъ отъ правительства, такъ и отъ частныхъ лицъ, если не цеховую организацію ремеслъ, какъ это думали прежде [4]), то, во всякомъ случаѣ, группировку ихъ по спеціальностямъ.

---

vestitores quandoque erimus illusi nihil habentes (Cart de S. Victor de Marseille № 7, грам. 993 г.).

1) Invidia ducti ejecerunt boves arantes flagelantes bubulcum.

2) Ibid., № 99, Carta de Almis, 1025 г.

3) Die Entstehung der Volkswirthschaft, 1893 г., стр. 15 и слѣд.

4) См. опроверженіе этихъ взглядовъ, между прочимъ, у G. Below, Die Entstehung des Handwerks in Deutschland (Zeitschrift für Social-und Wirthschaftsgesch., Band 5, 1896 г., стр. 124 и слѣд.).

Уже въ законахъ салическихъ франковъ, бургундовъ и аллемановъ упоминаются нѣкоторые виды промышленной дѣятельности [1]). Въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ обработку металловъ,— кузнечное и золотыхъ дѣлъ мастерство,— также обработку хлѣбныхъ злаковъ на пекарняхъ и мельницахъ.

Что касается другихъ полумануфактуратовъ, какъ напримѣръ, воска и браги, грубыхъ полотенъ и суконъ, то они составляютъ предметъ домашняго производства крестьянскихъ дворовъ, почему въ числѣ натуральныхъ службъ, производимыхъ отдѣльными манзами помѣстья, мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ поставку мужчинами извѣстнаго количества воска и браги (brace) и отправленіе женщинами барщины, посвященной выдѣлкѣ льняной и шерстяной одежды. Это—то, что извѣстно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ, на земляхъ аббатства Св. Бертина, подъ наименованіемъ ladmones [2]) Уцѣлѣвшій до насъ отрывокъ изъ полиптика этого монастыря, составленнаго въ серединѣ IX-го вѣка, говоритъ о servi, поставляющихъ воскъ и брагу, и объ ancillae quae faciunt ladmones,—несвободныя въ двойномъ числѣ противъ свободныхъ, но не болѣе одного дня въ году. [3]).

Воскъ и брагу крестьяне готовятъ на дому, но для тканья и выдѣлки рубашекъ и парусины многія помѣстья VIII-го и IX-го вѣка держатъ, по примѣру римскихъ, особыя genycea. Примѣръ этому мы находимъ въ эпоху Карла Великаго въ предѣлахъ доманіальныхъ имѣній. Въ инвентарѣ имуществъ, принадлежащихъ казнѣ при этомъ императорѣ,— инвентарѣ, отъ котораго уцѣлѣлъ только отрывокъ, отпечатанный

---

[1]) Infertor, faber, strator, argentarius, carpentarius, farinarius или molinarius, cocus—таковы перечисляемые правдами ремесленники. См. Lex Salica X, 5 — 7, Lex Visigothorum II 4, 4 — Lex Burgundionum X, XXXVIII,— Lex Alemannorum LXXIX.—Lex Baiuwariorum въ одной изъ своихъ additiones говоритъ о сервѣ, занимающемся варкой браги для помѣщичьяго двора (servus qui farinam et bracem suo domino facit) (Additio prima, Leges extravagantes. Pertz, Monumenta Leges, т. III, стр 454)

[2]) Ladmo,—значится у Guerard, Glossarium ad Polypticum Irminonis,—est pensum textile mulieribus lidis vel obnoxiis impositum.

[3]) *Kelmis*—mancipia VI, luminaria IV: Unusquisque solvit de cera valente denarium I .. Ancillae VI faciunt ladmones VI, aliae ingenuae facit unaqueque ladmonem dimidium. Unusquisque servus paret de brace modia X.—*Atcona*—Ancillae XII faciunt ladmones XII—... et de illis ingenuis femmis XIII veniunt ladmones VI et dimidius (Cartulaire de S-t Bertin, liber II, № 15, Breviatio villarum; monachorum victus).

Вильгельмомъ Лейбницемъ еще въ 1717 году,—значится: на островѣ Стафинзе (In insula quae Staphinseri nuncupatur) имѣется геницей съ 24 женщинами, занятыми шитьемъ (est genicium in quo sunt foeminae 24, in eo reperimus sarciles 5 cum sasciolis 4 et camisis 5) [1]). Но женскія мастерскія—явленіе, сравнительно рѣдкое. Всего чаще мы встрѣчаемся въ помѣстьяхъ съ тѣмъ видомъ промышленной дѣятельности, которую можно назвать кустарной. Бухеръ удачно обозначаетъ ее названіемъ Hausindustrie и отличаетъ отъ домашняго производства (Hausfleiss). Помѣщикъ снабжаетъ женъ рабовъ или литовъ льномъ и шерстью, а онѣ приготовляютъ изъ нихъ рубашки и камзолы [2])

Что касается дипломовъ или грамотъ, какъ королевскихъ, такъ и частныхъ, то изъ нихъ видно, что нѣкоторые крестьянскіе надѣлы пріурочены были къ поставкѣ строительнаго матеріала. Это—плотническіе дворы, mansi, unde opera carpentaria exeunt, о которыхъ говоритъ одна грамота 682 г., удерживающая ихъ за казною (fiscus) [3]). Присутствіе въ помѣстьяхъ кузнеца (faber), для котораго всѣ крестьянскія службы и платежи замѣнены поставкой «желѣза» (Gausbertus faber solvit ferri), засвидѣтельствовано еще грамотой 499 г [4]). О помѣстныхъ мельницахъ (farinarii и molendini) заходитъ рѣчь въ пожалованіяхъ, сдѣланныхъ въ пользу церкви Клодвигомъ [5]), а также въ купчихъ, совершенныхъ въ VIII-омъ вѣкѣ аббатствомъ Св. Бертина [6]) Столѣтіе спустя мы видимъ настоятелей этого монастыря, занятыхъ постановкой все новыхъ и новыхъ жернововъ и искусственнымъ проведеніемъ воды,—что̀ еще въ серединѣ слѣдующаго столѣтія вызываетъ восторженное изумленіе лѣтописцевъ. Монахъ Фолькинъ, повѣствуя о дѣйствіяхъ аббата Орланда, говоритъ: «доселѣ кажется чудесной мельница, поставленная имъ не по теченію, а противъ теченія. Воздвигнувъ ее, настоятель воспретилъ кому бы то ни было сооруженіе другихъ мельницъ» [7]). Иначе говоря, чтобы вернуть затраты и обезпечить доходъ

---

[1]) Illustrissimi G. Leibnitii collectanea etymologica. Hannover 1717, стр 316. Fragmentum brevіarii rerum fiscalium Caroli Magni ex cod. Helmstadiensi

[2]) Polyptique de l'abbé Irminon, стр. 150: Iste lidae seu ancillae si datur eis linificium, faciunt camsilos. Et illa ancilla facit de lana dominica sarcillam (стр 176).

[3]) Cortulaire de S-t Bertin, Cart Folquini, № 9.

[4]) Pardessus, Diplomata, № 65

[5]) Pertz, Monumenta. Diplomatum, т I, гр 510 г., № 1, въ которой король распоряжается de utroque molendino, принадлежащими землямъ фиска

[6]) Cart. Folquini, грам. № 18, отъ 16 мая 704 г.

[7]) Ibid., № 48 De labore Orlandi Abbatis circa villam Arecas. Ibi etiam quod

предпріятія, онъ установилъ въ свою пользу монополію помола, создалъ мельничный баналитетъ [1]). Все это — факты Меровингскаго и Карловингскаго періодовъ.

Несравненно бо́льшей спеціализаціи достигаетъ ремесленная и торговая дѣятельность помѣстій въ началѣ Капетингскаго періода. Въ XI-омъ столѣтіи мы находимъ уже на земляхъ аббатства Бога Отца въ Шартрѣ, на ряду съ булочниками (pistores) и поварами (coqui), особыхъ поставщиковъ жареннаго на вертелѣ мяса (hastarii) и пирожниковъ (artoscopi). Мясники (carnifices или macellarii) и хлѣбопеки (furnarii) завершаютъ собою списокъ лицъ, промыслы которыхъ имѣютъ отношеніе къ пищѣ. Гораздо многочисленнѣе классъ лицъ, занятыхъ выдѣлкой различныхъ предметовъ одѣянія, начиная съ обуви и кончая шляпой и верхней одеждой. Въ ихъ рядахъ мы встрѣчаемъ дубильщиковъ и мѣховщиковъ (pellifices, pelliciarii, pelliparii), нерѣдко поставленныхъ подъ начальство особаго монастырскаго надзирателя и занимающихся также выдѣлкой перьевъ и пуху [2]), башмачниковъ (corvesarii и consutores—послѣдніе заняты выдѣлкой товара высшаго качества), сапожниковъ (bottarii), портныхъ-закройщиковъ и портныхъ, кладущихъ заплаты на старое платье (sartores et reparatores pannorum), шляпочниковъ (feltrarii отъ слова feltrum- -фетръ), наконецъ, группу лицъ, завѣдующихъ выдѣлкой тканей, какъ льняныхъ, такъ и шерстяныхъ (textores—ткачи, fullones—выбивальщики, и tinctores—красильщики).

Выдѣлка металловъ сосредоточивается въ рукахъ кузнецовъ (marescalli), желѣзныхъ дѣлъ мастеровъ (fabri), ножевщиковъ (cultillerii), золотыхъ дѣлъ мастеровъ (aurifices).

Строительнымъ промысломъ, помимо дровосѣковъ (lignarii), заняты плотники (carpentarii) и бочары (tunelarii), наконецъ, каменщики и цементщики (cementarii).

---

mirabile nostris hactenus monstratur temporibus, molendinum fecit volvere aquis contra montem currentibus, constituitque ut nullus hominum molendinum extra locum jam dictum construere presumeret.

[1]) Помѣщичьи хлѣбопекарни еще неизвѣстны. Даже въ VIII-мъ вѣкѣ въ помѣстьяхъ аббатства С. Жерменъ pastas faciunt ancillae quantas eis jubetur, другими словами, баналитетной булочной не существуетъ, и мѣсто ея занимаетъ приготовленіе хлѣбовъ кустарями-крестьянками, готовящими ихъ даромъ для помѣщика (Polyptique d'Irminon, стр. 175 и 176).

[2]) Cart. de S. Père de Chartres, стр. 301, грам. 1101—1129 гг. quidam homo noster Bellinus erat pelliparius noster Volens ad maiora conscendere rogavit me ut facerem eum cellerarium nostrum et ipse dimitteret nobis solutum et quietum officium pelliparie quod a nobis habebat.

Торговлей и обмѣномъ завѣдуютъ особые купцы (mercatores) и мѣнялы (trapezetae) [1]). Услуги тѣхъ и другихъ уже потому не оказываются излишними, что въ числѣ пріобрѣтаемыхъ монахами товаровъ мы находимъ, по крайней мѣрѣ, на земляхъ аббатства Св Бертина еще въ VIII-омъ вѣкѣ иноземныя сукна (drappos ad kamisias ultramarinas, quae vulgo berniscrist vocitentur) [2]).

Въ жалованныхъ грамотахъ IX вѣка мы встрѣчаемся не разъ и съ правомъ держать рынокъ и взимать пошлину съ продаваемыхъ и покупаемыхъ на немъ товаровъ, но, очевидно, это не общее правило, а преимущество нѣкоторыхъ помѣстій, надѣляемое ихъ собственникамъ королемъ или императоромъ [3]).

Въ позднѣйшія столѣтія эти надѣленія становятся все болѣе и болѣе частыми и немало содѣйствуютъ экономическому развитію извѣстныхъ селъ, дальнѣйшему ихъ переходу въ городскія общины. Below справедливо указываетъ, что большинство муниципій развилось изъ рыночныхъ мѣстечекъ. Это, разумѣется, ни мало не говоритъ за то, чтобы городъ на первыхъ порахъ былъ необходимо промышленнымъ и торговымъ центромъ, а не просто укрѣпленнымъ лагеремъ, въ которомъ сосѣднее сельское населеніе имѣло возможность найти пріютъ для себя и своихъ стадъ въ случаѣ нападенія. Въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, послѣднее слово сказано не Маурером и не его противниками, а Іерингомъ, резюмирующимъ изслѣдованія столько же лингвистовъ, сколько и археологовъ, и доказывающимъ, что oppida, какіе Цезарь нашелъ въ Галліи, ничѣмъ существенно не отличались по своему первоначальному назначенію ни отъ греческаго ἀκρόπολις, ни отъ римскаго arx, ни отъ германскаго burg, ни отъ англо-саксонскаго tun, ни отъ русскаго городища [4]).

Съ развитіемъ помѣстныхъ рынковъ идетъ рука объ руку и передача вотчинными владѣльцамъ права косвеннаго обложенія. Въ XIII

---

[1]) См Prolégomènes Герара къ хартуларію аббатства S-t Père de Chartres, стр LVII и слѣд.

[2]) Cart de S-t Bertin, Cart. Folquini, № 46, грам. 800 г.

[3]) См грамоту 886 года, которой Карлъ Лысый по просьбѣ, какъ значится, епископа Луитварда надѣляетъ церковь Св. Стефана въ Ліонѣ, между прочимъ, помѣстьемъ Genolha cum portu et mercato

[4]) См Vorgeschichte der Indoeuropäer, стр. 110 — 117 Я тѣмъ охотнѣе присоединяюсь къ этому взгляду, что высказалъ его уже давно въ моемъ „Историко-сравнительномъ методѣ въ юриспруденціи“. Полемизируя съ г. Самоквасовымъ, считающимъ города древнѣе селъ и думающимъ, что послѣднія развились изъ первыхъ, я указалъ на то обстоятельство, что русскія городища были не болѣе, какъ укрѣпленными ла-

вѣкѣ мы встрѣтимся уже съ цѣлыми тарифами на товары, обращающіеся на этихъ, часто еженедѣльныхъ, иногда постоянныхъ сборищахъ пришлыхъ поселянъ и туземныхъ купцовъ. Но и столѣтіемъ раньше въ хартуларіяхъ XII вѣка уже заходитъ рѣчь о leyda или сборахъ, взимаемыхъ на рынкѣ, а также и на болѣе рѣдкихъ сходбищахъ торговцевъ разныхъ мѣстностей, обыкновенно въ храмовые дни,— сборищъ, которые извѣстны подъ наименованіемъ ярмарокъ. На земляхъ каѳедральнаго собора въ Гренобліѣ leyda требуются безразлично со всего, что поступаетъ на рынокъ, въ томъ числѣ, и съ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Завѣдующій сборомъ извѣстенъ подъ именемъ leyderius [1])

Если право держать рынки и ярмарки особенно часто упоминается въ позднѣйшихъ по времени источникахъ, то это не значитъ, чтобы о немъ не было рѣчи и въ болѣе раннихъ. Укажемъ для примѣра на грамоту Людовика Благочестиваго отъ 822 г., которой церковь Св. Виктора въ Марселѣ надѣляется правомъ обращать въ свою пользу принадлежавшій дотолѣ фиску сборъ съ соли и облагать пошлиной (theloneum) прибывающія изъ Италіи суда [2]).

Намъ остается въ настоящее время указать еще на порядокъ управленія помѣстьемъ въ эпоху Меровинговъ и Карловинговъ. Тѣ, кто задавались этимъ вопросомъ, отвѣчали на него обыкновенно ссылками на капитуларій Карла Великаго de villis, другими словами, на тотъ административный регламентъ, какой императоръ составилъ для управителей доманіальныхъ имѣній. Below справедливо указываетъ, что эта администрація по необходимости была сложнѣе той, какой слѣдовали частные сеньеры, свѣтскіе и духовные. И дѣйствительно, въ хартуларіяхъ мы не находимъ тѣхъ judices, которымъ поручено Карломъ завѣдовать производствомъ сельско-хозяйственныхъ работъ и вынуждать слѣдуемыя съ крестьянъ поступленія [3]). Нѣтъ въ нихъ также той спеціализаціи административныхъ функцій, въ силу которой завѣдованіе лѣсами, птичьимъ дворомъ, пасѣкой, рынкомъ и т. д. поручается особымъ чиновникамъ подъ верховнымъ завѣдованіемъ тѣхъ же judices. Возьмемъ, напримѣръ, грамоту 655 г., которой опредѣляется порядокъ управленія имѣніями аббатства Св. Петра въ Ліонѣ.

герями, подобными тѣмъ, какіе Цезарь встрѣтилъ у кельтовъ, и которые въ его описаніи слывутъ подъ названіемъ oppida и укрываютъ сосѣднее населеніе со всей ихъ движимостью при нашествіи непріятеля.

[1]) См. Cartulaire de l'église cathédrale de Grenoble, Prolegomena, стр 60.

[2]) Cart. de S-t Victor de Marseille, т. I. № 11.

[3]) См. Capitulare de villis (Pertz, Leges, т. I, стр 181, § § 5. 6 и 8).

«Во всѣхъ означенныхъ honores (т е. крупныхъ-помѣстьяхъ, съ приуроченными къ нимъ виллами и хуторами колоновъ, что на языкѣ того времени передается словами. cum adiacentiis villis et colonicis) «мы», говоритъ епископъ, «поставили нашихъ старостъ или бурмистровъ (villicos); они должны добросовѣстно собирать цензы и трибуты, при поступленіи на должность они на алтарѣ приносятъ клятву въ честномъ служеніи». Но этого мало. въ нѣкоторыхъ виллахъ староста долженъ внести денежное обезпеченіе, родъ залога, изъ котораго могутъ быть сдѣланы вычеты въ случаѣ его недобросовѣстности. Въ тѣхъ же виллахъ онъ получаетъ особаго помощника, подъ наименованіемъ subvillicus (подстароста), который также вноситъ обезпеченіе при поступленіи на должность и замѣщаетъ старосту въ случаѣ нужды. Отъ обоихъ зависитъ, между прочимъ, раздача земель корчевщикамъ, подъ условіемъ возвращенія этихъ земель по истеченіи срока въ руки монастыря; они же опредѣляютъ, какія поля должны поступить подъ плугъ, при чемъ отдаютъ, разумѣется, предпочтеніе тѣмъ, которыя, по ихъ мнѣнію, обѣщаютъ большой доходъ. Какъ староста, такъ и подстароста, подлежатъ строгой отчетности; при отказѣ вознаградить помѣщика за недоборы и недочеты, они изгоняются съ должности и замѣщаются болѣе полезными для помѣстья, utiliores [1]) На земляхъ аббатства С.-Жерменъ въ VIII-мъ вѣкѣ обязанности управителя исполняетъ въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ такъ называемый cellarius (отъ cella, синонимъ curtis). Рядомъ съ нимъ и, по всей вѣроятности, въ зависимости отъ него стоятъ староста (maior) и начальники надъ десятнями (decani).—Вся эта вотчинная администрація вербуется изъ среды колоновъ и сервовъ, которые взамѣнъ отправляемой ими службы признаны свободными отъ платежа рентъ за занимаемые ими надѣлы [2]). Въ томъ же положеніи находится и вотчинный мельникъ, также—колонъ, которому служба считается взамѣнъ ренты [3]). На земляхъ аббатства Корби издавна было положено давать мельнику дворъ съ надѣломъ въ 6 bonuaria и считать его изъятымъ «отъ повинности подводами и лошадьми, а также отъ всякаго ручного

[1]) См. Guige, Cart. Lyonnais, № 1, грамота 665 г.

[2]) Polyptique de l'abbé Irminon, стр 199. Breve de Acmanto de Pago Senonico. Ermenarius maior et colonus Albericus cellerarius et colonus. Aimerardus colonus et decanus О двухъ послѣднихъ сказано: Nihil solvit propter servitium quod praevidet Относительно целлерарія, впрочемъ, сдѣлана оговорка онъ долженъ вспахать и засѣять опредѣленный участокъ земли подъ озимь и яръ.

[3]) Ibid, Grimaldus colonus mulinarius Nihil solvit propter servitium quod praevidet.

труда, при пахотѣ и уборкѣ. Отъ него не требуется ни браги, ни хмелю, ни дровъ. «Не обязанъ онъ», значится тутъ же, «ни къ какой барщинѣ и служитъ только себѣ и мельницѣ [1])». Вилликусъ и целларій въ предѣлахъ частныхъ имѣній то же самое, что въ королевскихъ—judices; послѣдніе завѣдуютъ производствомъ сельско-хозяйственныхъ работъ, опредѣляютъ порядокъ и время оранки, посѣва и жатвы, время производства покосовъ и сбора винограда. Подобно вилликамъ, и judices позволено имѣть замѣстителей, при чемъ ихъ выборъ можетъ пасть даже на крѣпостныхъ администрируемаго ими помѣстья, лишь бы это были люди, пользующіеся доброй славой (homo bene creditus). Тѣмъ же judices Карлъ Великій поручаетъ заботу о выдѣлкѣ вина. Имъ рекомендуется сохранять его въ хорошихъ сосудахъ и заботиться о томъ, чтобы оно не подверглось порчѣ (naufragium); judices завѣдуютъ также посадкой лозъ и сборомъ слѣдуемаго съ крестьянъ вина, которое затѣмъ поступаетъ въ помѣстные подвалы. Ихъ заботѣ поручается равнымъ образомъ надзоръ за табунами и стадами, въ частности, выборъ времени, когда подростки должны быть отлучены отъ матокъ. Judices подчинены лѣсовщики и старосты (maiores), подвальщики, птичники, сборщики рыночныхъ пошлинъ, десятники или лица, поставленныя во главѣ десяти, нерѣдко и болѣе крестьянскихъ дворовъ, т. е. тѣ же capitanarii, какихъ мы встрѣчаемъ на земляхъ церковныхъ и свѣтскихъ помѣстій. Десятники, по всей вѣроятности, прямые преемники тѣхъ начальниковъ надъ хуторами колоновъ, которыхъ въ римскую эпоху помѣщики выбирали изъ мѣстной среды. Весь этотъ второстепенный служебный персоналъ избавленъ взамѣнъ своихъ административныхъ службъ отъ личной барщины (pro manu opera eorum ministeria bene prevideant). Но онъ не свободенъ въ то же время отъ обязанности поставлять помѣщику по одному поросенку отъ двора. Императоръ озабоченъ и тѣмъ, чтобы старосты, въ виду обширности ввѣреннаго ихъ попеченію округа, не лишены были возможности дѣятельнаго контроля за администрируемыми, почему и приказываетъ, чтобы подчиненные имъ участки были такой величины, чтобы ихъ можно было обойти въ одинъ день [2]). Приказы отдаются всѣмъ членамъ вотчинной администраціи именемъ императора и чрезъ посредство его сенешала и виночерпія (buticularius). Тѣ изъ служащихъ, которые окажутся виновными въ непо-

[1]) Statuta Antiqua abbatiae S. Petri Corbeiensis въ приложеніи къ полиптику Ирминона, стр 313.

[2]) Maiores amplius in ministerio non habeant nisi quantum in una die circumire aut providere potuerint

слушаніи, подлежатъ слѣдующимъ мѣрамъ репрессіи. Эти такъ называемые judices juniores должны прибыть пѣшкомъ во дворецъ; здѣсь они оставляются безъ мяса и питья, пока не оправдаютъ своего поведенія. Имъ грозитъ за всякій актъ неповиновенія начальству тѣлесное наказаніе или другой видъ взысканія, по усмотрѣнію императора или его супруги. Императоръ озабоченъ, чтобы «судьи», завѣдующіе администраціей его помѣстій, не позволяли себѣ вымогательствъ,— чтобы сельскіе рабы и колоны, входящіе въ составъ его familia, въ широкомъ смыслѣ, не принуждаемы были къ отправленію барщины или къ рубкѣ дровъ въ пользу своихъ администраторовъ и не терпѣли отъ ихъ вымогательствъ. Имъ строго-на-строго запрещено требовать въ даръ отъ крестьянъ коня, быка, корову, овцу, барашка, свинью или поросенка. Все, что они могутъ себѣ позволить, это— пріемъ овощей и фруктовъ (яблокъ), бутылокъ вина, цыплятъ и яицъ [1]). Всѣ эти мѣры направлены къ тому, чтобы сохранить «живой инвентарь помѣстья» въ лучшемъ видѣ (ut familia nostra bene conservata sit) сколько изъ человѣколюбія, столько же изъ здраваго расчета и вѣрнаго пониманія собственныхъ выгодъ.

Та же забота присуща и частнымъ помѣщикамъ, какъ это видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ словъ полиптика аббатства Корби (въ XI вѣкѣ). Villicus, по имени Линдольфъ, не довольствуясь взысканіемъ разъ навсегда установленныхъ рентъ, позволилъ себѣ измѣнить въ нихъ кое-что по собственному усмотрѣнію (pro lubitu suo disponere) и многое присвоить себѣ (et pleraque ad se attrahere). Рѣшено или отставить его отъ должности или ввести иные порядки управленія (ea propter ille vel ab officio abdicandus vel res ibi aliter disponenda est) [2]). Для контроля же за администраторами частныхъ имѣній помѣщики ставятъ нерѣдко старшаго villicus, требующаго отъ нихъ ежегодно отчета въ ихъ дѣятельности [3]).

Собравъ весь доходъ отъ имѣнія, виллики доставляютъ его казначею помѣщика (camerarius), который кое-гдѣ дѣлаетъ изъ него вычеты въ пользу вотчинной администраціи и, въ частности, тѣхъ начальниковъ надъ дворами колоновъ и рабовъ, какими являются десятники (decani). Въ распоряженіе послѣднихъ казначей ставитъ также извѣстное число быковъ и овецъ. Первые нужны имъ для оранки, вто-

---

[1]) Capitulare de villis, § 3

[2]) Codex Traditionum Corbeiensium, ed Falke, стр. 9.

[3]) Et quovis anno villicus summo villico nostro rationem reddere debet villicationis suae (Ibid, стр 23).

рыя—для удобренія. Въ отдаленныхъ имѣніяхъ урожаи продаются на мѣстѣ, и только выручка поступаетъ въ руки казначея [1]).

§ 2.

Отъ временъ Карла Великаго и Людовика Благочестиваго дошли до насъ наиболѣе полныя свѣдѣнія о внутреннихъ распорядкахъ французскаго помѣстья.

Съ этого момента и въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ мы располагаемъ длиннымъ рядомъ полиптиковъ, сензье, инвентарей отдѣльныхъ феодовъ (aveux et dénombrements) и т. д. Они проникаютъ, разумѣется, гораздо глубже въ экономическую жизнь помѣстья, чѣмъ купчія, дарственные и завѣщательные акты, которыми, за отсутствіемъ другихъ данныхъ, мы принуждены были обосновать все сказанное нами выше.

Первымъ по времени въ ряду этихъ памятниковъ стоитъ знаменитый полиптикъ аббата Ирминона, изданіемъ котораго Герардъ пролилъ болѣе свѣта на хозяйственный и юридическій бытъ среднихъ вѣковъ, чѣмъ это сдѣлано было всѣми предшествующими историками.

Французское помѣстье въ томъ видѣ, какъ оно выступаетъ предъ нами въ полиптикѣ Ирминона, является прямымъ преемникомъ римскаго. Земельныя измѣренія сохраняютъ еще въ своемъ основаніи римскій jugerum: bunuarium или bonier заключаетъ въ себѣ 5 такихъ югеровъ и самъ распадается приблизительно на 4 diurnales (или поденныхъ участка) и 12 арпановъ [2]). Какъ и въ римскую эпоху, помѣстье составлено изъ двухъ неравныхъ частей. Меньшую занимаетъ господская усадьба съ прилегающею къ ней землей, на которой въ трехъ, четырехъ, нерѣдко даже шести поляхъ—расположены различныя сельско-хозяйственныя культуры, озимыя и яровыя. Эта площадь обнимаетъ собою нерѣдко до 300 bunuaria или 3600 арпановъ. Лугъ представляетъ менѣе значительную величину, но занимаетъ также сотни бунуаріевъ. Лѣсъ, длиною въ цѣлое льё въ окружности, и виноградники, покрывающіе десятки и даже сотни арпановъ, входятъ въ составъ этой эксплоатируемой непосредственно самимъ помѣщикомъ площади [3]). Вся остальная земля разбита между манзами

---

[1]) Spicilegium d'Achery, a. 1723, т. I, Antiquiores consuetudines Cluniacensis monasterii Collectore S. Udalrico monacho 1110 г., стр 691

[2]) Prolégomènes de Guérard, стр 171—175.

[3]) См., напримѣръ, Breve de Palatiolo .. mansum dominicatum, 6 cultures, 287 bunuaria, de vinea aripennos 127, pratum 100, silva in giro leuva 1, farinarios 3.

или дворами колоновъ и сельскихъ рабовъ, при чемъ численный перевѣсъ рѣшительно на сторонѣ первыхъ; поэтому такъ называемыхъ свободныхъ манзовъ, mansi ingenuiles, гораздо больше, чѣмъ манзовъ несвободныхъ, mansi serviles. Такъ, въ одномъ имѣніи, теперешнемъ Jouis en Josas въ діоцезѣ Парижа, на 91 свободный манзъ приходится всего 19 несвободныхъ [1]), тогда какъ въ другомъ (въ Palatiolo, служащемъ мѣстопребываніемъ самого аббатства)—изъ 117 манзовъ всего 9 считаются serviles, а въ третьемъ (Cella equilina) изъ 70—53 свободные. Та же пропорція повторяется и въ рядѣ другихъ помѣстій. то 7 рабскихъ манзовъ стоятъ рядомъ съ $23^1/_2$ свободныхъ, то 10 съ $24^1/_2$ и 11 съ 32, то, наконецъ, число mansi serviles падаетъ до 10 и даже $5^1/_2\,^0/_0$ всего числа [2]). Свободные манзы заняты лицами далеко не равнаго общественнаго состоянія. Положеніе однихъ охарактеризовано слѣдующими словами: они понынѣ остаются столь же независимыми, какъ были во времена Св. Германа, т. е. не служатъ ни добровольно, ни противъ воли никому иначе, какъ по приказу аббата и монастыря. Всѣ эти свободные поселенцы занимаютъ одно и то же помѣстье; нѣкогда оно считалась аллодомъ Св. Германа и приписано было имъ къ числу имѣній, доставляющихъ аббатству воскъ и масло для свѣчей и лампадъ. Все, къ чему призваны жители этой, очевидно, свободной общины, сводится къ платежу ежегодно 8 секстаріевъ лампаднаго масла и 22 фунтовъ воску [3]).

За исключеніемъ только что названныхъ колоновъ, лица, занимающія свободные манзы, не изъяты отъ платежа рентъ и исполненія службъ, не отличающихся характеромъ личной неволи. Это прямо выражено въ одномъ мѣстѣ полиптика, гдѣ случайно сопоставлены обязательства сельскаго раба и колона, или, вѣрнѣе, двухъ колоновъ, изъ которыхъ одинъ держитъ свободный, а другой — несвободный манзъ. Первый призванъ вспахать извѣстное число квадратныхъ пертикъ озимаго и ярового поля, но онъ не обложенъ поголовнымъ сборомъ, падающимъ только на несвободныхъ, и не несетъ ручной работы, manopera; иное дѣло—сельскій рабъ, servus или колонъ, занимающій несвободный манзъ; для него обязательна всякая служба, какая бы ни была приказана ему помѣщикомъ [4]).

---

[1]) Ibid., стр. 5.

[2]) Ibid, стр. 7, 32, 37, 52, 69, 75

[3]) Ibid., Breve de Vitriaco, стр 117

[4]) О сервахъ часто говорится: manoperas quantum ei iubetur. Не то о колонахъ. См перечень обязанностей, падающихъ на 91 mansi ingenuiles in villa Gauglaco (Jouis en Josas). Они ежегодно ставятъ четыре полныхъ

Вотъ почему отпущеніе на волю, обращеніе изъ серва въ лита—сопровождается свободой отъ поголовной подати и личныхъ службъ (manopera) [1]). Что же касается до барщины, производимой волами, и до общественныхъ помочей со впрягой, то обязательность или необязательность этихъ дѣйствій обусловливается не общественнымъ положеніемъ, а хозяйственнымъ. Кто не имѣетъ достаточнаго рабочаго инвентаря, тотъ и не ставитъ быковъ въ общіе плуги (non solvunt bovem, cetera similiter faciunt) [2]).

Вчитываясь внимательно въ то, что полиптикъ говоритъ о свободныхъ манзахъ, выносишь впечатлѣніе, что, при численномъ преобладаніи колоновъ надъ рабами, послѣдніе все же опредѣляютъ своими службами и платежами размѣръ требованій, предъявляемыхъ къ свободнымъ Весьма часто приходится слышать о владѣльцахъ свободныхъ манзовъ, что они отправляютъ ту же трехдневную барщину, что и сельскіе рабы, да еще повинность подводами, гдѣ только это имъ будетъ приказано.

Вообще размѣръ службъ и платежей обусловливается все болѣе и болѣе не столько свободнымъ или несвободнымъ характеромъ манза, сколько размѣромъ надѣла. На ряду съ полными встрѣчаются и половинные манзы; объ ихъ владѣльцахъ говорится, что они обязаны служить и платить, сколько полагается на dimidium mansum [3]). Имѣются, наконецъ, въ помѣстьи пришлые люди, играющіе ту самую роль припущенныхъ поселенцевъ, какую впослѣдствіи займутъ advenaires или domiciliés; они извѣстны подъ тѣмъ самымъ прозвищемъ hospites, которое въ совершенно другомъ, какъ мы видѣли, смыслѣ употребляется Бургундской и Вестготской Правдой. Ихъ поселеніе слыветъ подъ именемъ hospicium. Размѣръ его, самое бо́льшее, равняется двумъ

упряжи, или двадцать быковъ, или взамѣнъ этого платятъ 8 ливровъ серебра. Каждый третій годъ они призваны къ поставкѣ 88 germgias, поросятъ-подростковъ, каждый четвертый годъ—свиней, цѣнностью каждая въ четыре динарія; каждый пятый годъ—по 100 шелёвокъ (scindula) О платежѣ поголовной подати, capaticum или caplim, обязательной для лицъ занимающихъ несвободные манзы, нѣтъ и помину (Ibid., стр 5).

[1]) Ibid., стр 22, гдѣ перечислены обязанности Leodardus lidus.

[2]) Ibid., Breve de Palatiolo, Breve de Buxido de Dorgasino, стр. 6 —De mansibus servilis, стр. 143: Alii servi similiter praeter 1 bovem ad caropera—или: Et faciunt similiter sicut illi qui mansos ingenuiles tenent excepto bovem et caropera — Et isti mittunt 2 boves ad caropera, стр. 208. Ingalgerius colonus—curvadas 2, si animalia habuerit, et si non habuerit facit curvadam I.

[3]) Ibid., Breve de Gumbis... facit sicut de dimidium mansum (стр 188).

деннымъ участкамъ [1]). Соотвѣтственно, и барщина съ него падаетъ до одного дня въ недѣлю [2]).

Иное дѣло приношенія курами и яйцами. Они болѣе или менѣе одинаковы для всѣхъ, кто владѣетъ усадьбой въ предѣлахъ помѣстья, все равно, будетъ ли такимъ владѣльцемъ колонъ, сервъ или поселенецъ (hospes). Выраженія въ родѣ: pullum unum, ova 5, pullos 2, ova 10, pullos 3, ova 15, рѣдко когда съ прибавкой барашка, модія вина въ случаѣ, если уродится виноградъ, означаютъ размѣръ натуральныхъ приношеній, производимыхъ въ благодарность за надѣленіе жилымъ строеніемъ какъ hospes, такъ и colonus и servus, при этомъ указанная нами градація соблюдается въ томъ смыслѣ, что наименьшіе платежи производятъ hospites, а наибольшіе—владѣльцы полныхъ манзовъ, свободныхъ и несвободныхъ [3]).

Различіе hospites и колоновъ не исчерпывается, впрочемъ, ни размѣромъ ихъ землевладѣнія, ни характеромъ производимыхъ ими платежей оно болѣе глубоко Тогда какъ hospites получаютъ участки въ земляхъ, оставленныхъ въ личномъ завѣдованіи помѣщиковъ, въ terra indominicata, колоны за одно съ сельскими рабами владѣютъ надѣлами въ terra servilis. Hospites не включены въ систему манзовъ: они держатъ свои дѣлянки на началахъ частнаго владѣнія и не участвуютъ въ общей оранкѣ, о которой сказано будетъ ниже [4]). Причина этого явленія лежитъ прежде всего въ хозяйственномъ положеніи hospites. Эти мелкіе владѣльцы—больше виноградари, чѣмъ пахари, и потому не всегда имѣютъ рабочій скотъ. Вотъ почему въ одномъ мѣстѣ о нихъ говорится, что они свободны отъ curvadae настолько, насколько лишены

---

[1]) Ibid., стр. 189

[2]) Evus colonus tenet hospicium habens de terra arabili jornales 2, de vinea 1/2 arip, de prato 1 1/2. Inde... in una quoque ebdomada diem 1 (стр. 189) — Breve de Gaugiaco, De hospitis: Bertomus colonus tenet ospitium, facit inde in unaquaque ebdomada diem I.

[3]) Ibid., стр 4, 24, 74, 76 и 145.

[4]) Обыкновенно о hospites въ описаніи помѣстья говорится вслѣдъ за перечнемъ того, что входитъ въ составъ terra indominicata. Такъ, въ Breve de Palatiolo, упомянувъ о томъ, что въ господскомъ манзѣ имѣется столько-то bunuaria пахоти, сѣнокоса, виноградника и лѣса, столько-то мельницъ и двѣ церкви, составитель пишетъ: при одномъ храмѣ 6 hospites, при другомъ 7; каждый держитъ по одному денному участку и отправляетъ однодневную барщину въ недѣлю (стр. 6) Въ другомъ помѣстьи, Villamili, о hospites говорится также тотчасъ послѣ описанія всего, что входитъ въ составъ terra dominica, при чемъ указано только ихъ число, и объявлено, что они служатъ по одному дню въ недѣлю.

скота, facit curvadas, si habuerit unde [1]). Тѣ же, кто по исключенію снабжены нужнымъ живымъ инвентаремъ, производятъ вспашку хозяйскаго поля подъ озимь и яръ одновременно съ прочимъ крестьянствомъ,— но не путемъ впряги ихъ быковъ въ общіе плуги. Имъ положено вспахать извѣстное пространство земли, обыкновенно—одну квадратную пертику или, что то же, $^1/_{120}$ часть поденнаго участка [2]) подъ озимь и столько же подъ яръ, что̀ предполагаетъ производство работы отдѣльно отъ крѣпостныхъ. На hospites не распространяется и та система десятенъ, въ которыя разсортированы дворы колоновъ и сельскихъ рабовъ. Все это, вмѣстѣ взятое, позволяетъ намъ видѣть въ hospites людей, которыхъ помѣщикъ допускалъ къ поселенію въ предѣлахъ земель, находящихся въ его личномъ завѣдованіи, откуда и происходитъ частое обозначеніе предоставляемаго имъ участка терминомъ «hospicium dominicum». Причина, по которой собственникъ поступалъ такимъ образомъ, лежала, очевидно, въ законченности надѣльной системы и въ невозможности ввести въ нее новыхъ поселенцевъ.

Этимъ объясняется и то, что въ позднѣйшихъ по времени актахъ, позволяющихъ намъ заглянуть нѣсколько глубже въ порядокъ отправленія крестьянами обязанности общей оранки, hospites не принимаютъ въ ней другого участія, кромѣ поставки хлѣба и вина пахарямъ [3]).

Въ этомъ отношеніи въ равныхъ съ hospites условіяхъ стоятъ и такъ называемые прекаристы. Мы увидимъ впослѣдствіи, какое значеніе придаетъ Фюстель де Куланжъ римскому по природѣ институту прекарія въ развитіи феодальной системы. Поэтому не безынтересно будетъ отмѣтить уже теперь ранніе случаи подобной уступки земель въ пожизненное владѣніе. Онѣ выдѣляются помѣщикомъ изъ его terra dominica, или получаются имъ самимъ въ даръ отъ прекариста, но подъ условіемъ предоставленія ихъ въ пользованіе прекариста и его потомства.

Во всѣхъ сборникахъ формулъ мы находимъ образцы этой—всего чаще—двусторонней сдѣлки, состоящей, съ одной стороны, въ условной уступкѣ собственности, а съ другой, въ передачѣ дарителю пожизненнаго или наслѣдственнаго владѣнія той же собственностью (откуда и двойное обозначеніе первой части сдѣлки терминомъ «precaria»,

---

[1]) Ibid., стр. 224

[2]) Ibid., стр. 172.

[3]) См. отпечатанную Герардомъ въ приложеніи къ политику аббата Ирминона грамоту объ отпущеніи на волю крестьянъ villa Nova. Мы читаемъ въ немъ: hospites ad corvadas huiusmodi non tenentur sed in prima aratione et secunda in semmis hyemalis cooperatione pro quolibet aratro duos panes de duobus denariis et unam quartam vini (стр 383)

а второй—терминомъ «praestaria»). Объ этой, болѣе близкой къ дарѣнію, чѣмъ къ найму, сдѣлкѣ упоминается и въ полиптикахъ VIII-го и начала IX-го вѣка. Рѣшающее вліяніе на ростъ крупной собственности она получила лишь съ момента утраты ею характера безвозмезднаго пожалованія,—особенно же съ тѣхъ поръ, когда установленная еще Карломъ Великимъ обязанность искать покровителей и заступниковъ повела къ оживленію германскаго по природѣ сеньората—такъ называемаго mundeburgium, и заставила мелкихъ собственниковъ соединять съ прекаріемъ передачу самихъ себя въ зависимость отъ крупныхъ собственниковъ, или, выражаясь языкомъ источниковъ, коммендировать себя этимъ послѣднимъ. Въ полиптикѣ аббата Ирминона пожизненными и наслѣдственными пользователями, за исключеніемъ входящихъ въ составъ крѣпостнаго крестьянства колоновъ, servi и вольноотпущенниковъ, являются по преимуществу hospites. Въ примѣненіи къ нимъ и заходитъ рѣчь о прекаріи. При описаніи земельнаго и личнаго состава помѣстья, именуемаго Ѳеодосіевымъ (Breve de Theodaxio), за перечнемъ колоновъ и сервовъ слѣдуетъ упоминаніе о трехъ hospites и о четвертомъ лицѣ Рикардѣ, держащемъ in praecaria свободный манзъ. Изъ дальнѣйшаго обозначенія того, что входитъ въ составъ этого манза, мы узнаемъ, что дѣло идетъ не о полномъ или половинномъ надѣлѣ крестьянина, а о передачѣ виноградника съ небольшимъ участкомъ пахоти и луга въ руки поселенца, hospes, на правахъ пожизненнаго или наслѣдственнаго владѣнія [1])

За исключеніемъ только что указанныхъ, еще не многочисленныхъ «поселенцевъ», изъ которыхъ часть владѣетъ землею на правѣ прекаріи, все остальное населеніе помѣстья включено въ надѣльную систему: одни держатъ полный, другіе—неполные надѣлы, $^1/_2$ и даже $^1/_4$ его [2]). Величина манза на земляхъ аббатства различна въ разныхъ помѣстьяхъ, но одинакова, если не выходить за предѣлы одного и того же; иначе, очевидно, и быть не могло при существованіи надѣльной системы. Вотъ почему въ одномъ и томъ же имѣніи колонъ и сервъ, разъ они занимаютъ служилые манзы (serviles), владѣютъ равнымъ числомъ арпановъ de terra arabili и равнымъ чис-

[1]) См. стр 164.

[2]) Raibertus colonus tenet dimidium mansum ingenuilem. Caladulfus colonus tenet dimidium mansum (стр. 1 и 2). Lautharius servus tenet dimidium mansum, solvit sicut de dimidium mansum (sic, стр 28). О нѣкоторыхъ servi сказано: isti tenent quartam partem de servili manso, стр 105 О трехъ колонахъ говорится: tenent unum mansum, стр. 151. Bertoldus servus tenet quartam partem de manso servili. Употребительно также выраженіе: tenent duas partes unius mansi, что равняется его трети (стр. 145).

ломъ арпановъ de prato [1]). Вотъ почему также весьма часто встрѣчается выраженіе· tenet similiter или facit similiter, что указываетъ на одинаковый размѣръ владѣнія и связанныхъ съ нимъ службъ и платежей.

При сопоставленіи величины свободныхъ и несвободныхъ манзовъ въ предѣлахъ одного и того же помѣстья, можно отмѣтить ихъ несоотвѣтствіе въ величинѣ. Поражаютъ также частыя отступленія отъ общаго масштаба, когда дѣло идетъ о манзахъ свободныхъ. Такъ. въ имѣніи Гаугіако одинъ колонъ держитъ въ надѣлъ 10 бунуаріевъ. другой и третій—по 8, четвертый,—владѣя половиннымъ манзомъ,—$5^1/_2$; еще свободный манзъ перешелъ въ руки серва, о которомъ сказано, что онъ solvit similiter. О сервѣ Леутаріи говорится, что онъ держитъ mansum servilem и solvit similiter. Въ другомъ помѣстьи Palatiolo, въ которомъ манзы несвободные составляютъ всего одиннадцатую часть свободныхъ, отдѣльные дворы колоновъ владѣютъ, кто тремя, кто четырьмя bunuaria. Между тѣмъ о всѣхъ нихъ говорится безразлично, что solvunt similiter, правда, съ припбавкой, что такой-то или такой-то не ставитъ вола, очевидно. для общей оранки. Въ четвертомъ помѣстьи, именуемомъ Cella Equalina, величина манза составлаетъ уже 11 бунуаріевъ, въ пятомъ, Viliamint, встрѣчается тотъ же размѣръ, но только для mansi ingenuiles. Въ отношеніи же serviles размѣръ манза не превышаетъ трехъ [2]) bunuaria. Общее впечатлѣніе, получаемое отъ всѣхъ этихъ сопоставленій то, что въ основу разверстки свободныхъ манзовъ положена иная единица измѣренія, чѣмъ въ основу несвободныхъ; что разверстка надѣловъ между колонами, какъ болѣе старинная, заключаетъ въ себѣ и больше слѣдовъ принесенныхъ временемъ измѣненій, уравновѣсить которыя помѣстный обычай стремится путемъ уменьшенія требованій къ обдѣленнымъ землею семьямъ.

Впечатлѣніе это еще усиливается при чтеніи того, что полиптикъ аббата Ирминона говоритъ о деканахъ и деканіяхъ. Система этихъ послѣднихъ, примѣняется, повидимому, и къ колонамъ, которые образуютъ изъ себя, однако, отдѣльныя отъ серовъ десятни. И тѣ и другіе входятъ въ ихъ составъ въ измѣнчивомъ числѣ, то бо́льшемъ, то меньшемъ—противъ 10, но во всякомъ случаѣ мало удаляющемся отъ этой цифры. [3]).

---

[1]) См Breve de Novigento, стр. 75

[2]) См. стр. 1—4, а также 24, 77, 105

[3]) Такъ, въ имѣніи Фонтанелла (Fontanella) въ составъ деканіи входятъ 13 человѣкъ. (См. показанія Jurati de decania Varimberti и de decania Acledulfi, стр. 107 и 112) —Въ Breve de Bisconcella говорится о рядѣ деканій, обозначаемыхъ именемъ ихъ начальниковъ: decania Agemboldi,

Мы имѣемъ, такимъ образомъ, передъ собою въ предѣлахъ одного и того же помѣстья, независимо отъ присутствія hospites и прекаристовъ, двѣ надѣльныя системы, изъ которыхъ одна, древнѣйшая, включаетъ въ себѣ занятые колонами mansi ingenuiles, а другая—занятые сервами mansi serviles. Эти двѣ системы искусственно сближены между собою, и послѣдняя начинаетъ брать перевѣсъ надъ первой Это сказывается и въ занятіи нѣкоторыми сервами свободныхъ манзовъ и въ распространеніи на колоновъ нерѣдко тѣхъ же обязанностей по отношенію къ барщинѣ, какія исполняются обыкновенно сервами. Но все-же возможно отмѣтить первоначальное различіе типовъ даже при простомъ сопоставленіи требованій, предъявляемыхъ къ большинству свободныхъ и несвободныхъ манзовъ.

Въ одномъ помѣстьи, особенно обильномъ классомъ сервовъ, обязанности несвободнаго двора, занимаетъ ли его рабъ или колонъ, перечислены слѣдующимъ образомъ: 1) поголовный сборъ (capaticum) въ размѣрѣ 4 динаріевъ съ человѣка; 2) съ каждаго очага $^1/_2$ модія хлѣба de conjecto; подъ этимъ выраженіемъ, разумѣется, вѣроятно, то количество, какое каждый дворъ долженъ былъ внести на покрытіе издержекъ пропитанія во время производства совмѣстной оранки, и дѣйствительно, вслѣдъ за сказаннымъ идетъ упоминаніе 3) о трехъ curvadae, къ которымъ можетъ присоединиться 4-ая и 5-я, но уже съ доставленіемъ хлѣба и питья помѣщикомъ [1]). Въ чемъ состоятъ эти curvadae, видно изъ заявленія, что одни дворы должны совершать curvadam cum 2 animalibus [2]), а другіе—cum 1 bove. Эти различія совпадаютъ съ занятіемъ цѣлаго надѣла или половины его. Иногда читаемъ фразу: такіе-то и такіе-то должны быть записаны, какъ поставляющіе быковъ, isti debent esse scripti ad boves [3]), а такіе-то и такіе-то поставляютъ ferrum, т. е. желѣзо для плуга. О колонахъ сказано, что они должны facere similiter sicut illi qui mansos ingenuiles tenent excepto bovem, caropera et ferrum, что, очевидно, значитъ, что неся такія же обязательства, какъ и владѣльцы несвободныхъ манзовъ, они не ставятъ быковъ въ общую упряжь при пахотѣ и уборкѣ и не снабжаютъ плуговъ желѣзомъ [4]).

Повторяю однако, что, далеко не всѣ помѣстья сохраняютъ указанное

Hildegarii, Ragenulfi; въ составъ послѣдней входятъ исключительно колоны въ числѣ 8 дворовъ, не считая двора десятника (стр 253 и слѣд.).

[1]) Curvadas tres et quartam et quintam cum pane et potu.

[2]) Стр. 239.

[3]) Ibid., стр. 20.

[4]) Стр. 143.

различіе между колонами и сельскими рабами, свободными и несвободными манзами. Вотъ, напримѣръ, имѣніе Марцинкто: въ немъ колонъ, исполняющій обязанности старосты (maior), производитъ и curvadae и cagorega, вѣроятно. потому, что держитъ несвободный надѣлъ. Но вотъ другой случай: въ Кобридо колонъ Гербертъ, держащій, повидимому, свободный надѣлъ, несетъ тѣ же curvadae и cagorega [1]). То же дѣлаетъ въ villa supra mare колонъ Ингальгарій, о которомъ сказано, что онъ держитъ свободный надѣлъ; какъ владѣлецъ полнаго манза, онъ призванъ къ участію въ двухъ curvadae, но при этомъ оговорено, что въ томъ случаѣ, если бъ у него не было достаточнаго количества скота, онъ можетъ ограничиться и одной [2]).

Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ памятникахъ, отпечатанныхъ Герардомъ въ приложеніи къ полиптику Ирминона, характеръ этихъ совмѣстныхъ запашекъ выступаетъ съ нѣсколько бо́льшею наглядностью. Въ Polypticum Fossatense упомянуто помѣстье Floriaco, въ которомъ, сверхъ пятидневной барщины въ недѣлю, крестьяне должны еще участвовать въ трехъ curvadae, ставя каждый разъ двухъ быковъ (дѣло идетъ о полныхъ манзахъ) Изъ дальнѣйшаго видно, что эти curvadae приходятся на мартъ, май и октябрь, т. е. на время оранки и посѣва ярового и озимаго поля. Къ участію въ curvadae призываются въ данномъ помѣстьи и свободные манзы; о владѣльцѣ одного изъ нихъ сказано, что онъ на двѣ curvadae является съ шестью быками, а на третью—съ двумя.

Въ еще болѣе позднемъ источникѣ, относящемся къ villa Nova,—это одно изъ помѣстій, принадлежавшихъ аббатству С.-Жерменъ и упоминаемыхъ въ полиптикѣ Ирминона,—излагаются державшіеся еще въ первой половинѣ XIII-го в. порядки общей оранки. Жители обязаны поставлять весь свой рабочій скотъ, все, что впрягается въ carruga или общій плугъ, для обработки хозяйскаго поля. Они дѣлаютъ это 5 разъ въ году, а именно: разъ при началѣ пахоты осенью, 2 раза при повторной оранкѣ, разъ при посѣвѣ озими и еще разъ при вспашкѣ ярового поля въ мартѣ [3]). Можно отмѣтить двоякаго рода перемѣну въ порядкѣ отправленія curvadae: одну—общественнаго, другую—

---

[1]) Стр. 197.

[2]) Стр. 208.

[3]) Universi homines de villa Nova omnia sua animalia trahentia ad carrugam tenentur adducere ad excolendum terras nostras 5 diebus per annum, videlicet in prima aratione per 1 diem, in secunda per 2, in seminis hyemalis cooperatione per 1 diem, in aratione Martii per 1 diem (Guérard, т. I, стр 383).

хозяйственнаго характера Съ одной стороны, мы видимъ торжество крѣпости надъ свободой въ распространеніи обязанности участія на все населеніе помѣстья, съ другой, доказательство извѣстнаго прогресса въ системѣ обработки полей, прогресса, состоящаго въ двойной вспашкѣ озимаго поля Соображая все сказанное, трудно не прійти къ заключенію, что curvadae суть не болѣе, какъ общественныя помочи, то же самое, что въ Англіи извѣстно, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, подъ названіемъ lovebones, т. е. работъ, предпринимаемыхъ любви ради. Этимъ объясняется, почему онѣ весьма рано сдѣлались общей повинностью, отъ которой избавляло только неимѣніе рабочаго инвентаря. Ихъ отнюдь нельзя смѣшивать съ барщиной, которую колонъ несетъ только при занятіи несвободнаго участка [1])

Размѣръ барщины опредѣляется обычаемъ помѣстья. На земляхъ аббатства С. Жерменъ отведено на отправленіе барщины не болѣе трехъ дней въ недѣлю Число это можетъ быть увеличено въ эпоху жатвы до 4 [2]), но въ недѣли, пріуроченныя къ общественнымъ помочамъ, curvadae, барщина не требуется иначе, какъ въ случаѣ неотложной необходимости (et quando curvadas faciunt nullam diem operantur ad opus dominicum, nisi summa necessitate evenerit).

Ближе къ общественнымъ помочамъ, чѣмъ къ барщинѣ, стоятъ такъ называемыя сагорега или помочь подводами при свозкѣ хлѣба и винограда. Поэтому-то ее оказываютъ одинаково и сервы и колоны О повинности подводами въ полиптикѣ аббата Ирминона мы находимъ только слѣдующія подробности. Время и мѣсто ея отправленія зависитъ отъ помѣщика; обыкновенно значится: крестьянинъ обязанъ производить сагорега, гдѣ и сколько ему будетъ приказано, ubi et quantum ei injungitur, нерѣдко съ прибавкой: ставя пару животныхъ отъ манза [3]) Но когда разстояніе очень значительно, полиптикъ опредѣляетъ предѣлы, далѣе которыхъ крестьянинъ не обязанъ перемѣщаться, такъ, объ одномъ колонѣ говорится. долженъ производить сагорега до лѣса, именуемаго такъ-то, и перевозку по рѣкѣ—изъ помѣстья до монастыря. [4]).

---

[1]) См. полиптикъ аббата Ирминона, стр. 151.

[2]) Стр 208, 214

[3]) См , напримѣръ, стр 197 и 200: Et isti mittunt duos boves ad carcpera, или mittt 1 bovem ad carcpera.

[4]) Ibid., стр. 208: Faciunt carcpera propter vinum in Andegavo cum duobus animalibus de manso et ducunt illud usque ad Sonane villam. Et in madium mense facit carcpera Parisius cum asciculos similiter cum duobus animalibus.— Breve de Nuvilaco—et adducunt de ligna duo cara ad Sustrado.

Едва ли не главную обязанность сервовъ составляетъ несеніе барщины. Во многихъ помѣстьяхъ размѣръ ея не опредѣленъ, почему мы въ этихъ случаяхъ и читаемъ: facit manoperas quantum ei injungitur; но есть и такія имѣнія, для которыхъ число дней точно показано. Обыкновенно рѣчь идетъ о трехъ дняхъ въ недѣлю и, притомъ, въ примѣненіи какъ къ сервамъ, даже занимающимъ свободные надѣлы, такъ и къ колонамъ, держащимъ надѣлы несвободные [1]). Въ отличіе отъ другихъ повинностей, барщина не зависитъ въ своемъ размѣрѣ отъ того, занимаетъ ли кто цѣлый манзъ или часть его. Встрѣчается случай, когда владѣльцы $^1/_4$ манза несутъ все-таки трехдневную работу [2]). Смѣшеніе колоновъ съ рабами особенно наглядно выступаетъ въ томъ, что, если не говорить о немногихъ помѣстьяхъ, напримѣръ, Vitriaco, барщина распространяется и на колоновъ; такъ, о трехъ изъ нихъ, занимающихъ свободные манзы, говорится: in una quaque ebdomada 3 dies operantur cum mane [3]). Даже hospites не избавлены вполнѣ отъ барщины и несутъ ее въ размѣрѣ одного или двухъ дней въ недѣлю [4]).

Барщину крестьяне отправляютъ круглый годъ, за исключеніемъ эпохи общей оранки озими и яра. Когда (значится въ одномъ мѣстѣ полиптика) крестьяне заняты производствомъ curvadae, они ни одного дня не посвящаютъ барщинѣ, разъ къ тому нѣтъ крайней необходимости [5]).

Какія, спрашивается, работы входятъ въ составъ крестьянской барщины? Полиптикъ упоминаетъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ: постройкѣ загородей, вывозѣ навоза, проведеніи рвовъ, посадкѣ виноградной ло-

---

[1]) Breve de Villamilt — omnes isti sunt homines sancti Germani, manent in Villamilt, tenent mansum unum ingenuilem... Faciunt curvadas quantumque necesse fuerit et quando non arant faciunt tres dies manopera (стр. 77).—Aldo servus iste tenet hospicium, facit inde tres dies in ebdomada (стр 97).—Tenet mansum servilem 1 quaque ebdomada dies 3 (стр. 74)

[2]) Isti tenent quartam partem de servili manso... facit dies tres in ebdomada (стр. 105).

[3]) Стр 152.

[4]) Benecristus colonus tenet hospicium dominicum, in unaquaque ebdomada dies 2... Evus colonus tenet hospicium, in unaquaque ebdomada diem 1. См. также Breve de Gaugiaco, De hospitis: Bertoinus colonus tenet ospitium, facit inde in unaquaque ebdomada diem 1 etc.—Breve de Palatiolo: hospites sex faciunt in unaquaque ebdomada diem 1.

[5]) Quando corvadas faciunt nullam diem operantur ad opus dominicum nisi summa necessitate evenerit

зы [1]), покосѣ сѣна и вывозѣ дровъ изъ лѣса, молотьбѣ хозяйскаго хлѣба, переносѣ легкихъ тяжестей и отправленіи ночной стражи [2]). Но постоянное занятіе всѣмъ манзамъ, какъ свободнымъ, такъ и несвободнымъ, доставляетъ прежде всего оранка озимаго и ярового поля.

Нѣтъ манза, цѣлаго или половиннаго, о которомъ бы не было сказано, что онъ долженъ вспахать столько-то пертикъ ad hibernaticum и столько-то ad tramissum. [3]). Исключеніе составляютъ только тѣ манзы, которые производятъ работы въ виноградникахъ Такъ, въ помѣстьи Gaugiaco всѣ, повидимому, колоны, hospites и сервы приурочены къ этому роду занятій. Одинъ колонъ, снимающій свободный надѣлъ, обязанъ обработать четыре арпана виноградника, другой, въ рукахъ котораго всего половина манза, воздѣлываетъ соотвѣтственно половину. Колонъ Ландоинъ держитъ hospitium и обработываетъ въ виноградникахъ два арпана. [4]). Иногда этотъ видъ работы замѣняетъ только пахоту въ яровомъ полѣ, какъ напримѣръ, въ помѣстьи Ваніако, гдѣ, какъ общее правило, всѣ производятъ оранку въ обоихъ поляхъ, зимнемъ и лѣтнемъ, за исключеніемъ колона Алариха, который, взамѣнъ обработки ярового поля, facit in vinea aripennos 4.

Мнѣ кажется, что свѣдѣнія, сообщаемыя полиптикомъ о порядкѣ, въ какомъ производится поднятіе пара въ хозяйскихъ поляхъ, въ terra dominica, интересны въ слѣдующемъ отношеніи: они бросаютъ, свѣтъ на ту систему земледѣлія, какой слѣдовали во Франціи круп-

---

[1]) Breve de Nuvilaco. Electeus servus trahit fimum in cultura dominicata — Abrahil servus tenet mansum unum, claudit in curte dominica de tunino perticas 4, in prato perticas 4 sepe, ad messem vero quanto sufficit (стр 119). — Breve de Bisconcella. Aurilianus colonus... claudit perticas 2 ad vineam de pascillis fissis et 2 ad messem si ei silva non datur in proximo et si proximo datur silva claudit 3 et secat in prato perticas 2 (стр. 257) —Breve de Acmanto: Salvius colonus—Excutit de dominica annona modios 12 (стр. 200).— Breve de Theodaxio: Elegius hospes—Facit in vinea aripennos 4 —Breve de Colrido. Colonus Gerbertus—Lignaricia pedalem unum (стр. 197).—Breve de Villamilt, De mansibus servilis de decania Guiroldi.... Quando vineam non fodit, facit dies 3 in ebdomada et facit vactam et quicquid ei iniungitur (стр. 105)

[2]) Ibid., facit portatura parvis . facit vactam

[3]) Breve de Vaniaco· Ansegarius colonus tenet mansum ingenuilem... arat ad hibernaticum perticas 4, ad tramissum 2 . Servi similiter (стр. 35) —In Novigento Eudaldus servus tenet mansum servilem . arat ad hibernaticum perticas 2, ad tramisem perticam 1 (стр. 74).—Breve de Villamilt: Isti sunt homines S. Germani, arant ad hibernaticum perticas 4, ad tramissum 2 (стр. 77).

[4]) См стр. 1—5.

ные собственники еще въ эпоху Карла Великаго. Не только нѣтъ и помину о подсѣчномъ хозяйствѣ, но неизвѣстно также и двухполье, еще держащееся въ нѣкоторыхъ графствахъ Англіи, въ особенности же, въ герцогствѣ Уэльскомъ спустя нѣсколько столѣтій.

Передъ нами трехпольная система хозяйства, съ преобладаніемъ озимыхъ посѣвовъ: иначе трудно объяснить, почему крестьяне пашутъ въ два раза больше подъ озимь, чѣмъ подъ яръ Дѣло не обходится и безъ удобренія. Полиптикъ Ирминона требуетъ отъ крестьянъ вывоза навоза. Вспашка производится частью общественными помочами,—при чемъ снаряжаются большіе плуги, и производятся впряги поставляемыхъ крестьянами воловъ,—частью путемъ отведенія каждому крестьянскому двору особой дѣлянки въ озимомъ и особой въ яровомъ полѣ. Эти дѣлянки разбиты по числу дворовъ и составляютъ равныя величины: 4 арпана въ первомъ, 2 во второмъ. Самое существованіе такихъ дѣлянокъ не допускаетъ мысли, чтобы крестьяне производили пахоту исключительно тяжелыми плугами съ общей впрягой. Если при осеннихъ и весеннихъ помочахъ въ снаряженіи плуга участвуетъ нѣсколько дворовъ, при чемъ одни поставляютъ желѣзо, другіе—живой инвентарь въ разномъ числѣ и сообразно хозяйственной способности каждаго, то обо всемъ этомъ нѣтъ и помину при обработкѣ отдѣльными дворами предоставленныхъ имъ дѣлянокъ.

Изъ сказаннаго видно, въ чемъ лежитъ ошибка тѣхъ, кто, подобно Сэбому, связываютъ систему крестьянскихъ надѣловъ въ открытыхъ поляхъ съ системой общей оранки, полагая, что размѣръ владѣнія каждаго двора зависитъ отъ числа впрягаемыхъ имъ въ общій плугъ животныхъ. Такія впряги имѣли мѣсто только при обработкѣ хозяйскаго поля, да и то не въ видѣ общаго правила: ходячая крестьянская практика состояла въ оранкѣ легкимъ двухголовымъ плугомъ, вѣроятно, унаслѣдованнымъ еще отъ римлянъ. Присутствіе или отсутствіе живого инвентаря обусловливало собою не размѣръ крестьянскаго владѣнія, а только фактъ поставки или непоставки въ общій плугъ рабочаго скота. То, что Сэбомъ считаетъ причиной, на самомъ дѣлѣ, было слѣдствіемъ въ томъ смыслѣ, что владѣльцы полнаго надѣла нуждались для обработки его въ бо́льшемъ числѣ воловъ, чѣмъ владѣльцы половинныхъ надѣловъ, а потому и въ состояніи были ставить, какъ общее правило, пару быковъ—тамъ, гдѣ mansionarii dimidii ставили всего одного.

Тотъ фактъ, что обычай общей впряги при производствѣ осеннихъ и весеннихъ corvadae встрѣчается еще въ VIII вѣкѣ на зем-

ляхъ французскаго помѣстья, объясняетъ намъ и источникъ позднѣйшаго развитія этой практики въ Англіи. Источникъ этотъ лежитъ далеко не тамъ, гдѣ ищетъ его авторъ «Исторіи сельскихъ общинъ». Ничто не позволяетъ говорить о существованіи обычая, о которомъ идетъ рѣчь, въ Англіи до прихода норманновъ; наоборотъ, есть возможность убѣдиться въ распространенности этого обычая въ Нормандскомъ герцогствѣ въ эпоху, близкую къ нашествію. Если намъ доказано, что еще въ VIII вѣкѣ общественныя вирги были извѣстны французскимъ помѣстьямъ, то ничто не противится допущенію, что осѣвшіеся здѣсь норманны продолжали найденную ими практику и занесли ее съ собою въ завоеванную Англію.

Въ одной изъ ближайшихъ главъ мы покажемъ, каковъ былъ сельскохозяйственный и землевладѣльческій строй Нормандскаго герцогства, тогда полнѣе развернется и едва намѣчаемый теперь взглядъ.

Въ числѣ обязательствъ, общихъ всему крестьянскому населенію, безъ различія колоновъ и сервовъ, полиптикъ аббата Ирминона приводитъ поставку продуктовъ для содержанія помѣщичьяго управленія; это—то, что извѣстно подъ названіемъ solvere ad hostem; платежъ можетъ быть при этомъ натуральный или денежный.

Мы находимъ и такого рода упоминаніе, что колонъ, занимающій цѣлый дворъ, solvit ad hostem одинъ годъ два солида, а другой—одинъ солидъ [1]). Встрѣчаются мѣстности, въ которыхъ сервы, занимающіе полные или половинные надѣлы, платятъ ad hostem выговоренное число секстаріевъ spelta, т. е. помѣси озимаго и ярового хлѣба, да еще барашка [2]). Можно найти также указаніе на поставку съ тою же цѣлью всего 2 барановъ [3]) или уплату вмѣсто нихъ — 6 динаріевъ [4]). Говоря объ одномъ изъ колоновъ, поселенныхъ въ предѣлахъ графства Сенсъ (de pago Senonico), полиптикъ знакомитъ насъ съ тѣмъ масштабомъ, какой принятъ былъ при переводѣ натуральныхъ поборовъ на деньги Онъ говоритъ, что колонъ Сальвій вноситъ или 4 солида въ годъ ad hostem, или 4 барановъ, или еще $^1/_2$ быка. Это даетъ намъ возможность заключить, что быкъ стоилъ приблизительно то же, что 8 барановъ, или 8 солидовъ [5])

Платежъ производится иногда также овсомъ или хмелемъ; такъ

---

[1]) Стр. 24.
[2]) Стр. 107
[3]) Стр 119.
[4]) Стр. 143, 197
[5]) Стр. 200.

напримѣръ, сервъ Giltmund, который держитъ всего-на-всего hospicium servile, ставитъ ежегодно одинъ модій хмелю; а колонъ Сальвій, между прочимъ,—два модія овса. Встрѣчаются также случаи платежа виномъ при уборкѣ винограда, in pascione, обыкновенно въ размѣрѣ одного или двухъ модіевъ, и иногда по слѣдующему расчету: изъ 20 имъ самимъ собранныхъ модіевъ крестьянинъ отдаетъ одинъ помѣщику, но лишь въ томъ случаѣ, если бываетъ урожай [1]). О нѣкоторыхъ дворахъ говорится, что они не платятъ hostilicium, sed carnaticum, другими словами, производятъ свои взносы мясомъ. Другіе.— и, говоря это, мы переходимъ уже къ характеристикѣ особаго положенія, занимаемаго въ помѣстьи VIII вѣка промышленниками,—ставятъ продукты плотничьяго или кузнечнаго ремесла Такъ, мы читаемъ объ Autlemarus servus и женѣ его, принадлежащей къ состоянію колоновъ (colona), — мѣстопребываніе ихъ въ Nova villa,—что они ежегодно ставятъ 100 фунтовъ желѣза, 100 шелевокъ, 100 осей, 6 штукъ деревянной посуды, 3 деревянныхъ колесныхъ обода, 7 лучинъ [2]).

Рядъ другихъ крестьянскихъ дворовъ включенъ въ категорію servi qui solvunt ferrum.

О кузнецахъ Эрменульфѣ и Гадо значится, что они занимаютъ каждый $^1/_2$ манза de fabricina sua, т. е. отправляютъ взамѣнъ всякихъ службъ свое ремесло. О нѣкоторыхъ рабыняхъ (ancillae) мы читаемъ: когда имъ дадутъ полотна, онѣ шьютъ рубашки,— или: выдѣлываютъ суконную одежду изъ хозяйской шерсти, — или еще: пекутъ столько хлѣбовъ (pasta), сколько имъ будетъ приказано [3]).

Въ такихъ же исключительныхъ условіяхъ стоитъ mulnarius или мельникъ, владѣющій надѣломъ въ обмѣнъ за службу, но, повидимому, несвободный отъ производства денежныхъ платежей,—вѣроятно, въ силу снятія имъ доходовъ съ крестьянскаго помола на откупъ [4]). Помѣстные управители: cellarius, maior, forestarius, decani, иначе—началь-

---

[1]) Et si habuerit vinum de 20 modus, solvit modium I (стр. 200).

[2]) Стр. 143 См. также Breve de Nova villa, гдѣ приведены платежи, производимые цѣлымъ дворомъ плотниковъ: Adalgudis colonus manet in Nova villa. . tenet mansum 1 servilem . solvit scindolas 100, axiculos 100, dovas 6, circulos 6, faculas 12 (стр. 145).

[3]) Iste sunt ancillae... Iste si datur eis linificium faciunt camsilos (стр 150). Et illa ancilla et eius mater faciunt sarcilos et pastas quantas ei jubetur Landingus servus et uxor ejus ancilla nomine Achlidis .. Et illa ancilla facit de lana dominica sarcilum, pastas quantas ei jubetur (стр. 175 и 176).

[4]) Стр. 149. О нѣкоторыхъ мельницахъ говорится, какъ о непоступившихъ еще на откупъ (Breve de Villamilt) — Sunt vero ibi 4 farinarii quos domnus Irmino fecit qui adhuc nondum sunt censiti (стр 76).

ники надъ хуторами, «cellae», старосты, лѣсничіе, лица, поставленныя надъ десятнями,—свободны отъ барщины, но не отъ натуральныхъ приношеній на Рождество и Пасху. Такъ, староста Ainfredus ставитъ на оба праздника 2 свиней, 2 поросятъ, 8 кроликовъ, а Valateus decanus—въ оба срока всего 2 поросятъ, въ 4 динарія каждый, и 2 утокъ. Помѣстныя должностныя лица свободны, разумѣется, отъ поставки продовольствія; поэтому изъ общей суммы доставляемой hostilicium, или платежа ad hostem, въ той или другой villa, дѣлается вычетъ извѣстнаго числа солидовъ и динаріевъ, удерживаемыхъ лѣсничимъ и деканомъ [1]).

При перечисленіи личнаго состава помѣстій, полиптикъ отмѣчаетъ существованіе свободныхъ людей (liber homo), которые, занимая свободные надѣлы, несутъ тѣ же службы, что и колоны, т. е. пашутъ подъ озимь и яръ, отправляютъ двухдневную барщину, повинность подводой и т. д. [2]). Изъ этого видно, что не рожденіе опредѣляетъ характеръ службъ и платежей, а принадлежность занимаемаго семьею двора и надѣла къ числу свободныхъ или несвободныхъ. Вотъ почему только тѣ дворы изъяты отъ службъ и платежей, которые переведены на оброкъ. О такихъ mansi censiles упоминается, какъ о рѣдкомъ исключеніи, при чемъ указывается и платимая ими ежегодно сумма, обыкновенно въ нѣсколько солидовъ [3]). Наконецъ, особую группу составляютъ mansi lidiles. Мы встрѣчаемъ ихъ далеко не во всѣхъ помѣстьяхъ, и только въ нѣкоторыхъ они образуютъ болѣе или менѣе численные поселки, напримѣръ, въ 24 двора. На литовъ, какъ на сервовъ и колоновъ, распространяется система десятенъ; въ одномъ мѣстѣ мы читаемъ: isti sunt lidi de decania Varimberti [4]). Полиптикъ изображаетъ намъ этихъ литовъ платящими ad hostem или de hostilicio, такъ что отъ 24 дворовъ поступаетъ ежегодно 2 ливра 8 солидовъ [5]). Во время общественныхъ помочей они, подобно hospites, ставятъ хлѣбъ и вино [6]), но не принимаютъ иного

[1]) Solvunt de hostilicio libras 2 et solidos 6 den. 9 absque ministerialibus duobus id est forestario et decano qui retinent post se solidum I et den. 3 (стр. 148)

[2]) См. Breve de Gumbis Faregarius liber tenet mansum 1 ingenuilem, solvit similiter (стр. 184)

[3]) Est unus ibi censilis mansus, qui solvit solidos 6 (стр. 148) См. также de mansibus censilis (стр 225).

[4]) Стр. 112.

[5]) Стр. 147

[6]) Illi qui sunt servi solvunt ferrum, et ille qui lidus est solvit modium de spelta, praeter vinericiam.

участія въ работахъ; ихъ жены и дочери шьютъ камзолы (camsilos de 8 almis) или платятъ взамѣнъ этого 4 динарія [1]) Не видно, чтобы литы не несли барщины, а также, чтобы на нихъ падала та поголовная подать, которой подлежатъ сервы. Гераръ, ссылаясь на капитуларій Карла Великаго отъ 801 г. [2]), въ которомъ литы ставятся на одну доску съ альдіонами Италіи, живущими въ предѣлахъ королевскихъ домеповъ, справедливо указываетъ на ихъ сравнительно свободное состояніе; но онъ едва ли правъ, когда говоритъ, что эти наслѣдственные владѣльцы отправляли тѣ же службы и несли тѣ же повинности, что и колоны [3]).

Наконецъ, мы встрѣчаемъ въ числѣ поселенцевъ аббатства лицъ, характеризуемыхъ тѣмъ, что они добровольно передали себя ad luminaria sancti Germani [4]). Это, очевидно, не кто иные, какъ тѣ cerocensuales или Wachszinsige, которыхъ мы встрѣтимъ впослѣдствіи въ несравненно бо́льшемъ числѣ въ Вестфаліи и Баваріи, на земляхъ аббатствъ Фульда и Падерборнъ. Ихъ общественное положеніе въ этихъ позднѣйшихъ источникахъ охарактеризовано довольно ясно. Мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ людьми свободными, передавшими себя монастырю въ расчетѣ на его покровительство и на принадлежащія ему изъятія изъ общей подсудности. Не желая въ то же время принимать на себя серьезныхъ обязательствъ, они берутся только поставлять ежегодно извѣстное количество воска для освѣщенія храма и обители.

Этимъ упоминаніемъ о людяхъ свободныхъ, изъ числа которыхъ многіе могли быть такими же пришельцами, advenae, какимъ былъ нѣкій Nadelsingus, мужъ женщины, принадлежавшей къ состоянію колоновъ [5]), мы закончимъ нашъ очеркъ помѣстнаго хозяйства на земляхъ аббатства С.- Жерменъ, вполнѣ увѣренные, что читатель вынесетъ изъ него то же впечатлѣніе —незаконченности крѣпостной системы въ VIII вѣкѣ и пестраго состава вошедшихъ въ нее элементовъ, частью свободныхъ, частью рабскихъ, частью завѣщанныхъ Римомъ, частью занесенныхъ германцами,--какое мы сами составили себѣ при чтеніи полиптика Ирминона.

---

[1]) Стр. 150.
[2]) Capitularium additum ad legem Langobardorum, a 801, cap. 6.
[3]) См. Prolegomènes къ полиптику аббата Ирминона, стр. 270 и 273.
[4]) Стр. 269
[5]) Стр. 269.

ГЛАВА VIII.

Землевладѣніе у аллеманов, баварцевъ и другихъ германскихъ племенъ.

§ 1.

Древнѣйшія свидѣтельства о правѣ аллемановъ не восходятъ за предѣлы эпохи ихъ насильственнаго сближенія съ франкской цивилизаціей. Достовѣрная исторія этого племени начинается съ момента завоеванія его Клодвигомъ и сыномъ этого послѣдняго, Теодебертомъ, въ серединѣ VI-го вѣка. Правда, задолго до этого времени римскіе и греческіе лѣтописцы заводятъ рѣчь объ аллеманахъ, но ихъ сообщенія не идутъ далѣе указанія мѣстъ ихъ поселеній, войнъ съ галлами и римлянами и общей характеристики аллемановъ, какъ народа воинственнаго и безпокойнаго. Начиная съ Мамертина, писателя конца III-го вѣка, которому принадлежитъ древнѣйшее упоминаніе объ аллеманахъ, всѣ послѣдующіе хроникеры рисуютъ ихъ племенемъ, могущественнымъ по своей численности, способнымъ поставить войско въ 40 и 60 тысячъ человѣкъ, населяющимъ нѣсколько pagi и предводительствуемымъ не то герцогомъ, не то королемъ [1]). Древнѣйшія свидѣтельства указываютъ на заселеніе ими Ретійскихъ Альпъ и юго-восточной Галліи. Не имѣя возможности двинуться къ югу, путь къ которому былъ загражденъ Альпами и занявшими горные проходы лангобардами, аллеманы мало-по-малу распространились на сѣверъ, занимая нынѣшнее

[1]) См. Fontes rerum bernensium, I B., Bern, 1880, стр 62 и слѣд Зибель (Entstehung des Königthums bei den Germanen) сомнѣвается, чтобы свидѣтельства латинскихъ и греческихъ лѣтописцевъ о reges у аллемановъ могли быть принимаемы въ буквальномъ смыслѣ, и видитъ въ ихъ царькахъ, reguli или базилеи, не болѣе, какъ duces, герцоговъ

королевство Вюртембергъ, часть Баваріи, Баденъ и Эльзасъ. Во франкскую эпоху Аллеманія образуетъ особое графство, которое постепенно распадается на все бо́льшее и бо́льшее число комитатовъ или pagi; въ церковномъ отношеніи она дѣлится на первыхъ порахъ на три епископіи съ метрополіями въ Аугсбургѣ, Констанцѣ и Страсбургѣ.

Къ франкской эпохѣ относится и возникновеніе Аллеманской Правды. Составленіе ея Меркель приписывалъ Клотару II (613—622 г.) на основаніи свидѣтельства Фредегара, подкрѣпляемаго и византійскимъ исторіографомъ Agathias. Новѣйшіе же изслѣдователи, какъ Бруннеръ и Леманъ [1]), относятъ Lex Alemannorum даже къ позднѣйшей эпохѣ аллеманскаго герцога Лангфрида, сына Годофрида (между 717 и 719 г.), современника Клотара IV. Помимо этой Правды, послѣдняя редакція которой принадлежитъ эпохѣ Карла Великаго, до насъ дошло еще три фрагмента одного и того же законодательнаго памятника. Первый изъ нихъ начинается словами: pactus lex Alemannorum. Меркель, которому принадлежитъ честь открытія этихъ фрагментовъ, признаетъ ихъ за отрывки древнѣйшаго сборника обычнаго права аллемановъ, редактированнаго полустолѣтіемъ раньше самой Lex, въ періодъ времени между вступленіемъ на престолъ Теодеберта и законодательною дѣятельностью Клотара II-го. Принадлежность названныхъ фрагментовъ къ своду, болѣе древнему, чѣмъ тотъ, который связанъ съ именемъ Клотара II, доказываетъ и другой знатокъ аллеманскихъ юридическихъ древностей, Гфререръ, и вотъ на какомъ основаніи. Въ одной грамотѣ отъ 17 августа 867 г. говорится о томъ, какъ нѣкоторые жители графства Аргау (quidam homines de Argengeuve) обратились къ королю Людовику съ ходатайствомъ, ut eis liceret habere plenam legem [illegible] vulgo dicitur phaoth, sicut ceteri Alamanni [2]). Phaoth, какъ доказываетъ Цепфль, а за нимъ и Гфререръ, означаетъ на простонародномъ языкѣ то же, что латинское pactum—соглашеніе, уговоръ [3]). Въ ходатайствѣ жителей Аргау слѣдуетъ видѣть, поэтому, не болѣе, какъ попытку добиться возстановленія прежняго права, видоизмѣненнаго или совсѣмъ отмѣненнаго позднѣйшимъ законодательствомъ Меровинговъ и Карловинговъ,—права, формулированнаго

---

[1]) Brunner, Ueber das Alter der Lex Alamannorum (Sitzungsberichte der Berliner Akademie der Wiss., VIII, 149 — 172); Lehmann, Zur Textkritik und Entstehungsg des Alam. Volksrechts (Neues Archiv der Gesellsch. für ältere Geschichtskunde, т. X. 469 — 505 стр.).

[2]) Wartmann, т II, № 527

[3]) Zöpfl, Deutsche Rechtsg, a. 12, 87, 121.—Gfrörer, стр 245

въ такъ называемомъ pactus или phaoth. Самое содержаніе дошедшихъ до насъ фрагментовъ говоритъ въ пользу той мысли, что pactus болѣе древній сводъ аллеманскаго права, нежели Lex Hlothari.

Различія между обоими источниками довольно существенныя они касаются какъ сословной организаціи аллемановъ, такъ и нѣкоторыхъ сторонъ ихъ процесса Сословная организація pactus проще той, о которой говорится въ Lex. Съ другой стороны, нѣкоторыя процессуальныя дѣйствія и, въ частности, присяга носятъ въ Lex тотъ характеръ, какой впервые приданъ имъ меровингскими капитуляріями второй половины VI вѣка, чего отнюдь нельзя сказать въ отношеніи къ pactus. Все это, вмѣстѣ взятое, приводитъ Меркеля, а за нимъ и другихъ германистовъ, къ убѣжденію, что по времени своего составленія pactus древнѣе Lex. Наконецъ, самый языкъ изучаемаго памятника свидѣтельствуетъ, по мнѣнію Шредера, о составленіи его въ эпоху образованія такъ называемаго Althochdeutsch, т. е. въ концѣ VI вѣка [1]).

Такимъ образомъ, оказывается, что для изученія древняго права аллемановъ имѣются разновременные источники, начиная съ конца VI и до начала IX вѣка; источники эти даютъ возможность изучить это право не только въ извѣстный моментъ его существованія, но и въ процессѣ послѣдовательнаго развитія. Прежде всего нужно выяснить, заключаютъ ли въ себѣ перечисленные памятники всю сумму тѣхъ юридическихъ нормъ, которыя примѣнялись въ сотенныхъ судахъ Аллеманіи, или, помимо помѣщенныхъ въ нихъ нормъ, можно указать и на другія, равно обязательныя для судей.

Пардессю первымъ высказана была та мысль, что такъ называемая personalitas legum, другими словами, правило, дающее въ варварскомъ королевствѣ возможность каждому требовать примѣненія къ нему законодательства лишь той національности, къ которой онъ самъ принадлежалъ по рожденію, не препятствовала тому, что въ случаяхъ, не предвидѣнныхъ той или другой народной правдой, судья постановлялъ рѣшеніе согласно съ Правдой Салической и капитуляріями франкскихъ королей [2]). Эта мысль находитъ частное подтвержденіе себѣ въ самомъ текстѣ Lex Alemannorum renovata a Langfrido, гдѣ неоднократно встрѣчаются ссылки, въ родѣ слѣдующихъ: sicut lex habet или quia hoc lex prohibuit. Такъ какъ въ этихъ словахъ нельзя

---

[1]) Zur Kunde der deutschen Volksrechte von R. Schröder въ Z. der Savigny Stiftung für Rechtsgeschichte, т 7, 1886 г., стр. 19.

[2]) Pardessus, Loi salique, стр 446

видѣть ссылокъ свода на себя самого. и такъ какъ законъ, на который онѣ дѣлаются, признается изданнымъ въ прошедшемъ (отсюда встрѣчающееся въ текстѣ prohibuit, а не prohibet), то весьма вѣроятнымъ является предположеніе, что lex, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, не что иное, какъ Lex Salica. Съ другой стороны, рѣшительное совпаденіе нѣкоторыхъ нормъ Lex renovata съ франкскими капитуляріями— такъ, напр., запрещеніе ручнаго труда въ дни воскресные и праздничные, одинаково встрѣчающееся въ Lex renovata и въ законахъ Гунтрама 585 и Хильдеберта II 596 г.,—позволяетъ думать, что при отсутствіи необходимыхъ указаній какъ въ Аллеманской, такъ и въ Салической Правдѣ, судьи обязаны были обращаться за ними къ капитуляріямъ [1]). Грамоты IX-го вѣка подтверждаютъ ту же мысль. что Lex Salica была въ древней Аллеманіи однимъ изъ источниковъ примѣняемаго въ судахъ права. Въ одной изъ нихъ, а именно въ грамотѣ отъ 856 г., говорится объ отпущеніи на волю per denarium secundum legem salicam. Этотъ случай какъ нельзя лучше иллюстрируетъ сказанное. Такъ какъ Аллеманская Правда ничего не постановляетъ о такомъ порядкѣ отпущенія на волю, то должностному лицу, совершающему этотъ актъ, приходится обращаться къ салическому праву, какъ къ общему земскому праву франкской монархіи [2]).

Таково вліяніе, оказанное на аллеманское право правомъ салическимъ и личными распоряженіями франкскихъ королей (капитуляріями). Что касается до римскаго права, то оно,—какъ это доказывается открытой Плантою Lex Romana Curiensis, представляющей собою не что иное, какъ законодательную компиляцію, предпринятую для Реціи на основаніи Кодекса Ѳеодосія [3]),—было спеціальнымъ правомъ тѣхъ римлянъ (Romani), о которыхъ въ смыслѣ сохраненія ихъ обособленности среди аллеманскаго населенія говорятъ еще грамоты IX-го вѣка [4]). Вотъ почему въ послѣднихъ на протяженіи всего занимающаго насъ періода нерѣдко встрѣчаются упоминанія о чисто римскихъ институтахъ, какъ напр., о «quarta Falcidia» при завѣщательномъ распоряженіи собственностью, или о предоставленіи лицамъ, отпускаемымъ на волю, «romanam libertatem». Въ тѣхъ же источникахъ встрѣчаются ссылки на lex Aquilia и lex Arcadia или выраженія, въ родѣ слѣдующаго: «secundum legem romanam». Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ лицомъ, совершающимъ то

---

[1]) Gfrörer, ч I, стр. 247—253

[2]) Wartmann, т. II, стр. 519.

[3]) Эта Lex Romana Curiensis отпечатана Planta въ его „Das Alte Rhätien“.

[4]) Wartmann, т. II, гр № 415, a. 851: quod si ipsa jure vendidere voluerit, non habeant licentiam nec ad Romanos nec ad Alemannos.

или другое юридическое дѣйствіе является римлянинъ (romanus), потомокъ прежняго гельвето или рето-римскаго населенія, на что указываютъ собственныя имена—Sigilius, Petronius и т д. [1]).

Я останавливаюсь на этихъ фактахъ потому, что въ литературѣ настоящаго вопроса нѣтъ попытки доказать воздѣйствіе римскаго права на аллеманское. На нашествіе аллемановъ смотрятъ не какъ на простое занятіе ими опредѣленной территоріи, а какъ на поголовное истребленіе всего населенія страны. Но изъ тѣхъ указаній, какія дѣлаютъ на римлянъ аллеманскія грамоты VIII и IX вв., ясно слѣдуетъ, что такого истребленія на самомъ дѣлѣ вовсе не было, какъ не было его ни въ Галліи, ни въ Англіи. А если такъ, то какъ, спрашивается, упускать изъ виду при изученіи аллеманскаго землевладѣнія вліяніе, оказанное на него римскимъ правомъ? Оставаясь «личнымъ закономъ»,—если намъ позволятъ ввести въ употребленіе этотъ варваризмъ,—для всего покореннаго населенія, римское право явилось въ то же время однимъ изъ источниковъ редакціи аллеманскихъ сводовъ.

Если не въ pactus, то въ Lex Alemannorum можно указать на заимствованіе изъ римскаго права цѣлаго ряда нормъ какъ брачнаго, такъ и договорнаго права. Перечисляемыя Lex препятствія къ браку тѣ же, что и въ Ѳеодосіевомъ Кодексѣ. Обоимъ сводамъ одинаково извѣстно также правило, въ силу котораго сдѣлка считается недѣйствительной, если въ удостовѣряющемъ ее письменномъ документѣ не обозначены годъ и день ея совершенія [2]). Я указываю на эти соотвѣтствія, какъ на доказательства прямого заимствованія. Конечно, при одинаковыхъ условіяхъ жизни у двухъ разныхъ народовъ могутъ развиться однохарактерныя учрежденія; но сходство ихъ проявляется обыкновенно только въ общихъ и главныхъ чертахъ. Если же, какъ мы видимъ это въ аллеманскомъ правѣ, соотвѣтствіе замѣчается въ мелочахъ и деталяхъ, то объяснять его одною общностью условій было бы, по меньшей мѣрѣ, сомнительно.

Въ такомъ проникновеніи аллеманскаго права чуждыми ему началами римскаго нѣтъ ничего удивительнаго, если мы примемъ во вниманіе составъ лицъ, ближайшимъ образомъ участвовавшихъ въ его редактированіи. Фредегаръ говоритъ о томъ, что Клотаръ въ роли законодателя дѣйствовалъ «cum universis pontificibus» [3]), а

---

[1]) Ibid, т. II, №№ 417, 421, 458 и дополнительный № 24, стр 399.

[2]) Tit. XXXIX, Lex Alem. Hlotharı (Pertz, Leges, т III, стр. 57). Ср. Gfrorer, т. I, стр. 258, tit. XLIII. Ср. Stobbe, G. der germ. Rechtsquellen, ч. I, стр. 144, пр. 18.

[3]) Fontes rerum bernensium.

прологъ къ Lex Alemannorum a Chlothario constituta, перечисляя всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ ея составленіи, упоминаетъ въ этомъ числѣ о 33 епископахъ [1]). Соображая, что въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, въ составъ высшаго духовенства входили почти исключительно лица, принадлежавшія къ римскимъ семьямъ, какъ къ наиболѣе образованной части населенія [2]), легко понять приверженность этого духовенства къ праву своихъ отцовъ и стремленіе внести возможно бо́льшее число его предписаній въ предпринятую королемъ Клотаромъ редакцію. Къ такому образу дѣйствій понуждали духовенство и его сословные интересы. Только въ римскомъ правѣ могъ быть почерпнутъ тотъ принципъ свободы юридическихъ сдѣлокъ, безъ котораго немыслимо было совершеніе въ пользу церкви и ея служителей какихъ бы то ни было дарственныхъ распоряженій какъ при жизни дарителя, такъ и на случай его смерти. Только съ помощью послѣдовательнаго примѣненія этого принципа къ туземному праву могло быть поколеблено исконное германское начало родовой и семейной неотчуждаемости, наглядным проявленіемъ котораго во времена Тацита являлось отсутствіе завѣщаній [3]). Такой именно цѣли и служитъ первая статья Аллеманской Правды, запрещающая всякое противодѣйствіе дареніямъ, дѣлаемымъ въ пользу церкви, хотя бы предметомъ этихъ дареній были земли и даже личность самого дарителя. Si quis liber, гласитъ буквально названная статья, res suas vel semet ipsum ad ecclesiam tradere voluerit, nullus habeat licentiam contradicere ei, non dux, non comes nec ulla persona.

Нѣсколько ниже опредѣляется точнѣе, какія именно лица, помимо герцога и графа, въ правѣ были противиться дареніямъ въ прежнее время, до изданія указываемыхъ нами постановленій: Et si aliqua persona, aut ipse qui dedit, vel aliquis de heredibus ejus, postea ipsas res de ipsa ecclesia abstrahere voluerit... (слѣдуетъ опредѣленіе послѣдствій такого дѣйствія). Такимъ образомъ, наслѣдники, другими словами, родственники,—вотъ тѣ лица, которыхъ имѣетъ въ виду Аллеманская Правда, вотъ противъ кого выставляется ею правило о безповоротности дареній, совершенныхъ кѣмъ-либо въ пользу церкви. «Чудовищное предписаніе,—гово-

---

[1]) Incipit Lex Alamannorum qui temporibus Chlotharo rege una cum proceribus suis, id sunt 33 episcopi et 34 duces et 65 comites vel cetero populo adunato. (Pertz, Leges, т. III, 45, стр. 1).

[2]) Это положеніе обосновано богатымъ фактическимъ матеріаломъ въ спеціальномъ рефератѣ, прочитанномъ въ 1874 г. въ Réunion des sociétés savantes des départ. de France.

[3]) Nullum testamentum.

ритъ о немъ Гфререр, — которымъ земельная собственность аллемановъ отдана была въ жертву гонявшемуся за наслѣдствами духовенству!» [1]).

Недовольство, вызванное въ туземномъ населеніи такого рода мѣрами (замѣчаетъ тотъ же писатель) побудило франкскихъ правителей подвергнуть значительному ограниченію начало свободнаго распоряженія земельной собственностью. Это было сдѣлано въ редакціи баварскихъ обычаевъ, послѣдовавшей на разстояніи немногихъ лѣтъ послѣ кодификаціи аллеманскихъ. Тогда какъ въ Аллеманской Правдѣ, по словамъ цитируемаго нами автора, дозволено неограниченное отчужденіе всякой вообще собственности, въ Баварской такое отчужденіе возможно только по отношенію къ тому имуществу, какимъ частное лицо владѣетъ послѣ дѣлежа съ сыновьями (postquam cum filiis suis partivit). Но я думаю, что и Аллеманская Правда допускаетъ отчужденіе частнымъ лицомъ лишь причитающейся ему доли семейной собственности. И думать такъ даетъ мнѣ право какъ сама Lex Alemannorum, запрещающая сыновьямъ отчуждать свое имущество (dissipare rem suam) до раздѣла его между собою [2]), такъ и тексты нѣкоторыхъ грамотъ VIII и IX вѣковъ, которыя, ссылаясь на Аллеманскую Правду [3]), говорятъ объ отчужденіи частнымъ лицомъ только того имущества, какое оно получило отъ своихъ сыновей «in portionem suam» (въ свою часть). Вотъ одинъ изъ такихъ актовъ: «Во имя Божіе. Я Гизальбертъ, ради спасенія моей души и души моихъ предковъ, передаю монастырю Св. Галлена Исповѣдника все, что въ мѣстности, именуемой Гольдахъ (въ кантонѣ С.-Галленъ) я взялъ отъ сыновей моихъ себѣ въ часть (quicquid ego in loco nuncupato Goldaha a filiis meis mihi in portionem tuli)» [4]). Поэтому также, когда совершается отчужденіе семейной собственности отцомъ, въ грамотахъ упоминается о согласіи всѣхъ соучастниковъ въ этой собственности. Обыкновенная формула гласитъ при этомъ такъ: una cum consensu filii mei (слѣдуетъ имя послѣдняго) et fratrum ejus filiorum meorum [5]). Слѣдовательно, Аллеманская Правда, подобно Баварской, не знаетъ свободнаго отчужденія отцомъ собственности семьи; ей извѣстно только да-

---

[1]) Eine entsetzliche Bestimmung, welche alles alamannische Eigenthum geistlicher Erblust preisgab. (стр. 177).

[2]) Si quis fratres post mortem patris eorum aliquanti fuerunt, dividant portionem patris eorum Dum hoc non fuerit factum, nullus rem suam dissipare faciat usque dum aequaliter partiant.

[3]) Wartmann, Urkundenbuch der Abtei S. Gallen, № 377: quod si quis fecerit illa conponat quae in lege Alamannorum continentur. См также № 394, 524 и 636

[4]) Wartmann, Urkundenbuch der Abtei S. Gallen, № 121, a. 789.

[5]) Ibid., № 85, a. 779.

реніе каждымъ своей части нѣкогда общаго, нынѣ же поступившаго въ раздѣлъ, наслѣдства.

Выяснивъ, такимъ образомъ, какого рода даренія разумѣются Lex Alemannorum, мы получаемъ тѣмъ самымъ ключъ къ пониманію дальнѣйшихъ видоизмѣненій, какія въ собственныхъ интересахъ и въ духѣ римскаго права должно было произвести духовенство въ обычномъ правѣ аллемановъ. Такъ какъ частное лицо вольно распоряжаться только своею долей семейной собственности послѣ предварительнаго раздѣла послѣдней, то очевидно, что увеличеніе случаевъ дарения немыслимо иначе, какъ при возможно широкой свободѣ семейныхъ раздѣловъ. Сюда, по моему мнѣнію, и слѣдуетъ пріурочить предписываемый Аллеманской Правдой раздѣлъ семейной собственности между сыновьями покойнаго. Совершеніе его не ставится при этомъ въ зависимость отъ воли участниковъ въ семейной собственности. Баварская Правда, опять-таки однохарактерная въ этомъ отношеніи съ законами аллемановъ, говоритъ о такомъ раздѣлѣ въ повелительномъ наклоненіи: «да раздѣлятъ братья наслѣдство отца поровну»,— а Аллеманская, предвидя случай, когда послѣ смерти герцога, рядомъ съ другими сыновьями, останется непокорный сынъ, предписываетъ раздѣлъ наслѣдства королемъ и устраненіе отъ него непокорнаго [1]).

Итакъ, проводимая духовенствомъ свобода сдѣлокъ потребовала введенія въ обычное право аллемановъ римскаго начала раздѣла семейной собственности, что, въ свою очередь, необходимо должно было повлечь за собою, съ одной стороны, разложеніе кровныхъ союзовъ и общиннаго владѣнія ими землею, а съ другой, установленіе частной собственности на послѣднюю. Не удивительно поэтому, что въ большинствѣ дошедшихъ до насъ частныхъ грамотъ отъ VIII и IX вѣковъ нѣтъ и помину о нераздѣльной семейной собственности. Изъ 800 грамотъ, включенныхъ Вартманомъ въ первые два тома его «Сборника», всего въ двухъ я нашелъ упоминаніе о земляхъ, оставшихся въ нераздѣльномъ владѣніи наслѣдниковъ—coheredes или consortes [2]). Чтобы обезопасить разъ пріобрѣтенныя

---

[1]) Lex. Baiuv., tit. XV, cap. 8: ut fratres hereditatem patris aequaliter dividant (Pertz, Leges III, стр. 320). Lex. Al., tit. XXXV: de filio ducis qui contra patrem suum surrexerit (Pertz, Leges, т. III, стр. 55).

[2]) Wartmann, т. I, стр. 189, № 199, гр. 809 г. excepto una silva et pratum carrorum quinque quod cum consortibus meis adhuc visa sum possidere. № 386 (т. II, стр. 6): quicquid proprietatis in Alamannia visus sum habere sive ex paterna hereditate seu ex adquisito, sive divisum habeam cum meis coheredibus seu indivisum.

земли отъ всякихъ попытокъ оживленія на нихъ стародавнихъ обычаевъ и порядковъ пользованія, духовенству пришлось обратиться къ проведенію въ законодательство аллемановъ начала, цѣликомъ заимствованнаго изъ римскаго права и чуждаго не только германскому, но и всякому вообще обычному праву,—я разумѣю то правило, по которому при искахъ о недвижимой собственности требуютъ представленія письменныхъ доказательствъ. Очевидно, что при господствѣ семейной и сельской общины доказательствомъ права на недвижимость всего менѣе являются письменные документы: члены сельской или семейной общины доказываютъ свои имущественныя права не документами, а давностью владѣнія. Поэтому, стоитъ только законодательству установить требованіе письменной записи для права собственности, чтобы въ спорахъ о недвижимой собственности между частными владѣльцами и сельской общиной—стороной, проигрывающей процессъ, необходимо сдѣлалась община Что на такую мѣру духовенство смотрѣло, какъ на средство самозащиты, видно уже изъ того, что обязательность предъявленія письменныхъ записей признается только въ случаяхъ судебныхъ споровъ третьихъ лицъ съ церковью, какъ-то. въ случаѣ оспариванія сдѣланныхъ въ ея пользу дареній, въ случаѣ совершенныхъ самою церковью земельныхъ обмѣновъ или раздачи земель въ прекаріи [1]) и т. п.

Установленіе правила объ обязательной силѣ письменныхъ доказательствъ во всѣхъ спорахъ о недвижимой собственности третьихъ лицъ съ церковью рано или поздно должно было повлечь за собою изъятіе этого рода дѣлъ отъ подсудности народному сотенному суду, въ которомъ имущественные споры рѣшались, какъ это видно изъ законовъ аллемановъ и нѣкоторыхъ грамотъ VIII и IX вѣковъ, сперва судебнымъ поединкомъ, а затѣмъ приговоромъ разъѣзжающаго по сотнямъ графа, на основаніи свидѣтельскихъ показаній жителей той сотни, въ которой расположено было самое имущество [2]).

И дѣйствительно, уже въ 772 г. Карлъ Великій надѣляетъ

---

[1]) Если свѣтскій человѣкъ въ спорѣ съ церковью не представитъ письменнаго документа, удостовѣряющаго пріобрѣтеніе имъ земли покупкою, то, по Lex Alem, владѣніе признается за церковью (Pertz, стр 51).

[2]) См. Lex Alemannorum, tit. LXXXVII De his qui de terra sua inter se contendunt (Pertz, стр 76). См. также Wartmann, т I, № 187, a 806: Tunc praedictus comes convocatis illa testimonia qui de ipso pago erant interrogavit eos per ipsam fide et sacramento qua nostro domino dat aberent quicquid exinde scirent veritatem dicerent. Ac illi dixerunt etc.

монаховъ С.-Галленской обители грамотой, которой эти монахи признаются состоящими подъ спеціальной защитой короля и подсудными по этой причинѣ одному лишь королевскому суду, вмѣстѣ съ имуществомъ и всѣми людьми, поселенными на ихъ земляхъ [1]). Поводомъ къ такому пожалованію король признаетъ «inlicitas infestaciones malorum hominum», непозволительные погромы злыхъ людей, по всей вѣроятности, сосѣдняго крестьянскаго населенія, не охотно мирившагося съ новымъ порядкомъ частнаго монастырскаго землевладѣнія и отмѣною послѣднимъ стародавнихъ правъ общиннаго пользованія.

Мы закончимъ характеристику роли, которую сыграло, по нашему мнѣнію, духовенство въ составленіи Аллеманской Правды ссылкой на ту статью ея, которою запрещается пресвитерамъ отчуждать церковныя земли и устанавливается, такимъ образомъ, по отношенію къ послѣднимъ начало заповѣдности. «Nullus presbyter», гласитъ буквально эта статья, «nec aliquis pastor ecclesiae potestatem non habeat vendere ecclesiasticam terram nisi contra aliam terram, nec mancipium nisi alium mancipium receperit» (tit. XX).

Попытаемся теперь возстановить въ исторической послѣдовательности тотъ путь, которымъ шло духовенство въ своемъ стремленіи видоизмѣнить обычное право аллемановъ въ благопріятномъ для себя смыслѣ. Сумма постановленій, встрѣчаемыхъ нами въ Аллеманской Правдѣ, возникла разновременно; слѣдовательно, и тѣ видоизмѣненія, какія внесены были духовенствомъ въ народное право, принадлежатъ также разнымъ эпохамъ. Сравнивая Аллеманскую Правду съ другими источниками варварскаго права, въ частности, съ древнѣйшимъ по происхожденію сборникомъ юридическихъ формулъ Маркульфа, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію. Свобода семейныхъ раздѣловъ и имущественныхъ сдѣлокъ (въ частности дареній) въ пользу духовенства, о чемъ одинаково упоминаютъ какъ законы аллемановъ, такъ и формулы Маркульфа [2]), принадлежитъ, несомнѣнно, къ числу древнѣйшихъ заимствованій, сдѣланныхъ духовенствомъ изъ римскаго права, тогда какъ обязательная сила однихъ письменныхъ доказательствъ въ имущественныхъ спорахъ третьихъ лицъ съ церковью и начало заповѣдности церковной собственности, встрѣчающіяся въ одной лишь Аллеманской Правдѣ, принадлежатъ къ мѣ-

---

[1]) Wartmann, т. I, № 65.

[2]) Walter, т. III, стр. 349, № XI· Cessio ad ecclesiam — и стр. 356, № XXXVI.

рамъ позднѣйшимъ. И это понятно, такъ какъ духовенству необходимо было прежде всего обезпечить себѣ пріобрѣтеніе недвижимой собственности путемъ отмѣны начала родовой и семейной нераздѣльности, а слѣдовательно, и начала неотчуждаемости имуществъ, и затѣмъ уже закрѣпить за собою и пріобрѣтенную собственность. Средствомъ для этого закрѣпленія было устраненіе какихъ бы то ни было попытокъ къ оживленію стародавнихъ правъ общиннаго пользованія, въ виду чего и установлена была обязательность предъявленія въ поземельныхъ спорахъ письменныхъ актовъ. Послѣдней по времени мѣрой къ удержанію въ рукахъ духовенства разъ пріобрѣтеннаго земельнаго фонда является установленіе начала заповѣдности и неотчуждаемости возникшей такимъ образомъ собственности.

Читатель, можетъ быть, спроситъ, почему я такъ подробно остановился на изложеніи различныхъ сторонъ воздѣйствія Салической Правды и римскаго права на Правду Аллеманскую? Причина—та, что въ нашемъ распоряженіи находится одна лишь поздняя редакція аллеманскихъ обычаевъ, сильно видоизмѣненная посторонними вліяніями. Желая познакомиться съ древнѣйшимъ характеромъ аллеманскаго землевладѣнія, мы должны освободить послѣднее отъ существенно измѣняющихъ его нормъ права салическаго и римскаго, введенныхъ въ него подъ обоюднымъ вліяніемъ правительства и духовенства.

Выяснивъ, какую роль играли оба вышеуказанные фактора, т. е. правительство и духовенство, въ редактированіи Аллеманской Правды, и къ какимъ средствамъ прибѣгали они для видоизмѣненія народнаго права аллемановъ въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ, намъ легко отвѣтить на вопросъ, гдѣ лежитъ источникъ первоначальнаго происхожденія той индивидуальной собственности на землю, съ существованіемъ которой одинаково знакомятъ насъ какъ нѣкоторыя статьи самой Правды, такъ и грамоты сѣверо-восточной Швейцаріи, Вюртемберга и Бадена отъ VIII и IX вѣковъ. Выраженія: «terra aliena», чужая земля, «messis aliena», [1]), чужой лугъ, попадающіяся какъ въ Pactus, такъ и въ Lex Alemannorum, а также запрещеніе всякаго завладѣнія такими участками, очевидно, указываютъ на такой порядокъ вещей, при которомъ частная собственность была не безызвѣстна. Что, съ другой стороны, Аллеманская Правда имѣетъ

[1]) Pertz, т III, стр 40 Si quis mortuum in terra aliena posuerit etc. (Pactus, frag. III, ст. 22).—Si quis messem alienam inquoat (ibid., ст 38).—Nullus alienam terram sine auctoritate praesumat invadere. Si quis res alienas aut ecclesiae malo ordine pervaserit. (Lex Alem. Lanfridana, t. XCVII. Pertz, стр. 118 и 119).

въ виду именно частную собственность, а не одно лишь владѣніе и пользованіе землею, это слѣдуетъ уже изъ права безвозмезднаго отчужденія ея, по крайней мѣрѣ, въ пользу церкви. — объ отчужденіяхъ иного рода или въ пользу другихъ лицъ въ самой Правдѣ еще нѣтъ рѣчи. Въ памятникахъ слѣдующихъ столѣтій частная собственность на землю упоминается на каждомъ шагу ее дарятъ, продаютъ, обмѣниваютъ, сдаютъ въ прекарное владѣніе, оставляютъ по завѣщанію.

Пробѣгая длинный рядъ документовъ, приводимыхъ Вартманомъ въ его уже упомянутомъ сборникѣ, мы убѣждаемся въ существованіи у аллеманновъ въ IX вѣкѣ частной недвижимой собственности троякаго порядка, аллода, акквизита или конквизита и экзарта (употребляя для послѣдняго случая собственности терминъ Баварской и Бургундской Правды) [1]. Эти три вида собственности отличаются другъ отъ друга по источнику ихъ происхожденія. Аллодъ есть земля, полученная кѣмъ-либо въ порядкѣ законнаго наслѣдованія, въ силу выдѣла изъ нераздѣльной сначала семейной собственности [2]. Поэтому въ упомянутыхъ источникахъ вмѣсто аллода чаще всего встрѣчаются слова sors, что, по всей вѣроятности, не болѣе, какъ латинскій переводъ нѣмецкаго слова alood (loos), и portio, что выражаетъ «часть», достающуюся извѣстному лицу, въ силу раздѣла наслѣдства. Конквизитъ [3] есть всякое земельное пріобрѣтеніе, совершенное частнымъ лицомъ путемъ отдѣльныхъ сдѣлокъ земля, которую оно купило, получило въ даръ и т. п. Третій видъ частной собственности составляетъ экзартъ. Самый терминъ этотъ въ южногерманскихъ и швейцарскихъ памятникахъ не встрѣчается [4], но предполагаемый имъ видъ собственности обозначается описательно словами: quod ego postea laboravi (обработалъ) [5], или — quod ego de meo labore postea adquisivi [6], или — quod meis propriis adquisivi manibus

---

[1]) Lex Baiuv., tit. XVII. Lex Burg., tit. XIII.

[2]) См. Wartmann, №№ 143, 153, 269 и 372.

[3]) Такъ, напр., въ одной грамотѣ 791 г., помѣщенной Вартманомъ подъ № 128, упоминается о лицахъ, qui alodum eorum et conquisitum traderent ad monasterio sancti Galli См. также № 278, гдѣ говорится о передачѣ монастырю въ собственность quicquid visi sumus jure hereditatis possidere paternico hereditate seu adquisitione, № 331: X jornales quas conparavit ad illos vicinos; № 325: conquisitione.

[4]) Хотя глаголъ exartare и приводится въ грамотѣ, напечатанной Вартманомъ подъ № 81 (а 779).

[5]) № 25.

[6]) № 69

aut quidquid ibidem deinceps elaborare potuero [1]), или — quicquid proprio sudore adquisivi [2]), или — quicquid ille sibi ad proprietatem adquisivit juris territorii, или — quicquid comprehensum vel elaboratum habuit [3]). Нерѣдко также этотъ видъ собственности обозначается словами novale [4]), extirpatum et cultum adtractum (очевидно, ad culturam) [5]). Всѣ эти названія указываютъ на одинъ и тотъ же порядокъ пріобрѣтенія частной собственности на землю путемъ первоначальнаго обращенія ея подъ обработку; самый этотъ актъ передается въ однѣхъ грамотахъ глаголомъ exartare, въ другихъ — глаголами extirpare или novellare; эти слова выражаютъ собою актъ первоначальнаго обращенія земли подъ обработку путемъ расчистки. Хотя производство такой расчистки предполагаетъ право свободнаго обращенія каждой пустоши въ пашню, мы приходимъ, однако, къ заключенію, вчитываясь въ текстъ тѣхъ нѣсколькихъ грамотъ, въ которыхъ сколько-нибудь обстоятельно упоминается о порядкѣ такихъ расчистокъ, что свобода частнаго лица въ этомъ отношеніи была съ самаго начала связана въ двоякомъ направленіи. Во-первыхъ, не всякій пришлецъ могъ установить въ свою пользу экзартъ, такъ какъ этимъ правомъ пользовались одни только постоянные поселенцы; во-вторыхъ, никто не былъ въ правѣ занять участокъ больше того, какой могъ быть обращенъ подъ обработку самимъ заимщикомъ. Вотъ почему въ одной изъ упомянутыхъ грамотъ говорится: «extirpare silvam quantum mihi necesse est», — т. е о расчисткѣ лѣса въ размѣрѣ надобностей личнаго пользованія, а въ другой значится, что поселенцы (qui ibidem manent) въ правѣ расчистить столько лѣса, сколько могутъ сдѣлать это собственнымъ трудомъ — exartare tantum, quantum possent in eorum compendio et ad eorum opus [6]). Вотъ почему также экзартъ описывается грамотами, какъ видъ собственности, пріобрѣтаемой личными усиліями и потомъ воздѣлывателя [7]).

Отъ характеристики различныхъ видовъ частной недвижимой собственности, извѣстной аллеманамъ VIII и IX вѣковъ, перейдемъ къ опредѣленію порядка возникновенія этой собственности.

Акквизитъ или конквизитъ, очевидно, предполагаетъ существова-

---

1) № 117
2) Sangallenses formulae (a 871), Walter, III, стр 485.
3) №№ 274, 405.
4) №№ 202, 334, 479.
5) №№ 534, 153 и 491.
6) №№ 85 и 766.
7) Walter, Corpus, III, стр. 485

ніе свободы земельныхъ сдѣлокъ. Мы видѣли, что Аллеманская Правда, говоря о такой свободѣ, разумѣла подъ нею одно лишь право дарственнаго распоряженія въ пользу церкви, а если это было такъ, то въ эпоху редактированія Lex Alemannorum акквизитъ явился не болѣе, какъ зачинающимся видомъ частной собственности на землю Самое развитіе его шло крайне медленно и условливалось перенесеніемъ на лица другихъ сословій положенія о безповоротности разъ совершенныхъ земельныхъ уступокъ, положенія, впервые установленнаго, какъ мы знаемъ, въ пользу одного духовенства. Это обстоятельство, въ связи съ слабымъ развитіемъ обмѣновъ и возможностью пріобрѣтать наслѣдственное пользованіе землею и помимо покупки, путемъ расчистки лѣса подъ пашни или взятія чужой собственности въ прекарій. объясняетъ намъ причину, по которой о конквизитѣ упоминается сравнительно рѣдко въ аллеманскихъ грамотахъ VIII и IX столѣтій.

Сказанное о природѣ экзарта, въ свою очередь, не даетъ права относиться и къ нему какъ къ первоначальному порядку установленія частной собственности на землю. Земля, сдѣлавшаяся частнымъ имуществомъ вслѣдствіе приложенія къ ней личнаго труда, не была до момента ея обработки пустопорожней, никому не принадлежавшей: она состояла въ общинномъ пользованіи сосѣднихъ поселенцевъ, и на этомъ основаніи одна изъ грамотъ С.-Галленскаго монастыря упоминаетъ о правѣ расчищать землю подъ пашню наряду съ другими правами общиннаго пользованія — правомъ выпаса и въѣзда. [1]). Итакъ, экзартъ на первыхъ порахъ—не болѣе, какъ одинъ изъ способовъ извлеченія общинными владѣльцами имущественныхъ выгодъ изъ нераздѣльной общей земли. Принадлежность послѣдней общинѣ не даетъ права предполагать установленія съ самаго начала частной собственности на расчищенный участокъ. По всей вѣроятности, расчистка вела только къ пользованію, болѣе или менѣе продолжительному; титулъ собственности оставался за общиной. Подобно тому, какъ общинники въ правѣ были извлекать изъ состоявшей въ ихъ владѣніи земли лѣсъ для топлива или сѣно для прокорма скота, они могли получать съ нея и хлѣбъ для пропитанія, но всегда подъ однимъ и тѣмъ же условіемъ — примѣненія личнаго труда. Порядки, однохарактерные съ только что описанными, продолжаютъ держаться до настоящаго времени и, притомъ, въ тѣхъ же мѣстностяхъ, что и сотни лѣтъ назадъ. Въ опредѣленные сроки выдѣляются, по преимуществу, незажиточнымъ общин-

[1]) Wartmann, № 85

никамъ небольшіе участки земли въ общинномъ полѣ и лѣсѣ, и эти участки обращаются ими затѣмъ подъ обработку [1]). Но сравненіе современныхъ и стародавнихъ порядковъ, рядомъ со сходствомъ, обнаруживаетъ и различіе. Въ наше время общинники, надѣленные землею изъ общаго поля, не пріобрѣтаютъ на нее права частной собственности, а лишь пользуются ею всего-на-всего 6, 7 лѣтъ, иногда и болѣе, но только до времени новаго передѣла земли между ними. О такихъ передѣлахъ въ примѣненіи къ экзарту въ VIII и IX вѣкѣ нѣтъ и помину. Но признавая однохарактерность источника происхожденія старинныхъ экзартовъ и современныхъ Garten (этимъ терминомъ в[illegible]веро-восточной Швейцаріи и, въ частности, въ кантонѣ Гларусъ обозначаются выдѣляемые общинникамъ участки пахотной земли), мы должны еще объяснить причину, по которой общая. по всей вѣроятности, тѣмъ и другимъ первоначальная срочность владѣнія замѣнена была по отношенію къ экзарту безсрочностью, — что въ переводѣ на юридическій языкъ равнозначительно съ переходомъ временнаго владѣнія въ собственность. Писатели, которые, какъ, напр., Дальманъ [2]), не видятъ другого источника происхожденія собственности, кромѣ давности владѣнія, по всей вѣроятности, не преминули бы дать такое объясненіе и факту перехода къ воздѣлывателю общинной земли права безповоротнаго и безсрочнаго владѣнія ею. Нельзя, однако, не сказать, что теорія Дальмана и его послѣдователей не привела доселѣ и едва ли въ состояніи привести въ будущемъ какія-либо фактическія данныя въ свое подтвержденіе.

Общераспространенность среди германскихъ племенъ экзарта [3]) или, какъ называютъ его нѣкоторые источники, бифанга (нѣмецкій переводъ латинскаго термина adtractus) препятствовала обыкновенно германистамъ [4]) признать римское происхожденіе того правила, въ силу котораго обращенный впервые подъ обработку участокъ становится частною собственностью его воздѣлывателя. Между тѣмъ римская теорія occupatio, какъ первоначальнаго способа установленія частной

---

[1]) О такихъ раздачахъ упоминается сплошь и рядомъ въ отвѣтахъ отдѣльныхъ общинъ кантона Гларусъ на разосланные мною вопросные пункты. О нихъ же говоритъ и Andreas Heussler въ статьѣ „Die Rechtsverhältnisse am Gemeinland in Unterwalden“ (Zeitschr. für Schweizerisches Recht X т.)

[2]) Geschichte von Danemark.

[3]) См., напр., Lacomblet, Urkundenbuch für die G. des Niederrheins, I, 12 и 29 № 64 — Dronke, Codex diplomaticus Fuldensis, 133, № 261

[4]) См., напр., Beseler, Der Neubruch въ Symbolae Bethmano Hollwegio oblatae.

собственности на землю, невольно наводитъ на мысль—искать въ римскомъ правѣ объясненія и этого института. Уже то обстоятельство, что мы встрѣчаемъ пріобрѣтеніе собственности черезъ occupatio среди римскаго населенія граничащей съ Аллеманіей Реціи, что самое правило объ установленіи путемъ расчистки права частной собственности, не упоминаемое Аллеманской Правдой, точно формулировано въ Lex romana Curiensis, даетъ право думать, что установленіе этого правила не обошлось безъ заимствованія у римлянъ. Въ самомъ дѣлѣ, что постановляетъ на этотъ счетъ названная Lex, эта передѣлка Lex romana Visigothorum, составленная для Куръ-Реціи не позже VIII вѣка [1]), и что говорятъ о томъ же германскія правды и аллеманскія формулы VIII и IX в.? «Буде кто воздѣлаетъ почву, никѣмъ еще не занятую, никто не въ правѣ отнять ее у заимщика», объявляетъ Lex romana Curiensis [2]), и то же постановленіе заключаетъ въ себѣ какъ Бургундская Правда, такъ и аллеманскія формулы, говоря о собственности, пріобрѣтенной трудомъ и потомъ (labore et sudore) [3]). Утверждать обратное, т. е. заимствованіе римлянами у германцевъ экзарта, какъ порядка установленія собственности на землю, не позволяетъ самый текстъ Lex romana Curiensis, который, выражая со словъ Кодекса Ѳеодосія правило о безповоротномъ занятіи частнымъ лицомъ пустопорожней земли, подкрѣпляетъ это правило ссылкой на новеллу императора Гонорія. Возможность же заимствованія аллеманами институтовъ сосѣдней Реціи обусловливалась тѣмъ обстоятельствомъ, что въ средѣ самихъ аллемановъ, какъ ни опустошительно было ихъ нашествіе, осталось не мало слѣдовъ свободнаго рето-и гельвето-римскаго населенія [4]). Представителями его являлись какъ

---

[1]) Planta, Das Alte Rhätien, стр. 354—74.

[2]) Lex romana Curiensis, liber II, XXIII De re vendicationem, Impr. Honorius. Data V. Kl. Mar. Intpr.: Quicumque miles in terram dominicalem aedificium fecerit, id est, si ipsa terra alter homo antea propressa non habuit, postea ipsum aedificium nullus homo ei tollere potest. Similiter et de agro ubicumque laborare potuerit si ipsum agrum antea alter non habuit, nullus homo ei tollere potest (Planta, стр. 460).

[3]) Lex Burg., tit. XIII.

[4]) Говоря это, я расхожусь съ Блунчли, который (на стр. 15 своей „Исторіи государства и права въ кантонѣ Цюрихъ“) отрицаетъ фактъ существованія наряду съ аллеманами и свободныхъ римлянъ Знакомство съ текстомъ нѣкоторыхъ грамотъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ Вартмана, изданномъ много времени спустя послѣ выхода въ свѣтъ образцовой монографіи Блунчли, по всей вѣроятности, измѣнило бы его воззрѣніе на этотъ счетъ.

колоны, которыхъ Lex Alemannorum называетъ liberi ecclesiae [1]), такъ и тѣ вполнѣ свободные и полноправные римляне (Romani), о которыхъ упоминаетъ, въ частности, одна С.-Галленская грамота 851 г., запрещающая отчужденіе указываемаго въ ней земельнаго участка одинаково римлянамъ и аллеманамъ (non habeant licentiam nec ad Romanos, nec ad Alemannos vendere) [2])

Такимъ образомъ, изъ трехъ встрѣчающихся у аллемановъ видовъ недвижимой собственности, ни конквизитъ, ни экзартъ не въ правѣ считаться первоначальными. Источникъ ихъ происхожденія можетъ быть указанъ, и приблизительно опредѣлено даже время появленія того и другого въ народномъ юридическомъ быту.

Остается разсмотрѣть первый изъ названныхъ нами видовъ собственности—аллодъ. Мы уже показали, что аллодъ или, что то же, sors, есть не что иное, какъ достающаяся по наслѣдству часть семейно-родового имущества, почему въ нѣкоторыхъ грамотахъ онъ называется даже прямо alod parentum [3]). Имущество это на первыхъ порахъ было нераздѣльно и продолжаетъ еще въ VIII и IX в., хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, оставаться попрежнему въ совмѣстномъ пользованіи родственниковъ, нерѣдко настолько отдаленныхъ другъ отъ друга, что источники не считаютъ возможнымъ обозначать ихъ по степенямъ родства и употребляютъ болѣе широкое выраженіе socii или consortes, что указываетъ на лицъ, стоящихъ въ союзѣ съ даннымъ лицомъ, имѣющихъ наравнѣ съ нимъ свою часть въ общемъ имуществѣ. Такъ, напримѣръ, перечисляя тѣхъ крестьянъ, какихъ вмѣстѣ съ ихъ участками нѣкій Пето отдаетъ въ даръ монастырю С.-Галленъ, грамота 731 года упоминаетъ о крестьянинѣ Витонѣ, переходящемъ къ монастырю вмѣстѣ съ землею «cum sociis suis» [4]),—этимъ доказывается, что въ средѣ крѣпостного населенія, не знавшаго свободы распоряженія семейной собственностью, а, слѣдовательно, и безповоротнаго даренія ея въ пользу церкви, общая семейная собственность продолжала держаться много вѣковъ спустя послѣ установленія Аллеманской Правдой обязательнаго раздѣла наслѣдства для лицъ свободныхъ сословій. Совмѣстное владѣніе consortes встрѣчается, впрочемъ,

---

[1]) Хотя Lex Alem. и говоритъ о колонахъ, какъ о свободныхъ, „liberi ecclesiastici quos colonos vocant“ (tit. XXXIII и IX), но грамоты VIII и IX в. рисуютъ намъ ихъ положеніе весьма близкимъ къ положенію если не рабовъ, то крѣпостныхъ владѣльцевъ mansi.

[2]) Wartmann, т. II, № 415

[3]) Wartmann, № 153.

[4]) Wartmann, т. I, № 6.

подчасъ и среди свободнаго населенія, и не только въ VIII, но и въ IX столѣтіи, обыкновенно по отношенію къ лѣсу и лугу рядомъ съ выдѣленною каждому въ частную собственность пашнею [1]).

Въ результатѣ всего предшествующаго изслѣдованія оказывается, что древнѣйшимъ видомъ недвижимой собственности у аллемановъ является нераздѣльная кровная собственность. Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли считать эту собственность родовой или семейной, мы оставляемъ пока въ сторонѣ. Сводя къ немногимъ положеніямъ результаты всего изложеннаго мы можемъ сказать, что частная собственность на землю появляется впервые въ Аллеманіи благодаря раздѣламъ общей собственности между родственниками; эти раздѣлы поощрялись духовенствомъ, лично заинтересованнымъ въ установленіи въ свою пользу свободы имущественныхъ сдѣлокъ и, въ особенности, даренія. Возникающая, такимъ образомъ, частная собственность на землю быстро возрастаетъ въ своемъ территоріальномъ протяженіи, по мѣрѣ расчистки отдѣльными общинниками необработанныхъ земель; впрочемъ, переходъ такихъ заимокъ изъ временнаго владѣнія въ безповоротную собственность сдѣлался возможнымъ лишь съ тѣхъ поръ, какъ къ нимъ была примѣнена теорія римскаго права относительно установленія собственности путемъ occupatio.

Къ раздѣламъ и заимкамъ присоединяется со временемъ новый способъ пріобрѣтенія земельной собственности путемъ покупки, по мѣрѣ распространенія на лицъ другихъ сословій и на всякаго рода имущественныя сдѣлки той свободы, которая на первыхъ порахъ признаваема была по отношенію къ одному лишь безповоротному распоряженію землею въ пользу церкви и ея членовъ.

§ 2.

Мы показали, что древнѣйшимъ видомъ земельной собственности у аллемановъ была собственность общинно-кровная. Теперь спрашивается, какая это была собственность, родовая или семейная?

Въ ряду другихъ постановленій, мы встрѣчаемъ въ Pactus Lex Alamanorum [2]), между прочимъ, предписаніе о рѣшеніи споровъ относительно границъ двухъ genealogiae [3]) судебнымъ поединкомъ, въ присутствіи

---

[1]) Ibid., № 199, a. 809.

[2]) Lehman и Schröder доказываютъ, что такъ называемые Additamenta sive legum liber tertius, признаваемые Меркелемъ за отрывокъ Lex Alamanorum, составляютъ часть Pactus (VI в.).

[3]) Lex. Alam., tit. XXIV

графа de plebe или de terra illa (смотря по рукописямъ), другими словами, графа той мѣстности, къ которой принадлежитъ смежный участокъ. Для насъ безразличенъ сейчасъ порядокъ рѣшенія этого спора, но важно выясненіе термина genealogia. Онъ попадается всего разъ въ аллеманскомъ сводѣ, но мы снова встрѣчаемся съ нимъ въ Правдѣ Баварской [1]), и въ этой послѣдней онъ имѣетъ, несомнѣнно, значеніе рода, а не большой семьи, такъ какъ объ одной изъ такихъ генеалогій, Агилолфинговъ, въ томъ же текстѣ говорится, что она герцогскаго рода, а въ хроникѣ Фредегара слово genealogia въ примѣненіи къ ней прямо замѣняется терминомъ gens [2]). Въ томъ же значеніи рода употребляетъ это слово и одна юридическая формула, приводимая Россомъ въ его «Исторіи землевладѣнія у древнихъ германцевъ». Въ ней упоминается о пожалованіи двухъ curtiles, одной мельницы и нѣсколькихъ jurnales пахотной земли; все это расположено, какъ значится въ грамотѣ, in vico et genealogia Genealogia занимала собою, такимъ образомъ, не одинъ дворъ, а нѣсколько дворовъ, цѣлый vicus, другими словами, цѣлое селеніе, слѣдовательно, приближалась скорѣе къ роду, нежели къ семейной общинѣ [3]). Но въ правѣ ли мы придать то же толкованіе термину genealogia, встрѣчающемуся и въ Lex Alemannorum? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы считаемъ нужнымъ обозрѣть всѣ тѣ косвенныя указанія, какія могутъ быть приведены для его рѣшенія, съ одной стороны, топографическими названіями древнѣйшихъ поселеній аллемановъ, а съ другой—обычнымъ правомъ средневѣковой Швейцаріи, и именно, сѣверовосточной ея половины, т. е. Швейцаріи аллеманской

Въ спеціальной монографіи о наименованіяхъ отдѣльныхъ мѣстностей кантона Цюрихъ Мейеръ собралъ богатый матеріалъ въ доказательство родового характера ихъ происхожденія. Пользуясь имъ, Блунчли съ полнымъ основаніемъ проводитъ ту мысль, что общеупотребительное въ мѣстныхъ названіяхъ окончаніе kon или iken—не болѣе, какъ позднѣйшее сокращеніе словъ inghova или inghoven,—такъ что имя однѣхъ и тѣхъ же мѣстностей оканчивается сперва

---

[1]) Lex. Baiuvariorum, tit. III De genealogia qui vocantur huosi.

[2]) Proceres de gente nobili Agylolfingi (Fredegar, Chronic. 52).—Мѣсто приведено у Gengler'a, Germ. Rechtsdenkmäler, стр. 354, прим. 13.

[3]) Ross, Early history of landholding, стр. 205. Въ другой формулѣ, приводимой тѣмъ же писателемъ, genealogia имѣетъ уже болѣе характеръ нераздѣльной семьи. Въ дарственной записи, совершенной въ пользу Зальцбургской епископіи, упоминается объ уступкѣ ей членомъ genealogia de Albina portio venationis communis cum cohaeredibus.

на inghova, позднѣе на kon Слово inghova, въ свою очередь, составилось изъ двухъ корней — ing и hova Корень ing, какъ это видно изъ общеизвѣстныхъ фамильныхъ прозвищъ Меровинговъ, Арнульфинговъ и Капетинговъ, указываетъ на принадлежность къ извѣстному роду и встрѣчается нерѣдко и безъ соединенія съ hova; въ этомъ случаѣ, обыкновенно, въ формѣ inger (такъ, напр , въ именп мѣстности Andolfingen) Корень hova, очевидно, равнозначителенъ съ попадающимся въ грамотахъ VIII вѣка терминомъ hoba и его латинскимъ синонимомъ mansus, т е. крестьянскимъ дворомъ. Принимая во вниманіе все сказанное, нельзя не прійти къ выводу, что въ названіяхъ мѣстностей кантона Цюрихъ встрѣчаются указанія на занятіе отдѣльныхъ дворовъ одного и того же поселка родственными другъ другу семьями Начальная часть слова не что иное, какъ прозвище первоначальнаго основателя или наиболѣе выдающагося члена рода, подобно тому, какъ въ упомянутыхъ выше династическихъ именахъ корень слова содержитъ въ себѣ названіе историческаго лица, родоначальника или наиболѣе славнаго предка (Меровея, Арнульфа, Карла и т. д.) [1]) Въ переводѣ на русскій языкъ названія, въ родѣ Zollicon или Zollinchova, Wezicon или Wezinchova, Ellicon или Ellinchova, значатъ не болѣе, какъ дворы поллингеровъ, вецингеровъ или эллингеровъ. Разборъ топографическихъ названій приводитъ, такимъ образомъ, къ тому заключенію, что аллеманы селились въ Гельвеціи родами, причемъ входившія въ составъ рода семьи занимали каждая отдѣльный дворъ, точь-въ-точь какъ дѣлали это въ другихъ мѣстностяхъ упоминаемые Цезаремъ gentes (роды) и cognationes hominum qui una coierunt (союзы родственниковъ, имѣющихъ общій очагъ, другими словами, большія нераздѣльныя семьи).

На господство у аллемановъ родовыхъ отношеній указываютъ въ одно слово и памятники обычнаго права средневѣковой Швейцаріи, въ частности, сѣверо-восточной ея половины, занятой аллеманами.

Начать съ того, что нигдѣ въ Германіи, за исключеніемъ развѣ Дитмаршена, кровная месть не удерживалась такъ продолжительно, какъ именно здѣсь. Въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ памятникахъ XV-го столѣтія она носитъ еще характеръ родовой, а не просто семейной мести. Право преслѣдовать убійцу не ограничено ближайшими родственниками, а простирается такъ же далеко, какъ и право наслѣдованія, такъ, напр., въ Люцернѣ [2]), или оно признается неопредѣленно за всѣмъ родствомъ

---

[1]) Bluntschli, кн. I, стр 25—28.

[2]) См Segesser, Geschichte des Kantons Luzern, т. II, 205. прим. 3.

покойнаго, за всѣми его Freunde, или, употребляя швейцарскую орѳографію, за его Vrund [1]).

Кровная месть—не болѣе, какъ одна изъ сферъ проявленія родоваго начала. Рядомъ съ ней, отмѣтимъ участіе родственниковъ въ третейскомъ разбирательствѣ споровъ, возникающихъ между лицами одной крови. Указаніе на такую роль parentes, т. е., по всей вѣроятности, старшихъ родственниковъ, встрѣчается случайно въ одной грамотѣ С.-Галленскаго монастыря, содержаніе которой такъ важно для занимающаго насъ вопроса, что мы позволимъ себѣ передать его въ переводѣ цѣликомъ.

Грамота, о которой идетъ рѣчь, не помѣчена ни мѣсяцемъ, ни годомъ; но въ виду упоминаемаго въ ней епископа-аббата Ремедія, смерть котораго относится ко второй четверти IX в., она должна быть отнесена приблизительно къ этому же времени. Содержаніе ея таково. Къ епископу-аббату, засѣдающему вмѣстѣ съ судьями Теудономъ и Вигеліемъ и шултгейсомъ Аврелианомъ, являются нѣкіе Танцій и Максимъ и предъявляютъ искъ противъ Эдаулека и брата его. Предметомъ спора служитъ земельный участокъ. Судьи постановляютъ, что отвѣтчики, Эдаулекъ и братъ его, должны принесть присягу въ принадлежности имъ земельнаго участка. Грамота продолжаетъ «должны были принесть присягу и не принесли ея». Этимъ устранена была возможность рѣшить дѣло приговоромъ судей. На смѣну имъ являются родственники-посредники (parentes, какъ называетъ ихъ грамота); это, очевидно, не родители,такъ какъ ничто не указываетъ на то, чтобы Танцій и Максимъ были братьями Эдаулека и Вигелія. Родственники присуждаютъ отвѣтчиковъ выдѣлить истцамъ третью часть спорнаго поля подъ пастбище [2]).

Ясно, что въ приведенной грамотѣ мы имѣемъ передъ собою случай не семейнаго, а родового суда. Мировая сдѣлка заключается не между родными братьями, а между болѣе или менѣе отдаленными родственниками, не родителями, а, по всей вѣроятности, старшими въ родѣ.

Родовое начало, такъ наглядно проявляющееся въ правѣ кровной

---

1) См. Bluntschli (т I, стр. 410), а также то, что по вопросу о кровной мести въ Швицѣ говоритъ Kothing въ XII т. Geschichtsfreund. Почти всѣ указанія касательно существованія права кровной мести въ средневѣковой Швейцаріи собраны Osenbriggen въ его Deutsche Rechtsalterthümer aus der Schweiz, Zürich, 1858 г., 1-я тетрадь, стр. 16 и слѣд.

2) Wartmann, т. I, № 354. Et postea apactuerunt parentes que (вмѣсто quod) de ipsu agru, que illi quesierunt, dederunt tercia porcione in pacalia.

мести и въ участіи родственниковъ въ третейскомъ разбирательствѣ, наложило свою печать и на гражданское право аллеманской Швейцаріи. Право предпочтительной покупки и выкупа проданнаго имущества, какъ и право наслѣдованія, носятъ на себѣ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ видимые слѣды такого порядка вещей, при которомъ недвижимая собственность принадлежитъ нераздѣльно не однимъ семейнымъ, но и родовымъ союзамъ. Указанныя права признаются какъ за ближайшими родственниками, членами одной съ продавцомъ или наслѣдодателемъ семьи, такъ и за лицами одной съ нимъ Genossame, т. е. имущественной общины, будетъ ли то марка или село, или болѣе тѣсный союзъ древнѣйшихъ поселенцевъ одной и той же деревни. Такъ, напр., въ общинѣ Эгери, въ кантонѣ Цугъ, какъ и въ общинѣ Берковъ, въ кантонѣ Аргау, право предпочтительной покупки и выкупа признается, во 1-хъ, за такъ называемыми Geteilen (это тѣ же consortes, лица, раздѣлившія наслѣдство съ продавцомъ), во 2-хъ, за Genossen, т. е. членами одной съ нимъ имущественной общины [1]). Право выкупа, принадлежащее сперва родственникамъ, а затѣмъ членамъ имущественной общины (Genossame), признается сплошь и рядомъ записями юридическихъ обычаевъ бернскихъ селъ, напр., села Саненъ [2]). Указаніе на него мы находимъ также въ нѣкоторыхъ грамотахъ С.-Галленскаго аббатства, употребляющихъ формулу: «prefatas res nec ego, nec ullus heredum meorum licentiam habeat redimendi» [3]).

Въ тѣхъ же общинахъ, какъ сельскихъ, такъ и городскихъ, смерть лица, не оставившаго по себѣ наслѣдника, имѣла послѣдствіемъ поступленіе всего или части имущества въ руки его Genossame, гдѣ марки, а гдѣ и сельской общины [4]). Подобный же порядокъ мы находимъ въ той части кантона Швицъ, которая носила названіе Старой земли (das alte Land) [5]) и долгое время составляла одну нераздѣльную марку.

Если отъ средневѣковыхъ порядковъ мы перейдемъ теперь къ современнымъ и познакомимся съ тѣмъ характеромъ, какой представляютъ раздѣлы общинныхъ угодій, то намъ не трудно будетъ открыть источникъ происхожденія выше указанныхъ правъ. Устанавливая на-

---

[1]) Rochholz, Aargauer Weisthümer, стр. 24.

[2]) Die Rechtsquellen des Kanton Bern — Schnell (Zeitschrift für Schw. Recht, т. IX, стр. 223, 232).

[3]) Wartmann, т. II, № 402, a. 847.

[4]) Ibid, Stadrecht von Arberg., стр. 22.—Stadrecht von Nydau, стр. 60.

[5]) Kothing, Das Erbrecht von Schwyz.

чало безповоротнаго владѣнія каждой семьи доставшимся ей при раздѣлѣ участкомъ, прежніе совладѣльцы признаютъ въ то же время право предпочтительной покупки, выкупа и наслѣдованія въ послѣдней степени за всею совокупностью бывшихъ совладѣльцевъ. Такъ, напр., въ статутахъ, изданныхъ не далѣе, какъ въ 1856 г. членами Genossame въ селѣ Кюсснахтѣ, значится, что раздѣленныя въ частную собственность земли (альменды) могутъ быть отчуждаемы не постороннимъ общинѣ лицамъ, а однимъ лишь членамъ прежней Genossame. Правило это въ наше время ограничено въ своемъ дѣйствіи извѣстнымъ срокомъ, по истеченіи котораго, если бывшіе совладѣльцы не воспользовались преимуществомъ предпочтительной покупки, дозволяется продажа на сторону. Самое отчужденіе въ пользу членовъ Genossame стѣснено правомъ выкупа, признаваемымъ послѣдовательно за всѣми родственниками продавца, начиная съ ближайшаго и оканчивая дальнѣйшимъ Тѣ же статуты открыто провозглашаютъ право наслѣдованія цѣлой Genossame въ имуществѣ лица, оставившаго послѣ смерти однихъ замужнихъ дочерей [1])

На приведенныхъ примѣрахъ мы наглядно прослѣживаемъ самый процессъ возникновенія правъ предпочтительной покупки, общиннаго выкупа и наслѣдованія общины въ выморочномъ имуществѣ. Очевидно, что права эти имѣютъ предметомъ земли, прежде подлежавшія общинному пользованію, и установлены въ интересахъ тѣхъ только лицъ, которыя принимали участіе въ этомъ пользованіи. Поэтому существованіе такихъ правъ на протяженіи всей аллеманской Швейцаріи служитъ доказательствомъ того, что земли, оказавшіяся съ теченіемъ времени въ рукахъ отдѣльныхъ семей, состояли нѣкогда въ ихъ общинномъ владѣніи.

§ 3.

Предшествующее изслѣдованіе привело насъ, такимъ образомъ, мало-по-малу къ слѣдующимъ выводамъ: древнѣйшія поселенія алле-

[1]) Статуты эти переписаны были мною по оригиналу, хранящемуся въ общинномъ архивѣ Кюсснахта Я приведу въ подлинникѣ содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ § 7· Jeder Genosse kann sein Land selber benutzen, oder es verleihen, oder verkaufen, jedoch nur an Mitgenossen. — § 6: Zugrecht findet der Folgenreihe von den ersten bis zu den entferntesten Verwandten statt.— § 5: Das Erbrecht auf Allmendetheile findet nach den landrechtlichen Anordnungen statt Sollten die Töchter nicht gemeinsam haushalten, so kann *die Allmendverwaltung das Land zu handen nehmen* (Statuten betreffend die Dorfallmend zu Küssnacht).

мановъ основаны были родами; роды эти селились отдѣльными семьями, каждая своимъ дворомъ; право кровной мести, третейское разбирательство родственниковъ, владѣніе сообща всей занятою ими территоріей, за исключеніемъ одной усадебной,—таковы были наглядныя проявленія родового начала среди аллемановъ Очевидно, что бытъ, характеризуемый вышеприведенными чертами, ничѣмъ существенно не отличается отъ того, какой описанъ Цезаремъ въ его «Комментаріяхъ». Gentes и cognationes hominum — это роды и нераздѣльныя семьи, а свидѣтельство о томъ, что у германцевъ нѣтъ собственности (privati ac separati agri apud eos nihil est), совершенно согласуется съ тѣмъ, что сказано о первоначальномъ характерѣ землевладѣнія у аллемановъ.

Спрашивается теперь, продолжалъ ли держаться вышеописанный порядокъ имущественныхъ отношеній въ эпоху редактированія Аллеманской Правды? Слѣдуетъ ли поэтому считать genealogiae, упоминаемыя Lex Alemannorum, за роды, какъ это позволяетъ думать простое сопоставленіе съ Баварской Правдой, или же эти genealogiae не болѣе, какъ нераздѣльныя семьи? Однимъ словомъ, произошелъ ли у аллемановъ съ самаго начала раздѣлъ родовой собственности между семьями? Отвѣтъ на это даетъ критика самаго текста. Замѣтимъ прежде всего, что титулъ 87, говорящій о genealogiae, не входитъ въ составъ предпринятой Клотаромъ II редакціи: онъ стоитъ въ ряду другихъ статей (титулы 76—97), которыя Меркелемъ выдѣляются въ особую книгу [1]), и это не безъ основанія, такъ какъ между ними встрѣчаются нерѣдко и такія, которыя цѣликомъ заимствованы изъ Pactus Lex Alamannorum, древнѣйшаго памятника аллеманскаго права.

Уже это обстоятельство наводитъ на мысль объ архаическомъ характерѣ попадающихся въ этихъ статьяхъ юридическихъ нормъ. Прибавимъ къ сказанному, что самый порядокъ рѣшенія земельныхъ споровъ путемъ поединка, о чемъ говоритъ титулъ 87, и о чемъ нѣтъ и помину въ другихъ частяхъ Аллеманской Правды, равно какъ и въ грамотахъ VIII или IX столѣтій, укрѣпляетъ, въ свою очередь, увѣренность въ древнемъ происхожденіи этого порядка

Все это, вмѣстѣ взятое, приводитъ насъ къ убѣжденію, что при толкованіи текста о генеалогіяхъ нельзя пользоваться тѣми статьями Lex Alemannorum, въ которыхъ говорится о семейныхъ раздѣлахъ и дареніяхъ въ пользу церкви Тогда какъ эти послѣднія,

---

[1]) Leges Hlotharianae codici adiunctae (Pertz, т III, стр 76)

несомнѣнно принадлежатъ къ Клотаровой редакціи аллеманскихъ законовъ, т. е. къ началу VII вѣка, титулъ 87, подобно Pactus, легко можетъ быть фрагментомъ той первоначальной записи аллеманскихъ обычаевъ, о которой упоминаетъ Agathias, писатель VI вѣка [1]). Итакъ, при толкованіи этого титула мы должны ограничиться критикой одного его текста. Очевидно, въ немъ разумѣется случай судебнаго разбирательства передъ сотеннымъ сходомъ, такъ какъ уже Тацитъ говоритъ о сотняхъ, какъ о судебныхъ дистриктахъ, и съ тѣмъ же характеромъ выступаютъ сотни какъ въ Аллеманской Правдѣ, такъ и въ грамотахъ VIII и IX вѣковъ [2]).

Мы знаемъ отъ того же Тацита, что высшее административное подраздѣленіе—графство—не имѣло своего самостоятельнаго суда, и что въ сотняхъ дѣла разсматривались подъ предсѣдательствомъ разъѣзжающаго по нимъ графа. Тотъ же порядокъ судоустройства продолжалъ держаться и въ Меровингской монархіи [3]). Послѣ сказаннаго понятно, кого мы должны разумѣть подъ comes de plebe, о которомъ упоминаетъ титулъ 87 Это не кто иной, какъ разъѣзжающій по сотнѣ графъ Въ одномъ текстѣ онъ прямо названъ comes de terra, графомъ земли, т. е. высшимъ правительственнымъ лицомъ той земли или того народа, къ которой или къ которому принадлежатъ спорящія между собою genealogiae; это и выражено въ титулѣ 87 прибавленіемъ къ слову plebe мѣстоименія illa [4]). Такимъ образомъ, мы имѣемъ передъ собою случай разбирательства судебнаго процесса графомъ въ сотенномъ судѣ.

Порядкомъ рѣшенія спора является поединокъ (pugna duorum, какъ значится въ титулѣ) Но этому поединку, въ которомъ, какъ и во всѣхъ поединкахъ вообще, выступаетъ только по одному лицу съ каждой стороны, предшествуетъ дѣйствіе, въ коемъ принимаютъ участіе «illae genealogiae quae contendunt», т. е. спорящія «генеалогіи». Это дѣйствіе состоитъ въ поднятіи глыбы земли съ воткнутыми въ нее предварительно древесными вѣтвями, въ присутствіи графа, которому затѣмъ и передается глыба. Что подъ genealogiae разумѣются не частныя лица, а союзы, на это указываютъ, помимо самаго ихъ названія, и слова «illi alii praesumptiosi», — слова, которыми

---

[1]) Stobbe, т I, стр 145

[2]) Tacitus, cap. XII. См. Baumstark, Die Germania des Tacitus, стр. 495—502. Lex Alam., tit. XXXVI.

[3]) См. Sohm, Reichs- und Gerichtsverfassung.

[4]) Pertz, Leges, т. III L. Hloth. Cod. adj., tit. LXXXVII (стр 76). Lex Al. Lantfridana, tit. LXXX (стр 113).

титулъ 84 Lex Alamanorum Karolina, — это была Аллеманская Правда Карловой редакціи, [1]) — обозначаетъ «генеалогію», вышедшую побѣжденной изъ судебнаго поединка. Послѣ этого понятно, что выраженія unus и alius, употребляемыя тѣмъ же титуломъ 87, ни мало не указываютъ на единоличный составъ генеалогій, точно также, какъ и фраза—«кто изъ борющихся побѣдитъ, тотъ пусть и владѣетъ землею».— такъ какъ побѣжденной стороной всегда является множественность лицъ (illi alii praesumptiosi), и слово terram въ лучшей редакціи замѣнено словомъ contentionem, что, въ свою очередь, даетъ возможность перевести только что приведенное мѣсто слѣдующимъ образомъ: побѣдитель да считается выигравшимъ споръ. Слѣдовательно, въ разбираемомъ титулѣ не имѣется ничего, что противорѣчило бы пониманію генеалогій въ томъ же смыслѣ, въ какомъ разумѣетъ ихъ Баварская Правда, т. е. въ смыслѣ двухъ родовъ, спорящихъ между собою о границахъ ихъ владѣній и рѣшающихъ дѣло поединкомъ при сотенномъ судѣ въ присутствіи графа.

За исключеніемъ разобраннаго титула, который безъ существенныхъ измѣненій переходитъ изъ одной редакціи въ другую, ни одна статья аллеманскихъ законовъ, и тѣмъ менѣе грамоты VII—IX вѣковъ, ни словомъ не упоминаютъ о генеалогіяхъ; мѣсто ихъ въ постановленіяхъ, относящихся къ недвижимой собственности, занимаютъ haeredes [2]), consortes, socii [3]) и т. п., не говоря уже о частныхъ лицахъ, обозначаемыхъ словами: si quis liber, ingenuus, colonus, servus и т п Это служитъ надежнымъ признакомъ того, что въ VII и слѣдующихъ столѣтіяхъ родъ, какъ имущественная единица, уже разложился и уступилъ мѣсто, съ одной стороны, большой, съ другой, малой семьѣ. Послѣднее обстоятельство, въ свою очередь, вызвано было семейными раздѣлами, практика которыхъ, какъ мы видѣли, предписывалось Lex Alamanorum.

Дѣлежъ какъ родовой, такъ и семейной собственности, затрогивалъ, однако, не всѣ земли. Ему подвергались одни воздѣлываемые участки. Лѣса, пастбища и луга, за немногими исключеніями [4]),

---

[1]) Ibid., стр. 164.

[2]) Lex Al., tit. I и II.

[3]) Wartmann, т. I, приведенныя выше грамоты

[4]) Грамота 791 г. за № 131 говоритъ о pratum, какъ о частномъ владѣніи (ibid., гр за № 248), а грамота 793 г за № 135 упоминаетъ о передачѣ въ частную собственность silva. Грамота же 803 г за № 174 упоминаетъ и объ „alpes“, т. е о горныхъ пастбищахъ, какъ о доставшихся въ собственность отъ предковъ и передаваемыхъ также въ собственность, какъ слѣдуетъ изъ словъ: „ut a die presente faciant de ipsas alpes que voluerint“.

продолжали оставаться попрежнему въ нераздѣльномъ пользованіи, но уже не родовъ, а постепенно развивавшихся изъ нихъ марокъ.

Слово «марка» мы находимъ въ тѣхъ варварскихъ правдахъ, которыя, какъ Баварская, употребляютъ терминъ genealogia въ смыслѣ родовыхъ союзовъ. Такъ, напр., въ статьѣ, предвидящей тотъ же случай препирательства изъ-за границъ владѣній, о которомъ говорится въ титулѣ 79 и 84 законовъ аллемановъ, спорящія стороны названы conmarcani, что значитъ—принадлежащіе къ одной маркѣ. Въ аллеманскихъ грамотахъ VIII и IX вѣковъ понятіе марки часто совпадаетъ съ понятіемъ сотни; наглядный примѣръ этому мы находимъ въ дарственной записи отъ 9-го августа 792 г., которою нѣкій Кахангартъ передаетъ монастырю С.-Галленъ деревенскій поселокъ Пиллинторъ (constructa Pillinthor villa)— «infra marcha illa, qui vocatur Muntharihes huntari»; послѣднее слово означаетъ сотню Muntharihes, такъ какъ окончаніе huntari (англійское hundred) выражаетъ не что иное, какъ сотню [1]).

Только что приведенная грамота интересна для насъ еще въ томъ отношеніи, что въ ней строго проводится различіе между маркой и виллой. Вилла расположена въ предѣлахъ марки, а это, въ свою очередь, даетъ право утверждать, что марка у аллемановъ была союзомъ бо́льшимъ, нежели villa, что, другими словами, она состояла изъ нѣскольскихъ селъ. Другая почти одновременная грамота указываетъ на то, что также не совпадали границы графства и марки, что въ составъ графства могло входить нѣсколько марокъ [2]). Одна запись о прекаріи 793 г. убѣждаетъ насъ въ томъ, что марка состояла нерѣдко изъ болѣе, чѣмъ 20 населенныхъ мѣстъ; это видно изъ того, что за перечисленіемъ этихъ мѣстъ въ самой грамотѣ слѣдуютъ слова. «vel quicquid in illa marca visus fuerit habere» (все остальное, чѣмъ только владѣетъ тотъ, кто надѣляетъ прекаріемъ въ той маркѣ) [3]) Иногда число селъ, входящихъ въ составъ марки, прямо указывается въ грамотѣ; такъ, въ одномъ дарственномъ актѣ 817 г. говорится о передачѣ въ руки монастыря «in pago Turgavense et in marca duarum villarum (слѣдуютъ имена) quicquid ego et Theotinc

---

[1]) Ego . Caganhart dono ad monasterio S. Gallom in illo pago Arbonense donatum quod in perpetuum esse volo: hoc est infra marcha illa qui vocatur Muntarihes huntari constructa villa nuncupante, qui dicitar Pillinthor (Wartmann, № 134). См также № 384 in pago quod vocatur Perahdholmarcha in villa et in marcha, а также № 387, № 390.

[2]) № 142... in pago Turgaunense in finis vel in marcas.

[3]) Ibid., № 135.

presbyter in predicta marca adquirere potuimus» [1]). Нерѣдко, однако, границы марки совпадаютъ съ границами поселка. какъ это видно изъ текста одной грамоты 820 г., въ которой упоминается о передачѣ земель in pago Prisigauhiense (Breisgau) in villis nuncupatis in primis in Pukingas et in eadem marcha... ad Zeringhovum et in eadem marca [2]). Во многихъ грамотахъ слово marca употребляется въ смыслѣ предѣловъ, и въ этомъ случаѣ каждый разъ разумѣются границы владѣній одного села; такъ, напр., въ выраженіяхъ. in villa. . seu in ipsa fine vel in ipsa marcha [3]), или in Tattiinchovum (Dattlikon, кантонъ Цюрихъ) et in eadem marca [4]), или in Uzinrioth (Uznar) et in eadem marca [5]), in Campitona (Kempten, к. Цюрихъ) vel in eadem marca, in Altorf (к. Цюрихъ) et in illa marca [6]), или in Zollinchoven (Zollikon, кантонъ Цюрихъ) vel in eadem marca [7]), или in villa Tegarasca (Togerschen, кантонъ Тургау) nuncupata vel in eadem marca [8]. или in finis vel in marcas nuncupantes in villa qui dicitur Wila (Wil, кантонъ С.-Галленъ) et in Pramolveshova (Bronselhofen, кантонъ С.-Галленъ) quidquid in ipsas fines vel marcas visi sumus habere [9]). Замѣчательно при этомъ, что мѣстности, въ которыхъ марка совпадаетъ съ границами сельскихъ владѣній, принадлежатъ къ швейцарскимъ кантонамъ (Цюрихъ, Тургау, С.-Галленъ), тогда какъ тѣ, въ которыхъ марка включаетъ въ свои предѣлы нѣсколько селъ. почти безъ исключенія расположены въ долинахъ южной Германіи,—указаніе на то, что территоріальное распространеніе марки въ Швейцаріи съ самаго начала встрѣтило препятствія въ гористомъ характерѣ мѣстности и тѣснотѣ долинъ.

Грамоты С.-Галленскаго архива не только знакомятъ насъ съ территоріальнымъ протяженіемъ аллеманской марки, но и даютъ право думать, что марка въ IX и X ст. была чѣмъ-то въ родѣ волостной общины, жители которой совмѣстно владѣли и нераздѣльно пользовались ея территоріей; исключеніе въ этомъ отношеніи

---

1) № 225
2) Ibid, № 257.
3) № 300.
4) № 319.
5) №№ 320 и 350.
6) № 358
7) № 364
8) № 363
9) № 142

представляли лишь пахотныя земли, сдѣлавшіяся довольно рано, какъ мы видѣли, предметомъ индивидуальнаго освоенія Въ личный составъ марки, какъ землевладѣльческой общины, входили какъ свободные, ingenui, такъ и крѣпостные, mancipii или servi; какъ тѣ, которые на правахъ собственниковъ сидѣли и подчасъ обработывали свои аллоды (liberi allodiarii), такъ и тѣ, которые въ роли колоновъ или крѣпостныхъ воздѣлывали наслѣдственно или пожизненно чужіе участки, подъ условіемъ уплаты ценза или несенія натуральныхъ повинностей. Нѣкоторыя грамоты говорятъ о правѣ пользованія пастбищами, лѣсами и водами марки, какъ о правѣ, принадлежащемъ «всякому гражданину» (civis) [1]), слѣдовательно, лицу свободному и полноправному; другія еще опредѣленнѣе выражаютъ ту же мысль, характеризуя право общиннаго пользованія, какъ такое, «qualem unusquisque liber homo de sua proprietate juste et legaliter debet habere in campis, pascuis, silvis, lignorumque succisionibus atque porcorum pastu, pratis, viis, aquis, aquarumque decursibus, piscationibus, exitibus et reditibus». Этими словами указывается на право, которое каждый свободный человѣкъ въ силу принадлежности ему въ собственность участка, расположеннаго въ предѣлахъ марки, имѣетъ на поле, способное къ обработкѣ (campus), на пастбища (pascua), на лѣсъ для топлива, построекъ и выпаса свиней, на луга, источники и рѣки, рыбную ловлю, проходы и проѣзды [2]). Рядомъ съ грамотами, въ которыхъ объ общинномъ пользованіи говорится, какъ о правѣ свободнаго населенія, можно указать и на такія, въ которыхъ такое право считается принадлежностью всякаго вообще жителя марки, «quibus homo in communi saltu uti potest» [3]), или прямо признается за владѣльцемъ той или другой hoba, colonica или mancipium [4]). Крѣпостные, впрочемъ, пользуются этимъ правомъ не на одинаковыхъ основаніяхъ со свободными. Это наглядно выступаетъ изъ самаго текста грамоты. Тогда какъ собственники земель призываются къ общинному пользованію по праву (juste et legaliter) и въ силу своей собственности (de proprietate sua), колоны и крѣпостные, которыхъ грамоты IX и X столѣтій считаютъ за одно съ общинными угодьями, appendentes или adspectantes ad proprietatem terrae [5]), допускаются къ

---

1) Sicut alii cives ligna et materiam cedendi potestatem habeam (a 861, № 483).
2) № 680.
3) № 426.
4) См., напр, № 132
5) № 132

осуществленію этого права только какъ cultores, другими словами, какъ воздѣлыватели чужой земли. Такое допущеніе дѣлается столько же въ собственныхъ интересахъ крѣпостныхъ и колоновъ, сколько и въ интересахъ земельнаго собственника, неспособнаго, по самымъ условіямъ тогдашняго хозяйства, извлекать непосредственную пользу изъ своего права на общинныя угодья. Оставляя въ личномъ завѣдованіи лишь часть принадлежащей ему земли, такъ называемой terra salica [1]) или terra indominicata, portio dominica [2]), собственникъ IX и X столѣтій не нуждается и въ половинѣ того лѣса или выгона, пользованіе которыми составляетъ его право, признанное обычаемъ Большая часть его земли воздѣлывается лицами, поселенными на его владѣніяхъ (источники называютъ ихъ commanentes) и распадающимися, въ свою очередь, на двѣ группы ingenui и servi Собственникъ извлекаетъ свой доходъ изъ имѣнія, главнымъ образомъ, въ формѣ натуральной и денежной ренты, платимой ему въ опредѣленные сроки и являющейся вмѣстѣ съ барщиной какъ бы эквивалентомъ тѣхъ имущественныхъ выгодъ, какія связаны для крестьянъ съ владѣніемъ не только ихъ личными, вѣрнѣе, семейными надѣлами — huba или mansus, curtilis или colonica,—но и «принадлежностями» (appendicia), подразумѣвающими собою каждый разъ общинныя угодья. Если права земельныхъ собственниковъ на послѣднія могутъ быть подведены подъ современное понятіе собственности, то къ правамъ на марку свободныхъ или крѣпостныхъ владѣльцевъ можно приложить только терминъ пользованія, обыкновенно, наслѣдственнаго или пожизненнаго Это различіе имѣетъ не одно теоретическое значеніе. Оно влечетъ за собою и слѣдующее важное послѣдствіе Изъ обѣихъ категорій общинныхъ пользователей, земельные собственники одни въ правѣ уступить часть или всю принадлежащую имъ долю участія въ общинныхъ угодьяхъ третьимъ лицамъ, послѣдствіемъ чего можетъ быть сокращеніе района пользованія для семействъ, поселенныхъ на земляхъ помѣстья. Они одни также въ правѣ объявить запретными извѣстные участки лѣса или пастбища, изъять ихъ изъ общаго пользованія. Примѣры тѣхъ и другихъ распоряженій встрѣчаются сплошь и рядомъ въ аллеманскихъ грамотахъ IX и X ст. Такъ, въ одной, время составленія которой въ точности неизвѣстно, говорится объ уступкѣ монастырю графомъ Ператольдомъ половины всей марки, деревни Фильзингенъ, «medietas omnis marchae quae ad villam Filisiningam aspicit»

---

[1]) №№ 621, 543
[2]) № 623

(Vilsinga—Vilsingen въ княжествѣ Гогенцоллернъ) [1]), а въ другой—отъ 855 г. часть общиннаго лѣса объявляется прежними его совладѣльцами исключительной собственностью аббатства, при чемъ находится обычная въ подобныхъ случаяхъ формула. «nec ullus incidendi vel extirpandi infra denotata signa habeat potestatem» — да не имѣетъ никто права рубить или корчевать лѣсъ въ означенныхъ предѣлахъ [2]).

Всякій, знакомый съ тѣми послѣдствіями, какія влечетъ за собою начало общиннаго землевладѣнія, остановится съ недоумѣніемъ передъ указываемой нами здѣсь свободой отчужденія отдѣльнымъ общинникомъ принадлежащей ему «идеальной доли» Только принявши во вниманіе сказанное выше о вліяніи римскаго законодательства на разложеніе самыхъ основъ народнаго права аллемановъ, можно понять, какъ возникла такая свобода отчужденій. Въ ней, очевидно, нѣтъ ничего исконнаго, туземнаго. Она—явленіе позднее и привнесенное извнѣ. Допущенная сперва по отношенію къ частной собственности и заимствованная изъ римскаго права, свобода сдѣлокъ распространена была съ теченіемъ времени и на право участія въ общинной собственности. Такимъ образомъ, явилась возможность отчуждать не только опредѣленныя точными границами земли, но и идеальную долю участія въ пользованіи маркою Какое вліяніе имѣло признаніе такого права на дальнѣйшія судьбы общиннаго землевладѣнія, это мы увидимъ впослѣдствіи Въ настоящее время постараемся точнѣе формулировать уже добытые результаты.

Изъ разбора грамотъ IX и X ст. оказывается, что аллеманскому праву извѣстно существованіе какъ свободныхъ землевладѣльческихъ общинъ, составленныхъ, какъ значится въ этихъ грамотахъ, изъ ;ives или liberi homines, такъ и несвободныхъ или крѣпостныхъ. Члены первыхъ соединяютъ въ своихъ рукахъ права владѣнія, пользованія и распоряженія своими идеальными долями; члены вторыхъ не имѣютъ послѣдняго права и допускаются къ пожизненному или наслѣдственному пользованію только подъ условіемъ личной зависимости отъ земельныхъ собственниковъ и несенія барщины и ценза.

Этотъ выводъ рѣзко расходится съ тѣмъ, къ какому приходятъ Сэбомъ и Денманъ Россъ въ ихъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ земельной общинѣ у германцевъ. Оба писателя сходятся въ отрицаніи свободнаго характера этой общины. По ихъ мнѣнію, единственнымъ видомъ об-

---

[1]) Wartmann, т II, стр 397 См также грам. 861 г. за № 479 и грам 853 г, № 444

[2]) № 439.

щиннаго пользованія уже со временъ Тацита является то, которое связываетъ крѣпостное каселеніе помѣстій [1]). Сообщенныя нами данныя рѣзко противорѣчатъ этой теоріи и подтверждаютъ то, что высказано было по настоящему вопросу Маурером въ его «Исторіи сельскаго устройства въ Германіи» [2]).

§ 4

Перейдемъ теперь къ описанію самыхъ видовъ общиннаго пользованія. Грамоты VIII и слѣдующихъ столѣтій обыкновенно перечисляютъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: онѣ говорятъ о передачѣ земли cum silvis, pastu или pascuis, viis, aquis aquarumque decursibus, piscationibus. [3]). Нѣкоторыя изъ этихъ видовъ пользованія болѣе точно опредѣляются въ другихъ грамотахъ. Такъ, изъ одной грамоты 779 г. мы узнаемъ, что право пользованія лѣсомъ выражалось одинаково, какъ въ правѣ выпаса (свиней), такъ и въ правѣ рубки лѣса, наконецъ, и въ правѣ обращенія отдѣльныхъ участковъ его подъ обработку. Другая грамота объясняетъ, что лѣсъ можно рубить какъ для построекъ, такъ и для топлива. Послѣднее, впрочемъ, доставляло обыкновенно собираніе валежника, дозволенное каждому изъ общинныхъ пользователей [4]). Къ осуществленію всѣхъ этихъ правъ пользованія допускаются только постоянные поселенцы, «qui illic sedent или commanent» (которые сидятъ и пребываютъ на мѣстѣ) [5]), или «qui ibidem ipsum locum providebunt vel ibi manent» (которые обратили въ данномъ мѣстѣ землю подъ обработку и поселены на ней). Это, въ свою очередь, означаетъ, что право общиннаго пользованія признавалось въ предѣлахъ марки за ея поселенцами лишь въ томъ случаѣ, если эти поселенцы были въ то же время владѣльцами земельныхъ участковъ. Еще нагляднѣе выступаетъ это послѣднее обстоятельство въ другихъ грамотахъ того же монастыря, которыя говорятъ о правѣ пользованія лѣсами и пастбищами, какъ о принадлежности владѣнія тою или другою colonica или huba [6]),

---

[1]) Seebohm, The english village community, ch IV. The German land-system, стр. 366.—Denman Ross, Early history of landholding among the Germans, стр. 64, note 146.

[2]) Gesch. der Dorfverfassung in Deutschland, 1, 13, стр 6 и сл.

[3]) См. №№ 219 и 686.

[4]) Ligna et materiam cedendi, sterilia et jacentia ligna licenter colligant.

[5]) № 740.

[6]) Donat... colonicas duas cum omnes adpertinentias eorum..., а нѣсколько ниже пояснено, что эти „adpertinentia colonicae" составляются изъ campis,

т. е. крестьянскимъ участкомъ; или, опредѣляя размѣръ пользованія, употребляютъ выраженія: «quantum ad ipsum locum или ad villam [1]), ad ipsam casam [2]), ad ipsum dominum или possessorem adpertinet» [3]). Такая зависимость общиннаго пользованія отъ факта владѣнія землею въ предѣлахъ марки отмѣчена и въ одной третейской сдѣлкѣ 890 года, гдѣ это пользованіе признано за монастырскими поселенцами въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ «unusquisque homo de sua proprietate juste et legaliter debet habere» [4]).

Право общиннаго пользованія, къ которому допускались только владѣльцы частныхъ земельныхъ участковъ, было ограничено, если не повсюду, то, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, еще и по отношенію къ его размѣрамъ Послѣдніе опредѣлялись хозяйственными потребностями пользователя Одна изъ приведенныхъ уже нами грамотъ говоритъ, что поселенцы могутъ рубить лѣсу ad sufficientiam, — столько, сколько имъ нужно, другими словами, для ихъ собственнаго употребленія, — и запрещаетъ отчужденіе его на сторону (et alios extraneos non habeant licentiam dare) [5])

Сверхъ пользованія рѣками и источниками для водопоя и улова рыбы, лѣсомъ для охоты, построекъ, топлива, прокорма свиней желудями, и пастбищами, обыкновенно, въ самихъ лѣсахъ [6]), аллеманамъ былъ извѣстенъ и свободный выгонъ скота на нивы и сѣнокосы послѣ снятія съ нихъ урожаевъ. Право утверждать это даетъ намъ не только фактъ существованія въ Швейцаріи такого способа общиннаго пользованія въ средніе вѣка и даже въ наши дни, напр.,

---

pratis, casis cum casalis, aquis silvis (№ 81) —Trado... ancillam unamet filios suos tres (sic) cum hoba una sicut vestita est cum ipsis mancipiis et cum casis et pecuniis et casales, campis, pratis, silvis, aquis aquarumque decursibus (№ 132) —Trado hobas V cum... pratis, pascuis, silvis, aquis, aquarumque decursibus (№ 143)

[1]) Haec loca supernominata cum campis, pratis, silvis, aquis, aquarum decursibus, etc. cum omnia adjacentia vel adpendicia, quod ad ipsa loca aspiciunt (№ 12).

[2]) Casatae cum omnibus adjacentiis et adpendiciis eorum (№ 7).—Volo tibi... donare... hoc est in fondo Ghipertivilare casa sola, orta, agra, proda, pomifferis, in silvis fructefferis, quantu ad ipsa adpertinet (№ 8).

[3]) Nos vero Gauzoinus, costa me dare adque donare Audemaro appati de parvola terrola mia... quantu ad me adpertenit, casa, sola, orta, agra, prada, in pomifferis, in silvis, fructefferis, in pascuis, cum aquis et accesso suis omnia ex onibus ex entegru quantum ad ipsum adpertenit (№ 9)

[4]) Zellweger, Urkunden, т I, стр 27.

[5]) № 85

[6]) Lex Alam. (tit. 97) упоминаетъ о silva porcorum и silva pecorum

въ кантонѣ Гларусъ [1]), но и текстъ одной аллеманской грамоты VIII-го вѣка, въ которой состоящій въ частной собственности участокъ признается не подлежащимъ общинному пользованію лишь въ силу спеціальнаго постановленія о томъ короля [2]).

Общій выводъ, къ которому мы въ правѣ прійти по вопросу объ общинномъ пользованіи у аллемановъ въ VIII и IX столѣтіяхъ, а тѣмъ болѣе въ предшествующій этому времени періодъ редактированія Lex Alamanorum, въ немногихъ словахъ слѣдующій.

Хотя Аллеманская Правда и не упоминаетъ объ общинномъ землевладѣніи, тѣмъ не менѣе это послѣднее было господствующимъ типомъ земельныхъ отношеній въ эпоху ея редактированія, такъ какъ обнимало собою всю невоздѣланную площадь, которая должна была быть, очевидно, весьма значительна при слабой густотѣ населенія и господствѣ скотоводства надъ земледѣліемъ [3]). Имущественной единицей являлось по отношенію къ лѣсамъ, пастбищамъ, рѣкамъ, источникамъ и всей пустопорожней землѣ—не частное лицо, малая или большая семья, а сосѣдская община, извѣстная подъ именемъ марки. Границы послѣдней нерѣдко совпадали съ границами сотни, часто охватывали собою площадь, занятую нѣсколькими поселками, и только въ гористыхъ мѣстностяхъ Швейцаріи не выходили за предѣлы одного или двухъ селъ. Въ границахъ марки каждый дворъ имѣлъ право пользованія лѣсомъ, травой и водой въ размѣрѣ его хозяйственныхъ потребностей, а также свободный выпасъ скота на частныхъ поляхъ и лугахъ по снятіи съ нихъ урожая.

§ 5.

Спрашивается теперь, какое отличіе представляетъ марка, какъ имущественная единица, отъ родовой общины?

Документы, которыми мы пользовались при опредѣленіи понятія аллеманской марки, ни словомъ не упоминаютъ о томъ, чтобы между членами послѣдней существовала какая-либо кровная связь. Въ отсутствіи этой связи лежитъ существенное различіе древне-аллеман-

---

[1]) На вопросъ о существованіи такого права, большинство спрошенныхъ мною общинныхъ управленій отвѣчали въ томъ смыслѣ, что эти права или доселѣ существуютъ, или отмѣнены недавно.

[2]) Ut eadem possessio solis Regibus haereditario iure subiecta sit in perpetuum et nullus de pagensibus ibi aliquid commune habeat, nisi forte precario (Walter, т III, стр 533, Form Const)

[3]) См Zellweger, Geschichte des Appenzellerischen Volkes, т. I, стр. 39.

скаго рода или генеалогіи и марки XIII и слѣдующихъ столѣтій. Но такъ какъ марка явилась на смѣну роду, какъ имущественной единицѣ, то остается еще рѣшить вопросъ, какія причины повели къ такой смѣнѣ, другими словами, чѣмъ вызванъ былъ у аллемановъ переходъ отъ кровнаго начала къ сосѣдскому?

Знакомясь съ характеромъ тѣхъ лицъ, которыя въ грамотахъ С.-Галленскаго монастыря описываются какъ собственники, наслѣдственные или прекаріальные владѣльцы, мы видимъ, что къ землевладѣнію допущено было не одно только свободное, но и полусвободное и несвободное населеніе, не одни только аллеманы, но и римляне.

Ingenui и servi, первые — съ правомъ свободнаго перехода отъ одного земельнаго собственника къ другому, вторые — безъ такого права [1]), одинаково владѣютъ каждый своимъ участкомъ (hoba) и допускаются на этомъ основаніи къ общинному пользованію [2]); mancipii и liberti, т. е. крѣпостные и вольноотпущенные, также неоднократно упоминаются въ грамотахъ, какъ переходящіе къ новому собственнику вмѣстѣ съ занимаемою ими землею [3]). Въ числѣ другихъ зависимыхъ владѣній, монастырскіе документы VIII и IX столѣтій говорятъ и о такъ называемыхъ colonicae,—это, очевидно, участки, занятые колонами, а приводимыя здѣсь же латинскія имена этихъ колоновъ, какъ-то. Визонъ, Персій, Титъ и т. п., не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что въ ихъ лицѣ мы имѣемъ дѣло съ потомками римскихъ колоновъ [4]). Но не однихъ полусвободныхъ римлянъ встрѣчаемъ мы въ рядахъ земельныхъ владѣльцевъ. Между ними попадаются и свободные. Таковы, напримѣръ, тѣ полноправные Romani, въ пользу которыхъ запрещено совершеніе отчужденія одного земельнаго участка въ купчей 12 іюня 851 г. [5]).

Эта пестрота этнографическаго и сословнаго состава землевладѣльцевъ указываетъ намъ на источникъ, въ которомъ слѣдуетъ искать причины разложенія родового характера древнѣйшихъ поселеній. Очевидно, кровное начало не могло удержаться при включеніи въ

---

[1]) Грамоты за №№ 16, 132 и 42 Въ послѣдней мы читаемъ: ingenui tuo commanent terram illam et si vultum manire post obitum meum, qualem servicium mihi fecerunt, talem faciant vobis.

[2]) Dedi servo meo (вмѣсто servum meum) Ghervino cum hoba sua (№ 43). См также № 51.

[3]) Грамоты №№ 71 и 257.

[4]) Ibid., № 81.

[5]) Wartmann, т II, № 463.

ряды землевладѣльцевъ покореннаго гельвето-римскаго населенія, которое получило въ незначительномъ числѣ положеніе вполнѣ свободныхъ собственниковъ, а въ большинствѣ случаевъ—положеніе колоновъ или прикрѣпленныхъ къ землѣ рабовъ. Сосѣдскія отношенія съ этого момента заступили мѣсто родовыхъ, и такъ какъ владѣніе земельнымъ участкомъ, какъ свободное, такъ и несвободное, одинаково открывало доступъ къ общинному пользованію, то и по отношенію къ послѣднему имущественной единицей должна была сдѣлаться вмѣсто рода марка.

Къ общинному пользованію, сказали мы, допускались не только свободные, но и несвободные владѣльцы, mansi (или hobae) serviles наравнѣ съ ingenuiles, откуда слѣдуетъ само собою, что для значительной части населенія общинное землевладѣніе въ VIII и IX вѣкѣ носило характеръ землевладѣнія зависимаго.

Очевидно, что такой порядокъ вещей могъ образоваться только съ появленіемъ крупной собственности и прикрѣпленіемъ, по крайней мѣрѣ, части крестьянскаго люда къ землѣ. Зародыши того и другого развитія мы находимъ у аллемановъ съ самаго начала занятія ими сѣверо-восточной Швейцаріи и юго-западной Германіи. Покоренное римское населеніе доставило матеріалъ для образованія несвободнаго крестьянскаго люда въ лицѣ колоновъ и рабовъ, а благопріятное церкви и церковному землевладѣнію законодательство Меровинговъ сдѣлало возможнымъ возникновеніе первыхъ крупныхъ помѣстій, епископій и аббатствъ. Обремененіе свободнаго населенія налогами и воинской повинностью во времена послѣднихъ Меровинговъ и особенно при Карловингахъ, въ связи съ часто повторявшимися случаями неурожаевъ и голодовъ, стали вызывать неоднократные акты добровольной передачи мелкими крестьянами-собственниками ихъ земель въ пользу крупныхъ собственниковъ [1]). Эти передачи сдѣлались тѣмъ болѣе частыми, что съ ними не связывалась немедленная утрата тѣхъ выгодъ, какія крестьянинъ получалъ отъ пользованія землею. Развившаяся еще во времена римской имперіи система прекаріальныхъ пожалованій сдѣлала возможнымъ для крестьянъ получать нужныя имъ средства къ жизни путемъ отчужденія одного титула ихъ собственности, не всегда даже связаннаго съ обязательствомъ ежегодной уплаты ренты. Грамоты С.-Галленской обители нерѣдко указываютъ на эту причину перехода мелкой собственности въ крупную, приводя основаніемъ къ отчужденію необходимость пріобрѣсти

[1]) Inama-Sternegg, Deutsche Wirthschaftsgeschichte, т I, 1879 г., стр. 225 и слѣд.

«лошадь и шпагу» [1]) или желаніе обезпечить себѣ на всю жизнь даровое полученіе отъ крупнаго собственника «всего необходимаго», т. е пропитанія, одежды и топлива [2]).

Тѣ же грамоты знакомятъ насъ съ характеромъ и размѣромъ ежегодныхъ платежей, производимыхъ прекаріальными владѣльцами Всего чаще мы встрѣчаемъ обязательность для нихъ извѣстныхъ повинностей и, въ частности, барщины, при чемъ число рабочихъ дней напередъ выговорено, обыкновенно въ три, нерѣдко и въ два дня [3]). Съ повинностями связана уплата ничтожныхъ по размѣру натуральныхъ сборовъ, напр., нѣсколькихъ модіевъ зерна, нѣсколькихъ carradae или siclae de cervise (пиво) et de vino (вино). Нерѣдки, однако, и случаи, въ которыхъ рента выражена деньгами, напр., 6 динаріевъ въ годъ или солидъ съ продажи Эти обязательства иногда переходятъ на наслѣдниковъ вмѣстѣ съ прекаріемъ, иногда погашаются одновременно со смертью прекаріальнаго владѣльца [4]). Въ нѣкоторыхъ грамотахъ, наконецъ, выговаривается право прекариста выкупить отчужденную имъ собственность [5]) Къ дареніямъ и продажамъ, производимымъ частными лицами, присоединяются пожалованія королей,—и это далеко не послѣдняя причина быстраго образованія крупной собственности, особенно въ рукахъ монастырей Какъ и частныя лица при совершаемыхъ ими отчужденіяхъ [6]), короли передаютъ земли вмѣстѣ съ населяющими ихъ свободными и крѣпостными владѣльцами и нерѣдко открыто настаиваютъ на удержаніи монастыремъ прежнихъ земельныхъ порядковъ, прежнихъ надѣловъ и платежей. Въ этихъ случаяхъ вся выгода, пріобрѣтаемая аббатствомъ, сводится къ переходу въ его руки тѣхъ налоговъ, которые дотолѣ шли въ казну Такой случай мы имѣемъ, напримѣръ, въ одной грамотѣ 828 года,

---

1) Vendidi terra juris mei... et accepisse in precium unum cavalum et una spada (a. 761, № 31)

2) Dono medietatem quidquid mihi genitor meus dereliquit... in ea ratione, ut tempus vitae meae de ipso monasterio accipiam substantiam, id est victum et vestimentum et calciamenta (№ 44). См. также № 72.

3) Ut ipsa mancipia non cogantur in ebdomada tres dies operare sed tantum duos,—читаю я въ одной жалованной грамотѣ 842 г. (№ 385)

4) См. №№ 93, 158, 223, 271.

5) Et si ipsas res redemere voluerit hoc faciat cum LXXX sol (№ 135)

6) См № 16.... iste et omnia in hec loco, quod dicitur Altstati, quod ibi maniant aut ingenui, aut servi, quod maniat, quod mihi per lege debent redere, haec totum ad sancti Gallum redeant (a. 752).—№ 42: ingenui tuo commanent terram illam et si vultum manire post obitum meum qualum servicium mihi fecerunt, talem faciant vobis (a 764).

дѣлающей насъ, такъ сказать, свидѣтелями самого процесса образованія патримоніальныхъ сборовъ изъ прежнихъ государственныхъ податей [1]).

Послѣдствіемъ всѣхъ вышеприведенныхъ фактовъ явилось постепенное образованіе, въ періодъ времени отъ редактированія Lex Alamannorum до распаденія Карловой монархіи, наряду съ быстро исчезающими крестьянскими аллодами, т. е. полной и свободной собственностью,—крупныхъ земельныхъ владѣній, въ которыхъ лишь небольшая часть земли подъ наименованіемъ terra salica [2]) состояла въ личномъ завѣдованіи владѣльца; всю остальную землю на правахъ наслѣдственныхъ пользователей обрабатывали свободные, ingenui, и, въ ихъ числѣ, прекаристы, нерѣдко отправлявшіе крѣпостныя повинности [3]), колоны, отпущенники, или либерты, крѣпостные и рабы, поселенные каждый на своемъ участкѣ и отчуждаемые вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ [4]).

Всѣ эти лица съ частнымъ пользованіемъ пахотью соединяютъ общинное пользованіе лѣсами, пастбищами и водами, пользованіе, не всегда, повидимому, безвозмездное, такъ какъ въ числѣ денежныхъ полученій собственниковъ грамоты упоминаютъ и о herbarium, служившемъ, очевидно, платой за выпасъ, и о fornaticum, означавшемъ, вѣроятно, платежъ сыромъ за право выгонять коровъ на альпы [5]).

Но грамоты С.-Галленской обители не только знакомятъ насъ съ характеромъ частнаго и общиннаго землевладѣнія у аллемановъ въ VIII, IX и X вѣкахъ. Онѣ раскрываютъ намъ еще тѣ причины, которыя уже въ это время стали вліять частью на совершенное разложеніе общиннаго землевладѣнія, частью на сокращеніе его района дѣйствія.

---

[1]) Pippinus quondam rex aliquos liberos homines in pago Brischaua quorum nomina sunt (слѣд. имена) ad eundem monasterium concessisset, eo scilicet modo, ut idem liberi homines et posteritas eorum censum, quod ad fiscum persolvi solebant, parti praedicti monasterii exhiberent atque persolverent (a. 828, № 312).

[2]) Гр. № 13, гдѣ terra salica противополагается hopae: et inter salica terra et hopas XL jurnales.—№ 143: dono hobas V excepto ea que in usus proprios colere videtur, quod dicitur hoba siliga (очевидно, извращеніе слова salica).

[3]) Мы читаемъ о прекаристахъ въ одной грамотѣ 821 г.: Sicut enim alii liberi homines servilia opera nobis exhibent, ita et illo (№ 271).

[4]) Ut servi et ancille conjugati et in mansis manentes tributa et vehenda et opera vel testuras seu functiones quaelibet dimidia faciant excepto aratura (a. 817, № 228). См. также купчія и дарственныя, въ которыхъ mancipii и servi отчуждаются каждый cum hoba sua (напр., гр. за №№ 13, 43, 51, 188, 132).

[5]) Грамота № 165, въ которой рядомъ съ отчуждаемыми альпами (alpes) упоминается una terra de fornatico, de herbario.

Важнѣйшей изъ этихъ причинъ была заимствованная изъ римскаго права свобода имущественныхъ сдѣлокъ, благодаря которой, какъ мы видѣли, не только воздѣлываемыя земли, но и идеальныя доли въ общинномъ пользованіи могли сдѣлаться предметомъ отчужденія. Акты IX и X столѣтій сплошь и рядомъ упоминаютъ о такихъ отчужденіяхъ, какъ о неизмѣнно сопровождающихъ дареніе и продажу частныхъ земель дополненіяхъ. Въ большинствѣ случаевъ они производятся въ пользу церкви и монастырей и имѣютъ своимъ ближайшимъ послѣдствіемъ сокращеніе района пользованія свободныхъ общинъ [1]).

Рядомъ съ только что приведенной и, въ то же время, главной причиной надо указать и на другія. Одна изъ нихъ коренится въ требованіи, формулированномъ уже Аллеманской Правдой, относительно обоснованія земельныхъ правъ письменными записями и передачи споровъ о недвижимой собственности монастырей въ руки королевскаго суда Общинныя права, опиравшіяся на обычай, были, очевидно, лишены судебной защиты съ тѣхъ поръ, какъ въ подкрѣпленіе ихъ стали требовать предъявленія документовъ взамѣнъ прежнихъ свидѣтельскихъ показаній, которыми довольствовался сотенный судъ.

Мы видѣли, что эта мѣра проведена была при редактированіи Lex Alamannorum въ интересахъ и по настоянію духовенства [2]). За нимъ, слѣдовательно, и должна быть признана дѣятельная роль въ ограниченіи предѣловъ дѣйствія и въ самомъ разложеніи общиннаго землевладѣнія. Являясь противникомъ стародавнихъ порядковъ, духовенство выступало прежде всего въ качествѣ класса крупныхъ собственниковъ, болѣе другихъ заинтересованнаго въ расширеніи сельско-хозяйственной культуры и потому враждебнаго всему, что задерживало ея развитіе,—враждебнаго, въ частности, и общиннымъ сервитутамъ, мѣшавшимъ какъ обращенію земель въ пашни путемъ новыхъ заимокъ, такъ и сколько-нибудь раціональной эксплуатаціи лѣсовъ. Что такова была дѣйствительная причина антагонизма духовенства съ коллективнымъ началомъ землевладѣнія, это видно, между прочимъ, изъ тѣхъ ограниченій, какими лица другихъ сословій спѣшатъ окружить старинное право заимокъ, дозволяя ихъ только въ размѣрѣ, не превышающемъ личныхъ потребностей поселенцевъ [3]); это видно и изъ тѣхъ нерѣдкихъ случаевъ отмѣны въ лѣсныхъ ро-

---

1) Wartmann, т II, № 531 Angang № 21

2) См выше

3) См выше

щахъ общинныхъ правъ пользованія, на которые указываютъ грамоты IX и X столѣтій [1]).

Въ ряды противниковъ общиннаго пользованія наравнѣ съ духовенствомъ—и по той же причинѣ—слѣдуетъ зачислить и членовъ зарождающейся свѣтской аристократіи. Право думать это даетъ намъ одна грамота IX вѣка, впервые напечатанная Цельвегеромъ. Въ ней говорится о насильственномъ нарушеніи Удальрикомъ, графомъ Линцгау, правъ пользованія не только монастырскихъ поселенцевъ, но и жителей свободныхъ селъ. Спрошенные епископомъ, аббатомъ С.-Галленской обители, графы Тургау, Линцгау и Реции въ специально созванномъ для того собраніи, при стеченіи многочисленной толпы народа, высказываются въ томъ смыслѣ, что спорныя права принадлежатъ одинаково и издревле какъ жителямъ свободныхъ, такъ и монастырскихъ общинъ (communes communentibus cum illis civibus) и что отобраніе ихъ есть явное беззаконіе [2]).

Наконецъ, нельзя не упомянуть и о короляхъ, въ особенности, Карловингской династіи, непосредственно участвовавшихъ въ погашеніи общинныхъ правъ путемъ объявленія извѣстныхъ лѣсовъ запретными и притомъ по той же причинѣ, по какой дѣлали это и другіе крупные собственники, духовные и свѣтскіе, о такихъ лѣсахъ говоритъ, между прочимъ, одна грамота 890 года, описывающая ихъ словами. «silvae quae in regio banno sunt» [3]). Короли нерѣдко достигали того же и путемъ личныхъ соглашеній, въ частности, земельныхъ обмѣновъ. Такъ, въ одной грамотѣ, принадлежащей къ числу такъ называемыхъ Formulae Constantienses seu Salomonis, другими словами—юридическихъ формулъ, собранныхъ констанцскимъ епископомъ Саломономъ III, жившимъ между 720 и 890 г.,—Карлъ Лысый передаетъ одному изъ своихъ вассаловъ принадлежащій ему въ собственность участокъ (proprii juris nostri) подъ условіемъ, что на поступающемъ взамѣнъ участкѣ будутъ совершенно прекращены общинныя права пользованія, принадлежавшія дотолѣ pagenses, иначе, мѣстнымъ жителямъ [4]). Упоминаемый грамотой случай, вѣроятно, не болѣе, какъ одинъ изъ тысячи не дошедшихъ до насъ, но однохарактерныхъ съ нимъ случаевъ, объясняемыхъ заботливостью королей о поднятіи уровня сельскаго хозяйства въ собственныхъ виллахъ.

---

[1]) Nec ullus incidendi vel extirpandi infra denotata signa habeat potestatem, —читаемъ мы въ одной грамотѣ С.-Галленскаго монастыря (a. 855, № 439)

[2]) Zellweger, Urkunden, т. I, стр 28 и 29

[3]) Wartmann, т II, 680.

[4]) Walter, Corpus juris Germ., т III, стр 533

Таковы внѣшнія причины начинающагося уже въ VIII и IX в сокращенія и исчезновенія общинныхъ угодій. Спрашивается теперь, нельзя ли указать на одновременное дѣйствіе и внутреннихъ причинъ?

Согласно нашей общей теоріи, онѣ должны лежать въ постепенномъ наплывѣ колонистовъ, побуждающемъ общинниковъ къ раздѣлу угодій изъ опасенія, чтобы новые пришельцы не потребовали отъ нихъ равнаго участія въ пользованіи О такомъ наплывѣ, очевидно, не можетъ быть и рѣчи въ занимающую насъ эпоху, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ общаго правила. Какъ мѣстное явленіе, этотъ наплывъ можетъ быть, однако, отмѣченъ уже въ это время и именно тамъ, гдѣ общинныя угодья подлежали одновременному пользованію свободныхъ сельчанъ и поселенцевъ монастырскихъ земель. Привлеченіе новыхъ колонистовъ, разумѣется, началось прежде всего въ предѣлахъ церковныхъ владѣній. Это совершенно согласно съ той первенствующей ролью, какая въ дѣлѣ развитія сельскаго хозяйства принадлежитъ средневѣковымъ монастырямъ [1]) Не удивительно поэтому, что въ тѣхъ маркахъ, въ которыхъ свободные общинники сходились съ монастырскимъ людомъ, тѣмъ и другимъ пришлось въ собственныхъ интересахъ принять мѣры противъ истощенія общинныхъ угодій. Вотъ почему регулированіе порядка пользованія этими угодьями послѣдовало прежде всего въ такихъ смѣшанныхъ по населенію маркахъ Доказательство этого на лицо въ регламентѣ, которой въ интересахъ сосѣдняго монастырскаго люда издаетъ вдова нѣкоего Валдрамно «трибуна»: лѣсомъ и пастбищемъ общинники призваны пользоваться для удовлетворенія лишь собственныхъ потребностей, отчужденіе чужеземцамъ не дозволено (et alios extraneos non habeant licentiam dare) Подобнаго рода мѣрами, а также затрудненіемъ или совершеннымъ закрытіемъ новымъ поселенцамъ доступа къ пріобрѣтенію правъ пользованія [2]), общинные владѣльцы Аллеманіи въ теченіе слѣдующихъ столѣтій избѣгнутъ необходимости раздѣла угодій въ частную собственность; но эти же мѣры поведутъ къ тому, что изъ всенароднаго

---

1) См Montalambert, Les moines d'Occident.

2) Это запрещеніе формулируется Lex Alem. въ слѣд словахъ: nullus alienam terram sine auctoritate praesumat invadere; qui hoc fecerit cum vindicta se expellendum esse cognoscat. Толкуя этотъ текстъ, Гфрерръ справедливо замѣчаетъ: „Der betreffende Titel hat nicht gewaltsame Wegnahme von Feldern die Andern gehörten im Auge, sondern Niederlassung auf fremden Boden“ (Zur Geschichte der Deutschen Volksrechte, стр 196).

общинное землевладѣніе постепенно сдѣлается преимуществомъ, при надлежащимъ всецѣло однимъ старинным гражданамъ.

§ 6

Въ настоящей главѣ мы поставлены были въ необходимость держаться того порядка изложенія, какой требовался природой нашихъ источниковъ. Результаты его мы представимъ теперь въ ихъ логической связи.

Мы застаемъ аллемановъ при первомъ ихъ появленіи въ исторіи на той ступени общественнаго развитія, какую Цезарь приписываетъ всѣмъ германцамъ вообще. Древнѣйшія поселенія основываются родами, причемъ родственныя другъ другу семьи селятся отдѣльными дворами, удерживая въ нераздѣльной родовой собственности одинаково пахоти, пастбища и лѣса. Частная собственность возникаетъ прежде всего на земли, состоящія подъ обработкой. Дѣятельная роль въ процессѣ индивидуализаціи собственности принадлежитъ съ самаго начала духовенству, которое въ собственныхъ интересахъ проводитъ принципъ свободы раздѣловъ и безвозмездныхъ отчужденій въ пользу церкви, а также правило о томъ, что собственность можетъ быть пріобрѣтена путемъ заимки, т. е. первоначальнаго обращенія земель подъ обработку. Проведеніе въ жизнь этихъ новыхъ началъ значительно облегчено, съ одной стороны, преобладающимъ вліяніемъ духовенства при франкскомъ дворѣ, а съ другой, тѣмъ обстоятельствомъ, что при ихъ установленіи возможно было прибѣгнуть къ прямому заимствованію изъ хорошо извѣстнаго источника — римскаго права Съ переходомъ пахотныхъ земель въ частную собственность, въ нераздѣльномъ пользованіи остаются, какъ общее правило, лѣса, пастбища и воды. Благодаря постепенному включенію въ ряды землевладѣльцевъ покореннаго гельвето-римскаго населенія на правахъ частью свободныхъ людей, частью полусвободныхъ, крѣпостныхъ и рабовъ, чистота кровнаго начала, связывавшаго нѣкогда воедино отдѣльныя семьи поселенцевъ, исчезаетъ. Отношенія родства смѣняются отношеніями сосѣдства. Марка заступаетъ мѣсто рода. Марка — это всего чаще совокупность нѣсколькихъ поселковъ, члены которыхъ связаны между собою началомъ совмѣстнаго владѣнія угодьями. Основаніемъ къ общинному пользованію въ предѣлахъ марки служитъ постоянное жительство въ ней, что при общераспространенности землепользованія совпадаетъ съ фактомъ занятія на частноправовомъ началѣ того или другого участка.

Марки съ ихъ системой индивидуальнаго владѣнія пахотной землею и общиннаго—угодьями являются вполнѣ сложившимися уже въ эпоху редактированія Аллеманской Правды, т. е. въ первой половинѣ VII в. Къ этому же времени относится первоначальное зарожденіе крупной собственности и развитіе крѣпостничества, благодаря чему въ слѣдующія два столѣтія общинное землевладѣніе мало-по-малу теряетъ характеръ свободнаго и становится зависимымъ Тѣ сословія, въ пользу которыхъ всего ранѣе слагается крупная собственность, выступаютъ и первыми противниками общиннаго начала. Я разумѣю духовную и свѣтскую знать съ королемъ во главѣ Причиной ихъ антагонизма является стремленіе къ расширенію района воздѣлуемыхъ земель, стремленіе, осуществленію котораго мѣшало одинаково и ограниченіе заимокъ потребностями уже существующихъ хозяйствъ и право общиннаго выгона скота на нивы по снятіи съ нихъ урожаевъ. Внутреннія причины разложенія общиннаго принципа въ VIII и IX в. только что начинаютъ обнаруживаться, и то лишь въ мѣстностяхъ, въ которыхъ привлеченіе монастырями новыхъ колонистовъ ведетъ къ искусственному росту населенія и сокращенію выгодъ отъ общиннаго пользованія. Закрытіе уже въ это время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ чужеродцамъ доступа къ угодьямъ дѣлаетъ возможнымъ дальнѣйшее удержаніе въ этихъ мѣстностяхъ общиннаго принципа

§ 7.

Изъ прочихъ германскихъ правдъ, если не говорить о законахъ англо-саксовъ и лангобардовъ, которымъ посвящены будутъ особыя главы, одна Баварская можетъ быть съ успѣхомъ привлечена къ рѣшенію вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ взаимодѣйствіе римскаго и германскаго права обусловило собою характерныя особенности средневѣковаго землевладѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, бѣглаго даже знакомства съ законами саксовъ, фризовъ, англовъ и вериновъ достаточно, чтобы прійти къ заключенію, что мы имѣемъ въ нихъ дѣло или съ записью одного тарифа виръ или композицій, или съ компиляціями, составленными по образцу другихъ правдъ. Первое можетъ быть сказано о законѣ саксовъ, редактированномъ между 777 и 797 годами [1]). Начальные 20 капитуловъ заключаютъ въ себѣ перечень различныхъ случаевъ раненія и требуемыхъ съ виновнаго выкуповъ; слѣдующіе затѣмъ разсматриваютъ другіе виды преступленій и опре-

[1]) Бруннеръ, т. I, стр 347

дѣляютъ слѣдуемыя за нихъ композиціи. Только три титула посвящены вопросамъ земельнаго права; изъ нихъ оказывается, что принципъ частной собственности вполнѣ признанъ, и споры о завладѣніи рѣшаются поединкомъ. Отчужденіе родовой собственности подлежитъ нѣкоторымъ ограниченіямъ въ интересахъ ближайшихъ наслѣдниковъ. Дозволена только передача ея королю и церкви. Лишь при неотложной необходимости, какой можетъ быть голодъ или изгнаніе, возможна продажа унаслѣдованной собственности, при чемъ выговорено право предпочтительной покупки со стороны ближайшаго родственника. Право наслѣдованія признано не только за сыновьями, но и за дочерьми [1]). Однихъ этихъ постановленій достаточно, чтобы придти къ выводу о невозможности открыть въ записи мѣстныхъ обычаевъ и введенныхъ Карловингами въ Саксоніи законодательныхъ нормъ слѣды древне-германскаго захватнаго владѣнія, если только не считать такимъ слѣдомъ того положенія, что присвоитель чужой недвижимости не присуждается ни къ чему, помимо возвращенія ея собственнику [2]).

Если Саксонская Правда слишкомъ бѣдна нормами имущественнаго права и слишкомъ носитъ на себѣ слѣды позднѣйшаго воздѣйствія франкскихъ порядковъ, чтобы допустить возможность возстановленія по ней древнѣйшихъ нормъ туземнаго права, то такъ называемый законъ англовъ и вериновъ, редактированный въ Турингіи между 802 и 803 годами, еще менѣе отвѣчаетъ этой цѣли. Онъ составленъ по образцу Рипуарской Правды [3]) и въ единственномъ титулѣ, имѣющемъ отношеніе къ земельному праву, въ титулѣ объ аллодахъ [4]), довольствуется признаніемъ начала права франковъ—исключенія дочерей и женской линіи отъ наслѣдованія въ недвижимости, составляющаго привелегію сыновей и вообще мужскихъ нисходящихъ вплоть до пятаго поколѣнія, за которымъ и женская линія вступаетъ въ свои права.

Что касается до закона фризовъ, то и онъ является скорѣе перечнемъ выкуповъ за преступленія, нежели записью дѣйствующихъ въ гражданской сферѣ юридическихъ обычаевъ. Къ тому же, это, какъ показываетъ Бруннеръ, не болѣе, какъ грубая компиляція разновременныхъ, то предполагающихъ принятіе христіанства, то примиримыхъ съ язычествомъ нормъ [5]), которыя не всегда носятъ и печать официальнаго происхожденія; нѣкоторыя изъ нихъ говорятъ о заимствованіи изъ Алле-

[1]) Титулы 15, 16, 17 и 7, § 5.
[2]) Титулъ 16, § 2
[3]) Brunner, т I, стр 349–352
[4]) Tit VI De Alodibus
[5]) Бруннеръ, стр 341 и 342

манской и Рипуарской Правды. Что касается до такъ называемой Additio sapientium, то она прямо является записью юридическихъ опредѣленій, произведенной двумя лицами, Вулемаромъ и Саксмундомъ, и тоже отражаетъ на себѣ вліяніе закона аллемановъ Большая часть вошедшихъ въ Lex Frisionum нормъ редактирована, по мнѣнію Бруннера, при Карлѣ Великомъ. Одно «Приложеніе мудрецовъ» болѣе ранняго происхожденія и должно быть возведено къ франкской эпохѣ [1]).

Послѣ сказаннаго понятно, почему мы считаемъ возможнымъ закончить разборъ дѣйствовавшихъ въ Германіи народныхъ правдъ одной Баварской. Не то, чтобы и эта послѣдняя отличалась большою самостоятельностью и она носитъ на себѣ слѣды заимствованія изъ двухъ источниковъ—закона аллемановъ и закона вестготовъ [2]), такъ называемой antiqua, т. е. кодекса Эврика, продолжавшаго дѣйствовать въ южной Галліи Нельзя также сказать, чтобы Баварская Правда сохранила много слѣдовъ стародавнихъ германскихъ обычаевъ Редактированная, какъ доказываетъ Бруннеръ, въ періодъ времени между 744 и 748 годами [3]), она носитъ печать сильнаго воздѣйствія церкви и франкскихъ правителей, которые включали въ нее нерѣдко свои декреты или banna, какъ напримѣръ, тѣ, которые вошли въ составъ всего I титула. Но эта именно сторона Баварской Правды и придаетъ ей особое значеніе въ нашихъ глазахъ, такъ какъ позволяетъ констатировать на ея примѣрѣ рѣшительное торжество римскихъ началъ собственности надъ германскими. Продуктъ не послѣдовательной, а единовременной, какъ доказалъ Бруннеръ [4]), законодательной дѣятельности, Баварская Lex приближается къ понятію свода всѣхъ дѣйствующихъ у извѣстнаго народа нормъ права—въ бо́льшей степени, нежели сложившіеся изъ разновременныхъ нормъ и односторонніе по содержанію законы аллемановъ, саксовъ, фризовъ, тюринговъ. И въ ней, конечно, можно открыть слѣды болѣе раннихъ порядковъ, напримѣръ, ту родовую организацію, на которую указываютъ уже сопоставленныя нами съ аллеманскими genealogiae баварскихъ герцоговъ [5]). Но въ области

---

[1]) Бруннеръ, т I, стр 344 и 345.

[2]) Издатель Баварской Правды, Меркель (Pertz, Monumenta: Leges, т. III) говоритъ на этотъ счетъ слѣдующее: nonnulla hujus legis precepta cum L. Al Hloth XXII consentiunt, complura autem, ut voces ipsae hoc lege adhibitae indicant ius Galliae prov a Romanis receptum aut conditum respiciunt

[3]) Brunner, т I стр. 317.

[4]) Ibid , т I, стр 314

[5]) О genealogiae ducum говорится въ титулѣ II, гл. 60 Тотъ же терминъ genealogia встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ той же Lex, напр , въ титулѣ XIV, гл. 8, говорящей о раздѣлахъ между братьями.

земельныхъ отношеній вполнѣ торжествуетъ римскій принципъ свободной отчуждаемости Такъ, въ титулѣ XV «о продажахъ» предвидится возможность перехода этимъ путемъ изъ рукъ въ руки какъ воздѣланной, такъ и невоздѣланной земли, луговъ и лѣсовъ, что само по себѣ доказываетъ примѣненіе принципа частнаго присвоенія не къ одной утилизируемой площади. Титулъ XVI говоритъ о виндикаціи пахотной земли, луга или расчистки, при захватѣ всѣхъ этихъ пространствъ постороннимъ лицомъ, и о необходимости поставить въ этихъ случаяхъ свидѣтелемъ сосѣда, земли котораго были бы попограничны, «commarchanus» [1]). Причина такой спеціализаціи свидѣтеля указана въ текстѣ приносимой имъ присяги: онъ долженъ заявить, что видѣлъ своими глазами и слышалъ своими ушами, что такой-то ранѣе другого приложилъ свой трудъ къ землѣ и извлекъ изъ нея плоды этого труда [2]) Такое заявленіе весьма характерно оно указываетъ на то, что и въ глазахъ баварцевъ первичнымъ титуломъ собственности была занятка, сопровождавшаяся дѣйствительной обработкой почвы, т е, что и у нихъ владѣніе на первыхъ порахъ было не болѣе, какъ захватнымъ.

Что индивидуальное присвоеніе коснулось и невоздѣланной площади, въ частности, лѣсовъ, показываетъ, между прочимъ, и титулъ XXI, предвидящій случай рубки дровъ въ чужомъ лѣсу (si quis aliena nemora precíderit) и полагающій за это вознагражденіе Въ спорахъ о границахъ рѣшающее значеніе имѣютъ, какъ и въ римскомъ правѣ, межи, это слѣдуетъ изъ титула XI, гл. 3, говорящей, что при захватѣ чего-либо въ чужихъ границахъ, прежде всего должны быть констатированы старинныя и очевидныя межи. Противъ такихъ наглядныхъ знаковъ—безсильно всякое завладѣніе, какъ бы долго оно ни продолжалось [3]). Межами признаются камни

---

1) Что commarchanus означаетъ сосѣда, видно изъ сопоставленія титула XVI, гл 2, съ титуломъ XVII Въ первомъ говорится о свидѣтелѣ при виндикаціи собственности, во второмъ—о свидѣтелѣ при споръ о проданномъ аллодѣ, когда по самому характеру иска такое необходимо показаніе человѣка, живущаго на мѣстѣ Въ первомъ случаѣ свидѣтель названъ commarchanus, во второмъ—vicinus

2) Tunc ille testis iuret taliter: Quia ego hoc meis auribus audivi et oculis meis vidi, quod istius hominis prior opera fuit in isto agro, quam tua, et labores fructuum ille tulit (Ibid, титулъ XVI, гл 2 и § 2).

3) Quod si intra terminos alienos per absentiam aut per ignorantiam domini partem aliquam forte possederit, statim eam, cum antiqui et evidentes ab inspectoribus fines agnoscuntur, amittat domino reformandam, nec contra signa evidentia ullum longae possessionis tempus opponat.

и деревья съ помѣтками на корѣ [1]), горы и рѣки Титулъ XII, § 8, предвидитъ случай, когда отсутствуютъ такіе знаки, и между пограничными владѣльцами, commarchani, возникаетъ препирательство изъ-за права собственности. Каждая сторона ссылается на полученіе спорнаго участка по наслѣдству отъ родителей и называетъ этотъ участокъ франкскимъ терминомъ «аллодъ». Такой случай носитъ на языкѣ Правды названіе Wehading, происходящее, какъ думаетъ Меркель, отъ слова Wehan, которое означаетъ то же, что и superare, превозмочь силою,—вѣроятно, оттого, что правой стороною признается та, которую, какъ значится въ текстѣ, Богъ призналъ сильнѣйшей въ поединкѣ,—которой онъ доставилъ побѣду [2])

Свобода распоряженія собственностью предполагаетъ ограниченіе принципа кровнаго единства, отступленіе отъ того порядка нераздѣльнаго семейнаго владѣнія, который вытекаетъ изъ существованія замѣченныхъ Цезаремъ у германцевъ cognationes hominum, qui una coierunt

Мы видѣли, что въ Саксонской Правдѣ отчужденіе родового имущества дозволено только въ случаѣ неотложной необходимости Баварская дѣлаетъ шагъ далѣе въ томъ же направленіи, разрѣшая затрату родового недвижимаго имущества на уплату композиціи, но только при отсутствіи движимости, въ частности, денегъ; она позволяетъ при такихъ же условіяхъ и закабаленія себя съ семьею [3]).

Правда баварцевъ допускаетъ также отчужденіе родового имущества въ пользу храма, но лишь послѣ выдѣла дарителю причитающейся ему доли семейнаго достоянія [4]).

Существованіе въ составѣ Аллеманской Правды особаго постановленія о колонахъ и сервахъ, поселенныхъ въ предѣлахъ церков-

---

[1]) Lapides etiam et arbores, quas decorios vocant Меркель указываетъ на то, что у вестготовъ такія деревья извѣстны были подъ наименованіемъ decuriae arbores или, что то же, деревья съ вырѣзкой на корѣ

[2]) Sed cui Deus fortiorem dederit et victoriam ad ipsius partem designata pars ut quaerit pertineat.

[3]) Титулъ I, гл. 11· Et si aurum non habet, donet aliam pecuniam, mancipia, terram, villas vel quicquid habet, usque dum impleat debitum. Etsi non habet tantam pecuniam, se ipsum et uxorem et filios tradat ad ecclesiam illam in servitium, usque dum se redimere possit

[4]) Ut si quis liber persona (гласитъ титулъ I, гл. I) voluerit et dederit res suas ad ecclesiam pro redemptione animae suae licentiam habeat de portione sua, postquam cum filiis suis partivit. Et quicquid donaverit villas terram, mancipia, vel aliquam pecuniam, omnia quaecunque donaverit pro redemptione animae suae, hoc per epistolam confirmet propria manu sua ipse, et testes adhibeat sex vel amplius si voluerit, et imponant manus suas in epistola, et nomina eorum notent ibi quos ipse rogaverit.

ныхъ земель.—постановленія, которое, какъ мы уже знаемъ, носитъ характеръ декрета, обязательнаго въ предѣлахъ всего Меровингскаго королевства [1]),—въ связи съ нѣкоторыми позднѣйшими нормами, приложенными къ Lex Baiuvariorum, и формулами, вошедшими въ составъ кодекса, принадлежащаго аббатству Св. Эмерами, позволяетъ намъ нарисовать слѣдующую картину баварскаго помѣстья въ VIII вѣкѣ.

Оно выступаетъ передъ нами населеннымъ, подобно римскому, рабами и колонами. Первые встрѣчаются какъ на церковныхъ, такъ и на казенныхъ земляхъ [2]). Не всѣ сервы приурочены къ сельскимъ работамъ: попадаются и такіе, которые находятъ занятія на помѣстной мельницѣ или посвящаютъ себя варкѣ пива [3]) За исключеніемъ названныхъ лицъ, или тѣхъ, которые принадлежатъ къ числу министеріаловъ, всѣ прочіе несутъ сельско-хозяйственныя службы. Недѣля, считая ее въ шесть дней (седьмой воскресный посвященъ обязательному отдыху) [4]), дѣлится пополамъ, три дня отходятъ подъ барщину, три другихъ затрачиваются крестьяниномъ для обработки собственнаго надѣла. Высшій размѣръ службъ несутъ тѣ, кто получаетъ отъ помѣщика рабочій инвентарь. Кромѣ барщины, сельскіе рабы обязаны платить земельный сборъ, tributum; величина его зависитъ отъ величины состоящаго въ ихъ рукахъ участка [5])

Сервы баварцевъ, подобно римскимъ glebae adscripti, не въ правѣ произвольно покинуть помѣстье. Укрывательство ихъ запрещено какъ самой Правдой, такъ и однимъ изъ законовъ, присоединенныхъ къ первоначальной ея редакціи. Если (значится въ немъ) [6]), рабъ или рабыня бѣгутъ и впослѣдствіи собственникомъ бу-

---

1) См вступленіе Меркеля къ Баварской Правдѣ (Pertz, Leges, т. III)

2) Въ Leges Extravagantes, приложенныхъ къ изданію Меркеля, упоминается servus fiscalinus.

3) Servus, qui farinam et bracem suo domino facit (Ibid.).

4) 50 палочныхъ ударовъ грозятъ тому, кто нарушитъ этотъ запретъ. См. приложеніе I-ое къ Lex Baiuvariorum, изд. Меркеля

5) Servi autem ecclesiae secundum possessionem suam reddant tributa. Opera vero III dies in ebdomada in dominico operent; III vero sibi faciant. Si vero dominus eius dederit eis boves aut alias res, quod habet, tantum serviant quantum eis per possibilitatem impositum fuerit, tamen iniuste neminem obpremas.

6) Tit. XIII, § 9: Si quis, servum alienum ad fugiendum suaderit et foras terminum eum duxerit, hoc est foras marca cum XII solidis conponat et ipsum reducat.—Additio XIV: Si quis servus vel ancilla fugitivus abscesserit et postmodum apud aliquem a proprio domino inventus fuerit. . sine aliqua delatione domino reddat servum

дутъ признаны въ рукахъ другого, послѣдній безъ промедленія обязанъ вернуть ихъ Въ формулахъ указанъ и порядокъ, въ которомъ помѣщикъ можетъ виндицировать на судѣ бѣглаго серва. Искъ предъявляется in malo publico, въ присутствіи предсѣдательствующаго судьи и коллегіи boni homines, въ которыхъ не трудно узнать скабиновъ. Истецъ обязанъ доказать, что сервъ самовольно уклонился отъ несенія своихъ службъ. Бѣжавшій долженъ или опровергнуть это заявленіе или представить достаточныя основанія для оправданія своего поведенія Въ противномъ случаѣ слѣдуетъ присужденіе его прежнему хозяину [1]). Какъ и въ другихъ германскихъ сводахъ, приуроченные къ сельскимъ занятіямъ и получившіе надѣлъ рабы извѣстны подъ наименованіемъ mancipia [2]).

На ряду съ ними, мы находимъ въ баварскомъ помѣстьи и другихъ крѣпкихъ къ землѣ людей, колоновъ. Они свободнаго состоянія, не несутъ барщины, но обложены оброкомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ agrarium и отвѣчающимъ agraticum Ѳеодосіева Кодекса Величина его зависитъ отъ размѣра, состоящаго въ рукахъ колона участка (secundum quod habet donet). Такъ, если со сданной ему земли онъ можетъ получить 30 модіевъ хлѣба, то $^1/_{10}$ этого количества, т. е. 3 модія, онъ отдаетъ помѣщику. Пастбища для скота, въ свою очередь, доставляютъ помѣщику платимый ему колономъ pascuarium. Размѣръ этого послѣдняго (значится въ первомъ титулѣ закона баварцевъ) опредѣляется сообразно обычаю провинціи. Сверхъ ренты и платежей за выпасъ, колонъ получаетъ еще урокъ· онъ долженъ вспахать, засѣять, проборонить, убрать и свести участокъ въ 40 пертикъ длины и 4 пертики ширины (въ озимомъ полѣ). Длина каждой пертики указана въ десять pedes (шаговъ), что даетъ въ суммѣ 1.600 квадратныхъ шаговъ.

Такъ какъ англійскій акръ заключалъ въ себѣ 40 пертикъ въ длину и 40 въ ширину [3]), и каждая пертика по меньшей мѣрѣ 20 pedes, то выходитъ, что съ колона въ Lex Baiuvariorum требуется обработка приблизительно полъ-акра. Въ яровомъ полѣ, tremisse, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ (tres menses), какіе проходятъ между пахотой и уборкой яра, колонъ обязанъ убрать и, слѣдовательно, вспахать и засѣять два модія зерна.

Общественныя помочи падаютъ на всѣхъ обывателей помѣстья,

[1]) См Formularum codicis S Emmerami fragmenta, формула за № 2 и 3 (Zeumer, Formulae, ч. II, стр 463).

[2]) Титулъ I, гл. I и II

[3]) См. Ducange, слово pes forestae.

извѣстныхъ подъ именемъ accolae. въ томъ числѣ. на glebae adscripti и колоновъ; онѣ указаны въ разбираемой нами Правдѣ слѣдующимъ образомъ. При наличности виноградниковъ, колонъ и поселенецъ участвуютъ въ посадкѣ лозы, въ ея полоньѣ, привязкѣ. рѣзкѣ гроздей и выдѣлкѣ вина. Повинность подводой, angaria, требуетъ отъ подлежащихъ ей лицъ перемѣщенія на разстояніе не болѣе 50 лье (leuga), считая каждую въ 1500 шаговъ. Они обязаны также своимъ трудомъ участвовать въ поддержаніи и исправленіи помѣщичьей усадьбы, конюшни, сѣнного сарая, хлѣбнаго гумна. а также—въ возведеніи или возстановленіи тына или ограды [1]), получая при этомъ урокъ длиною въ нѣсколько шаговъ (pedaturae). Имп ставится также нежженная известь, дрова и камни въ количествѣ. достаточномъ для покрытія запроса собственника, въ городѣ и въ помѣстьи Известь поступаетъ въ вотчинную печь (furnus): работа распредѣляется. смотря по разстоянію доставляемаго матеріала, между 50 и 100 дворами. Издатель закона баварцевъ Меркель указываетъ на то, что по Ѳеодосіеву Кодексу только что описанная повинность была государственной [2]),—такъ что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ примѣръ перехода на вотчиннаго владѣльца правъ казны.

Натуральныя приношенія колоновъ состоятъ въ поставкѣ отъ двора льна, 10 ульевъ съ пчелами, 4 цыплятъ и 15 яицъ Чтобы откупиться отъ обязанности быть на посылкахъ у помѣщика, колоны могутъ дать ему для разъѣздовъ коня, извѣстнаго подъ наименованіемъ paraveredus,—опять-таки заимствованіе изъ Кодекса Ѳеодосія, который говоритъ о такой поставкѣ, какъ о публичной повинности (почтовой) [3]).

Подобно крестьянамъ, колоны считаются крѣпкими землѣ, почему формулы и предвидятъ случай насильственнаго водворенія ихъ на прежнемъ мѣстѣ жительства, по требованію помѣщика. Формула гласитъ, что колоны такого-то и такого-то святителя, т. е. церкви или монастыря, произвольно уклонились отъ своихъ обязанностей и стали относиться къ нимъ небрежно. На поставленный колонамъ вопросъ о причинахъ такого поведенія, они не въ состояніи были дать разумнаго объясненія и принуждены были поэтому признать себя колонами. Въ этомъ смыслѣ постановленъ судьями и приговоръ [4]).

---

[1]) См. Ducange, т. III, слово tuninum.

[2]) Cod. Theod., XIV, 6.

[3]) См. Кодексъ Ѳеодосія, de cursu publico, Ducange, слово paraveredi.

[4]) Formularum codicis S Emmerami fragmenta (Zeumer, Formulae, ч II, № 1, стр. 463)

Помимо названныхъ классовъ, баварское помѣстье заключаетъ въ себѣ, подобно другимъ германскимъ, и вольноотпущенниковъ. Титулъ V I-ой книги говоритъ о liberis, qui per manum dimissi sunt liberi, прибавляя, что мѣстное названіе имъ frileez (freie). Изъ формулъ видно, что доказательствомъ свободнаго состоянія такихъ вольноотпущенниковъ считалась выдача освободительной грамоты, «cartola ingenuitatis». Послѣдствіемъ ея могло быть совершенное прекращеніе прежнихъ отношеній съ помѣщикомъ и помѣстьемъ, при чемъ отпущенному предоставлялось выбрать себѣ новаго защитника или покровителя (mundeburd) и сохранить въ своихъ рукахъ все пріобрѣтенное собственнымъ трудомъ, conlaboratum. Но помѣщикъ могъ также удержать вольноотпущенника на правахъ либерта въ предѣлахъ помѣстья, надѣливъ его землею подъ условіемъ оброка и того подчиненія, которое извѣстно было подъ именемъ libertinitatis obsequium и позволяло либерту разсчитывать на заступничество собственника. Такъ какъ такой исходъ былъ весьма обыченъ, то приходилось спеціально оговаривать въ грамотахъ отсутствіе подобнаго libertinitatis obsequium, если имѣлось въ виду достигнуть полнаго освобожденія [1]). Въ виду же того, что все принадлежавшее рабу считалось собственностью господина, рабъ не могъ выкупить себя лично, о чемъ и говоритъ титулъ XVI, § 7, въ слѣдующихъ словахъ: si quis servus de peculio suo fuerit redemptus, et hoc dominus eius forte nescierit, de domini potestate non exeat, quia non pretium, sed res servi sui dum ignorat, accepit. Рабы, какъ видно изъ того же титула, могли сами владѣть рабами [2]), а, слѣдовательно, и отпускать ихъ на волю; случай этотъ предвидѣнъ въ уже разобранной нами формулѣ, которая озаглавлена: ingenuitas quam potest servus ad suum servum facere.

Наконецъ, въ составъ помѣстья могли входить и свободные поселенцы, ingenui или accolae. Титулъ VII, § 4, говоритъ о свободныхъ, liberi, которые несутъ службы, согласно справедливымъ законамъ, qui iustis legibus serviunt; онъ запрещаетъ отымать у нихъ наслѣдство и обращать ихъ въ неволю; въ послѣднюю они могутъ попасть только по собственному выбору, добровольно передавъ себя въ руки другого. Насильственное закабаленіе не только считается смертельнымъ грѣхомъ, но и подвергаетъ виновнаго денежной отвѣтственности двоя-

---

1) Formularum Codicis S. Emmerami fragmenta, II, 9 (Zeumer, ч II, стр 465)

2) Si quis servum suum vendiderit, forsitan eius nesciens facultates (servi peculium vel bona mobilia vel mancipia), habeat dominus eius potestatem qui eum vendidit requirendi res eius ubicumque invenire potuerit.

каго рода. пенѣ въ 40 солидовъ въ казну и такому же выкупу въ пользу потерпѣвшаго, возвращаемаго въ прежнее состояние и получающаго обратно отобранную у него собственность [1])

И такъ, баварское помѣстье, подобно бургундскому и вестготскому, включило въ себя всѣ тѣ элементы, какіе мы нашли въ составѣ римской villa.—холопей и glebae adscripti, колоновъ, либертовъ и свободныхъ поселенцевъ

---

[1]) Титулъ VII, § 4, кн. I (Pertz, Leges, т. III стр 295)

ГЛАВА IX.

Землевладѣніе въ Италіи съ VI-го столѣтія.

§ 1.

Нигдѣ, какъ въ Италіи, не сказался въ бо́льшей степени отмѣченный нами въ предшествующихъ главахъ фактъ сохраненія римскихъ земельныхъ и сельско-хозяйственныхъ традицій народами Новой Европы. Начать съ того, что цѣлыя области, какъ напримѣръ, Равенскій экзархатъ и Романія съ Марками, вполнѣ избѣжали продолжительнаго и прочнаго владычества германскихъ племенъ. Я не говорю о герулахъ и остготахъ, которые не успѣли или не пожелали произвести аграрной революціи и оставили землю, если не за прежними собственниками, то за прежними зависимыми владѣльцами, удовольствовавшись пріуроченіемъ трети платимыхъ ими рентъ членамъ побѣдоноснаго войска—племени. Я имѣю въ виду лангобардовъ, владычество которыхъ въ прочей Италіи продолжалось цѣлыхъ два столѣтія и ознаменовалось актами не виданной еще со временъ Атиллы жестокости и угнетенія. То обстоятельство, что эти варвары,—которыхъ отдѣляла долгое время отъ побѣжденныхъ не только раса, но и вѣроисповѣданіе (лангобарды были аріане),—скучились по преимуществу въ Ломбардіи и Тосканѣ, оставивъ малочисленныя ополченія для защиты своихъ южныхъ окраинъ: Сполетскаго, Беневентскаго или Капуанскаго и позднѣе выдѣлившагося изъ него Салернскаго герцогства,—объясняетъ намъ, почему и въ южной Италіи,—гдѣ лангобардское владычество, подъ номинальнымъ суверенитетомъ греческихъ императоровъ, удержалось всего дольше,—въ сферѣ отношеній народа къ землѣ и въ судьбѣ сельскихъ воздѣлывателей послѣдовало такъ мало перемѣнъ.

Да и въ самой Ломбардіи и Тосканѣ внесенныя завоевателями новшества вовсе не имѣли того характера поголовнаго закабаленія побѣжденныхъ, какой нѣкоторые итальянскіе историки, и, во главѣ ихъ, Тройя, считаютъ возможнымъ утверждать на основаніи односторонняго и еще плохо обслѣдованнаго ими матеріала. И зѣсь завоеваніемъ задѣты были всего болѣе интересы высшаго класса—собственниковъ, всего менѣе—интересы сельскихъ воздѣлывателей, въ частности, ихъ отношеніе къ почвѣ Въ этомъ лангобардское завоеваніе приближается къ типу тѣхъ, какія совершены были вестготами и бургундами, которые требовали отъ побѣжденныхъ уступки въ свою пользу только части занятой туземными собственниками территоріи, оставляли въ то же время землю въ рукахъ прежнихъ ея воздѣлывателей и довольствовались полученіемъ съ нихъ одной ренты

Эта система дѣлежа съ побѣжденными земель или, точнѣе, одного права на полученіе дохода съ ея фактическихъ пользователей, по вѣрному замѣчанію Гауденци, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ обыкновеній германскихъ племенъ. Цезарь говоритъ объ этомъ въ своихъ «Комментаріяхъ», разсказывая о присвоеніи трети земель Ариовистомъ[1]). Герулы въ лицѣ Одоакра, положившаго конецъ Западной римской имперіи, примѣнили тотъ же обычай, потребовавъ отъ римлянъ, по словамъ Прокопія Кесарійскаго, третью часть ихъ земель[2]) Но 15-лѣтнее владычество геруловъ было слишкомъ кратковременно для того, чтобы допустить фактическое осуществленіе подобной экспропріаціи. По словамъ того же Прокопія, эта экспропріація проведена была на дѣлѣ Теодорикомъ Остготскимъ. Заявляя открыто, что онъ пришелъ не разрушить, а укрѣпить римскіе порядки, Теодорикъ въ то же время счелъ возможнымъ присвоить своему народу ту треть, какую намѣревались захватить герулы. «Комиссія патриція Либерія, которой поручено было осуществленіе этого проекта,—говоритъ профессоръ Виноградовъ, опирающійся въ данномъ случаѣ на свидѣтельство Кассіодора и толкованія Гаупта,—имѣла цѣлью не просто ввести готовъ во владѣніе третями геруловъ, а опредѣлить самые размѣры надѣловъ и отношеніе готовъ къ римскимъ собственникамъ. Герульскій раздѣлъ былъ не полонъ и не точенъ. Готамъ пришлось дѣлить сызнова, но они не потребовали бо́льшаго числа земель, чѣмъ ихъ предшественники. Экспроприировать вездѣ въ одинаковой степени было, однако, не легко. Для

[1]) Gaudenzi, Sulla proprietà in Italia nella prima metà del medio aevo, 1884 г., стр. 10

[2]) См. Виноградовъ, *Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ лангобардской Италіи*, стр. 85

уравновѣшенія бремени между римскими собственниками, пришлось не разъ замѣнять экспропріацію требованіемъ соотвѣтствующихъ ей уступокъ части дохода. Мы имѣемъ указаніе на то, что иногда, взамѣнъ надѣленія того или другого частнаго гота третью, все готское государство присваиваетъ себѣ треть поступающей съ земли ренты. Tertia— терминъ, употребляемый Кассіодоромъ въ равной мѣрѣ для выраженія переходящей къ варвару части римскаго имѣнія и для обозначенія денежнаго взноса, платимаго въ казну остготовъ. Когда Теодорикъ, по словамъ того же Кассіодора, рѣшается надѣлить священника Буцелона (судя по имени — гота) земельнымъ участкомъ въ Тридентской области, слѣдуетъ въ его пользу вычетъ «de tertiarum illationibus»[1]).

Дѣло представляется намъ такимъ образомъ. Колоны, платившіе еще въ VI-мъ вѣкѣ частью продуктовъ, какъ это видно, между прочимъ изъ эпистолъ Григорія Великаго, въ настоящее время призваны вносить въ казну треть того, что они несли собственнику. Казна распоряжается этой третью въ пользу отдѣльныхъ готовъ, но только въ томъ случаѣ, если не имѣетъ мѣста фактическій выдѣлъ земли. Этимъ и объясняется, почему въ равенскомъ папирусѣ 540 г., при продажѣ имѣнія можетъ быть сдѣлана оговорка, что это имѣніе свободно a sorte barbari, т. е отъ выдѣла причитающейся готу трети землею или рентой[2]) Въ результатѣ такихъ выдѣловъ должно было образоваться совладѣніе готовъ и римлянъ, та «praediorum communio», о которой говоритъ самъ Теодорикъ въ своемъ рескриптѣ сенату. Въ этомъ рескриптѣ восхваляется Либерій за то, что онъ possessiones junxerit. Въ свою очередь, Кассіодоръ разсказываетъ о готахъ, что они живутъ разсѣянно (permixti) среди римлянъ и потому являются ихъ совладѣльцами (consortes). Возможенъ былъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ выдѣлъ въ третью часть и цѣлыхъ имѣній; это бывало тогда, когда римскій помѣщикъ стоялъ во главѣ одной или нѣсколькихъ massae, т. е. конгломератовъ отдѣльныхъ виллъ. Этимъ объясняю я тотъ фактъ, что въ X-мъ вѣкѣ отдѣльныя мѣстности носятъ то самое наименованіе tertium, которое служило для обезпеченія поступавшей въ руки готовъ трети римскаго имѣнія[3]).

Производя выдѣлъ земель или доходовъ, завоеватели-германцы,

---

[1]) Виноградовъ, у котораго мы заимствуемъ эти факты, слѣдуетъ въ своихъ толкованіяхъ Дану, Die Könige der Germanen, т III, стр. 143.

[2]) См. Marini, Papiri diplomatici, № 115.

[3]) Такъ, въ одной грамотѣ 990 г., сохранившейся въ неаполитанскомъ архивѣ, упоминается о нѣкоемъ Петрѣ, по прозвищу Красный" (russus), de loco qui nominatur Tertium (Regesta Neapolitana, т. II, ч I, № 268).

по вѣрному замѣчанію Гаупта [1]), не только слѣдовали собственному обыкновенію, но и давали расширительное примѣненіе римскимъ законамъ о солдатскомъ постоѣ. Этими законами собственники присуждались къ уступкѣ третьей части своихъ домовъ [2]) Квартиранты называются hospites,—это тотъ же гермінъ, который послужилъ впослѣдствіи для обозначенія бургундовъ и вестготовъ, поселенныхъ среди римскихъ землевладѣльцевъ, и который Павелъ Діаконъ приложилъ къ лангобардамъ, сдѣлавшимся, въ силу раздѣла земель съ римлянами, ихъ совладѣльцами и сожителями.

Занятіе готами Италіи,—не сопровождавшееся даже обнародованіемъ особой «варварской правды», подобной тѣмъ, какія создали франки, бургунды, аллеманы, вестготы, не говоря уже о германскихъ народностяхъ средней и сѣверной Европы и о лангобардахъ,—не было, очевидно, призвано внести существенныя измѣненія въ систему владѣльческихъ отношеній [3]). Возможно, какъ это доказываютъ новѣйшіе историки, что поставленный надъ готами графъ судилъ ихъ не по одному римскому праву, но и по ихъ неписаннымъ обычаямъ. Но въ то же время несомнѣнно, что колонатъ и glebae adscriptio, существовавшіе въ VI-омъ вѣкѣ на земляхъ римской куріи, продолжали держаться въ Италіи и во времена остготовъ, точно такъ же, какъ и барщина сельскихъ рабовъ,—originarii или mancipii,—осуществляемая лично или съ подводой. Эдиктъ Теодорика упоминаетъ объ operae rusticorum и mancipiorum, запрещаетъ третьимъ лицамъ присвоеніе diurna opera крестьянина, безъ вѣдома и согласія собственника или того conductor'a, подъ администраціей котораго состояли, какъ это было указано нами въ предшествующей главѣ, отдѣльныя группы сельско-хозяйственныхъ воздѣлывателей. Запрещается также захватъ крестьянскаго быка, даже во временное пользованіе,—указаніе на то, что семьи несвободныхъ сельскихъ обыва-

---

1) Ansiedelungen und Wanderungen deutscher Stamme, стр. 90

2) Cod. Theod., lib. VII, tit. XIII. См. Gaudenzi, Sulla proprietà in Italia nella prima metà del medio aevo. 1884 г., стр. 18 —То же обязательство существовало для собственниковъ и по отношенію къ чиновникамъ. Наиболѣе знатные изъ нихъ имѣли право даже на половину всего помѣщенія Гауденци, ссылаясь на свидѣтельство самого Кодекса Ѳеодосія (VII, 9), говоритъ о томъ, что сверхъ квартиры солдаты - наемники не разъ требовали также отъ хозяевъ топлива, оливковаго масла, постилокъ и т. п. (ibid., стр. 25).

3) Это наглядно выступаетъ, между прочимъ, изъ слѣдующаго текста (Cassiad., Varia, VIII, 3): Gothis Romanisque apud nos ius esse commune (Baudi di Vesme, стр. 81).

телеи снабжены были рабочимъ инвентаремъ, подобно римскимъ колонамъ, glebae adscripti и позднѣйшимъ по времени крѣпостнымъ крестьянамъ [1])

На земляхъ римскаго фиска, перешедшихъ теперь въ собственность готскаго короля, сдѣлавшихся его patrimonium, встрѣчаются употребительные въ римской имперіи термины. massa, masarii, coloni, mancipii и т. п [2]). Въ одномъ отношеніи Теодорикъ внесъ существенную перемѣну въ судьбу помѣстнаго населенія,—перемѣну, съ которой намъ придется считаться въ послѣдующія столѣтія, при изученіи экономическаго и юридическаго положенія колоновъ Онъ упразднилъ принципъ неразрывности земли съ ея наслѣдственнымъ воздѣлывателемъ, допустивъ свободный уходъ колона. продажу его надѣла и произвольное перемѣщеніе сельскихъ рабовъ или glebae adscripti въ города для занятій ремесленной и промышленной дѣятельностью. Его эдиктъ, значеніе котораго въ данномъ случаѣ оцѣнено, какъ слѣдуетъ, лишь въ новѣйшее время [3]), объявляетъ, что каждый dominus въ правѣ переводить съ однѣхъ земель на другія крестьянъ обоего пола (rusticа utriusque sexus mancipia) даже въ томъ случаѣ, если они принадлежатъ къ числу такъ называемыхъ originarii,—подъ этимъ терминомъ надо разумѣть исконныхъ поселенцевъ, которыми могли быть въ равной мѣрѣ glebae adscripti и колоны;—онъ можетъ также приурочивать ихъ къ занятіямъ городскими промыслами и записывать въ число городскихъ слугъ (urbani famuli). Переселенные съ однѣхъ земель помѣщика на другія считаются принадлежностью этихъ послѣднихъ Никакой споръ не можетъ быть поднятъ подъ предлогомъ, что то или другое лицо—старинный поселенецъ и поэтому не долженъ быть насильственно удаленъ изъ данной земли (sub oppositione originis) Собственнику дозволяется даже отчуждать своихъ сельскихъ рабовъ или originarii безъ земли (absque terrae aliqua portione) [4]).

Я удивляюсь, почему эти перемѣны не принимались въ расчетъ при толкованіи того общественнаго положенія, какое несвободные владѣльцы помѣстной земли занимали въ лангобардскую эпоху Если въ грамотахъ не разъ говорится о томъ, что отчуждаемый монастырю casale поступаетъ въ его руки вмѣстѣ съ занимающими его колонами,—которые, при желаніи, могутъ оставить свои участки и уйти, куда вздумаютъ, въ противномъ же случаѣ остаются на преж-

[1]) Ed Theodorici, § 150.

[2]) См. Baudi di Vesme, Vicende della proprietà in Italia, стр. 81.

[3]) См. Gaudenzi, стр. 26, и Виноградовъ, стр. 91 и 92

[4]) Ed Theodorici, § 142.

нихъ условіяхъ зависимыми оброчными владѣльцами чужой земли,— то это происходитъ, очевидно, оттого, что прежняя крѣпость колоновъ къ землѣ исчезла и сдѣлалась скорѣе фактическимъ, нежели юридическимъ отношеніемъ [1]); если далѣе, дарители удерживаютъ нерѣдко въ свою пользу наслѣдственныхъ воздѣлывателей отчуждаемой ими площади, и цѣлые хутора переходятъ изъ рукъ въ руки безъ населявшихъ ихъ дотолѣ колоновъ и массаріевъ, то причина этого явленія, очевидно, та же. Сказать, что Теодорикъ улучшилъ судьбу крестьянъ, отмѣнивъ прежнюю ихъ крѣпость къ землѣ, значило бы навязывать фактамъ прошлаго идеалы и стремленія современности. Намъ не извѣстны причины, вызвавшія его законодательное вмѣшательство въ отношенія собственниковъ и зависимыхъ владѣльцевъ, но позволительна догадка, что источникъ правительственной регламентаціи въ данномъ случаѣ лежалъ въ желаніи устранить поводъ къ столкновеніямъ между новыми

---

[1]) Сказанное относится не къ „терціаторамъ", упоминаемымъ въ 12-ой статьѣ договора герцога Арехи Беневентскаго съ неаполитанцами. Предоставленная имъ свобода переселенія, по вѣрному замѣчанію Капеи, могла имѣть мѣстныя и временныя причины. Неаполитанцы недовольны были своими колонами, перенесшими на лангобардовъ платежъ слѣдуемой собственникамъ трети Чтобы избавить ихъ отъ мести сеньёровъ-неаполитанцевъ, Арехи допустилъ свободу эмиграціи. На это указываетъ и текстъ самаго договора: si censilis homo de leburia patitur oppressiones a parte de Neapolim, et voluerit exfundare se de ipso fundo, ponit post regiam domus suae ipsum fustem sicut antiqua fuit consuetudo, et vadit ubi voluerit. —См. Capei, Sulla dominazione dei Longobardi in Italia, p. 474 (Arch. St., 1845, App. v 2, стр 505) — Я имѣю въ виду болѣе ранніе грамоты отъ середины VIII-ого вѣка, въ родѣ слѣдующей, напримѣръ два брата отчуждаютъ въ 749 г. аббатству въ Фарфѣ надѣлъ колона по имени Пиціаренусъ и выговариваютъ при этомъ: praedictus colonus, si ibidem resedere voluerit resedeat in ipso dicto et angariam quam nobis facit faciat Et si exire voluerit licentiam habeat cum libertate sua Portiunculam eius sicut superius diximus omnem in monasterio concedimus possidendum (Il Regesto di Farfa, т. II, стр 36). Подобныя же условія высказываются и въ другихъ одновременныхъ грамотахъ: et si contigerit ut exire voluerint licentiam habeant exeundi cum rebus mobilibus suis. Въ грамотѣ прямо высказано, что рѣчь идетъ о колонахъ, qui sunt coloni (Ibid., грамота 749 г., стр. 37). Самая возможность отчужденія земли, подъ условіемъ удержанія въ пользу дарителей или продавцевъ, населяющихъ ее homines съ ихъ движимостью, о чемъ не разъ заходитъ рѣчь въ тѣхъ же реестрахъ Фарфы (Ibid, стр. 39. грам. 747 г), стоитъ въ непосредственной связи съ тѣми перемѣнами, какія законодательство осготовъ внесло въ отношенія колоновъ и glebae adscripti къ занимаемымъ ими надѣламъ.

помѣщиками-остготами и покореннымъ населеніемъ. Получивъ право переселять римлянъ въ города и пріурочивать ихъ къ ремесламъ, остготъ пріобрѣталъ тѣмъ самымъ возможность распоряжаться ихъ надѣлами въ пользу своихъ людей, т. е. той свиты свободныхъ остготовъ, которая не получила земли въ собственность и принуждена была довольствоваться положеніемъ зависимаго владѣнія. Въ этомъ, можетъ быть, кроется дѣйствительный источникъ появленія среди колоновъ съ римскими именами и такихъ, германское происхожденіе которыхъ проглядываетъ въ самомъ ихъ прозвищѣ Несомнѣнно, что большинство готовъ осталась чуждо сельско-хозяйственнымъ занятіямъ [1]). Но, съ другой стороны, нельзя не признать, что уже въ древнѣйшихъ грамотахъ встрѣчается упоминаніе о колонахъ неримскаго происхожденія. Это справедливо даже по отношенію къ землямъ, никогда не входившимъ въ составъ лангобардскихъ владѣній, каковы, напримѣръ, помѣстья, расположенныя въ предѣлахъ Равенскаго экзархата, и еще болѣе—въ примѣненіи къ Ломбардіи, Тосканѣ и Беневентскому княжеству. Откуда взялись такіе колоны, какъ напр., guido, guiperga, turson и др., встрѣчаемые нами въ помѣстьяхъ равенской церкви? [2]) Откуда также тѣ Годельрики, Куноальды, Гаозоальды, Таноальды, которые, будучи призваны въ 715 г. свидѣтельствовать въ спорѣ о границахъ между Аррэцской и Сіенской епископіей, объявляютъ себя свободными людьми, поселенными за послѣднее полстолѣтіе на земляхъ принадлежащихъ къ тѣмъ епископіямъ церквей и владѣющими землею, повидимому, не въ собственность, а въ наслѣдственное пользованіе? [3]) Если нѣкоторые изъ этихъ свидѣтелей, какъ напримѣръ, старикъ Сото (Soto liber homo), указываютъ на свою принадлежность къ числу лицъ выселившихся полвѣка назадъ изъ области первыхъ поселеній лангобардовъ къ сѣверу отъ рѣки По [4]), то, съ другой стороны, можно привести примѣръ свободнаго человѣка германскаго племени, который, ссылаясь на свою почти вѣковую опытность, говоритъ, что за все это время спорныя земли составляли

---

[1]) См Cenni storici delle Leggi sull' Agricoltura dai tempi romani fino ai nostri dell' avvocato Enrico Poggi, т. II, стр. 12

[2]) См Fantuzzi, Monumenti Ravenati, т I, Registro di concessioni enfiteutiche e livellarie della chiesa di Ravena e di donazioni fatte alla stessa chiesa dal secolo VII fino al X, стр 17, 37 и др

[3]) См Brunetti, Codice diplomatico toscano, т I, ч 2, № 8

[4]) Sunt anni quinquaginta et supra quod de trans Pado hic me collocavi (Ibid , стр. 438).

собственность арецкой епископіи [1]). Только этимъ поселеніемъ части германцевъ на правахъ колоновъ можно объяснить, почему на земляхъ лангобардскихъ помѣстій такъ часто упоминается о пришлыхъ людяхъ, почему на ряду съ лицами, носящими римское наименованіе колоновъ, встрѣчается весьма близкій къ нимъ по юридической природѣ классъ альдіоновъ. О нихъ заходитъ рѣчь уже въ древнѣйшихъ законахъ лангобардовъ, а, слѣдовательно, нѣтъ основанія считать это учрежденіе заведеннымъ завоевателемъ новшествомъ [2]).

Резюмируя все сказанное, мы не ошибемся, если признаемъ за остготами починъ въ демократизаціи земельной собственности въ смыслѣ раздробленія прежнихъ обширныхъ имѣній между туземными собственниками и завоевателями. Рядомъ съ этимъ, ихъ полувѣковое владычество ознаменовалось ослабленіемъ римскаго начала земельной крѣпости, что позволило ввести поселенцевъ германской крови и въ среду зависимаго владѣнія Дальше этого не пошло вмѣшательство готовъ въ отношенія народа къ землѣ. Римское право, римскіе порядки собственности и пользованія, римское рабство, крѣпостничество и колонатъ продолжали существовать попрежнему. Новые завоеватели, лангобарды, застали Италію раздробленной на тѣ же помѣстья (massae et fundus), съ составляющими ихъ хуторами рабовъ и колоновъ, на тѣ же села (vici) мелкихъ свободныхъ собственниковъ, владѣющихъ сообща не только дорогами и колодцами, но и общинными угодьями, рыбными уловами, пастбищами и лѣсными участками, какіе мы находимъ въ Италіи въ моментъ упраздненія Западной Римской имперіи, и какіе столѣтіе спустя, въ VI и VII вѣкѣ, встрѣчаются снова въ бывшемъ Равенскомъ экзархатѣ, избѣжавшемъ, благодаря политической зависимости отъ Византіи, владычества новыхъ варваровъ.

§ 2.

Изученіе порядковъ землевладѣнія Равенской области, т. е. въ предѣлахъ стариннаго греческаго экзархата, представляетъ, такимъ образомъ, двойной интересъ. Оно позволяетъ убѣдиться, съ одной стороны, въ живучести римскихъ земельныхъ порядковъ всюду, гдѣ эти послѣдніе не подвергались искусственной модификаціи со стороны германскихъ народностей, а съ другой, оно раскрываетъ передъ нами ту картину помѣстнаго быта и сельско-хозяйственнаго труда, ка-

[1]) Godelricus: Habeo annos pene centos

[2]) Объ альдіонахъ заходитъ рѣчь и въ эдиктахъ Ротари и въ законахъ Лутпранда. См. Виноградовъ, стр 114.

кую представляла Италія въ эпоху появленія въ ней лангобардовъ Послѣднее, въ меньшей только степени, можетъ быть сказано и о грамотахъ тѣхъ лангобардскихъ герцогствъ, которыя, подобно Сполетскому, а тѣмъ болѣе Беневентскому и Салернскому, воспріяли сравнительно небольшой контингентъ пришлыхъ чужеземныхъ завоевателей и подъ номинальнымъ владычествомъ византійскихъ императоровъ продолжали въ ограниченной сферѣ практику римскаго земельнаго права и хозяйства. Къ документамъ, обнародованнымъ еще Fantuzzi и обнимающимъ собою всю область стариннаго Равенскаго экзархата, присоединились за послѣднее время обширные сборники грамотъ римскихъ аббатствъ, а также не менѣе цѣнное изданіе источниковъ VIII и IX в., относящихся къ Беневентскому и Салернскому герцогствамъ и къ удержанной, по преимуществу, въ рукахъ неаполитанцевъ terra di lavoro, извѣстной документамъ этого времени подъ названіемъ Liburia [1]).

Мы воспользуемся тѣми данными, какія заключаютъ въ себѣ названные источники, для изображенія судебъ землевладѣнія, сельскаго устройства и труда въ той части Италіи, которая всего менѣе подверглась германизаціи.

Съ перваго взгляда насъ поражаетъ тотъ фактъ, что римскіе термины для обозначенія помѣстья и конгломерата помѣстій, римскій способъ двѣнадцатиричнаго измѣренія ихъ земельнаго состава, иначе говоря, измѣреніе унціями,—остаются въ силѣ. O massae, fundus, unciae одинаково заходитъ рѣчь въ равенскихъ, сполетскихъ, беневентскихъ и салернскихъ грамотахъ, и не только въ VII, но и въ VIII, IX и X вѣкахъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ 767 году идетъ рѣчь о пожалованіи вдовой нѣкоего Василія, Евдокіей, принявшей иноческій чинъ, земель въ пользу равенской церкви. Въ актѣ предметъ даренія обозначенъ словомъ casale, которое означаетъ хуторъ, названный еще Павловымъ, по имени перваго или одного изъ первыхъ его колоновъ, наслѣдники котораго продолжали сидѣть все на тѣхъ же земляхъ. Этотъ хуторъ составляетъ четвертую часть всего имѣнія, извѣстнаго подъ названіемъ fundus Gaciolus,—опять-таки прозвище, во всемъ однородное съ тѣми, какими римляне обозначали свои villae или fundi. Чтобы передать понятіе четвертой части имѣнія, составитель обращается къ обычному римскому словоупотребленію и говоритъ о трехъ унціяхъ [2]).

---

[1]) См Regesta Neapolitana и Codex Diplomaticus Cavensis.

[2]) Fantuzzi, Monumenti Ravenati, т. II, № 1.

Въ ливелларныхъ контрактахъ той же равенской церкви X столѣтія еще упоминаются massa, fundus et unciae; такъ, когда нѣкій Теодорикъ, человѣкъ, судя по имени, германскаго происхожденія, снимаетъ землю у архіепископа Петра, правившаго равенской церковью отъ 941 по 968 годъ [1]), величина снимаемаго участка передается словами: «6 унцій» [2]). Почти нѣтъ грамоты, въ которой не были бы такъ или иначе указаны старинные римскіе порядки обозначенія имѣній и ихъ составныхъ частей. Надо опредѣлить границы—говорится о limite, который отдѣляетъ названный fundus отъ другого, именуемаго Gemina [3]),—опять собственное имя. Fundus Assianus, Pupilianus, Lusianus, Anticianus—таковы прозвища, какими, по примѣру римскихъ, обозначаются имѣнія, такъ или иначе доставшіяся равенской церкви [4]). Помѣстья, перешедшія въ руки германскихъ выходцевъ, членовъ приведенныхъ Карловингами франкскихъ ополченій, выдаютъ свою иноземную природу присоединеніемъ къ латинскому термину fundus франкскаго обозначенія sala,—то же, что terra dominicata [5]),—или такихъ прилагательныхъ, которыя выражаютъ фактъ обработки, обведенія загородью или насажденія фруктовыхъ деревьевъ (fundus roborato (sic) [6]), fundus qui vocetur Clusura или fundus Clausurale [7]), fundus Ornitus et Castanitus [8]) и т. д.). Грамоты IX и X вѣковъ особенно любопытны, вслѣдствіе сказывающейся въ нихъ тенденціи подводить германскіе порядки и обыкновенія подъ римскія формулы. Измѣреніе унціями продолжается попрежнему, но нерѣдко объясняется, что шесть унцій означаютъ половину, а три унціи—четверть всего имѣнія. Точно также при передачѣ имущества не довольствуются римской формой совершенія купчей или дарственной, но соединяютъ ее съ франкскимъ обрядомъ «tradicio per festucam, cultellum et gasonem de terra cum ramis arborum et vinearum» [9]). Грамота, вмѣстѣ съ фестукой, ножемъ и дерномъ, переходитъ изъ рукъ отчуждающаго въ руки пріобрѣтателя, а о самомъ актѣ говорится,

---

[1]) Fantuzzi, т. I, стр 375.

[2]) Ibid., т I, стр. 55.

[3]) Ibid , стр 61

[4]) Ibid , 49, 61, 63.

[5]) Ibid., стр 65. О sala см. Guérard, Prolégomènes à l'étude du Polyptique de l'abbé Irminon (изд. Lognon), Appendice, стр. 361, а также Lamprecht, Deutsches Wirthschaftsleben im Mittelalter, т. II, стр. 867.

[6]) Ibid., стр. 57.

[7]) Ibid., стр 74.

[8]) Ibid., стр 80.

[9]) Fantuzzi, грамота 896 г, т. I, стр 98.

что онъ сообщаетъ законную силу сдѣлкѣ. Новые лангобардскіе термины: gualdum, aldiones, sculdascio, gualstaldus проникаютъ постепенно въ источники и встрѣчаются въ нихъ бокъ-о-бокъ съ римскими способами опредѣлять хозяйственное значеніе имѣній числомъ засѣваемыхъ въ нихъ модіевъ зерна [1]).

Сходство равенскихъ земельныхъ порядковъ съ римскими не ограничивается употребленіемъ общихъ тѣмъ и другимъ терминовъ. Это сходство—по существу, сходство въ пріемахъ утилизаціи почвы съ помощью поселенныхъ на ней эмфитевтическихъ пользователей, платящихъ ренту деньгами, и ливелларныхъ арендаторовъ, контракты которыхъ возобновляются по истеченіи 29 лѣтъ. Послѣднее условіе ставится съ цѣлью избѣжать 30 лѣтнюю давность, обращающую владѣніе въ собственность, но оно нисколько не препятствуетъ фактическому торжеству принципа вѣчно-наслѣдственной аренды и обращенію съемщика въ своего рода крѣпкаго къ землѣ человѣка, который обозначается нерѣдко терминомъ «колонъ» и несетъ общіе съ этимъ послѣднимъ повинности и платежи. Ливелларный пользователь, подобно колону, упоминаемому папой Григоріемъ I, несетъ 6 орега въ годъ, не говоря объ обязанности поставлять собственнику на его дворъ причитающуюся часть годовыхъ урожаевъ и большее или меньшее число дровъ, напримѣръ, два воза. За исключеніемъ этихъ, скорѣе общественныхъ помочей, нежели барщинныхъ службъ, колонъ и ливелларный владѣлецъ въ дѣйствительности не болѣе, какъ половникъ. Они платятъ собственнику ежегодно треть собираемыхъ оливокъ и вина и седьмую часть убираемаго хлѣба. Въ обмѣнъ за пользованіе усадьбой положено ежегодное приношеніе одного цыпленка или пары. Колонъ и ливеллаpій высылаютъ скотъ на хозяйскій выгонъ, расплачиваясь поставкой ягненка. Они держатъ птицу на хозяйской землѣ и свиней въ хозяйскомъ лѣсу, ставя ежегодно взамѣнъ бо́льшее или меньшее число яицъ и поросятъ [2]). Посѣвъ льна или конопли и разведеніе фруктовыхъ деревьевъ нѣсколько осложняютъ эти, по своей природѣ, простыя отношенія, требуя добавочнаго расчета съ хозяиномъ, уступки ему обыкновенно третьей или четвертой части общей выручки [3]).

Въ IX вѣкѣ, съ приходомъ Карловинговъ въ Италію и Папскую

---

[1]) Ibid., стр. 60, въ которой вмѣсто gualdum стоитъ uvaldum,—доказательство, что самъ писецъ не вполнѣ сознавалъ значеніе употребляемаго имъ термина. См также грам. 978 г. (Ibid., стр 209)

[2]) Fantuzzi, т. I, стр. 48, 49.

[3]) Fantuzzi, т. I, стр 67, 66, 69.

область, расширенную пожалованіемъ земель Равенскаго экзархата, положеніе колоновъ и ливелларіевъ значительно измѣняется. Подъ прежнимъ наименованіемъ opera разумѣются въ грамотахъ (далеко, впрочемъ, не всегда) не однѣ общественныя помочи, въ числѣ не болѣе шести въ годъ, но и настоящая барщинная служба, что выражается словами: столько-то дней per omnem ebdomadam, т. е. еженедѣльно. Составители актовъ и на этотъ разъ желаютъ сохранить римскую терминологію и, говоря о шести или, соотвѣтственно, трехъ opera ежегодно, смотря по величинѣ снятаго участка, спѣшатъ прибавить: «et pro qualibet opera ebdomada una»[1]). Въ числѣ повинностей колоновъ и ливелларіевъ попадается извѣстное еще римлянамъ содержаніе въ ихъ жилищѣ и на полномъ ихъ иждивеніи являющихся отъ имени собственника служащихъ у него лицъ.

Въ составъ помѣстья входитъ не только бо́льшее или меньшее число casale или хуторовъ, занятыхъ колонами, но и недѣлимыя угодья. Пахотной землей и виноградниками колоны владѣютъ на частно-правовомъ началѣ. Источники не разъ употребляютъ выраженіе: terra quam possident coloni [2]). Въ дѣйствительности оказывается, что и эта хуторская земля составляетъ предметъ не индивидуальнаго, а нераздѣльно-семейнаго владѣнія. Тотъ или другой колонъ держитъ землю cum sociis suis; нерѣдко стоитъ даже слово «со многими», позволяющее думать, что въ предѣлахъ casale встрѣчалось совпаденіе нѣсколькихъ семействъ колоновъ [3]); обыкновенно же о колонѣ упоминается, какъ о держащемъ землю cum consortibus suis [4]), почему и снятый колонами хуторъ, а нерѣдко и цѣлое имѣніе, fundus, слыветъ хуторомъ или имѣніемъ той или другой consorteria [5]).

---

[1]) См Fantuzzi, т I, стр 90, 112, 66 — Angarias IV cum bobus et V, a manibus.—Выраженіе facere brachiaticum не разъ замѣняетъ собою терминъ opera manualia или a manibus (См. гр. 918, ibid, стр. 112) Фраза: et annualiter persolvat angarias III et per unamquamque angariam hebdomada una—встрѣчается уже въ одной грамотѣ аббатства Фарфы 792 г (Il Regesto di Farfa, т. II, ч. 2, стр. 126). Дѣло идетъ о завѣщаніи, сдѣланномъ Павломъ и Тассилой, супругами. Послѣднее имя указываетъ на германское происхожденіе, по крайней мѣрѣ, одного изъ завѣщателей

[2]) Fantuzzi, т. I, стр. 70.

[3]) Ibid., стр. 69

[4]) Ibid., стр. 61.

[5]) Ibid., стр. 57 Дѣло идетъ объ обозначеніи границъ: ab uno latere значится fundus consorteriae, ab alteo-fundus Longobaldi. Послѣднее указаніе также весьма цѣнно Подъ fundus Longobaldii можетъ разумѣться выдѣленное лангобарду имѣніе,—та треть, которая, какъ мы увидимъ ниже

Семья колона представляетъ, такимъ образомъ, въ предѣлахъ Равенскаго экзархата полное подобіе той кондомы, съ которой мы встрѣтились на земляхъ римской куріи въ VI вѣкѣ, и которая снова выступитъ передъ нами при изученіи беневентскихъ порядковъ собственности и владѣнія. Одна древняя ватиканская рукопись, цитируемая Борджіа [1]), а за нимъ Пертилэ, даетъ слѣдующее опредѣленіе этому термину. Кондомой называется семья людей зависимыхъ, какъ напримѣръ, сервовъ и альдіевъ (общественное положеніе которыхъ, какъ мы покажемъ это впослѣдствіи, приближается къ положенію колоновъ). Называется же такъ подобная семья благодаря общности жилища, общему пребыванію въ одномъ домѣ [2]). Самый терминъ не встрѣчается въ источникахъ, обнародованныхъ Fantuzzi, но соотвѣтствующіе ему порядки не разъ свидѣтельствуются равенскими грамотами, которыя, упоминая о семьѣ колоновъ, то употребляютъ множественное число, напримѣръ: «мы колоны той или другой семьи обязуемся производить такія-то и такія-то службы [3]), то, указывая границы отдѣльныхъ участковъ, говорятъ, что тотъ или другой колонъ держитъ землю заодно съ соучастниками въ своемъ надѣлѣ [4]).

Владѣя на семейномъ началѣ пахотью, виноградниками, фруктовыми деревьями и вообще всею воздѣлуемой площадью, колоны и ливелларіи пользуются на общинномъ началѣ угодьями помѣстья. Эти угодья считаются принадлежностью, необходимымъ дополненіемъ отдѣльной massa и переходятъ вмѣстѣ съ ней, во всемъ ея цѣломъ или части ея, изъ рукъ въ руки [5]). За пользованіе угодьями полагаются тѣ же платежи, какіе извѣстны были еще римлянамъ; herbaticum, glandaticum—вотъ термины, которыми обозначаютъ ихъ равенскія грамоты [6]). Принадлежность собственнику не только пастбищъ, но и лѣсовъ, на которые простирается

предоставлена было имъ на правахъ такъ называемой tertia въ сосѣднихъ герцогствахъ Сполето и Беневентѣ.

[1]) Beneventum, 2, 270.

[2]) Condoma dicitur pertinentium personarum familia, sicut servorum vel aldiorum Et dicitur ex simul habitatione, id est simul domo manentes (Pertile, Storia del diritto italiano, т. III, стр. 7).

[3]) Fantuzzi, т. I, стр. 90.

[4]) A tertio latere possidet Stephano de Andrea cum consortibus (Ibid., стр 60).

[5]) Вотъ почему въ грамотахъ обычны выраженія въ родѣ слѣдующаго: Massa, quae vocatur Amana cum casalibus et appendicibus suis (Ibid, стр 57). Когда снимается половина имѣнія, поступаетъ въ аренду и половина угодій (cum medietate pertinentiis ipsius massae). Ibid., стр 59.

[6]) Ibid., стр. 68, 69, 46, 37

право общиннаго пользованія колоновъ. выступаетъ изъ случайнаго упоминанія при опредѣленіи границъ о silva dominica или silva ipsius dominatoris [1]).

Сборникъ Fantuzzi гораздо менѣе говоритъ о другомъ видѣ наслѣдственной аренды—объ эмфитевзисѣ; но и тѣхъ немногихъ указаній, какія содержатся въ немъ, достаточно, чтобы прійти къ заключенію, что отмѣченная Моммзеномъ особенность этого вида аренды, состоящая въ характерѣ платежа, производимаго не натуральными продуктами, а разъ навсегда установленными денежными рентами, продолжаетъ держаться какъ на земляхъ римской куріи, такъ и во владѣніяхъ равенской церкви въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, не исключая IX и X [2]).

Немного также указаній содержатъ въ себѣ равенскія грамоты и на порядокъ веденія хозяйства въ той части церковныхъ имѣній, которыя оставались въ личномъ завѣдованіи епископіи. Все, что мы узнаемъ объ этомъ, сводится къ слѣдующему: здѣсь расположены тѣ хозяйственныя постройки, въ которыя колоны и ливелларные владѣльцы должны свозить ежегодно причитающуюся помѣщику часть урожаевъ [3]). Оставшаяся въ личномъ завѣдованіи земля поручалась управляющему, который въ источникахъ обозначается терминомъ actor. Онъ не только наблюдаетъ за трудомъ рабовъ, servi et mancipii [4]), но и слѣдитъ за выполненіемъ общественныхъ помочей колонами [5]).

Помѣщикъ, повидимому, удерживалъ за собою право предпочтительной покупки у колоновъ всего ихъ урожая. На это указываетъ текстъ нѣкоторыхъ ливелларныхъ контрактовъ, довольно поздняго, впрочемъ, происхожденія; такъ, въ грамотѣ 889 г. значится, что оставшееся, за вычетомъ хозяйской части, вино колоны должны продать in curte vestra, domnico vestro [6])

---

[1]) Ibid., стр. 47

[2]) Marini, Papiri diplomatici, стр 201.—Fantuzzi, т. I, стр. 128. 107.

[3]) Отсюда упоминаемая ливелларными контрактами обязанность deducere in domnicalia, хлѣбъ, вино и т. д въ условленномъ количествѣ (Fantuzzi, т. I, стр. 20). Такъ какъ эта доставка не всегда была удобна, то нерѣдко тѣ же ливелларные контракты выговаривали, что колоны должны хранить въ собственныхъ амбарахъ и погребахъ хозяйскую часть хлѣба и вина до тѣхъ поръ, пока посланецъ помѣщика не явится забрать его (salvare debeamus in casa et vasis nostris usque dum missus venerit ad tolendum). Ibid., стр 16.

[4]) Fantuzzi, т I, № 163

[5]) Fantuzzi, стр. 49: Opera sex ubi ab actore domnico imperati fuerimus persolvere promittimus (nos coloni).

[6]) Fantuzzi, т. I, стр 90 Напомнимъ о существованіи того же обяза-

§ 3.

Послѣ Равенскаго экзархата, владѣнія римской куріи въ ближайшихъ окрестностяхъ вѣчнаго города могутъ быть приведены въ образецъ тѣхъ порядковъ земельной собственности и помѣстнаго хозяйства, которые въ большей или меньшей неприкосновенности уцѣлѣли со времени имперіи, испытавъ на себѣ лишь въ слабой степени видоизмѣняющее вліяніе германскихъ пришельцевъ. Чтобы познакомиться съ этими переживаніями старинныхъ римскихъ латифундій, необходимо обратиться къ такому источнику, который, по самой своей природѣ, устранялъ бы мысль о чужеземномъ воздѣйствіи. Господствовавшая въ средніе вѣка на всѣмъ протяженіи Европы и, въ частности, въ Италіи personalitas legum, другими словами, право каждаго судиться по закому своей національности, и распространеніе на церковь и монастыри преимуществъ римскаго права—позволяютъ намъ искать въ грамотахъ древнѣйшихъ аббатствъ косвенныхъ указаній на тѣ порядки, какіе продолжали держаться въ мѣстностяхъ, пощаженныхъ нашествіями варваровъ и сохранившихъ римскую традицію. Не всѣ, однако, обители слѣдовали римскому праву. Сосѣдніе съ Римомъ лангобардскіе герцоги Сполето, положившіе своими пожалованіями основу территоріальному богатству монастыря въ Фарфѣ, распространили на него, въ то же время, дѣйствіе своего лангобардскаго права. Нельзя сказать того же о бенедиктинскомъ аббатствѣ въ Сублако, грамоты котораго, за немногими исключеніями, восходятъ не далѣе середины IX столѣтія и изданы были въ 1885 году римскимъ историческимъ обществомъ [1]).

Другимъ источникомъ для изученія римскаго землевладѣнія въ средневѣковой Кампаніи надо считать недавно отпечатанныя грамоты монастыря Спасителя, расположеннаго на Монте Аміато.

И тѣ и другія касаются земель и владѣній, лежащихъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Рима; заодно съ неизданными пергаментами монастыря Св. Сильвестра и аббатства Козьмы и Демьяна, онѣ доставили профессору Калиссу богатый матеріалъ для изображенія порядковъ землевладѣнія въ римской провинціи, начиная съ VIII-ого и оканчивая X-ымъ вѣкомъ.

Такъ какъ авторъ не ставилъ предъ собою нашей задачи—прослѣдить

тельства на земляхъ римской куріи при Григоріи Великомъ См Claudio Jannet, L'évolution économique de l' Europe,—главу, посвященную характеристикѣ хозяйства на земляхъ римской куріи при Григоріи Великомъ.

[1]) Il Regesto Sublacense, pubblicato da L Allodie e G. Levi.

судьбу римскихъ началъ независимо отъ лангобардскихъ, то ему было возможно положить въ основу своего изложенія и документы аббатства Фарфы, пользовавшагося, какъ мы сказали, преимуществами лангобардскаго права. Это обстоятельство лишаетъ насъ права опираться цѣликомъ на данныя его цѣнной монографіи. Мы должны обратиться непосредственно къ самимъ источникамъ и, притомъ, исключительно къ тѣмъ, въ которыхъ нельзя отмѣтить чертъ воздѣйствія лангобардскаго права.

Регестъ документовъ аббатства Сублако, редактированный въ XI-мъ вѣкѣ, открывается грамотой 25 іюня 941 г., заключающей въ себѣ подтвержденіе пожалованій, сдѣланныхъ монастырю папами, начиная съ Григорія Великаго. Въ текстѣ можно отмѣтить уже присутствіе франкскихъ терминовъ, занесенныхъ въ Италію вмѣстѣ съ Карломъ Великимъ, какъ напримѣръ, sala, — то же, что земля, оставленная въ личномъ завѣдованіи помѣщика (terra indominicata),— но ничто не свидѣтельствуетъ о томъ, чтобы исконные римскіе порядки собственности были нарушены въ этой мѣстности лангобардскимъ завоеваніемъ, если не говорить опять-таки о терминологіи, въ которой, напр., лангобардское слово gastaldatum замѣнило собою римское provincia.

Въ цитируемой грамотѣ—«грамотѣ Гуго и Лотара, короля италійскаго»—упоминается о новомъ пожалованіи всего на всего одного господскаго двора (curtis una que sala dicitur); но этотъ дворъ оказывается заселеннымъ цѣлымъ рядомъ служилыхъ семей, familiae, посаженныхъ здѣсь (collatae) еще папами предшествовавшихъ столѣтій. Такимъ образомъ, передъ нами раскрывается картина римской помѣщичьей villa съ поселенными въ ней рабами.

Въ ближайшемъ затѣмъ по времени документѣ — дипломѣ императора Оттона I отъ 967 г. — говорится о томъ же casale, какъ о мѣстопребываніи самой обители, и точнѣе опредѣляется его земельный составъ. Мы насчитываемъ въ немъ два озера, проточную воду, на которой поставлены мельницы и устроены рыбные уловы, составляющіе исключительную собственность аббатства. Къ этому помѣщичьему двору императоръ, скрѣпляя то, что раньше сдѣлано было папами, присоединяетъ рядъ другихъ; прежде всего, феодальный замокъ въ самомъ Сублако съ правомъ выпаса стадъ и откорма свиней жолудями (cum erbatico et glandatico), затѣмъ, право требовать отъ жителей тѣ самыя подати (datum) и ренты (redditum), которыя они и ихъ предки несли въ пользу латеранскаго дворца, уступившаго ихъ аббатству.

Такимъ образомъ, мы узнаемъ, что земли, изъ которыхъ составился монастырскій бенефицій, находились прежде въ прямомъ обладаніи римской куріи, что жители ихъ несли въ ея пользу извѣстные платежи, которые въ неизмѣнномъ видѣ переходятъ и къ новымъ собственникамъ. Съ этимъ связано общинное пользованіе горами, холмами, лѣсами, лугами, берегами, пастбищами и всякаго рода пустошами.

Продолжая перечень владѣній, утверждаемыхъ имъ за монастыремъ, императоръ говоритъ и о сервахъ, заселяющихъ земли обители (servi et ancillae). Термины, употребляемые для обозначенія отдѣльныхъ помѣстій и дворовъ massa, casale, cella,—тѣ же самые, какіе мы встрѣчаемъ и до эпохи лангобардскихъ нашествій. Massa integra in territorio Tiburtino—другими словами, земля въ округѣ Тиволи, на границѣ agro Romano, уступается въ тѣхъ же границахъ, въ какихъ она дарована была ея прежними владѣльцами—папами, за одно со всѣми ея принадлежностями, состоящими какъ изъ воздѣланныхъ земель, такъ и изъ пустопорожнихъ.

Отдѣльные дворы, casalia, и ихъ части обозначаются именами первыхъ насельниковъ; такъ напримѣръ, casale qui nominatur Romani minoris, casale qui dicitur Romani maioris, casale, qui appellatur Apollonii и т. д. Въ casale живутъ рабы и рабыни, его воздѣлывающіе и ему принадлежащіе (cum servis et ancillis ibidem degentibus et pertinentibus).

На ряду съ удержанными отъ римскихъ временъ именами участковъ и дворовъ и римскимъ способомъ ихъ обозначенія, сохранились также римскія измѣренія поверхности числомъ засѣваемыхъ модіевъ зерна: terra ad modiorum duodecim, terra ad centum modia.

Переходя отъ свѣтскихъ пожалованій къ тѣмъ, какія сдѣланы были папами еще въ IX-омъ вѣкѣ, мы встрѣчаемся въ нихъ съ тѣми же римскими понятіями и тою же римскою терминологіей. Къ знакомымъ уже намъ massae и casalia присоединяются въ грамотѣ папы Адріана еще colonia и fundus: первое названіе—въ смыслѣ участка, воздѣлуемаго семьею наслѣдственныхъ съемщиковъ, съ чѣмъ, на правахъ принадлежности, связано и пользованіе водами, лѣсами, горами и т. д.; второе — въ смыслѣ надѣла, занятаго тѣмъ или другимъ несвободнымъ воздѣлывателемъ, сообщающимъ ему свое имя, откуда и такія обозначенія, какъ fundus farvicianus, agusanus, arrunius и т. д. Выраженіе—cum fundis et casalibus, cum suis omnibusque pertinentiis, какъ нельзя лучше, показываетъ, что fundus и casale обозначаютъ части одного и того же цѣлаго; fundus — сумму всѣхъ, принадлежащихъ двору земель,

casale — расположенную во дворѣ усадьбу; къ тому и другому прилежатъ общинныя угодья, открывающія возможность разнообразныхъ пользованій въ границахъ, отвѣчающихъ дѣйствительнымъ потребностямъ семьи. Встрѣчается также терминъ villa въ его латинскомъ смыслѣ не селенія, а усадьбы съ землею, занятой опредѣленнымъ лицомъ и его домочадцами,—отсюда и обозначеніе ея собственнымъ именемъ, напримѣръ, villa, que appellatur papi [1]).

Дворы въ предѣлахъ городовъ нерѣдко носятъ названіе cellae, такъ напримѣръ, cella sancte barbare in civitate tiburtina [2]).

Что villa и casale отвѣчаютъ одному и тому же понятію, въ этомъ легко убѣдиться посредствомъ простого сопоставленія текста двухъ грамотъ, изъ которыхъ одна относится къ третьей четверти IX-го вѣка, а другая—ко второй четверти X-ого; въ первой говорится о надѣленіи монастыря половиной villa que appellatur papi, во второй—о половинѣ casale, обозначаемой тѣмъ же именемъ [3]). Отношеніе fundus и massa то же, что части къ цѣлому. Поэтому въ актахъ распоряженія говорится, что тѣ или другіе дворы выдѣлены ex corpore massae [4]).

Massa имѣетъ опредѣленныя границы, откуда не слѣдуетъ, однако, чтобы земли, расположенныя въ ея предѣлахъ, были съ точностью размежеваны и обведены загородями; послѣднія, напротивъ того, являются исключеніемъ. Рѣчь о нихъ заходитъ только въ примѣненіи къ виноградникамъ и оливковымъ рощамъ; отсюда выраженіе—clusura de vinea, olveto, terra cum clusura super se posita [5]). Остальныя культуры лежатъ въ открытомъ полѣ и потому могутъ сдѣлаться предметомъ общиннаго пользованія отъ времени жатвы до посѣва. Это же обстоятельство объясняетъ намъ причину, по которой тотъ или другой участокъ обозначается обыкновенно не межами, а своимъ размѣромъ, всего чаще, унціями, точь-въ-точь, какъ и въ римскую эпоху (tres, sex etc. unciae).

Общая формула пожалованій папъ и императоровъ гласитъ: do et trado massam cum castellis, villis, massis, fundis et casalibus, cellis, domibus, ortis, vineis, terris et silvis, servis et ancillis, colonis et colonabus, fluminibus, aquis, aquimolis et piscariis. Она выражаетъ довольно полно и земельный, и личный составъ монастырскихъ имѣній, гдѣ колоны, или свободные вѣчно-наслѣдственные арендаторы, сидятъ рядомъ съ сервами или крѣпостными, одинаково составляя принадлеж-

---

1) См. грамоту 858—867 гг, стр. 15
2) Ibid., стр. 15.
3) Ср. стр. 15 и 6.
4) См. документъ № 8, стр. 16
5) Документъ № 9, стр. 18 и 19, стр. 25.

ность помѣстія. Для крѣпостныхъ въ ходу и другое обозначеніе: originales famuli ac manentes, т. е. рожденные на мѣстѣ слуги и поселенцы [1]). Противоположеніе колоновъ, какъ свободныхъ, сервамъ или крѣпостнымъ наглядно выступаетъ тамъ, гдѣ составитель грамоты, употребивши предварительно обычную формулу: cum servis et colonis, говоритъ затѣмъ о правѣ вотчиннаго суда, placitum de universis hominibus liberis et servis super vestram terram commanentibus [2]). Fundus является чѣмъ-то въ родѣ крѣпостного хутора, расположеннаго въ предѣлахъ одной и той же «массы». Только этимъ можно объяснить происхожденіе такихъ, напримѣръ, обозначеній: tres in integro portiones tredecim fundora, qui appellatur opiniano, storaciano, septiniano, sessano, arginiano, marciano, spatano, tullano, picerano, olmulo, larciano, Caniano et Siniano et cum omnibus a suprascripte tres portiones de predictorum tredecim fundorum generaliter et integro pertiinentibus [3]), т. е. три полныя части 13 хуторовъ, называемыхъ такъ-то и такъ-то, по имени ихъ первоначальныхъ владѣльцевъ, со всѣмъ, что вообще и въ частности принадлежитъ къ этимъ тремъ частямъ указанныхъ 13 хуторовъ.

Въ противоположность крѣпостнымъ, свободные колоны, сидящіе на такъ называемой colonia, держатъ строго обозначенные границами участки [4]). Особую категорію составляютъ недавнія заимки, terra a novello pastinata, размѣръ которыхъ обозначается количествомъ зерна, какое можетъ быть засѣяно въ нихъ; напримѣръ, terra capacitatis modiorum plus minus triginta. Эта земля еще не поступила въ разверстку, не сдѣлалась ни fundus, ни colonia; но пройдутъ десятки лѣтъ, и она войдетъ въ общую систему крѣпостныхъ надѣловъ или свободныхъ держаній. Обособленіе fundus и massa постоянное. Мы находимъ его и въ грамотѣ 867 г., заключающей въ себѣ пожалованія папы Николая I, и въ привилегіяхъ, дарованныхъ въ 939 г. Львомъ VII [5]). Fundus всегда является частью massa: такъ, за общимъ упоминаніемъ о massa iubenzana, уступаемой монастырю in integro cum

---

[1]) См грамоты №№ 11 и 12, стр. 25 и 27.

[2]) Грамота № 15, стр 43.

[3]) Документъ № 17, 936 г., стр. 47.

[4]) (Concedimus) etiam et coloniam que appellatur iubenzana, qui et trellano vocatur, et inter affines ab uno latere riuo, qui decurrit per clium (?) de collibus et a secundo latere montis qui vocatur crofo et a tercio latere ecclesia sanctorum Cosme et Damiani et a quarto latere flumicello qui appellatur iubenzano et terra et silva episcopo tiburtino.

[5]) Стр. 50 и 52

fundis, слѣдуетъ перечисленіе самихъ этихъ fundi; оно заканчивается словами: et cum omnibus ad ipsam massam generaliter et in integro pertinentibus. Такимъ образомъ, общинныя угодья приурочены не къ fundus, а къ massa, и лица, держащія надѣлы, пользуются ими въ тѣхъ границахъ, въ какихъ владѣетъ ими massa [1]). На ряду съ надѣлами, расположенными въ открытыхъ поляхъ, встрѣчаются, однако, и такіе, которые, повидимому, лежатъ отдѣльнымъ хуторомъ; таковъ, напримѣръ, такъ называемый casale barbiliano, служащій предметомъ самостоятельнаго пожалованія въ 965 году [2]). Таковы также тѣ fundi grecorum (грековъ), о которыхъ говорится въ грамотѣ 936 года [3]). На какихъ условіяхъ отдѣльныя casalia или дворы, съ принадлежащими къ нимъ владѣніями, поступали въ пользованіе колоновъ, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ грамотамъ. Въ числѣ документовъ, включенныхъ въ реестръ XI-ого столѣтія, имѣется одинъ, помѣченный 3 августа 369 года; въ немъ нѣкій римскій патрицій Нарцизъ говоритъ объ основаніи имъ церкви Св. Лаврентія. Ради спасенія души, Нарцизъ жалуетъ своему духовному отцу, папѣ Домазію, въ пользу основаннаго имъ храма—земли, лѣса, поля, пастбища, фруктовыя деревья, мельницы и т. д., съ доходомъ въ 24 модія; треть этой ренты идетъ на содержаніе причта, остальныя двѣ трети принадлежатъ поселенцамъ, впервые обратившимъ участки подъ обработку, и не только имъ, но и всѣмъ ихъ наслѣдникамъ на вѣчныя времена, usque integretenus; съ этихъ двухъ третей церковь получаетъ только десятину ржи, гороху и ячменю. Если я вѣрно передалъ содержаніе этой грамоты, представляющей, вслѣдствіе несовершенства редакціи и ошибокъ переписчиковъ, значительныя трудности въ интерпретаціи, то мы въ правѣ заключить, что уже въ IV вѣкѣ вошло въ обыкновеніе отдавать земли изъ-подъ выстройки, ad plantandum, и что въ этомъ предпріятіи принимали участіе цѣлыя группы лицъ даже высшаго общественнаго состоянія (грамота называетъ ихъ nobiliores). Первые воздѣлыватели становились церковными колонами на вѣчныя времена, съ сохраненіемъ въ свою пользу двухъ третей заимочной земли, и не несли другого обязательства, кромѣ платежа десятины. На разстояніи цѣлыхъ шести столѣтій, мы находимъ въ договорѣ аббата Бенедикта съ поселенцами замка С.-Анжело, стариннаго Moles Adriani,

[1]) Грамота 939 г, стр. 52. Встрѣчающійся въ текстѣ терминъ colonus, по всей вѣроятности, стоитъ вм. casalibus

[2]) Документъ № 25, стр. 64.

[3]) Стр. 49, № 17.

воспроизведеніе приблизительно тѣхъ-же условій. Колоны, призванные въ контрактѣ IV-ого вѣка принять извѣстныя обязательства въ лицѣ своихъ благороднѣйшихъ (nobiliores), теперь высказываютъ согласіе отъ имени своихъ старѣйшихъ (seniores); они получаютъ въ предѣлахъ замка землю для постройки жилищъ такъ, чтобы каждому досталось помѣщеніе, sedimen, шириною въ 12 и длиною въ 10 шаговъ. За предѣлами замка на каждаго съ домочадцами полагается огородъ въ 20 шаговъ длины и 5 ширины и пахотной земли — столько, сколько нужно для посѣва одного модія зерна; сверхъ того, всѣ вмѣстѣ получаютъ хутора, fundora, и дворы, casalia, со всѣми ихъ принадлежностями, другими словами, съ общинными угодьями. Колоны должны платить восьмую часть съ трехъ продуктовъ, а именно со ржи или пшеницы, съ ячменя и гороху. Владѣніе признается вѣчнымъ, такъ что даже при полномъ вымираніи той или другой семьи или, точнѣе, мужской линіи, допускается передача имущества чужестранцу, extranea persona, если только послѣдній не принадлежитъ къ числу воиновъ или духовныхъ. На содержаніе вотчиннаго суда, «in placito», взимается съ колоновъ платежъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: съ 20 свиней — одна средняго размѣра, unum porcum mediocris, а съ 30 — одна изъ лучшихъ, unum meliorem; кромѣ того, полагается съ каждаго двора одинъ динарій на Рождество за патронатъ (pro senio) и одинъ динарій съ каждаго поголовно за его очагъ (pro sedimi), огородъ и пахотную землю, на правахъ pensio или ренты, платимой въ храмовой праздникъ, день рожденія Св. Бенедикта [1]). Взносы за вотчинный судъ (placitum), феодальное покровительство и опеку (senioratum), какъ и личный цензъ, размѣромъ въ одинъ динарій,— очевидно, поздпѣйшаго происхожденія и возникли вмѣстѣ съ ленной системой; но остальныя условія тѣ же, что и для колоновъ IV-ого вѣка: то же обязательство tenere, lavorare, conciare, держать, обрабатывать, убирать, тотъ же платежъ частью урожая каждаго изъ трехъ сортовъ хлѣба, прежде десятой, теперь восьмой.

Оба контракта заключены на вѣчныя времена; такой же вѣчно-наслѣдственной арендой является и сдача въ 758 году епископомъ Тиволи Іоанномъ аббату монастыря на Монте Челіо земли, усаженной оливковыми деревьями, въ числѣ 20, а также—другого участка, принадлежащаго къ fundus, по прозванію casella, на которомъ растетъ 25 оливокъ. Сдача происходитъ подъ условіемъ, чтобы аббатъ suo studio suoque labore привелъ данные участки съ ихъ посадками и

---

[1]) Ibid., стр 73, грамота № 34, отъ 10 іюля 1038 г.

принадлежностями ad meliorem cultum. Надѣленный impetrotum въ правѣ передать участокъ всѣмъ, за исключеніемъ лицъ духовнаго званія и воиновъ. Калиссъ недостаточно объясняетъ причину, по которой право передачи терпитъ только что указанное ограниченіе, говоря что milites и loci pii легко могли обратить въ собственность то, что вначалѣ было временнымъ пользованіемъ [1]). Я думаю, что ключъ къ пониманію этого ограниченія лежитъ скорѣе въ желаніи помѣщиковъ сохранить за собою крестьянъ-воздѣлывателей, и приведу въ дальнѣйшемъ изложеніи данныя въ пользу этого заключенія. Къ числу же наслѣдственныхъ контрактовъ надо отнести и тотъ, какой заключенъ былъ въ началѣ VIII вѣка Бенената альдіемъ, т. е. свободнымъ лангобардомъ, съ монастыремъ Спасителя на Монте Аміато; договоръ этотъ возобновляется его дѣтьми въ 736 году. Съемщики обязуются производить тѣ же работы, какія принялъ на себя ихъ отецъ; онѣ состоятъ въ покосѣ сѣна, въ постройкѣ и содержаніи конюшни. Тѣ же службы и тѣ же права переходятъ и на наслѣдниковъ. Договоръ можетъ быть прекращенъ по винѣ одной изъ сторонъ, но не иначе, какъ подъ условіемъ оставленія участка и всей состоящей при немъ движимости, да еще платежа 20 солидовъ вознагражденія [2]). Послѣдствіемъ неуплаты можетъ быть, какъ показываетъ другая грамота того же монастыря отъ 808 года, обращеніе въ неволю [3]).

Сдачи impetrotum—явленіе сравнительно рѣдкое, и этимъ объясняется, можетъ быть, столь же рѣдкое упоминаніе и о coloniae, или поселеніяхъ, занятыхъ такими наслѣдственными съемщиками. Въ противность Калиссу, полагающему, что до X вѣка нельзя встрѣтить примѣровъ подобнаго рода наслѣдственныхъ эмфитевзисовъ, мы, на основаніи выше приведенныхъ данныхъ, можемъ отнести ихъ происхожденіе на цѣлыя столѣтія раньше. Colonia съ точно обозначенными границами, о которой все рѣже и рѣже говорится въ позднѣйшихъ источникахъ, кажется мнѣ прямымъ продуктомъ наслѣдственныхъ заимокъ, вызванныхъ желаніемъ собственниковъ привлечь на свои земли недостающія имъ рабочія руки. При слабой густотѣ населенія, которая характеризуетъ римскую область въ періодъ, слѣдующій за германскими нашествіями, и которая такъ наглядно высту-

[1]) Archivio della Società Romana di Storia Patria, 1885 г., т VIII, стр 77.

[2]) См. Brunetti, Codice diplomatico Toscano, ч. II, № 26, стр. 487.

[3]) См. Documenti del monasterio di san Salvatore sul Monte Amiato riguardanti il territorio romano (Arch. della Società Romana di storia Patria, 1893 г, т. XVI, № 13).

паетъ въ текстѣ самихъ грамотъ, постоянно упоминающихъ о cesae или о расчисткахъ, было вполнѣ естественно облагать новыхъ поселенцевъ ничтожными сборами и обезпечивать имъ наслѣдственное пользованіе выкорчеванной или улучшенной ими площадью. Наоборотъ, въ послѣдующія столѣтія собственники были болѣе осмотрительны въ своихъ сдачахъ и арендахъ; желая избѣжать тридцатилѣтней давности, они постепенно ввели въ употребленіе двадцатидевятилѣтній ливеллъ и ограничили прежній наслѣдственный эмфитевзисъ тремя слѣдующими другъ за другомъ поколѣніями. Въ занимающемъ насъ реестрѣ особенно многочислены грамоты послѣдняго рода; древнѣйшая изъ нихъ восходитъ къ 821 году и говоритъ о надѣленіи монастыремъ Св. Эразма на Монте Челіо нѣкоего Трасмунда и его жены участкомъ земли, который долженъ быть улучшенъ ими и обращенъ подъ обработку, надѣленные могутъ передать его дѣтямъ и внукамъ, а при отсутствіи законнаго потомства—и чужеродцамъ до третьяго поколѣнія включительно. Всѣ обязательства надѣленныхъ такимъ образомъ землей, кромѣ мелioраціи, сводятся къ платежу 2 солидовъ въ годъ. При несоблюденіи условія той или другой стороною, полагается штрафъ, по уплатѣ котораго договоръ сохраняется въ силѣ [1]). Отъ середины того же столѣтія имѣется контрактъ, въ силу котораго пустопорожняя усадьба въ Римѣ поступаетъ въ руки колона, подъ условіемъ платежа ежегодно 2 солидовъ и права передать участокъ родственникамъ и постороннимъ usque ad tertiam generationem. Отмѣтимъ фактъ, что предметомъ подобныхъ распоряженій является всегда или никѣмъ еще не утилизированная или заброшенная площадь, terra vacans [2]).

Съемщики сохраняютъ право передачи участка и при жизни третьимъ лицамъ, а тѣмъ болѣе въ случаѣ бездѣтной смерти (locandi quibus maluerint liberam habeant sine aliqua ambiguitate licentiam) [3]).

Въ противоположность контрактамъ ad tertiam generationem, въ которыхъ надо видѣть переживаніе стариннаго колоната, ливеллы срокомъ не долѣе 29 лѣтъ, но съ правомъ возобновленія на такое же время до безконечности, явились, по всей вѣроятности, на смѣну прежней крѣпостной зависимости. Я понимаю это въ томъ смыслѣ, что отпущенные на волю безъ земли, такъ называемые либерты,

---

[1]) Il Regesto Sublacense, № 53, стр. 95 и 96.

[2]) См. документъ № 83, отъ 8 марта 866 г., и документъ № 116, отъ 20 августа 897 г., а также грамоту № 210, 967 г., въ которой съемщикъ принимаетъ обязательство привлечь на землю колонистовъ

[3]) Грамоты 965 г № 130 и 987 г. № 132.

сохраняли обыкновенно свои участки на правахъ ливелларныхъ владѣльцевъ. Вотъ почему въ дошедшихъ до насъ грамотахъ съемщиками являются мѣстные поселенцы, habitatores loci, и принимаемыя ими обязательства носятъ характеръ крестьянскаго оброка: такъ, сверхъ половины уборки винограда, съемщики берутся ставить собственнику или его посланцамъ, на ихъ содержаніе, хлѣбъ, мясо и вино, для прокорма же ихъ лошадей—ячмень и сѣно; мало этого, они сохраняютъ по отношенію къ прежнему сеньеру связь клиента съ патрономъ и соглашаются поэтому нести три раза въ годъ особый платежъ за покровительство и защиту,—платежъ, получающій отъ слова сеньератъ наименованіе senia [1]). Мѣсто денежной ренты въ такихъ договорахъ занимаетъ взносъ выговоренной части урожая. Это—первыя проявленія той системы половничества, которая постепенно завоюетъ себѣ всю средневѣковую Италію и въ формѣ тосканской mezzeria удержится и по настоящій день. Большинство историковъ непрочь относить ея происхожденіе къ болѣе поздней эпохѣ: но этому противорѣчатъ изучаемые нами источники. Трудно не видѣть половничества въ слѣдующихъ, напримѣръ, распоряженіяхъ частнаго договора 25 апрѣля 901 года, которымъ двумъ супругамъ - воздѣлывателямъ (laboratores) предоставляется со стороны монастыря утилизація только что разведеннаго ими виноградника въ предѣлахъ теперешней villa Albana. Съемщики обязуются collere, pastinare et propaginare, другими словами, воздѣлывать, разводить и расширять посадку лозъ такъ, чтобы на разстояніи шести лѣтъ со времени заключенія контракта собственники могли разсчитывать на полученіе извѣстнаго дохода; буде ничего не выростетъ и къ этому сроку, съемщики обязуются вознаградить собственниковъ 2 фунтами серебра. Обыкновенный доходъ колоновъ состоитъ въ полученіи трехъ четвертей всего выдѣланнаго вина,—остатокъ поступаетъ къ собственнику; послѣдній обязуется также допустить замѣну съемщика третьимъ лицомъ, лишь бы это послѣднее не было ни крѣпостнымъ, ни духовнымъ, ни воиномъ, а было свободнымъ простого званія, libera parva persona; впрочемъ, собственникъ сохраняетъ право предпочтительной покупки съ уступкой въ его пользу 30 динаріевъ съ продажной цѣны [2]).

Въ грамотахъ аббатства Спасителя на Монте Амiато еще нагляднѣе выступаетъ преемство ливелла и крѣпостного держанія. Отличительная черта послѣдняго—барщина—удержана и служитъ частичной

---

[1]) II Regesto Sublacense, документъ № 142, стр. 193

[2]) Документъ № 129, стр 180

замѣною денежной ренты; такъ, въ одной грамотѣ 808 года выговаривается недѣльная работа въ годъ въ пользу сеньера, а въ другой, 809 г., свободный человѣкъ, homo liber, по имени Деудалъ, обязуется разъ въ недѣлю производить барщину взамѣнъ ренты. Названіе, какимъ обозначается эта принудительная работа въ пользу собственника, то самое, подъ которымъ средневѣковыя грамоты разумѣютъ барщину — angaria. Всего чаще ливелларный владѣлецъ связываетъ себя обѣщаніемъ производить ее каждую четвертую недѣлю (per mensem hebdomada una или quarta hebdomada in omni mense) [1]).

Размѣръ барщины не долженъ быть произвольно увеличиваемъ, иначе—собственнику грозитъ штрафъ, величина котораго та же, что и при несоблюденіи арендаторомъ принятыхъ на себя обязательствъ. Срокъ, на который заключается контрактъ, различенъ. Въ грамотахъ аббатства Сублако говорится объ 18 и 28-лѣтнемъ срокѣ, нерѣдко съ правомъ возобновленія на равное число лѣтъ. Въ документахъ же монастыря Спасителя на Монте Аміато всего чаще—пожизненныя соглашенія, сила которыхъ переходитъ часто и на дѣтей, но лишь при ихъ желаніи. Контрактъ можетъ быть нарушенъ и раньше срока, подъ условіемъ уплаты выговоренной неустойки, весьма часто въ 50 и 100 солидовъ Отходящій можетъ забрать съ собою всю или часть движимости, смотря по уговору, и пріобрѣсти полную свободу передвиженія, что передается словами: «vadere ubi voluerit» [2]). Характеръ личной зависимости, отличающій отношенія ливелларнаго владѣльца и собственника, наглядно выступаетъ и въ обязательствѣ являться по зову послѣдняго (ad mandatum venire), присутствовать вмѣстѣ съ нимъ на вотчинномъ судѣ (venire in vestra presentia ad justitiam faciendam) и признавать надъ собою его юрисдикцію (in iudicio vestro stare) [3]) Встрѣчаются, впрочемъ, и случаи, въ которыхъ барщина замѣняется или неизмѣнной денежной рентой (pensio) или увеличеніемъ поступающей къ собственнику части урожая: такъ, въ одной грамотѣ 871 года выговаривается платежъ всего въ 12 динаріевъ въ годъ, тогда какъ въ другой—рѣчь идетъ о 20 динаріяхъ, а въ третьей—о 24 [4]). Половина урожая съ вина

---

[1]) См. Documenti del monasterio di San Salvatore sul Monte Amiato, rignardanti il territorio romano, stampate de G. Calisse (Archivio della Società Romana di storia Patria, t.V, 16, 1893 г.). Документы №№ 14, 15, 16, 17, 35, 36, 39.

[2]) Ibid., № 28, 35 и 39.

[3]) Ibid., № 36 и 39, грамоты 859 и 864 г.

[4]) Ibid., грамоты № 40, 28 и 18.

и фруктовыхъ деревьевъ — максимумъ того вознагражденія, какое обыкновенно выговаривается собственникомъ; при этомъ, если дѣло идетъ о новой посадкѣ, то опредѣляется льготный срокъ, въ теченіе котораго съемщикъ свободенъ отъ всякихъ платежей; срокъ этотъ равняется обыкновеннно двумъ трехлѣтіямъ [1]).

Ростъ населенія, семейные раздѣлы, эмансипація и развитіе только что описанныхъ мною договоровъ имущественнаго найма нарушили мало-по-малу ту цѣльность римскаго помѣстья, при которой massa была конгломератомъ ряда несвободныхъ надѣловъ, занятыхъ не отдѣльными семьями, а цѣлыми задругами или консортеріями. Не удивительно, поэтому, если въ грамотахъ VIII-го и IX-ого в. говорится о передачѣ только той или другой части (portio) одного или нѣсколькихъ fundus, и если предметомъ распоряженія—продажи, обмѣна, найма — являются не цѣлыя massae и даже не цѣлые fundi, а только извѣстные выдѣленные изъ нихъ участки, опредѣляемые въ размѣрѣ то суммою унцій, то количествомъ засѣваемаго зерна, то числомъ шаговъ въ длину и ширину (pedes).

Старинный строй римскаго помѣстнаго хозяйства съ поселенными на латифундіяхъ сельскими рабами и лично свободными, но крѣпкими землѣ колонами, нарушенъ; сама кондома распалась и не существуетъ болѣе въ формѣ живущихъ въ одномъ дворѣ и ведущихъ общее хозяйство consortes. Всему этому можно найти иллюстрацію въ документахъ аббатства Сублако. Въ началѣ XI-ого столѣтія жалованныя грамоты говорятъ уже не о «массахъ», а только о томъ или другомъ числѣ unciae de fundum [2]). Еще ранѣе, въ первой четверти X-ого столѣтія, дарители довольствуются передачей только причитающейся имъ части (portionem meam) въ томъ или другомъ fundus, нерѣдко одновременно въ нѣсколькихъ fundi [3]).

Происхожденіе этихъ portiones путемъ раздѣла между родственниками выступаетъ наглядно при обозначеніи границъ. Сосѣдями нерѣдко являются consortes parentorum nostrorum, совладѣльцы родителей [4]). Еще чаще передаются только куски portiones: земля вели-

---

[1]) См. пергаменты монастыря Св Козьмы и Демьяна, цитированные Калиссомъ въ его „Condizioni della proprietà territoriale, studiate sui documenti della provincia Romana del secolo VIII, IX, e X“ (Archivio della Società Romana di storia Patria 1885 г, т VIII, стр. 82).

[2]) Il Regesto Sublacense, № 173, стр. 216.

[3]) Ibid., документъ № 153, стр. 201

[4]) Документъ № 163, стр 209, и № 126, стр. 176

чиною въ 1 или 20 модіевъ посѣва (terra ad modium unum in massa cassiana или terra sationalis ad modiorum XX) [1]), или часть крестьянской усадьбы, mansio съ землей, постройками и правомъ пользованія угодьями [2]), или часть (petia) виноградника въ 43, напримѣръ, лозы (ordines) [3]) въ длину и въ 40 въ ширину.

Насколько подвинулась эмансипація крестьянъ, можно судить потому, что при перечисленіи сервовъ, принадлежащихъ аббатству Св. Бенедикта въ Сублако, грамота XII-аго вѣка можетъ назвать всего 15 семействъ [4]); все остальное населеніе состоитъ изъ свободныхъ съемщиковъ, долгосрочныхъ, пожизненныхъ, наслѣдственныхъ— въ трехъ поколѣніяхъ или вѣчно.

Территоріальная связь этого населенія съ massa прекратилась, но зато возникла новая, на половину личная, на половину имущественная, съ собственникомъ феода, составившагося изъ различныхъ частей отдѣльныхъ fundi и massae. Мѣсто большой семьи, задруги или «кондомы», заняли въ средѣ помѣстнаго населенія живущіе отдѣльными дворами consortes; ихъ старинная связь съ fundus выступаетъ еще въ 942 году въ спорѣ, возникшемъ между аббатствомъ Сублако и четырьмя жителями города Тиволи. Послѣдніе доказывали принадлежность имъ одного участка; судьи потребовали предъявленія грамоты, удостовѣряющей право собственности, и подкрѣпленія содержанія этой грамоты присягою consortes. Истцы не въ состояніи были исполнить это требованіе, такъ что споръ кончился въ пользу монастыря отказомъ просителямъ, дѣйствующимъ и на этотъ разъ сообща, въ лицѣ всѣхъ consortes, которые, выступали такимъ образомъ какъ бы соприсяжниками [5]). Тиволи издревле составляло часть владѣній римской куріи; принадлежащіе къ нему fundi заняты были ея людьми. Если папа считалъ возможнымъ передать тотъ или другой fundus въ руки монастыря, то, очевидно, это имѣло мѣсто только потому, что собственность на fundus принадлежала не крестьянамъ воздѣлывателямъ, а папскому двору. Слѣдовательно, владѣльцы были только наслѣдственными пользователями крѣпостной земли, другими словами, послѣдняя составляла ихъ надѣлъ. Итакъ, въ концѣ концовъ, мы приходимъ къ заключенію, что сидѣвшая на fundus консор-

---

1) Ibid., № 162, стр. 208, и № 118, стр. 166.
2) Ibid., грамота № 136, стр 189
3) Ibid., документъ № 128, стр. 178.
4) Ibid , документъ № 172, стр. 215
5) Грамота № 155, отъ 17 августа 942 г , стр 203.

терія была не болѣе, какъ продолженіемъ старинной кондомы,—это заключеніе вполнѣ согласно съ тѣмъ, что было сказано вначалѣ о характерѣ самого fundus. Со временемъ кондома сервовъ распалась, и имущественная связь, нѣкогда соединявшая ея членовъ, прежнихъ совладѣльцевъ fundus, перестала существовать; уцѣлѣла одна связь личная, позволявшая отдѣльнымъ consortes приносить на судѣ присягу въ формѣ одного за всѣхъ и всѣхъ за одного.

ГЛАВА X.

Землевладѣніе въ средней и южной Италіи съ VIII по X столѣтіе.

§ 1.

Въ послѣдней главѣ мы старались показать непрерывность римскаго строя землевладѣнія и сельскаго хозяйства въ предѣлахъ Равенскаго экзархата и Римской области. Оказанное лангобардами вліяніе на измѣненіе этого строя, разумѣется, должно было сказаться съ особенной силой тамъ, гдѣ поселенія лангобардовъ были особенно многочисленны. Въ этихъ условіяхъ была, въ особенности, Ломбардія, на что указываетъ самое ея названіе. Что касается другихъ областей, то настоящая глава покажетъ, что лангобардское вліяніе лишь въ слабой степени задѣло римскую, по природѣ, систему помѣстій, съ населяющими эти помѣстья glebae adscripti и колонами. Изучая грамоты Тосканы и Неаполитанскаго королевства, мы на каждомъ шагу будемъ имѣть случай убѣждаться въ дальнѣйшемъ развитіи римскихъ формъ землевладѣнія, личной и имущественной зависимости—съ небольшой и нерѣдко чисто внѣшней примѣсью германскихъ началъ.

Это сказывается въ Тосканѣ прежде всего на томъ, что помѣстье, какъ и въ римскую эпоху, распадается на двѣ неравныя части: одну—въ личномъ управленіи помѣщика, другую—въ рукахъ сельскихъ рабовъ, надѣленныхъ усадьбой, инвентаремъ, и поставленныхъ подъ надзоръ особыхъ старостъ, которые берутся изъ ихъ собственной среды, по одному на хуторъ (casale), и отвѣчаютъ передъ собственникомъ за своевременность службъ и платежей. На ряду съ этими такъ называемыми массаріями, мы встрѣчаемъ свободныхъ колоновъ, платящихъ выговоренный, всего чаще, установленный обычаемъ tributum.

Во главѣ всего помѣстья стоитъ поставленный собственникомъ actor или управитель, точь-въ-точь, какъ и въ римскую эпоху. Все это съ наглядностью выступаетъ изъ грамотъ VII-го и VIII-го в., собранныхъ Брунетти для всей Тосканы и, въ значительной степени, восполненныхъ тѣми лукскими грамотами, которыя мы находимъ въ приложеніи къ разсужденію академика Бертини о церковной исторіи Лукки. Въ 722 г., въ одиннадцатый годъ правленія Лутпранда, священникъ Орсо кладетъ основу женскому монастырю Божьей Матери въ Луккѣ; съ этою цѣлью онъ надѣляетъ его принадлежащими ему землями. Предметомъ даренія является цѣлый fundus, среди котораго, какъ это значится въ грамотѣ, расположенъ самый храмъ. Въ составъ даннаго fundus входятъ господскій дворъ (curtis) съ колодцемъ и огородомъ, величиною въ модій посѣва; кромѣ того, поле, полученное въ обмѣнъ и служащее на половину для коровъ, на половину для птицъ. При господскомъ дворѣ имѣется еще два зависимыхъ: одинъ выдѣленъ изъ massa Fagani, благодаря пожалованію короля Ариперта, другой находится въ рукахъ коровника (vaccarius) Кандида. Предметомъ пожалованія служатъ также другія владѣнія Орсо господская усадьба, sala, расположенная in loco Feroniano; при ней два дома, casae, платящіе tributum и считающіеся поэтому tributariae, а не massariciae, другими словами, это дома, занятые не отправляющими барщину сельскими рабами, а платящими опредѣленный сборъ свободными колонами. Грамота приводитъ имена этихъ послѣднихъ, говоря, что casae управляются, одна Кандидомъ, а другая Маріораномъ, съ ихъ семьями: сюда пріурочены: виноградникъ, оливковая роща, лѣсъ въ частномъ владѣніи (silva peculiaris) и лугъ (pratum). Въ составъ поступающихъ къ монастырю владѣній входитъ и рядъ рабынь-крестьянокъ съ ихъ дворами; онѣ даны были нѣкогда Орсо въ «утренній даръ» своей женѣ (morgincaput, morgengabe). Не всѣ эти дворы заняты нынѣ несвободными: нѣкоторыя изъ рабынь отпущены на волю и держатъ свои усадьбы на правахъ либертовъ (Wilpergula, напримѣръ, pro livera, тогда какъ Tinctula pro ancilla) [1]). Два другихъ термина попадаются при обозначеніи дворовъ зависимыхъ владѣльцевъ. Грамота 724 года, которой епископъ Флоренціи Спеціозъ надѣляетъ извѣстными землями церковь Св. Рефераты, говоритъ о принадлежащихъ къ господской curtis—res libelariae et angariales, другими словами, объ участкахъ, съемщики которыхъ либо несутъ въ силу контракта или ливелла (libellum) извѣстную ренту, либо обложены службами въ

[1]) Brunetti, Codice diplomatico Toscano, ч. II, № 16

пользу собственника [1]). Источникъ происхожденія тѣхъ и другихъ указанъ въ грамотахъ, говорящихъ объ отпущеніи рабовъ на волю и о заключеніи съ либертами контрактовъ, обезпечивающихъ имъ пожизненное пользованіе ихъ прежними надѣлами, подъ условіемъ рентъ и службъ Вотъ, для примѣра, одна изъ этихъ освободительныхъ грамотъ. епископъ лукскій Передей составляетъ въ 778 г. завѣщаніе, въ которомъ, между прочимъ, объявляетъ, что по его смерти всѣ его рабы и рабыни должны сдѣлаться свободными и отрѣшенными отъ правъ патроната; такими они должны быть навсегда, подобно тѣмъ, кто родится отъ римлянъ, располагающихъ правомъ свободнаго брака. Тѣмъ же преимуществомъ должны пользоваться, въ частности, и двѣ усадьбы массаріевъ, т. е. сельскихъ рабовъ, получающихъ это наименованіе отъ massa, въ составъ которой они входятъ. Грамота говоритъ, что даже рабочій инвентарь массаріевъ принадлежитъ собственнику, такъ что, переходя къ монастырю Св. Рерула въ Луккѣ въ силу завѣщанія Передея, они только потому освобождены отъ необходимости вернуть своихъ воловъ новому собственнику, что одарены были ими прежнимъ собственникомъ. Получая личную свободу и рабочій инвентарь, массаріи въ то же время оставлены на занимаемыхъ ими надѣлахъ, подъ условіемъ производить установленные обычаемъ платежи [2]). Относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ сказано, что они освобождаются впредь отъ той работы и отъ тѣхъ взносовъ виномъ и деньгами, какіе они несли прежде въ пользу Передея; но это не значитъ, что они сохраняютъ землю безъ всякаго имущественнаго эквивалента: они попрежнему несутъ согласную съ обычаемъ «ангарію»,—другими словами, изъ casae massariciae они становятся casae angariales [3]) Размѣръ этой ангаріи не можетъ быть увеличенъ, какъ не можетъ послѣдовать и удаленіе лицъ, ее отправляющихъ, изъ занимаемыхъ ими участковъ; иначе, они въ правѣ требовать вознагражденія въ размѣрѣ 20 солидовъ золотомъ [4]).

---

[1]) Ibid., № 18, стр. 469.

[2]) Et duas casas meas massaricias . in loco Caina, una qui regitur per filium Luccioli, et alia que regitur per filium Tanifridi, qualiter mihi a Sunderando nepote meo in divisione obvenerunt, volo ut sint potestate ecclesiae monasterii nostri Sancti Reguli in Valdo, ubi Sanctum corpus ejus requiescit; ipsam justitiam ibidem persolvendo, quam mihi consuetudinem habuerunt persolvere, excepto boves, quos mihi solebant reddere quos ego ad ipsos homines redonavi non reddat (Memorie e documenti per servire alla storia di Lucca, т. IV, прилож., стр 137)

[3]) Ibid., стр. 138.

[4]) Ibid., стр. 138.

Эта грамота, какъ нельзя лучше, указываетъ на связь, въ какой оброчное владѣніе стоитъ съ отпущеніемъ крестьянъ на волю, а angariae или общественныя помочи—съ прежней барщиной.

Но ошибочно было бы думать, что отпущеніе на волю—единственный источникъ происхожденія тѣхъ зависимыхъ и свободныхъ держаній, какія мы встрѣчаемъ въ тосканскихъ помѣстьяхъ VII, VIII и IX вѣковъ.

Мы указали уже на римскій колонатъ, какъ на одну изъ причинъ появленія рядомъ съ несвободными—свободныхъ надѣловъ, обложенныхъ tributum; другой причиной надо признать лангобардскій по источнику альдіонатъ. Этотъ институтъ, который не ранѣе конца X-го вѣка слился вполнѣ съ римскимъ колонатомъ, образовавъ заодно съ нимъ свободное держаніе, остается до сихъ поръ не вполнѣ выясненнымъ, если не въ смыслѣ своей природы, то въ смыслѣ происхожденія. Сближеніе его съ тѣмъ, что Тацитъ разсказываетъ о древнихъ германцахъ, какъ они призывали къ земледѣльческимъ занятіямъ только лицъ, не способныхъ носить оружіе (Germania, главы XIV, XV, XXV) [1]), само по себѣ не говоритъ намъ ничего о происхожденіи лангобардскихъ альдіевъ. Все, что мы можемъ сказать положительнаго на этотъ счетъ, это то, что альдіи были свободными простолюдинами, владѣвшими землею не на правѣ собственности, а на правѣ зависимаго держанія, и что они обложены были сборами и службами (angariae) въ пользу собственника; эти сборы и службы опредѣлялись обычаемъ и не могли быть произвольно увеличены. Въ отличіе отъ массаріевъ, альдіи имѣли право свободнаго отхода. На все это указываетъ, между прочимъ, текстъ разбираемаго нами документа, въ которомъ говорится: буде мои альдіоны захотятъ viam facere, т. е. уйти, они могутъ это сдѣлать, faciant. Но разъ этого не послѣдуетъ, имъ придется нести тѣ же ангаріи и тотъ же redditus, какимъ подлежатъ массаріи; ни то, ни другое не можетъ быть увеличено произвольно [2]).

Къ этимъ тремъ источникамъ свободнаго держанія: отпущенію на волю безъ земли и инвентаря, колонату и альдіонату, надо присоединить еще свободную передачу себя съ землею и безъ земли въ руки крупнаго собственника, подъ условіемъ сохраненія пожизненнаго или наслѣдственнаго пользованія прежней собственностью или но-

[1]) См Calisse, Le condicioni della proprieta territoriale etc. (Archivio Romano, т. VIII, стр. 67)

[2]) Documenti per servire alla storia di Lucca, т. IV, прилож, стр. 138, документъ № 86.

вымъ надѣломъ, но не иначе, какъ взамѣнъ выговоренныхъ и обыкновенно указанныхъ обычаемъ службъ и платежей, reddit̃um и angariae.

И этому можно найти многочисленныя подтвержденія въ изучаемыхъ нами источникахъ; такъ, напримѣръ, въ 783 году два брата, жители Монтіоне, съ согласія отца передаютъ себя, заодно со всѣмъ, что имъ принадлежитъ, Богу и церкви Св. Мартина въ Луккѣ [1]). Въ данномъ случаѣ не выговаривается ничего въ пользу дарителей, но не такова обыкновенная практика. Въ другой грамотѣ 776 года также говорится о передачѣ себя и собственности, но уже съ сохраненіемъ пожизненнаго пользованія и съ обязательствомъ платить на Рождество всего одинъ динарій или воскомъ, сколько окажется [2]). И это еще не та форма передачи, которая можетъ считаться наиболѣе обычной. Въ 772 году происходитъ подобное приведеннымъ уже соглашеніе, но съ оговоркой, что платежъ каждые три мѣсяца золотомъ, оливковымъ масломъ или воскомъ можетъ перейти и на наслѣдника, который въ этомъ случаѣ сохраняетъ отцовское имѣніе на правахъ зависимаго владѣльца. Тотъ, въ чью пользу производится такое отчужденіе, не можетъ распорядиться уступленнымъ ему правомъ въ пользу третьяго лица, ни на основаніи продажи, ни на основаніи даренія или залога [3]). Участокъ можетъ вернуться только къ дарителю или его потомству. Однако, и въ этомъ контрактѣ, какъ и въ предшествующихъ, новый собственникъ выговариваетъ въ свою пользу только ничтожный платежъ, платежъ формальный и не имѣющій, повидимому, другой цѣли, кромѣ нагляднаго выраженія той зависимости, въ какую становится передавшее себя лицо. Нельзя того же сказать о слѣдующемъ контрактѣ: священникъ Лиутпрандъ въ 770 году отдаетъ себя и свою благопріобрѣтенную землю (conquisitum) церкви Св. Далмація; онъ оговариваетъ при этомъ, что изъ пожалованія изъяты люди, населяющіе эту землю,—вѣроятно, потому, что считалъ нужнымъ отпустить ихъ на волю. До смерти онъ будетъ владѣть, обрабатывать хорошо (bene) уступаемыя земли и платить церкви доходомъ отъ нихъ, трудомъ, виномъ, горохомъ—такъ что изъ всей выручки церковный посланецъ получитъ ежегодно третью часть. Лиутпрандъ обязуется сохранять слѣдуемое церкви вино и провизію срокомъ не больше года и отказывается передать въ будущемъ даже часть со-

---

[1]) Документъ № 91, стр. 145.
[2]) Ibid., грамота № 82, стр. 132
[3]) Ibid, документъ № 74, стр. 124.

стоящей въ его пользованіи земли въ руки третьяго лица, свѣтскаго или духовнаго [1])

На ряду съ такими передачами, мы встрѣчаемъ и надѣленіе свободныхъ, но безземельныхъ людей участками не только въ пожизненную, но и въ наслѣдственную аренду, при чемъ выговаривается полученіе съ арендаторовъ ренты, натуральной или денежной, и общественныхъ помочей (ангарій) въ томъ размѣрѣ, въ какомъ несутъ ихъ крѣпостные крестьяне или массаріи данной мѣстности. Вотъ, для примѣра, тѣ условія, на которыхъ епископъ лукскій Передеи въ 770 году сдаетъ жителю селенія (vicus) Валеріано землю съ усадьбой. Съемщикъ обязуется обработывать и улучшать землю, жить непремѣнно въ сданной ему усадьбѣ и въ ней накоплять свой peculium, платить ежегодно епископскому посланцу или управителю (actor), поставленному во главѣ помѣщичьей curtis, въ обычное время четыре модія хлѣбнаго зерна, вина чистаго decimatas sex, годовалую свинью, годоваго бычка, animale masculo bono, и нести, сверхъ того, ту службу angaria, какая будетъ полезна для помѣщичьяго двора, и въ томъ размѣрѣ, въ какомъ несутъ ее массаріи или крѣпостные крестьяне данной мѣстности. Ко всѣмъ этимъ обязательствамъ присоединяется еще каждые три года подводная повинность; съемщикъ обѣщаетъ menare animalia помѣщика до его curtis въ Rosello лично или чрезъ замѣстителя. Размѣръ повинностей и платежей не можетъ быть увеличенъ, какъ не могутъ быть нарушены также принятыя съемщикомъ обязательства; иначе—потребуется вознагражденіе въ 30 солидовъ золотомъ. Контрактъ остается въ силѣ и послѣ смерти сторонъ, другими словами, онъ связываетъ и ихъ наслѣдниковъ [2]). О значительности тѣхъ обязательствъ, какія принималъ на себя съемщикъ, соглашавшійся на исполненіе установленныхъ обычаемъ ангарій, можно судить по тому, что говоритъ на этотъ счетъ грамота 772 года, которой нѣкто Готофредъ, сынъ воина, проживающій въ городѣ Кіузи, сдалъ въ аренду свободному человѣку Теодиперту участокъ земли въ Розеллисъ, подъ условіемъ перехода этого участка послѣ смерти съемщика къ его наслѣдникамъ. Каждую третью недѣлю съемщикъ обязуется отправлять барщину не однимъ личнымъ трудомъ, но и съ упряжью (быками, cum boves). Десять модіевъ соли онъ обязанъ доставить лѣтомъ на своихъ подводахъ помѣщику въ городъ Кіузи; все это—secundum usum loci istius Rosellis; тотъ же

[1]) Грамота № 71, стр. 120.

[2]) Ibid., документъ № 69, стр. 118.

обычай опредѣляетъ за несоблюденіе этого обязательства, какъ и за произвольное оставленіе участка, не только конфискацію всей движимости арендатора, но и вознагражденіе собственника 20 солидами золотой монеты. Положеніе хозяина несравненно благопріятнѣе. Ссылкою на обычай грамота подтверждаетъ его право удалить наслѣдниковъ арендатора, съ сохраненіемъ за послѣдними только половины движимости, да и то лишь въ случаѣ, если удаленіе не было вызвано виною самого колона [1]). Въ другой грамотѣ, 795 года, упоминается о мѣстномъ обычаѣ, дѣйствующемъ въ предѣлахъ лукскаго судебнаго округа (in foro di Lucca)· имъ опредѣляется, что крестьяне, держащіе надѣлы, и тѣ свободные, которые снимутъ землю у помѣщика на правахъ наслѣдственныхъ арендаторовъ, обязаны ежегодно отправлять восьминедѣльную сельско-хозяйственную службу; при этомъ указано даже, какъ распредѣляется эта служба между посадкой винограда, полотьбой поля, покосомъ сѣна, уборкой хлѣба въ стоги и посѣвомъ. Сверхъ этого, владѣльцы надѣловъ обязаны еще платежомъ, но не деньгами, а натурой. на Рождество они даютъ кабана, въ маѣ ягненка, двухъ цыплятъ, яйца на Пасху; съ выдѣлываемаго же вина они, на правахъ половниковъ, платятъ хозяину съ каждаго урожая половину [2]).

Анализируемый документъ представляетъ для насъ еще тотъ интересъ, что въ немъ наглядно выступаетъ равенство экономическаго положенія новыхъ съемщиковъ и надѣльныхъ крестьянъ. Это приводитъ насъ къ заключенію, что въ аренду помѣщиками сдавались или незанятые надѣлы или тѣ новыя расчистки въ пустоши (incultum), которыя подъ именемъ cesae возникали благодаря частью корчевкамъ, частью окопамъ и огораживаніямъ (clausurae) въ общинномъ выпасѣ. Такимъ образомъ, арендная система не нарушала цѣлости надѣльныхъ порядковъ, а только расширила ихъ сферу дѣйствія, хотя новыя заимки, не лежавшія въ общемъ полѣ, не участвовали необходимо въ той періодической развертцѣ полосъ, которая вызывалась представленіемъ объ отсутствіи между надѣльными крестьянами разъ навсегда установленныхъ границъ и правильнымъ чередованіемъ озимыхъ, яровыхъ посѣвовъ и пара, при чемъ каждому двору надлежало имѣть свою долю по по меньшей мѣрѣ въ трехъ поляхъ. По всей вѣроятности, эти лежавшія внѣ надѣльныхъ земель дѣлянки устраивались по типу нашихъ хуторовъ,

---

[1]) Brunetti, Codice diplomatico Toscano, т II, грамоты №№ 80 и 79.

[2]) Documenti per servire alla storia di Lucca, № 115, стр. 176.

которые также не участвуютъ въ общей развертк̀ѣ мірского поля, а заводятъ свою собственную. Нѣкоторыя указанія на этотъ счетъ можно найти и въ изучаемыхъ нами источникахъ. При перечисленіи земельнаго состава помѣстій обыкновенно говорится о трехъ категоріяхъ владѣній: res sundriales [1]), massariciae и aldiariciae. Мы знаемъ, что означаютъ послѣднія двѣ категоріи: это—надѣльныя земли, занятыя несвободными и свободными семьями. Но что такое res sundriales? Очевидно, то же, что Sonderguter, т е. земли, устроенныя на частно-правовомъ началѣ; въ этотъ разрядъ могутъ быть отнесены terra dominicata [2]), а также и позднѣйшія заимки, устроенныя на хуторскомъ началѣ. На такіе же лежащіе внѣ общихъ полей и потому не входящіе въ составъ надѣльной системы участки указываютъ и упоминаемыя въ нѣкоторыхъ дарственныхъ, на ряду съ casae massariciae, casae trinsecus (вѣроятно, extrinsecus) Первыя переходятъ къ одаренному, вторыя удерживаются дарителемъ. Вотъ буквальныя слова грамоты. casae massariciae сдаются церкви Петра и Маріи, зависящей отъ монастыря Св. Варѳоломея въ Пистоѣ на такихъ условіяхъ: отнынѣ массаріи и ихъ наслѣдники, каждый отъ своего двора, должны отправлять четырехнедѣльную ангарію въ годъ; слѣдуетъ перечисленіе самихъ дворовъ; даритель удерживаетъ за собою omnes trinsecus casae erramentu, firramentu, nutrimentu [3]). Подъ послѣдними словами надо, повидимому, разумѣть мертвый и живой инвентарь. плуги, желѣзные лемеши и скотъ. Все это, разумѣется, есть принадлежность только casae trinsecus, которыя составляютъ, такимъ образомъ, какъ бы особый міръ, выдѣленный изъ того общаго міра, въ составъ котораго входятъ надѣльные дворы. Собственникъ удерживаетъ за собою хуторской поселокъ и отчуждаетъ дворы мірскіе. Присутствіе въ селахъ (vici) участковъ, лежащихъ внѣ открытыхъ полей, выступаетъ, наконецъ, изъ тѣхъ точныхъ обозначеній, которыми грамоты указываютъ на ихъ размѣръ и границы. Съ одной стороны, читаемъ мы, напримѣръ, лежитъ виноградникъ такого-то, съ другой и третьей такого-то и

---

[1]) Ibid, документъ № 107, грамота 789 г.

[2]) Въ этомъ смыслѣ употреблено это слово въ грамотѣ 752 г, заключающей въ себѣ отчужденіе въ пользу епископа лукскаго partis de casa sundriale (Brunetti, грамота № 45)

[3]) Brunetti, т II, грамота № 69.—Что значитъ nutrimentu, выступаетъ изъ текста другой грамоты 766 г, отпечатанной тѣмъ же Brunetti. Въ ней говорится, что управитель (prepositus) аббатства Св Варѳоломея sua nutrimenta cum ipsius monasterii in eodem loco cornino pascere legitime ponere debeat (№ 68, стр 596)

такого-то, а съ четвертой—кусокъ земли, сданной для посадки винограда (ad pastinare) такому-то; величина участка—столько-то пертикъ въ одну сторону, столько-то въ другую, столько-то въ третью и четвертую; каждая пертика содержитъ въ себѣ 12 шаговъ [1]).

Нужно ли настаивать на томъ, что виноградники, какъ общее правило, не входили въ составъ надѣльныхъ земель и, слѣдовательно, прежде пахоти пріобрѣли тотъ характеръ sundria или выдѣленныхъ изъ міра земель, какой мы признали особенностью хуторского владѣнія. Въ Тосканѣ, гдѣ разведеніе виноградныхъ лозъ уже въ VIII столѣтіи было весьма распространено, а вѣчно-наслѣдственныя аренды почти безъ исключенія вызывались желаніемъ расширить размѣръ винодѣлія посадкою новыхъ лозъ (pastinatio, pastinare), частно-правовое владѣніе должно было сдѣлать быстрые шаги въ ущербъ мірскому надѣльному. Текстъ многихъ договоровъ первой половины VIII столѣтія, преслѣдующихъ вышеуказанную задачу, вызываетъ въ читателѣ представленіе объ обособленныхъ отъ общихъ полей участкахъ, въ которыхъ пахоть прилегаетъ ко вновь разведенному винограднику и лежитъ вмѣстѣ съ послѣднимъ вблизи занятой колономъ усадьбы. Выраженія. aliquanta terrula, clausura, попадающіяся въ грамотахъ первой половины столѣтія [2]), очевидно, говорятъ не о мірскихъ владѣніяхъ и надѣлахъ, а о частныхъ заимкахъ внѣ общихъ полей. Точно также трудно не признать частно-правовой заимки въ одномъ неполномъ документѣ 736 года, гдѣ заходитъ рѣчь о снятіи въ наслѣдственную аренду третьей части унціи земли in fundo agelli, съ обязательствомъ платить треть выручки съ посаженныхъ уже лозъ и четвертую часть съ тѣхъ, какія разведены будутъ впредь [3]).

Спрашивается теперь, какія указанія можно найти въ разбираемыхъ нами источникахъ относительно надѣльной системы? При всей своей отрывочности, эти источники сообщаютъ факты, дающіе возможность установить нѣкоторыя общія черты, могущія служить свидѣтельствомъ о живучести общиннаго принципа. Обратимъ прежде всего вниманіе на то обстоятельство, что крестьянскіе дворы съ ихъ надѣлами представляютъ нѣчто обособленное отъ прочаго міра. Чужеземецъ не въ состояніи проникнуть въ эту среду даже на основаніи покупки, такъ какъ отчужденія могутъ быть дѣлаемы только въ пользу лицъ и семействъ,

---

[1]) Грамота № 63, стр. 583.

[2]) Грамоты № 22, 23, 31. Въ послѣдней Родбертъ, magister cummacinus, т е. очевидно, членъ рабочаго цеха въ Комо, продаетъ casam cum vinea clausura cinta и все то, что онъ labore vel adquisto avere visus est (стр 497).

[3]) Грамота № 28.

получающихъ надѣлы въ той же мѣстности. Этотъ фактъ выступаетъ весьма характерно въ слѣдующей грамотѣ. Архидіаконъ Ліутпертъ и діаконъ Маціонъ въ духовномъ завѣщаніи, составленномъ ими въ Пизѣ въ 748 году, освобождаютъ своихъ массаріевъ отъ крѣпостной зависимости, ab omni necsu (sic) condicionis vel a jugo servitutis, выговаривая въ ихъ пользу патронатство церкви Божьей Матери и епископа. На массаріевъ возлагаются извѣстныя обязательства по отношенію къ этому храму, между прочимъ, производство платежа въ случаѣ замужества дочерей. Отпущенные на волю становятся свободными людьми, conlivertі (т. е conlibertі). Завѣщатель освобождаетъ ихъ вмѣстѣ съ землею, cum rebus suis; онъ объявляетъ свободными omnes substantias suas ad se pertinentia, mobilia et immobilia, не опредѣляя болѣе точно ихъ личнаго и имущественнаго состава Можно было бы думать, что отпущенные на волю въ правѣ отнынѣ распоряжаться своею землею, какъ вздумаютъ, и уступить ее, кому угодно. Такъ это и было бы, разумѣется, если бы ихъ земли не лежали въ открытыхъ поляхъ отдѣльными полосами въ перемежку съ землями сосѣдей, заодно съ ними освобожденныхъ, ихъ колибертовъ и совладѣльцевъ въ мірской землѣ. Но этого нѣтъ, и вотъ почему грамота не допускаетъ отчужденія иначе, какъ однимъ совладѣльцемъ въ пользу другого: «не имѣете права продавать постороннимъ, а можете дѣлать это только между собою, одинъ колибертъ другому» (non habeatis potestatem aliis hominibus vendere nisi inter vobis conlivertis unus alterius) [1]).

Другая черта, общая тосканской надѣльной системѣ съ германской и французской: каждый дворъ владѣетъ не только полосами пахотной земли, но и пользуется общинными угодьями въ размѣрѣ своихъ потребностей. Эти угодья обнимаются понятіемъ pertinentia [2]). Въ ихъ составъ входятъ, какъ это видно изъ текста многихъ грамотъ, silvae, prata, pascua [3]), т. е. лѣса, луга, пастбища, всего чаще обнимаемые общимъ терминомъ incultum,—почему обычная формула земельныхъ пожалованій содержитъ въ себѣ вслѣдъ за перечисленіемъ дворовъ (casae massariciae и aldionales) прибавку. cultum et incultum. Въ какомъ отношеніи стояли къ этой нераздѣльной собственности отдѣльные дворы, это видно изъ слѣдующей грамоты. Два брата, Пинколъ и Мочіолъ, дѣти нѣкоего Альхи, принадлежащіе къ числу колибертовъ, продаютъ свою долю (sors) той земли, въ которой они имѣютъ участіе въ скотскомъ выгонѣ, finvadia (Viehweide), въ мѣстности, назы-

[1]) Грамота № 38, стр. 527
[2]) Ibid., стр. 526
[3]) Лукскія грамоты, документъ № 6, 646 г.

ваемой Арена, тамъ же, гдѣ владѣютъ и другіе ихъ колиберты,—почему и сдѣлано указаніе только на то, во что упирается ихъ пай: съ одной стороны въ канаву, съ другой—въ болото, близъ земли Ставила. Отъ покупателя получена уже продажная сумма; сдѣлка, слѣдовательно, состоялась; и все-таки покупщики предвидятъ случай, когда отчужденный участокъ можетъ быть отобранъ у купившаго,—именно тогда, когда этого потребуетъ publicum, т. е. міръ, совокупность всѣхъ колибертовъ. Покупатель въ этомъ случаѣ имѣетъ, очевидно, право на вознагражденіе. Продавцы признаютъ поэтому въ его пользу владѣніе тѣмъ новымъ участкомъ, который при новомъ раздѣлѣ достанется имъ на правахъ жребія. Грамота буквально говоритъ, что вслѣдъ за поступленіемъ отчужденнаго участка міру онъ можетъ при раздѣлѣ перейти въ руки какого-либо третьяго лица, и вновь выдѣленный жребій продавца, пожалуй, окажется лежащимъ въ другомъ мѣстѣ. Вотъ этотъ-то новый жребій взамѣнъ прежняго и поступаетъ къ покупателю [1]), который, при нежеланіи продавцовъ выполнить это требованіе, обязанъ удовольствоваться пенею въ 12 солидовъ. Чтобы выяснить характеръ только что изложенныхъ обязательствъ, не считаемъ лишнимъ привести описаніе того, что происходитъ еще въ наши дни при утилизаціи общинныхъ угодій въ такихъ, напримѣръ, мѣстностяхъ, какъ современный кантонъ Гларусъ. Общинныя альменды нерѣдко поступаютъ здѣсь въ разверстку между отдѣльными дворами одного и того же селенія и, подъ именемъ Garten или садовъ, становятся предметомъ частной эксплуатаціи. Когда наступаетъ новая разверстка, то, что было въ рукахъ одного двора, легко можетъ перейти въ руки другого, такъ что, если бы въ промежутокъ между двумя разверстками данный дворъ достался по наслѣдству или въ силу продажи третьему лицу, къ этому лицу перешло бы и право требовать новой нарѣзки, новаго жребія, взамѣнъ прежняго.

На ряду съ общинными угодьями, дороги, воды и водопроводы, составляя собственность помѣщика, находятся въ пользованіи крестьянъ-общинниковъ съ тѣми, однако, ограниченіями, какія на этотъ счетъ содержатъ въ себѣ самыя грамоты, запрещающія, напримѣръ, крестьянамъ строить мельницы по теченію рѣки или на той или другой

---

[1]) In tale vero tenere promettemus nos qui supra vendituri, ut si qualive tempore forsitans ipsa terrola portionem nostra in integro publicum requesierit et ad devesionem revinerit cuicumque in alio homine et novis in alio locum ad vicem sorte redditam fuerit, si volueris tu Mauricius ipsa terra, nos tivi sine aliqua mora ipsa terra reddamus (Документъ XXIV, стр. 484)

запрудѣ. Въ королевскихъ подтвержденіяхъ позднѣйшей эпохи постоянно упоминается поэтому объ usibus et consuetudinibus hominum ad dictam curtem pertinentium, а въ числѣ подлежащихъ solito usu, т. е. обычному пользованію, доходныхъ статей встрѣчаются и grae и aquarum alveoles atque decursus [1]). Всѣ эти пользованія рано подверглись ограниченіямъ и конфискаціямъ, благодаря монополіямъ собственниковъ, обратившихъ охоту и уловъ рыбы въ вотчинное право и установившихъ «pedagia», «passagia» съ прохожихъ и проѣзжихъ. Вотъ почему съ теченіемъ времени возникло болѣе строгое различіе между мірскими пользованіями и тѣмъ, что извѣстно намъ подъ названіемъ публичныхъ сервитутовъ,—однако, не въ томъ смыслѣ, чтобы послѣдніе объявлены были res omnium communes, а въ томъ, что они раньше другихъ сдѣлались предметомъ монополизаціи феодальныхъ собственниковъ.

Мы познакомились съ земельнымъ и личнымъ составомъ тосканскаго помѣстья въ томъ видѣ, въ какомъ рисуютъ его намъ грамоты VIII вѣка, т. е. эпохи, предшествующей карловингской и германской оккупаціи Намъ предстоитъ еще задаться вопросомъ о формахъ выраженія внутренней эволюціи помѣстной системы, о разлагающихъ элементахъ крѣпостного хозяйства, и о томъ, какіе зародыши будущаго развитія заключали въ себѣ происходившія въ VIII вѣкѣ перемѣны.

Въ дошедшихъ до насъ источникахъ съ особенной наглядностью выступаетъ фактъ постепенной эмансипаціи если не собственности, то личности крестьянъ-воздѣлывателей, нерѣдко также—накопленныхъ ими движимостей (peculium). Грамоты не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что крестьянинъ на первыхъ порахъ могъ быть оторванъ отъ земли по волѣ помѣщика. Мы встрѣчаемся со случаями отчужденія надѣловъ и удержанія занимающихъ ихъ семей, какъ и со случаями обмѣна сельскихъ рабовъ, подчасъ независимо отъ ихъ участковъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ 763 году происходитъ продажа нѣкоей рабыни съ ея приплодомъ за 20 солидовъ, уплаченныхъ золотомъ и быками; ни словомъ не упоминается о томъ, что сталось съ усадьбами, которыя они до того занимали [2]). Годъ спустя, при пожалованіи кое-какихъ земель монастырю, удерживается право собственности на занимающихъ ихъ рабовъ и рабынь; продавецъ имѣетъ въ виду освободить ихъ на смертномъ одрѣ [3]). Иногда указывается

---

[1]) Лукскія грамоты, № 30.

[2]) Brunetti, № 59.

[3]) Ibid., № 60.

число лицъ, которыхъ даритель удерживаетъ за собою съ цѣлью отпустить на волю pro anima sua; иногда получившему даръ монастырю или церкви предоставляется выдача вольныхъ [1]). Въ одной грамотѣ 754 года прямо выговорено, что при обмѣнѣ удержаны будутъ въ рукахъ прежняго собственника занимающіе дворъ крестьяне, excepto homines de ipsa casa [2]) Въ другой грамотѣ 762 года имѣніе поступаетъ въ руки одареннаго, за исключеніемъ рабовъ и рабынь, excepios servos, vel ancillas [3]). Въ 766 году житель Пизы мѣняется съ епископомъ лукскимъ рабами и рабынями, и такой же обмѣнъ пятью годами ранѣе пропсходитъ [4]) между тѣмъ же епископомъ и его племянникомъ Зундерадо [5]). Въ другой мѣновой сдѣлкѣ все служитъ предметомъ соглашенія, excepto homenis (sic) de predictas (sic) casas, quod menime cambiavimus inter nos [6]).

Тѣмъ не менѣе переходъ сельскихъ рабовъ, вмѣстѣ съ землею и съ сохраненіемъ условленныхъ службъ и платежей, составляетъ общую практику; даже отпущенные на волю безъ земли, какъ мы это видѣли, обыкновенно сохраняютъ ее, вступая съ собственникомъ въ вѣчно-наслѣдственные контракты. Нѣтъ ни одного случая повышенія съ крестьянъ прежнихъ платежей при перемѣнахъ въ лицѣ собственника, и, наоборотъ, встрѣчаются случаи пониженія этихъ платежей потому ли, что даритель или завѣщатель выговариваетъ въ пользу крестьянъ такія преимущества [7]), или потому, что обѣднѣніе ихъ заставляетъ уменьшать размѣръ обычнаго платежа (quia possibilitatem tuam (sic) parvla est) Отпущеніе на волю производится десятками и сотнями человѣкъ; встрѣчаются примѣры выдачи одновременно 28 вольныхъ; но, параллельно съ этимъ, все чаще и чаще происходятъ добровольныя передачи свободными людьми самихъ себя съ землею въ руки крупныхъ собственниковъ

Такія коммендаціи идутъ рука объ руку съ расчистками и посадками, производимыми свободными людьми, которые снимаютъ землю въ вѣчно-наслѣдственное держаніе, обязываются платить ренту, отправлять общественныя помочи, уступать часть продуктовъ и не входить ни въ какія сношенія съ врагами собственника, nunquam per nullum in-

---

[1]) № 67, 71 и 75.
[2]) № 50
[3]) Лукскія грамоты, № 5
[4]) Ibid., № 14.
[5]) Ibid., № 54
[6]) Ibid, № 26
[7]) См завѣщаніе лукскаго епископа Передея, № 86.

genium contra te cum inimico tuo consiliare [1]) На первый планъ, очевидно, выступаетъ забота обезпечить себѣ не только непрерывную эксплуатацію земель и расширеніе доставляющихъ ренту культуръ, но также союзниковъ и защитниковъ въ междоусобіяхъ.

Прежде имѣніе цѣнилось настолько, насколько въ немъ было несвободныхъ крестьянскихъ душъ: свободные съемщики были въ меньшинствѣ, составляя болѣе или менѣе рѣдкое явленіе; теперь земля сама по себѣ сдѣлалась цѣнностью, благодаря увеличившемуся спросу, который вызвался ростомъ населенія и обусловливалъ собою производство расчистокъ. Земля начала приносить ренту, но такъ какъ спросъ на рабочія руки все же оставался весьма значительнымъ, благодаря легкости получить землю въ расчистку, то правильный расчетъ подсказывалъ сохранить отъ крѣпостного права ту его характерную особенность, которая лежала въ постоянномъ пребываніи семьи воздѣлывателя на сданномъ ему участкѣ Это обстоятельство вызывало къ жизни институтъ вѣчно-наслѣдственной аренды въ такой же мѣрѣ, въ какой недостатокъ личной обезпеченности и необходимость покровительства заставляли свободныхъ людей жертвовать не ихъ экономическимъ, а общественнымъ положеніемъ, и дѣлаться людьми зависимыми, отказываясь отъ собственности и удерживая наслѣдственное пользованіе. Во всемъ этомъ лежали задатки постепеннаго превращенія завѣщаннаго еще римлянами рабскаго хозяйства въ феодально-оброчное. Самое развитіе этихъ новыхъ отношеній приняло направленіе, близкое къ тому, какое столѣтіями раньше характеризовало римскій колонатъ, представлявшій собою такую же свободную вѣчно-наслѣдственную аренду, не разъ связанную съ половничествомъ, какой въ VIII вѣкѣ явились возобновляемые изъ поколѣнія въ поколѣніе или каждыя 29 лѣтъ эмфитевзисы и ливеллы.

§ 2.

И въ лангобардскихъ княжествахъ средней и южной Италіи римскому элементу удалось одержать верхъ надъ попытками германизаціи. Въ этомъ убѣждаетъ насъ изученіе грамотъ аббатства Фарфы. Онѣ восходятъ къ началу VIII вѣка и даютъ возможность прослѣдить судьбы собственности и владѣнія въ границахъ Сполетскаго герцогства. Уже въ древнѣйшихъ изъ этихъ грамотъ, заключающихъ въ себѣ земель-

[1]) Грамота 796 г., № 117

ныя пожалованія герцоговъ Фароальда и Трансмунда, говорится о сервахъ и колонахъ, какъ о личномъ инвентарѣ поступающихъ къ аббатству massae и fundi. Платежи колоновъ состоятъ изъ третьей части продуктовъ, помимо церковной десятины [1]). Во главѣ «массы» мы находимъ особаго управителя, который зовется actor или actionarius. Въ земельный составъ имѣнія, кромѣ хутора, удерживаемаго въ личномъ завѣдованіи помѣщика (casale monasterii), и такъ называемыхъ colonicae или держаній колоновъ, входятъ еще угодья, состоящія въ общинномъ пользованіи [2]).

Лангобардскій терминъ gualdum уже съ середины VIII вѣка начинаетъ заступать въ грамотахъ мѣсто латинской «massa», далеко, впрочемъ, не устраняя послѣдней [3]). Ему противуполагается casale, хуторъ, который можетъ находиться или въ личномъ завѣдованіи помѣщика, подъ обработкой рабовъ, или въ рукахъ одного, часто нѣсколькихъ семействъ колоновъ. Во второмъ случаѣ, какъ нѣкогда въ римскихъ помѣстьяхъ, одинъ изъ колоновъ, нося унаслѣдованное отъ древности наименованіе conductor, отвѣчаетъ передъ собственникомъ за слѣдуемые съ товарищей angariae et census, т. е. личныя повинности и натуральные платежи. Въ 750 году герцогъ сполетскій Лупо даритъ аббатству въ Фарфѣ дворъ, curticellum, съ постройками, пастбищами и колонами. Имена послѣднихъ перечислены въ грамотѣ, при чемъ значится, что многіе изъ этихъ колоновъ живутъ съ сыновьями и братьями. Съ передачей имѣнія связана и уступка нѣсколькихъ хуторовъ (casalia), вмѣстѣ съ занимающими ихъ колонами. Число ихъ доходитъ иногда до 26 въ одномъ хуторѣ. Грамота говоритъ еще

---

1) См. Epistola Faroaldi ducis, a 705 (Reg di Farfa, т. II, стр. I и слѣд., документъ № 1). См также грамоту Трансмунда (a 740, докум № 7) Въ ней значится, между прочимъ. Donamus decimas de vino et de grano seu et de oleo vel de tertia, quae a populo colligitur de massa ubi Melitus actionarius est.

2) Concedimus ibidem pastinellum, qui ad manus publicas pastinatus est in casale monasterii. - См также документъ № I.... in cespitibus vel servis et coloniciis, и грамоту 745 г.:Concedimus colonos duos cum casis seu terris, vineis, olivetis quantum ipsi tenere visi sunt

3) Въ пожалованіяхъ сполетскаго герцога Лупо отъ 746 г. уже встрѣчается терминъ gualdum, и подобно латинскому fundus, онъ сопровождается прилагательнымъ, корень котораго составляетъ имя собственное, напр, gualdum pontianum (Ibid, стр 746). Въ предѣлахъ gualdum лежатъ земли колоновъ, отсюда выраженіе. gualdum cum terris de colonis, qui ipsum gualdum possederunt Casale составляетъ часть gualdum (concessit ex gualdo casalem unum) Ibid, стр. 29, 30, 32, 33, 34

o portiones, надѣлахъ, принадлежащихъ каждому изъ дворовъ колоновъ. Въ составъ этихъ portiones входятъ земли, виноградники, луга (prata). Къ casale пріурочены угодья, adiacentia et pertinentia Въ заключеніе говорится, что хуторъ переходитъ съ тѣмъ личнымъ и земельнымъ составомъ, въ какомъ по настоящій день держитъ его conductor Юліанъ, или буквально—«usque in presentem diem ad nostram defensare et tenere potestatem visus est»[1]), т. е. хуторъ переходитъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ по настоящій день Юліанъ владѣлъ и защищалъ его, какъ принадлежность дарителя. Въ положеніи «кондуктора» замѣтна, однако, существенная перемѣна сравнительно съ положеніемъ его въ VI столѣтіи Колонъ-откупщикъ постепенно превратился въ управителя. Въ приведенномъ нами примѣрѣ «кондукторъ» уже соединяетъ въ своихъ рукахъ завѣдованіе нѣсколькими casalia; мало этого, къ нему перешла администрація и помѣщичьимъ curtile, этой terra dominicata позднѣйшей феодальной эпохи. Разбираемая грамота говоритъ, что на Юліанѣ лежитъ обязанность tenere et defensare по отношенію къ отдѣльнымъ casalia una cum praenominata curte in integrum [2]). Впрочемъ, такое превращеніе колона-откупщика въ бурмистра далеко не составляетъ общаго явленія. Въ большинствѣ помѣстій conductor VIII вѣка остается тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ двумя столѣтіями раньше, т. е. старостою, поставленнымъ надъ колонами того или другого хутора и отвѣчающимъ за полноту и своевременность исполненія повинностей и платежей. Это выступаетъ наглядно въ одномъ судебномъ процессѣ 747 года, во время теченія котораго судьи обходятъ спорные участки и, такимъ образомъ, попадаютъ постепенно въ отдѣльные хутора, занятые колонами и составляющіе предметъ тяжбы между городомъ Ріети и аббатствомъ Фарфа. По поводу одного изъ такихъ хуторовъ значится, что его держитъ Teodices, conductor другого casale, de Germanicіano. Этотъ Теодисей получилъ свободу отъ герцога Лупо[3]), и былъ, слѣдовательно, первоначально такимъ же крѣпкимъ къ землѣ, а, можетъ быть, и лично подневольнымъ человѣкомъ, какими мы знаемъ conductores на земляхъ римской куріи въ VI вѣкѣ.

Во главѣ всей администраціи помѣстья стоитъ въ такомъ случаѣ не отдѣльный староста, взятый изъ среды колоновъ, а самостоятельный управитель, носящій названіе actionarius, тотъ же римскій

---

[1]) Ibid., стр. 39
[2]) Ibid, стр. 39, грам. 750 г
[3]) Ibid., стр. 41.

actor [1]). Эта должность нерѣдко связана съ должностью начальника надъ свинопасами, отъ котораго зависятъ въ свою очередь отдѣльные porcarii [2]).

Въ составъ монастырскихъ помѣстій входятъ хутора двоякаго рода: въ однихъ сельско-хозяйственныя работы производятся прикрѣпленными къ землѣ рабами, въ другихъ—колонами, лично свободными и покидающими не разъ, при перемѣнахъ въ лицѣ собственника, имѣніе вмѣстѣ съ ихъ движимостью. Типъ перваго рода хуторовъ представляетъ, напримѣръ, тотъ, о которомъ говорится въ одной купчей 752 года. Продавецъ, выразившій желаніе перенести въ руки монастыря собственность на хуторъ, объявляетъ, что онъ уступаетъ монастырю casale seu servos et ancillas et omnia mobilia [3]). Рабы извѣстны также подъ названіями manentes и pertinentes, а иногда грамоты обозначаютъ ихъ, смотря по характеру занятій, прозвищами piscatores, porcarii, bubulci, cabalarii, vaccarii и т. д.; они работаютъ всецѣло на хозяина и, въ случаѣ неисполненія приказаннаго, терпятъ послѣдствія дисциплинарной власти: «Et si non adimplevero,—значится въ одной грамотѣ,—licentiam habeatis disciplinare» [4]). Отличіе хуторовъ, занятыхъ рабами, отъ тѣхъ, въ которыхъ сидятъ колоны, не сразу бросается въ глаза. Когда грамота ограничивается заявленіемъ, что такой-то или такой-то хуторъ воздѣлывается (excolitur) такими-то и такими-то лицами, безъ упоминанія объ ихъ принадлежности къ числу колоновъ, является основаніе предполагать, что мы имѣемъ дѣло съ хуторомъ рабовъ, а не свободныхъ людей, наслѣдственно занимаю-

---

[1]) Ibid., 27, 39, 40

[2]) Ibid.,—per largitatem actoris vel archiporcarii,—выраженіе, попадающееся въ цитируемой нами грамотѣ Въ ней же упоминается въ другомъ мѣстѣ actionarius, porcarii и т. д.

Любопытный примѣръ слянія римскихъ и германскихъ порядковъ представляетъ намъ грамота 757 г (Ibid., стр 48) Житель города Рieти снимаетъ у аббата его имѣніе (curtis) на началахъ „побратимства“ (affratamento, которое въ актѣ передается латинскимъ терминомъ „in germanicione“) со всѣми прочими колонами, принадлежащими къ той же curtis. Это побратимство должно длиться, пока угодно будетъ аббату. Вступающій въ него обязуется вѣдать всѣ дѣла, личныя и имущественныя, какія могутъ возникнуть въ предѣлахъ curtis. Мы, очевидно, имѣемъ передъ собою римскаго кондуктора, отвѣчающаго передъ собственникомъ за платежи и повинности колоновъ; но какъ далекъ онъ отъ своего первоначальнаго образца!

[3]) Ibid., стр 44.

[4]) Il largitorio Farfense, fol. V, у Callisse, Vicende della propr. territoriale nella prov Romana (Arch. st. Romano, t. VIII, стр. 64)

щихъ свои надѣлы подъ условіемъ извѣстныхъ службъ и платежей [1]). Рѣзко выступаетъ противоположность тѣхъ и другихъ только при отчужденіяхъ: въ отношеніи хуторовъ, занятыхъ рабами, даритель или продавецъ не дѣлаетъ никакихъ оговорокъ, передавая ихъ in integrum, т. е въ томъ видѣ, какъ самъ ими владѣлъ, cum casis et terris, servis et ancillis и т. д., тогда какъ относительно хуторовъ колоновъ каждый разъ оговаривается, что въ этихъ случаяхъ только земля переходитъ къ новому собственнику, сами же колоны могутъ сняться со своихъ надѣловъ и унести съ собою движимость [2]). Смыслъ нѣсколько затемняется лишь тогда, когда съ продажей хутора связывается отпущеніе рабовъ на волю, но и тутъ не трудно отмѣтить существенное различіе. колоны уходятъ съ движимостью, рабы — безъ движимости [3]). Какъ колоны, такъ и servi сидятъ на занимаемыхъ ими надѣлахъ не въ одиночку и не по парамъ, а нераздѣльными семьями. Вотъ почему при передачѣ casalia или ихъ отдѣльныхъ частей, которыя по римскому образцу опредѣляются числомъ унцій (unciae sex, unciae tres и т. д. или, что то же, половина и четверть) [4]), нерѣдко говорится объ очагахъ колоновъ и рабовъ, foculares, или значится, что тѣ или другіе колоны, вмѣстѣ съ дѣтьми и родственниками, communiter resident или resident post unum focum, т. е. живутъ сообща или вокругъ одного очага [5]).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ той или другой семьѣ окажется по причинѣ смерти недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, путемъ искусственнаго братства (affratamento) включается въ составъ очага новый сочленъ, обыкновенно болѣе или менѣе близкій родственникъ, подчасъ съ материнской стороны. Такой примѣръ представляютъ намъ въ 754 году два брата колона, живущіе совмѣстно. Сознавая, какъ они сами

---

[1]) Грамота 747 г.: Concedimus casalem unum, qui dicitur turris, qui excolitur per arnonem, mauronem, vindemium, damulonem et luccicolonem.

[2]) Et si contigerit ut exire voluerint, Laetula et Georgiolus, Candidus et Bonualdus, qui sunt coloni, licentiam habeant exeundi cum rebus mobilibus suis (стр 36).

[3]) Въ той же грамотѣ значится о двухъ отпущенныхъ на волю рабахъ: et si Lispulus et Marius exire voluerint exeant cum libertate sua Res mobiles eorum remaneant ad monasterium.—См. также грамоту 770 г. (стр. 79).

[4]) См. грамоту 753 г. стр 45, и 757 г, стр. 47

[5]) Грамота 757 г. (стр 47),грам. 778 г. (стр. 99), грам. 778 г (стр. 104),грамота 783 г. (стр. 116) Въ послѣдней мы читаемъ: concedimus curtem cum colonis suis..... qualiter singuli cum familiis suis post unum focum residere videntur.

объ этомъ говорятъ, свою ничтожность или бѣдность (considerantes parvulitatem nostram) и неспособность исправнаго несенія повинностей (angariae) и рентъ (census), причитающихся съ ихъ надѣла (portiuncula nostra), они припускаютъ къ себѣ, съ согласія собственника и «кондуктора» или хуторского старосты, материнскаго дядю Марціанула. Грамота гласитъ affratamus te in ipsa substantiuncula nostra. Припущенный такимъ образомъ къ очагу признается наслѣдникомъ въ третьей части и, въ случаѣ раздѣла, въ правѣ требовать для себя ту же третью часть. Пока продолжается сожитіе, онъ несетъ angariae и census заодно со своими племянниками [1]).

Такимъ образомъ, между владѣніемъ колоновъ ихъ colonicae и серовъ, или рабовъ, ихъ portiones—нѣтъ существеннаго различія, такъ какъ и то и другое равно приближается къ типу задружнаго или общинно-семейнаго Между тѣмъ грамоты упорно проводятъ границу между правами, пріобрѣтаемыми новымъ собственникомъ, въ силу покупки или даренія, на несвободныхъ и на свободныхъ поселенцевъ помѣстья. Обычная формула гласитъ, что servi поступаютъ къ нему pro servis, liberi pro liberis [2]) Когда къ тѣмъ и другимъ присоединяются еще aldii, т е. лангобардскіе колоны, то о нихъ дѣлается особая оговорка, при чемъ грамоты относятъ ихъ въ одну категорію со свободными [3]). О колонахъ не разъ говорится, какъ о людяхъ свободныхъ, и въ то же время они противополагаются liberi,—такъ что въ актахъ встрѣчается формула: tradimus colonos, pro colonis, liberos pro liberis [4]). На чемъ, спрашивается, основано такое различіе? Одна мѣновая сдѣлка 764 года бросаетъ на это нѣкоторый свѣтъ. За сыновьями колоновъ признано право ухода изъ помѣстья—право, предоставленное имъ, какъ мы видѣли, еще остготскимъ королемъ Теодорикомъ. Однако, покидая имѣніе, они не только оставляютъ свой надѣлъ въ пользу собственника, но еще уплачиваютъ послѣднему за оказанное имъ покровительство или mundium (mundionem—стоитъ въ грамотѣ) извѣстный взносъ. Liberi, очевидно, свободны отъ этого взноса, но, когда они надѣляются землею и жительствуютъ in colonia, т. е. на земляхъ, отведенныхъ колонамъ, это обязательство распространяется и

---

[1]) Ibid., стр 45

[2]) Грамота 776 г, стр. 87 Гильдебрандъ, герцогъ сполетскій, объявляетъ: concedimus massam nostram in Sabina, una cum aedificiis, familis, servis pro servis, liberis pro liberis

[3]) См грамоту 766 г (Ibid, стр 66)

[4]) Грам 766 г, стр 65.

на нихъ [1]). Въ подобныхъ отношеніяхъ свободныхъ людей къ имъ самимъ избраннымъ патронамъ нельзя не видѣть проявленія совершенно новыхъ общественныхъ порядковъ, корень которыхъ лежитъ въ патронатѣ или сеньератѣ — этомъ существенномъ факторѣ возникающаго въ VIII вѣкѣ процесса феодализаціи Свободные люди, желая найти покровителя, готовы заступить мѣсто колоновъ и нести собственнику особую плату за его заступничество, за его mundium,— терминъ, употребляемый въ равной мѣрѣ какъ франкскими, такъ и лангобардскими и аллеманскими источниками. Указываемое явленіе дѣлается настолько частымъ, собственники настолько заинтересованными въ умноженіи числа становящихся подъ ихъ защиту и вступающихъ въ ряды колоновъ свободныхъ людей, что въ приводимомъ нами актѣ принимаются мѣры на тотъ случай, когда одинъ собственникъ станетъ сманивать такихъ свободныхъ людей съ земель другого. виновный долженъ уплатить высокій штрафъ въ 100 солидовъ золотой монеты [2]). Въ этихъ явленіяхъ нѣтъ уже ничего римскаго, если не говорить объ античномъ кліентствѣ первыхъ временъ республики. Во всемъ выступаетъ съ наглядностью вліяніе новаго германскаго элемента или, вѣрнѣе, того новаго міровоззрѣнія, источникъ котораго лежитъ не столько въ народной психологіи, сколько въ особенностяхъ переживаемой Италіей, заодно съ прочей Европой, эпохи, —эпохи постепеннаго ослабленія центральной власти и образованія мѣстныхъ единицъ и союзовъ, пріуроченныхъ къ цѣлямъ внѣшней и внутренней обороны. Здѣсь коренится дѣйствительный источникъ и англо-саксонскаго института индивидуальнаго поручительства собственниковъ (или hlaford'овъ) за безземельныхъ или малоземельныхъ свободныхъ, ищущихъ ихъ покровительства, и франкской коммендаціи, т. е. добровольной передачи себя вмѣстѣ съ землею въ руки могущественныхъ сень-

---

[1]) Упомянувши предварительно о колонахъ, грамота 764 г. переходитъ къ alii homines liberi qui in ipso casale in colonia resident et in monasterio mundionem habeant dare (Ibid., стр. 63).

[2]) Et si ego halanus abbas vel nostri successores aut congregatio monasterii ipsos liberos homines de casa tua suptrahere voluerimus et in casa monasterio eos recipere praesumpserimus componiamus tibi luponi aut heredibus tuis auri solidos centum (Ibid., стр. 63) Примѣръ такого добровольнаго поступленія свободныхъ или отпущенныхъ на волю людей подъ defensio или защиту собственника представляетъ намъ одна грамота 761 г. Отпущенные на волю поступаютъ in defensionem monasterii, salva libertate eorum, т. е съ сохраненіемъ своей свободы, аббатство даетъ имъ olivetum или оливковую рощу. Они обязываются defensare eam et culturare (Ibid, стр. 50).

еровъ [1]),—что вскорѣ было дополнено требованіемъ карловингскихъ правителей объ обязательномъ прискании поручителей-собственниковъ,—и, наконецъ, тѣхъ разнообразныхъ формъ сеньерата, какія представляетъ намъ лангобардская Италія; къ числу этихъ формъ необходимо отнести и анализируемыя нами отношенія.

Гораздо ближе къ римскимъ хозяйственнымъ традиціямъ стоятъ упоминаемые грамотами аббатства Фарфы повинности и платежи колоновъ и вообще весь строй сельско-хозяйственной эксплуатаціи земель помѣщиками. Эти порядки, въ сущности, тѣ самые, какіе мы встрѣтили въ VI вѣкѣ на земляхъ римской куріи, а въ VII и слѣдующихъ—въ предѣлахъ Равенскаго экзархата. Они состоятъ въ обработкѣ земель, удержанныхъ въ личномъ завѣдованіи, съ помощью несвободнаго труда [2]) и общественныхъ помочей колоновъ, а прочихъ—въ формѣ наслѣдственной аренды, доставляющей помѣщику то часть урожая со сданныхъ на оброкъ полей, то денежныя ренты съ эмфитевтическихъ пользованій. Съ этими порядками легко ознакомиться на основаніи грамотъ Фарфской обители. Службы не только колоновъ, но и рабовъ регулированы обычаемъ, который препятствуетъ фактическому отягощенію этихъ службъ земельными собственниками. Такъ, въ грамотѣ 770 года говорится, что «буде рабы, отпущенные продавцемъ на волю, пожелаютъ остаться на занимаемыхъ ими усадьбахъ, nulla eis superimposita sit in servitio obligatio [3]), т. е. на нихъ не должно быть возложено больше службъ противъ тѣхъ, какія они несли прежде. Но выраженіе такого положенія мыслимо только подъ однимъ условіемъ—регулированія этихъ службъ разъ установленнымъ обычаемъ. Въ грамотахъ аббатства Фарфы нѣтъ, правда, упоминанія о consuetudo loci, содержащагося въ равенскихъ источникахъ [4]). Но изъ самаго содержанія этихъ грамотъ видно, что такіе обычаи существовали; иначе, при обозначеніи службъ и платежей отдѣльныхъ колоновъ, не значилось бы, что они тѣ же, что и службы, отправляемыя вообще колонами даннаго мѣста (quomodo alii coloni dicti loci [5]). Не было бы также запрещенія заставлять колоновъ in alio loco anga-

---

[1]) См. 44 формулу Сирмонда въ сборникѣ Розьера № 43.

[2]) Обычный терминъ для земледѣльческихъ рабовъ massarii. (См. грам. 761 г., стр 51) Композиція за кражу уплачивается не деньгами, а уступкой duas casas massaricias in casale maliano quae reguntur per Saburronem, Lupolum et Corvulum massarios (Ibid, стр. 51).

[3]) Ibid, стр. 79

[4]) Fantuzzi, стр. 19.

[5]) Il Regesto di Farfa, т. II, стр. 92, грам 777 г.

rias persolvere, quam in ipso casale [1]), т. е. выходить на работу за предѣлы занимаемыхъ ими участковъ. То обстоятельство, что съ переходомъ колоновъ отъ одного собственника къ другому характеръ и размѣръ ихъ повинностей и платежей не претерпѣваютъ измѣненія, говоритъ само по себѣ за фиксированіе этихъ повинностей и платежей обычаемъ. Кто изъ колоновъ пожелаетъ остаться въ casale (читаемъ мывъ одной купчей, совершенной въ пользу монастыря), тотъ faciat rationem ad monasterium quomodo nobis fecerit [2]) Въ чемъ состояли angariae и census колоновъ, мы узнаемъ объ этомъ изъ актовъ возобновленія старинныхъ ливелларныхъ контрактовъ или заключенія новыхъ, по образцу прежнихъ. Колонъ обязывается за себя и наслѣдниковъ обрабатывать и улучшать, meliorare, но отнюдь не ухудшать, non peiorare, поступающій къ нему участокъ, и пребывать въ немъ пожизненно, omnibus diebus vitae suae, — вслѣдствіе чего дарованная Теодорикомъ свобода выселенія сдѣлалась фактически возможной, какъ мы видѣли, только для дѣтей колона. Съ урожая хлѣба колонъ платитъ четвертую часть, съ урожая вина—третью, и то же — съ приплода стадъ (et de carnatico, quando habuero). Онъ несетъ трижды въ годъ общественныя помочи, angarias tres; ко всему этому, онъ можетъ быть подвергаемъ собственникомъ принужденію, «подобно прочимъ монастырскимъ колонамъ» [3]). Отпускаемые на волю, рабы нерѣдко попадаютъ въ положеніе, близкое къ тому, какое занимаютъ колоны, но все же и отличное отъ него,— на правахъ такъ называемыхъ ливелларныхъ владѣльцевъ. Грамоты различаютъ coloni и libellarii. Послѣдніе обязаны, впрочемъ, какъ и колоны, къ постоянному пребыванію въ отведенной усадьбѣ, къ воздѣлыванію сданнаго имъ участка пахоти или виноградника, наконецъ, къ несенію трехъ angariae, при чемъ этимъ по ихъ природѣ, общественнымъ помочамъ, дается нерѣдко расширительное толкованіе, такъ что каждая признается равной не однодневному, а шестидневному труду [4]). Обычный срокъ ливелла—29-лѣтній, но встрѣчается и менѣе продолжительный: 12, 10, 6 и даже 3-лѣтній, — такъ что ливеллъ

[1]) Завѣщаніе 775 г.: coloni, qui resident in medianula annaliter faciant datum et angariam in ipso casale cum opus fuerit, nam in alio loco angarias non persolvant (Ibid., стр.,82). Весьма часто также встрѣчается въ купчихъ и дарственныхъ выраженіе: et angariam quam nobis fecit, faciat vobis (Грамота 749 г., стр. 36).

[2]) Ibid, стр. 36.

[3]) Il largitorio Farfense, fol. XI, см. Calisse, Le condizioni della propr territoriale della prov. romana (Arch. della soc rom., t. VIII, стр. 79).

[4]) Il largitorio Farfense, fol XVIII и LV (Ibid , стр. 83).

является чѣмъ-то равнозначащимъ обыкновенному имущественному найму. Но это сходство только видимое, такъ какъ на съемщика переходятъ обязательства, не имѣющія ничего общаго съ тѣми, какія падаютъ на свободныхъ арендаторовъ, и, наоборотъ, весьма близкія къ тѣмъ, какія нѣкогда несли рабы. Такъ, въ одномъ контрактѣ значится, что съемщикъ обязуется omne servitium facere по предписанію praepositus curtis, т. е. поставленнаго помѣщикомъ бурмистра или старосты. Замѣчательно при этомъ то, что грамота признаетъ этотъ порядокъ обычнымъ, прибавляя: sicut alii libellarii faciunt [1]). Эта старинная барщина иногда точно обозначена числомъ opera или однодневныхъ работъ, съ упряжью и безъ упряжи (ad boves et manuales), или числомъ недѣль въ каждый мѣсяцъ; такъ напримѣръ, per omnes menses hebdomadas II in labore quo necesse fuerit. Это уже не общественныя помочи, а барщина, принимаемая вновь на себя отпущеннымъ на волю рабомъ [2])

Кто изъ либертовъ получаетъ не землю, а только домъ для жительства, тотъ несетъ заодно съ колонами ежегодный платежъ пары цыплятъ и ягненка (pecus unum, pullorum parium) [3]). Въ неизданномъ еще Largitorio Farfense, заключающемъ въ себѣ земельныя пожалованія этой обители въ пользу крестьянъ-съемщиковъ и редактированномъ въ XI столѣтіи тѣмъ же Григоріемъ де Катино, которому принадлежитъ составленіе и регеста Фарфы, профессоръ Калиссэ нашелъ, между прочимъ, одну грамоту, какъ нельзя лучше подтверждающую нашу мысль, что вольноотпущенные переходили въ положеніе колоновъ и подъ этимъ условіемъ сохраняли свои прежніе надѣлы. Сами съемщики заявляютъ, что они — бывшіе рабы, обязанные своей свободой щедрости монастыря, и выражаютъ желаніе остаться пожизненно на занимаемыхъ ими участкахъ на правахъ ливелларныхъ владѣльцевъ (libellario nomine); они объясняютъ причину своего рѣшенія тѣмъ, что «не имѣютъ, чѣмъ жить» (pro eo quod vivere non possunt) [4]) Въ отличіе отъ рабовъ и

---

[1]) Завѣщаніе Павла и жены его Тассилы: Item de hominibus nostris quos liberos dimittimus .. Lupolus sit liber et sedeat in casa et vinea et terra, annualiter persolvat angarios III et per unamquamque angariam hebdomada I. (Ibid, стр 126).

[2]) Завѣщаніе Павла, Ibid.

[3]) Calisse, Le condizioni della proprietà territoriale studiate sui documenti della provincia romana dei secoli VIII, IX et X (Archivio della società romana di storia patria, т. VIII, стр. 63).

[4]) Ibid, стр. 101.

смѣнившихъ ихъ либертовъ-съемщиковъ, колоны работаютъ съ собственнымъ инвентаремъ. На это указываетъ фактъ оставленія ими помѣстья вмѣстѣ съ движимостью. Земледѣльческіе рабы, которые даже при отпущеніи на волю обязаны оставлять движимость въ пользу собственника, разъ на этотъ счетъ имъ не оказано особой милости, получаютъ инвентарь отъ хозяина. Въ чемъ состоялъ этотъ инвентарь, можно судить по дошедшимъ до насъ дарственнымъ актамъ. Въ 778 г. священникъ Иванъ жалуетъ аббатству нѣкоторыя земли и вмѣстѣ съ ними передаетъ въ его руки 2 кованныя желѣзомъ подводы, 2 пары быковъ, 2 плуга съ лемешами, борону. 2 ручныхъ поливальника, 2 косы, 30 свиней. 40 барановъ. Въ другой грамотѣ перечисляются приблизительно тѣ же предметы [1]).

Остается сказать еще о помѣстныхъ угодьяхъ и о порядкѣ пользованія ими со стороны колоновъ и всѣхъ вообще сельскихъ воздѣлывателей. Грамоты аббатства Фарфы постоянно говорятъ о поступленіи въ его руки отдѣльныхъ имѣній и частей имѣнія cum silvis, pratis, pascuis, piscationibus и т. д. Когда заходитъ рѣчь о хуторахъ колоновъ, встрѣчается упоминаніе и объ ихъ appendiciae и pertinenciae, подъ которыми разумѣется право пользованія помѣстными выгонами, пастбищами и лѣсами. Въ грамотѣ 768 г. въ числѣ пріобрѣтаемыхъ монастыремъ владѣній значатся даже болота, которыя, очевидно, составляли также особую доходную статью, служа въ лѣтнее время сѣнокосомъ, въ прочее — пастбищемъ. Объ обилии лѣсныхъ угодій можно судить по тѣмъ дарственнымъ, которыми герцоги сполетскіе надѣляютъ монастырь всякаго рода собственностью и пользованіемъ въ предѣлахъ принадлежащихъ имъ gualdi, за исключеніемъ одной только охоты, которую они удерживаютъ за собою [2]). Не довольствуясь уступкой цѣлыхъ имѣній съ принадлежащими имъ доходными статьями, въ томъ числѣ и угодьями, тѣ же герцоги надѣляютъ монастырскую братію правомъ пускать ея рабочій скотъ и овецъ на казенныя земли для выпаса, заодно со стадами герцога. Примѣры такихъ дареній мы находимъ въ двухъ грамотахъ 765 и 767 года [3]). Онѣ вводятъ насъ въ детали того полупастушескаго хозяйства, какое продолжало держаться въ предѣлахъ за-

---

[1]) Testamentum Theuderaci: In torcia caldaria II, concas de auricalco II. Boum paria II, porcos, capras XX. Pecora XL vaccas V cum tauro.

[2]) См., напр., грамоту 772 года, которой герцогъ сполетскій Теодицей передаетъ монастырю gualdum nostrum Alegia, excepta venatione de ipso gualdo, quam nobis reservamus faciendа (стр. 76).

[3]) Ibid., стр 60.

хваченныхъ герцогами доманіальныхъ имуществъ. На протяженіи цѣлыхъ трехъ gualdi: Ascle, Rivus Curvus и Mons Calvus, расположенныхъ, какъ это показываютъ самыя ихъ названія, въ гористыхъ мѣстностяхъ, свободно разгуливали казенныя стада; травы было такъ много, что герцогъ безъ ущерба для себя считалъ возможнымъ принять на свои пастбища еще 2000 монастырскихъ овецъ.

На тѣхъ же гвальдахъ жители города Ріети осуществляли свои права общиннаго выпаса [1]). Вообще не чувствовалось еще недостатка въ выгонѣ, благодаря обилію никѣмъ не воздѣланныхъ земель, на что указываетъ и частое упоминаніе въ купчихъ и дарственныхъ о переходѣ въ руки новыхъ собственниковъ не только cultum, но и incultum. Часть этой площади служила для корчевокъ и становилась предметомъ особыхъ сдѣлокъ, напоминающихъ издалека наши договоры о выстройкѣ. Примѣромъ такихъ сдѣлокъ можетъ служить слѣдующая: житель свободнаго селенія vicus palentianae (цѣнное указаніе на то, что селенія не исчезли вполнѣ, уступая первенство вотчинамъ) сдаетъ въ руки нѣкоего Ансельма пустопорожній участокъ для разведенія на немъ винограда (ut vineam plantaret); черезъ пять лѣтъ собственникъ и арендаторъ дѣлятъ между собою виноградникъ на двѣ равныя части [2]). Подобная сдѣлка напоминаетъ собою средневѣковый французскій complant и, какъ показываетъ примѣръ нѣкоторыхъ эмфитевтическихъ договоровъ, заключенныхъ римской куріей въ VIII и IX-мъ в., можетъ быть отнесена къ числу римскихъ формъ эмфитевзиса [3]).

Обиліемъ пустопорожнихъ земель и невозможностью отчужденія ихъ церковью въ собственность, въ виду каноническихъ запретовъ, объясняется причина широкаго распространенія эмфитевзиса на протяженіи всей средней Италіи и, въ частности, въ Сполетскомъ герцогствѣ, Равенскомъ экзархатѣ и Романіи. Здѣсь, въ центрѣ католическаго міра, подъ эгидой папъ, могущественныхъ равенскихъ епископовъ и благопріятныхъ церкви герцоговъ, возникли весьма рано обширныя латифундіи монастырей и каноникатовъ, и потому самому получилъ широкое распространеніе и эмфитевтическій договоръ. Образцы сдѣлокъ подобнаго рода приведены въ изобиліи въ сборникахъ Marini, Fantuzzi, какъ и въ регестѣ аббатства Фарфы. Римское происхожденіе эмфитевзиса указано было нами въ одной изъ предшествовавшихъ главъ, точно такъ же, какъ и особое распро-

[1]) Ibid., стр. 73.
[2]) Ibid , стр 66.
[3]) См. Marini, Papiri Diplomatici, стр. 201.

страненіе его въ предѣлахъ церковныхъ имуществъ, за что говоритъ уже фактъ принятія Юстиніаномъ спеціальныхъ постановленій на этотъ счетъ. Запрещеніе сдавать церковныя земли въ наслѣдственный эмфитевзисъ или, точнѣе, долѣе, чѣмъ на время жизни съемщика и его дѣтей, съ единственнымъ исключеніемъ на случай пустопорожности или запустѣнія [1]), объясняетъ намъ причину, по которой и въ средневѣковыхъ контрактахъ этого рода или выговаривается возвращеніе участка въ руки церкви, completa tertia generatione [2]), или постановляется, что каждыя 29 лѣтъ слѣдуетъ возобновленіе договора въ пользу съемщика и его наслѣдниковъ на прежнихъ условіяхъ. Только пустопорожнія земли поступаютъ въ вѣчную аренду: но предъявляемое законодательствомъ Юстиніана требованіе, чтобы съемщики изъ-подъ выстройки платили въ видѣ цензa третью часть дохода, примѣняется ко всѣмъ вообще ливелларнымъ контрактамъ.

Этимъ обстоятельствомъ надо объяснить то широкое распространеніе такъ называемыхъ tertiatores, о которомъ говорятъ не только уже цитированныя нами грамоты аббатства Фарфы, но и договоры беневентскихъ герцоговъ и древнѣйшіе сборники обычнаго права ломбардскихъ коммунъ: Милана, Мантуи, Верчели и т. д. Наоборотъ, наслѣдственный эмфитевзисъ, устанавливаемый на земли, еще не состоявшія подъ обработкой или вышедшія изъ нея, возникаетъ обыкновенно подъ условіемъ неизмѣнной денежной ренты. Мы приводили уже примѣры на земляхъ римской куріи въ VI вѣкѣ, а также въ предѣлахъ Равенской епископіи Реестры Фарфы заключаютъ въ себѣ рѣдкіе образцы подобныхъ сдѣлокъ, вѣроятно, потому, что мѣсто наслѣдственнаго эмфитевзиса занялъ здѣсь возобновляемый каждыя 29 лѣтъ ливеллъ. Тогда какъ временныя аренды предполагаютъ платежъ хлѣбомъ (frumentum), стогами сѣна, виномъ [3]), скрытый подъ формой 29-лѣтняго ливелла, непрерывно возобновляемые церковные эмфитевзисы допускаютъ установленную Юстиніаномъ расплату третью урожая. Арендаторами являются не частныя лица, а цѣлыя семьи. Возрастая изъ поколѣнія въ поколѣніе, онѣ образуютъ изъ себя родовые поселки. Путемъ «афратаменто» или искусственнаго братства, въ составъ ихъ могутъ проникнуть и чуждые по крови элементы. Разросшаяся семейная община, благодаря послѣдовательнымъ выдѣламъ и пріему чужеродцевъ,

---

[1]) См. Gaudenzi, Sulla proprietà in Italia nella prima meta del medio aevo, стр. 23.

[2]) Marini, Papiri Diplomatici, стр. 201.—эмфитевтическій договоръ, заключенный церковью Божьей Матери въ Транстеверѣ въ 879 г

[3]) См. грамоту 767 г., стр 46.

незамѣтно переходитъ въ хуторъ и селеніе. Вмѣсто одной группы съемщиковъ появляется нѣсколько; они отвѣтственны солидарно передъ собственникомъ, который предоставляетъ имъ полную автономію въ выборѣ способа утилизаціи полей и самаго порядка пользованія ими. Если физическія условія занятой мѣстности требуютъ частаго примѣненія коллективнаго труда, напримѣръ, въ интересахъ защиты отъ наводненій, то ничто не мѣшаетъ сохраненію всей или части арендуемой территоріи въ общинномъ пользованіи. Эти соображенія объясняютъ, на мой взглядъ, и возможность образованія въ предѣлахъ церковныхъ эмфитевзисовъ средней Италіи и, въ частности, Романіи тѣхъ многочисленныхъ «partecipanze», съ одиночными представителями которыхъ принуждено считаться итальянское законодательство еще въ наше время. Документы заводятъ о нихъ рѣчь не ранѣе X вѣка. И это не удивительно, такъ какъ потребовались столѣтія для разрастанія семейныхъ общинъ колоновъ въ хутора и села. Такимъ образомъ, и помимо византійскаго вліянія, несомнѣнно дѣйствовавшаго въ этой части Италіи, и примѣра греческихъ метранкомій, въ которыхъ, какъ это доказано профессоромъ Васильевскимъ, не мало чисто-славянскихъ элементовъ, можно объяснить происхожденіе тѣхъ партечипанцъ, для которыхъ Гауденціи не видитъ другого источника, кромѣ «земледѣльческаго устава», редактированнаго въ Византіи въ VIII или IX вѣкѣ [1]).

Мы постарались извлечь изъ грамотъ аббатства Фарфы всѣ тѣ указанія, какія содержатся въ нихъ по вопросу о помѣстномъ землевладѣніи и хозяйствѣ въ лангобардскую эпоху. Я полагаю, что представленный очеркъ вполнѣ устанавливаетъ тотъ взглядъ, что римскіе порядки удержаны были въ значительной степени на протяженіи тѣхъ земель, которыя остались въ рукахъ прежнихъ собственниковъ или пошли въ надѣлъ церкви и монастырямъ. Объ остальныхъ земляхъ, къ сожалѣнію, мы имѣемъ одни лишь отрывочныя и, при томъ, косвенныя свидѣтельства, которыя сами по себѣ, безъ сопоставленія съ другими, болѣе многочисленными и исходящими изъ Тосканы, Ломбардіи и Беневентскаго герцогства—свидѣтельствами, едва ли въ состояніи пролить свѣтъ на спорный и темный вопросъ лангобардскаго земельнаго права.

---

[1]) См. Gaudenzi, стр. 30. „Въ земледѣльческомъ уставѣ, византійской компиляціи VIII и IX вѣка,—говоритъ Gaudenzi,—установленъ тотъ принципъ, что общинныя земли составляютъ нераздѣльную собственность всѣхъ жителей селенія. Я полагаю, что примѣненіемъ этого правила объясняется, почему въ Болоньезѣ и Романіи, которыя до середины VIII вѣка входили въ составъ греческой имперіи, встрѣчается такое число партечипанцъ“

§ 3.

Переходимъ къ вопросу о судьбѣ римскаго землевладѣнія въ южной Италіи въ лангобардскую эпоху. Нигдѣ владычество германскихъ выходцевъ не было болѣе продолжительно и, въ то же время, болѣе эфемерно, нигдѣ поэтому не открывается въ большей степени возможности прослѣдить за судьбою римской собственности вплоть до совершеннаго паденія лангобардской державы, которое имѣло мѣсто не ранѣе конца X и начала XI столѣтія Неаполитанскіе реестры (изданные въ 1885 году мѣстной секціей «Общества отечественной исторіи») даютъ намъ за періодъ времени отъ 912 по 1000 годъ болѣе трехсотъ грамотъ, пригодныхъ почти цѣликомъ служить раскрытію отдѣльныхъ сторонъ интересующаго насъ вопроса. Къ сожалѣнію, онѣ не восходятъ далѣе начала X вѣка: отъ болѣе ранней эпохи дошли до насъ нѣкоторые акты скорѣе публичнаго, нежели частнаго права, которые, тѣмъ не менѣе, знакомятъ насъ и съ особенностями земельныхъ порядковъ. Наконецъ, грамоты аббатства Кавы, изъ которыхъ многія принадлежатъ VIII и IX вѣку, даютъ намъ возможность прослѣдить развитіе однохарактерныхъ земельныхъ и хозяйственныхъ порядковъ на южной окраинѣ лангобардской державы.

Древнѣйшимъ источникомъ надо считать такъ часто комментированный договоръ беневентскаго герцога Арехи съ неаполитанцами [1]). Мы имѣли уже случай ссылаться на него по вопросу о лангобардскомъ раздѣлѣ; но въ настоящее время насъ интересуютъ только тѣ указанія, какія содержатся въ немъ относительно положенія римской собственности въ terra di lavoro, въ такъ называемой въ VIII вѣкѣ Liburia, иначе, Неаполитанской области, въ періодъ, слѣдующій за водвореніемъ въ ней лангобардовъ.

Изъ текста договора видно, что жители Неаполя владѣли на протяженіи Либуріи обширными помѣстьями, которыя, какъ и въ другихъ частяхъ Италіи, воздѣлывались колонами и притомъ на тѣхъ же условіяхъ платежа третьей частью урожаевъ, какія отмѣчены были нами въ Сполетскомъ герцогствѣ и имѣлись въ виду уже законами Юсти-

[1]) Текстъ его отпечатанъ: у Муратори, Rerum Italicarum scriptores, т. II, стр. 339, 340; у Canciani, Leges Barbarorum; въ монографіи Cappei, Sulla dominazione dei Longobardi in Italia; въ приложеніи къ Archivio Storico 1845 г., Ар., т. II, стр. 501 и слѣд.; наконецъ, въ цитированныхъ уже нами Regesta Neapolitana, т. I.

niana. Самое названіе этихъ колоновъ—терціаторы (tertiatores),—то же, какое мы встрѣтимъ и въ статутахъ ломбардскихъ городовъ XIII в., объясняется платежемъ этой именно части общей выручки. Не всѣ земли имѣли своихъ колоновъ, многія, повидимому, не находили воздѣлывателей; отсюда — различіе между fundi exfundati и fundi non exfundati. Въ число послѣднихъ входили не одни только пустопорожніе участки, но и тѣ, въ которыхъ хозяйство велось съ помощью сельскихъ рабовъ. Различіе въ общественномъ положеніи тѣхъ и другихъ наглядно выступаетъ въ томъ фактѣ, что бѣглыхъ рабовъ можно было вернуть силою, тогда какъ терціаторы или колоны имѣли право свободнаго оставленія участка. Это право отхода, дарованное, какъ мы видѣли, колонамъ еще остготами, передается въ слѣдующей образной формѣ: «Если (значится въ договорѣ) платящій цензъ человѣкъ (censilis homo) пожелаетъ оставить занимаемый имъ участокъ (voluet exfundare se de ipso fundo), ему необходимо только, согласно старинному обычаю, положить свою палку (fustem) за дверь занимаемаго имъ дома и уйти затѣмъ, куда вздумается» [1]).

Свобода колона предполагаетъ такую же свободу распоряженія его надѣломъ со стороны собственника. Договоръ Арехи предвидитъ тотъ случай, когда, за нежеланіемъ колона вернуться на участокъ или нежеланіемъ собственника возстановить его во владѣніи, земля поступитъ въ руки новаго съемщика. Какъ въ Сполетскомъ герцогствѣ на земляхъ аббатства Фарфы, колоны сидятъ не разрозненными семьями, а цѣлыми группами, занимая сплошные хутора или casalia, такъ точно и въ terra di lavoro они образуютъ изъ себя особыя hospitatica или одновременно личные и территоріальные союзы (поселенцевъ или гостей), изъ которыхъ многіе восходятъ къ глубокой древности. На все это есть косвенное указаніе въ разбираемомъ нами документѣ. Договоръ Арехи предвидитъ случай, когда между неаполитанцами и лангобардами возникнетъ споръ о томъ, принадлежитъ ли тотъ или другой колонъ къ числу отошедшихъ къ завоевателямъ или удержанныхъ прежними собственниками. Онъ запрещаетъ рѣшать дѣло присягой одной изъ сторонъ и предписываетъ произвести разслѣдованіе о томъ, къ какимъ hospitatica приписаны были колоны издревле (ad quaha hospitatica fuerunt pertinentia antiquitus).

Въ другомъ и позднѣйшемъ документѣ, а именно въ грамотѣ, дарован-

---

[1]) Si censilis homo de Liburia patitur oppressiones a parte de Neapolim et noluet (loco voluet) exfundare se de ipso fundo, ponit post regiam domus sue ipsum fustem sicut antiqua fuit consuetudo, et vadit ubi voluerit.

ной неаполитанцамъ беневентскимъ герцогомъ Сикардомъ въ 831 году [1]), мы находимъ не только подтвержденіе того факта, что терціаторы и колоны составляли одинъ и тотъ же классъ людей, что эти термины были однозначущи [2]), что, другими словами, въ IX вѣкѣ, какъ и въ VIII-мъ, колоны продолжали расплачиваться съ собственникомъ третью годовыхъ урожаевъ,—но еще и ту цѣнную подробность, что, какъ на доманіальныхъ, такъ и на частныхъ земляхъ они несли сверхъ ценза также общественныя помочи или такъ называемыя angariae [3]). Такимъ образомъ, о беневентскихъ колонахъ можно повторить то самое, о чемъ говорятъ грамоты Сполетскаго герцогства, а въ равной мѣрѣ и тосканскія [4]). И они несутъ censum et angariam [5]).

Двадцать лѣтъ спустя послѣ изданія только что приведенной грамоты, происходитъ отдѣленіе отъ Беневентскаго герцогства вновь возникшаго Салернскаго. Въ договорѣ, которымъ Радельхъ беневентскій призналъ за Сиконольфомъ салернскимъ права политическаго верховенства, встрѣчается одна любопытная статья слѣдующаго содержанія: «Всѣ люди, живущіе въ вашихъ предѣлахъ, сохранятъ in integrum все, чѣмъ они владѣютъ въ моихъ предѣлахъ, вмѣстѣ съ рабами и рабынями, альдіями и всѣми вообще ихъ принадлежностями [6])». Мы, очевидно, имѣемъ передъ собою mutatis mutandis повтореніе обычной римской формулы: concedimus fundum cum servis et ancillis et colonis et cum omnibus pertinentiis suis. Важно, что мѣсто колоновъ въ цитируемомъ текстѣ занимаютъ aldii. Не указываетъ ли это на то, что въ глазахъ лангобардовъ, которыми были заключавшіе договоръ герцоги, оба понятія тождественны, откуда и смѣшеніе передающихъ ихъ терминовъ? Если такъ, то въ серединѣ IX вѣка, какъ и столѣтіями раньше, помѣстья южной Италіи съ ихъ недѣлимыми сельскими угодьями (cum pertinentiis) продолжали заключать въ числѣ своихъ обычныхъ поселенцевъ и общинныхъ пользователей—какъ крѣпкихъ къ землѣ рабовъ, такъ и пользовавшихся сво-

---

[1]) Текстъ его отпечатанъ въ Historia principum Longobardorum Camilli Peregrini (т. III, стр 198). Грамота заключаетъ въ себѣ 49 главъ, изъ которыхъ только 18 дошли до насъ въ подлинникѣ, тогда какъ съ содержаніемъ остальныхъ знакомятъ насъ одни только заглавія.

[2]) Рубрика гласитъ: ut coloni tertiatores non dent in colata nec in pactum.

[3]) Ibid., cap. XIV.

[4]) См Brunetti, Codice diplomatico Toscano, т. I, стр. 332, 336; т II, стр. 517, 589 и 625.

[5]) Il Regesto di Farfa, стр. 35.

[6]) См. Cappei, Sulla dominazione dei Longobardi (Arch. Storico, 1845. Appendix. т. II, стр. 506 и 507).

бодой отхода колоновъ. Купчія и дарственныя грамоты начала X столѣтія, къ разбору которыхъ мы перейдемъ вскорѣ, вполнѣ подтвердятъ эту догадку.

Она, впрочемъ, можетъ быть провѣрена и на тѣхъ актахъ беневентскихъ герцоговъ, которые вошли въ сборникъ Тройя и принадлежатъ къ VIII столѣтію, и на тѣхъ, какія отпечатаны въ хартуларіи аббатства Кавы и имѣютъ преимущественно въ виду земли Салернскаго княжества. Первый особенно интересенъ частымъ упоминаніемъ о кондомахъ или нераздѣльныхъ семьяхъ сельскихъ рабовъ. Мы имѣемъ акты 720, 749 и 752 годовъ, въ которыхъ говорится о переходѣ изъ однѣхъ рукъ въ другія одной или нѣсколькихъ такихъ кондомъ. Каждая обозначается именемъ своего «набольшаго»: кондома Маврикія, кондома Августальда, кондома Ивана и т. д. Къ каждой пріурочены извѣстныя жилища и извѣстныя земли, cultum et incultum,—что даетъ поводъ думать, что члены нераздѣльной семьи рабовъ, по подобію колоновъ, имѣли право общиннаго пользованія въ помѣстныхъ угодьяхъ Если дѣло идетъ о рыболовахъ, то значится, что въ кондомѣ живутъ piscatores, и къ ней пріурочены, между прочимъ, бо́льшія или меньшія полосы земли на морскомъ побережьѣ. Кондомы переходятъ къ новымъ собственникамъ со всѣмъ ихъ имуществомъ, какъ недвижимымъ, такъ и движимымъ (mobilia, peculium). Новому собственнику предоставляется facere exinde quid voluerit; но эта формула, выражающая безправное положеніе рабовъ, остается въ большинствѣ случаевъ мертвой буквой Обилие пустопорожнихъ земель (terra vacua, incultum) заставляетъ дорожить воздѣлывателями и обезпечиваетъ имъ наслѣдственность, безповоротность ихъ держаній [1]) На ряду съ землями въ рукахъ нераздѣльныхъ семей рабовъ стоятъ надѣлы колоновъ-терціаторовъ. Въ отпечатанномъ Тройя документѣ отъ 748 года колоны этого рода представлены состоящими въ томъ же совмѣстномъ владѣніи лангобардовъ и неаполитанцевъ, о которомъ говорится въ договорѣ Арехи. Самое названіе ихъ—tertiatores communes. Продавая двухъ изъ нихъ съ ихъ землею викарному дьякону неаполитанской церкви, Сильвередъ, родомъ лангобардъ, отказывается за себя и наслѣдниковъ отъ всякихъ поборовъ, наложенныхъ на отчуждаемыхъ въ силу принадлежащей лангобардамъ части [2]).

На земляхъ аббатства Кавы въ Салернскомъ княжествѣ мы встрѣ-

---

[1]) Troya, т IV, ч III, № 430; ч. IV, № № 568, 625 и 668.

[2]) Ibid., т IV, ч. V, № 616, въ дополн къ стр. 763.

чаемъ въ IX вѣкѣ ту же эксплуатацію помѣстныхъ земель съ помощью рабовъ и колоновъ, какая характеризуетъ собою римскіе порядки въ Романіи, Равенскомъ экзархатѣ, Сполетскомъ и Беневентскомъ герцогствахъ. Документы постоянно противополагаютъ terra dominica (то же, что dominica) и надѣльную землю. Когда послѣдняя сдается колонамъ, съемщики принимаютъ обязательство не покидать участка, а собственникъ сохраняетъ право вернуть бѣглецовъ. Мѣстный обычай, consuetudo loci, опредѣляетъ размѣръ terraticum или той части продуктовъ, на которую имѣетъ право собственникъ: она—больше или меньше, смотря потому, идетъ ли дѣло о землѣ, уже засаженной виноградомъ и фруктовыми деревьями, или о пустопорожней (vacua). Въ первомъ случаѣ рента обыкновенно равна половинѣ урожая, во второмъ, по прошествіи бо́льшаго или меньшаго числа льготныхъ лѣтъ, устанавливается платежъ той же половины или, еще чаще, трети. Если колону и дозволено оставленіе участка, то только послѣ того, какъ имъ исполняется обязательство о разведеніи виноградныхъ лозъ, посадкѣ яблонь, каштановъ и т. п. [1]).

Всего полнѣе выступаетъ характеръ земельнаго устройства и организаціи сельскаго труда въ южной части Италіи изъ тѣхъ грамотъ, какія вошли въ составъ неаполитанскихъ регестъ.

Что прежде всего поражаетъ при чтеніи этихъ документовъ, это постоянно встрѣчающіеся въ нихъ римскіе термины: massa, fundi, uncia, coloni, hospites и т. д. Въ то же время чувствуется, что эти выраженія уже потеряли прежнюю опредѣленность и нуждаются въ толкованіи. Такъ, говоря о двухъ унціяхъ, составитель акта спѣшитъ прибавить: «hoc est de sexta parte» [2]). Смѣшеніе massa, fundus и terra—явленіе довольно обычное, хотя massa все же остается еще болѣе широкимъ земельнымъ союзомъ,—въ составъ котораго входитъ нѣсколько меньшихъ единицъ, fundi и terrae,—а вовсе не тѣмъ оброчнымъ дворомъ, какимъ почему-то считаетъ ее профессоръ Виноградовъ [3]). Такъ, о massa Solense, нынѣ Torre dell'greco, говорится въ смыслѣ площади, въ предѣлахъ которой казна въ теченіе 60 лѣтъ пользовалась всякаго рода владѣльческими правами. Terra является обыкновенно синонимомъ casale, такъ что грамоты заводятъ рѣчь о casalibus seu terris

---

[1]) Codex dipl. Cavensis, т. I, №№ 6, 31, 100, 113, 123, 132.

[2]) Грамота № 5, 917 г.

[3]) „Въ деревняхъ", пишетъ онъ, „рабское населеніе весьма многочисленно, но обозначеніемъ его служитъ терминъ massarii, взятый отъ оброчнаго двора massa". См. *Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ лангобардской Италіи*, стр. 171.

sationabilibus; но встрѣчается и такое выраженіе: casales (sic) sive de massa publica, что, разумѣется, не исключаетъ представленія о casale, какъ о части massae [1]). Terra, наиболѣе употребительный терминъ, примѣняется и въ обычномъ смыслѣ—земли, какъ напримѣръ, въ слѣдующей фразѣ: ibi vos terrae non abuistis per quadraginta annos, quando lavoratum fuit (fundus Amulianus) [2]),—и въ смыслѣ владѣній цѣлаго casale, хутора или деревни колоновъ и сервовъ, такъ напримѣръ: terra de colonos de Balusanum [3]), terra de hominibus de Caucilione или de Calbectianum, terra plevi sancti Georgii, terra de hominibus de loco (слѣдуетъ имя мѣстности) [4]). Встрѣчается и греческій терминъ grypia—въ смыслѣ огороженнаго участка, который нерѣдко смѣняется словомъ clusura, или передается описательно: cum cespitibus, что означаетъ изгороди [5]) Колоны и hospites—также названія, взаимно покрывающія другъ друга. Такъ, въ грамотѣ 943 года говорится о hospites fundati, владѣющихъ сервами и рабынями (cum servis et ancillis eorum); очевидно, что такими рабовладѣльцами могли быть отнюдь не glebae adscripti, а только свободные люди, колоны [6]). Въ другомъ актѣ того же года говорится объ уступкѣ 6 унцій de omnibus ospitibus fundatis et exfundatis [7]). Ospitium въ данномъ случаѣ употребляется въ томъ же смыслѣ, что и въ договорѣ герцога Арехи, — въ смыслѣ хутора или casale, занятаго колонами Вотъ почему къ ospitia приписаны земли, лѣса и горы, очевидно, пастбищныя угодья, расположенныя на альпахъ. Въ другихъ случаяхъ ospites означаютъ сельскихъ рабовъ, такъ что попадается выраженіе: такіе-то обѣщаютъ монастырю, cuius ospites et servi sunt, то-то и то-то [8]).

Понятно, что, придерживаясь метода Fustel de Coulanges, т. е. выжимая изъ терминовъ тотъ смыслъ, который они имѣли нѣкогда, но потеряли съ теченіемъ времени, можно прійти при толкованіи анализируемыхъ нами источниковъ къ самымъ невѣроятнымъ и противорѣчивымъ выводамъ. Единственное заключеніе, которое мнѣ кажется обос-

---

[1]) Грамоты 938 и 941 гг, стр. 43 и 45

[2]) Грамота 942 г, № 48

[3]) Грамоты 947 г. № 61 и 956 г. № 89.

[4]) Грамоты: 923 г. № 13, 934 г № 26, 917 г. № 5, и 937 г. № 34.

[5]) Грамоты 943 г, № 50 и 921 г., № 9. Concedit colono .... duas gryptas sub annuo pensu modiorum 16 tritici etc.

[6]) Грамота № 49

[7]) Ibid, № 50.

[8]) Грамота 978 г, № 215.

нованнымъ, это то, что составители грамотъ плохо сознавали прямое значеніе употребляемыхъ ими словъ: гоняясь за близостью къ освященнымъ временемъ формуламъ, они теряли вѣрное представленіе о томъ, что именно разумѣлось подъ этими формулами.

Поэтому, не стѣсняясь терминологіей, необходимо изъ самаго содержанія отдѣльныхъ сдѣлокъ вывести природу экономическихъ и юридическихъ отношеній разбираемой нами эпохи Слѣдуя такому пріему, не трудно убѣдиться, что и въ Беневентскомъ герцогствѣ X вѣка мы стоимъ лицомъ къ лицу съ тою же римской, по своему источнику, помѣстной системой, съ которой мы встрѣчались на всемъ протяженіи Сполетскаго, не говоря уже о Равенскомъ экзархатѣ. Въ составъ помѣстья входитъ здѣсь, какъ и повсюду, во-первыхъ, земля, оставленная въ личномъ завѣдованіи собственника. Она уже носитъ то названіе dominicum, которое останется за нею въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ [1]). Этотъ хозяйскій участокъ воздѣлывается крѣпкими къ землѣ рабами, объ юридическомъ положеніи которыхъ можно составить себѣ опредѣленное представленіе по слѣдующему акту. 17 мая 978 года два брата, сыновья нѣкоего Тразари, по прозвищу «Богатый», приносятъ игумену монастыря Св. Сергія клятву въ томъ, что, несмотря на полученную ими грамоту того-же игумена, дарующую имъ свободу вступленія въ бракъ по собственному выбору (licentiam maritare et uxorare a libero), они и ихъ наслѣдники мужескаго пола останутся надѣльными крестьянами и сервами монастыря (fundati et servi monasterii). Они обѣщаютъ нести всѣ службы и платить цензъ, установленный обычаемъ, какъ дѣлали это донынѣ они сами и ихъ родители, за исключеніемъ однихъ только брачныхъ взносовъ. Буде же у нихъ не останется наслѣдниковъ мужчинъ, владѣлицей надѣла, «fundata», должна быть одна изъ женщинъ, входящихъ въ составъ ихъ семьи, или такими владѣльцами будутъ ея наслѣдники [2]).

Изъ этого документа видно, что рабы прикрѣплены были къ землѣ, несли установленную обычаемъ барщину и цензъ и принуждены

---

[1]) См. грамоту 960 г., № 110, гдѣ говорится о campum dominicum

[2]) Ideo promittunt ut amodo et semper ipsi et heredes eorum masculi fundati et servi monasterii esse debeant in tertia eiusdem de fundo ex ipso loco Casaurea, et dare et persolvere dicto monasterio omne servitium et censum seu consuetudinem per ratiocineos, sicut fecerunt ipsi et parentes eorum, salvo quod a libero maritare licentiam habeant et si ipsis masculi non remanserunt una ex feminis et heredes eius fundata esse debeat in dicta tertia eiusdem monasterii, pena vero in auri libra I bythinorum (Грамота за № 215)

были прибѣгать къ помѣщику за разрѣшеніемъ вступать въ бракъ и выдавать своихъ дочерей въ замужество, что, по всей вѣроятности, вело къ платежамъ, подобнымъ nuptiale commodum римскаго колона въ VI вѣкѣ [1]) и maritagium или formariage средневѣковой Европы. Отдѣльные виды этихъ повинностей и платежей могли быть прощены помѣщикомъ, выдававшимъ каждый разъ особую освободительную грамоту; другіе оставались неизмѣнными. Время не знало иного ограниченія помѣщичьяго произвола, кромѣ обычая. Отсюда выраженіе omnes (prestant) servitium et censum seu consuetudinem per ratiocineas. Послѣдній терминъ означаетъ то же, что причитающаяся pensio или наслѣдственная рента Такимъ образомъ совершался переходъ римскихъ glebae adscripti въ средневѣковыхъ крѣпостныхъ крестьянъ, и складывался мѣстный обычай, помѣшавшій итальянскимъ contadini превратиться въ ту gens taillable et corvéable à plaisir et à volonté, какой стали французскіе serfs, согласно Бомануару, который былъ болѣе теоретикомъ правъ сеньеровъ въ отношеніи ихъ крестьянъ, нежели точнымъ изобразителемъ фактическихъ судебъ тѣхъ и другихъ. То обстоятельство, что на противоположномъ концѣ Европы, въ Англіи, службы и платежи крѣпкихъ къ землѣ крестьянъ опредѣлялись письменной записью разъ установившихся обыкновеній (я разумѣю такъ называемые consuetudines singularum personarum), невольно вызываетъ въ умѣ представленіе, что средневѣковое крестьянство на протяженіи всѣхъ земель, нѣкогда входившихъ въ составъ римской имперіи, воспользовалось тѣмъ наслѣдіемъ писанныхъ и неписанныхъ кутюмовъ, какими его предшественники, римскіе glebae adscripti и колоны, защищены были противъ произвола хозяевъ-собственниковъ.

Въ противоположность сельскому рабу, прикрѣпленному къ разъ занятому имъ надѣлу, который и отчуждался нерѣдко безъ него [2]), беневентскій колонъ сохраняетъ въ X вѣкѣ ту свободу отхода, какой онъ пользовался двумя столѣтіями раньше, въ эпоху герцога Арехи и, по всей вѣроятности, начиная со временъ Теодорика Остготскаго.

Объ общественномъ положеніи колоновъ мы узнаемъ, по пре-

---

[1]) См. Mommsen, Die Bewirthschaftung der Kirchenguter unter Papst Gregor I въ Zeitschrift fur Social-und Wirthschaftsgeschichte, т. I, стр. 56

[2]) Въ 989 г. предметомъ судебнаго спора служитъ вопросъ: an dedissent (такіе-то и такіе-то) hospitem Alpertum, qui fuit abitator in dicto loco et tunc exfundatus erat, cum omnibus fundoris et terris quantum tenuit et dominavit in casali . vel solam personam Alperti exfundati hospitis (Грамота 989 г, № 260)

имуществу, изъ тѣхъ актовъ, которыми возобновлялись каждыя 29 лѣтъ заключенные съ ними или ихъ предками ливеллы. Въ нѣкоторыхъ документахъ прямо значится. что собственникъ принялъ обязательство renovare locationem de viginti novem in viginti novem annos [1]). Возобновленіе контракта даетъ каждый разъ поводъ къ особому платежу, лангобардскому лаунегильду [2]). который носитъ подчасъ названіе calciarium sive calsarium и представляетъ собою величину въ нѣсколько солидовъ [3]). Грамоты не разъ высказываютъ. что договоръ съ колономъ только въ томъ случаѣ подлежитъ возобновленію, если колонъ воздѣлывалъ участокъ ad usum bom laboratoris. Если же колонъ или его наслѣдники не хорошо ухаживали за землею (male laboraverit) и не усадили ее. согласно условію, виноградною лозою и фруктовыми деревьями. которыя позволили бы распространенію тѣни на снятомъ участкѣ (non plantaverit, non abumbraverit), то собственникъ въ правѣ положить конецъ договору [4]).

Свободѣ собственника отпустить колона соотвѣтствуетъ право послѣдняго terram abrenuntiare. Нѣкоторыя грамоты спеціально упоминаютъ объ этомъ правѣ, говоря: quando dictum fundum et terram abrenuntiare voluerit, licentiam habeat exinde exire cum omni substantia sua или cum omni sua utilitate [5]). Если же это право свободнаго прекращенія договора подлежитъ какому-либо ограниченію, то только въ силу обоюднаго соглашенія. Собственникъ можетъ принять обязательство — non amovere colonum a dicta terra [6]). и колонъ можетъ обѣщать—

---

[1]) Грамота 915 г., № 3

[2]) Подъ этимъ именемъ настоящій платежъ извѣстенъ еще салернскимъ грамотамъ IX и X вѣка (Cod Cavensis, т I, №№ 116, 191)

[3]) Издатель неаполитанскихъ регестъ передаетъ значеніе этого термина словами: prestatio quod ex immobilibus rebus emphyteuticario jure concessis dominis directis persolvatur (стр 19). Онъ не говоритъ намъ, откуда произошелъ самый терминъ, не отъ итальянскаго ли слова calce (чулки), и не потому ли, что возобновленіе контракта избавляетъ колона отъ тѣхъ издержекъ, къ какимъ повело бы переселеніе? Относительная незначительность платежа въ 2 солида, когда рѣчь идетъ о возобновленіи аренды на 16 кусковъ земли, не противорѣчитъ такой догадкѣ.

[4]) См. грамоту 960 г., № 110, которая заключаетъ въ себѣ текстъ эмфитевтическаго договора, заключеннаго игуменомъ монастыря Св. Сергія съ нѣкіемъ Стефаномъ, сыномъ Мавра, уроженцемъ Pumilianum въ massa Atellana Въ немъ значится: Igumenus nullatenus presummet tollere dictum fundum dicto Stephano et eius heredibus bene laborantibus et adimplentibus omnia memorata pena in auri 20 byt

[5]) Грамоты 990 г, №№ 267 и 268

[6]) Грамота 992 г., № 273.

terram non abrenuntiare usque tota fuerit plantata de vites (sic) [1]). Отходящій уноситъ съ собою всю движимость, за исключеніемъ той, какая составляетъ принадлежность арендованнаго имъ участка; отсюда заявленія нѣкоторыхъ грамотъ, что онъ можетъ уйти cum omni substantia sua excepto sepe et fructibus, quos exinde excolere vel versare non debeat, т. е. безъ права унесть съ собою снопы и фрукты, производимые оставляемымъ имъ участкомъ [2]).

Это отсутствіе крѣпости къ землѣ не мѣшаетъ, однако, переходу колона вмѣстѣ съ землею отъ одного собственника къ другому въ силу дарственныхъ и купчихъ. На это имѣются прямыя указанія въ самихъ грамотахъ, которыя говорятъ даже объ уступкѣ 6 унцій колоновъ, вмѣстѣ съ ихъ землею, другими словами, половины всего имѣнія [3]) съ занимающими его колонами. Такое видимое противорѣчіе объясняется весьма просто, и не тѣмъ, разумѣется, что колонъ былъ такою же отчуждаемою вещью, какъ рабъ, а тѣмъ, что составители грамотъ не умѣли иначе выразить того положенія, что обязательства собственника въ отношеніи къ колонамъ и колоновъ въ отношеніи къ собственнику переходятъ и къ новымъ пріобрѣтателямъ, что, въ свою очередь, обусловливалось вполнѣ понятными экономическими причинами, заставлявшими колона дорожить землею, а собственника—постоянными воздѣлывателями и плательщиками рентъ Этими причинами объясняется, почему свобода отхода, какъ и отвѣчающая ей свобода отнятія надѣла, на практикѣ осуществлялись весьма рѣдко, почему на дѣлѣ продолжала держаться крѣпость къ землѣ, и даже свободные люди входили въ обязательства, весьма близкія къ тѣмъ, какія характеризуютъ положеніе крѣпостного человѣка. Примѣръ этому представляетъ намъ весьма любопытный документъ отъ 953 года, въ которомъ сыновья поступающаго въ иноки родителя обязуются постоянно жительствовать въ отведенномъ имъ надѣлѣ, ухаживать за волами, работать съ

---

[1]) Грамота 982 г., № 233. Однохарактерныя условія въ салернскихъ грамотахъ X вѣка. Cod. Cavensis, т. II, № 336

[2]) Regesta Neapolitana, грамота 990 г., № 267.

[3]) Concessit integras sex uncias suas de omnibus ospitibus fundatis et exfundatis etc Cum ipsorum fundores et cespites seu terris et silvis adque montes (Грамота 943 г, № 50). См. также грамоту того же года № 49: concedimus hospites suos fundatos (слѣдуютъ имена) cum ipsorum fundus et cespites et omne consuetudinarium censum seu regulis et responsaticas . et cum omnes illorum et conquesitum movilium et immovilium se seque moventibus et cum servis et ancillis eorum omnibusque eius pertinentibus

ними и вообще исполнять обязанности добрыхъ воловиковъ [1]). Принимающій такое обязательство не только не получаетъ отъ аббатства рабочаго инвентаря, но еще уступаетъ свой собственный игумену. Онъ не только не выговариваетъ себѣ права свободнаго отхода, но еще спеціально заявляетъ о своей крѣпости къ землѣ и помѣщику: et nunquam presument nec habeant licentiam ipsi germani ipsum igumenum dimittere et a suo servitio recedere [2]). Если бы когда-либо они вздумали бѣжать, игуменъ въ правѣ устроить за ними погоню и вернуть ихъ насильственно, sequere et apprehendere et in suo servitio reducere. Все, что они выговариваютъ въ свою пользу, это—право на содержаніе, какимъ пользуются другіе воловики того же монастыря, да еще право на надѣлъ для посѣва одного модія triticum, такого же количества бобовъ (fabae) и льна (linum). Въ другомъ, не менѣе любопытномъ актѣ сынъ вступаетъ съ отцемъ въ обязательство служить ему до смерти, исполняя 6 ангарій въ годъ, «подобно тому, какъ это должны дѣлать прочіе колоны», и, сверхъ того, нести слѣдующій съ земли цензъ.

Во всѣхъ подобнаго рода сдѣлкахъ мы встрѣчаемъ комбинацію римскаго колоната съ германскимъ институтомъ коммендаціи. Свободные люди ищутъ частной защиты и покровительства, передаются лично и съ имуществомъ и взамѣнъ этого получаютъ не только реальное обезпеченіе въ формѣ надѣла, но и право на defensare illum et suos heredes одинаково отъ лангобардовъ и неаполитанцевъ, a partibus militiae Neapolitanorum et a partibus Langobardorum [3]). Спрашивается теперь, на какихъ началахъ владѣли колоны предоставленной имъ землей? Отмѣтимъ, прежде всего, тотъ фактъ, что колоны сидятъ не врозь, а хуторами изъ нѣсколькихъ дворовъ, члены которыхъ оставляютъ въ нераздѣльномъ пользованіи часть земель, составляющихъ принадлежность занятаго ими поселка (hospitatio или casale).

Въ этомъ отношеніи землевладѣніе колоновъ не отличается ничѣмъ существенно отъ того, какого придерживаются жители свободныхъ общинъ. Въ источникахъ, ставящихъ себѣ задачей пріискать юридическое основаніе для частно-правовыхъ претензій монастыря-собственника, трудно найти обильныя указанія на имущественное положеніе членовъ свободныхъ общинъ. О немъ можетъ заходить

---

[1]) Ha nunc et omnibus diebus vite eorum super residere et habitare promittunt in casali ipsius monasterii et boves ejusdem tenere et studire et cum eis diligenter laborare ut bone bofulci.

[2]) Ibid.

[3]) Грамота 981 г., № 229.

рѣчь только случайно по поводу дареній или продажъ, производимыхъ такими loci habitatores въ пользу аббатства. Такой именно случай и имѣетъ въ виду грамота 990 года [1]). Жители мѣстечка, называемаго Galloro, продаютъ священнику Сергію кусокъ земли, расположенный въ предѣлахъ этого мѣстечка, и часть общиннаго имущества, принадлежащаго имъ и другимъ людямъ въ той же мѣстности (et portionem de fundo commune eis et de aliis hominibus posito in dicto loco). Утверждать, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ мірскимъ владѣніемъ, а не съ простымъ condominium, значило бы идти далѣе того, что говорятъ источники. Слово locus обозначаетъ собою болѣе тѣсный союзъ, чѣмъ селеніе или vicus. Всего вѣроятнѣе, что на дѣлѣ грамота предвидитъ случай отчужденія участка хуторской земли, оставшейся нераздѣльной между немногими дворами, входящими въ составъ casale. Ничто не говоритъ намъ, чтобы хуторяне были колонами; есть даже основаніе думать, что они не были ими, такъ какъ въ противномъ случаѣ упомянуто было бы о томъ, что отчуждаемая земля предложена была первоначально собственнику; мы увидимъ, что послѣдній имѣлъ право преемціи по отношенію къ продаваемымъ колонами участкамъ. Но признавая существованіе свободныхъ хуторовъ, мы не хотимъ сказать, чтобы они представляли какую-нибудь замѣтную особенность по своему земельному устройству сравнительно съ тѣми землями, на которыхъ сидѣли колоны. И о послѣднихъ мы знаемъ, что они сохраняли въ нераздѣльности извѣстныя земли не только между членами одного и того же двора, но и между прочими consortes. Не однѣ silvae et montes составляли предметъ такого совмѣстнаго владѣнія: источники говорятъ не разъ и о находящейся подъ обработкой площади, какъ о terra indivisa cum reliquis portionibus de consortibus даннаго лица [2]). То обстоятельство, что при указаніи границъ частныхъ имѣній нерѣдко упоминается о terra de hominibus или terra de colonis такого-то и такого-то мѣстечка или хутора [3]), безъ болѣе точнаго обозначенія, какіе именно изъ этихъ homines или колоновъ

---

[1]) См. № 264.—Другой примѣръ такой же нераздѣльности представляютъ 11 сапрі, состоящихъ въ совладѣніи Ивана, сына графа Теофилакта, владѣльца замка Кумани, Кампула и Стефана воиновъ, сыновей такого же, какъ они, воина (militis). Объ этихъ земляхъ значится, что онѣ и впредь должны оставаться in ipsorum consortium (грамота 937 г., № 36).

[2]) Грамота 947 г., № 58

[3]) См. грам. №№ 26, 34, 85, 89, 102 и т. д.

примыкали своими землями къ данному участку,—въ связи съ тѣмъ, что владѣнія колона представлены въ другихъ грамотахъ состоящими изъ 18 кусковъ въ предѣлахъ одного и того же хутора [1]), — даетъ право полагать, что участки каждаго двора лежали чрезполосно въ открытомъ полѣ или, точнѣе, на поляхъ одного и того же hospiticum или casale. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что источники, когда хотятъ выразить фактъ существованія точныхъ границъ и межевыхъ знаковъ, неизмѣнно обращаются къ такимъ выраженіямъ, какъ clusuria [2]) или grypia, заявляя, что земля обведена cespitibus или tabulis [3]), обмѣрена (mensurata) ad passum ferreum per merinos [4]). Всего этого, разумѣется, недостаточно для того, чтобы говорить съ увѣренностью объ общинномъ землевладѣніи колоновъ, а тѣмъ болѣе—о существованіи въ занимаемыхъ ими хуторахъ системы періодическихъ передѣловъ.

Самая природа источниковъ такова, что не допускаетъ ничего, кромѣ догадокъ, и то лишь самаго общаго и неопредѣленнаго характера. На передѣлы, впрочемъ, нѣтъ никакого указанія. Несомнѣнное господство въ средѣ колоновъ принципа семейной нераздѣльности, частое упоминаніе о сожительствѣ братьевъ и племянниковъ—говорятъ скорѣе за дворовое землевладѣніе, отъ котораго не труденъ переходъ къ долевому, что,—при стремленіи поддержать равенство не только въ величинѣ, но и въ качествѣ надѣловъ, предоставленныхъ выдѣлившимся семьямъ,—можетъ само по себѣ объяснить разбросанность паевъ каждаго двора и существованіе чрезполосицъ. Съ другой стороны, вполнѣ понятное желаніе помѣщиковъ и хуторскихъ старостъ поставить дворы колоновъ въ условія, допускающія своевременное отправленіе ими повинностей и платежей, должно было содѣйствовать тому же результату, препятствуя сосредоточенію владѣній одного какого-нибудь двора въ менѣе плодородной площади, когда другой удерживаетъ въ своихъ рукахъ наиболѣе доходные участки. Наконецъ, и самая система хозяйства, которая,—какъ это слѣдуетъ изъ факта уплаты ренты различными сортами хлѣба, а также огородными продуктами (напр., fabae, бобами),—уже уклонилась

---

[1]) Та же разбросанность характеризуетъ владѣнія лангобардскихъ воиновъ въ предѣлахъ одного и того же помѣстья. Такъ, въ fundo de Amuliarum два exercitales и одинъ монахъ владѣютъ совмѣстно 8 кусками (грамота 258 г., № 102).

[2]) Грамоты №№ 16 и 31.

[3]) Грамота № 31.

[4]) Грамота № 63.

отъ наипростѣйшаго типа двухполья, необходимо вела къ тому, что надѣлы каждаго двора располагались, по меньшей мѣрѣ, въ трехъ конахъ· озимомъ, яровомъ и парѣ. Что передѣловъ не было, по крайней мѣрѣ, коренныхъ, на это указываетъ самое неравенство владѣній, приуроченныхъ къ отдѣльнымъ дворамъ. Размѣръ ихъ обыкновенно передается числомъ модіевъ засѣваемой пшеницы (triticum), бобовъ, льна и т. д. Въ этомъ-то числѣ модіевъ и замѣтно большое различіе, такъ что въ однихъ случаяхъ говорится объ одномъ, а въ другихъ о десяткахъ. Наконецъ, самая природа извѣстныхъ культуръ, которымъ особенно часто предаются колоны, какъ-то· разведеніе виноградныхъ лозъ, фруктовыхъ растеній и т. д., устраняетъ мысль о возможности періодическихъ передѣловъ, изъ срока въ срокъ повторяющихся земельныхъ разверстокъ.

Перейдемъ теперь къ вопросу о повинностяхъ и платежахъ колоновъ. Въ этомъ отношеніи X столѣтіе представляетъ собою значительное отклоненіе отъ предшествующаго времени. Колонатъ не только измѣнилъ своему первоначальному типу — крѣпостного держанія, при которомъ натуральныя повинности играютъ, по меньшей мѣрѣ, такую же роль, какъ и платимая продуктами рента, но и приблизился къ типу средневѣковаго половничества. Источники почти не упоминаютъ объ ангаріяхъ. Приношенія курами, яйцами, ягнятами, дичью опущены въ большинствѣ ливелларныхъ контрактовъ [1]); наоборотъ, почти всѣ эти контракты увеличиваютъ размѣръ платимой колономъ доли продуктовъ, говоря о половинной долѣ, какъ о нормальной. Самъ колонъ получаетъ нерѣдко наименованіе partiarius взамѣнъ прежняго tertiarius. Изъ подлежащаго раздѣлу урожая дѣлается предварительный вычетъ на сѣмена [2]). Издержки по уборкѣ, состоящія въ платѣ рабочимъ и въ ихъ продовольствованіи, дѣлятся пополамъ между собственникомъ и колономъ, но и въ этомъ случаѣ слѣды прежнихъ порядковъ сказываются въ томъ, что трудъ самого колона и его семьи остается даровымъ и при расчетѣ нѣсколькими рабочими считается меньше противъ ихъ наличнаго числа [3]). Когда колонъ берется за разведеніе виноградной лозы, принимается извѣстный срокъ, въ теченіе котораго все выдѣлываемое вино поступаетъ въ его пользу. Обыкновенно этимъ срокомъ считается мо-

---

[1]) Въ качествѣ исключенія укажемъ на грамоту 977 г., № 212, въ которой упоминается о платежѣ парой цыплятъ, parium de pulli.

[2]) terraticum dare preter de quod seminaverit (№ 189)

[3]) Sed ipse Marinus et omnes masculi de casa sua gratis vendemniare et colligere seu matinare debent.

ментъ выручки выговореннаго количества—5, всего чаще—10 урнъ вина (ornas). По наступленіи этого момента идетъ дѣлежъ пополамъ [1]). Отступленіе отъ правила о половинномъ раздѣлѣ допускается всего чаще по отношенію къ просу и фасоли [2]), нерѣдко также—и къ другимъ видамъ хлѣбныхъ растеній. Съемшики, говорится въ договорахъ, должны во всемъ, что касается дѣлежа, придерживаться разъ установленнаго обычая,—а этотъ обычай, какъ мы видѣли, довольствовался въ предшествовавшія столѣтія уступкой собственнику одной только трети [3]).

Вообще ссылка на обычай встрѣчается довольно часто [4]). Этимъ обычаемъ опредѣляется размѣръ такъ называемаго terraticum или натуральной ренты. Обычай служитъ охраной крестьянъ въ такой же мѣрѣ, какъ новое соглашеніе—условіемъ, благопріятствующимъ увеличенію помѣщичьихъ требованій. Цѣнность земель, видимо, растетъ, и условія, предлагаемыя колонамъ, становятся все болѣе и болѣе тяжкими Такъ, въ нѣкоторыхъ ливелларныхъ договорахъ, представляющихъ подобіе позднѣйшихъ французскихъ complant, выговаривается, что засадившій землю виноградомъ въ правѣ удержать къ концу срока въ свою пользу не болѣе четвертой части утилизированной имъ площади [5])

Полагается предѣльный срокъ, обыкновенно трехлѣтній, для разведенія виноградной лозы, послѣ чего, если добрые и заслуживающіе довѣрія люди признаютъ, что земля non est bene arbustata et obumbrata, колонъ сгоняется съ участка [6]). Наконецъ, выговаривается,

---

[1]) .... Quousque vini ornas 10 ibi non fecerit, postea vero omnia que ibidem Deus dederit dividere debeant per medietatem Грамоты. 960 г., № 110; 968 г. № 165, 971 г. № 189; 977 г. № 212. 990 г., №№ 267 и 298.

[2]) Ibid., № 110, excepto de milio et de fasolis иногда платежъ падаетъ даже ниже tertia. Собственникъ довольствуется четвертью tritici, шестой частью льна, проса и фасоли (См грамоту 982 г., № 233). Но такіе договоры вообще рѣдки Низкій размѣръ ренты объясняется тѣмъ, что земля сдана подъ разведеніе винограда, и только временно, до момента успѣшнаго привитія лозъ, допущена утилизація ея подъ овощи и злаки.

[3]) De milео et fasolis perficiatur (divisia) sicut faciunt ceteri homines de memorato loco cum portionariis suis (грамота № 110),

[4]) Грам. 997 г., № 298: dividant inter eos ipsum vinum, quomodo facit totus ipse locus cum portionariis suis

[5]) Ita ut ipsi et heredes eorum (собственники) percipiant partes III et Marinus et heredes eius (колонъ) I (грам. 773 г., № 198)

[6]) Почти тѣ же условія воспроизводятся и въ салернскихъ ливелларныхъ контрактахъ (См Codex Cavensis, т. I, №№ 100. 113, 123, 132, 169, 183, 187, 190, 196, 204, 205, 206; т II, №№ 336, 393, 395, 402, 403 и 410)

чтобы при отчужденіи снятой подъ корчевку земли или, вѣрнѣе, той части ея, которая по раздѣлѣ должна достаться корчевщику, за собственникомъ осталось право предпочтительной покупки по цѣнѣ, установленной посредниками, добрыми, заслуживающими довѣрія людьми,—«christianissimi viri» называетъ ихъ одна грамота [1]).

Мы показали непрерывность римскихъ формъ землевладѣнія и хозяйства на протяженіи той части Италіи, которой всего менѣе коснулся процессъ германизаціи. Передъ глазами читателя прошелъ длинный рядъ столѣтій, въ теченіе которыхъ помѣстье продолжало оставаться тѣмъ же конгломератомъ мелкихъ и среднихъ хозяйствъ, какимъ оно было въ послѣдніе вѣка имперіи. Каждое считаетъ свободныхъ и несвободныхъ воздѣлывателей, изъ поколѣнія въ поколѣніе остающихся на разъ отведенныхъ имъ земляхъ, доставляя помѣщику частью личный трудъ, частью условленныя ренты, натуральныя и денежныя,—ренты, приближающіяся все болѣе и болѣе къ типу тѣхъ, какія выплачиваются половниками и по настоящій день. Такимъ образомъ, мы устанавливаемъ преемство римскихъ и средневѣковыхъ порядковъ и избѣгаемъ упрека въ игнорированіи роли античной традиціи при образованіи хозяйственнаго типа среднихъ вѣковъ.

Но этимъ далеко не исчерпывается наша задача. Намъ предстоитъ еще показать, въ какой мѣрѣ сложившіяся вѣками строй землевладѣнія и хозяйства долженъ былъ измѣнить своему первоначальному характеру для того, чтобы удовлетворить запросу германскихъ завоевателей на землю и стать въ уровень съ ихъ общественными идеалами.

---

[1]) См. № 212.

ГЛАВА XI.

Землевладѣніе у лангобардовъ.

Историки до сихъ поръ расходятся въ толкованіи извѣстнаго свидѣтельства Павла Діакона о раздѣлѣ земель въ собственность и пользованіе между лангобардами и римлянами. Споръ идетъ о характерѣ и числѣ этихъ раздѣловъ, о ихъ предметѣ,—которымъ могла быть одна земля или также другіе виды собственности,— и вообще о судьбѣ покореннаго населенія, которое одни, какъ напримѣръ, Тройя, признаютъ обращеннымъ въ рабство, а другіе, какъ Бауди ди Вемъ, Копеи, Каппони, Шупферъ, Виноградовъ, не говоря уже о Савиньи, считаютъ сохранившимъ свою свободу. Трудность рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ лежитъ въ томъ, что для провѣрки показаній Павла Діакона мы не имѣемъ никакого прямого свидѣтельства. Принятый же имъ способъ выраженія, по своей краткости, вызываетъ тѣ же недоразумѣнія, какихъ по той же причинѣ не могутъ избѣгнуть историки и филологи при толкованіи текстовъ Тацита о землевладѣніи и хозяйствѣ древнихъ германцевъ. За отсутствіемъ прямыхъ источниковъ, приходится обращаться къ косвеннымъ, искать въ актахъ позднѣйшаго времени слѣдовъ тѣхъ порядковъ, на которые намекаетъ исторіографъ лангобардскихъ королей. Но тутъ представляется новая трудность. Эти акты болѣе, чѣмъ на столѣтіе, отстоятъ отъ времени раздѣловъ. Какихъ перемѣнъ могло не произойти за это время! Какое улучшеніе въ бытѣ побѣжденныхъ должно было произвести обращеніе лангобардовъ въ лоно католической церкви, сблизившее ихъ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и въ обыденной

морали съ покореннымъ населеніемъ! Сознавая вполнѣ всю недостаточность имѣющихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ, мы должны напередъ отказаться отъ выясненія всѣхъ сторонъ занимающаго насъ вопроса Никакой изслѣдователь не можетъ и не долженъ идти въ своихъ утвержденіяхъ дальше того, что говорятъ источники. Лучше признать извѣстные вопросы невыясненными, нежели взамѣнъ отвѣта приводить не опирающіяся на факты гипотезы

Свидѣтельство Павла Діакона состоитъ въ слѣдующемъ. Говоря о герцогѣ Клефѣ, Павелъ заявляетъ: «многихъ могущественныхъ римлянъ онъ казнилъ мечемъ, другихъ изгналъ изъ Италіи». Марій Аваншскій подъ 572 годомъ подтверждаетъ это свидѣтельство и отчасти расширяетъ его, замѣчая, что Клефомъ убиты были многіе, какъ высшаго общественнаго состоянія seniores, такъ и средняго [1]) При герцогахъ, захватившихъ власть послѣ убійства Клефа, многіе знатные римляне, по словамъ Павла Діакона, истреблены были ради корысти; reliqui vero per hospites divisi ut tertiam partem suarum frugum Langobardis persolverent, tributarii efficiuntur [2]).

Трудно, повидимому, разномысліе въ переводѣ этого текста. Смыслъ его, кажется, ясенъ; дѣло идетъ не о раздѣлѣ собственности и не о раздѣлѣ всего населенія между побѣдителями, а только о пріуроченіи трети поступающихъ съ земли продуктовъ въ пользу лангобардовъ. Но и этотъ текстъ подалъ поводъ къ препирательствамъ.

Кого, спрашивали себя, надо разумѣть подъ именемъ reliqui? Все ли римское населеніе, считая въ этомъ числѣ городскихъ ремесленниковъ и безземельныхъ плебеевъ, или только лицъ, имѣющихъ то или другое отношеніе къ недвижимой собственности и владѣнію? Кого также имѣетъ въ виду Павелъ, употребляя терминъ hospites лангобардовъ ли, поселенныхъ на земляхъ римскихъ собственниковъ, или самихъ этихъ собственниковъ, становящихся отнынѣ колонами, hospites покорителей? Въ этомъ послѣднемъ случаѣ не представляется ли болѣе вѣроятнымъ выдѣлъ сразу трети колоновъ или hospites въ пользу лангобардовъ?

Для рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ необходимо заглянуть въ позднѣйшія грамоты. Въ одномъ актѣ 740 года, заключающемъ въ себѣ надѣленіе монастыря въ Фарфѣ десятиною съ вина, хлѣба и оливковаго масла, герцогъ сполетскій Трансмундъ говоритъ, что отнынѣ этотъ сборъ долженъ взиматься и de tertia que a populo colligitur

---

[1]) См. Виноградовъ, стр 107.

[2]) Paul. Diac , II, 32.

de massa, ubi Melitus actionarius est [1]). Герцогъ, очевидно, распоряжается доходомъ съ казеннаго имущества, перешедшаго къ нему отъ римскаго фиска или конфискованнаго у римскихъ viri potentes или seniores. И вотъ на этихъ-то имуществахъ мы и встрѣчаемъ въ первой половинѣ VII вѣка платежъ трети продуктовъ, вѣроятно, тотъ самый, какой взимался съ нихъ и въ римскую эпоху [2]). Платежъ поступаетъ въ руки герцога-собственника, который обкладываетъ его вычетомъ десятой части въ пользу аббатства въ Фарфѣ. Если на другихъ земляхъ, принадлежавшихъ римскимъ собственникамъ, допустить существованіе того-же вида половничества, состоящаго въ уступкѣ трети урожая,— а на это, какъ мы видѣли, указываютъ источники,—то приказъ платить отнынѣ треть продуктовъ въ пользу лангобардовъ равнозначителенъ конфискаціи завоевателемъ всего дохода собственниковъ

На это, по моему, имѣется и прямое свидѣтельство въ договорѣ беневентскаго герцога Арехи съ неаполитанцами. Лѣтописецъ Эрхемпертъ подъ 774 годомъ говоритъ о неаполитанцахъ, какъ о населеніи, которое испытывало долгое время угнетеніе отъ лангобардовъ diutina oppressione fatigati erant [3]). Въ чемъ же, спрашивается, проявлялось это угнетеніе? Отвѣтъ находится въ самомъ текстѣ договора. Онъ даетъ понять, что многіе римскіе колоны поставлены были въ необходимость платить треть продуктовъ лангобардамъ, прекращая одновременно всякій взносъ въ пользу собственниковъ; а это, разумѣется, должно было вызвать недовольство послѣднихъ и породить тѣ oppressiones, которыя предвидитъ договоръ Арехи, постановляя, что въ случаѣ, если платящій цензъ колонъ, censilis homo, въ виду угнетеній (oppressiones) со стороны неаполитанцевъ, пожелаетъ покинуть свой надѣлъ, то онъ въ правѣ сдѣлать это, согласно старинному обыкновенію [4]).

Павелъ Діаконъ говоритъ: «reliqui vero per hospites divisi etc.»—Это выраженіе предполагаетъ раздѣлъ лицъ, а не земель. Терминъ hospites, употребительный еще въ римской имперіи для квартирующихъ въ частныхъ жилищахъ воиновъ и чиновниковъ, а впослѣдствіи и поселенныхъ на земляхъ римлянъ германцевъ, означаетъ въ текстѣ Павла Діакона, очевидно, никого иного, какъ самихъ лангобардовъ. Между лангобардами-hospites и распредѣляются римскіе земледѣльцы съ тѣмъ

[1]) Il Regesto di Farfa, т. II, документъ 7.

[2]) Tributum платили и латинскіе граждане (Calisse, Arch. della soc. romana, 1884 г, стр 313).

[3]) См. Capei, Archivio stor. 1845 г., append., т. II, стр. 495.

[4]) Rerum Italicarum scriptores, т. II, стр. 339 и 340.

чтобы они платили отнынѣ треть продуктовъ не въ пользу прежнихъ своихъ собственниковъ, а въ пользу того новаго господина, какого указалъ каждому жребій.

Мое толкованіе, такимъ образомъ, расходится существенно съ тѣмъ, какого придерживается большинство историковъ. Для меня ясно, что лангобарды, не желая сами сдѣлаться земледѣльцами, нуждались поэтому въ пріобрѣтеніи не земли, а только дохода съ нея. Въ то же время они не желали оставить землю въ рукахъ римскихъ собственниковъ этого наиболѣе опаснаго для нихъ противника, и еще менѣе—ухудшить участь колоновъ и сельскихъ рабовъ. Все это, вмѣстѣ взятое, заставило ихъ остановиться на мысли повернуть въ свою пользу тѣ натуральные платежи, какими дотолѣ довольствовались римскіе собственники. Только при такомъ толкованіи становится понятнымъ упоминаемое Павломъ Діакономъ угнетеніе побѣжденныхъ герцогами—угнетеніе, въ сравненіи съ которымъ даже позднѣйшая судьба первыхъ послѣ раздѣла ихъ собственности кажется лѣтописцу болѣе мягкой. Я не вижу возможности открыть въ разбираемомъ мною текстѣ и тѣхъ источникахъ, какіе я привлекъ къ его толкованію, ни одного намека на то, чтобы лангобарды, по примѣру вестготовъ или бургундовъ, удовольствовались выдѣломъ въ свою пользу третьей части со всего, что получалось римскими собственниками Въ свидѣтельствѣ Павла Діакона говорится прямо о трети продуктовъ земель, а эта треть, въ соединеніи съ тѣмъ, что необходимо было для прокормленія воздѣлывателей этихъ земель, при тогдашнемъ уровнѣ земледѣлія, представляло собою, разумѣется, всю чистую выручку. При моемъ толкованіи нѣтъ необходимости подымать и вопросъ о томъ, какова стала участь безземельныхъ городскихъ ремесленниковъ, такъ какъ ихъ, разумѣется, не приняли въ расчетъ при установленіи только что описанныхъ порядковъ. Нечего также считать положеніе главной массы земледѣльческаго населенія хуже того, какое они занимали при римлянахъ, такъ какъ размѣръ канона или трибута остался прежнимъ.

Можно утверждать даже, что положеніе земледѣльцевъ улучшилось, такъ какъ отпали тѣ поборы, какіе предполагались взиманіемъ если не косвенныхъ, то прямыхъ податей [1]). Пострадали главные про-

[1]) Капеп замѣчаетъ: (стр. 477): „я ни разу не встрѣтилъ указанія на лицъ, обложенныхъ личнымъ побором“ .Лео считаетъ имъ такъ называемыя salutationes, но послѣднія въ дѣйствительности были не болѣе, какъ платежами, производимыми священниками въ пользу епископа. Прибавимъ отъ себя ,что въ сборникѣ неаполитанскихъ грамотъ X вѣка

тивники новой державы, меньшинство земельныхъ собственниковъ и прежде всего viri potentes, которыхъ лангобарды истребили мечемъ, конфискуя ихъ земли вмѣстѣ съ доменами въ пользу своихъ герцоговъ. Пострадали затѣмъ seniores и mediocres, которые, по свидѣтельству Марія Аваншскаго, также были истреблены въ значительномъ числѣ. Прочіе лишились далеко не всего. Теряя канонъ, они сохраняли доходъ съ земель въ личномъ завѣдованіи и изъ владѣльцевъ болѣе или менѣе обширныхъ латифундій становились средними и мелкими хозяевами.

Наше толкованіе не предполагаетъ также совершенія лангобардами радикальнаго переворота въ сферѣ, если не собственности, то владѣнія За исключеніемъ фискальныхъ имуществъ, конфискованныхъ у знати имѣній и пустопорожнихъ земель, перешедшихъ отъ римской казны въ казну герцоговъ, прочія земли остались въ рукахъ ихъ прежнихъ собственниковъ и владѣльцевъ; повороту подверглась только ежегодная треть доходовъ или—что то же — платежи колоновъ. Такой порядокъ раздѣла добычи являлся наилегче осуществимымъ. Не было надобности ни порывать съ обычнымъ образомъ жизни, исключительно посвященнымъ военнымъ занятіямъ, ни ослаблять себя матеріально, разсѣиваясь среди мало замиреннаго населенія. Можно было остановиться, наоборотъ, на той системѣ большихъ селъ, представляющихъ подобіе военныхъ колоній, при которой, по словамъ Павла Діакона, гепиды, турингы, сарматы, угры, свевы, вошедшіе въ составъ приведенныхъ Альбоиномъ варваровъ, имѣли возможность сохранить свою племенную обособленность [1]).

Спрашивается теперь, какія перемѣны внесены были впослѣдствіи въ отношенія лангобардскихъ hospites къ римскому населенію? Эти перемѣны совпадаютъ съ возстановленіемъ королевской власти въ лицѣ Аутари. Оно потребовало имущественныхъ пожертвованій со стороны герцоговъ, которые, въ свою очередь, поспѣшили вознаградить себя на счетъ римлянъ, что и повело къ тому земельному перевороту, о которомъ повѣствуетъ Павелъ Діаконъ, говоря: «ob restaurationem regni duces qui tunc erant omnem substantiarum suarum

---

salutationes частью носятъ этотъ характеръ, частью являются приношеніями, производимыми по случаю посѣщенія колона помѣщикомъ или поселенцами его имѣнія.

[1]) Paul. Diac., II, 26: Certum est autem, tunc Alboin multos secum ex diversis quos vel alii reges vel ipse ceperat, gentibus ad Italiam adduxisse. Unde usque hodie eorum in quibus habitant vicos Gepidos, Vulgares, Sarmatas, Pannonios, Suebos, Noricos sive alius hujuscemodi nominibus appellamus.

medietatem regibus usibus tribuunt. Populi tamen adgravati per Langobardos hospites partiuntur» [1]).

Почти каждое слово этого повѣствованія сдѣлалось предметомъ горячихъ препирательствъ среди итальянскихъ, нѣмецкихъ и даже русскихъ ученыхъ. Въ 1845 году завязался памятный еще теперь споръ между Капони и Капеи, лучшими въ то время знатоками итальянскаго средневѣковья. Ему предшествовалъ полустолѣтіемъ раньше споръ Тройя и Савиньи, изъ которыхъ первый, ссылаясь на текстъ найденной имъ рукописи, гдѣ вмѣсто partiuntur стоитъ patiuntur, вовсе отрицалъ вторичный раздѣлъ. Наконецъ, въ наши дни Шупферъ и Виноградовъ разно понимаютъ послѣдствія такого «раздѣла угнетенныхъ народностей». Первый говоритъ о томъ, что римляне отданы были лангобардскимъ чиновникамъ (gastald'амъ) и обложены tributum въ пользу не частныхъ лицъ, а всей націи [2]). Второй, указывая на противорѣчіе, въ какомъ предложенныя толкованія стоятъ съ источниками, думаетъ, что второй раздѣлъ вызванъ былъ не дѣйствіемъ новаго принципа, а фактическимъ пересмотромъ имущественныхъ правъ, который имѣлъ однимъ изъ своихъ послѣдствій выдѣленіе королю половины герцогскихъ земель [3]). Въ противность Виноградову, я полагаю, что мы должны говорить о новомъ раздѣлѣ, отличіе котораго отъ перваго лежитъ въ томъ, что прежде дѣло шло о развертклѣ дохода отъ колоновъ между лангобардскими hospites, а теперь объ окончательномъ дѣлежѣ тѣхъ же колоновъ съ занятыми ими землями, между лангобардами и туземнымъ римскимъ населеніемъ. Свое мнѣніе я основываю, прежде всего, на противоположности употребляемыхъ Павломъ Діакономъ глаголовъ dividere и partire, изъ которыхъ первый обозначаетъ всякую развертку, а второй — раздѣлъ въ собственность.

О томъ, что послѣдовалъ именно такого рода раздѣлъ, можно судить по позднѣйшимъ фактамъ того же порядка, повторяющимся въ предѣлахъ Беневентскаго герцогства. Здѣсь герцогъ Арехи кладетъ конецъ продолжительному угнетенію неаполитанцевъ-римлянъ тѣмъ, что дѣлитъ пополамъ fundora fundata et exfundata между ними

---

[1]) Paul Diac., III, 16

[2]) Istituzioni politiche, 74: Di tal maniera i vinti Romani, prima i possessori di terre, poi anche le plebi, sarebbero stati assogettati ad alcuni capi langobardici, come ad ospiti, forse ai gastaldi. Ne il tributo era altrimenti riscosso dai privati Langobardi, ma da questi ufficiali medesimi, e penso in pro della nazione.

[3]) См. стр 111.

и лангобардами. Производство разверстки осложняется фактомъ пріобрѣтенія многихъ земель за послѣднія 20 и болѣе лѣтъ третьими лицами, затратившими деньги на покупку этихъ земель въ силу спорныхъ и сомнительныхъ по своей природѣ титуловъ, выданныхъ, вѣроятно, лангобардами неаполитанскимъ колонамъ безъ опроса ихъ собственниковъ. Къ тому же, въ рукахъ лангобардовъ накопилась здѣсь цѣлая масса имѣній задолго до заключенія договоровъ съ неаполитанцами,—вѣроятно, отъ самаго момента завоеванія, когда домены римскаго фиска и пустопорожніе участки перешли въ руки герцоговъ. Все это надо было принять во вниманіе, всѣмъ этимъ разнообразнымъ претензіямъ пришлось удовлетворить при раздѣлѣ, и вотъ почему многія земли объявлены были безповоротной собственностью лангобардовъ и неаполитанцевъ, тогда какъ другія раздѣлены были пополамъ между тѣми и другими, а третьи—на три части, изъ которыхъ одна пошла недавнимъ пріобрѣтателямъ, другая образовала треть неаполитанцевъ, подъ именемъ tertia Neapoli или tertia militum, а послѣдняя, подъ названіемъ tertia Langobardorum, признана была собственностью всѣхъ лангобардовъ, тѣмъ общимъ фондомъ, изъ котораго, какъ показываютъ позднѣйшіе источники, производимъ былъ выдѣлъ въ пользу частныхъ лицъ этого племени. Въ грамотахъ X-го вѣка еще видны слѣды только что описанныхъ порядковъ. Объ извѣстныхъ земляхъ говорится, что онѣ достались данному лицу—тому или другому воину или монастырю—изъ части неаполитанцевъ, иначе, воиновъ (milites) [1]); о другихъ,—что онѣ подверглись уже выдѣлу части, слѣдуемой лангобардамъ или неаполитанцамъ [2]); о третьихъ,—что онѣ достались покупателямъ pro tertia a partibus Langobardorum [3]). Попадаются случаи, въ которыхъ судья, призванный высказаться о принадлежности той или другой земли одной изъ спорящихъ сторонъ, въ своемъ рѣшеніи постановляетъ: такой-то или такіе-то, какъ члены лангобардскаго войска, exercitales Langobardorum, должны имѣть половину даннаго имѣнія, тогда какъ другой или другіе будутъ владѣть остаткомъ ex partibus militie Neapolitanorum [4]) Терминъ tertium не разъ служитъ топографическимъ обозначеніемъ отдѣльныхъ мѣстно-

---

[1]) Regesta Neapolitana, т. II, ч I, грамота 957 г., № 97; въ ней упоминается о fundus, принадлежащемъ monasterio, a partibus militie et a partibus Langobardorum.

[2]) Грам. 912 г., стр. 17

[3]) Ibid, грам. 942 г., № 46

[4]) Грамота 958 г., № 102

стей, какъ напримѣръ, въ грамотахъ 982 и 990 годовъ [1]), что́ легко можетъ быть объяснено, если не относить происхожденіе имущественныхъ обособленій еще къ эпохѣ готскаго раздѣла, выдѣлами, произведенными согласно договору Арехи.

Все сказанное клонится къ доказательству той мысли, что позднѣйшая практика Беневентскаго герцогства говоритъ въ пользу земельныхъ разверстокъ у лангобардовъ на вѣчныя времена, при чемъ объектомъ раздѣловъ служили не одни воздѣлыватели, но и пріуроченные къ нимъ участки. Грамоты довольно ясно говорятъ о томъ, что продажа и дареніе половины или, какъ онѣ выражаются, 6 унцій всѣхъ колоновъ того или другого имѣнія—равнозначительны отчужденію половины самаго имѣнія,—а если это такъ, то подъ раздѣломъ «populi agravati» надо разумѣть разверстку не только обремененныхъ поборами колоновъ, но и приписанныхъ къ нимъ земель. Это же, въ связи съ указаннымъ уже переходомъ земель къ hospites (т. е. лангобардамъ) не въ пользованіе, а въ собственность, даетъ право думать, что и описанные Павломъ Діакономъ порядки были не чѣмъ инымъ, какъ выдѣломъ въ пользу завоевателя, взамѣнъ прежней конфискаціи канона, части (какой именно — не сказано) римскихъ имѣній. Трудно думать, въ самомъ дѣлѣ, чтобы Арехи въ своихъ предложеніяхъ неаполитанцамъ не придерживался освященной уже обычаемъ практики, чтобы выдѣлъ половинъ и терцій въ пользу соплеменниковъ былъ рѣшительнымъ новшествомъ, а не примѣненіемъ къ римскимъ уроженцамъ Беневентскаго княжества той самой практики, какой лангобарды слѣдовали въ прочей Италіи. Только такимъ раздѣломъ можно объяснить происхожденіе въ Сполетскомъ герцогствѣ и Ломбардіи земель, извѣстныхъ подъ именемъ terrae Langobardorum hominum, которымъ источники противополагаютъ casalia quae pertinent de romanenses homines, т е. имѣнія, исключительно занятыя римлянами [2]). На этихъ принадлежащихъ лангобардамъ земляхъ встрѣчаются порядки пользованія, не извѣстные римлянамъ, въ томъ числѣ, и повторяющійся по временамъ передѣлъ выгоновъ, terra de fiwaida, [3])

---

[1]) См. №№ 233 и 268.

[2]) Il Regesto di Farfa, doc. 392, a. 963, и Carte del mon. di San Salvatore del monte Amiato, № 24 (Calisse, Le Condizione della propr. territoriale, studiate sui documenti della provincia romana, Arch della R Societa romana di storia patria, a. 1884, стр 322, и его же, Documenti del monastero di San Salvatore sul monte Amiato въ томъ же Archivio, a. 1893, № 24, и 1894, стр 147).

[3]) Одна грамота аббатства Фарфы 857 г. передаетъ смыслъ этого

на что мы имѣемъ указаніе въ одной грамотѣ. напечатанной Троя и относящейся къ 730 году Въ этой грамотѣ предвидится случай, когда уступленный участокъ поступитъ обратно въ обладаніе всѣхъ жителей (in publicum) и по новому раздѣлу достанется третьему лицу. Лицо, отчуждающее участокъ, говоритъ, что вновь поступившій къ нему по жребію надѣлъ по праву перейдетъ въ такомъ случаѣ къ пріобрѣтателю, если послѣдній выскажетъ свое желаніе на этотъ счетъ [1]) — Выдѣленныя лангобардамъ земли нерѣдко составляютъ часть имѣнія. остающагося въ рукахъ римлянъ такъ, въ пограничныхъ съ Витербскимъ округомъ тосканскихъ владѣніяхъ мы встрѣчаемъ два смежныхъ селенія, самыя названія которыхъ, Porciano и Porcianella. говорятъ о раздѣлѣ; одно изъ нихъ въ рукахъ римлянъ. другое—лангобарда [2]).

Остается рѣшить еще донынѣ спорный вопросъ объ инициативѣ раздѣла. Кому она принадлежала? Римлянамъ ли, какъ думаетъ Капеи. или самимъ лангобардамъ, на что указываютъ, повидимому, подлинныя слова Павла Діакона въ томъ видѣ, какъ передаетъ ихъ большинство рукописей· populi adgravati per Langobardos hospites partiuntur. Я присоединяюсь къ тѣмъ, кто, вмѣстѣ съ большинствомъ современныхъ историковъ, толкуетъ этотъ текстъ буквально, переводя: римляне дѣлятся ихъ гостьми и поселенцами—лангобардами. Трудно допустить, чтобы на небольшомъ разстояніи Павелъ Діаконъ употреблялъ терминъ hospites въ двухъ различныхъ смыслахъ: поселенныхъ на земляхъ римлянъ варваровъ и платящихъ канонъ колоновъ Мы видѣли, что когда шла рѣчь о присвоеніи лангобардамъ трети урожаевъ, Павелъ Діаконъ говорилъ о divisio, производимой per hospites, разумѣя подъ послѣдними лангобардовъ. Почему же связывать другой смыслъ съ тѣмъ же терминомъ въ фразѣ: populi per Langobardos hospites partiuntur? Для утвержденія, что мысль о раздѣлѣ вышла на этотъ разъ изъ среды римлянъ, Капеи не только приходится настаивать бездоказательно на томъ, что partiuntur не всегда представляетъ собою страдательную форму, но онъ принужденъ еще

термина, говоря: communes pascuas hoc est fiwaidas (Reg Farf., III, 300, стр. 6).

[1]) Promettemus ut si qualive tempore forsitan ipsa terrola portionem nostra in integrum publicum requesiverit et ad devesionem revinerit cuicumque in alio homine, et novis in alio locum ad vicem sortem redditam fuerit, si volueris tu Mauritius ipsa terra, nos tivi sine aliqua mora ipsa terra reddamus. (Troya, Cod. Dipl. Lang. III, 481) Ср Schupfer, L'allodio, 1886 г., стр. 36

[2]) Arch. della Soc. romana, a. 1894, стр. 147.

сочинить цѣлую теорію, какъ нельзя болѣе гипотетичную и противорѣчащую общему представленію о завоевателѣ, предписывающемъ законъ побѣжденнымъ. Эта теорія состоитъ въ предположеніи, что римляне, желая избавиться отъ угнетенія, сами уступили лангобардамъ часть своихъ земель. Чтобы обосновать это предположеніе на какомъ-нибудь текстѣ, Капеи приводитъ варіантъ, заключающійся въ амвросіанской рукописи. Въ ней слова Павла Діакона о раздѣлѣ переданы въ слѣдующемъ видѣ: «populi tamen agravati pro Langobardis hospitia partiuntur». Сопоставляя употребляемый въ этомъ варіантѣ терминъ hospitia съ hospitatica, подъ чемъ договоръ Арехи разумѣетъ дворы колоновъ, Капеи думаетъ, что въ намѣренія лѣтописца входило передать мысль о выдѣлѣ самими римлянами pro Langobardis части своихъ колоновъ. Поразительнѣе всего то, что авторъ самъ признаетъ амвросіанскую версію неправильной, заключающей въ себѣ извращеніе первоначальнаго текста и важной лишь въ томъ отношеніи, что изъ нея будто бы видно, какъ въ эпоху, близкую къ лангобардамъ, въ X-мъ вѣкѣ, понимаемы были слова Павла Діакона [1]). Что въ X столѣтіи Беневентское княжество, гдѣ, какъ думаютъ, составлена была эта рукопись, понимало hospites въ смыслѣ колоновъ, это выступаетъ съ очевидностью изъ текста нѣкоторыхъ грамотъ неаполитанскаго архива [2]). Не удивительно поэтому, если, переписывая Павла Діакона, беневентскій скрибъ позволилъ себѣ измѣнить версію въ болѣе понятномъ ему смыслѣ. Но что же это доказываетъ, и какое основаніе утверждать, что писецъ имѣлъ передъ глазами другой, болѣе древній текстъ, заключавшій въ себѣ такой же варіантъ? Капеи высказываетъ такую догадку, но ничѣмъ не обосновываетъ ея. Въ такихъ условіяхъ, амвросіанскій текстъ, отступающій отъ всѣхъ прочихъ рукописей и раскрывающій передъ нами то, что разумѣлось подъ словомъ hospes въ X-мъ вѣкѣ, нимало не доказываетъ, что Павелъ Діаконъ, уже употреблявшій этотъ терминъ въ смыслѣ варвара-поселенца, пріурочилъ къ нему затѣмъ значеніе колона-половника.

---

[1]) См Капеи, стр. 490

[2]) Напримѣръ, въ грамотѣ 943, гдѣ заходитъ споръ о принадлежности тѣхъ или другихъ колоновъ аббатству Св. Сергія или нѣкоему Іоанну, сыну Петра, предметъ претензіи выраженъ словами: hospites fundati (Regesta Neapol, т II, ч. 1, № 49) См. также грамоту № 260, гдѣ передается споръ о томъ, уступленъ ли извѣстный hospes съ надѣломъ или безъ надѣла (Ibid, № 260).

Въ какомъ положеніи оказались, послѣ всего сказаннаго, римскіе земельные съемщики, судить не трудно. Въ большинствѣ случаевъ они не потеряли своихъ надѣловъ и продолжали воздѣлывать почву на прежнихъ основаніяхъ, т. е. частью на правахъ сельскихъ рабовъ, частью на правахъ колоновъ. Что таковы были порядки, господствовавшіе съ VIII-го по X-ое столѣтіе въ Ломбардіи и Тосканѣ, объ этомъ говорятъ грамоты, вошедшія въ составъ извѣстныхъ сборниковъ Тройя и Брунетти. Мы видимъ въ нихъ однообразное повтореніе терминовъ massarii и coloni, mansi и cespites, при чемъ подъ послѣдними разумѣются снабженные загородью дворы пользующихся свободой отхода колоновъ-земледѣльцевъ, а подъ первыми — дворы крѣпкихъ къ землѣ рабовъ. [1])

Сказать, однако, что лангобардское завоеваніе не вызвало никакихъ перемѣнъ въ сферѣ собственности и владѣнія, было бы рѣшительнымъ преувеличеніемъ. Эти перемѣны обнаружились въ разныхъ направленіяхъ и, прежде всего, въ расширеніи системы натуральныхъ платежей и

---

[1]) См. Mon hist patriae, t. XIII, Chartae, грамоты 712 г. № 1 и 715 г., № 2: завѣщаніе сына сенатора Альбина и его жены Теоделинды (tradimus colonos cum omnibus cespitibus). Эта грамота, впрочемъ, признается нѣкоторыми подложной; поэтому приведемъ еще нѣсколько другихъ документовъ, менѣе спорныхъ, въ которыхъ рѣчь заходитъ о тѣхъ же колонахъ. Въ Praeceptum Aistulfi regis, въ которомъ подтверждается болѣе раннее распоряженіе Aribert'a (между 701 и 712 г г.) Рѣчь заходитъ, между прочимъ, о casa tributaria cum omnia adiacentia, которая противополагается casae massariciae.

Въ уступкѣ многихъ земель церковнымъ обителямъ нѣкимъ Куниммундомъ де Серміонэ, который, благодаря посредничеству королевы, избѣжалъ наказанія за убійство, въ числѣ прочихъ, упоминается и casale съ колонами, воздѣлывающими землю, въ силу полученной ими грамоты (per cartam, очевидно, то же, что libellum) О такихъ же колонахъ въ той же грамотѣ сказано, что они a tributario nomine terram ad laborandum habere visi sunt (См грамоту 765 г, № 29)

Въ духовныхъ завѣщаніяхъ, напр., въ томъ, какое въ 769 году оставилъ діаконъ Граціанъ, говорится объ отпущенныхъ на волю, какъ о переходящихъ въ число свободныхъ колоновъ, которыхъ нельзя согнать съ надѣловъ, a cespitibus suis non expelantur. Они воздѣлываютъ землю трудомъ своихъ рукъ, платя часть плодовъ въ пользу собственниковъ (Ibid., №, 39). Формула: servos pro servis liberos pro liberis сопровождаетъ собою обыкновенно всякаго рода „традиціи“ или уступки земель однимъ собственникомъ другому на какомъ бы то ни было основаніи. Въ актахъ, изданныхъ Troya, постоянно упоминаются, какъ поселенные на земляхъ одного и того же лангобардскаго собственника casae massariciae, такъ и aldionales (№ 991).

службъ, благодаря распространенію германскаго начала частнаго покровительства или защиты (mundium) на всѣхъ лично свободныхъ, но имущественно зависимыхъ людей,—все равно, были ли ими отпущенные на волю и сохранившіе свои надѣлы рабы (mancipii), или пришлые чужеродцы (guargangi) [1]), или, наконецъ, покоренные римляне, искавшіе для себя патрона въ епископѣ или знатномъ лангобардѣ, передававшіеся ему нерѣдко съ имуществомъ и становившіеся въ силу коммендаціи его людьми, его gasindi [2]). Статья 11-ая законовъ Рахиса показываетъ намъ, что терминъ gasindus означаетъ то же, что fidelis. Изъ законовъ Ротари мы узнаемъ, что газиндовъ имѣли не одни только короли и герцоги, но и частныя лица, и что поступленіе въ ряды такихъ вѣрныхъ людей сопровождалось обыкновенно извѣстными пожалованіями со стороны патрона, пожалованіями, которыя за смертью одареннаго возвращались къ дарителю [3]). Мы не станемъ подымать спорный вопросъ о томъ, знали ли лангобарды что-нибудь подобное тѣмъ частнымъ дружинамъ или comitatus, о которыхъ сообщаетъ намъ Тацитъ, говоря о древнихъ германцахъ [4]). Этотъ вопросъ стоитъ слишкомъ далеко отъ нашей главной задачи. Важно для насъ не то, какое значеніе имѣлъ институтъ частнаго покровительства въ сферѣ военной защиты страны, а то, что, начиная съ низшихъ ступеней общественной лѣстницы, съ отпущенныхъ на волю рабовъ, и оканчивая свободными римлянами и мелкимъ людомъ изъ среды лангобардскихъ уроженцевъ, всѣ искали «мундоальдовъ» или покровителей. Это же вело къ сокращенію числа независимыхъ людей и семей, къ переносу титула собственности на немногихъ и къ увеличенію платимыхъ въ пользу хозяина взносовъ еще новымъ—за его mundium. О такомъ взносѣ говорится въ двухъ грамотахъ 716 и 785 годовъ, гдѣ разсматривается частный случай вступленія въ бракъ съ рабомъ. Согласно лангобардскимъ законамъ, жена слѣдовала зависимому положенію мужа и подпадала mundium у того же лица, подъ властью котораго состоялъ супругъ. Дочери, рожденныя отъ такого брака, при

---

[1]) Эдиктъ Ротари подчиняетъ ихъ лангобардскому праву; исключеніе представляютъ тѣ, которые въ качествѣ привилегіи получили право судиться по своему національному закону (Poggi, Cenni storici delle Legge sull' agricoltura, т. II, стр. 55)

[2]) Ibid., стр. 61

[3]) Edictum Rothari, стр. 225· Et si aliquid in gasindio ducis, aut privatorum hominum obsequium, donum munus conquisivit, res ad donatorem revertantur. Ср Schupfer, Degli ordini sociali e del possesso fondiario appo i Langobardi (Sitzungsberichte der Wiener Academie, т. XXXV, 1860 г., стр. 424).

[4]) Вопросъ этотъ, рѣшенный въ отрицательнымъ смыслѣ Pabst, снова возбуждается Виноградовымъ, стр. 148—152.

выходѣ замужъ должны были откупиться отъ mundium. и это именно обстоятельство и предвидятъ названныя грамоты, опредѣляя размѣръ выкупа въ 3 солида золотой монетой [1]).

Какое значеніе имѣлъ mundium въ лангобардскомъ обществѣ. показываетъ тотъ фактъ, что при отпущеніи на волю различались двѣ формы. одна давала свободу отъ неволи, сохраняя патронатъ за прежнимъ собственникомъ, другая же дѣлала человѣка одновременно amund, т.е. свободнымъ отъ патроната. Когда происходило одно отпущеніе изъ неволи, получавшій свободу считался альдіемъ и долженъ былъ еще откупиться отъ mundium'а. Доказательство этого мы находимъ въ завѣщаніи діакона Грати. Въ своемъ предсмертномъ распоряженіи названный діаконъ принимаетъ мѣры къ отпущенію на волю рабовъ и рабынь; однимъ онъ даетъ свободу на правахъ римскихъ гражданъ, съ сохраненіемъ или безъ сохраненія надѣловъ, другихъ же дѣлаетъ альдіями, mundium которыхъ опредѣляется въ 6 солидовъ [2]). Имѣя въ виду, что общественное положеніе альдіевъ то же, что и колоновъ, такъ какъ источники изображаютъ намъ ихъ свободными людьми, сидящими на чужой землѣ и несущими ренту ея собственнику, мы въ правѣ сказать, что платежи колоновъ увеличились всѣми тѣми, какихъ требовало признаніе патроната.

Весьма важнымъ документомъ для характеристики общественнаго положенія альдіевъ или альдіоновъ является непомѣченный годомъ процессъ о признаніи свободнаго состоянія, — процессъ, производившійся передъ королевскимъ посланцемъ. Искавшій свободы утверждалъ, что имъ уплачено 3 солида за mundium, право же на полученіе остальныхъ 3 солидовъ господинъ перенесъ на своихъ наслѣдниковъ. Отпущенному на волю указаны были четыре пути,

---

[1]) Monumenta historiae patriae, т XIII, Chartae,—Codex Langobardiae, №№ 2 и 6.

[2]) Leoprand puero meo volo ut habeat... mancipio uno nomine Agedruda pro aldiane habente solidos sex mundio.

Однохарактерный фактъ раскрываетъ передъ нами и дарственная, сдѣланная въ 712 г. священникомъ Орсо, сыномъ лангобарда Магнифреда, герцога Кремонскаго, въ пользу каѳедральнаго капитула этого города. Объявляя, что дѣти, рожденныя отъ браковъ свободныхъ женщинъ съ его рабами, должны считаться свободными, и что та же свобода распространяется и на ихъ отцовъ, пресвитеръ постановляетъ: „послѣ моей кончины всѣ они переходятъ къ капитулу, становятся его альдіонами и платятъ за mundium тѣ пять солидовъ кремонской монеты, какихъ требовала еще мать моя Матильда въ предѣлахъ Піаченскаго округа“ (Troya, т. IV, ч 3, № 393).

ведущіе изъ селенія, «quatrivio»; господинъ не ограничился простымъ обведеніемъ его вокругъ алтаря. Этого оказалось, однако, недостаточнымъ для судьи: онъ высказалъ сомнѣніе въ томъ, чтобы истецъ дѣйствительно былъ свободнымъ человѣкомъ, а не простымъ альдіемъ. Поэтому онъ обратился къ нему съ вопросомъ, что дѣлалъ онъ или его родители за послѣднія 30 лѣтъ въ пользу бывшаго господина. Послѣдовалъ отвѣтъ: operas a prados et a vilis et ambasias et ebdomadas, т. е —барщину по уборкѣ луговъ, барщину по посадкѣ винограда и всякаго рода службу понедѣльно [1]). Судья продолжалъ спрашивать, производилъ ли онъ эти ручныя работы (scuviae называетъ ихъ грамота отъ scafen, schafen—работать, дѣлать) добровольно (pro libertate) или какъ человѣкъ, принадлежащій собственнику (pro pertinentia). На заявленіе, что всѣ эти работы отправляемы были добровольно, судья потребовалъ предъявленія свидѣтелей, людей свободныхъ, которые бы удостовѣрили, что въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ службы, совершенныя истцомъ, не носили принудительнаго характера (non pro pertinentia, sed pro bona voluntate). Истецъ отказался отъ выполненія такого требованія, говоря, что онъ не въ силахъ удовлетворить ему. Послѣдовалъ новый запросъ судьи: какіе люди знаютъ про свободу истца? Самъ судья, не дожидаясь предъявленія свидѣтелей стороною, обращается къ своего рода повальному обыску. «Я тщательно разспрашивалъ,—пишетъ онъ,—всѣхъ кого могъ, но никто ничего не зналъ про свободу просителя». Для судьи стало ясно, что онъ имѣетъ дѣло не съ лицомъ, «уравненнымъ въ правахъ съ римскими гражданами», иначе fulfrial и amund, а съ человѣкомъ, находящимся въ положеніи альдія. За альдія долженъ держать его впредь и собственникъ. Судья обращается къ послѣднему съ приказомъ не требовать новыхъ службъ отъ истца, кромѣ тѣхъ, какія производимы были имъ за послѣднія 30 лѣтъ. Этотъ размѣръ остается обязательнымъ и на будущее время. Послѣднее распоряженіе особенно характерно: оно показываетъ, что альдій пользовался тою же защитой отъ произвола хозяина, что и колонъ; другими словами, мѣстный обычай, consuetudo, опредѣлялъ размѣръ его натуральныхъ службъ и платежей. Усвоенная лангобардскимъ законодательствомъ тридцатилѣтняя римская давность принята была въ основаніе и при опредѣленіи

---

[1]) Издатель грамоты, при толкованіи слова ambasia, сближаетъ его со свидѣтельствомъ Цезаря объ ambacti, подъ которыми у кельтовъ Галліи разумѣлись рабы (Commentarii de bello Gallico, CVI, 14); ambasia для него то же, что ambacht или opera.

древности обычая; все, что имѣло меньшую продолжительность по тому самому считалось не обязательнымъ на будущее время.

Содержаніе изложеннаго рѣшенія позволяетъ опредѣлить приблизительно и время его составленія. Оно не могло быть постановлено ранѣе эпохи правленія Гримоальда, законы котораго воспретили увеличивать произвольно службы и платежи альдіевъ, примѣнивъ къ нимъ тридцатилѣтнюю давность[1]) Тѣмъ же Гримоальдомъ признана тридцатилѣтняя давность и по отношенію къ надѣламъ альдіевъ въ томъ смыслѣ, что по истеченіи ея альдій считается законнымъ владѣльцемъ своего участка и не можетъ быть согнанъ съ него произвольно [2]). Это право не разъ находитъ себѣ отраженіе и въ грамотахъ; такъ, въ уже приведенномъ нами завѣщаніи діакона Грати объ альдіонахъ и альдіанахъ, какъ и объ отпущенныхъ на волю рабахъ, говорится, что они не должны быть согнаны съ ихъ надѣловъ, «non expellantur de cespitibus suis» [3]). Изъ сказаннаго видно, что, по природѣ своей, лично свободные, но состоящіе, въ то же время, подъ чужимъ патронатомъ, альдіи, со стороны экономическаго положенія, близко подходили къ типу крѣпкихъ къ землѣ сельско-хозяйственныхъ рабовъ, такъ называемыхъ «mancipii» или «massarii». Подобно послѣднимъ, они несли барщину, а не однѣ только общественныя помочи, какъ дѣлали это римскіе колоны. Въ бо́льшей степени, чѣмъ послѣдніе, лангобардскіе альдіи обезпечены были въ отношеніи наслѣдственнаго владѣнія своими участками. Въ этомъ обстоятельствѣ лежитъ, по всей вѣроятности, причина того, что нерѣдко отпускаемые на волю предпочитали положенію «полноправнаго римскаго гражданина», «fulfreal» и «amund», положеніе альдія. Примѣръ мы имѣемъ въ 754 году, когда семья рабовъ, главою которой былъ нѣкто Вулпусъ, устами своего начальника объявляетъ о нежеланіи получить ту свободу, которая дается «указаніемъ четырехъ путей», другими словами, полную свободу, и выражаетъ намѣреніе удовольствоваться тѣмъ положеніемъ, какое даетъ альдіонатъ, т. е. постояннымъ пребываніемъ въ извѣстномъ мѣстѣ подъ покровительствомъ и заступничествомъ прежнихъ господъ [4])

---

[1]) Grimoaldi, ct I: Similiter et si haldius fuerit, impendat obedientia patrono suo, sicut per trigenta annos fecit, et ei nova a domino suo amplius non imponatur, sed liceat cum res suas habere quas per trigenta annorum spatia iuste possedit

[2]) Ibid., послѣдняя строка.

[3]) Monumenta, t. XIII, Chartae, Codex Langobardiae, грам 769 г № 39

[4]) Vulpo servus dixit quod non voluit quatuor vias et quod contenti sunt pro postera libertate sua ea condicione quod maneant in custodia, tutela et

Стародавній обычай опредѣлялъ размѣръ службъ и платежей альдіевъ, вѣроятно, въ такой же мѣрѣ, какъ и оброкъ сельскихъ рабовъ; онъ въ этомъ отношеніи ставилъ ихъ въ то же положеніе, въ какомъ издавна находились римскіе колоны. Что регламентація обычаемъ всѣхъ требованій помѣщика къ крестьянамъ какъ свободнымъ, такъ и несвободнымъ, извѣстна была лангобардскому праву еще въ первой половинѣ VIII-го вѣка, это выступаетъ наглядно изъ текста слѣдующей грамоты. Я имѣю въ виду «приказъ», praeceptum, короля Астульфа, которымъ только подтверждается болѣе ранняя грамота Ариберта, правившаго между 701 и 712 годами. Обоими актами утверждается за церковью Св. Лаврентія всѣ ея владѣнія, въ томъ числѣ, крѣпостные и свободные манзы, casae massariciae et tributariae, и говорится въ заключеніе надѣляемъ ее также всякаго рода scuviae или барщинными работами и пользованіями, какія она имѣла exinde, т. е. съ этихъ дворовъ, свободныхъ и крѣпостныхъ, ad consuetudinem faciendum, т. е. для исполненія установленныхъ обычаемъ службъ и платежей. Эти порядки, какъ видно изъ самаго текста, распространялись и на тѣ случаи, когда подаренное имущество составляло часть доманіальныхъ владѣній. Отсюда выраженіе: quas scuvias et utilitates exinde in publico habuerunt; грамота предвидитъ случай временнаго побора—того, который въ Карловингскую эпоху будетъ извѣстенъ подъ названіемъ talia. Въ VIII-омъ вѣкѣ употребителенъ еще римскій терминъ census [1]). Его мы находимъ и въ цитируемомъ документѣ, но въ извращенномъ видѣ, подъ именемъ «cesus»; взимать послѣдній дозволено только въ томъ случаѣ и тамъ, гдѣ собственники уполномочены на то обычаемъ: ubi consuetudinem habuerunt. Казна отказывается, съ своей стороны, отъ всякихъ повинностей и пользованій, перенося свои права въ этомъ отношеніи на базилику Св. Лаврентія [2]). Это сближеніе альдіевъ и массаріевъ подымало общественное положеніе земледѣльческихъ рабовъ и принижало въ то же время положеніе свободныхъ людей. Профессоръ Виноградовъ отмѣтилъ ту черту, что въ грамотахъ отличіе альдіевъ отъ простыхъ массаріевъ почти незамѣтно [3]), да и въ законахъ вира альдія настолько незначительна, что всего на 10 солидовъ превышаетъ плату, получаемую собственникомъ за убійство servus ministerialis. Плата за альдія—60 солидовъ, за серва-

tutione de iamdictis presbyteris et diaconis beatae Mariae Majoris in civitate Cremone (Troya, т. IV, ч. 4, № 683)

[1]) Troya, т IV, ч 3, № 387, грам 710 г

[2]) Ibid, Cod. Langobardiae, грамота № 15.

[3]) См. стр 172

50 солидовъ; при вознагражденіи же за раны и увѣчья — вовсе не принято въ расчетъ отличіе альдія и раба [1]).

Хотя въ грамотахъ постоянно различаются terra massaricia и terra aldionaricia, или casae massariciae et aldionales [2]), но весьма часто о дворахъ сельскихъ рабовъ, casae massariciae, говорится, что въ нихъ сидятъ и ими управляютъ люди свободные [3]). Принимая на себя завѣдованіе крѣпостнымъ надѣломъ, свободный человѣкъ не разъ обѣщаетъ платить оброки, исправлять барщину, «sicut est consuetudo vobis facere alii massarii de ipso loco» [4]) Послѣдній текстъ интересенъ не только потому, что указываетъ на передачу въ руки свободныхъ людей прежнихъ рабскихъ надѣловъ, но и потому, что подтверждаетъ сказанное выше объ обычаѣ, какъ о регуляторѣ барщинныхъ службъ и платежей въ предѣлахъ всего помѣстья, всей massa, не различая свободныхъ и несвободныхъ [5]) Въ позднѣйшихъ грамотахъ, относящихся уже къ Карловингской эпохѣ, но составленныхъ согласно требованіямъ лангобардскаго права, servi и aldii равно признаются состоящими подъ mundium собственника и обязанными откупаться отъ этого mundium единовременными взносами; они одинаково крѣпки къ землѣ и получаютъ свободу отхода только въ силу особой милости собственника; наконецъ, одинаково защищены обычаемъ или разъ установленнымъ порядкомъ отъ всякаго повышенія въ размѣрѣ платимыхъ ими рентъ или исполняемыхъ службъ [6]).

---

[1]) Edict. Rothari, 129—130 —См Виноградовъ, стр 155

[2]) Грамоты № 25 (761 г.) и № 51 (774 г)

[3]) Напр., грамота 771 г., № 43. casa massaricia, que regitur per pitone homine libero (sic) — См. также Troya, т. IV, ч 5, № 810: Луитпертъ — свободный человѣкъ — обѣщаетъ въ 764 году сидѣть пожизненно на той землѣ, на которой сидѣлъ Урсулъ, платя ежегодно два модія хлѣба, два модія бобовъ, вина пять амфоръ, половину собранныхъ оливокъ, барашка хорошаго, майскаго, пару цыплятъ и десять яицъ на Пасху и натуральныя службы, angaria, подобныя тѣмъ, какія по обычаю несутъ прочіе массаріи данной мѣстности. Епископъ лукскій Передей, которому Луитпертъ даетъ это обязательство, въ свою очередь, обѣщаетъ не сгонять его съ надѣла и не увеличивать своихъ требованій (superimposuere)

[4]) Грамота 764 г., отпечатанная у Troya подъ № 810, приведена г. Виноградовымъ (стр. 172).

[5]) См. Troya, т IV, ч. 5, грамота лукскаго епископа Передея отъ 762 года, въ которой при передачѣ одного крестьянскаго двора говорится о consuetudo ipsius casae и объ angaria secundum consuetudinem de ipsa casa.

[6]) См. Cod. Langobardiae, завѣщаніе пресвитера Лупы и клерика Ансперта 800 г (№ 72).

Пониженіе общественнаго уровня альдіевъ и возвышеніе ихъ экономической обезпеченности—благодаря неразрывности съ надѣломъ—отражаются и на судьбѣ ихъ римскихъ собратій—колоновъ. Когда къ концу лангобардскаго періода терминъ aldii постепенно выходитъ изъ употребленія и различные виды наслѣдственной аренды сливаются въ общее понятіе колоната, этотъ послѣдній дѣлается уже чѣмъ-то существенно отличнымъ не только отъ римскаго, но и отъ остготскаго,[1]). Колонъ становится прежнимъ крѣпкимъ къ землѣ человѣкомъ, какимъ онъ былъ до временъ Теодорика, но, въ то же время, онъ крѣпокъ и къ помѣщику въ томъ смыслѣ, что является лицомъ, стоящимъ подъ его покровительствомъ или mundium. Оставаясь попрежнему половникомъ, онъ несетъ, сверхъ того, не только присущія римскому колону angariae или общественныя помочи, но и барщинную службу въ опредѣленномъ обычаемъ размѣрѣ. Доказать все это не трудно на основаніи тѣхъ ливелловъ, какіе дошли до насъ изъ Тосканы отъ второй половины VIII вѣка.

Вотъ, напримѣръ, одна грамота, говорящая о сдачѣ ad laborandum земель, нѣкогда составлявшихъ надѣлъ Урсула массарія. Смѣнившій его свободный человѣкъ долженъ платить reddìtus и нести angariae. Red ditus состоитъ въ ежегодномъ платежѣ трехъ урнъ вина, одного поросенка, цѣною въ три солида, и одной овцы той же стоимости; ангаріи же или барщинныя службы заключаются во всякаго рода работахъ въ пользу помѣщика въ размѣрѣ двухнедѣльнаго труда ежемѣсячно [2]).

Грамота плохо сохранилась; въ ней выпущены цѣлыя слова и нерѣдко части фразы, но насколько можно понять то, что воспроизведено ея издателемъ Брунетти, нельзя не прійти къ заключенію, что ею предвидится случай ухода колона ad habitandum alio loco. Это дѣйствіе признано незаконнымъ; виновный платитъ собствен

---

[1]) Въ 736 г. уже высказывается обязательство постояннаго пребыванія; не исполняющій его теряетъ половину движимости. Всѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя колономъ, идутъ въ пользу собственника (Troya, т. IV, ч. 3, № 510).

Въ 746 г. одинъ колонъ, именемъ Аузельмъ, обѣщаетъ епископу лукскому. resedere in casa tua in loco Vamo uvi quondam genitor meus avitare visus fuerit ividem natus est; если онъ не исполнитъ этого обязательства, на него налагается пеня въ 60 солидовъ золотомъ et exeat innanis et vacuus foras (Troya, т. IV, ч. 4, № 594).

[2]) Et omni tempore pro angaria facere debeamus ad curte vestra... de singulos menses duas hebdomadas (sic).

нику 20 солидовъ пени; все выговоренное въ соглашеніи попрежнему сохраняетъ силу [1])

Въ 798 году Вальпертъ и Алапертъ,—оба, какъ показываютъ самыя ихъ имена и какъ о томъ спеціально заявлено въ грамотѣ, лангобарды по происхожденію, слѣдующіе лангобардскому праву,—приступаютъ къ выкупу тѣхъ наслѣдственныхъ рентъ и повинностей (tributa et angariae), какія они обязаны нести въ качествѣ колоновъ Гундольперта, также родомъ лангобарда. Платежи установлены обычаемъ (consuetudo) и состоятъ ежегодно въ одной овцѣ или двухъ парахъ цыплятъ, въ половинѣ поросенка или барашка, да еще въ 10 фунтахъ сыра. Приношенія овцой или цыплятами и половиной поросенка производятся, какъ говоритъ грамота, pro vendemiale, т. е. ко времени уборки винограда. Всѣ эти приношенія играютъ, однако, второстепенную роль; главное обязательство Вальперта и Алаперта лежитъ въ ангаріи. Размѣръ ея не опредѣленъ; грамота довольствуется заявленіемъ, что ангарія отправлялась названными колонами quando vobis utilitas fuit [2]), другими словами, каждый разъ, когда этого требовалъ интересъ собственника. Всѣ платежи переводятся теперь на деньги. Барщина выкупается уплатой launegild; tributa сводятся къ взносу за жилище (casa) и надѣлъ (res), что въ совокупности составляетъ 6 динаріевъ [3]). Въ разобранномъ документѣ мы имѣемъ дѣло съ лангобардскими альдіями, которые, какъ это видно изъ его содержанія, даже при регулированіи ихъ службъ обычаемъ, продолжали оставаться на посылкахъ у господъ и во всякое время могли быть призваны къ отправленію барщины. Въ другой, также тосканской грамотѣ, дѣло идетъ уже о сдачѣ земли колонамъ; установителемъ ливелла является слѣдующій римскому праву монастырь Спасителя. И всеже натуральныя службы состоятъ не въ однѣхъ общественныхъ помочахъ, а и въ еженедѣльной барщинѣ, отправляемой поперемѣнно, одну недѣлю въ теченіе одного, а другую—въ теченіе двухъ дней. Помѣщикъ не въ правѣ увеличить барщины, о чемъ и заявляетъ открыто, словами: nullam angariam supra imposuerimus [4]).

Въ Сполетскомъ герцогствѣ, гдѣ римское землевладѣніе и хо-

---

[1]) Если мы перейдемъ in alio loco ad habitandum componere tibi solidos XX et predicta cartula manere in firmitatem (debet) (См Brunetti, Cod. diplom. Toscano т. II, ч. 1).

[2]) Очевидно, vobis, а не nobis, какъ стоитъ въ грамотѣ.

[3]) Brunetti, т. II, ч. I, грамота № 47.

[4]) Ibid., грамота № 66.

зяйство подчинились въ меньшей степени процессу германизаціи. барщина, тѣмъ не менѣе, постепенно была распространена и на колоновъ. При этомъ, грамоты VIII вѣка еще пытаются, весьма, впрочемъ, неумѣло, подвести ее подъ понятіе тѣхъ три раза въ годъ требуемыхъ отъ римскаго колона общественныхъ помочей, которыя приурочены ко времени оранки, посѣва и жатвы. Постановляя, что колоны должны нести впредь три ангаріи, источники спѣшатъ прибавить: «et pro qualibet angaria ebdomada una». Въ тѣхъ же грамотахъ говорится объ angaria колоновъ въ еще болѣе неопредѣленной формѣ: cum opus fuerit, т. е. когда въ томъ будетъ нужда—что, очевидно, открываетъ собственнику тотъ самый просторъ, какимъ онъ пользуется въ Тосканѣ по отношенію къ подневольному труду альдіевъ или альдіоновъ [1]).

Если намъ удалось сколько-нибудь выяснить нашъ взглядъ на послѣдствія, какими лангобардское завоеваніе сопровождалось для римскихъ землевладѣльческихъ классовъ, то читателю не трудно будетъ признать, что, несмотря на косвенный характеръ воздѣйствія лангобардскаго права и, въ частности, лангобардскаго института альдіевъ,—землевладѣльческіе порядки въ томъ видѣ, какъ они унаслѣдованы были отъ временъ имперіи и остготовъ, перестали существовать на практикѣ и приблизились къ средневѣковому типу крѣпостного держанія.

Съ одной стороны, возвысилось общественное положеніе сельскихъ абовъ, старинныхъ glebae adscripti, теперешнихъ massarii или mancipii; съ другой, принизилось положеніе прежнихъ колоновъ. Многочисленныя отпущенія на волю создали средній между тѣми и другими классъ, экономическое и юридическое положеніе котораго постепенно обобщилось и распространено было въ равной мѣрѣ и на лицъ, выше или ниже его стоящихъ. Обычное право восполнило дѣйствіе писаннаго и создало къ эпохѣ карловингскихъ правителей изъ всѣхъ этихъ

---

[1]) См духовное завѣщаніе Павла и Тасиллы въ пользу аббатства въ Фарфѣ отъ 792 г., въ которомъ отпускаемый на волю рабъ Lupolus, повидимому, ставится въ положеніе альдія. Терминъ этотъ не стоитъ въ грамотѣ. О Луполѣ значится: „sit liber et sedeat in casa et vinea et terra et annualiter persolvat angarias tres et per unamquamque angariam hebdomada una“.—Въ другомъ завѣщаніи отъ 775 г. уже открыто говорится о колонахъ; перечисливъ ихъ имена, составитель прибавляетъ. „annualiter faciant datum (то же, что tributum, или натуральное приношеніе) et angariam in ipso casale cum opus fuerit, nam in alio loco angarias non persolvant. Это ограниченіе значительно улучшаетъ участь колоновъ, освобождая ихъ отъ работъ на далекомъ разстояніи отъ ихъ постояннаго мѣста жительства (См. Il Regesto di Farfa, т. II, стр. 126 и 82)

разнообразныхъ элементовъ, лангобардскихъ и римскихъ, зародыши того новаго класса, какимъ станутъ средневѣковые крѣпостные, такъ называемые rustici или contadini (отъ слова contado—графство).

Такова была судьба сельскихъ производителей. Спрашивается теперь, какія именно перемѣны произошли подъ вліяніемъ того же фактора—завоеванія и германизаціи, въ формахъ земельнаго владѣнія? Ввели ли лангобарды что-нибудь новое въ эту сферу, и, если ввели, то что именно? И на этотъ счетъ продолжаютъ держаться два рѣзко противоположныхъ мнѣнія: Шупферъ высказывается въ утвердительномъ смыслѣ, Виноградовъ—въ отрицательномъ. Первый думаетъ, что лангобарды внесли элементъ общиннаго или мірского владѣнія;— Второй полагаетъ, что ихъ завоеваніе «не повлекло за собою подчиненія итальянскаго землевладѣнія сельской общинѣ», и что вообще оно не создало новыхъ экономическихъ принциповъ, а примѣнилось къ существовавшимъ до завоеванія формамъ владѣнія и хозяйства [1]).

Я готовъ признать, что факты, на которыхъ Шупферъ пытался построить свою теорію общиннаго землевладѣнія у лангобардовъ, выбраны неудачно и сами по себѣ ничего не доказываютъ, но я, въ тоже время, склоненъ думать, что, если не система періодическихъ передѣловъ, то система долевого владѣнія и нераздѣльнаго пользованія получила съ водвореніемъ лангобардовъ въ Италіи несравненно болѣе широкое распространеніе, чѣмъ прежде.

Не слѣдуетъ терять изъ виду, что до своего поселенія въ Италіи лангобарды были, по преимуществу, народомъ пастушескимъ, и что пастушескій образъ жизни не требуетъ того обособленія владѣній, того индивидуализма, какой предполагается исключительнымъ занятіемъ земледѣліемъ и, въ особенности, винодѣліемъ и огородничествомъ. Нельзя думать, чтобы привычки, унаслѣдованныя отъ предковъ, сразу измѣнялись подъ вліяніемъ искусственнаго сближенія съ иными хозяйственными и имущественными формами. Живя среди покоренныхъ ими римлянъ, получая отъ нихъ опредѣленную часть производимыхъ землею продуктовъ, лангобарды и участвовавшіе въ ихъ войскѣ разноплеменные варвары могли устроить свой бытъ по старинному образцу. Указанія на это мы находимъ и у Павла Діакона, и въ законахъ, и въ грамотахъ, и въ позднѣйшихъ переживаніяхъ, и въ характерѣ нѣкоторыхъ топографическихъ названій, и въ корняхъ словъ, служащихъ для обозначенія отдѣльныхъ видовъ имѣній

[1]) См Виноградовъ, стр 186 и 187

и угодій. Павелъ Діаконъ говоритъ намъ, какъ мы видѣли, о поселеніи цѣлыхъ племенъ generatim (употребляемъ выраженіе, которымъ Тацитъ обозначаетъ родовые отряды германскаго войска). Онъ разсказываетъ объ образованіи особыхъ селеній, (vici) гепидовъ, сарматовъ, свевовъ и т. д. [1]). Самъ Виноградовъ приводитъ изъ позднѣйшихъ источниковъ X-го вѣка указаніе на terra barbaritana, которую онъ же отличаетъ отъ tertia Langobardorum и которую, очевидно, должны были составить тѣ земли, на коихъ сплошными массами селились варвары, устраивая цѣлыя волости единоплеменниковъ [2]). На земляхъ, перешедшихъ отъ римскаго фиска къ герцогамъ и королямъ, и на тѣхъ обширныхъ пустопорожнихъ пространствахъ, которыя также сдѣлались достояніемъ политическихъ вождей націи [3]), легко могли возникнуть подобныя поселенія лангобардовъ. Если пристальнѣе вглядѣться въ нѣкоторыя древнѣйшія пожалованія, сдѣланныя королями изъ доменовъ, изъ земель in publico, какъ выражаются нерѣдко сами тексты, то не трудно вынести то впечатлѣніе, что во многихъ, особенно, горныхъ мѣстностяхъ, селеніе, нерѣдко снабженное церковью и владѣющее лѣсами, пастбищами, расположенными среди озеръ островами, рыбными уловами, водами и водопроводами, не заключаетъ, въ то же время, въ себѣ отведенныхъ подъ хлѣбопашество участковъ. Такъ, въ 712 году Лиутпрандъ въ своемъ пожалованіи обители Фара въ Бергамаскѣ говоритъ: dono alpem unam (дарую горное пастбище) Planarium (плоское) cum pertinentiis ecclesiis ibi fundatis, cum pratis, silvis, insulis, piscariis, aquis aquarumve decursibus cum servis et ancillis et cum omni honore. Очевидно, что на этой землѣ, на которой были рабы и рабыни, не существовало того, что источники называютъ

---

[1]) Paul. Diac., II, 26

[2]) См грамоту 968 года за № 14, гдѣ при обозначеніи границъ говорится: „de una parte est terra Langobardorum et de tres partes terra barbaritana". См. также грамоту 966 года, гдѣ также упоминается о terra barbaritana У Pertile въ IV томѣ его „Исторіи итальянскаго права" приведено немало извлеченій изъ однохарактерныхъ источниковъ, въ которыхъ говорится не только о terra barbaritana, но и о fabula pagana (стр. 320).—Виноградовъ, стр. 209 и 210.

[3]) Объ обиліи этихъ пустопорожнихъ земель можно судить по тому, что герцоги и короли обыкновенно надѣляютъ вновь учреждаемыя обители не столько пахотями, сколько silvae и terra vacua. См., напримѣръ, грамоты Гизульфа II беневентскаго отъ 750 года въ пользу аббатства С. Стефана и короля Астольфа отъ 752 года въ пользу епископа моденскаго (Trova, т IV, ч. IV, № 639 и 656).

terrae fundatae, т. е. снабженныхъ колонами надѣловъ, не было занятыхъ mansirii манзовъ; иначе даритель, который упоминаетъ о нихъ при перечнѣ другихъ пожалованій, и, при томъ, въ той же грамотѣ, не приминулъ бы включить ихъ въ составъ принадлежностей горнаго пастбища [1]).

И въ другихъ позднѣйшихъ дареніяхъ упоминается о terra sine massariis cum silva [2]). Въ мѣновыхъ сдѣлкахъ также не разъ заходитъ рѣчь о silvolae, т. е. подлежащихъ срубу рощахъ и лѣсахъ, среди которыхъ лежитъ помѣщичій дворъ, curtis seu sala [3]).

Въ поземельныхъ пожалованіяхъ Дезидерія и Адельхисы отъ такой, сравнительно, поздней эпохи, какъ 772 годъ, говорится еще о передачѣ монастырю въ Брешіи земли, покрытой корчеваннымъ лѣсомъ и пастбищами, величиною въ 4000 югеровъ,—земли, состоящей въ завѣдованіи waldeman, по имени Bonus. Этотъ waldeman обязанъ, очевидно, своимъ прозвищемъ близкому общенію съ лѣсомъ, напримѣръ, исполненію обязанностей его стража или надсмотрщика; gualdum или uwaldum обозначаетъ совокупность земель и владѣній, въ которыхъ лѣсъ является главной составной частью [4]). Нерѣдкое же упоминаніе о gualda и поставленныхъ на нихъ gualdarii въ сполетскихъ грамотахъ VIII-го вѣка даетъ право думать, что и въ этой части лангобардскихъ владѣній было не мало свободныхъ мѣстъ для устройства сплошныхъ племенныхъ поселковъ и установленія болѣе пастушескаго, чѣмъ земледѣльческаго хозяйства [5]).

Что еще важнѣе и въ бо́льшей степени, чѣмъ все предыдущее, доказываетъ пристрастіе лангобардовъ къ пастушеству и готовность

---

1) Monum., tit. XIII, Chartae Cod. Langobard, грам. № 1.

2) Грамота Дезидерія 760 г., № 20.

3) Грамота 761 г., № 25

4) Это обстоятельство наглядно выступаетъ въ слѣдующей грамотѣ. Герцогъ беневентскій Гизульфъ уступаетъ silvam cum terra vacua quae fuit de gaio nostro, qualiter nominata sylva a Rotulo gastaldo nostro per nostram missionem nobis tradita est quae fuit de actu nominati Rotuli (Troya, т. IV, ч IV, грамота 750 г., № 639). Gualdum нерѣдко пишется даже Waldum, какъ напримѣръ, въ грамотѣ 749 или 750 года: Ecclesia sancti Regoli in Waldo (Ibid., № 630). Даруя 500 югеровъ лѣса епископу моденскому, король Астольфъ въ 752 году говоритъ, что эти югеры окружены съ трехъ сторонъ его лѣсомъ, а съ четвертой граничатъ съ рѣкою. Такимъ образомъ, лѣсная площадь занимала нерѣдко всю территорію той или другой изъ королевскихъ curtis или имѣній (Ibid, стр. 756).

5) См. Il Regesto di Farfa, т II, грам. 746 и 747 г., стр 29, 30 и 41.

жертвовать интересами земледѣлія, лишь бы сохранить исконное право свободнаго прогона стадъ на любыхъ земляхъ, это выговоренное эдиктомъ Ротари право выпаса, которымъ пользуются проѣзжіе во всякое время года, кромѣ періода уборки. Запрещеніе препятствовать выпасу, itinerantibus erbam negare [1]), послѣ снятія сѣна и хлѣба, — очевидно, одно изъ проявленій того права свободнаго прогона или vaine pâture, съ которымъ пришлось считаться еще столѣтіе назадъ дѣятелямъ французской революціи; его избѣгаютъ только тѣ поля, которыя обведены загородью (quantum cum clausura sua (quis) potest defendere) [2]). Рѣдкое же упоминаніе въ источникахъ о clausurae служитъ доказательствомъ того, что свободный прогонъ въ занимающую насъ эпоху былъ еще общимъ правиломъ. На казенныхъ земляхъ паслись совмѣстно стада самого герцога или короля, сосѣдней сельской или городской общины и тѣ припущенныя къ казенному стаду нерѣдко тысячи монастырскихъ овецъ, о которыхъ упоминается въ нѣкоторыхъ грамотахъ аббатства Фарфы. Цѣлые гвальды состоятъ подъ такимъ выпасомъ. Сполетскій герцогъ Теодицей перечисляетъ однажды такія пастбища, говоря, что въ нихъ монастырскія стада debeant pabulare communiter cum iumentis publicis reatinis (города Ріети) и что овцы или ресога пасутся здѣсь omni tempore postquam exinde iumenta exierint [3]). Сполетскіе герцоги въ первой половинѣ VIII-го вѣка не разъ выдѣляютъ также въ пользу монастырей и церковныхъ обителей участки такихъ пастбищъ (pastinella), которые въ предѣлахъ такого-то хутора (casale) ad manus publicas pastinati sunt [4]).

Все сказанное говоритъ пока только въ пользу удержанія лангобардами пастушескихъ привычекъ и послѣ поселенія ихъ среди римлянъ. Указанная возможность образованія сплошныхъ деревень въ лѣсистыхъ и богатыхъ пастбищами мѣстностяхъ наводитъ на мысль, что лангобарды могли удовлетворять въ этихъ мѣстностяхъ и своему исконному пристрастію къ разведенію стадъ, и той системѣ общиннаго пользованія, при которой скотъ и овцы разныхъ дворовъ входятъ въ составъ общаго стада или, точнѣе, двухъ стадъ, одного —крупнаго, другого — мелкаго скота. При такихъ условіяхъ, неудивительно частое поминаніе о pascuum publicum даже въ позднѣйшихъ грамотахъ конца

---

1) Edictum Rothari, ст 358
2) Ibid.
3) См. Il Regesto di Farfa, грам 765 и 767 г, стр 60 и 73.
4) Ibid, грам. 740 г, № 7.

X и XI-го столѣтія, или о fiuwadia — въ лукскихъ источникахъ [1]). Остается еще задаться вопросомъ, не перенесены ли были эти привычки коллективнаго пользованія и на земледѣліе,—по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ онѣ не встрѣчали препятствія въ унаслѣдованной отъ римлянъ системѣ манзовъ fundati, занятыхъ семьями рабовъ и колоновъ,—гдѣ, другими словами, самимъ лангобардамъ приходилось заводить хозяйство, обращая пустошь и лѣсъ подъ обработку. Это, разумѣется, въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ могло имѣть мѣсто только на земляхъ, доставшихся герцогамъ и королямъ отъ римскаго фиска и перешедшихъ затѣмъ въ силу пожалованія къ третьимъ лицамъ. Неудивительно, поэтому, что о такихъ только земляхъ и говорится въ единственномъ упоминаніи о системѣ совмѣстныхъ полей, обрабатываемыхъ, въ качествѣ мірской земли, comune, которое дошло до насъ отъ этого времени. Мы приведемъ въ переводѣ текстъ этой грамоты, отпечатанной въ изданіяхъ Monumenta historiae patriae, томъ XIII; это изданіе представляетъ собою общедоступный источникъ и потому удивительно, что цитируемая грамота не обратила на себя до сихъ поръ вниманія изслѣдователей. Король Дезидерій и жена его Анса въ 759-мъ году жалуютъ монастырю Св. Петра въ Брешіи свое собственное имѣніе (curtem nostram), расположенное въ мѣстности, именуемой Ceregoicto, нынѣ Cergent Имѣніе это досталось имъ отъ короля Астульфа и увеличено было путемъ покупокъ и пожалованій. Жители помѣстья обложены десятиннымъ сборомъ; они платятъ «decimam» со всякой земли, какую воздѣлываютъ ихъ рабочіе ad illorum comunem, т. е., по моему, въ предѣлахъ мірскихъ владѣній [2]).

Мы получаемъ, такимъ образомъ, представленіе о томъ, что разумѣютъ лангобардскіе источники подъ именемъ comune это — мірская земля; поэтому, если при обозначеніи границъ мы найдемъ въ позднѣйшихъ грамотахъ упоминаніе о «comunalia», для насъ ясно, что въ виду имѣется именно такая земля [3]). Встрѣчаются, конечно, случаи, когда тѣ же термины употребляются для обозначенія участковъ оставленныхъ въ нераздѣльномъ владѣніи сонаслѣдниковъ или товарищей, хотя для такого совладѣнія имѣется специфическое имя—«terra de consortibus», также довольно обычное въ грамотахъ аббатства Фарфы и въ неаполитанскихъ регестахъ [4]). Совмѣстное

---

[1]) Memorie e docum per servire alla storia di Lucca, т. V, ч II, № 562 и 358.

[2]) Ibid.: ..decimis totius terre, quam eorum operarii lavoraverunt ad illorum comunem (грамота № 18).

[3]) Ibid., грамота 1008 г., № 590 :... de quarta parte comunalia.

[4]) Совладѣльческой, а не мірской землей является, напримѣръ, упоминаемая въ грамотѣ 968 года terra comunalis ipsorum partium или значи-

владѣніе членовъ одной разросшейся семьи или нѣсколькихъ семей, отдѣлившихся отъ общаго ствола и образовавшихъ изъ себя цѣлый хуторъ или casale,—явленіе настолько общее римскимъ и германскимъ порядкамъ, что, въ противность Виноградову, я не считаю нужнымъ настаивать на германскомъ происхожденіи тѣхъ консортерій (consorteriae), о которыхъ такъ часто заходитъ рѣчь въ лукскихъ источникахъ IX и X-го вѣка. Для меня достаточно одного факта упоминанія о fundus consorteriae равенскими источниками [1]), да еще присутствія такъ называемыхъ condomae, т е. семейныхъ общинъ рабовъ и колоновъ, какъ на земляхъ римской куріи VI-го вѣка, такъ и въ Беневентскомъ герцогствѣ VIII, IX и X-го столѣтій, чтобы лишить всякаго значенія тѣ разсужденія о вліяніи лангобардовъ на упроченье начала семейнаго единства, какими профессоръ Виноградовъ сопровождаетъ свой весьма обстоятельный очеркъ тосканскихъ consorteriae въ IX и X-омъ вѣкахъ.

Точно также въ существованіи общинныхъ угодій: silvae comunes [2]), pascua, adamprivia и какимъ бы другимъ именемъ они ни назывались, я не могу видѣть вліянія лангобардскихъ пришельцевъ, такъ какъ подобныя недѣлимыя угодья существовали еще въ римскихъ помѣстьяхъ. Я полагаю, что, если въ чемъ сказалось воздѣйствіе лангобардской германизаціи, то только въ расширеніи принципа мірского владѣнія. Нельзя болѣе утверждать, что послѣднее не было извѣстно римлянамъ въ формѣ долевого пользованія колоновъ одного и того же хутора, или casale. Но то, чего мы не находимъ прежде и что со временемъ вполнѣ исчезнетъ на земляхъ, гдѣ лангобардское вліяніе было слабо, это—долевое владѣніе

щаяся въ лукскихъ документахъ terra communiter cum aliis consortis in Gruminio (т V, ч. II, № 423).—См Виноградовъ, стр. 208, прим. 3.

1) Fantuzzi, т I, стр. 57

2) Въ грамотахъ аббатства Нонантулы, отпечатанныхъ Тирабоски, уже въ серединѣ VIII столѣтія упоминаются silvae comunes Правда, Вюстенфельдъ считаетъ эти грамоты позднѣйшей поддѣлкой и относитъ къ X вѣку, когда вслѣдъ за истребленіемъ монастырскаго архива пожаромъ потребовалось редактированіе новыхъ крѣпостныхъ актовъ. Но и въ такомъ случаѣ упоминаніе грамотами о silvae comunes и о пользованіи ими со стороны мѣстныхъ жителей все же показываетъ общераспространенность такихъ сельскихъ угодій въ X вѣкѣ (См. грам. короля Дезидерія отъ. 756, 757 и 758 г. Онѣ перепечатаны Тройа въ его Codex dipl. Langobardiae, т. IV, ч. 4, № 671, 721. Concedimus ut in quibuscumque comitatibus vel locis cellas adquisierits, aut villas, ubi sylvae communes sunt, vestram semper portionem habere (possitis).

десятень и сотень дворовъ и надѣловъ, не размежеванныхъ и обозначенныхъ въ источникахъ исключительно числомъ и мѣстомъ нахожденія. На вопросъ, откуда взялись тѣ 120 манзовъ, которыми въ Пармскомъ округѣ владѣетъ въ 712 году Ліутпрандъ, уступающій ихъ церкви Св. Петра въ Бергамо, я не нахожу другого отвѣта, кромѣ того, что это были дворы несвободныхъ и свободныхъ поселенцевъ. Они владѣли въ чрезполосицу долями въ разныхъ конахъ одного и того же помѣстья, не могли поэтому указать своихъ границъ и поставлены были въ болѣе или менѣе равныя экономическія условія, отнюдь не нарушавшіяся тѣмъ фактомъ, что дворъ, съ болѣе численнымъ составомъ и соотвѣтственно бо́льшей упряжью, напримѣръ, съ двойнымъ числомъ быковъ, имѣлъ и двойную долю въ общемъ полѣ или comune Существованіе такого долевого владѣнія не предполагаетъ коренныхъ передѣловъ, но оно нуждается время отъ времени въ частныхъ. Указаніе на эти послѣдніе мы находимъ въ одной грамотѣ, отпечатанной впервые Тройя [1]). Содержаніе ея таково. Пинколо и Маріуло продаютъ землю Марикучіо и выговариваютъ при этомъ: буде ее отберутъ у насъ когда-либо in publicum, и при раздѣлѣ (ad devesionem) она достанется третьему лицу, in alio homine, а намъ данъ будетъ кусокъ въ иномъ мѣстѣ, ad vicem sorte, т е. въ нашу часть, то мы предоставимъ этотъ кусокъ тебѣ, Марикучіо. Я знаю, что цитируемый документъ подвергся иной интерпретаціи, что г. Виноградовъ видитъ въ немъ отводъ даннаго извѣстному лицу участка подъ общее пастбище [2]). Но на такое толкованіе нѣтъ указанія въ подлинныхъ словахъ текста. Слова: publicum, ad devesionem revinerit cuicumque alio homine и ad vicem sorte nobis redditum fuerit in alio loco, слишкомъ отвѣчаютъ понятію исправленія существующей нарѣзки для того, чтобы возможно было сомнѣніе въ томъ, что дѣло идетъ здѣсь именно о такомъ не коренномъ, частномъ передѣлѣ [3]). Приведенный документъ стоялъ до послѣдняго времени особнякомъ, но изданіе грамотъ неаполитанскаго архива даетъ возможность найти новый намекъ на подобную же добавочную нарѣзку. Одинъ пресвитеръ, по имени Левъ, обѣщаетъ аббатству Св. Архангела въ Байи извѣстную годовую ренту за данный ему участокъ. Послѣдній достался обители a partibus Langobardorum, т. е. въ числѣ тѣхъ земель, какія пошли въ выдѣлъ лангобардамъ. Предви-

---

[1]) Troya, Cod. dipl. Long., т III, стр. 481.

[2]) Стр. 186.

[3]) Въ этомъ же смыслѣ толкуетъ эту грамоту и Гауденци (стр. 33).

дится случай увеличенія и уменьшенія ренты, смотря по тому, въ состояніи ли будетъ монастырь vincere plus terras или minus terras сравнительно съ тѣми шестью пеціями или кусками, которые сданы имъ въ аренду. Vincere, очевидно, стоитъ здѣсь вмѣсто vindicare [1]) и означаетъ притязаніе на признаніе судомъ, что монастырь изъ принадлежавшей лангобардамъ земли имѣетъ право на полученіе больше положеннаго числа кусковъ. Прибавимъ, что ни границы, ни величина участковъ не указаны,—всѣ они принадлежатъ одному и тому же имѣнію (de ipso fundo, говоритъ грамота) Трудно, поэтому, видѣть въ нихъ, что либо другое, кромѣ долей или полосъ той tertia Langobardorum, изъ которой,— по неизвѣстной намъ причинѣ,—вѣроятно, въ силу пожалованія, — монастырю надлежитъ имѣть свою часть, свою portio [2]) Въ силу сказаннаго, такія выраженія, какъ dono integram portionem meam—послѣ чего идетъ перечисленіе такихъ-то и такихъ-то кусковъ, или petiae, въ разныхъ поляхъ одного и того же имѣнія,—пріобрѣтаютъ особый смыслъ и значеніе Эта «часть» не всегда доля наслѣдника—уже потому, что наслѣдники предпочитаютъ обыкновенно оставаться въ нераздѣльномъ владѣніи, и portio, въ дѣйствительности, принадлежитъ цѣлой семейной общинѣ; для распоряженія ею требуется согласіе не только жены и дѣтей, дядей, братьевъ и племянниковъ, но нерѣдко и болѣе отдаленныхъ consortes. Не указываютъ ли также самый терминъ sors и производные отъ него consorteria и consortes на роль жребія въ опредѣленіи того, на какихъ поляхъ и въ какомъ именно мѣстѣ будутъ лежать полосы, имѣющія войти въ составъ одного надѣла и принадлежащія въ совокупности всему двору, всѣмъ членамъ нераздѣльной семьи? Правда, въ большинствѣ случаевъ sors означаетъ доставшуюся по наслѣдству долю, но встрѣчается и такое употребленіе этого термина, при которомъ онъ замѣняетъ mansus или крестьянскій надѣлъ со дворомъ. Такъ, въ одной грамотѣ аббатства Нонантулы отъ 753 года перечислены всѣ пожалованія, сдѣланныя Аріпрадомъ Кремонскимъ. Въ составъ ихъ входитъ въ одной curtis—una, въ другихъ двѣ, три и пять «sortes»; иногда мѣсто sors занимаетъ слово bevulca,

---

[1]) Въ одной грамотѣ аббатства Кавы 957 года это слово употреблено въ томъ же смыслѣ. Рѣчь идетъ о соглашеніи спорящихъ сторонъ. Въ третейскомъ рѣшеніи значится, что сколько одна сторона advincerit (написано adbincerit) земли въ данномъ casale, столькимъ она должна подѣлиться съ противной стороной, уступающей третью часть (Cod. Cavensis, т I, № 198).

[2]) Regesta Neapolitana, грам № 97.

а иногда massaricia [1]). Если допустить даже, что грамота составлена не раньше X вѣка, мы все-таки получаемъ доказательство того, что въ это время крестьянскій надѣлъ носилъ нерѣдко названіе жребія,—а это само собою уже говоритъ противъ предположенія, будто съ древнѣйшаго времени каждый дворъ имѣлъ прочно установленныя границы для своихъ земель, а владѣлъ однѣми долями въ общихъ поляхъ.

При такомъ толкованіи, вполнѣ понятными являются попадающіяся въ тѣхъ же неаполитанскихъ или беневентскихъ грамотахъ выраженія земля illorum Carasalorum vel aliorum qui affines sunt. т е. земля, состоящая въ совмѣстномъ владѣніи сосѣдей [2]), или terra de hominibus de Fulmianum, или de hominibus de Cesapissina. или de hominibus de Pontianum. Если это не мірская собственность, то. во всякомъ случаѣ, мірское владѣніе. Собственникомъ можетъ быть и частное лицо, земли котораго сняты въ мірское пользованіе. [3]) Но имъ можетъ быть и хуторъ или село, какъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ: цѣлая семейная община отчуждаетъ portionem suam de fundo commune eis et aliis hominibus in dicto loco [4]) Трудно думать, чтобы рѣчь шла здѣсь о товарищескомъ владѣніи: составитель документа не ограничился бы тогда неопредѣленнымъ заявленіемъ, что земля является общей продавцамъ съ другими людьми in dicto loco. а привелъ бы имена всѣхъ товарищей или, по крайней мѣрѣ, главъ отдѣльныхъ дворовъ, участвующихъ въ совладѣніи.

Такимъ образомъ, несмотря на то, что число дошедшихъ до насъ свидѣтельствъ о существованіи мірскихъ земель и мірского владѣнія довольно ограничено, — а иначе и быть не можетъ при томъ матеріалѣ купчихъ, дарственныхъ, завѣщательныхъ и мѣновыхъ актовъ, на которомъ, за неимѣніемъ другого, построены всѣ наши выводы,—общинное землевладѣніе, съ его не періодически передѣляемыми, а только временно исправляемыми нарѣзками полосъ въ разныхъ конахъ или поляхъ, можетъ быть констатировано уже съ VIII-го столѣтія. Нѣтъ необходимости предполагать наступленіе какихъ-то новыхъ и чрезвычайныхъ условій, чтобы объяснить источникъ происхожденія тѣхъ многочисленныхъ случаевъ общиннаго пользованія, съ которыми итальянскіе источники знакомятъ насъ какъ встрѣчающимися въ XV-мъ вѣкѣ и, какъ мы покажемъ впослѣдствіи, и

[1]) Troya, т. IV, ч. 4, № 673.
[2]) Ibid., № 134.
[3]) См. грамоту № 102
[4]) Грамота № 264.

въ гораздо болѣе ранній періодъ. Вѣроятнѣе предположеніе г. Виноградова относительно того, что коллективныя формы собственности и владѣнія развились на мѣстѣ прежнихъ пустопорожнихъ земель, снятыхъ въ наслѣдственную аренду, которая незамѣтно или въ силу выкупа перешла въ собственность, при чемъ съемщиками явились цѣлыя селенія, нерѣдко даже совокупность нѣсколькихъ селеній [1]). Но эти позднѣйшіе примѣры арендованія земель міромъ имѣли своимъ прототипомъ тѣ формы мірской собственности и владѣнія, происхожденіе которыхъ можетъ быть возведено, какъ мы видимъ, къ лангобардской эпохѣ.

---

1) Et si minime fecero ad reddendum vobis sic, me distringere debeatis, sicut alios colonos vestros (Грам. а. 777, стр. 99).

ГЛАВА XII.

Землевладѣніе у англо-саксовъ въ VII, VIII и IX в.

Послѣдствія занятія Англіи саксами въ сферѣ земельныхъ отношеній далеко не могутъ считаться вполнѣ выясненными современной исторіографіей. Двѣ рѣзко противуположныя теоріи продолжаютъ раздѣлять изслѣдователей. Одни, съ Фриманомъ во главѣ, полагаютъ, что завоеватели начали съ истребленія всего покореннаго населенія мужескаго пола и приступили затѣмъ къ распредѣленію земель между собою. При этомъ, имъ приписываются чисто германскія воззрѣнія на собственность: римскія юридическія представленія не были якобы имъ извѣстны; страна, изъ которой они вышли, никогда не входила въ предѣлы римской имперіи; въ завоеванной же ими Британіи слѣды римской цивилизаціи исчезли задолго до ихъ прихода [1]). Другіе историки, какъ, напримѣръ, Врайтъ, Грантъ Алленъ, Эльтонъ, Себомъ, думаютъ, что англо-саксонское завоеваніе, подобно другимъ, не въ состояніи было искоренить вполнѣ ни туземнаго населенія, ни слѣдовъ прежней, болѣе римской, нежели кельтической культуры, и что по отношенію къ землевладѣнію, въ частности, англо-саксы удержали и распространили римскую систему помѣстій [2]).

Уже тотъ фактъ, что ни одной изъ этихъ двухъ теорій не удалось доселѣ одержать верхъ надъ другой, указываетъ, какъ неопредѣленны и скудны историческія свидѣтельства о ходѣ и послѣдствіяхъ завоеванія. Молчаніе источниковъ не даетъ, однако, права восполнять недостатокъ фактическихъ данныхъ историческими аналогіями или утверждать бездоказательно, что то, что имѣло мѣсто на континентѣ

---

1) Freeman, Norman conquest, т. I, стр 18—21.

2) См., напр., Seebohm, The english village community, гл. VIII и IX.

Европы, необходимо должно было повториться и на Британскомъ островѣ. Въ злоупотребленіи этимъ пріемомъ одинаково виновны представители обоихъ направленій. Конрадъ Мауреръ и Стебсъ, утверждаютъ фактъ систематическаго раздѣла земель между завоевателями лишь по аналогіи съ тѣмъ, что имѣло мѣсто на континентѣ, Себомъ и Ашлэ, допуская удержаніе англо-саксами римской системы помѣстій и римскихъ порядковъ сельскаго хозяйства, не приводятъ однако ни одного доказательства въ пользу сохраненія этихъ порядковъ въ Британіи VI-го вѣка [1]).

Приступая къ пересмотру тѣхъ фактовъ, на которые опирается исторія англо-саксонскаго землевладѣнія, я избираю путь, нѣсколько отличный отъ того, какому слѣдовали мои предшественники. Не въ примѣръ имъ, я не позволю себѣ расширительнаго толкованія тѣхъ данныхъ, какія содержатъ въ себѣ источники. При всей своей скудости, они всеже не лишаютъ насъ возможности отвѣтить такъ или иначе на вопросъ, наиболѣе для насъ существенный: извѣстны ли были германскимъ поселенцамъ Британіи коллективныя формы землевладѣнія и, если извѣстны, то какія именно?

Англо-саксонскіе источники ни словомъ не упоминаютъ о раздѣлѣ земли между побѣдителями и побѣжденными; я не вижу поэтому причины утверждать совершеніе такого раздѣла. Свободной, никѣмъ не воздѣлываемой земли было въ это время еще такъ много, истребленіе туземнаго населенія побѣдителемъ совершено было въ такихъ чудовищныхъ размѣрахъ, что не было никакой нужды въ экспропріаціи; стоило только занять пустопорожнія земли или уже обработанные участки, владѣльцы которыхъ были перебиты.

Законы, королевскія частныя грамоты, житія святыхъ и лѣтописи на каждомъ шагу говорятъ о лѣсѣ и болотѣ, какъ объ обыкновенныхъ границахъ владѣній [2]). Лѣса должны были занимать обширную площадь, разъ народъ пользовался ими не столько какъ матеріаломъ для топлива, сколько какъ мѣстомъ для пастбищъ. Если еще во времена Вильгельма Завоевателя, по свидѣтельству «Книги Суда» (Думсдебукъ), лѣса измѣ-

---

[1]) См статьи Конрада Маурера въ Kritische Ueberschau; Стебсъ, „Конституціонная исторія Англіи“, т. I, гл. 1; Ашлэ, приложеніе къ англійскому переводу статьи Фюстель де Куланжа о древнѣйшемъ порядкѣ собственности, Себомъ, вышеназванное сочиненіе.

[2]) Codex Dipl., грам VII в (681 г): король Этельбертъ жалуетъ terram ex utraque parte silvae (т I, № 24). О лѣсѣ упоминаютъ законы Альфреда, ст. 12 и 13.

рялись числомъ пасущихся въ нихъ свиней (silva XL *porcorum*, silva CCC porcorum и т. п.), то что же должно было быть на пять и шесть столѣтій ранѣе, когда за рубку дерева полагался большой, или сравнительно, меньшій штрафъ, смотря по числу свиней, которыя могли укрыться подъ его сѣнью отъ непогоды [1]), и когда о цѣлыхъ поселеніяхъ Беда говорилъ, что, благодаря неприступности положенія, in accessibus ac saltibus dumosis, они лишены благодѣтельнаго вліянія религіозной проповѣди [2])? Житіе епископа Вильфрида, написанное во второй половинѣ VII-го вѣка, объясняя причину, по которой Суссексъ долѣе другихъ англо-саксонскихъ королевствъ оставался вѣрнымъ язычеству, говоритъ о «silvarum densitate», какъ о непреодолимомъ препятствіи для всякаго воздѣйствія на эту область со стороны ея сосѣдей, уже обращенныхъ въ христіанство [3]).

Если бы я не боялся утомить вниманіе читателя, то мнѣ было бы нетрудно привести цѣлый рядъ отрывковъ изъ англо-саксонскихъ грамотъ, въ которыхъ говорится о villae silvaticae [4]), другими словами, о поселеніяхъ, основанныхъ въ самой чащѣ лѣса,—при чемъ необходимая для хлѣбопашества площадь отвоевывалась у природы путемъ корчеванія, — обстоятельство, благодаря которому нѣкоторыя земли въ Англіи доселѣ носятъ наименованіе assart-lands (то же, что на языкѣ варварскихъ правдъ и формулъ exartum или испорченное отсюда assartum) [5])

Едва ли densitas silvarum, о которой упоминаетъ одинъ изъ приведенныхъ нами источниковъ, могла образоваться сразу, и существованіе ея въ серединѣ VII в нельзя объяснить иначе, какъ широкимъ преобладаніемъ лѣсовъ и въ кельто-римской Британіи.

---

[1]) Ср. гр 747 г., въ которой упоминаются porcorum pascua in silva (C. D., № 96)

[2]) Epistola ad Ecgbertum (Migne). Patrologiae cursus completus, т. 94, стр. 659.—Leges Inae, стр. 44.—The Anglo-Saxon laws, by Thorpe.

[3]) Tunc vero gentis nostrae, quaedam provincia gentilis usque ad illud tempus perseverans vixit quae pro ruprum multitudine et silvarum densitate aliis provinciis inexpugnabilis restitit (Vita Wilfridi ep auctore Eddio Stephano—Historians of the church of York, т I, стр. 57).

[4]) См грамоту 716—743 г. Этельбальдъ жалуетъ terram trium cassatorum rurıs silvatici (Cod. Dipl., т I, № 89), а также грамоту 1022 года, въ которой упоминается объ обмѣнѣ Канутомъ одного помѣстья съ монастыремъ, при чемъ взамѣнъ уступленнаго Канутъ получилъ villam silvosam (Ibid, т IV, № 734 и др.)

[5]) Эльтонъ упоминаетъ о такихъ земляхъ въ Суссексѣ (Elton, Origins of english history, стр. 192)

Земледѣліе, о которомъ, какъ объ обычномъ занятіи жителей южной части острова, говоритъ еще греческій путешественникъ Питеасъ, уроженецъ Массиліи, или Марселя [1]), несомнѣнно, получило въ Англіи значительно бо́льшее развитіе со времени римскаго завоеванія, но всеже не настолько, — чтобы обратить всю страну въ сѣть помѣстій съ относительно интензивной системой трехпольнаго хозяйства, какъ это склоненъ думать Себомъ [2]). — Римскіе легіоны принуждены были оставить островъ задолго до нашествія англо-саксовъ, и это обстоятельство, мнѣ кажется, свидѣтельствуетъ болѣе о незначительности римскаго вліянія, нежели о его силѣ Прямыхъ указаній на существованіе въ Англіи до германскаго завоеванія того или иного способа обработки полей мы не имѣемъ; но если судить по позднѣйшей англо-саксонской практикѣ, если отправляться отъ той мысли, которую, повидимому, склоненъ раздѣлять съ нами и авторъ «Сельскихъ общинъ въ Англіи», — что разъ заведенный порядокъ хозяйства держится упорно, переходя безъ измѣненій отъ покоренныхъ къ покорителямъ,—то мы въ правѣ думать, что трехпольная система не была распространена въ Англіи до конца V-го вѣка, и что мѣсто ея занимала болѣе экстензивная двухпольная система Иначе нѣчего было бы законамъ Ины требовать отъ лица, желающаго переселиться изъ одного помѣстія въ другое, чтобы половина или немного болѣе половины бывшей въ его распоряженіи земли состояла подъ обработкой въ моментъ переселенія. изъ трехъ гидъ—полторы, изъ десяти—шесть, изъ двадцати—двѣнадцать [3]).

Посмотримъ теперь, какія заключенія относительно характера землевладѣнія можно сдѣлать изъ только что указанныхъ нами физическихъ и сельско-хозяйственныхъ условій занятой англо-саксами страны.

Я сказалъ уже, что свободной земли было много, и что экспропріація покореннаго населенія не была поэтому необходима. Нѣкоторое указаніе на то, что земли не были насильственно отняты у тѣхъ владѣльцевъ, которымъ удалось избѣжать поголовнаго въ нерѣдкихъ случаяхъ истребленія [4]), даетъ уже упомянутое «Житіе епископа Вильфрида», написанное, какъ было сказано, во второй половинѣ VII-го вѣка. Я нахожу въ немъ разсказъ о томъ [5]), какъ Вильфридъ, «стоя

---

[1]) Ibid, стр 32.

[2]) Seebohm, cap. VIII.

[3]) Anglo-Saxon laws, стр. 62.

[4]) Elton, стр. 365, 368, 383, и Freeman, т. I, стр. 18—21.

[5]) Stans itaque Sanctus Wilfrethus episcopus ante altare, conversus ad populum coram regibus enumerans regiones, quas ante reges pro animabus suis et

у алтаря, началъ перечислять въ присутствіи государя и толпы народа всѣ тѣ владѣнія, которыя были дарованы церкви, какъ предшественниками Нортумберландскаго правителя Алхфриса, или Алфрида, такъ и имъ самимъ, а равно и тѣ, которыя духовенство британское (clerus Brytannus) удержало въ своихъ рукахъ въ то время, когда ему приходилось укрываться отъ вооруженнаго преслѣдованія англо-саксовъ». Согласно этому свидѣтельству, можно думать, что клирики и монахи, не принимавшіе непосредственнаго участія въ защитѣ страны отъ иноземнаго нашествія, не только не были поголовно вырѣзаны, но и удержали если не всѣ, то часть своихъ владѣній. Этому вполнѣ отвѣчаетъ, въ свою очередь, и тотъ фактъ, что, какъ сообщаетъ лѣтописецъ Кентерберійскаго аббатства, монастыри встрѣчались въ Англіи задолго до временъ Бенедикта, «in quolibet centenario annorum post Christi» [1]). Если же были монастыри, то необходимо имѣлись и монастырскія земли, на доходы съ которыхъ содержались эти обители. Древнѣйшіе англо-саксонскіе законы—законы Этельберта [2]) уже принимаютъ мѣры къ охраненію церковной собственности, которая, такимъ образомъ, является вполнѣ сложившейся въ самомъ началѣ VII-го вѣка. Но англо-саксонскія грамоты того же періода упоминаютъ о надѣленіи землею не однихъ лишь вновь созданныхъ монастырей и храмовъ; въ числѣ одаренныхъ выступаютъ и старинныя обители, прежнія владѣнія которыхъ получаютъ лишь новыя приращенія [3]). На вопросъ, какое законодательство регулировало поземельныя отношенія церквей и монастырей въ эпоху, предшествовавшую англо-саксонскому нашествію, едва ли можно отвѣчать иначе, какъ догадкой, что такимъ законодательствомъ было римское, подъ покровомъ котораго, какъ извѣстно, жило одновременно все континентальное духовенство. Весьма вѣроятно поэтому, что оно было удержано и религіозными обителями Англіи отъ эпохи рим-

---

tunc in illa die, cum consensu et subscriptione episcoporum et omnium principum, qui illi dederunt, lucide enontiavit, nec non et ea loca sancta in diversis regionibus, quae clerus Brytannus, aciem gladii hostilis manu gentis nostrae fugiens deserit (Vita Wilfridi episcopi auctore Eddio Stephano — Historians of ths church of York, v I, стр 25).

[1]) Monasteria tamen fundata ante Benedictum fuerunt et congregationes monachorum quamplures in quolibet centenario annorum post Christi passionem sub regula instituta (Historia Monasterii Sancti Augustini, by Thomas of Elmham, стр 198).—См Rerum Brit. Script.

[2]) The Anglo-Saxon laws, стр. 1,

[3]) Cod. Dipl., т. I, № 4, грамота короля Кента Этельберта отъ 9 января 605 г

скаго господства. Послѣ этого не удивительно, если въ примѣненіи къ церковнымъ владѣніямъ англо-саксонскіе законы употребляютъ терминъ «собственность», назначая штрафъ въ нѣсколько разъ больше обыкновеннаго за присвоеніе того, что принадлежитъ церкви (въ 11, 9 или 5 разъ, смотря по тому, является ли пострадавшимъ епископъ, священникъ или діаконъ) [1]).

Если часть земли была оставлена за покореннымъ населеніемъ, то, съ другой стороны, прежнія владѣнія британскихъ правителей и членовъ римской аристократіи, болѣе или менѣе истребленной пришельцами, перешли въ руки англо-саксонскихъ королей, сдѣлались «terrae regis», какъ говорятъ грамоты; а свободная отъ обработки площадь подчинилась, подъ наименованіемъ folcland, или «народной земли», дѣйствію народнаго обычая, регулировавшаго порядокъ владѣнія и распоряженія ею [2]).

На вопросъ, каковы были права королей или, выражаясь точнѣе, вождей, предводительствовавшихъ англо-саксонскими племенными отрядами, на присвоенныя ими земли, грамоты даютъ отвѣтъ, что права ихъ были правами безповоротной и наслѣдственной собственности, однохарактерной съ римской. Передавая въ наслѣдственное владѣніе церкви или монастырей тѣ или другіе участки, короли VII-го вѣка прибавляютъ, при этомъ, что надѣляемыя ими обители въ правѣ владѣть полученной въ даръ землею «sicut pater meus aut ego liberius habuimus или sicut antiquitus praedecessores mei reges praedicti liberi tenuerunt», что въ переводѣ значитъ: на правахъ такой же свободной собственности, какъ та, которая принадлежала моему отцу или мнѣ лично, или—на тѣхъ же условіяхъ полной свободы, на какихъ владѣли землею издревле мои предшественники-короли [3]).

---

1) Anglo-Saxon laws, законы Этельберта, стр. 1.

2) Говоря это, я присоединяюсь къ толкованію Спельмана, недавно получившему новое обоснованіе со стороны проф Виноградова, открыто выступившаго противъ ходячаго ученія Аллена, прежде раздѣляемаго и мною, по которому folcland—то же, что земля въ общемъ обладаніи всего народа, своего рода ager publicus (См English histor. Review, т VIII, стр. 1—17).

3) См. грамоту короля кентскаго Эдбальда отъ 618 г. и грамоту Глотара изъ того же Кента отъ 675 г (Cod Dipl., т. I, № 6 и 9)

Англо-саксонскія грамоты проводятъ различіе между folcland и terra regis. Нѣкоторыя говорятъ, напримѣръ, о томъ, какъ король съ согласія епископовъ и principes, другими словами, членовъ его witenagemote, передалъ себѣ самому въ наслѣдственное владѣніе ту или другую часть селенія съ принадлежащими ей лугами, пастбищами,

Въ отличіе отъ королевской земли, распоряженіе которой всецѣло зависѣло отъ ея обладателя въ каждое данное время, фольклендъ подлежалъ отчужденію не иначе, какъ при общемъ согласіи на него короля, духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ. Грамоты неоднократно упоминаютъ о consensus episcoporum et optimatum, какъ объ условіи надѣленія кого-либо народною землею (folkland) [1]). Всего опредѣленнѣе указываетъ на это отличіе народной земли отъ королевской слѣдующій нерѣдко цитируемый отрывокъ изъ англо-саксонской поэмы о Беовульфѣ [2]) Въ ней говорится о томъ, какъ король, рѣшивши раздать своимъ приближеннымъ золото, серебро, оружіе и драгоцѣнности, которыми Богъ наградилъ его, воздержался въ то же время отъ надѣленія ихъ folcscearce (folkland—земля, подчиненная народному обычаю), очевидно, въ виду того, что одностороннее распоряженіе этой землей не принадлежало ему по праву. До конца англо-саксонскаго періода участки folkland раздаются королями въ собраніи witan'овъ [3]), другими словами, въ высшемъ совѣтѣ страны, называемомъ витенагемотомъ. Только со времени норманскихъ правителей исчезаетъ вполнѣ различіе между terra regis и folkland; право отчужденія послѣдняго переходитъ всецѣло въ руки короля.

Если народная земля была землею, права на которую регулировались обычаемъ, то остается еще узнать, каковъ былъ этотъ обычай. Конрадъ Мауреръ первый отмѣтилъ употребленіе однимъ англо-саксонскимъ источникомъ термина ethel. Онъ обращаетъ вниманіе на соотвѣтствіе его съ фризскимъ ethel, съ старо-саксонскимъ odhil и съ скандинавскимъ odhal — все это употребительныя въ указанныхъ языкахъ названія для обозначенія родовой земли. Съ другой стороны, Мауреръ настаиваетъ на однокоренномъ происхожденіи словъ ethel и adel, изъ которыхъ послѣднее въ древнѣйшемъ

полями, лѣсами, водами. Примѣръ этому мы находимъ въ 847 г. въ грамотѣ короля Вессекса Этельвульфа; выписываемъ изъ нея слѣдующія слова: rex cum consensu ac licentia episcoporum et principum meorum aliquantulam ruris partem viginti manentium mihi in hereditatem propriam describere jussi (Chartularium Saxonicum, изд. Birch, т. II, стр. 33, № 451)

[1]) Говоря это, я расхожусь съ мнѣніемъ, недавно высказаннымъ авторами „Исторіи англійскаго права до временъ Эдуарда“, которые признаютъ, что и по отношенію къ бокленду (книжной землѣ, т. е. такой, передача которой засвидѣтельствована письменнымъ актомъ) короли придерживались той же практики (См. т. I, стр. 37).

[2]) См. Kemble, Introduction to the Cod. Dipl., стр. CIV, прим.

[3]) Cod. Dipl., грамота 605 г. (№ IV), гр. 675 г. (№ IX), и др.; гр. 840 г., № 246.

своемъ значеніи передаетъ также понятіе рода и только въ позднѣйшемъ—родовитыхъ людей (аристократію) [1]).

То обстоятельство, что англо-саксонскіе источники говорятъ объ ethel, какъ о такихъ земляхъ, которыя подлежатъ отчужденію чужеродцамъ не иначе, какъ съ согласія родственниковъ (cum recto consilio proinquorum) [2]),—даетъ намъ право видѣть въ этихъ земляхъ подобіе terra aviatica рипуарскихъ франковъ, другими словами,—родовое имущество. Сближая это обстоятельство съ патронимическимъ характеромъ древнѣйшихъ топографическихъ названій [3]) (я разумѣю основаніе первыхъ англо-саксонскихъ поселеній группами кровныхъ родственниковъ), мы необходимо приходимъ къ заключенію, что въ ethel слѣдуетъ видѣть не болѣе и не менѣе, какъ участки, которые съ момента вооруженнаго занятія той или другой провинціи англо-саксонскими ополченіями захватывались отдѣльными родами или поступали въ ихъ владѣніе съ согласія и участія военныхъ вождей. Такими землями могли быть или пустопорожнія, никѣмъ не воздѣлываемыя пространства [4]), или же владѣнія истребленныхъ пришельцами бритовъ. Тотъ фактъ, что въ теченіе первыхъ двухъ столѣтій послѣ завоеванія родовая месть продолжаетъ держаться въ полной силѣ [5]), что къ дачѣ показаній въ англо-саксонскомъ процессѣ призываются родственники-сосприсяжники [6]), что тѣ же

---

[1]) Kritische Ueberschau, стр. 97.

[2]) Cod. Dipl., № 86,—Завѣщаніе Этельрика.

[3]) Essays on Anglo-Saxon law, стр. 70.

Примѣръ такихъ притязаній родственниковъ представляетъ намъ еще въ X в. отказъ „cognati“ платить монастырю цензъ за землю, нѣкогда принадлежавшую ихъ родственницѣ, уступленную ею монастырю и отданную послѣднимъ въ арендное держаніе родственникамъ дарительницы (Liber Eliensis, 137) —См. также Cod. Dipl., № 805, App., № 30.

[4]) Косвенное указаніе на это даетъ намъ упоминаемый Бедою фактъ существованія „multae villae ac viculi nostrae gentis in montibus in accessibus ac saltibus dumosis“ (epistola ad Ecgbertum, Migne, т. 94, стр. 659).

[5]) См. мою *„Исторію полицейской администраціи въ Англіи“*, гл. I.

[6]) См. мой *„Современный обычай и древній законъ“*, главу о сосприсяжникахъ

Въ одной грамотѣ короля Offa при надѣленіи землею выговаривается, что послѣ смерти надѣленнаго земля можетъ перейти suae proinquitatis homini cui ipse voluerit. Въ законахъ Альфреда Великаго мы находимъ слѣдующее распоряженіе: если человѣкъ получилъ bocland отъ своихъ родственниковъ, то онъ не долженъ продавать его чужеродцу, разъ письменный документъ или показанія свидѣтеля убѣждаютъ его въ томъ, что первый пріобрѣтатель оставленной ему земли и тѣ, отъ кого онъ получилъ ее, не желали такой продажи.

родственники имѣютъ право опеки надъ малолѣтними сиротами и присутствуютъ при совершеніи всякаго рода юридическихъ сдѣлокъ, утверждая ихъ своимъ согласіемъ [1]),— только укрѣпляетъ въ насъ увѣренность въ томъ, что, подобно другимъ германскимъ народностямъ, англо-саксы открываютъ исторію своего общественнаго развитія періодомъ господства родового быта. Не удивительно послѣ этого, что въ англо-саксонскихъ поэмахъ (напр., въ поэмѣ о Беовульфѣ) разсказывается о городищахъ, занятыхъ родственниками (maag-burg) [2]), и, наоборотъ, крайне страннымъ, съ перваго взгляда, кажется тотъ фактъ, что англо-саксонское законодательство и грамоты VII и слѣдующихъ столѣтій не рисуютъ болѣе передъ нами большой, нераздѣльной семьи, владѣющей сообща собственностью, а, напротивъ того, воспроизводятъ хорошо извѣстныя намъ изъ римскаго права черты малой или индивидуальной семьи [3]). Наше недоумѣніе разрѣшится, однако, весьма просто, если мы примемъ во вниманіе, что государство и церковь—эти два могущественнѣйшіе фактора соціальныхъ переворотовъ—одинаково сочувствовали возможному ограниченію и скорѣйшему упадку кровнаго начала. Въ «Исторіи полицейской администраціи въ Англіи» я имѣлъ случай коснуться внутренней политики англо-саксонскихъ правителей, направленной къ упроченію въ странѣ такъ называемаго королевскаго міра; я пытался показать, какъ, при непосредственномъ вмѣшательствѣ англо-саксонскихъ монарховъ, кровная месть отдаленнѣйшихъ родственниковъ уступила мѣсто мести семейной, и самое мщеніе изъ обязательнаго сдѣлалось мало-по-малу факультативнымъ [4]). Разрушительная дѣятельность государства по отношенію къ кровному принципу нашла

---

[1]) Tunc venit ad eum (ad Edelwaldum episcopum) quaedam vidua nomine Aescuven de Stancie et cum ea venerunt quamplures de cognatis et vicinis suis quae coram omnibus dedit Westano staneia et piscationem quam habebat ibi (Liber Elensis, ed Ang. Chr., стр. 133) Въ завѣщаніи, сдѣланномъ Этельрикомъ, мы встрѣчаемъ указаніе на то, что земельныя отчужденія должны быть производимы „cum recto consilio propinquorum“ (Cod Dipl., CLXXXVI).—См другіе однохарактерные факты въ Essays on Anglo-Saxon law, стр. 77. — На существованіе родовой опеки указываетъ слѣдующій текстъ законовъ Ины. буде керль умретъ, оставивъ малолѣтняго сына, ребенокъ отдается на содержаніе и попеченіе матери... Семейный же очагъ поступаетъ подъ попеченіе рода покойнаго до совершеннолѣтія оставленнаго имъ наслѣдника (См. Konrad Maurer, Kritische Ueberschau, т. I, München, 1853 г., стр. 56 и 99).

[2]) Стихъ 2887.

[3]) Essays on Anglo-Saxon law, стр. 74

[4]) *Исторія полицейской администраціи въ Англіи*, гл I.

себѣ полную поддержку и новый стимулъ въ томъ положеніи, какое заняло по отношенію къ тому же началу католическое духовенство. Заинтересованное не менѣе правительства въ обезпеченіи своего собственнаго церковнаго мира и связаннаго съ нимъ права убѣжища отъ ежечаснаго нарушенія того и другого враждующими родами и семьями, духовенство имѣло еще другое основаніе для того, чтобы относиться враждебно къ дальнѣйшему удержанію въ странѣ начала кровнаго единства. Воспитанное въ идеяхъ римскаго права, оно съ трудомъ мирилось съ тѣми препятствіями, какія ставило ему на пути къ пріобрѣтенію недвижимой собственности столь тѣсно связанная съ господствомъ родовыхъ и общинно-семейныхъ союзовъ неотчуждаемость унаслѣдованной отъ предковъ земли. Единичные примѣры непризнанія церковью этого исконнаго германскаго начала попадаются уже весьма рано. Не позже, какъ во второй половинѣ VIII-го вѣка, мы встрѣчаемся уже съ дареніями въ пользу церкви изъ родовой собственности. Недостающее въ этихъ случаяхъ согласіе родственниковъ на совершеніе отчужденія возмѣщается каждый разъ утвержденіемъ акта королемъ и членами витенагемота [1]). Замѣчательно при этомъ, что въ сопровождающей грамоту санкціи говорится не о карахъ земныхъ, а лишь о той отвѣтственности, которая падетъ на родственника, нарушающаго ея постановленія, въ день Страшнаго суда [2]); это обстоятельство объясняется тѣмъ, что ни обычное право, ни свѣтское законодательство англо-саксовъ не предоставляли никакихъ средствъ для принужденія родственниковъ къ подчиненію волѣ завѣщателя.

Если отъ VIII-го вѣка перейти къ XI-му, то и въ это время мы встрѣтимся еще съ фактомъ вознагражденія церковью родственниковъ за отреченіе отъ принадлежащаго имъ права оспаривать дѣйствительность завѣщательнаго распоряженія родовыми имѣніями Мы позволяемъ себѣ утверждать это на основаніи слѣдующихъ данныхъ. Въ грамотѣ, составленной между 1046 и 1060 г., значится, между прочимъ, что

---

[1]) См грамоту 757—775 г., помѣщенную Кэмблемъ подъ № 127. Вотъ что значится въ ней. Ego Coefrithus abbas dono Dei jure paterno haereditario terram meam et haereditatem patris mei Cyneberthi.. cum consensu et licentia Offani regis Merciorum et principum eius et testium, quorum infra inseruntur nomina (Невольно бросается въ глаза сходство перваго изъ этихъ порядковъ съ предписаніями Салической Правды объ affatomia).

[2]) Si quis autem, quod absit, ex parentela mea vel externorum, malevola mente et maligno spiritu instigatus, huius donationis nostrae munificentiam infringere nititur et contraire, sciat se in die tremendo coram summo Deo rationem redditurum (Ibid).

Эльдредъ, епископъ Винчестерскій (Wigornensis episcopus), поставленъ былъ въ необходимость заплатить 8 марокъ золота нѣкоему Аки, который оспаривалъ у него право владѣть имуществомъ, полученнымъ въ даръ отъ его отца Токи и принадлежавшимъ къ родовымъ землямъ послѣдняго [1]). Съ перваго взгляда можетъ показаться, что приведенный фактъ подтверждаетъ только то положеніе, что и въ концѣ англо-саксонскаго періода начало неотчуждаемости родовой собственности пользовалось полнымъ признаніемъ Но если присмотрѣться ближе къ дѣлу, то придется вывести обратное заключеніе. Въ грамотѣ не упоминается о томъ, чтобы дареніе, сдѣланное Аки, получило утвержденіе со стороны короля и витановъ; а только это утвержденіе, какъ мы знаемъ, дѣлало дѣйствительнымъ несогласное съ обычаями распоряженіе родовой землей. Не видно также изъ грамоты, чтобы родственники дали свое согласіе на совершеніе отчужденія Вотъ почему церкви не остается другого выхода, какъ купить у родственниковъ ихъ согласіе, что она и исполняетъ внося 8 марокъ золота наслѣднику и получая отъ него взамѣнъ этого признаніе полной свободы спорной земли «a sua et ab omni parentelae suae haereditaria proclamatione», т. е. свободы отъ какихъ бы то ни было дальнѣйшихъ притязаній родственниковъ на наслѣдованіе. Въ другомъ примѣрѣ подобныхъ же столкновеній церкви съ наслѣдниками дарителя, примѣрѣ, относящемся къ XI вѣку и доставляемомъ намъ анналами аббатства Эли, церковь только потому одерживаетъ верхъ надъ своими противниками, что послѣдніе присутствовали при совершеніи отчужденія. Дѣло происходило такимъ образомъ. Въ 975 г. монастырь получилъ въ даръ прудъ, входившій въ составъ родовыхъ владѣній одной вдовы, по имени Эскувенъ. Отчужденіе произведено было «coram quamplurib̃us de cognatis et vicinis». Пріобрѣтенную такимъ образомъ собственность монастырь отдалъ родственникамъ дарительницы въ арендное держаніе. Пятнадцать лѣтъ эти родственники выполняли свои обязательства, выплачивая монастырю ежегодно въ видѣ ренты двѣ тысячи угрей. На шестнадцатый годъ, годъ кончины короля Эдгара, они отказались отъ дальнѣйшаго выполненія принятаго ими на себя обязательства, ссылаясь на то, что подаренная монастырю земля составляетъ ихъ родовую собственность. Въ виду нежеланія ихъ явиться на судъ, послѣдній, по настоянію аббата, постановилъ противъ нихъ заочное рѣшеніе, по которому присудилъ ихъ къ уплатѣ монастырю аренды за шесть лѣтъ и, сверхъ того, къ штрафу въ пользу короля [2]).

[1]) Cod Dipl., № 805 —Однохарактерный случай приводится въ Liber Eliensis, стр. 109.

[2]) Liber Eliensis, стр 133 и 137.

Разъ мы признаемъ, что церковь шла рука объ руку съ правительствомъ въ ограниченіи начала кровной нераздѣльности, намъ становится понятнымъ, почему англо-саксонскіе законы, бывшіе продуктомъ совокупной дѣятельности свѣтской и духовной власти, не сохранили въ себѣ указаній на существованіе нѣкогда въ средѣ германскихъ завоевателей Британіи нераздѣльно-семейной собственности Несмотря на отсутствіе такихъ указаній, мы не можемъ не признать факта ея первоначальнаго существованія уже въ виду того обстоятельства, что англо-саксонская «гида»,—которая, по свидѣтельству лѣтописца Беды, означала собою первоначально сумму владѣній одной семьи или двора, — состояла, какъ это доказано Мэтлендомъ, среднимъ числомъ изъ 120 акровъ—пространство, слишкомъ значительное для того, чтобы допустить возможность его хозяйственной эксплоатаціи иначе, какъ силами цѣлой «cognatio hominum qui una coierunt.» [1]) Къ тому же, общность владѣнія составляетъ ходячую черту родового быта, господство котораго въ древней Англіи доказывается взаимно пополняющими другъ друга свидѣтельствами. Безъ допущенія такого нераздѣльнаго владѣнія большихъ семей въ отдаленнѣйшій періодъ англо-саксонской исторіи, мы не въ состояніи были бы объяснить происхожденіе родовыхъ имуществъ и хорошо обоснованный фактъ участія родственниковъ въ отчужденіи послѣднихъ. «Аллодъ»—терминъ, нерѣдко попадающійся въ написанныхъ по-саксонски грамотахъ, обозначалъ въ Англіи ту же родовую собственность, что и на континентѣ [2]).

Перейдемъ въ настоящее время къ разсмотрѣнію той категоріи земель, которая источникамъ извѣстна подъ именемъ boc-land или, буквально, «книжной земли».

На протяженіи десятковъ и сотенъ тысячъ акровъ, занимаемыхъ въ отдѣльныхъ королевствахъ «народной землей», на подобіе оазисовъ, попадались и розданныя въ пожизненное, а позднѣе и въ наслѣдственное владѣніе—помѣстья. Благодаря тому, что дошедшія до насъ грамоты, по преимуществу, вышли изъ архивовъ церквей и монастырей, всего

---

[1]) Maitland, Domesday book and beyond, стр. 358. Беда приравниваетъ Hide къ terra unius familiae (Hist. Eccl., lib. 4, cap. 21 (23). Англо-саксонскія грамоты употребляютъ безразлично термины hid и hiwic, но послѣдній значитъ: земля одной семьи.—Мэтлендъ говоритъ: „the typical man of Anglo-Saxon law, the typical householder has a hide, has 120 arable acres“ (стр. 360).

[2]) Chart. Saxon., т. I, № 336.—Завѣщаніе Оснульфа ольдермена, отъ 805—810 г., стр. 459.—См. также грамоту № 273.

бережнѣе хранившихъ документы прошлаго, и что обыкновеннымъ содержаніемъ ихъ служили королевскія и частныя пожалованія, мѣновые акты и купчія, —мы располагаемъ довольно большимъ числомъ, къ сожалѣнію, крайне односторонними свѣдѣній о характерѣ и отличительныхъ признакахъ «бокленда». Прочитывая одинъ за другимъ тѣ сотни документовъ, которые включены Кэмблемъ въ его Codex diplomaticus aevi Saxonici, не легко отрѣшиться отъ мысли, что земли были раздаваемы правительствомъ съ самаго начала въ полную и наслѣдственную собственность. Выраженія, въ родѣ слѣдующаго: dabo ut et ipse prospere possideat et cuicunque placuerit vel se vivente vel obeunte... tradat (даю въ пожизненное владѣніе, съ правомъ для владѣльца передать при жизни или послѣ смерти кому пожелаетъ) [1]), встрѣчаются въ нихъ на каждомъ шагу. Въ то же время, поражаетъ тотъ фактъ, что земли эти оказываются уже занятыми въ моментъ ихъ пожалованія, и не одними рабами (servi) или крѣпкими къ землѣ людьми, glebae adscripti (manentes), но и лицами, которыхъ грамоты называютъ tributarii socmani или allodiarii [2]) и которые въ поземельной описи Вильгельма Завоевателя, или Думсдебукъ всего чаще описываются, какъ liberi homines, свободно располагающіе своею личностью и имуществомъ [3]). Одно изъ двухъ: или король и магнаты дарили то,

---

[1]) Cod. Dipl., №№ 83, 94 и др.

[2]) Въ грамотѣ 675 г. (№ 81) говорится о пожалованіи manentes, тоже въ грамотѣ 672 г (№ 40) и 676 г (№ 14); но въ грамотѣ 680 г., которой король Цедуала надѣляетъ землей Вильфрида епископа, упоминается уже объ уступкѣ ему terram X tributariorum, и то же повторяетъ на разстояніи цѣлыхъ ста лѣтъ, въ 780 г., грамота короля Оффы, располагающая въ пользу одного монастыря землею septies quinos tubutariorum (№ 140). Въ грамотѣ 1060 г Эдуардъ Исповѣдникъ говоритъ о пожалованіи имъ цѣлаго селенія (Kingested) cum LXIV socmannis ad hundretum pertinentibus (№ 809); а въ другой грамотѣ неизвѣстнаго года, выданной тѣмъ же королемъ, идетъ рѣчь о разныхъ правахъ, предоставленныхъ монастырю Св Августина „super omnes allodiarios quos eis habeo datos “ (№ 902).

[3]) Для примѣра приведу слѣдующіе отрывки изъ той части Думсдебукъ, которая относится къ графству Эссексъ: стр. 5: I socmannus reddens soccam in manerio et tamen cum terra sua posset ire quo vellit;—стр. 25: In eadem (terra) tenuerunt XIIII liberi homines XIIII hidae qui possunt recedere sine licentia domini ipsius mansionis... Et hundredus testatur quod ipsi tenebant libere terram suam et tantummodo erant commendati abbati de Ely;—стр. 50: I socmannus tenuit VI acra, potest vendere suam terram, sed soca sua remanebat in manerio;—стр. 59: In Ingehala... Isti supra dicti fuerunt liberi ita quod ipsi possent vendere terram cum soca et saca, quomodo vellent ut hundredus testatur.

что принадлежало другимъ,—а это само по себѣ едва ли возможно,— или они предоставляли лишь право полученія съ поселенцевъ и фактическихъ обработывателей того gafol или tributum, который дотолѣ поступалъ въ казну [1]), и тѣхъ повинностей и службъ, какія отправлялись ими для короля.

Къ счастью, до насъ дошли грамоты, на основаніи которыхъ мы можемъ составить себѣ понятіе о томъ, какова была судьба поселенцевъ послѣ перехода ихъ изъ рукъ казны въ руки надѣляемыхъ ею частныхъ лицъ, церкви или монастыря. Въ грамотѣ, составленной между 901 и 909 г., епископъ Denulfus упоминаетъ о томъ, какъ предшественникъ короля Эдуарда надѣлилъ его и монастырь въ Винчестерѣ землею (terra Beaddinctun), содержащею въ себѣ 70 гидъ,— какъ во время передачи земля эта omni pecunia caruit et pauperibus hominibus erat destituta, — какъ онъ издержалъ на нее собственныя средства (pecuniam meam in ea reparare studii), чтобы сдѣлать возможнымъ существованіе на ней бѣдныхъ поселенцевъ (unde interim pauperes vixerunt).—и какъ въ настоящее время онъ, по просьбѣ короля Эдуарда и съ согласія монастыря, возвращаетъ ее обратно въ руки казны при значительномъ инвентарѣ, состоящемъ изъ крупнаго и мелкаго скота и 90 засѣянныхъ акровъ [2]). Изъ этого любопытнаго документа мы узнаемъ, что съ перемѣною въ лицѣ собственника не разрушалась прежняя связь поселенцевъ и воздѣлывателей съ занятой ими землей. Они продолжали владѣть ею на прежнемъ основаніи, и собственникъ только болѣе или менѣе приходилъ имъ на помощь, снабжая ихъ, смотря по обстоятельствамъ, или достаточнымъ, или недостаточнымъ количествомъ сѣмянъ и рабочаго скота.

---

[1]) Это прямо указано въ нѣкоторыхъ грамотахъ, говорящихъ о пожалованіи того или другого числа tributariorum. Такъ, въ 767 и 770 г., при передачѣ монастырю въ Ворчестерѣ нѣкіимъ Утредомъ regulus, съ согласія короля Оффы, правителя Мерціи, земель tributariorum, каждый разъ объявляется, что онѣ отнынѣ будутъ свободны ab omni tributo parvo vel maiore publicarum rerum, т. е. отъ всякаго взноса въ казну, а также отъ всякаго рода службъ королю, за исключеніемъ падающей на всѣхъ безразлично trinoda necessitas, т. е. сторожевой службы въ крѣпостцахъ и участія въ содержаніи и исправленіи дорогъ и мостовъ (Chartularium Saxonicum, изд Birch, т I, № 202, 204). Всего опредѣленнѣе высказываетъ то же одна грамота 761 г., которая говоритъ о пожалованіи terra aratorum sex in australe parte *vici antiqui* qui appellatur Mundelingeham... *cum omni tributo quod regibus daretur* (№ 190).

[2]) Cod. Diplom., № 1089.

Восполняя односторонніе, какъ было уже замѣчено, свидѣтельства англо-саксонскихъ грамотъ другими, доставляемыми, напримѣръ, частною перепискою епископа Беды, мы приходимъ къ заключенію, что отчужденія правительствомъ права взимать gafol или tributum, — къ этому, какъ мы сейчасъ показали, сводятся земельныя пожалованія, дѣлаемыя изъ фольклэнда [1]),—производимы были не всегда на вѣчныя времена, что часто они могли быть не болѣе, какъ пожизненными. Жалуясь на то, что многія лица свѣтскаго званія за деньги пріобрѣтаютъ отъ королей земли, подъ предлогомъ обращенія ихъ на основаніе новыхъ монастырей, Беда ставитъ этимъ лицамъ въ особую вину то обстоятельство, что они, выражаясь его языкомъ, добиваются признанія за ними королевскими эдиктами наслѣдственнаго права и скрѣпляютъ это послѣднее подписью епископовъ, аббатовъ и свѣтскихъ магнатовъ [2]). Это свидѣтельство не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что Беда смотритъ на наслѣдственное владѣніе, какъ на новшество, и видитъ гарантію этой наслѣдственности не въ чемъ иномъ, какъ въ королевскихъ грамотахъ и въ укрѣпленіи послѣднихъ подписью духовныхъ и свѣтскихъ властей,—откуда прямо слѣдуетъ, что въ прежнее время такія пожалованія не носили наслѣдственнаго характера. Нашъ выводъ находитъ полное подтвержденіе въ слѣдующемъ текстѣ одной англо-саксонской грамоты первой четверти IX-го вѣка: Оффа, жалуется епископъ Вильфридъ, отнялъ землю у братіи, ссылаясь на то, что даровавшій намъ ее король Эгбертъ не имѣлъ права «agros haereditario jure scribere», т. е. жаловать земли въ наслѣдственную собственность [3]).

Мы приходимъ, такимъ образомъ, послѣдовательно къ выводу, что 1) пожалованіе, дѣлаемое королемъ и витанами бо́льшаго или меньшаго числа manentes, tributarii, socmanni или alodiarii означаетъ не болѣе, какъ уступку фискомъ частному лицу, монастырю или церкви—права взимать gafol или tributum съ поселенцевъ, и что 2) такія пожалованія на первыхъ порахъ не носятъ наслѣдственнаго характера. Ближайшее назначеніе ихъ указывается Бедою въ уже упомянутомъ нами письмѣ. Нападая на расточительность, съ какою имѣнія раз-

---

[1]) Эта же мысль обстоятельно развита была въ послѣднее время Мэтлендомъ въ сочиненіи „Domesday book and beyond“, стр. 240 и слѣд.

[2]) Patrologiae cursus completus, Migne, т. 94, стр. 663, epistola ad Ecgbertum, a. 734: insuper in ius sibi haereditarium edictis regalibus faciunt scribi etc.

[3]) См. въ Cod. Dipl. Aevi Sax. № 195 или въ Chartularium Saxonicum грамоту 811 г., заключающую въ себѣ пожалованіе Вильфриду земель въ окрестностяхъ Фолькстона (т. I, № 332, изд. Birch).

даваемы были въ послѣднее время подъ постройку монастырей, корреспондентъ короля Эгберта утверждаетъ, что результатомъ это расточительности является замѣтный недостатокъ въ земляхъ для надѣленія дѣтей лицъ благороднаго происхожденія и заслуженныхъ воиновъ [1]). Обращаю особенное вниманіе на послѣднія слова: въ нихъ наглядно выступаетъ та черта этого рода раздачъ, которая сближаетъ ихъ съ бенефиціальными пожалованіями Карловингскихъ правителей Франціи и нашей помѣстной системой. Въ Англіи, какъ и на континентѣ Европы, какъ и у насъ, земли,—или, выражаясь точнѣе, право получать доходъ съ ихъ воздѣлывателей, въ формѣ періодическихъ платежей,—раздаваемы были въ вознагражденіе за службу не только лицамъ, непосредственно отличавшимся на ней, но и ихъ дѣтямъ—то въ пожизненное пользованіе [2]), то въ пользованіе ряда поколѣній [3]), то, наконецъ, на вѣчныя времена [4]). Собранныя Кэмблемъ грамоты представляютъ не одинъ примѣръ подобнаго рода пожалованій, дѣлаемыхъ королями съ согласія оптиматовъ (optimates), т. е. членовъ витенагемота, въ пользу лицъ служилаго сословія, тановъ королевства. Подобно Карловингскимъ правителямъ Франціи или московскимъ царямъ, англо-саксонскіе короли раздавали обыкновенно населенныя земли, при чемъ занимавшія ихъ ранѣе семьи сохраняли свое прежнее положеніе и не испытывали въ своей судьбѣ другой перемѣны, кромѣ той, что, вмѣсто взноса ренты и натуральныхъ приношеній въ руки фискальнаго чиновника, имъ приходилось отнынѣ исполнять эти обязанности по отношенію къ патримоніальному владѣльцу. Перемѣна въ подсудности могла сопровождать и не сопровождать указанныя измѣненія въ положеніи поселенцевъ, смотря по тому, связывались или нѣтъ съ земельнымъ пожалованіемъ и иммунитетныя льготы.

Свобода распоряженія, какъ общее правило, также не связывалась необходимо съ пожалованіемъ. Въ одной грамотѣ 799 г. въ уста короля Оффы вложено слѣдующее заявленіе: противно праву, чтобы служилый человѣкъ (minister—то же, что танъ) позволилъ себѣ передать

---

[1]) Ut omnino desit locus ubi illi nobilium aut emeritorum militum posses sionem accipere possint (ibid, т 94, стр. 662).

[2]) Примѣры пожизненныхъ раздачъ можно найти въ Chartularium Saxon cum, т. I, грамота № 304, г. 802. ut habeat tamdiu vivat

[3]) Ibid, т. II, № 429, г. 840: in diem trium hominum; № 304—двумъ поколѣніямъ.

[4]) Ibid, т. II, № 431, г. 840. Donatio... Dudan ministro meo (тану) in ius proprium... et post obitum illius qualicumque heredi prout illi placeat.

въ чужую власть безъ королевскаго согласія землю, которую монархъ распредѣлилъ между своими слугами [1]).

Что такое правило не оставалось мертвой буквой, это доказываютъ намъ позднѣйшіе источники, въ которыхъ заходитъ рѣчь объ исходатайствованіи предварительнаго согласія короля на отчужденіе части пожалованнаго имъ имущества, или о спеціально выговоренномъ правѣ обмѣна, или, наконецъ, о передачѣ въ пожизненное владѣніе земли, полученной служилымъ человѣкомъ [2]).

Мы легко можемъ объяснить себѣ теперь фактъ существованія одновременно на одни и тѣ же участки правъ двоякаго рода: съ одной стороны, лицъ, надѣленныхъ правительствомъ правомъ взимать tributum съ поселенцевъ, а съ другой, этихъ послѣднихъ— на фактическое владѣніе землей не только пожизненно, но и наслѣдственно.

Приглядимся поближе къ тому, кто были эти поселенцы и каково было ихъ владѣніе.

Въ правительственныхъ пожалованіяхъ упоминается не разъ объ уступкѣ цѣлой виллы или бо́льшаго или меньшаго числа cassatae и manentes въ ней. Изъ этого прямо слѣдуетъ, что на земляхъ фолькленда люди жили или селами (villae или villatae, иногда vicus) [3]), или хуторами (cassatae), составленными изъ одного или нѣсколькихъ дворовъ. Селенія и хутора заняты были частью лицами свободными, частью зависимыми;— говоря это, я радикально расхожусь съ Себомомъ. Авторъ «Сельской общины въ Англіи» рѣшительно утверждаетъ, что «вилла» англо-саксонскихъ хартій— «помѣстье съ поселенной на ней крѣпостной сельской общиной» [4]). Съ этимъ можно было бы согласиться только въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что вовсе не малочисленныя упоминанія въ монастырскихъ грамотахъ, хроникахъ и земельныхъ описяхъ объ отчужденіяхъ земель такъ называемыми «vicini», «alodiarii» и «socmani» нисколько

---

[1]) Sed harum post modum possessiones terrarum Offa rex et decus Brittaniae inmutavit suisque distribuit ministris dicens injustum fuisse quod minister ejus praesumsisset terram sibi a domino distributam absque ejus testimonio in alterius potestatem dare (Chartularium Saxonicum, т. I, № 293).

[2]) Грамота № 318, 805—831 г.: Ut habeat libertatem commutandi vel donandi in vita sua.

[3]) Chart. Saxon., № 169: in villis et in vicis, а также № 209. О значительномъ числѣ vici въ Англіи см. Мэтлендъ, стр. 333.

[4]) It is perfectly clear then, that what was called a manor or villa both in the West and in the East of England was in fact the estate of a lord with a village community in villenage upon it, стр 127.

не говорятъ въ пользу существованія свободныхъ поселеній, — но этого доказательства Себомъ не привелъ въ своемъ трудѣ. Поэтому намъ остается только указать на недоказанность его положенія и сгруппировать факты, подтверждающіе нашъ взглядъ. Едва ли кто станетъ отрицать, что крѣпостные не въ правѣ продавать землю, на которую они посажены, и что, слѣдовательно, свободное распоряженіе ею само по себѣ доказываетъ, что отчуждающій—не крѣпостной. Если же это такъ, то въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ Liber Eliensis, или хроники аббатства въ Ely, читатели не преминутъ усмотрѣть подтвержденіе того взгляда, что villa англо-саксонскаго періода нимало не отвѣчаетъ представленію о несвободной общинѣ Въ 975 г. аббатъ Леофитъ, какъ сообщаетъ хроника, сдѣлалъ много земельныхъ пріобрѣтеній въ Гелле и Гедергамѣ (по всей вѣроятности, въ предѣлахъ теперешняго Гаденгама), въ томъ числѣ—«emerunt fratres ecclesiae totam ferre terram Alfsii et plurimam acram a villanis pauperioribus ejusdem villae»,—что въ переводѣ значитъ монахи купили все, что принадлежало Эльфзи и много акровъ отъ болѣе бѣдныхъ «вилановъ той же виллы [1]). Въ одной грамотѣ [2]), составленной лѣтъ на десять ранѣе, король Эдгаръ также заводитъ рѣчь объ aliquantula ruris particula vicinis comparata cassatis,—другими словами, о покупкѣ земли у владѣльцевъ сосѣднихъ усадебъ. Ясно, что terra cassatorum, о которой такъ часто упоминается въ грамотахъ [3]), есть не крѣпостная, а свободная земля. Вилланы и, наравнѣ съ ними, такъ называемые cassati продаютъ свои владѣнія, не спрашиваясь никого; слѣдовательно, они не крѣпостные, а свободные. Отъ упомянутаго уже лѣтописца монастырской обители въ Эли мы узнаемъ также, что въ 960 г. настоятель вступилъ въ переговоры о покупкѣ земель съ omnes urbani de Teotford, другими словами, съ гражданствомъ городка Тетфорда, и пріобрѣлъ въ Вильбортунѣ до 70 акровъ отъ Эддинга и, сверхъ того, много другихъ акровъ ab aliis quorum nomina scripto non commendantur. Эти «alii» — опять-таки свободные поселенцы, на этотъ разъ городскіе, а не сельскіе, отчуждающіе землю, какъ лица sui juris, по собственному усмотрѣнію [4]). Если отъ IX-го мы подымемся къ VII-му вѣку, то въ житіяхъ святыхъ этого времени мы найдемъ проведеннымъ строгое различіе между «terra tributariorum» и «terra mansionum», или «mancipiorum»,—такъ напр., въ слѣдую-

[1]) Liber Eliensis. London, 1848 г., v I, стр. 131
[2]) Cod. Dipl., № 1228, гр 960 г.
[3]) Ibid, № 89, гр Этельбальда 716—43 г.
[4]) Liber Eliensis, стр 132.

щемъ отрывкѣ изъ «Vita Wilfridi episcopi auctore Eddio Stephano» [1]: Alchfrithus dedit primum Sancto Wilfritho confessori terram decem tributariorum Aet Stanforda et post paululum coenobium in Hrypis cum terra triginta mansionum (Алхфридъ, или Альфредъ, далъ Св Вильфриду Исповѣднику сперва землю, 10 трибутаріевъ въ Станфордѣ, а затѣмъ, немного спустя, монастырь въ Гриппѣ съ землею, 30 крестьянскихъ усадебъ, mansionum). Тотъ же терминъ «tributarii» противополагается въ напечатанныхъ Кэмблемъ грамотахъ термину manentes [2]) Если manentes, mansionatici, согласно общепринятому пониманію, суть поселенные на земляхъ помѣстья крестьяне, то tributarii, во всякомъ случаѣ—лица высшаго общественнаго состоянія, обложенные, какъ показываетъ самое ихъ названіе, рентою, tributum или gafol, въ пользу казны или лица, которому послѣдняя предоставляетъ право на ея взиманіе.

Наконецъ, переходя даже къ послѣднему столѣтію существованія англо-саксонскаго королевства, мы въ правленіе самого Эдуарда Исповѣдника, т. е. того короля, при которомъ процессъ образованія крупной собственности достигъ своего крайняго выраженія, найдемъ еще указанія на свободныхъ людей, иногда именуемыхъ сокменами; они переселяются изъ одного мѣста въ другое и отчуждаютъ свои земли по усмотрѣнію,—другими словами, совершаютъ тѣ дѣйствія, какія дозволены только человѣку sui juris Таковы тѣ liberi homines, ita quod possent vendere terram cum soca et saca quomodo vellent ut hundredus testatur, о существованіи которыхъ въ Эссексѣ до завоеванія свидѣтельствуетъ Думсдебукъ [3]); тѣ socmanni qui reddunt socam in manerio et tamen cum terra sua possunt ire quo vellint. о которыхъ идетъ рѣчь въ той же книгѣ, а также—въ Inquisitio terrarum Eliensis abbatiae, гдѣ мы читаемъ: potuerunt dare terram suam cui voluerunt atque recedere ad alium hominem, при чемъ за монастыремъ оставляется одно право судить этихъ людей въ собственномъ судѣ, судѣ вотчинномъ [4]);— наконецъ, тѣ «vicini», или сосѣди, о которыхъ въ одномъ мѣстѣ

---

[1]) Historians of the church of York, т I, стр 12

[2]) Такъ, напр., въ грамотѣ № 18, принадлежащей къ VII в.—Въ Chartularium Sax, (т I) можно указать на слѣдующія грамоты № 71 (688 г), № 87 (695 г.), № 100 (687 — 699 г), № 132 (714 г.). Что tributarii и cassati —термины, взаимно покрывающіе другъ друга, видно изъ грамоты за № 64 (683 г), гдѣ за перечнемъ cassatae слѣдуетъ заявленіе: id est XXXII tributariorum.

[3]) Doomsday book, т. I, p. 25, 40, 50, 59 и др.

[4]) Sed socam eorum habuit archiepiscopus или potuerunt recedere sine soca etc. (Inquisitio Eliensis. Ms Cotton. Tiberius A. VI, fol. 71, 75, 89, 98).

«Книги Суда» сказано, что они сообща dederunt in elemosina XXX acra, другими словами, пожертвовали церкви 30 акровъ [1]).

Вотъ, кажется, болѣе, чѣмъ нужно, для того, чтобы воздержаться отъ утвержденія, что свободныя сельскія поселенія не были извѣстны Англіи съ самаго начала ея исторіи, и что маноріальная или помѣстная система утвердилась въ ней съ момента завоеванія ея англо-саксами. Эльтонъ, несомнѣнно, правъ, говоря, что переходъ свободныхъ общинъ въ зависимыя произошелъ весьма рано; но изъ этого не слѣдуетъ еще того, чтобы мы не могли обнаружить даже переживаній болѣе архаическаго порядка, въ которомъ Англія была еще страною свободныхъ общинъ Переживанія эти уцѣлѣли въ достаточномъ числѣ, и только совершеннымъ ихъ игнорированіемъ можно объяснить то, что Сэбомъ рѣшается подвергнуть сомнѣнію [2]) одно изъ основныхъ положеній современной исторіографіи, а именно, что свободные поселяне уступили мѣсто крѣпостнымъ лишь подъ вліяніемъ вѣкового процесса феодализаціи.

Говоря о свободномъ землевладѣніи, я разумѣю подъ нимъ владѣніе общинъ, а не частныхъ лицъ. Надо теперь обосновать этотъ взглядъ фактически и показать, что права на землю принадлежали не частнымъ лицамъ въ отдѣльности, а совокупности обывателей одного и того же селенія.

Начну съ указанія на тотъ фактъ, въ настоящее время едва ли не общепризнанный, что въ предѣлахъ отдѣльныхъ villae и vici семейные надѣлы были равной величины. Это съ одинаковой наглядностью выступаетъ, какъ изъ англо-саксонскихъ законовъ и грамотъ, такъ и изъ земельной описи, предпринятой по распоряженію Вильгельма Завоевателя. Составители грамотъ, очевидно, не стали бы обозначать отчуждаемую землю числомъ manentes, cassatae или tributarii, употреблять выраженія, въ родѣ terra triginta manentium, terra decem tributariorum или decem et septem mansae, viginti cassatae или quadraginta manentes и т. д. [3]),—если бы въ предѣлахъ одного и того же селенія надѣлъ одного manentis или tributarii не равнялся надѣлу другого, и одинъ дворъ (mansus или cassata) не владѣлъ такимъ же пространствомъ, какъ и другой. Въ свою очередь, англо-саксонскіе законы, начиная съ законовъ Ины, постоянно указываютъ на существованіе

---

[1]) Думсдебукъ, p 24, т I

[2]) There seems no room for the theory that the saxons introduced every where free village communities on the system of the german „mark", which afterwards sank into serfdom under manorial lords (стр 179)

[3]) Cod Dipl., № 6, 9, 13, 14, 15, 18, 24, 27, 33 и др

нормальнаго надѣла, который и обозначаютъ англо-саксонскимъ терминомъ—«гида» (hid) [1]) Одно и то же лицо можетъ соединить въ своихъ рукахъ нѣсколько такихъ «гидъ», сдѣлаться владѣльцемъ 3, 5, 6, 10, 12 и даже 20, или же, наоборотъ, размѣръ его владѣнія можетъ понизиться до половины одной гиды, и въ этомъ случаѣ уменьшится соотвѣтственно платимая за его убійство вира Во всѣхъ случаяхъ масштабомъ для измѣренія величины личнаго надѣла служитъ одна и та же единица надѣла [2]). Очевидно, что такой порядокъ можетъ найти свое объясненіе только въ первоначальномъ равенствѣ семейныхъ участковъ и въ возникновеніи имущественныхъ различій путемъ соединенія воедино нѣсколькихъ надѣловъ или дробленія одного и того же надѣла на части Rectitudines singularum personarum—эти первыя по времени записи крестьянскихъ повинностей и платежей—также указываютъ косвенно на равенство надѣловъ, когда говорятъ о равенствѣ службъ и приношеній, которыми обязаны вилланы въ отношеніи помѣщика въ предѣлахъ одного и того же имѣнія [3]). Наконецъ, Думсдебукъ, описывая подробно современную ему маноріальную систему, на каждомъ шагу рисуетъ намъ виллановъ, какъ владѣльцевъ равныхъ участковъ [4]).

Къ равенству надѣловъ надо присоединить еще слѣдующую черту, важную для опредѣленія ихъ происхожденія и поставленную теперь внѣ сомнѣнія, благодаря изслѣдованіямъ Сэбома. Я разумѣю то, что земли, входившія въ составъ одного и того же надѣла, не лежали сплошною массой, а были разбросаны по разнымъ полямъ и «конамъ». Вотъ что говоритъ по этому поводу авторъ «Англійской сельской общины». «Каковъ бы ни былъ предметъ даренія, цѣлая вилла или только нѣкоторые участки въ ней, англо-саксонская грамота одинаково довольствуется указаніемъ границъ всей виллы. Едва ли этому факту можно подъискать иное объясненіе, какъ то, что земли, входившія въ составъ надѣловъ, не лежали въ одной площади, границы которой легко было бы обозначить, а разсѣяны были узкими полосами, въ перемежку съ землями другихъ надѣловъ. Прямое подтвержденіе сказанному даетъ намъ одна грамота короля Этельреда, въ которой значится, что границы отчуждаемой земли не могутъ быть обозначены, quia jugera

---

[1]) Anglo-Saxon laws—The laws of Alfred, стр 31.—The laws of Ine, ст. 32 (стр. 53), ст. 63 (стр. 92), ст. 67 (стр 63)

[2]) См., что говоритъ на этотъ счетъ Мэтлендъ (стр. 357 и слѣд).

[3]) Thorpe, Anc. laws, стр 185 —Schmid, Gesetze der Anglo-Saxen, Anhang.

[4]) См. описаніе любого помѣстья въ Думсдебукѣ. Ср, что говоритъ объ этомъ Ellis, Introduction to Domesday.

altrinsecus copulata adjacent» [1]) Не удивительно послѣ этого, что въ англо-саксонскихъ документахъ говорится, какъ къ тому или другому участку adjacent plurima confinia viculorum. Ничего иного нельзя было бы и ждать при той разбросанности полосъ одного и того же надѣла на протяженіи всей принадлежащей къ селу площади, о которой только что шла рѣчь. Этимъ также объясняется, почему обмѣнъ владѣній составляетъ обычную заботу аббатовъ, этихъ, такъ сказать, «собирателей» монастырской земли [2]).

Сэбомъ видитъ объясненіе указанной имъ же самимъ разбросанности полосъ—въ системѣ тогдашняго хлѣбопашества, которая, будто бы, состояла въ употребленіи при оранкѣ тяжелаго плуга съ восьмиголовой впрягой, при чемъ владѣлецъ четвертой части гиды, иначе, виргаты, доставлялъ для общей вспашки двухъ быковъ, а владѣлецъ боваты, иначе, половины виргаты, одного быка. Каждый получалъ свою полосу изъ вспаханнаго сообща поля, бо́льшую или меньшую, сообразно числу поставленныхъ имъ быковъ. Но, чтобы доказать существованіе подобной системы, надо привести соотвѣтственныя данныя изъ англо-саксонскаго быта. Такихъ данныхъ, однако, не имѣется Взамѣнъ ихъ, Сэбомъ ссылается на практику этой системы хлѣбопашества въ Уэльсѣ, что едва-ли доказательно, такъ какъ англо-саксонскіе источники дѣлаютъ прямые намеки на то, что оранка производилась поселянами врозь. каждый орудовалъ своимъ плугомъ и держалъ собственное ярмо, при недостаткѣ котораго бралъ на прокатъ чужое [3]). Въ одномъ изъ житій, написанныхъ въ первой половинѣ VIII-го вѣка и принадлежащемъ перу епископа Беды, Св. Куитбертъ восхваляется, между прочимъ, за то, что, взявъ въ руки плугъ, захотѣлъ, подобно другимъ, вспахать отведенный ему участокъ [4]). Въ иллюстраціяхъ къ одной англо-саксонской рукописи,

---

[1]) Cod. Dipl., a 982, № 632, стр 384.

[2]) Въ жалованной грамотѣ архіепископа Вильфрида отъ 811 года мы читаемъ Has itaque terras ideo collegere et simul ita in unum coniungere eximiae caritatis industria curavi ut facilius elaborare ac desudare sua propria in illis potuissent quasi adunate unius termini intercepta conclusi.

[3]) The laws of King Ine (Anglo-Saxon Laws, стр 61) of a pured yoke, ст. 60 — The ceorl who has hired another's yoke, if he have to pay wholly in fodder, let that be looked to, let him give it wholly. If he have not, let him pay half in fodder and half in other goods

[4]) Beda, Historia ecclesiastica, т. II, стр. 87, a 676: Rogavit adferri sibi instrumenta quibus terram exerceret... proprio manuum labore vivere magis aptum ducebat

входящей въ составъ собранія Гарле въ Британскомъ музеѣ, изображенъ плугъ съ впряженной въ него парою быковъ [1])

Такимъ образомъ, теорія Сэбома о существованіи у англо-саксовъ тяжелыхъ плуговъ и обычая совмѣстной впряги опирается на рядѣ ничѣмъ не подтверждаемыхъ гипотезъ. Первая бриты, подобно позднѣйшимъ обитателямъ Уэльса, практиковали систему общей вспашки. Доказательствъ—никакихъ. Вторая: римляне заимствовали у бритовъ эту систему. Опять бездоказательно Третья: англо-саксы практиковали систему по образцу римлянъ и бритовъ. Въ подтвержденіе приводится, что въ англо-саксонскихъ грамотахъ встрѣчаются термины, употребительные позднѣе при общей вспашкѣ, напр., furlongs, garaecer; но это, какъ я сейчасъ покажу, свидѣтельствуетъ о совершенно иномъ.

Въ странахъ, въ которыхъ, какъ въ Великороссіи, существуетъ общинное землевладѣніе, равенство надѣловъ и разбросанность полосъ нимало не связаны съ системой мірской вспашки, которая предполагается теоріей Сэбома. Каждая крестьянская семья собственными силами и средствами обрабатываетъ свой надѣлъ Въ опредѣленные сроки производятся такъ называемые коренные передѣлы,— другими словами, земля, способная идти подъ посѣвъ, дѣлится по душамъ, обыкновенно наличнымъ, а не ревизскимъ, или по дворамъ; земля эта, всего чаще, не лежитъ сплошною массою, а расположена въ нѣсколькихъ, по выраженію крестьянъ, «конахъ». Рядъ семей получаетъ свои надѣлы въ кону, такъ что послѣдній дѣлится на бо́льшее или меньшее число равныхъ по величинѣ полосъ. Нечего и говорить, что при такомъ способѣ хозяйничанія частныя загороди не мыслимы. Вотъ самое сжатое и неполное, конечно, описаніе господствующей у насъ земельной системы. Сравнимъ ее теперь съ тою, отрывочныя указанія на которую даютъ намъ англо-саксонскія грамоты.

Мы видѣли уже, что у англо-саксовъ, какъ и у нашихъ крестьянъ, равенство надѣловъ и разбросанность полосъ являются общимъ правиломъ. Сэбомъ съ большой обстоятельностью собралъ всѣ указанія, какія содержатъ въ себѣ англо-саксонскіе источники на коны и полосы. Первые извѣстны грамотамъ подъ названіемъ furlongs, вторыя—goran или garaecer [2]).

---

[1]) Gomme, Village community, стр. 284.

[2]) Historia monasterii de Abingdon, т. I, стр. 57.—Codex Dipl., т. III, Appendix, № 585.—Ср. Seebohm, стр. 105—110.

Впрочемъ, конъ принадлежитъ иногда цѣликомъ и одному лицу. Отсюда нерѣдкое обозначеніе furlong именемъ того или другого частнаго владѣльца-округлителя, такъ, въ селеніи Tatlestreow мы встрѣчаемъ выраженіе: Rahulfes furlong, т. е. «конъ» Раульфа, который, по всей вѣроятности, избѣжалъ чрезполосицы путемъ обмѣновъ съ односельчанами [1]).

Но не одна пахоть раздѣляется обыкновенно на полосы. гдѣ имѣются отдѣльные отъ пастбищъ сѣнокосы, тамъ и лугъ, состоя въ общемъ пользованіи, дробится, въ то же время, на столько частей равной величины, сколько состоитъ участниковъ въ общемъ владѣніи. Очевидно, что такихъ луговъ можетъ быть нѣсколько на протяженіи сельской территоріи, и что въ такомъ случаѣ каждый общинникъ будетъ имѣть свою полосу въ каждомъ изъ нихъ. Прямое указаніе на такой порядокъ вещей мы находимъ въ законахъ короля Ины, постановляющихъ, что въ случаѣ, если нѣсколько керлей, т е. поселянъ, призваны провести огорожу вокругъ общаго луга или другой подлежащей раздѣлу земли, и одни исполнятъ свою обязанность, а другіе не исполнятъ, то за всякую потраву, причиненную зашедшей скотиной травѣ или хлѣбу, не сдѣлавшіе ограды обязаны вознаградить тѣхъ, кто сдѣлалъ ее, удерживая, въ то же время, за собою право искать вознагражденія съ владѣльца скота [2]).

Приведенная статья интересна для насъ не только потому, что указываетъ на существованіе въ англо-саксонскій періодъ общихъ луговъ, но также потому, что она содержитъ въ себѣ прямое упоминаніе объ общей пахоти; очевидно, что такую именно мірскую землю разумѣютъ законы Ины, говоря о «хлѣбѣ», растущемъ на подлежащей раздѣлу площади. Изъ этой же статьи видно, что во время ея составленія общее владѣніе пахотью было уже не болѣе, какъ исключеніемъ; иначе, законодатель не сталъ бы упоминать о фактѣ совладѣнія керлей, какъ о возможномъ только случаѣ. Одновременныя англосаксонскія грамоты укрѣпляютъ насъ въ убѣжденіи, что приводимый Иною случай повторялся далеко не часто. онѣ на каждомъ шагу упоминаютъ о земляхъ одного или нѣсколькихъ плуговъ, какъ объ имѣющихъ опредѣленныя границы. Онѣ говорятъ также о лицахъ, хозяйничающихъ обособленно отъ другихъ (solicoli) [3]).

---

[1]) Cod. Dipl, т. VI. № 1367

[2]) Thorpe, ст. 42 законовъ Ины. На чрезполосное владѣніе лугами указываютъ также нѣкоторыя грамоты. Такъ, въ одной грамотѣ 845 г. (№ 449) читаемъ: in media urbanorum pratorum.

[3]) Chart Sax, № 245, 304 и 257. Въ послѣдней упоминается terra unius

Но если кое-гдѣ встрѣчается индивидуальное владѣніе уже въ VIII вѣкѣ, а можетъ быть, и ранѣе, во времена короля Ины, то остается еще далеко не рѣшеннымъ, существовало ли оно съ самаго начала, или свобода отчужденій, отличающая англо-саксонскую систему отъ великорусской, была не болѣе, какъ позднѣйшимъ новшествомъ.

Уже равенство участковъ, разбросанность полосъ и невозможность земельныхъ округленій иначе, какъ путемъ частныхъ обмѣновъ, указываютъ на то, что крестьянскія владѣнія—тѣ же надѣлы, только не временные, а постоянные.

Ихъ отличіе отъ великорусскихъ лежитъ въ отсутствіи передѣловъ и свободной отчуждаемости. Но передѣлъ, какъ мы видѣли, не есть существенный признакъ общиннаго владѣнія. Что же касается второго отличія, т е. свободы крестьянина распоряжаться своимъ паемъ, то мы немедленно постараемся обосновать нашу мысль, что эта черта была чужда сельскому землевладѣнію англо-саксовъ въ первое время и введена въ ихъ жизнь подъ непосредственнымъ вліяніемъ духовенства. Нечего говорить, что прямыхъ указаній на этотъ счетъ мы не имѣемъ, и что наше мнѣніе есть не болѣе, какъ выводъ изъ цѣлаго ряда послѣдовательныхъ умозаключеній, на которыя наводятъ факты англо-саксонской жизни. Вотъ эти факты

Въ не разъ уже упомянутомъ мною письмѣ Беды къ королю Эгберту значится, что за послѣднія 30 лѣтъ, т. е. съ самой кончины короля Нортумберландскаго Альфреда, послѣдовавшей въ 705 г, не было правителя (praefectus), который не купилъ бы себѣ монастыря во время управленія имъ провинціей и не побудилъ къ совершенію такой же покупки свою жену; то же можетъ быть сказано о совѣтникахъ и слугахъ короля (ministri regis ac famuli). Въ монастыряхъ этихъ (говоритъ Беда въ другомъ мѣстѣ) построивше ихъ «suae iberius vacent libidini» и не имѣютъ даже отдаленнаго представленія о томъ, въ чемъ состоитъ монашеская жизнь [1]). Но что могло бы

aratri cum certissimis limitibus .. fossa circumdata et exinde septs quaedam etc. (789 г); — terminos vero hujus terrulae ideo non ponimus quoniam ab accolis undique certi sunt (№ 96, a. 697).

[1]) Sic per annos circiter triginta, hoc est ex quo Aldfrid rex humanis rebus ablatus est, provincia nostra Vesano ille errore dementata est ut nullus pene exinde praefectorum exstiterit qui non hujusmodi sibi monasterium in diebus suae praefecturae comparaverit suamque simul conjugem pari reatu nocivi mercatus astrinxerit, ac praevalente pessima consuetudine ministri quoque regis ac famuli idem facere sategerint Atque ita ordine perverso innumeri sint inventi qui se abbates pariter et praefectos sive ministros aut famulos regis appellant, qui etsi aliquid vitae monasterialis ediscere laici non experiendo,

заставить свѣтскихъ магнатовъ покупать монастыри, если бы отъ нихъ доброй воли зависѣло пріобрѣтать имѣнія? Если они дѣлали это, то только потому, что заведеніе монастыря было единственнымъ способомъ, которымъ частное лицо могло сосредоточить въ своихъ рукахъ бо́льшій или меньшій комплексъ наслѣдственныхъ земель, при условіи подтвержденія сдѣланнаго пріобрѣтенія со стороны короля и епископовъ,—чѣмъ, естественно, обходилось дѣйствіе закона, не допускавшаго безповоротнаго отчужденія земли Но разъ свѣтскіе магнаты въ погонѣ за землею должны были обращаться къ тѣмъ самымъ пріемамъ, какими пользовалось духовенство, то не есть ли это лучшее доказательство того, что свобода отчужденій была введена впервые въ интересахъ духовенства, и дѣйствіе ея ограничена на первыхъ порахъ только его средою?

Источникомъ, изъ котораго духовенство заимствовало начало отчуждаемости недвижимой собственности въ Англіи, какъ и на континентѣ, было римское право [1]). Послѣднее, какъ было уже сказано, регулировало земельныя отношенія духовенства въ эпоху, предшествовавшую нашествіямъ англо-саксовъ Выдающееся положеніе, высшихъ іерарховъ при дворѣ англо-саксонскихъ правителей, которыхъ они были ближайшими совѣтниками, дѣлало возможнымъ для нихъ прямое воздѣйствіе на законодательство въ смыслѣ, благопріятномъ введенію въ туземное право нѣкоторыхъ началъ римскаго. Присутствіе этихъ началъ въ англо-саксонскихъ законахъ несомнѣнно равенство женщинъ съ мужчинами при раздѣлѣ наслѣдства, столь противное германскимъ юридическимъ воззрѣніямъ, могло явиться въ англо-саксонскихъ законахъ не иначе, какъ въ силу заимствованія изъ римскаго права [2]). Несомнѣнно также, что Бенедикты, Вильфриды, Дунстаны и Беды были прямыми или косвенными виновниками торжества этого законодательства. Не даромъ же одного изъ нихъ, Св. Дунстана, житіе называетъ quasi rex et regis imperator [3]) Удивительно ли, послѣ этого, что и англо-саксонское законодательство получило отъ этихъ іерарховъ свой особый отпечатокъ, и что, въ частности, земельное право англо-саксовъ признало сравнительно рано

---

sed audiendo potuerint a persona tamen illa ac professione quae hanc docere debeat sunt funditus exsortes (Patrologiae cursus completus, Migne, т. 94, стр. 664).

[1]) Ср. Essays on Anglo-Saxon law, стр 101

[2]) Essays on Anglo-Saxon law.

[3]) Vita S. Dunstani auctore Osberno (XI в.). Memorials of s Dunstan, edited by W Stubbs, стр. 95

чуждое германскому начало свободнаго распоряженія недвижимостью, безъ чего не мыслимъ былъ бы быстрый ростъ церковной собственности?

Послѣдствіемъ чрезполоснаго владѣнія пахотями и сѣнокосами у англо-саксовъ, какъ и у континентальныхъ нѣмцевъ, было право свободнаго прогона стадъ по снятіи урожаевъ. Съ X-го вѣка и почти до нашихъ дней практиковалась и практикуется въ Англіи система выпаса сельскаго стада на частныхъ лугахъ по окончаніи покосовъ. Въ англо-саксонскій періодъ это было общимъ правиломъ, въ наше время это—особенность такъ наз. lammas meodows,—названіе, происходящее отъ обозначенія въ народномъ календарѣ именемъ lammas day того дня, съ котораго открывается право на такой свободный выпасъ [1]).

Это право — послѣднее въ ряду правъ, сохраняемыхъ за собою прежними общинниками Происхожденіе его неразрывно связано съ общиннымъ владѣніемъ, какъ это показываетъ примѣръ Великороссіи, гдѣ оно уживается рука объ руку съ системой «коновъ», «полосъ» и разсѣянностью участковъ, входящихъ въ составъ частнаго надѣла

Лишнее указаніе на то, что англо-саксамъ было извѣстно въ первое время общинное владѣніе сосѣдей, даютъ намъ и современные обычаи нѣкоторыхъ англійскихъ помѣстій, признающіе за сосѣдями право предпочтительной покупки отчуждаемаго копигольда [2]), — этого, по своему источнику, крестьянскаго держанія.

Намъ предстоитъ теперь доказать то положеніе, что и при отсутствіи передѣловъ крестьянское землевладѣніе въ англо-саксонскій періодъ было общиннымъ

Сэбомъ въ одномъ мѣстѣ своей книги, повидимому, признаетъ существованіе на первыхъ порахъ періодическихъ разверстокъ «Многія данныя—говоритъ онъ—наводятъ на мысль, что дворовые участки нѣкогда состояли не изъ однѣхъ и тѣхъ же полосъ, но что ежегодно новыя полосы въ опредѣленные напередъ сроки отводимы были крестьянамъ въ извѣстномъ порядкѣ преемства» [3]). На это я замѣчу что мнѣ неизвѣстны данныя, о которыхъ говоритъ Сэбомъ. Отдача церкви урожаевъ съ десятаго акра, предписываемая законами Этельреда (978—1016 г.) [4]), могла бы быть, пожалуй, приведена въ доказа-

---

[1]) См Birkbek, Sketch of the distribution of land in England, стр 19

[2]) Case of Kowles versus Mason (Browne, II, стр. 132. II, стр. 85 и 192).— Elton, Origins, стр. 404.

[3]) Стр. 113.

[4]) Et praecipimus ut omnis homo... det cyricsce attum et rectam decimam suam· ..hoc est, sicut aratrum perarrabit decimam acram.

тельство существованія передѣловъ, если бы эта мѣра не относилась только къ землямъ, состоявшимъ въ личномъ завѣдованіи глафордовъ или помѣщиковъ,—къ землямъ, на протяженіи которыхъ она могла быть выполнена свободно въ томъ буквальномъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ ее Сэбомъ. На земляхъ же крестьянскихъ, какъ это видно изъ англо-саксонскихъ законовъ и Думсдебука [1]), церковь и мѣстный причтъ имѣли свои надѣлы, разъ навсегда установленные и неизмѣнные. Въ Эксцерптахъ архіепископа Эгберта (735—766 г.) значится, что церкви долженъ быть отведенъ полный надѣлъ (mansus); согласно этому, во многихъ мѣстностяхъ въ эпоху Эдуарда Исповѣдника духовенству нарѣзана была земля въ опредѣленномъ размѣрѣ; оно, какъ выражается Думсдебукъ, получало землю in elemosina, т. е. въ даръ, отъ vicini, сосѣдей, членовъ общины.

Если англо-саксамъ передѣлы не были извѣстны, то это нисколько не подрываетъ того положенія, что крестьянское землевладѣніе у нихъ было не частнымъ, а общиннымъ. Я упомянулъ уже о томъ, что на нашемъ Сѣверѣ долгое время держалась особая система владѣнія, которую г-жа Ефименко называетъ долевой, и подобіе которой представляетъ доселѣ удержавшееся въ Курской или Рязанской губерніи четвертное землевладѣніе [2]). Этой системѣ неизвѣстны періодическіе передѣлы. Характерныя особенности ея состоятъ въ томъ, что каждая семья владѣетъ не опредѣленнымъ участкомъ земли, а идеальною долей во всѣхъ сортахъ почвы, входящихъ въ составъ общинной территоріи. Въ ту эпоху, съ которой начинается наше знакомство съ этой системой, доли владѣльцевъ подлежатъ уже свободному отчужденію сполна или отчасти, продаются, мѣняются, закладываются. Пріобрѣтающій ихъ получаетъ право не на опредѣленныя земли, а на бо́льшій или меньшій пай въ отдѣльныхъ «конахъ». Новые поселенцы изрѣдка «припускаются», какъ значится въ актахъ, къ такому долевому владѣнію, въ этихъ случаяхъ, если свободной земли не достаетъ для новыхъ общинниковъ, производятся нѣкоторыя перемѣны въ существующей нарѣзкѣ,—другими словами, имѣетъ мѣсто частный передѣлъ, который, какъ это уже видно изъ сказан-

---

[1]) Ad ecclesiam hujus manerii jacent XXX acra quos vicini dederunt in elemosina (Doomsdaybook, Essex, стр. 24). Что же касается до десятины, то она, какъ видно изъ того же Думсдебука, нерѣдко платилась деньгами—et de decima villanorum 46 denarii (Wallope Hants).

[2]) *Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Курской губ.*, Москва 83 г., вып 1, стр. 45 и слѣд. — Панкѣевъ, *Четвертное землевладѣніе* (*Русск. Мысль*, 1886, кн. 2).

наго, не носитъ характера чего-то постояннаго и періодически повторяемаго, а является фактомъ случайнымъ, вызываемымъ непредвидѣнными обстоятельствами. Владѣльцами долей признаются не частныя лица, а всѣ живущіе въ одномъ дворѣ, другими словами, семьи Одна семья можетъ соединить въ своихъ рукахъ нѣсколько долей, другая потерять даже часть принадлежавшей ей нѣкогда полной доли. Числомъ долей, какимъ владѣетъ каждая семья, опредѣляется размѣръ ея пользованія въ общихъ угодьяхъ; кто имѣетъ «двѣ доли орамыхъ земель и пожень», тотъ имѣетъ и «двѣ доли угодій» и т. п. [1]).

Спрашивается теперь, представляетъ ли эта система какое-либо сходство съ той, какая выступаетъ изъ дошедшихъ до насъ данныхъ объ англо-саксонскомъ землевладѣніи? — Сходство обѣихъ, по нашему мнѣнію, доходитъ до тождества. Какъ въ русской долевой системѣ, такъ и въ англо-саксонской — размѣръ каждаго частнаго владѣнія не опредѣленъ разъ навсегда и неизмѣнно: любая семья, любой дворъ, «mansus», владѣетъ не болѣе, какъ идеальной долей сельской территоріи,—что на практикѣ сводится къ занятію дворомъ той или другой полосы (goran) въ томъ или другомъ кону (furlong), иногда нѣсколькихъ полосъ и, притомъ, подчасъ въ нѣсколькихъ конахъ. Какъ и въ Архангельской губ., владѣлецъ одной доли можетъ присоединить къ ней со временемъ цѣлый рядъ другихъ, откуда, между прочимъ, различіе между twelve и six hyndeman; онъ можетъ также потерять путемъ отчужденія половину своей доли и сдѣлаться владѣльцемъ dimidiae virgatae. Неравенство, при этомъ, увеличивается еще потому, что владѣльцами признаются не «души», а «дымы»— mansi. Признаніе этого неравенства дѣлаетъ въ принципѣ ненужными періодическіе передѣлы; перемѣна въ нарѣзкѣ можетъ произойти только случайно, если община согласится принять новаго поселенца, и для надѣленія его землею не хватитъ никѣмъ еще не воздѣланнаго поля. Подобно русскимъ «долямъ», англо-саксонскія «mansiones» отчуждаемы, если не въ первоначальную, то въ историческую эпоху жизни этого племени. Наконецъ, какъ въ Архангельской губерніи владѣющія долями семьи допускаются къ пользованію и угодьями, такъ у англо-саксовъ «mansionatici»—общинные пользователи по отношенію къ лѣсу, пастбищу и выгону. Грамоты VII, VIII и IX вѣковъ, говоря о надѣленіи кого-либо цѣлымъ помѣстьемъ или хуторомъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ дворовъ (villula manentium или tributariorum), или даже однимъ или нѣсколькими манзами, однообразно при-

---

[1]) См. „*Изслѣдованія народной жизни*“, т. I, Обычное право, стр. 223—227.

соединяютъ: заодно съ лѣсами, пастбищами, болотами и рѣками (cum pascuis et silvis, paludibus, fluminibus) [1]), или помѣстью и селенію тому (villa et vicus) принадлежатъ лѣсъ и болото [2]) или выпасъ въ пустоши [3]), право рубить дрова для топлива и добывать матеріалъ для построекъ (ligna ad cedendum ad edificium seu ad comburendum), иногда указано и самое количество вывоза: сто пластинъ, или сколько двѣ подводы могутъ поднять ежегодно (C plaustra et duos carros ambulantes per annum) [4]). Въ числѣ пользованій стоятъ и рыбные уловы, въ такомъ, напримѣръ, размѣрѣ, сколько одинъ рыболовъ можетъ наловить въ годъ (unius hominis piscatum) [5]) Всѣ эти права пользованія разсматриваются, какъ принадлежности пашенъ. Это слѣдуетъ изъ выраженій, въ родѣ: tradidi omnes terras sationales (т. е. засѣваемые участки) cum pratis, campis, silvis, fontanis vel mariscum cum omnibus ad supradicta terra arratrorum trium pertinentia [6]). Обилие угодій позволяетъ иногда дарителю выговорить себѣ право посылать свиней въ лѣсъ въ годы, когда уродится жолудь (ut si quando proventus copiosior glandis acciderit), но съ спеціальной оговоркой, что подобнаго преимущества, помимо него, не долженъ имѣть ни одинъ правитель (et praeter hoc nulli neque principi neque praefecto neque tiranno alicui pascua constituantur) [7]).

Для общиннаго выпаса употребителенъ иногда терминъ communa pasturae съ прибавкой, что въ этой послѣдней участвуютъ всѣ жители, собственникъ помѣстья и зависимые владѣльцы, поселенные въ данной мѣстности. Всѣ могутъ посылать на пастбище всякаго рода животныхъ [8]). Уступается нерѣдко и принадлежащая дарителю часть въ выпасѣ (partem juris mei ad pascendum) съ указаніемъ числа животныхъ, которыхъ онъ въ правѣ былъ высылать на общій выгонъ (напр., CL iumentorum) [9]). Угодья не всегда пріурочены къ одному помѣстью. Не о всѣхъ сказано. villae subjacent pascua, prata, arida irrigua, simul et silvestria loca [10]). Весьма часто къ лѣсамъ и болотамъ примыкаетъ рядъ

---

1) Chart. Saxon., т I, № 6, 35, 111, № 267, г. 793.
2) Ibid, № 365
3) Ibid, № 263.
4) Ibid., № 247.
5) Ibid., № 247.
6) Ibid., № 67.
7) Ibid, № 116
8) № 133: cum comina (sic) pasturae sibi et hominibus suis sive tenentibus suis secum ibidem moram facientibus (716 г.).
9) № 160
10) № 185.

хуторовъ (villulae), помѣстій и селеній (villae et vici), жители которыхъ—каждый въ предѣлахъ необходимости—пользуются этой, можно бы сказать, нераздѣльной маркой Такъ, въ жалованной грамотѣ короля Алдульфа Суссекскаго въ пользу графа Гунлабъ, отъ второй половины VII вѣка, — territoria silvarum, гдѣ допущено пользованіе дровами и выпасомъ, являются принадлежностью цѣлыхъ трехъ мѣстностей: Stammer, Lindfield и Burleigh; всѣ три расположены въ предѣлахъ одного и того же графства Суссексъ [1]). Что съ владѣніемъ лѣсной площадью (silvaticia) [2]) связано и право помѣщика производить очистки, это видно изъ того, что грамоты считаютъ иногда тѣ или другія земли только способными (capaces) включить въ себя то или другое число манзовъ; онѣ говорятъ о возможности основанія этихъ манзовъ въ мѣстностяхъ, болѣе или менѣе свободныхъ отъ древесной поросли (uti silvarum necessitas haberetur) [3]). Послѣдній текстъ бросаетъ неожиданный свѣтъ и на вопросъ о лѣсныхъ хуторахъ. Они возникали не въ самой чащѣ лѣса, а, такъ сказать, на его полянкахъ или «лысинахъ» [4]); Тогда какъ общность выпаса передается терминомъ comuna pasturae, совмѣстное пользованіе пустошью съ древеснымъ насажденіемъ или безъ него обозначается словомъ commune saltus [5]); та же часть его, которая, благодаря присутствію дубовъ, служила выпасомъ для свиней, слыветъ подъ именемъ denbera. Въ пожалованіи, сдѣланномъ Этельвульфомъ, королемъ Кента и Вессекса, въ пользу служилаго человѣка или тана Этельмода въ 843 г., прямо сказано: pastus porcorum in nostra saxonica lingua denbera vocantur [6]).

Мы видѣли, что при распространенности системы открытыхъ полей нѣкоторыя пашни лежали особнякомъ, окруженныя рвомъ и заборомъ. Тотъ же процессъ индивидуализаціи коснулся и нѣкоторыхъ лѣсовъ,—такъ что съ середины IX вѣка въ грамотахъ уже заходитъ рѣчь о singularis silva [7]). Но эта послѣдняя составляетъ еще рѣдкое исключеніе, очевидно, въ виду того, что обиліе древесныхъ

---

1) № 197
2) № 198
3) № 89.
4) iuxta silva (№ 343, a. 814) — О томъ или другомъ числѣ дворовъ (cassatae) ruris silvatici говорится въ грамотахъ № 123 (704—9 г.) и № 164 (716—743 г).
5) № 303
6) Chart Sax, т II, стр. 18, № 442
7) Ibid, № 442

насажденій, та densitas silvarum, о которой мы уже упоминали, не требовала выдѣла частныхъ рощъ изъ saltus comune. Въ одной грамотѣ 833 г. лѣсъ прямо предполагается состоящимъ въ общинномъ пользованіи двоякаго рода. съ одной стороны, онъ служитъ общимъ пастбищемъ (ad perfruendum in communi pastura), а съ другой, доставляетъ матеріалъ для построекъ (communio silvae ad operandum). Данное лицо пользуется имъ въ обоихъ отношеніяхъ, подобно тому, какъ это дѣлаютъ другіе люди на такого же рода земляхъ (sicut alii homines in consimili terra) [1])

Какія же причины вызвали къ жизни только что описанную систему землевладѣнія?

Я имѣлъ уже случай замѣтить, что древнѣйшія поселенія англо-саксовъ носили родовой характеръ, и что нераздѣльность и неотчуждаемость семеинаго достоянія стали исчезать, благодаря вліянію духовенства. Законодательство и позднѣйшіе обычаи такихъ графствъ, которые, какъ, напр., Кентское, всего менѣе были затронуты вліяніемъ норманскихъ феодальныхъ порядковъ, показываютъ, что наслѣдственное право англо-саксовъ основывалось на началѣ равнаго раздѣла (gavelkind). Это равенство осталось и въ позднѣйшую эпоху свойствомъ крестьянскаго землевладѣнія, иначе, копигольда, не устранивъ, однако, возможности предоставленія извѣстнаго излишка въ однихъ мѣстахъ старшему, въ другихъ—младшему сыну. Указаніе на первый случай содержитъ въ себѣ одно изъ англо-саксонскихъ житій—житіе Св. Бенедикта, принадлежащее перу Беды [2]); о второмъ, какъ особенности далеко не однихъ городовъ, упоминается уже во времена ближайшихъ преемниковъ Вильгельма Завоевателя [3]). Разъ же было допущено дробленіе наслѣдства между членами нѣкогда нераздѣльныхъ семей и, притомъ, обыкновенно на равныя доли, прежній поселокъ, бывшій дотолѣ въ общемъ владѣніи, необходимо долженъ былъ принять слѣдующій видъ: размѣщенныя по разнымъ дворамъ малыя семьи начали пользоваться равными долями въ земляхъ разнаго качества.

Та или другая изъ семей, семья старшаго или младшаго брата, смотря по обычаю мѣстности, удерживаетъ въ своихъ рукахъ доставшійся отъ предковъ дворъ, и, сверхъ общей съ остальными доли,

---

1) Chart. Sax., № 407.

2) Quomodo terreni parentes quem primum partu fuderint, eum principium liberorum suorum cognoscere et ceteris in partienda sua hereditate praeferendum ducere solent (Vita S. Bened.).

3) Elton, Origins of english history, глава о миноратѣ.

она владѣетъ еще участкомъ земли, составляющимъ «praesiput», добавочную долю привилегированнаго сына. Идея равенства, лежащая въ основѣ семейныхъ раздѣловъ, неизбѣжно ведетъ къ включенію въ составъ каждой доли полосъ разнокачественной земли, расположенныхъ въ разныхъ «конахъ» или поляхъ. Лѣсъ и нерѣдко отдѣльные отъ него выгонъ или пастбище продолжаютъ оставаться въ общемъ владѣніи раздѣлившихся семей.

Пока законодательство не дозволяетъ отчужденій въ пользу чужеродцевъ, община раздѣляющихся братьевъ сохраняетъ еще свой родовой характеръ. Путемъ покупки, болѣе успѣшные хозяева сосредочиваютъ въ своихъ рукахъ доли двухъ, трехъ и т. д. родственниковъ, тогда какъ менѣе успѣшные низводятъ размѣръ своихъ владѣній до половины прежней доли или — что, разумѣется, случается весьма рѣдко—остаются совершенно безъ земли. Картина измѣняется лишь съ того момента, когда подъ вліяніемъ духовенства свѣтское законодательство допускаетъ совершеніе отчужденій и лицамъ не одной крови съ продавцомъ. Уже Альфредъ въ своихъ постановленіяхъ даетъ правилу о неотчуждаемости родовой собственности то объясненіе, что родовое имѣніе не подлежитъ продажѣ или даренію только въ томъ случаѣ, если первый пріобрѣтатель его и тѣ, отъ кого оно унаслѣдовано, спеціально высказываются противъ такого отчужденія [1]).

Такъ какъ подобныя запрещенія всего чаще имѣли своимъ предметомъ общій нѣкогда дворъ и ту долю наслѣдства, которая составляла praesiput привилегированнаго сына, то этотъ послѣдній одинъ становился владѣльцемъ «дѣдины». Тогда какъ старшій или, наоборотъ, младшій продолжали держать доставшуюся отъ предковъ землю, остальные наслѣдники нерѣдко отчуждали сполна или отчасти свои доли, покидали прежнее мѣсто жительства и отправлялись основывать новыя поселенія, всего чаще—среди лѣса, подвергаемаго съ этой цѣлью корчеванію. На этотъ фактъ одинаково указываютъ, какъ мнимые законы Генриха I, говорящіе объ очисткахъ, «de essartis», какъ о предметѣ, подсудномъ judices de foresta, такъ и встрѣчающееся въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ упоминаніе объ assart-lands и, наконецъ, неоднократно повторяющіяся въ англо-саксонскихъ грамотахъ выраженія villa silvatica [2])

[1]) Schmid, Gesetze der Angel-Sachsen —Законы Альфреда, § 41 Примѣръ подобныхъ запрещеній представляютъ грамоты самого Альфреда (Cod. Diplom., № 314).

[2]) Ibid, № 89

mansus silvaticus. Пока эмигрировавшая семья продолжала размножаться на новомъ мѣстѣ жительства, проходя постепенно тѣ же стадіи развитія, какія пережиты были ея предками на старомъ пепелищѣ, переходя отъ нераздѣльности къ раздѣламъ, вводя систему долевого владѣнія пахотью и лугами и удерживая въ общемъ пользованіи одни угодья, — въ общинѣ метрополіи, давшей начало новому поселенію, совершался одновременно не менѣе сложный процессъ чужеродцы путемъ покупки отдѣльныхъ долей становились членами общины, которая благодаря этому теряла мало-по-малу свой родовой характеръ. Мѣсто единокровныхъ начинали занимать сосѣди; они владѣли землею на томъ самомъ долевомъ началѣ, какого придерживались прежде и дворы, связанные общностью происхожденія. Слѣдуя стариннымъ, освященнымъ давностью порядкамъ, сосѣдская община соединяетъ съ обособленнымъ владѣніемъ пахотью и, подчасъ, лугами—общинное владѣніе лѣсомъ, болотами, иногда, хотя рѣдко, и отдѣльнымъ отъ лѣса выгономъ или пастбищемъ [1]). Неравенство, вызванное свободой отчужденій, продолжаетъ расти съ каждымъ поколѣніемъ, увеличивая число владѣльцевъ 3, 5, 6, 10, 12 или 20 надѣлами, о чемъ все чаще и чаще упоминаютъ англо-саксонскіе законы; но это, попрежнему, владѣльцы однѣхъ идеальныхъ долей, неспособные указать границъ своихъ земель,—такъ какъ послѣднія разсѣяны на протяженіи всей общинной территоріи, лежатъ отдѣльными полосами (goran или goranacre) въ разныхъ «конахъ» или furlongs. Проходитъ еще немного лѣтъ и, вопреки остающемуся въ силѣ закону, владѣльцы дѣдины также приступаютъ къ отчужденію; упоминанія о terra hereditaria становятся все рѣже и рѣже, не исчезая, однако, окончательно; и англосаксонская община все болѣе и болѣе принимаетъ характеръ долевой, исключительно сосѣдской, съ раздѣльной пахотью, лугомъ и общими угодьями Въ этомъ послѣднемъ видѣ она и выступаетъ предъ нами въ тѣхъ безчисленныхъ грамотахъ, которыми англосаксонскіе правители передаютъ цѣлыя общины, расположенныя на народной землѣ, или части этихъ общинъ въ руки свѣтскихъ или духовныхъ магнатовъ. На каждомъ шагу грамоты упоминаютъ о томъ или о другомъ числѣ manentes или tributarii при чемъ замѣняются нерѣдко оба термина выраженіями: terra такого-то числа manentium, terra столькихъ-то arratrorum, иногда cassatorum, са-

[1]) Только переходомъ этого права отъ родовой общины къ сосѣдской можно объяснить существованіе такихъ порядковъ, какъ тѣ, о которыхъ говорится, какъ объ исконномъ правѣ ближайшихъ домохозяевъ, въ процессѣ Rowles versus Mason (Elton, Origins, стр. 404).

pacem или jugera такого-то числа tributariorum [1]),—обстоятельство, наглядно указывающее на то, что каждая крестьянская семья владѣла, въ видѣ общаго правила, равною съ остальными дворами долею въ пахотной и, подчасъ, сѣнокосной землѣ. Тѣ же грамоты не оставляютъ сомнѣнія, что прилегающія къ селу угодья состояли въ общемъ владѣніи и пользованіи поселянъ. Выраженія silva communis [2]), le commun [3]), gemenisse [4]), pascuale in communi silva [5]), попадаются въ грамотахъ на каждомъ шагу; а что всего замѣчательнѣе, къ такому общинному пользованію призываются нерѣдко жители нѣсколькихъ сосѣднихъ деревень, вѣроятно, образовавшихся путемъ постепеннаго выселенія избытка населенія изъ древнѣйшаго коренного села — метрополіи. Такъ, въ грамотѣ неизвѣстнаго года, относимой Кэмблемъ къ X столѣтію, упоминается о лугѣ (pratum), въ которомъ четыре сосѣднія селенія: Эвельмъ, Соммерфодъ, Поль и Кемель имѣютъ равное право пасти свои стада (communis pastura) [6]); а въ другой грамотѣ, одновременной съ первой, также не помѣченной ни мѣсяцемъ,ни годомъ, говорится о небольшомъ участкѣ земли (quaedam parva terra), принадлежащемъ сообща тремъ селеніямъ [7]); дѣло идетъ, вѣроятно, объ общемъ выгонѣ.

Въ виду незначительности данныхъ, содержащихся въ англо-саксонскихъ грамотахъ по вопросу о существованіи покосовъ и пастбищъ, общихъ нѣсколькимъ селеніямъ, Нассе не рѣшился высказать своего окончательнаго мнѣнія о томъ, извѣстна была англо-саксамъ система сельскихъомарокъ или нѣтъ [8]). Сборникъ грамотъ и реталей аббатства Рамзэ даетъ намъ возможность восполнить до нѣко-

---

1) Cod Dipl, №№ 27, 33, 103, 140, 247, 292, 632 и др

2) №№ 714 и 843.

3) № 1364.

4) Грамота Этельвульфа 839 г

5) Грамота Этельберта 863 г

6) Cod. Dipl., т. III, Appendix № CCCLV.—Ewelme Item praedicta villa habere debet in eodem prato communem pasturam videlicet quae ymmene morlese appellatur cum aliis villatis, scilicet Somerforde, Pole et Kemele.

7) Ibid., № 329: et in loco qui appellatur Sunder in orientali parte de Crudewelle iacet quaedam parva terra quae quidem est communis cum terra de Crudewelle et terra de Estcote.

8) „Nicht mit gleicher Sicherheit weil nicht mit gleicher innerer Nothwendigkeit lässt sich behaupten, dass auch grössere, mehre Dorfschaften umfassende Markgenossenschaften in England existirten. Ich habe in der Urkundensammlung nur eine Stelle gefunden in der ausdrücklich gesagt wird, dass mehrere villae und villatae an einer gemeinen Weide Antheil hatten, und die Echtheit der betreffenden Urkunde ist nicht ausser Zweifel".

торой степени недостатокъ этого рода свидѣтельствъ и поставить тѣмъ самымъ фактъ существованія англо-саксонскихъ марокъ внѣ сомнѣнія Въ одномъ изъ документовъ, помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ, принадлежащемъ къ первой половинѣ XII вѣка, упоминается о свидѣтельскихъ показаніяхъ, данныхъ жителями селеній, принадлежащихъ аббатству Солтре и удостовѣряющихъ тотъ фактъ, что со временъ Канута приняты были въ Англіи мѣры къ раздѣлу общинныхъ угодій между отдѣльными villae и villatae, которыя, слѣдовательно, до его воцаренія имѣли право совмѣстнаго пользованія пастбищами, покосами, лугами и болотами [1]). Въ другой грамотѣ, принадлежащей тому же сборнику, сообщается о фактѣ, имѣвшемъ мѣсто, какъ значится въ самомъ документѣ, задолго до основанія такихъ древнѣйшихъ аббатствъ, какъ аббатства въ Рамзэ, Кроилендѣ или Торнэ. Этотъ фактъ—признаніе королемъ Вильфредомъ, основателемъ монастыря Эдмондсбери, правъ этой обители на исключительное пользованіе частью тѣхъ обширныхъ болотъ и прудовъ, которые состоятъ въ совмѣстномъ владѣніи habitatores Huntendoniensis provinciae, т. е. жителей графства Гентиндонъ. Хотя въ грамотѣ и говорится, что признаваемое королемъ право принадлежало монастырю ab initio Christianitatis [2]), но не это обстоятельство имѣетъ для насъ значеніе, а то, что болотами и прудами, всѣми сполна или частью ихъ, пользовались издревле habitatores Huntendoniensis provinciae,—другими словами, что право общиннаго пользованія признавалось не за жителями того или другого селенія, а за неопредѣленнымъ числомъ обы-

---

[1]) ... sic enim Turkillus per regem Cnut constituit, ut nulla villata in alterius mariscо foderet vel falcaret sine licentia; villis, enim singulis juxta mariscum positis per jussum regis Cnut ipse mariscum divisit et quantum unaquaeque villa de mariscо in proprium habere debuit, ut videlicet quantum uniuscujusque villae sicca terra de mariscо tangeret, tantum usque ad terminos maneri sui de Saltre praenominatos unaquaeque villa in proprium haberet tam pro pastura ad pascendum, quam ad falcandum et fodiendum... (De fundatione abbatiae de Sautreia. A. D 1146—1153. Cartularium monasterii de Ramesia, ed. by W H. Hart, т I, стр 161)

[2]) Sed quoniam nova vetera a memoria expellunt et per veterum negligentiam alii aliena sibi quasi in juris possessionem convertunt, ne monachos nuper insaisatos aliquis de his, quae infra terminos praenominatos perceperunt, inquietat in monasterio de Burcho, quod quidem multis annis antequam Thorneya vel Rameseia vel Croylandia fundata fuit, quaesitum est, et in carta Wlferi regis, qui illud fundavit inventum, quomodo mariscus etiam ab initio Christianitatis fuit divisus, in qua carta, confirmante papa Agathone, praecipit idem rex, ut abbas de Burcho et habitatores Huntendoniensis provinciae debeant et mariscum et aquas medium partiri (ibid., стр 165).

вателей цѣлаго графства, — вѣроятно, за всѣми тѣми поселянами, владѣнія которыхъ граничили съ данными болотами и прудами. Въ свою очередь, тѣ частыя пререканія, въ которыя входятъ сосѣдніе монастыри между собою, а иногда и съ третьими лицами, изъза выпаса скота и покоса травы, всего легче объясняются тѣмъ, что принадлежащія имъ селенія до времени передачи ихъ въ руки аббатствъ владѣли спорными угодьями сообща Примѣромъ такихъ столкновеній можетъ служить намъ то, которое frater Leo, завѣдующій въ концѣ X-го вѣка монастырскимъ хозяйствомъ въ Рамзэ, приводитъ къ благополучному окончанію «vocatis simul hinc et inde vicinis utrorumque accollarum discussa portione atque divisa» [1]). Особенно многочисленными, впрочемъ, дѣлаются эти столкновенія только въ норманскій періодъ, благодаря вызванному завоеваніемъ замѣшательству въ системѣ земельныхъ отношеній Корень лежалъ, однако, несомнѣнно, въ тѣхъ порядкахъ, которые нѣкогда пользовались общимъ признаніемъ среди англо-саксовъ, и которые, какъ на это жалуется составитель одной грамоты изъ первой половины XII-го вѣка, вытѣсняются изъ памяти новыми (nova a memoria expellunt) [2]).

Общее впечатлѣніе, выносимое изъ чтенія грамотъ VII, VIII и IX вѣковъ , отнюдь не оправдываетъ теоріи исконнаго существованія въ Англіи крупныхъ помѣстій. Жалованныя грамоты рѣдко когда говорятъ о надѣленіи сотнями manentes и tributarii; всего чаще эти послѣдніе передаются десятками и разсѣяны на значительномъ разстояніи другъ отъ друга, образуя хутора (villulae), изъ совокупности которыхъ и составляется помѣстье [3]). Въ рукахъ такихъ даже обителей, какъ, напр., Эвесгамское аббатство или церковь въ Ворчестерѣ, едва можно найти въ VIII и въ началѣ IX вв. 150 или 300 населенныхъ дворовъ [4]). Жители этихъ послѣднихъ несутъ по-

---

[1]) Liber Elyensis, стр 167.

[2]) Cartularium Rameseiae, стр. 161.

[3]) Въ 825 г. manerium de Baston въ Линкольнширѣ содержитъ въ себѣ всего на всего 4 carucatae пахотной земли, каждая въ 8 квадратныхъ quarantenae (каждая въ 40 пертикъ, при чемъ пертика равняется 20 шагамъ; см. Du Cange), 45 акровъ луга, болото въ 16 кварантенъ въ длину и 8 въ ширину, церковь, мельницу и рыбный уловъ, piscarium (№ 383).

— Въ другомъ помѣстьи той же обители Кроиландъ въ Линкольнширѣ насчитывается въ 819 г. всего 6 каррукатъ пашни, длиною каждая въ 15, а шириной въ 9 кварантенъ, и 100 акровъ луга, лѣсъ и болото (№ 365).

[4]) Въ жалованной грамотѣ короля Оффы отъ 780 г монастырю въ Ворчестерѣ мы читаемъ: Est autem rus praefatus in IV villulis separatum;

ложенную обычаемъ барщину или оброкъ. О первой говорятъ намъ такъ называемыя «Rectitudines singularum personarum» въ примѣненіи къ mancipii или gebur (позднѣйшіе nativi). Онѣ отводятъ барщинѣ два дня въ недѣлю круглый годъ и три въ страдную пору посѣва и жатвы, т. е. со Срѣтенія Господня (2 февраля — Candelmas) по Пасху и въ августѣ мѣсяцѣ. Платящій одинъ оброкъ, gafol, и положенныя обычаемъ натуральныя приношенія, geneat или villanus свободенъ отъ барщины, но, заодно съ gebur, участвуетъ въ общественныхъ помочахъ при жнитвѣ и молотьбѣ хлѣба, занятъ возведеніемъ живыхъ плетней и жилыхъ построекъ, посвящаетъ часть времени конной стражѣ и разъѣздамъ по порученіямъ помѣщика [1]). Nativus или gebur, сверхъ того, пашетъ и засѣваетъ еще собственнымъ зерномъ 3—5 акровъ хозяйскаго поля, независимо отъ оказываемой имъ помощи при оранкѣ и посѣвѣ осенью и весною, — еженедѣльно полутора-дневною работой [2]). Уже въ это время его «помочи» считаются вознагражденіемъ помѣщику за выпасъ скота на хозяйскомъ выгонѣ. Вотъ почему въ Rectitudines значится: «буде гебуру понадобиться больше травы, онъ будетъ и пахать соотвѣтственно больше» [3]).

Натуральныя приношенія гебура состоятъ въ поставкѣ на праздникъ Св. Мартина, въ Ноябрѣ, извѣстнаго количества ячменя (для выдѣлки пива) и двухъ курицъ, на Пасху—молодого барашка или взамѣнъ — плата 2 динаріевъ; денежныя — во взносѣ въ два срока, на Михайловъ день и на праздникъ Св. Мартина, въ общемъ 33 динаріевъ.

Свой рабочій инвентарь гебуръ получаетъ отъ помѣщика, въ количествѣ пары быковъ, одной коровы, 6 овецъ и 7 засѣянныхъ акровъ хлѣба. Положенныя нормы допускаютъ мѣстныя отступленія, дѣлающія возможнымъ поставку гебуромъ гдѣ меда, гдѣ мяса, а гдѣ и пива—на хозяйскій дворъ.

Между гебуромъ и генитомъ стоитъ еще владѣлецъ одного уса-

каждая изъ villulis содержитъ одна 5, другія 3 по 10 manentes (№ 236).— См. также грамоту № 235, 780 г.

— При основаніи аббатства въ Эвесгамѣ въ 714 г., его земельныя владѣнія состояли всего на всего изъ 120 mansi (№ 131).

[1]) Ibid., geneat-riht.—Ср. Andrews, The old english manor, стр 155.

[2]) Rectitudines говорятъ о wic-weorce (еженедѣльномъ трудѣ) gebur II. dagas (два дня) and on hearfest III dagas to wic-weorce, and of Candelmaesse od Eostran III.

[3]) Rect. sing pers., 4, § 1.

дебнаго надѣла (cotsetle); онъ свободенъ отъ земельной ренты, но не отъ поочажнаго сбора (hearth penning), отъ котораго, значится въ латинскомъ текстѣ, не изъятъ ни одинъ свободный,—цѣнное указаніе на то, что котсетлы, подобно французскимъ hospites, вышли изъ рядовъ свободныхъ людей. Величина его усадебной земли равняется часто 5 акрамъ. Cotsetle несетъ общественныя помочи въ слѣдующемъ размѣрѣ: въ теченіе цѣлаго года онъ работаетъ по понедѣльникамъ, подобно континентальнымъ lundinarii, въ августѣ же—3 дня или даже ежедневно [1]).

Нѣкоторыя грамоты указываютъ на господство порядковъ, подобныхъ только что описаннымъ, еще въ VIII и IX вѣкѣ, позволяя поэтому относить къ этой эпохѣ и установленіе разсмотрѣнныхъ выше обычаевъ [2]). Свободному состоянію большинства сельскаго населенія, составленнаго изъ плательщиковъ tributum или gafol, такъ называемыхъ geneat, соотвѣтствуетъ все то, что законы англо-саксовъ и

---

[1]) Seebohm, стр. 130.

[2]) Грамота за № 352 (815 г.) говоритъ о томъ, какъ аббатъ въ Абингдонѣ terras in perpetuum liberaliter adquisivit въ Беркширѣ и Оксфордширѣ *a gravitudine comitum et durissima servitute* regum et ecclesiae eas servire liberaliter subjunxit... Тамъ же говорится: redemit iam agros a servitute collocatas a manu extraneorum. — Въ 805 г. епископъ винчестерскій получаетъ съ manentes въ Фарнгамѣ (графство Huntingdonshire) содержаніе въ теченіе 2 ночей (partum et refectionem duorum noctium) и 10 анфоръ (anforas) меда (№ 324)

Въ жалованной грамотѣ 833 г. Витлафа, короля Мерціи, въ пользу монастыря въ Кроиландѣ различаются virgatae, bovatae terrae и cotagia. Послѣдніе то же, что cotsetles. Виргаты же—полные, а боваты—половинные надѣлы (№ 409), возникшіе благодаря распаденію гиды на 4 и соотвѣтственно 8 частей. Грамота № 414 говоритъ о платежѣ pro gablo — plumbum (835 г.). Въ 830 г. владѣльцы одной упряжи (jugum) въ Миддельсексѣ несутъ оброкъ, gablum, одни — сыромъ, ягнятами или шерстью другіе—солью (№ 402). Церковь въ Рочестерѣ въ 828 г. считаетъ въ числѣ своихъ homines лицъ, занятыхъ обороною или сооруженіемъ крѣпости festingmen (№ 395). Въ королевскихъ пожалованіяхъ вообще обѣщается manentis свобода не только отъ tributum, но и ab operibus regis: Et terre ille a laboriosis operibus et ab omnibus tributis vel censuris et ab omnibus refeccionibus regum vel principum seu omnium expedicionum concedere curabo (№ 280, 796 г.). Грамота № 278 (772 г.) говоритъ о gavolland или сданной на оброкъ землѣ то же, что geneatland. Грамота № 429 (840 г.) опредѣляетъ слѣдующій размѣръ этого gafol съ 4 manentes помѣстья rom въ графствѣ Герефордъ: XV modios de pura celia hoc est buttam plenam vasque plenum mellis vel ejus pretium in liquore... s cocto alter dulcatum urnumque armentum cum C panibus unumque ovem cum uno suillo. (Chartularium Saxonicum, т. II, № 429)

другіе одновременные источники говорятъ объ общественномъ положеніи простонародья или такъ называемыхъ керлей (ceorls). Извѣстно ихъ противоположеніе однимъ только графамъ (earls) [1]). Извѣстна также возможность ихъ перехода въ ряды служилыхъ людей, тановъ, при совершеніи, напримѣръ, три раза заморскаго плаванія съ торговою цѣлью [2]). Какъ свободный человѣкъ, керлъ имѣетъ свою виру или композицію, которой не полагается рабу, такъ какъ самъ онъ и все его имущество считаются принадлежностью господина, получающаго и слѣдующее за него вознагражденіе [3]).

Съ другой стороны, несвободное состояніе gebur'a (ср. этотъ терминъ съ нѣмецкимъ geborene и его латинской передачей nativi, употребительной въ англо-норманскихъ источникахъ), вполнѣ отвѣчаетъ тому немногому, что мы знаемъ изъ законовъ англо-саксовъ о такъ называемыхъ theows (рабахъ), поддерживающихъ свой численный составъ не только естественнымъ нарожденіемъ, но и добровольной самопередачей свободныхъ людей съ ихъ семьями въ абское состояніе, напримѣръ, въ голодные годы по недостатку пищи [4]), или при невозможности уплатить иначе выкупъ за преступленіе. Прибавка слова «бѣлый» въ томъ же смыслѣ, что и бѣлокостный, т. е. свободный по рожденію, прибавка, которую дѣлаютъ источники для обозначенія подобныхъ закуповъ (witetheows), указываетъ на ихъ недавній переходъ въ рабское состояніе и открываетъ причину удивительной живучести этого класса, несмотря на рядъ поощряемыхъ духовенствомъ [5]) отпущеній на волю.

Изъ всего сказаннаго мы приходимъ къ заключенію, что землевладѣніе и сельское хозяйство у англо-саксовъ VII, VIII и IX столѣтій построено далеко не на одностороннемъ господствѣ вотчин-

---

[1]) Законы Альфреда (Schmid, Gesetze der Angel-Sachsen, cap 4, § 2)... ge ceorle ge eorle. См. также законы Ательстана (Ibid., стр 544)... ge eorlisc ge ceorlisc.

[2]) Ср Кэмбль (т. I, стр 209) и Stubbs, Constit. h. (т. I, стр. 79).

[3]) Schmid, Законы Ины, cap 48 и 24.

[4]) Кэмбль, Codex Diplomaticus, № 925. Грамота говоритъ объ отпущеніи на волю людей, продавшихъ въ нуждѣ свои головы за пищу Стебсъ ссылается на Penitential англо-саксонскаго епископа Ѳеодора, въ которомъ разрѣшается такое закабаленіе.

[5]) Духовенству надо приписать включеніе законами Ины предписанія, согласно которому принужденіе раба къ воскресной работѣ имѣло послѣдствіемъ потерю его хозяиномъ и переходъ невольника въ свободное состояніе (Законы Ины, § 3).

наго начала и крестьянской несвободы, что помѣстье находится еще въ періодѣ своего образованія и развитія, а большинство сельскаго люда сохраняетъ личную свободу. Разсѣянное по хуторамъ (villulae) и селамъ (vici, rura), крестьянство связано по отношенію къ казнѣ, лицамъ и корпораціямъ, получающимъ земельныя пожалованія отъ казны, обязательствомъ платить оброки или gafol, иначе tributum, и поочажную подать, доставлять содержаніе (pastus) королю или помѣщику въ разъ установленномъ размѣрѣ, нести государственныя повинности (trinoda necessitas) и церковные сборы (kirk-schot), наконецъ, сосѣдскія помочи при посѣвѣ и жатвѣ. Автономное въ своей хозяйственной жизни, крестьянство составляетъ изъ себя общины совмѣстныхъ владѣльцевъ пахотями, лугами, пустошами и лѣсами; надѣлы лежатъ въ открытомъ полѣ чрезполосно въ разныхъ конахъ, и та же чрезполосица характеризуетъ и луговое хозяйство, заставляя нерѣдко довольствоваться полученіемъ съ общаго pratum лишь напередъ выговореннаго числа возовъ сѣна. Что касается до общинныхъ угодій (communa pasturae или communio in saltibus et sylvis), то они нерѣдко состоятъ въ совмѣстномъ обладаніи нѣсколькихъ селеній, хуторовъ и помѣстій, образующихъ собою въ такомъ случаѣ не простой административный округъ, а имущественную единицу, однохарактерную съ германской маркой, хотя и не носящую этого названія.

По образцу свободныхъ общинъ устроены и крѣпостныя; членами ихъ являются прирожденные сельскіе рабы или gebur, которые также владѣютъ полосами въ отдѣльныхъ конахъ открытыхъ полей помѣстья и пользуются его угодьями. Получая рабочій инвентарь отъ собственника, они вознаграждаютъ его за надѣлъ барщинной службой, денежнымъ и натуральнымъ оброкомъ, раздѣляя, въ то же время, со свободнымъ сельскимъ населеніемъ обязанность сосѣдской помощи при посѣвахъ и жатвѣ.

Среднее положеніе между свободными мірскими владѣльцами обезпеченными земельнымъ надѣломъ сельскими рабами занимаютъ поселенцы, котсешли, владѣющіе усадьбой и несущіе поочажный сборъ, на ряду со свободными, но не имѣющіе собственныхъ паевъ въ пахотяхъ и сѣнокосахъ. Взамѣнъ получаемой отъ помѣщика нарѣзки немногихъ акровъ, они несутъ однодневную службу въ его пользу на положеніи скорѣе общественныхъ помочей, нежели барщины, не платя, въ то же время, gafol или земельной ренты.

Что касается до высшихъ слоевъ англо-саксонскаго общества, то они, помимо родовой собственности, иногда носящей наименованіе

аллода, владѣютъ пожизненно или въ теченіе ряда поколѣній, или, наконецъ, наслѣдственно населенными имѣніями, дарованными имъ королемъ съ согласія витановъ, т. е. духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ, иногда обозначаемыхъ источниками латинскими терминами «optimates» и «senatores» [1]) Имѣнія эти или поступаютъ въ вознагражденіе за службу, при чемъ считается уже правиломъ невозможность ихъ передачи въ третьи руки безъ вѣдома и согласія короля, или въ чистый даръ церквамъ и монастырямъ въ интересахъ спасенія души и благополучія въ будущей жизни дарителя, его предковъ и потомства [2]). Такая передача не сопровождается насильственнымъ измѣненіемъ прежнихъ отношеній сельскихъ воздѣлывателей по землѣ. Ея послѣдствіемъ является исключительно поворотъ въ частную казну помѣщика тѣхъ службъ и оброковъ, opera et tributa, которые дотолѣ шли въ казну государственную.

---

1) № 451.

2) Non pro pecunia, sed pro remedio animae meae et pro expiatione scelerum meorum (Грамота Эгберта Кентскаго 833 г, № 411)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТОРОНА

ПРОЦЕССА ФЕОДАЛИЗАЦІИ

НЕДВИЖИМОЙ СОБСТВЕННОСТИ.

ГЛАВА XIII.

Происхожденія крупнаго землевладѣнія.

§ 1.

Въ предшествующихъ главахъ мы старались показать, какія причины вызвали постепенное торжество, если не частной, то дворовой собственности въ Европѣ. Въ настоящей мы намѣрены остановиться на вопросѣ, гдѣ лежитъ источникъ того факта, что въ концѣ VIII и началѣ IX вѣка крупное землевладѣніе въ рукахъ казны, церкви, военной и должностной аристократіи является вполнѣ сложившимся, тогда какъ мелкіе аллодіальные собственники все болѣе и болѣе переходятъ въ классъ зависимыхъ людей, держащихъ землю на правахъ вассаловъ, т. е. подъ условіемъ подчиненія и обязательства въ вѣрности крупному собственнику, который становится отнынѣ ихъ сеньеромъ.

Начнемъ прежде всего съ констатированія самаго факта образованія крупной собственности въ концѣ VIII и началѣ IX вѣка. Вопросъ этотъ обстоятельно изслѣдованъ Инама-Штернегомъ, такъ что намъ приходится привести только результаты его работы. Очевидно, что самая отдаленность эпохи и отрывочность дошедшихъ до насъ данныхъ не позволяютъ стремиться къ статистической опредѣленности. Злоупотребленіе статистическимъ методомъ, при которомъ частные факты выдаются за среднія величины, менѣе всего свойственно такимъ статистикамъ по профессіи, какимъ является уважаемый директоръ центральнаго статистическаго бюро въ Вѣнѣ. Съ какимъ бы терпѣніемъ онъ ни собиралъ факты и какъ бы значительно ни было приводимое имъ число ихъ, Инама никогда не теряетъ изъ виду, что они только иллюстрируютъ его обобщенія, а

вовсе не даютъ имъ статистическаго выраженія. Такъ и въ данномъ вопросѣ, которому, сверхъ самостоятельной монографіи, онъ отводитъ еще широкое мѣсто въ своей «Исторіи германскаго хозяйства», вся задача автора сведена къ извлеченію изъ массы грамотъ и немногихъ полиптиковъ, дошедшихъ до насъ отъ временъ Карла Великаго и его ближайшихъ преемниковъ, нѣкоторыхъ точно установленныхъ цифръ, указывающихъ на число помѣстій, какими владѣли отдѣльные представители крупной собственности, и на число заключавшихся въ нихъ крестьянскихъ дворовъ и надѣловъ. Во главѣ всѣхъ собственниковъ должна быть поставлена казна. Еще въ эпоху отправленія службы дворцовыхъ мэровъ, династія Арнульфинговъ или Карловинговъ сумѣла сосредоточить въ своихъ рукахъ обширныя земли, расположенныя между Маасомъ, Мозелемъ и Рейномъ [1]). Со времени пріобрѣтенія королевскаго титула и, въ особенности, съ эпохи завоеваній Карла Великаго, владѣнія казны умножились пріобрѣтеніями, сдѣланными въ Аллеманіи, Баваріи, Саксоніи, Южной Фрисландіи, Вюртембергѣ и Восточной Маркѣ (теперешняя Австрія). Еще Гюльманъ въ своей финансовой исторіи средне-вѣковой Германіи насчитывалъ 123 большихъ казенныхъ имѣнія въ періодъ Карловинговъ. Новѣйшія изслѣдованія показываютъ, что эта цифра значительно должна быть увеличена. Передъ воцареніемъ Капетинговъ насчитывалось въ рукахъ преемниковъ Карла 176 большихъ помѣстій, распредѣленныхъ слѣдующимъ образомъ: 83 въ странѣ франковъ, 50—у аллемановъ, 21—въ Баваріи, 12 — въ Тюрингіи, 5— въ Саксоніи и Южной Фрисландіи. Въ этотъ счетъ не входятъ 31 имѣніе въ Вюртембергѣ и 150 въ Восточной Маркѣ [2]), также—обширныя лѣсныя площади, расположенныя въ Гарцѣ, Оденвальдѣ и т. д., которыхъ Инама насчитываетъ болѣе двухъ десятковъ [3]).

За казною слѣдуетъ церковь. Въ эпоху Карла Великаго аббатство С. Жерменъ-де-Пре, далеко не изъ самыхъ богатыхъ, владѣло 25 имѣніями, заключающими въ себѣ приблизительно 22000 гектаровъ пахоти, 427 виноградниковъ, 503 луга, 92 пастбища и 13352 лѣса [4]). Число надѣловъ равнялось одновременно 1646, и въ этомъ числѣ, всего 191 занятыхъ рабами и 15 литами; остальные были заняты свобод-

---

[1]) Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte, т. II, стр. 257, т. IV, стр. 119.

[2]) Deutsche Wirtschaftsgeschichte von Inama-Sternegg, т. I, стр. 281.

[3]) Ibid, стр. 282.

[4]) Polyptique de l'abbaye de St. Germain des Prés, изд. Lognon., т. I., Introduction, Appendice, стр. 244.

ными (ingenuiles) [1]). Расположенное въ Нейстріи аббатство Люксель насчитывало одновременно до 15000 манзовъ [2]).

Германскія обители владѣли не меньшимъ числомъ дворовъ, чѣмъ французскія: Лоршъ — 2000, С.-Галленъ — 4000, Гандерсгеймъ — 11000, Тегернзе—11866, Фульда—15000 [3]).

Что касается до свѣтскихъ владѣній, то нѣтъ возможности привести сколько-нибудь твердо установленныхъ цифръ, по крайней мѣрѣ— относительно числа принадлежащихъ имъ дворовъ. Зато можно показать сосредоточеніе въ рукахъ свѣтскихъ владѣльцевъ многихъ имѣній, разбросанныхъ, притомъ, на значительномъ разстояніи другъ отъ друга. Для этого стоитъ только взяться, какъ это дѣлаетъ Инама, за внимательный разборъ древнѣйшихъ дарственныхъ грамотъ и купчихъ, сохраняющихся въ хартуларіяхъ аббатствъ въ С.-Галленѣ, въ Виссембургѣ, въ Лоршѣ, Фульдѣ, Прюмѣ. Этотъ разборъ приводитъ къ заключенію, что дарители владѣютъ обыкновенно десятками, если не сотнями помѣстій, и сотнями, если не тысячами крестьянъ. Отчуждаемыя ими имущества составляютъ только часть ихъ общаго достоянія, и всеже расположены нерѣдко въ 8, 15 и 23-хъ различныхъ мѣстностяхъ, заключая въ себѣ отъ 50 до 100 и 150 крестьянъ.

Если бы примѣнить тотъ же методъ къ грамотамъ древнѣйшихъ французскихъ аббатствъ, то легко было бы прійти къ однороднымъ результатамъ. Это отчасти сдѣлано уже въ ученыхъ предисловіяхъ Герара къ изданнымъ имъ хартуларіямъ аббатствъ С.-Бертенъ, С.-Викторъ въ Марселѣ, С.-Пьеръ де Шартръ, Notre Dame, а также позднѣйшими изслѣдователями грамотъ Клюни, каѳедральныхъ соборовъ въ Макопѣ, Гренобле, Ліонѣ, отдѣльныхъ монастырей Турскаго округа, обители С.-Ваастъ и т. д. Къ числу древнѣйшихъ указаній на крупное землевладѣніе въ рукахъ свѣтской знати можно отнести то, какое заключаетъ въ себѣ завѣщаніе Аббона. Въ немъ упомянуты десятки виллъ или помѣстій и сотни крестьянъ или вольно-

---

[1]) Ibid., стр. 245.

[2]) Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte, т I, стр. 204.

[3]) Inama-Sternegg, стр. 292 и 293. Относительно другихъ монастырей мы можемъ привести изъ позднѣйшаго времени не столько число ихъ крестьянскихъ дворовъ, сколько число самихъ villae или помѣстій Cartulaire de Brioude насчитываетъ такихъ помѣстій 200, сборники грамотъ аббатства Клюни и каѳедральнаго собора въ Маконѣ, вмѣстѣ взятыя,— болѣе 250.—См Imbart de la Tour, Les paraisses rurales dans l'ancienne France, deuxième partie (Revue historique, январь, февраль 1897 года).

отпущенниковъ. Это завѣщаніе, къ тому же, принадлежитъ къ числу раннихъ источниковъ, доказывающихъ образованіе крупной свѣтской собственности еще въ эпоху Меровинговъ. Если присоединить сюда, что надѣленіе должностью, напримѣръ, въ сферѣ провинціальнаго управленія, и вознагражденіе военной свиты происходило обыкновенно въ формѣ земельнаго пожалованія, то окажется, что крупная собственность, притомъ, свѣтская въ концѣ VIII и началѣ IX вѣка явилась вполнѣ сложившейся. На ряду съ казенными имѣніями, возникли обширныя владѣнія герцоговъ, получавшихъ нерѣдко, какъ напримѣръ, Генрихъ Вельфъ, сразу 4000 манзовъ въ даръ отъ короля и императора (Арнульфа) [1]. Въ составленной Инама таблицѣ пожалованій, сдѣланныхъ въ періодъ времени отъ 696 по 788 годъ церкви въ Зальцбургѣ, оказывается, что баварскіе герцоги были въ числѣ первыхъ благотворителей и надѣляли ее то 117, то 276, то 177 манзами; это одно уже даетъ понятіе о громадности ихъ владѣній въ первой половинѣ VIII вѣка (позднѣйшая изъ грамотъ, сообщающихъ объ этихъ пожалованіяхъ, относится къ 748 году) [2].

Тѣмъ не менѣе, свѣтское землевладѣніе значительно уступало къ концу Меровингскаго періода духовному какъ по протяженію, такъ и по числу помѣстій и крестьянскихъ дворовъ. Въ этомъ убѣждаютъ насъ жалобы короля Хильперика на то, что королевскіе домены перешли почти цѣликомъ въ руки церкви: ecce pauper remansit fiscus noster, ecce divitiae nostrae ad ecclesias sunt translatae [3]. Въ связи съ этимъ фактомъ стоитъ и другой: рѣшеніе Карла Мартеля пріурочить церковныя имущества, въ виду недостатка казенныхъ и необходимости создать конницу, къ вознагражденію служилыхъ людей, получавшихъ ихъ, однако, не въ собственность, а во временное пользованіе. Къ этому факту мы еще будемъ имѣть случай вернуться; теперь же намъ нужно задаться вопросомъ о причинахъ, вызвавшихъ ростъ крупнаго землевладѣнія въ занятыхъ германцами странахъ и, въ частности, въ предѣлахъ Меровингской монархіи и Карловингской имперіи.

Подымаемый нами вопросъ вызвалъ громадную литературу, которая, разумѣется, не можетъ быть резюмирована здѣсь иначе, какъ въ

---

[1]) Inama-Sternegg, т. I, стр. 288

[2]) Ibid, стр. 497.

[3]) Григорій Турскій, Historia Francorum, VI, 46.—Цитировано у Бруннера, Deutsche Rechtsgeschichte, стр. 204.

самыхъ общихъ чертахъ. При этомъ намъ придется касаться фактовъ изъ самыхъ разнообразныхъ сторонъ общественной жизни не только германцевъ, но и римскихъ провинціаловъ, что сдѣлало бы необходимымъ цѣлый трактатъ, если бы мы не имѣли дѣло съ предметомъ, болѣе или менѣе хорошо обслѣдованнымъ и не обѣщающимъ, вслѣдствіе самаго состоянія источниковъ, какихъ-либо существенныхъ дополненій къ уже добытымъ результатамъ. Мы поставимъ себѣ поэтому болѣе скромную задачу—дать синтезъ того, что по данному вопросу добыто изслѣдованіями германистовъ и романистовъ, отводя полемикѣ тѣхъ и другихъ возможно скромныя границы

Въ настоящее время едва ли кто позволитъ себѣ сомнѣваться въ существованіи крупныхъ помѣстій въ Галліи въ эпоху, предшествующую германскимъ нашествіямъ, и въ дѣйствительности вліянія, какое этотъ фактъ оказалъ на ростъ феодальныхъ отношеній въ ближайшій затѣмъ періодъ времени. Никто въ большей мѣрѣ не содѣйствовалъ упроченію этого взгляда, какъ Фюстель де Куланжъ. Какъ бы строго ни относилась критика къ его методологическимъ пріемамъ и къ вызванной ими односторонности нѣкоторыхъ ученій, позднѣйшая исторіографія отмѣтитъ появленіе его шести томовъ по исторіи политическихъ учрежденій древней Франціи, какъ поворотный моментъ къ правильному пониманію не римскаго или германскаго, а самопроизвольнаго характера того процесса феодализаціи, который повелъ къ образованію на Западѣ Европы такого же крупнаго и зависимаго отъ службы владѣнія, какимъ въ мусульманскомъ мірѣ являются «икта», а въ славянскомъ, —имѣя въ виду здѣсь, преимущественно, Россію,—отличное отъ вотчины помѣстье. Еще ранѣе Фюстеля—Рамбо, а за нимъ профессоръ Васильевскій указали на присутствіе въ Византійской имперіи зародышей феодальнаго строя; Тишендорфъ [1]) установилъ блистательно, что и на мусульманскомъ востокѣ, въ частности, въ Персіи и Османской имперіи, вознагражденіе за службу производилось въ формѣ земельныхъ пожалованій, сперва носившихъ характеръ пожизненнаго владѣнія и только со временемъ пріобрѣвшихъ преимущество наслѣдственности. Подъ вліяніемъ этихъ воззрѣній, я счелъ возможнымъ посвятить еще въ 1879 году цѣлую главу своего сочиненія объ общинномъ землевладѣніи процессу феодализаціи земельной собственности въ Индіи въ эпоху мусульманскаго владычества. Опираясь на доступныя мнѣ въ англійскомъ переводѣ арабскія хроники, обнародованныя Эліотомъ и Даусеномъ, я, между

[1]) Das Lehnwesen in den moslemischen Staaten.

прочимъ, развивалъ слѣдующій взглядъ· удерживая землю за прежними ея владѣльцами, мусульманскіе правители сѣверной Индіи, тѣмъ не менѣе, уже въ первой четверти XIII вѣка, въ правленіе султана Шамсуддина, обратились къ раздачѣ селъ и округовъ своимъ военноначальникамъ, подъ условіемъ поставленія ими по первому требованію заранѣе опредѣленнаго числа ратниковъ. Раздача эта не сопровождалась переходомъ земель изъ рукъ прежнихъ владѣльцевъ въ руки вновь надѣляемыхъ ими такъ называемыхъ «иктадаровъ». Она не имѣла иного послѣдствія, кромѣ передачи послѣднимъ правъ на поступавшія дотолѣ въ государственную казну ренты. Получая тотъ или другой икта, надѣляемое имъ лицо пріобрѣтало возможность поворачивать въ свою пользу всѣ поступленія съ той или другой деревни или округа, и больше ничего. Земля оставалась въ рукахъ прежнихъ ея владѣльцевъ, и въ ихъ отношеніяхъ къ ней не происходило ровно никакой перемѣны Самый икта давался подъ условіемъ несенія военной службы, неисполненіе этого условія могло имѣть послѣдствіемъ отнятіе пожалованнаго. О размѣрахъ, какіе приняли такія раздачи, можно судить по слѣдующимъ фактамъ. Персидскій хроникеръ Зіаудъ динъ Барни, сообщаетъ что въ одномъ Доабѣ взамѣнъ жалованья было роздано султаномъ Шамсуддиномъ до 2000 икта. Гибельныя послѣдствія этой политики не замедлили обнаружиться. Иктадары стали стремиться къ тому, чтобы сдѣлать свои преимущества наслѣдственными и независимыми отъ воли султана. По словамъ того, же Барни, Гіасудъ динъ Балбанъ при своемъ воцареніи засталъ монархію поколебленной въ самыхъ ея основахъ, благодаря тому что иктадары его отца, присвоивъ себѣ званіе хановъ, стали стремиться къ независимости и постепенно раздѣлили между собою власть султана и имущества казны. Чтобы положить конецъ этому злу, султанъ рѣшился на смѣлую мѣру. Онъ вознамѣрился отнять икта у лицъ, неспособныхъ къ несенію военной службы, и опредѣлилъ имъ взамѣнъ икта ежегодное вознагражденіе деньгами Каковы бы ни были дѣйствительныя причины, не позволившія этому проекту осуществиться, для насъ важно то, что султанъ считалъ себя въ правѣ отнять дарованные его предшественниками икта, а владѣльцы послѣднихъ не рѣшались оспаривать у него это право. Наслѣдственность икта получила законодательное признаніе въ правленіи Фиродза: онъ принялъ дѣятельныя мѣры къ тому, чтобы обезпечить безспорный переходъ ихъ отъ надѣленнаго къ наслѣдникамъ. Съ этою цѣлью онъ сдѣлалъ попытку расширить самый районъ ихъ дѣйствія, допустивъ къ пользованію ими не однихъ офицеровъ, но и солдатъ. Начало наслѣдственности,

установленное по отношенію къ военнымъ должностямъ, было примѣнено султаномъ въ равной мѣрѣ и къ свѣтскимъ. Такимъ образомъ, въ правленіе Фиродза совершился въ Индіи тотъ же переворотъ, который, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, неправильно связываютъ въ франкской монархіи съ именемъ Карла Лысаго. Икта сдѣлались наслѣдственными. Обязанностью иктадаровъ было личное несеніе воинской повинности и поставленіе на свой счетъ напередъ опредѣленнаго числа пѣшихъ и конныхъ ратниковъ. Тѣ изъ иктадаровъ, владѣнія которыхъ расположены были на границахъ имперіи, получали особый титулъ «джагирдаровъ» и обыкновенно большій сравнительно съ остальными округъ.

На ряду съ раздачей икта, образованію крупныхъ помѣстій содѣйствовала въ мусульманской Индіи добровольная уступка права собственности мелкими владѣльцами крупнымъ, подъ условіемъ удержанія наслѣдственнаго пользованія предметами прежней собственности. Этотъ договоръ извѣстенъ въ Индіи подъ наименованіемъ «икбалдава». Широкимъ распространеніемъ его объясняется въ значительной степени быстрота, съ которой собственность крестьянъ перешла въ руки иктадаровъ и джагирдаровъ, съ одной стороны, духовныхъ, благотворительныхъ и общеполезныхъ учрежденій, съ другой.

Иктадары и джагирдары, слѣдуя примѣру высшаго правительства, въ свою очередь, создавали подчиненные имъ икта на тѣхъ же условіяхъ службы, на какихъ сами были надѣлены ими. Когда возникалъ вопросъ объ имущественномъ обезпеченіи младшихъ членовъ семьи, джагирдаръ прибѣгалъ къ выдѣленію въ ихъ пользу тѣхъ или другихъ участковъ, подъ условіемъ несенія выдѣленными извѣстныхъ служебныхъ обязанностей, нерѣдко также—уплаты ежегодно ничтожной ренты, такъ называемаго «madad». Весьма частымъ предметомъ пожалованья даже не родственнымъ джагирдару лицамъ была состоявшая въ его распоряженіи пустопорожняя земля. Послѣдняя отдавалась въ пользованіе, подъ условіемъ обращенія ея подъ обработку и ежегоднаго несенія владѣльцемъ незначительной суммы натуральныхъ или денежныхъ сборовъ. На первыхъ порахъ лицо надѣлявшее удерживало за собою право произвольнаго отобранія того, чѣмъ оно надѣляло. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ достиженія джагирдарами безповоротности ихъ владѣній, второстепенныя держанія становятся также наслѣдственными и переходятъ по началу старшинства отъ отца, помимо другихъ сыновей, къ одному первенцу.

Тотъ же процессъ постепеннаго развитія субинфеодаціи замѣчается и въ тѣхъ земляхъ, которыя раздаваемы были въ имперіи Великаго

Могола чиновникамъ гражданскаго вѣдомства. Въ надѣлъ имъ шли цѣлыя группы селеній, обработанныя и пустопорожнія пространства, нерѣдко составлявшія въ своей совокупности округъ или «талуку», отъ чего и сами владѣльцы получали названіе окружныхъ или «талукдаровъ (talukdars) [1]).

Мы покажемъ, что тѣ же причины вызвали ростъ крупнаго землевладѣнія и въ занятыхъ германцами земляхъ, и, прежде, всего въ Меровингской и Карловингской монархіи. Но здѣсь къ нимъ присоединились нѣкоторые новые элементы, чуждые одинаково мусульманному, востоку и восточнымъ славянамъ. Благодаря этимъ элементамъ крупное землевладѣніе на Западѣ Европы сдѣлалось матеріальной основой для отправленія правительственныхъ функцій и повело, если не къ разложенію государственнаго единства, то къ замѣнѣ политически централизованной монархіи своеобразной федераціей полусамостоятельныхъ политическихъ тѣлъ—феодовъ или леновъ, которые, въ свою очередь, признали извѣстную автономію за другими, болѣе мелкими и непосредственно зависимыми отъ нихъ территоріальными округами. Эта политическая сторона феодализма,—выразившаяся въ томъ, что отдѣльныя государства Европы изображали собой, какъ-бы пирамиду, основу которой составляло крѣпкое къ землѣ крестьянство, отдѣльные этажи—третьестепенные, второстепенные и первостепенные ленники, а вершину—король, сюзеренъ,—занимаетъ насъ въ меньшей степени, чѣмъ его экономическая сторона, неразрывно связанная съ ростомъ крупнаго землевладѣнія. Въ самыхъ общихъ только чертахъ мы укажемъ на важнѣйшій политическій факторъ—тѣ судебныя и финансовыя изъятія или, выражаясь языкомъ времени, иммунитеты, какими Меровингскіе и, по ихъ примѣру, Карловингскіе правители надѣляли многихъ крупныхъ собственниковъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. Этимъ они освобождали вассаловъ и крестьянъ послѣднихъ отъ подвѣдомственности, если не центральнымъ, то мѣстнымъ органамъ королевскаго управленія и суда, и переносили на самихъ сеньеровъ-собственниковъ право осуществленія нѣкоторыхъ правительственныхъ функцій по отношенію къ зависимымъ отъ нихъ владѣльцамъ, свободнымъ и несвободнымъ. Эта сторона исторіи феодализма займетъ насъ лишь настолько, насколько она является благопріятнымъ условіемъ для передачи себя свободными людьми, вмѣстѣ съ ихъ землею, въ руки, крупныхъ собст-

---

[1]) См. мое *Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія*, Москва, 1879 г., стр. 133 и слѣд

венниковъ, въ расчетѣ замѣнить подвѣдомственность общимъ государственнымъ установленіямъ подчиненіемъ вотчинной юстиціи и полиціи.

За этимъ необходимымъ вступленіемъ, перехожу непосредственно къ вопросу о важнѣйшихъ факторахъ образованія свѣтскихъ и церковныхъ латифундій въ основанныхъ германцами государствахъ. То обстоятельство, что этотъ процессъ задѣлъ одинаково и сѣверо-восточную часть Галліи, гдѣ германскій элементъ былъ сильно представленъ, и юго-западную, гдѣ римское населеніе подверглось лишь слабой германизаціи, и сѣверо-западную, гдѣ еще живы были кельтическіе порядки кланово-родового устройства, далѣе повтореніе того же явленія на протяженіи никогда не входившихъ въ предѣлы Имперіи германскихъ земель на правомъ берегу Рейна вплоть до Эльбы, Одера и Дуная, — заставляетъ насъ искать для этого процесса не римскія, германскія или кельтическія, другими словами,—племенныя основы, а чисто соціальныя. Онъ вызванъ экономическими и политическими условіями новыхъ королевствъ, возникшихъ на почвѣ римской культуры,—культуры, еще до нашествія варваровъ выработавшей внутри себя крупное помѣстье и нѣкоторыя формы личной и имущественной зависимости. Эти формы будутъ унаслѣдованы варварскими монархіями и найдутъ въ нихъ широкое и оригинальное развитіе.

Фюстель де Куланжъ протестуетъ противъ мысли—искать источникъ феодализма исключительно въ римской средѣ и оправдываетъ свои частыя ссылки на эту послѣднюю при объясненіи причинъ его происхожденія только недостаточностью данныхъ, которыми мы располагаемъ относительно внутренняго быта германскихъ племенъ въ эпоху, предшествующую окончательному ихъ поселенію въ римскихъ провинціяхъ. Цезарь и Тацитъ, думаетъ онъ, дали намъ только внѣшніе контуры этой своеобразной гражданственности; они не ввели насъ въ ея частности и не позволяютъ поэтому искать въ ней зародышей будущей системы зависимыхъ отношеній, составляющихъ сущность феодализма. Но онъ самъ умаляетъ значеніе этого общаго положенія, указывая затѣмъ и вполнѣ успѣшно на присутствіе въ бытѣ древнихъ германцевъ, какъ и въ бытѣ кельтовъ, того самаго клієнтства, исторія котораго въ эпоху римской республики и имперіи необыкновенно широко и доказательно изображена имъ самимъ въ одной изъ главъ его сочиненія. Какъ и можно было предполагать, въ странѣ, гдѣ, какъ въ древней Германіи, земля состояла, какъ мы знаемъ въ общемъ обладаніи родовъ и нераздѣльныхъ семей, клієнтство не могло стать въ ту тѣсную связь съ землевладѣніемъ, какую

мы находимъ впослѣдствіи въ Меровингской и Карловингской монархіи. Подобно русскимъ князьямъ, германскіе principes вознаграждаютъ членовъ собравшейся вокругъ нихъ дружины или comitatus не землею, а оружіемъ или участіемъ въ раздѣлѣ добычи. Личная зависимость не сопровождается поэтому земельной, представлять себѣ дѣло такъ, какъ будто уже въ это время существовали помѣстья въ рукахъ князей и ихъ сподвижниковъ, значитъ насиловать факты [1]).

Имущественная зависимость въ древней Германіи установлена только для рабовъ, поселенныхъ въ предѣлахъ родовыхъ владѣній и обложенныхъ ежегодно опредѣленной рентой. Не то въ римской имперіи, гдѣ эта зависимость можетъ возникнуть между вполнѣ свободными людьми, изъ которыхъ одинъ, помѣщикъ, передаетъ свой участокъ другому, безземельному, по его просьбѣ (praeces) и изъ милости (in beneficium), безъ срока и съ правомъ возвращенія въ свои руки, и не въ простое пользованіе—usus, а во владѣніе, допускающее возможность фактической передачи третьему лицу. Это—не пользующееся законодательной защитой прекаріальное владѣніе (praecarium), о которомъ пишутъ Цицеронъ и юристы золотого вѣка, не говоря уже о болѣе раннихъ указаніяхъ Значеніе этого владѣнія для развитія системы имущественной зависимости въ эпоху Меровинговъ объясняется широкимъ распространеніемъ, какое оно получило въ послѣдніе вѣка Имперіи. Пользуясь, между прочимъ, свидѣтельствомъ Сальвіана, марсельскаго пресвитера и современника первыхъ нашествій, Фюстель рисуетъ намъ тѣ разнообразныя отношенія, которыя могли повести къ установленію прекарія, и указываетъ на послѣдствія, какія его распространеніе имѣло какъ для мелкой собственности, такъ и для крупнаго землевладѣнія. Неоплатные должники избирали нерѣдко этотъ способъ удовлетворенія кредиторовъ въ томъ смыслѣ, что, передавъ имъ свои земли въ собственность или въ залогъ, который въ это время, подъ именемъ pignus, переносилъ въ руки заимодавца и право владѣнія, они, въ то же время, выговаривали оставленіе за собою участка на правахъ прекарія. Не менѣе часто, какъ показываетъ рядъ враждующихъ съ этою практикой законовъ IV вѣка, земледѣльцы-собственники и цѣлыя селенія, vici, пріобрѣтали покровительство сильныхъ людей уступкой имъ титула собственности подъ условіемъ удержанія въ своихъ рукахъ прекаріальнаго владѣнія. Говоря о такого рода сдѣлкахъ,

---

5) Никто въ большей степени не повиненъ въ этомъ, какъ Денманъ-Россъ въ своей „Исторіи землевладѣнія у древнихъ германцевъ“.

Сальвіанъ въ своемъ трактатѣ «De gubernatione Dei» употребляетъ въ примѣненіи къ крупнымъ собственникамъ выраженіе: продаютъ покровительство и обираютъ владѣльцевъ мелкихъ участковъ (patrocinium vendit, spoliat). Нерѣдко также прекарій служитъ замаскированной формой земельнаго найма, при чемъ взамѣнъ ренты выговариваются подчасъ личныя услуги, obsequium, отнюдь, однако, не воинская служба[1]).

Продолженіе той же практики—сдачи земель въ прекарій въ основанныхъ варварами государствахъ доказываетъ упоминаніе о ней въ Lex romana Burgundionum и въ Lex romana Visigothorum, т. е. въ тѣхъ двухъ кодексахъ, которые пользовались общимъ признаніемъ въ римскомъ населеніи какъ средней и южной Галліи, такъ и въ сѣверной Испаніи[2]).

Прекарій извѣстенъ, впрочемъ, не только римскому населенію, но и германскому, какъ это видно изъ вестготскихъ законовъ, упоминающихъ о немъ, между прочимъ, какъ о средствѣ избѣжать конфискаціи за преступленіе—своевременной передачей собственности въ руки церкви или частнаго лица, съ сохраненіемъ фактическаго владѣнія, зависимаго отъ доброй милости того, кому передавалась собственность [3]). Салическая Правда не упоминаетъ ни словомъ о прекаріи, но существованіе его въ сѣверной Галліи вслѣдъ за основаніемъ франкскаго королевства доказывается формулами города Буржа и тѣми, какія помѣщены въ извѣстномъ сборникѣ Маркульфа [4]). Въ первой изъ этихъ формулъ выступаетъ не только тотъ характеръ добровольнаго пожалованія, дѣлаемаго по просьбѣ и не сопровождаемаго никакимъ ущербомъ для правъ собственника и его наслѣдниковъ, какой прекарій носилъ въ Римской Имперіи, но можетъ быть отмѣчена еще та интересная подробность, что получающій землю на этомъ правѣ обязуется исполнять все, что ему будетъ приказано отъ имени собственника или его управителя. Во второй формулѣ прекаристъ принимаетъ на себя тѣ же обязательства, какія лежатъ по отношенію къ помѣщику на лицахъ, сидящихъ на его землѣ, подъ страхомъ наказанія и потери участка. Другіе образцы грамотъ, между прочимъ, тѣ, которыя распространены были среди вестготовъ, указываютъ на то, что люди безъ средствъ соглашались принять на

---

[1]) См. Les origines du système féodal, стр. 95—110.

[2]) Pertz, Leges, т. II, стр. 616, и въ изданіи Heunel, Lex romana Visigothorum (статья 5), а также Interpretatio къ ней (статьи 9 и 10).

[3]) Lex Visigothorum, II, 1, 7. Эта цитата, какъ и предыдущія, заимствованы у F. de Coulanges, стр. 111—115.

[4]) Formulae Bituricenses, № 2.—Zeumer, стр. 169.—Marculfi, II, 41.

себя исполненіе извѣстныхъ личныхъ услугъ (in omnibus pro utilitatibus vestris adsurgere), разъ имъ позволяли селиться въ предѣлахъ частнаго имѣнія на правахъ прекаристовъ [1]). Въ томъ же королевствѣ вестготовъ прекаріи служатъ то средствомъ, не теряя всѣхъ выгодъ отъ землевладѣнія, расплачиваться съ кредиторомъ, то замѣной земельнаго найма; въ этомъ послѣднемъ случаѣ прекаристъ принимаетъ на себя обязательство платить десятую часть урожая съ полей и виноградниковъ, а также—прироста стадъ [2]). Можно констатировать существованіе прекарія и на церковныхъ земляхъ, и на свѣтскихъ; можно ссылками на постановленія мѣстныхъ соборовъ доказать, что онъ служилъ для надѣленія землею какъ клириковъ, такъ и частныхъ слугъ монастырей и епископій. Съ другой стороны, формулы не только Тура и Анжу, гдѣ можно предположить дѣйствіе одного римскаго права, но и мѣстностей, въ которыхъ Салическая Правда была личнымъ закономъ значительной части населенія (formulae Salicae Merkelianae и formulae Markulfi), доказываютъ, что церковныя земли не разъ сдавались въ наемъ въ формѣ прекарія, и что тотъ же прекарій создаваемъ былъ церковью въ пользу должниковъ,—расплачивавшихся съ нею уступкой своей собственности,—и благотворителей, переносившихъ въ руки церкви свое достояніе, часто въ расчетѣ воспользоваться ея покровительствомъ и даваемымъ ей иммунитетомъ. Наконецъ, прекарій нерѣдко служитъ вознагражденіемъ и приманкой для того, кто отдаетъ свою землю церкви съ сохраненіемъ пожизненнаго пользованія. Взамѣнъ одного участка, на правахъ собственности, онъ получаетъ два—въ фактическое владѣніе. Вотъ почему нѣкоторыя житія святыхъ указываютъ на прекарій, какъ на средство расширенія церковнаго землевладѣнія [3]).

Ошибочно было бы думать, что на преемство меровингскаго и римскаго прекарія впервые указано Фюстель де Куланжемъ. Въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, онъ является прямымъ послѣдователемъ Рота и развиваетъ мысль, выраженную мюнхенскимъ профессоромъ цѣлыхъ 40 лѣтъ назадъ [4]). Но, въ отличіе отъ Рота [5]), онъ недостаточно останавливается на томъ наблюденіи, что меровингскій

---

[1]) Formules wisigothiques, № 36 и 37, изд Розьера, стр. 25.

[2]) F. de Coulanges, стр 124 и 126.

[3]) Ibid., стр. 147.

[4]) „Что римскій прекарій извѣстенъ былъ во Франціи", пишетъ Ротъ въ 1863 г.: „стоитъ внѣ сомнѣнія" (Feudalität und Unterthanenverband, стр. 145).

[5]) О несходствѣ меровингскаго прекарія съ римскимъ см. Roth, Feudalität, стр 168.

прекарій былъ не простымъ воспроизведеніемъ римскаго, а серьезнымъ его видоизмѣненіемъ. Что въ томъ, если удержано было прежнее названіе [1]), разъ сущность института и отчасти его форма подверглись несомнѣнному измѣненію? Римскій прекарій, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, носилъ характеръ милости и не давалъ права на ренту. Меровингскій, наоборотъ, явился съ характеромъ выгодной для собственника операціи, способомъ утилизаціи земли въ формѣ найма, своего рода арендной сдѣлкой. Возможность ежечаснаго отобранія сданнаго участка въ такой же мѣрѣ характеризуетъ собою римскій прекарій, въ какой срочность, пожизненность и даже наслѣдственность — меровингскій [2]) Въ самомъ порядкѣ установленія обоихъ замѣтна разница. Ничто не говоритъ намъ за необходимость въ римскую эпоху двухъ актовъ, изъ которыхъ одинъ передавалъ бы просьбу о надѣленіи землею, а другой—согласіе на такое надѣленіе. При Меровингахъ же, какъ это показываютъ формулы, мы имѣемъ рядомъ съ lettera praecaria, составляемой въ видѣ письма отъ надѣляемаго, еще особую lettera praestaria или приказъ надѣлителя, удовлетворяющаго выраженное ему ходатайство; наконецъ,—и это далеко не ничтожная подробность,—ничто не доказываетъ, чтобы въ эпоху, когда римская юриспруденція такъ строго осуждала прекарій, послѣдній служилъ средствомъ къ расширенію крупнаго землевладѣнія въ ущербъ мелкому и къ переводу прежнихъ свободныхъ собственниковъ въ зависимыхъ держателей чужой земли. Этотъ переходъ собственниковъ въ зависимыхъ владѣльцевъ особенно интересенъ для

---

[1]) Фюстель, на нашъ взглядъ, справедливо опровергаетъ мнѣніе Рота что, въ отличіе отъ римскаго, меровингское прекаріальное владѣніе извѣстно было подъ наименованіемъ не praecarium, а precaria Этотъ послѣдній терминъ обозначалъ собою только то письменное прошеніе, lettera precaria, которое предшествовало надѣленію земельнымъ участкомъ

[2]) Сданная въ praecarium земля, говоритъ Бруннеръ о Меровингскомъ періодѣ, оставалась за надѣленнымъ или на опредѣленный срокъ, или пожизненно, или въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, или, наконецъ, наслѣдственно. Возможность ежечаснаго отобранія участка наступала только въ случаѣ, если объ этомъ было выговорено въ самой грамотѣ, какъ напримѣръ, въ одной изъ формулъ Маркульфа, въ которой стоятъ слова: quamdiu vobis placuerit; что касается до прекарія на церковныхъ имуществахъ, то онъ, какъ показано уже Ротомъ (Feudalität und Unterthanenverband, стр 170), нуждался въ возобновленіи каждыя пять лѣтъ, secundum antiquam consuetudinem de quinquennio in quinquennium renoventur (См Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte, ч. I, стр 210)—„Доставляющій доходъ собственнику (remunatorische) прекарій“, говоритъ въ свою очередь Ротъ: „почти всегда пожизненный“ (стр. 151).

насъ, такъ какъ имъ объясняется отчасти быстрый ростъ свѣтскихъ и духовныхъ латифундій и образованіе помѣстій въ VII и VIII вѣкахъ. Если редактированная при Карлѣ Великомъ Правда древнихъ саксовъ [1]) включитъ въ свои опредѣленія слѣдующій королевскій декретъ: «Никому не дозволяется переносить въ чужія руки своего наслѣдственнаго имущества иначе, какъ при вызванной голодомъ необходимости»,— если капитуларіи 805 и 811 года предвидятъ случай, когда, уступая нуждѣ, свободные, но мало состоятельные люди, продадутъ и перенесутъ въ чужія руки свою недвижимость,—то все это объясняется лишь тѣмъ, что прекарій давалъ малоземельнымъ возможность при потерѣ собственности не только сохранять, но и увеличивать свои годовые доходы [2]).

Вайцъ, а за нимъ уже Фюстель де Куланжъ, справедливо указали на тотъ фактъ, что грамоты Меровингской эпохи нерѣдко обращаются къ термину beneficium для обозначенія понятія прекарія. Beneficium выражаетъ ту сторону этого понятія, которая состоитъ въ добровольномъ надѣленіи со стороны собственника. Этотъ терминъ былъ въ ходу еще въ римскую эпоху [3]). Мало по малу онъ начинаетъ прилагаться и къ пожизненному прекарію, который нельзя отбирать по усмотрѣнію [4]).

Грамоты различаютъ, однако, прекарій и бенефицій даже въ концѣ

---

[1]) Lex Saxonum, tit. 62: Nulli liceat tradicionem hereditatis suae facere nisi forte famis necessitate coactus.

[2]) Capitularium 805 г., cap 16:... De oppressione pauperum liberorum hominum ut non fiant a potentioribus per aliquod malum ingenium contra justitiam oppressi, ita ut coacti res eorum vendant vel tradant. (Pertz, Leges, т. I, 134) Въ другомъ капитуларіи 811 г., предвидится случай, когда pauper volens nolens suum proprium tradat vel vendat (Ibid., cap III, стр. 168).

[3]) Павелъ употребляетъ оба термина безразлично, то же дѣлаетъ и Тертуллианъ въ своемъ сочиненіи противъ Гермогена (См. Бруннеръ, т. I, стр 211, прим 36,—Фюстель, стр. 159 и 171). Изъ всѣхъ сдѣлокъ та, къ которой всего чаще прилагается терминъ beneficium, это—установленіе прекарія. Фюстель настаиваетъ на томъ, что меровингскія грамоты не знаютъ бенефиція, какъ особаго вида недвижимаго имущества; онѣ не противополагаютъ его алоду или наслѣдственной собственности въ томъ, напр., смыслѣ, въ какомъ наши грамоты противополагаютъ помѣстье вотчинѣ, или въ какомъ вплоть до противополагаемы были на Западѣ Европы феодъ и алодъ. Меровингскія грамоты говорятъ не habet beneficium, но in beneficio habet, т. е. держитъ по милости (Ibid., стр. 160 и 161). Въ этомъ смыслѣ терминъ beneficium приложимъ и къ сдачѣ земли въ пожизненное владѣніе или пользованіе, всего же чаще въ примѣненіи къ прекарію.

[4]) F. de Coulanges, стр 179

VIII и началѣ IX вѣка, какъ показываютъ это, напр., приводимые Ротомъ тексты, въ которыхъ запрещается отчуждать подаренную землю neque beneficiario, neque praecario jure [1]).

На церковныхъ земляхъ прекарій продолжалъ служить для обозначенія пожизненныхъ земельныхъ пожалованій, дѣлаемыхъ въ пользу служителей храмовъ, взамѣнъ жалованія. Его распространенность въ церковной сферѣ объясняется въ значительной степени началомъ неотчуждаемости имуществъ духовенства, которое могло быть обойдено только въ формѣ раздачъ «изъ милости», не сопровождавшихся перенесеніемъ титула собственности. Но такія же точно пожалованія, разъ объектомъ ихъ служили казенныя земли, никогда не подводились подъ терминъ прекарій, но обозначались словомъ beneficium. [2]).

Еще въ 1848 г. Ротъ, полемизируя съ Гераромъ, указалъ на то, что пожизненныя распоряженія казенными землями въ Меровингскій періодъ были неизвѣстны [3]). Одинъ текстъ Григорія Турскаго, повидимому, противорѣчитъ такому утвержденію и наводитъ на мысль о томъ, что, будучи вознагражденіемъ за службу [4]), бенефицій переходилъ вмѣстѣ съ нею отъ одного лица къ другому или возвращался за смертію его носителя въ казну. Дѣйствительно, въ повѣствованіи лѣтописца, смерть Ванделина, «кормильца» (nutritor) короля Хильдеберта, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ возвращеніе всего того, «что онъ заслужилъ отъ фиска», quecumque de fisco meruit [5]). Но ничто не доказываетъ, чтобы въ данномъ случаѣ мы не имѣли дѣла съ выморочностью или конфискаціей. Ротъ, а за нимъ Фюстель, какъ нельзя лучше обосновываютъ тотъ взглядъ, что конфискація въ Меровингскій періодъ распространялась одинаково какъ на доставшееся по наслѣдству имущество, такъ и на королевскія пожалованія. Нельзя также заключать къ пожизненности дареній, предметомъ которыхъ служили казенныя имущества, изъ подтвержденія ихъ преемниками дарителя, такъ какъ такія подтвержденія обыкновенно требовались и для всякаго рода недвижимостей. Они объясняются случавшейся нерѣдко потерей или истребленіемъ грамотъ въ эпоху частыхъ междоусобій [6]).

---

[1]) Roth, Feudalität, стр. 142.

[2]) Roth, стр. 177.—F. de Coulanges, стр. 185 и 187.

[3]) Die Krongutsverleihungen unter den Merovingern, стр. 28.

[4]) Roth, Feudalität, стр. 174, 175.—F. de Coulanges, Les origines de la féodalité, стр. 185.

[5]) Григорій Турскій, VII, 22.—Цитата Фюстель де Куланжа, стр. 182.

[6]) Всѣ эти мысли высказаны были Ротомъ еще въ 1848 г. въ его докторской диссертаціи. Два позднѣйшія его сочиненія: „Исторія бенефицій

Изъ всѣхъ текстовъ, приводимыхъ тѣми, кто не желаетъ видѣть въ бенефиціи новшества, впервые выступающаго въ Карловингскій періодъ, едва ли не самымъ рѣшающимъ является одна грамота короля Тьери III начала VII столѣтія. Болѣе ранніе документы, какъ напримѣръ, знаменитый договоръ въ Андело и эдиктъ Клотара, въ которыхъ Гераръ видѣлъ доказательство пожизненности меровингскихъ дареній, говорятъ только,—какъ это слѣдуетъ изъ самыхъ словъ: stabiliter conservetur и in omnibus debeat confirmari,—о готовности сохранить незыблемо дарственныя распоряженія предшествующихъ королей. Иное дѣло грамота Тьери. Въ ней сказано, что помѣстье Ланьи послѣдовательно находилось въ рукахъ трехъ дворцовыхъ мэровъ. По смерти послѣдняго изъ нихъ, Варатона (въ 686 г., по показаніямъ хроники Фредегара), оно было отобрано въ королевскую казну (in fisco nostro (villa) fuerat revocata) [1]. Ротъ, правда, доказываетъ успѣшно, что переходъ Ланьи отъ второго владѣльца къ третьему можетъ быть объясненъ простымъ фактомъ наслѣдованія (Варато былъ отцемъ ранѣе его умершаго Гислемара), но онъ отказывается объяснить, на какомъ основаніи то же имѣніе досталось послѣднему отъ прежняго маіордома [2].

Во всякомъ случаѣ, разбираемая грамота позволяетъ только то заключеніе, что бенефицій въ VII вѣкѣ пріурочивался къ извѣстнымъ должностямъ. Но можно ли давать рѣшающее значеніе единичному факту, еще весьма сомнительному въ своей интерпретаціи и отнюдь ужъ не носящему характера общаго явленія!

Состояніе источниковъ или, точнѣе говоря, недостатокъ для эпохи Карла Мартеля въ такомъ же цѣнномъ свидѣтелѣ-очевидцѣ, какимъ для времени Клотара является Фредегаръ, - на что правильно указываетъ Ротъ [3], — ставитъ насъ въ невозможность прослѣдить постепенное зарожденіе системы пожизненныхъ раздачъ. Когда мы впервые

до X вѣка“ и „Феодализмъ и подданство“ заключаютъ только дальнѣйшее ихъ развитіе. Фюстель де Куланжъ заимствуетъ свои основныя положенія у Рота и расходится съ нимъ только въ частностяхъ.

[1]) Грамота напечатана у Тардифа подъ № 25. Вопросъ о томъ, въ какихъ случаяхъ бенефицій могъ быть отобранъ, подробно разбирается Ротомъ, но вопросъ этотъ стоитъ слишкомъ далеко отъ нашей задачи, чтобы мы считали нужнымъ входить въ разсмотрѣніе той полемики, какую онъ вызвалъ между Вайцемъ и Ротомъ.—См. Roth. Feudalität, стр. 188 и слѣд.—Waitz, Verfassungsgeschichte, т IV, стр. 194 и слѣд.

[2]) Krongutsverleihungen unter den Merovingern, стр. 35 и слѣд.

[3]) Ibid., стр 15

становимся лицомъ къ лицу съ этимъ фактомъ, при ближайшихъ преемникахъ Карла Мартеля, онъ уже носитъ характеръ чего-то вполнѣ сложившагося и законченнаго.

Чтобы должнымъ образомъ оцѣнить то значеніе, какое могло имѣть развитіе бенефиціальной системы для измѣненія прежняго строя земельныхъ отношеній, намъ необходимо прослѣдить предварительно параллельный ростъ другого института—сеньората. Мы видѣли выше, что система патроната и клиентства была развита одинаково въ Римской Имперіи и у кельто-германскихъ народностей; поэтому споръ о томъ, какой источникъ, римскій или не римскій, имѣютъ отношенія, обнимаемыя понятіемъ меровингскаго сеньората, намъ кажется праздным. Несомнѣнно одно, что въ эпоху составленія первыхъ сборниковъ юридическихъ формулъ, какъ въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ галло-римскимъ населеніемъ, такъ и въ тѣхъ, гдѣ численность была на сторонѣ германцевъ, мы одинаково встрѣчаемъ практику добровольной передачи себя въ руки другого, съ обязательствомъ вѣрности и службы, но безъ потери свободнаго состоянія (modo ingenuili). Такой договоръ могъ быть или срочнымъ, или пожизненнымъ. Первый заключали обыкновенно пришлые люди, advenae, или поселенцы на чужихъ земляхъ: homines qui in alterius terra resident. Вопреки мнѣнію Рота, право свободнаго отхода, присущее такого рода срочнымъ отношеніямъ, продолжаетъ держаться въ теченіе всего Карловингскаго періода, какъ показываетъ это Вормскій капитуларій 829 года, упоминающій, между прочимъ, о лицахъ, покинувшихъ собственные участки изъ нежеланія платить nonae et decimae, и снимающихъ подъ обработку чужія земли [1]).

Но на ряду съ этимъ классомъ лицъ, сравнительно малочисленнымъ, мы встрѣчаемъ другой, извѣстный подъ наименованіемъ homines comendati. Эти люди характеризуются пожизненностью своихъ отношеній къ избранному патрону. Послѣдствіемъ заключаемой ими сдѣлки является установленіе постоянной личной связи между двумя свободными лицами, изъ которыхъ одно становится сеньёромъ и принимаетъ обязательство покровительства и защиты, а другое дѣлается вѣрнымъ человѣкомъ, fidelis [2]). Германскіе термины для выраженія покровительства сеньера—mund и trustis; состоять in trusti, in mundio или mundeburdio,—значитъ то же, что передаться чужому лицу и пользоваться его заступничествомъ. Германскимъ же обозначеніемъ

---

[1]) Capitul. Wormat. 829, cap. 9 (Pertz, LL, 1, 351).

[2]) Ehrenberg, Commendation und Huldigung. Weimar, 1877 г. стр. 1—20.

для лицъ, вступившихъ въ такую зависимость, служатъ слова leude (послѣднее отвѣчаетъ современному Leute) и gasindi.

При характеризующемъ меровингское право формализмѣ—не удивительно, если коммендація (таково было латинское названіе этой сдѣлки) предполагала совершеніе символическаго обряда, состоявшаго въ томъ, что передававшійся складывалъ ладони передъ своимъ будущимъ сеньеромъ, въ знакъ просьбы, а послѣдній, принимая его руки въ свои, въ знакъ готовности быть его патрономъ, закрѣплялъ сдѣлку подаркомъ лошади и оружія [1]). Обязательства, вытекавшія изъ подобнаго рода передачи, состояли для кліента, во-первыхъ, въ томъ, чтобы не оставлять сеньера, за исключеніемъ установленныхъ обычаемъ поводовъ: попытки сеньера обратить его въ рабство, покушенія на его жизнь, неосуществленія обѣщаннаго покровительства и нанесенія безчестія его женѣ. Во-вторыхъ, кліентъ былъ обязанъ сохраненіемъ вѣрности, которая, какъ видно изъ формулъ присяги, состояла въ помощи дѣломъ и словомъ по мѣрѣ силъ и разумѣнія [2]). Коммендація могла происходить въ пользу лицъ свѣтскихъ и духовныхъ. Формулы VI вѣка застаютъ ее уже нормально дѣйствующимъ институтомъ, а сочиненіе Сальвіана De gubernatione Dei и нѣкоторыя мѣста Ѳеодосіева Кодекса показываютъ, что въ послѣдніе вѣка Имперіи желаніе избѣжать бремени налоговъ и получить заступничество сильнаго человѣка въ тяжбахъ заставляло мелкихъ собственниковъ передаваться въ руки крупныхъ. Законъ 370 года запретилъ крестьянамъ земледѣльцамъ, agricolae, такую практику, но онъ, повидимому, былъ безсиленъ остановить ея дѣйствіе, такъ какъ изъ словъ Сальвіана видно, что мелкіе люди отдавались болѣе могущественнымъ, ища ихъ покровительства, ad tuendum, — что они шли въ подданство лицъ зажиточныхъ, dedititii divitum, и подчинялись ихъ авторитету и власти, in jus ditionemque eorum. Сальвіанъ замѣчаетъ, что эта личная передача связана была съ уступкой собственности, отчего, говоритъ онъ, въ убыткѣ оставались наслѣдники передававшихся [3]).

Съ этимъ же характеромъ—передачи себя и имущества мы встрѣчаемъ коммендацію и во франкской Галліи. Формулы Анжу и Тура,

---

[1]) Ibid., стр. 20—22 и 86.

[2]) Ibid., стр. 111

[3]) Omnes hi, qui defendi videntur, defensoribus omnem fere substantiam suam prinsquam defendantur addicunt, ac sic, ut patres habeant defensionem, perdunt filii hereditatem .. possessio ab his recessit (Цитата у Фюстель де Куланжа, стр. 244)

хроника Григорія Турскаго и аббатства Св. Бенина въ Дижонѣ приводятся Фюстель де Куланжемъ въ доказательство того, что коммендація VI и VII в., производимая въ пользу церкви, обнимала собою одинаково и личность, и имущество. Всего характернѣе выступаетъ экономическій источникъ ея въ актахъ, которые совершались въ пользу свѣтскихъ собственниковъ. Одинъ передающійся заявляетъ, что недостатокъ средствъ принуждаетъ его передаться въ чужія руки: «Всѣмъ-молъ завѣдомо извѣстно, что я не имѣю, чѣмъ прокормиться и одѣться» [1]). На избраннаго mundoburdus падаетъ обязанность помогать передавшемуся провизіей и одеждой. На всю жизнь отказывается клиентъ отъ мысли покинуть своего патрона, обѣщая производить въ его пользу servitium vel obsequium, насколько это примиримо съ его свободнымъ состояніемъ [2]). Изъ варварскихъ правдъ Салическая и Бургундская, Аллеманская и Баварская, — ни однимъ словомъ не обмолвливаются о коммендаціи; въ Рипуарской упоминается homo ingenuus in obsequio alterius, что отвѣчаетъ представленію о лицѣ, передающемъ себя подъ покровительство другого. То же можно сказать и о лангобардскихъ законахъ короля Ротари, гдѣ рѣчь заходитъ объ obsequium, оказываемомъ въ пользу короля, графа или частнаго лица; въ вестготскихъ прямо описываются подобнаго же рода отношенія, при чемъ встрѣчается терминъ se comendare; сеньеръ названъ патрономъ, и предположено совершеніе имъ подарка въ пользу передавшагося оружіемъ или чѣмъ другимъ [3]).

Въ эпоху варварскихъ правдъ отношенія передавшагося къ его патрону еще не называются вассальными. Самый терминъ vassus служитъ въ нихъ для обозначенія несвободнаго служителя [4]). Уже Ротъ указалъ на то, что vassi на первыхъ порахъ были лицами низкаго общественнаго состоянія, своего рода челядью [5]). Только со временемъ этотъ терминъ распространенъ былъ и на свободныхъ. Съ середины же VIII вѣка онъ примѣнялся только къ послѣднимъ [6]).

---

[1]) Formulae Turonenses, 14: Dum omnibus habetur percognitum qualiter ego minime habeo unde me pascere vel vestire debeam, ideo etc...

[2]) Ingenuili ordine tibi servicium vel obsequium inpendere debeam (Zeumer ч. I, стр. 158).

[3]) Lex Visigothorum, V, 3, 1, 2

[4]) Lex Salica, tit XXXV: Si quis vassum ad ministerium aut fabrum ferrarium... juraverit.—Lex Alamanorum предполагаетъ случай, когда господинъ имѣетъ 12 vassos infra domum —Ср. Фюстель де Куланжъ, стр. 286

[5]) Geschichte des Beneficialwesens bis ins X Jahrh, стр. 367—370—Feudalität, стр. 247.

[6]) Feudalität, стр 249.

Подобно частнымъ лицамъ, и короли могли вступать въ положеніе патроната, принимать тѣхъ или другихъ лицъ въ свою trust. Независимо отъ общей земской присяги въ вѣрности, такія лица связывали себя особымъ обязательствомъ по отношенію къ принявшему ихъ подъ покровительство королю Еще въ эпоху Тацита мы встрѣчаемъ такъ называемыхъ comites или дружинниковъ; теперь они извѣстны подъ наименованіемъ антрустіоновъ [1]); съ середины же VIII вѣка терминъ «антрустіоны» уступаетъ мѣсто общему названію всѣхъ передавшихся кому-либо свободныхъ людей, другими словами, термину «вассалы» [2]).

Мы не станемъ задаваться спорнымъ вопросомъ, изъ какого класса вербовались вассалы, изъ свободныхъ ли исключительно или также и несвободныхъ людей, — такъ какъ этотъ вопросъ стоитъ далеко отъ нашей задачи [3]). Для насъ важнѣе другой вопросъ, и именно — въ какой мѣрѣ отношенія короля къ вассаламъ подходили подъ общій типъ отношеній патрона къ кліенту, и какое вліяніе имѣлъ институтъ вассаловъ на ростъ бенефиціальной системы. На первый вопросъ мы должны отвѣтить, что вассальныя отношенія построены были на томъ же обмѣнѣ обязательствъ въ вѣрности и службѣ, съ одной стороны, въ защитѣ и пропитаніи, съ другой, — какъ и отношенія коммендаціи. Но служба вассаловъ постепенно теряла характеръ частно-хозяйственной и дѣлалась государственной. Какъ и на простомъ fidelis, на вассалѣ лежитъ обязательство не покидать сеньера, а для послѣдняго — мстить за убійство вассала и оказывать ему содѣйствіе на судѣ [4]). Что касается вознагражденія вассаловъ, то оно производится въ Меровингскій періодъ путемъ пожалованія имъ земли, — не въ пожизненное пользованіе, а въ собственность, — что при расточительности королей, надѣлявшихъ одновременно церкви и монастыри, и вызвало то крушеніе доменовъ, о которомъ говорилъ, какъ мы видѣли, король Хильперикъ, и которое, какъ мы увидимъ сейчасъ, поставило Карла

---

[1]) У лангобардовъ тѣ же лица извѣстны подъ наименованіемъ gasindi.

[2]) Мы принуждены резюмировать въ немногихъ словахъ результаты продолжительной полемики Вайца и Рота, въ которой, заодно съ Фюстель де Куланжемъ, мы становимся на сторону послѣдняго За подробностями читатель можетъ обратиться къ слѣдующимъ сочиненіямъ: Waitz, Vassalität и Deutsche Verfassungsgeschichte, т II и IV; Roth, Feudalität und Unterthanenverband, Abschnit 4, Das Seniorat; Deloche, La trustis et l'antrustionnat, Fustel, Les origines du système féodal. стр 314.

[3]) Объ этомъ см. Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte, т. II, стр 261 и слѣд.

[4]) См Brunner, Mithio und Sperantes in der Festgabe für Beseler, стр. 9 и слѣд, и его же, Deutsche Rechtsgeschichte, т. II, стр. 264 и слѣд

Мартеля или его ближайшихъ преемниковъ въ необходимость наложить руку на церковныя имущества: не обирая вполнѣ собственниковъ, они передали ихъ земли въ бенефиціальное, т. е. пожизненное, владѣніе своихъ вассаловъ, съ цѣлью вознаградить ихъ за службу. Этотъ характеръ произведенной первыми Карловингами секуляризаціи вполнѣ установленъ, на мой взглядъ, побѣдоносной полемикой Рота съ Вайцемъ. Но для насъ все равно, находитъ ли эта мѣра оправданіе въ принадлежащемъ королю патронатѣ надъ церковью и представляетъ ли она собою, — какъ объ этомъ заявляютъ позднѣйшіе церковные и свѣтскіе писатели, — актъ насильственнаго присвоенія чужого имущества. Намъ нечего вступаться въ споръ между тѣми, кто, подобно Дантэ, признаетъ эту секуляризацію святотатствомъ, заслужившимъ Карлу Мартелю вѣчныя муки въ аду, и тѣми, кто видитъ въ ней, наоборотъ, строго обдуманное рѣшеніе, предпринятое правительствомъ сообща съ соборомъ церковныхъ и свѣтскихъ магнатовъ, которые не нашли другого исхода изъ переживаемаго государствомъ военнаго и финансоваго кризиса и пріурочили церковныя имущества къ покрытію издержекъ, связанныхъ съ созданіемъ новой конницы.

Каково бы ни было наше отношеніе къ этому событію, мы одинаково принуждены считаться съ нимъ, какъ съ однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ въ образованіи крупной собственности. Та самая точка зрѣнія, которая заставляла русскихъ царей не разъ принимать мѣры къ тому, чтобы, выражаясь языкомъ времени, земля изъ службы не выходила, вызвала задолго до Карла Мартеля агитацію въ пользу отобранія имуществъ у тѣхъ церковныхъ корпорацій, которыя признавали себя подданными иноземнаго государя. До момента объединенія франкской монархіи случаи подобнаго рода были нерѣдки, и вотъ почему соборы 535 и 557 годовъ ставятъ уже вопросъ о такой частичной секуляризаціи [1]). Запросъ на церковную землю со стороны свѣтскихъ магнатовъ встрѣчалъ на этихъ собраніяхъ еще рѣшительный отпоръ; такъ, на парижскомъ соборѣ 557 года предписано было возвратить отчужденныя за послѣднія 40 лѣтъ имущества въ руки епископій и монастырей, въ виду тяготѣющей на такого рода земляхъ неотчуждаемости. Но въ VIII вѣкѣ обстоятельства складываются такимъ образомъ, что побѣдоносному вождю христіанскаго войска противъ мавровъ или его преемникамъ церковь безсильна дать отпоръ въ осуществленіи такъ называемой позднѣйшими

[1]) Roth, Feudalität, стр 74 и 75.

хрониками и капитуляріями divisio, или раздѣла церковныхъ владѣній между наличными собственниками и свѣтскими вассалами короля, получившихъ эти пожалованія въ неограниченный никакимъ срокомъ бенефицій. Цѣлыя епископіи и обители, какъ напримѣръ, епископія въ Окзерѣ, съ удержанными ею 200 крестьянскими дворами, или монастырь въ Гланфелѣ, болѣе или менѣе разорены; другія теряютъ, какъ напр., С.-Вандриль, $^1/_3$ своихъ владѣній, епископія въ Ле-Мансъ и аббатство С.-Денп—70 и 47 имѣній [1]). Секуляризація происходитъ по напередъ намѣченному плану и на основаніи предварительно произведенной описи, о чемъ впервые упоминается подъ 751 г. [2]). Говоря объ этомъ событіи, позднѣйшіе источники конца VIII и начала IX вѣка не отступятъ предъ уподобленіемъ совершеннаго раздѣла (divisio) насилію, violentia, и совершившаго его (divisor)—угнетателю, oppressor (выраженія папы Адріана и Людовика Благочестиваго). Но въ моментъ, когда совершается самое присвоеніе свѣтскими людьми церковнаго и монастырскаго достоянія, не раздается, по вѣрному замѣчанію Рота, никакого протеста. Соборное постановленіе предшествуетъ изданію капитулярія 743 г., объявляющаго, что король въ виду угрожающихъ войнъ принялъ рѣшеніе удержать часть церковныхъ владѣній на началахъ прекарія и подъ условіемъ платежа ценза [3]).

Повидимому, и въ позднѣйшую эпоху правительство помышляло о новомъ дробленіи церковнаго имущества (divisio), другими словами, о насильственной передачѣ части его въ прекарій съ правомъ пожизненнаго пользованія и возвратомъ въ руки прежнихъ собственниковъ по смерти надѣленныхъ. Но одинъ слухъ объ этомъ предположеніи вызывалъ каждый разъ такое недовольство въ рядахъ заинтересованныхъ, что капитуляріи считали нужнымъ разсѣивать опасенія обѣщаніемъ, что divisio впредь не повторится. Въ помѣткахъ на поляхъ одной реймской рукописи, передающей постановленія второго изъ капитуляріевъ Карла Великаго, заключавшаго въ себѣ такое обѣ-

---

[1]) Ibid , стр. 81.

[2]) Ibid., стр. 82.

[3]) Capitulare Litiniense Statuimus quoque cum consilio servorum dei et populi christiani propter imminentia bella.... ut sub precario et censu partem ecclesialis pecuniae retineamus.—Вайцъ видѣлъ въ постановленіи этого капитулярія не первоначальный указъ о раздѣлѣ, а позднѣйшее возвращеніе части отобраннаго у церкви имущества (Verfassungsgeschichte, т III, стр. 36) —Ротъ показалъ, что это мнѣніе ни на чемъ не основано (См стр. 99 и 103).

щаніе, указанъ дѣйствительный поводъ къ его изданію: міряне, значится въ этой припискѣ, хотѣли раздѣлить епископіи и монастыри къ собственной выгодѣ, такъ чтобы ни одному епископу, настоятелю и настоятельницѣ не оставалось для жизни больше того, что необходимо канонникамъ и простымъ монахамъ [1]).

Частичная секуляризація церковныхъ имуществъ имѣла, какъ мы увидимъ, обоюдоострое послѣдствіе. съ одной стороны, она содѣйствовала быстрому увеличенію крупнаго землевладѣнія свѣтскихъ вассаловъ, которые изъ пожизненныхъ бенефиціальныхъ владѣльцевъ фактически и мало-по-малу сдѣлались наслѣдственными, а, съ другой,— она побудила церковное начальство направить всѣ усилія и воспользоваться всѣми средствами для того, чтобы добиться возстановленія прежняго матеріальнаго благосостоянія; это же отразилось, въ концѣ концовъ, какъ будетъ видно ниже, на сокращеніи числа свободныхъ собственниковъ. Разсмотримъ каждое изъ указанныхъ явленій въ отдѣльности.

Не разъ обѣщанное возвращеніе отобранныхъ у церкви имуществъ не дало въ результатѣ ничего, кромѣ передачи Пипиномъ, по настоянiямъ Св. Бонифація [2]), нѣкоторымъ епископіямъ половины, а другимъ—трети ихъ прежняго достоянія. Хотя, за смертью надѣленныхъ, бенефиціи, согласно первоначальному проекту, и должны были возвращаться въ руки церквей и монастырей, но, въ видѣ общаго правила, онѣ стали переходить отъ надѣленнаго къ его наслѣднику. Законъ, разумѣется, не высказывался въ этомъ смыслѣ, и даже извѣстный капитуларій, обнародованный въ Кьерси на Уазѣ въ 877 г.,—капитуларій, которому обыкновенно приписывается введеніе наслѣдственности бенефицій,—говоритъ только объ установившейся практикѣ, нимало

---

1) Обѣщаніе Карла Великаго за себя и наслѣдниковъ не посягать на цѣлость церковнаго фонда изложено въ двухъ капитуларіяхъ. Приписка напечатана у Пертца (т. III, стр. 206) и гласитъ буквально. tempore Adriani Papae et Karoli Magni Imperatoris, quando Paulinus episcopus tenuit vices apostolicae sedis in Aquis factum istud capitulam, quia laici homines volebandividere episcopia et monasteria ad illorum opus, et non remansisset ulli episcopo nec abbati, nec abbatissae, nisi tantum ut velut canonici et monachi viverent.

2) См Annales Bertiniani: Pipinus monente S Bonifacio quibusdam episcopatibus vel medietates vel tertias rerum reddidit promitens in postmodum omnia restituere (Pertz, Monumenta Scriptores, т. I, стр. 138). Цитировано Ротомъ стр. 96 Въ Германіи, какъ показываетъ тотъ же писатель, новыя конфискаціи церковной собственности послѣдовали въ ближайшія столѣтія, прежде всего, въ Баваріи, а затѣмъ, при императорѣ Генрихѣ II, болѣе или менѣе повсемѣстно (Ibid, стр. 127)

не создавая ея [1]). Даже въ послѣдующія столѣтія не разъ попадаются случаи, когда бенефицій остается пожизненнымъ. «Хотя», говоритъ профессоръ Люшеръ, «начиная съ X столѣтія, наслѣдственность феодовъ составляетъ общее правило, тѣмъ не менѣе даже въ XI вѣкѣ можно привести примѣры пожизненныхъ надѣленій Правда, наиболѣе крупные бенефиціи стали переходить въ порядкѣ законнаго преемства еще съ эпохи Карловинговъ, но того же нельзя сказать о мелкихъ, за которыми высшіе сеньеры долгое время старались сохранить характеръ пожизненнаго держанія» [2]).

Поставленные въ необходимость разсчитывать исключительно на самихъ себя въ дѣлѣ возстановленія своего стариннаго доманіальнаго фонда, церкви и монастыри прибѣгли въ теченіе IX и X столѣтія даже къ такому крайнему средству, какъ поддѣлка жалованныхъ грамотъ. Но независимо отъ этого, болѣе или менѣе рискованнаго пріема, они имѣли въ своихъ рукахъ все нужное для того, чтобы вызывать со стороны паствы частью добровольныя, частью вынужденныя обстоятельствами пожертвованія. Весьма могущественнымъ факторомъ явилось, при этомъ, надѣленіе почти всѣхъ важнѣйшихъ обителей еще въ Меровингскую эпоху такъ называемыми иммунитетами. На первыхъ порахъ, эти послѣдніе даютъ только свободу отъ податей, но уже въ VII вѣкѣ съ ними связывается запрещеніе для органовъ провинціальнаго управленія — переступать границы владѣній той или другой церкви или монастыря [3]),—что, разумѣется, нисколько не освобождало ихъ собственниковъ отъ подчиненія королевской юстиціи и полиціи, а только устраняло между первыми и государствомъ всѣ посредствующія звенья [4]). Иммунитетъ носитъ характеръ милости, сообщается частнымъ лицамъ per beneficium Запрещеніе графамъ audire causas въ предѣлахъ экзимированнаго участка содержитъ въ себѣ не одно обязательство созывать судебныя собранія за его границами [5]): оно равносильно еще приказу не вступаться въ тяжбы мѣстныхъ обывателей, отнынѣ подчиненныхъ вотчинной юстиціи. Отсюда не слѣдуетъ, разумѣется, чтобы третьи лица не въ правѣ были привлечь кого-либо изъ этихъ

---

[1]) Emile Bourgeois, Le capitulaire de Kiersy-sur-Oise, 1885, стр 127 и слѣд.

[2]) Manuel des institutions françaises, periode des capétiens directes par Achille Luchaire Paris, 1892 г., стр. 152 и 153.

[3]) Фюстель де Куланжъ, стр. 341 и 366.

[4]) Ibid, стр. 369.

[5]) Таково мнѣніе Prost (L'immunité, étude sur l'origine et les développements de cette institution Paris, 1882 г., стр 31).

поселенцевъ къ отвѣту передъ общими государственными установленіями, или чтобы самъ король лишенъ былъ возможности призвать на судъ своего парламента лицъ, въ пользу которыхъ установлены были иммунитеты [1]). Въ какой мѣрѣ со свободой отъ общей подсудности связывалось для поселенцевъ экзимированнаго округа право не участвовать въ военномъ ополченіи графства, этотъ вопросъ остается до сихъ поръ спорнымъ, и я лично готовъ присоединиться къ мнѣнію тѣхъ, которые думаютъ, что это преимущество каждый разъ спеціально оговаривалось въ королевскихъ письмахъ и не составляло необходимаго содержанія иммунитета.

Широкая автономія, какой надѣлены были церковныя обители и епископіи, благодаря королевской милости, дѣлала для мелкаго свободнаго человѣка въ высшей степени желательнымъ находиться въ числѣ людей этихъ обителей, при одновременномъ сохраненіи дохода отъ земель. Эта возможность открывалась, какъ мы видѣли, обмѣномъ собственности на прекарій, связанномъ съ совершеніемъ акта коммендаціи или добровольной передачи себя подъ чужую защиту и покровительство. Правительство не только не задерживало этого процесса, но даже содѣйствовало ему косвенно, по крайней мѣрѣ, въ Карловингскую эпоху, когда, по соображеніямъ полицейскаго характера, капитуларіемъ 847 г. повелѣно было всѣмъ свободнымъ найти себѣ патрона [2]).

Никто полнѣе Инама Штернега не изобразилъ ускорившагося къ концу Карловингскаго періода процесса округленія церковныхъ и монастырскихъ земель, а, по ихъ примѣру, и свѣтскихъ латифундій. Авторъ «Экономической исторіи Германіи» какъ нельзя лучше выяснилъ ту роль, какую набѣги норманновъ и сарацинъ, а также вымогательства и притѣсненія графовъ въ дѣлѣ вынужденія налоговъ и воинской службы, играли въ томъ движеніи, которое заставляло мелкихъ свободныхъ людей обмѣнивать свою независимость и право собственности на покровительство и экономическую поддержку со стороны надѣленныхъ иммуни-

---

[1]) Дѣйствительный характеръ и границы тѣхъ преимуществъ, какія создавала выдача королемъ обращенныхъ къ начальникамъ провинцій приказовъ о соблюденіи иммунитета въ предѣлахъ тѣхъ или другихъ частныхъ владѣній, духовныхъ и свѣтскихъ, какъ нельзя лучше выяснены Фюстель де Куланжемъ въ послѣдней главѣ его книги

[2]) Подлинныя слова капитуларія: quod unusquisque liber homo seniorem qualem voluerit accipiat.—Ср объ этомъ Gierke, Rechtsgeschichte der deutschen Genossenschaft (стр. 120) и Maurer, Einleitung in die Geschichte der Markverfassung, стр 213

тетами духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ. Формулы и капитуларіи на каждомъ шагу подтверждаютъ высказываемыя имъ положенія. «Обстоятельства времени и забота о собственной жизни, заодно съ неурожаемъ и бѣдностью, побуждаютъ меня,—читаемъ мы въ одной формулѣ города Анжу,—передать себя всецѣло вамъ въ услуженіе» [1]). Въ актахъ распоряженія имуществомъ, уцѣлѣвшихъ въ архивахъ отдѣльныхъ монастырей Германіи, весьма часто причиной передачи одного лица въ руки другого признается имущественная необезпеченность и нужда въ содержаніи [2]). Что подобныя передачи не всегда происходили добровольно, что притѣсненія сильнѣйшихъ и черная неправда судовъ нерѣдко побуждали лицъ несостоятельныхъ къ отчужденію ихъ земель, на это указываютъ капитуларіи 805 и 806 г.[3]). Въ ряду такого рода общественныхъ нестроеній особенно наглядно выступаютъ притѣсненія лицъ, завѣдующихъ наборомъ. Капитуларій 811 г. говоритъ, что епископы, настоятели монастырей и графы стараются освободить отъ воинской службы своихъ liberi homines, занося ихъ въ число людей несвободныхъ и поэтому уже лишенныхъ права участія въ народныхъ ополченіяхъ,—и прибавляетъ, что, по слухамъ, тѣ же епископы, настоятели монастырей и графы принуждаютъ къ службѣ бѣднѣйшихъ, разъ они не откупятся всѣмъ, что имѣютъ Болѣе ранній капитуларій 808 г. считаетъ уже такіе выкупы явнымъ злоупотребленіемъ. Сказаннымъ объясняется заявленіе того же закона, что многіе совершаютъ коммендацію, передаются въ чужія руки—съ цѣлью избѣжать воинской службы. Тѣхъ же, кто не захочетъ перенести титулъ собтсвенности на епископа, аббата, графа, судью или начальника надъ сотнею, настолько разоряютъ постоянной службой въ войскѣ, что ставятъ ихъ въ необходимость передать въ чужія руки принадлежащія имъ земли или произвести ихъ отчужденіе [4]). Духов-

---

[1]) Этотъ и другіе однохарактерные тексты собраны Вайцемъ во II томѣ его Verfassungsgeschichte

[2]) Die Ausbildung der grossen Grundherrschaften in Deutschland, von Karl Inama-Sternegg, стр 56.

[3]) Cap. a 805. de oppressione pauperum liberorum hominum ut non fiant a potentioribus per aliquod malum ingenium contra justitiam oppressi, ita ut coacti res eorum vendant vel tradant.—Cap. a. 806: sunt et alii, qui justitiam legibus recipere debeant et in tantum fiunt in quibusdam locis fatigati, usque dum illorum justitiam per fideiussorum manus tradant, ita ut aliquid vel parvum possint habere et forciores suscipiant maiorem porcionem.

[4]) Capit. de exped exercit. (a 811, cap. 3, 4, 5 и 8): Alii vero sunt qui ideo se commendant ad aliquot seniores, quos sciunt in hostem non profecturos... sem-

ные собственники не отступаются ни передъ обѣщаніемъ вѣчнаго блаженства благотворителямъ церкви, ни передъ угрозой вѣчныхъ мукъ тѣмъ, кто отказываетъ ей въ приношеніяхъ. Болѣе простодушные, значится въ капитуларіи 811 г.[1]), откуда мы заимствуемъ эти подробности, поддаются увѣщаніямъ, отказываются отъ своихъ имуществъ и оставляютъ дѣтей безъ наслѣдства.

Но эти злоупотребленія, какъ бы значительны они ни были, не могутъ еще сами по себѣ объяснить намъ быстрый ростъ церковнаго землевладѣнія, такъ какъ съ ними ратовали, и, можетъ быть, не всегда безуспѣшно, законы обновленной Карломъ Великимъ имперіи. Нужно еще принять во вниманіе сосредоточеніе въ рукахъ владѣльцевъ церковныхъ обителей движимаго капитала и, въ частности, того рабочаго инвентаря, безъ котораго свободному, но малосостоятельному человѣку, мудрено было вести свое хозяйство. Необходимо также не терять изъ виду, что монастыри были богаты способными къ обработкѣ пустошами, которыя составляли нерѣдко главную часть сдѣланныхъ въ ихъ пользу пожалованій. Простой расчетъ заставлялъ поэтому монастыри привлекать на свои земли колонистовъ, надѣлять ихъ новью подъ условіемъ ничтожной сравнительно ренты,—и тѣ же чисто-экономическія соображенія побуждали и свободнаго человѣка передавать себя со своимъ мелкимъ алодомъ въ ихъ подданство, въ надеждѣ получить значительно большій надѣлъ. Не даромъ же капитуларій Аквисграна рисуетъ намъ церковныхъ собственниковъ, раздающихъ охотно лѣсные участки въ корчевку всѣмъ, кто кажется имъ способнымъ принести пользу хозяйству [2]).

Но если монахи не отступаютъ передъ имущественными пожертвованіями, разъ дѣло идетъ объ ихъ подданныхъ, они оказываются самыми придирчивыми сосѣдями относительно всѣхъ, кто сохранилъ независимость и продолжалъ владѣть на правахъ общиннаго пользователя сообща съ ними лѣсомъ или пастбищемъ. Капитуларій 850 г говоритъ о частыхъ столкновеніяхъ, поводомъ которыхъ служитъ желаніе обителей присвоить себѣ возможно большія выгоды въ нераздѣльныхъ угодьяхъ [3]). Озабоченныя хозяйственной эксплоатаціей лѣса и пастбища,

---

per in hostem faciunt ire (episcopi, abbati, comiti, centenarii) illum pauperem usque dum pauper factus volens nolens suum proprium tradat vel vendat.

[1]) Capit. Aquisgranae, гл. V (Pertz, Leges, 1, 167).

[2]) Ibid, a. 813, c. 19: Ubicumque invenient utiles ullos homines, detur illis silva ad stirpandum.

[3]) Cap. a. 850, c 5 quod potentes ac honorati viri in locis quibus conversantur, minorem populum depopulentur et opprimant et eorum pascua depascant

онѣ, какъ видно изъ другихъ приводимыхъ Инама текстовъ, не допускаютъ сосѣднихъ поселянъ (vicini) къ пользованію этими угодьями иначе, какъ по ихъ милости [1]), и всячески озабочены охраненіемъ доставляющихъ кормъ свиньямъ дубовъ отъ неумѣренныхъ порубокъ [2]) Хозяйственный же расчетъ заставляетъ ихъ поэтому округлять имѣнія, скупая или отбирая участки у сосѣдей, и занимая ихъ усадьбы собственными людьми [3]).

Всѣми этими путями епископы и монастыри уже въ теченіе VIII и IX столѣтій снова сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ обширныя владѣнія. О церкви въ Реймсѣ папа Адріанъ говоритъ въ 775 году въ посланіи къ епископу Тилпину, что, благодаря предстательству послѣдняго предъ Карломаномъ и Карломъ, достигнуто было возвращеніе ей значительной части прежнихъ владѣній. Къ этимъ владѣніямъ не замедлили присоединиться новыя королевскія пожалованія, напр villa Noviliacum въ 771 году. Много земель удалось также отвоевать предъ судами [4]).

Равнымъ образомъ церковь въ Окзерѣ еще ранѣе конца VIII-го вѣка возстановила, благодаря заботамъ епископа Маурина, большую часть своего прежняго доманіальнаго фонда [5]).

Жажда пріобрѣтенія такъ наглядно выступаетъ въ дѣйствіяхъ церковнаго начальства во времена Карла Великаго, что въ одномъ изъ своихъ капитуляріевъ основатель христіанской Римской Имперіи позволяетъ себѣ по адресу чернаго духовенства слѣдующее сатирическое замѣчаніе. «пусть откровенно скажутъ они, какъ понимается ими обязанность покидать блага міра сего» (seculum relinquere) [6]).

Къ эпохѣ воцаренія Капетинговъ мы видимъ церковныя латифундіи снова возстановленными безъ ущерба свѣтскимъ. Отъ всѣхъ этихъ

---

1) Nisi ex permisso rectorum eiusdem sancti loci (Deutsche Wirthschaftsgeschichte, т. 1, стр 270, прим. 2)

2) Въ одной аллеманской формулѣ значится: eo tamen pacto, ut forestarius sancti ipsius eos (pagenses) admoneat et conveniat, ne immoderato ruendo arbores glandiferas et sibi nocui et sancto loco inveniantur infesti.

3) Capit. 850 г., c. 5: mansiones etiam contra voluntatem privatorum hominum sive pauperum in eorum domibus suis hominibus disperciant, eisque per vim quaelibet tollant.

4) per auctores ecclesiae diversos apud iudices (res ecclesiae) Tilpinus legibus obtinuit (Flodoardi Hist Remensis, II, 17. Цитата Рота, стр 94 См. также стр 85).

5) Ibid, стр. 117.

6) Capit. 811 г., c 4 Iterum inquirendum ab eis (ecclesiasticis), ut nobis veraciter patefaciant, quid sit quod apud eos dicitur „seculum relinquere“.

округленій потерпѣла одна мелкая аллодіальная собственность. Она продолжаетъ держаться въ X, XI и XII вѣкахъ на правахъ рѣдкаго исключенія и, чтобы найти защиту отъ сильныхъ и могущественныхъ представителей феодальной организаціи, обращается подчасъ,—какъ показываетъ примѣръ Тулузскаго капитула Св. Этьена и двухъ мелкихъ свободныхъ собственниковъ изъ семейства Usset въ 1192-мъ году,—къ установленію союзовъ взаимной обороны [1]).

---

[1]) См. Saige, Une alliance défensive entre propriétaires allodiaux au X siècle (Biblioth. de l'école des chartes, т. XXII)

ГЛАВА XIV.

Процессъ образованія крупныхъ имѣній и замѣны свободной общинной собственности зависимымъ помѣстнымъ владѣніемъ въ Англіи.

§ 1.

Тотъ же процессъ образованія крупной земельной собственности можетъ быть констатированъ и въ Англіи. Со временъ Пальгрева считается установленнымъ, что за долго до завоеванія Вильгельма нѣкоторые, если не всѣ, элементы феодальной системы были уже на лицо, что завоеваніе только придало англійскому феодализму своеобразный характеръ, но не вызвало его впервые къ жизни. Вполнѣ раздѣляя этотъ взглядъ, я вкратцѣ укажу на тѣ причины, которыя вызвали въ Англіи общій всему Западу процессъ феодализаціи и отразились, между прочимъ, на переходѣ свободной сельской общины въ зависимую или помѣстную. Экономическій фундаментъ, на которомъ возникаетъ феодальная система, составляетъ крупная земельная собственность: гдѣ ея нѣтъ, гдѣ большинство народа продолжаетъ владѣть землею на правахъ частныхъ или общинныхъ обладателей ея, тамъ нѣтъ необходимыхъ условій для развитія феодализма. Примѣръ Кастиліи, не знавшей феодализма, благодаря широкому господству «бегетрій», т. е. товарищескаго раздѣла земель между дружинниками, отобравшими ихъ у Мавровъ, и Швеціи, въ которой крестьянству удалось удержать въ своихъ рукахъ большую половину земель, служатъ лучшими иллюстраціями сказаннаго. Неудивительно поэтому, если въ Англіи, какъ и на континентѣ, феодализаціи предшествовалъ процессъ обезземеленья большинства населенія въ интересахъ немногихъ.

Спрашивается, какъ совершился этотъ процессъ? Въ одной

изъ предшествующихъ главъ я старался обосновать тотъ взглядъ, что земли въ Англіи на первыхъ порахъ не подлежали отчужденію, по крайней мѣрѣ, на вѣчныя времена. Не возвращаясь къ сказанному, я ограничусь замѣчаніемъ, что въ словахъ Беды о порядкѣ надѣленія землею первыхъ воздвигнутыхъ англо-саксами церквей, какъ и въ тѣхъ ограниченіяхъ, какія законы Альфреда устанавливаютъ по отношенію къ отчужденію родовой собственности, можно найти частью прямое, частью косвенное подтвержденіе высказываемой здѣсь мысли. Помѣщая подъ 604 г разсказъ о сооруженіи Этельбертомъ церкви Св. Андрея, Беда говоритъ, что король отдалъ въ пользованіе (in usum dedit) лицамъ, состоявшимъ при епископѣ (qui erant cum episcopo), земли и владѣнія (territoria ac possessiones). О предоставленіи имъ права собственности—ни слова [1]) То обстоятельство, что въ теченіе болѣе ста лѣтъ, вплоть до 604 г., церковь въ Рочестерѣ не владѣла ни однимъ помѣстьемъ, говоритъ также въ пользу сравнительно поздняго происхожденія церковнаго землевладѣнія [2]). Этотъ фактъ, вмѣстѣ съ упомянутымъ уже заявленіемъ древнѣйшаго англо-саксонскаго лѣтописца, указываютъ, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать тѣ пожалованія, которыя, съ согласія, какъ значится въ нихъ, nobilium obtimatum, король дѣлаетъ въ пользу церкви и монастырей, уступая имъ подчасъ цѣлыя виллы, со всѣми платежами (redditus) и всѣмъ, что по праву должно поступать съ нихъ (cum omnibus jure competentibus), съ ихъ сельскими рабами (mancipiis), лѣсами, воздѣланными и не воздѣланными землями, лугами, пастбищами, болотами, рѣками и морскимъ побережьемъ [3]) Дѣлая такія пожалованія, король только отчуждаетъ въ пользу духовенства тѣ доходы, которые дотолѣ поступали въ народную казну, не внося въ то же время никакихъ измѣненій въ отношенія поселенцевъ къ занятой имъ почвѣ [4]) Въ письмѣ къ архіепископу Йоркскому Этельберту, Беда, какъ мы видѣли, считаетъ попытки нѣкоторыхъ свѣтскихъ лицъ получить письменное утвержденіе за ними извѣстныхъ земель на наслѣдственномъ правѣ—нововведеніемъ, и,

---

[1]) Venerabilis Bedae Historia ecclesiastica, ed. Ioseph Stevenson, т. I, стр 105

[2]) Registrum Roffense, a. 604

[3]) Cod Dipl, № 4, a. 605.

[4]) Отчуждая тѣ или другія виллы, король въ то же время удерживаетъ за собою право требовать съ ихъ населенія выполненія такъ называемой „trinoda necessitas“, другими словами, военной повинности и обязательнаго участія жителей въ содержаніи и поправкѣ дорогъ, мостовъ и въ сооруженіи королевскихъ крѣпостей.

упоминая о пожалованіяхъ короля и витановъ сыновьямъ дворянъ и заслуженныхъ воиновъ (milites, то же, что по англо-саксонски thani) употребляетъ не терминъ собственности, а терминъ владѣнія (possessio) [1]). Съ другой стороны, необходимость получить consensus со стороны родственниковъ при продажѣ и даренін родовой земли, о чемъ постоянно упоминается въ грамотахъ VII и слѣдующихъ столѣтій, и запрещеніе, дѣлаемое законами Альфреда, отчуждать земли, признанныя неподлежащими передачѣ въ третьи руки ихъ первыми пріобрѣтателями или тѣми, отъ кого онѣ получены въ наслѣдство [2]), служили не меньшимъ препятствіемъ къ накопленію земельной собственности въ чьихъ бы то ни было рукахъ.

Всѣ эти преграды падаютъ съ того момента, когда духовенство, пользуясь своимъ первенствующимъ значеніемъ при англо-саксонскихъ короляхъ, успѣшно проводитъ въ издаваемые ими законы римское начало свободнаго распоряженія земельной собственностью. Правда, что послѣднее довольно медленно прививается обществу, на что указываетъ рѣдкость завѣщаній въ теченіе всего англо-саксонскаго періода, въ особенности же, до X-го вѣка [3]).

Если законы Альфреда еще удерживаютъ за нѣкоторыми имѣніями ихъ архаическій родовой характеръ, то, съ другой стороны, отчужденія королевскихъ доменовъ, притомъ—не въ пользованіе, какъ это было прежде, а въ собственность, съ каждымъ поколѣніемъ становятся все чаще и чаще.

Въ любомъ житіи въ похвалу святому говорится, что подъ его вліяніемъ, король, обращенный имъ въ христіанство или только укрѣпившійся въ вѣрѣ, благодаря его совѣту, доброму примѣру или поразившимъ его воображеніе чудесамъ, строитъ новыя церкви и монастыри или возобновляетъ прежнія, одаряя одинаково тѣ и другія землями изъ доменовъ.

Въ устахъ Беды, похвалой Эдвину Нортумберландскому звучатъ слѣдующія слова: воздвигаемы были церкви, раздавались, благодаря

---

[1]) Migne, т 94, стр 662 и 663

[2]) См. выше. Этимъ объясняется рѣдкость дареній, дѣлаемыхъ частными лицами въ пользу церкви и монастырей въ VII и ближайшихъ столѣтіяхъ,

[3]) Каботъ Лоджъ указываетъ на тотъ фактъ, что изъ 36 завѣщательныхъ грамотъ, дошедшихъ до насъ отъ временъ англо-саксовъ, всего 4 принадлежатъ столѣтіямъ, предшествующимъ X в , 10 составлены были до Этельреда, 10—въ періодъ времени отъ его воцаренія до вступленія на престолъ Эдуарда Исповѣдника, 16—при послѣднемъ (Essays, стр. 107).

щедрости короля, земли и владѣнія подъ новые монастыри [1]). Эти данныя Беда сообщаетъ подъ 635 г., а на разстояніи пяти лѣтъ онъ снова говоритъ о сооруженіи обителей и надѣленіи ихъ имѣніями [2]) Проходитъ еще пятнадцать лѣтъ, и король Освіу, также изъ Нортумберланда, въ благодарность Богу за дарованную ему побѣду, раздаетъ possessiones et territoria ad construenda monasteria. Онъ надѣляетъ, между прочимъ, построенную епископомъ Цедою обитель въ отдаленной и гористой мѣстности (in montibus arduis ac remotis) имѣньицами (possessiunculae), каждое съ десятью дворами [3])

Св. Бенедиктъ, впервые введшій въ англійскіе монастыри уставъ Блаженнаго Августина [4]), по словамъ его біографа Беды, пріобрѣлъ такое благоволеніе (gratiam familiaritatis) королей Освіу и Эгфрида, что сперва получилъ отъ нихъ въ даръ землю съ семьюдесятью дворами, а затѣмъ, когда благотворитель убѣдился, «что даръ его сдѣланъ былъ съ пользою» (quia bene se ac fructuose donasse conspexit), еще лишнихъ сорокъ дворовъ [5]). На этихъ земляхъ Бенедиктъ основалъ свой знаменитый монастырь въ Вирамутѣ, а его преемники увеличили владѣнія послѣдняго, частью путемъ присоединенія къ прежнимъ новыхъ королевскихъ пожалованій, частью путемъ непосредственной покупки земель у короля [6]).

Сынъ Освіу, Альфредъ, какъ это видно изъ житія епископа Вильфрида, жалуетъ духовенству новыя земли, сперва участокъ съ десятью дворами трибутаріевъ (terram decem tributariorum) въ Станфордѣ, а затѣмъ тридцать крестьянскихъ дворовъ, съ расположеннымъ среди нихъ небольшимъ монастыремъ въ Гриписъ. Все это онъ дѣлаетъ «pro animae suae remedio» [7]).

Примѣру Нортумберландскихъ королей слѣдуютъ правители Мер-

---

[1]) A. 635. Construebantur ergo ecclesiae per loca, donabantur munere regio possessiones et territoria ad instituenda monasteria (т. I, стр 161).

[2]) Ibid., стр 173.

[3]) Ibid, т. I, стр. 215.

[4]) Wilfridus etiam primus regulam sanctissimi Benedicti a monachis observari monebat Monasteria tamen fundata ante Benedictum fuerunt et congregationes monachorum quamplura in quolibet centenario annorum post Christi passionem sub regula institute (Historia monasterii S. Augustini Cantuariensis, by Thomas of Elmham (R B S., p. 198)

[5]) Vita S. Abbatum monasterii in Wiramutha et Girvum (Beda, Migne, v. 94, стр 714).

[6]) Ibid, стр. 725

[7]) Vita Wilfridi episcopi auctore Eddio Stephano Это житіе написано во второй половинѣ VII вѣка (Historians of the Church of York, стр 12)

ціи, Истангліи и Вессекса Когда преслѣдуемый врагами Вильфридъ принужденъ былъ искать убѣжища во владѣніяхъ нѣкоего Бергтвальда, котораго житіе называетъ «praefectus» и считаетъ племянникомъ короля Мерціи, Этельреда, первымъ дѣломъ гостепріимнаго хозяина является надѣленіе пришельца и его спутниковъ землею для сооруженія на ней монастыря. Когда Бергтвальдъ, повѣствуется въ житіи, увидѣлъ передъ собою такихъ почтенныхъ мужей и узналъ отъ нашего святого учителя причину ихъ прихода, онъ сталъ умолять ихъ именемъ Божіимъ остаться съ нимъ и предложилъ имъ часть своихъ земель для поселенія монаховъ (ad habitandum in eo (territorio) servos dei). Святой же первоепископъ нашъ, вознося благодарственную хвалу Богу за то, что онъ даровалъ ему возможность нѣкотораго покоя (quod aliquod solatium requiei dedisset), немедленно приступилъ къ сооруженію монастыря на дарованной землѣ, которой и понынѣ владѣютъ лица, живущія въ немъ [1]).

Тотъ же Вильфридъ является основателемъ первыхъ монастырскихъ обителей и въ территоріи восточныхъ саксовъ, впервые обращенныхъ имъ въ христіанство. Повѣствуя объ этомъ, авторъ житія замѣчаетъ, что король Этельвальдъ, сдѣлавшійся послѣ крещенія мягкосердымъ и благочестивымъ, пожертвовалъ епископіи помѣстье, въ которомъ пребывалъ дотолѣ лично, и вскорѣ затѣмъ еще восемьдесятъ семь дворовъ въ Сколезіи; епископъ же построилъ на полученной имъ землѣ монастырь, въ которомъ и доселѣ проживаетъ братія [2]).

Когда нѣсколько лѣтъ спустя обстоятельства заставляютъ того же Вильфрида временно переселиться въ Вессексъ, правитель послѣдняго—Цедвала одаряетъ, по его совѣту, церковь безчисленнымъ множествомъ земель «secundum desiderium animae suae [3]).

Позднѣйшія житія вспоминаютъ о второй половинѣ VII-го вѣка, какъ о времени наиболѣе щедрыхъ пожалованій. Въ своей исторіи англо-саксонской церкви Беда говоритъ объ этой эпохѣ, какъ о томъ періодѣ въ жизни Нортумберландскаго народа. «когда и простые міряне, и воины [4]) (т. е. таны) вмѣстѣ съ дѣтьми своими охотно бросали прежній образъ жизни и постригались въ священники или записывались въ монахи, предпочитая военнымъ занятіямъ иноче-

---

1) Ibid, стр. 56
2) Ibid, стр 57.
3) Ibid, стр. 59.
4) „Milites“ Беды Альфредъ переводитъ словомъ thanni.

ство» [1]). Послѣдствіемъ такихъ частыхъ пострижеиій было, разумѣется, обогащеніе церкви и монастырей.

Неудивительно, если въ «житіи» Беды времена Вильфрида и Куитберта признаются «эпохой наибольшаго процвѣтанія церкви», повсемѣстнаго сооруженія новыхъ храмовъ и обителей, надѣленія ихъ землями и владѣніями [2]).

Переходя отъ этого періода ко временамъ самого Беды, мы встрѣчаемся съ фактомъ, который на первый взглядъ вызываетъ одно недоумѣніе. Въ не разъ уже цитированномъ письмѣ къ Эгберту Беда говоритъ о «loca innumera in monasterium ascripta vocabulum, sed nihil prorsus monasticae conversationis habentia» и нѣсколько ниже объясняетъ порядокъ происхожденія такихъ обителей тѣмъ, что подъ предлогомъ построенія монастырей люди свѣтскаго званія покупаютъ земли у королей и проживаютъ затѣмъ на нихъ, «удовлетворяя во всемъ своей похоти». Купленныя земли, по настоянію ихъ пріобрѣтателей, заносятся въ королевскіе эдикты, какъ ихъ наслѣдственное достояніе [3]). По словамъ Беды, эта практика водворилась въ Нортумбріи за послѣднія тридцать лѣтъ со смерти короля Альфреда, имѣвшей мѣсто въ 705-мъ году. Во время составленія этого письма (734-ый годъ), послѣдствія такого порядка вещей успѣли уже сказаться вполнѣ. По словамъ англо-саксонскаго лѣтописца, трудно было бы указать на провинціальнаго правителя (praefectus), который не счелъ бы нужнымъ озаботиться о пріобрѣтеніи такой обители для себя и своей жены. Этому примѣру не замедлили послѣдовать и совѣтники, и слуги короля. По мѣрѣ возрастанія числа монастырей, домены все болѣе и болѣе убываютъ, и Беда жалуется, что въ его время не остается уже участковъ для раздачи графскимъ родамъ и сыновьямъ тановъ, другими словами, служилому сословію [4]).

Причина, побуждавшая свѣтскихъ магнатовъ къ описанному Бедой образу дѣйствій, вѣрно указана въ соборномъ постановленіи, со-

---

[1]) Beda, т. I, стр 415

[2]) Vita Venerabilis Bedae, ab anonymo scripta (Migne, vol 90, стр. 44).

[3]) At alia graviore adhuc flagitio, cum sint ipsi laici et nullius vitae regularis vel usu exerciti, vel amore praediti, data regibus pecunia emunt sibi, sub praetextu monasteriorum construendorum territoria, in quibus suae liberius vacent libidini; et haec insuper in jus sibi haereditarium edictis regalibus faciunt ascribi, ipsas quoque litteras privilegiorum suorum quasi veraciter Deo Dignas, pontificum abbatum et potestatum saeculi obtinent subscriptione confirmari (Migne, т. 94, стр 663)

[4]) Migne, т 94, стр 662, 664. О томъ, что въ данномъ случаѣ говорится о раздачѣ доменовъ, см. Виноградовъ, Folkland, стр. 13.

стоявшемся въ 747-мъ году въ Клавесго. Вполнѣ подтверждая свидѣтельство англійскаго церковнаго писателя, соборъ жалуется на то, что повсюду встрѣчаются монастыри въ рукахъ свѣтскихъ лицъ (a saecularibus... ubicunque tenentur); причина—vis tyrannicae quondam avaritiae, другими словами, жадность, стремленіе къ обогащенію [1]). — Эпоха Беды, т.-е. конецъ VII-го и начало VIII-го вѣка составляетъ, такимъ образомъ, поворотный моментъ въ этой исторіи англо-саксонскаго землевладѣнія, такъ какъ съ этого только времени начинается ростъ свѣтскаго помѣстья наравнѣ съ духовнымъ. Церковныя предписанія могли, разумѣется, отнять у свѣтскихъ лицъ настоятельство надъ монастырями; но они были безсильны лишить ихъ земель, разъ записанныхъ за ними въ наслѣдственную собственность. Вотъ почему только съ этого времени и въ англо-саксонскихъ грамотахъ частныя пожалованія, дѣлаемыя графами и танами (comites и milites), чередуются съ королевскими. Тѣмъ не менѣе, церковная собственность все еще удерживаетъ за собою перевѣсъ надъ свѣтской. Такой порядокъ продолжаетъ держаться до конца англо-саксонскаго періода и получаетъ даже крайнее выраженіе при послѣднемъ изъ туземныхъ правителей — Эдуардѣ Исповѣдникѣ. Религіозное рвеніе, побуждавшее королей и магнатовъ къ основанію новыхъ храмовъ и монастырскихъ обителей, нимало не охладѣваетъ.

Эпоха Дунстана, наравнѣ со временами Вильфреда и Бенедикта, можетъ быть признана временемъ наибольшаго процвѣтанія въ Англіи монастицизма. Набѣги датчанъ въ теченіе девятаго вѣка постепенно привели англійскія аббатства въ совершенное запустѣніе; во многихъ мѣстахъ братія принуждена была оставить обители; отъ прежнихъ монастырей уцѣлѣли однѣ только развалины; «едва ли кто слышалъ въ это время объ аббатахъ или видѣлъ собственными глазами то, что называется монастыремъ», такими чертами характеризуетъ современникъ Ланфранка, Осборнъ, эпоху, непосредственно предшествовавшую появленію Дунстана [2]). Дѣло возрожденія монастицизма пришлось начать съ возстановленія старыхъ обителей. Имѣя неограниченное вліяніе на короля Эдреда, будучи при немъ, какъ выражается его біографъ, «quasi rex et regis imperator», Дунстанъ поль-

---

[1]) Councils, III, стр 364.

[2]) Vita S. Dunstani auctore Osberno (Memorials of S. Dunstan, p. 74 См. толкованіе, даваемое этому мѣсту Стебсомъ въ предисловіи къ этимъ Memorials)

зуется своимъ положеніемъ для того, чтобы надѣлить храмы, возстановленные изъ развалинъ или вновь сооруженные, обширными «наслѣдствами» (amplis haereditatibus). Удерживая то же вліяніе и по отношенію къ преемникамъ Эдреда, Этельвульфу и Эдгару, Дунстанъ побуждаетъ ихъ къ ежечаснымъ милостямъ и щедротамъ по отношенію къ церкви и ея служителямъ. Въ Passio S Edwardi regis мы читаемъ, что Этельвульфъ на собственныя средства реставрировалъ прежнія аббатства и соорудилъ новыя, надѣляя тѣ и другія помѣстьями и землями (villae ac praedia ad victum et vestitum eorum) [1])

О королѣ Эдгарѣ житіе Освальда, архіепископа Іоркскаго, написанное его современникомъ, монахомъ аббатства въ Рамзе, сообщаетъ слѣдующую подробность: въ свое правленіе онъ основалъ болѣе сорока обителей, надѣляя ихъ каждый разъ весьма щедро землями [2]).

Не одними, впрочемъ, королевскими пожалованіями расширялось въ это время монастырское землевладѣніе. Не мало также содѣйствовали этому и покупки, дѣлаемыя аббатами, или пожертвованія, совершаемыя частными лицами. О томъ, какъ происходило въ X вѣкѣ округленіе и приращеніе монастырскихъ имуществъ, мы легко можемъ судить по тѣмъ даннымъ, какія дошли до насъ относительно двухъ весьма извѣстныхъ въ средніе вѣка аббатствъ — въ Эли и въ Мальмесбери. Сообщеніемъ ихъ мы закончимъ нашъ очеркъ постепеннаго развитія въ Англіи монастырской собственности.

Основаніе аббатства въ Эли [3]) относится къ первой половинѣ X-го вѣка. Земли, вошедшія въ составъ монастырскихъ владѣній, были однѣ пожертвованы королемъ и свѣтскими владѣльцами, другія пріобрѣтены покупкой. Этимъ послѣднимъ путемъ монастырь вступилъ въ обладаніе значительной частью своихъ владѣній, начиная съ тѣхъ двадцати гидъ, которыя на самомъ островѣ Эли входили до того въ составъ terra regis, другими словами, частныхъ владѣній короля, и были проданы затѣмъ епископу—аббату Эдельвальду въ 959-мъ году. За

---

[1]) Memorials of S Dunstan, p 95 Passio Sancti Edwardi Regis (въ рукописи Британскаго музея) Multa suae patriae destituta et exinanita monasteria de suo fecit restaurari, nonnulla vero a fundamentis aedificari .. conferens praedia ac villas ad victum et vestitum eorum.

[2]) Historians of the Church of York, стр 426.

[3]) Свѣдѣнія на этотъ счетъ мы почерпаемъ изъ такъ называемаго Liber Eliensis, составленнаго приблизительно около 1153 г. Томасомъ, монахомъ монастыря въ Эли. Liber Eliensis изданъ „Anglia Christiana“ въ 1848 г.

исключеніемъ этого довольно значительнаго участка, всѣ остальныя монастырскія пріобрѣтенія обнимаютъ собою обыкновенно лишь нѣсколько десятковъ акровъ. Это обстоятельство весьма наглядно иллюстрируетъ утверждаемый нами фактъ существованія въ ранній періодъ англо-саксонскаго владычества мелкой свободной собственности, а, слѣдовательно, и независимыхъ отъ помѣщика селеній. Такъ, подъ 975-мъ годомъ мы читаемъ о пріобрѣтеніи семидесяти акровъ земли у Вульфаго де Колле, цѣною по одному солиду за акръ, а также почти всей земли Альфзи и многихъ акровъ, пріобрѣтенныхъ отъ болѣе бѣдныхъ жителей того же селенія (et plurimam aeram a villanis pauperioribus eiusdem villae). На разстояніи немногихъ страницъ монахъ Томасъ упоминаетъ о другой подобнаго же рода покупкѣ, сдѣланной на этотъ разъ у жителей городского поселенія Тетфордъ. Лѣтописецъ говоритъ, что монастырь купилъ семьдесятъ акровъ у Эддинго и, сверхъ того, еще много акровъ у другихъ лицъ, имена которыхъ не приводятся [1]). Нѣкоторыя данныя, сообщаемыя въ Liber Eliensis, наводятъ еще на мысль, что причиною отчужденій, дѣлаемыхъ въ пользу церкви, было не одно благочестіе. Монастыри пользовались стѣсненнымъ положеніемъ своихъ сосѣдей и, ссужая ихъ деньгами обезпечивали себѣ обыкновенно ихъ возвращеніе тѣмъ, что брали въ личное пользованіе часть земельныхъ владѣній должника, иначе говоря, обращались къ той древней формѣ залога, которая, въ отличіе отъ современной, переносила на кредитора фактическое обладаніе, если не распоряженіе заложеннымъ имуществомъ. При неисправности должниковъ, имѣнія оставались за монастыремъ, нерѣдко подъ условіемъ незначительной доплаты съ его стороны. Это еще не залогъ въ нашемъ смыслѣ, который въ англійскомъ правѣ, какъ и въ континентальномъ, является сравнительно поздно; это то, что французскому праву извѣстно подъ именемъ «nantissement». Лучшей иллюстраціей описаннаго порядка является слѣдующій фактъ, занесенный въ лѣтописи аббатства. Одинъ изъ королевскихъ тановъ, по имени Ослакъ (Oslacus), какъ заподозрѣнный въ измѣнѣ, подвергнутъ былъ конфискаціи имуществъ, по распоряженію короля Эдгара. Епископъ—аббатъ Этельвольдъ выступилъ ходатаемъ за Ослака и просилъ короля возвратить виновному все отобранное у него. Король согласился на это, впрочемъ, только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы помилованный уплатилъ ему единовременно 100 ма-

---

[1]) Къ числу однохарактерныхъ пріобрѣтеній надо отнести и тотъ „alodum domibus aedificatum“, о которомъ монахъ Томасъ упоминаетъ подъ 975 годомъ.

рокъ золотомъ (C aureos). Такъ какъ послѣднихъ не оказалось у Ослака, то епископъ согласился кредитовать ему часть этой суммы, именно 40 марокъ. Въ свою очередь, Ослакъ, принявъ во вниманіе, какъ говоритъ лѣтописецъ, частыя услуги Этельвольда, обѣщалъ предоставить ему сорокъ акровъ земли, что и исполнилъ. Но по смерти короля Эдгара, дарованныя такимъ образомъ владѣнія отобраны были Ослакомъ обратно. На всѣ протесты епископа Ослакъ отвѣчалъ утвержденіемъ, что онъ никогда не отчуждалъ ему земель. Не отказываясь, въ то же время, отъ долга, онъ соглашался на то, чтобы непричастныя къ дѣлу лица оцѣнили спорные сорокъ акровъ, и послѣдніе пошли по оцѣнкѣ въ уплату долга. Епископъ принялъ это предложеніе. Эксперты оцѣнили земли въ 26 марокъ золота, и Ослакъ немедленно доплатилъ недостающія четырнадцать [1]).

Вслѣдствіе расточительности, допущенной королями въ распоряженіи доменами за предшествующія столѣтія, конфискованныя имѣнія въ X в одни стали служить фондомъ для земельныхъ пожалованій. Liber Eliensis поминутно указываетъ на надѣленіе монастыря землями, отобранными королемъ у мятежныхъ тановъ Таковы, напримѣръ, тѣ сорокъ гидъ in pago Haetfeld, которыя дарованы были аббатству королемъ Эдгаромъ. По отношенію къ нимъ заявлена была монастырю слѣдующая претензія. Ольдерменъ Эгельвинъ и братья его, «люди могущественные» (viri potentes), какъ называетъ ихъ лѣтописецъ, не захотѣли признать за аббатствомъ владѣнія этими землями, ссылаясь на то, что онѣ взяты были королемъ для обмѣна у ихъ отца Этельстана, который, однако, ничего не получилъ отъ короля. Вмѣсто того, чтобы дать ихъ отцу обѣщанныя земли въ Девонширѣ, «король предпочелъ силою лишить его тѣхъ и другихъ земель» (sed rex Aedgarus per violentiam utraque terra eum privaverit). Монахи поспѣшили замять дѣло и уплатили истцамъ цѣну оспариваемой у нихъ земли [2]). Другой подобный же случай представился нѣсколько лѣтъ спустя, въ 975 году. На этотъ разъ законность сдѣланнаго королемъ даренія въ пользу монастыря оспаривалась на томъ основаніи, что пожалованная Эдгаромъ земля принадлежала къ числу конфискованныхъ. Наслѣдники потерпѣвшаго, ссылаясь на родовой характеръ имѣнія, доказывали, что король не имѣлъ права конфисковать его. Монастырь вышелъ побѣдителемъ изъ этого столкновенія, такъ какъ спрошенные объ обычаѣ «старики и мудрѣйшіе» (sapientes illius pro-

---

[1]) Liber Eliensis, стр 134.

[2]) Ibid., стр. 115

vinciae et senes) высказались въ томъ смыслѣ, что въ графствѣ Гентингдонѣ король въ правѣ конфисковать всю землю помѣстья, за исключеніемъ всего на всего двухъ гидъ, къ составу которыхъ нельзя причислить состоящія въ спорѣ владѣнія [1]).

Уже изъ сказаннаго видно, что расширеніе аббатствомъ его владѣній не обходилось безъ враждебныхъ столкновеній съ сосѣдями. Эти столкновенія были особенно часты въ случаяхъ пожалованія частнымъ лицомъ его родовой земли—новое доказательство въ пользу того, какъ долго продолжало держаться въ обществѣ представленіе о неотчуждаемомъ характерѣ унаслѣдованной собственности [2]). Примѣромъ такихъ препирательствъ можетъ служить уже упомянутый нами споръ между наслѣдниками нѣкоей Эскувенъ и монастыремъ. Поводомъ къ этому спору было невыполненіе первыми принятаго ими на себя обязательства ежегодной уплаты ренты за снятую землю,—ту самую, которая перешла къ монастырю въ даръ отъ ихъ родственницы и нѣкогда входила въ составъ родовыхъ владѣній послѣдней. Не объясняя мотивовъ своего образа дѣйствій, но, очевидно, въ виду родового характера спорной земли, наслѣдники прекратили внезапно свои платежи и заставили вслѣдствіе этого монаховъ обратиться съ жалобой на нихъ въ судъ. Послѣдній высказался въ пользу аббатства, вѣроятно, на томъ основаніи, что, какъ видно изъ самаго текста пожалованія, сдѣланнаго Эскувенъ, земля была дарована ею «coram cognatis et vicinis», въ присутствіи родственниковъ и сосѣдей, которые тѣмъ самымъ, какъ бы, изъявили свое согласіе на совершеніе отчужденія [3]).

О другомъ подобномъ же случаѣ мы читаемъ подъ 975-мъ годомъ, когда въ сотенномъ судѣ въ Витлесфордѣ, въ присутствіи ольдермена, епископа и лучшихъ людей графства (et omnes meliores concionatores de comitatu Grantebrycge) нѣкто Венціусъ Веффризи заявилъ претензію на землю въ Суафгамъ, доказывая ея родовой характеръ и принадлежность ея поэтому по наслѣдству ему лично и его когнатамъ (cognati) Монастырю удалось отклонить эту претензію, благодаря установленію на основаніи письменнаго документа того обстоятельства, что земля пріобрѣтена была за деньги настоятелемъ аббатства Вульзаномъ [4]). Этотъ фактъ и цѣлый рядъ другихъ, разсѣянныхъ на про-

---

[1]) quod in toto vicecomitatu de Huntedune non erat terra tam libera quae per forisfactum non posit in perditum, praeter duas hydas. .etc (Ibid., стр. 137).

[2]) На этомъ настаиваютъ Бруннеръ (Zur Rechtsgeschichte der Urkunde, стр 169) и Виноградовъ (Folkland, стр. 8)

[3]) Ibid, p 137 и 133

[4]) Ibid, стр 151

тяженіи всего сочиненія, убѣждаютъ насъ въ томъ, что, несмотря на всѣ протесты, церкви удалось окончательно провести въ свѣтское законодательство и судебную практику правило о свободномъ отчужденіи родовыхъ имѣній. Письменный документъ, купчія и дарственныя записи пріобрѣли съ этого времени больше значенія въ судахъ, чѣмъ опирающіяся на древній обычай и каждый разъ доказываемыя свидѣтельскими показаніями права родственниковъ на родовое имѣніе. Монахъ Томасъ вѣрно передаетъ характеръ совершившагося въ этомъ отношеніи преобразованія, говоря, что «гораздо основательнѣе владѣть землею тому, кто можетъ представить на нее письменный документъ, нежели тому, кто не можетъ этого сдѣлать [1])».

При всемъ томъ, владѣнія аббатства въ Эли въ десятомъ вѣкѣ далеко еще не имѣютъ того территоріальнаго протяженія, какое они получили въ послѣдующія столѣтія. Совокупность всѣхъ дареній и покупокъ, совершенныхъ въ интересахъ монастыря первымъ его настоятелемъ Эдельвальдомъ, не превышаетъ размѣра шестидесяти гидъ [2]), что, считая среднимъ числомъ по 120 акровъ на гиду, составитъ всего на всего 720 акровъ, около 360 десятинъ [3]). Назвать такія владѣнія крупными едва ли возможно, а это, въ свою очередь, служитъ новымъ подтвержденіемъ той мысли, что крупная собственность далеко не составляетъ характерной черты древнѣйшаго англо-саксонскаго землевладѣнія, а, слѣдовательно, и не исключаетъ возможности существованія на первыхъ порахъ свободныхъ землевладѣльческихъ общинъ. Если послѣднія и замѣняются почти повсемѣстно помѣстьями, то это происходитъ не ранѣе, какъ за одно или два столѣтія до норманскаго завоеванія.

Далеко не столь подробно извѣстна намъ исторія первыхъ земельныхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ аббатствомъ въ Малмесбери. Изданный Record office, сборникъ грамотъ и ренталей упомянутой обители, заключаетъ въ себѣ лишь небольшое число англо-саксонскихъ документовъ. Къ тому же, эти послѣдніе содержатъ въ себѣ по преимуществу королевскія пожалованія; купчія и мѣновые акты пропали безслѣдно. Тѣмъ не менѣе, и по уцѣлѣвшимъ источникамъ легко судить какъ о медленности, съ которой монастыри расширяли въ

---

[1]) quia proprior erat ille ut terram haberet qui cyrographum habebat, quam qui non habebat (Ibid, стр 138).

[2]) Ibid., стр. 136.

[3]) Я считаю 4 виргаты въ гидѣ и 30 акровъ въ виргатѣ.—Ср. Cartularium mon. de Ramesia, p. 308

Англіи свои владѣнія, такъ и объ участіи, которое они приняли въ процессѣ постепеннаго обезземеленья крестьянскаго люда

Основаніе монастыря въ Малмесбери положено было въ 675 году, когда, какъ значится въ грамотѣ, по настоянію аббатовъ своей епископіи, Леутарій Вестминстерскій даровалъ Альдгельму землю, именуемую «Mealdumesburg», для устройства на ней обители [1]). Этому пожалованію предшествовало, впрочемъ, другое, сдѣланное нѣкіимъ Бернвальдомъ, на цѣлыхъ сорокъ лѣтъ раньше. Оно, какъ видно изъ грамоты, состояло изъ сорока населенныхъ дворовъ (40 cassati), къ которымъ Этельредъ, король Мерціи, присоединилъ въ 681-мъ году еще 45. За этимъ послѣдовало пожалованіе 32 cassati королемъ Цедвалла въ 682-мъ году и шесть лѣтъ спустя еще 170 manentes. Замѣчательно, что въ древнѣйшихъ пожалованіяхъ послѣдствія королевской милости выражаются словами: libertas terrenarum servitutum или, полнѣе, «ut omni servitute secularium potestatum portio terrae illius perpetualiter ist libera, ad serviendum necessitatibus monachorum», что значитъ ни больше, ни меньше, какъ то, что рента (gafol), платимая дотолѣ правительству, отнынѣ переходитъ всецѣло къ монастырю, или что, другими словами, право собственности послѣдняго выражается въ правѣ полученія съ фактическихъ воздѣлывателей почвы gafol'я, древняго римскаго tributum [2]). Во всѣхъ упомянутыхъ пожалованіяхъ дѣло идетъ объ уступкѣ не цѣлыхъ селеній, а только частей ихъ, состоящихъ изъ большаго или меньшаго числа крестьянскихъ дворовъ, которые лежатъ обыкновенно въ разныхъ мѣстностяхъ [3]); это обстоятельство, въ свою очередь, заставляетъ аббатовъ для округленія своихъ владѣній прибѣгать къ обмѣнамъ съ сосѣдними владѣльцами и, въ числѣ ихъ, съ королемъ [4]).Не ранѣе второй половины VIII-го столѣтія начинается уступка монастырю цѣлыхъ селеній, съ принадлежащими къ нимъ pascua, prata, arida, irrigua simul et silvestria loca [5]). Такія даренія чередуются, впрочемъ, съ непрекращающимися пожалованіями одного или нѣсколькихъ десятковъ manentes или cassatae [6]), нерѣдко даже пяти и того менѣе [7]). Частныя даренія, какъ общее

---

[1]) Registrum Malmesburiensi, т I, стр. 280.
[2]) Ibid, стр 279, 281.
[3]) Ibid., стр. 305.
[4]) Ibid, стр. 284.
[5]) Ibid, стр 291.
[6]) Стр. 292 и 295.
[7]) Стр. 296 и 300.

правило, не превышаютъ послѣдняго размѣра [1]) Каждый разъ, когда предметомъ пожалованія являются домены, мы однообразно встрѣчаемъ упоминаніе о consensus episcoporum ac optimatum [2]) Вѣчность владѣнія, уступаемаго монастырю, передается такими выраженіями, какъ напримѣръ. «donabo perpetuis temporibus или perpetualiter possidensa, или in perpetuumdjus largitus sum» [3]). Болѣе крупныя пожалованія мы встрѣчаемъ снова не ранѣе временъ Эдви, т. е въ началѣ X-го вѣка, когда, какъ напр въ 900-мъ году, монастырь сразу получаетъ въ наслѣдственную собственность сто гидъ, лежащихъ смежно. Причиной такой щедрости выставляется желаніе короля «templa divina redintegrare», желаніе, вызванное тѣми опустошеніями, которыя произведены были датскими нашествіями [4]) Обозначая границы уступленныхъ монастырю владѣній, грамота Эдви говоритъ, что земли, дарованныя аббатству ante tempus regis Edwi ad vestituram. расположены въ предѣлахъ этихъ границъ и заключаютъ въ себѣ въ общемъ тридцать двѣ гиды [5]) Отдѣльно отъ нихъ, монастырь владѣлъ еще 65-ю гидами, дарованными ему въ разныхъ мѣстахъ Цедваллою [6]). Итакъ, вотъ къ чему сводились всѣ владѣнія монастыря до 956-го года: въ общемъ восемьдесятъ семь гидъ, т е., придерживаясь маштаба, которому мы слѣдовали при передачѣ на наши мѣры владѣній аббатства въ Эли, мы получимъ не болѣе 10.440 акровъ или 5220 десятинъ

Монастырскія владѣнія были разбросаны на такомъ разстояніи другъ отъ друга, что когда преемникъ Эдви, Эдгаръ, по просьбѣ братіи, согласился обмѣняться съ нею частью своихъ земель, перешедшіе въ его собственность дворы оказались лежащими въ двадцати миляхъ отъ монастыря [7]). Округленіе владѣній путемъ обмѣна, расширеніе ихъ благодаря новымъ пожалованіямъ, особенно значительнымъ во

---

[1]) Стр. 301 и 302.

[2]) Стр. 304 и 305.

[3]) Стр 306, 308 и 310.

[4]) Стр. 312 и 317: insinuavit pietas... restaurare monasteria. Idiotis nen per clericis ejectis etc.

[5]) Intra memoratos terrarum terminos est terra, quae data fuit ad monachos Malmesburiae vestiendos XXXII hyd. continens, quae ante tempus regis Edwi eisdem ad vestituram collata fuerat (стр. 315).

[6]) См. грамоту Эдуарда Исповѣдника 1065 г., въ которой перечисляются прежнія пожалованія (стр. 322).

[7]) Hanc autem commutationen deprecantibus fratribus pro eorum commoditate feci, quia terra quam predictis fratribus dedi, duobus tantum distat miliarus ab eorum monasterio, illa autem quam accepi distat a praedicto monasterio ferme XX milliarus (стр. 315).

времена Этельреда, Этельвульфа и Ательстана, и возвращеніе монастырю земель, захваченныхъ у него сильными міра сего [1]),—вотъ къ чему сводится дѣятельность аббатовъ на пользу Малмесберійской обители въ теченіе второй половины X-го вѣка [2]) Благодаря этимъ мѣропріятіямъ владѣнія аббатства достигаютъ во времена Эдуарда Исповѣдника слѣдующихъ размѣровъ. въ Ньювентонѣ монастырь владѣетъ 30-ю гидами земли, полученными въ даръ отъ Этельреда; въ Кемеле—30-ю гидами, пожалованными Цедваллой; въ Пиритуна—35-ю гидами, даръ того же Цедваллы; въ Креддевилла—40 гидами, даръ Этельвульфа; въ Чорлетунъ—20-ю гидами, даръ того же Этельвульфа; въ Дометези—10-ю гидами, даръ опять таки Этельвульфа; въ Вдетунъ—10-ю гидами, полученными отъ Ательстана; въ Бремеле—38 гидами, даръ того же Ательстана; въ Нортунѣ и Зумерфордѣ—10-ю гидами, снова даръ Ательстана; въ Брокенберегъ—1-ой гидой, пожалованной Эдви [3]); въ Сутунѣ—10-ю гидами; въ Родберпъ—10; въ Корстуна—10; въ Кусфальдѣ—3; въ Бремельгамѣ—2, въ Бринкевріи—5, полученными въ даръ отъ нѣкоего Леофзи, котораго грамота называетъ vir nobilis, въ Геви—11-ю гидами, даръ Этельреда; въ Литлетунѣ—5-ю гидами, данными Вуенодъ съ разрѣшенія Этельреда [4]). Всего, монастырскія владѣнія заключаютъ въ себѣ 280 гидъ или 33600 акровъ, т. е. около 16,800 десятинъ.

Разсматривая только что приведенный списокъ, мы находимъ въ немъ статистическій матеріалъ для опредѣленія размѣра монастырскихъ владѣній въ разное время. Мы узнаемъ, что до короля Цедваллы владѣнія обители были довольно незначительны. По всей вѣроятности, они обнимали собою всего на всего тѣ 35 гидъ, расположенныя въ Сутанѣ, Родбернѣ, Кусфальдѣ и Бремельгамѣ, источникъ которыхъ не указанъ въ грамотѣ Эдуарда. О нихъ говорится, какъ о расположен-

---

[1]) См. стр 317: Haec terra a praedictis semel accomodata, clericis diu a plerisque, postremo a contentioso injuste possessa est Aetelvodo (De Estcote)

[2]) Стр. 318, 320

[3]) Стр. 322 и 323, а 1065.

[4]) Разнорѣчіе этого документа съ грамотой 956 года относительно размѣра владѣній, дарованныхъ аббатству королемъ Эдви, объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ, что Эдуардъ Исповѣдникъ приписываетъ ближайшимъ преемникамъ Эдви тѣ даренія, какія въ грамотѣ 956 года показаны, какъ собственное его дѣло. Для насъ важно то, что размѣръ пожалованій совпадаетъ въ обоихъ источникахъ. Эдуардъ Исповѣдникъ говоритъ о 120 гидахъ, подаренныхъ аббатству во времена Дунстана; то же приблизительно число получаемъ мы, прибавляя къ дареніямъ Эдви (100 гидъ) пожалованія Эдгара

ныхъ по теченію рѣки «Avena»; владѣнія по этой рѣкѣ, какъ видно изъ древнѣйшихъ грамотъ, пріобрѣтены были монастыремъ всего ранѣе

Къ этому территоріальному составу во времена Цедваллы прибавилось 65 гидъ; въ архіепископство Дунстана, обнимающее правленія Эдви, Эдгара, Этельреда и Этельвульфа, почти сто двадцать гидъ; наконецъ, въ правленіе Ательстана—все остальное.

Ничто лучше этихъ цифръ не доказываетъ той мысли, что крупное землевладѣніе англо-саксовъ—сравнительно поздняго происхожденія, что главный источникъ его составляютъ пожалованія, сдѣланныя королями, и что, слѣдовательно, до начала послѣднихъ необходимо предположить эпоху, когда домены заняты были свободными сельскими общинами, отдѣльные дворы которыхъ владѣли равными надѣлами, платя tributum и неся государственныя повинности или такъ называемую «trinoda necessitas». Обезземеленье общинъ составило, такимъ образомъ, въ Англіи, какъ и повсюду, ближайшую причину развитія крупнаго землевладѣнія церкви и монастырей. Относить это обезземеленіе къ какой-то миѳической древности нѣтъ никакихъ основаній, такъ какъ отдѣльныя эпохи его развитія съ наглядностью обрисовываются англо-саксонскими источниками. Каждая изъ нихъ совпадаетъ со временемъ насажденія или оживленія монастицизма и связана съ усиленіемъ церковнаго вліянія при дворѣ.

Къ концу англо-саксонскаго періода церковныя латифундіи получили такое широкое развитіе, что семь двѣнадцатыхъ, напримѣръ, одного графства Нортумберландъ очутились, какъ это слѣдуетъ изъ земельной описи Вильгельма Завоевателя, въ рукахъ всего на всего четырехъ монастырей—Ворчестера, Эвесгама, Пертора и Вестминстера [1]).

§ 2.

Отъ церковнаго землевладѣнія перехожу къ свѣтскому. Ростъ послѣдняго начался значительно позднѣе. Правда, уже въ житіяхъ святителей VII-го вѣка встрѣчаются выраженія, наглядно указывающія на принадлежность цѣлыхъ виллъ частнымъ лицамъ. Таково, напр., употребляемое въ житіи Іоанна, епископа Іоркскаго, обозначеніе да-

[1]) Ср. Konrad Maurer, стр. 118; также Lodge въ Essays in Anglo-Saxon law, стр 76, Pollock, Land-laws, и Vinogradov, Folkland, стр. 4 и 5.

рителя словами: «is vero, cujus villa erat»[1]). Но не говоря о томъ, что Фолькардо, которому принадлежитъ житіе, былъ современникомъ Эдуарда Исповѣдника и легко могъ перенести въ изображаемую имъ эпоху юридическія воззрѣнія своего времени, одинъ уже тотъ фактъ, что домены во времена, непосредственно предшествовавшія Бедѣ, раздаваемы были лишь въ пожизненное владѣніе лицамъ служилаго сословія, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что крупное землевладѣніе въ это время считало еще немного представителей въ рядахъ свѣтской знати. Главный источникъ, изъ котораго оно образовалось современемъ, былъ для него закрытъ: «народная земля» отдавалась въ наслѣдственную собственность только епископамъ и монастырямъ, такъ что для пріобрѣтенія ея на правахъ безповоротнаго владѣнія свѣтскимъ магнатамъ приходилось обращаться, какъ мы видѣли, къ тѣмъ же пріемамъ, къ какимъ одновременно прибѣгало и духовенство, т. е. выставлять предлогомъ для полученія земель въ даръ желаніе основать обитель и принять иноческій санъ, хотя и не безъ задней мысли продолжать свѣтскую жизнь. Въ этихъ отчужденіяхъ in fraudem legis, на которыя такъ нападаетъ Беда въ своемъ письмѣ къ архіепископу Эгберту, слѣдуетъ видѣть первые зачатки свѣтской маноріальной системы. Упоминаемый уже Бедою принципъ, если не маіоратнаго наслѣдованія старшаго сына, то, во всякомъ случаѣ, такого, при которомъ въ его пользу выдѣлялся извѣстный «praeciput» изъ общей массы наслѣдства[2]), сдѣлалъ возможнымъ упроченіе за нѣкоторыми семьями разъ пріобрѣтенныхъ ими земель, а утвердившееся постепенно начало свободы юридическихъ сдѣлокъ, начало, заимствованное, какъ мы видѣли, изъ римскаго права и введенное впервые въ интересахъ духовенства, позволило постепенное расширеніе и округленіе свѣтскими магнатами ихъ прежнихъ владѣній путемъ покупокъ и обмѣновъ.

Къ этимъ источникамъ образованія крупной собственности въ рукахъ служилаго сословія, не замедлили присоединиться еще слѣдующіе Въ эпоху датскихъ нашествій и междоусобій, вызванныхъ столкновеніями претендентовъ, служилая земля, поступавшая дотолѣ въ

---

[1]) Vita S Johannis episcopi Eboracensis auctore Folcardo Historians of the Church of York (стр. 249).

[2]) Quomodo terreni parentes quem primum partu fuderint, eum principium liberorum suorum cognoscere et ceteris in partienda sua hereditate praeferendum ducere solent (Beda, Vita S. Benedicti, стр. 11) — Ср. Elton, Origins, стр 202.

одно лишь пожизненное владѣніе [1]), легко могла быть захвачена въ наслѣдственную собственность ея временными обладателями. Неудивительно поэтому, если во времена Канута въ Англіи встрѣчается уже наслѣдственное владѣніе должностной землею, составляющею принадлежность и вознагражденіе службы. Съ этого времени и вплоть до норманскаго завоеванія, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Думсдебука, цѣлыя поколѣнія продолжаютъ безповоротно владѣть участками, которые имѣли первоначальнымъ назначеніемъ служить вознагражденіемъ за исполненіе обязанностей ольдерменовъ сотенъ и ерлей графствъ [2]).

Къ подобнымъ спеціальнымъ условіямъ развитія свѣтскихъ латифундій слѣдуетъ прибавить еще другія, общія имъ съ духовными; я разумѣю систему обязательнаго поручительства крупныхъ землевладѣльцевъ за мелкихъ. Начало этой системы положено было законодательствомъ Альфреда. Я имѣлъ уже случай указывать [3]) на тѣ внутреннія причины, которыя побуждали законодателя къ принятію подобной мѣры. Съ упадкомъ родовой солидарности, при слабомъ еще развитіи государственной власти, охрану мира приходилось по необходимости возлагать на лицъ, имущественное положеніе которыхъ само являлось надежнѣйшимъ ручательствомъ соблюденія ими тишины и спокойствія или, по меньшей мѣрѣ, исправнаго несенія штрафовъ, падающихъ на нарушителей порядка, amerciaments. По законодательству Альфреда, людямъ свободнаго званія предоставлялось пріискивать въ средѣ землевладѣльцевъ лицъ, готовыхъ принять ихъ подъ «свою высокую руку». На практикѣ это поручительство землевладѣльцевъ имѣло послѣдствіемъ отвѣтственность ихъ предъ судами за своевременную явку всѣхъ заподозрѣнныхъ въ нарушеніи мира.

Въ этомъ видѣ, англо-саксонскій институтъ индивидуальнаго поручительства не отличался ничѣмъ существеннымъ отъ поручительства, которое подъ вліяніемъ однохарактерныхъ причинъ введено было во Франкской имперіи Карловингскими капитуляріями [4]). Какъ и на конти-

---

[1]) Напомню, что говоритъ на этотъ счетъ одна грамота начала IX вѣка: . Sed postea rex Offa praedictam terram a nostro familia abstulit, videlicet quasi non licerat Ecgbertho agros hereditario jure scribere (Cod Dip. № 195, a. 811).

[2]) См *Общественный строй въ Англіи*, гл. III.

[3]) См. мою *Исторію полицейской администраціи въ Англіи*, гл. I

[4]) Volumus (значится въ капитуляріи Карла Лысаго отъ 847 года) ut unusquisque liber homo in nostro regno seniorem qualem voluerit in nobis et in nostris fidelibus accipiat (См Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte, т IV, стр 224)

нентѣ, пріисканіе поручителя въ законодательствѣ Альфреда не представляетъ еще ничего обязательнаго и является дѣломъ свободнаго выбора.

Совершенно иной характеръ носитъ оно два вѣка спустя, во времена Ательстана Въ законахъ этого короля пріисканіе поручителя признается уже обязанностью родственниковъ малоземельнаго или совершенно обезземеленнаго человѣка; если родственники не помогаютъ ему въ этомъ, онъ самъ долженъ направить на пріисканіе поручителя всѣ свои усплія [1]), подлежа въ противномъ случаѣ отвѣтственности передъ сотеннымъ судомъ. Причина, по которой континентальныя законодательства, за исключеніемъ, быть можетъ, лангобардскаго [2]), чужды подобнаго рода мѣропріятіямъ, лежитъ, по нашему мнѣнію, въ быстромъ развитіи коммендаціи на континентѣ Европы; вызванное необезпеченнымъ состояніемъ мелкой собственности и обремененіемъ ея налогами и военной службой, оно дѣлало ненужной какую бы то ни было правительственную регламентацію на этотъ счетъ. Въ Англіи мы видимъ обратный процессъ. законодательныя предписанія касательно поступленія всѣхъ свободныхъ людей подъ поручительство крупныхъ собственниковъ сдѣлали немыслимымъ самопроизвольное развитіе коммендаціи, хотя и привели, въ концѣ концовъ, къ одному съ нею результату, т. е. къ обезземеленію крестьянскаго люда и развитію латифундій. Не то, чтобы въ англо-саксонскихъ грамотахъ нельзя было найти случаевъ добровольной отдачи себя съ землею подъ чужую руку. Такіе случаи, несомнѣнно, попадаются въ нихъ время отъ времени, но они сравнительно рѣдки и представляютъ собою, притомъ, ту особенность сравнительно съ континентальной коммендаціей, что коммендируемый въ Англіи отказывается не только отъ собственности, но и отъ свободы [3]) Это значитъ, конечно, не то, что всѣ безъ исключенія коммендаціи вели къ закабаленію, а только то, что коммендаціи, не имѣвшія такого послѣдствія, тѣмъ самымъ

---

[1]) И мы повелѣваемъ по отношенію къ лицамъ, не имѣющимъ господина, чтобы родственникамъ ихъ было повелѣно пріискать имъ господина (Thorpe, The laws of King Athelstan)

[2]) Въ Capitula Longobardorum мы находимъ слѣдующее предписаніе: Et quia sunt nonnulli qui sine proprietatibus in nostro regno degentes judicia comitum effugiunt ut ipsi cum quibus videntur manere aut eos praesentant aut pro eorum malefactis rationem reddant (Stubbs, т. I, стр 239)

[3]) Въ Liber penitentiarum. Theod. въ гл 19 §§ 29 такое право признается за каждымъ свободнымъ, достигшимъ тринадцатилѣтняго возраста. Въ грамотѣ за № 925, помѣщенной въ Cod. Dipl. Aevi Saxonici, можно найти примѣръ подобнаго рода коммендацій.

попадали въ категорію дѣйствій, предпринимаемыхъ въ полномъ соотвѣтствіи съ предписаннымъ Ательстаномъ пріисканіемъ поручителя. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему, какъ не къ уступкѣ земли въ собственность «глафорда», могло вести вступленіе подъ его поручительство? Нельзя же допустить, чтобы крупные землевладѣльцы принимали на себя безвозмездно такого рода обязательства, дѣлавшія ихъ денежно-отвѣтственными за чужіе проступки. Однако, Думсдебукъ постоянно говоритъ о homines commendati [1]), какъ о лицахъ свободныхъ, могущихъ по собственному выбору переходить отъ одного господина къ другому. Нельзя, слѣдовательно, не впадая въ противорѣчіе съ Думсдебукъ, видѣть въ этихъ лицахъ подобіе не только крѣпостныхъ, но даже оброчныхъ владѣльцевъ. Нельзя также вмѣстѣ съ Пальгревомъ [2]) говорить о какомъ-то обязательствѣ коммендируемаго служить въ ополченіи глафорда, такъ какъ англо-саксонскому періоду неизвѣстно еще иное ополченіе, кромѣ народнаго, основаннаго на началѣ всеобщей военной повинности. Остается поэтому допустить, что вознагражденіемъ глафорда за принимаемую имъ на себя судебную отвѣтственность служилъ переходъ въ его руки права собственности или, точнѣе говоря, dominium eminens на землю лица, вступавшаго подъ его поручительство. Это обстоятельство, очевидно, должно было повести къ радикальному перевороту. Изъ страны свободнаго крестьянскаго землевладѣнія Англія сдѣлалась страною латифундій; мѣсто свободныхъ общинъ заняли зависимыя или помѣстныя. Французскій юридическій афоризмъ nulle terre sans seigneur нигдѣ не выражалъ бы такъ вѣрно положенія сельскаго люда и занятой имъ земли, какъ именно въ Англіи, хотя мы не находимъ здѣсь ничего, хотя бы, издали напоминающаго собою этотъ афоризмъ. Правда, въ Думсдебукъ идетъ рѣчь объ alodiarii, другими словами, о полныхъ собственникахъ, но, за исключеніемъ городовъ, и то немногихъ, эти alodiarii всюду встрѣчаются лишь въ незначительномъ числѣ. Живые слѣды отошедшихъ въ прошлое порядковъ, они самой своей малочисленностью свидѣтельствуютъ о томъ, какіе широкіе размѣры принялъ указываемый нами процессъ расширенія и округленія помѣстій.

Крупное землевладѣніе, сказалъ я выше, только подготовило почву для постепенной феодализаціи англо-саксонскаго общества. Англійскіе

---

[1]) Я разумѣю socmanni или liberi homines, которые описываются Думсдебукомъ, какъ входящіе въ составъ маноріальныхъ владѣній (См. т I, стр. 1, и IV, стр. 5 и 25).

[2]) English Comnonwealth, т. I, стр. 15.

историки далеко не согласны между собою какъ въ утвержденіи факта развитія феодализма въ періодъ, предшествующій завоеванію, такъ и въ объясненіи причинъ этого явленія. Если мы не ошибаемся, то мысль объ англо-саксонскомъ происхожденіи феодализма была впервые высказана Пальгревомъ, который допустилъ, въ то же время, ту роковую для своей теоріи ошибку, что не провелъ строгаго различія между англійскими и континентальными порядками; это обстоятельство сдѣлало возможнымъ совершенное отрицаніе его ученія позднѣйшими историками, успѣшно доказавшими существованіе важныхъ различій между феодальнымъ строемъ капетингской Франціи и тѣмъ, который водворился въ Англіи ко времени норманскаго завоеванія.

Если выражать словомъ феодализмъ, какъ это дѣлаемъ мы, генерическое, а не видовое понятіе, если не пріурочивать его къ тѣмъ специфическимъ формамъ, какія въ капетингской Франціи или въ Германіи временъ Вельфовъ и Гогенштауфеновъ принялъ процессъ сосредоточенія политическихъ правъ въ рукахъ начальниковъ помѣстій, то не окажется никакого основанія отрицать фактъ существованія феодализма въ Англіи и до появленія въ ней норманскихъ дружинъ.

Не всѣ стороны феодальной системы выступаютъ въ это время въ одинаково законченномъ видѣ. Военное устройство всего менѣе имъ затронуто; войско по прежнему построено на началѣ всеобщей военной повинности, и къ участію въ немъ безразлично приглашаются всѣ свободные, владѣютъ ли они землею на правѣ собственности, или нѣтъ. Размѣръ послѣдней, впрочемъ, уже опредѣляетъ собою размѣръ требованій, предъявляемыхъ на этотъ счетъ къ свободному человѣку, который сражается уже въ рядахъ ополченія, предводительствуемаго его «глафордомъ». Но все это далеко еще не даетъ намъ права говорить о замѣнѣ народной милиціи или «fyrd» феодальными дружинами, что, въ свою очередь, дѣлаетъ немыслимымъ окончательное сложеніе вассальныхъ отношеній, хотя терминъ fasallus уже встрѣчается и взаимныя обязанности короля и тановъ или членовъ служилаго сословія во многомъ напоминаютъ отношенія меровингскаго правителя къ его антрустіонамъ.

Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы въ Англіи нельзя было встрѣтить, по крайней мѣрѣ, зародышей той самой бенефиціальной системы, другими словами, того вознагражденія землею за военную службу, которымъ такъ изобилуетъ франкская монархія. Мэтлендъ справедливо указываетъ на то, что въ пожалованіяхъ, сдѣланныхъ Ворчестерскимъ епископомъ Освальдомъ между 962 и 992-мъ

годами въ пользу лицъ, обозначенныхъ имъ то прозвищемъ fidelis meus или cliens, то указаніемъ на отправленіе ими воинской или иной службы, miles meus, thainus,—не только попадается терминъ beneficium, но и указана, въ числѣ прочихъ обязанностей надѣленнаго, наряду съ платежомъ церковной ренты, пошлинъ съ продажъ, взносовъ за выпасъ свиней и т. п., еще обязанность конной стражи (ut omnis equitandi lex ab ei impleatur quae ad equites pertineat) [1]). Одной случайностью объясняется то обстоятельство, что эта грамота одна уцѣлѣла изъ ряда другихъ ей подобныхъ, гдѣ equites и milites X вѣка выступаютъ предками тѣхъ radchenistres или radmani, о которыхъ заходитъ рѣчь въ книгѣ суда, и которыхъ знаетъ и современникъ Генриха III, судья Брактонъ, подъ наименованіемъ rodknights или конныхъ рыцарей [2]). Освальдъ надѣляетъ этихъ людей землею срокомъ на три поколѣнія. Вмѣстѣ съ недвижимостью переходятъ къ нимъ и занимающіе имѣніе поселенцы, которыхъ tributum и службы поступаютъ въ пользу надѣленнаго [3]).

Метландъ не прочь думать, что въ случаѣ похода эта, составленная изъ fideles, конница служила подъ знаменемъ епископа и имѣла своего особаго предводителя, отличнаго отъ начальника земскаго войска. На него намекаетъ текстъ одной грамоты, говорящей о ductor exercitus eiusdem episcopi [4])

Пораженіе подъ Гестингсомъ помѣшало, думаетъ историкъ англійскаго права, постепенному расширенію описанной бенефиціальной системы и переходу земскаго войска въ феодальныя ополченія [5]).

Если, продолжая наше сопоставленіе англійскихъ и континентальныхъ порядковъ, съ цѣлью отвѣтить на вопросъ, извѣстенъ ли былъ Англіи феодализмъ до временъ норманновъ, мы отъ военной службы перейдемъ къ той, которую въ графствахъ несли члены высшаго сословія по управленію и суду, то и въ этомъ отношеніи намъ придется сдѣлать нѣкоторыя оговорки. Наслѣдственность должностей далеко не имѣетъ среди англо-саксонцевъ того значенія, какое она получила на европейскомъ континентѣ; одна и та же должность переходитъ, правда, нерѣдко отъ отца къ сыну и внуку, но такой порядокъ вещей является не чѣмъ-либо признаннымъ закономъ, а чисто фактическимъ; онъ суще-

---

1) Kemble, VI, 125
2) Maitland, Dooms day and beyond, стр. 305 и 308.
3) Ibid, стр. 313.
4) Ibid., стр. 308
5) Ibid., стр. 309.

ствуетъ потому и въ такомъ лишь случаѣ, если королямъ угодно призывать дѣтей къ занятію должностей, которыя занимались ихъ отцами.

Гораздо больше сходства съ континентальными порядками носитъ англо-саксонская система патримоніальныхъ судовъ. Какъ и на континентѣ, начало ей положили иммунитетныя грамоты. Здѣсь и тамъ эти грамоты одинаково заключали въ себѣ изъятія изъ подсудности королевскимъ чиновникамъ, но отнюдь—не самому королю [1]). Въ Англіи, какъ и во Франціи, вотчинный судъ получилъ къ серединѣ XI-го вѣка болѣе или менѣе неограниченныя права и, въ числѣ ихъ, право казнить смертью и членовредительствомъ. Норманское завоеваніе не только ничего не прибавило къ этимъ правамъ, но имѣло скорѣе обратное дѣйствіе. Права вотчинниковъ подверглись ограниченію, jus gladii перестало составлять предметъ королевскихъ пожалованій, задержано и вскорѣ искоренено окончательно развитіе среди патримоніальныхъ судовъ іерархическихъ отношеній, мѣсто которыхъ заняло непосредственное подчиненіе этихъ судовъ королевской юстиціи [2]).

Переходя къ чисто экономической сторонѣ феодальныхъ отношеній, мы видимъ почти полное совпаденіе англійскихъ порядковъ съ континентальными. Если не говорить объ эмфитевтическомъ или ливелларномъ владѣніи, составляющемъ особенность тѣхъ странъ, которыя, какъ напримѣръ, нѣкоторыя части Франціи, Италіи и Испаніи, сохранили въ себѣ много чертъ стариннаго римскаго строя, трудно будетъ указать на такую форму личной или имущественной зависимости, которая не была бы въ одинаковой мѣрѣ извѣстна какъ англійскому, такъ и континентальному помѣстью X-го и XI столѣтія. Наравнѣ съ рабствомъ и крѣпостничествомъ, мы находимъ и здѣсь вольноотпущенниковъ или либертовъ и унаслѣдованныхъ отъ Рима колоновъ, выступающихъ въ англо-саксонскихъ грамотахъ подъ наименованіемъ трибутаріевъ. Послѣдніе стоятъ на рубежѣ между несвободными и свободными элементами помѣстнаго населенія. За ними въ восходящей лѣстницѣ слѣдуютъ «socmani» или свободные люди, подчиненные земельному собственнику, какъ вотчинному судьѣ, и, въ свою очередь, распадающіеся на двѣ группы—низшую, соста-

---

[1]) Это положеніе въ настоящее время вполнѣ доказано Фюстель де Куланжемъ въ примѣненіи къ меровингскимъ иммунитетамъ (См. Revue historique за 1883 годъ).

[2]) См. по этому вопросу Zoepfl, Dinghöfe (Alterthümer des Deutschen Reichs und Rechts, т. III), и главу о патримоніальной юстиціи въ моей *Исторіи полицейской администраціи въ Англіи*.

вленную изъ лицъ, неспособныхъ покинуть помѣстье, не теряя своихъ владѣльческихъ правъ на землю,—и высшую, которую Думсдебукъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: possunt ire cum terra sua, или possunt vendere terram suam; sed soca remanbit in manerio. Послѣдняя группа почти сливается съ тою, въ рядахъ которой стоятъ liberi homines commendati или alodiarii; по отношенію къ нимъ помѣщикъ является не болѣе, какъ поручителемъ (fidejussor, laford). Въ отличіе отъ socmani, alodiarii имѣютъ право свободнаго перехода не только cum terra, но и cum soca, другими словами, они могутъ измѣнить подсудность одному вотчиннику на подсудность другому [1]).

---

[1]) См. подробности далѣе при разборѣ Думсдебука —Round. Feudal England, стр. 28 и слѣд.

ГЛАВА XV.

Древне-германская марка.

Въ отличіе отъ Франціи и Англіи, Германія всего долѣе сохраняла характерныя особенности принесенныхъ съ собою варварами порядковъ землевладѣнія,—очевидно, потому, что римская помѣстная система или вовсе осталась неизвѣстной нѣкоторымъ ея областямъ,—а именно тѣмъ, которыя были расположены на правомъ берегу Рейна—или же съ самаго начала встрѣтила отпоръ въ древне-германскихъ традиціяхъ и обыкновеніяхъ. Тогда какъ во Франціи и Англіи помѣстья тѣсно примкнули другъ къ другу, включивъ въ свои границы и немногихъ—уцѣлѣвшихъ отъ первыхъ поселеній нѣмецкихъ народностей на римской почвѣ—свободныхъ алодіальныхъ собственниковъ, въ Германіи марка объединила въ одинъ союзъ совмѣстныхъ пользователей угодьями, помѣстныя и свободныя общины, крупное и мелкое землевладѣніе. Насколько представители этихъ различныхъ классовъ являются не только сосѣдями, но и совладѣльцами нераздѣльной земельной площади, источники называютъ ихъ комарканами. Этотъ терминъ, извѣстный еще баварской правдѣ, встрѣчается и въ позднѣйшія столѣтія, напримѣръ, въ грамотахъ монастыря Маріенфельдъ [1]).

Нельзя не согласиться съ Фюстель де Куланжемъ [2]), что терминъ марка на первыхъ порахъ обозначалъ собою не болѣе, какъ границу, все равно, частныхъ владѣній или государственныхъ территорій. Въ этомъ смыслѣ употребляетъ его рипуарская правда, говоря

---

1) См. Westfälisches Urkundenbuch, III т (отъ 1201 по 1300), № 10: Rotgerus illis jubentibus jurisdictionem ville et silvarum de utrorumque commarcanorum terminis. . in nostras manus resignavit (Kl. Marienfeld)

2) См. его Recherches sur quelques problèmes d'histoire La marque germanique.

о случаѣ, когда кто, переступая границу, завладѣетъ чужимъ участкомъ (буквально: si extra marcam in sortem alterius fuerit ingressus), а также—аллеманская и баварская правды, которыя обращаются безразлично то къ слову «terminus», то къ слову «marca», для передачи одного и того же понятія. Грамоты VII, VIII и IX вв. въ этомъ отношеніи не расходятся съ варварскими законами и имъ «marca» извѣстна въ смыслѣ границы, откуда и производное отъ этого слова marchio, часто замѣняемое въ источникахъ описательнымъ выраженіемъ custos limitis или custos marcae, что означаетъ управителя пограничныхъ провинцій имперіи Карловинговъ. Въ дарственныхъ и купчихъ начала IX вѣка выраженіе «cum omni termino suo» чередуется и замѣняется еще слѣдующимъ: «cum omni marca sua»; нерѣдко оба слова—finis и marca употребляются одновременно [1]).

Изъ всего этого не слѣдуетъ, однако, чтобы, на ряду съ общеупотребительнымъ значеніемъ, «marca» не получила также весьма рано и другого: *значенія округа, расположеннаго въ извѣстныхъ границахъ и заключающаго въ себѣ всякаго рода владѣнія, какъ общинныя, такъ и частныя*. Ошибка Фюстель де Куланжа лежитъ, по моему, въ неправильномъ пониманіи этого распространеннаго значенія марки. Съ VII вѣка, говоритъ онъ, могутъ уже быть указаны случаи, когда подъ маркою разумѣется не граница собственности, а сама собственность [2]). Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Можно ли утверждать, что марка, разъ этимъ словомъ не передается понятіе границы, совпадаетъ съ частнымъ владѣніемъ, что подъ нею въ грамотахъ разумѣется «имѣніе» и ничего болѣе? Чтобы убѣдиться въ противномъ, разберемъ нѣкоторые изъ случаевъ употребленія источниками этого термина. Грамоты Сенъ Галленскаго аббатства, а также—монастырей въ Виссинбургѣ и Маріенфельдѣ [3]) не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что въ составъ марки входило нерѣдко два и болѣе селеній, и что тотъ территоріальный округъ, который памятники VII

---

1) Zeuss, Traditiones Wizenburgenses, стр 11: in fine vel in marca—a II Carolomano et Pippino ducibus —Mittelrheinisches Urkundenbuch, т I, стр 9, грам. 646 in marca Barense; стр. 11, грам. 720 г.: usque ad illa marca qui nobis obtingit.

2) Au lieu de signifier seulement la limite qui borne une propriété (le mot marca) vient à designer la propriété elle-même.

3) Westfälisches Urkundenbuch, т. III, № 277, грам 1230 г.: communi assensu omnium, in silva qua idem cenobium situm est ius habentium in marca, idelicet Ramestorpe (нынѣ Lipperamstorf), Lembeke, Loveshem (нынѣ Laveum), Halter et Lullesheм (Lünsum)

и VIII вв. передаютъ словомъ «сотня», подчасъ совпадалъ съ маркой Правда, всего чаще границы марки сливаются съ границами той земельной площади, которая принадлежитъ виллѣ (villa) или селенію, откуда выраженія въ родѣ слѣдующихъ: in villis vel in marchis, in villa vel in marcha [1]). Но и въ этихъ случаяхъ марка не всегда означаетъ собою частное имѣніе, такъ какъ въ виллѣ можетъ быть нѣсколько совладѣльцевъ, на что нерѣдко указываютъ источники, говоря о сосѣдяхъ (vicini), какъ объ участникахъ въ передачѣ права собственности на ту или другую «villa» [2]).

Подобнаго рода случаи упоминаются въ Баваріи уже въ правленіе герцога Тасилло. Мы имѣемъ ихъ и отъ болѣе поздней эпохи, въ той же Баваріи въ 1248 году и въ Рейнгау—отъ третьей четверти XII вѣка. Послѣдній случай настолько характеренъ, что заслуживаетъ быть приведеннымъ въ подлинникѣ. «Nos hujus villae inhabitatores, значится въ относящейся сюда грамотѣ, nos universi, divites, pauperiores et mediocres communibus votis tradidimus silvae particulam. Въ грамотѣ поясняется, что въ этой silva nullus nostrum privatum habebat aliquid, sed communiter pertinebat ad omnes villae nostrae incolas [3]). Приводя эту грамоту, Фюстель де Куланжъ отказывается видѣть въ ней доказательство существованія свободной общинной собственности. Надо замѣтить, говоритъ онъ, что составители документа не употребляютъ ни одного изъ терминовъ, выражающихъ собою право собственности. Но они не дѣлаютъ этого, очевидно, потому, что въ этомъ не представляется никакой надобности, такъ какъ никто не ставитъ въ сомнѣніе ихъ права. То обстоятельство, продолжаетъ далѣе французскій историкъ, что уступка земли въ пользу монастыря сдѣлана безвозмездно, говоритъ за то, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ добровольнымъ возвращеніемъ въ руки

---

[1]) Traditiones Wizenburgenses, стр 62 и 69

[2]) Въ 31-й годъ правленія герцога баварскаго Тасилло заключенъ былъ слѣдующаго рода актъ: пресвитеръ Ландпертъ совершилъ передачу (traditio) виллы Азалинга Фрейзингенскому аббатству Составитель грамоты прибавляетъ: „*Seu vicini eius fideles simul cum eo firmaverunt*, ut ab eo die prior titulus in praenotata villa ad praedictum domum firmiter subiugatum fuisset. firmantibus ipsis vicinis qui hanc ipsum condiderunt domum Dei“ Изъ этихъ словъ нельзя не заключить, что въ данномъ случаѣ пресвитеръ дѣйствовалъ не иначе, какъ по полномочію „vicini“, утверждающихъ самую передачу, и что послѣдніе всѣ безъ изъятія были владѣльцами земли въ предѣлахъ отчужденной ими виллы (Historia Frisingensis, т. I, стр. 61).

[3]) Mon Boica, t. VIII, стр 186.

монастыря прежде принадлежавшей ему собственности. Если признать правильность такого разсужденія, то пришлось бы послѣдовательно заключить, что всякого рода даренія, какъ акты безвозмездные, представляютъ собою не болѣе, какъ возвращеніе въ руки собственниковъ того, что принадлежитъ имъ по праву; это было бы очевидной нелѣпостью [1]).

За этимъ смѣшеніемъ понятій слѣдуетъ у Фюстель де Куланжа и другое. Если марка синонимъ частнаго имѣнія, свободно отчуждаемаго даромъ или за деньги, то все, что входитъ въ ея составъ, составляетъ объектъ частной собственности, одинаково—пахоти и луга, виноградники и лѣсныя чащи. Не даромъ же, замѣчаетъ французскій историкъ, источники не упоминаютъ ни разу о передѣлахъ, производимыхъ въ предѣлахъ марки. Гдѣ нѣтъ передѣловъ, тамъ нѣтъ, очевидно, и общинной собственности [2]) (?)

Мы показали ошибочность основной посылки. Разсмотримъ теперь, насколько отвѣчаютъ источникамъ апріорно выведенныя изъ нея заключенія. Для этого необходимо ознакомиться, прежде всего, съ территоріальнымъ составомъ марки въ томъ видѣ, какъ рисуютъ его грамоты отъ VII до XI вѣка включительно.

Я сказалъ уже, что въ составъ марки входятъ нерѣдко нѣсколько виллъ. Предполагая наипростѣйшій случай совпаденія ея границъ съ границами сельскаго округа или виллы, я тѣмъ самымъ нѣсколько упрощаю задачу, спѣша, въ то же время, предупредить читателя, что во многихъ случаяхъ представляемая мнѣ картина не будетъ отвѣчать дѣйствительности, которая несравненно разнообразнѣе и богаче. Съ этой оговоркой перехожу прямо къ дѣлу.

Въ дарственныхъ и купчихъ VII и слѣдующихъ столѣтій, актахъ, которыми такъ богатъ изданный Лакомбле сборникъ, мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ рѣшительное подтвержденіе той мысли, что не вся земля марки на равномъ началѣ входила во владѣніе жертвователя, что рядомъ съ пахотями и лугами, состоявшими въ частной собственности, попадались нерѣдко лѣса и пустоши, на которые даритель или продавецъ могли смотрѣть, только какъ на объектъ пользованія, чѣмъ, впрочемъ, нимало не исключалась возможность отчужденія и этого объекта въ руки третьихъ лицъ.

Это наблюденіе удостовѣряется въ особенности тѣми выраженіями, которыми составитель грамоты передаетъ характеръ юридическихъ по-

---

[1]) Fustel, стр. 350

[2]) Fustel de Coulanges, Recherches, стр. 349.

слѣдствій, вытекающихъ для одареннаго или покупщика изъ самаго акта «traditio». Обыкновенная формула передачи собственности гласитъ буквально такъ: ex mea proprietate trado atque transfundo in tuam (изъ моей собственности переношу въ твою); иногда дѣлается еще прибавка. ut facias de ea quod malueris, hoc est habendi, tenendi suisque successoribus relinquendi habeas potestatem (дабы ты дѣлалъ изъ нея все, что тебѣ будетъ желательно, съ правомъ держать, владѣть и по смерти передать своимъ наслѣдникамъ). Совсѣмъ иначе, если не говорить о немногихъ исключеніяхъ, выражаются тѣ же грамоты о правахъ пріобрѣтателя на лѣсъ или пустошь. Терминъ potestas или dominatio, нерѣдко съ эпитетомъ aliqua, замѣняется въ нихъ подчасъ болѣе опредѣленнымъ—communio, и въ этомъ случаѣ говорится объ уступкѣ продавцомъ или дарителемъ «communionem in silvam», т. е. совмѣстнаго участія въ лѣсѣ [1]). Что же слѣдуетъ разумѣть подъ этой communio, этимъ соучастіемъ? Фюстель де-Куланжъ предлагаетъ свое объясненіе: въ каждомъ имѣніи это—та часть земель, которая оставлена собственникомъ въ общее пользованіе его крѣпостныхъ крестьянъ и свободныхъ поселенцевъ Не отрицая существованіе, въ видѣ общаго правила, въ германскихъ помѣстьяхъ VII и слѣдующихъ столѣтій тѣхъ же общинныхъ угодій, какія были и у насъ въ годы, предшествовавшіе эманципаціи, я, въ то же время, полагаю, что терминъ «communio» имѣетъ болѣе широкое значеніе, чѣмъ то, какое приписываетъ ему Фюстель, и что подъ нимъ нужно понимать всякаго рода общинное пользованіе, кѣмъ бы оно ни осуществлялось, крѣпостными или свободными, наслѣдственными пользователями или полными собственниками. Но, чтобы утвердить такой взглядъ на дѣло, мнѣ надо доказать, что communio, или соучастіе въ пользованіи лѣсомъ, составляетъ необходимый придатокъ къ владѣнію, все равно, свободному или зависимому, состоящему въ большомъ или незначительномъ участкѣ земли, расположенномъ въ предѣлахъ марки. Указаніе на этотъ счетъ даютъ намъ тѣ же источники. Въ одной грамотѣ 799 г. упоминается случай покупки однимъ лицомъ у другого такъ называемой гуфы земли, или, что то же, нормальнаго надѣла, который представляетъ собою измѣнчивую величину, если брать въ расчетъ нѣсколько селеній, и постоянную въ предѣлахъ одного и того же селенія. За покупкой гуфы (hova—hufe) слѣдуетъ отдача ея въ даръ монастырю въ Верденѣ, при чемъ покупатель удерживаетъ за

---

[1]) Lacomblet, Urkundenbuch für die Geschichte des Niederrheins, т. I, №№ 3, 5, 6, 8, 17 (все—грамоты второй половины VIII вѣка).

собою «dominationem, que ad illam hovam resəxpit seu in silva. sive in aquis et pastu vel in compreheпsione» [1]).

Изъ этого текста съ очевидностью слѣдуетъ, что владѣніе гуфой давало право на dominatio, или, что то же, на communio въ пользованіи лѣсами, водами, выпасами, не говоря уже о правѣ дѣлать запики посредствомъ корчеванія подъ поле покрытой деревьями или кустарникомъ земли. Изъ этого же текста видно, что такое владѣніе могло быть не только зависпмымъ, но и свободнымъ владѣніемъ на правѣ собственности, какъ это прямо слѣдуетъ изъ факта отчужденія гуфы ея держателемъ,— чего, конечно, не въ состояніи было бы сдѣлать лицо, не имѣющее права собственности

Такъ какъ пользованіе communis silva принадлежитъ всякому, кто владѣетъ землею въ предѣлахъ марки, то неудивительно, что источники сопровождаютъ однимп и тѣмп же словамп отчужденіе права собственности какъ на гуфу, такъ и на виллу. Я передаю тебѣ имѣніе или, соотвѣтственно, надѣлъ cum aquis, perviis, silvis, communis etc , гласитъ обычная формула, т. е. вмѣстѣ съ правомъ пользованія водами, дорогами, лѣсами и общественными землями [2]). Если бы собственникомъ silvae communis всегда былъ владѣлецъ виллы, то отчужденіе права пользованія лѣсомъ кѣмъ бы то ни было, помимо собственника, было бы немыслимо. Между тѣмъ, такія отчужденія имѣютъ мѣсто на каждомъ шагу, и предметомъ ихъ является одно лишь право пользованія въ нераздѣльномъ имуществѣ, или, выражаясь языкомъ источниковъ: communio in silvam, aliqua dominatio in silva.

Но не одни только владѣльцы гуфъ имѣютъ право общиннаго пользованія: послѣднее принадлежитъ также тому, кто держитъ въ своихъ рукахъ одинъ половинный надѣлъ (dimidium mansum), равно какъ и всякому, кто занялъ участокъ лѣса подъ обработку, совершилъ заимку, «bifang», какъ нерѣдко называютъ послѣднюю источники [3]).

Итакъ, въ составъ марки, на ряду съ зѐмлями, состоящими въ частныхъ рукахъ, входятъ и земли общаго пользованія. Спрашивается, какія же именно? Мы видѣли уже, что такими землями могутъ быть лѣса;

---

[1]) Ibid, № 13, a 799

[2]) Нерѣдко всѣ перечисленныя права общиннаго пользованія передаются однимъ словомъ adjacentia: такъ, напр., въ одной грамотѣ 820 г, сдѣланной въ пользу монастыря въ Верденѣ, читаемъ: tradidi unam hovam cum omnibus adjacentiis que ad eandem hovam pertinent (Lacomblet, № 38).

[3]) Lacomblet, т I, № 48, a. 834: tradidi dimidium mansum cum pratis, pascuis etc.—№ 52: tradidi unum bifang cum omnibus appendicns suis, id est terris, sivis, pascuis (a. 837).

доставляемыя послѣдними доходныя статьи состоятъ не въ одномъ лишь строительномъ матеріалѣ и дровахъ для топлива, но также, между прочимъ, и въ выпасѣ скота Этимъ обстоятельствомъ объясняется, почему источники такъ рѣдко упоминаютъ объ отдѣльныхъ отъ лѣса общинныхъ пастбищахъ. Только съ тѣхъ поръ, какъ, благодаря корчеванію, значительно сокращена была занятая лѣсомъ площадь, возникли условія, благопріятныя для обособленія отдѣльныхъ участковъ земли подъ выпасъ. охраненіе молодыхъ порослей отъ возможныхъ потравъ сдѣлалось необходимостью. Это не значитъ, однако, чтобы въ то время, о которомъ теперь идетъ рѣчь, нельзя было встрѣтить вовсе такъ называемыхъ «communia pascua» О нихъ прямо говорится, напримѣръ, въ одной жалованной грамотѣ 793 г., совершенной въ пользу аббатства въ Верденѣ. Общеупотребительность же выраженія «cum pratis, pascuis etc.» для обозначенія всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыя переходили къ лицу, пріобрѣвшему собственность на землю въ предѣлахъ той или другой марки, даетъ право думать, что въ территоріальный составъ послѣдней входили, между прочимъ, и общинныя пастбища [1]). Пастбища эти нерѣдко лежали въ горахъ и въ этомъ случаѣ носили наименованіе alpes,—терминъ, удержанный за ними во многихъ мѣстностяхъ и по настоящій день. О такихъ «montes qui vocantur alpes» говорится, между прочимъ, въ древнѣйшемъ перечнѣ земель и владѣній, принадлежащихъ аббатству въ Фульдѣ [2]). Упоминаніе о нихъ, въ смыслѣ источника получаемаго обителью ежегодно сыра (de his singulis debentur casei), даетъ право думать, что на нихъ пасся молочный скотъ монастырскихъ поселенцевъ. Приготовляемый на мѣстѣ сыръ шелъ въ пользу братіи, какъ бы въ вознагражденіе за дарованную ею свободу выпаса.

Изучая грамоты VII и слѣдующихъ столѣтій, Фюстель де Куланжъ не могъ не натолкнуться на многіе изъ указанныхъ здѣсь фактовъ. Изъ дѣлаемыхъ имъ ссылокъ видно, между прочимъ, что случаи отчужденія отдѣльныхъ гуфъ и связанныхъ съ ними правъ пользованія ему хорошо извѣстны [3]). Казалось бы, что отсюда слѣдовало сдѣ-

---

[1]) Lacomblet, т. I, № 38 Мѣновая 834 г, въ которой, между прочимъ, говорится о переходѣ земли изъ однѣхъ рукъ въ другія cum pratis pascuis etc.

[2]) In Churwalahaim ad curtem S. Bonifacii que Reamnis vocatur... Sunt etiam ibi tres montes qui vocantur alpes, de his singulis debentur casei (Dronke, Traditiones et Antiquitates Fuldenses, стр. 6).

[3]) Parfois il s'agit (dans les actes) de petits propriétaires qui ne possèdent chacun qu'un manse. Une forêt leur est commune. Nous voyons quelques-uns

лать тотъ выводъ, что, на ряду съ частной собственностью, въ маркѣ можно было встрѣтить и общинное пользованіе. Но этого вывода французскій историкъ отнюдь не допускаетъ, и вотъ по какой причинѣ: каждый, говоритъ онъ, является, очевидно, собственникомъ отчуждаемой имъ доли,—иначе самое отчужденіе было бы не мыслимо,—а если такъ, то не можетъ быть и рѣчи объ общинномъ владѣніи [1]). Признаюсь, я не совсѣмъ понимаю силу такого аргумента и не вижу, почему возможность отчужденія собственникомъ его доли въ общинномъ пользованіи должна лишить послѣднее общиннаго характера. Такіе акты отчужденія происходятъ въ наши дни сплошь и рядомъ. Allmendeberechtigkeit отчуждается вмѣстѣ съ участкомъ, владѣніе которымъ открываетъ доступъ къ пользованію allmend'ой, и никто, ни въ Швейцаріи, ни въ Германіи, гдѣ такія отчужденія также практикуются, не сомнѣвается въ томъ, что альменда составляетъ не частную, а общинную собственность. Допустите свободу отчужденія крестьяниномъ его надѣла въ Россіи, и вы получите буквальное повтореніе того же явленія, т. е. каждый разъ съ переходомъ участка въ руки новаго собственника, послѣднему доставалось бы также право пользованія общиннымъ лѣсомъ или выгономъ—откуда, однако, никакъ нельзя было бы заключить къ тому, чтобы лѣсъ и выгонъ теряли характеризующій ихъ признакъ общности.

Съ замкнутой общиной, доступъ въ которую закрытъ новымъ поселенцамъ, встрѣчаемся мы и въ приводимомъ Фюстелемъ примѣрѣ. Семь человѣкъ отчуждаютъ каждый свои mansi или portiones и, вмѣстѣ съ тѣмъ, права пользованія въ общинномъ лѣсу (silva in communiis). Фактъ совершенія ими отчужденія доказываетъ, что они собственники своихъ участковъ: но отсутствіе всякой попытки обозначить границы, въ которыхъ каждый владѣетъ общимъ лѣсомъ, указываетъ на то, что послѣдній состоитъ въ ихъ нераздѣльномъ, долевомъ и равномъ владѣніи. Если бы въ источникахъ можно было встрѣтить случаи отчужденія «silvae communionis» лицами, ничѣмъ не владѣющими въ предѣлахъ марки, простыми поселенцами, то мы бы вправѣ были говорить, что общинное пользованіе въ маркѣ принадлежитъ равно всему ея населенію; но такъ какъ этого нѣтъ, то мы не ошибемся въ утвержденіи, что доступъ къ этому общинному пользованію от-

---

de ces hommes faire donation de leurs manses: ils font donation en même temps de la part qu'ils ont dans la forêt (стр 346).

1) Il s'agit visiblement d'une forêt qui est indivis entre co-propriétaires: or chacun d'eux y exerce un plein droit de propriété puisqu'il peut aliéner sa part (стр. 347).

крываетъ частное владѣніе участкомъ или наемъ пахоти, что безъ такого владѣнія немыслимо и общинное пользованіе.

Приводимый Фюстелемъ примѣръ подтверждаетъ также высказанную уже мысль о томъ, что не всякая вилла можетъ считаться частнымъ имѣніемъ, что въ VIII-мъ и IX-мъ вѣкѣ еще существуютъ такъ называемыя свободныя общины, составленныя изъ манзіонаріевъ или владѣльцевъ гуфъ, безпрепятственно отчуждающихъ свои дѣлянки. Правда, указанія на эти общины довольно рѣдки; но иначе и быть не можетъ, такъ какъ мы ищемъ ихъ въ грамотахъ, говорящихъ о частной собственности, о территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ, дѣлаемыхъ церквами и монастырями, другихъ грамотъ, къ сожалѣнію, нѣтъ въ нашемъ распоряженіи При такихъ условіяхъ естественно, что о существованіи свободныхъ, ни отъ кого не зависящихъ общинъ мы узнаемъ только при переходѣ ихъ во владѣльческія. Этому переходу предшествуетъ каждый разъ передача себя мелкимъ собственникомъ въ руки церкви или монастыря въ силу такъ называемой коммендаціи. Всего чаще, такая добровольная уступка собственности предпринимается цѣлыми группами мелкихъ владѣльцевъ одной и той же «villa»,—иногда, какъ мы видѣли, всею совокупностью «vicini», или сосѣдей,—и въ такомъ случаѣ община сразу изъ свободной, какой она была на первыхъ порахъ, становится зависимой; но встрѣчаются также случаи, когда удержаніе бокъ о бокъ мелкой собственности съ крупной придаетъ общинѣ смѣшанный характеръ и дѣлаетъ соучастниками въ общихъ пастбищахъ и лѣсахъ, наряду съ феодальнымъ сеньеромъ и его крѣпостными, уцѣлѣвшихъ владѣльцевъ свободныхъ манзовъ.

Съ каждымъ поколѣніемъ, однако, число такихъ, какъ свободныхъ, такъ и смѣшанныхъ общинъ, становится все меньше и меньше; въ Германіи, какъ и во Франціи или Англіи, все болѣе и болѣе подготовляется тотъ порядокъ земельныхъ отношеній, выраженіемъ котораго служитъ афоризмъ «nulle terre sans seigneur». Необезпеченность мелкой собственности среди плохо еще замиреннаго общества, потребность въ покровителѣ и заступникѣ - учащаютъ случаи отдачи себя не въ кабалу и въ крѣпость, а въ феодальную зависимость, которая не устраняетъ возможности владѣть по прежнему отчужденнымъ участкомъ на правахъ долгосрочнаго, наслѣдственнаго арендатора или прекариста. Факты эти слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы на нихъ стоило долго останавливаться. Я вспомнилъ о нихъ здѣсь лишь съ цѣлью объяснить причину рѣдкаго упоминанія позднѣйшими по времени грамотами о свободно отчуждающихъ свои земли манзіо-

нарiяхъ и о другихъ видахъ communionis, кромѣ совмѣстнаго съ сеньеромъ пользованiя лѣсомъ и пустошью со стороны всѣхъ поселенцевъ его имѣнiя.

Объ этомъ послѣднемъ случаѣ грамоты IX и слѣдующихъ столѣтiй сообщаютъ намъ весьма обстоятельныя данныя. Нѣкоторыя изъ нихъ, далеко не всѣ, приводятся и Фюстель де Куланжемъ. Любопытно, между прочимъ, то, что многiе изъ управомоченныхъ въ такомъ пользованiи носятъ еще въ этихъ грамотахъ доступное однимъ свободнымъ названiе cives, — лучшее доказательство того, что не одна «крѣпость» открывала доступъ къ silvae communionem или къ pascua communia. Самъ Фюстель склоняется къ мысли, что пользователями въ нераздѣльной землѣ марки нерѣдко являлись «d'anciens tenanciers libres», но почему то не дѣлаетъ изъ этого наблюденiя никакихъ дальнѣйшихъ выводовъ [1]). Во всѣхъ относящихся къ настоящему вопросу источникахъ рѣчь идетъ уже не о совладѣнiи или общинной собственности, а объ одномъ лишь правѣ пользованiя Собственникомъ эксплоатируемаго сообща участка выступаетъ феодальный сеньеръ, loci dominus, какъ называютъ его нѣкоторыя грамоты [2]).

Способы пользованiя — самые разнообразные и, вмѣстѣ съ размѣромъ участiя каждаго, опредѣляются мѣстнымъ обычаемъ [3]). Отмѣтимъ, въ ряду другихъ, выпасъ свиней въ лѣсу, причемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ указывается число свиней, посылаемыхъ на выпасъ каждымъ владѣльцемъ гуфы, въ другихъ же говорится, наоборотъ, о неограниченности такого права выпаса [4]). Кормомъ служитъ находимый въ дубовыхъ рощахъ желудь, почему посылка въ эти рощи свиней допускается лишь въ годы урожая желудей. Такое пользованiе

---

[1]) Quant aux „pagenses", l'ensemble de l'acte donne à penser que ce sont d'anciens tenanciers libres (стр 348).

[2]) Formules, ed. Rozière, № 401.

[3]) Въ этомъ именно смыслѣ понимаю я слѣдующее выраженiе одной купчей, заключенной аббатомъ Верденскаго монастыря Людгеромъ въ 801 году Продавецъ уступаетъ аббату „curtile cum adjacentibus suis dominationemque in silvas ad supradictam villam pertinentes cum pastu plenissimo juxta modulam curtilis ipsius" (Lacomblet, № 20),

[4]) Ad unam quamque hobam decem porcos saginandos in proprietate mea in silva Lotstein quando ibi glandes inveniri possunt (Neugart, Codex Diplomaticus, т. I, стр. 377) Въ грамотѣ, написанной въ 32-ой годъ правленiя баварскаго герцога Тасилло, говорится объ уступкѣ монастырю, а, слѣдовательно, и о переходѣ въ руки монастырскихъ поселенцевъ права habere pastum porcorum in silva sufficienter absque ulla conditione (Historia Frisingensis, t I, pars II, стр 85).

лѣсомъ носитъ въ источникахъ названіе «pastus» или «sagina» [1]). Объ этомъ pastus заходитъ рѣчь, какъ объ одной изъ принадлежностей (appendiciae или adjacentiae) земельнаго участка (гуфы или бифанга), а также какъ о доходной статьѣ, слѣдующей изъ факта владѣнія имѣніемъ, или виллой; отсюда—частое употребленіе въ актахъ передачи имущества формулы «cum pastu», или еще съ прибавкою «porcorum», чѣмъ выражается уступка земли съ правомъ выпаса свиней въ лѣсу собственника.—Принадлежность такого права пользованія лицамъ, живущимъ въ предѣлахъ помѣстья, не устраняетъ возможности припущенія къ тому же пользованію помѣщикомъ и постороннихъ лицъ. Какъ собственникъ лѣса, онъ свободно отчуждаетъ отдѣльные виды пользованія имъ, почему въ числѣ производимыхъ имъ продажъ или пожалованій нерѣдко упоминается и pastus; иногда говорится, сколько именно свиней разрѣшается посылать въ лѣсъ контрагенту; иногда выраженіе sufficienter sine conditione передаетъ, наоборотъ, всю неограниченность уступаемаго права [2]).

Наряду съ выпасомъ свиней въ общинномъ лѣсу, источники упоминаютъ также о посылкѣ въ него скота. Не одни montes, que alpes dicuntur, служатъ пастбищемъ для крестьянскаго стада, имъ можетъ быть и помѣщичій лѣсъ, почему выраженіе tradidi dominationem silvae cum pascuis встрѣчается довольно часто въ грамотахъ восьмого и слѣдующихъ столѣтій [3]). Съ середины XII вѣка, какъ на это указываетъ Моне, а за нимъ и Фюстель, служащіе пастбищемъ лѣса получаютъ въ просторѣчіи наименованіе альменды. Въ одной грамотѣ 1150 г. прямо говорится. «silvae» quae vulgari lingua almende nominantur, и эти лѣса характеризуются, какъ мѣста, служащія для pastura animalium, tam equorum, quam armentorum et pecorum [4]).

Принадлежность такихъ альмендъ въ собственность помѣщику дѣлаетъ возможнымъ надѣленіе имъ правомъ выпаса лицъ, живущихъ внѣ предѣловъ имѣнія, въ томъ числѣ, сосѣднихъ церквей и монастырей, что въ конечномъ результатѣ, ведетъ къ сокращенію доходовъ, получаемыхъ отъ эксплоатаціи этихъ выпасовъ крестьянами

---

[1]) Pastumque vel saginam animalium habere (Formules, ed Rozière, № 401).

[2]) Въ грамотѣ, отпечатанной Lacomblet подъ № 242 и относимой имъ къ 1079—1089 г, мы читаемъ: графъ Ирмгардъ сдѣлалъ слѣдующее пожалованіе въ пользу одной церкви въ Кельнѣ: „Si forte glandifer annus fuerit“.

[3]) Lacomblet, т I, № 5.

[4]) Wurdtwein, Subsidia diplomatica, t XII, стр. 88, мѣсто цитировано Фюстелемъ на стр. 350, пр. 3 in quacumque proprietate sue silvam porci sui ingrediantur, illuc pariter et illi saginandi sequantur

Служа пастбищемъ для общаго стада, частные лѣса, вмѣстѣ съ тѣмъ, доставляютъ матеріалъ для топлива и построекъ не однимъ только собственникамъ, но и всему зависимому населенію помѣстья [1]). Порядокъ эксплоатаціи лѣсовъ, повидимому, далеко не раціональный такъ какъ уже въ грамотахъ X и начала XI в. предвидится возможность совершеннаго ихъ опустошенія [2]) Мы видѣли, что помѣщики, какъ собственники лѣса, могутъ отчуждать отдѣльные виды пользованія имъ, какъ-то, право выпаса скота и корма свиней желудями. Наравнѣ съ этими правами, мы встрѣчаемъ въ жалованныхъ грамотахъ упоминаніе и о правѣ брать изъ лѣсу опредѣленное количество топлива и столько деревьевъ, сколько нужно для поддержанія воздвигнутыхъ уже жилищъ и построекъ (plaustrum de communi silva ad coquinam et vestes mundandas, читаемъ мы въ одной грамотѣ 1003 года) [3]) Но не однимъ этимъ путемъ сокращались постепенно права крестьянъ на пользованіе помѣщичьимъ лѣсомъ. Желая заблаговременно избѣжать опустошенія его порубками, собственники нерѣдко объявляли лѣсъ запретнымъ, иначе говоря, закрывали доступъ къ нему всему поселенному въ помѣстьяхъ населенію. Ихъ побуждало къ тому преслѣдованіе не однѣхъ хозяйственныхъ цѣлей, но и любовь къ охотѣ, наводившая мысль на сохраненіе дубравъ, какъ любимаго мѣстопребыванія пушного звѣря — лисицъ, волковъ, медвѣдей, а также всякаго рода дичи, оленей, козъ, зайцевъ и т. п. Неудивительно поэтому, если источники часто говорятъ о такъ называемыхъ speciales forestae, т. е. такихъ рощахъ, которыя удерживаются въ интересахъ охоты въ спеціальномъ пользованіи самого собственника [4]); если «silva proprii mei juris» упоминается все чаще и чаще, наряду съ silva communis [5]); если въ числѣ отчуждаемыхъ имуществъ подчасъ заходитъ рѣчь о waldmarca, т. е. о цѣломъ лѣсномъ округѣ, состоящемъ не въ совмѣстномъ поль-

---

[1]) Potestatem ad cedendum materiamen quantumque opus atque lignamen по выраженію грамоты VIII вѣка (См. Historia Frisingensis, Meichelbek'a, t. I, pars II, стр. 85).

[2]) Ut si aliquando quod absit dominis negligentibus et custodibus incautis silva devastetur et postea in custodiam ponatur, читаемъ мы въ одной грамотѣ 1003 г., которая, предвидя возможность такого исхода, принимаетъ и отвѣчающія ему мѣры (Lacomblet, т. I, № 136)

[3]) Ibid.

[4]) См., между прочимъ, грамоту 927 г., отпечатанную Лакомбле (т I. № 88)

[5]) Formules, Rozière, ed. № 239.

зованіи крестьянъ съ помѣщикомъ, а въ исключительномъ обладаніи послѣдняго [1]).

Мы кончили съ вопросомъ о видахъ общинной собственности и общиннаго пользованія, извѣстныхъ Германіи въ періодъ времени отъ VII по XII столѣтіе, т. е. ранѣе той эпохи, въ которую, по сознанію самого Фюстеля, марка сдѣлалась синонимомъ мірского пользованія

Но задача, которую мы себѣ поставили, далеко еще не выполнена. Недостаточно показать неосновательность взгляда, будто марка равнозначительна съ помѣстьемъ; необходимо доказать еще, что отождествленіе ея съ общинными угодьями, такъ часто встрѣчающееся въ грамотахъ XII и слѣдующихъ столѣтій [2]), имѣетъ за себя глубокія историческія причины.

Фюстель де Куланжъ ни слова не говоритъ о томъ, что могло подать поводъ къ смѣшенію понятій марки и альменды, или communio silvae et pascui; онъ только констатируетъ этотъ фактъ. Но фактъ такого смѣшенія, будучи повсемѣстнымъ, очевидно, не можетъ быть случайнымъ. Гдѣ же лежитъ, спрашивается, его источникъ?

Говоря о территоріальномъ составѣ марки, мы замѣтили, что онъ долженъ быть признанъ сложнымъ; общинное владѣніе чередуется въ немъ съ частной собственностью. Но эта частная собственность далеко не представляется однохарактерной, по крайней мѣрѣ, въ своемъ источникѣ; и самый способъ ея обозначенія въ отдѣльныхъ случаяхъ далеко не одинъ и тотъ же. Термины — proprietas, haereditas, alod, coemptio, conquisitum, exartum, adtractum, elaboratum, novale, comprehensio, rothum, sartum, bifang употребляются поперемѣнно въ источникахъ, выражая одни наслѣдственное или родовое имущество, другіе имущество благопріобрѣтенное, третьи недавно сдѣланную заимку. Упоминанія о послѣдней столь же часты, какъ и упоминанія о proprietas или haereditas. Источники подробно описываютъ иногда самый процессъ зарожденія заимки, и въ этомъ случаѣ не остается сомнѣнія, что тамъ, гдѣ они говорятъ о частной собственности, еще недавно не было иного владѣнія, кромѣ общиннаго. Соберемъ, въ самомъ дѣлѣ, тѣ отрывочныя указанія, какія содержатъ въ себѣ грамоты отъ VII по XI столѣтіе относительно вопроса о происхожденіи экзарта, и мы увидимъ, что источникъ его происхожденія былъ всюду одинъ и тотъ же—

---

[1]) Codex Laureshamensis, § 32.

[2]) In communem silvam „mark“ vulgariter nominatam,—текстъ, приводимый Маурером (Geschichte der Merkenverfassung, стр. 35).

аппропріація общинной земли частнымъ лицомъ или цѣлою группою лицъ, утилизація дотолѣ никѣмъ нетронутыхъ участковъ общинной пустоши и лѣса, завоеваніе собственности трудомъ, т. е. хозяйственной эксплоатаціей физическихъ силъ природы. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ о такой заимкѣ жалованная грамота Генриха фонъ Руръ отъ 796 г.: примѣняя къ ней терминъ «comprehensio», даритель поясняетъ, что источникомъ ея происхожденія слѣдуетъ признать собственный его трудъ (proprii laboris mei) и указываетъ мѣсто въ лѣсу Гейси, гдѣ онъ недавно произвелъ корчеваніе (ibi dudum comprehendi) [1]).

Другая грамота, 801 года, заимствованная, подобно предыдущей, изъ хартуларія аббатства въ Верденѣ, рисуетъ намъ самый процессъ совершенія такихъ заимокъ. Корчеваніе лѣса, необходимый шагъ къ преобразованію его въ поле, производится не всегда одинокими усиліями перваго воздѣлывателя. Ему помогаютъ обыкновенно его родные и друзья, proximi и amici. Въ сообществѣ съ ними (in communione proximorum), приступаетъ заимщикъ къ очисткѣ земли отъ лѣса, обращаясь съ этой цѣлью, по всей вѣроятности, къ наипростѣйшему способу—истребленію его огнемъ [2]).

Обыкновеннымъ, хотя и не необходимымъ, послѣдствіемъ корчеванія является установленіе межъ и видимыхъ пограничныхъ знаковъ; объ этомъ упоминаетъ, между прочимъ, одна купчая 848 года, въ которой значится, что отчуждаемая заимка была обойдена въ сообществѣ продавца людьми покупателя, которые novis signis (eam) obfirmaverunt [3]).

Корчеваніе лѣса становится дѣломъ столь обычнымъ, что заимки одного лица граничатъ часто съ заимками другого. Такъ, въ упомянутомъ уже нами лѣсѣ Гейси, на ряду съ заимками, перешедшими въ руки аббатства въ Верденѣ, въ силу traditio, совершенной въ его пользу первыми воздѣлывателями, мы встрѣчаемъ еще нѣсколько другихъ заимокъ, остававшихся до 800 года въ рукахъ трехъ нераздѣльно владѣвшихъ ими братьевъ и только въ этомъ году уступленныхъ ими монастырю [4]). Въ другой грамотѣ, отъ 801 года, мы

---

[1]) Lacomblet, т. I, № 6.

[2]) Helmbaldus, filius Heribaldi... tradidit — in elemosinam comprehensionem illam quam ipse Helmbaldus in propria hereditate et in communione proximorum suorum proprio labore et adiutorio amicorum suorum legibus comprehendit et stirpavit (Lacomblet, т. I, № 21).

[3]) Ibid, № 6.

[4]) Placuit nobis coheredibus et conparticipibus in uno patrimonio his nominibus efurvino, hildirado et irminvino liudgero, presbitero postulante, tradere

читаемъ, что comprehensio, сдѣланная нѣкіимъ Гильдрадомъ, граничитъ съ заимкою, которую in proximo angulo нѣкто, по имени Фольк-бертъ, «olim stirpare inchoavit» [1]). Не приводя дальнѣйшихъ цитатъ, мы ограничимся замѣчаніемъ, что изученіе топографическихъ названій, предпринятое Арнольдомъ въ области древнѣйшихъ поселеній германцевъ—въ Гессенѣ [2]), также приводитъ къ заключенію, что изучаемая нами эпоха была временемъ широкаго господства корчеванія и заимокъ, и что, слѣдовательно, ранѣе ея наступленія значительная часть земель лежала еще не утилизированной или, вѣрнѣе, служила общиннымъ угодьемъ, была communio silvae. Названія, выражающія собою самый процессъ корчеванія, а также его результатъ—заимку, принадлежатъ мѣстностямъ, первыя упоминанія о которыхъ, какъ показалъ Арнольдъ, не восходятъ далѣе занимающей насъ эпохи.

Спрашивается, однако, какія причины вызвали къ жизни столь быстрое и широкое развитіе корчеванія, откуда явилась потребность въ такомъ истребленіи лѣсовъ, въ такомъ расширеніи состоящей подъ обработкою площади?

Отвѣтъ на это даютъ намъ тѣ немногія грамоты, которыя, предоставляя тому или другом улицу, обыкновенно церкви или монастырю, communionem silvae, между прочимъ, надѣляютъ пріобрѣтателя правомъ корчеванія части лѣса. «Если, говорится въ одной изъ такихъ грамотъ, подъ плугъ поступитъ и больше лѣсной площади, чѣмъ нужно для образованія одного крестьянскаго надѣла или «mansus», въ виду бо́льшей доходности пахотной земли противъ лѣса (quod utilius sit quam silva utilitatis conferre possit), то даритель не поставитъ тому никакихъ препятствій» [3]).

Итакъ, въ общественное сознаніе проникло убѣжденіе, что оставленіе земли подъ лѣсомъ убыточно,—и это немудрено, если вспомнить, что относительное замиреніе общества, результатъ прекратившихся нашествій и проведеннаго Карловингами политическаго объ-

---

aliquam particulam hereditatis nostre... in silva que dicitur Heissi comprehensionem illam, quam ipse liudgerus ibi desideravit et hilderadus in nostro nomine comprehendit simul cum eo et consignavit. Haec igitur comprehensio quam tradidimus iuxta illas comprehensiones contigua est et coherens a summo usque ad finem, quas Heimricus et Hluduvainus ad easdem reliquias (Sancti Salvatoris) et ipsi liudgero ante annos aliquos tradiderunt (Lacomblet, № 17).

[1]) Ibid, № 19.

[2]) См. Ansiedelungen und Wanderungen deutscher Stämme, а также Deutsche Urzeit, въ которой авторъ резюмируетъ результаты своихъ предшествующихъ работъ по тому же вопросу.

[3]) Lacomblet, № 253, a. 1096.

единенія, должно было на разстояніи ряда столѣтій вызвать небывалую дотолѣ густоту населенія и, слѣдовательно, увеличить спросъ на сельско-хозяйственные продукты.

Удивительно ли послѣ этого, если во времена императора Конрада, вмѣстѣ съ быстрыми успѣхами феодализма и начавшейся снова общественной безурядицей, сеньеры, не довольствуясь корчеваніемъ собственныхъ лѣсовъ, сплошь и рядомъ производятъ захваты въ чужихъ. Въ одной монастырской лѣтописи, лѣтописи аббатства въ Фульдѣ, въ числѣ прочихъ обвиненій противъ свѣтскихъ сеньеровъ, значится, между прочимъ, что бѣднѣйшіе изъ нихъ «faciebant sibi novalia et villas in nemoribus et forestibus Sancti Bonifacii (патрона монастыря), т. е. занимали участки монастырскаго лѣса и этимъ путемъ пріобрѣтали себѣ цѣлыя имѣнія (villae) [1]). Очевидно, что такіе захваты не должны были ограничиться одними монастырскими владѣніями, что жертвою ихъ, прежде всего, должна была сдѣлаться плохо защищенная крестьянская собственность, и что, въ частности, тѣ silvae communes или общіе лѣса марки, о которыхъ говорено было нами выше, во многихъ мѣстностяхъ совершенно исчезли подъ захватами никѣмъ не сдерживаемыхъ сеньеровъ. Къ сожалѣнію, самая природа такихъ актовъ, какъ произвольный захватъ помѣщикомъ нѣкогда общей ему съ крестьянами земли, не допускаетъ письменнаго ихъ засвидѣтельствованія. При широкомъ господствѣ самоуправства, крестьяне не могли найти защиты себѣ ни въ правительствѣ, ни въ судахъ. Быть можетъ, подчасъ они и обращались къ послѣднимъ со своими жалобами и ходатайствами, но ни тѣ, ни другія не дошли до насъ, какъ не дошли до насъ и древнѣйшіе протоколы судебныхъ инстанцій. Нѣтъ ничего удивительнаго, что мы остаемся въ невѣдѣніи относительно цѣлой категоріи общественныхъ фактовъ и ставимся въ необходимость основывать наши заключенія на аналогіяхъ и вѣроятностяхъ. Но не лучше ли отказаться отъ всякихъ выводовъ, нежели строить ихъ на такой зыбкой почвѣ, не лучше ли признать, что все, что не засвидѣтельствовано письменными актами, никогда и не имѣло мѣста въ дѣйствительности? Нѣтъ, такъ какъ это значило бы упускать изъ виду многія существенныя стороны народной жизни и тѣмъ самымъ давать послѣдней одностороннее и невѣрное изображеніе. Къ тому же, нѣкоторые позднѣйшіе по времени акты, приговоры, постановленные королевскими судами IX и

---

[1]) De gestis domini Marcuardi abbatis rels Chunradi urgente imperio—отпечатано Dronke (Traditiones et Antiquitates Fuldenses, стр. 153).

слѣдующихъ столѣтій по спорамъ между помѣщиками и крестьянами, возстановляя, по возможности, прежнія отношенія и устраняя, между прочимъ, недавно произведенные захваты, даютъ тѣмъ самымъ фактическое обоснованіе выставленной нами гипотезѣ.

Древнѣйшіе изъ этихъ документовъ восходятъ, какъ сказано, къ IX вѣку. Предметомъ спора, который каждый разъ признается старинным, служитъ вопросъ, имѣютъ ли жители той или другой виллы право пользоваться общинными угодьями въ силу утверждаемаго ими за собою права собственности (per suam auctoritatem), или въ предоставленномъ имъ пользованіи слѣдуетъ видѣть не болѣе, какъ милость сосѣдняго сеньера, временное пожалованіе, которое ежечасно можетъ быть взято имъ обратно (an ex ejusdem loci domini precario) [1]). Во всѣхъ однохарактерныхъ случаяхъ слѣдуетъ одно и то же рѣшеніе: спорный участокъ дѣлится пополамъ; одна часть его признается подлежащей исключительному пользованію сеньера, о другой же говорится, чтобы въ ней впредь «omnia omnibus essent communia in lignis cedendis et sagina porcorum et pastu pecorum». Что это значитъ, какъ не то, что, признавая въ принципѣ совладѣнія крестьянъ съ помѣщикомъ и желая дать тѣмъ и другимъ возможность выйти изъ состоянія нераздѣльности, судъ прибѣгаетъ къ простѣйшему способу уравненія правъ обѣихъ сторонъ,—къ равному раздѣлу? Недоумѣваешь, какъ можетъ Фюстель де Куланжъ, цитирующій эти акты, видѣть въ нихъ подтвержденіе того, что собственникомъ лѣса былъ одинъ сеньеръ, а крестьяне признаны судомъ не болѣе, какъ пользователями въ чужомъ имуществѣ [2]). Въ самыхъ актахъ нѣтъ ни одного слова о томъ, кому принадлежитъ собственность, упоминаемый же ими равный раздѣлъ говоритъ, очевидно, ни о чемъ иномъ, какъ о предшествующемъ совладѣніи. Но чѣмъ объяснить, въ такомъ случаѣ, ту часть приговора, которая

---

[1]) Formules, ed Rozière: .. pro quodam silva vel potius saltu latissimo utrum ceteri cives in eodem lignorum materiarumque cesuram pastumque vel saginam animalium habere per suam auctoritatem an ex ejusdem loci dominis precario deberent.

[2]) Si nous observons bien cet arrêt, nous y voyons que le juge considère cette forêt toute entière comme une propriété privée. Il croit que le propriétaire y a seulement concédé un droit d'usage. Il veut que ce droit d'usage soit conserve sur une partie au moins de la forêt: mais il maintient au propriétaire son droit éminent sur le tout C'est le forestier du propriétaire qui surveillera les deux parts et la jouissance des paysans n'ira que jusqu'à faire paître des animaux et couper du bois des arbres improductifs (стр. 349).

предоставляетъ назначенному сеньеромъ лѣсничему (forestarius) надзоръ за тѣмъ, чтобы крестьяне не вырубали «arbores glandiferos immoderate ruendo»? Фюстель видитъ въ этомъ обстоятельствѣ доказательство принадлежности лѣса въ собственность сеньера; но изъ него едва ли можетъ быть сдѣланъ такой выводъ. Не проще ли видѣть здѣсь ничто иное, какъ частную мѣру къ предохраненію на будущее время правъ самихъ общинниковъ на пользованіе лѣсомъ подъ выпасъ свиней? Въ самомъ дѣлѣ, разъ дубы будутъ вырублены, pastus porcorum необходимо долженъ прекратиться. Для избѣжанія такого исхода, судъ, не запрещая вполнѣ рубки arbores glandiferos, требуетъ, чтобы она была умѣренна, и поручаетъ надзоръ за выполненіемъ этого требованія единственному лицу, которому онъ могъ быть порученъ,— т. е мѣстному лѣсничему Что въ разбираемомъ предписаніи слѣдуетъ видѣть не болѣе, какъ случайную мѣру, это видно, между прочимъ, изъ того, что она вовсе отсутствуетъ въ текстѣ другого одновременнаго приговора, также цитируемаго Фюстель де Куланжемъ; приговоръ этотъ, предписывая тотъ же равный раздѣлъ, довольствуется заявленіемъ, что въ выдѣленной ему части помѣщикъ (въ данномъ случаѣ, король) въ правѣ запретить всякое пользованіе крестьянъ, оставляя за ними право выпаса скота и свиней, а также рубку лѣса въ другой половинѣ нераздѣльнаго дотолѣ владѣнія.

Сопоставимъ теперь съ этими фактами тѣ, которые представляютъ намъ нѣкоторыя грамоты XI и XII вѣковъ по вопросу, кому принадлежало право распоряженія общинными угодьями. Если оно всецѣло сосредоточивалось въ рукахъ помѣщика, то довольно вѣроятно предположеніе о принадлежности ему и титула собственности; но если, наоборотъ, самъ онъ въ распоряженіи этими угодьями связанъ былъ подчасъ необходимостью испрашивать согласіе государственной власти, то едва ли возможно сомнѣніе въ томъ, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ дозволеннымъ властью отчужденіемъ общественной земли. Одинъ подобнаго рода случай занесенъ въ грамоту 1099 г., выданную архіепископомъ кельнскимъ, Германомъ III, аббату монастыря въ Брауевейлеръ, именовавшемуся Вецело. Аббатъ ходатайствовалъ передъ епископомъ о разрѣшеніи ему заимки въ лѣсу, «qui dicitur Bram». Его просьба уважена съ тѣмъ, чтобы размѣръ выкорчеванной площади не превышалъ того, сколько нужно «ad unum mansum», т. е. для полнаго крестьянскаго надѣла. Но почему аббатъ не приступаетъ прямо къ заимкѣ, а испрашиваетъ сначала согласіе епископа? Можетъ быть, потому, что лѣсъ епископскій? Нѣтъ, такъ какъ грамота прямо называетъ лѣсъ принадлежащимъ аббату (sua foresta). Не имѣется ли въ такомъ случаѣ въ виду

избѣжать платежа церковной десятины, слѣдуемой каждый разъ при поднятіи нови? О такой милости въ грамотѣ нѣтъ и помину. Остается допустить, что лѣсъ, о которомъ идетъ рѣчь, принадлежитъ къ разряду silva communis, состоитъ въ общемъ владѣніи монастыря и сосѣднихъ крестьянъ. Пока дѣло идетъ о предоставленіи третьимъ лицамъ только правъ пользованія въ лѣсу (pastus или communem pasturam), помѣщикъ свободно можетъ распорядиться имъ. Но разъ возникаетъ вопросъ о совершенной отмѣнѣ, по крайней мѣрѣ, на части лѣса, прежней его нераздѣльности и общности, разъ заходитъ рѣчь объ обращеніи его въ частную собственность путемъ заимки, требуется разрѣшеніе власти, необходимо пожалованье, во всемъ однохарактерное съ тѣми, которыми короли и императоры надѣляли цѣлыми виллами своихъ свѣтскихъ и духовныхъ магнатовъ. Въ данномъ случаѣ представителемъ власти выступилъ епископъ Кельнскій, какъ верховный феодалъ, и его pontificalis auctoritas, какъ значится въ грамотѣ, узаконило заимку [1])

Но что значитъ послѣ этого нерѣдко встрѣчающееся въ источникахъ заявленіе о свободномъ занятіи нови, независимо отъ чьего либо согласія? Отмѣтимъ указаніе въ этомъ случаѣ источниками того обстоятельства, что заимка сдѣлана in propria haereditate [2]), другими словами, что мѣстность, въ которой приступлено къ корчеванію, составляла прежде частную собственность заимщика. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, передъ собою простое осуществленіе собственникомъ одного изъ принадлежащихъ ему правомочій. Еще нагляднѣе выступаетъ эта сторона дѣла, когда акту заимки предшествуетъ покупка самого участка у третьяго лица [3]). Удивительно ли при такихъ условіяхъ, если для поднятія плугомъ нови не требуется ничьего согласія? Это дѣйствіе входитъ въ число дозволенныхъ собственнику способовъ утилизаціи его имущества

Не слѣдуетъ, однако, представлять себѣ дѣло такъ, чтобы считать необходимымъ для всякой заимки въ общинномъ лѣсу предшествующее ей разрѣшеніе властью. Пока пустопорожней земли было много, никто не былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы противиться одиночнымъ попыткамъ обращенія ея подъ обработку. Поэтому въ большинствѣ случаевъ было достаточно молчаливаго согла-

---

[1]) Lacomblet, т. I, № 256.

[2]) Lacomblet, №№ 19 и 21.

[3]) Rothum illum quod dicitur uvidunberg a supradicto nobili franco theganbaldo conparavi et in eo laboravi quod potui (Ibid., № 12, a 799).

сія сосѣдей-совладѣльцевъ, и спеціальное разрѣшеніе испрашивалось лишь тогда, когда являлась необходимость легализировать заимку въ глазахъ недовольныхъ ею лицъ. Съ увеличившейся густотой населенія и сокращеніемъ лѣсной площади возникли условія, неблагопріятныя для дальнѣйшей свободы заимки. Этимъ объясняется то, что большинство актовъ, говорящихъ объ открыто выраженномъ совладѣльцами согласіи на производство того или другого novale или exartum, дошло до насъ отъ позднѣйшей эпохи XII, XIII и XIV столѣтій; дозволеніе ихъ съ этого только времени стало отмѣчаться въ грамотахъ, какъ доказательство того, что заимка сдѣлана legaliter, что земля legibus comprehensa fuerit, т. е. занята законно, или согласно съ законами [1]).

Общераспространенное въ VIII вѣкѣ корчеваніе уже въ это время является старинной практикой. Грамоты, дошедшія до насъ отъ конца этого столѣтія, упоминаютъ объ «agris qui ante extirpati sunt a patribus aut ab hominibus nostris [2]).

Доставшіяся по наслѣдству или въ силу покупки заимки считаются уже въ первомъ случаѣ—родовой, во второмъ—благопріобрѣтенной собственностью; о нихъ говорится, какъ о haereditas, къ нимъ примѣняется, смотря по обстоятельствамъ, наименованіе alodum или conquisitum [3]). Источники продолжаютъ, тѣмъ не менѣе, различать три вида собственности. Полная уступка всего, чѣмъ кто-либо владѣетъ, всегда передается словами: quicquid habeo, tam de alode, quam de comparatione vel de quo libet adtractu [4]). Алодъ—это, по прежнему, земля, доставшаяся отъ родителей, почему источники иногда прибавляютъ къ этому термину слово parentum; нерѣдко также, желая указать, съ какой стороны—отцовской или материнской—получено имущество по наслѣдству, они говорятъ de alode paternico и de alode maternico [5]). Другое названіе алода—это haereditas, что понятно само собою, такъ какъ алодъ, прежде всего, земля наслѣдственная. Принадлежность его владѣльцу въ полную собственность передается примѣняемымъ къ алоду терминомъ «proprietas». Въ нѣкоторыхъ грамотахъ прямо стоитъ, что то или другое лицо продало или подарило «rem propriam seu alodem suum [6]).

---

[1]) См. Beseler, Der Neubruch. (Symbolae Bethmano Holwegio oblatae).
[2]) Lacomblet, № 2.
[3]) Ibid, № 2, 11.
[4]) Traditiones Wizenburgenses, стр. 40 и 77.
[5]) Ibid, стр. 111.
[6]) Historia Frisingensis, стр. 70.

Названіе proprietas не всегда точно передаетъ сумму тѣхъ правъ, которыя принадлежатъ владѣльцу алода Нерѣдки случаи, когда земля остается въ нераздѣльномъ обладаніи братьевъ-наслѣдниковъ, и тогда отчужденіе ея возможно не иначе, какъ съ общаго согласія всѣхъ [1]). На югѣ и западѣ Германіи, въ мѣстностяхъ, заселенныхъ аллеманами, бургундами и баварцами, продолжаетъ еще держаться кое-гдѣ старинная семейная община, та cognatio hominum qui una coierunt, о которой разсказываетъ намъ Цезарь въ своемъ описаніи нравовъ древнихъ германцевъ. Названіе ея нерѣдко то самое, какое даютъ ей аллеманская и бургундская правда,— я вспоминаю терминъ «genealogia». Онъ какъ нельзя лучше передаетъ ея кровный характеръ, происхожденіе всѣхъ ея членовъ отъ одного общаго ствола [2]). Въ тѣхъ грамотахъ, въ которыхъ отсутствуетъ даже спеціальное ея обозначеніе, характеризующія ее черты наглядно выступаютъ въ требованіи, чтобы родственники участвовали при совершеніи отчужденій и открыто выражали на нихъ свое согласіе. Очень часто встрѣчаемъ мы выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «per licentiam et hortamentum parentum nostrorum et ipsos presentes», т. е съ согласія и убѣжденія родныхъ, присутствовавшихъ при сдѣлкѣ, или «propinqui mei consenserunt mihi et firmaverunt cum verbis eorum» [3])—въ переводѣ: родственники разрѣшили мнѣ это и закрѣпили своими словами. — Формулы подобнаго рода не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что, несмотря на встрѣчающіяся въ тѣхъ же грамотахъ терминъ proprietas, мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ частной собственностью, однохарактерной съ римской, а съ собственностью семейной, близкой къ той, образцы которой представляетъ намъ еще въ наши дни большая великорусская семья или югославянская задруга. Существованіе такой собственности можетъ быть констатировано одинаково въ средѣ какъ свободнаго населенія, такъ и крѣпостного. Тотъ классъ лицъ, который источники называютъ

---

[1]) Placuit nobis coheredibus et conparticipibus in uno patrimonio (слѣдуютъ имена).. tradere aliquam particulam hereditatis nostre . a. 800 (Lacomblet, № 17). Въ одной грамотѣ Фрейзингенскаго аббатства временъ Людовика Благочестиваго я нахожу слѣд: отчужденіе земли производится женщиной in presentia mariti mei et filii mei cum illorum licentia et manus, illorum injacentibus (H Fris., т. I, ч. 2, стр 306)—Итакъ, при жизни обоихъ родителей, какъ и въ случаѣ ихъ смерти, земля отчуждается лишь подъ условіемъ общаго согласія всѣхъ членовъ семьи.

[2]) См. Denman Ross, у котораго приведены подобнаго рода грамоты.

[3]) Historia Frisingensis, т I, ч 2, стр. 76 и 80.

«censuales», живутъ также нераздѣльными группами ближайшихъ родственниковъ, именуемыхъ «consortes», и выходъ изъ среды послѣднихъ равносиленъ отказу отъ наслѣдства [1])

Несравненно свободнѣе распоряжается германецъ VII и ближайшихъ за нимъ столѣтій своей благопріобрѣтенной собственностью. Неудивительно поэтому, если при отчужденіи ея, какъ объ этомъ говорятъ источники, нѣтъ необходимости испрашивать предварительно чье бы то ни было согласіе, какъ нѣтъ этой необходимости и въ томъ случаѣ, если продается или дарится заимка, все равно, подъ какимъ бы именемъ она ни выступала. Надо только помнить, что характеръ благопріобрѣтеннаго имущества сохраняется за собственностью лишь въ первомъ поколѣніи, за которымъ какъ конквизитъ, такъ и экзартъ становятся уже собственностью родовой (haereditas, alod).

Это детальное изученіе отдѣльныхъ видовъ имуществъ, входящихъ въ составъ марки, приводитъ насъ, какъ мы полагаемъ, къ слѣдующимъ заключеніямъ:

во 1-хъ, общинная собственность встрѣчается въ предѣлахъ марки наравнѣ съ собственностью частной;

во 2-хъ, послѣдняя, по своему первоначальному источнику, должна быть возведена къ первой; частная или семейная заимка, сдѣланная въ предѣлахъ нераздѣльной и общей всѣмъ на первыхъ порахъ земли, кладетъ основаніе одинаково экзарту, конквизиту и алоду, т. е. тѣмъ тремъ видамъ собственности, которые извѣстны грамотамъ отъ VII по XII столѣтіе;

въ 3-хъ, въ отличіе отъ римской, германская собственность, возникшая путемъ заимки, носитъ вполнѣ характеръ семейной; она принадлежитъ нераздѣльно лицамъ, связаннымъ между собою единствомъ крови и состояніемъ сожительства.

Каждое изъ установленныхъ такимъ образомъ положеній и всѣ они вмѣстѣ находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣми свидѣтельствами, какія сохранили намъ о характерѣ древне-германскаго землевладѣнія одинаково Цезарь и Тацитъ. Если первый ни разу не употребляетъ термина «марка» для обозначенія общей всѣмъ поселенцамъ собственности, то существованіе послѣдней, при полномъ отсутствіи частной [2]),

---

[1]) Si quis censualis legitime uxoratus sine legitimis liberis obierit *aut si habuerit, qui consortes non sint*, omnis cultus vestimenti... fratribus presentabitur (Rechte des Klosters Weingarten aus dem IX Jahrh., у Kindlinger, Urkunden zur G der Hörigkeit, стр 221, § 4, см. также § 3).

[2]) Sed privati ac separati agri apud eos nihil est,

слишкомъ ясно засвидѣтельствовано имъ, чтобы допускать возможность какого-либо сомнѣнія, и признается поэтому, хотя съ нѣкоторыми оговорками, самимъ Фюстель де Куланжемъ. Въ свою очередь, Тацитъ, рисуя намъ позднѣйшіе по времени порядки, указываетъ, какъ мы видѣли, на возникновеніе у германцевъ собственности путемъ займокъ, производимыхъ цѣлыми группами колонистовъ [1]), при чемъ земля сразу поступала въ обособленное владѣніе отдѣльныхъ союзовъ родственниковъ (familae et propinquitates). Обиліе никѣмъ не утилизированныхъ пространствъ дѣлало возможной безпрепятственную практику такихъ займокъ и поддерживало, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе экстенсивную изъ всѣхъ системъ хозяйничанья—подсѣчную или переложную систему. Послѣдняя предполагаетъ перемѣну пахотей въ неопредѣленные сроки, по мѣрѣ и по причинѣ истощенія почвы. Займки отдѣльныхъ семействъ не лежатъ сплошною массою, а разсѣяны по всей маркѣ, чѣмъ и объясняется тотъ характерный способъ поселенія въ розницу, небольшими группами родственныхъ другъ другу дворовъ, нерѣдко даже отдѣльными дворами, который отмѣченъ былъ уже Тацитомъ и сохраненъ въ теченіе, по крайней мѣрѣ, первой половины среднихъ вѣковъ во многихъ мѣстностяхъ Германіи [2]).

Наконецъ, оба писателя, Цезарь и Тацитъ, въ одно слово говорятъ о жизни германцевъ большими семьями, ведущими хозяйство сообща. Это, въ свою очередь, обусловливало съ одной стороны, удержавшееся до временъ Хильперика устраненіе отъ наслѣдованія выдѣленныхъ дочерей, съ другой,—засвидѣтельствованное Тацитомъ отсутствіе завѣщаній [3]).

Всѣ эти положенія вполнѣ признаются и Фюстель де Куланжемъ, а соотвѣтствіе ихъ съ выводами, къ которымъ мы были приведены разборомъ текстовъ VII по XII столѣтія, не мало говоритъ, въ нашихъ глазахъ, въ пользу этихъ положеній.

Не противорѣчатъ также нашему толкованію и факты изъ позднѣйшей исторіи германскаго землевладѣнія; напротивъ того, они

---

[1]) Agri pro numero cultorum ab universis in vices occupantur, quos mox inter se secundum dignationem partiuntur. Facilitatem partiendi agrorum spatia praestant. Arva per annos mutant et superest ager. Толкованіе, даваемое этому тексту Фюстель де Куланжемъ, въ общемъ довольно близко къ тому, какое даетъ ему Hurd въ его Aryan Household. Толкованіе это въ главныхъ его чертахъ впервые предложено Гансеномъ и Рошеромъ.

[2]) См. Inama-Sternegg, Hofsystem des Mittelalters.

[3]) Nullum testamentum Тацита.

прямо вытекаютъ изъ тѣхъ явленій, раскрытіе которыхъ составило нашу задачу.

Произвольный захватъ общинной пустоши и лѣса феодальными сеньерами, добровольная передача себя мелкими собственниками въ руки крупныхъ, иначе говоря, переходъ свободныхъ крестьянъ въ силу коммендацій въ ряды наслѣдственныхъ арендаторовъ, и связанное съ этими фактами исчезновеніе свободныхъ общинъ и столь же свободнаго пользованія угодьями,—все это, вмѣстѣ взятое, очевидно, подготовляетъ наступленіе такихъ порядковъ, при которыхъ помѣстье вытѣсняетъ собою дальнѣйшее существованіе бокъ объ бокъ съ нимъ такъ называемой villa publica, публичнаго селенія, т. е. такого, которое занято лицами, не признающими надъ собою старшаго, помимо публичной власти [1]). Съ этимъ преобразованіемъ связанъ переходъ свободныхъ обывателей въ ряды зависимыхъ, свободнаго общиннаго пользованія въ несвободное, упроченіе за помѣщикомъ права односторонняго распоряженія лѣсами и пастбищами и извлеченія изъ нихъ, между прочимъ, той постоянной статьи дохода, которую доставляютъ взимаемые съ крестьянъ за это пользованіе платежи или замѣняющія послѣдніе повинности [2]).

Конечно, въ мѣстностяхъ, которыя до прихода германцевъ заселены были римлянами, процессъ образованія частной собственности осложнился фактомъ удержанія ея завоевателемъ въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ за покореннымъ населеніемъ и присвоеніемъ тѣмъ же завоевателемъ гдѣ трети, гдѣ половины принадлежавшей

---

1) Въ грамотахъ Фрейзингенскаго аббатства мы встрѣчаемъ еще упоминаніе о такихъ villae publicae. Такой виллой, между прочимъ, является самъ Фрейзингенъ, который соотвѣтственно и слыветъ въ грамотахъ подъ наименованіемъ villa publica. Въ противоположность свободному селенію помѣстье передается описательно: villa mea, villa tua, villa sua, nostra и т. д.

2) Эта послѣдняя черта съ наглядностью выступаетъ, между прочимъ, изъ слѣдующей грамоты Вейссенбургскаго аббатства, которую я поэтому и приведу здѣсь въ извлеченіи.

Proprietas omnium bonorum dicte Hagenbuoch et banni eius attinet sancto Petro, unde de omnibus bonis in predictam curiam solvuntur census memorato monasterio exceptis bonis ad communia pascua pertinentibus, de quibus universitas sancto Petro specialia obsequia facit annuatim, videlicet hec quod quilibet de universitate predicta cuiuscumque conditionis existit habens aratrum servit sancta Petro tempore serendi cum aratro uno die. Item dat uno die messorem et uno die collectorem fem. Non habens aratrum dat tantum messorem et collectorem modo predicto (Zeuss, Traditiones possessionesque Wizenburgenses, Edelini abbatis liber possessionum, стр. 269).

римлянамъ собственности [1]). Попадающіяся въ источникахъ упоминанія о coloniae и coloni, tributarii и servitores triduani [2])—надежное ручательство за то, что начало помѣстному владѣнію того или другого германца положила насильственная уступка ему покореннымъ населеніемъ части принадлежавшей послѣднему земли.

Примѣръ частной собственности, оставленной въ рукахъ римлянъ или перешедшей къ поселеннымъ на ихъ земляхъ германскимъ hospites, очевидно, не могъ не оказать вліянія и на ускореніе процесса индивидуализаціи остававшейся въ общемъ обладаніи земли. Вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ римская теорія occupatio обусловила собою возникновеніе германской запимки, остается открытымъ Тотъ фактъ, что о запимкѣ, какъ о способѣ пріобрѣтенія собственности, заходитъ, прежде всего, рѣчь въ составленныхъ на основаніи Ѳеодосіева кодекса «leges romanae» или въ сводахъ прилагаемаго къ покореннымъ права [3]), говоритъ, повидимому, въ пользу мысли, что трудовое начало въ созданіи собственности скорѣе должно быть признано римскимъ по источнику, нежели германскимъ. Говоря это, я имѣю въ виду не временное присвоеніе земли путемъ ея обработки, о чемъ въ примѣненіи къ германцамъ говоритъ уже Тацитъ, а фактъ установленія на такую запимку съ самаго начала наслѣдственной собственности. Въ этомъ можно видѣть, думается мнѣ, отраженіе скорѣе римскихъ правовыхъ понятій, нежели германскихъ.

Въ свою очередь, то обстоятельство, что въ предпринятой народными вождями редакціи обычаевъ духовенство, римское по своему происхожденію и воспитанію, играло выдающуюся роль, что та же роль принадлежала ему и въ королевскихъ судахъ, и въ королевскихъ совѣтахъ, - все это въ совокупности необходимо открывало римскимъ правовымъ идеямъ, въ частности, идеѣ собственности, возможность и болѣе прямого воздѣйствія на германскіе земельные порядки; въ конечномъ результатѣ, оно ускорило собою процессъ индивидуализаціи.

Наконецъ, тому же процессу неизбѣжно должна была содѣйствовать и забота церквей и монастырскихъ обителей о надѣленіи ихъ землями и имуществами, первымъ шагомъ къ чему было признаніе начала

---

1) Gaupp, Ansiedelungen und Landtheilungen deutscher Stämme.

2) Dronke, Traditiones et antiquitates Fuldenses, стр. 125. Descriptiones hubarum, familiarum etc., que in Svevia sita sunt sicut eo tempore exculta fuerunt quando a Pippino et Carolo Sancto Bonifacio contradita sunt primo.

3) Такъ, напр. въ Lex Romana Curiensis.

свободы дареній,— начала, очевидно, чуждаго всякому праву, основу котораго составляетъ общность владѣнія.

Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, вызывали болѣе быстрое исчезновеніе землевладѣльческихъ общинъ—тамъ, гдѣ вліяніе римскихъ земельныхъ порядковъ, римскихъ правовыхъ традицій и поддерживавшаго ихъ духовенства было всего сильнѣе. Съ другой стороны, въ мѣстностяхъ, не знавшихъ римскихъ поселеній или знавшихъ ихъ лишь въ слабой степени, удержались болѣе, чѣмъ въ другихъ, слѣды архаическихъ формъ германскаго землевладѣнія. Общинная собственность поэтому всего долѣе и всего цѣльнѣе сохранилась не въ романизированной Галліи, а въ слабѣе затронутой римскимъ вліяніемъ Германіи.

ГЛАВА XVI.

Французское помѣстье въ IX, X и XI столѣтіяхъ.

§ 1.

Познакомившись въ предшествующихъ главахъ съ процессомъ феодализаціи и, въ частности, со связаннымъ съ нимъ образованіемъ крупной собственности во Франціи и Англіи, при чемъ намъ выяснились и причины, замедлившія наступленіе тѣхъ же явленій въ Германіи, мы перейдемъ въ настоящее время къ характеристикѣ сельско-хозяйственнаго строя въ эпоху господства крѣпостного права и надѣльной системы. Начнемъ съ Франціи и остановимся, прежде всего, на изображеніи личнаго и имущественнаго состава помѣстья въ IX, X и XI столѣтіяхъ.

Полиптикъ аббата Ирминона, содержаніе котораго изложено было въ одной изъ предшествующихъ главъ, знакомитъ насъ съ характеромъ французскаго помѣстья второй половины VIII-го вѣка. Сто лѣтъ спустя, за нѣсколько лишь десятковъ лѣтъ до воцаренія перваго короля изъ дома капетинговъ, составленъ былъ другой, однохарактерный съ этимъ полиптикомъ, памятникъ—описаніе земель и владѣній Реймской епархіи [1]). Приблизительно къ тому же времени должны быть отнесены и тѣ отрывки изъ недошедшаго до насъ полиптика аббатства Св. Петра въ Шартрѣ, которые изданы Гераромъ за-

---

[1]) Памятникъ этотъ изданъ Гераромъ подъ наименованіемъ Polyptychum Sancti Remigii. Издатель относитъ возникновеніе его ко времени управленія епархіей архіепископомъ Гинкмаромъ, о которомъ прямо упоминаетъ одинъ изъ послѣднихъ актовъ, помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ: anno vregnante Karolo rege glorioso regente autem Ingmaro archiepiscopo sanctam sedem remensem anno III etc.

одно съ другими грамотами того же монастыря. Дополняя эти два главныхъ источника прямыми и косвенными указаніями, разсѣянными щедрою рукою въ дарственныхъ и купчихъ, въ завѣщаніяхъ и судебныхъ рѣшеніяхъ, намъ легко будетъ представить довольно полную картину сѣверо-французскаго помѣстья въ самомъ началѣ капетингскаго періода, — что, въ свою очередь, позволитъ намъ констатировать и перемѣны, привнесенныя въ это помѣстье временемъ и постепеннымъ ростомъ населенія.

Но характеръ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи источниковъ сдѣлаетъ послѣдующее изложеніе въ нѣкоторой степени односторонним. Письменная запись повседневныхъ явленій экономической и правовой жизни была обычна, по преимуществу, среди крупныхъ земельныхъ собственниковъ, всего чаще, церквей и монастырей. Это обстоятельство дѣлаетъ несравненно болѣе доступнымъ изученіе земельнаго состава помѣстья, нежели свободнаго села или мелкаго аллодіальнаго имѣнія. Отсюда не слѣдуетъ, однако, того, чтобы послѣднихъ вовсе не существовало въ занимающую насъ эпоху. Напротивъ, упоминанія о нихъ встрѣчаются довольно часто въ письменныхъ записяхъ, вышедшихъ изъ архивовъ свѣтскихъ или духовныхъ сеньорій. Но эти записи носятъ случайный характеръ, не отличаются ни обстоятельностью, ни точностью, и скорѣе намекаютъ на факты существованія тѣхъ и другихъ видовъ собственности, нежели даютъ полное и всестороннее описаніе ихъ особенностей. Мы постараемся, тѣмъ не менѣе, привести эти записи въ возможно большемъ числѣ для того, чтобы опровергнуть мнѣніе тѣхъ писателей, которые вовсе отрицаютъ существованіе въ IX и X вѣкахъ, на ряду съ феодальнымъ помѣстьемъ, и другихъ, болѣе или менѣе независимыхъ отъ него, формъ землевладѣнія. Мы отказываемся, въ то же время, отъ всякой мысли придать нашему изложенію какую-либо полноту.

Начнемъ съ описанія имущественнаго состава помѣстья и населяющихъ его классовъ. Въ IX в., какъ и столѣтіемъ раньше, площадь, занятая помѣстьемъ, распадается на двѣ неравныя части: одна остается въ личномъ завѣдованіи собственника и извѣстна подъ именемъ terra dominicata, другая — въ наслѣдственномъ пользованіи населяющихъ и обрабатывающихъ ее семей, какъ свободныхъ, такъ и несвободныхъ. Въ противность тѣмъ, которые видятъ въ первыхъ не болѣе, какъ позднѣйшій и случайный элементъ помѣстнаго населенія, я снова настаиваю на томъ, что свободные, такъ называемые ingenui, упоминаются уже древнѣйшими грамотами въ смыслѣ необходимой составной части поступающихъ въ даръ или покупку имѣній, что акты укрѣпленія по

имуществу, говоря о помѣщичьихъ виллахъ, однообразно употребляютъ формулу cum ingenuis et servis,—и что рентали, на ряду съ servi и ancillae, знаютъ hospites и accolae, которые носятъ всѣ признаки людей свободныхъ и, какъ таковые, переходятъ безпрепятственно отъ одного помѣщика къ другому, унося съ собою всю движимость.

Уже на первыхъ страницахъ Реймскаго полиптика мы находимъ доказательство всеобщей распространенности такъ называемыхъ mansi ingenuiles, другими словами, дворовъ, занятыхъ свободными поселенцами. Въ Отене мы встрѣчаемъ тринадцать такихъ дворовъ и, что всего замѣчательнѣе, кромѣ нихъ, не находимъ никакихъ иныхъ, если только не говорить о дворѣ, занятомъ семьею нѣкоей Гунгарды, относительно этой послѣдней въ полиптикѣ значится, что она cardularia, другими словами, получила вольную грамоту. На ряду съ перечисленными тринадцатью ingenui, полиптикъ говоритъ еще объ одномъ, исполняющемъ обязанности сельскаго старосты (maior villae), и о небольшомъ числѣ лицъ, которыхъ онъ же называетъ forastici, пришлыми, и признаетъ свободными Каждый изъ дворовъ не несетъ по отношенію къ собственнику другихъ обязанностей, кромѣ слѣдующей. участвовать ежегодно въ два разныхъ срока, въ равной съ другими мѣрѣ, въ оранкѣ хозяйскаго поля подъ озимь и ярь. Каждый дворъ обязанъ вспахать въ каждомъ полѣ участокъ величиною въ 40 пертикъ въ длину и четыре въ ширину. Forastici, или пришлые свободные поселенцы, не несутъ никакихъ службъ. То же надо сказать и о старостѣ, который, владѣя, наравнѣ съ другими, цѣлымъ дворомъ (mansus), свобожденъ отъ всякихъ повинностей и платежей, вѣроятно, вслѣдствіе отправленія имъ административныхъ функцій. Довольно трудно было бы видѣть въ описанныхъ полиптикомъ владѣльцахъ mansi ingenuiles кого-либо иного, кромѣ членовъ свободной сельской общины, управляемой назначеннымъ изъ ея среды старшиной, при чемъ отдѣльные дворы, владѣя участками равной величины, не несутъ по отношенію къ верховному собственнику — епархіальной церкви въ Реймсѣ — иныхъ повинностей, кромѣ обязательной помощи и подмоги при оранкѣ; эта подмога выражается въ томъ, что каждый дворъ пашетъ ежегодно опредѣленные и равные участки хозяйской земли, одинъ подъ озимь, другой подъ ярь.—Помѣстье въ Отене не составляетъ исключенія въ ряду другихъ владѣній реймской епископіи. Въ Муисонѣ, напр., мы также встрѣчаемся съ фактомъ существованія однихъ свободныхъ дворовъ, владѣльцы которыхъ пользуются правомъ передвиженія и, по оставленіи помѣстья, не несутъ никакихъ платежей въ пользу его собственника. Новой для насъ чертой является

существованіе въ послѣднемъ изъ названныхъ имѣній, наравнѣ съ 7-ю полными дворами, и 1-го половиннаго. Тѣ же половинные дворы, занятые свободными семьями, упоминаются и въ другихъ владѣніяхъ реймской епископіи, въ томъ числѣ, въ Ге Прп всемъ томъ, они еще весьма рѣдки, что, въ свою очередь, указываетъ на рѣдкость семейныхъ раздѣловъ, которые далеко еще не вошли въ нравы времени, не сознававшаго необходимости дробить дворовую землю на части — практика, довольно употребительная въ послѣдующія столѣтія. Размѣръ отдѣльныхъ mansi рѣдко указывается въ рентале; когда это имѣетъ мѣсто, величина надѣла опредѣляется большимъ или меньшимъ числомъ diurnales, по-французски, journaux, другими словами, единицей измѣренія служитъ участокъ, размѣромъ своимъ не превышающій того, который можетъ быть вспаханъ въ теченіе одного дня съ помощью пары быковъ Иногда мѣсто diurnales занимаютъ tharrae, средняя величина которыхъ опредѣляется Гераромъ въ 34 акра и признается равной journal.

Всѣ и каждый изъ крестьянскихъ дворовъ призываются къ работѣ ежегодно въ пользу епископіи такъ называемаго «aratieum», или вспашки въ неизмѣнномъ размѣрѣ одной машны или одного journal подъ озимь и одного—подъ ярь. Границы земель, занятыхъ отдѣльными дворами, не указаны. Тѣмъ не менѣе, изъ одинаковаго размѣра лежащихъ на нихъ обязательствъ, какъ и изъ употребленія полиптикомъ термина mansus, въ смыслѣ какой-то постоянной величины, легко заключить, что любой дворъ, не владѣя опредѣленнымъ участкомъ, имѣлъ, въ то же время, равную съ другими дворами долю общаго всѣмъ имъ поля или, вѣрнѣе, полей; число послѣднихъ, какъ это видно изъ факта оранки крестьянами одинаково подъ озимь и ярь, было не менѣе трехъ. Такая система предполагаетъ отсутствіе загородей и уступку каждому двору равныхъ съ другими участковъ какъ въ озимомъ, такъ и въ яровомъ полѣ. Она не связана необходимо съ системой совмѣстной оранки, на которую не имѣется ровно никакихъ указаній. Самый терминъ карруката, или участка земли, обработываемаго тяжелымъ плугомъ съ упряжью въ четыре, шесть или восемь быковъ, что Себомъ считаетъ однимъ изъ признаковъ системы совмѣстной оранки,—этотъ терминъ, извѣстный полиптику Ирминона и многимъ грамотамъ IX и слѣдующихъ столѣтій, ни разу не встрѣчается въ изучаемомъ нами памятникѣ. Объ aratieum, или повинности пахать хозяйское поле, говорится такъ же, какъ о всякой работѣ, производимой въ отдѣльности каждымъ дворомъ, затрачивающимъ для этой цѣли двухдневный трудъ

совершеннолѣтняго рабочаго. Крестьянская семья пашетъ по одному journal озими и одному яри, т. е. столько, сколько можетъ обработать въ одинъ день обыкновенный плугъ съ впряженными въ него двумя быками.

Если мы сопоставимъ описанную систему съ тою, которая является доселѣ господствующей въ Великороссіи, то найдемъ между ними ту черту сходства, что какъ та, такъ и другая, одинаково отправляется отъ признанія за отдѣльными дворами лишь права на идеальныя, при томъ, равныя доли въ принадлежащихъ имъ совмѣстно поляхъ,—другими словами, обѣ одинаково опираются на начало совмѣстнаго владѣнія землею всѣми дворами помѣстья. Сходство русскихъ и французскихъ порядковъ дойдетъ почти до тождества, разъ къ сравненію привлечены будутъ не современныя формы мірского владѣнія, а тѣ, которыя нѣкогда господствовали, по всей вѣроятности, на всемъ протяженіи Великороссіи, но всего дольше удержались на одномъ лишь Сѣверѣ, въ Архангельской губерніи Я имѣю въ виду то долевое владѣніе, на существованіе котораго впервые обращено вниманіе госпожею Ефименко, владѣніе, характеризуемое отсутствіемъ періодическихъ передѣловъ, сосредоточеніемъ въ рукахъ каждаго двора равныхъ съ остальными долей въ общихъ поляхъ, наконецъ, свободнымъ отчужденіемъ этихъ долей. Послѣдняя черта, впрочемъ, не встрѣчается во французскомъ землевладѣніи IX вѣка, такъ какъ титулъ собственности, dominium eminens, на занятыя даже свободными земли принадлежалъ исключительно сеньеру; ему одному и предоставлена была свобода распоряженія. Эта свобода не шла, однако, далѣе отчужденія земли вмѣстѣ съ занимающими ее дворами, на что сплошь и рядомъ указываютъ купчія и мѣновые акты, толкующіе о продажѣ и обмѣнѣ земель cum mansis et mancipiis, ingenuis et servis. Крестьянскія семьи удерживаютъ свои доли и только переходятъ въ зависимость новаго сеньера. Если связь свободной семьи съ занимаемымъ ею дворомъ подчасъ и прекращается, то лишь по причинѣ отсутствія въ ея рукахъ нужнаго для утилизаціи почвы рабочаго [1]) инвентаря. На это именно и намекаетъ Реймскій полиптикъ, говоря о правѣ свободнаго доказывать въ помѣстномъ судѣ, съ помощью 7-и равныхъ съ нимъ по состоянію соприсяжниковъ, свою неспособность по бѣдности (propter paupertatem) держать въ зависимости отъ сеньера цѣлый дворовый надѣлъ или даже часть его. Лишаясь земли, ingen-

[1]) Si fuerit aliquis ingenuus qui propter paupertatem mansum vel partem quamlibet mansi tenere non possit, debet hoc probare a septem suis paribus.

nus, вмѣстѣ съ тѣмъ, освобождается и отъ падающихъ на нее повинностей. Его обязанности къ сеньеру сводятся съ этого момента къ одной лишь трехдневной ежегодно въ его пользу полевой работѣ во время уборки или къ уплатѣ взамѣнъ этого—полутора динаріевъ деньгами.

Если задаться вопросомъ [1]) гдѣ лежитъ источникъ происхожденія свободныхъ дворовъ (mansi ingenuiles), то отвѣтъ на него нетрудно найти въ самомъ Реймскомъ полиптикѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ составителю памятника приходится упоминать не о самихъ дворахъ, а о заселяющихъ ихъ семьяхъ, обыкновенными эпитетами для послѣднихъ служатъ: coloni, hospites и accolae [2]). Первые въ одномъ мѣстѣ распадаются на двѣ самостоятельныя группы: одна состоитъ изъ колоновъ ex nativitate, другая — изъ колоновъ по собственному выбору, въ силу отдачи ими себя въ число монастырскихъ людей (coloni qui ibi se addonaverunt) [3]). Въ лицѣ первыхъ нетрудно узнать уцѣлѣвшихъ представителей римскаго колоната, въ лицѣ вторыхъ — свободныхъ людей, коммендировавшихъ себя и свои земли крупнымъ собственникамъ. Какъ совершался самый переходъ свободнаго «ingenuus» въ зависимаго отъ сеньера «манзіонарія», это видно изъ слѣдующаго мѣста полиптика, въ которомъ говорится о женщинѣ, по имени Теутберга, которая во времена архіепископа Гервея, вмѣстѣ съ дѣтьми своими, «tradidit se ad Sanctum Timotheum»: она передалась въ руки епископіи и изъ свободной собственницы сдѣлалась «colona». Послѣдствіемъ такого перехода было обложеніе ея и каждаго изъ ея дѣтей ежегоднымъ денежнымъ взносомъ, въ размѣрѣ трехъ съ половиною динаріевъ. Какъ фактъ обложенія, такъ и величина послѣдняго, являются дѣломъ личнаго выбора самой Теутберги и ея дѣтей [4]).

Многочисленность свободныхъ манзовъ, встрѣчаемыхъ нами въ

---

[1]) Cum vero probatum hoc habuerit, facit suo seniori tempore messis, dies III cum prebenda sibi data, sin autem dabit propter hoc denarium $1^1/_2$

[2]) Mansum dimidium ingenuilem tenet Bero colonus (стр. 99) — Въ числѣ лицъ, владѣющихъ землею въ С.-Реми, упоминаются accolae ingenuiles (стр 73). О hospites упоминается при перечисленіи доходовъ, получаемыхъ епископіей въ помѣстьѣ Гернн (стр. 26).

[3]) Unusquisque colonus, qui ibi est ex nativitate debet denarios VII et femine denarios IV. Ceteri coloni qui ibi se addonaverunt debent unusquisque denarios IV et femine denarios II (стр 105)

[4]) Tempore Hervei archiepiscopi quedam femina nomine Teutberga cum infantibus suis tradidit se ad sanctum Timotheum, tali tenore, ut denarios III et dimidium unusquisque ad ipsam potestatem persolveret (стр. 7)

одномъ и томъ же помѣстьѣ (въ Нантель число ихъ 27, въ Сенъ-Реми 52), даетъ поводъ думать, что число колоновъ, уцѣлѣвшихъ послѣ германскихъ нашествій, было довольно значительно, и что переходъ свободныхъ людей въ зависимость владѣльцевъ не всегда носилъ характеръ единоличной передачи себя съ землею въ руки феодальнаго сеньера, а совершался подчасъ цѣлыми общинами. Правда, до насъ не дошло актовъ такого коллективнаго перехода свободныхъ общинъ подъ власть помѣщиковъ, но что соглашенія между свободными общинами и сеньерами, однохарактерныя съ тѣми, какія вызывались фактомъ коммендаціи, были вовсе нерѣдки въ IX и слѣдующихъ вѣкахъ, это доказывается многочисленными грамотами, въ которыхъ одной изъ договаривающихся сторонъ выступаютъ homines той или другой villa. Содержаніемъ этихъ грамотъ служитъ принятіе на себя такими homines различныхъ обязательствъ по отношенію къ сосѣднему феодалу.

Выраженія vicus publicus [1]) или communitas ville также нерѣдки въ грамотахъ IX и слѣдующихъ столѣтій, упоминающихъ о надѣленіи землею монастырей и о соглашеніяхъ, заключаемыхъ свѣтскими и духовными владѣльцами съ жителями того или другого селенія Первый терминъ (vicus publicus) въ устахъ обращающагося къ нему короля то означаетъ фактъ принадлежности селенія къ числу доманіальныхъ, то указываетъ на его публичный характеръ, на отсутствіе въ немъ какой-либо зависимости отъ частнаго владѣльца Документы приводятъ только число его дворовъ, «mansi», ни словомъ не намекая на ихъ служебный характеръ Изъ другихъ актовъ мы узнаемъ, что населеніе такихъ общинъ составлено изъ лицъ, которыя обозначаются терминомъ hospites.

Свободное состояніе послѣднихъ категорически выражено въ одномъ документѣ конца XI и начала XII вѣка. Hospites, сказано въ немъ, почти свободные люди: «Hospites autem qui ibidem habitabunt omnino liberi erunt» [2]). Свободное состояніе ихъ, въ частности, вытекаетъ изъ того факта, что они по усмотрѣнію и ежечасно въ правѣ оставить занимаемые ими земельные участки, унося съ собою всю движимость и оставляя феодальному сеньеру одни лишь надѣлы. Говоря о hospites, источники нерѣдко употребляютъ терминъ communitas, указывающій, очевидно, на существованіе между hospites какой-то общинной связи О томъ же свидѣтель-

---

[1]) Teulet, Layettes du trésor des chartes (стр 5, а 815).

[2]) Cartulaire de Saint Père des Chartres, т. II, стр. 402

ствуетъ фактъ выступленія ихъ на судѣ въ роли совмѣстныхъ истцовъ и отвѣтчиковъ, что указываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, на ихъ свободное состояніе, такъ какъ одни свободные могли вести процессы противъ феодальныхъ сеньеровъ, а несвободные подчинялись по необходимости приговорамъ вотчинныхъ судовъ Въ тѣхъ грамотахъ. въ которыхъ основаніе жизни hospites на общинномъ началѣ не выражено терминомъ communitas, мѣсто послѣдняго занимаетъ нерѣдко слово «людіе», homines, а явка на судъ всей совокупности этихъ homines на правахъ истцовъ и отвѣтчиковъ говоритъ опять объ общинной связи между ними. На ту же связь. наконецъ. указываетъ и упоминаемый не разъ въ источникахъ фактъ надѣленія земельнымъ собственникомъ того или другого лица, cum convicinis suis [1]). въ числѣ 9-ти и болѣе, правомъ корчевать лѣсъ и обращать его въ нивы Возможность снятія извѣстнаго участка въ аренду совокупностью сосѣдей (vicini) свидѣтельствуетъ также объ отношеніяхъ, по характеру своему довольно близкихъ къ тѣмъ. въ какія, при существованіи у насъ сельскихъ общинъ, нерѣдко вступаютъ крестьяне съ ихъ бывшими помѣщиками, снимая землю цѣлымъ міромъ. Свободный характеръ населенія выступаетъ, между прочимъ, и въ томъ, что входящія въ его составъ лица не несутъ тѣхъ натуральныхъ сборовъ и повинностей, какими облагаются люди несвободнаго состоянія. Такая свобода отъ повинностей выражена, напримѣръ, въ одной изъ раннихъ грамотъ, принадлежащей аббатству въ Корби и вошедшей въ составъ его хартуларія. Выраженія. въ родѣ слѣдующаго: «omnes generaliter preter liberos debent... ad opera manuales... submoneri [2])— наглядно говорятъ о томъ, что, на ряду съ крѣпостными, обложенными барщинами и другими натуральными повинностями и сборами, сидѣли въ селахъ и свободные люди, не знавшіе такихъ обязанностей. Въ числѣ преимуществъ, которыми пользовались послѣдніе, не въ примѣръ другимъ, стоитъ и прямая подсудность королю, связанная съ изъятіемъ изъ подвѣдомственности вотчиннымъ судамъ. Это положеніе категорически высказано въ хартуларіи аббатства въ Корби, гдѣ я нашелъ, между прочимъ, слѣдующій текстъ, не допускающій разнорѣчивой интерпретаціи. omnis iusticia liberorum hominum nostra est, et

---

[1]) Cart. de Saint Père, стр 666, a. 1199: Quod Stephanus Floherii assensu liberorum suorum et voluntate, tradidit quedam deserta . Berengario clerico et convicinis suis (слѣд. имена 9 человѣкъ) in perpetuum et heredibus suis pro VII sol.

[2]) Cartulaire de Corbie (XIII s). Bibl. Nat., f. latin 17758, f. 4.

quicquid homines liberi iudicare habent. ad castellanum non spectat [1]) (судъ надъ людьми свободными принадлежитъ намъ,—это говоритъ король,—и кастелану не подвѣдомственно то, о чемъ могутъ судить свободные люди).

Откладывая до второй половины этой главы характеристику положенія, занимаемаго въ общественномъ строѣ сѣверной Франціи классомъ hospites, мы въ настоящее время настаиваемъ только на той мысли, что ingenui, liberi, hospites, accolae, отчасти coloni и, какимъ бы другимъ терминомъ ни обозначались, свободные обыватели помѣстья—были никто иные, какъ преемники довольно обширнаго нѣкогда класса свободныхъ земельныхъ собственниковъ, не только частныхъ, но и общинныхъ. Въ XI и слѣдующемъ столѣтіи они встрѣчаются еще нерѣдко въ Оверни, какъ въ этомъ легко убѣдиться изъ хартуларіевъ аббатствъ въ Брiудѣ и Сосспланжѣ [2]).

Выяснивъ фактъ сохраненія слѣдовъ нѣкогда свободныхъ общинъ въ эпоху первыхъ Капетинговъ, мы должны, въ то же время, заявить, что переживанія эти далеко не многочисленны, и что господствующимъ типомъ въ занимающій насъ періодъ является община несвободная или крѣпостная. Съ внутреннимъ строемъ ея въ IX и слѣдующихъ столѣтіяхъ знакомятъ насъ уже упомянутые источники. Въ полиптикѣ реймской епископіи второстепенные владѣльцы распадаются на двѣ категоріи, свободныхъ и несвободныхъ (ingenui et servi). Займемся изученіемъ имущественнаго и социальнаго положенія обѣихъ этихъ группъ и начнемъ съ класса несвободныхъ, какъ наиболѣе многочисленнаго. Не всѣ члены этого класса являются земельными владѣльцами; часть рабовъ и рабынь занимаетъ въ этомъ отношеніи то самое положеніе, какое еще недавно было удѣломъ нашихъ дворовыхъ крестьянъ. Исполняя возложенныя на нихъ домашнія службы или отпускаемые на оброкъ, рабы и рабыни Реймскаго полиптика не знаютъ часто иныхъобязательствъ, кромѣ личной службы или ежегоднаго платежа натурой или деньгами. За усадьбу они вносятъ ренту продуктами домашняго хозяйства, въ этомъ числѣ—цыплятами и яйцами [3]).

---

[1]) Cartulaire de Corbie Bibl. Nat., f. lat 17,758, fol 4 r°

[2]) См Lamprecht, Beiträge zur Geschichte des französischen Wirthschaftslebens im elften Jahrhundert (стр 71) Villa mea libera—терминъ, часто употребляемый Шампанскими герцогами конца XII вѣка.—См. Chartularium Campaniae quod Thuanum appellat Cangius, scriptum medio circiter XIII s. (Bibl N. latin 5992, fol 4)

[3]) Curtis agutior: Nomina omnium servorum et ancillarum interius et exterius

Большая часть рабовъ и рабынь пріурочена, однако, къ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ, въ частности, къ хлѣбопашеству. Подобно нашимъ крестьянамъ въ эпоху, предшествующую отмѣнѣ крѣпостного права, семьи рабовъ владѣютъ каждая своей усадьбой и равной съ остальными долею въ открытыхъ поляхъ Соотвѣтственно, они несутъ и одинаковыя повинности и службы. Въ одномъ изъ помѣстій епископіи, въ Наншель, мы находимъ 24 такихъ несвободныхъ двора, или манза, при чемъ полиптикомъ указанъ размѣръ службъ, отправляемыхъ однимъ изъ нихъ, а о другихъ сказано, что на нихъ лежатъ тѣ же повинности и платежи, «similiter ut supra». Разсмотримъ въ отдѣльности каждую изъ падающихъ на крестьянъ повинностей и попытаемся опредѣлить ближайшій источникъ ихъ происхожденія. Сверхъ обязательства вносить дворовую ренту птицей и яйцами въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ несутъ ее рабы, надѣленные одной только усадьбой, т. е. въ количествѣ 3-хъ цыплятъ и 15-ти яицъ, манзіонаріи, или прикрѣпленные къ землѣ рабы, призываются еще къ слѣдующимъ видамъ службъ Они пашутъ дважды въ годъ, зимою и лѣтомъ, опредѣленный участокъ, размѣромъ въ одну «carra», или, что то же, «journal»,—т. е. столько, сколько въ состояніи вспахать въ одинъ день обыкновенный крестьянскій плугъ съ двухголовою упряжью. Обязанность пахать озимое поле отдѣльно отъ ярового, и въ два разные срока, указываетъ на господство по землямъ епископіи трехпольной системы хозяйства, съ которой и согласованы службы манзіонаріевъ Замѣчательно, что, на ряду съ этой обязанностью, стоитъ однородная съ нею, характеризуемая полиптикомъ словами «facere con или corrogatas». Что подъ этимъ разумѣется именно оранка, доказательство этого мы имѣемъ въ другомъ мѣстѣ полиптика, гдѣ буквально значится слѣдующее: «mansi serviles arant mensuras et corrogatas ut ingenuiles». Что же означаетъ собою выраженіе: arant corrogatas? Послѣднее слово, очевидно, происходитъ отъ глагола rogare и производнаго отъ него corrogare—созывать. Это происхожденіе слова бросаетъ нѣкоторый свѣтъ и на его значеніе. Крестьянскіе дворы (mansi) два раза въ годъ,—какъ это видно изъ самаго числа corrogatae, производимыхъ каждымъ манзомъ (facit corrogatas II, говоритъ объ этой службѣ Реймскій полиптикъ) [1]),—созываются, по всей вѣ-

---

de eadem villa. debentium unusquisque servorum, scilicet perfectae aetatis, denarios XII, ancillarum vero denarios XII; sin autem aliquam partem mansi ancillae habuerint, donant *pastas* III, pascentes eos de dominico et ova XV (стр 54)

[1]) Стр 22

роятности, самимъ помѣщикомъ или его управителемъ къ производству совмѣстной оранки. При трехпольной системѣ хозяйства такая оранка необходимо должна производиться два раза въ годъ, подъ озимь и подъ ярь, чѣмъ объясняется и самое число corrogatae. Такъ какъ господство трехпольной системы хозяйства связано необходимо съ періодическимъ чередованіемъ въ разъ опредѣленные сроки тѣхъ или другихъ хозяйственныхъ работъ, то къ совмѣстной оранкѣ призывается безразлично все населеніе помѣстья, или виллы, т е. какъ несвободные, такъ и свободные дворы (mansi ingenuiles) [1]).

Освобождены отъ этой повинности, которую полиптикъ называетъ araticum, только тѣ, кто не владѣютъ рабочимъ скотомъ [2]) Но почему наличность или отсутствіе этого скота въ томъ или другомъ дворѣ могла служить основаніемъ для такого различія? Отвѣтъ даетъ одна грамота 1080 г., утверждающая, что araticum, иначе, preces aratrum sive boum, по обычаю требуется въ вознагражденіе за право выпаса рабочаго скота на хозяйскомъ полѣ, т. е., по всей вѣроятности, на лежащей подъ паромъ землѣ [3])

Какимъ образомъ производилась эта общая оранка—впрягались ли быки нѣсколькихъ дворовъ въ одинъ плугъ, съ 6-ти или 8-миголовой упряжью, или же каждый дворъ пахалъ свой отдѣльный участокъ, мы съ рѣшительностью сказать не можемъ. Послѣдній порядокъ кажется намъ, впрочемъ, наиболѣе вѣроятнымъ,—прежде всего, потому, что терминъ «carruca», или тяжелый плугъ съ многоголовою упряжью, ни разу не попадается въ полиптикѣ, а затѣмъ и потому, что римская система воздѣлыванія полей легкими плугами, по всей вѣроятности, удержалась всего долѣе на земляхъ церковныхъ.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ службъ манзіонарія. Повидимому, обязанности крестьянскаго двора, какъ несвободнаго, такъ и. свободнаго, не ограничивались однимъ производствомъ оранки; крестьянинъ долженъ былъ еще засѣять и убрать вспаханное поле; на это указываютъ выраженія, въ родѣ слѣдующихъ: «et ipsi colligunt omnia

---

1) Arisius et Londoldus,—читаемъ мы на 22 стр. полиптика,—fratres ingenui tenent mansum ingenuilem I Arant annis singulis ad hibernaticam sationem mappam I habentem in longitudine perticas LX, in latitudine perticas VI. Aestivatica vero satione similiter, faciunt et corrogatas II

2) Facit conrogatas II, si boves habuerit (стр. 22) —Omnes mansi donant araticum (ibid., стр. 38)

3) Pro pastu ipsius herbae precem aratrum sive boum quasi per consuetudinem extorquere debetur ab hominibus (Cartulaire de S Père de Chartres, стр 172)

hec» [1]). Если въ помѣстьѣ, рядомъ съ пахотной землею, существовали и отдѣльные отъ пастбища сѣнокосы, то на крестьянскіе дворы падала обязанность косить послѣдніе или опредѣленное число дней въ году, напр. 4, или въ опредѣленномъ размѣрѣ, напр. столько, сколько можетъ быть сложено на одну подводу [2]). Подобно пахарю, и косарь обязанъ былъ убрать все имъ скошенное и доставить на хозяйскій дворъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ помѣстьѣ, на ряду съ пахотью и сѣнокосомъ, встрѣчались виноградники, послѣдніе отдавались манзіонаріямъ на одномъ изъ слѣдующихъ условій. Крестьянскій дворъ или снималъ съ третей хозяйскій виноградникъ (facit vineam dominicam ad tertium) [3]), или обязывался доставлять ежегодно собственнику опредѣленное количество вина, обыкновенно одинъ модій [4]). Пользованіе лѣсомъ, какъ матеріаломъ для топлива и построекъ, въ свою очередь, оплачивалось крестьяниномъ поставкою на хозяйскій дворъ одного или нѣсколькихъ возовъ лѣснаго матеріала, или самимъ срубленнаго [5]). То же должно быть сказано и по поводу доставленія крестьянами хвороста для плетней, тростника для кровлей, соли и другихъ предметовъ, необходимыхъ въ хозяйскомъ быту. Всѣ эти обязательства вызываются и обусловливаются принадлежностью крестьянамъ права извлекать соотвѣтствующія имущественныя выгоды изъ хозяйственнаго лѣса, солончаковъ или покрытыхъ тростникомъ болотистыхъ, озерныхъ и рѣчныхъ пространствъ. Замѣчательно при этомъ, что свободные манзы за тѣ же виды пользованія обложены точно такими же повинностями и платежами, какъ и несвободные, изъ чего, въ свою очередь, явствуетъ, что всѣ эти взносы суть не болѣе, какъ эквивалентъ извѣстныхъ имущественныхъ выгодъ, извлекаемыхъ крестьянами изъ помѣщичьей собственности, но отнюдь не результатъ ихъ зависимаго состоянія. Послѣднее сказывается, однако, и, при томъ, весьма существенно, на характерѣ отношеній крестьянъ къ помѣщику, и вотъ въ какомъ смыслѣ: сплошь и рядомъ Реймскій полиптикъ говоритъ объ обязанности несвободныхъ дворовъ отправлять вся-

---

[1]) Стр. 21.

[2]) Luperciacus (Louvercy, Marne à Châlons) Teutharius servus . secat pratum, componens fenum et vehit ex eo carrum I (стр 26). Gerso Hunoaldus .. facit .. in anno corrogatas II et in messe dies III (стр. 79)

[3]) Стр. 4 и 5.

[4]) Mansi serviles donant de vino modium I (стр 24).

[5]) facit ligni carrum I или carra IV;—перечисленіе повинностей манзіонаріевъ (стр. 24 и 21).

кую службу, какая будетъ имъ указана [1]),—не иначе, однако, какъ на хозяйскомъ корму Полиптикъ различаетъ, при этомъ, службы двоякаго рода тѣ, которыя производятся трудомъ рукъ, и тѣ, для которыхъ необходима подвода; первыя носятъ наименованіе manopera, вторыя «carropera». Неопредѣленность размѣра этихъ службъ—лучшее доказательство приниженнаго еще состоянія manzionariевъ, она исчезаетъ поэтому одновременно съ первыми шагами на пути освобожденія Составитель хартуларія Св. Петра въ Шартрѣ въ концѣ XIII вѣка съ полнымъ основаніемъ замѣчаетъ по этому поводу, что установленныя обычаемъ правила относительно порядка отправленія службъ и платежей не были прежде извѣстны, и что сельское населеніе стояло въ этомъ отношеніи въ полной зависимости отъ доброй воли сеньеровъ [2]). Стремленіе послѣднихъ внести нѣкоторую опредѣленность въ строй крестьянскихъ повинностей, безъ чего трудно было вести сельско-хозяйственные расчеты, вызвало довольно рано опредѣленіе числа дней въ недѣлю, въ которые крестьяне разъ навсегда обязаны были нести барщину. Уже въ Реймскомъ полиптикѣ мы встрѣчаемъ въ небольшомъ числѣ помѣстій такую запись крестьянскихъ службъ; въ одномъ изъ нихъ, въ періодъ времени между обѣдней въ день Іоанна Богослова и обѣдней Св. Ремигія, другими словами, во всю страдную пору, крестьяне обязаны служить помѣщику четыре дня въ недѣлю [3]).

Чѣмъ далѣе мы подвигаемся впередъ, тѣмъ чаще и чаще попадаются указанія на опредѣленный характеръ крестьянскихъ службъ, на установленіе ихъ разъ навсегда обычаемъ помѣстья. Замѣчательно при этомъ, что самый размѣръ службъ постепенно уменьшается, и что этому уменьшенію соотвѣтствуетъ одновременное увеличеніе повинностей и платежей свободныхъ обывателей, ingenui,—обстоятельство, вслѣдствіе котораго къ концу занимающаго насъ періода изъ поселенныхъ въ помѣстіи рабовъ и прикрѣпленныхъ къ нему свободныхъ обывателей незамѣтно образуется новый обществен-

---

[1]) Facit omne servitium sibi injunctum si praebendam habuerit (стр. 22).

[2]) Lectori intimare curavi, quod ea quae primo scripturus sum a praesenti usu admodom discrepare videntur.. minime habuisse illius temporis rusticos has consuetudines in reditibus, quas moderni rustici in hoc tempore dinoscuntur habere (Cartulaire de S Père de Chartres, стр. 14 и LIV).

[3]) Trielongus (Marne. arrondissement de Reims). Tetbertus servus tenet mansum servilem Facit in unaquaque septimana dies IV a messa S. Iohannis usque ad messam S Remigii.

ный слой—крѣпостное крестьянство. Въ хартуларіи аббатства Св. Бертина, земли котораго были расположены во Фландріи, къ концу IX и началу X вѣка установился слѣдующій порядокъ отношеній рабовъ и свободныхъ къ земельному собственнику: сверхъ общей тѣмъ и другимъ обязанности пахать и обрабатывать опредѣленные участки земли, рабы отличались отъ свободныхъ лишь тѣмъ, что несли барщину въ теченіе трехъ дней въ недѣлю, между тѣмъ какъ свободные, ingenui, посвящали ей не болѣе двухъ дней [1]).

Въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ аббатства близость положенія сельскихъ рабовъ и свободныхъ обывателей, насколько она обусловливается общностью ихъ повинностей, такъ велика, что мы въ правѣ говорить уже не о сходствѣ, а о тождествѣ, такъ, въ Аткопѣ, напримѣръ, сельскіе рабы, mancipii, служатъ понедѣльно то же число дней, что и свободные, т. е. всего на всего два [2]) Чтобы быть точнымъ, я долженъ прибавить, что въ томъ же помѣстьѣ встрѣчаются и другіе владѣльцы несвободныхъ манзовъ, у которыхъ барщина отымаетъ уже три дня. По всей вѣроятности, тѣ 14 mancipii, личныя службы которыхъ уравнены съ повинностями свободныхъ, занимали въ помѣстьѣ особенно привиллегированное положеніе—скорѣе вольноотпущенниковъ, нежели рабовъ.

Шагъ далѣе въ томъ же направленіи постепеннаго ограниченія барщины дѣлаютъ позднѣйшіе источники XI и слѣдующихъ столѣтій, опредѣляя продолжительность общественныхъ помочей крестьянства въ страдную пору. Примѣръ этого мы находимъ въ хартуларіи аббатства Св. Бертина, гдѣ о жителяхъ одного изъ монастырскихъ помѣстій говорится, что они обязаны ежегодно въ лѣтнее время посвящать помѣщику двадцать четыре дня. Однохарактерное съ названнымъ постановленіе содержитъ въ себѣ грамота Фландрскаго графа Балдуина отъ 1056 года, въ которой взаимныя отношенія монастыря Св. Петра въ Гентѣ и жителей селенія Гарнесъ опредѣлены

---

[1]) In Edenenas de terra bunaria X. Mancipia X. Omnes excepto Iremberto arant ad ipsam villam bunaria IV et colligunt II et ducunt ad monasterium et cludunt virgas XV.. Homines qui faciunt in anno III dies sunt XX . In Atcona mansi XXIV et dimid... cum servis XI qui faciunt in ebdomada dies III.... In Beingahem. Mansi XVIII et dimid . cum servis XI qui faciunt III dies in ebdomada.. Alii ingenui faciunt II dies in ebdomada.... In Coiaco... Mansi XXI per bunarva X. Sunt in eis servi XV qui faciunt in ebdomada III dies Alii ingenui qui faciunt in ebdomada II dies (Guérard, Cart de S. Bertin, 1841 г, стр 98, 99 и 100).

[2]) Mancipii XIV. Isti unaquaque ebdomada faciunt II dies (стр. 99)

такимъ образомъ способные къ работѣ поселяне три раза въ годъ должны служить помѣщику, иначе говоря, три недѣли, или двадцать одинъ день [1]).

Дѣлая шагъ еще въ одно, много два столѣтія, мы встрѣчаемся уже, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверной Франціи, съ фактомъ ограниченія общественныхъ помочей всего нѣсколькими днями въ году

Такъ, въ хартуларіи аббатства Св. Діонисія мы нерѣдко наталкиваемся на опредѣленія, въ родѣ слѣдующаго: помѣщикъ въ правѣ требовать duas corveias carrucarum in anno, т. е. того, чтобы крестьяне выходили со своими волами на хозяйское поле два раза въ годъ, разъ для оранки, другой для посѣва, сверхъ того, они обязаны еще доставлять разъ въ годъ возъ дровъ, ими самими нарубленныхъ въ лѣсу помѣщика (corveia quadrigarum) [2])

Общественныя помочи, въ размѣрѣ опредѣленнаго числа дней въ году, требуются помѣщикомъ не съ однихъ рабовъ, но и со свободныхъ, въ томъ числѣ, и съ hospites Такъ, на земляхъ аббатства Корби hospites обязаны ставить съ каждаго двора по одному рабочему съ воловою упряжью въ теченіе шести дней въ любое время года, за исключеніемъ марта и эпохи уборки. Это предписаніе соблюдалось на монастырскихъ земляхъ и въ первой четверти XIII вѣка [3]), какъ объ этомъ можно заключить изъ другого мѣста того же хартулярія. При не имѣніи рабочаго скота, hospites обязаны были нести службу пѣшимъ.

Совершенное исчезновеніе барщины—фактъ, наступившій далеко не одновременно въ разныхъ частяхъ Франціи. Тогда какъ въ Бур-

---

1) In Edenenas de terra bunaria X Mancipia X. Facit unusquisque in anno dies XXIV in estate (Cartulaire de S Bertin, стр. 99). —Balduinus Flandriae marchio villam de Harnes monasterio S Petri Gandavensis confirmat. — Villa Harnes . operarii id est homines de eadem operantur tribus vicibus id est tribus ebdomadis per annum (Teulet, Layettes du trésor des chartes).

2) Duas corveias carrucarum in anno una in martio una die et aliam quando frumenta seminantur una die et unam quadrigarum in Natali una die. (стр. 234).

3) Qualibet autem hospes de Brach debet advocato annuatim sex corveias ad summonitionem suam extra Marcium et Augustum Hospes vero non habens equum, corveiam de se solvit Въ другомъ хартуларіи, хартуларіи аббатства Бопре, редакція котораго принадлежитъ XII вѣку, говорится также о барщинѣ (corvada), размѣромъ въ три дня въ году въ три различные срока (осенью, весною и лѣтомъ): tribus temporibus tres corvadas (facit). Bibl. Nat, Cart abb Bell Prati, № 11024, fol III —См также грамоту 1086 въ хартуларіи аббатства Св Петра въ Шартрѣ, въ которой мы читаемъ: . rusticorum boves ter in anno ad exercendum in eadem loco.

гундіи она продолжала держаться въ теченіе всего XV го и части XVI-го столѣтій, а у сѣверной подошвы Юрской цѣпи—до французской революціи, въ сѣверной Франціи и, въ частности, въ Нормандіи о ней нѣтъ уже, какъ увидимъ, помину въ ренталяхъ конца XII-го и начала XIII-го вв. Для примѣра сошлюсь на тѣ данныя, какія на этотъ счетъ содержитъ въ себѣ хартуларій аббатства Св. Троицы въ Каанѣ, хартуларій, редакція котораго относится къ концу XII-го и первой половинѣ XIII-го вѣка. Если терминъ corvea подчасъ и попадается въ немъ, то далеко не въ смыслѣ отправленія крестьянами извѣстныхъ службъ въ опредѣленные дни недѣли, а только въ смыслѣ участія ихъ въ общей оранкѣ, при чемъ размѣръ участія выражается каждый разъ числомъ акровъ, какіе долженъ вспахать ежегодно крестьянскій дворъ въ хозяйскомъ полѣ Обыкновенно хартуларій указываетъ на одинъ акръ пахотной земли и полакра сѣнокоса (prati), какъ на нормальный размѣръ крестьянской corvea, почему въ немъ, всего чаще, и попадаются выраженія, въ родѣ слѣдующаго: villani. . dant unam acram terre de corvea или villanus facit dimidiam acram prati и т п [1]). Иного вида барщины, кромѣ указаннаго, Каанскій хартуларій не знаетъ.

Тотъ же характеръ, что и въ Нормандіи, носитъ барщина въ діоцезѣ города Труа, какъ это видно изъ актовъ первой половины XIII-го столѣтія, свидѣтельствующихъ о «corveie hominum et carrucarum» [2]), другими словами, объ обязательномъ участіи крестьянъ и ихъ плуговъ въ оранкѣ хозяйскаго поля. Участіемъ въ ней ограничивается также барщина крестьянъ Лиможскаго діоцеза, ренталы котораго представляютъ ту особенность, что въ нихъ обязательство вспахать опредѣленный участокъ земли, всего чаще, одинъ акръ, замѣняется для крестьянъ обязательствомъ скосить и убрать сѣно съ равнаго пространства, нерѣдко также — простой поставкою, однажды въ годъ, пары или нѣсколькихъ паръ быковъ для перевозки винограда въ усадьбу помѣщика. Ко всему этому прибавляется еще обязательство прискать въ страдную пору на одинъ только день косарей и погонщиковъ, всего чаще — двухъ, на которыхъ помѣщикъ отпускаетъ только дешную провизію, предоставляя дальнѣйшее вознагражденіе ихъ самимъ крестьянамъ [3]).

Замѣчательна, при этомъ, не только однохарактерность, но и одинаковость тѣхъ требованій, какія ренталы предъявляютъ ко всѣмъ крестьянскимъ дворамъ одного и того же помѣстья. Эта черта сама

[1]) Bibl. Nat., Chartrier de l'abbaye de la S. Trinité de Caen F. latin № 5650, fol 21

[2]) Bibl. Nat, Cartulaire de Clairvaux (XIII s.) F latin № 10947, fol. 55

[3]) Bibl. Nat., Cartulaire de Solignac, latin 18363, f 1 3, 8.

указываетъ уже на равенство тѣхъ имущественныхъ выгодъ, эквивалентомъ которыхъ были крестьянскія службы; въ концѣ концовъ, она свидѣтельствуетъ о равенствѣ долей, предоставленныхъ крестьянскимъ дворамъ въ сельскомъ землевладѣніи

Не пускаясь въ дальнѣйшія подробности относительно сельскихъ повинностей и платежей, постараемся свести воедино тѣ косвенныя указанія на характеръ крестьянскаго землевладѣнія въ сѣверной Франціи отъ IX-го по XIII столѣтія, какія мы получаемъ при ближайшемъ знакомствѣ со служебными обязанностями крестьянъ въ отношеніи къ помѣщикамъ.

Крестьяне поселены на помѣщичьей землѣ не отдѣльными дворами, а сплошными деревнями. Въ составъ послѣднихъ входитъ бо́льшее или меньшее число усадебъ, mansi, которыя владѣютъ равными долями въ занимаемой селомъ земельной площади. Владѣнія отдѣльныхъ дворовъ не обозначаются точными границами, откуда слѣдуетъ, что они лежатъ неогороженными въ общемъ полѣ или, вѣрнѣе, поляхъ. Если сюда прибавить еще господство трехпольной системы, засвидѣтельствованное, хотя бы, тѣми грамотами IX и ближайшихъ за нимъ столѣтій, которыя говорятъ объ оранкѣ крестьянами помѣщичьей земли подъ озимь и ярь (hyemali et autumnali satione), то едва ли возможно будетъ серьезно возражать противъ догадки, что, располагая равными долями оставленной въ ихъ пользованіе площади, крестьяне въ каждомъ изъ полей имѣли равныя дѣлянки.

Спрашивается, когда производилась ихъ нарѣзка, до или послѣ совмѣстной оранки? Себомъ, ставящій себѣ подобный же вопросъ по отношенію къ англійскимъ крестьянамъ, рѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что выдѣленію дворовыхъ участковъ предшествовала совмѣстная обработка поля тяжелыми плугами, въ которые крестьянскія семьи впрягали бо́льшее или меньшее число быковъ, смотря по величинѣ состоявшаго въ ихъ владѣніи рабочаго инвентаря. Грамоты первой половины XI и слѣдующихъ столѣтій заключаютъ въ себѣ цѣлый рядъ указаній на существованіе во Франціи той же системы обработки помѣщичьихъ полей съ помощью тяжелыхъ плуговъ съ восьми или шестиголовою упряжью, какую Себому удалось констатировать на основаніи памятниковъ норманскаго періода англійской исторіи. Эти порядки встрѣчаются уже, какъ мы видѣли, въ полиптикѣ аббата Ирминона, т. е. въ концѣ VIII вѣка [1]).

Но, какъ видно изъ того же памятника, земельныя мѣры не были

---

[1]) Frotginus colonus facit in una quaque ebdomada curvadam 1 cum quantis

еще согласованы съ такой системою оранки, и единицей измѣренія являлась не carruca, или участокъ, который въ теченіе года могъ быть воздѣланъ съ помощью одного тяжелаго плуга, а такъ называемый bonnier, иначе, пространство, достаточное для посѣва приблизительно четырехъ модіевъ зерна По своему происхожденію, bonnier довольно близокъ римскому югеру, который, какъ извѣстно изъ Цицерона, Плинія и Колумелы, также опредѣлялся количествомъ засѣваемаго зерна; согласно же послѣднему изъ названныхъ писателей, требовалъ затраты четырехъ модіевъ пшеницы, т. е. того же количества, что и французскій bonnier VIII вѣка [1])

Та же система земельныхъ мѣръ продолжаетъ держаться въ теченіе IX и X столѣтій, рѣшительное подтвержденіе чему даетъ намъ хартуларій Спасскаго монастыря въ Редонѣ. Обыкновенный порядокъ обозначенія въ немъ величины того или другого участка состоитъ въ приведеніи числа засѣваемыхъ на немъ модіевъ хлѣба.

Въ дарственныхъ записяхъ, какъ и въ купчихъ крѣпостяхъ, мы однообразно встрѣчаемся съ выраженіями, въ родѣ слѣдующихъ: я подарилъ или продалъ свой участокъ (suam partem terrae), т е. четыре модія хлѣба (id est IV modios de brace [2]), что въ переводѣ значитъ — участокъ, засѣваемый четырьмя модіями). Такъ какъ величина модія въ IX вѣкѣ была та же, что и въ предшествующія столѣтія, и сельское хозяйство не успѣло еще сдѣлать достаточныхъ успѣховъ, чтобы позволить употребленіе меньшаго количества сѣмянъ при посѣвѣ, то нельзя не согласиться, что земельной мѣрой, употреблявшейся въ предѣлахъ монастырскихъ владѣній въ Редонѣ, былъ тотъ самый bonnier, какой мы встрѣтили столѣтіемъ раньше на земляхъ Сенъ-Жерменскаго аббатства Редонскій хартуларій упоминаетъ и о другихъ двухъ мѣрахъ, извѣстныхъ полиптику VIII вѣка, — о римскомъ jugerum, величиною своею приближавшемся къ bonnier, и о journal, составлявшемъ не болѣе, какъ часть послѣдняго [3]).

---

animalibus habuerit quantum ad unam carrucam pertinet (Polyptique de l'abbé Irminon, стр 228).

[1]) Guérard, Polyptique de l'abbé Irminon, т. I, стр 169 — 177. Въ IX ст. bonnier является общеупотребительной мѣрой на земляхъ аббатства Св. Бертина во Фландріи, и имъ выражается одинаково какъ размѣръ крестьянскихъ надѣловъ, такъ и величина участка, воздѣлуемаго каждымъ крестьянскимъ дворомъ въ хозяйскихъ поляхъ (См. Cart de S Bertin, стр 97, 99, 102 и др.).

[2]) Стр 52, 53.

[3]) Cart de Redon, стр CCCXI.

Замѣчательно, однако, что, на ряду съ этими мѣрами, основаніемъ которыхъ служитъ количество употребляемаго для посѣва зерна, встрѣчаются и другія, опредѣляемыя количествомъ затрачиваемаго на обработку земли труда, при чемъ послѣдній исчисляется обращеніемъ при оранкѣ къ помощи одного, двухъ или болѣе быковъ. Такими мѣрами являются, прежде всего, junctus, или участокъ, какой въ теченіе дня можетъ обработать пара впряженныхъ въ плугъ животныхъ, затѣмъ argentiola, равная по размѣрамъ половинѣ римскаго diurnale, т. е. пространству, какое можетъ воздѣлать пахарь съ помощью одного быка [1])

Замѣною «junctus» нерѣдко служитъ еще съ середины IX вѣка такъ называемая virgata terrae, земельная мѣра, быть можетъ, занесенная въ Бретань колонизовавшими ее выходцами изъ Англіи, и означавшая собою участокъ, равный по величинѣ junctus, т. е подобно ему воздѣлуемый двумя впряженными въ плугъ животными [2]).

Въ другихъ частяхъ Франціи тѣ же мѣры были въ общемъ ходу въ теченіе X и XI столѣтій, какъ это видно, между прочимъ, изъ сборника грамотъ аббатства Св. Петра въ Шартрѣ, одинаково употребляющаго выраженія: «terra quae uni bovi dicitur sufficere»—земля, которой хватитъ для труда одного быка, иначе «boveria terrae» [3]),— и «terra quantum sufficit ad duos boves»—буквально, сколько нужно для двухъ быковъ,—или, что то же, diurnale и junctus [4]). Обращаетъ на себя вниманіе, при этомъ, то обстоятельство, что по мѣрѣ привитія обществу привычки къ употребленію этого вида земельныхъ мѣръ, основанныхъ на соображеніяхъ о числѣ рогатаго скота, все болѣе и болѣе отодвигаются на задній планъ тѣ мѣры поверхности, основаніемъ которыхъ служитъ количество засѣваемаго зерна. Монахъ Павелъ, редактировавшій въ XI вѣкѣ хартуларій Св. Петра въ Шартрѣ,

---

[1]) Ibid, стр. 161 и 103.

[2]) Объясненіе virgatae см. у Seebhom О virgatae упоминается, какъ о земельной мѣрѣ, въ слѣдующихъ грамотахъ Редонскаго хартуларія: въ грамотѣ 832—868 года, помѣщенной въ изданіи Курсона за № 27, въ грамотѣ 853—864 года, № 71; въ грамотахъ: 834 г., № 168, 837 г, № 179 и 860 года, №163. Въ этой послѣдней говорится, между прочимъ, и о четвертои части virgatae. Заимствованіемъ изъ Англіи объясняется также встрѣчающееся въ одной только грамотѣ 1062—1075 г. общеупотребительный на островѣ Великобританіи акръ (porciones terrae, которая, какъ выражается цитируемый документъ, lingua eorum acres nominantur) (Ibid., стр 277).

[3]) Cart. de Corbie (B. N, latin 17758, f 184. a 1247).

[4]) Cartulaire de S. Père de Chartres, стр 31 и 119

наивно сознается: не знаю, что именно слѣдуетъ разумѣть подъ bonnier (ignoro bonnaria quid sint); онъ опредѣляетъ, затѣмъ, числомъ плуговъ величину поля, которое въ документахъ, бывшихъ въ его распоряженіи, измѣрено было посредствомъ «bonniers» [1])

Слова монаха Павла вводятъ насъ, такимъ образомъ, въ эпоху, когда унаслѣдованная отъ римлянъ система земельныхъ мѣръ замѣняется новой, основанной на иныхъ соображеніяхъ; этой эпохой, какъ мы видѣли, является XI-ый вѣкъ.

Въ то же столѣтіе впервые показывается carrucata, какъ самостоятельная земельная мѣра, согласованная съ virgata и bovata, при чемъ подъ послѣдней разумѣется участокъ, воздѣлуемый однимъ впряженнымъ въ плугъ животнымъ.

Если о carruca, какъ орудіи обработки, употребительномъ въ бретанскомъ хозяйствѣ, говорится еще въ грамотахъ второй четверти XI вѣка, напримѣръ, въ грамотахъ 1034 г. и 1040 годовъ [2]), то о carrucata, какъ земельной мѣрѣ, мы находимъ упоминаніе въ 1011 г. въ одномъ актѣ Редонскаго хартуларія, гдѣ размѣръ одного участка обозначенъ словами: «tantum terrae quod uni carruce habunde (abondament) sufficeret» [3]); на разстояніи немногихъ лѣтъ, то же передается точнѣе выраженіемъ—«quantum uni carruce opus fuerit» [4]). Съ этого времени и въ теченіе всего двѣнадцатаго и слѣдующихъ столѣтій, carrucata является обычной мѣрой земель и владѣній; о ней говорятъ грамоты аббатства Св. Петра въ Шартрѣ [5]), документы, принадлежащіе архивамъ церковныхъ діоцезовъ Реймса, Лаона [6]) и Камбре [7]), а также памятники сельскаго быта Нормандіи и Иль де Франса [8])

Очевидно, что такая повсемѣстная замѣна одной системы мѣръ

---

[1]) Polyptique de l'abbé Irminon, стр 171.

[2]) Extraits du Cartulaire de S. Georges de Rennes, помѣщенныя въ дополненіи къ хартуларію въ Редонѣ, стр. CCCLXIX и CCCLXXI.

[3]) Ibid, стр 288

[4]) Ibid., стр 306

[5]) Cart. de S Père de Chartres, стр. 491, 475 и 553

[6]) Chartes de Valle Roi (XII s.), latin 10945, f. 11. a. 1173: „terra ad opus unius carruce" —Chartes de Vaucler (XII s.). B. N. latin 11073, a 1189 f 74 carrucata.

[7]) Cartulaire de l'église de Cambrai (XII s.) latin. № 10968. f. 51. terra que carruca Sancte Marie dicitur (a 1146). Carruca debet dare dimidium modium frumenti et dimidium (a 1189) f 81 v°—terra ad dimidiam carrucam (f 121)

[8]) Cartulaire de la S Trinité de Caen. B N. latin 5650, fol 3: In Calvavilla terra unius carruce Cartulaire. de Notre Dame, т I, стр 234

другой не могла быть вызвана случайностью; она должна была имѣть свои корни въ тѣхъ или другихъ измѣненіяхъ, какія одновременно совершились въ самомъ строѣ народнаго хозяйства. Въ какихъ же именно?

Десятое столѣтіе, какъ извѣстно, завершаетъ собою процессъ воссозданія на почвѣ франкской монархіи римской системы латифундій Съ поглощеніемъ мелкой аллодіальной собственности крупными помѣстьями, съ обращеніемъ нѣкогда свободныхъ общинъ въ зависимыя, главными факторами народнаго хозяйства сдѣлались крупные земельные собственники и, въ ряду ихъ, прежде всего, церкви и монастыри Сосредоточивая въ своихъ рукахъ dominium eminens по отношенію къ землямъ, занятымъ ихъ крестьянствомъ, являясь верховными распорядителями судебъ зависимыхъ владѣльцевъ, феодальные сеньеры, не отымая у общинъ ихъ землевладѣльческихъ правъ, не могли, въ то же время, отказаться отъ мысли регулировать по собственному усмотрѣнію отношеніе этихъ общинъ къ землѣ.

Поселяя на ней купленныхъ на сторонѣ рабовъ [1]) и расширяя съ ихъ помощью рапопъ обрабатываемыхъ полей (culturae), они неоднократно обращались къ тѣмъ дѣйствіямъ, которыя грамоты того времени характеризуютъ описательно словами. «раздѣлить землю на манзы», [2]) или установить «карруки», т. е. опять таки произвести размежеваніе земель на большіе участки, подымаемые тяжелыми плугами съ впрягою въ шесть или восемь быковъ [3]). Эти участки, въ свою очередь, подраздѣлялись на меньшіе: на виргаты, иначе, terrae ad duos boves, полувиргаты, или боваты, bovéeh, т. е. воздѣлуемые однимъ быкомъ; тѣ и другіе поступали къ отдѣльнымъ дворамъ сообразно числу состоявшаго въ ихъ владѣніи рогатаго скота и степени участія ихъ въ общей оранкѣ.

Такимъ образомъ, являлась возможность болѣе правильнаго присмотра за тѣмъ, чтобы отдѣльные дворы не уклонялись отъ об

---

[1]) Въ дарственныхъ грамотахъ мы нерѣдко встрѣчаемъ упоминаніе о servis translatis, которымъ противополагаются servi in loco orandi.

[2]) T. 1153. Fratres (monachi) assignantes, mansuras et tempora distinguentes a quibus et quibus predicti redditus exigendi forent et accipiendi ad hunc modum etc.. Vicus Hermenfridi distributus per mansiones inhabitabatur (B. N. latin 9930 Cart. d'Arras. f 20).

[3]) Это именно число быковъ указано въ хартуларіи аббатства Clairvaux См, напр., слѣдующую грамоту 1245 г.: Dominus Symon presbiter de villari recognovit se dedisse . unam carrucam cum octo bobus, sex inter vaccas et viculos, tres boves et I vaccam ac modiationem apud villare (B. N. latin 10947. f 166).

щественныхъ помочей. Отъ всѣхъ вилланов безразлично требовалось, чтобы они, согласившись между собою, ставили по одному тяжелому плугу отъ бо́льшаго или меньшаго числа дворовъ, смотря по количеству принадлежащаго послѣднимъ рабочаго инвентаря. Два раза въ годъ всѣ должны были являться на хозяйское поле со своими каррукаи, при чемъ сосѣди впрягали въ одинъ плугъ по разъ установленному порядку, кто четыре, кто два, а кто и одного быка [1]), корову или лошадь (vacca или equum jugum ferrens, какъ выражаются нѣкоторые источники, давая тѣмъ самымъ основаніе думать, что при недостаткѣ воловъ крестьяне могли припрягать всякихъ имѣвшихся въ ихъ распоряженіи животныхъ) Числомъ головъ, поставляемыхъ каждымъ дворомъ, опредѣлялся и размѣръ его личнаго участія въ земледѣліи. домохозяинъ, впрягавшій двухъ быковъ въ карруку, имѣлъ двойное участіе противъ того, кто впрягалъ въ него одного вола; въ свою очередь, владѣлецъ двухъ паръ имѣлъ вдвое больше земли, чѣмъ владѣлецъ одной пары.

Довольно вѣроятно, что обработывая совмѣстнымъ трудомъ хозяйское поле, виллапы тѣмъ же порядкомъ воздѣлывали и предоставленную въ ихъ распоряженіе земельную площадь, иначе terra servilis, и что надѣленіе каждаго двора особыми участками въ каждомъ полѣ слѣдовало по времени за совмѣстной оранкой,—хотя, съ другой стороны, то обстоятельство, что отдѣльные дворы въ теченіе поколѣній продолжали владѣть однимъ и тѣмъ же рабочимъ инвентаремъ, дѣлало возможнымъ и удержаніе ими изъ года въ годъ однихъ и тѣхъ же надѣловъ. Дѣленіе крестьянской земли на каррукаты не распространялось на первыхъ порахъ на всю занятую площадь. Оно коснулось сперва лишь той части terra servilis, на которой поселены были помѣщиками выведенные ими изъ другихъ мѣстъ рабы; этимъ объясняется, почему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, на ряду съ новыми земельными

[1]) Такой порядокъ обработки хозяйскаго поля засвидѣтельствованъ, между прочимъ, документально въ грамотѣ 1060 года, въ которой король Генрихъ I, заявляя объ обѣщаніи, данномъ Тюдономъ де Ла Ферте не обременять болѣе крестьянъ села Маризи произвольными службами и поборами, вмѣстѣ съ тѣмъ, выговариваетъ удержаніе въ его пользу прежняго, самими крестьянами признаннаго обязательства поставлять „ad versaturam omnes carrucas ville una vice et ad binaturam una vice“; при этомъ, грамотой дается и денежный эквивалентъ обязательства: „de carruca integra XII denarios, de demidia sex“; дворы, не владѣющіе скотомъ, взамѣнъ этой службы, платятъ деньгами, каждый 2 динарія въ годъ de eis qui cum bubus non laborant de unaquaque mansione II denarios (См. Tardif, Cartons des rois, стр. 173).

мѣрами, продолжаютъ держаться и старыя, примѣръ чего въ XI в. даютъ намъ помѣстья аббатства Корби въ діоцезѣ Амiена [1]). Рано или поздно, однако, должно было произойти уравненіе въ положеніи старыхъ и новыхъ поселенцевъ, членовъ прежнихъ, нѣкогда свободныхъ, общинъ и вновь привлеченныхъ къ землѣ колонистовъ. Установленіе общаго для всѣхъ порядка было тѣмъ легче, что экономическое положеніе тѣхъ и другихъ, въ частности, количество скота, состоявшаго во владѣніи отдѣльныхъ дворовъ, было, за немногими исключеніями, приблизительно одно и то же. Не представляло поэтому трудности распространить систему «каррукъ» и приуроченныхъ къ нимъ манзовъ и на старыхъ поселенцевъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе были, какъ мы знаемъ, владѣльцами не отдѣльныхъ участковъ, а лишь отдѣльныхъ долей общаго всѣмъ имъ поля или, вѣрнѣе, полей. Съ расширеніемъ района новой хозяйственной системы, съ подчиненіемъ ей свободнаго нѣкогда крестьянства, прежнія земельныя мѣры должны были отойти въ область прошедшаго. Неудивительно поэтому, если уже въ XI вѣкѣ могли встрѣчаться лица, которыя, подобно монаху Павлу, отказывались понимать эти мѣры.

Изученіе системы земельныхъ мѣръ и вызванныхъ въ ней временемъ измѣненій приводитъ насъ въ конечномъ результатѣ къ слѣдующему выводу, значеніе котораго едва ли можетъ быть преувеличено. Вмѣсто того, чтобы имѣть значеніе первичнаго факта, обусловливающаго собою самый порядокъ общиннаго владѣнія крестьянъ землею, общая оранка представляется намъ результатомъ довольно поздно начавшагося дѣленія terra servilis на каррукаты, которыя поступали въ совмѣстное пользованіе бо́льшаго или меньшаго числа дворовъ, сообразно тому, сколько головъ скота каждый впрягалъ въ общій плугъ. Такимъ образомъ, основное положеніе Себома мы радикально измѣняемъ: то, что онъ считаетъ причиной, кажется намъ послѣдствіемъ, и наоборотъ. Если представленный рядъ умозаключеній будетъ принятъ, то, съ одной стороны, явится возможность объяснить процессъ болѣе или менѣе самопроизвольнаго перехода свободной сельской общины въ зависимую, а съ другой, выяснится и причина существеннаго ея видоизмѣненія подъ вліяніемъ развив-

---

[1]) Одна изъ грамотъ этого аббатства, написанная въ 1079 г., упоминаетъ еще о culture continentes in LIV buvarum de terra arabili et prata continentes in se buvarum CLX ubi colligi possunt de feno quadrigae CC (Cart de Corbie (XII s.), B N., latin 17764, fol 19).

шагося феодальнаго строя и той роли въ народномъ хозяйствѣ, какую съ момента его упроченія стали играть крупные земельные собственники. Регламентируя искусственными мѣропріятіями отношенія крестьянъ къ землѣ и помѣщику, они хлопочутъ о болѣе выгодномъ ходѣ сельскохозяйственныхъ работъ и вводятъ въ практику систему общей оранки, производимой одновременно и солидарно всѣми крестьянскими дворами, сообразно рабочимъ силамъ каждаго. Чтобы объяснить происхожденіе этой системы, нѣтъ необходимости утверждать произвольно, что римляне, практиковавшіе на родинѣ, въ Италіи, обработку полей небольшими плугами, ввели въ провинціяхъ восьмиголовую плуговую упряжь, или, что кажется намъ столь же мало обоснованнымъ, приписывать имъ заимствованіе этой системы у своихъ предшественниковъ, кельтовъ Самый фактъ господства общей оранки въ Палестинѣ, — въ которомъ Себомъ видитъ слѣдъ нѣкогда практиковавшейся здѣсь римской хозяйственной системы и доказательство неразрывной связи этой системы съ общественнымъ характеромъ полевыхъ работъ,—объясняется гораздо проще допущеніемъ, что крестоносцы занесли съ собою тотъ самый порядокъ сельскохозяйственнаго и земельнаго строя, который въ ихъ время сдѣлался господствующимъ на ихъ родинѣ или, по крайней мѣрѣ, въ той странѣ, учрежденія которой послужили прототипомъ Іерусалимскому царству, т. е. Франціи.

Въ предшествующемъ очеркѣ мы коснулись одного лишь порядка владѣнія крестьянами пахотью и пришли къ заключенію, что это владѣніе было общиннымъ и долевымъ, а величина каждой доли зависѣла отъ рабочей силы владѣющаго ею двора. Намъ остается теперь выяснить тотъ характеръ отношеній, въ какомъ крестьяне стояли къ другимъ имущественнымъ статьямъ занимаемаго ими помѣстья, иначе говоря, мы должны указать, на какомъ правѣ, общинномъ или частномъ, владѣли они лежащею подъ паромъ землей, сѣнокосами, лѣсами, расположенными въ этихъ послѣднихъ пастбищами и, наконецъ, тѣмъ выгономъ, который открывался для ихъ пользованія съ момента уборки хлѣба и окончанія покоса.

Лежащею подъ паромъ землею крестьянскіе дворы пользовались совмѣстно и на равномъ правѣ, помимо всякаго отношенія къ тому какъ велико было число состоявшаго въ ихъ владѣніи рабочаго скота. Паръ служилъ мѣстомъ для выгона, если не всего сельскаго стада, то, по крайней мѣрѣ, того числа головъ, безъ котораго нельзя было обойтись во время продолженія лѣтнихъ работъ. Съ окончаніемъ этихъ работъ, другими словами, по снятіи жатвы и покосовъ

(cum segetes de terris et herbe de pratis levate fuerunt, [1]) какъ выражается одна грамота XII вѣка), нивы, луга и степь поступали въ общее пользованіе всѣхъ дворовъ, и открывался періодъ vaine pâture, или vana pastura, какъ называютъ ее латинскія грамоты этого времени [2]), т. е. свободной утилизаціи всѣхъ этихъ земель подъ выпасъ. Періодъ этотъ прекращался съ наступленіемъ времени для общественныхъ запашекъ, т. е. по отношенію къ одному изъ трехъ полей осенью, а по отношенію къ другому—весною. Мелкій скотъ и свиньи, не находившія достаточно корму на близъ лежащихъ земляхъ селенія, выгонялись въ лѣсъ, который въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ въ такой же степени доставлялъ матеріалъ для построекъ [3]) и загородей [4]), какъ и служилъ выпасомъ для ненужнаго въ работѣ скота, въ частности — свиней [5]) Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ выгону подлежали лежавшія внѣ лѣсной площади общественныя пастбища (pasturae communes), о которыхъ имѣются прямыя данныя въ частью изданныхъ, частью не изданныхъ грамотахъ XI, XII и XIII столѣтій. Укажу, для примѣра, на частое повтореніе ренталемъ аббатства Св. Бертина во Фландріи (время составленія этого ренталя относится Гераромъ къ 867 г) слѣдующаго выраженія: «de pastura communi sufficienter» или «de pastura communi satis» [6]).

Несравненно рѣже встрѣчаются въ памятникахъ занимающей насъ эпохи упоминанія объ общихъ лугахъ, и это объясняется сравнительной рѣдкостью ихъ въ настоящую эпоху. Но и о нихъ попадаются подчасъ указанія въ родѣ слѣдующаго. Описывая наличный составъ одного изъ помѣстій аббатства Бопре, Монсели, и упоминая о пахот-

---

[1]) Servi et coliberti ad monachos pertinentes similiter habebunt silvas ad omnia facienda, preter porcorum consuetudinem (a 1025) —Cartulaire de Vierzon (Diocèse de Bourges, XII s.) B. N. latin. 9865, fol. 11).

[2]) Cart de Vierzon, № 9365, f 89, a. 1192.—Cart. de Notre Dame, т. II, стр. 308, a 1224

[3]) Cart. de Clairvaux. B. N. latin. 10947, a 1255, fol 63.

[4]) Curtis. Agutior (Aguilcourt. Aisne, arr. Laon).. Habent quoque communia de silva minuta mappas III ad clausaram faciendam (Polyptique de S. Rima, стр. 46)

[5]) Habeant dicti coloni, читаемъ мы въ одной грамотѣ 1182 г., usagium in dicta foresta orbistem ad sua edificia facienda et ad quadrigas et quadrugas et alias circumstancias ad opus culture necessarias... et caufagium et pascua (Cartulaire de l'abb. d'Orbestier (Uendée) въ Arch hist du Poitou, т. I, стр. 6, a 1182).—Homines et hospites Viriaci habitantes habent usuarium suum de mortuo nomore ad comburendum de vivo bosco ad edificandum super terram Beate Marie, (Chartul. ecclesie Parisiensis, a. 1193, т. I, стр. 234).

[6]) Cart. de St. Bertin, стр 103, 104 и 106.

ныхъ земляхъ и сѣнокосахъ, утилизируемыхъ жителями селенія (terrae arabiles et prata que colunt̃ ab hominibus ipsius ville), грамота 1125 г. прибавляетъ, что въ Монсели имѣется еще общественный сѣнокосъ (pratum de comunitate), изъ котораго поселяне получаютъ ежегодно девять равныхъ по величинѣ стожковъ сѣна; два изъ этихъ стожковъ отдаются помѣщику, т. е. монастырю, а остальные удерживаются владѣльцами за собою [1]).

Пользованіе общинными угодьями поставлено уже въ это время въ зависимость отъ постояннаго пребыванія въ помѣстьи и ограничено потребностями крестьянскаго двора. Въ одной изъ грамотъ аббатства Клерво отъ 1173 г. мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее категорическое заявленіе. «recognitum fuit quod nullus qui de villa exierit aliquid usuagium ibi de jure haberet nisi ibidem habitaret», что̀ въ переводѣ значитъ: оставившій селеніе, не имѣя въ немъ постояннаго мѣстожительства, обязанъ отказаться отъ дальнѣйшаго пользованія общинными угодьями [2]). Ограниченіе права пользованія потребностями крестьянскихъ хозяйствъ наглядно выступаетъ въ запрещеніи всякаго рода отчужденій по отношенію къ получаемому изъ лѣса топливу и строевому матеріалу, а также,—въ закрытіи къ этому лѣсу доступа чужому скоту. О первомъ говоритъ намъ, между прочимъ, слѣдующая грамота церкви Божіей Матери въ Парижѣ отъ 1116 г. Предоставляя всѣмъ жителямъ селенія Корбероза (Corberosa), значится въ текстѣ, право пользованія лѣсомъ для сооруженія жилищъ и производства всякаго рода нужныхъ построекъ, король Людовикъ, въ то же время, запрещаетъ формально отчужденіе добытаго изъ лѣса строевого матеріала (sola tantum venditione excepta [3]).

Предоставленіе отдѣльнымъ крестьянскимъ дворамъ такъ называемаго mortuum boscum, или сухолѣсья для поддержанія «собственнаго очага» (ad foagium proprium) сопровождается, въ свою очередь, въ грамотахъ XII-го вѣка открыто высказываемымъ запрещеніемъ уступать кому-либо, за исключеніемъ сосѣдей (vicini), добываемое семьею топливо, все равно, въ даръ или по продажѣ (ligna de mortuo bosco ad foagium proprium, non autem ad vendendum aut dandum) [4]). — Въ общей формѣ, запрещеніе

[1]) B N. latin. 11024 (XII s.), fol. 109.

[2]) Cartulaire de Clairvaux. Bibl. Nat., f. latin. № 10947, fol 5.

[3]) Ego Ludovicus.. omnibus prefate ville habitatoribus et ad eandem potestatem pertinentibus concedimus, quatinus omni tempore, de nemore Beate Marie, sive ad domos construendas sive ad alia opera sua omnia necessaria, sola tantum venditione excepta, sine inquietacione accipiant (Cartulaire de l'église de Notre Dame de Paris, publié par Guérard, т. I, стр. 259).

[4]) Cartulaire de Clairvaux (fol. 5), a. 1173

такихъ отчужденій выражено въ слѣдующей грамотѣ 1112 г.: «statutum est ut non liceat rusticis (apud Succeium villam conmorantibus) quicquam vendere, sive de illo nemore, ubi habent jus suum in vivo et in mortuo, sive de illo, ubi habent tantum in mortuo Nec vero inde dare quisquam aliquid audebit, nisi vicinis suis in eadem villa commorantibus» [1]).

Въ ряду правъ, предоставляемыхъ земельными собственниками крестьянскимъ общинамъ, особаго упоминанія заслуживаетъ право обращенія лѣсовъ во временныя пашни. Это право не только свидѣтельствуетъ о томъ, что корчеваніе было не болѣе, какъ однимъ изъ видовъ общиннаго пользованія, но и указываетъ на существованіе бокъ-о-бокъ съ трехпольной системой хозяйства другой, еще болѣе экстензивной, переложной или подсѣчной. Сферой дѣйствія этой послѣдней была та необозримая лѣсная площадь, которая, по согласному свидѣтельству источниковъ, покрывала собою еще бо́льшую половину сѣверной Франціи, и о которой можно составить себѣ приблизительное понятіе по слѣдующему факту. На земляхъ аббатства С.-Жерменъ де Пре, въ VIII и IX вв., занятыя пашнями земли, если и не покрывали всего на всего одной девятой той площади, которая оставалась подъ лѣсомъ, [2]) какъ это ошибочно допускалъ Гераръ, то все же оставляли за нимъ треть всего раіона [3])

При такомъ изобиліи лѣса, немыслимо было сколько-нибудь хозяйственное пользованіе. Истребленіе лѣсовъ являлось такимъ же условіемъ прогрессивнаго развитія общественнаго благосостоянія, какимъ въ наши дни является ихъ сохраненіе или искусственное насажденіе. Не мудрено, если на земляхъ нѣкоторыхъ, особенно, богато надѣленныхъ лѣсами церковныхъ учрежденій,—въ томъ числѣ церкви Божьей Матери въ Парижѣ, — еще въ XII вѣкѣ держался обычай выжиганія лѣса и обращенія его подъ пашню не болѣе, какъ на двухлѣтній срокъ, по истеченіи котораго колонисты изъ крестьянъ въ правѣ были покинуть расчищенный ими участокъ и въ другой части того же лѣса приступить снова къ корчеванію. Такой именно порядокъ имѣютъ въ виду тѣ королевскія и частныя грамоты, которыми колонамъ (coloni) предписывается производить въ лѣсу свои очистки (exstirpationesque exsarta vulgo appellantur), подъ условіемъ—«ut solummodo duabus messibus colant et fructum colligant, postea vero ad alias nemoris partes secedant; ibique similiter duabus messibus in suis extirpationibus sata colligant» [4]).

---

[1]) Cartulaire de Notre Dame, т. I, стр. 379, т. II, стр 336, a. 1291.

[2]) Guérard, Polyptique de l'abbé Irminon, т I, стр. 902.

[3]) См. новое изданіе Лоньона, т. I, стр. 244 (Приложеніе).

[4]) Cartulaire de Notre Dame, стр. 259.

ГЛАВА XVII.

Сѣверо французское помѣстье и мелкая свободная собственность въ XI и XII вѣкахъ.

Строй помѣстнаго хозяйства въ XI, XII и XIII вв. всего удобнѣе изучить по нѣкоторымъ примѣрамъ, взятымъ изъ разнообразнѣйшихъ частей и провинцій Франціи, при чемъ эти примѣры могутъ доставить не однѣ грамоты, но также полиптики и вообще тѣ земельныя описи, которыя во Франціи извѣстны подъ именемъ censiers и близки по содержанію и характеру къ англійскимъ ренталямъ.

Въ такихъ условіяхъ стоитъ, однако, сравнительно небольшое число помѣстій, такъ какъ полиптики, болѣе или менѣе многочисленные въ предшествующія два столѣтія, почти отсутствуютъ въ занимающую насъ эпоху. Совершенно исключительно обставлена экономическая исторія помѣстій, принадлежащихъ аббатству Сенъ Васть въ Аррасѣ, благодаря тому обстоятельству, что во второй половинѣ XII столѣтія одному изъ его иноковъ, по приказу аббата Мартина I, удалось собрать въ одно цѣлое богатѣйшій матеріалъ всякаго рода документовъ, удостовѣряющихъ права монастыря на тѣ или другія земли и на тѣ или другія повинности, натуральныя и денежныя услуги его подданныхъ. Этотъ единственный въ своемъ родѣ источникъ изданъ на иждивеніе мѣстнаго общества антикваріевъ Артуа въ 1875 году и положенъ будетъ въ основу дальнѣйшаго изложенія. Списанные священникомъ Гвиманомъ или Вишаномъ папирусы отъ 1170 года и дальнѣйшаго времени, составленные инвентари привилегій и имуществъ, платежей и доходовъ обители Св. Васта—обнимаютъ собою разныя эпохи, начиная отъ меровингской. Есть поэтому возможность прослѣдить, если не всѣ, то нѣкоторыя видоизмѣненія, пережитыя помѣстнымъ строемъ Артуа въ эпоху развитія тѣхъ своеоб-

разныхъ, на половину экономическихъ, на половину политическихъ отношеній, совокупностью которыхъ образуется процессъ феодализаціи.

Привилегія короля Теодорика, основателя самой обители, вводитъ насъ въ кругъ помѣстнаго землевладѣнія въ эпоху, непосредственно предшествующую развитію бенефиціальной системы. Монастырь владѣетъ виллами, которыя распадаются на двѣ неравныя части, terra dominica и terra servilis, содержащія въ себѣ, въ свою очередь, большее или меньшее число крестьянскихъ дворовъ и надѣловъ, такъ называемыхъ mansi; семьи, ихъ занимающія, обозначаются общимъ наименованіемъ mancipii.

Монастырская собственность не представляетъ еще въ это время сплошной площади; она составлена изъ разсѣянныхъ по всему графству (pagus) дворовъ или хуторовъ, выдѣленныхъ королевской милостью и заботой о спасеніи души изъ общаго состава доменовъ и пріуроченныхъ къ нуждамъ монастыря. Въ IX вѣкѣ еще сохранились черты этого первоначальнаго зачисленія однихъ земель и владѣній на удовлетвореніе потребностей по содержанію иноковъ, другихъ на освѣщеніе и поддержаніе храма и третьихъ, наконецъ, на покрытіе издержекъ странопріимнаго дома и госпиталя, устроеннаго при монастырѣ. Король жалуетъ извѣстныя villae съ занимающими ихъ крестьянами и со всѣмъ, что принадлежитъ къ этимъ помѣстьямъ,— то in usus luminariorum, matriculariorum etc, то ad necessaria fratrum victus scilicet et potus, то ad hospitale pauperum. Специализація проводится иногда еще далѣе: одни имущества приписываются къ трапезѣ, другія къ одеждѣ, in usus vestimentorum et calciamentorum.

Помѣстье по прежнему заключаетъ въ себѣ всего на всего нѣсколько дворовъ: 3, 5, 6, 7,—въ одномъ только указано 36 mansi. Земледѣліе ведется въ нихъ наравнѣ съ посѣвомъ льна, винодѣліемъ, овцеводствомъ. Промышленность сказывается въ содержаніи помѣщичьихъ мельницъ (molendini), въ тканьѣ полотенъ и суконъ; торговля—въ установленіи рынка (mercatum), на которомъ взимается съ покупокъ и продажъ особая пошлина (telonеum), поступающая въ пользу госпиталя.

При имѣніяхъ находятся лѣса, откуда отпускается ежегодно извѣстное количество топлива въ странопріимный домъ. Въ числѣ зависимыхъ отъ помѣщика владѣльцевъ мы встрѣчаемъ и прекаристовъ. Это—свободные люди, получившіе въ пожизненное пользованіе земли, которыя послѣ ихъ смерти перейдутъ въ собственность монастыря и послужатъ къ расширенію крестьянской надѣльной системы. При Карлѣ Великомъ монастырскія владѣнія пользуются иммунитетомъ, т. е. свободой отъ всякаго рода государственныхъ повин-

ностей: постоя королевскихъ чиновниковъ, поставки подводъ, обязательнаго присутствія на судебныхъ сходахъ. Графъ не въ правѣ держать эти сходы въ предѣлахъ монастырскихъ помѣстій; послѣднія подчинены одной вотчинной юрисдикціи аббата. Но въ наступающую, затѣмъ, въ IX столѣтіи, съ момента паденія Карловинговъ, эпоху внутреннихъ усобицъ, графы стали обнаруживать небывалыя дотолѣ притязанія, совершенно пренебрегая автономіей монастыря. Прежде одинъ король пользовался правомъ на содержаніе и пропитаніе во время своихъ перегринацій по странѣ; теперь, жалуется составитель одной грамоты IX столѣтія, то, что въ десять лѣтъ затрачиваемо бывало на короля, расходуется на графа въ одинъ его пріѣздъ. Селясь каждый разъ въ самомъ монастырѣ, онъ распредѣляетъ составляющихъ его свиту milites между отдѣльными помѣстьями. Число пользующихся такимъ образомъ вынужденнымъ гостепріимствомъ «доходитъ до 50 и 100 человѣкъ; ихъ буйство и солдатская распущенность» становятся нерѣдко предметомъ горькихъ жалобъ со стороны крестьянъ, указывающихъ въ своихъ обращеніяхъ къ аббату на частые грабежи, прелюбодѣйства и насилія, причиняемыя ихъ дочерямъ членами графской свиты. Чтобы положить конецъ всѣмъ этимъ притѣсненіямъ, рѣшено съ обоюднаго согласія замѣнить натуральный постой извѣстными сборами на содержаніе графа и его свиты, а также—короля въ случаѣ посѣщенія имъ Арраса. Натуральная подать взимается подворно и поплужно: каждый дворъ обязанъ ставить двѣ мѣры овса, одинъ хлѣбъ для пропитанія собакъ и извѣстное количество зерна для соколовъ (aves). Каждый плугъ (carruca), т. е. пространство земли, какое можетъ быть воздѣлано плугомъ въ теченіе года при четырехголовой упряжи [1]), поставляетъ модій овса; половина карруки—полмодія. Все перечисленное и детъ на содержаніе графской свиты; самъ-же графъ въ дни пребыванія въ Аррасѣ въ правѣ требовать по два хлѣба, по полсекстарія вина, по поросенку и нужное для его стола количество рыбы ежедневно. То же соблюдается и въ случаѣ пріѣзда короля. Соглашеніе относительно величины такъ называемаго conrodium и замѣняющей его gabella не всегда строго соблюдалось на практикѣ. Составитель хартуларія жалуется на то, что постановленія предковъ на этотъ счетъ прихо-

---

1) Грамота даетъ возможность заключить, что въ плугъ на земляхъ монастыря впрягаемо было четыре животныхъ; terra ad unum jumentum платитъ, согласно ей, четыре mancaldia овса, половина карруки пропорціонально въ два раза больше—полмодія, цѣлая каррука—модій.

дятъ въ забвеніе и дурныя обыкновенія со дня на день заступаютъ ихъ мѣсто.

Монастырскія имущества продолжаютъ оставаться предметомъ свободнаго отчужденія вплоть до папы Иннокентія II, который настаиваетъ на строгомъ соблюденіи каноновъ, провозгласившихъ заповѣдность церковной собственности. Въ теченіе IX и X столѣтій земельный фондъ обители возрастаетъ благодаря, между прочимъ, передачѣ ей не только земель, но и крѣпостныхъ семей съ занимаемыми ими участками [1]).

Торжество феодальныхъ отношеній сказывается въ частомъ упоминаніи передачъ монастыремъ тѣхъ или другихъ земель и доходныхъ статей въ ленъ тому или другому сеньеру. Такъ возникаютъ тѣ feodi liberi, которыхъ обычай освобождаетъ отъ платежа gabella на содержаніе графа, наравнѣ съ землями, удержанными монахами въ собственномъ завѣдываніи [2])

Личный составъ монастырскихъ помѣстій въ XI и XII вв представляетъ намъ смѣсь свободныхъ и несвободныхъ элементовъ съ постепенно усиливающимся преобладаніемъ первыхъ. Хартуларій говоритъ о censuales и hospites, какъ о лично свободныхъ, но обложенныхъ цензомъ владѣльцахъ. Онъ указываетъ на то обстоятельство, что многіе мелкіе собственники добровольно переходили въ категорію зависимыхъ поселенцевъ частью въ надеждѣ получить защиту монастыря отъ сильныхъ міра сего, частью въ виду того, чтобы, на правахъ его цензитаріевъ, или чиншевиковъ, пользоваться свободою отъ рыночныхъ пошлинъ. Нѣтъ числа пишетъ Вимонъ, тѣмъ, которые въ спокойное и мирное время уклоняются отъ платежа ценза съ тѣмъ, чтобы при первыхъ неурядицахъ и угнетеніяхъ со стороны сильныхъ обращаться снова къ покровительству и заступничеству аббата на правахъ его цензитаріевъ [3]) Изъ другого мѣста мы узнаемъ, что во времена нѣкоего Ингельберта, которому поручили сборъ поголовнаго ценза съ рабовъ и рабынь (servi et ancillae), поселенныхъ на земляхъ монастыря, много свободныхъ людей включено было въ категорію цензитаріевъ. Какъ Ингельбертъ, такъ и сами попавшіе въ цензитаріи находили въ этомъ тотъ расчетъ, что при платежѣ ценза на нихъ распространена была признанная за крѣпостнымъ населеніемъ помѣстій свобода отъ платежа рыночныхъ пошлинъ. Мона-

---

[1]) См. стр. 51.
[2]) См стр. 46 и 93
[3]) См стр 177

стырь считаетъ нужнымъ положить конецъ дальнѣйшимъ злоупотребленіямъ въ этомъ отношеніи, жалуясь, что «безчисленное множество уже связало себя этою прелюбодѣйной неволей» (innumerabiles se obligaverunt hac adulterina servitute) [1]). Такимъ образомъ, хартуларій священника Вимана подымаетъ предъ нами отчасти ту завѣсу, которая закрываетъ любопытнѣйшій фактъ перехода членовъ свободныхъ общинъ въ крѣпостные. Мы видимъ, что этотъ процессъ, который вызвалъ къ жизни во времена Меровинговъ и первыхъ Карловинговъ добровольную передачу себя вмѣстѣ съ землею въ руки людей сильныхъ и повелъ къ развитію практики такъ называемыхъ коммендацій и еще къ оживленію появившейся уже при римлянахъ системы прекаріевъ [2]), не только не прекратился въ X и XI стол., но нашелъ въ характеризующей это время феодальной безурядицѣ и въ самоуправномъ обложеніи рыночными сборами свободныхъ производителей весьма благопріятныя условія для дальнѣйшаго развитія. Тѣмъ изумительнѣе скептицизмъ, обнаруживаемый нѣкоторыми писателями и, впереди ихъ всѣхъ, Фюстель де Куланжемъ по вопросу о самомъ существованіи отличныхъ отъ помѣстья—свободныхъ общинъ. Еслибы ихъ не было, то откуда, спрашивается, взялись бы тѣ безчисленные случаи добровольнаго перехода въ несвободу, о которыхъ говоритъ разбираемый нами памятникъ?

Чиншъ, или цензъ, въ позднѣйшія столѣтія неизмѣнно регулируемый обычаемъ, въ XI и XII вѣкахъ еще зависитъ въ своемъ размѣрѣ отъ усмотрѣнія собственника, точь въ точь, какъ у насъ въ эпоху существованія крѣпостного права. Сборъ его поручается аббатомъ тому изъ свѣтскихъ владѣльцевъ, который исполняетъ по отношенію къ монастырю обязанности advocatus ecclesiae, т. е. лица, завѣдующаго его имущественными интересами и выступающаго его представителемъ въ судахъ королевства. Этотъ advocatus заинтересованъ въ томъ, чтобы не было недоимокъ, такъ какъ отъ суммы собраннаго имъ чинша отсчитывается пропорціональное вознагражденіе въ пользу сборщика.

Чтобы поставить послѣдняго подъ контроль монастыря, одному изъ иноковъ поручается сопровождать его въ разъѣздахъ по сбору недоимокъ. Буде весь чиншъ не уплаченъ ко дню праздника Св. Ремигія и advocatus ecclesiae поставленъ въ невозможность отправиться лично за его взысканіемъ, дополученіе недоимки поручается послѣднимъ воину, т. е.

---

1) См. стр. 182.

2) См. Фюстель де Куланжъ, Le précaire et les bénéfices.

свободному человѣку, или крѣпостному (rustico), пребывающему въ помѣстьи. Но advocatus ecclesiae не можетъ взять замѣстителя, не представивъ его предварительно на утвержденіе аббата. Монастырское начальство въ правѣ прибѣгнуть и къ другому способу взиманія чинша. Оно можетъ сдать его на откупъ въ каждомъ отдѣльномъ помѣстьи, выбирая откупщикомъ человѣка свободнаго, miles; при этомъ, отъ аббата зависитъ увеличить или уменьшить сумму откупа,—что одно уже указываетъ на возможность непосредственнаго вліянія помѣщика на размѣръ платимаго крестьянами чинша. Сверхъ поголовнаго сбора въ размѣрѣ опредѣляемаго собственникомъ числа солидовъ и динаріевъ, крестьяне чиншевики обложены еще чрезвычайными платежами при вступленіи въ бракъ или унаслѣдованіи оставленнаго ихъ родителями или родственниками надѣла. Какъ общее правило, размѣръ брачныхъ пошлинъ и посмертныхъ платежей не превышаетъ девяти динаріевъ; ихъ платятъ одинаково какъ женихъ, такъ и невѣста, наслѣдникъ какъ въ отцовскомъ, такъ и въ материнскомъ имѣніи. Но если выбранная невѣста не принадлежитъ къ числу крѣпостныхъ Св. Васта, такъ что ея дѣтямъ открывается возможность выхода на свободу, «выводныя деньги» достигаютъ двойного размѣра, т. е. 18 динаріевъ. Въ видѣ общаго правила, они идутъ въ пользу «адвоката церкви» и составляютъ часть его феода; но въ этомъ случаѣ двѣ трети ихъ отчисляются помѣщику [1]).

Другое послѣдствіе крѣпостного состоянія—невозможность вступить въ разрядъ клириковъ и получить тонзуру безъ разрѣшенія аббата объясняется, очевидно, тѣмъ, что со вступленіемъ въ ряды духовнаго сословія открывался выходъ на свободу. Разбираемый памятникъ говоритъ о представленіи въ этомъ случаѣ юноши родителями аббату и о передачѣ его аббатомъ въ руки епископа.

Въ ряду крѣпостныхъ особую категорію занимаютъ тѣ, кто отправляютъ ремесла, ministeria, состоя членами особыхъ братствъ, прозываемыхъ caritates и преслѣдующихъ, какъ это видно изъ самого приведеннаго названія, цѣли благотворительныя. Къ числу такихъ ремесленниковъ принадлежатъ выдѣльщики пергамента и портные; первые обложены въ совокупности четырьмя солидами, вторые десятью; каждое собратство, confraternitas, въ торжественномъ порядкѣ доставляетъ эти суммы къ алтарю Св. Васта. Помимо этихъ ремесленныхъ сообществъ, мы встрѣчаемъ въ числѣ подданныхъ аббатства членовъ особой торговой гильдіи, guilda mercatorum, отъ которой ежегодно по-

[1]) См. стр. 178

ступаетъ 24 солида, идущіе на покупку восковыхъ свѣчей (qui dicuntur de candela). Монетчики имѣютъ свою самостоятельную caritas, или благотворительное сообщество. Виманъ прибавляетъ, что есть много и другихъ подобныхъ собратствъ, къ которымъ примѣнимы тѣ же правила [1]). И дѣйствительно, изъ списка обложенныхъ рыночнымъ сборомъ статей мы узнаемъ о присутствіи въ имѣніи еще слѣдующихъ ремесленниковъ: кожевниковъ, веревочниковъ, неводчиковъ и, разумѣется, кузнецовъ, безъ которыхъ не могло обойтись ни одно имѣніе [2]). Изъ того же хартуларія намъ дѣлается извѣстнымъ, что торговая гильдія стояла въ тѣсномъ отношеніи къ членамъ городского управленія въ Аррасѣ, къ скабинамъ; иначе послѣдніе не вносили бы за нее слѣдуемыхъ аббатству 24 солидовъ. Монастырское управленіе сносилось съ гильдіей, какъ съ нормальнымъ учрежденіемъ, чрезъ посредство своего управителя, cellerarius, и казначея, tesaurarius, которымъ въ этихъ случаяхъ полагалось отъ собратства $^1/_2$ секстарія вина. То же имѣло мѣсто и при посѣщеніи братства монетчиковъ монастырскимъ казначеемъ [3]).

Цензитаріи составляютъ только одну изъ группъ помѣстнаго населенія. Они одни обложены поголовнымъ сборомъ, или цензомъ, въ пользу помѣщика, составляя несвободное населеніе, рядомъ съ которымъ продолжаютъ жить въ значительномъ числѣ и свободные поселенцы, hospites [4]). Эти послѣдніе являются наслѣдственными владѣльцами занимаемыхъ ими манзовъ и, сверхъ условленной денежной ренты, платятъ еще натурой большимъ или меньшимъ числомъ куръ, яицъ, гусей и т. п. На нихъ распространяется весьма часто обязательство крѣпостного населенія — молоть зерно и печь хлѣбъ въ помѣщичьихъ или баналіальныхъ мельницахъ и хлѣбопекарняхъ [5]).

Всѣ падающія на hospites повинности, подобно тѣмъ, какія несутъ крѣпостные крестьяне, разложены на дворы. Стоитъ только одному изъ нихъ распасться на два или нѣсколько, какъ выдѣлившіяся семьи ставятся немедленно по отношенію къ платимымъ помѣщику рентамъ въ тѣ же условія, что и остальныя. Напротивъ, позднѣйшее возсоединеніе нѣсколькихъ дворовъ, благодаря вымиранію и наслѣдованію, не измѣняетъ ничего въ размѣрѣ поступающей къ помѣщику суммы.

---

[1]) См. стр. 191.

[2]) См. стр. 166.

[3]) Ibid, стр. 191.

[4]) См. стр. 212 и 194.

[5]) In Pomerio. Isti hospites vadunt ad furnum cellerarii qui in eodem districto est (Стр. 230).

Ренты приурочены къ семейнымъ надѣламъ (манзамъ) и, будутъ ли послѣдніе въ однѣхъ или въ нѣсколькихъ рукахъ, помѣщикъ получаетъ разъ установленную плату, считая столько-то отъ каждаго дворового надѣла. Это утвержденіе — не результатъ послѣдовательныхъ умозаключеній, а буквальная передача того, что говорятъ источники.

Въ кастелянствѣ и округѣ Св. Васта, значится въ разбираемомъ хартуларіи, каждый несетъ повинности сообразно числу манзовъ, которое досталось ему въ силу раздѣловъ между родственниками, — раздѣловъ, произведенныхъ скабинами. Если бы даже манзъ, временно распавшійся между двумя или тремя наслѣдниками, снова поступилъ цѣликомъ въ руки одной семьи, установленные обычаемъ платежи (consuetudines) продолжали бы взиматься не съ одного, а со всѣхъ тѣхъ манзовъ, на которые распадается вновь достигшій единства надѣлъ [1]). Этотъ фискальный интересъ объясняетъ намъ причину той искусственной правильности, которая характеризуетъ надѣльную систему, несмотря на постоянное расширеніе какъ личнаго, такъ и имущественнаго состава помѣстій, вслѣдствіе естественнаго размноженія жителей и совершенія новыхъ корчевокъ. Тѣмъ или другимъ порядкомъ образовавшіеся дворы, все равно, заняты ли они крѣпостными или свободными, вводятся въ существующую систему надѣловъ и служатъ источникомъ образованія новыхъ манзовъ.

Съ каждымъ поколѣніемъ отступаетъ на задній планъ то различіе, какое создаетъ между манзами сословное положеніе занимающихъ ихъ дворовъ. Рѣшительный перевѣсъ берутъ экономическія различія, выражающіяся въ томъ, что одни манзы платятъ частью своихъ продуктовъ (terrae ad societatem seu ad terragium), другіе вносятъ разъ навсегда выговоренную ренту, играющую роль своего рода выкупа, — откуда и названіе «mancipii ad redemptionem» [2]).

Половничество, передаваемое терминомъ сдачи земли ad societatem, предполагаетъ еще въ это время хозяйскую помощь съемщику въ формѣ снабженія его помѣщикомъ двумя третями нужнаго для посѣва зерна [3]). Хотя въ разбираемомъ памятникѣ и не говорится, въ видѣ общаго правила, о томъ, какую часть урожая половникъ отдаетъ помѣщику [4]), но позднѣйшая практика и упоминанія, дѣлаемыя какъ Бур-

---

[1]) См. стр. 194.

[2]) См стр 251 и 264.

[3]) Ibid., стр. 366.

[4]) Въ одномъ помѣстьи (Fraxinu) указано, однако, полученіе монастыремъ dues partes segetum (стр. 366); но это, очевидно, не могло быть общимъ правиломъ

гундской, такъ и Вестготской Правдой о сдачѣ земель съ трети, даютъ право думать, что terragium рѣдко когда превышалъ этотъ размѣръ. Совпаденіе вестготскаго и бургундскаго кодексовъ въ вопросѣ о половничествѣ, очевидно, не можетъ быть случайнымъ; оно указываетъ на то, что въ эпоху, предшествующую германскимъ поселеніямъ въ Галліи, платежъ $^1/_3$ урожая уже вошелъ въ практику; а если такъ, то не удивительно, что и въ области, занятой франками, удержался тотъ же размѣръ, хотя Салическая и Рипуарская Правды не обмолвились на этотъ счетъ ни единымъ словомъ [1])

Сверхъ ренты, hospites несутъ еще своего рода общественныя помочи въ пользу помѣщика. Хотя хартуларій и говоритъ о барщинѣ, «corveiae», но это слово невѣрно передаетъ характеръ тѣхъ обязательствъ, которыя имъ подразумѣвались. Крестьянская барщина, какъ мы знаемъ, занимаетъ нѣсколько дней въ недѣлю; помочи же, о которыхъ идетъ рѣчь, требуютъ затраты всего на всего нѣсколькихъ дней въ году Въ одномъ помѣстьи говорится о трехъ «corveitz in anno» [2]), въ другомъ о четырехъ [3]), въ третьемъ также о четырехъ, длящихся только каждая два дня [4]). Эти помочи состоятъ въ обкапываніи пашни до момента, когда хлѣбъ начнетъ колоситься (ante segetes); въ молотьбѣ одинъ день—засѣяннаго пшеницей, а другой—отведеннаго подъ овесъ поля; наконецъ, въ вывозѣ навоза или мергеля и въ разбрасываніи его по пару [5]).

Всѣ эти работы были бы не нужны, если бы въ любомъ изъ мо-

---

[1]) Вотъ подлинныя выраженія Бургундской и Вестготской Правды о половникахъ: Lex Visigothorum, книга X, титулъ I, § 15 Qui accolam in terram suam susceperit et posmodum contingat ut ille qui susceperat circunque tertiam reddat similiter censiant et illi qui suscepti sunt, sicut et patroni eorum, qualiter unum quemque contigerit. Lex Burgundionum,—титулъ LVII, въ которомъ говорится о burgundionis libertus, который nec tertiam a romanis consecutus est, т. е не получилъ земли отъ римлянъ съ трети (См Binding, Geschichte des Burgundisch—Romanischen Königreichs, стр. 32 и 33) То обстоятельство, что въ древнѣйшихъ городскихъ статутахъ Ломбардіи также заходитъ рѣчь о tertiatores, и что тотъ же платежъ третьей части урожаевъ является обычнымъ на земляхъ монастырей Фарфы, Кавы и другихъ обителей въ теченіе VIII, IX и X столѣтій, только укрѣпляетъ въ насъ увѣренность, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ общераспространеннымъ въ Римской имперіи обычаемъ сдавать земли, какъ мы бы выразились, съ третьей копны.

[2]) См стр. 248 и 264

[3]) Ibid, стр. 273.

[4]) Ibid, стр. 303

[5]) Ibid, стр. 359

настырскихъ помѣстій, на ряду съ terra servilis, т е. поступившей въ надѣлы землею. не имѣлась еще terra dominicata, т. е. совокупность участковъ въ личномъ завѣдываніи монастыря и подъ управленіемъ поставленнаго отъ него villicus или praepositus. Величина этихъ участковъ обозначается обыкновенно числомъ необходимыхъ для ихъ вспашки тяжелыхъ плуговъ, откуда выраженіе—terra ad tres carrucas; лежатъ эти участки въ нѣсколькихъ конахъ (in tribus, in quatuor culturis); воздѣлываются они тѣми изъ крѣпостныхъ крестьянъ, которые не выкупились отъ барщины (mancipii redempti), да еще общественными помочами всего помѣстнаго населенія, не исключая и свободныхъ hospites.

Кромѣ пахотной земли, въ составъ помѣстья входятъ также луга и пастбища; они принадлежатъ къ землямъ, удержаннымъ въ личномъ завѣдываніи помѣщика, который, однако, допускаетъ изъ милости къ пользованію травою и выпасомъ бѣднѣйшихъ изъ числа мѣстныхъ уроженцевъ. Указанъ и самый размѣръ этого пользованія: каждый изъ бѣдныхъ можетъ присвоить себѣ столько травы, сколько въ состояніи унести съ собою въ охапкѣ. Строго запрещается являться на лугъ съ подводой, не получивши на то спеціальнаго разрѣшенія отъ помѣстныхъ чиновниковъ, въ частности, отъ такъ называемаго cellerarius, которому поручено высшее завѣдываніе хозяйственными интересами обители. На того же целерарія падаетъ обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы живущіе по сосѣдству съ лугомъ или степью крестьяне не прихватывали себѣ участковъ.

Что касается до выгоновъ, порядокъ пользованія ими опредѣляется издаваемыми настоятелемъ или аббатомъ административными регламентами, banna. Тѣ же banna заключаютъ въ себѣ предписанія и касательно пріуроченныхъ къ помѣстью рыбныхъ улововъ Какъ общее правило, послѣдніе принадлежатъ исключительно монастырю [1]). Отсюда—запретъ частнымъ лицамъ опускать неводы и сѣти на протяженіи рѣкъ и озеръ, входящихъ въ составъ монастырскаго помѣстья, или заводить на нихъ рыбачьи лодки. Надзоръ за соблюденіемъ этого запрета лежитъ на целераріи, который долженъ не только рвать и истреблять всѣ приспособленія къ поимкѣ рыбы, но и производить обходъ крестьянскихъ дворовъ съ цѣлью убѣдиться, что никто не укрываетъ рыбы въ окружающихъ рвахъ и вообще всюду, гдѣ имѣется проточная вода. Виновные подлежатъ штрафованію, при чемъ целерарій отправляетъ свои судебныя обязанности въ сообществѣ особыхъ помѣстныхъ чиновниковъ, приставленныхъ къ монастырской кухнѣ.

---

1) Piscatio universa S. Vedasti est (Ibid., стр. 345).

На всемъ протяженіи рѣки запрещается также дѣлать частные садки или запруды— подъ высокимъ штрафомъ въ 60 солидовъ. Наконецъ, нельзя держать на монастырскихъ водахъ утокъ и лебедей, какъ вредныхъ для рыбы птицъ, подъ страхомъ конфискаціи; но монастырь можетъ даровать эту льготу, облагая каждый дворъ полцыпленкомъ [1]).

Весьма доходную статью представляютъ вотчинныя мельницы и хлѣбопекарни. Въ рѣдкомъ помѣстьи мы не находимъ furnum или molendinum, весьма часто встрѣчаемъ и то, и другое. Помѣщикъ обыкновенно не самъ эксплоатируетъ свои мельницы, а сдаетъ ихъ въ аренду, выговаривая, что жители обязаны отдавать свой хлѣбъ на помолъ никому иному, какъ съемщику, взамѣнъ чего послѣдній долженъ даромъ молоть помѣщичій хлѣбъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца, не дѣлая никакихъ вычетовъ за помолъ, absque moltura [2]). Но попадаются случаи удержанія мельницъ и въ личномъ управленіи монастыря. При этомъ, завѣдываніе ими поручается подъ предсѣдательствомъ целерарія особымъ служителямъ по назначенію чиновниковъ, приставленныхъ къ монастырской кухнѣ; они судятъ случаи примѣси мельникомъ всякаго рода суррогатовъ, а также—произвольнаго повышенія имъ вычета за помолъ, какъ и всякаго другого обмана. Размѣръ вознагражденія, получаемаго аббатствомъ отъ тѣхъ, кто доставляетъ хлѣбъ на его мельницы, опредѣляется целераріемъ. Онъ возрастаетъ или падаетъ сообразно прибыли или убыли воды. На того же целерарія возлагается обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы подвозящіе хозяйскій хлѣбъ на мельницу не слишкомъ обременяли ословъ. Когда дурное состояніе дорогъ требуетъ облегченія вьючныхъ животныхъ, целерарій приказываетъ уменьшать нагрузку. Кто воспротивится этому приказу, платитъ пеню. Тотъ же, по чьей винѣ послѣдуетъ смерть осла, призывается къ отвѣту въ присутствіи лицъ, приставленныхъ къ завѣдыванію монастырской кухнею; чтобы снять съ себя отвѣтственность, онъ долженъ принести присягу въ томъ, что не причинилъ погибшему животному никакого вреда [3]). Мельникъ получаетъ отъ помѣщика извѣстное число вьючныхъ животныхъ, мельничные жернова и строительный матеріалъ, необходимый для ремонта [4]). Дорожа мельницами, помѣщики, очевидно, должны были преслѣдовать всякій отводъ воды изъ тѣхъ рѣкъ, на которыхъ ихъ мельницы

---

[1]) См стр 347 и 345
[2]) Ibid, стр 261.
[3]) Ibid, стр 346.
[4]) Ibid, стр 197.

были расположены. И дѣйствительно, мы находимъ въ хартуларіи прямое постановленіе на тотъ случай, если кто вздумаетъ не только перебросить мостъ черезъ рѣку, но и отвести изъ нея воду безъ спеціальнаго разрѣшенія монастыря.

Другую доходную статью составляетъ право облагать особымъ сборомъ, theloneum, всѣ производимыя на рынкѣ продажи и покупки. Кто уклонится отъ этого сбора, можетъ быть задержанъ не только въ городѣ Аррасѣ, но и за его предѣлами. Штрафъ въ размѣрѣ 60 солидовъ взыскивается съ него помимо обращенія въ судъ или вмѣшательства городскихъ властей, скабиновъ. Хартуларій очень подробно останавливается на опредѣленіи самаго размѣра рыночныхъ сборовъ, при чемъ высказываетъ правило, по которому эти сборы не падаютъ на крѣпостныхъ, обложенныхъ цензомъ или поголовнымъ сборомъ. Всѣ же остальные, разъ они что-либо продаютъ или покупаютъ, обязаны платить [1]). Вмѣстѣ съ рыночнымъ сборомъ взимается и особый платежъ за провѣсъ, обыкновенно въ размѣрѣ одного динарія. Крестьяне, свободные отъ theloneum, пользуются помѣстными вѣсами, платя вдвое меньше [2]). Рыночный сборъ принимаетъ форму то натуральнаго, то денѣжнаго платежа Желѣзникъ, изготовляющій косы, заступы или топоры, какъ и ножевщикъ — обязаны ставить ежегодно монастырю всего на всего одну косу, одинъ заступъ, одинъ ножъ и одинъ топоръ. Другіе ремесленники, продающіе свои товары на рынкѣ, платятъ столько-то за мѣсто (stallus). Торгуютъ у прилавка суконщики, полотнянщики, торговцы шерстью, старьевщики, веревочники, кузнецы, кожевники, торговцы воскомъ. Большинство платитъ по одному динарію въ мѣсяцъ; только кузнецы обложены годовымъ поборомъ въ четыре динарія въ праздникъ монастырскаго патрона, а торговцы свѣчей—тремя солидами въ годъ. Сверхъ платежа за мѣсто, взыскивается столько-то отъ сотни барашечьихъ мерлушекъ (4 динарія) и столько-то отъ сотни кошачьихъ или кроликовыхъ шкуръ (2 динарія). Тулупъ изъ барашка обложенъ однимъ динаріемъ, кожа оленя—половиной. Съ извѣстныхъ товаровъ взыскивается сообразно ихъ вѣсу; это имѣетъ мѣсто въ отношеніи къ меду, оливковому или коровьему маслу, хлѣбу, рыбѣ, фруктамъ, желѣзу и стали; съ другихъ — сообразно

---

[1]) Omnes ibi qui sunt de censu S Vedasti sunt liberi a thelones et omnes illi qui non sunt de censu debent theloneum si fuerint mercatores

[2]) Unum denarium pro tonagio de theloneo ab his qui theloneum debent ab illis vero qui non debent 1 obolus (Ibid., стр. 165 и слѣд.).

ихъ цѣнѣ; такъ, съ шерсти на сумму въ пять солидовъ или съ неводовъ на ту же сумму полагается платить одинъ динарій. Отмѣтимъ, что въ числѣ обложенныхъ по вѣсу товаровъ различается сыръ фламандскій и англійскій. Нѣкоторые предметы обложены столько-то съ подводы, большой или малой (charreta и charrus). Въ этомъ положеніи находится вино, соль, зола, нерѣдко также хлѣбъ и фрукты, наконецъ деревянная посуда, vasi lignei. Для продажи всѣхъ съѣстныхъ продуктовъ отведены особыя стойки, обложенныя ежемѣсячно полудинаріемъ. Со скота взносъ половинный: два динарія съ лошади, одинъ съ коровы и т д. Эти сборы несутъ всѣ продавцы и покупатели, не исключая и крѣпостныхъ крестьянъ. Мясники платятъ за доставленную извнѣ солонину въ размѣрѣ одного динарія съ пяти солидовъ цѣны. Готъ же платежъ полагается и съ зарѣзаннаго ими кабана; съ молочнаго поросенка взыскивается только половина [1])

Нѣкоторые изъ рыночныхъ сборовъ сданы въ ленъ аррасскому кастеляну; такъ, напримѣръ, тѣ, которыми обложены желѣзо, подковы, косы, заступы [2]),—обстоятельство, благодаря которому косари, какъ туземные, такъ и пришлые, обложены сборомъ въ одинъ динарій [3]). Помимо рыночныхъ взносовъ, ремесленники дѣлаютъ еще извѣстныя приношенія благотворительнаго характера церкви Св. Михаила въ храмовой праздникъ, вѣроятно, потому, что этотъ святой избранъ ими въ патроны; въ этомъ положеніи находятся, помимо мясниковъ и мельниковъ, производители уздечекъ (lorimerii) и стригуны. Что касается веревочниковъ, то они дѣлаютъ тѣ же взносы на милостыню въ серединѣ Великаго поста [4]).

Всѣ эти подробности интересны для насъ потому, что, вмѣстѣ съ указаніемъ на благотворительныя сообщества купцовъ и ремесленниковъ, онѣ дополняютъ еще картину промышленнаго и торговаго устройства помѣстья въ серединѣ XII-го столѣтія, т. е. въ эпоху, какъ разъ предшествующую появленію цеховыхъ порядковъ въ Парижѣ и другихъ городахъ королевства.

Остановившись подробно на описаніи хозяйственныхъ порядковъ, заведенныхъ на земляхъ аббатства Св. Васта въ Артуа, мы получили возможность ограничить дальнѣйшіе поиски въ источникахъ тѣми только сторонами помѣстной жизни, которыя недостаточно освѣ-

---

[1]) См. стр. 165 и слѣд.
[2]) Ibid, стр. 241
[3]) См. стр 299
[4]) Ibid., стр 335.

щены въ представленной выше картинѣ. Прежде всего, мы желали бы отмѣтить тотъ фактъ, что и въ столѣтія, слѣдующія за распаденіемъ имперіи Карла Великаго, какъ и въ предшествующее этому распаденію время, помѣстье продолжаетъ оставаться конгломератомъ не однихъ несвободныхъ, но и свободныхъ держаній Чѣмъ ближе мы знакомимся съ содержаніемъ хартуларіевъ, полиптиковъ, сензіе, тѣмъ болѣе и болѣе мы выносимъ убѣжденіе въ ошибочности той теоріи, которая думаетъ, что подъ покровомъ феодальной системы нельзя открыть глубокихъ слѣдовъ старинныхъ свободныхъ общинъ, которыхъ члены только передали себя подъ защиту и покровительство могущественныхъ сеньеровъ, но старались, въ то же время, сохранить возможно больше остатковъ своей первоначальной независимости, какъ личной, такъ и имущественной.

Особенно многочисленны эти представители свободнаго состоянія въ области поселеній бургундовъ и вестготовъ. Alodarius — довольно обычный терминъ въ грамотахъ церкви Св Виктора въ Марселѣ XI-го столѣтія. Они не несутъ барщины и ограничиваются платежомъ ренты частью продуктовъ да еще натуральными приношеніями, установленными обычаемъ или соглашеніемъ и состоящими въ овцахъ и свиньяхъ или въ ихъ денежной выкупной суммѣ. Все отличіе этихъ лицъ отъ свободныхъ въ дѣлѣ распоряженія имуществомъ состоитъ въ томъ, что имъ запрещено производить отчужденія безъ согласія помѣщика, который пользуется по отношенію къ ихъ алодамъ правомъ предпочтительной покупки. Право это прямо выражено въ одной грамотѣ 1040 года, гласящей, что alodarii означенныхъ въ ней помѣстій не уполномочены продавать свои алоды иначе, какъ съ совѣта и согласія аббата Св. Виктора [1]).

Между владѣльцами алодовъ и феодальными собственниками возникаютъ часто соглашенія, имѣющія цѣлью опредѣлить имущественное и общественное положеніе первыхъ въ предѣлахъ помѣстья. Образецъ такого соглашенія сохранила намъ грамота 1025 года, касающаяся мѣстности Almis, исключительно занятой такими независимыми собственниками. Она говоритъ, что еще при отцѣ марсельскаго вицеграфа Вильгельма алодіальные владѣльцы согласились уступить въ пользу монастыря Св. Виктора на вѣчныя времена половину той tascha или части урожая [2]), какая поступаетъ съ ихъ алодовъ, въ

[1]) См Cartulaire de S. Victor de Marseil, изданный Guérard, т I, № 58.

[2]) Marion указываетъ въ своихъ prolegomena хартуларію каѳедральной церкви въ Гренобль, что tascha въ южной Франціи отвѣчаетъ champart сѣверной (стр LXVII).

виду того, что обработку этихъ алодовъ взялъ на себя самъ монастырь со своими людьми, homines По прошествіи 16 лѣтъ алодіаріи сочли такую сдѣлку для себя невыгодной и рѣшили забрать всю землю въ свои руки, до чего не допустили ихъ монахи; тогда они обратились съ жалобой къ вице-графу Марселя, который утвердилъ прежнее соглашеніе; по этому случаю составлена была и запись тѣхъ натуральныхъ приношеній, какія признаны были обязательными для алодіаріевъ въ пользу монастыря, какъ ихъ сюзерена (по всей вѣроятности, въ вознагражденіе за право выпаса свиней и овецъ въ его лѣсахъ и пустошахъ). Одинъ поставляетъ ежегодно кабана и барашка, другой—всего половину того и другого; остальные, взамѣнъ этихъ приношеній, вносятъ—кто четыре, кто шесть, кто восемь динаріевъ ежегодно [1]). Въ XI-омъ столѣтіи алоды въ предѣлахъ Прованса и Тулузской области еще весьма многочисленны. Въ дарственныхъ и купчихъ постоянно говорится объ отчужденіи того, чѣмъ кто владѣетъ de alode [2]).

Въ документахъ, относящихся къ исторіи Валлиса, можно найти любопытный актъ XIII-го столѣтія, въ которомъ бальифъ, поставленный во главѣ одного изъ селеній, принадлежащихъ епископу сіонскому (sidunensis episcopus), объявляетъ подъ присягою, что жители и всѣ ихъ предки sunt liberi allidotarii, въ просторѣчіи aigenleüin (eigenleute); поэтому отъ нихъ нельзя требовать никакихъ повинностей, за исключеніемъ 11 динаріевъ, платимыхъ ими ежегодно сообща, очевидно, въ знакъ признанія сюзеренитета епископа [3]).

Полная или алодіальная собственность удержалась въ бо́льшей или меньшей степени на протяженіи всѣхъ земель, входившихъ нѣкогда въ составъ имперіи Карла Великаго. Мы встрѣчаемъ терминъ алодъ и въ пожалованіяхъ, сдѣланныхъ аббатству д'Орваль въ Бельгіи [4]) въ серединѣ XII-го вѣка, и на земляхъ монастыря Св. Іоанна de Vineis въ Суасонѣ въ XII-омъ вѣкѣ [5]), и во владѣніяхъ церкви Св.

---

[1]) Ibid, грам. № 99 и 96

[2]) См грам 994—1032 г., № 207, грам. 1032 г., № 237, грам. 1038 г, № 293. грам. 1053 г., № 294, грам. 1064—1079 г., № 292, грам 1060 г, № 466 грам. безъ обозначенія года, но принадлежащую къ XI-му вѣку, № 524.

[3]) См. Libertés des hommes de Biel, 1277 г. 6 марта.—См. Mémoires et documents pour servir à l'histoire de la Suisse Romande, т XXX.— Documents relatifs à l'histoire du Vallais, publiés par Gremaud, часть II, стр. 255.

[4]) См Collection des Chroniques Belges, Cartulaire de l'abbaye d'Orval, publié par Goffinet. Bruxelles, 1879 г. См грам. № 3, 16, 29.

[5]) Ms. Bibl Nat, Fonds latins, № 1000, fol 20, грам 1110 г.

Киприана въ Пуату [1]) въ томъ же XII-омъ столѣтіи. Объ алодѣ же говоритъ и хартуларій графства Баръ ле Дюкъ въ грамотахъ первой половины XIII вѣка [2]), и рядъ подобныхъ же памятниковъ изъ Франшъ Контэ, считая въ этомъ числѣ и сборникъ грамотъ знаменитаго аббатства Клерво, и хартуларій Гуга Шалонскаго [3]). Можно было бы, разумѣется, умножить произвольно число выписокъ, указывающихъ на присутствіе свободныхъ собственниковъ едва-ли не на протяженіи всей Франціи; но это было бы излишней роскошью; мы уже видѣли, что еще въ IX вѣкѣ аббатъ Ирминонъ, составляя опись земель и владѣній монастыря Сенъ Жерменъ, отмѣчалъ существованіе, на ряду съ mansi serviles, и mansi ingenuiles. другими словами, надѣловъ, занятыхъ лицами свободными. То же дѣлалъ столѣтіе спустя составитель полиптика земель и владѣній, принадлежавшихъ аббатству de la Chapelle aux Planches въ діоцезѣ Труа [4]).

---

[1]) Ms. Bibl Nat, Fonds latins, Cartulaire de S Cyprien de Poitou, fol 102, 106, № 91, 94, 96.

[2]) Ms Bibl Nat, Fonds latins, Cartulaire du comté de Bar le Duc, fol. 251.

[3]) Ms Bibl Nat, Fonds latins, № 10947, Chartularium monasterii Clarae Vallis (XIII s.), fol. 257 — Ms Bibl. Nat, Fonds Moreau, № 889, Cartulaire de Hugues de Châlons (стр 220).

[4]) См. Collection des principaux cartulaires de diocèse de Troyes, par l'abbé Lalore, т. IV. Chartes de Montierender: Aspiciunt ad ipsum mansum mansa ingenuilia 13 etc Такіе свободные манзы указаны почти во всѣхъ виллахъ, о которыхъ говорится въ цитируемомъ полиптикѣ; число ихъ иногда достигаетъ цифры 25, 33 и 36, что уже одно не позволяетъ видѣть въ нихъ рѣдкой случайности.

ГЛАВА XVIII

Общинныя пользованія во Франціи XII и XIII вв.

§ 1

Мы не находимъ во Франціи термина «марка». Но слѣдуетъ ли отсюда, что обнимаемое этимъ терминомъ понятіе нераздѣльной площади, состоящей въ общемъ пользованіи одного или нѣсколькихъ селъ, а также—частныхъ собственниковъ, было чуждо ея земельнымъ порядкамъ? Нисколько. Мы покажемъ на цѣломъ рядѣ примѣровъ изъ разнообразнѣйшихъ провинцій, что лѣса и пустоши открыты были праву общиннаго и частнаго въѣзда, что окрестные жители, безъ различія собственниковъ и владѣльцевъ, духовныхъ рыцарей, свободныхъ и крѣпостныхъ, извлекали изъ этихъ лѣсовъ матеріалъ для топлива и для построекъ, пасли въ нихъ стада свиней, отправляли въ нихъ право охоты и пользовались ими для своихъ заимокъ, обращая въ хутора и села непроходимыя дотолѣ дебри и пущи. Это пользованіе каждый разъ выдается за старинное, «ex antiquitate»; регулирующій его обычай считается установленнымъ предками (consuetudo ancestrorum). Все говоритъ въ пользу того, что общинныя угодья XVI-го вѣка, usanziae и comunia, восходятъ къ эпохѣ древнѣйшихъ грамотъ Меровинговъ и Карловинговъ, которыя также не создаютъ ихъ впервые, а только констатируютъ ихъ существованіе, передавая, вмѣстѣ съ помѣстьями и манзами, составляющіе къ нимъ appendicium, или принадлежность, лѣса, пустоши и совладѣнія, comunia—терминъ, употреблявшійся еще, какъ мы видѣли, въ сборникахъ формулъ VIII и IX вѣковъ.

Мы узнаемъ о внутреннихъ распорядкахъ, регулирующихъ отношенія частныхъ собственниковъ и сельскихъ общинъ къ тому или другому лѣсу, обыкновенно по поводу препирательствъ, вызываемыхъ

присвоеніями отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ деревень. Короли и правители наряжаютъ слѣдствія, своего рода повальные обыски; жители призываются къ свидѣтельствованію; съ ихъ словъ производится запись мѣстныхъ обычаевъ и послѣдовавшихъ съ теченіемъ времени частныхъ соглашеній, нерѣдко отмѣняющихъ или видоизмѣняющихъ эти обычаи. Третейскимъ разбирателямъ, избраннымъ сторонами, или королевскимъ судьямъ приходится постановлять окончательный приговоръ, то возстановляющій старинные порядки, то предписывающій производство раздѣла. Каковъ бы ни былъ исходъ тяжбы, приводимыя сторонами соображенія вполнѣ достаточны для раскрытія дѣйствительнаго характера общинныхъ пользованій, источника ихъ происхожденія и тѣхъ самопроизвольныхъ причинъ, связанныхъ съ ростомъ населенія и развитіемъ сельскохозяйственной утилизаціи почвы, которыя заставляютъ полагать конецъ прежней неопредѣленности правъ и переходить къ регулированнымъ закономъ отношеніямъ собственности или пользованія.

Монастырскіе хартуларіи, ставящіе себѣ задачей соединить воедино всѣ тѣ акты, на которыхъ опираются права обителей на землю, бросаютъ нерѣдко косвенный свѣтъ и на тѣ общинные распорядки, которыми регулировано было пользованіе крестьянъ еще до перехода ихъ во власть духовныхъ корпорацій. Возьмемъ для примѣра хартуларій аббатства Орьаль. Значительная часть его грамотъ принадлежитъ второй половинѣ XII и первой—XIII столѣтія. Владѣнія монастыря лежатъ въ той сѣверо-восточной окраинѣ, которая нынѣ вошла въ составъ Бельгіи, а въ XII и XIII вѣкѣ зависѣла отъ частныхъ феодаловъ, начиная отъ графовъ Шини, сеньеровъ Дуна и Консъ, и кончая графомъ Люксембургскимъ и герцогомъ Лотарингскимъ. Обширныя владѣнія аббатства составились постепенно и по частямъ Мелкіе алодіальные владѣльцы и крупные феодалы надѣлили его, кто унаслѣдованной отъ предковъ, а кто и служилой землею. О многихъ говорится: «дали, что имѣли»; другіе выступаютъ какъ соучастники въ общемъ владѣніи (particіpes), и самое это владѣніе названо алодомъ, т. е. свободной собственностью; въ этихъ рядахъ стоитъ нѣсколько дворовъ, занятыхъ семейными общинами и ограниченныхъ поэтому въ распоряженіи землею общимъ согласіемъ родственниковъ; всѣ они живутъ въ одной и той же мѣстности, называемой алодомъ «de Namenay». Они дарятъ аббатству или обмѣниваютъ съ нимъ расположенныя въ предѣлахъ этого алода земли, уступая ему, въ то же время, usuaria въ сосѣднемъ лѣсу Berlinchamp и pascua, при чемъ эти usuaria et pascua считаются каждый разъ принадлежностью отчуждае-

мыхъ участковъ. Лѣсъ не входитъ, однако, въ предѣлы алода de Namenay и отдѣленъ отъ него особой межой [1]).

Какъ не видѣть въ этихъ уступающихъ свои земли алодіальныхъ владѣльцахъ, пользующихся сообща сосѣднимъ, но не входящимъ въ районъ ихъ селенія лѣсомъ,—мелкихъ собственниковъ, сохранившихъ общинныя права въ предѣлахъ лѣсныхъ угодій? Эти послѣднія открыты и пользованію сосѣдняго феодальнаго сеньера, Comon sire de Honse, который ради спасенія своей души надѣляетъ usuaria nemoris и старинными очистками, въ этомъ лѣсу произведенными, аббатство Орваль. Графъ Шини имѣетъ на тотъ же лѣсъ также извѣстныя права, которыя, по его собственному признанію, достались ему вмѣстѣ съ землями и сѣнокосами въ алодѣ Namenay отъ свободныхъ людей, liberi homines, т. е. уже упомянутыхъ нами алодіальныхъ владѣльцевъ. И этотъ феодалъ владѣетъ въ лѣсу извѣстными землянками и расчистками, novalia, которыя переходятъ теперь къ монастырю «ad ea extirpanda et perpetuo jure colenda et possidenda». Послѣднее надѣленіе происходитъ не въ собственность, а въ наслѣдственное пользованіе, подъ условіемъ платежа terrage со всѣхъ новыхъ корчевокъ; наоборотъ, выпасы для коровъ и рабочаго скота, а также для питаемыхъ желудемъ свиней — объявлены свободными отъ всякихъ поборовъ (такъ назыв panages), точно такъ же, какъ и рубка дровъ и строительнаго матеріала Все, къ чему обязываются монахи, сводится къ поставкѣ одного хлѣба отъ каждаго воза дровъ; эти хлѣбы идутъ въ пользу лѣсного стража [2]).

Передъ нами, такимъ образомъ, довольно характерный примѣръ нераздѣльной марки, которой недостаетъ только названія. Частные собственники и члены свободныхъ сельскихъ общинъ пользуются лѣсною площадью не только для топлива и построекъ, не только для выпаса скота и откорма свиней, но и для постепеннаго расширенія сельскохозяйственной культуры путемъ корчеванія; цѣлые хутора возникаютъ въ предѣлахъ лѣса благодаря поднятію нови, или novalia, о которыхъ упоминаетъ одна изъ приведенныхъ уже грамотъ Монастырь находитъ въ основаніи такихъ лѣсныхъ хуторовъ постоянный источникъ къ расширенію своихъ частновладѣльческихъ правъ, что, разумѣется, рано или поздно приводитъ его интересы въ столкновеніе

---

1) Въ одной грамотѣ мы читаемъ отчуждаю то-то и то-то usque ad terminum dividentem allodium de Namenay et nemus Berluncampanae (Cartulaire de l'abbaye d'Orval, publié par Goffinet, Bruxelles, 1879 г).

2) См. грам. № 16, 22, 28, 29, отъ, 1153, 1162, 1172 и 1175 г.

съ интересами прочихъ общинниковъ. Въ грамотахъ конца XII и начала XIII столѣтій уже предвидится возможность такого конфликта. Надѣляя обитель pascua sua de Lusei и aisantiae in silva eiusdem villae, Готфридъ, сеньеръ Дуна, предвидитъ возможность причиненія монастырскимъ скотомъ вреда посѣвамъ и сѣнокосамъ людей данной villa. Въ этомъ случаѣ, говоритъ онъ, необходимо, чтобы пострадавшіе были вознаграждены согласно обычаю, какому слѣдуютъ между собою сосѣди, vicini [1]).

Мы узнаемъ изъ сказаннаго, что жители селенія имѣютъ свои мѣстные обычаи, регулирующіе, между прочимъ, отвѣтственность за потравы. Изъ одного акта 1198 года видно, что такіе же homines, которыхъ графиня Шпни, Софья, и ея сынъ, Людовикъ, считаютъ своими, nostri, т. е. состоящими отъ нихъ въ феодальной зависимости, передаютъ въ вѣчное владѣніе монастыря пустоши, служащія пастбищемъ, подлежавшія дотолѣ общинному пользованію всѣхъ жителей ихъ villa и porcheia de Morei [2]) Они дѣлаютъ это потому, что монахи уже обратили пустоши въ сѣнокосъ, очевидно, съ вѣдома и согласія феодальнаго сеньера, принимающаго на себя и гарантію крѣпости произведеннаго жителями даренія. Распоряжаясь въ пользу монастыря принадлежащимъ имъ правомъ выпаса, отдѣльныя лица оговариваются, что уступаютъ ему только то, чѣмъ владѣютъ pro sua parte [3]), иначе говоря, что они уступаютъ лишь свою долю общиннаго пользованія; при этомъ, нерѣдко слѣдуетъ прибавка, что права прочихъ сосѣдей, или вициновъ, въ этихъ пастбищахъ остаются неприкосновенными (salva vicinorum indempnitate) [4]). Упоминается также не разъ о запретѣ причинять выпасомъ вредъ посѣвамъ и сѣнокосамъ, разъ эти послѣдніе стоятъ подъ спеціальной защитой (in prohibitione banali positorum). Въ предѣлахъ этихъ защитъ возможенъ, однако, совмѣстный выпасъ для стадъ двухъ или нѣсколькихъ земельныхъ собственниковъ, разъ на этотъ счетъ состоялось особое соглашеніе. Такой случай мы имѣемъ въ 1245 году въ грамотѣ Эрмезинды, графини Люксембургской, объявляющей, что между аббатствомъ Орваль и Гильемомъ de Deluze условлено слѣдующее: скотъ обоихъ собственниковъ равно допу-

---

[1]) Грам. № 72, въ которой говорится объ aisantiae in sylva eiusdem villae, scilicet quod vulgo dicitur „mort bois“.

[2]) Ibid, № 79· tradidit pasturas quasdam vacuas et sibi olim communes aisantias eiusdem villae adjacentes

[3]) Ibid., № 173.

[4]) Ibid, № 163.,

скается къ выпасу въ границахъ двухъ защитъ, изъ которыхъ одна принадлежитъ сеньеру de Deluze, а другая аббатству [1]). Такимъ образомъ, и въ позднѣйшую эпоху раздѣловъ и соглашеній продолжаютъ держаться слѣды старинныхъ марокъ, открытыхъ общинному пользованію всѣхъ сосѣдей.

Хартуларій знаменитаго аббатства Клерво отъ середины XIII-го столѣтія тоже ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ обширными лѣсными угодьями, подлежащими пользованію многихъ, какъ свободныхъ, такъ и помѣстныхъ общинъ. Въ 1203, 1226, 1236 и 1241 годахъ происходятъ разверстки этихъ дачъ, вызванныя продолжительными препирательствами изъ-за размѣровъ пользованія Прежде всего, полагается конецъ совладѣнію во всемъ, что касается откорма свиней желудемъ, такъ что раздѣлъ не затрогиваетъ ни права выпаса, ни права собирать валежникъ [2]). Въ числѣ лицъ, предъявляющихъ притязаніе на usuaria, мы находимъ и свободную общину, communitas hominum de Monceons. При посредствѣ Лимбургскаго епископа, столкновеніе, вызванное совмѣстнымъ участіемъ монастырскаго люда и жителей этой общины въ пользованіи лѣсомъ, оканчивается такъ: обитель соглашается разбить одну лѣсную дачу на три участка, изъ которыхъ homines de Monceons въ правѣ выбрать для себя одинъ; другая дача разбивается на шесть участковъ, при чемъ выборъ принадлежитъ уже аббатству, и община Monceons сохраняетъ за собою только одну шестую; съ момента размежевки прекращается совмѣстный выпасъ и откормъ свиней желудями [3]). Двѣ другія общины тщетно добиваются признанія за ними такихъ же правъ. Судьи высказываются противъ, налагая на нихъ, какъ значится въ грамотѣ, обязанность вѣчнаго молчанія по поднятому вопросу—«perpetuum silentium imposuerunt» [4]). Подобный же приговоръ кладетъ конецъ однохарактернымъ притязаніямъ communitas hominum de Ponte [5]).

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1256 году, споръ жителей прихода Св. Эвлаліи съ обителью оканчивается признаніемъ за первыми правъ пользованія въ монастырскихъ лѣсахъ подъ условіемъ ежегоднаго

---

[1]) Ibid., № 261,

[2]) Cartulaire du monastère de Clairvaux, Bibl Nat, Fonds latins, № 10947, Capitula cartarum de Borda (fol 190): Pastura omni tempore communis erat eisdem hominibus et fratribus antedictis.

[3]) Ibid., fol 189.

[4]) Ibid., fol. 127.

[5]) Ibid., fol. 55

платежа каждымъ четырехъ динаріевъ. При постановкѣ приговора принята во вниманіе практика послѣднихъ десяти лѣтъ [1]).

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что общинные сервитуты имѣютъ двоякій источникъ происхожденія: одни опираются на стародавній обычай, другіе на позднѣйшую практику, установленную съ вѣдома и согласія собственника; въ послѣднемъ случаѣ они обыкновенно являются не безвозмездными.

Наши первые два примѣра взяты изъ Бельгіи. Заимствуемъ слѣдующіе изъ сосѣдняго къ Парижу департамента Сены и Марны. Въ рукописяхъ національной библіотеки сохранилось два кодекса XIII-го вѣка, изъ которыхъ одинъ извѣстенъ подъ именемъ хартуларія графини Бланшъ и написанъ приблизительно въ 1220 году, а другой озаглавленъ хартуларіемъ Шампани и возникъ въ серединѣ XIII-го столѣтія [2]). Нѣкоторыя грамоты воспроизведены въ обѣихъ рукописяхъ, но въ большинствѣ случаевъ одинъ источникъ служитъ дополненіемъ другого Интересующіе насъ акты принадлежатъ ко второй половинѣ XII и первой XIII столѣтія. Древнѣйшій восходитъ къ 1179 году и заключаетъ въ себѣ надѣленіе города Меленъ (Melun) правами свободной коммуны. Въ числѣ утверждаемыхъ за нимъ правъ имѣется, между прочимъ, usuarium quoque quod homines de Meldis in foresta de Mahant antea habuerunt. Грамота поясняетъ, что это право пользованія состоитъ въ извлеченіи валежника или mort bois (nemus mortuum) для топлива и scarescelles, кольевъ для виноградниковъ [3]). Итакъ, во второй половинѣ XII-го вѣка, когда жители Мелена впервые получили право городского самоуправленія, ихъ общинное пользованіе лѣсомъ признавалось уже исконнымъ обыкновеніемъ.

Меленъ (Melun)—только одна изъ тѣхъ коммунъ, которыя призваны считать лѣсъ въ Mahant открытымъ для въѣзда. Въ 1220 году, графиня Бланшъ де Шампань назначаетъ двухъ рыцарей для производства на мѣстѣ «повальнаго обыска» о томъ, какія villae и какіе манзы принадлежатъ духовенству, и какіе люди имѣютъ usuarium въ спорномъ лѣсу. Въ присутствіи этихъ комиссаровъ, приведенные къ присягѣ свидѣтели заявляютъ: всѣ сосѣднія къ лѣсу villae имѣютъ usuarium на разстояніи отъ дороги, ведущей въ Меленъ и обходящей лѣсъ, до моста Reide; этимъ же правомъ пользуются, сверхъ того,

---

[1]) Ibid., fol 100.

[2]) Ms., fonds latins, Cartulaire de la comtesse Blanche, № 5993, и Chartularium Campaniae, même fond, № 5992.

[3]) Chart Campan., fol 260.

селенія Помойера, Мароліо, Шантепи и Сеги. Въ числѣ пользователей свидѣтели назвали также епископа Мо и архидіакона въ Бри, свѣтскаго сеньера де Фонсъ, три монастыря· Божьей Матери, Св. Фарона и Св. Лазаря, наконецъ, капитулъ въ Мо. Монастыри и капитулъ имѣютъ право въѣзда для вывоза не одного сухолѣсья, но и строительнаго матеріала (usuarium vivum ad hospitandum). Архидіаконъ въ Бри, сеньеръ де Фонсъ и выше перечисленныя села довольствуются mort bois въ предѣлахъ своихъ нуждъ; епископъ Мелена вывозитъ только то количество, какое можетъ быть доставлено подводою съ впрягою четырехъ головъ скота (usuarium cum una quadriga). Деканъ капитула забираетъ изъ лѣса столько дровъ, сколько можно нагрузить въ одинъ день на всѣ подводы, принадлежащія помѣстью Св. Стефана въ Бри. Всѣ перечисленныя владѣнія и села лежатъ по одну сторону лѣса, по другую сторону котораго всѣ сосѣди также допускаются къ пользованію, начиная отъ креста (sancti Agili), направляясь, затѣмъ, кругомъ лѣса до villa Cropet, а оттуда сперва до ручья, именуемаго Roclo, а, затѣмъ, до слиянія этого ручья съ рѣчкою Moreti. Внѣ этихъ границъ находятся два селенія, которыя въ силу надѣленія ихъ графомъ Генрихомъ тоже имѣютъ свой usuarium. Обладателями того же пользованія являются еще феодальный сеньеръ де ла Шезъ и владѣльцы Альнето, надѣленные отцомъ графа Генриха, Теобальдомъ. Свидѣтели заявляютъ, сверхъ того, что видѣли, какъ съ давнихъ временъ, ab antiquo, люди и управители графини де Шампань пользовались usuarium въ лѣсу,—именно тѣ, которые живутъ apud triangulum. Видѣли они также Родольфа Лежандра и его предковъ вывозящими квадригу, т. е. четырехголовую подводу дровъ изъ лѣса, въ силу стариннаго обыкновенія, ex antiqua consuetudine. Такими же точно правами обладаютъ церковь въ Ребакъ и госпиталь, или elemosina, въ томъ же мѣстѣ. Свидѣтели считаютъ нужнымъ присоединить впо слѣдствіи къ числу мѣстностей, пользующихся настоящимъ правомъ на разстояніи отъ упомянутаго уже креста до villa sancti Iohannis, всѣ, лежащіе на этомъ пространствѣ поселки, за исключеніемъ одного, а также—церковь Iotrendis и помѣстье (villa), расположенное въ предѣлахъ принадлежащаго церкви лѣса. За исключеніемъ названныхъ лицъ, никто, будь это рыцарь или нѣтъ, не въ правѣ брать изъ лѣса строевой матеріалъ иначе, какъ съ согласія управителя и лѣсниковъ графини де Шампань; точно такъ же, какъ подъ страхомъ пени и лица, уполномоченныя пользоваться валежникомъ, не должны вывозить иного матеріала. На основаніи всѣхъ этихъ показаній, слѣдственные судьи дѣлаютъ слѣдующее постановленіе: никто изъ лицъ,

живущихъ по ту сторону дороги, ведущей въ Меленъ, не долженъ пользоваться лѣсомъ, если не принадлежитъ къ числу homines de Pomona et de Segi et de Marilho [1]).

Только что изложенный актъ вводитъ насъ въ кругъ тѣхъ отношеній, въ какихъ стояли къ доманіальнымъ лѣсамъ жители сосѣднихъ съ ними селеній Forêt de Melun составляетъ феодъ графа Шампани, что нисколько не мѣшаетъ тому, что къ пользованію его валежникомъ допускаются не только жители графскихъ помѣстій, не только лица и корпораціи, непосредственно надѣленныя графомъ или его предшественниками, но и ряды сосѣднихъ селеній, для которыхъ этотъ лѣсъ составляетъ нераздѣльную марку. Границею права пользованія служитъ личная нужда каждаго. Никто не можетъ отчуждать вывозимый имъ дрова или присваивать себѣ количество, превышающее потребности его двора. Въ особой регламентаціи на этотъ счетъ, впрочемъ, не чувствуется необходимости, такъ какъ каждый можетъ добыть себѣ сухолѣсье, не обращаясь къ покупкѣ и не производя безполезныхъ запасовъ. Но лѣсъ въ XIII-омъ вѣкѣ имѣетъ еще другое назначеніе, чрезвычайно стѣсненное въ наши дни. Онъ открытъ для выпаса стадъ и откорма свиней. Насколько тотъ и другой видъ эксплоатаціи лѣса мѣшали быстрому почину молодика, настолько являлась необходимость въ томъ, чтобы наложить сперва границы, а потомъ и прикончить это совокупное владѣніе,—причина,—по которой первыя столкновенія собственниковъ и пользователей и первые раздѣлы между ними обусловлены именно этой невозможностью примирить права общинниковъ съ обезпеченіемъ лѣсу гонкаго роста.

Въ 1214 году сознаніе этой истины побуждаетъ графиню Бланшъ войти въ соглашеніе съ тамплерами, которые, владѣя тремя помѣстьями, Барбонъ, Кутъ и Ла Фолетьеръ, по сосѣдству съ forêt de St Medard, принадлежавшей графинѣ, пользовались правомъ выпаса въ этомъ лѣсу. Графиня предпочла выдѣлить 300 арпановъ своего лѣса въ собственность тампліеровъ подъ условіемъ, что они воздержатся отъ посылки принадлежащаго ихъ крестьянамъ скота въ прочія части той же лѣсной площади. Грамота выговариваетъ, однако, что каждый разъ, когда animalia communitatis illius patriae допущены будутъ къ выпасу въ лѣсъ, общинное пользованіе имъ будетъ возстановляться и въ предѣлахъ выдѣленныхъ 300 арпановъ. Но разъ послѣдуетъ запретъ toti communitati illius patriae относительно usuarium pascuorum in nemore supradicto, тампліеры въ правѣ настаивать на его соблюденіи

[1]) Cartulaire de la comtesse Blanche, fol 52.

и въ предѣлахъ своихъ 300 арпановъ; они обѣщаютъ уподобить въ этомъ случаѣ свое поведеніе поведенію communitas patriae illius, обязываясь соблюдать inhibitionem sicut communitas illius patriae observabit. Во всякомъ случаѣ, изъ числа общинныхъ угодій изъемлются молодые срубы; они охраняются отъ потравъ скота и овецъ, согласно господствующему въ Шампани обычаю, juxta consuetudinem in Campania observatam [1]).

Всего любопытнѣе въ только что приведенномъ актѣ упоминаніе о правахъ communitas terrae, т. е. всего сосѣдства, на пользованіе выпасомъ; это право признается не за помѣстными крестьянами, но за жителями цѣлаго ряда селъ, въ чьей бы феодальной зависимости ни находились эти послѣдніе. Передъ нами снова выступаютъ черты нераздѣльной марки, съ ея открытыми для всего сосѣдства угодьями. Какъ и въ Германіи, banna, или административныя распоряженія собственника, призваны регулировать порядокъ осуществленія общинныхъ сервитутовъ. Сельскохозяйственный интересъ подсказываетъ помѣщику мысль объ установленіи защитъ для спасенія молодыхъ порослей отъ той опасности, какой грозятъ имъ потравы деревенскихъ стадъ, что ведетъ неизбѣжно къ постепенному сокращенію правъ общинниковъ.

Но и другая причина дѣйствуетъ энергично въ томъ же направленіи. Обремененный сервитутами или, выражаясь точнѣе, состоя въ совладѣніи общинныхъ пользователей, лѣсъ не можетъ найти покупателя, тогда какъ многообразныя причины побуждаютъ собственника къ его отчужденію, къ реализаціи представляемаго имъ капитала. Какъ быть въ такомъ случаѣ? Одна грамота 1218 года знакомитъ насъ съ довольно обычнымъ исходомъ. Церкви Св. Мартина въ Турѣ принадлежалъ лѣсъ, именуемый foresta de Chalestria; на тотъ же лѣсъ предъявляли права пользованія homines de Chalestria. Церковь предвидитъ возможность contradictio, т. е. противодѣйствія этихъ homines отчужденію. И вотъ, чтобы избѣжать этой опасности, она приступаетъ къ одному изъ тѣхъ triages, которые сдѣлаются обычными въ позднѣйшія столѣтія: она выдѣляетъ homines $^1/_3$ своего лѣса съ тѣмъ, чтобы на остальные

[1]) Cartulaire de la comtesse Blanche, fol. 12. Изъ другой грамоты того же хартуларія мы узнаемъ, что періодъ защиты срубовъ обыкновенно былъ трехлѣтній Разрѣшая пользованіе лѣсомъ для выпаса стадъ, помѣщикъ, которымъ въ данномъ случаѣ является монастырь въ Vallusant (Vallis Lucentis), дѣлаетъ изъятіе для сплошныхъ срубовъ, въ которые 3 года подрядъ homines должны воздерживаться отъ посылки своихъ животныхъ (preter in copetus continue factis, a quibus per triennium abstinnebunt). (Ibid, fol 126, годъ 1215).

ныя $^2/_3$ упразднить всякое пользованіе и всякое иное притязаніе съ ихъ стороны [1]). Послѣ этого церковь продаетъ графинѣ де Шампань половину освободившейся такимъ образомъ части, вслѣдствіе чего лѣсъ, по упраздненіи въ немъ совладѣнія, переходитъ въ троякія руки. praepositus общины Шалестрія отъ имени ея hominеs получаетъ $^1/_3$, Praepositus Шабли (Chableiarum) отъ имени графини Бланшъ другую $^1/_3$, а монастырь Св Мартина удерживаетъ третью. Эти новѣйшіе порядки не заслоняютъ собою первоначальныхъ, по которымъ зависпмое отъ монастыря крестьянство, заодно съ сосѣдними селами, пользуется лѣсомъ,какъ нераздѣльной маркой.

Ростъ сельскохозяйственной культуры — необходимое послѣдствіе увеличивающейся плотности населенія—грозитъ общиннымъ угодьямъ еще въ формѣ очистокъ и обращенія лѣсной площади въ поставленные подъ защиту права—нивы и сѣнокосы. Хартуларіи Шампани обнаруживаютъ предъ нами и эту сторону начавшейся задолго до XIII-го вѣка хозяйственной эволюціи.

Свѣтскіе и духовные магнаты сплошь и рядомъ сдаютъ участки подлежащаго крестьянскимъ сервитутамъ лѣса подъ корчевку Такъ, въ 1205 году графиня Бланшъ распоряжается 80 арпанами лѣса въ пользу нѣкоего Родольфа, взявшагося выкорчевать его, extirpare, подъ посѣвъ хлѣба и посадку виноградной лозы. Графинѣ впередъ обѣщанъ платежъ извѣстной ренты подъ условіемъ предоставленія корчевщику наслѣдственной аренды [2]) Годъ спустя настоятель монастыря Св. Ремигія въ Реймсѣ, именемъ Мило, въ сообществѣ съ графиней Бланшъ, приступаетъ къ основанію новаго селенія въ лѣсахъ аббатства. Эта Nova Villa должна сдѣлаться предметомъ совладѣнія обители и графа Шампани въ томъ смыслѣ, что доходъ отъ штрафовъ и вотчинной юстиціи, отъ сдачи земель и пользованія лѣсомъ, какъ, наконецъ, и отъ установленія тарифовъ (assisia—assise) на хлѣбъ, вино и другіе предметы первой необходимости, предназначается къ раздѣлу между обоими участниками Двѣ трети лѣса, расположеннаго между высокимъ берегомъ (рѣки) и селеніемъ Бро, должны подвергнуться истребленію (exterminabuntur) для того, чтобы дать мѣсто въ своихъ предѣлахъ новому помѣстью, nova villa; послѣдняя треть остается въ рукахъ монастыря и подъ его управленіемъ, съ тою, однако, оговоркой, что штрафы съ захватчиковъ или потравщиковъ будутъ впредь дѣлиться пополамъ между графиней и аббатствомъ. Послѣднее удер-

---

[1]) Ibid., fol. 82
[2]) Ibid., fol 118

живаетъ исключительно въ свою пользу лѣсъ въ Муассонѣ и рыбные уловы [1]).

Въ той же мѣрѣ, въ какой монастырскія обители озабочены были сохраненіемъ исключительно въ своихъ рукахъ рыбныхъ улововъ, свѣтскіе феодалы старались удержать за собою охоты. Распоряжаясь довольно щедро своими лѣсными дачами, надѣляя кого правомъ неограниченнаго выпаса и въѣзда, кого преимуществомъ вывоза одной или нѣсколькихъ подводъ дровъ, кого болѣе чреватымъ послѣдствіями правомъ производить очистки и корчевки [2]), они почти всегда оговаривали въ свою пользу травлю пушного звѣря. Этимъ подготовленъ былъ тотъ порядокъ, который нашелъ себѣ законодательное признаніе въ XVII и XVIII столѣтіяхъ и, разорвавъ исконную связь права собственности съ правомъ охоты, передалъ послѣднее исключительно въ руки небольшого числа крупныхъ феодаловъ съ королемъ во главѣ. Учредительному собранію 1789 года пришлось еще считаться съ этимъ порядкомъ. О томъ, какъ сеньеры выговаривали себѣ при отчужденіяхъ преимущества звѣринаго лова, можно судить, напримѣръ, по слѣдующему акту 1215 года. При посредничествѣ графини Бланшъ подписано въ этомъ году соглашеніе между монастыремъ Val Luisant и сеньеромъ Le Plaissis aux Evenlés. Отказываясь отъ всякихъ правъ на принадлежащіе аббатству лѣса, въ частности, и отъ тѣхъ usuagia, на какія претендовали жители подвластныхъ селъ, феодальный сеньеръ удерживаетъ за собою только право охоты и связанную съ нимъ возможность городить заборы, hayae, при облавахъ. Монахамъ позволено разрушать эти заборы, какъ скоро настаетъ конецъ охотѣ. Но отъ собственника зависитъ возвращаться къ ихъ сооруженію во всякое время [3]).

---

[1]) Ibid., fol. 112

[2]) Chartularium Campaniae, fol 126, годъ 1212. Вальтеръ де Шатильонъ, графъ Сенъ Поль, получаетъ отъ графини Бланшъ право in nemore de Mahant capere mortuum nemus et vivum ad duas vel tres bigas singulis diebus ad comburendum in domo sua, de greciaco quamdiu ego vel comitissa uxor mea ibidem erimus.. (fol. 227, годъ 1220). Подобныя же преимущества даны Гуго де Шатильонъ (fol 246 годъ 1221). Графиня Бланка и сынъ ея Теобальдъ даютъ аббату Clairvaux въ лѣсахъ Кормонъ и Монтеронъ, въ которыхъ они имѣютъ свою gruerie (gruerla), право essartare usque ad centum octaginta arpenta et si in predictis locis tota arpenta non possent mensurari in locis vicinis essarteretur residuum illorum arpentorum.

[3]) Hoc excepto quod dominus Gaufridus usum venandi ibidem exercere poterit et facere ad hoc ipsam hayam quotienscunque voluerit quam tamen dicti fratres post venationem poterent extirpare (Cartulaire de la comtesse Blanche, fol. 126).

XII-ое столѣтіе въ Шампани, какъ и въ другихъ провинціяхъ Франціи, можетъ считаться періодомъ усиленнаго стремленія къ колонизаціи. Помимо естественнаго роста населенія, искусственное привлеченіе новыхъ поселенцевъ [1]) всякаго рода льготами ведетъ къ возникновенію деревенскихъ и городскихъ общинъ въ самой чащѣ лѣсовъ, подвергаемыхъ каждый разъ безпощадному истребленію [2]). Инициаторомъ этого движенія является глава феодальной іерархіи, графъ де Шампань; его союзниками и дѣятельными агентами надо считать, прежде всего, монастырскія обители, а также—епископальныя церкви, начиная съ парижской. Всѣ, кто съ бо́льшимъ или меньшимъ правомъ считалъ себя совладѣльцемъ въ подлежащемъ корчеванію лѣсу, не могъ, разумѣется, оставаться нѣмымъ зрителемъ совершеннаго упраздненія своихъ правъ. Вотъ почему споры и третейскія разбирательства, предметомъ которыхъ служитъ опредѣленіе доли участія каждаго въ общей собственности или раздѣлъ этой послѣдней между заинтересованными, столь обычны въ грамотахъ XIII-го вѣка.

Вздумаетъ, напримѣръ, парижская епископія расширить районъ сельскохозяйственной обработки расчисткой лѣсовъ, принадлежащихъ ей въ окрестностяхъ столицы (in nemoribus parisiensibus), она встрѣчаетъ рѣшительный отпоръ со стороны пользующагося въ тѣхъ же

---

[1]) Графъ Шампани обыкновенно вступаетъ въ соглашеніе съ желающимъ основать новый поселокъ помѣщикомъ—монастыремъ и обязуется привлечь ему новыхъ колонистовъ; взамѣнъ аббатство соглашается уступить въ его пользу половину дохода, ожидаемаго отъ натуральныхъ приношеній, штрафовъ и домовыхъ рентъ, платимыхъ будущими обывателями: tali pacto quod burgisia galline et emende et omnes coactiones eiusdem ville per medium equaliter dividentur, de quibus fratres de Cristo medietatem habebunt et ego alteram (годъ 1222, fol 294). Образцомъ такихъ вновь возникающихъ поселеній является Монтре, основанный аббатствомъ Сенъ Бенинъ въ сообществѣ съ графомъ Теобальдомъ: tali pacto, гласитъ грамота 1223 г quod ego debeo ibi homines adducere, villam construere et, quando homines habitaverunt in villam (sic) et villa constructa fuerit, in villa omnium redditiuum et emendarum et justiciarum ego et heredes mei habebimus medietatem et prior S Benigni alteram (fol. 301).

[2]) Въ грамотахъ второй четверти столѣтія не разъ упоминается о томъ, какъ графъ Шампани позволилъ той или другой обители безвозмездно или подъ условіемъ вознагражденія произвесть корчевку то 800 арпановъ, то всего его лѣса Въ 1221 году подобнымъ правомъ надѣлено аббатство Клерво, годъ спустя братья Св. Игнатія. Послѣдніе уполномочены essertare facere totum nemus suum versus Charmellum (Шармелль) Графъ Теобальдъ получаетъ взамѣнъ 300 ливровъ и удерживаетъ въ свою пользу весь снесенный лѣсъ (Ibid., fol. 246, и fol 295)

лѣсахъ въѣздомъ и выпасомъ—Фридриха de Musteriolio. Призванный къ посредничеству, графъ Шампани, Теобальдъ, въ 1200 году примиряетъ стороны. Запрещено дѣлать новыя очистки, основывать селенія или привлекать колонистовъ (hospites) въ районѣ, на который Фридрихъ предъявилъ свои права совладѣнія. Всѣ дальнѣйшія корчевки могутъ происходить только съ согласія его самого или его наслѣдниковъ; но уже сдѣланныя укрѣплены за епископіей [1]).

При основаніи новыхъ поселковъ, феодальные сеньеры болѣе всего озабочены охраненіемъ своихъ землевладѣльческихъ правъ отъ тѣхъ притязаній, какія обыватели вздумали бы предъявить къ нимъ въ будущемъ, подъ предлогомъ общиннаго пользованія. Вотъ почему часто выговаривается, что монастырь удерживаетъ за собою пустоши (terrae incultae) въ предѣлахъ, обозначенныхъ межевыми знаками; противъ воли аббата homines не должны переступать этихъ границъ; ни въ лѣсахъ, ни въ другихъ земляхъ, принадлежащихъ братіи, homines не имѣютъ никакихъ правъ пользованія. Все, что имъ предоставлено, это—право свободнаго прогона стадъ (vacua pastura—vaine pâture) [2]).

Сопоставленіе тѣхъ правъ, какими надѣляются обыватели вновь создаваемыхъ селеній, съ тѣми, какими пользуются въ силу старинныхъ обыкновеній жители свободныхъ и несвободныхъ деревень, ведетъ неизбѣжно къ тому заключенію, что источникомъ общинныхъ сервитутовъ въ большинствѣ случаевъ была не милость помѣщиковъ, а унаслѣдованіе тѣхъ обязательствъ, какія налагало сохраненіе стародавняго обычая. Каждый разъ, когда титулы крестьянства опираются только на грамоты сеньера, они отличаются опредѣленностью и ограниченностью; то же замѣчается и въ томъ случаѣ, когда позднѣйшему соглашенію приходится регулировать то, что на первыхъ порахъ было antiqua consuetudo. Въ 1222 году вмѣшательство графа Теобальда рѣшаетъ долго длившійся споръ между церковью Св. Мартина въ Турѣ и жителями Шабли. Въ текстѣ подписаннаго сторонами соглашенія значится, что homines Шабли будутъ пользоваться исковой охраной своихъ алодовъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда аббатству Св. Мартина на основаніи мѣстнаго обычая, secundum usus patriae, удастся доказать, что тѣ или другіе алоды произошли путемъ узурпаціи отданной на первыхъ порахъ въ цензъ монастырской земли. Что касается пастбищъ, то церковь, настаивая на томъ, что состоя-

---

[1]) Comes concessit quod terras que tunc erant extirpate propriis sumptibus excoleremus (Ibid., fol. 149).

[2]) Ibid., fol. 294, годъ 1222.

щая теперь подъ пустошью земля искони принадлежала ей на правѣ собственности, соглашается, въ то же время, раздѣлить ее пополамъ съ жителями Шабли. Уступаемая въ ихъ пользу часть должна служить ad omnes usus et utilitates et aisancias villae и не приноситъ церкви никакихъ установленныхъ обычаемъ платежей (consuetudines) или повинностей (servitia) [1]) Напротивъ, когда въ одной грамотѣ 1222 года мы читаемъ, что совладѣльцы въ лѣсахъ Ножанъ—мѣстный монастырь Св. Діонисія и графиня де Шампань — не въ правѣ передавать и отчуждать пользованія желудемъ иначе, какъ съ сохраненіемъ правъ всѣхъ, кто по обычаю посылаетъ въ лѣсъ своихъ свиней [2]),— не можетъ быть сомнѣнія, что рѣчь идетъ о признаніи исконнаго порядка,—такъ неопредѣлены и широки констатируемыя здѣсь права совмѣстнаго пользованія нераздѣльной лѣсной маркой.

Въ другихъ частяхъ Шампани, въ предѣлахъ діоцеза Труа и въ тѣхъ бальяжахъ, которые вошли въ составъ теперешняго департамента Іоны, мы встрѣчаемся съ порядками, близкими къ только что описаннымъ. Довольно полное собраніе хартуларіевъ этого діоцеза, сдѣланное аббатомъ Лалоръ, и не менѣе интересное изданіе Кантена, содержащее въ себѣ грамоты департамента Іоны, позволятъ намъ констатировать фактъ существованія въ этихъ мѣстностяхъ такихъ же нераздѣльныхъ угодій и такихъ же общинныхъ сервитутовъ, съ какими мы познакомились уже въ окрестностяхъ Мелена. Источники, о которыхъ идетъ рѣчь, восходятъ также ко второй половинѣ XII и первой—XIII столѣтія. Они рисуютъ намъ процессъ постепеннаго расширенія сельскохозяйственной культуры путемъ корчеванія лѣсовъ и основанія новыхъ хуторовъ и селеній. Въ такихъ условіяхъ правамъ общинниковъ, прежде болѣе или менѣе широкимъ и не нуждавшимся въ точномъ опредѣленіи,—въ виду возможности удовлетворять запросу всего сосѣдства въ выпасѣ, топливѣ и строительномъ матеріалѣ безъ ущерба для феодальнаго собственника,—грозитъ впервые серьезная опасность. Ничего или мало приносившая дотолѣ лѣсная площадь становится предметомъ горячаго запроса со стороны новыхъ поселенцевъ, готовыхъ платить постоянную ренту, terragium, въ одну двѣнадцатую, одну одиннадцатую или иную часть урожая, подчиняясь, въ то же время, требованіямъ помѣстнаго обычая по отно-

---

[1]) fol 302.

[2]) Sciendum est quod pasuagium iamdictorum nemorum vendi non potest nisi salvo illorum usuario qui solent ibidem mittere porcos ad glandes (fol. 313).

шенію къ натуральнымъ приношеніямъ, баналитетамъ, вотчинной юстиціи и т. д.

Вотъ почему въ грамотахъ аббатства Сенъ Лу такъ часто заходитъ рѣчь о какихъ-то homines albani, которые получаютъ отъ настоятеля земли для поселенія. Эти homines albani противополагаются сервамъ монастыря, его homines, и, повидимому, должны считаться пришлыми свободными уроженцами теперешней муниципіи Шармонъ (Charmont Aube) [1]). Чтобы свободные люди согласились перейти на земли помѣстій, необходимо предположить, что собственникъ обезпечивалъ имъ такія преимущества, которыя вознаграждали ихъ за потерю вольности; и дѣйствительно, мы встрѣчаемъ въ грамотахъ аббатства рѣшительныя доказательства въ пользу того, что монастыри, понимая зависимость, въ которой цѣнность и доходность земель стоятъ отъ густоты населенія, шли на всѣ пожертвованія, лишь бы умножить число воздѣлывателей земли. Такъ, въ одномъ актѣ говорится о надѣленіи недвижимостью всѣхъ, кто пожелаетъ arare vel fimare, т. е. пахать и удобрять сданные участки [2]). Въ другомъ, исходящемъ отъ графа Генриха, извѣстнаго подъ прозвищемъ Свободолюбиваго, шесть поселенцевъ, hospites, освобождаются отъ всѣхъ платежей, кромѣ взноса извѣстнаго выкупа за обязательство печь хлѣбъ у помѣщика [3]). Тѣ же причины побуждаютъ феодальныхъ сеньеровъ привлекать монаховъ, этихъ неутомимыхъ корчевщиковъ, къ совмѣстному съ ними основанію хуторовъ и занятію оставленныхъ жителями участковъ. Такъ, въ 1156 году Генрихъ, графъ Труа, уступаетъ аббатству la Chapelle aux Planches причитающуюся ему часть земельной ренты, terragium, съ созданнаго совмѣстно съ монастыремъ помѣстья, при чемъ указываетъ, что многія земли перешли подъ обработку благодаря

---

[1]) Sed et si abbas aliquos homines albanos qui nunquam sub justicia domini de Cortlaverzei fuerint ab alia villa evocatos in eadem occhia manere fecerit predictus dominus super illos nullum dominium penitus habebit — O homines albani упоминается въ одной грамотѣ монастыря Св. Петра въ Труа отъ 1194 года въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Adventitii quoque homines qui albani nuncupantur et in dominium ecclesie se transtulerunt eadem libertate gaudebunt (Cartulaires de S. Pierre de Troyes, въ томъ же собраніи, т. V, № 69).

[2]) Easdem vero terras communes aliis hominibus qui eas arare vel fimare voluerint minister abbatis et major domini de Corthlaverzei pari consilio salvo cuique suo jure concedent (Грам 1147 г, Cartulaire de S Loup, № 17).

[3]) Exactio que vulgo tallia dicitur propter libertatem furni (Ibid., грам. 1158 г., № 29)

труду и издержкамъ, предпринятымъ обителью [1]). Двадцать одинъ годъ спустя другой феодальный собственникъ отдаетъ тому же монастырю всѣ произведенныя имъ въ лѣсу очистки [2]). Такія пожалованія совершаются на пространствѣ всего столѣтія, и въ іюлѣ 1243 года владѣтельница Бельфора признаетъ еще за монастыремъ право обращенія подъ пахоть принадлежащей ей защитной рощи (haia) [3]).

Это постепенное расширеніе воздѣлываемой площади въ ущербъ лѣса, очевидно, должно было повлечь за собою сокращеніе и ограниченіе крестьянскихъ пользованій. Если вспомнить еще, что многіе сосѣдніе къ лѣсу частные владѣльцы нерѣдко безъ всякаго на то права посылали свой скотъ на выпасъ или снимали траву съ сѣнокосовъ, находившихся въ пользованіи крестьянства [4]), то станетъ понятнымъ, почему въ XIII вѣкѣ такъ часты споры о правахъ въѣзда и выпаса, и почему крестьянство всячески заботится о признаніи за нимъ недвижимыми собственниками въ формѣ крѣпостного акта того, чѣмъ оно искони пользовалось по обычаю. Поэтому же записи крестьянскихъ usuagia становятся весьма частыми именно въ это время. Подтвержденіе сказанному легко найти въ любомъ изъ хартуларіевъ діоцеза Труа. Вотъ, напримѣръ, грамота 1218 года, опредѣляющая права крестьянъ, какъ подчиненныхъ аббатству въ Монтье ла Сель, такъ и непосредственно зависящихъ отъ помѣстья Барбюзъ, принадлежащаго свѣтскому сеньеру. Составитель грамоты объявляетъ, что люди аббатства должны во всемъ, что касается выпаса ихъ скота in riveria de Planceio et de Barbuse, пользоваться тѣми же правами, что и собственные его подданные (sicut mei homines), а именно, въ этихъ

---

[1]) Составитель грамоты говоритъ, обращаясь къ монахамъ: передаю terras tam ab incolis dimissas, quam sumptibus et manibus suis excultas. (Collection des principaux cartulaires du diocèse de Troyes, par l'abbé Lalore, т IV, № 15)

[2]) Ibid., № 26. Въ 1224 году Теобальдъ, графъ Шампани и Бри, даетъ монахамъ Montier la Celle право: exsartare CCC arpenta nemoris in foresta de Lugny, in qua habeo grueriam meam.. quod de illis CCC arpentes essartatis libere suam penitus faciant voluntatem, ita quod quidquid ibi factum vel edificatum fuerit ex parte eorum libere et pacifice in perpetuum possideant salva custodia mea, dum modo in illo loco nemus revenire de cetero nulla tenus permittatur. (Cartulaire de Montier la Celle, въ томъ же собраніи, т. VI, № 17).

[3]) Ibid., № 49.

[4]) Примѣръ этому мы находимъ въ 1204 году, когда избранные сторонами посредники объявляютъ въ своемъ приговорѣ, что Гильбертъ, рыцарь изъ Nigella, nullum habet dominium vel consuetudinem in pratis prioris hominum vel hospitum eius in pascendo vel herbas ibi colligendo (Cartulaire de Montier la Celle, въ томъ же собраніи, т. VI).

общихъ пастбищахъ, пріуроченныхъ къ названнымъ двумъ помѣстьямъ, они могутъ собирать траву и свозить ее на домъ для своего скота, косить ее и въ лугахъ, послѣ уборки сѣна, и выгонять на такіе луга скотъ. Всѣ эти пользованія обложены для жителей монастырскихъ земель тѣмъ платежомъ (salvamentum), какой они несли во время похода ихъ сеньера въ Іерусалимъ [1]). Въ приведенной грамотѣ не мѣшаетъ отмѣтить и тотъ фактъ, что общинные выпасы пріурочены не къ одной, а къ нѣсколькимъ деревнямъ и носятъ, слѣдовательно, тотъ же характеръ нераздѣльной марки, съ какимъ выступаютъ, какъ мы видѣли, лѣсныя дачи той же Шампани. Въ другомъ, позднѣйшемъ актѣ, отъ 1245 года, монастырь формально признаетъ, что зависимые отъ него крестьяне, homines, имѣютъ право пользоваться въ равной мѣрѣ какъ пастбищемъ, такъ и лѣсомъ [2]). Этимъ объясняется указаніе хартуларіями діоцеза Труа на communis pastura того или другого помѣстья и обозначеніе границъ того или иного частнаго лѣса словами: «que silva circum circa communi terra et silva est penitus circumdata». Сомнѣваться послѣ этого въ исконномъ существованіи состоящихъ въ общемъ пользованіи лѣсовъ и пастбищъ или приписывать ихъ происхожденіе исключительно доброй волѣ помѣщика — кажется мнѣ болѣе, чѣмъ страннымъ; особенно, если принять во вниманіе, что обѣ только что цитированныя грамоты отстоятъ другъ отъ друга болѣе, чѣмъ на три съ половиною столѣтія; одна помѣчена 877, а другая 1246 годомъ [3]).

Кто утверждаетъ противное и видитъ въ общинныхъ сервитутахъ одну милость помѣщика, тотъ слишкомъ буквально толкуетъ слова, употребляемыя грамотами XIII вѣка для обозначенія взаимныхъ правъ и обязанностей помѣстнаго люда и феодальнаго собственника. Такъ, въ одномъ актѣ 1283 года, — которымъ капитулъ епископальной церкви въ Сенсѣ отпускаетъ на волю своихъ крѣпостныхъ въ помѣстьи Soucy, подъ условіемъ возвращенія ими въ руки аббатства 220 арпановъ лѣса, находившихся дотолѣ въ ихъ пользованіи, — объ этихъ usuaria сказано, что они были уступлены имъ,

---

[1]) Possunt etiam prefati homines in communibus pasturis de Planceio et de Barbuse colligere herbam et ad domos suas libere deferre pro animalibus suis et falcare herbam in pratis post collectionem fenorum et committere animalia sua in riveria de Planceio et de Barbuse pascenda absque ulla contradictione (Cartulaire de Montier la Celle, № 166, въ томѣ VI того же собранія)

[2]) Ut homines terre illius qui habent usuagium in dicto nemore utuntur ibidem tam in pascuis quam in nemore (Ibid., № 152)

[3]) См. грамоты за № 191 и 77 въ Cartulaire de Montier la Celle.

по собственному ихъ сознанію, ut dicebant, деканомъ и капитуломъ. Вчитываясь, однако, въ самый текстъ разбираемаго памятника, нельзя не вынести того впечатлѣнія, что надѣленіе, о которомъ идетъ въ немъ рѣчь, было не болѣе, какъ результатомъ позднѣйшей разверстки лѣса, въ которомъ рядъ селъ, зависѣвшихъ отъ разныхъ помѣщиковъ, имѣлъ свои usuaria [1]), а монастырь—права частнаго собственника. Это впечатлѣніе особенно усиливается тѣмъ что грамота говоритъ намъ о судьбѣ 220 арпановъ лѣса до возвращенія ихъ въ руки монастыря. Крестьяне не въ правѣ были ни продавать что бы то ни было изъ этого лѣса, ни вывозить добываемый въ немъ матеріалъ за предѣлы своего селенія, ни производить корчевки подъ угрозой, что все ими расчищенное достанется монастырю; въ то же время, обитель сохраняла право эксплоатаціи лѣса и даже защиты молодыхъ порослей, въ которыя крестьяне могли посылать одинъ крупный скотъ, да и то не раньше, какъ по прошествіи пятилѣтняго срока со времени рубки. Всѣ эти правила какъ нельзя лучше отвѣчаютъ представленію о позднѣйшемъ регулированіи исконнаго обычая, безобиднаго до тѣхъ поръ, пока занятая лѣсомъ площадь много превышала потребности всего окрестнаго населенія. Едва измѣнились условія—и помѣщики нашли болѣе удобнымъ замѣнить права выпаса и въѣзда во всю лѣсную дачу выдѣломъ опредѣленной его части—не въ собственность, разумѣется, а въ пользованіе [2]), ими же обставленное такими ограниченіями, при которыхъ ихъ хозяйственные интересы могли потерпѣть всего менѣе [3]).

Переходя отъ департаментовъ Объ и Марнъ къ лежащему на востокъ отъ нихъ департаменту Мэзы, мы находимъ въ рукописномъ хартуларіи графства Баръ ле Дюкъ довольно обширный матеріалъ для характеристики порядковъ общиннаго пользованія второй половины XIII столѣтія. Forêt de Roissi, расположенная по сосѣдству съ городомъ того же имени, составляла, повидимому, нераздѣльную

---

[1]) Грамота упоминаетъ homines aliorum dominorum jus habentes utendi usuariis nemorum ville de sociaco (Recueil de pièces pour faire suite au Cartulaire général de l'Ionne, publié par Quantin, № 719)

[2]) Que usuaria tenebant dicti homines ut dicebant a dictis decano et capitulo . quos CCXX arpenta ipsis hominibus ad usuarium concesserunt predicti decanus et capitulum. Dicti homines apud sociacum manentes nec poterunt (de ipsis arpentis) aliquid vendere nec extra villam sociaci ducere nec etiam extirpare. Et si extirparent, de terra extirpata possunt decanus et capit. suam facere voluntatem

[3]) Post quintum folium... possunt animalia ducere exceptis capris

марку цѣлаго ряда частныхъ и общинныхъ владѣльцевъ. Аббатъ монастыря Божьей Матери въ Турнэ въ 1275 году упоминаетъ о надѣленіи этого монастыря феодальнымъ сеньеромъ Эмори де Мельянъ, которому принадлежало право собственности на названный лѣсъ, 320 арпанами этого лѣса. На это надо смотрѣть, какъ на выдѣлъ, что и объясняетъ употребляемый грамотой терминъ notre part—съ прибавкой, что эта part открыта для всѣхъ поселенцевъ монастырскихъ земель (a nos hostes). Взамѣнъ пріобрѣтеннаго лѣса, монастырь отказывается на вѣчныя времена въ пользу прочихъ совладѣльцевъ отъ всѣхъ дальнѣйшихъ притязаній на права выпаса и въѣзда. Пріобрѣтенный же участокъ въ 320 арпановъ онъ обращаетъ въ предметъ коллективнаго пользованія своихъ поселенцевъ, требуя отъ нихъ ежегодно всего на всего 12 динаріевъ съ манза. Въ другомъ одновременномъ актѣ мы читаемъ признаніе за Тьебо, графомъ Бара, и его hostes, другими словами, за всѣми поселенцами его помѣстья Торси—права пользованія въ лѣсу Roissi,—при чемъ это право объявлено какъ нѣчто всегда имъ принадлежавшее. Разверстка нераздѣльной марки ведетъ къ уступкѣ въ пользу этихъ людей 650 арпановъ, которые становятся отнынѣ свободными отъ всякихъ сторонникъ сервитутовъ,—но подъ условіемъ, что ихъ владѣльцы признаютъ ту же свободу за прочими частями лѣса. Третьимъ участникомъ въ раздѣлѣ была настоятельница монастыря де Фоссэ, владѣвшая замкомъ и хлѣбопекарней въ томъ же помѣстьи Торси. Она и ея hostes получаютъ 90 арпановъ на тѣхъ же условіяхъ, что и прочіе пользователи. Такимъ образомъ, не далѣе, какъ въ 1272 году, одна и та же дача состояла еще въ совмѣстномъ владѣніи нѣсколькихъ помѣстій и города Roissi [1]).

Двумя годами ранѣе, столкновенія, предметомъ которыхъ служили права въѣзда и выпаса, оканчиваются признаніемъ за всею совокупностью помѣстнаго населенія (la commune) правъ на добываніе топлива и строительнаго матеріала—опять таки подъ условіемъ пріуроченія этихъ правъ къ извѣстнымъ участкамъ. Жители такого-то помѣстья, значится въ грамотѣ, нынѣ владѣющіе правомъ рубки, удерживаютъ его на всѣ времена, но лишь въ такихъ-то границахъ или въ такомъ-то мѣстѣ; они могутъ извлекать строительный матеріалъ изъ лѣса въ количествѣ, отвѣчающемъ ихъ нуждамъ; что касается топлива, то для него они могутъ брать только валежникъ и сухолѣсье, mort bois.

---

[1]) См Cartulaire du comté de Bar le duc, XIII siècle Ms. bibl. nat., fonds français, № 3, 853, fol. 14 и 15.

Если же крестьяне позволятъ себѣ какую-либо рубку дровъ въ живомъ лѣсу, vif bois, они платятъ штрафъ въ 12 динаріевъ. Лѣса, состоящіе въ совмѣстномъ пользованіи нѣсколькихъ помѣстій на пути между Ормессонъ иРубанкуръ, и одлежатъ раздѣлу и пріурочиваются къ отдѣльнымъ имѣніямъ, послѣ чего жители каждаго принуждены ограничиваться исключительно своимъ лѣсомъ [1]) Изъ другихъ соглашеній, участниками которыхъ являются два или нѣсколько собственниковъ, видно, что крестьянамъ выдѣляется обыкновенно извѣстная площадь por lor affoerese, (то же, что позднѣйшее affouagement) другими словами, право собирать валежникъ для топлива Въ то же время, у нихъ отнимается возможность подвергать лѣсъ корчевкѣ, по крайней мѣрѣ, иначе, какъ съ вѣдома и согласія помѣщика [2]).

Исконность крестьянскихъ правъ нерѣдко выступаетъ изъ самаго порядка надѣленія лѣсомъ того или другого частнаго лица по выбору помѣщика. Такъ, въ іюнѣ 1263 года, когда аббатство де Фоссэ считаетъ нужнымъ выдѣлить участокъ въ пользу рыцаря Рено изъ Бара, заведшаго кузницы въ Торси, оно считаетъ нужнымъ сдѣлать слѣдующую оговорку: Рено не можетъ возведеніемъ загородей или инымъ путемъ помѣшать жителямъ Торси и другимъ лицамъ, имѣвшимъ прежде право пользованія, входить въ лѣсъ со своими стадами, какъ это искони было въ обычаѣ [3]).

Только въ тѣхъ случаяхъ, когда основывались, нерѣдко съ общаго согласія нѣсколькихъ собственниковъ, новыя поселенія, колонисты не могли производить своихъ правъ пользованія отъ какого бы то ни было иного источника, кромѣ надѣленія ихъ помѣщиками. Напримѣръ, въ 1252 году, когда настоятельница монастыря въ Juvigny, въ сообществѣ графа Тьебо де Баръ и сеньера Тьери Крессанъ, приступила къ основанію трехъ новыхъ городовъ, она согласилась впередъ на надѣленіе ихъ кутюмами Бомонъ и правами пользованія — «для отопленія ихъ очаговъ» (por lor fours chaufer) [4]). Въ подобныхъ случаяхъ было не мудрено съ самаго начала, какъ это и дѣлаетъ разбираемая нами грамота, объявлять нѣкоторыя части лѣса свободными отъ общинныхъ сервитутовъ. Такъ какъ, говоритъ настоятельница, нашимъ пользователямъ хватитъ того матеріала, который мож-

---

[1]) Ibid, fol 50

[2]) Ibid., fol 60, годъ 1255.

[3]) que cil Renaus ne puet enpecher por clouture ne par autre choze que cil de Torci et autres qui usage i ont en ça en arriers ne aillent et eus et lor bestes si come il ont acoustume de touz iors... a. 1263 (Ibid., fol 74).

[4]) Ibid , fol. 181.

но найти въ bois batis, то мы считаемъ возможнымъ пощадить bois banez; подъ послѣдними, какъ извѣстно, разумѣются защитные лѣса. Выраженіе bois batis, не разъ воспроизводимое и другими грамотами XIII-го вѣка, напримѣръ, тою, которой аббатство С. Бенинъ въ Дижонѣ отпускаетъ на волю крѣпостныхъ своего помѣстья въ Шенье [1]), значитъ, очевидно, то же, что и лѣса, открытые для въѣзда, т. е представляющіе противоположность запретнымъ.

§ 2.

Всѣ приведенныя пока данныя взяты изъ области примѣненія франкскаго права. Хотя тождество экономическихъ и соціальныхъ условій, разумѣется, въ гораздо большей степени обусловливаетъ собою воспроизведеніе однихъ и тѣхъ же порядковъ землевладѣнія на разстояніи сотенъ и тысячъ верстъ, нежели болѣе или менѣе изглаживающееся вліяніе племеннаго обычая, тѣмъ не менѣе, для устраненія упрека въ произвольныхъ обобщеніяхъ я намѣренъ привлечь къ изслѣдованію и тотъ матеріалъ, какой даютъ грамоты, относящіяся къ мѣстностямъ, нѣкогда занятымъ бургундами и вестготами. Съ этой цѣлью я остановлюсь прежде всего на анализѣ тѣхъ chartes des communes et d'affranchissements, которыя изданы Гарнье для Бургундіи. Я воспользуюсь, въ то же время, обнародованнымъ Guige хартуларіемъ ліонской епископіи и изданнымъ имъ же хартуларіемъ аббатства Св. Сульпиція, земли котораго расположены были въ Бюжэ. Наконецъ, выходя за предѣлы Франціи, я покажу, что одинаково въ Савойѣ и въ романской Швейцаріи, однимъ словомъ, на всемъ протяженіи бургундскихъ поселеній—можно найти въ XII и XIII вв., т. е. въ эпоху, предшествующую редакціи кутюмовъ, ту же систему совмѣстнаго пользованія угодьями, не ограниченную предѣлами одного помѣстья, которая въ Германіи связана съ представленіемъ о маркѣ. Когда въ 1227 году Алисса де Вержи, правительница Бургундіи, надѣляетъ жителей Сенъ Жанъ де Лонъ, въ числѣ прочихъ преимуществъ свободной коммуны, и правомъ пользованія ея лѣсами въ предѣлахъ ихъ нуждъ, она говоритъ объ этомъ пользованіи, какъ о стародавнемъ. И впредь жители Сенъ Жанъ должны извлекать изъ

---

1) E nous outroions a nos diz hommes et es habitans de la ville touz nos bois. . porestre bateiz et commun a touz les habitanz. (Garnier, Chartes des communes et d'affranchissement, т II, стр 413).

лѣса все имъ необходимое (quicquid ad omne opus suum necesse fuerit), согласно тому, какъ это было до сего дня (secundum usus et consuetudines que usque nunc habuerunt) [1]). Изъ другихъ однохарактерныхъ и одновременныхъ источниковъ, напримѣръ, изъ той записи вольностей жителей Echevronne et Changey, какая предпринята была тою же Алиссою въ 1231 году, мы узнаемъ, что помѣстный управитель, prepositus, которому поручена охрана лѣса, не въ правѣ ни самъ приступить къ его рубкѣ, ни дозволить ее кому либо изъ мѣстныхъ обывателей иначе, какъ съ общаго всѣхъ ихъ согласія, nisi de consensu communitatis villae [2]). Какъ видно изъ Charte de commune, или общиннаго устава Аржильи отъ 1234 года, помѣстные лѣса открыты поселянамъ какъ для пользованія валежникомъ, такъ и для извлеченія строительнаго матеріала (ad aedificandum in villa predicta). Помѣщикъ считалъ возможнымъ обложить извѣстнымъ сборомъ только откормъ свиней желудемъ [3]). Особенно богаты данными о характерѣ общинныхъ сервитутовъ грамоты второй половины столѣтія. Такъ, въ грамотѣ, выданной жителямъ Tard la ville въ 1275 году, мы читаемъ: обыватели имѣютъ совмѣстное пользованіе и возможность прогона скота во всемъ лѣсу de Tile—съ правомъ забирать всякаго рода матеріалъ (toute manière de bois); исключеніе сдѣлано только для дуба и бука (foyard) [4]). Они не могутъ, однако, ни продавать, ни дарить ничего взятаго изъ лѣса—очевидно, потому что ихъ право ограничено предѣломъ личной нужды. Что касается до выпаса, то свободному прогону (vaine pasture) подлежатъ всѣ земли, расположенныя въ границахъ общины (очевидно, по снятіи урожая), а также—всѣ помѣстные лѣса. Опять сдѣлана оговорка. ради сохраненія молодыхъ порослей запрещается выпасъ ранѣе четырехъ лѣтъ по окончаніи рубки (jusques à la quarte feuille). Лѣсъ доставляетъ, между прочимъ, и все нужное для снаряженія мертваго инвентаря, начиная съ лубы для связки сноповъ и оканчивая вилами и рѣшетами, подъ тѣмъ условіемъ, однако, чтобы ни тѣ, ни другія не поступали въ продажу, а удовлетворяли дѣйствительнымъ нуждамъ жителей; отсюда правило о томъ, что весь подобный матеріалъ можетъ быть забираемъ изъ лѣсу только разъ въ годъ, въ эпоху сѣнокоса и жатвы; другое дѣло — оси и колеса для телѣгъ: нужный для нихъ матеріалъ можно брать во

---

[1]) Garnier, т. II, стр. 7.
[2]) Ibid., т. II, стр. 127, § 5.
[3]) Ibid., стр. 146.
[4]) Littré говоритъ, что foyard—un des noms vulgaires du hêtre

всякое время, разъ въ этомъ чувствуется потребность [1]). Въ Маршъ на Сонѣ (Marche sur Saone) различаются двоякаго рода лѣса: защитные и такіе, которые обозначены ходячимъ доселѣ терминомъ—communaux; это — лѣса, стоящіе въ общинномъ пользованіи. Предметомъ послѣднихъ могутъ быть одинаково травяная поросль и кустарникъ, въ частности, лоза [2]). Въ Шенье состоящіе въ общинномъ пользованіи лѣса извѣстны подъ наименованіемъ bateiz et communs a touz les habitanz: изъ нихъ можно брать строительный матеріалъ, пасти въ нихъ скотъ, откармливать свиней Вотчинные лѣса, bannaux, доставляютъ общиннымъ пользователямъ только топливо. Ни въ тѣхъ, ни въ другихъ не дозволена корчевка иначе, какъ съ согласія помѣщика. Давая свое согласіе, этотъ послѣдній облагаетъ земли, взятыя изъ-подъ выстройки, не только десятиной, но еще тѣмъ вычетомъ третьей части урожая, о которомъ говоритъ еще Бургундская Правда. Подобно помѣщику, и община въ правѣ объявить запретными подлежащіе совмѣстному пользованію лѣса,—но для этого требуется общее согласіе всѣхъ [3]). Въ Saulx le Duc всѣ лѣса объявлены подлежащими въѣзду и выпасу. Жители въ правѣ собирать валежникъ, унося его на спинѣ и вывозя на тачкахъ и подводахъ, но только въ томъ случаѣ, если они обращаютъ этотъ валежникъ на отопленіе собственныхъ жилищъ. Все, что нужно для производства живыхъ загородей и связки сноповъ, также забирается изъ лѣса. Дозволено посылать въ него крупный и мелкій скотъ, за исключеніемъ опасныхъ для молодяка козъ, да и то лишь въ первые четыре года послѣ рубки. Свиньи во всякое время могутъ пребывать въ лѣсу, какъ при спѣломъ желудѣ, такъ и при не спѣломъ, но въ послѣднемъ случаѣ—подъ условіемъ обезпеченія имъ необходимаго корма. Грамота рекомендуетъ не оставлять скота въ лѣсу безъ присмотра какъ днемъ, такъ и ночью, и грозитъ штрафомъ тому, кто не приметъ этой предосторожности [4])

Обычное право еще въ XII вѣкѣ отказываетъ сеньерамъ въ правѣ односторонняго распоряженія угодьями общинъ, communaultés. Феодальный собственникъ, значится въ соглашеніи, подписанномъ Жанъ де Монтиньи съ жителями Кушэ, не въ правѣ продать городскія угодья безъ участія выборнаго начальства (свѣдующихъ людей, prud'

---

[1]) Ibid., стр. 354 и 355.

[2]) Ibid, стр. 399 и 400, грам. 1286 г

[3]) et volons que ils puissent le dit bateiz metre en deffens en lour touz ensemble, se il lour plait (Ibid., грам. 1291—2 г., стр. 413).

[4]) Ibid., стр. 246.

hommes). Что касается самихъ пользователей, то имъ запрещенъ упраздненіе ихъ правъ путемъ обращенія лѣса подъ пахоть. Исо ключеніе дѣлается только въ томъ случаѣ, когда корчевки не служатъ препятствіемъ къ извлеченію изъ лѣса достаточнаго топлива. Что касается до продажъ, то за сеньеромъ удержано право предпочтительной покупки [1])

Особенность только что описанныхъ порядковъ лежитъ въ томъ, что угодья пріурочены болѣе или менѣе къ отдѣльнымъ общинамъ и не состоятъ въ томъ совладѣніи ряда частныхъ собственниковъ и селъ, въ какомъ мы нашли ихъ въ районѣ примѣненія франкскаго права.

Едва ли когда удастся рѣшить вопросъ, въ какой мѣрѣ ратовавшіе за цѣльность своего земельнаго состава монастырскія обители являлись выразителями историческаго права, и въ какой мѣрѣ онѣ были то сознательными, то безсознательными узурпаторами мірской собственности. Передъ нами лежитъ актъ 1236 года; это—отказъ жителей селенія Онгласъ отъ всякаго дальнѣйшаго въѣзда въ принадлежащіе лонской епископіи лѣса. Чтобы добиться этого результата, духовенство прибѣгло къ духовному оружію, пригрозило отлученіемъ отъ церкви [2]). Когда за крестьянами стоялъ какой-нибудь свѣтскій владѣлецъ, правамъ котораго грозили захваты монаховъ, можно было еще разсчитывать на энергическую защиту передъ судами исконныхъ правъ и преимуществъ. Но дѣло принимало иной видъ, разъ крестьянству приходилось самому защищаться отъ сеньеровъ, свѣтскихъ или духовныхъ. Источники обыкновенно передаютъ содержаніе подобныхъ столкновеній такимъ языкомъ, который служитъ большимъ затрудненіемъ для составленія убѣжденія въ правотѣ той или другой стороны. Приведя аргументы обѣихъ сторонъ, они излагаютъ содержаніе приговора, который въ большинствѣ случаевъ или благопріятенъ обители, или предписываетъ полюбовный раздѣлъ спорнаго имущества, И все же—эти третейскія рѣшенія представляютъ большой интересъ. Они бросаютъ свѣтъ на тѣ экономическія явленія, самопроизвольное развитіе которыхъ грозило гибелью общинному принципу владѣнія и пользованія. Въ 1270 году разбирается споръ между рыцарями Гюгъ и Аймонъ де Грамонъ и монастыремъ въ Арвіерѣ. Братья Грамонъ жалуются, что настоятель и иноки построили обитель въ мѣстности, которая по праву принадлежитъ имъ. Живущіе въ предѣлахъ этой

---

[1]) Ibid, стр 281 и 289.

[2]) Cartulaire Lyonnais, т. I, стр 379

новой заимки люди ихъ помѣстья, homines, пользовались долгое время, по обычаю лѣсомъ для топлива и построекъ, а также производили свои расчистки; сеньеры Грамонъ получали съ корчевщиковъ ренту оливковымъ масломъ, сѣномъ, овсомъ, соломой и т. д. Истцы настаиваютъ поэтому на томъ, чтобы монастырь прекратилъ дальнѣйшія заимки и возстановилъ ихъ старинное владѣніе; они жалуются также, что аббатъ обратилъ въ сѣнокосъ, pratum, то, что прежде было весеннимъ пастбищемъ, общимъ имъ съ другими homines той же земли (quod veroetum commune erat sibi et heredibus suis et aliis hominibus de terra illa); они прибавляютъ, что это весеннее пастбище открыто было для пользованій, usagia, и что вредъ, причиненный имъ и ихъ людямъ захватами монастыря, оцѣненъ въ 60 ливровъ. Съ другой стороны, аббатъ объявляетъ, что Гугъ де Грамонъ допустилъ скотъ своихъ сосѣдей, vicinorum suorum, подъ которыми, очевидно, разумѣетъ членовъ зависимой отъ истца сельской общины, къ выпасу въ предѣлахъ поля, издавна служившаго для стадъ обители [1]). Очевидно, что описанное столкновеніе возникло изъ-за того, что отдѣльные участники въ правахъ на лѣса и пастбища, мирно пользовавшіеся ими бокъ о бокъ, пока мѣста хватало для всѣхъ, начали оспаривать права другъ друга, едва ростъ населенія вызвалъ необходимость новыхъ корчевокъ и усилилъ запросъ на пастбища и лѣса. Это же явленіе выразится въ ближайшее столѣтіе въ формѣ возведенія загородей собственниками и разрушенія ихъ заинтересованнымъ въ общественномъ пользованіи крестьянствомъ. Въ 1312 году разбирается посредниками споръ между аббатствомъ Св. Сульпиція и жителями трехъ общинъ Бюже—Іонъ, Сервейріе и Артемаръ. Аббатъ жаловался на то, что, вопреки всѣмъ запретамъ, крестьянствомъ снесены были тѣ огорожи, которыми слуги монастыря, familiares, обнесли принадлежащій обители лугъ (vergerium). Снявъ плетень, поселяне стали высылать свой скотъ на выпасъ. Аббатъ настаивалъ на томъ, чтобы крестьянамъ запрещено было дѣлать это на будущее время. Послѣдовалъ отвѣтъ: мы всегда имѣли право пускать нашъ скотъ на этотъ лугъ, мы пользовались этимъ правомъ послѣднія десять, двадцать, тридцать и сорокъ лѣтъ и, вообще, такъ давно, что не сохранилось памяти о томъ, чтобы когда-либо было иначе (tanto tempore quod in contrarium memoria hominum non existit). Посредники, признавъ, повидимому, принципъ стариннаго совладѣнія крестьянскихъ общинъ

---

[1]) Petit Cartulaire de l'abbaye de S Sulpice en Bugey, publié par M. C. Guige, Lyon, 1884 г., стр. 132.

съ монастыремъ, постановили слѣдующее рѣшеніе: то, что было огорожено въ такихъ-то и такихъ-то границахъ, должно принадлежать монастырю и навсегда останется закрытымъ для мірского пользованія (ex hic mantea clausa perpetuo remaneat); другія части того же луга, подвергшіяся недавнимъ огораживаніямъ со стороны аббата, удерживаются въ пользованіи крестьянъ и ихъ наслѣдниковъ [1]).

Съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе чувствуется потребность положить конецъ общиннымъ сервитутамъ въ интересахъ охраненія лѣсныхъ дачъ. Послѣднимъ грозитъ систематическое опустошеніе не только отъ порубокъ, производимыхъ сосѣдями, но и отъ сельскихъ стадъ, пребывающихъ въ нихъ денно и нощно и мѣшающихъ побѣгу вѣтокъ. Не удивительно, если монастыри стараются добиться признанія за ними права налагать штрафы на тѣхъ, кто проникнетъ въ ихъ лѣсъ, не получивъ на это разрѣшенія Потравы и порубки— таковъ обычный предметъ жалобъ; исконный обычай мірского пользованія — таково не менѣе обычное основаніе защиты, если не для судей, то для отвѣтчиковъ 12 апрѣля 1328 года состоялся приговоръ, въ которомъ Людовикъ Савойскій, владѣлецъ теперешняго кантона Ваадтъ, высказывается противъ жителей цѣлыхъ пяти приходовъ. Эти послѣдніе, ссылаясь на старинныя обыкновенія, позволяли себѣ на Рождество вырубать въ лѣсу матеріалъ, необходимый для сооруженія плуговъ и боронъ, и круглый годъ держали скотину на подножномъ корму въ предѣлахъ принадлежащей аббатству въ Белэ дачи Rothonad [2]). Четырнадцатью годами ранѣе была подписана сдѣлка между аббатствомъ Св. Стефана въ Дижонѣ и зависимымъ отъ него крестьянствомъ въ приходѣ Св. Филиберта. Въ этомъ соглашеніи еще нагляднѣе выступаетъ стремленіе помѣщиковъ положить во что бы то ни стало конецъ мірскимъ пользованіямъ. Крестьяне жалуются, что монахи пожелали вернуть въ свои руки нѣкій лѣсъ, именуемый Эонъ. Много лѣтъ, говорятъ они, держали мы его, платя за это каждый 12 эминъ овса; теперь же аббатъ хочетъ прекратить наши пользованія, ссылаясь на то, что мы не можемъ доказать пріобрѣтеніе ихъ на вѣчныя времена, какъ это имѣетъ мѣсто при цензивѣ, или чиншѣ (cum non possimus dicere quod predictus nemus fuisset nobis traditum in perpetuum pro censiva predicta). Такимъ образомъ, крестьяне утверждаютъ, что съ незапамятныхъ временъ, a tempore a quo non exstat memoria, они владѣютъ лѣсомъ, вслѣдствіе чего ихъ пользованіе

---

[1]) Ibid., стр. 146, № 46.
[2]) Ibid, стр 161, № 61.

можетъ вполнѣ считаться давностнымъ. Столкновеніе оканчивается тѣмъ, что истцы добровольно, spontanea voluntate, отказываются отъ въѣзда въ запретную часть лѣса (foresta), состоявшую дотолѣ in commune usum totius villae, и уплачиваютъ двойной цензъ, потребованный съ тѣхъ, кто былъ допущенъ къ выпасу и въѣзду въ прочія части лѣса [1])

Такое стремленіе помѣщиковъ къ отмѣнѣ мірскихъ пользованій объясняетъ намъ причину, по которой крестьяне, получая въ XIV и XV вв. цѣлымъ обществомъ свои chartes d'affranchissement, или вольныя, добиваются обыкновенно включенія въ нихъ формальнаго признанія ихъ правъ на выпасъ и въѣздъ. Этотъ фактъ относится въ равной мѣрѣ какъ къ селамъ, такъ и къ городамъ Рѣдкая грамота конца XIV и начала XV вѣка обходится безъ признанія за жителями одного или нѣсколькихъ изъ слѣдующихъ правъ: права рубки въ предѣлахъ личной нужды для постройки или поправки жилищъ и сельскохозяйственныхъ орудій, иногда съ оговоркой щадить фруктовыя деревья, въ томъ числѣ, каштановыя; еще чаще заходитъ рѣчь о крестьянскомъ пользованіи валежникомъ, mort bois, разумѣется, для топлива и безъ права продажи на сторону; право охоты иногда, но довольно рѣдко, присоединяется также къ числу выговариваемыхъ пользованій; гораздо чаще упоминается о выпасѣ скота въ лѣсу, то безвозмездномъ, то связанномъ съ платежомъ подворно опредѣленнаго числа солидовъ [2]). Извѣстно также и право свободнаго прогона скота по нивамъ и лугамъ послѣ снятія урожая; о немъ говорятъ, между прочимъ, старинные кутюмы города Бонъ, редактированные въ 1370 году. Перечень мірскихъ пользованій можетъ быть законченъ упоминаніемъ о свободномъ уловѣ рыбы въ рѣкахъ, съ чѣмъ мы встрѣчаемся, напримѣръ, въ тѣхъ жестаринныхъ обыкновеніяхъ Бона, объявляющихъ, что la poicherie принадлежитъ городу и его жителямъ [3]).

За предѣлами Франціи, не выходя изъ области, занятой бургундами и нерѣдко живущими бокъ о бокъ съ ними алеманами, мы находимъ тѣ же мірскія пользованія и то же стремленіе къ ихъ ограниченію и упраздненію со стороны сеньеровъ. Въ изданіяхъ историческаго общества романской Швейцаріи я нашелъ довольно богатый матеріалъ для изображенія судебъ общиннаго владѣнія въ

---

[1]) Garnier, Chartes de commune, т. II, стр 442.

[2]) Ibid, т. II, стр. 501.

[3]) Garnier, т I, стр 237, § 4 и 14

кантонѣ Ваадтъ, начиная съ XIII столѣтія [1]). Въ настоящее время я позволю себѣ пополнить эти данныя нѣкоторыми фактами, относящимися Валису [2]).

Нераздѣльныя марки,—уступающія, какъ мы видѣли, мѣсто общиннымъ угодьямъ въ густо населенныхъ мѣстностяхъ Бургундіи и Лонской области и снова выступающія въ болѣе дикомъ Бюже,—тянутся на всемъ протяженіи Валиса, вызывая въ XIII и первой половинѣ XIV вѣка, подъ вліяніемъ роста населенія и увеличенія запроса на лѣсъ и пастбище, долгія препирательства между бывшими совладѣльцами. Конецъ этимъ спорамъ кладутъ приговоры о раздѣлахъ, изученіе которыхъ ставитъ на вѣрнѣйшій путь къ ознакомленію съ природой и характеромъ мірскихъ пользованій, а также—съ тѣми причинами, которыя содѣйствовали ихъ постепенному ограниченію, если не совершенному исчезновенію.

Изъ нѣкоторыхъ актовъ, принадлежащихъ къ концу XII столѣтія, мы узнаемъ, что крестьянство Валиса ревниво охраняло свои угодья отъ тѣхъ сторонніхъ вступщиковъ, которыхъ графы Савойскіе припускали къ пользованію нераздѣльной маркой. «Мы изумлены, говорится отъ имени этихъ послѣднихъ въ одной грамотѣ XIII вѣка, и не разъ уже высказывали наше недоумѣніе по поводу той дерзости, съ какой крестьяне Орсьеръ (rustici d'Orsieres) рѣшаются причинять насилія тѣмъ, кого мы ради спасенія души нашей надѣлили извѣстными преимуществами. Представъ предъ нами, монахи Монжу со слезами на глазахъ (lacrimabiliter), доложили свою жалобу, состоящую въ томъ, что поселяне препятствуютъ постройкѣ ими дороги, ведущей въ лѣсъ и необходимой для вывоза дровъ ad calefaciendos et vivificandos pauperes». Подъ страхомъ строгой отвѣтственности приказываетъ графъ Ѳома жителямъ Орсьеръ—воздержаться отъ дальнѣйшаго противодѣйствія и позволить монахамъ рубить лѣсъ и прокладывать въ немъ дорогу [3]). Нѣсколько разъ повторяетъ графъ Савойскій тѣ же приказы. Въ 1224 году, напримѣръ, начальникъ замка въ Шильонѣ надѣленъ полномочіемъ преслѣдовать всѣхъ и каждаго, кто позволитъ себѣ нападеніе на монастырскихъ посланцевъ и причинитъ какой-либо ущербъ ихъ лѣсной дачѣ въ Орсьерѣ; виновному грозитъ конфискація имущества и изгнаніе [4]).

---

[1]) См. мой *Очеркъ исторіи распаденія общиннаго землевладѣнія въ кантонѣ Ваадтъ*.

[2]) См. Mémoires et documents pour servir à l'histoire de la Suisse romande, т XXIX и XXXII, Gremaud, Documents pour servir à l'histoire du Valais.

[3]) Ibid., т. XXIX, стр. 518, грам 1190—1 г.

[4]) Ibid., стр. 523.

Я особенно настаиваю на этихъ фактахъ, потому что они бросаютъ свѣтъ на довольно темный вопросъ о томъ, произошли ли мірскія пользованія отъ позднѣйшихъ надѣленій частныхъ собственниковъ и корпорацій, или предшествовали самому возникновенію помѣстій. Въ данномъ случаѣ мы видимъ, что пожалованія производятся не въ пользу крестьянъ, а въ пользу владѣльцевъ, и что виновниками ихъ являются верховные правители страны, графы Савойскіе Что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ исключительнымъ случаемъ, это показываетъ и актъ 1200 года, въ которомъ епископъ Сіона, т е глава феодальной іерархіи на всемъ протяженіи верхняго теченія Роны, надѣляетъ правомъ выпаса монастырь Alteripa въ предѣлахъ «альпъ», пріуроченныхъ къ общинѣ Almina, подъ условіемъ, что иноки навсегда сохранятъ по отношенію къ нему преданность вассаловъ, tanquam essent homines nostri ligii [1]) 28 лѣтъ спустя тотъ же епископъ сіонскій отдаетъ въ ленъ другой обители двѣ трети Nova Chiseria (новая сыроварня), а еще черезъ три года та же судьба постигаетъ альпу въ Лейтронѣ: она сдана подъ условіемъ ежегодной ренты въ 3 солида [2])

Это постепенное обремененіе крестьянскихъ угодій скотомъ припускаемыхъ къ нимъ частныхъ владѣльцевъ—причина тому, что число участниковъ въ нераздѣльной маркѣ весьма быстро возрастаетъ, а подлежащія пользованію угодья оказываются все менѣе и менѣе способными удовлетворить предъявляемому къ нимъ запросу. Цѣлыя общины и поставленные во главѣ ихъ сеньеры вступаютъ въ продолжительныя препирательства изъ-за вопроса, въ какой мѣрѣ права той или другой группы и того или другого частнаго лица въ отношеніи къ пользованію угодьями могутъ считаться давностными. Извѣстно, читаемъ мы въ одномъ соглашеніи помѣщика съ крестьянами, что несогласіе и вражда долгое время раздѣляли собственниковъ Гранжъ и Айянъ, а также—зависимыхъ отъ нихъ людей (homines). Споръ шелъ о томъ, справедливо ли притязаніе жителей Айянъ и ихъ помѣщика на пользованіе пастбищами, лѣсами, дорогами и мостами по обѣ стороны рѣчки Рьеръ, и могутъ ли они утверждать, что давно надѣлены всѣми этими преимуществами При участіи Сіонскаго вице-графа и мудрыхъ мужей (consilio prudentium virorum) р . шено, что оба помѣщика и оба селенія должны владѣть и пользоваться совмѣстно лѣсомъ въ такихъ-то и такихъ-то границахъ.

---

[1]) Ibid., стр 521.

[2]) Ibid , стр 273 и 292.

Что же касается пастбищъ, то они поступаютъ въ раздѣлъ, но подъ условіемъ, что скотъ, посылаемый за дровами, будетъ пользоваться травою, пока не послѣдуетъ нагрузки. Если лѣса будутъ объявлены запретными, то ихъ охрана будетъ вмѣнена въ обязанность и поставлена на общій счетъ обоихъ собственниковъ и обоихъ селеній; они совмѣстно должны содержать стражу [1]).

Въ 1280 году посредниками рѣшается другой споръ, вызванный однохарактерными причинами. На этотъ разъ сторонами выступаютъ консулы общины Сенъ Морисъ и аббатство того же имени. Первые утверждаютъ, что право собственности (dominium) на пастбища и лѣса по обѣ стороны Роны издавна принадлежитъ общинѣ, и что съ незапамятныхъ временъ жители владѣли и пользовались выпасомъ, въѣзъ домъ и правомъ корчевки, не спрашивая разрѣшенія и не платя ничего, кромѣ церковной десятины и такъ называемыхъ nonae, или девятой части общей выручки съ расчистокъ, оба сбора поступали въ пользу монастыря Аббатство оспариваетъ эти заявленія, утверждая, наоборотъ, что право собственности, dominium, на тѣ же угодья издавна было въ его рукахъ, что поэтому оно съ незапамятныхъ временъ взимало поборы съ лодокъ на Ронѣ, производило соколиный ловъ въ горахъ и долинахъ и получало почетныя приношенія (honores) съ тѣхъ, кто охотился въ предѣлахъ данной территоріи. Наконецъ, ему же принадлежало исконно право взимать nonae и decimae съ лицъ, производящихъ лѣсныя заимки, и право раздавать участки въ корчевку какъ жителямъ селенія, такъ и постороннимъ. Никто поэтому въ данныхъ предѣлахъ не могъ ни поднять нови, ни объявить запретными тѣ или другія угодья по своему выбору,— не причиняя тѣмъ ущерба интересамъ и правамъ обители Посредники высказываются въ пользу монастыря, но условно. «Мы нашли, пишутъ они, что нѣкоторые изъ горожанъ (burgenses) производили свои расчистки, не спрашивая согласія монаховъ, и постоянно держали свои заимки огороженными (clausa). Особенно это надо сказать о пастбищахъ, лежащихъ въ Лавето и на островахъ. Въ этихъ пастбищахъ чувствуется большая нужда для города, почему они всегда и были заняты его жителями, что порождало столкновенія между ними, монастырскими крестьянами и тѣми изъ горожанъ, которые не участвовали въ заимкахъ, Удерживая за теперешними владѣльцами издавна совершенныя ими присвоенія, посредники, въ то же время, запрещаютъ дальнѣйшіе захваты и требуютъ, чтобы земли въ двухъ данныхъ

[1]) Ibid., т XXX, стр. 22.

мѣстностяхъ, Лавето и Иль, навсегда оставались подъ пастбищемъ,— такъ чтобы никто не могъ обратить ихъ въ пахоть или обвести постоянной загородью, будетъ ли то мѣстный житель или лицо, припущенное къ пользованію аббатствомъ [1]). Живые плетни дозволено возводить для защиты травы съ праздника Іоанна Предтечи въ іюнѣ до Рождества Богородицы; допущено штрафованіе въ этотъ періодъ тѣхъ, кто проникнетъ со своимъ скотомъ въ предѣлы защиты. Нельзя также воздвигать новыхъ жилищъ, или мызъ, grangia (grange, то же, что клуня), иначе, какъ съ согласія монастыря, который въ правѣ разрушить произвольно произведенныя огорожи и потребовать содѣйствія въ этомъ городской общины Сенъ Мориса. Если этого не сдѣлано въ теченіе недѣли, то право изгнанія заимщиковъ силою переходитъ къ городу. Что касается до трехъ острововъ на Ронѣ, которые долгое время считались защитными, то все на нихъ возведенное постановлено продать и обратить полученную этимъ путемъ сумму на общую выгоду монастыря и города, послѣ чего острова поступаютъ въ совмѣстное пользованіе и навсегда должны оставаться открытыми и не подлежащими корчевкамъ. За указанными исключеніями, дѣлать расчистки позволено повсюду, но подъ условіемъ платежа ценза или отправленія условленныхъ службъ въ пользу аббатства. Кто сдѣлаетъ самовольную заимку, тотъ въ правѣ удержать ее за собою только въ теченіе трехъ лѣтъ, т. е. пока длится сѣвооборотъ, установленный, какъ гласитъ грамота, добрымъ обычаемъ земледѣльцевъ (разумѣется трехпольная система),—послѣ чего монастырь можетъ отдать землю, кому вздумаетъ.

Какъ общее правило, посредники подчиняютъ дальнѣйшія расчистки на всемъ протяженіи спорныхъ земель платежу ноны и десятины въ пользу монастыря. Только на этомъ условіи соглашаются они на признаніе самопроизвольно установленныхъ заимокъ какъ за корчевщиками, такъ и за ихъ потомствомъ [2]).

Тѣ самыя угодья, которыя послужили предметомъ только что изложеннаго нами спора, 15 лѣтъ спустя вызываютъ новыя препирательства между жителями Бексъ и гражданами Сенъ Мориса. Для прекращенія спора не остается другого средства, кромѣ раздѣла. Положено установить границы пастбищнымъ и лѣснымъ пользованіямъ спорящихъ сторонъ, другими словами, положить конецъ существованію нераздѣльной марки и пріурочить угодья къ общинамъ. Попытка

---

[1]) Т. XXX, Gremaud, v. II, p. 291.

[2]) Ibid, стр. 291 и сл.

въ этомъ смыслѣ сдѣлана была еще 30 лѣтъ назадъ, но стороны, повидимому, не сочли нужнымъ подчиниться рѣшенію посредниковъ, такъ что графу Савойскому самому пришлось вмѣшаться въ дѣло и предписать производство окончательной разверстки [1]).

Столкновенія и препирательства, однохарактерныя съ только что описанными, тянутся въ теченіе всего слѣдующаго столѣтія. Предметомъ третейскаго разбирательства служитъ то опредѣленіе правъ четырехъ сосѣднихъ общинъ—Савіезъ, Контэ, Планконтэ и Ветрозъ на пастбища, то выясненіе вопроса, въ какой мѣрѣ Альбиненъ и Дирбанъ, съ одной стороны, и Инденъ, съ другой, имѣютъ права въѣзда и выпаса въ общихъ лѣсахъ. Завершившаяся уже къ этому времени эмансипація крестьянъ позволяетъ сельскимъ общинамъ вести отъ своего имени и чрезъ посредство назначенныхъ ими уполномоченныхъ всѣ подобнаго рода иски, такъ что получается представленіе уже не объ однихъ правахъ общиннаго пользованія, но и объ общинной собственности. Другое впечатлѣніе, выносимое нами изъ чтенія этихъ процессовъ, совершенно сходно съ тѣмъ, какое производятъ третейскія разбирательства и предшествующаго столѣтія. Оно состоитъ въ томъ, что посредники кажутся намъ озабочены мыслью не столько о возстановленіи историческаго права, сколько о примиреніи сторонъ. Они постоянно прилагаютъ къ рѣшенію спора близкій не одному русскому простонародію принципъ. грѣхъ пополамъ. Давностность владѣнія часто извиняетъ въ ихъ глазахъ незаконность его источника. Все это, вмѣстѣ взятое, не позволяетъ искать въ подобнаго рода рѣшеніяхъ отвѣта на вопросъ, кто были первые законные пользователи нераздѣльной марки. Теорія, не признающая другого источника для происхожденія общинныхъ угодій, кромѣ добровольнаго надѣленія ими крестьянства со стороны феодальныхъ помѣщиковъ, обыкновенно ссылается на то, что въ спорахъ между сеньерами и ихъ hommes посредники всего чаще принимаютъ сторону первыхъ. Но это объясняется, не говоря о безпомощности крестьянъ, уже тѣмъ, что они въ противность сеньерамъ, не могли опереть своихъ притязаній на письменныя записи; они ссылались на одинъ стародавній обычай. Дѣйствительно, во всѣхъ подобныхъ процессахъ намъ неизмѣнно приходится читать, то procuratores communitatis, т. е. уполномоченные общины, утверждаютъ, что ихъ довѣрители издавна или съ незапамятныхъ временъ состояли во владѣніи и имѣли право дѣлать то-то и то-то. Если противной стороной является также община, а не частный владѣлецъ,

[1]) Ibid., стр. 497.

то актъ заключаетъ въ себѣ обыкновенно слѣдующія слова: синдики или прокураторы такой-то общины, говоря наперекоръ, заявляли, что жители спорящаго съ ними селенія не состояли въ этомъ владѣніи и не имѣли права, которое искони принадлежало только имъ. Настоящій характеръ приговора выступаетъ часто изъ самого акта, который, сообщая предварительно, что такая-то община утверждала то, что другая отрицала, продолжаетъ: тѣмъ не менѣе, сторонамъ угодно было покончить споръ путемъ соглашенія, почему онѣ и условились въ выборѣ посредниковъ, а эти постановили то-то и то-то.

Когда стороны не приводятъ въ пользу своихъ притязаній свидѣтельскихъ показаній о границахъ, далѣе которыхъ не идетъ пользованіе истца или отвѣтчика, посредники сами устанавливаютъ эти границы, производя такимъ образомъ полюбовный раздѣлъ старинной марки. Они объявляютъ, напримѣръ, что въ такихъ-то и такихъ-то предѣлахъ вмѣсто совмѣстнаго пользованія двухъ или нѣсколькихъ общинъ будетъ производиться впредь эксплоатація лѣсовъ и пастбищъ только одною изъ этихъ общинъ, что, наоборотъ, въ другой части лѣса удержана будетъ навсегда общность владѣнія [1]). Отмѣтимъ еще ту подробность, что въ поступающихъ въ раздѣлъ маркахъ оказываются, на ряду съ общинными пользователями, и частные; ими являются тѣ или другіе жители спорящихъ селеній, которые издавна совершили частныя заимки въ предѣлахъ общихъ угодій. Эти заимки называются въ настоящей мѣстности amazaz [2]). Посредники высказываются въ пользу ихъ удержанія за наличными собственниками въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ они владѣли ими доселѣ [3]).

---

[1]) Item pronuntiaverunt quod nemora (слѣдуетъ указаніе границъ) sint et remaneant perpetue et eisdem utantur omnes predicte partes et communitates eodem modo et statu in quibus fuerunt usque ad diem confectionis huius presentis carte (стр. 347).

[2]) Procuratores communitatis de savisia asserebant ipsos homines de Savisia esse in possessione vel quasi et ius habere faciendi maeyns sive habitacula aut domunculas que vulgariter maeyns nuncupantur causa habitandi et pernoctandi cum bestiis suis per pascua communia et in locis suis sive propriis pratis amazaes, que in dictis confinibus habebant vel habere consueverant (стр. 87) — Quod ille platee pratorum seu terrarum que alias erant amazaes aut appropriate. in illis maeyns que solebant ibi esse, remaneant illis de Savisia —Idem de illis que erant amazaes aut adpropriate pro illis de Contegio (стр 88). Слово amazaes, по всей вѣроятности, происходитъ отъ mansus (надѣлъ). Оно означаетъ участки, которые, благодаря заимкѣ, сдѣлались частными надѣлами, или манзами.

[3]) Item pronuntiaverunt quod si sint alique persone singulares dictarum par

Имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи источники не только знакомятъ насъ съ существованіемъ нѣкогда угодій, общихъ жителямъ цѣлыхъ областей и, слѣдовательно, вполнѣ отвѣчающихъ представленію о маркѣ; они бросаютъ еще свѣтъ на тѣ внутренніе порядки, которые устанавливались въ отдѣльныхъ помѣстьяхъ и свободныхъ селахъ относительно пользованія общими лѣсами и пастбищами.

Въ маѣ 1269 года администрація принадлежащихъ сіонской епископіи вотчинъ предлагаетъ на утвержденіе епископа слѣдующіе статуты, прошедшіе предварительно черезъ placitum generale, т. е. общее собраніе гражданъ. Буде кто, значится въ этихъ регламентахъ, пожелаетъ произвесть очистку въ лѣсахъ епископіи, восьми избраннымъ поручено будетъ выяснить, въ какой мѣрѣ необходима такая очистка. Послѣ этого они укажутъ просителю на участокъ, въ которомъ снесеніе лѣса способно причинить наименьшіе убытки. Одновременно по отношенію къ пастбищамъ на одномъ изъ острововъ Роны (insula rotunda, или круглый островъ) принято слѣдующее рѣшеніе: они объявлены защитными, начиная отъ праздника Іоанна Предтечи (нашъ Иванъ Купало), и оканчивая исходомъ недѣли, слѣдующей за праздникомъ Рождества Богоматери; въ сухомъ полѣ, «in campo sico», скотъ не допускается къ выпасу съ Михайлова дня Все это предписано подъ штрафомъ трехъ солидовъ, не считая вознагражденія сторожамъ [1]). Помѣстное крестьянство обыкновенно пользуется угодьями не безвозмездно; оно несетъ взамѣнъ этого пользованія повинности и производитъ платежи. Когда же эксплоатація лѣса происходитъ путемъ очистокъ, помѣщикъ, какъ мы это уже видѣли, получаетъ возможность разсчитывать на неизмѣнную ренту въ формѣ нонъ и децимъ.

Въ 1272 году послѣ долгихъ препирательствъ рѣшенъ споръ между владѣльцемъ Арбиньенъ и жителями селенія Моркль. Мотивомъ къ столкновенію было нежеланіе поселянъ отправлять какія бы то ни было повинности или производить платежи взамѣнъ допущенія ихъ скота къ альпѣ, или горному пастбищу въ Арбиньенъ. Судьи объявляютъ, что ежегодно на Ивановъ день homines Моркль должны платить помѣщику 3 солида, 10 динаріевъ, а на Рождество — 3 cirae бобовъ. Тѣ же обязательства лежатъ на нихъ и при преемникахъ теперешняго собственника [2]).

---

tium que singulariter habeant in communitatem alterius communitatis aliquas terras vel possessiones, quod illis terris et possessionibus uantur in futurum prout ad presentem diem fuerunt usi (стр. 348).

[1]) Ibid., т XXX, стр. 139

[2]) Ibid, стр. 203.

Въ общинахъ, которыя, подобно Сенъ Морису, получили извѣстную автономію отъ сеньеровъ (въ данномъ случаѣ—графовъ Савойскихъ), изданіе сельскаго устава, опредѣляющаго, между прочимъ, порядки пользованія, переходитъ на самихъ жителей. 4 августа 1298 года universitas burgensium, т. е. общее собраніе жителей Сенъ Мориса, «принимая во вниманіе какъ пользу всѣхъ, такъ и честь ея любезнаго господина, Амедея, графа Савойскаго», постановляетъ: никто не долженъ рубить лѣса для продажи, дарственнаго распоряженія и, вообще, вывоза изъ границъ мѣстной территоріи. Одновременно запрещаются также расчистки въ лѣсахъ, съ указаніемъ на обыкновенный способъ ихъ исполненія при посредствѣ огня [1]). Переходя къ пастбищамъ, жители высказываютъ положеніе, которое доселѣ сохраняетъ силу всюду, гдѣ только уцѣлѣли нераздѣльныя альпы и альменды. Къ пользованію пастбищами допускаются одни мѣстные поселенцы и никто изъ лицъ, живущихъ внѣ предѣловъ данной общины [2]). Выпасъ въ лѣсу не долженъ вредить росту деревьевъ; запрещено поэтому снимать листву или обрублять вѣтки для откорма ими козъ [3]).

Изъ другихъ однохарактерныхъ регламентовъ мы узнаемъ, что сельскія общины кантона были озабочены мыслью о томъ, чтобы примирить существованіе совмѣстнаго выгона съ интересами правильнаго полеводства. 20 октября 1323 года общее собраніе жителей Шамозонъ объявляетъ, что такіе-то и такіе-то сѣнокосы пользуются защитой отъ потравъ съ перваго апрѣля до праздника Маріи Магдалины въ августѣ; всѣ остальные — съ перваго мая по сентябрь. При возведеніи плетней слѣдуетъ ставить ихъ не на дорогахъ, а въ предѣлахъ собственнаго участка.

Община не въ меньшей степени озабочена и сохраненіемъ лѣса. Въ бору (in nigris nemoribus), какъ и на островахъ Роны, запрещено производить очистки—не только въ долинахъ, но и на горныхъ покатостяхъ,—мѣра, очевидно, вызванная желаніемъ предупредить наводненія. Боится также община истощать пастбища непомѣрной посылкой на нихъ скота. Въ виду этого, а также—желанія обезпечить всѣмъ равную долю участія, разрѣшено держать на пастбищахъ каждому не

---

[1]) quod nullus ignem ponat in iuribus et nemoribus intra dictos fines seu exartum faciat (Ibid., стр. 514).

[2]) quod nullus morans extra dictos terminos. in pascuis dicte universitatis animalia vel pecudes non immittat (Ibid).

[3]) Item quod nullus abroscet folia, scindet ramos ad pascendum capras sub pena seu banno sexaginta solidorum (Ibid).

болѣе одной кобылы съ жеребенкомъ. Одновременно устраненъ всякій чужеземный скотъ и позволено лѣтомъ имѣть не болѣе двухъ козъ для откорма дѣтей молокомъ. У кого ихъ нѣтъ, тотъ можетъ взамѣнъ послать на выпасъ корову [1]).

Въ кантонѣ Ваадтъ объ общинныхъ пастбищахъ жителей Лозаны и Виленевъ заходитъ рѣчь еще въ актахъ первой половины XIII вѣка, при чемъ выступаетъ фактъ совладѣнія этими пастбищами міромъ и частными лицами [2]) Въ грамотахъ другихъ селъ кантона въ теченіе того же столѣтія помѣщикъ не разъ заявляетъ о своемъ правѣ ограничивать односторонне права общиннаго пользованія, далеко, однако, не по отношенію ко всякаго рода угодьямъ. Не разъ выговаривается спеціально, что объявлять запретными извѣстные участки, сдавать въ цензъ то, что входитъ въ составъ общиннаго пастбища, и даже опредѣлять границы этого послѣдняго феодальный владѣлецъ можетъ не иначе, какъ при согласіи гражданъ селенія или города и ихъ властей, прюдомовъ или скабиновъ и членовъ совѣта.

Какъ и въ Валисѣ, общинныя угодья обнимаютъ собою право извлекать лѣсной матеріалъ для топлива и построекъ, право охоты и рыбнаго улова, не говоря уже о выпасѣ, которому открыты и частныя нивы и сѣнокосы по снятіи съ нихъ годовыхъ урожаевъ. Какъ и въ Валисѣ, угодья состоятъ нерѣдко въ совмѣстномъ пользованіи нѣсколькихъ общинъ и частныхъ лицъ; такъ, напримѣръ, Эгль, Варнъ, Лейзинъ и Корберье въ 1347 году выступаютъ передъ нами совладѣльцами пастбищъ,—и эта нераздѣльная марка держится въ теченіе цѣлыхъ пяти столѣтій, до второй четверти текущаго. Обычное право противится присвоенію марки частными лицами путемъ обращенія тѣхъ или другихъ участковъ ея въ сѣнокосы и нивы. Всѣ подобныя заимки приказано возсоединять съ угодьями. Епископу лозанскому прямо поставлено на видъ еще въ началѣ XIII вѣка, что онъ не можетъ оказывать защиты захватчикамъ. Ихъ велѣно штрафовать, обращая пени въ пользу помѣщика [3]) Мірскія земли въ XIII и XIV вв. еще остаются въ фактическомъ пользованіи крестьянства, но съ начала слѣдующаго столѣтія встрѣчаются уже случаи сдачи ихъ въ аренду.

До 1400 года пріоры Лозаны поставлены были во главѣ ея общинныхъ имуществъ и получили право наказывать тѣхъ, кто такъ или

---

[1]) Ibid., т. XXXI, стр 451.

[2]) Volumus, quod omnia pascua sint communia Vilenove et aliorum qui consueverunt ibidem habere pascua

[3]) См. мой *Очеркъ исторіи распаденія общиннаго землевладѣнія въ кантонѣ Ваадтъ*, Лондонъ, 1876 г, стр 1—12.

иначе нарушалъ установленные общимъ собраніемъ сельскохозяйственные регламенты. Въ такъ называемыхъ manuaux городского совѣта мы прочли рядъ случаевъ штрафованія тѣхъ или другихъ лицъ за нарушеніе положенныхъ собраніемъ banna [1]): за рубку дровъ въ запретныхъ лѣсахъ въ бо́льшемъ противъ дозволеннаго количествѣ, за посылку скота на выпасъ раньше назначеннаго срока и т. д. Надѣленіе просителя, напримѣръ, погорѣльца, нужнымъ ему строительнымъ матеріаломъ всегда исходитъ отъ совѣта. Отъ него же зависитъ пріуроченіе на вѣчныя времена тѣхъ или другихъ участковъ лѣсной дачи къ удовлетворенію, напримѣръ, запроса въ топливѣ со стороны госпиталя. Какъ верховный распорядитель городскимъ имуществомъ, совѣтъ сдаетъ его также по частямъ въ аренду на срокъ, при чемъ тщательно выговариваетъ соблюденіе съемщикомъ положенныхъ собраніемъ правилъ касательно пользованія лѣсомъ и пастбищемъ Такъ, въ одномъ контрактѣ отъ 27 мая 1400 года выговорено, что арендаторъ пользуется выпасомъ только съ праздника Св. Георгія до дня Всѣхъ Святыхъ, за исключеніемъ того случая, когда сѣно скошено ранѣе. Не можетъ онъ также принимать на альпу иной скотъ, кромѣ городского, пускать на нее козъ, свиней и посылать всякаго рода животныхъ на срубъ моложе трехъ лѣтъ [2]).

§ 3.

Я перейду теперь къ той части Франціи, которой не коснулось ни франкское завоеваніе, ни бургундскія поселенія. Изъ всѣхъ народностей, раздѣлившихъ между собою имперію, наименѣе сумѣла сохранить особенности своего національнаго права вестготская народность. Она избрала юго-западную Францію мѣстомъ продолжительной стоянки, вызвавшимъ необходимость спеціальной кодификаціи обычаевъ, отрывокъ которой недавно найденъ и обнародованъ Гауденци. Когда столѣтіе спустя, отступая передъ мусульманами, испанцы должны были снова въ громадномъ числѣ перейти границу Пи-

---

[1]) Mémoires et documents pour servir à l'histoire de la Suisse romande. 1881 г., т 35; Extraits des manuaux du Conseil de Lausanne, стр 127, 128, 130 Рѣшенія 5 и 17 мая 1383 г., 19-го іюля 1388 г., 24-го октября 1398 г, 18 го марта 1400 г. Въ послѣднемъ читаемъ: такой-то приговоренъ къ такому-то штрафу quia cepit nemus in dicto nemore ultra voluntatem dictorum priorum.

[2]) Ibid., стр. 131, 132 и 133.

ренейскихъ Альпъ, Беарнъ получилъ новый притокъ вестготской крови, и его обычное право испытало на себѣ вторично воздѣйствіе вестготскаго законодательства.

Въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ, когда придется говорить объ исторіи развитія землевладѣнія въ старинномъ Аррагонскомъ королевствѣ и въ Каталоніи, я принужденъ буду коснуться, между прочимъ, судебъ долгое время входившаго въ составъ одного съ ними политическаго тѣла и сходнаго съ ними по культурѣ—французскаго Русильона. Въ настоящей же главѣ мнѣ предстоитъ говорить только о тѣхъ провинціяхъ, которыя издавна слили свои судьбы съ судьбами Франціи и въ своемъ законодательствѣ подчинились вліянію какъ римскаго и вестготскаго права, такъ и Салической Правды, пріобрѣвшей, какъ извѣстно, въ эпоху послѣднихъ Меровинговъ и Карловинговъ значеніе не одного личнаго, но и земскаго права. Это обстоятельство, въ связи со сходствомъ экономическихъ и соціальныхъ условій, въ достаточной мѣрѣ объясняетъ тотъ фактъ, что какъ грамоты тулузскаго діоцеза отъ XII и XIII столѣтій, такъ и древнѣйшіе своды туземныхъ обычаевъ Беарна, восходящіе къ тѣмъ же вѣкамъ, воспроизводятъ болѣе или менѣе уже извѣстныя намъ нормы пользованій нераздѣльными угодьями—крестьянами обыкновенно не одного, а нѣсколькихъ помѣстій.

Въ хартуларіи монастыря Гранъ Сельвъ, расположеннаго въ тулузскомъ діоцезѣ, постоянно заходитъ рѣчь о совладѣніи того или другого помѣщика съ его homines. Это не мѣшаетъ распоряженію каждой стороной принадлежащей ей долей и доказываетъ только какъ міpское владѣніе крестьянства, такъ и припущеніе къ угодьямъ, наравнѣ съ общинами, и частныхъ лицъ [1]). Обращаю вниманіе на то обстоятельство, что для обозначенія этой совмѣстной съ міромъ собственности грамоты аббатства употребляютъ выраженіе in volvo—терминъ, который, очевидно, происходитъ отъ volvere, что значитъ переворачивать, въ данномъ случаѣ—обращать новь въ пашню. Слѣдовательно, мы имѣемъ передъ собою тотъ способъ общиннаго пользованія лѣсомъ, который состоитъ въ корчеваніи его подъ посѣвъ хлѣба. Но, на ряду съ такой утилизаціей, встрѣчается и другая,

---

[1]) Въ одной мѣновой сдѣлкѣ 1168 года говорится объ уступкѣ монастырю illam terram quam habeo et habere debeo in volvo quam communem possideo de hominibus de Montfol cald id est medietatem huius terre (Ms Bibl. Nat., fonds latins, № 11011, fol. 18, Chart monast. Grandis silve)

весьма обычная всюду, гдѣ забота объ охраненіи лѣса не повела еще къ упраздненію въ немъ выпаса.

Отсюда—частое упоминаніе о передачѣ тѣмъ или другимъ лицомъ въ руки монастыря его права на посылку скота въ общій лѣсъ, къ чему нерѣдко присоединяется и уступка права въѣзда, т. е. извлеченія изъ лѣсу строительнаго матеріала и валежника. Изъ нѣкоторыхъ грамотъ видно, что свободный прогонъ стадъ по снятіи урожаевъ былъ еще въ общемъ ходу, почему скотъ аббатства и допускается на частныя земли, за исключеніемъ тѣхъ, которыя состоятъ подъ посѣвомъ, сѣнокосомъ или виноградникомъ (exceptis agris seminatis et vineis ac pratis) [1]). Опредѣленіе штрафовъ за потравы въ этихъ воздѣлываемыхъ участкахъ, in laboribus, принадлежитъ совѣту сосѣдей, или вициновъ [2]),—новое доказательство того, что вицины были въ полномъ смыслѣ слова соучастниками въ совмѣстномъ владѣніи и составляли собою земельную общину.

Въ Беарнѣ поселеніе гонимыхъ сарацинами вестготовъ сопровождалось, какъ видно изъ текста капитуларія, обнародованнаго въ 814 году Людовикомъ Благочестивымъ, офиціальнымъ признаніемъ старинаго права общиннаго выпаса и въѣзда, о чемъ, какъ это было уже показано, заходитъ рѣчь въ Forum iudicum, или народной правдѣ вестготовъ. Императоръ говоритъ о возможности ubique pascua habere et ligna coedere pro sua necessitate, т. е. о правѣ пастьбы въ предѣлахъ личной нужды iuxta priscum morem [3]). То же право признано и сборниками мѣстныхъ обычаевъ отдѣльныхъ общинъ, редактированныхъ въ XI столѣтіи подъ именемъ Fors (отъ forum). Такъ, въ 24 рубрикѣ Fors de Béarn мы читаемъ: всякій, кто владѣетъ скотомъ, имѣетъ право пасти его на земляхъ своей общины и отсюда до третьяго селенія [4]). Приводимая статья ссылается при этомъ на стародавній обычай и говоритъ, что равнымъ правомъ пользуются какъ сеньеры, такъ и поселяне. Лѣса, объявленные защитными, одни изъяты отъ выпаса [5]).

Неизмѣннымъ требованіемъ является принадлежность посылаемыхъ такимъ образомъ въ поле животныхъ къ числу пребывающихъ на

---

[1]) Ibid., fol 162, годъ 1181

[2]) Одна грамота 1175 г объявляетъ: quod si in vineis vel in laboribus meis dampnum fecerint animalia vestra sicut vicinorum consilium iudicaverit a vobis mihi emendetur.

[3]) Капитуларій 814 г, гл. VIII

[4]) См. Fors de Béarn législation inédite du XI au XIII siècle par Mazure, стр 23.

[5]) Ibid, стр. 97, рубрика 81, ст. 253.

скотномъ дворѣ, другими словами, исключеніе всякаго скота, взятаго на прокормъ у чужаковъ Въ Fois d'Oléron право выпаса распространено и на лѣсъ, но подъ условіемъ щадить дубы и ясени и избѣгать вреда, причиняемаго корнямъ деревьевъ свиньями. Нивы и поля до снятія урожаевъ и покоса изъяты отъ пользованія [1]).

---

[1]) Ibid., стр 211, ст. 2

ГЛАВА XIX.

Эволюція крѣпостного права во Франціи.

Въ эпоху Меровинговъ и Карловинговъ, какъ мы видѣли, выдача вольныхъ рѣдко имѣла значеніе эмансипаціи всѣхъ приуроченныхъ къ имѣнію крестьянъ. Освободительныя грамоты носятъ скорѣе характеръ милости, оказываемой частному лицу и вызываемой благодарностью, заботой о спасеніи души или имущественнымъ расчетомъ. Онѣ тѣмъ обычнѣе, чѣмъ менѣе сопровождаются разрывомъ всѣхъ отношеній между крестьяниномъ и занимаемымъ имъ надѣломъ. Доброму хозяину необходимо озаботиться прежде всего объ обезпеченіи себѣ и имѣнію необходимаго числа рабочихъ, ему не безразлично, останется ли отпущенный на волю въ предѣлахъ помѣстья или пойдетъ искать заработковъ на сторонѣ. Онъ сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы удержать отпущеннаго: онъ сохранитъ за нимъ участокъ, нерѣдко расширитъ его новыми пожалованіями и опредѣлитъ личное и имущественное положеніе либерта путемъ письменнаго соглашенія, регулирующаго его права и обязанности. Отпущеніе на волю не ведетъ поэтому къ созданію класса отрѣшенныхъ отъ помѣстья свободныхъ пролетаріевъ; оно кладетъ конецъ одному рабству.

Что эта цѣль была достигнута, это иллюстрируется рѣдкостью сообщеній о рабахъ и рабыняхъ въ XIII и XIV вв. Эдуардъ Біо, который еще въ 1840 году задался вопросомъ прослѣдить процессъ исчезновенія древняго рабства на Западѣ, приводитъ отъ середины XIV-го вѣка всего два случая упоминанія о рабахъ и рабыняхъ; одинъ изъ Нарбоны, другой изъ Марселя [1]). Авторъ утверждаетъ,

[1]) Въ завѣщаніи Беатриче Дарбара, виконтессы Нарбонской, упоминается объ отпущеніи на волю нѣкоей sclava nostra vocata Marcha Владѣнія виконтессы лежали недалеко отъ испанской границы, гдѣ не трудно было добыть рабовъ отъ сарацинъ Въ архивѣ города Марселя отъ 1358 года сохранилась грамота, упоминающая о продажѣ такой же sclava 28 лѣтъ отроду, за нее заплачено было 60 флориновъ (См De l'abolition de l'esclavage ancien en Occident, par Edouard Biot, 1840 г, стр 330 и 331)

что въ Лангедокѣ послѣднее сообщеніе о рабахъ и рабыняхъ относится къ X вѣку. Въ Пуату же и въ Бретани — къ XI. Въ сѣверной Франціи отъ 1113 года удержался, якобы, одинъ только актъ о переходѣ людей безъ земли [1]). Я полагаю, что точка зрѣнія Біо въ общемъ вѣрна, хотя число упоминаній о рабахъ и рабыняхъ въ XIII и XIV вв. можетъ быть больше того, чѣмъ онъ думаетъ. Въ его время было обнародовано еще немного хартуларіевъ а потому и не удивительно, что онъ не могъ привести значительнаго числа случаевъ. Произвольнымъ нужно признать его заключеніе, что умолчаніе въ проповѣдяхъ и церковныхъ эпистолахъ XIII-го и XIV-го столѣтій случаевъ отпущенія на волю рабовъ даетъ основаніе считать всѣхъ рабовъ уже вышедшими на свободу [2]). Церковь, благопріятная идеѣ эмансипаціи до тѣхъ поръ, пока держится язычество и аріанство, и задающаяся и въ позднѣйшія столѣтія цѣлью выкупа невольниковъ у иновѣрцевъ, не имѣетъ ничего противъ удержанія крестьянъ въ зависимости отъ помѣщиковъ, разъ эти послѣдніе дѣлаются католиками. На это указываетъ, между прочимъ, Клодіо Жанэ въ недавно вышедшемъ посмертномъ сочиненіи, озаглавленномъ «Великія эпохи экономической исторіи» [3]). Дѣйствительно, стоитъ обратиться къ любому хартуларію, чтобы вывести заключеніе, что продажа рабовъ безъ земли допускалась еще мѣстными кутюмами въ теченіе X, XI и отчасти XII-го в.—до момента, когда, по примѣру городовъ, села также стали добиваться выдачи имъ помѣщиками жалованныхъ грамотъ, которыми болѣе или менѣе обезпечивалась неизмѣнность исконныхъ порядковъ, опредѣлявшихъ способъ и размѣръ платежей и повинностей, а также—характеръ отношеній крестьянъ къ занимаемымъ ими надѣламъ. Подкрѣпимъ сказанное непосредственнымъ свидѣтельствомъ источниковъ и обратимся съ этою цѣлью къ двумъ памятникамъ къ изданному Бернаромъ сборнику грамотъ аббатства Клюни, владѣвшаго землями во всѣхъ частяхъ Франціи и за ея предѣлами, и къ обнародованной Grandmaison въ изданіяхъ археологическаго общества въ Турѣ—рукописной книгѣ сервовъ аббатства Мармутье въ Туренѣ Въ 901 году происходятъ еще въ Бургундіи обмѣны рабовъ между двумя собственниками, при чемъ выговаривается, что каждый въ

---

1) Ibid., стр 337, 341 и 342

2) Ibid , стр 325

3) Les grandes époques de l'histoire économique jusqu'a la fin du XVI siècle, par Claudio Jannet, 1896

правѣ распорядиться ихъ личностью и накопленнымъ ими имуществомъ, какъ вздумаетъ [1]).

Такой же обмѣнъ происходитъ въ 909 году въ Нивернэ; предметомъ его служитъ нѣкая ancilla Oelfride, которую ея собственникъ рекомендуетъ, какъ ни разу не попавшуюся въ кражѣ и ни разу отъ него не бѣжавшую (non furа nou fugitiva) [2]). Нѣсколько лѣтъ спустя въ графствѣ Маконъ также заходитъ рѣчь о передачѣ сервовъ и ancillae, при чемъ одна изъ сторонъ принимаетъ на себя обязательство замѣнить умершаго раба или рабыню живущими [3]). Въ 924 году императоръ Людовикъ, снисходя къ просьбѣ сына своего, Карла, награждаетъ нѣкоего вассала, fidelis, по имени Бононій, тремя рабами; съ ними переходитъ къ новому собственнику и право на все, что впредь будетъ ими пріобрѣтено (quiquid ab hac die deinceps adquirere potuerint) [4]). Отчуждая имѣнія съ рабами, короли Гугъ Капетъ и Лотаръ въ 934 году еще считаютъ возможнымъ удержать за собою Леотарда хлѣбопека и пять другихъ служителей, показывая этимъ, что рабовъ можно было оторвать отъ помѣстья, удерживая или уступая ихъ безъ земли [5]). Въ серединѣ X столѣтія рабы отдѣльно отъ имущества, ими занимаемаго, отдаются въ даръ обители, при чемъ оговорено, что къ ней переходитъ и peculium, и все, что со временемъ будетъ ими пріобрѣтено [6]). Въ хартуларіи аббатства Св. Винцента въ Маконѣ и въ XI столѣтіи встрѣчаются сообщенія о лично несвободныхъ людяхъ, объ уступкѣ сервовъ съ ихъ дѣтьми отдѣльно отъ занимаемыхъ ими надѣловъ [7]). Въ хартуларіи аббатства Савиньи въ X и XI столѣтіяхъ еще заходитъ рѣчь о передачѣ рабовъ и рабынь, между прочимъ, въ приданое независимо отъ земли [8]);

---

1) De ista mancia (mancipia) et de statu illorum et de peculiaria eorum quod abent faciad unusquisque post hac die quidquid voluerit (Recueil des chartes de l'abbaye de Cluny, formé par Aug Bernard, № 74, стр 83)

2) Ibid., № 108, стр 120

3) Ibid, № 128 и 123; см. также № 177

4) Ibid., № 242, стр. 233

5) Ibid., № 417, стр 403.

6) Ibid, № 857, стр 811.

7) См Cartulaire de S. Vincent de Macon, XII столѣтія, № 447, стр. 257, и № 454, стр. 260, наконецъ № 527, стр 310, послѣднія двѣ грамоты принадлежатъ къ концу XI столѣтія Мы встрѣчаемъ въ нихъ выраженія въ родѣ слѣдующихъ: dedit unum servum cum infantibus suis, dono ancillam meam.

8) Bernard, Cart. de l'abbaye de Savigny, № 145, стр 108, годъ 970. Do in dotalitium servum unum nomine Stephanum Тамъ же Carta de Vindreu

наконецъ, въ грамотахъ ліонской епископіи упоминается еще въ 1276 и 1277 годахъ о дареніи отдѣльныхъ сервовъ, повидимому, также отдѣльно отъ занимаемыхъ ими участковъ [1]). По замѣчанію издателя «Книги сервовъ въ Мармутье», въ XI столѣтіи еще попадаются случаи добровольной передачи себя въ рабство, съ поясненіемъ, что та же судьба ожидаетъ и потомковъ [2]). Передающій себя въ неволю кладетъ на голову 4 динарія, согласно старинному обычаю, рекомендующему это символическое дѣйствіе, въ которомъ наглядно выражается готовность къ платежу падающаго на однихъ сервовъ поголовнаго сбора [3]) Отпущеніе на волю рабовъ и рабынь въ графствѣ Блуа, какъ это видно изъ грамотъ того же аббатства въ Мармутье,—еще въ обычаѣ въ началѣ XI столѣтія, при чемъ получающій вольную объявляется нерѣдко личнымъ слугою, famulus, освободителя, и обѣщаемая ему свобода передается словами, утверждающими возможность идти на всѣ четыре стороны [4]). Въ XII и XIII вв. пожалованія рабовъ вообще становятся рѣдкими въ предѣлахъ земель, принадлежавшихъ аббатству Мармутье въ Туренѣ Съ конца же XIII столѣтія самый терминъ servi исчезаетъ изъ актовъ, и мѣсто его заступаетъ другой—homines, люди [5]).

Въ древнѣйшихъ сборникахъ обычнаго права, какъ, напримѣръ, въ Usages Орлеанскаго бальяжа говорится еще объ «hommes de corps», т. е. людяхъ, привязанныхъ къ личности господина, а не къ его помѣстью [6]). То же можетъ быть сказано и объ «Установленіяхъ Людовика Святого» [7]). Пройдутъ столѣтія, прежде чѣмъ кутюмы Бургундіи, напримѣръ, въ правѣ будутъ объявить, что въ странѣ не имѣется личныхъ рабовъ [8]).

Какая же, спрашивается, судьба ожидала отпущенныхъ на волю?

1128 г., въ которой говорится объ уступкѣ монастырю всѣхъ правъ in servis et ancillis.

[1]) Cartulaire Lyonnais, т II, стр 369 и 382

[2]) Tali pacto ut non solum ipsi verum etiam omnis eorum posteritas servili conditione subjacerunt. См Marmoutier Cartulaire Blésois, изданный Charl Métais, № 19, годъ 1032—1064

[3]) См. также Le livre des serfs de Marmoutier, стр. 38 и 3

[4]) Marmoutier Cartulaire Blésois, № 101

[5]) Le livre des serfs de Marmoutier, стр. 41

[6]) См Les établissements de S. Louis, édition faite par Violet, т. I, стр 516. Et se il est sers ne hom de cor il ne puet faire juge que son seignor (30 art).

[7]) Ibid, кн. II, т. II, стр 444

[8]) Au duché de Bourgogne n'a nuls hommes serfs de corps (См Les Coutumes du pays et duché de Bourgogne, Dijon, 1580 г.—Des mammortes, § I)

Становились ли они сразу полноправными гражданами, разрывавшими всякую связь съ помѣстьемъ? Ничуть не бывало: въ большинствѣ случаевъ, если не всегда, вольноотпущенники, которыхъ формулы и грамоты объявляютъ cives romani, открывая имъ путь во всѣ четыре конца міра, предпочитаютъ остаться въ предѣлахъ помѣстья на правахъ зависимыхъ крестьянъ, владѣть надѣльной землею и отправлять разъ на всегда установленныя службы и платежи. Можно встрѣтить потомковъ этихъ бывшихъ рабовъ не только въ рядахъ колибертовъ, но и въ средѣ крѣпостного крестьянства, отъ котораго ихъ отличала, главнымъ образомъ, свобода отъ поголовной подати, capitagium. Уже то обстоятельство, что вассалъ, выражаясь языкомъ «Установленій Людовика IX Святого», не могъ отпустить на волю homme de corps, не спросясь согласія своего сеньора [1]), препятствовало выходу, по крайней мѣрѣ, массы вольноотпущенниковъ изъ помѣстной системы. Привычка къ сельско-хозяйственному труду, недостатокъ технической подготовки и тѣ препятствія, которыя съ XII и XIII столѣтій замкнутость цеховъ ставила нахожденію заработка въ городахъ, обусловили еще въ бо̀льшей степени, чѣмъ упомянутая сейчасъ норма, тотъ результатъ, что рабство самымъ своимъ исчезновеніемъ только благопріятствовало упроченію крѣпостничества. Грамоты XI и XII вв., содержащіяся въ хартуларіи монастыря Бога Отца въ Шартрѣ, не разъ говорятъ о томъ, что до передачи обители даритель освободилъ своихъ рабовъ, такъ что отнынѣ они должны считаться колибертами аббатства [2]).

Значеніе термина „колибертъ“ истолковано намъ въ одной рукописи XI столѣтія, заключающей въ себѣ сочиненія Блаженнаго Августина и принадлежащей мюнхенской библіотекѣ [3]). Въ ней буквально значится слѣдующее. «Кого считать колибертомъ? Мы называемъ имъ человѣка, который прежде былъ mancipius и servus, а затѣмъ за свою преданность переданъ былъ господиномъ монастырю или церкви. Поступая такимъ образомъ, собственникъ заботился о спасеніи своей души и хотѣлъ обезпечить за вольноотпущеннымъ преимущества церковной свободы. Послѣдній не становился отъ этого вполнѣ независимымъ: онъ долженъ былъ войти въ составъ церковной familia, т. е.

[1]) Nul vavasseur ni gentilhomme ne peut affranchir son homme de corps sans le consentement du baron ou du chef seigneur selon l'usage de la cour laiè (Etablissements de Saint Louis, livre II, § 34)

[2]) См Cartulaire de l'abbaye de S. Père de Chartres, pub. par Guérard стр XLIV.

[3]) Fonds latins, 14491.

крѣпкихъ къ землѣ людей, и на извѣстныхъ условіяхъ, conditionaliter, пріурочивался къ служенію обители. Этого положенія онъ ни подъ какимъ видомъ не въ правѣ былъ измѣнить. Для примѣра скажемъ: если я ради моей души передамъ раба у алтаря какому-нибудь храму,— съ тѣмъ, чтобы онъ отнынѣ платилъ послѣднему установленный мною цензъ или отправлялъ въ его пользу личную службу, такой человѣкъ не будетъ болѣе рабомъ, но будетъ колибертомъ» [1]).

Труднѣе указать прямую филіацію между отпущеннымъ на волю рабомъ и крѣпостнымъ человѣкомъ. То обстоятельство, что во всѣхъ полиптикахъ и сензіе, какіе дошли до насъ отъ X, XI и XII столѣтій, на ряду съ входящими въ составъ надѣльной системы крѣпостными, встрѣчается особый классъ мелкихъ людей, которые признаются поселенцами, владѣютъ небольшими клочками земли на особыхъ условіяхъ съ помѣщикомъ и производятъ въ его пользу не только натуральные или денежные платежи, но и сельскохозяйственныя работы въ выговоренномъ числѣ, наводитъ на мысль, что эти hospites были потомками вольноотпущенниковъ, оставшимися въ помѣстьи въ силу надѣленія ихъ землею.

Нежеланіе дать отпускаемымъ на волю свободу отхода выступаетъ весьма наглядно, напримѣръ, въ слѣдующей грамотѣ, отпечатанной Лемиръ еще въ 1723 году и заключающей въ себѣ эманципаціи сервовъ и анцилъ помѣщикомъ, жившимъ по сосѣдству съ теперешнимъ фландрскимъ городомъ Уденардъ. «Я отпустилъ своихъ рабовъ, значится въ этомъ памятникѣ 1222 года, на слѣдующихъ условіяхъ: въ случаѣ смерти кого-либо изъ нихъ я получаю лучшую штуку скота изъ наслѣдства покойнаго; я имѣю также право требовать отъ нихъ посѣщенія моего вотчиннаго суда (forum) и приходской церкви. Если они вздумаютъ удалиться изъ помѣстья, то снова сдѣлаются моими рабами, какъ прежде» [2]).

Въ другой грамотѣ, принадлежащей церкви Божьей Матери въ Турнэ и помѣченной 1190 годомъ, выговорено, что отпущенные на волю и переданные церкви люди удерживаютъ обязательство ежегодной платы поголовнаго ценза въ два динарія, не говоря уже о посмертномъ взносѣ двѣнадцати динаріевъ (взамѣнъ уступки лучшей штуки скота) и шести динаріевъ при совершеніи въ помѣст-

[1]) Текстъ этотъ отпечатанъ въ XI томѣ Zeitschrift für Rechtsgeschichte и воспроизведенъ въ Bibl. de l'école des chartes, т 39, 78 г, стр. 554.

[2]) Ita quod si discedant a villa mei remaneant sicut prius (Auberti Miraei, cathedralis ecclesiae Antverpiensis decani opera diplomatica et historica, Bruxellis, 1723 г., editio secunda, т. I, стр 321).

:номъ судѣ какихъ-либо контрактовъ и сдѣлокъ [1]). Hospites или поселенцы, занимающіе въ 1100 году 30 дворовъ въ помѣстьи Тилэ, принадлежащемъ аббатству Бога Отца въ Шартрѣ, держатъ каждый не болѣе, какъ полъ-арпана, съ правомъ пользованія въ лѣсу. Они признаны вполнѣ свободными; это значитъ, что отъ нихъ нельзя требовать произвольныхъ службъ. Мы видимъ ихъ занятыми обработкой помѣстныхъ земель. Выговорено, что пока они не прекратятъ ихъ воздѣлыванія, земли эти не могутъ быть переданы въ чужія руки. Съ другой стороны, въ случаѣ, если бы снятыя земли оставлены были въ дикомъ видѣ, съемщикамъ запрещено арендованіе чего-либо на сторонѣ [2]). Помѣщикъ, очевидно, интересуется прежде всего тѣмъ, чтобы обезпечить за своимъ хозяйствомъ нужное число рукъ. Вотъ почему hospites, будучи свободными людьми, въ то же время крѣпки къ землѣ и переходятъ заодно съ помѣстьемъ изъ рукъ въ руки въ силу продажъ и даренй [3]). То обстоятельство, что въ полиптикѣ аббатства Сенъ Бертенъ въ Сентъ Омерѣ свободные, ingenui, призываются къ отбыванію двухдневной барщины въ недѣлю, говоритъ также въ пользу мысли, что отпущеніе на волю не мѣшало прежнему рабу оставаться въ предѣлахъ помѣстья и входить въ составъ отбывающихъ барщину и крѣпкихъ къ землѣ крестьянъ [4]). На земляхъ аббатства Св. Васта въ XII вѣкѣ hospites, въ числѣ прочихъ крѣпкихъ къ землѣ людей, подчинены баналитетамъ помѣщика, его вотчинной подсудности и обязательству натуральныхъ или денежныхъ приношеній яйцами и выговореннымъ числомъ динаріевъ [5])

На земляхъ, принадлежащихъ каѳедральному собору въ Греноблѣ,

---

[1]) Documents concernant l'histoire de la servitude en Belgique au moyen âge, par M Gachard, № 2, въ Comptes rendus des séances de la comission d'hist., т. IV, стр. 244.

[2]) Cartulaire de l'abbaye de S. Père de Chartres, т. I, стр. XXXV, Prolégomènes; въ текстѣ хартуларія грам. 1100 г., говорящая о hospites въ Tillai.

[3]) Guérard говоритъ въ своемъ вступленіи къ хартуларію аббатства Бога Отца въ Шартрѣ: les hospites sont donnés, vendus ou aliénés de toute autre manière, avec les fonds qu'ils occupaient. Mais les ventes ne comprenaient pas la personne de l'hôte et le droit d'en disposer arbitrairement (стр. XXXVII).

[4]) Cartulaire de S. Bertin, № 24. In Beingahem... alii ingenui faciunt duos dies in ebdomada et de ingenuis feminis X ladmones 4.

[5]) Cartulaire de S. Vaast, стр. 230. Isti hospites vadunt ad furnum cellerarii qui in eodem districto est (стр. 194). Hospites платятъ cellerario ova или, взамѣнъ, dinarii въ условленномъ числѣ (стр. 264). Si quis in alodio suo hospitem ponit, hospes denarios placiti dabit.

нѣтъ упоминанія о hospites, мѣсто которыхъ занимаютъ cabanarii, или лица, владѣющія хатами и небольшими участками земли, не входящими въ общую разверстку надѣловъ. Они [1]) не изъяты вполнѣ отъ барщины, хотя противное утверждается произвольно издателемъ самого хартуларія [2]). Въ одной грамотѣ 1080 года сказано: omnes chabanarie predicte debent opera et manuum operam, coroatam sicut alia terra episcopi vel comitis [3]), что въ переводѣ значитъ. всѣ владѣльцы хатъ обязаны нести сельскія работы съ упряжью и безъ упряжи и общественныя помочи, подобныя тѣмъ, какія несетъ любая земля епископа или графа.

Въ Шампани, какъ это видно изъ одного полиптика, отпечатаннаго въ сборникѣ хартуларіевъ діоцеза Труа, владѣльцы hospicia или, что то же, новселенцы (hospites), ставятъ каждый цыпленка и яйца, служатъ 9 дней въ году и состоятъ на посылкахъ каждый разъ, когда въ томъ является надобность [4]).

Ничто не говоритъ намъ, чтобы всѣ подобнаго рода поселенцы, подъ какимъ бы именемъ они ни были извѣстны, непремѣнно были уроженцами помѣстья; многіе изъ нихъ выступаютъ, наоборотъ, со всѣми признаками людей пришлыхъ. По всей вѣроятности, отличіе либерта отъ колиберта состояло именно въ этой свободѣ отхода, которой первый и пользовался не столько для переселенія въ городъ, сколько для вступленія въ зависимыя, хотя и свободныя отношенія съ тѣмъ изъ помѣщиковъ, который дѣлалъ ему наиболѣе выгодныя предложенія, надѣлялъ его наибольшимъ участкомъ земли и требовалъ отъ него наименьшихъ службъ и платежей. Въ хартуларіяхъ нерѣдко заходитъ рѣчь о людяхъ, которыхъ они называютъ homines albani; они признаются пришлыми людьми, advenae quos albanos vocant. Одна грамота 1147 года, заключающая въ себѣ соглашеніе между аббатствомъ.

---

[1]) Cartulaire de l'église cathédrale de Grenoble, Chartularium B., № 33, a. 1080—1132 Tres chabanarias ad feudum pro episcopo Hugone, qui reddit de unaquaque 4 sextaria de civata, 12 denarios, 1 gallinam, 1 pulzinum et opera et maneopera.—№ 35 XII mansi et una bordaria In unam chabanariam quem tenet Guitfredus accipiunt 12 d. et tascham — См также грам. № 107: bordaria bozonis iocularis

[2]) Ibid., стр. LXIV.

[3]) Ibid, Chartularium B, грам. № 48.

[4]) Chartes de Montierender. In summa virga—sunt ibi hospicia 3, solvit unusquisque pullum 1 cum ovis, facit dies 9 de servitio et missaticum quocumque necesse fuerit.—Jn Rivo (p. 104)—hospitia 4, solvit unumquodque pullum I cum ovis et faciunt quodcumque necesse est (Въ Collection des principaux cartulaires du diocèse de Troyes, par l'abbé Lalore, т IV', Chartes de Montierender)

Сенъ Лу и сеньеромъ теперешней общины Шармонъ Объ, говоритъ объ этихъ homines albani, какъ о людяхъ, не состоявшихъ дотолѣ въ вотчинной подсудности помѣщика и вызванныхъ изъ другого помѣстья, ab alia villa evocati [1]).

Лампрехтъ, имѣвшій случай заняться вопросомъ о hospites въ своемъ очеркѣ «Экономической жизни Франціи въ XI столѣтіи», указываетъ на то, что они нерѣдко прибывали издалека, такъ что въ Шампань, напримѣръ, или Шартръ заходили люди изъ Нормандіи [2]). Тотъ же историкъ настаиваетъ на мысли, что hospites были на первыхъ порахъ люди свободные, пользовавшіеся правомъ отхода на всѣ четыре стороны, что подтверждается грамотами аббатства Бога Отца въ Шартрѣ [3]). Въ отличіе отъ цитируемаго писателя, который видитъ въ hospites преимущественно свободныхъ пришельцевъ корчевщиковъ, я не прочь настаивать на мысли, что главный контингентъ этого класса земледѣльцевъ составляли отпущенные на волю и надѣленные помѣщикомъ рабы. Hospites аббатства Сенъ Жерменъ де Пре, какъ и тѣ, которые поселены были на земляхъ Реймской епископіи или монастыря Бога Отца въ Шартрѣ, выступаютъ передъ нами владѣльцами небольшихъ клочковъ земли и отнюдь не тѣми корчевщиками—колонами, какими изображаетъ ихъ нѣмецкій историкъ Въ позднѣйшія столѣтія, разумѣется, и они, подобно всѣмъ другимъ классамъ населенія, приняли участіе въ расчисткѣ пустоши и лѣса Но утверждать, что эти расчистки произведены были исключительно ими, нѣтъ никакого основанія. Вѣрнѣе другое замѣчаніе того же писателя, указывающее на то, что hospites давали нерѣдко сплошные поселки,—черта, какъ нельзя лучше мирящаяся съ представленіемъ о поселеніи особо отъ крестьянъ вольноотпущенныхъ рабовъ. Въ концѣ концовъ, hospites, насколько можетъ быть выясненъ ихъ первоначальный типъ,—то же, что наши холопы или, позднѣе, дворовые, не включаемые необходимо при полученіи свободы въ надѣльную систему манзовъ, которая отъ ихъ припущенія подверглась бы несомнѣнному распаденію. Не изъ terra servilis, или надѣльной земли, а изъ terra dominicata вырѣзаны отходящіе имъ участки. Самое большее, если на границѣ обоихъ районовъ, крестьянскаго и помѣщичьяго, отводятся въ ихъ пользу куски, которые, будучи расположены на

---

[1]) Cartulaire de S. Loup, № 17.

[2]) См. Beiträge zur Geschichte des französischen Wirthschaftslebens im elften Jahrhundert, von Dr. Karl Lamprecht, стр. 97.

[3]) См Cartulaire de S. Père, стр. 402 —Lamprecht, стр. 96.

окраинахъ, носятъ названіе bord. Отсюда—упоминаніе о bordarii, напримѣръ, на земляхъ каѳедральнаго собора въ Гренобле. Нерѣдко отпущенный на волю получаетъ только усадьбу съ огородомъ Тѣ полъ-акра, которые приходятся на каждаго изъ hospites въ одномъ изъ имѣній аббатства въ Шартрѣ, очевидно, не могутъ представлять ничего иного. Лично свободный, hospes обязанъ, въ то же время, въ обмѣнъ за обѣщанную ему защиту, къ особому платежу, называемому salvamentum или salvatio. Одна грамота хартуларія Божьей Матери въ Парижѣ, помѣченная 1112 годомъ, прямо объявляетъ, что salvamentum вносится pro defensione et protectione hospitum [1]). Но и помимо salvamentum, hospes обязанъ еще, какъ мы это уже видѣли, къ поголовному платежу въ размѣрѣ 4 или, соотвѣтственно, 2 динаріевъ съ человѣка [2]). Совершаемые hospites проступки доставляютъ помѣщику также доходъ въ видѣ штрафовъ, взыскиваемыхъ вотчиннымъ судомъ [3]). Наконецъ, наравнѣ съ прочимъ населеніемъ помѣстья, они несутъ вотчинную taille въ случаѣ необходимости выкупить взятаго въ плѣнъ помѣщика или составить приданое для его законной дочери [4]). Если прибавить, что они, какъ это показываютъ вышеприведенные тексты, были постепенно привлекаемы и къ сельскохозяйственной барщинѣ, и къ общественнымъ помочамъ, къ поставкѣ зерна и муки для обмола или печенія въ принадлежавшихъ помѣщику мельницахъ и булочныхъ, то легко прійти къ заключенію, что ихъ общественное положеніе фактически отличалось отъ положенія крѣпостного крестьянства только меньшей имущественной обезпеченностью. Не удивительно поэтому, если hospites охотно снимали несвободные манзы, какъ только, за вымираніемъ семьи того или другого крѣпостного, оказывалась необходимость въ новомъ для нихъ владѣльцѣ. Эти mansi absi сдѣлались мѣстомъ поселенія въ равной мѣрѣ свободныхъ людей, и несвободныхъ. Отсюда—упомпнаніе уже въ полиптикѣ аббата Ирминона о томъ или другомъ liber, qui tenet mansum servilem. Колоны, держащіе то hospicium dominicum, то terram ingenuilem, характеризуются иногда, какъ

---

[1]) Cartulaire de Notre Dame de Paris, I, стр. 377

[2]) Въ Cartulaire de l'Yonne, т. II, стр. 16, грамоты 1078—84 г. говорятъ о censum quatuor nummorum omnium hospitum.

[3]) Такъ, въ Cartulaire de S. Vaast мы читаемъ: deinde si hospites S Vedasti derelinquerint super ipsam terram, iusticiam totius forisfacturae faciet abbas et habebit forisfactum.

[4]) Относящіеся сюда тексты приведены Лампрехтомъ на стр. 100, примѣч. 15

занимающіе mansum servilem [1]). Та же имущественная необезпеченность заставляетъ и пришлыхъ колоновъ соглашаться на условія, которыя ставятъ имъ собственники, если послѣдствіемъ этого является даже потеря свободы. Этимъ только и можно объяснить, что масса народу подчинялась правилу, по которому пребываніе въ теченіе года и дня на земляхъ помѣстья обращало въ крѣпостное состояніе Разумѣется, сосѣдніе собственники, дорожа рабочей силой, не оставались въ роли молчаливыхъ свидѣтелей постепеннаго отхода ихъ вольноотпущенниковъ и старались воспротивиться ему путемъ частныхъ соглашеній. Такъ, въ одной грамотѣ аббатства Божьей Матери въ Парижѣ отъ 1112 года мы встрѣчаемъ обязательство не принимать къ поселенію никого изъ hospites такихъ-то и такихъ-то помѣстій [2]).

Но путемъ подобныхъ же соглашеній могло быть выговорено и право селить у себя на правахъ hospites норманновъ или уроженцевъ Albi и даже владѣть ими вѣчно, если они не покинутъ помѣстья раньше года и дня и не выскажутъ тѣмъ самымъ молчаливаго согласія на переходъ въ ряды крѣпостныхъ людей [3]).

Итакъ, холопство даже въ томъ случаѣ, когда помѣщикъ отпускалъ своихъ рабовъ на волю, приводило часто къ крѣпости. Тѣмъ болѣе, конечно, если онъ удерживалъ ихъ въ несвободномъ состояніи и селилъ на своихъ земляхъ. Грамоты VIII и IX столѣтій еще отличаютъ такихъ сельскихъ рабовъ, получившихъ надѣлы, отъ крѣпкаго къ землѣ крестьянства. Термины servi и mancipii не покрываютъ еще другъ друга, какъ въ послѣдующія столѣтія. Въ одномъ документѣ 868 года, ставящемъ себѣ задачей краткое описаніе владѣній и

---

[1]) Probardus colonus S. Germani tenet mansum servilem (стр. 74) Въ Cartulaire de S. Loup мы въ XII столѣтіи встрѣчаемъ случаи, когда hospites занимаютъ mansiones, т е крестьянскіе надѣлы, что объясняется обычаемъ превотства Труа, дѣйствовавшимъ въ этой области и допускавшимъ переходъ къ помѣщику крестьянскаго надѣла за бездѣтной смертью его владѣльца. Ничто не препятствовало поэтому поселенію на такомъ освободившемся манзѣ и избраннаго помѣщикомъ hospes (См. Cartulaire de S Loup, т I, p XXXVI и грам. № 29, 1158 г., въ которой упоминаются sex hospites cum familiis suis inhabitantes sex mansiones).

[2]) Cartulaire de Notre Dame de Paris, I, стр. 387.

[3]) Item concedo Normanos, qui in eadem villa degerint ea condicione, ut s anno et una die ibi manserint, postea ibi et ubicumque in comitatu meo abbas vel monachi iure possideant sempiterno. Si vero ad annum diemque non pervenerint, solum dum ibi habebuntur, sub ditione abbatis et monachorum erunt. Albanos etiam similiter trado quamdiu videlicet ibi manserint venientes (Cartulaire S. Père, стр 402).

доходовъ аббатства Сенъ Бертенъ въ моментъ узурпаціи поста настоятеля нѣкіимъ Гильдуиномъ, перечень того, что имѣется въ помѣстьяхъ, открывается словами: столько-то servientes, занимающихъ столько-то манзовъ; затѣмъ уже говорится о mancipia и принадлежащихъ имъ надѣлахъ [1]).

Если для холоповъ переходъ въ крѣпостное состояніе, которое, какъ мы покажемъ это впослѣдствіи, представляетъ уже кое-какія гарантіи личныхъ и имущественныхъ интересовъ со стороны, если не закона, то обычая,—можетъ считаться повышеніемъ, то далеко нельзя сказать того же о массѣ свободныхъ людей, добровольно передававшихъ себя въ неволю по соображеніямъ, имѣвшимъ только повидимому своимъ источникомъ благочестіе и желаніе откупиться отъ ада. Еще съ эпохи Меровинговъ и, особенно, Карловинговъ люди не обезпеченные или нуждавшіеся въ защитѣ сильныхъ и могущественныхъ, способныхъ охранять ихъ отъ вымогательствъ налоговыхъ чиновниковъ и рекрутскаго набора, прибѣгали, какъ мы знаемъ, къ передачѣ себя съ имуществомъ въ чужія руки, подъ условіемъ то сохраненія личной свободы, то удержанія одного только поземельнаго владѣнія. Такъ, въ формулахъ города Анже, собранныхъ воедино еще въ началѣ VIII вѣка, мы находимъ цѣлыхъ три образца сдѣлокъ, содержаніемъ которыхъ служило отчужденіе личной свободы и имущества. Въ одномъ не приводится мотивовъ такого распоряженія, но упоминается о полученіи взамѣнъ его извѣстной суммы денегъ. Въ двухъ другихъ рѣчь идетъ о необходимости уплатить композицію за воровство и невозможности сдѣлать это по недостатку средствъ [2]). Что такая передача себя съ имуществомъ въ чужія руки не всегда вела къ потерѣ свободы, это показываетъ присутствіе въ числѣ формулъ города Тура одной, имѣющей въ виду тотъ случай, когда вслѣдствіе невозможности прокормиться и одѣться человѣкъ прибѣгаетъ къ покровительству такого-то и такого-то лица, соглашаясь взамѣнъ содержанія отправлять въ его пользу ту службу, какая подобаетъ человѣку свободному (ingenuili ordine tibi servicium vel obsequium impen-

---

[1]) Ad basilicam dominis Salvatoris. Sunt servientes inter viros et feminas 19 qui inter omnes non habent nisi mansos 7 per bonuaria 12, sunt mancipia 14 (Cartulaire de S. Bertin, lib II, № 90).

[2]) Formulae Andegavenses, № 25, № 2 и № 3, у Цеймера, т. I —См. также Formulae Senonenses, часто помѣщаемыя въ приложеніи къ формуламъ Маркульфа, № 58, гдѣ основаніемъ къ передачѣ себя въ неволю приводится кража чужого коня.

dere debeam [1]). Продающій себя въ неволю подвергаетъ обыкновенно той же участи и свое потомство, почему кабала служитъ однимъ изъ источниковъ установленія крѣпостного состоянія, т. е. наслѣдственной зависимости отъ того, кому переходитъ вмѣстѣ съ личностью и земельный участокъ закабаленнаго.

Дѣйствіе добровольной кабалы не ограничено одной эпохой варварскихъ правдъ, капитуляріевъ и формулъ; мы встрѣчаемъ ее и въ X, и въ XI вѣкѣ: напримѣръ, въ Туренѣ на земляхъ аббатства Св. Мартина. Въ 1062 году два свободныхъ человѣка, Жефруа и Константинъ, становятся крѣпостными въ силу передачи себя и имущества. «Мы, говорятъ монахи, поручили имъ охраненіе нашей обители, а они обокрали насъ, присвоивъ себѣ то, что должны были беречь. Такъ какъ у нихъ не оказалось, чѣмъ вознаградить насъ за кражу, то имъ пришлось сдѣлаться на вѣчныя времена сервами Св. Мартина и передать себя въ нашу власть» [2]). Въ 1097 году въ такія же условія попадаетъ, но уже не по собственной винѣ, монастырскій пастухъ: онъ случайно производитъ пожаръ клуни, но не имѣетъ достаточно средствъ, чтобы вознаградить монаховъ за причиненные имъ убытки; ему остается только передать себя съ женою въ ихъ руки, сдѣлаться крѣпостнымъ помѣстья Мармутье. Въ другихъ передачахъ въ кабалу говорится, что такое распоряженіе собой и имуществомъ сдѣлано изъ любви къ Богу или съ тѣмъ, чтобы обезпечить себѣ вѣчную свободу или искупить свои прегрѣшенія.

Такъ какъ въ выигрышѣ отъ всѣхъ такихъ дѣйствій должна быть церковь и тотъ святитель, которому она посвящена, то подобныя заявленія кажутся вполнѣ естественными [3]). Но въ основаніи акта лежатъ обыкновенно причины экономическаго или политическаго порядка: желаніе воспользоваться преимуществами, которыя даетъ монастырю изъятіе изъ общей подсудности, надежда получить добавочный надѣлъ отъ обители, ея покровительство и защиту отъ сосѣднихъ магнатовъ, освобожденіе отъ воинской службы или отъ вымогательствъ сборщиковъ и тому подобное. Но бываютъ случаи, когда тотъ, кто боится приближенія смерти, хочетъ обезпечить за собою только погребеніе въ стѣнахъ монастыря, да еще поминки на ли-

[1]) Formulae Turonenses, у Zeumer, т. I, стр 158, п. 43.

[2]) Le livre des serfs de Marmoutier, publié par André Salmon et précédé d'un essai sur le servage en Touraine par M. Ch. Grandmaison (t. XVI publ. de la soc. archéol. de Touraine, Tours, 1864 г., стр 99)

[3]) Ibid., стр 28, 40, 62, 64, 65, 99, 103 и 104

тургіи. Эта забота о душевномъ спасеніи беретъ верхъ надъ всѣмъ остальнымъ и заставляетъ его наложить на себя кабалу. Въ этихъ условіяхъ дѣлается обыкновенно оговорка, позволяющая дѣтямъ сохранить свободное состояніе. Не то, когда въ основаніи кабалы лежитъ желаніе пріобрѣсти извѣстныя выгоды и преимущества. Крѣпостное состояніе является тогда чѣмъ-то желательнымъ, способнымъ обезпечить въ равной мѣрѣ и закабаленнаго, и его потомство.

Въ тѣхъ провинціяхъ Франціи, которыя всего долѣе сохранили порядки крѣпостного права, случаи добровольной передачи себя въ кабалу встрѣчаются въ видѣ рѣдкаго исключенія еще въ XIII и XIV вѣкахъ. Такъ, въ Ниверне можно было открыть въ архивахъ нотаріусовъ сдѣлки отъ 1294, 1369 и 1391 годовъ, говорящія о передачѣ въ крѣпостную неволю лицъ вмѣстѣ съ имуществомъ [1]). Въ большинствѣ же случаевъ подобнаго рода сдѣлки не идутъ далѣе конца XII-го вѣка; такова, напримѣръ, приведенная еще Гераромъ передача двухъ юношей въ руки обители Св. Мартина въ Турѣ, при чемъ они прибѣгли къ обычному символическому дѣйствію, состоявшему въ возложеніи 4 динаріевъ на голову, въ знакъ обязательства нести отнынѣ падающій на крѣпостныхъ поголовный сборъ, или capaticum [2]).

Въ Шампани мы встрѣчаемъ случай передачи себя церкви еще въ 1264 году, въ хартуларіѣ аббатства Параклета, изданномъ Лалоромъ [3]). Но, какъ это видно изъ самаго содержанія акта, дѣло въ немъ идетъ только объ обезпеченіи въ случаѣ вдовства права перехода въ число клириковъ. Расходясь съ Генрихомъ Сэ [4]), мы не можемъ считать этотъ документъ доказательствомъ въ пользу того, что въ Шампани добровольная кабала была въ ходу еще въ XIII вѣкѣ, такъ какъ съ зачисленіемъ въ клирики связывалась всегда личная свобода. Не говорятъ также о кабалѣ, какъ объ одномъ изъ способовъ установленія крѣпостного права въ XIII в., ни Леопольдъ Делиль въ своей «Исторіи земледѣльческихъ классовъ въ Нормандіи», ни Габріель Демантъ въ своемъ «Опытѣ характеристики крѣпостного права въ южной Франціи», ни, наконецъ, Сеньебосъ въ своей «Картинѣ феодальныхъ порядковъ въ Бургундіи».

---

[1]) Des mainmortes, personnelle et réelle en Nivernais, par Ant. Boucomont, стр. 18.

[2]) Приложеніе къ полиптику аббата Ирминона, стр 370 Notitia de iuvenibus duobus qui se abdicata libertate S Martino dederunt.

[3]) Cartulaires du diocèse de Troyes, т. II, № 272.

[4]) Revue historique, т 56, стр. 232.

Причина этого лежитъ не въ невниманіи къ относящимся сюда источникамъ, а въ упорномъ молчаніи, хранимомъ на этотъ счетъ большинствомъ древнѣйшихъ кутюмье, или сборниковъ обычнаго права отдѣльныхъ провинцій Такъ, въ Libres et coustumes de Champagne, редактированныхъ въ XIV-мъ вѣкѣ, значится, что единственными порядками установленія крѣпостной зависимости являются неравный бракъ и пребываніе на несвободной землѣ [1]) (par mariage et par feux et leux). Послѣднія слова указываютъ и на причину, по которой люди, искавшіе себѣ обезпеченія извѣстныхъ имущественныхъ выгодъ потерей личной свободы, находили возможнымъ достигнуть этой цѣли, не прибѣгая къ закабаленію. Стоило только свободному снять крѣпостной надѣлъ, чтобы этимъ самымъ принять на себя обязательство крѣпостныхъ службъ и платежей. Такого порядка не существовало еще въ меровингскій и карловингскій періоды. Для наступленія его необходимо было торжество феодализма и связаннаго съ нимъ господства территоріальнаго принципа надъ личнымъ. Но уже въ XI вѣкѣ мы встрѣчаемъ на земляхъ помѣстья въ Туренѣ случаи, когда то или другое свободное лицо становилось крѣпостнымъ только потому, что оно снимало крѣпостную землю или пріобрѣтало ее покупкою отъ серва [2]). Даже въ позднѣйшую эпоху полной отмѣны крѣпостного права въ большинствѣ французскихъ провинцій мы встрѣчаемъ случаи добровольнаго поселенія свободныхъ выходцевъ Нормандіи и Пикардіи на крѣпостныхъ земляхъ Бургундской провинціи. Дюмуленъ, сообщающій намъ о фактахъ подобнаго рода, происходящихъ въ царствованіе Франциска I и Генриха II, даетъ намъ понять, какъ относились люди его времени къ этимъ, болѣе или менѣе вынужденнымъ, передачамъ себя въ несвободу. Онъ говоритъ, что «не хочетъ даже называть этихъ галловъ франками—стыда ради» (francos vocare pudeo). Тотъ же писатель указываетъ и на источникъ подобныхъ закабаленій, и на ихъ размѣръ. Народъ бѣжалъ отъ гнета податей и въ числѣ 10.000 человѣкъ осѣлъ на земляхъ помѣщиковъ, принялся за расчистку ихъ лѣсовъ и обязался держать заимки на началѣ земельной крѣпости [3]).

[1]) H Sée, Étude sur les classes serviles en Champagne (Revue historique, 1894 г, т 56, стр 231).

[2]) Le livre des serfs de Marmoutier, стр. 5 De Bertrando Aguello servo effecto (a. 1032—1084) pro eo quod ei concessimus emere quandam domum in burgo nostro, quam emit a quodam servo nostro (стр. 73) Otbertus qui fuit major Sancti Martini tenuit quandam terram apud Cedentem de S. Martino propter quam etiam ipse erat servus S Martini.

[3]) Dumoulin. Consilium. sub Francisco I et Henrico II magna multitudo

Въ одномъ изъ древнѣйшихъ комментаріевъ обычнаго права французскихъ провинцій, а именно—въ томъ, который въ XII вѣкѣ написанъ былъ Боманyаромъ для Бовэ и зависимаго отсюда бальяжа, указаны оба способа передачи себя въ крѣпостное состояніе. «Одной изъ причинъ несвободы, говоритъ авторъ «Us et coustumes de Beauvoisis», является то обстоятельство, что издавна многіе, благодаря своему великому благочестію, передавали себя самихъ, своихъ наслѣдниковъ и имущества святителю или святительницѣ. Хотя они и платили только то, что подсказывало имъ сердце (другими словами, добровольно), но сборщики церковные подвергали письменной записи все, что имъ дѣлалось извѣстнымъ о подобныхъ платежахъ. Разъ уплаченное было требуемо и впредь безъ перерыва, подвергаясь даже увеличенію въ размѣрѣ по злоупотребленію. Такимъ образомъ то, что дѣлалось первоначально вѣры ради, стало для потомства источникомъ вреда и ущерба». Такой же съ виду, притомъ добровольной, кабалою является и упоминаемая опять таки Боманyаромъ продажа себя въ неволю. «Человѣкъ неимущій, пишетъ этотъ королевскій бальифъ XII-го вѣка, говорилъ какому-нибудь сеньеру: вы дадите мнѣ столько-то, а я сдѣлаюсь вашимъ крѣпостнымъ (homme de corps). Бывало и такъ, прибавляетъ Боманyаръ, что люди даромъ передавали себя съ цѣлью найти покровительство и защиту отъ притѣсненій другихъ сеньеровъ и ихъ ненависти» [1]). На ряду съ добровольнымъ или вынужденнымъ обстоятельствами закабаленіемъ, автору извѣстенъ также переходъ въ неволю въ силу занятія свободнымъ человѣкомъ несвободной земли. Существуютъ, говоритъ онъ, такія земли, что достаточно поселенія и пребыванія на нихъ въ теченіе года и дня для того, чтобы свободному, не принадлежащему къ числу дворянъ, потерять независимость и сдѣлаться крѣпостнымъ. Это правило пользовалось широкимъ признаніемъ, но допускало, въ то же время, нѣкоторыя частныя отступленія; такъ, напримѣръ, въ графствѣ Клермонъ, въ Оверни, занятіе крѣпостныхъ участковъ свободными не влекло еще за собою перехода въ число крѣпостныхъ [2]).

Gallorum, francos vocare pudeo, e Picardie et Neustria ingentibus infinitarum. collectarum et exactionibus oppressa et expilata in comitatum Burgundiae demigrantes ultra 10,000 hospitia suscepti sunt in silvis ad culturam reducendis sub condicione manusmortuae

[1]) См. изданіе Beugnot, т. II, § 37, стр. 225

[2]) Et encore y a il de tex terres quant un frans hons qui n'es pastgentex hons de lignage y va manoir et il y est residens un an et un jour qu' il devient sers au seigneur desoz qui il veut estre residens, mais ceste coustume ne quort pas nule part en le conté de Clermont (Ibid.)

Классъ свободныхъ людей поставлялъ извѣстный контингентъ крѣпостному состоянію еще благодаря заключенію браковъ съ несвободными. Въ варварскихъ правдахъ господствуетъ суровый принципъ, по которому, выражаясь языкомъ позднѣйшихъ средневѣковыхъ юристовъ, «зло беретъ верхъ надъ добромъ» (le mal emporte le bon) [1]), т. е. несвобода одного изъ супруговъ отражается на другомъ и переходитъ, сверхъ того, на потомство. Въ кутюмье XIV и слѣдующихъ столѣтій это правило удержалось только въ видѣ рѣдкаго исключенія. Мы находимъ его въ двухъ провинціяхъ, всего долѣе сохранившихъ крѣпостное право: въ Ниверне и въ Бурбонэ [2]). Что касается остальныхъ, то въ нихъ положеніе ребенка опредѣляется то состояніемъ матери, то состояніемъ отца. Перваго правила, передаваемаго афоризмомъ «плодъ слѣдуетъ утробѣ» (fructus sequitur ventrem) придерживаются кутюмы Бовэ, Мо, Бара, Труа и Ребэ [3]), второго—кутюмы Бургундіи и Франшъ Конте [4])

Наконецъ, встрѣчаются такія мѣстныя особенности, какъ напримѣръ, право выбора, предоставленное старшему и третьему сыну въ шателени Монтенуазонъ между свободою и крѣпостной зависимостью въ случаѣ рожденія отъ неравныхъ браковъ [5]).

Холопство и кабала далеко не являются единственными факторами крѣпостного состоянія. Въ составъ его вошли также бывшіе римскіе колоны, отличіе которыхъ, какъ людей лично свободныхъ, но не имѣющихъ права передвиженія, отъ сервовъ и манзіонаріевъ уже наглядно выступаетъ въ полиптикѣ аббата Ирминона и грамотахъ аббатства Клюни. Въ позднѣйшихъ источникахъ все болѣе и болѣе исчезаютъ особенности этого состоянія. Терминъ colonia или colonica употребляется, правда, еще грамотами X вѣка [6]), но, какъ

[1]) Coustume de Nivernois, ст 22.—Coustume des Bourbonnais, ст. 199

[2]) Салическая и Рипуарская Правда грозятъ неволей свободному или свободной при неравномъ бракѣ (Lex Salica, tit. XIV, lex Rip. tit. LVIII, § 15).

[3]) Beaumanoir, гл. 45, № 13, стр 222, изданіе Beugnot. Coustumes générales de Meaulx (1509 г.), § 4. Entre gens roturiers et de pote le fruict ensuit la condition du ventre. Cestadire que si la mère est de serve condition les enfans qui en ystriont sont de serve condition.—Coustume locale de Resbetz. Les enfans nez d'une famme serve enseyvent la condition de la mère

[4]) C. de Bourgogne, IX, ст. 3.—C de Franche Conté, XIV, ст. 10.

[5]) Coustume de Nivernois, гл. IX.

[6]) Cartulaire de Cluny, т. I, стр. 307, № 312: Charta qua Hugo confert monasterio Cluniacensi colonicam unam in villa Tresdete (927—942 г.).—Cartulaire de St. Victor de Marseille, № 291, X в: Descriptio mancipio-

видно изъ самаго включенія занимающихъ эти земли лицъ въ число mansiріа, или крѣпостныхъ крестьянъ, настоящіе термины имѣютъ здѣсь то же значеніе, что mansus, или надѣлъ въ земляхъ помѣстья. Эта потеря терминомъ прежняго смысла выступаетъ и въ хартуларіи аббатства Бога Отца въ Шартрѣ. Упоминаемый одной грамотой 1140 года колонъ, по замѣчанію Герара, не болѣе, какъ земельный съемщикъ или арендаторъ [1]). Оба факта не могутъ быть признаны случайными; они говорятъ о томъ, что условія, поддерживавшія обособленность этого вида держаній, исчезли, и общій ходъ развитія повелъ къ сліянію всѣхъ видовъ личной и имущественной зависимости въ одно общее состояніе крѣпостной несвободы.

Если всѣ только что перечисленныя явленія, какъ то—исчезновеніе рабства, поселеніе холопей и свободныхъ колоновъ на земляхъ помѣстья, передача себя въ неволю или переходъ въ нее благодаря неравнымъ бракамъ и занятію крѣпостныхъ надѣловъ, наконецъ, вымираніе колоната или, точнѣе, сліяніе его съ крѣпостнымъ состояніемъ.—обусловили собою ростъ послѣдняго, то отнюдь нельзя сказать, чтобы главный контингентъ крѣпкихъ къ землѣ людей не былъ поставленъ тѣми servi rustici и glebae adscripti Римской Имперіи и тѣми пріуроченными къ землѣ германскими servi, о которыхъ говорятъ намъ, съ одной стороны, латинскіе писатели—агрономы, а съ другой, извѣстный трактатъ Тацита о древней Германіи. Нужно ли напоминать, что Тациту извѣстны оба вида несвободнаго состоянія германцевъ, что продаваемымъ и покупаемымъ невольникамъ онъ въ XXV книгѣ противополагаетъ тѣхъ сервовъ, которые сидятъ каждый со своей семьею на собственномъ участкѣ, внося ежегодно хозяину положенную съ колона натуральную ренту—пшеницей, скотомъ или одеждою [2])?

Всѣ варварскія правды говорятъ о такихъ servi—и Салическая, и Бургундская, и Вестготская, и Алеманская [3]); послѣдняя занимается даже опредѣленіемъ числа дней отправленія барщины помѣстнымъ

---

rum de villa nostra Mercіana Massilіensis. Colonіa ubі manet colonus—dat censo porcum, pastas 2, ova 20

[1]) См. Prolégomènes къ хартуларію аббатства de St Père de Chartres, стр. XLV, и въ текстѣ хартуларія стр. 381.

[2]) Ceteris servіs non in nostrum morem dіscriptis per familiam ministerііs utuntur: suam quisque sedem, suos penates regіt. Frumentі modum dominus aut pecoris aut vestis ut colono іniungіt, et servus hactenus paret.

[3]) Lex Salіca, титулъ X, §§ 5 и 7; Lex Burgundionum, титулъ X и XXXVIII, Lex Vіsigothorum, lіber II, титулъ IV, § 4; Lex Alemanorum, титулъ XXII и LXXIX

крестьянствомъ; это число не болѣе трехъ вънедѣлю—по крайней мѣрѣ, на земляхъ церковныхъ. Постановленіе титула XXII на этотъ счетъ воспроизводится XIV-мъ титуломъ Баварской правды, что въ связи съ существованіемъ—въ большинствѣ помѣстій аббатства Сенъ Жермена въ Парижѣ, Сенъ Винцента въ Мансѣ и Сенъ Бертенъ въ сѣверо-восточной Франціи, а также на казенныхъ земляхъ во времена Карла Великаго—однохарактерныхъ требованій (omni ebdomada dies tres) [1]), позволяетъ думать, что въ VIII и IX вѣкахъ обычай высказывался въ пользу оставленія за крестьянствомъ права затрачивать, по крайней мѣрѣ, половину недѣли на обработку собственнаго поля.

Помимо барщины, крестьянинъ несетъ еще, какъ мы видѣли, общественныя помочи при пахотѣ и уборкѣ и отправляетъ подвозную повинность. Его участіе въ сельскохозяйственномъ трудѣ сказывается въ оранкѣ (corroada de arar или de arada, de bobus in seminibus), въ вывозѣ навоза на поле (sternir), въ посадкѣ виноградной лозы (corroada in vineis, de podar), въ покосѣ сѣна и складываніи его въ стога (corroada in paratis, de fenairar), въ уборкѣ хлѣба (corroada metendi in messibus), уборкѣ винограда и выдѣлкѣ вина (vindemiar), въ поставкѣ топлива на Рождество (corroar mortuum boscum или lignaꝫ de silva), въ изготовленіи обручей и набивкѣ бочекъ [2]). Таковы, по крайней мѣрѣ, тѣ службы, какія крестьяне отправляютъ на земляхъ каѳедральнаго собора въ Гренобле въ XII вѣкѣ. Къ нимъ присоединяются въ другихъ мѣстахъ копаніе рвовъ, перевозка хлѣба и сѣна на клуню, возведеніе живыхъ оградъ, доставка писемъ и, вообще, исполненіе какихъ-либо порученій на сторонѣ (missaticum) [3]), денная и ночная стража [4]). Женщины кресть-

---

[1]) См. Polyptique d'Irminon (стр 208, 214 и т. д) и въ приложеніи Fragmenta ampliora Polyptychi Sithiensis, стр. 598 (воспроизведенныя затѣмъ въ изданіи Cartulaire de St Bertin того же Герара); Polyptique de l'abbaye de Saint Vincent de Mans (écrit vers 840): Serviunt in ebdomada dies II cum bobus, tertium manibus (отпечатано въ приложеніи къ полиптику Ирминона, Eclaircissement XIX, стр 925).—См. также Fragmentum breviarii rerum fiscalium Caroli Magni ex codice Helmstadiensi: operatur in ebdomada III dies (въ G. Leibnitii Collectanea etymologica, Hannover, 1717, стр 320).

[2]) См. Cartulaire de l'église cathédrale de Grenoble, par Marion, Préface, стр. XXXVIII.

[3]) Такъ, въ Polyptychum Fossotense, приложенномъ Гераромъ къ полиптику Ирминона, мы читаемъ: mansus debet papaticas 2, habente unaquaque in longum perticas 40 et in transversum 4.—Debet unam carradam adducere de feno in gramicam seniorис et 1 carradam de garbis de campania. Debet ducere annonam ad farinarium super carrum suum de suis diebus. — Debet

янки варятъ брагу, шьютъ льняныя рубашки, ткутъ сукна [1]). Въ числѣ крѣпостныхъ мы встрѣчаемъ и ремесленниковъ, которые за отправленіе своего мастерства избавлены отъ всякихъ службъ и платежей. Таково положеніе Оттона кожевника (pelliferus), Ивана кузнеца (faber), Бенедикта бутылочника (botelarius) и Арнульфа мѣнялы (cambiator), о которыхъ говорятъ грамоты 1100 года, включенныя въ хартуларій каѳедральнаго собора въ Гренобле [2]). О послѣднемъ изъ названныхъ выше лицъ прямо сказано, что оно держитъ свой участокъ libere et quiete. То же говорится и о мельникахъ въ полиптикѣ аббатства Корби [3]). Въ числѣ крестьянъ, занимающихъ то цѣлые манзы, то только хижины и прилежащіе къ нимъ огороды, мы встрѣчаемъ и хлѣбопека (pistor), и мельника (monerius), и каменщика—цементщика (cementarius), и суконщика (draperius), и портного (parator), и повара (coccus), не говоря уже о пастухѣ овецъ и козъ (vervicarius и caprarius).

На одномъ, также незначительномъ и не входящемъ въ надѣльную систему участкѣ (bordaria) поселена повивальная бабка (medicatrix), на другомъ сидитъ врачъ (phisicus), на третьемъ—фокусникъ (joculator) [4]).

---

mansionem et curtem custodire et stabulum curare et facere quicquid opus est —Въ Breviario villarum, или описаніи помѣстій, принадлежащихъ аббатству St Bertin въ половинѣ IX в.. въ числѣ прочихъ обязанностей манзіонаріевъ указано: cludunt virgas etc или sepiunt virgas (Liber II, № 15, 17, 21, 24) —Polyptique de l'église de St Paul de Lyon (vers 1285), publié par Guigue, стр. 79: Apud Chasey. Omnes illi qui habent boves lucrativos in parrochia de Chaseto debent carriare bladum decime obediencіarum quocumque voluerit, ita quod eadem die possint ad suum redire hospicium.

[4]) Polyptique de St Vincent de Mans: faciunt wagtas.

[1]) Ibid Ancillae faciant ladmones (ladmo, какъ указалъ Гераръ, то же, что pensum textile mulieribus obnoxius impositum, vel ut confectio camsilium et sarcilium)—parent de brace modios столько-то (См. тотъ же полиптикъ № 24).—Polyptique de l'abbé de Saint Vincent de Mans mansus unus donat de brace modios IX, facit camsilem

[2]) Chartularium II, B, № 41 и 42

[3]) Ibid, № 106, Statuta antiqua abbatis S. Petri Corbeiensis, cap. 7: De molinis vel cambis talis volumus sit ratio. Primo ut unicuique molinario mansus et VI bonuaria de terra dentur Nolumus ut ullum aliud servitium nec cum carro, nec cum caballo, nec manibus operando, nec arando, nec seminando, nec messes vel prata colligendo, nec braces faciendo humlonem (houblon) nec ligna solvendo, nec quicquam aliud ad opus dominicum faciat sed tantum sibi et suo molino serviat.

[4]) Ibid, хартуларій A., № 28, хартуларій C., № 24.—См также предисловіе Маріона къ изданному имъ хартуларію, стр. LXI.

Въ XIII столѣтіи число помѣстныхъ ремесленниковъ и торговцевъ настолько увеличилось, что мѣстнымъ обычаямъ приходится регулировать самый порядокъ отправленія ими промысла. Въ одной грамотѣ 1273 года, включенной Кантинъ въ сборникъ документовъ департамента Іоны, заходитъ рѣчь о булочникахъ, представляющихъ самостоятельную профессію, отличную отъ той, какую упражняетъ помѣстный хлѣбопекъ, состоящій при баналитетной печи. Аббатство Св. Петра въ Сансѣ вступаетъ въ длинное препирательство съ этими булочниками, обозначаемыми терминомъ talemetarii, изъ-за того, что они не желаютъ подчиниться всѣмъ предъявляемымъ къ нимъ требованіямъ. Булочники, гласитъ судебный протоколъ, утверждали, что сами они и ихъ предки съ давнихъ временъ пользовались правомъ продажи хлѣба подъ условіемъ поставки аббатству еженедѣльно булки, цѣною въ 1 динарій (una denariata panis) Монастырь же, опровергая эти заявленія, жаловался на занятіе булочниками принадлежащаго ему дома, въ которомъ они вели торговлю, не заручившись ничьимъ согласіемъ Монахи требовали отъ булочниковъ ежегоднаго снятія лавокъ (stalla) на рынкѣ, очевидно, за извѣстную плату. Посредники, разобравъ претензію, постановили слѣдующее рѣшеніе· всѣ булочники, желающіе держать прилавокъ въ данномъ мѣстѣ, должны занести въ реестръ свои имена въ недѣлю, слѣдующую за Рождествомъ Іоанна Крестителя. Затѣмъ жребіемъ будетъ рѣшено, кому долженъ принадлежать въ ближайшемъ году тотъ или другой прилавокъ; все оставшееся не занятымъ можетъ быть роздано монастырской администраціей. За каждый прилавокъ еженедѣльно, въ субботу, булочники платятъ tres obolatas panis, т. е. хлѣба на $1^1/_2$ динарія. Никому не дозволяется занимать болѣе одного прилавка. Неисправность въ платежѣ ренты въ теченіе мѣсяца даетъ монастырю право распорядиться, какъ онъ заблагоразсудитъ, помѣщеніемъ неисправнаго плательщика [1]).

На земляхъ аббатства Сенъ Вастъ такимъ же порядкомъ сдаются еще въ XII вѣкѣ прилавки для продажи суконъ, льна, веревокъ, ножей, восковыхъ свѣчей, гвоздей и т. п. [2]). Эти порядки представляютъ уже рѣшительное отступленіе отъ обычнаго занятія министеріалами (таковъ освященный терминъ) крестьянскихъ манзовъ подъ условіемъ исключительнаго отправленія ихъ ремесла или торга. Мы

---

[1]) Cartulaire de l'Yonne, т. III, № 679, стр 341.

[2]) Cartulaire de l'abbaye de St Vaast, rédigé par Guimann, I, стр 165 и слѣдующая

присутствуемъ при постепенномъ обособленіи ремесленной и торговой дѣятельности въ особый видъ занятій, въ самостоятельныя профессіи, упражняемыя лицами, всѣ обязательства которыхъ въ отношеніи къ помѣщику сводятся къ платежу извѣстной ренты, какъ эквивалента за пользованіе рыночнымъ мѣстомъ. Далеко не такъ стояло дѣло въ предшествующія столѣтія, когда крестьянинъ упражнялъ свое ремесло въ пользу помѣщика и зависимыхъ отъ него людей, оплачиваемый за это надѣломъ въ открытыхъ поляхъ и освобождаемый отъ сельскохозяйственныхъ службъ и платежей. Въ это время промыселъ былъ еще рѣдкимъ исключеніемъ, а земледѣліе общимъ правиломъ. Въ большинствѣ случаевъ женская половина крестьянскаго двора поставляла изъ своей среды кустарей, пивоваровъ, ткачей, валяльщиковъ, швей; одни кузнецы, мельники и хлѣбопеки, да еще кое-гдѣ плотники и каменщики могли считаться вполнѣ обособившимися профессіями; что же касается до каменщиковъ-цементщиковъ, плотниковъ и бочарей, то они могли отправлять свой промыселъ параллельно съ занятіемъ земледѣліемъ и въ видѣ дополненія къ сельскохозяйственнымъ работамъ. Если въ спискѣ ремесленниковъ и торговцевъ, жившихъ на земляхъ аббатства Клюни или монастыря Бога Отца въ Шартрѣ, встрѣчаются не только простые повара, но и лица, специально приставленныя къ вертелу (hastarii), не одни булочники и пирожники, но и такъ называемые нынѣ chefs de cuisine (coqui architriclini) [1]), то, очевидно, что это не болѣе, какъ исключеніе, вызванное широкими потребностями богатѣйшихъ въ мірѣ аббатствъ. Болѣе скромныя помѣстья обыкновенно не выдѣляли изъ своей среды никого, кромѣ перечисленныхъ уже нами ремесленниковъ, промыселъ которыхъ былъ необходимъ для успѣшности самого сельскохозяйственнаго труда. Все, выходящее за предѣлы повседневнаго запроса: обувь, платье, посуда и тому подобное, покупалось на сторонѣ, на одномъ изъ сосѣднихъ рынковъ, или изготовляемо было на дому въ свободное отъ сельскаго хозяйства время. Вотъ почему, говоря о барщинѣ, большинство полиптиковъ имѣютъ въ виду только ту, которая имѣетъ отношеніе къ сельскому хозяйству. Только къ земледѣльческому труду примѣнимо дѣленіе на ручную работу и работу съ упряжью, manopera и opera bovum, дѣленіе, красною нитью проведенное по всѣмъ актамъ, говорящимъ о крѣпост-

---

[1]) Antiquae Consuetudines Cluniacensis monasterii, III, 18, у Achery, Spicilegium, т. I, стр. 696 — Cartulaire de l'abbaye de St. Père de Chartres, Prolégomènes, стр. 57—66.

ныхъ людяхъ, ихъ службахъ и повинностяхъ. Взаимное отношеніе обоихъ видовъ барщины передается иногда цифрами, опредѣляющими, напримѣръ, что на два дня работы съ упряжью въ недѣлю приходится одинъ день ручной работы [1]).

Только этихъ сельскохозяйственныхъ работъ и связанныхъ съ ними натуральныхъ платежей касаются первоначальные выкупы или переводы на деньги и на натуральный оброкъ службъ и повинностей крестьянства Эти выкупы начались настолько рано, что въ XII столѣтіи, въ эпоху редактированія не дошедшихъ до насъ кутюмовъ Орлеанэ, положенныхъ, наравнѣ съ анжуйскими, въ основу «Установленій Людовика IX Святого», всѣ казенные крестьяне этой провинціи уже надѣлены были вольной [2]). Быть королевскимъ человѣкомъ значило здѣсь то же, что быть свободнымъ; грамоты сплошь и рядомъ употребляютъ выраженіе: онъ останется за королемъ (il demorra par devers le roi), чтобы выразить свободу отъ крѣпостной зависимости. Свобода въ данномъ случаѣ означаетъ переводъ еженедѣльной барщины на оброкъ или ренту. Другой примѣръ такого же перевода представляютъ намъ земли нѣкоторыхъ церковныхъ обителей. Такъ, въ хартуларіи церкви Божьей Матери въ Божэ мы одновременно встрѣчаемъ нѣсколько манзовъ, свободныхъ отъ барщины и платящихъ ежегодно, одинъ 3 солида 8 динаріевъ, другой—выговоренное количество воску, пшеницы, ячменю и ржи или вина, не говоря о мясѣ, свиномъ и коровьемъ, о приношеніи ягнятъ и поросятъ, курицъ и пѣтуховъ, яицъ и тому подобное [3]). Такими же переводами на натуральныя и денежныя ренты объясняется причина, по которой и въ помѣстьяхъ церкви Св. Павла въ Ліонѣ, расположенныхъ въ Божолэ и Маконэ, въ Бресcѣ и Бюжэ, въ Домбѣ и Дофинэ, не говоря уже о Лионской провинціи, отсутствуетъ упоминаніе о барщинѣ, отправляемой еженедѣльно въ опредѣленные дни, и говорится только объ общественныхъ помочахъ при пахотѣ и уборкѣ, да еще о подводной повинности, которую можно отправлять вдобавокъ и не лично, а чрезъ замѣстителя. Крестьяне осуществляютъ свои обязанности по отношенію къ помѣщику поставкой церкви опредѣленной части урожая. Это — половники, которыхъ рента составляетъ гдѣ седь-

---

[1]) Такъ, въ Polyptique de l'abbaye de St. Vincent de Mans мы читаемъ: serviunt in ebdomada dies II cum bobus, tertium manibus.

[2]) См. Introduction aux établissements de St. Louis, par Violet, т. I, стр. 41, и Isambert, Ordonnances, т. XI, стр. 215.

[3]) См. Cartulaire de l'église collégiale de Notre Dame de Beaujeu, стр. 28 Redevances dues à Notre Dame de Beaujeu.

мую, а гдѣ четвертую и третью часть посѣва; въ послѣднемъ случаѣ—за первоначальнымъ вычетомъ сѣмянъ. Полиптикъ, составленный около 1285 года, говоритъ о манзахъ, condaminae, снятыхъ людьми, крѣпкими въ землѣ, homines ligii levantes et cubantes, т. е. levant et couchant въ предѣлахъ помѣстья. Эти крѣпостные держатъ свои участки ad taschiam septimam, quintam, quartam и, наконецъ, tertiam: въ послѣднемъ случаѣ прибавляется: et debet primo levare seminam suam [1]).

Такой же переводъ отдѣльныхъ манзовъ ad tascham можетъ быть констатированъ еще въ XI вѣкѣ на земляхъ церкви Св. Виктора въ Марсели [2]). Указать съ точностью время, когда впервые появляется упоминаніе о крестьянскихъ участкахъ, снимаемыхъ на началахъ половничества, мы не беремся. Въ отпечатанныхъ хартуларіяхъ говорится о держаніи земель ad tascham еще во второй половинѣ X вѣка [3]). Весьма вѣроятно, что половничество, извѣстное еще въ V вѣкѣ въ провинціяхъ Галліи, перешло непосредственно отъ римлянъ и уцѣлѣло поэтому преимущественно на тѣхъ земляхъ, владѣльцы которыхъ придерживались римскаго права,—а въ этомъ положеніи, какъ извѣстно, находились церкви и монастыри. Не удивительно, если и ранѣе X вѣка половничество, въ смыслѣ уплаты $^1/_3$ продуктовъ, упоминается, но безъ обозначенія его терминомъ tascha, въ Бургундской правдѣ, древнѣйшей записи сильно романизированныхъ германскихъ обычаевъ. Но одно дѣло эпоха возникновенія половничества, а другое—время перехода крестьянъ въ положеніе половниковъ. Объ этомъ послѣднемъ мы не слышимъ ранѣе конца XI и начала XII вѣка. Я думаю, что причины, вызвавшія эту эволюцію, не могутъ быть выяснены, если мы будемъ изучать ее независимо отъ роста свободнаго контракта на землю Обыкновенно принимаютъ, что арендныя отношенія въ формѣ фермерства и шампара возникли не ранѣе полнаго упадка крѣпостного права. Но такому утвержденію рѣшительно противорѣчатъ грамоты IX, X и слѣдующихъ столѣтій, которымъ арендный контрактъ извѣстенъ въ формѣ не одного наслѣдственнаго прекарія, но и такъ называемой

---

[1]) Guigue, Polyptique de l'église de St. Paul de Lyon, стр 64, 66—70

[2]) Ibid., v. I, стр. 65, № 42

[3]) Bernard, Cartulaire de l'abbaye de Savigny, стр 173, № 260, грам. 980 г· quamdiu vixerimus teneamus et taschas reddamus. — Cartulaire de Cluny, т. I, стр. 637, № 684, грам. 946: in pago Matisconense (Macon) dum modo vos viveatis vel qui ista vinea vel ista carta in mane teneat, de la medietate de blato omnique anno una refectione ad sacerdotes faciant.

cessio ad medium plantum. О прекаріи упоминаютъ уже формулы Маркульфа [1]), не говоря о позднѣйшихъ. Римскій источникъ прекарія вполнѣ доказанъ, какъ мы видѣли, изслѣдованіями Фюстель де Куланжа. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, непрерванную филіацію римскихъ земельныхъ контрактовъ съ тѣми, какіе выступаютъ передъ нами въ эпоху выработки феодализма. Можно поэтому говорить не о новыхъ созданіяхъ, а о простой модификаціи старинныхъ формъ и отношеній

Къ половничеству и прекарію, упоминаемымъ уже, какъ мы видѣли, первыми германскими правдами и формулами, надо присоединить и римскій эмфитевзисъ, или вѣчно-наслѣдственную аренду, своеобразной формой которой является та сдача земли изъ-подъ выстройки, какой надо считать cessio ad medium plantum Образецъ ея мы находимъ въ одной грамотѣ аббатства Клюни отъ 936 года. Характеръ сдѣлки какъ нельзя лучше выступаетъ изъ слѣдующихъ словъ контракта: «сдаемъ тебѣ поле для разведенія на немъ виноградника въ теченіе ближайшихъ пяти лѣтъ, послѣ чего половина его поступитъ въ наше пользованіе, половина же останется за тобою, и ты въ правѣ будешь сдѣлать изъ нея, что вздумаешь. Захочешь продать, предложи ее намъ за справедливую плату или тому, кому мы сдадимъ ее въ бенефицій; не пожелаетъ онъ пріобрѣсти отъ тебя виноградника, ты въ правѣ будешь уступить его въ собственность, кому захочешь, безъ страха возраженія съ чьей бы то ни было стороны» [2]). Въ другой однохарактерной грамотѣ 939 года указанъ порядокъ опредѣленія той справедливой цѣны, по которой половина выстроеннаго съемщикомъ участка поступаетъ въ руки собственника земли. Друзья обѣихъ сторонъ въ равномъ числѣ оцѣниваютъ участокъ, послѣ чего обѣ стороны приходятъ къ согласному рѣшенію насчетъ его цѣны. Пройдутъ четыре мѣсяца и сдѣлки не послѣдуетъ по винѣ собственника, съемщикъ пріобрѣтаетъ право продажи на сторону [3]). Въ хартуларіи каѳедральнаго собора въ Гренобле весьма часты упоминанія о сдачѣ земель ad medium plantum, при чемъ

---

[1]) См. Marculfi formularum liber II, № 5—О сдачѣ въ прекарій заходитъ рѣчь и въ такихъ сравнительно позднихъ памятникахъ, какъ грамоты аббатства Клюни отъ середины X-го вѣка (949 г.). См. Bernard, Recueil des chartes de l'abbaye de Cluny, т. I, стр. 689 Concessio in precariam, подъ условіемъ ежегоднаго платежа ценза въ 15 солидовъ.

[2]) Recueil des chartes de l'abbaye de Cluny, par Aug. Bernard., т. I стр 441, № 451.

[3]) Ibid., стр 487, № 501.

различаются два ея вида: more burgundionum и secundum galliorum morem. Хотя издатель хартуларія и отказывается установить какое бы то ни было различіе между этими двумя порядками, но мнѣ кажется, что, принимая во вниманіе постановленія Бургундской правды, можно видѣть въ сдачѣ по обычаю бургундовъ сдачу съ трети, тогда какъ противополагаемая ей выстройка по обычаю Галліи должна быть сдачей съ половины Во всякомъ случаѣ, то обстоятельство, что источники X и XI вѣка упоминаютъ о medium plantum, какъ о распространенномъ въ Бургундіи и Галліи порядкѣ сдачи земель, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ дѣло не съ мѣстной особенностью, а съ общимъ явленіемъ [1]).

На ряду съ вѣчно-наслѣдственной арендой мы встрѣчаемъ съ XII вѣка и срочную, объектомъ которой являются земли, удержанныя помѣщикомъ въ личномъ завѣдываніи. Существованіе надѣльной системы и вѣчныхъ держаній крестьянства препятствовали распространенію срочнаго земельнаго найма и на terra servilis, но въ предѣлахъ такъ называемой indominicata собственникъ въ правѣ былъ раздавать участки половникамъ, смотря по плодородію почвы или характеру культуры (виноградники, посѣвы пшеницы или болѣе дешевыхъ сортовъ хлѣба), то съ половины, то съ $^1/_3$, то съ $^1/_4$, то съ $^1/_5$ и даже $^1/_8$ части продуктовъ, откуда и самыя наименованія участковъ— однихъ media megerra, другихъ tertia, terseria, третьихъ quarteria, quartena, четвертыхъ quinteria и т. д., вплоть до octaveria, или terra ad octavam partem [2]).

Это существованіе бокъ-о-бокъ крѣпостныхъ держаній, доставлявшихъ помѣщику даровой, вынужденный и потому мало производительный трудъ, и какъ наслѣдственныхъ, такъ и срочныхъ арендъ, связанныхъ съ натуральными и денежными взносами, которые обезпечивали помѣщику неизмѣнный доходъ,—должно было съ теченіемъ времени повести къ тому результату, что сеньеры въ собственныхъ интересахъ стали переводить крестьянъ съ барщины на оброкъ.

---

[1]) См. Marion, Cartulaire de l'église de Grenoble, Introduction, стр LXIII. Примѣры сдачъ ad medium plantum встрѣчаются почти во всѣхъ сборникахъ грамотъ, или хартуларіяхъ. Вотъ одно изъ раннихъ упоминаній объ этомъ видѣ земельныхъ сдачъ. Оно встрѣчается въ Cartulaire de l'abbaye d'Ainay, грам. № 2, a. 932: vendo vineam unam quam adquisivi ex medio planto quod feci in terra S Martini. См. также Cartulaire de Savigny, грам № 172 и 198, 970 и 980 г., гдѣ также идетъ рѣчь о сдачѣ ad medium plantum

[2]) Cartulaire de St. Victor de Marseille, изданный Гераромъ, грам. № 181, 330 и вступительный очеркъ, стр XXXVIII и XXXIX.

Если Гераръ въ предисловіи къ полиптику Св. Петра въ Шартрѣ считаетъ возможнымъ заявить, что начиная съ X столѣтія сервы становятся все менѣе и менѣе многочисленными и самый этотъ терминъ уступаетъ мѣсто болѣе неопредѣленному названію homines и agricolae, что, въ противоположность прежнему порядку, при которомъ всѣ пріобрѣтенія серва считались собственностью господина, крѣпкіе къ землѣ люди владѣютъ съ начала XI столѣтія не только движимостью, peculium, но и недвижимостью, уступаемой ими помѣщику въ выкупъ за свободу [1]),—то причина этихъ измѣненій лежитъ прежде всего въ сознаніи, что при ростѣ населенія и увеличившемся запросѣ на землю правильный расчетъ велитъ отдавать предпочтеніе свободному найму рабочихъ передъ вынужденнымъ трудомъ. Читая уцѣлѣвшіе отрывки полиптиковъ XI и XII вѣка, а также арендные контракты этого времени, купчія и мѣновыя сдѣлки, перечисляющія составъ имѣній и извлекаемый изъ нихъ доходъ, выносишь впечатлѣніе, что задолго до выдачи помѣщикомъ освободительныхъ грамотъ цѣлымъ селеніямъ путемъ мѣстнаго обычая установленъ былъ неизмѣнный оброкъ, замѣнившій собою барщинныя работы. Этотъ оброкъ не всегда выраженъ деньгами и не всегда исключаетъ исполненіе крестьяниномъ сельскохозяйственныхъ службъ Сплошь и рядомъ говорится, что рента помѣщика должна состоять въ такомъ-то или такомъ-то количествѣ пшеницы или помѣси двухъ сортовъ хлѣба, озимаго и ярового, помѣси, извѣстной подъ названіемъ civada. Еще чаще заходитъ рѣчь о томъ, что крестьянскій дворъ обязывается воздѣлать такое-то или такое-то число акровъ, не пріостанавливая, въ то же время, своего участія въ общественныхъ помочахъ. Прекращаются только еженедѣльно возобновляемыя даровыя службы. Нѣтъ больше упоминанія о трехдневныхъ или двухдневныхъ manopera и opera boum. Удержаны всѣ прежнія натуральныя приношенія, къ которымъ нерѣдко помѣщикъ присоединяетъ новыя, что вызываетъ протесты со стороны заинтересованныхъ и ведетъ къ изданію грамотъ, отмѣняющихъ mala consuetudo [2]). То обстоятельство, что самыя эти натуральныя и денежныя требованія, предъявляемыя къ отдѣльнымъ манзамъ или крестьянскимъ надѣламъ, слывутъ въ грамотахъ конца XI и начала XII вѣка подъ наименованіемъ consue-

---

[1]) Cartulaire de St. Père de Chartres, стр 91, 294, 277, 354, 489, 507, и Introduction, стр XLV и XLVII.

[2]) См. Cartulaire de l'abbaye de Savigny, № 915, грам 1128 г. Sine aliqua mala consuetudine, sicut ab antecessoribus visus fuerat possedisse.

tudines [1]), указываетъ на ту выдающуюся роль, какая принадлежитъ обычаю, установленной предками практикѣ въ защитѣ крестьянства отъ произвольныхъ вымогательствъ собственниковъ.

Только случайно, опредѣляя составъ имѣнія, поступающаго въ бенефиціальное пользованіе того или другого вассала, или разбирая споръ между нимъ и его сеньеромъ, грамоты начала XII столѣтія знакомятъ насъ съ характеромъ тѣхъ службъ и повинностей, какія крестьянство призвано было нести въ пользу помѣщика съ момента упраздненія барщины. Въ 1141 году, въ виду вымогательствъ, обращенныхъ къ жителямъ Этивэ въ теперешнемъ департаментѣ Іоны, епископъ лангрскій, Годфруа, постановляетъ слѣдующее рѣшеніе: отдѣльные манзы ставятъ каждый ежегодно pro salvamento, т. е. за защиту и покровительство, секстарій ячменя или овса, два хлѣба и два окорока; послѣднее—только въ томъ случаѣ, если въ крестьянскомъ дворѣ убита вскормленная въ немъ свинья; иначе, взамѣнъ идутъ двѣ курицы и секстарій вина; нѣтъ и вина, допускается уплата того, что стоитъ секстарій въ сосѣдней винодѣльной мѣстности Монружъ. Приговоръ предусматриваетъ и тотъ случай, когда въ томъ или другомъ манзѣ не окажется положеннаго количества земли; тогда слѣдуетъ нарѣзка внѣ предѣловъ селенія. Предвидится также возможный раздѣлъ манза между наслѣдниками; въ такихъ условіяхъ всѣ должны платить совмѣстно то, что положено платить цѣлому манзу. Сроками взносовъ назначены для хлѣба и вина праздникъ Св. Мартина въ ноябрѣ, для булокъ и мяса — канунъ праздника Sanctorum Innocentium. Строго на строго запрещено вотчинной администраціи жить на счетъ крестьянства: «пусть она содержитъ себя сама» (de sua vivant et non de rusticorum) [2]).

Всего чаще размѣръ предъявляемыхъ крестьянамъ требованій передается въ малѣйшихъ подробностяхъ монастырскими полиптиками; ихъ изученіе въ этомъ отношеніи крайне поучительно и не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что задолго до эпохи такъ называемаго коммунальнаго движенія во Франціи начался медленный и самопроизвольный процессъ замѣны несвободнаго труда свободнымъ. Остановимся для примѣра на полиптикѣ одного изъ монастырей Шампани, расположеннаго въ предѣлахъ діоцеза Труа. Рѣчь идетъ объ аббат-

---

[1]) Въ одной грамотѣ 1110 г. мы читаемъ. Laudavit etiam ac concessi consuetudines quas eadem ecclesia solebat habere in praedicto manso (Cartulaire de l'abbaye de Savigny, стр 466, № 884)

[2]) Cartulaire général de l'Yonne, par Quantin, т I, № 214, стр. 355

ствѣ Chapelle aux Planches. Оно владѣетъ нѣсколькими помѣстьями, составъ которыхъ указывается каждый разъ съ точнымъ обозначеніемъ числа занятыхъ и пустующихъ манзовъ, какъ состоящихъ въ рукахъ монастырскаго управленія, такъ и снимаемыхъ людьми свободными и несвободными, крестьянами и поселенцами. Въ одномъ помѣстьи насчитывается 13 mansi ingenuiles, hospicia tres и ни одного mansum servile, въ другомъ—33 свободныхъ манза, не считая одного пустующаго, 7 hospicia, и опять таки ни одного несвободнаго манза, въ третьемъ — 19 свободныхъ манзовъ и 10 hospicia, въ четвертомъ—32 исключительно свободныхъ манзовъ, въ пятомъ и шестомъ встрѣчаются также одни mansi ingenuiles Только въ двухъ (Saturniaco и Venuerias) заходитъ рѣчь о меньшинствѣ mansi serviles при большинствѣ свободныхъ.

Обязанности крестьянъ, снимающихъ несвободные манзы, и повинности свободныхъ состоятъ въ слѣдующемъ. Каждый несвободный манзъ платитъ ежегодно 18 динаріевъ, 3 хлѣба, 2 окорока, 2 секстарія овса, 1 курицу насѣдку и одного цыпленка Кромѣ того, каждый манзъ отправляетъ подводную повинность, но такимъ образомъ, чтобы ему не приходилось сдѣлать въ годъ болѣе 18 лье Каждый обработываетъ 4 поденныхъ участка, имѣющихъ каждый 50 пертикъ въ длину и одну въ ширину, — пертика состоитъ изъ 15 шаговъ. Такой участокъ крестьянскій дворъ долженъ вспахать и засѣять собственнымъ зерномъ. Сверхъ того, манзы призываются еще къ общественнымъ помочамъ при оранкѣ и посѣвѣ; они молотятъ также ежегодно 30 секстаріевъ хлѣба и косятъ столько сѣна, сколько можно сложить на 10 подводъ; наконецъ, они ставятъ 50 кольевъ. Въ этомъ перечисленіи платежей и повинностей поражаетъ отсутствіе упоминанія о барщинѣ. Мѣсто ея заняло то, что при нашихъ крѣпостныхъ порядкахъ извѣстно было подъ наименованіемъ «урокъ», т. е. отводъ извѣстнаго участка и установленіе извѣстной службы, которая должна быть исполнена крестьяниномъ въ теченіе года. Неопредѣленными остаются только общественныя помочи, да и о нихъ говорится, что онѣ не должны занимать болѣе извѣстнаго числа дней въ году, смотря по мѣстности — двухъ или пяти. Встрѣчается еще упоминаніе о сторожевой службѣ въ теченіе 15 дней въ году въ предѣлахъ монастыря и 15 въ предѣлахъ селенія, или даже 30 и 30; наконецъ, о присутствіи на вотчинномъ судѣ въ теченіе 8 дней въ году, но только въ отношеніи къ владѣльцамъ mansi ingenuiles. Вообще надо отмѣтить ту подробность, что общественныя помочи и сторожевая служба падаютъ также на владѣльцевъ свободныхъ надѣловъ и, притомъ, въ большемъ размѣрѣ,

чѣмъ на владѣльцевъ несвободныхъ надѣловъ, — очевидно, потому, что несвободные дворы заняты сельскохозяйственнымъ трудомъ. Такъ напримѣръ, въ Saurniaco сервы служатъ всего 6 дней въ должности стражей, тогда какъ ingenui—30. Вообще отличіе манзовъ свободныхъ и несвободныхъ не сказывается существенно въ вопросѣ о повинностяхъ. Вотъ, напримѣръ, требованія, предъявляемыя къ свободнымъ манзамъ въ одномъ изъ помѣстій, гдѣ сервы отсутствуютъ. Каждый ставитъ pro ambacciaco (ambassade)—т. е. на правахъ подвозной повинности — полподводы, dimidium carrum, другими словами, два двора складываются, чтобы снарядить подводу; но позволено откупиться отъ этой повинности платежемъ десяти динаріевъ съ манза. Свободный дворъ ставитъ также ежегодно одну телѣгу для дровъ или платитъ взамѣнъ 4 динарія; онъ долженъ вспахать два денныхъ участка (полиптикъ употребляетъ безразлично выраженія — de araiura jurnales II или ansinga II) Свободный манзъ участвуетъ также въ общественныхъ помочахъ (corvada) - два раза при осенней пахотѣ и два раза при весенней; послѣдняя носитъ названіе beneficia, указывающее на нѣчто добровольное, носящее характеръ одолженія [1])

И при уборкѣ требуется присутствіе крестьянъ свободныхъ манзовъ въ теченіе 15 дней,—другіе 15 они проводятъ въ отправленіи обязанностей стражи. Прибавимъ ко всему этому сооруженіе каждымъ дворомъ живой ограды длиною въ три пертики, поставку 200 кольевъ, 6 цыплятъ, 30 яицъ,—и въ общемъ получится представленіе, что на владѣльцѣ свободнаго манза тяготѣютъ приблизительно тѣ же обязанности, что и на владѣльцѣ несвободнаго; при этомъ, имѣется на лицо тотъ же характеръ опредѣленности и неизмѣнности службъ и платежей и отсутствуетъ пріуроченье ихъ къ извѣстному числу дней въ недѣлю.

Службы ручныя и съ упряжью требуются и отъ hospites, или поселенцевъ. Обложенные рентой въ одинадцатый снопъ съ произведенныхъ ими расчистокъ (undecima garba de exartis) и сборомъ цыплятами, яйцами и хмѣлемъ, они, сверхъ того, участвуютъ въ общихъ впрягахъ и въ сторожевой службѣ; faciunt corvadam, beneficia, waitas, (wacht), говоритъ о нихъ полиптикъ [2]).

---

[1]) Та же черта выступаетъ и въ англійскомъ loveboone, или тягости, принимаемой любви ради, терминъ, которымъ въ средніе вѣка обозначаемы были общественныя помочи крестьянства.

[2]) См. томъ IV изданнаго аббатомъ Лалоромъ собранія хартуларіевъ діоцеза Труа. Cartulaire de l'abbaye de la Chapelle aux Planches, Chartes de Montierender, стр 94, 96, 104, 106.

Мы могли бы привести рядъ однохарактерныхъ выдержекъ, заимствуя ихъ изъ разныхъ мѣстностей Франціи; но это едва ли бы прибавило много новаго къ той картинѣ крѣпостного состоянія въ эпоху, непосредственно слѣдующую за исчезновеніемъ барщины, какую читатель нашелъ на предшествующихъ страницахъ Мы считаемъ нужнымъ только подчеркнуть то, что описанные порядки составляютъ не мѣстное исключеніе, а встрѣчаются на протяженіи всей страны. Въ подтвержденіе этого положенія приведемъ еще содержаніе нѣкоторыхъ, хотя бы и позднѣйшихъ грамотъ, которыя, внося перемѣны въ хозяйственный и юридическій бытъ крестьянства, изображаютъ, въ то же время, отношенія, существовавшія въ моментъ ихъ изданія. Въ 1249 г. homines de Villa nova получаютъ нѣкоторыя льготы отъ помѣщика; по этому поводу составляется запись ихъ обычныхъ службъ и платежей. Эти coustumes, говоритъ грамота, были таковы: весь рабочій скотъ, впрягаемый въ плуги, высылался на хозяйскія земли пять разъ въ годъ,—разъ при первой оранкѣ озимаго поля, два раза при второй, разъ при посѣвѣ того же поля и разъ при пахотѣ яри въ мартѣ. Hospites принимаютъ только косвенное участіе въ этихъ corvadae, и всего два раза въ годъ—при первой оранкѣ озими и при ея посѣвѣ; они поставляютъ отъ плуга два хлѣба, въ одинъ динарій каждый, и одну quarta вина; въ мартѣ же въ пахотѣ яри hospites участвуютъ только подъ условіемъ уплаты имъ трехъ динаріевъ отъ плуга. Не касаюсь натуральныхъ приношеній, которыя повсюду болѣе или менѣе тѣ же и состоятъ въ птицѣ, яйцахъ и свининѣ, въ условленномъ или, всего чаще, искони установившемся размѣрѣ и количествѣ.

Въ другомъ помѣстьи, принадлежащемъ, подобно только что приведенному, аббатству Сенъ Жерменъ де Прэ въ Парижѣ, въ первой половинѣ XIII столѣтія натуральныя службы крестьянъ сводятся всего на всего къ слѣдующему: они разъ въ годъ выходятъ на покосъ, при чемъ получаютъ отъ помѣщика $^1/_2$ динарія, по всей вѣроятности, на харчи. Затѣмъ, три дня они участвуютъ въ первой вспашкѣ озими и три дня во второй, наконецъ, три дня въ поднятіи яри; при этомъ требуется выводъ всего рабочаго скота, впрягаемаго въ плугъ [1]).

Сопоставимъ съ этимъ требованія, предъявляемыя крестьянамъ одного изъ помѣстій церкви Св. Павла въ Ліонѣ въ серединѣ того же столѣтія (1256 года). Крестьяне обязаны ежегодно къ двумъ corvatae boum; если не считать этихъ службъ и натуральныхъ при-

[1]) См. приложеніе къ политику аббата Ирминона, стр. 383 и 387

ношеній, они являются своего рода вѣчно-наслѣдственными половниками, платящими на правахъ tascha третью, четвертую и даже седьмую и десятую часть своихъ урожаевъ [1])

Что же, спрашивается, новаго внесло сюда то движеніе, которое съ конца XII вѣка охватило сперва города, а затѣмъ деревни и выразилось въ изданіи такъ называемыхъ chartes de commune et d'affranchissement? Какой переворотъ произвело оно въ судьбахъ французскаго крестьянства? Этотъ вопросъ недавно поднятъ былъ въ стѣнахъ парижской академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ и вызвалъ довольно оживленный обмѣнъ мыслей между нѣкоторыми хорошо извѣстными французскими историками и соціологами [2]).

Имбаръ де ла Туръ въ интересномъ сообщеніи доказывалъ, что смыслъ переворота, пережитаго сельскими и городскими классами съ XI по XIII столѣтіе, состоялъ въ замѣнѣ патроната договорными отношеніями. Съ XI столѣтія, говоритъ онъ, постоянно убываетъ число сервовъ; сеньеры предпочитаютъ поручать обработку своихъ земель людямъ свободнымъ, которые работаютъ усерднѣе и производительнѣе. Въ то же время возрастаетъ фискальный характеръ взимаемыхъ сеньерами поборовъ: поголовнаго, или capteniun, пособій, или aides, въ разныхъ случаяхъ, между прочимъ, при округленіи ихъ владѣній, поборовъ продовольственныхъ и т. п. Авторъ указываетъ также на ростъ баналитетовъ, на эксплоатацію помѣщикомъ въ интересахъ личной наживы права запрещать въ теченіе выговореннаго срока продажу продуктовъ помѣстному населенію съ цѣлью оградить себя отъ пониженія цѣнъ, вызываемаго конкуренціей

Все это приводитъ его къ тому выводу, что патронатъ переставъ служить своему прежнему назначенію и, вмѣсто того, чтобы обезпечивать безопасность и благосостояніе крестьянства, сдѣлался препятствіемъ къ его экономическому и общественному росту Это подготовило переходъ къ новымъ порядкамъ—договорнымъ. Примѣненіе контракта къ опредѣленію взаимныхъ отношеній крестьянъ и помѣщиковъ началось въ Нормандіи и Шампани съ середины XII-го столѣтія, въ Аквитаніи же и Бургундіи—съ начала XIII-го. Церковь проповѣдью идей свободы и справедливости подготовила этотъ исходъ.

При обсужденіи настоящаго мемуара, Пико, авторъ «Исторіи генеральныхъ штатовъ», справедливо указывалъ на то, что провинціаль-

---

[1]) Guigue, Polyptique de l'église de St. Paul de Lyon, стр. 181, 12, 33, 64 82.

[2]) См Séances et travaux de l'académie des sciences morales et politques, 1896 г, 9 et 10 livraison.

ные соборы, значеніе которыхъ въ исторіи культуры должнымъ образомъ оцѣнено уже Гизо, сдѣлали много для распространенія въ обществѣ идей эмансипаціи и гражданской свободы. Не отрицая роли духовенства въ прогрессѣ рабочихъ классовъ, Люшеръ, Левассеръ и Сорель указывали, въ то же время, на противорѣчіе, къ которому ведетъ признаніе за церковью руководящей роли въ этомъ вопросѣ, съ тѣмъ хорошо засвидѣтельствованнымъ фактомъ, что число освобожденій въ предѣлахъ церковныхъ земель отнюдь не было больше того, какое встрѣчается въ предѣлахъ владѣній свѣтскихъ. Они склонялись поэтому къ той мысли, что объясненіе процесса эмансипаціи крестьянскаго люда надо искать по преимуществу во внутреннихъ причинахъ; но каковы именно были эти причины, никѣмъ изъ нихъ не указано. Вопросъ, такимъ образомъ, только поставленъ, и, какъ мы думаемъ, правильно, но далеко не рѣшенъ. Сдѣлаемъ, съ нашей стороны, посильную попытку къ его выясненію.

Прежде чѣмъ установить нашу общую точку зрѣнія, укажемъ на рядъ явленій, предшествующихъ, одновременныхъ или сопровождающихъ собою процессъ крестьянскаго освобожденія; спросимъ себя, не стоятъ ли эти явленія въ причинной связи какъ съ освобожденіемъ крестьянъ, такъ и между собою Укажемъ прежде всего на ростъ населенія, на усиливающуюся густоту его, что, согласно нашей основной точкѣ зрѣнія, является главнымъ факторомъ экономическихъ переворотовъ Никто изъ лицъ, занимавшихся исторіей народонаселенія во Франціи, ни Дюро де ла Майль, ни Моро де Жонесъ, ни Левассеръ не высказываютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что, за исключеніемъ второй половины XVIII-го столѣтія и эпохи, слѣдующей за установленіемъ іюльской монархіи, когда успѣли уже исчезнуть несчастныя послѣдствія наполеоновскихъ войнъ, Франція не имѣла большей населенности, чѣмъ въ XIII вѣкѣ и въ первой половинѣ XIV-го. Это объясняетъ намъ многое и быстрое завершеніе давно начавшейся расчистки всей способной къ утилизаціи земельной площади, и основаніе новыхъ городовъ, и привлеченіе поселенцевъ всякаго рода льготами, примѣръ чего представляетъ политика графовъ Шампани, и быстрые успѣхи городской промышленности и торговли, вызванные прежде всего невозможностью прокормить населеніе однимъ земледѣліемъ, и возрастаніе спроса на землю, и большую легкость найти свободныхъ воздѣлывателей и съемщиковъ, и потерю того значенія, какое имѣла земельная крѣпость въ отношеніи обезпеченія помѣщика нужнымъ ему числомъ рабочихъ рукъ.

Что сказанное не продуктъ послѣдовательныхъ дедукцій, а только

сведеніе воедино тѣхъ заключеній, къ которымъ приводитъ анализъ источниковъ, мы покажемъ это на цѣломъ рядѣ выдержекъ изъ грамотъ XIII и XIV вѣка, говорящихъ и о заботливости, съ какой собственники относились къ привлеченію на свои земли свободныхъ воздѣлывателей, и о стремленіи ихъ вернуть сданные крестьянамъ надѣлы путемъ всякаго рода пожертвованій, между прочимъ, отказомъ отъ принципа прикрѣпленія къ землѣ, и о легкости, съ какой покидаемые крестьянами участки находили новыхъ съемщиковъ въ лицѣ свободныхъ обывателей, готовыхъ въ формѣ все болѣе и болѣе суроваго для нихъ половничества, или шампара, обезпечить за собственникомъ бо́льшую противъ прежняго ренту. Тамъ, гдѣ удержаны были крѣпостныя отношенія, въ Бургундіи, Бурбонэ, Ніеврѣ, крестьяне сохранили свои надѣлы въ вѣчно-наслѣдственно́мъ пользованіи, а помѣщикъ спѣшилъ вознаградить себя за недостаточность неизмѣнной, давно установленной обычаемъ ренты, повышеніемъ своихъ фискальныхъ требованій, суровымъ отстаиваніемъ хозяйственныхъ монополій, закрытіемъ возможно большихъ участковъ лѣса и пастбища общинному пользованію крестьянства, обложеніемъ послѣдняго платежомъ за право въѣзда и выпаса Параллельно этимъ явленіямъ, источники обнаружатъ предъ нами ростъ городской промышленности и торговли, которыя не находятъ возможнымъ обойтись безъ содѣйствія приливающаго изъ деревни населенія и задолго до эмансипаціи готовы обезпечить бѣглому крестьянину, прожившему въ городѣ болѣе или менѣе продолжительный срокъ (обыкновенно—годъ и день), права гражданства и связанной съ нимъ личной свободы.

Выяснивъ общую связь указанныхъ явленій между собою, представимъ роль каждаго изъ нихъ въ созданіи условій, благопріятныхъ эмансипаціи. Остановимся прежде всего на процессѣ расчистки лѣсовъ подъ пахоть и основанія новыхъ селеній и городовъ, процессѣ, на которомъ ясно отразился ростъ населенія и увеличившійся запросъ на землю. Рѣдкій хартуларій не содержитъ въ себѣ ряда грамотъ конца XII и начала XIII вѣка, грамотъ, въ которыхъ не заходило бы рѣчи о корчеваніи пустоши и лѣса—то членами той или другой религіозной обители, то свободными съемщиками, получающими землю изъ-подъ выстройки, то совокупными усиліями двухъ или нѣсколькихъ помѣщиковъ, призывающихъ колонистовъ издалека и обращающихся къ созданію новыхъ и на этотъ разъ свободныхъ поселеній, члены которыхъ обложены только рентою, вотчинными податями и сборами, подчинены баналитетамъ и патримоніальной юстиціи, но отнюдь не несутъ барщины. Начиная съ сѣверо-восточныхъ предѣловъ

старинной Галліи, съ земель, занятыхъ во времена Цезаря белгами, а позднѣе — рипуарскими франками, переходя, затѣмъ, къ району дѣйствія Lex Salica, къ бургундскимъ и вестготскимъ населеніямъ, наконецъ, къ старинной римской провинціи, позднѣйшему Провансу, мы всюду встрѣтимся съ грамотами, говорящими о томъ, какъ, получая отъ частныхъ дарителей или цѣлыхъ селеній «нѣкіе пустопорожніе выпасы», дотолѣ состоявшіе въ общемъ пользованіи, „монастырская братія обращала ихъ своимъ трудомъ въ сѣнокосы или нивы [1]).

Въ 1185 году между колонами и капитуломъ церкви Св. Ламберта въ Лежѣ возникаетъ соглашеніе по поводу сданныхъ изъ-подъ выстройки горныхъ долинъ. Изъ текста грамоты мы узнаемъ, что съемщики обязались развести огороды и виноградники. Въ свою пользу колоны выговорили только $^1/_3$ урожая; но такъ какъ, значится въ анализируемомъ нами памятникѣ, это вознагражденіе показалось имъ недостаточнымъ, они стали пренебрегать хозяйствомъ, что породило продолжительныя препирательства, въ теченіе которыхъ вотчинный судъ высказался въ пользу отобранія участковъ, а обитель сочла нужнымъ въ виду противодѣйствія отлучить съемщиковъ отъ церкви; приговоръ этотъ подтвержденъ былъ папою и кельнскою церковью. Примиреніе воспослѣдовало только тогда, когда колоны согласились платить за усадьбы цензъ въ 4 динарія и обязались имѣть должный уходъ за виноградниками, покрывая всѣ связанныя съ этимъ издержки. Когда настаетъ моментъ уборки винограда и выдѣлки вина, половина выручки, за вычетомъ половины издержекъ, должна поступать въ руки колоновъ [2]).

Въ рѣдкомъ полиптикѣ при перечнѣ помѣстій не заходитъ рѣчи и о nova villa, другими словами, о селеніи, созданномъ путемъ корчеванія лѣса или пустоши свободными поселенцами, снявшими землю не съ барщины, а съ оброка. Помѣщикъ старается при этомъ обезпечить себѣ возможно большія имущественныя выгоды, между прочимъ, требованіемъ, чтобы жители nova villa посылали свой хлѣбъ на вотчинныя мельницы сосѣдняго помѣстья, а не устраивали собственныхъ [3]).

---

[1]) Cartulaire de l'abbaye d'Orval, publié par Goffinet, Bruxelles, 1879 г., № 79, 1198. Софья, графиня Шини, и ея сынъ, Людовикъ, объявляютъ, что ихъ люди, homines, т. е. весь приходъ Морен (tota videlicet parochia de Morei), подарили въ вѣчное владѣніе (in elemosinam et perpetuam possessionem) pasturas quasdam vacuas et sibi olim communes, aisantias eiusdem villae adjacentes, quas modo ipsi fratres cultu et labore suo in pratum redegerunt.

[2]) Cartulaire de l'église de St. Lambert de Liège, № 63, стр. 104.

[3]) Такъ, въ полиптикѣ аббатства Сенъ Вастъ, вошедшемъ въ составъ

Отъ конца XII вѣка дошли до насъ и изъ сѣверо-восточной Галліи первыя данныя о томъ, что съ цѣлью увеличить населенность тѣхъ или другихъ помѣстныхъ бурговъ правители страны соглашались даже на принятіе слѣдующихъ мѣръ, очевидно, какъ нельзя болѣе опасныхъ для дальнѣйшаго существованія крѣпостного права. Филиппъ, графъ Фландріи, въ 1190 году не только передаетъ церкви Божьей Матери въ Турнэ своихъ сервовъ въ бургѣ Куртрэ, переходящихъ, при этомъ, изъ крѣпостного состоянія въ свободное, но и постановляетъ, что впредь всякій сервъ, который прибудетъ въ Куртрэ для поселенія и проживетъ въ немъ 40 дней безъ протеста со стороны помѣщика (sine aliqua reclamatione), будетъ считаться свободнымъ и пользоваться правами горожанина [1])

Двигаясь далѣе на югъ, мы въ хартуларіяхъ Санлиса и Суассона находимъ многочисленныя данныя, указывающія и на распространеніе уже съ конца XII-го вѣка шампара, или сдачи пустопорожнихъ земель съ выговоренной части урожая, и на возникающія нерѣдко между помѣщиками, напримѣръ, аббатами, соглашенія съ цѣлью расширить свои культуры путемъ поселенія новыхъ hospites, или пришельцевъ Въ этомъ случаѣ выговаривается обыкновенно дѣлежъ пополамъ какъ ценза, взимаемаго съ hospites, такъ и земельныхъ рентъ, terragia, и десятины, которую они платятъ со своихъ novalia, или впервые воздѣланной ими нови (de omnibus novalibus tam cultis quam excolendis) [2]).

Остановимся теперь на тѣхъ многочисленныхъ примѣрахъ основанія новыхъ селеній, нерѣдко среди лѣса, какіе представляютъ намъ грамоты Шампани конца XII-го и начала XIII столѣтій. Въ одномъ памятникѣ 1200 года упоминается, какъ о чемъ-то относящемся уже къ прошлому, объ установленіи кузней и цѣлой виллы нѣкіимъ Фри-

---

хартуларія, редактированнаго въ XII в. священникомъ Гвимантомъ (умершимъ въ 1192 г.), мы, между прочимъ, читаемъ: de Nova villa Habitatores Nove ville debent in molendinis de Atheis ex consuetudine molere (стр 261)

[1]) Si servus Cortracum mansurus advenerit et 40 dies ibidem sine aliqua reclamatione manserit, non licebit alicui super eum de cetero reclamare, sed liber manebit in oppido et oppidanorum plena libertate gaudebit (Documents concernant l'hist de la servitude en Belgique au moyen âge, par M Gachard. Comptes rendus des séances de la comiss. d'histoire, IV т., № 2)

[2]) См. о шампарѣ одну грамоту XII-го вѣка въ Cartulaire de Senlis, Ms Bibl. Nat., f latin, № 11002, fol. 15. Ita tamen ut pro ipsa camparte et decima singulis annis quibus ipsa terra frumento seminata fuerit VI minas frumenti .. recipiat... Quibus vero annis avena vel ordeo vel alio semine fuerit seminata IV-or minas eiusdem seminis eodem termino similiter solveret.

дерикомъ де Мустерель въ лѣсу, принадлежащемъ капитулу парижской церкви [1]). Въ 1223 году между графомъ Шампани, Теобальдомъ, и аббатствомъ Сенъ Бенинъ возникаетъ уговоръ слѣдующаго содержанія: графъ обязывается «привесть людей, homines adducere», на земли аббатства въ Монтрейль и положить основаніе селенію, villa; когда все это будетъ сдѣлано, весь доходъ, имѣющій быть доставленнымъ рентами, штрафами и судоговореніемъ, поступитъ въ равной мѣрѣ къ обѣимъ сторонамъ [2]).

Семнадцатью годами ранѣе мать графа, Бланшъ, вступаетъ въ подобное же соглашеніе съ аббатомъ монастыря Св. Ремигія въ Реймсѣ. Имѣется въ виду построить «novam villam in nemoribus Sancti Remigii»; доходы отъ штрафовъ за нарушеніе административныхъ распоряженій, banna, какъ и судебные поборы и всякаго рода взысканія за нарушеніе ассизъ, или постановленій о цѣнахъ на продукты первой необходимости, наконецъ, все, что приходится за пользованіе лѣсомъ или расчищенной площадью (in boscho et plano), пойдетъ въ вознагражденіе обѣимъ сторонамъ за предпринятыя ими издержки и, при томъ, въ равныхъ доляхъ [3]).

Мы удовольствуемся приведенными примѣрами, извлекая изъ нихъ то заключеніе, что конецъ XII-го и начало XIII-го вѣковъ являются въ Шампани періодомъ успленной корчевки и основанія новыхъ свободныхъ селеній, въ которыхъ отсутствуетъ барщина, а помѣщики обезпечиваютъ себѣ доходъ въ формѣ земельныхъ рентъ и фискальныхъ поборовъ.

Переходя въ область поселенія бургундовъ, мы находимъ въ сбор-

---

[1]) Bibl Nat. Ms, f latin, № 5992, Chartularium Campaniae, fol 249. Quando eadem terra exculta non fuerit nihil reddent.

О соглашеніяхъ помѣщиковъ насчетъ совмѣстнаго поселенія на пустопорожнихъ земляхъ новыхъ пришельцевъ, или hospites, см Cartulaire de St. Joannis de Vineis (Loissons, XIII s., fol, 9, грам. 1179 г. Alexander episcopus servus servorum dei (т е. папа Александръ) объявляетъ, обращаясь къ монахамъ обители St. Jean de Vignes: Participationem quoque et comunicationem que habetur inter vos et moniales ecclesie beate Marie Suessonensis in villa que dicitur monasterio semper comunia sint et equaliter distribuantur quodcumque et ibunt in redditibus in silva vel in campis sive in terragiis et decimis sive in censu hospitum et quibuslibet rusticiis ita ut minister sancte Marie et minister sancti Johannis de omni re simul agant sive in terris dandis sive emendandis foris factionibus et neuter sine altero agat.

[2]) Ibid., fol. 301

[3]) Bibl Nat. Ms., latin, № 5993, Cartulaire de la comtesse Blanche, écrit vers 1220, fol. 112, годъ 1206.

никѣ Гранье, въ грамотахъ хартуларія департамента Іоны, въ хартуларіяхъ Ліонской и Гренобльской епископій, правда, менѣе обильный, но все же достаточный матеріалъ для того, чтобы прослѣдить ходъ постепеннаго распространенія корчевокъ на всемъ протяженіи центральной и юго-восточной Франціи. Полиптикъ церкви Св. Павла въ Лионѣ, составленный во второй половинѣ XIII-го столѣтія, содержитъ въ себѣ почти сплошной перечень земель, сданныхъ hospites или поселенцамъ ad tascham. Доходъ аббатства состоитъ, помимо выговоренной части продуктовъ, еще въ десятинѣ съ четырехъ сортовъ хлѣба — ржи, овса, ячменя и пшеницы, воздѣлуемыхъ новыми поселенцами; ихъ участки часто обозначаются терминомъ essarta, служащимъ, какъ извѣстно, синонимомъ поднятой впервые нови [1]). Грамоты департамента Іоны сплошь и рядомъ говорятъ о сдачѣ земель in deserto, т. е. въ пустоши, на такихъ, напримѣръ, условіяхъ ежегодно въ теченіе семи лѣтъ съемщикъ обязанъ вырывать 220 ямъ для посадки виноградной лозы; по окончаніи этого срока виноградникъ поступаетъ въ раздѣлъ между собственникомъ земли и лицомъ, снявшимъ ее изъ выстройки [2]).

Выраженіе: «я далъ тому-то или тому-то землю для постановки усадьбы и разведенія виноградниковъ», довольно обычно въ источникахъ этой эпохи; при этомъ, для бо̀льшаго привлеченія воздѣлывателей, имъ обѣщается выкупъ всѣхъ барщинъ, натуральныхъ и денежныхъ повинностей, замѣняя все это однимъ поземельнымъ сборомъ,—напримѣръ, въ 15 солидовъ съ арпана [3]).

Одной изъ часто повторяющихся жалобъ является занятіе пустопорожнихъ пространствъ, дотолѣ бывшихъ въ общемъ пользованіи жителей цѣлыхъ селеній, призванными помѣщикомъ корчевщиками Въ одной грамотѣ 1270 года говорится, напримѣръ, что монастырь Св. Сульпиція въ Бюжэ основанъ на скалахъ и горныхъ покатостяхъ, которыя въ теченіе ряда поколѣній открыты были въѣзду, выпасу и корчеванію жителей, а теперь расчищены и обращены въ лугъ, служащій сѣнокосомъ для обители [4]). По той же при-

[1]) Polyptique de l'église de St. Paul de Lyon, стр. 74, 82, 137.

[2]) Cartulaire de Lyon, Recueil de pièces pour faire suite au cartulaire, Парижъ, 1874 г., № 398, годъ 1231.

[3]) Ibid., стр 322 in perpetuum tradideram quandam peciam terre pro vineis in dicta terra plantandis seu domibus edificandis, quitis eisdem hominibus et eorum successoribus de foragiis, corveis et placitis generalibus pro 15 sol parisiensis pro unoquoque arpento.

[4]) Petit Cartulaire de l'abbaye de St. Sulpice en Bugey, publié par M. C Guigue, Lyon, 1884 г., стр. 132 и слѣд

чинѣ помѣщики пытаются отобрать у крестьянъ сданные имъ участки въ лѣсу, хотя бы послѣдніе и приносили имъ пензмѣнную ренту въ формѣ ценза. Въ 1314 году homines sancti Filiberti подымаютъ на это жалобу, говоря, что аббатъ Св. Стефана въ Дижонѣ хочетъ ad manum suam retrahere весь тотъ лѣсъ, который они сняли за 12 eminae овса въ годъ, что онъ дѣлаетъ все возможное для того, чтобы выгнать ихъ окончательно изъ этого лѣса, eos ab eodem nemore to taliter repellere [1]). Ростъ населенія не допускалъ болѣе прежней хищнической эксплоатаціи лѣса, и въ средѣ помѣщиковъ сказывалась вполнѣ понятная забота объ обезпеченіи его правильнаго роста и расчистки подъ пахоть. Въ такихъ условіяхъ получить новыхъ работниковъ для производства корчевокъ становилось интересомъ первой важности, для котораго можно было жертвовать даже пугающей колонистовъ земельной крѣпостью. Не удивительно поэтому, что въ нѣкоторыхъ грамотахъ уже XIV-го столѣтія мотивомъ освобожденія отъ юридическихъ послѣдствій крѣпостного состоянія приводится то соображеніе, что чужеземцы не хотятъ избрать мѣстожительствомъ данное помѣстье, боясь крѣпости и связанныхъ съ нею поборовъ [2]).

Страхъ отхода крестьянъ на чужія земли заставляетъ помѣщиковъ не разъ и понижать размѣръ своихъ требованій, переводя, напримѣръ, жителей съ платежа шестой части на платежъ двѣнадцатой. Это сказывается, впрочемъ, лишь въ эпоху, слѣдующую за опустошеніями, произведенными черной смертью 1348-го года, когда, выражаясь языкомъ одной бургундской грамоты, «многія зданія пришли въ упадокъ за недостаткомъ воздѣлывателей» [3]).

Не удивительно, если въ этихъ условіяхъ Филиппъ Смѣлый въ 1371 году считаетъ возможнымъ говорить, что разъ собственники не захотятъ понизить своихъ требованій, жители покинутъ помѣстья, сочтя дальнѣйшую съемку участковъ для себя невыгодной. Уже большая половина ихъ, прибавляетъ онъ, ушла пахать и воздѣлывать землю въ окрестности городовъ Аваланшъ, Тарсу и Куртивронъ, гдѣ съ нихъ требуется одна десятина, т. е., поясняетъ герцогъ, двѣнадцатый снопъ [4]).

---

[1]) Garnier, Chartes de commune et d'affranchissement, т. II, стр. 442.

[2]) Les quelz noz hommes de mainmorte ayent peu d'enfans et se treuvent aucuns dehors de la dicte ville qui sy veulle venir logier ne demeurer pour cause de la dicte mainmorte (Ibid., II, стр. 494).

[3]) Grant partie des habitations tournée en ruine par deffaut de manans ou habitans (Ibid., стр. 489)

[4]) Ibid., стр. 260 и слѣд.

Что касается до Франшъ Контэ, то уже съ XII столѣтія начинается эпоха его заселенія привлекаемыми со стороны жителями Послѣ того, какъ язычники были истреблены,—значится въ одной грамотѣ, время составленія которой относится къ концу XI-го или первой четверти XII вѣка, — Изарнъ принялся созидать христіанскую епископію въ Гренобльѣ (edificavit ecclesiam Gratianopolitanam); такъ какъ въ ней было мало жителей, то онъ собралъ воедино дворянъ, людей средняго состоянія и бѣдныхъ изъ отдаленнѣйшихъ земель Прибытіе всѣхъ этихъ людей послужило Гренобльской области въ утѣшеніе (de quibus hominibus consolata esset Gratianapolitana terra) Они получили земли въ распашку и укрѣпленныя городища (castra) въ обитель. Въ этихъ земляхъ и поселкахъ Изарнъ сохранилъ за собою верховное право собственности (dominatio) и тѣ службы, какія установлены были съ обоюднаго согласія

Что разумѣется подъ такими сдачами земель изъ выстройки, это показываютъ намъ грамоты XI-го столѣтія, говорящія о traditio ad medium plantum galliorum more, т. е. на такихъ условіяхъ, что корчевщикъ удерживаетъ за собою половину разведеннаго имъ виноградника или очищеннаго имъ поля въ наслѣдственное владѣніе, уступая участокъ равной величины собственнику [1]). А такъ какъ въ заселеніи края приняли участіе, наравнѣ съ епископомъ, и призванные имъ со стороны дворяне, то впослѣдствіи и могли возникнуть препирательства о томъ, кому изъ двухъ, епископу или тому или другому графу, слѣдуютъ службы и платежи поселенныхъ на земляхъ крестьянъ. Одно изъ такихъ препирательствъ вызвало составленіе грамоты 1100 года, изъ которой, какъ и изъ ряда другихъ—одновременныхъ или относящихся вообще къ XII-му столѣтію—грамотъ, видно, что барщина не входила въ число предъявляемыхъ къ крестьянству требованій, и что отъ поселенцевъ помѣщики ожидали всего на всего—общественныхъ помочей при покосахъ, уборкахъ и пахотѣ. При этомъ выговаривалось обыкновенно число дней и число рабочихъ помощниковъ, получавшихъ каждый разъ содержаніе отъ собственника [2]). Обязанности крестьянъ сводились къ платежу натуральныхъ сборовъ, такъ называемой tascha, или части урожаевъ хлѣба, винограда и овощей, да

---

[1]) Cartulaire de l'église cathédrale de Grenoble, Chartularium B., № 16, Chartularium A, или Sancti Hugonis, № 8, 9, 16, 25.

[2]) Напримѣръ. debent illud pratum secare homines de Fontanils, videlicet 16 debent esse sectores et pratum debet habere illam magnitudinem ut per 3 dies 16 sectores operentur sine aliquo lucro, sed cibum debent habere comuniter et potum de domo comitis et de domo episcopi.

еще къ то однодневной, то трехдневной coroada или corvada, подъ которой слѣдуетъ разумѣть отнюдь не барщины, а общественныя помочи. Въ этомъ смыслѣ нужно понимать и тѣ cagorera и manorera, о которыхъ говорится при перечнѣ того, что обязанъ ставить отдѣльный манзъ или отдѣльная cabaneria или bordaria; совершеннымъ исключеніемъ являются тѣ случаи, когда они требуются одновременно съ corvata [1]).

Чтобы привлечь новыхъ колонистовъ, необходимо было, очевидно, поставить ихъ въ болѣе выгодное положеніе, чѣмъ то, какимъ они пользовались на своей родинѣ. Тѣми же причинами объясняется, почему и на земляхъ, принадлежащихъ церкви Св. Виктора въ Марсели, поселенцы XI-го и XII-го столѣтій получаютъ землю на крайне выгодныхъ для себя условіяхъ. Такъ какъ, значится въ одной грамотѣ 1069 года, мѣстность обращена въ пустыню (ad eremum est redacta) и не имѣетъ „воздѣлывателей (carens omnino cultoribus), то мы и отдаемъ ее на вѣчныя времена монастырю, удерживая за собою только треть хутора (condamina) и обязываясь посылать нашихъ быковъ во время производства запашекъ общественными помочами крестьянъ и засѣвать эту треть нашими сѣменами [2]). Изъ той же грамоты мы узнаемъ, что монахи уже основали нѣсколько хуторовъ, или condamina, обращая подъ обработку новь (cum nimie labore condaminas jam duas in eodem loco rumperunt); все, что собственникъ выговариваетъ съ этихъ очистокъ въ свою пользу, сводится къ полученію части продуктовъ, tascha, и десятины. Тѣ же требованія предъявляемы будутъ и во всѣхъ дальнѣйшихъ случаяхъ поднятія нови. О барщинѣ нигдѣ нѣтъ и помину, но, зато, выговариваются общественныя помочи, напримѣръ, въ слѣдующихъ словахъ: когда монахи или духовные воздѣлываютъ землю собственнымъ плугомъ, всѣ крестьяне Св. Мартина, владѣющіе волами, должны производить въ ихъ пользу corvatam въ теченіе одного дня въ году [3]).

Все предшествующее изложеніе указываетъ на связь, въ какой ростъ населенія и соотвѣтствующая ему утилизація все большей и большей земельной площади для хозяйства—стоятъ съ постепеннымъ улучшеніемъ быта крестьянъ и освобожденіемъ ихъ отъ барщины.

---

[1]) Chartularium B, № 48, стр. 122.

[2]) Cart. de St. Victor de Marseille, publ. par Guérard, т. I, № 160, годъ 1069.

[3]) Si monachi vel clerici eorum colerent terras proprio aratro, omnes rustici de St. Martino debent eis facere coroatam per 1 diem in anno qui habuerit boves (Ibid., № 223, грам. 1182 г.)

Но та же причина вызываетъ то же послѣдствіе еще другимъ—косвеннымъ путемъ, увеличивая запросъ на землю со стороны самихъ собственниковъ и заставляя ихъ идти охотно на сдѣлки, послѣдствіемъ которыхъ является, съ одной стороны, личная свобода крестьянина, а съ другой, возвращеніе его надѣла въ руки помѣщика. Въ тѣхъ коллективныхъ вольныхъ, которыя начиная съ XIII го вѣка повели къ эмансипаціи крестьянства въ Бургундіи, легко прослѣдить эту связь двухъ явленій, на первый взглядъ могущихъ показаться независимыми другъ отъ друга. Древнѣйшая изъ такъ называемыхъ chartes d' affranchissements въ Бургундіи восходитъ къ 1201 году. Она выдана герцогомъ Эудомъ III въ пользу жителей Монбаръ.

Съ этого времени тянется длинный рядъ актовъ, въ которыхъ не разъ упоминается, что дарованныя крестьянамъ вольности куплены были ими уступкой принадлежавшихъ имъ дотолѣ земель. Въ 1232 году герцогъ Гугонъ IV дѣлаетъ общее заявленіе слѣдующаго содержанія: въ Бургундіи, говоритъ онъ, существуетъ обычай, по которому крестьяне, подлежащіе поборамъ помѣщиковъ, homines talliabiles, разъ они удалятся изъ предѣловъ вотчинной подсудности и господства своихъ сеньоровъ или тѣхъ, кто взимаетъ съ нихъ эти поборы, теряютъ въ ихъ пользу свои манзы. Отнынѣ помѣщики могутъ распоряжаться этими манзами и всѣмъ, что они заключаютъ въ себѣ, какъ имъ будетъ угодно [1]); иначе говоря, право отхода признано формально подъ условіемъ потери надѣла (hoc quidem predicti homines possunt facere). Примѣнительно къ изложенному обычаю, герцогъ Гугонъ признаетъ за аббатствомъ въ Флавиньи право владѣть, пользоваться и распоряжаться надѣлами покинувшихъ ихъ крестьянъ. Годъ спустя, помѣщикъ Рошъ По отпускаетъ на волю крѣпостныхъ и объявляетъ по этому случаю, что тотъ изъ нихъ, кто пожелаетъ перенести свое мѣстожительство на чужбину, лишится всего, чѣмъ владѣлъ на зависимыхъ отношеніяхъ (omnia illa, que a nobis tenebit in eodem statu in quo erunt, nobis remanebunt) [2]). Въ 1236 году, 24-го февраля, тотъ же герцогъ Гу-

---

1) Garnier, т II, стр. 132: quod cum consuetudo et usus sit in tota Burgundia quod quandocumque homines talliabiles ubicumque sint et cuiuscumque sint recedunt de iusticia et dominio eorum qui ab ipsis recipiunt talliam, hoc quidem predicti homines possunt facere. Mansi vero et res que in ipsis (sunt), in dominio et iusticia predictorum dominorum remanent ipsis dominis, et de ipsis mansis et rebus possunt suam omnino facere voluntatem exceptis illis rebus quas ab aliis dominis tenent.

2) Ibid, стр. 133

гонъ IV, вмѣшавшись въ отношенія аббатства Сенъ Бенинъ къ тѣмъ изъ крѣпостныхъ, которые покидали его земли, издалъ слѣдующій декретъ: если кто съ вѣдома помѣстной администраціи снимется съ участка и пойдетъ на жительство въ другое мѣсто, собственникъ долженъ предоставить ему свободный отходъ и дозволить взять съ собою всю движимость. Только при бѣгствѣ возможно задержаніе и конфискація всего найденнаго при крестьянинѣ. Что касается недвижимости, она въ обоихъ случаяхъ поступаетъ въ руки аббатства [1]).

Тѣ же принципы приложены были къ рѣшенію спора между аббатствомъ въ Сентъ Этьенъ въ Дижонѣ и зависимымъ отъ него крестьянствомъ въ 1242 году, при чемъ герцогъ Гугонъ IV снова напомнилъ о дѣйствіи того стариннаго обыкновенія, по которому omnia immobilia того qui se transtulerit ad aliud dominium—semper remanent quitte et libere ecclesie supradicte [2]).

Нужда въ деньгахъ, въ немедленной реализаціи части недвижимаго капитала, въ связи съ надеждою найти для своихъ земель болѣе выгодное помѣщеніе въ формѣ аренды, не разъ заставляли крупныхъ собственниковъ Бургундіи прибѣгать къ отпущенію на волю крѣпостныхъ, которые вслѣдъ затѣмъ весьма часто снимали у нихъ съ трети или другой части продуктовъ свои прежніе надѣлы. И этому мы находимъ подтвержденіе въ изданныхъ Гарнье грамотахъ. Въ 1236 году дѣла аббатства Флавиньи идутъ такъ плохо, что пріоръ не считаетъ возможнымъ выйти изъ затрудненій иначе, какъ путемъ отчужденія части его достоянія; онъ рѣшается поэтому допустить крестьянъ къ выкупу нѣкоторыхъ изъ тѣхъ правъ, какія принадлежали аббатству въ силу ихъ несвободнаго состоянія. Этимъ путемъ онъ реализируетъ сразу сумму въ 4000 ливровъ [3])

Съ удивительнымъ однообразіемъ грамоты Бургундіи повторяютъ какъ то общее положеніе, что оставленіе помѣстья ведетъ къ потерѣ надѣла въ пользу сеньера [4]), такъ и то, что отпущенный на волю только переходитъ изъ положенія крѣпостного въ положеніе наслѣдственнаго владѣльца, откупающагося отъ всѣхъ поборовъ разъ навсегда установленной рентой [5]).

---

[1]) Ibid., стр. 167.

[2]) Ibid., стр. 191.

[3]) Ibid., стр. 170.

[4]) См., наприм., Chartes des franchises acordées aux habitants de Saulx le Duc par Jacques sire de Saulx въ 1248 г. (Ibid., стр. 260).

[5]) Такъ, въ Charte d'affranchissement, данной жителямъ Molème, мы читаемъ: paieront tel abonement chaque an· qui aura 10 livres ou plus paiera 9

Большинство вольныхъ являются не пожалованіями, а выкупами. Крестьяне Понталье, напримѣръ, освобождены отъ послѣдствій крѣпостного состоянія и сохраняютъ свои надѣлы подъ условіемъ платежа каждымъ манзомъ десяти ливровъ въ годъ [1]); жители Монсенжанъ и Сенъ Тибо—подъ условіемъ платежа ежегодно не менѣе 15 солидовъ; на этотъ разъ спеціально выговорено, что помѣщикъ, которымъ является герцогъ Бургундіи, не въ правѣ отнять надѣлъ иначе, какъ по суду [2]).

Возможность пріобрѣсть свободу, обмѣнявъ ее на тѣ имущественныя выгоды, какія давало владѣніе помѣстной землею, настолько проникло въ общественное сознаніе и такъ отвѣчало интересамъ самихъ помѣщиковъ, что общіе кутюмы Бургундіи открыто признаютъ ее въ слѣдующихъ словахъ· крѣпостной можетъ отречься отъ своего сеньера и объявить себя свободнымъ человѣкомъ герцога Бургундскаго; для этого нужно личное присутствіе сеньера и серва или, по меньшей мѣрѣ, совершеніе этого отказа крестьяниномъ въ мѣстѣ жительства сеньера и въ присутствіи вотчиннаго судьи того поселка, въ которомъ онъ является крѣпостнымъ; объявляя себя свободнымъ, крѣпостной человѣкъ долженъ отказаться отъ надѣла и вообще отъ всего, будетъ ли то движимость или недвижимость, чѣмъ онъ владѣлъ въ зависимости отъ сеньера, эти земли и имущества переходятъ по праву въ руки послѣдняго [3]).

Но не въ одной Бургундіи ликвидація крѣпостныхъ отношеній была вызвана, по крайней мѣрѣ отчасти, увеличившимся спросомъ на землю и возможностью извлекать изъ нея доходъ и помимо барщиннаго труда крестьянина.

Аббатство Св. Петра въ Шартрѣ въ теченіе всего XII-го столѣтія выдаетъ рядъ вольныхъ какъ частнымъ лицамъ, такъ и цѣлымъ крестьянскимъ группамъ; при этомъ сплошь и рядомъ заявляется, что отпущенники возвращаютъ аббатству взамѣнъ свободы принадлежавшія имъ земли, нерѣдко съ прибавкой той или другой суммы. Такъ, въ 1090—1101 г. нѣкто Гаринъ за дарованную ему свободу, pro collata sibi libertate, возвращаетъ храму Св. Петра землю, какую онъ держалъ въ зависимомъ отношеніи отъ аббатства,

---

sols, qui aura C sols paiera 4 sols, li plus pour paiera 2 sols et nos ne lor pourrons plus rien demender.

1) Ibid., грам. 1257 г., стр. 299.

2) Ibid., т. II, стр 326 и 327, т. I, стр. 576.

3) Les coustumes du pays et Duché de Bourgogne, impr. en 1580 г., Coustumes générales, ст. 9.

и, сверхъ того, обязывается платить 10 ливровъ [1]). Между 1130 и 1150 годами заключено подобнаго же рода соглашеніе между нѣкіимъ Петромъ, сыномъ Кокарда, и обителью. За дарованную ему свободу Петръ расплачивается уступкой всего, чѣмъ онъ владѣлъ apud Mori Villare; при этомъ выговорено, что, разъ онъ поставленъ будетъ въ невозможность отказаться отъ занимаемой имъ земли и передать ее въ руки монастыря, онъ снова сдѣлается его сервомъ [2]).

Одновременно Рихильда, дочь Мецелина, покидаетъ участокъ родителя и отказывается навсегда отъ наслѣдованія въ немъ въ обмѣнъ за свободу [3]); такъ же поступаетъ и Гауфридъ Бошэ въ 1127 году, передавая въ руки аббатства не только участки, состоявшіе во владѣніи его отца, но и всю наличную движимость: хлѣбъ въ закромахъ и деньги въ мошнѣ [4]) Во второй половинѣ столѣтія на тѣхъ же условіяхъ выходитъ на свободу крестьянская семья, состоящая изъ мужа, жены и дочери [5]). Когда мѣсто частныхъ освобожденій занимаютъ отпущенія на волю цѣлыхъ группъ, къ получившимъ свободу поселеніямъ примѣняется тотъ же принципъ. Примѣръ мы имѣемъ въ 1236 году, когда хуторъ съ поставленнымъ во главѣ его maior отказывается въ обмѣнъ за полученную свободу отъ земель и усадебъ, отъ правъ пользованія и общинныхъ сервитутовъ, какими поселенцы его владѣли на земляхъ помѣстья [6]). Значитъ ли это, что отпущеніе на волю всегда сопровождалось оставленіемъ имѣнія? Нисколько. Рядъ грамотъ доказываютъ, наоборотъ, что бывшій крѣпостной сохранялъ свою зависимость отъ сеньера, но уже на правахъ свободнаго человѣка, снявшаго у него землю и поступившаго въ число его вассаловъ. Вотъ почему источники, говоря объ отпущеніи на волю, спеціально выговариваютъ сохраненіе за сеньеромъ права на liberum hominium, т. е. на требованіе акта покорности, hommage, отъ человѣка, который, пріобрѣтая свободу не хочетъ терять дотолѣ занимаемаго имъ участка и продолжаетъ держать его на началахъ вѣчной, пожизненной или временной аренды [7]).

---

[1]) Cartulaire de l'abbaye de St. Père de Chartres, стр. 227.

[2]) Reliquit ecclesie nostre et quietum clamavit quicquid terre habebat apud Mori Villare, promittens se contra omnes homines eandem terram nobis defensurum tali lege ut si eam nobis quietare non posset in servitutem ecclesie nostre ut ante fuerat ipsemet rediret (Ibid., стр. 457).

[3]) Ibid., стр 507.

[4]) Ibid., стр. 277.

[5]) Ibid., стр. 396.

[6]) Ibid., стр 690.

[7]) Ibid., см. въ частности двѣ грамоты: одну отъ 1130—1150 г., другую отъ 1101—1129 г (стр. 286, 293 и 294).

Къ этимъ примѣрамъ можно прибавить еще другіе, можно указать на то, что въ Ниверне, напримѣръ, жители Кламси только потому не теряютъ въ 1213 году вмѣстѣ со свободой и занимаемыхъ ими надѣловъ, что соглашаются увеличить на одну треть платимыя ими до того ренты [1]). Если аббатство Монтьерамэ въ діоцезѣ Труа въ Шампани даетъ уже со второй половины XII-го вѣка право свободнаго отхода своимъ крѣпостнымъ, то оно дѣлаетъ это подъ тѣмъ только условіемъ, чтобы передъ отбытіемъ они произвели отчужденіе на сторону своихъ жилищъ и утвари, — но отнюдь не надѣловъ, поступающихъ безвозмездно въ руки собственника [2]).

Точно такъ же на земляхъ аббатства Сенъ Жерменъ де Прэ жители помѣстья Villa Nova объявлены въ 1249 году свободными отъ нѣкоторыхъ послѣдствій крѣпостной зависимости подъ условіемъ уплаты 1400 парижскихъ ливровъ, а жители другого помѣстья, Витріакъ, получаютъ вольную при взносѣ 2200 тѣхъ же ливровъ [3]) Въ Домбъ, какъ это видно изъ § 16 его мѣстныхъ обыкновеній, полученіе свободы обусловливалось тѣмъ, чтобы въ теченіе года и дня вольноотпущенникъ отказался отъ всей своей недвижимости въ пользу помѣщика [4]). Согласно одному изъ мѣстныхъ обычаевъ Беарна, или такъ называемыхъ fors, можно было освободить себя отъ платежа крѣпостного ценза оставленіемъ участка въ рукахъ собственника [5]). Въ графствѣ Фуа, какъ это видно изъ мѣстныхъ кутюмовъ St Bauzeil 1281 года, требовалось спеціальное разрѣшеніе помѣщика для того, чтобы съ отходомъ изъ имѣнія, сохранялось и право на имущество (bona sua), очевидно, только движимое [6]).

Не иначе происходитъ эмансипація крестьянства и въ Бельгіи. Менѣе населенныя провинціи отстаютъ въ этомъ отношеніи отъ болѣе населенныхъ. Крѣпостное право держится въ Люксембургѣ, Гвельдрѣ и Гено—въ то время, какъ оно исчезаетъ во Фландріи и въ Брабантѣ. Въ серединѣ XIII-го столѣтія (въ 1238, 1243, 1246 и 1252 годахъ) выдаются коллективныя вольныя цѣлымъ селеніямъ, но подъ

---

[1]) Dupin, Coutume de Nivernais, Appendice, стр 469.

[2]) Collection des principaux cartulaires du diocèse de Troyes, par l'abbé Lalore, т VIII, Cartulaire de l'abbaye de Montiéramey, № 53, грам. 1165 г. подтвержденіе ея въ 1263 и 1412 годахъ.

[3]) Polyptique d'Irminon, Appendice, стр. 383, 387.

[4]) Mémoires pour servir à l'histoire de Dombes, т. II, стр. 70

[5]) Fors de Béarn, législation inédite des XI au XIII siécles, par Mazure, rubr. 58, стр. 79.

[6]) Nouvelle revue historique de droit français, 1881 г., стр. 532.

условіемъ выкупа или потери надѣловъ [1]). Весьма часто также отпущеніе на волю состоитъ только въ замѣнѣ натуральныхъ службъ и платежей денежными поборами, такъ что помѣщикъ раздѣлывается съ непроизводительнымъ трудомъ крестьянина, обезпечивая за собою постоянный, а иногда и увеличенный доходъ, въ формѣ поголовнаго ценза, брачныхъ и посмертныхъ платежей [2]). Надо предположить, что имущественное положеніе бельгійскихъ крестьянъ не только не выиграло, но, наоборотъ, потеряло отъ отпущенія ихъ на волю. Иначе было бы трудно объяснить, какъ замѣчаетъ историкъ этихъ крестьянъ, Брантсъ, почему цѣлыя селенія протестовали противъ акта, обезпечивающаго имъ личную свободу, и обращались нерѣдко къ открытому возстанію [3]).

Мы показали пока, въ чемъ состоялъ интересъ помѣщика при отпущеніи на волю своихъ крестьянъ. Посмотримъ теперь, что побуждало самихъ крестьянъ добиваться упраздненія юридическихъ послѣдствій крѣпости, въ частности, того изъ нихъ, въ силу котораго при бездѣтной смерти ихъ участокъ переходилъ въ руки собственника, а при оставленіи прямыхъ наслѣдниковъ облагался значительнымъ выкупомъ,—откуда и самое названіе этихъ крестьянъ—mainmortables, а крѣпостного права—mainmorte.

Экономическій расчетъ, заставлявшій крестьянина предпочитать имущественному обезпеченію право свободнаго отхода и свободнаго контракта, быть можетъ, не высказанъ нигдѣ такъ ясно, какъ въ слѣдующихъ словахъ грамоты 1347 года, которой архіепископъ Безансонскій отпускаетъ на волю крестьянъ двухъ своихъ помѣстій—Gy и Bussé. Мотивъ указанъ здѣсь такой: «крестьяне плохо работаютъ, говоря, что ихъ трудъ не идетъ въ пользу ни имъ, ни ихъ близкимъ; будь они увѣрены, что все ими пріобрѣтенное достанется ихъ наслѣдникамъ, они бы работали и обогащались весьма охотно» [4]). Въ приведенномъ текстѣ отмѣчено не только то, что

---

[1]) См Ancien droit belgique, par Eugéne Defacqz, т. I, стр. 252, 253, 256. Lemire, или Miraeus, Opera diplomatica, 1723 г, т I, стр. 288. 315, 321, 755, 764.

[2]) Ibid., стр. 315, грам. 1245 г —См. также Wauters, Les libertés communales en Belgique, т. II, стр. 755, и Gachard, Documents concernant l'histoire de la servitude en Belgique au moyen âge, въ Comptes rendus des séances de la commission d'histoire, грам за № 5, 7, 8, 9 и 10

[3]) Brants, Histoire des paysans en Belgique, стр 41.

[4]) Cils de mortemain négligent de travailler en disant qu'ils travaillent pour autrui et par cette cause ils gastent le lour et ne leur chaux que lour

трудъ крѣпостного не производителенъ для помѣщика, но и то, что онъ не доставляетъ самому крестьянину въ предѣлахъ отведеннаго ему участка всего, что способна произвести занятая имъ земля.

Крѣпостное право оказывается непримиримымъ съ раціональнымъ земледѣліемъ, а косвенно — и съ ростомъ населенія, вызывающимъ необходимость перехода къ болѣе интенсивному хозяйничанью. И все это потому, что не достаетъ увѣренности въ ближайшей утилизаціи самимъ крестьяниномъ и его семьею вложеннаго имъ въ землю труда и сбереженій. Эта увѣренность отсутствуетъ по многимъ причинамъ. Прежде всего, существованіе системы открытыхъ полей и свободнаго прогона стадъ съ уборки до посѣва,—неизбѣжное послѣдствіе чрезполоснаго расположенія отдѣльныхъ паевъ, изъ которыхъ слагаются крестьянскіе надѣлы,—препятствуетъ истинно хозяйственной эксплоатаціи почвы. Но не эта сторона главнымъ образомъ принимается въ расчетъ крестьянами при выраженіи ихъ недовольства существующими порядками, — ихъ возмущаетъ болѣе всего возможность произвольнаго ихъ обложенія при жизни и регулируемое обычаемъ безправіе, въ силу котораго крестьянинъ-отецъ не можетъ передать имущества дѣтямъ, не подвергая его болѣе или менѣе значительнымъ вычетамъ въ пользу земельнаго собственника. Чтобы понять поэтому причину, заставляющую крестьянъ не дожидаться выдачи имъ вольной и покидать помѣстья убѣгомъ, намъ необходимо изучить и юридическую сторону крѣпостныхъ отношеній, насколько послѣднія связываютъ хозяйственную дѣятельность крестьянина Акты отпущенія на волю сами знакомятъ насъ съ тѣми невыгодными послѣдствіями, къ которымъ ведетъ крѣпостное состояніе; они перечисляютъ отмѣняемыя ими права, опредѣляя случаи, въ которыхъ сеньеры продолжаютъ настаивать на ихъ осуществленіи. Спорные вопросы, порождаемые интерпретаціей взаимныхъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, вызываютъ время отъ времени обнародованіе судебными или судебно-административными органами мѣстныхъ обычаевъ и общихъ распорядковъ, вносящихъ бо̀льшую опредѣленность въ эти отношенія. Въ общей сложности, тотъ и другой источники представляютъ настолько обильный матеріалъ, что является возможность нарисовать общую картину юридическаго строя, предшествующаго эмансипаціи, безъ всякаго заимствованія изъ позд-

---

demouroit, et se ils étaient certains que demouroient à lours prochains, ils le travailleroient et acquerroient de grand cuer (Campana, Etudes sur le colonat et le servage, 1883 г, стр. 307)

нѣйшаго источника французскихъ кутюмье, на которыхъ, какъ извѣстно, отразилось вліяніе проникнутыхъ римскимъ правомъ легистовъ.

Когда грамоты желаютъ выразить принадлежность тѣхъ или другихъ лицъ къ числу крѣпостныхъ того или иного помѣстья, онѣ объявляютъ ихъ levant et couchant въ предѣлахъ даннаго помѣстья [1]). Только къ этимъ не временнымъ, а постояннымъ поселенцамъ прилагается понятіе homines того или другого помѣщика. Когда въ 1283 году капитулъ въ Сансѣ приступаетъ къ отпущенію на волю своихъ крестьянъ, онъ говоритъ о нихъ, какъ о homines и mansionarii, при чемъ послѣднее выраженіе вызвано фактомъ занятія этими крестьянами манзовъ, или надѣловъ [2]); точно такъ же, когда жители Фаверне въ 1260 году поставлены въ необходимость признать себя крѣпостными людьми аббатства того же имени, они выбираютъ слѣдующіе термины: esse et esse debere homines abbatis et conventus monasterii et mansionarios eorundem jacentes et levantes super eis [3]). Какія же спрашивается послѣдствія влечетъ за собою принадлежность къ числу «людей того или другого помѣщика»? Акты, въ родѣ только что приведенныхъ, нерѣдко заключаютъ въ себѣ ихъ перечисленіе. На первомъ планѣ стоитъ обыкновенно заявленіе: tenentur juge servitutis manus mortue [4]). Источникъ и природа этой такъ называемой mainmorte выступаетъ изъ самаго содержанія разбираемыхъ памятниковъ. Въ одномъ изъ нихъ говорится, напримѣръ, слѣдующее. долгое время держался въ нашей средѣ обычный платежъ, consuetudo, именуемый manus mortua и взимаемый съ нашихъ людей; мы сочли достойнымъ отмѣнить его навсегда. Постановляемъ поэтому, что всѣ живущіе въ предмѣстьяхъ города Труа свободны отъ этого платежа на вѣки вѣковъ, такъ что отнынѣ ихъ владѣнія, зданія, земельные участки, движимость будутъ переходить къ ближайшимъ наслѣдникамъ свободно и безпрепятственно [5]). От-

---

[1]) Cartulaire de l'Yonne, № 719.

[2]) Cartulaire lyonnais, т. II, стр 398, годъ 1277. Жители Curtinelles признаютъ себя крѣпостными людьми Тампльеровъ, говоря se esse et esse debere levantes et cubantes на ихъ земляхъ et non esse homines alterius

[3]) Nouvelle revue historique de droit français, 1878 г, стр. 84

[4]) Cartulaire de l'Yonne, т. I, № 719, № 238: Quod homines illi qui se cognoscunt homines beati Martini et per eum se advocant de quibus capitulum et prepositus habent manu mortuam tenentur justiciare se per prepositum etc.—См. также Garnier, Chartes de commune et d'affranchissement en Bourgogne, т I, стр. 351, т. II, стр. 102 и 167.

[5]) Cartulaire de St. Pierre de Troyes, Collection de cartulaires du diocèse de Troyes, т. V, стр. 78, № 69, годъ 1194. Грамота выдана Іоанномъ деканомъ и всѣмъ капитуломъ Св. Петра

сюда видно, что mainmorte была какимъ-то препятствіемъ къ свободному наслѣдованію ближайшихъ родственниковъ умершаго крестьянина и состояла въ извѣстномъ платежѣ съ наслѣдства [1])

Этотъ платежъ регулируется обычаемъ—мѣстнымъ или общимъ для всей провинціи—и состоитъ обыкновенно въ поставкѣ лучшей штуки скота или въ извѣстной денежной суммѣ. Но какъ бы незначителенъ ни былъ этотъ взносъ, а мы покажемъ впослѣдствіи, что онъ далеко не могъ считаться ничтожнымъ, его невыгодное послѣдствіе сказывалось прежде всего въ томъ, что онъ лишалъ крѣпостного человѣка права завѣщательнаго распоряженія, такъ что требовалось дарованіе особой привилегіи, равносильной отмѣнѣ самаго принципа mainmorte, чтобы сдѣлать возможнымъ безостановочный переходъ крестьянскаго имущества къ ближайшимъ наслѣдникамъ по закону или по выбору наслѣдодателя. Эту привилегію крестьянинъ нерѣдко покупалъ; такъ, въ 1241 году обремененіе аббатства Флавиньи неоплатными долгами, съ каждымъ годомъ возраставшими благодаря вымогательствамъ ростовщиковъ (это доказываетъ, замѣтимъ между прочимъ, то, что каноническіе запреты безсильны были положить конецъ процентамъ), заставляетъ аббата и капитулъ хлопотать передъ папой Григоріемъ IX о разрѣшеніи продать крестьянамъ эту mainmorte, другими словами, освободить ихъ наслѣдства отъ дальнѣйшихъ поборовъ и сдѣлать возможнымъ ихъ переходъ въ обычномъ порядкѣ [2]). Послѣдствіе однохарактернаго акта, предпринятаго Гугомъ д'Антиньи по отношенію къ крестьянамъ трехъ помѣстій, передается въ одной изъ грамотъ 1245 года слѣдующими словами: если кто изъ жителей умретъ бездѣтнымъ, ему наслѣдуетъ тотъ, въ чью пользу сдѣлано завѣщаніе; нѣтъ завѣщанія, имущество достается ближайшимъ родственникамъ, разъ они состоятъ въ числѣ людей того же помѣщика или готовы сдѣлаться ими; наслѣдникъ получаетъ всю движимость и недвижимость въ томъ размѣрѣ, въ какомъ владѣлъ ими наслѣдодатель [3]).

---

[1]) То же слѣдуетъ изъ словъ извѣстнаго комментатора обычаевъ Бовуази, Бомануара. S'il muert, говоритъ этотъ писатель о сервѣ, il n'a nul oir fors que son segneur, ne li enfant du serf n'i ont riens, s'il ne le racatent au segneur Et ceste derraine coustume quort entre les sers de Biavoisis des mortes mains .. (Us et coustumes etc., т. II, стр. 233).

[2]) См. Chartes d'affranchissement en Bourgogne, т. II, стр. 172.

[3]) Ibid., т II, стр 261. Въ грамотѣ, которой отмѣняется manus mortua въ St. Seine l'abbaye, точно такъ же значится: Omnem manum mortuam quictamus volentes quod si aliquis decedat vel moriatur quod proximior in genere succedat (Garnier, т II, стр. 447).

Въ Бургундіи древнѣйшія грамоты, отмѣняющія mainmorte, восходятъ не далѣе 1201 года [1]). Но въ другихъ провинціяхъ мы встрѣчаемъ ихъ уже въ XII столѣтіи и даже ранѣе. Такъ, въ 968 году аббатъ монастыря Св. Арнона въ Мецѣ, выдавая вольную крестьянамъ Morville sur Seille, говоритъ въ ней и объ отмѣнѣ mainmorte; то же дѣлаетъ аббатъ Сугерій въ 1124 году по отношенію къ жителямъ Сенъ Дени, Людовикъ Толстый въ 1128 году по отношенію къ жителямъ Лаона, Филиппъ Августъ въ 1181 году по отношенію къ жителямъ Нойона Затѣмъ слѣдуютъ быстро одна за другой chartes d'affranchissement, выданныя Крель—графомъ Блуа и Клермона въ 1197 году, Бомону на Уазѣ и Шабли—Филиппомъ Августомъ въ 1222 году, Окзеръ—Матильдой, графиней Неверской, въ 1223 году, ею же—помѣстьямъ, зависѣвшимъ отъ аббатства Сенъ Жерменъ де Прэ въ 1250 году, и въ томъ же году—по милости королевы Бланки 1000 сервамъ Пьерфонъ. Въ 1258, 1263 и 1269 годахъ капитулъ церкви Божьей Матери въ Парижѣ выдаетъ одноxарактерныя вольныя жителямъ Шевельи, Лэ и Витри. Братъ Людовика Святого, Альфонсъ де Пуатье, предпринимаетъ болѣе общую мѣру и по завѣщанію даетъ свободу всѣмъ сервамъ своихъ доменовъ въ Лангедокѣ, что находитъ затѣмъ подтвержденіе въ мѣропріятіяхъ Филиппа IV Красиваго отъ 1298 и 1302 годовъ. Тотъ же Филиппъ IV въ 1311 году подтверждаетъ вольную, выданную графомъ Валуа, Карломъ, всѣмъ жителямъ графства [2]). Послѣдней въ рядѣ этихъ общихъ мѣръ надо поставить такъ часто ложно понимаемую грамоту 1315 года, которой Людовикъ X, съ цѣлью добыть деньги для войны, принуждаетъ къ выкупу сервовъ своихъ доменовъ, другими словами, всѣхъ казенныхъ крестьянъ.

Такъ какъ въ предисловіи къ этому акту въ пышныхъ выраженіяхъ говорится о свободномъ состояніи людей по ихъ природѣ и о невозможности терпѣть неволю въ королевствѣ франковъ, т е. свободныхъ, то многіе упускаютъ совершенно изъ виду фискальный характеръ этой мѣры, а другіе придаютъ ей слишкомъ широкое значеніе, ведя съ нея исторію гражданской свободы. На самомъ дѣлѣ король высказывалъ только надежду, что его примѣръ вызоветъ подражаніе въ дру-

---

[1]) Ibid, т II, стр. 102.

[2]) Recueil de l'Académie de législation de Toulouse, vol. 42 Gabriel Demante, Etude historique sur les gens de condition mainmortable en France au XVIII siècle, стр. 180 и слѣд —Campana, Etude sur le colonat et le servage, 1883 г., стр. 307.—D'Achery, Spicilegium, т. II, стр 481. Constitutio Ludovici VI, r. Fr. quae leges pacis ab ipso constitutas in civitate Laudunensi continet, a 1128, art 11: Mortuus autem manus omnino excludimus.

гихъ помѣщикахъ [1]) и нимало не вмѣшивался въ ихъ выкупныя операціи. Если послѣ этой мѣры mainmorte далеко не исчезаетъ во всѣхъ провинціяхъ Франціи, то причины этого явленія надо искать столько же въ неподатливости частныхъ собственниковъ, сколько и въ нежеланіи или невозможности для крестьянъ удовлетворить предлагаемому имъ выкупу. Характерный примѣръ представляетъ попытка Гастона Фебюсъ, графа Фуа и сеньера Беарна, отмѣнить mainmorte въ 1387 году. Комиссары графа, опрашивая жителей для опредѣленія общей суммы выкупа о числѣ крѣпостныхъ въ каждомъ бальяжѣ, нерѣдко получаютъ слѣдующіе отвѣты: намъ нечѣмъ заплатить, у насъ нѣтъ ни быка, ни коровы, мы живъ мъ исключительно трудомъ нашихъ рукъ [2]). Послѣ этого понятно, почему акты, отмѣняющіе mainmorte, встрѣчаются намъ въ теченіе всего XIV^ и XV^ столѣтій; если о ней заходитъ рѣчь и въ грамотахъ, выданныхъ Филиппомъ Смѣлымъ, герцогомъ Бургундскимъ, Marcilly les Vitteaux въ 1384 году, Messigny les Semur въ 1397, а Филиппомъ Добрымъ—Sault le Duc и многимъ другимъ селеніямъ въ серединѣ слѣдующаго столѣтія, не говоря уже о цѣломъ рядѣ частныхъ вольныхъ, исходящихъ отъ свѣтскихъ и духовныхъ сеньеровъ,—то послѣдней грамотой изъ числа приведенныхъ въ сборникѣ Garnier является та, которой рыцарь Антуанъ де Рошфоръ отпускаетъ на волю жителей Бюси ле Гранъ въ 1494 году [3]).

Переходя къ XVI и слѣдующимъ затѣмъ столѣтіямъ, мы еще находимъ слѣды mainmorte какъ въ Бургундіи, такъ и въ Бурбонэ и Ниверне [4]). Согласно кутюмамъ Бургундіи, крѣпостной крестьянинъ лишенъ былъ права завѣщательнаго распоряженія, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что не могъ выбрать наслѣдника безъ согласія сеньера. Изъ страха, чтобы надѣлы не переходили въ руки людей свободныхъ или подчиненныхъ другому помѣщику, запрещалось также продавать эти надѣлы иначе, какъ крѣпостнымъ людямъ того же имѣнія. Члены двора наслѣдовали въ имуществѣ по-

---

[1]) Pourceque les autres seigneurs qui ont homes de cors prengnent exemple a nous de eus ramener a franchise (См. Achery, Spicilegium, т III, стр 707).

[2]) См. Enquête sur les serfs de Béarn au XIV^ siècle, par Paul Raymond 1878 Extrait du Bulletin de la société des sciences, lettres et arts du Béarn

[3]) Garnier, т II, стр. 494, 496, 501, 524, 526, 533, 536, 541, 550, 555, 556, 559, 565, 570, 594, 599, 604, 627, 639 и 645.

[4]) См. Les coustumes du pays et duché de Bourgogne, imprimé à Dijon en 1580, Des mainmortes §§ 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17. — См. также Des mainmortes personnelle et réelle en Nivernais, par Ant. Boucomont, 1896 г

койнаго крестьянина только въ томъ случаѣ, если они не отдѣлились отъ него раньше; иначе наслѣдникомъ признавался никто иной, какъ самъ сеньеръ, на котораго не переходили, однако, долги покойнаго, разъ сеньеръ вступалъ въ обладаніи недвижимостью послѣдняго, а однимъ только его надѣломъ.

Кутюмы Оверни объявляли [1]), что сеньеръ наслѣдуетъ въ имуществѣ крестьянина каждый разъ, когда послѣдній оказывается отдѣленнымъ отъ родителей и не имѣетъ законнаго потомства. Точно также въ превотэ Труа, обложенныя натуральными поборами, имущества поступали при отсутствіи законнаго наслѣдника къ помѣщику, что, въ свою очередь, лишало владѣльцевъ этихъ имуществъ возможности установлять на нихъ ренты и обязательства въ ущербъ сеньеру [2])

Въ провинціяхъ сѣверо-восточной Галліи, вошедшихъ въ составъ современной Бельгіи, mainmorte также сохранилась довольно долго, по крайней мѣрѣ, въ Люксембургѣ, Гено, Алосѣ, въ послѣднемъ сеньеръ наслѣдовалъ даже въ движимости своихъ бездѣтныхъ крестьянъ. Въ тѣхъ же провинціяхъ, въ которыхъ mainmorte перестала существовать, какъ напримѣръ, въ Брабантѣ и Фландріи, она исчезала вслѣдствіе особыхъ привиллегій, нерѣдко даруемыхъ и еще чаще покупаемыхъ лицами заинтересованными. Такъ, въ Брабантѣ, напримѣръ, отмѣна mainmorte восходитъ къ мѣропріятіямъ герцога Годфруа III отъ 1187 года, встрѣтившимъ подтвержденіе и со стороны Генриха II въ 1247 году. Въ Лежѣ она уничтожена епископами еще въ теченіе XII-го столѣтія. Во Фландріи слѣдомъ ея оставалось долгое время взиманіе помѣщикомъ лучшей штуки скота (beste cathey] или beste hooft) изъ оставленнаго крестьяниномъ имущества. Этотъ поборъ извѣстенъ былъ въ Гвельдрѣ и Алосѣ подъ наименованіемъ «curmede» [3]).

---

[1]) Кутюмъ Оверни, титулъ 27.

[2]) Другіе примѣры кутюмовъ, оставшихся вѣрными принципу mainmorte, приведены, между прочимъ, въ книгѣ Букомонъ (стр. 49—52), а также въ извѣстномъ сочиненіи Дюнодъ, De la mainmorte

[3]) Eugène Defacqz, Ancien droit belgique, стр 256, 257 и 258.—См также Lemire, т II, стр. 755, грам 1238 г. Abdis Boularie Domina servos et ancillas Boularienses manumittit, absolvens ab omni exactione et taliis Hoc excepto quod tenebuntur domui de Boilario ad melius catellum ad mortem etc (т I, стр 297). Philippus Marchio Namurcensis a 1212 militaris seu eques tris ordinis viros liberat a servitute solvendi melius mobile (quod quidem melius cathelum dicitur). Филиппъ смотритъ на этотъ взносъ, какъ на consuetudines indecentes quas injuste usurpavit (очевидно, въ виду свободнаго состоянія тѣхъ, съ кого онъ требовался),—стр 315 Hugo castellanus Gaudensis въ 1243 г, освобождая крѣпостныхъ, сохраняетъ, между прочимъ, право требовать съ нихъ 12 den'—flandrenses quando moriuntur

Къ чисто экономическимъ мотивамъ, дѣлавшимъ одинаково неудобнымъ и для крестьянина и для помѣщика дальнѣйшее удержаніе порядковъ, которые перваго стѣсняли въ распоряженіи своей личностью и достояніемъ, а второго заставляли страдать отъ обусловленнаго тѣми же причинами нерадѣнія къ сельскому труду, надо присоединить и религіозно-нравственные мотивы. Древнѣйшіе акты отмѣны mainmorte, напримѣръ, тотъ, которымъ аббатъ Сугерій облагодѣтельствовалъ жителей Сенъ-Дени, называютъ ее exactio pessime consuetudinis. Въ хроникѣ епископовъ оксерскихъ (глава 64) она названа servitus lineae humanis generis inhumana, другими словами — приносящей въ жертву интересы грядущихъ поколѣній. Въ одной частной грамотѣ 1202 года значится, что этотъ обычай ненавистенъ, крайне тягостенъ и невыносимъ для жителей селенія Турнусъ (въ департаментѣ Сены и Луары) Селившимся со стороны на земляхъ помѣстья mainmorte казалась безчестной и иноземной, infama et peregrina [1]). Послѣднія слова раскрываютъ предъ нами одну изъ причинъ, по которымъ помѣщики, желавшіе привлечь на свои земли новыхъ поселенцевъ, поставлены были въ необходимость отказаться отъ mainmorte. Не удивительно, если о ней не упоминается въ уставныхъ грамотахъ тѣхъ Novae villae, которыя, такъ часто возникали во Франціи XIII столѣтія, и если провинціи, въ которыхъ, какъ напримѣръ, въ Шампани, колонизація приняла особенно широкіе размѣры, mainmorte исчезла всего ранѣе [2]).

Въ прямой связи съ mainmorte или, точнѣе, изъ одного съ нею источника исходитъ и право сеньера требовать, чтобы браки крестьянъ не имѣли послѣдствіемъ перехода ожидаемаго отъ нихъ потомства въ число крѣпостныхъ людей иного помѣстья, чѣмъ то, котораго онъ былъ сеньеромъ. Передавая въ такихъ выраженіяхъ сущность права, извѣстнаго среднимъ вѣкамъ подъ именемъ formariage или forismaritagium, я имѣю въ виду отмѣтить его экономическую природу. Помѣстье является самодавлѣющей хозяйственной единицей, которая озабочена прежде всего сохраненіемъ своего имущественнаго и личнаго инвентаря. Отсюда — равная забота какъ о томъ, чтобы надѣлы въ силу отчужденій, продажъ или завѣщаній не попадали въ руки лицъ, не принадлежащихъ къ помѣстью, такъ и о томъ,

---

[1]) Всѣ эти тексты приведены въ сочиненіи Габріель Демантъ, въ Recueil de l'académie de Toulouse, м 42, стр 180 и слѣд.

[2]) См Etude sur les classes serviles en Champagne, par H Sée, Revue historique 1894 г т 57, стр. 12 и слѣд.

чтобы браки, заключаемые съ лицами, состоящими внѣ подчиненія помѣщику, не влекли къ потерѣ въ будущемъ той рабочей силы, какой является ожидаемое потомство. Отсюда, какъ общее правило, и запрещеніе союзовъ съ уроженцами или уроженками чужихъ помѣстій, и контроль сеньера за соблюденіемъ этого правила. Отсюда же — источникъ того новаго вида эндогаміи, который имѣетъ свои корни не въ религіозной исключительности, подобно эндогаміи, извѣстной древнему праву, и не въ соображеніяхъ, разсчитанныхъ на избѣжаніе кровопролитныхъ столкновеній съ сосѣдями или на сохраненіе исключительно въ своей средѣ женщинъ своего племени, — многочисленные примѣры чего даетъ намъ бытъ дикихъ и варварскихъ народностей, — а въ чисто экономическомъ расчетѣ. Очевидно, что дробленіе имѣній, путемъ частичныхъ продажъ и раздѣловъ между наслѣдниками, сдѣлало въ концѣ концовъ затруднительнымъ соблюденіе подобныхъ запретовъ. Сплошь и рядомъ практика выдвигала случаи смѣшанныхъ браковъ крѣпостного одного помѣстья съ крѣпостной другого, крѣпостного со свободной и свободнаго съ крѣпостной. Христіанскій принципъ нерушимости брачнаго союза вступалъ въ столкновеніе съ феодальнымъ, утверждающимъ законность браковъ, заключаемыхъ только съ вѣдома и согласія сеньера. Церкви и государству пришлось озаботиться примиреніемъ этихъ принциповъ. Каноны и кутюмье высказываются въ пользу свободы выбора невѣсты, сохраняя въ тоже время за помѣщиками возможность, если не мѣшать браку съ чужеземцомъ или чужеземкой, то по крайней мѣрѣ вознаграждать себя отчасти за ожидаемый ущербъ взиманіемъ особаго побора, однохарактернаго съ нашими выводными деньгами и называемаго formariage или платы за бракъ на сторонѣ. Но независимо отъ почина церкви или государства, сами помѣщики сочли нужнымъ обезопасить себя отъ послѣдствій такихъ смѣшанныхъ браковъ путемъ частныхъ соглашеній. Съ характеромъ этихъ послѣднихъ можно познакомиться по грамотамъ XII и XIII столѣтій. Монастырскія обители, которымъ всего раньше пришлось задаться мыслью о примиреніи своихъ помѣщичьихъ правъ съ церковными канонами, признаютъ уже во второй половинѣ XII столѣтія, въ формѣ договоровъ между двумя или болѣе обителями, что браки зависимыхъ отъ нихъ крестьянъ остаются въ силѣ и тогда, когда заключены безъ вѣдома ихъ помѣщиковъ. Это прямо высказано, напримѣръ, въ тѣхъ двухъ соглашеніяхъ, какія въ 1145 и 1193 годахъ были подписаны капитуломъ монастыря Сенъ Лу; первое — со свѣтскимъ сеньеромъ

Колаверде, второе—съ уполномоченнымъ аббатства Сенъ Этьенъ [1]). Но, уступая такимъ образомъ требованіямъ христіанскаго ученія, церковные помѣщики, не менѣе свѣтскихъ, старались парализовать вредныя экономическія послѣдствія смѣшанныхъ браковъ и выговаривали съ этою цѣлью, что рожденныя въ нихъ дѣти на-половину будутъ крѣпостными людьми одного сеньера и на-половину другого [2]). Пришлось озаботиться также опредѣленіемъ тѣхъ отношеній, какія вытекаютъ изъ брака крѣпостныхъ людей съ женщинами свободнаго состоянія. Варварскія правды высказывались, какъ мы знаемъ, въ пользу обращенія въ неволю; частныя соглашенія нѣсколько смягчаютъ эту суровость, заявляя, какъ напримѣръ, въ договорѣ аббатства St Loup съ жителями Анзо 1145 года, что настоятель въ правѣ потребовать отъ народившихся поколѣній только servitium, полагаемый съ крѣпостныхъ, а не обращенія ихъ въ неволю [3]).

Мы встрѣчаемъ подобные же контракты и въ другихъ провинціяхъ. Въ XI столѣтіи, какъ это видно изъ текста соглашенія между аббатствомъ Нобиліакъ въ Шуату и однимъ частнымъ сеньеромъ, еще держалось правило, по которому помѣщикъ въ правѣ былъ задержать крестьянина или крестьянку, ушедшихъ—первый за женою, а вторая за мужемъ—въ чужое помѣстье. Виновному въ такомъ отходѣ грозила конфискація всего его имущества и насильственное возвореніе на прежнемъ мѣстѣ жительства. Въ 1085 году это правило было ограничено въ томъ смыслѣ, что только тогда, когда отходъ крестьянина или крестьянки имѣлъ послѣдствіемъ запустѣніе его двора, помѣщику дозволялось вернуть ушедшаго силой [4]). Еще въ 1070 году полусвободное состояніе жены не препятствовало обращенію всѣхъ дѣтей отъ такого неравнаго брака въ крѣпостныхъ [5]). Что кресть-

[1]) См. Cartulaire de St Loup, № 17, стр. 38, № 112, стр 154 Это соглашеніе возобновлено было 4 года спустя, въ 1197 г (Ibid, стр 164).—См также № 99, Transaction entre l'abbaye de St Loup et le chapitre de St Pierre a 1189: In quacumque villa homines S. Petri hominibus S Lupi per matrimonium conjuncti fuerint, pueri nati de matrimonio tali inter predictas ecclesias equo dividentur.

[2]) Ibid., стр. 38, 155, 164.

[3]) Ibid, № 13, стр 30 и 31

[4]) Si quilibet homo manens in terra St Iuniani in altera terra duxisset uxorem vel femina virum, sequebatur eos et capiebat illos et omnia sua. Quod nequaquam amplius faciat nisi tantum cum domus remanserit vacua in terra St Iuniani sed tunc illos reducet (Полиптикъ аббата Ирминона, приложеніе стр 563).

[5]) Ibid. Notitia placiti apud Montorium habiti a 1070: quod nati de servo et coliberta non debent partiri sed patrem sequuntur omnes filii.

янство издавно тяготилось обязательствомъ не заключать браковъ безъ согласія помѣщика, это видно изъ слѣдующаго. въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣковъ однимъ изъ предметовъ препирательствъ между собственникомъ и жителями его земель было притязаніе послѣднихъ заключать браки помимо вмѣшательства сеньера Такъ, въ одномъ процессѣ 1102 года сервы монастыря Св. Арнульфа объявляютъ на судѣ liberas uxores se ducturos absque ullo respectu monasterii, filiasque liberas alienis se daturos. Чтобы опровергнуть эти притязанія, аббатству приходится вынудить крестьянъ къ признанію, что они—сервы и всегда платили поголовную подать, въ размѣрѣ четырехъ динаріевъ съ человѣка [1]).

Что еще въ первой половинѣ XIII столѣтія помѣщики—не только свѣтскіе, но и духовные — осуществляли нерѣдко право давать или отказывать въ согласіи на бракъ, это видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго акта: въ 1242 году епископъ Парижа Вильгельмъ объявляетъ, что онъ дозволилъ Обелигѣ, дочери Родольфо Годинъ изъ селенія Сересъ, дѣвушкѣ крѣпостного состоянія, femme de corps, вступить въ бракъ съ Бертраномъ, сыномъ Гугона, имѣющаго жительство въ Верьеръ и состоящаго въ числѣ крѣпостныхъ людей аббатства Сенъ Жерменъ де Прэ. Епископъ ставитъ при этомъ такое требованіе дѣти, рожденныя отъ брака, раздѣлены будутъ пополамъ между обоими помѣщиками; при бездѣтной смерти супруговъ — имущество каждаго достанется владѣтельствующему надъ нимъ сеньеру [2]).

Изъ того же источника возникъ и обычай обмѣна жениховъ и невѣстъ между владѣльцами разныхъ помѣстій, примѣръ чего мы находимъ въ Ниверне. Согласно описанію, сообщаемому объ этомъ обычаѣ кутюмье, редактированномъ въ 1490 году, онъ состоялъ въ обоюдномъ включеніи невѣстъ въ семьи жениховъ и жениховъ въ семьи невѣстъ, по предварительному уговору между ними. 26 статья постановляетъ, что, вступая въ новую семью, невѣста и женихъ получаютъ права только на движимость и на благопріобрѣтенныя имущества усыновившаго ихъ двора, да и то въ томъ лишь случаѣ, если не послѣдовало противнаго соглашенія—съ вѣдома и утвержденія помѣщиковъ, имѣющихъ право въ качествѣ собственниковъ крѣпостныхъ участковъ, воспротивиться выходу этихъ участковъ изъ ихъ власти [3]).

---

[1]) Ibid, стр. 370.

[2]) См Dictionnaire féodal par Collin de Plancy, т II, стр 248.

[3]) Des mainmortes personnelle et réelle en Nivernais, par Ant. Boucomont

Этотъ обычай обмѣна, сводившійся къ обоюдному усыновленію зятьевъ, повидимому, былъ распространенъ не въ одномъ Ниверне; Букомонъ приводитъ примѣры его и въ Парижскомъ бальяжѣ—задолго до эпохи изданія кутюмье [1]). Въ XV столѣтіи мы встрѣчаемся съ нимъ одинаково — въ Бурбонэ, Сентонжъ и Ангумуа [2]) Хотя Ниверне и принадлежалъ къ числу тѣхъ провинцій, въ которыхъ неравные браки клонились къ невыгодѣ потомства въ силу правила «le pire emporte le bon» [3]), но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ, въ Val de Lurcy, завпсѣвшимъ отъ костелянства Montenoison, установленъ былъ своеобразный порядокъ, по которому при бракѣ крѣпостной со свободнымъ старшій сынъ имѣлъ право выбора между свободой и крѣпостью; слѣдующій сынъ принадлежалъ, по праву, крѣпостному состоянію, третій снова имѣлъ возможность выбора и т. д. все въ томъ же порядкѣ [4]). Такъ какъ съ выходомъ на свободу связана была потеря права на наслѣдованіе въ крѣпостной землѣ, то неудивительно, что дѣти пользовались подчасъ правомъ такого выбора въ пользу зависимаго состоянія. На это указываетъ между прочимъ коментаторъ кутюмовъ Ниверне, Guy Coquille.

И въ Шампани, какъ это видно изъ изслѣдованія Генриха Сэ, помѣщики вступали между собою въ соглашенія, имѣющія цѣлью облегчить

Paris, 1896 г., Appendice, Le coustumier des pays de Nivernois et Donzíois, fait à Nevers par l'assemblée des trois états et par autorité du prince desdits pays, rédigé en 1490, Des servitudes et droits d'icelles, § 26

[1]) Это слѣдуетъ, между прочимъ, изъ грамоты, приводимой du Breuil (Le theâtre des antiquités de Paris, 1639, p. 281): In nomine sanctae et individuae Trinitatis, Ego Odo Dei gratia Abbas sanctae Genovefae, et caeteri fratres nostri, communi consilio concessimus, quod quaedam ancilla sanctae Genovefae nomine Ermengardis, filia Guidonis Majoris de Fontineto cuidam servo sancti Germani nomine Everardo filio Petri et Hersendis uxor dareteur, quam Ermengardem ab omni jugo servitutis, qua nobis astringebatur, absolvimus, et ut fieret ancilla sancti Germani de pratis et in eam legem servitutis in qua maritus suus est transiret, concessimus. sed Hugo venerabilis Abbas sancti Germani et ejusdem Monasterii venerabilis conventus mutuam vicessitudinem reddentes, concessere cuidam servo nostro nomine Engelberto de Fontineto dari uxorem, quandam ancillam sancti Germani nomine Benedictam, et absolventes eam a jugo pristinae servitutis transire in qua est maritus suus. Ut autem Eternae mutationis concessio in posterum permaneat litteras inde fieri decrevimus et ipsi nobis eas, cum sui sigilo auctoritate et nos eis nostras, cum nostri auctoritate sigili tradimus.

[2]) Boucomont, стр. 38.

[3]) Ibid., Appendice, стр. 134.

[4]) Ibid., Appendice, Le coustumier des pays de Nivernois et Donzíois, Des servitudes et droits d'icelles, ст 27.

крѣпостнымъ заключеніе смѣшанныхъ браковъ Въ XIII столѣтіи сплошь и рядомъ женитьба на крестьянкѣ чужого сеньера сопровождалась выходомъ въ замужество сестры или родственницы жениха за человѣка изъ двора невѣсты Въ этомъ случаѣ происходилъ обмѣнъ надѣловъ· одинъ крестьянинъ заступалъ мѣсто другого, и ни одно изъ помѣстій не теряло рабочей силы [1]). Почти повсюду право помѣщика слѣдить за тѣмъ, чтобы крестьяне не заключали браковъ внѣ границъ помѣстья, стало постепенно, благодаря выдаваемымъ сеньерами освободительнымъ грамотамъ, исчезать, не оставляя другого слѣда, кромѣ побора, извѣстнаго подъ тѣмъ же наименованіемъ formariage Едва ли не древнѣйшимъ актомъ, признающимъ за крестьянствомъ право выбирать невѣстъ по собственному усмотрѣнію, является грамота Бомонъ 1182 года Жители, переходящіе въ положеніе горожанъ, пріобрѣтаютъ возможность заключать супружескіе союзы во всѣхъ свободныхъ мѣстахъ и вообще всюду, гдѣ заблагоразсудятъ. По вѣрному замѣчанію Имбаръ де ла Туръ, эта грамота послужила по данному вопросу образцомъ для составленія однохарактерныхъ актовъ въ Бургундіи, Нормандіи, Аженэ, Аквитаніи и графствѣ Тулузскомъ [2]).

Не имѣя возможности прослѣдить ходъ развитія этихъ новыхъ порядковъ во всѣхъ названныхъ мѣстностяхъ, я остановлюсь на одной Бургундіи Отъ конца XII вѣка дошли до насъ грамоты, выданныя жителямъ Шатильона на Сенѣ. Прежде всего надо упомянуть о соглашеніи между епископомъ лангрскимъ и герцогомъ Бургундіи, Гугономъ III, касательно послѣдствій смѣшанныхъ браковъ между ихъ крѣпостными. Каждый обязывается nichil capere in homine противной стороны propter muliercm meam, другими словами—за бракъ съ собственной крѣпостной, пока дѣти, происшедшія отъ такого брака будутъ сожительствовать съ отцомъ и его роднею. Двѣ другія одновременныя грамоты (обѣ отъ 1190 года) заключаютъ въ себѣ соглашеніе между епископомъ лангрскимъ и аббатствомъ Божьей Матери, герцогомъ бургундскимъ и тѣмъ же аббатствомъ. Текстъ ихъ начинается передачей существовавшаго дотолѣ обычая: каждый изъ помѣщиковъ предписывалъ своимъ людямъ ne aliquis eorum uxorem nisi sui dominii duceret, другими словами, запрещалъ имъ вступленіе въ

---

[1]) H. Sée, Étude sur les classes rurales en Champagne (Revue historique 1894 г., стр 234 и 245)

[2]) Séances te travaux de l'académie des sciences morales et politiques, 1896 г., стр. 426.

бракъ иначе, какъ со своими крестьянками. Этотъ порядокъ, какъ несогласный съ признанной канонами свободой супружествъ, вызываетъ со стороны составителя грамоты слѣдующую критику: поступая такимъ образомъ, говоритъ онъ, каждый изъ сеньеровъ подвергалъ большой опасности свою душу [1]).

Чтобы положить конецъ «этой опасности» рѣшено, что впредь дѣти, рожденныя отъ такихъ смѣшанныхъ браковъ будутъ наслѣдовать въ имуществѣ ихъ покойнаго родителя, все равно, отъ какого бы изъ двухъ собственниковъ послѣдній ни держалъ свои земли [2]) Съ этимъ связано и запрещеніе подвергать неотдѣлившихся дѣтей какимъ бы то ни было денежнымъ поборамъ (tallia), подъ предлогомъ того, что они произошли отъ крѣпостной даннаго помѣщика [3])

Втеченіи всего XIII столѣтія мы встрѣчаемъ въ Бургундіи грамоты, которыя, въ числѣ прочихъ вольностей, надѣляютъ и правомъ свободнаго вступленія въ бракъ. Для примѣра укажемъ на постановленія той charte de franchises, которая выдана была горожанамъ Ampilly le Sec въ 1274-мъ году. Люди этого бурга, значится въ ней, могутъ женить своихъ дѣтей какъ въ его предѣлахъ, такъ и внѣ ихъ, надѣляя этихъ дѣтей движимостью и недвижимостью — по своему усмотрѣнію. Исключеніе сдѣлано только для тѣхъ, кто, будучи въ числѣ обывателей, состоитъ тѣмъ не менѣе крѣпостнымъ аббатства Божьей Матери въ Шатилонѣ [4]). Какъ показываетъ самая эта оговорка, помѣщики далеко не повсюду лишились права извлекать тѣ или другія денежныя выгоды изъ принадлежавшаго имъ нѣкогда контроля за браками крестьянъ. Вывозныя деньги потеряли характеръ платежей, производимыхъ только при смѣшанныхъ бракахъ, и сдѣлались общимъ правиломъ; для отмѣны ихъ требовалась спеціальная оговорка, гласящая, что тотъ или другой сеньеръ не будетъ болѣе настаивать на этой платѣ [5]). Сеньеры,

---

[1]) Et ita non minimum anime sue periculum uterque dominus incurreret (Garnier, т I, стр. 334).

[2]) Ibid. Quod pueri ex hiis nati hereditatem parentum suorum dividant a quocumque domino procedet hereditas.

[3]) Quod si homo abbatis feminam ducis in uxorem duxerit nullam potestatem habebit Dux capiendi talliam in eis nec in pueris ipsorum donec ad talem etatem devenerint quod a patre vel a matre debeant separari, similiter si homo Ducis feminam abbatis in uxorem duxerit (Ibid, стр. 335).— См. также грам. 1206 г, § 12, и Coutumes anciennes de la ville de Châtillon 1371 г., ibid, § 40.

[4]) Garnier, томъ II, стр. 338, § 7.

[5]) Chartes d'affranchissement des habitants de Soucy par le chapitre de Sensa, 1283 (Quantin, Cart. de l'Yonne, № 719): ubicumque absque licentia se maritent

вступая въ соглашеніе съ городами касательно возвращенія имъ бѣглыхъ крестьянъ, добиваются включенія, между прочимъ, и такого параграфа. городъ не будетъ удерживать въ своихъ стѣнахъ никого изъ тѣхъ, кто обязанъ платить mortemain и forsmariage [1]).

Въ числѣ послѣдствій и вмѣстѣ съ тѣмъ существенныхъ признаковъ крѣпостной несвободы надо считать обязательство платить поголовные сборы въ пользу помѣщика. Когда крестьяне желаютъ выразить фактъ своей зависимости отъ того или другого сеньера, они объявляютъ себя taillhables, иногда—съ прибавкой: столько то разъ въ годъ [2]) Точно также, когда сеньеры приступаютъ къ выдачѣ вольныхъ, они включаютъ въ число даруемыхъ ими привиллегій, наравнѣ со свободой отъ mammorte и барщины, свободу отъ платежа tailles [3]). Хотя Бомануаръ и объявляетъ крѣпостныхъ «gens taillable et corvéable à plaisir et à volonté» [4]), но обычай помѣстій, рано установившій размѣръ барщины, противился и обремененію крестьянства произвольными поборами. Въ XIII вѣкѣ постепенно установилась практика снятія на откупъ сельскимъ населеніемъ падающихъ на него денежныхъ поборовъ,—въ смыслѣ замѣны послѣднихъ ежегоднымъ платежемъ выговоренныхъ солидовъ. Нерѣдко также, не задаваясь подобной мыслью, грамоты только ограничиваютъ случаи взиманія tailles двумя или тремя въ году или опредѣляютъ поводы, по которымъ можетъ послѣдовать ея взиманіе. Въ числѣ этихъ поводовъ на ряду съ обязательными для всѣхъ вассаловъ взносами въ случаѣ плѣна господина, замужества его дочери и посвященія въ

---

[1]) Garnier, т II, стр 416, грам. 1294 г.

[2]) Revue historique de droit français, 1878, стр. 84 Reconnaissance passée devant l'official de Besançon par la quelle les habitants de Favernay (en Franche Comté) confessent être taillables de l'abbaye du même nom, Avril 1260 — Ibid., année 1881 Les derniers mainmortables de l'abbaye de Cherlieu, par Jules Finot. Piéces justificatives Reconnaissance par plusieurs habitants de Montigny les Cherlieu qu'ils sont mainmortables a. 1339 (Haute Saône)· que il sunt homme . taillable deux fois l'année à volonté et de main morte aux religieux de l'église de Cherlieu.

[3]) См., наприм., Charte d'affranchissement des habitants de Soucy par le chapitre de Sens, a. 1283: quitaverunt de servitute taillie et servitute manus mortue et omni iugo servitutum predictarum eos eorumque liberos procreatos et omnem eorum posteritatem (Quantin, Recueil de pièces pour faire suite au Cartulaire de l'Yonne, № 719).

[4]) Тѣ же выраженія нерѣдко употребляются и грамотами: такъ, въ одной шампанской, приводимой Henri Sée, значится· quod ipse ad voluntatem suam taillabat eum sicut hominem suum de capite et de corpore (Revue historique 1894 г, стр. 240)

рыцари старшаго сына, мы встрѣчаемъ и такіе, напримѣръ, какъ возможность округлить помѣстье покупкой прилежащихъ къ нему земель [1]) Но если taille получаетъ большую опредѣленность, то она далеко не падаетъ въ своемъ размѣрѣ. Сеньеры отказываются, правда, уступая предъявленнымъ къ нимъ требованіямъ, отъ взиманія malas consuetudines—терминъ, подъ которымъ разумѣются неосновательные на обычаѣ поборы. Но фискальный характеръ, постепенно пріобрѣтаемый патронатомъ сеньеровъ надъ крестьянствомъ, выступаетъ весьма опредѣленно даже въ тѣхъ вольныхъ, какія въ XIII столѣтіи освобождаютъ поселянъ отъ крѣпости и произвольныхъ поборовъ Возьмемъ, напримѣръ, грамоту, которой Понталье въ Бургундіи возведенъ на степень свободной коммуны; его обыватели, дворы послѣднихъ и надѣлы (maisnies et més, вмѣсто meix) объявлены свободными, но сами крестьяне обязуются въ тоже время платить каждый ежегодно 10 солидовъ на праздникъ Св. Ремигія Только на этомъ условіи признаются они frans et quittes de toute taille, de toute tole, de toute exaction et courvée, de tous agrevemens et de mainmorte et de toutes males coustumes [2]). Точно также жители Молемъ достигаютъ свободы отъ вотчинныхъ поборовъ только путемъ снятія ихъ на откупъ; они обязываются въ 1260 году paier tel abonement chaque an: у кого будетъ 10 ливровъ въ годъ, уплатитъ 6, а у кого окажется только 100 су, отдастъ 4. Бѣднѣйшій вноситъ ежегодно 2 солида. Сверхъ этого, прибавляетъ сеньеръ, мы отъ нихъ не въ правѣ требовать ничего [3]). Такъ какъ, значится въ другомъ почти одновременномъ соглашеніи, сеньеръ можетъ tailliare dictos homines ad voluntatem suam, то дарованная имъ свобода отъ произвольнаго обложенія означаетъ лишь то, что впредь помѣщикъ non taillabit eos nisi usque ad 15 solidos annuatim [4]).

Перечень чисто личныхъ повинностей и платежей, совершаемыхъ крѣпостными людьми, не ограничивается только что приведенными. Стоитъ познакомится съ содержаніемъ любой изъ тѣхъ колектив-

---

1) Charte de franchise de Marsannay la côte par Jocerand Gros, seigneur de Brancion, a 1238 Сохраненъ платежъ de singulis focis 30 sol. annuatim и questa въ слѣд 4 случаяхъ. pro itinere Iherosolimitano, pro captione corporis nostri, pro terra acquirenda ad baroniam et pro filia nostra maritanda. Super his nobis debent auxiliari si voluerint, si autem noluerint, cogere eos non possumus nec debemus (Garnier, т II, стр. 184).

2) Garnier, т. II, стр 299.

3) Ibid, стр 308, грам 1264 г.

4) Ibid., Charte d'affranchissement de St Thibault, т. II, стр 326.

ныхъ вольныхъ, къ выдачѣ которыхъ помѣщики обратились уже съ XII вѣка, чтобы вынести впечатлѣніе о цѣлой цѣпи чисто фискальныхъ поборовъ, терявшихъ постепенно присущій имъ на первыхъ порахъ характеръ оплаты услугъ. Односторонніе почитатели соціальной экономіи среднихъ вѣковъ настаиваютъ обыкновенно на той мысли, что сеньеры затратой капитала на устройство рынковъ, мельницъ, хлѣбопекарень, виноградныхъ прессовъ и т. п создали матерьяльную основу для своихъ поборовъ и монополій. Противъ этого нѣкоторые историки, между прочимъ Люшеръ, справедливо возражаютъ, что, будучи преемниками римскихъ латифундистовъ, феодальные сеньеры нашли въ большинствѣ случаевъ всѣ эти хозяйственныя приспособленія уже существующими [1]); другіе, и въ особенности Віолэ, не менѣе убѣдительно доказываютъ, что сеньеру не разъ приходилось унаслѣдовать права сельскихъ общинъ по эксплоатаціи мельницъ, впервые воздвигнутыхъ этими же общинами Но это, разумѣется, не значитъ, чтобы со стороны сеньеровъ не было предпринимаемо новыхъ работъ по сооруженію тѣхъ или другихъ хозяйственныхъ приспособленій Мы видѣли, напротивъ, что въ IX и слѣдующихъ столѣтіяхъ какъ церковныя лѣтописи, такъ и грамоты сплошь и рядомъ упоминаютъ о всякаго рода хозяйственныхъ заведеніяхъ, воздвигаемыхъ настоятелями церквей и монастырей на принадлежащихъ имъ земляхъ. Но о чемъ не говорятъ намъ старинныя грамоты, это—о пріуроченіи всѣхъ такихъ заведеній къ фискальнымъ цѣлямъ, объ обращеніи хозяйственныхъ предпріятій въ монополію или откупъ Явленіе это вполнѣ объяснимо и стоитъ въ прямой связи съ сѣтью другихъ, вызванныхъ все тою же основной причиной — возрастающимъ ростомъ населенія.

Вѣчно-наслѣдственный характеръ земельныхъ держаній крестьянства, опредѣленіе обычаемъ разъ навсегда ценза или земельной ренты, въ связи съ постепеннымъ ограниченіемъ и даже совершенной отмѣной барщины — поставили помѣщиковъ въ необходимость искать выхода изъ того крайне невыгоднаго экономическаго положенія, въ которое ставило ихъ извращеніе стариннаго серважа. Этимъ выходомъ могла быть или ликвидація всѣхъ зависимыхъ отношеній выкупомъ крестьянскихъ надѣловъ въ пользу помѣщиковъ, или увеличеніе тѣхъ косвенныхъ источниковъ дохода, какіе приносило собственникамъ земли самое ихъ положеніе вотчинныхъ

---

[1]) См обсужденіе академіей нравственныхъ и политическихъ наукъ доклада Imbart de le Tour, Séances et travaux, 1896 г., стр 439.

владѣльцевъ, захватившихъ въ свои руки, вмѣстѣ съ осуществленіемъ нѣкоторыхъ функцій государственной власти, и руководство хозяйственной дѣятельностью въ предѣлахъ помѣстья. Всѣ личные поборы помѣщиковъ имѣютъ въ концѣ концовъ своимъ первоисточникомъ ихъ судебныя и административныя функціи, съ одной стороны, и ихъ роль предпринимателей въ сельскомъ производствѣ, съ другой. Чтобы убѣдиться въ этомъ, остановимся на анализѣ отмѣняемыхъ освободительными грамотами правъ. Выберемъ для этого одно изъ помѣстій Бургундіи, Кушэ. Еще въ 1252 году крестьяне Кушэ признаютъ себя сервами de conditione mansata et de mainmortua et de potestate et fisco своихъ помѣщиковъ, другими словами, они объявляютъ, что держатъ свои надѣлы или манзы отъ сеньера, что они крѣпки къ его землѣ, состоятъ въ его власти и обложены поборами въ пользу его казны. Помѣщики, продолжаетъ грамота, въ правѣ facere voluntatem suam in taillis, exactionibus, missis, corveis et rebus aliis, другими словами. вольны налагать на нихъ поголовные сборы и повинности, состоящія въ производствѣ хозяйственныхъ службъ или въ исполненіи порученій. За этимъ слѣдуетъ перечисленіе всего, что помѣщики уполномочены требовать отъ своихъ крестьянъ: на праздникъ Рождества—курицу и по пяти солидовъ съ каждой балки, необходимой для сооруженія крыши. Это—своего рода квартирная плата, взносъ за усадьбу и за право разведенія въ ней очага, (quinque solidos pro singulis fastigiis domorum et etiam pro focis). За право содержать рабочій скотъ на выпасѣ тѣ же сервы платятъ вознагражденіе съ каждой головы 6 динаріевъ. За право владѣть пахатью и виноградникомъ, другими словами, за свой надѣлъ крестьяне несутъ ренту въ слѣдующемъ размѣрѣ: съ каждаго дневного участка, journal, пахатнаго поля въ равномъ количествѣ пшеницей и овсомъ одну восьмую эмины дижонской [1]), а съ виноградниковъ по двѣ пинты [2]) чистаго и продажнаго вина съ каждой уврэ (ouvrée), равной восьмой части бургундскаго journal. Не послѣдуетъ этихъ платежей въ срокъ, на праздникъ Св. Ремигія, виновный несетъ штрафъ, pena commissi. Ко всѣмъ указаннымъ поборамъ присоединяется еще десятина вина, ржи, ячменя, овса и другихъ полевыхъ плодовъ, согласно обычаю данной мѣстности. Этотъ обычай разно высказывается о размѣрѣ десятины; нигдѣ она не от-

---

[1]) По указанію Garnier, эта эмина заключала въ себѣ 26 литровъ и 71 сантилитровъ.

[2]) Пинта, по замѣчанію Garnier, равняется одному литру, 61 сантилитрамъ

вѣчаетъ понятію вычета десятой части урожаевъ. Обыкновенно это не болѣе, какъ двѣнадцатая доля общей выручки [1]).

Всѣ перечисленные платежи взимаются не съ лицъ, а съ имуществъ и въ своей совокупности образуютъ земельную ренту собственника. Но рядомъ съ ними, встрѣчаются и другія, изъ которыхъ одни имѣютъ источникомъ хозяйственную монополію собственника, другіе его вотчинную юрисдикцію Прежде всего разбираемая грамота говоритъ о доходѣ, доставляемомъ, такъ называемымъ, bannum trullorum; trullum или treuil тоже, что прессъ, употребляемый при выдѣлкѣ вина. За пользованіе имъ крестьянами данной общины дѣлается каждый разъ вычетъ въ слѣдующемъ размѣрѣ съ muid или, что то же, съ 144 пинтъ — полъ секстарія или четыре пинты [2]). Въ другихъ одновременныхъ грамотахъ, стремящихся внести письменную опредѣленность въ то, что на первыхъ порахъ регулируемо было обычаемъ, объ этой хозяйственной монополіи говорится, какъ о правѣ собственника запрещать втеченіи извѣстнаго времени продажу вина кѣмъ бы то ни было изъ жителей помѣстья, въ виду обезпеченія выгоднаго сбыта продуктовъ его собственныхъ лозъ. Одна грамота 1260 года говоритъ о правѣ установлять такіе запреты ежегодно въ три различные срока и не дольше, какъ на три недѣли [3]) Этотъ bannum trullorum отличается отъ bannum vendimiarum, послѣдній равнозначителенъ праву устанавливать срокъ для сбора винограда и начинать этотъ послѣдній днемъ ранѣе прочихъ жителей помѣстья, очевидно, съ цѣлью обезпечить за помѣщикомъ болѣе дешевыхъ работниковъ. Оба banna упомянуты въ грамотѣ Кушэ.

У толкователей феодальнаго права, между прочимъ — президента Буйэ, приводятся слѣдующіе мотивы въ пользу установленія этого такъ называемаго—ban de vendanges. Во-первыхъ, забота о томъ, чтобы сборъ винограда послѣдовалъ не раньше времени, когда онъ созрѣетъ; во вторыхъ, необходимость дать живущимъ на чужбинѣ крестьянамъ

---

[1]) Такъ, въ Charte d'affranchissement общины Molème отъ 1260 г. мы читаемъ: paieront de lor vins et de lor menuz dimes lou douzieme pour raison de dimes — Dime, c'est à dire de 12 gerbes une, говоритъ одна грамота 1371 г выданная общинѣ Sault le Duc (Ibid., т II).

[2]) Garnier, т. II, стр 277

[3]) Charte de Molème· L'abbé metra son ban quant il vodra pour vandre ses propres vins por III termines an l'an, chacuns termines durera 3 semeignes (Ibid., т. II, стр. 311). Въ другой грамотѣ 1246 г. запрещено сохранять подобные запреты долѣе шести недѣль въ году: Li sires ne puet avoir ban de vin vendre ne mais que six sepmaines chacun an (Garnier, т II, стр. 260).

возможность присутствовать при уборкѣ; въ третьихъ, устраненіе тѣхъ неудобствъ, къ которымъ повела бы разновременная обрѣзка лозъ; въ четвертыхъ, желаніе облегчить сборъ десятины лицамъ, къ тому приставленнымъ. Въ этихъ мотивахъ не выступаетъ наружу дѣйствительная природа этого вида сельскохозяйственной регламентаціи, которая, очевидно, та же, что и обязательнаго чередованія пахаты и жнитвы въ разъ установленные обычаемъ сроки. Чрезполосность владѣнія,—результатъ надѣльной системы,—и фактъ поступленія всякаго рода земель въ общинное пользованіе съ момента реализаціи годового дохода уборкой — таковы дѣйствительныя причины всѣхъ тѣхъ созданныхъ обычаемъ регламентовъ, которыми сельскохозяйственная дѣятельность приурочена была разъ на всегда къ извѣстнымъ срокамъ Какъ глава помѣстья, сеньеръ и созданная имъ администрація обязаны были слѣдить за ихъ выполненіемъ. Дальше этого не шло ихъ право. Только фискальнымъ интересомъ, особенно развившимся въ эпоху вымиранія барщины и крѣпостничества, можно объяснить, что помѣщикъ создалъ для себя монополію дешеваго труда при сборѣ лозъ, такъ же какъ онъ обезпечилъ за собой и монополію исключительной продажи винограда въ теченіе извѣстнаго срока. Дешевизна тѣхъ приспособленій, какихъ требовала давка винограда, не позволяетъ видѣть въ этой привиллегіи помѣщика справедливое вознагражденіе за затраты на сооруженіе прессовъ; да ничто, впрочемъ, и не говоритъ о томъ, чтобы крестьяне прибѣгали исключительно къ этимъ прессамъ, не обращаясь къ выдѣлкѣ вина домашними средствами. Мы приходимъ такимъ образомъ къ заключенію, что въ XIII вѣкѣ описанная монополія вызывалась исключительно желаніемъ утилизировать крѣпостныя отношенія въ фискальномъ интересѣ [1]) То же значеніе имѣлъ и запретъ начинать выдѣлку вина одновременно съ помѣщикомъ [2]). Источникъ его лежалъ, по всей вѣроятности, въ тѣхъ общественныхъ помочахъ, какія крестьянство

---

[1]) Та же причина вызываетъ и крайне широкое толкованіе этого bannum vinorum, доходящее, напримѣръ, въ Шатильонѣ до совершеннаго запрещенія мелочной продажи вина кому бы то ни было помимо помѣщиковъ En la ville de chastillon, значится въ его старинныхъ кутюмахъ le Duc et l'evesque y ont chacun an 11 septmaines de bans et est tel le bans que nul ne peut ne ne doit vendre vin a destail, fors que nos dits seigneurs. En ces dites 11 semaines le Duc en a 4 et l'evesque 7 (Garnier, т. I, стр. 390)

[2]) Nec licebit alicui vindemiare vineas suas nisi prius a priore nostro dicte ville petita licentia et obtenta. In die vero qua vindemiabuntur vinee clausi nostri de dicta villa Nova, dicti homines cessabunt a vindemiatione aliarum omnium vinearum (Prolégomènes къ Полиптику аббата Ирминона, стр. 384).

оказывало помѣщику при уборкѣ всякаго рода продуктовъ, въ томъ числѣ и винограда Но со временемъ эти помочи вымерли и уцѣлѣла только пичѣмъ болѣе не оправдываемая привиллегія сеньера начинать уборку днемъ раньше. съ цѣлью имѣть болѣе дешевыхъ работниковъ.

Тоже самое можетъ быть сказано и о рядѣ другихъ помѣщичьихъ монополій, перечисляемыхъ между прочимъ грамотой Кушэ ниже слѣдующимъ образомъ. bannum furnorum, bannum molinorum, mercatus, estalagia

Помѣщикъ не строитъ больше ни хлѣбопекарень, ни мельницъ, а только запрещаетъ крестьянамъ воздвигать таковыя для себя, лишая ихъ тѣмъ возможности печь хлѣбъ и молоть зерно независимо отъ него [1]). Памятники богаты указаніями на этотъ счетъ Въ политикахъ не разъ говорится о томъ или другомъ помѣстномъ хуторѣ, какъ о заключающемъ въ себѣ хлѣбопекарню помѣщика или его вотчинную мельницу [2]). Запретъ возводить новыя постройки такого рода безъ его согласія нерѣдко выраженъ открыто въ самомъ текстѣ акта —quod aliquis non possit de novo construere et facere aliquem furnum nisi de consensu dominorum, читаемъ мы, напримѣръ, въ одной грамотѣ 1263 года, которой положенъ конецъ препирательствамъ, вызваннымъ совладеніемъ ліонскихъ канониковъ и Генриха де Бріеннъ въ Анзъ (villa de Ansa [3]). Свобода обмолачивать зерно

---

[1]) Ullus hospitum nostrum de villa nova S Georgii poterit panem vendere in dicta villa excepto illo qui fuit de blado quod molitur ad molendina nostra: qui vero contra fecerit, totum panem amittet (a 1249) (Guérard, Полиптикъ Ирминона, стр 383).

[2]) См Guige, Polyptique de l'église de St. Paul de Lyon, XIII столѣтія, стр. 66: Vercheria sua in qua est furnus suus. Когда помѣщикъ хочетъ оказать особую милость и привлечь ею свободныхъ поселенцевъ на свою землю, онъ объявляетъ ихъ свободными отъ повинности печь свои хлѣбы in furno suo (См. Cartulaire de St. Loup, № 29, грам. 1158 г) Помѣщики придаютъ такое значеніе доходу, доставляемому вотчинными мельницами, что нерѣдко въ обмѣнъ за признаніе исключительности ихъ правъ на этотъ счетъ уступаютъ совладѣльцамъ всѣ другія въ предѣлахъ общаго имѣнія. Такъ, въ 1320 году церковь Божьей Матери въ Бонѣ уступаетъ герцогу бургундскому Эуду IV всѣхъ своихъ homines, какими они совмѣстно владѣли въ Бонѣ и Монсо: въ обмѣнъ за что получаютъ отъ него въ исключительное владѣніе мельницу въ послѣднемъ изъ названныхъ мѣстечекъ (Garnier, т. I, стр 230).

[3]) Cartulaire Lyonnais, т II, стр 153 Въ одной грамотѣ 1228 года читаемъ Furnus vero quem ego feci apud Montem communis erit inter me et ipsos et bannalis nec alius furnus in villa fieri poterit nisi de assensu meo et ecclesie St. Germano (Recueil de pièces pour faire suite au Cartulaire de l'Yonne. № 355)

и печь хлѣбъ, гдѣ вздумается, составляетъ нерѣдко одно изъ тѣхъ преимуществъ, которыми надѣляются жители привиллегированныхъ мѣстечекъ и городовъ, возведенныхъ на степень коммунъ. Въ городѣ Шатильонѣ, читаемъ мы въ § 74 его старинныхъ кутюмовъ, не имѣется баналитетныхъ хлѣбопекарень и мельницъ. Каждый печетъ свой хлѣбъ, гдѣ хочетъ, и обмолачиваетъ зерно въ тѣхъ же условіяхъ [1]). Нерѣдко также грамоты, не приступая къ отмѣнѣ самихъ баналитетовъ, считаютъ нужнымъ регулировать размѣръ получаемыхъ отъ нихъ выгодъ. Такъ, напримѣръ, запрещается дѣлать вычетъ болѣе одного хлѣба или одной лепешки, то изъ 12, то изъ 16 выпускаемыхъ пекарнею [2]). Нерѣдко также помѣщикъ надѣляетъ свободой печь хлѣбъ, гдѣ угодно, но подъ условіемъ ежегоднаго платежа ему напередъ выговоренной суммы.

Я включилъ въ число баналитетовъ право держать рынокъ и ярмарки, такъ какъ оно, подобно другимъ, хотя и вызвано было къ жизни дѣйствительными затратами по сооруженію торговыхъ складовъ, но въ концѣ концовъ обратилось въ монополію и привиллегію. Крестьяне лишены были права сбывать свои товары иначе, какъ на рынкѣ, не въ интересахъ одного контроля покупокъ и продажъ, а съ тѣмъ чтобы доставлять помѣщику постоянный доходъ въ формѣ рыночныхъ пошлинъ и платежей за прилавки. Мы уже имѣли случай говорить о природѣ тѣхъ и другихъ, излагая порядки помѣстнаго устройства на земляхъ обители святого Васта. Въ настоящее время отмѣтимъ только тотъ фактъ, что выдача вольныхъ цѣлымъ селеніямъ, остающимся на своихъ мѣстахъ или переходящимъ въ города, сопровождается обыкновенно перенесеніемъ на всю совокупность обывателей права извлекать доходы съ рынка въ формѣ поборовъ какъ съ покупокъ и продажъ, такъ и съ платежей за арендованіе лавокъ Такъ, въ грамотѣ, выданной герцогомъ Гугомъ IV селенію Аржили въ 1234 г , мы читаемъ. «впредь вы въ правѣ продавать свободно и хлѣбъ, и вино, и другіе предметы» [3]). Въ этихъ случаяхъ право держать вѣсы переходитъ въ руки городскихъ властей [4]).

---

1) См. Garnier т I, стр 375.

2) Recueil de pièces pour faire suite au Cartulaire général de l'Yonne, sous la direction de Quantin, № 238, грам. 1219 г. Diximus de furnagium quod quindecim panes pro uno pane decoquentur.—Грамота Куше прика зываетъ in furno de duodecim panibus grossis et parvis et de placents et de pitanciis unam prestare.

3) Garnier, т. I, стр, 146

4) Ibid, стр 378 и 399.

Чаше, однако, помѣщики сохраняютъ за собою право получать опредѣленный годовой платежъ въ качествѣ выкупа за отказъ отъ поборовъ. Такъ изъ одной грамоты 1224 года мы узнаемъ, что въ Жуаньи монахи аббатства Дило получали еще ежегодно съ суконщиковъ ренту въ 10 солидовъ, за что послѣдніе вольны были держать особый складъ или магазинъ, halla, для отпуска своего товара [1]) Въ Шатильонѣ, какъ значится въ другой грамотѣ 1206 года, изготовляющіе сукна для продажи обязаны были платить обоимъ сеньерамъ мѣстечка на праздникъ Ремигія 18 динаріевъ Никто не въ правѣ былъ готовить товары для продажи, если не получалъ предварительно разрѣшенія обоихъ сеньеровъ [2]).

Въ Сансѣ возникаетъ въ XIII вѣкѣ препирательство о томъ, обязаны ли суконщики платить что либо за свои прилавки, halla, аббатству Св. Петра, или не обязаны. Бѣглое знакомство съ настоящимъ споромъ бросаетъ яркій свѣтъ на характеръ промышленнаго производства въ предѣлахъ помѣстій и переходъ въ руки совокупности жителей правъ, которыми прежде располагали вотчинные владѣльцы. Вотъ каковы были требованія аббатства и возраженія, выставленныя противъ нихъ населеніемъ Санса: всѣ талементаріи или суконщики, по словамъ уполномоченныхъ, разъ они желали получить прилавки, должны были заблаговременно сдѣлать о томъ заявленіе монастырскому управителю, который затѣмъ допускалъ ихъ къ вынутію жребія, рѣшавшаго, кому держать какой прилавокъ; жители Санса признавали за аббатствомъ только право взимать съ нихъ еженедѣльно съ каждаго по одному динарію деньгами или сукномъ [3]).

Всѣ платежи, извѣстные подъ названіями forage, minage, péage, tonlieu, прежде чѣмъ сдѣлаться муниципальными, были вотчинные; forage взимался съ вина, продаваемаго въ розницу, minage—съ хлѣба въ тѣхъ же условіяхъ, péage—съ провоза товаровъ по землямъ помѣстья, tonlieu—со всякаго рода отчужденій и пріобрѣтеній, совершаемыхъ на рынкахъ и ярмаркахъ [4]). Изъ положенія высшаго управителя про-

---

1) Recueil de pièces pour faire suite au Cartulaire de l'Yonne, № 305 Canonici quittaverunt monachis in halla drapperiorum 10 sol. quos percipiebant annuatim

2) Quilibet homo panem faciens ad vendendum apud Castellionem, duobus debet dominis annuatim decem et octo denarios ad festum S. Remigii reddendos. Nemo libera venalia apud Castellionem facere potest nisi de licentia dominorum (Garnier, т. I, стр 337).

3) Ibid, т III, стр 341.

4) Ibid., стр XLIII, а также 192 и 488 —Nec pedagium, nec teloneum quod

мышленными интересами въ предѣлахъ помѣстья вытекали для сеньера одновременно право и обязанность регулировать цѣны на товары и размѣръ заработной платы. Примѣры рабочихъ контрактовъ, тарифовъ на трудъ и товары можно найти въ грамотахъ и другихъ актахъ, вошедшихъ въ составъ хартуларіевъ, начиная уже съ XI столѣтія. Левасееръ, а за нимъ Имбаръ де ла Туръ, приводятъ отъ этого вѣка договоръ, заключенный епископомъ шартрскимъ съ однимъ изъ его плотниковъ, которому по этому случаю обѣщано пропитаніе въ людской, когда епископъ живетъ въ городѣ, въ остальное время — два бѣлыхъ хлѣба и полъ-сетье вина въ каждый изъ рабочихъ дней, въ годовые праздники онъ въ правѣ разсчитывать на двойное количество хлѣба и вина, а въ серединѣ великаго поста сверхъ того — на курицу и солонину. Помимо содержанія, плотнику обезпечена денежная плата въ 50 су въ годъ, при чемъ опредѣлено число дней, какое онъ долженъ проводить въ работѣ на замокъ. Я не думаю, чтобы подобнаго рода контракты были особенно часты, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ ремесленники принадлежали къ числу крѣпостныхъ людей, которымъ отправленіе промысла въ пользу помѣщика замѣняло сельско-хозяйственную барщину. Но съ каждымъ поколѣніемъ число свободныхъ ремесленниковъ, несомнѣнно, возрастало, по мѣрѣ выхода крестьянъ на волю и возникновенія наемнаго труда. Въ югозападной Франціи, въ Беарнѣ, насколько можно судить по мѣстнымъ обычаямъ Морласа, уже въ 1200 году чувствовалась необходимость установить порядокъ рѣшенія споровъ между предпринимателями и рабочими изъ за платежа жалованья. Бремя доказательствъ падало на рабочаго, который долженъ былъ поставить въ судъ одного свидѣтеля сосѣда, имѣющаго удостовѣрить, что жалованіе не было ему заплочено [1]). Рабочіе регламенты возникаютъ также, хотя и рѣдко, въ предѣлахъ помѣстья. Примѣръ мы имѣемъ въ 1269 году, когда жители Сіона въ Валиссѣ постановили при участіи помѣстныхъ властей и съ утвержденія епископа, что общая плата рабочимъ должна быть при харчахъ не выше 2 динаріевъ, а безъ харчей—не выше 4 съ виномъ и 5 безъ вина. Высшая поден-

---

meum sit in terra mea donabunt—значится въ одной шампанской грамотѣ 1165 г. (Cart. de l'abbaye de Montieramey, № 539) Péage извѣстенъ также подъ назв passagium (См H Sée, Etude sur les classes rurales en Bretagne, стр 71)

[1]) Fors de Béarn, législation inédite du XI au XIII s, par Mazure, стр. 185—Fors de Morlas, стр 148 и 185, ст. 138 и 283.

ная плата полагалась только косарямъ, которые безъ харчей получали до 7 динаріевъ, очевидно, въ страдную пору [1]).

Съ личнымъ подчиненіемъ крестьянина связана обязанность содержать помѣщика во время его пребыванія въ имѣніи; она называется то recet, то gîte Помѣщики пользуются своимъ правомъ, какъ средствомъ къ новымъ вымогательствамъ. Вотчинная администрація нерѣдко переноситъ на себя привиллегіи, выговоренныя обычаемъ только въ пользу сеньера. Такимъ образомъ возникаютъ malae consuetudines [2]) и съ ними потребность внести опредѣленность и неизмѣнность въ то, что на первыхъ порахъ носило характеръ болѣе или менѣе добровольнаго дара. Вольныя включаютъ въ себѣ поэтому нерѣдко запись того, что слѣдуетъ сеньеру на правахъ gîte или recet. Еще чаще онѣ замѣняютъ эти натуральныя повинности неизмѣнными денежными платежами [3]).

Помѣщикъ—не только глава хозяйственной дѣятельности; онъ также глава мѣстной стражи, вотчинный судья и нотаріусъ, покровитель и заступникъ всего живущаго на его земляхъ народа противъ всякаго посягательства и насилія, исходящаго какъ отъ частныхъ лицъ, такъ и отъ публичныхъ властей. Всѣ эти функціи имѣютъ первоисточникомъ не фактъ владѣнія землей, а правительственное надѣленіе. Тѣ, кто вмѣстѣ съ Цепфлемъ, Бруннеромъ и

---

[1]) Mémoires et documents pour servir à l'histoire de la Suisse romande, т XXX —Gremaud, Doc relatifs à l'histoire du Valais, т II, стр 139

[2]) illud prandium sive recet per malam consuetudinem Gottofredus Villicus S. Donati accipiebat ab hominibus episcopi (Cartulaire de l'église cathédrale de Grenoble, Cart B., № 68, грам 1109 г).

[3]) Такъ, въ coutume de Châtillion отъ 1371 года значится: ne doivent a 2 seigneurs chacun an fors que a chacun VI d. tournois le jour de St. Remy pour recognaissance —Что касается до продовольственныхъ издержекъ на содержаніе помѣщика или его слугъ, то о нихъ мы читаемъ въ одной грамотѣ діоцеза Труа· homines dicte ville debent michi 10 libras in festo S. Remigii annuatim persolvendas, per quas tota villa remanet erga me quita a prandis que in ea famuli mei habere solebant (Cartulaire de Montier la Celle въ т VI Coll des cart. de Troyes, № 23, годъ 1203). Грамота открывается словами: quittavi hominibus ville gistium (gîte) meum.—Въ одной вольной, выданной жителямъ Soucy капитуломъ въ Сансѣ въ 1283, при перечнѣ крѣпостныхъ службъ и повинностей мы встрѣчаемъ и servitutem que dicitur recet, sive habitatio (постоянная повинность) (Recueil de pièces pour faire suite au Cartulaire général de l'Yonne, № 719) Въ Бретани размѣръ платежей, связанныхъ съ такъ наз droit de gîte, установленъ еще нѣкоторыми грамотами XI-го столѣтія (См H Sée, Etude sur les classes rurales en Bretagne, стр. 84)

другими историками германскаго права въ эпоху карловинговъ, указываютъ на то, что иммунитеты или изъятія изъ общей подсудности и подвѣдомственности общимъ военнымъ и административнымъ органамъ государства далеко не составляли принадлежности всѣхъ помѣстій и вытекали не изъ факта землевладѣнія, а изъ королевскаго пожалованія, вполнѣ правы. Потребовались столѣтія, прежде чѣмъ вотчинная юстиція сдѣлалась неразрывной частью помѣстья, и прежде чѣмъ грамоты стали сплошь и рядомъ говорить объ этой юстиціи, какъ объ одномъ изъ источниковъ постояннаго дохода для собственника Эта фискальная сторона патримоніальныхъ отношеній, по вѣрному замѣчанію Henri Sée, выступаетъ особенно въ эпоху, предшествующую выдачѣ коллективныхъ вольныхъ (въ XIII вѣкѣ) Когда, говоритъ онъ, о Бретани, сеньеры употребляютъ терминъ justicia, они имѣютъ въ виду именно эту возможность извлечь доходъ изъ отправленія своихъ судебныхъ функцій [1]).

Вотъ почему вольныя разсматриваютъ освобожденіе отъ justicia, какъ привиллегію, говоря, напримѣръ, libera vi ab omni exactione, justicia et omnia alia consuetudine [1]). Обычай установилъ въ пользу помѣщика право опредѣлять размѣръ взимаемыхъ имъ штрафовъ, а равно и право конфискаціи всего имущества лицъ, приговоренныхъ къ смертной казни; послѣднее, разумѣется, лишь въ тѣхъ сравнительно немногихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ за сеньеромъ признано право на такъ называемую haute justice.

Такъ какъ насъ интересуютъ только экономическія послѣдствія патримоніальныхъ правъ помѣщика, то мы не будемъ останавливаться на организаціи вотчинной юстиціи и характерѣ развертывающихся въ ней процессуальныхъ дѣйствій, а перейдемъ прямо къ вопросу о томъ, какія выгоды доставляли помѣщику сдѣлки по имуществу, совершаемыя его крѣпостными. Грамоты доказываютъ, что послѣдніе не лишены были права пріобрѣтать собственность на сторонѣ; но эти пріобрѣтенія обложены были извѣстными вычетами въ пользу помѣщика, такъ называемыми lods et ventes Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бретани, эти вычеты, доходившіе рѣдко до

---

[1]) Etude sur les classes rurales en Bretagne au moyen-âge, par Henri Sée, стр. 73.

[2]) Ibid., а также Garnier, Chartes d'affr en Bourg, т I, грам. 1320 г., 19 авг. Церковь Божьей Матери въ Бонѣ уступаетъ герцогу Бургундскому Эуду ensamble tele justice et tel droit come la dite église ha et puet havoir es personnes dessus dites (en la ville de Montceaux) en leur hoirs et en leurs biens pour quelque cause que ceu soit (стр. 230).

трети имущества, составлявшаго предметъ сдѣлки, или точнѣе его цѣны, всего чаще достигали размѣра четвертой, пятой и даже девятой части этой цѣны [1]). Споры о томъ, обязаны ли крестьяне платить ventae помѣщику, весьма не рѣдки въ XIII вѣкѣ Такъ, въ 1233 году одной изъ причинъ препирательствъ между аббатствомъ Св. Мартина въ Турѣ и жителями Шабли является нежеланіе послѣднихъ платить ventae со своихъ аллодовъ, т. е. со своихъ пріобрѣтеній въ собственность [2]).

Что касается права помѣщика требовать отъ крестьянъ не только сторожевой службы, но и военной обороны или отпора нашествіямъ, то это право, какъ справедливо указываетъ Sée, не слѣдуетъ выводить изъ перенесенія на помѣщика въ силу иммунитетовъ нѣкоторыхъ функцій верховной власти (теорія, нашедшая защитника въ лицѣ Пруста). Гораздо проще связать эту службу съ фактомъ принадлежности помѣщику правъ верховнаго покровителя и заступника,—правъ, осуществленіе которыхъ было бы немыслимо безъ содѣйствія крестьянъ. Мы не согласны поэтому и съ Sée, высказывающимся слѣдующимъ образомъ: нельзя принять теорію Пруста, который подводитъ воинскую повинность крестьянъ подъ понятіе судебной (devoir justicier), но слѣдуетъ искать источникъ этой повинности въ установленной во времена карловинговъ для всѣхъ свободныхъ обязанности участвовать въ королевскомъ войскѣ Вотъ что намъ кажется очевиднымъ: виланъ, поставленный въ необходимость воздѣлывать помѣстье, призывается также къ его охранѣ. Воинская служба въ глазахъ современниковъ такое же приношеніе, какъ и, напримѣръ, taille; они не видятъ препятствій къ обращенію ея въ денежную ренту; старинный кутюмъ Бретани начала XIV-го вѣка говоритъ о ней, какъ о барщинѣ [3]).

Трудно усмотрѣть что-нибудь общее между сельскохозяйственной службой крестьянъ и ихъ участіемъ въ оборонѣ помѣстій. Напротивъ, вполнѣ понятно, почему въ нѣкоторыхъ грамотахъ о военной повинности говорится, какъ о такой, которая отправляется только при личномъ участіи самого сеньера или лица, заступающаго его мѣсто. «Nec in exercitum, nec in expeditionem ibunt», значится, напримѣръ, въ одной грамотѣ 1165 г. относительно жителей (homines) одного шампанскаго по-

---

[1]) Sée, стр 65

[2]) Et contra prepositus conquerebatur de ventis quas nollebant reddere de allodiis. . de vendicione teneurarum (Recueil de pièces pour faire suite au Cartulaire de l'Yonne, стр 103, № 238)

[3]) Ibid., стр. 59 и 60.

мѣстья, «nisi ego ipse presens affuero vel aliquis de domo mea eos duxerit» [1]). Крестьяне обязаны содѣйствовать своимъ участіемъ той охранѣ мира и спокойствія, какую принимаетъ на себя помѣщикъ. Но съ теченіемъ времени представленіе о дѣйствительномъ характерѣ этого servicium исчезаетъ и это послѣднее дѣлается источникомъ однихъ фискальныхъ поборовъ Платежомъ напередъ выговоренной суммы цѣлыя селенія откупаются отъ обязанности in hostem ire или участвовать въ такъ называемой chevauchee [2]).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ дѣло съ церковными имѣніями, призывающими, въ видѣ общаго правила, къ осуществленію правъ патроната какого нибудь свѣтскаго ленника, который становится ихъ «адвокатомъ», «avoué» и принимаетъ на себя недоступную клирикамъ охрану подданныхъ силой меча, крестьянамъ приходится участвовать еще въ платежѣ въ его пользу такъ называемаго salvamentum. Грамоты устанавливаютъ обыкновенно его размѣръ; такъ, въ одной шампанской грамотѣ 1209 года [3]) мы читаемъ: такіе-то должны платить на праздникъ Св. Ремигія покойному Вальтеру де Монтени слѣдующій salvamentum:—каждый одну мину овса и 2 динарія: въ другой, такъ же шампанской грамотѣ 1218 года, говорится, будутъ платить мнѣ впредь такой же salvamentum, какой я потребовалъ при отправленіи въ Іерусалимъ [4]).

Заканчивая перечень невыгодъ, связанныхъ съ крѣпостнымъ состояніемъ и объясняющихъ готовность жертвовать со стороны крестьянъ даже надѣломъ, лишь-бы уйти изъ неволи, мы вспомнимъ о тѣхъ препятствіяхъ, какія крѣпость ставила свободному выбору профессіи. Въ своей любопытной, но, къ сожалѣнію, не законченной монографіи о великихъ эпохахъ въ развитіи экономическаго строя, Клодіо Жанэ относитъ къ V и VI вѣку возникновеніе тѣхъ запретовъ, которые не позволяли крестьянину поступать въ ряды

---

[1]) Cartulaire de l'abbaye de Montieramey, т VII —Cart. du diocèse de Troyes, № 53

[2]) De cetero nichil amplius quam viginti solidos pro hostem habeam, ita tamen si in hostem ire me oporteat (Dom Morice, Histoire de Bretagne Preuves, Colonne 777, приведено у Sée, стр. 60) Оборонительный характеръ этой службы выступаетъ въ текстахъ въ родѣ слѣдующаго: mittat homines suos ad defensionem terrae suae (Ibid, col. 731) или ut nullus hominum nostrorum ibit in hostem aut militiam suam nisi forte venerint inimici sui super eum (Ibid, Col 485).

[3]) Cartulaire de l'abbaye de Montieramey, № 255.

[4]) Cart de Montier la Celle, № 166. Debent reddere tale salvamentum quale reddiderunt tempore quo arripui Iherosalimam.

духовенства, дѣлаться священникомъ или монахомъ, безъ особеннаго разрѣшенія со стороны собственника [1]) Запретъ понятенъ, такъ какъ безъ него открывалась бы возможность широкаго выхода изъ крѣпостного состоянія, причемъ этотъ выходъ не всегда сопровождался-бы даже неудобствомъ безбрачной жизни; эта послѣдняя не была обязательна для низшихъ членовъ духовенства, извѣстныхъ въ средніе вѣка подъ наименованіемъ frères convers. Папство и церковные соборы, уступая этому соображенію, соглашаются принять мѣры противъ тѣхъ, кто входитъ въ ряды священства только въ расчетѣ избѣжать крѣпости и, разъ попавши въ эти ряды, продолжаетъ жизнь міранина. Въ 1246 году, напримѣръ, папа Иннокентій IV благосклонно принимаетъ ходатайство графа Шампани Тьебо, доводящаго до его свѣдѣнія о подобной практикѣ на его земляхъ [2]) Чтобы получить свободу постриженія, необходимо особое разрѣшеніе собственника помѣстья. Мы имѣемъ примѣры включенія этой свободы въ число тѣхъ преимуществъ, которыми сеньеры надѣляли кое гдѣ зависимое отъ нихъ крестьянство. Такъ, напримѣръ, въ Шампани, мы находимъ грамоты съ подобными привиллегіями отъ 1135 и 1175 гг., но онѣ, разумѣется, составляютъ исключеніе, а не общее правило [3]). Отъ крѣпости страдаетъ и самая свобода передвиженія, свобода уйти на заработокъ, хотя бы съ обязательствомъ платить оброкъ помѣщику. Далеко не большинство составляютъ тѣ провинціи, въ которыхъ, какъ, напримѣръ, въ Бовуази, дозволенъ былъ отходъ, но съ сохраненіемъ за помѣщикомъ ценза, поголовнаго сбора, выводныхъ денегъ и вычетовъ съ наслѣдства [4]).

---

[1]) Beaumanoir, Les coutumes de Beauvoisis, ed Beugnot, II, стр. 224 и 231. Кутюмы Ніевра, Мо и Корнуаль въ Бретани одни заключаютъ въ себѣ прямыя постановленія на этотъ счетъ, но только потому, что другіе считаютъ существованіе подобныхъ запретовъ не вызывающимъ сомнѣнія общимъ правиломъ (Cout. Nivern., ст 17, Cout. Meaux, ch. XIII, ст. 79, Usances de Cornouailles, статьи, говорящія о tenancier en moté). См. Boucomont, Des mainmortes en Nivernais, 1896 г, стр 22 и 23. H Sée, Étude sur les classes rurales en Bretagne, стр 37 и слѣд

[2]) См. H Sée, Etude sur les classes serviles en Champagne (Revue historique, 1895 г., т 57. стр. 20).

[3]) Ibid.

[4]) Beaumanoir, т. II, стр 237, § 36. Plus cortoise est nostre coustume envers les sers que en autre pais car li segneur poent penre de lors sers et a mort et a vie toutes les fois qu'il lor plest et si le poent contraindre de toz jors manoir de sozeus Mes on les a plus debonerement menés en Biavoisis, car puisqu'il paient à lor segneurs lor sens et lor segneurs lor cens et lor cavages tex comme il ont acoustumé il poent aler servir ou manoir hors de le juridicion à lor signeur.

Такая свобода давала крестьянамъ возможность заниматься торговлей и промыслами и, какъ говоритъ Бомануаръ, пріобрѣтать значительный достатокъ, идущій, по его замѣчанію, на пользу самимъ сеньерамъ, такъ какъ онъ позволяетъ имъ увеличивать размѣръ денежныхъ требованій, напримѣръ, въ случаѣ крестьянскихъ браковъ.

Число обычаевъ, допускавшихъ выходъ крестьянъ на оброкъ, сравнительно не велико. Обыкновенно право отхода было ограничено раіономъ земель двухъ или болѣе помѣщиковъ, вошедшихъ между собою въ соглашеніе и признавшихъ взаимно за своими подданными право селиться въ предѣлахъ ихъ имѣній. Такого рода контракты создавали такъ-называемое droit de parcours; они обезпечивали за каждымъ изъ помѣщиковъ неограниченную никакимъ срокомъ возможность доказывать крѣпостное состояніе ушедшаго на отработокъ, а за каждымъ крестьяниномъ возможность сохранить за собою надѣлъ и при отходѣ [1]). Нерѣдко въ заключеніи контракта участвуютъ сеньеры довольно отдаленныхъ областей. Графы Шампани вступаютъ въ сдѣлки съ герцогами лотарингскими, графами люксембургскими и графами Баръ ле Дюкъ, наконецъ, и съ королями Франціи [2]).

За исключеніемъ провинцій, въ которыхъ отходъ допущенъ обычаемъ или обезпеченъ въ извѣстныхъ предѣлахъ контрактами, заключенными между помѣщиками, во всей остальной Франціи продолжало держаться право такъ называемой—poursuite. Это значило, что

Mais qu'il ne se desavouent pas de formariage que lor sires a sor eus. § 37. Encore par nostre coustume pot li sers perdre et gaaignier par marceandise et se pot vivre de ce qu'il a largement à se volenté que ses sires ne l'en pot ne ne doit contraindre Et tant poent il bien avoir de segnorie en lor cozes, qu'il aquierent à grief paine et à grant travail Et li segneur meisme n' i font se gaignier non, car il en aquierent plus volentiers, par quoi les mortes mains et les formariages sunt plus grant quant il esquieent.

[1]) Мы читаемъ, наприм., въ рубрикѣ 58 Fors de Béarn XI-го вѣка: Il est lor en Béarn que si un homme tient terre d'autrui et lui donne cens et ensuite délaisse la terre pour ne pouvoir travailler 20 ou 30 ans, il n'en perd la possession et s' il paye le cens il la peut recouvrer (Mazure Fors de Béarn, стр 216).

Въ Бургундіи это право ограничено было десятилѣтнимъ срокомъ. Le mainmortable absent peut dedans 10 ans retourner à ses biens, mais le seigneur pendant ce temps peut mettre des serveurs esdicts héritages et faire les fruicts siens, et i ceux dix ans passez les dicts héritages demourront au dit seigneur pour en disposer des lors en avant, ainsi que bon lui semblera (Cout de Bourgogne, Des mainmortes, ст. 22) Во Франшъ Конте и въ Маршъ признавался тотъ же давностный срокъ: въ Ниверне—15 лѣтній (См Boucomont, стр 29)

[2]) Henri ESée, tude sur les classes rurales en Champagne, т 57 (Revue historique, стр 18).

помѣщикъ ежечасно могъ потребовать выдачи ему бѣглаго крестьянина, разъ послѣднему не удастся доказать своей свободы. Крѣпостной человѣкъ, значится, напримѣръ, въ древнѣйшихъ кутюмахъ Бургундіи, не можетъ добиться путемъ давности свободнаго состоянія, сколько бы времени онъ ни пробылъ внѣ предѣловъ дѣйствія крѣпостного права [1]).

Но издавна города, озабоченные привлеченіемъ съ себѣ новыхъ поселенцевъ, обѣщали волю всякому, кто, проживши годъ и день въ ихъ стѣнахъ, не подвергался за это время droit de poursuite со стороны помѣщика. Эти такъ называемые—lieux francs были довольно многочислены; сюда принадлежали не только крупные города, какъ Тулуза, Сенъ Мало, Бурръ, Валансіенъ, но и менѣе значительные, какъ напримѣръ, Meung-sur-yévre, Maisons въ Шампани, Chantelle и Montluon въ Бурбонэ и т. д. [2]). Тамъ, гдѣ возникали новые города или такъ называемыя villes neuves, что, какъ мы видѣли, было довольно общимъ явленіемъ въ Шампани, крестьяне убѣгомъ спѣшили обезпечить за собой возможность равныхъ преимуществъ съ ихъ поселенцами, а помѣщики стремились предупредить такой исходъ, включая въ уставныя грамоты такихъ привиллегированныхъ мѣстечекъ обязательство съ ихъ стороны не принимать въ свои стѣны выходцевъ крѣпостного состоянія [3])

Въ Бретани достаточно было пробыть на земляхъ, состоявшихъ подъ непосредственной властью мѣстнаго герцога, въ теченіи года и дня, чтобы пріобрѣсти преимущества свободнаго рожденія. Отсюда—характеръ lieu franc, пріобрѣтенный герцогскими замками Lesneven и Châteaulin [4]).

---

[1]) Les coustumes du pays et duché de Bourgogne, изд 1580 г Des mains mortes —L'homme de main morte ne peut prescrire franchise et liberté contre son seigneur par quelque laps de temps qu'il face demourance et residence hors du lieu de main morte quelque part que ce soit —См. также Beaumanoir, ch 45 № 36, стр 237 и № 19, стр 226. — Fors de Béarn (въ изд Mazure) и въ частности For de Morlas, 1200 г., rubr. LXX, стр. 178, ст. 234: si je trouve un homme dans un village et que je dise qu'il est mon homme censitaire et questal et que je désigne son lieu et que je veuille le prouver, s'il ne répond pas qu'il est affranchi ou franc, le seigneur doit le livrer e ma requête.

[2]) Многіе изъ нихъ перечислены, между прочимъ, Віолэ въ его исторіи французскаго права.

[3]) Si quis de hominibus militum etc. in predicta nova villa manserit, si dominus eius eum suum esse de corpore juramento duorum militum et aliorum legitimorum hominum in villa ipsa probaverit eum quiete absque placito vel duello rehabebit et de villa adducet (Грам. 1165 г.; подтверждена въ 1263 и 1412 г. См Cartulaire de l'abbaye de Montiéramey, № 53, въ Coll des cart. du diocèse de Troyes, т. VII).

[4]) См H Sée, Etude sur les classes rurales en Bretagne, стр. 38

Иногда, не обращаясь къ бѣгству, крестьяне завоевывали себѣ свободное состояніе отказомъ отъ надѣла въ пользу помѣщика. Это было возможно въ тѣхъ провинціяхъ, въ которыхъ, какъ напримѣръ, въ Шампани и Бургундіи, существовало право такъ называемаго desaveu, т. е. уступки надѣла въ обмѣнъ за свободу отъ крѣпости [1]).

Но все это—не болѣе, какъ мѣстныя особенности, за которыми нельзя признать характера всѣмъ доступныхъ мѣръ къ выходу изъ крѣпостного состоянія Вотъ почему, съ цѣлью добиться освободительной грамоты, крестьяне не разъ прибѣгаютъ къ заговорамъ и открытому противодѣйствію; вотъ почему они, выражаясь языкомъ источниковъ, создаютъ въ своей средѣ—коммуны, communiates faciebant

Извѣстно, какое преувеличенное значеніе въ дѣлѣ завоеванія городскихъ вольностей придаетъ этимъ коммунамъ Огюстенъ Тьери [2]). Въ послѣднее время, благодаря изслѣдованіямъ Жири и Люшера, этотъ взглядъ болѣе или менѣе поколебленъ, но въ тоже время открытіе новыхъ, неизвѣстныхъ Тьери, источниковъ, доказало, что такіе заговоры и присяги играли нѣкоторую роль и въ процессѣ эмансипаціи крестьянства. Для иллюстраціи нашей мысли приведемъ слѣдующіе факты, сообщаемые грамотами ліонскаго хартуларія. Передъ нами приговоръ бальифа Вьенъ (отъ 1282 года), присуждающій къ возмѣщенію убытковъ, причиненныхъ жителями Россиліонъ монастырю шартре въ Портъ. Въ этомъ актѣ значится между прочимъ. мы узнали, что почти всѣ жители прихода Св. Раньеберта, подчиняясь неизвѣстно какому дьявольскому внушенію, толпою подошли къ аббатству и проникли въ него силою, съ оружіемъ въ рукахъ; они разгромили церковь и сакристію, овладѣли казною, унесли грамоты и разные другіе предметы [3]). 16 лѣтъ спустя, мы читаемъ о подобныхъ же вооруженныхъ столкновеніяхъ между аббатствомъ Анбропэ и монастырскимъ крестьянствомъ. Послѣднее признаетъ quod fecerunt juramenta sub hoc modo quod ipsi juvarent se a invicem et quod unus eorum sequeretur alterum ad omne factum et negocium contra omnes personas excepto dicto abbate et conventu et comite Sabaudie. Я нарочно привелъ этотъ текстъ въ подлинникѣ, такъ какъ изъ него какъ нельзя лучше видно, какой характеръ носили подобныя взаимныя присяги. Обращу вниманіе на оговорку, которая охраняетъ.

---

[1]) Revue historique, т 57, стр. 17.

[2]) Histoire de tiers état.

[3]) Cartulaire Lyonnais, т. I, стр 460

вѣрность какъ ближайшему сеньеру, такъ и верховному сюзерену, герцогу савойскому. Оговорка эта видимо не успокаиваетъ аббата, который даетъ знать, что онъ согласится на введеніе требуемыхъ отъ него реформъ только послѣ того, какъ крестьяне откажутся отъ своихъ присягъ. Крестьяне отвѣчаютъ, что готовы на это, но не раньше чѣмъ аббатъ отмѣнитъ malae consuetudines, т е. не оправдываемые обычаемъ поборы. Аббатъ, чтобы добиться своего, поставленъ въ необходимость пригрозить конфискаціей всего, чѣмъ крестьянство владѣетъ на зависимыхъ отношеніяхъ отъ монастыря [1]). Этотъ случай вполнѣ подтверждаетъ то, что намъ извѣстно о ненависти, съ какой главы церковной іерархіи относились вообще къ такъ называемымъ коммунамъ. Слова одного изъ епископовъ Льежа, уподоблявшаго пастаивавшихъ на вольностяхъ крестьянъ и горожанъ стаду хрюкающихъ свиней, восполняются болѣе уравновѣшеннымъ сужденіемъ Груверта изъ Ножанъ, объявлявшаго коммуну чѣмъ то новымъ и ненавистнымъ. Сервы, восклицаетъ въ свою очередь епископъ Реймскій, Рауль Зеленый, въ 1112 году, сохраняйте повиновеніе къ вашимъ господамъ и не дѣлайте предлога къ мятежу ни изъ ихъ жесткости, ни изъ ихъ алчности [2]).

Начавшееся въ городахъ движеніе ремесленнаго люда отразилось и въ селахъ. Если въ 1060 году ремесленники отказываются платить цензъ въ Редонѣ, а въ 1077 обыватели Тулузы прибѣгаютъ къ мятежу не столько изъ желанія достигнуть городской автономіи, сколько съ цѣлью положить конецъ malae consuetudines, другими словами, произвольнымъ поборамъ,—если въ слѣдующемъ за тѣмъ столѣтіи сперва Лаонъ, а за нимъ и Везелэ подымаютъ знамя возстанія противъ тѣхъ же нестроеній,—то въ XIII вѣкѣ движеніе охватываетъ уже жителей селъ, упрочивая въ помѣщикахъ желаніе ликвидировать все болѣе и болѣе запутывающіяся, съ трудомъ поддерживаемыя и, въ дѣйствительности, мало для нихъ выгодныя отношенія путемъ обмѣна личной свободы крестьянъ на ихъ надѣлы.

Въ этомъ состоитъ весь смыслъ той нерегулированной государствомъ выкупной операціи, которая совершалась выдачей освободительныхъ грамотъ цѣлымъ селеніямъ и переводомъ крестьянъ изъ положенія сервовъ въ положеніе вилановъ, другими словами—съ бар-

---

[1]) Ibid., стр 577, № 847, грам. 14 дек 1298 г

[2]) Séances et travaux de l'Académie des sciences morales, 1896 г., стр 409 — См также Wauters, Libertés communales en Belgique, и Wanderkinder, Le siècle des Artevelde.

щины и личной зависимости на оброкъ и зависимость земельную. Далѣе этого не идетъ движеніе, которое не можетъ, слѣдовательно, считаться послѣднимъ звеномъ исторіи эмансипаціи сельскаго люда, оставляя въ его средѣ слишкомъ достаточно мотивовъ для недовольства, чтобы вызвать въ ближайшемъ столѣтіи тотъ чудовищный подъемъ народной ярости противъ фискальнаго гнета, вотчиннаго и государственнаго, который, начавшись во Фландріи, нашелъ откликъ въ центральной Франціи и повелъ къ такъ называемой жакеріи

ГЛАВА XX.

Помѣстная система и крѣпостное право въ Бретани, Бельгіи и Лангедокѣ.

§ 1.

Въ общей исторіи судебъ средневѣкового хозяйства мы поставлены были въ необходимость останавливаться на возможно рѣзкихъ и типическихъ явленіяхъ. Вотъ почему, говоря о крѣпостномъ правѣ во Франціи и разнообразныхъ причинахъ, вызвавшихъ его постепенное исчезновеніе, мы намѣренно брали тѣ именно провинціи, въ которыхъ это право вліяло особенно рѣзко на судьбу сельскихъ классовъ и имѣло наиболѣе продолжительное существованіе. Ошибочно было бы думать, однако, что бы указанный нами общій ходъ исчезновенія крѣпостного права не терпѣлъ тѣхъ или другихъ мѣстныхъ отклоненій, вызываемыхъ особенностями политическаго и экономическаго развитія. За этими особенностями скрывался, въ свою очередь, менѣе сложный, но столь же вліятельный факторъ—большая сравнительно съ другими мѣстностями густота населенія или, наоборотъ, рѣдкость его, вызываемая нашествіями и разгромами чужеземцевъ и обусловливающая необходимость привлекать къ землѣ обѣщаніемъ особыхъ льготъ колонистовъ со стороны. Расовый составъ народа, унаслѣдованный имъ характеръ, традиціи и привычки болѣе раннихъ поселенцевъ занятой имъ области даютъ также нерѣдко ключъ къ пониманію тѣхъ уклоненій, какія могутъ встрѣтиться въ общемъ ходѣ эволюціи. Ихъ могутъ обусловить и позднѣйшія причины, напримѣръ, выселеніе части жителей въ другія области,—выселеніе, въ которомъ численный перевѣсъ можетъ оказаться то на сторонѣ класса земельныхъ пользователей, то на сторонѣ неимущихъ.

Крайнимъ догматизмомъ было бы поэтому подводить всѣ явленія французской общественной жизни въ тотъ періодъ, когда совершался описанный нами въ предшествующихъ главахъ процессъ эманципаціи крестьянства и обособленія въ городахъ торговаго и промышленнаго класса отъ простыхъ рабочихъ, подъ тѣ категоріи, которыя установлены были предшествующимъ изложеніемъ Эти категоріи даютъ только общій тонъ развитія, ни мало не устраняя возможности мѣстныхъ отступленій какъ въ точкѣ отправленія, такъ и въ промежуточныхъ звеньяхъ и результатахъ.

Чтобы пояснить нашу мысль примѣрами, мы обратимъ вниманіе читателя на тѣ особенности, какія представляетъ судьба сельскихъ классовъ въ столь отличныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ, какъ Бретань и Бельгія, Лангедокъ и Нормандія. Наплывъ новыхъ жителей или выселеніе части прежнихъ, воздѣйствіе промышленныхъ и торговыхъ центровъ, т е. въ концѣ концовъ—опять таки большая или меньшая густота населенія то ускоряютъ, то замедляютъ общій ходъ развитія. Подтвержденіе сказаннаго мы встрѣтимъ, съ одной стороны, на полуостровѣ Арморикѣ, гдѣ позднѣйшія миграціи бритовъ изъ Уэльса усилили кельтическій элементъ, а съ другой—въ тѣхъ провинціяхъ, въ которыхъ безостановочный ходъ развитія былъ прерванъ нашествіями и завоеваніями норманновъ, въ свою очередь, смѣнившимися въ XI столѣтіи эмиграціей значительной части помѣстнаго сословія въ завоеванную норманами же Англію. Это обстоятельство, въ связи съ послѣдовавшимъ затѣмъ разрывомъ политическаго единства съ островомъ, ввело снова судьбы страны въ общее русло французской исторіи.

§ 2.

Исторія сельскихъ классовъ Бретани недавно сдѣлалась предметомъ обстоятельной монографіи Генриха Сэ, уже ранѣе пріобрѣвшаго извѣстность своимъ очеркомъ крѣпостного права въ Шампани. Намъ нѣтъ необходимости предпринимать новое изслѣдованіе; достаточно указать на тѣ общія мысли, на какія наводитъ трудъ этого автора. За одно съ Лотомъ, историкомъ эмиграціи бритовъ на полуостровъ Арморики, Сэ указываетъ на то, что приливъ кельтическаго населенія содѣйствовалъ сохраненію въ Бретани тѣхъ самыхъ родовыхъ порядковъ, которые держались въ Уэльсѣ вплоть до завоеванія его Эдуардомъ III [1]). Даже въ IX вѣкѣ мы находимъ въ

[1]) О нихъ см Seebohm, The tribal system in Wales, и мой разборъ этой книги въ Revue internationale de sociologie, мартъ, 1897 г.

Бретани нѣкоторыя черты этихъ порядковъ. Во главѣ племени, извѣстнаго здѣсь подъ наименованіемъ plebs или pleu, стоитъ наслѣдственный вождь, именуемый mochtiern и близкій по характеру къ уэльскому uchelwr Въ бо́льшей степени, чѣмъ послѣдній, этотъ вождь, отъ котораго зависятъ всѣ свободные люди plebs, является крупнымъ земельнымъ собственникомъ; онъ распоряжается своимъ, какъ значится въ грамотахъ, алодомъ въ пользу церквей и монастырей.

Въ Бретани единицею землевладѣнія является не помѣстье, villa, а сравнительно меньшая величина, называемая tan, и производныя отъ нея, напримѣръ, весьма распространенный ingran, обнимающій собой по всей вѣроятности три tan. О томъ, что tan представлялъ собою величину несравненно меньшую, чѣмъ villa, мы узнаемъ изъ грамотъ, говорящихъ о продажѣ и покупкѣ tan то за 15, то за 20 су. Нѣсколько tan, обыкновенно включающихъ въ себѣ каждый два, три крестьянскихъ двора, входятъ въ составъ такъ называемаго tref или tribus, что̀ и позволяетъ намъ видѣть въ tan не иное что, какъ родовой хуторъ или поселеніе вѣтви племени, составляющаго plebs Когда терминъ villa начинаетъ вытѣснять эти кельтическія наименованія, онъ примѣняется къ небольшимъ имѣніямъ, включающимъ въ себѣ одинъ или нѣсколько tan. Такимъ образомъ, поселеніе бритовъ, усиливъ элементъ свободныхъ собственниковъ, разложило римскую villa и помѣшало сохраненію и распространенію крупнаго землевладѣнія.

Грамоты, входящія въ составъ хартулярія аббатства въ Редонѣ, показываютъ, что та часть Бретани, которая заселена была выходцами изъ Уэльса, представляетъ меньшее число servi, чѣмъ та, которая осталась свободной отъ этого заселенія. Въ послѣдней больше богатствъ сосредоточено въ однѣхъ рукахъ встрѣчается больше поселенныхъ рабовъ и колоновъ. Тѣмъ не менѣе и тамъ, и здѣсь, дѣйствуютъ одни и тѣ же способы установленія права собственности:—пожалованіе или продажа, съ одной стороны, очистка, съ другой Но вотъ въ чемъ особенность кельтической части Бретани, другими словами, приморской или Basse Bretagne. Здѣсь племенной старѣйшина сохраняетъ еще право верховнаго собственника на всѣ земли въ предѣлахъ plebs. Частныя пожалованія алодовъ происходятъ поэтому съ его согласія, и тоже согласіе необходимо для производства корчевки и обращенія ея въ собственность [1]). Подобно тому, какъ въ Уэльсѣ нельзя продать или заложить земли безъ согласія верховнаго сеньера

[1]) См. Cartulaire de Redon, стр. 45, № 57, и стр. 217, грам 825 г.

данной [1]) области, такъ точно и въ Арморикѣ нужно согласіе наслѣдственнаго князя (Pleucadec) для расчистки лѣса и передачи собственныхъ алодовъ въ руки Редонской обители [2]).

Въ недавно изданномъ хартуларіи аббатства Честного Животворящаго Креста въ Кимперлэ (департаментъ Финистеръ), о томъ же согласіи графа, очевидно, заступающаго мѣсто родового старѣйшины, упоминается въ одномъ актѣ конца XI вѣка. Нѣкій balistarius или военно-строитель, именемъ Константинъ, отдаетъ на смертномъ одрѣ участокъ земли, который названъ Кильтеритъ и полученъ имъ, отъ графа Алана. Для дѣйствительности даренія требуется согласіе на него этого графа (concedente et affirmante Alano comite) [3]) Приведенный актъ, впрочемъ, тѣмъ существенно отличается отъ предыдущихъ, что въ немъ предметомъ распоряженія является не унаслѣдованная земля, алодъ, а сданная въ пожизненное пользованіе—такъ называемый benefium. Историкъ судебъ бретонскаго крестьянства справедливо указываетъ на то, что всѣ виды земельной собственности въ Бретани сводятся къ двумъ типамъ: алоду и бенефицію [4]) Первый здѣсь, какъ и повсюду, означаетъ наслѣдственную собственность; второй—землю, сданную во владѣніе въ обмѣнъ за ренту или напередъ выговоренныя личныя услуги. Въ этомъ даже занятая кельтами часть Бретани не отличается существенно ни отъ одной изъ французскихъ провинцій. Но вотъ гдѣ начинаются ея особенности Прочитывая грамоты, собранныя въ хартуларіи аббатства Честного Креста, земли котораго расположены въ кельтической части Бретани, какъ и тѣ документы, которые въ сборникѣ грамотъ Редонской обители говорятъ о распоряженіи имуществами въ предѣлахъ той же кельтической части страны, мы ни разу не встрѣчаемся съ отношеніями, напоминающими собою тѣ, какія на протяженіи всей Франціи установились между собственниками помѣстья и прикрѣпленными къ землѣ крестьянами. Напротивъ, эти отношенія весьма близко подходятъ къ тѣмъ, которыя, какъ это показано Сэбомомъ, удерживались въ Уэльскомъ герцогствѣ даже послѣ занятія его англичанами, подъ покровомъ установленныхъ послѣдними феодальныхъ порядковъ. Родовой старѣйшина, прикрывающійся нерѣдко латинскимъ

---

[1]) Ancient laws of Wales, ч I, стр 180, § 18.

[2]) Cartulaire de Redon, Prolegomena къ нему Aurelien de Courson, стр. CCXCIII и CCXCV

[3]) Cartulaire de labbaye de Sainte Croix de Quimperlé, publié d'après l'original par Léon Maitre, Paris, 1896 г., стр. 161, № 59

[4]) Henri Sée, стр. 12.

терминомъ графъ (comes), раздаетъ земли не только церквамъ и монастырямъ, но и семьямъ простолюдиновъ, которые въ обмѣнъ обязываются не барщиной, а натуральными рентами. Съ характеромъ этихъ раздачь можно ознакомиться по актамъ, въ родѣ слѣдующаго: въ 1030 году Аланъ графъ, носящій въ данномъ актѣ титулъ консула Корнубіи, присоединяетъ ко владѣніямъ основаннаго имъ за годъ до того аббатства два pleu, расположенные въ кантонѣ Финистеръ; годъ спустя, онъ присоединяетъ къ нимъ, въ ознаменованіе побѣды и съ согласія всѣхъ optimates Cornubie, церковь Св Ронана со всѣми принадлежащими ей землями. Какіе доходы обезпечило аббатству это дареніе, указанія на это мы имѣемъ въ одной изъ слѣдующихъ затѣмъ грамотъ haec est redditio de terris Sancti Ronani. Пробѣгая заключающійся здѣсь списокъ участковъ и рентъ, мы приходимъ къ заключенію, что тѣ и другіе описаны въ порядкѣ отдѣльныхъ pleu или родовыхъ поселеній. Такъ, мы читаемъ съ самаго начала съ pleu именуемаго bigodu, слѣдуетъ два секстарія пшеницы, три секстарія овса и двѣнадцать динаріевъ за кабана: сверхъ того, право на жилище и содержаніе аббата и его монаховъ, сколько бы людей аббатъ ни привелъ съ собою.

Каждый разъ, когда принадлежащіе церкви участки представляютъ величину меньшую, чѣмъ pleu или tribu, они обозначаются именемъ занимающаго ихъ двора (terra или ager qui dicitur Berhal, Gurmoel, Dreen и т. д.); съ каждаго изъ нихъ поступаетъ извѣстная рента, напримѣръ, одинъ минѣ пшеницы, три динарія въ замѣнъ мяса, одинъ минѣ хлѣбной помѣси, пирогъ, четверть барана, на Пасху, — круглый хлѣбъ и яйца, на Рождество—такой же хлѣбъ съ двумя курицами. Характеръ приношеній не всегда одинаковъ, но не выходитъ изъ границъ указаннаго [1]). Иногда стоитъ прибавка: содержаніе столькимъ то людямъ аббатства, десятина или полъ-десятины всего поля. Очевидно, ничто не говоритъ, чтобы люди, производящіе всѣ эти платежи въ замѣнъ участковъ, состоящихъ въ ихъ пользованіи, были людьми не свободнаго состоянія, лишенными права пріобрѣтать и отчуждать, иначе говоря, распоряжаться не только движимостью, но и недвижимостью Мы видѣли примѣры обратнаго передачу на смертномъ одрѣ сданнаго въ бенефицій имущества съ согласія того, отъ кого оно было получено Не изъ чего не слѣдуетъ также, чтобы лица,

---

[1]) См грам № 13 Въ другихъ мѣстностяхъ той же Кельтической Бретани отдѣльныя tribu платятъ также медомъ: de eadem tribu sex mensure mellis (Грам. № 36).

держащія землю отъ церкви въ Редонѣ, пользовались ею на правахъ надѣла въ общихъ и открытыхъ поляхъ, а не сидѣли каждый своимъ дворомъ съ прилегающими къ нему недвижимостями разной величины: на это послѣднее указываетъ уже и неравный размѣръ платимой ренты. О барщинѣ и общественныхъ помочахъ, о впрягахъ при осенней и весенней пахатѣ—нигдѣ нѣтъ и помину. Если въ грамотахъ заходитъ рѣчь о платежахъ, производимыхъ деньгами и изъ года въ годъ въ пользу верховнаго собственника (dominus superior) той или другой villa или помѣстья, то тутъ-же слѣдуетъ объясненіе, что эти платежи вызваны тѣмъ, что принадлежащіе къ помѣстью дворы пользуются зимнимъ и лѣтнимъ выпасомъ на земляхъ верховнаго собственника [1])

Отсутствіе крѣпостного права нисколько не мѣшаетъ помѣщику извлекать выгоды изъ баналитетныхъ мельницъ, хлѣбопекарень, рынковъ [2]), а также получать доходъ отъ штрафовъ и конфискацій, налагаемыхъ вотчиннымъ судомъ на воровъ и другихъ преступниковъ [3]) Отсутствіе крѣпостного права не устраняетъ также перехода выморочныхъ имуществъ въ руки помѣщика, какъ это видно, напримѣръ, изъ словъ: res hominis qui absque liberis obierit in ipsa tribu proprium est Sancti Amandi [4]). Какъ и на протяженіи всей феодальной Франціи, бретонскій помѣщикъ считается наслѣдникомъ имуществъ умершихъ иностранцевъ и осуществляетъ droit d'aubaine, извѣстное

---

[1]) Въ одной грамотѣ 1167 г говорится o tres solidos quos (ego) annuatim utpote dominus superior in villa Albi, sita in parrochia de Lebin accipere solebam, que villa ipsius monasterii erat, scilicet duodecim denarios pro pastu hiemali et alios duodecim pro estivali et reliquos pro tercio jure, quod vulgo dicitur talha Sancti Egidii (Ibid, № 28)

[2]) Грам. № 35. Alanus dux Britanniæ, подтверждая дареніе своего отца Hoelis, признаетъ за аббатствомъ право собственности на omnes suos molendinos, omnemque tribum in dicumbitione absque ipsa sola platea ubi mercatum fieri solebat die constituto, furno et aliis edificationibus que possent ibidem fieri videlicet in eadem platea

[3]) Ibid, № 41, Cartul. de Clohal, 1084 г In uno quoque anno haec debet Sancte Crucі.. et fures, et quoslibet alios scelestos in suis forisfactis in ea deprehensos —№ 42, 1232 г. Fuit quidam homo Sorbor cognomine, de teneura abbatie istius in Clohal calumpniatus de quodam telo et captus et victus in duello fuit suspensus in villa Costion juxta Kemperele in teneura abbatie per manus abbatie fuit suspensus —См также № 55. Redditio treu Ridiern et treu Karantuc. De fure vero si ab hominibus probatus fuerit similiter (Sancti Amandi proprium est).

[4]) Ibid., № 55, стр 155.

въ кельтической Бретани подъ наименованіемъ gualoer [1]). Въ числѣ рентъ, платимыхъ крестьянами отдѣльныхъ tribu въ пользу помѣщика, отмѣтимъ двѣ, рѣже встрѣчающіяся въ другихъ частяхъ Франціи. Одна только съ виду напоминаетъ англійскій геріотъ, французскій релевіумъ и нѣмецкій Besthaupt. Тогда какъ послѣдніе состоятъ въ передачѣ наслѣдникомъ крестьянскаго двора помѣщику обыкновенно лучшей скотины изъ оставшейся послѣ умершаго хозяина движимости, какъ бы въ благодарность за признаніе владѣльческихъ правъ на землю,—ежегодная поставка не лучшей, а второй по качеству скотины [2]) бретонскими крестьянами въ пользу собственника tribu напоминаетъ тѣ платежи, какіе за надѣленіе скотомъ несутъ родовому старѣйшинѣ всѣ достигшіе совершеннолѣтія члены его клана на протяженіи всего Уэльскаго герцогства [3]). На тѣ же патріархальныя отношенія между собственникомъ помѣстья и лицами, поселенными на его земляхъ, указываетъ встрѣчающійся въ Арморикѣ, т. е. въ кельтической Бретани, взносъ овсомъ на содержаніе собакъ помѣщика, jus avene quod de ipsa terra meis canibus debebatur, и взносъ медомъ, извѣстный подъ специфическимъ названіемъ rusca; этотъ послѣдній взносъ получается собственникомъ на правахъ «добровольнаго приношенія» въ тѣ годы, когда въ ульяхъ оказывается большой запасъ меду [4]).

Генрихъ Сэ, основывающій свои выводы главнымъ образомъ на разборѣ грамотъ редонской обители, приходитъ также къ заключенію, что въ IX вѣкѣ полуостровъ Арморики еще не былъ задѣтъ порядками франкскаго королевства; барщина и помѣстная taille равно были ему неизвѣстны, и подчиненность крестьянъ помѣщику сказывались однимъ платежомъ условленныхъ или регулированныхъ обычаемъ натуральныхъ рентъ [5]). Въ редонскомъ хартуларіи рѣчь о taille заходитъ въ началѣ X вѣкѣ; въ хартуларіи аббатства Честнаго Креста въ Кимперле, земли котораго расположены были въ кельтической части Бретани; и я не нахожу другихъ болѣе раннихъ грамотъ, затрогивающихъ вопросъ объ обложеніи крестьянъ помѣщикомъ, чѣмъ та, которою въ 1218 году признано право аббата capere a villa terra de Lanjuzon (или Лангонэ), quiquid vellent tanquam a

---

[1]) Ibid. Preterea res hominis . alieni etiam de alia terra ibi defuncti gualoer proprium est Sancti Amandi.

[2]) О немъ говорится въ одной грамотѣ 1218 г. (Cartul. de Lanjuzon, № 100).

[3]) См. Себомъ, The tribal system in Wales.

[4]) Ibid., грам. № 82 и 83.

[5]) Стр. 20

sua terra talliabili [1]). Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, тотъ выводъ, что въ предѣлахъ поселенія выходцевъ изъ Уэльса крѣпостное право на первыхъ порахъ не было извѣстно, и мѣсто его, какъ и всей вообще феодальной системы, занимали кланово-родовыя отношенія, которыя только современемъ и подъ вліяніемъ примѣра сосѣднихъ, не занятыхъ британи областей выродились въ подобіе патримоніальной власти и земельной крѣпости.

Не остаткомъ серважа, а вырожденіемъ кланово-родовыхъ отношеній надо признать поэтому, вопреки мнѣнію Сэ, обращающія на себя вниманіе въ XV-мъ вѣкѣ въ кельтической части Бретани своеобразныя отношенія между виконтомъ Роганомъ и такъ называемыми mottiers его помѣстья. Эти послѣдніе крѣпки землѣ; грамота 1479 года, воспроизводимая Домъ-Морисомъ въ его Исторіи Бретани, признаетъ за сеньеромъ право набросить веревку на шею этихъ людей, насильственно вернуть ихъ на занимаемый ими участокъ, motte, и подвергнуть ихъ, по выбору, тѣлесному наказанію или денежному штрафу за попытку отхода. Чтобы избѣжать крѣпости, имъ необходимо провести годъ и день на земляхъ герцога Бретани, въ его замкахъ Лесневенъ и Шатолэнъ. Дѣти mottiers, за одно съ крѣпостными крестьянами, не могутъ вступать въ ряды духовенства. Подобно крѣпостнымъ, они несутъ taille. Одна грамота 1411 года признаетъ за сеньеромъ право les tailler á volonté deux fois par an, съ однимъ только ограниченіемъ: онъ долженъ оставить имъ достаточно средствъ для жизни съ семьею [2]). Сэ не прочь видѣть уже въ XI вѣкѣ слѣды существованія подобной крѣпости въ Бретани [3]). Онъ приводитъ въ подкрѣпленіе своей мысли одинъ текстъ, въ которомъ говорится о земляхъ Glemeren [4]); сверхъ ренты пшеницею и содержанія графа, жители несутъ здѣсь разъ въ годъ pastum unum въ пользу помѣщика и связаны по отношенію къ нему, между прочимъ, обязательствомъ, извѣстнымъ подъ именемъ gualoer, но выше было уже показано, что это сеньеріальное право состоитъ исключительно въ наслѣдованіи имуществу чужеродца, умершаго въ предѣлахъ помѣстья [5]).

---

[1]) № 100, стр. 217

[2]) Dom Morice, Hist. de Bretagne, Preuves, t II, Col 99—100 и 849.

[3]) H. Sée, стр. 38

[4]) De terris Glemeren. . ad comitem pertinent... illud quod gualloer appellont (Грамота не XI в, какъ ошибочно говоритъ Sée, а 1131—9 г Cart de S. Croix de Quimperlé, стр. 127, № 30).

[5]) Res hommes alieni . ibi defuncti gualoer proprium est Armandi (Cart de l'abb. de S. Croix à Quimperlé, № 55, стр. 155). Въ томъ же смыслѣ терминъ

Къ числу особенностей бретонской системы земельныхъ держаній,—особенностей, которыя могли сдѣлаться источникомъ позднѣйшей крѣпости и въ, свою очередь, по вѣрной догадкѣ Лотъ, корениться въ римскомъ колонатѣ [1]),—надо отнести своеобразный обычай снимать землю въ такъ называемую quevaise, или наслѣдственную аренду, переходящую къ младшему сыну и могущую быть отнятой у него въ случаѣ прекращенія ухода за участкомъ въ теченіи года и дня [2]). Миноратное наслѣдованіе «кевезой»—черта, общая ей съ крестьянской собственностью въ Ирландіи и съ исконнымъ обычаемъ англійскихъ бурговъ, извѣстнымъ подъ названіемъ borough english,—свидѣтельствуетъ объ ея кельтическомъ происхожденіи. Характеръ же, который она носитъ въ началѣ XII го вѣка на земляхъ аббатства Св Креста въ Кимперлэ, устраняетъ всякую мысль о крѣпостномъ правѣ. Приношенія медомъ, такъ называемыя kemrod или kemrod, что въ переводѣ означаетъ взаимный подарокъ, очевидно, принадлежатъ къ той же категоріи услугъ, оказываемыхъ членами клана ихъ родовому старѣйшинѣ, къ какой слѣдуетъ причислить и стоящій рядомъ съ ними pastus, т. е. содержаніе людей, принадлежащихъ къ свитѣ этого родового князя [3]).

Если консерватизмъ обычнаго права, удержавшаго въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ многія черты свойственной британъ клановo-родовой организаціи, помѣшалъ развитію крѣпостныхъ отношеній въ кельтической части Бретани, то необходимость заселить опустошенные норманскими набѣгами округа, въ особенности верхней Бретани,

---

gualoer употребляется грамотами Cart. de Redon (стр. 276) и Cart de Saint Georges отъ 1019 и 1040 гг (стр. 128); онѣ приведены H Sée, стр 39.

[1]) Loth, Les mots latins dans les langues brittoniques, pp 39—40.

[2]) Природа quevaise указана въ слѣдующихъ словахъ одной грамоты, представленной Генриху III въ 1575 году: Le droit de quevaise quy est tel que toutz hommes subjects audit exposant demeurantz sur cesdites terres et appartenances viennent a deceder sans enffentz procréés en loial mariage toutz leurs bien meubles demeureront audit exposant et ou; ilz auroient des enftentz le Juigneur et puisnnay demeurera heritier de toutz et checunz leurs immeubles et convenantz sans qu'ils en puissent laisser aulchune portion a leurs aultres enffants (Приведено у Сэ, стр. 40, примѣч.)

[3]) Cartulaire de Saint Croix de Quimperlé, № 67, De Sancto Amando, 14 сент. 1128 г, стр 170. De hoc autem quod dicitur Kemrod quod ipse, ut dicebat, non debebat reddere, statutum est ut quolibet anno de uno quoque ciato melis sex nummos reddat. De terra autem Helie monachi quam ipsi tenent, statutum est ut cibum quem de terra ipsa reddere negabat, uno anno septem hominibus, altero autem octo reddat, cum quatuor insuper nummis et uno obolo pro eo quod dicitur Kemrod.

менѣе кельтической по составу своего населенія и непосредственно примыкающей къ Нормандіи, въ свою очередь, сдѣлалась условіемъ, содѣйствовавшимъ раннему упадку крѣпостничества и эманципаціи крестьянскаго люда. Лабордери справедливо ставитъ въ связь съ этими экономическими причинами легенду о графѣ Аланѣ Barbe Torte, будто бы отпустившемъ бретонскихъ крестьянъ на свободу. Мѣсто такихъ коллективныхъ вольныхъ занимаетъ, начиная съ XI-го вѣка, рядъ договоровъ и пожалованій, ставящихъ себѣ цѣлью земельныя корчевки и расширеніе раіона хозяйственной эксплоатаціи помощью привлекаемыхъ со стороны свободныхъ колонистовъ, hospites. Терминъ terra ad hospitandum дѣлается обычнымъ въ грамотахъ указанныхъ столѣтій, и столь же обычнымъ является отреченіе земельныхъ собственниковъ, сдающихъ эти земли для поселенія, отъ всякаго рода барщины и обычныхъ платежей, consuetudines, лежащихъ на крестьянахъ. Въ селахъ увеличивается съ каждымъ поколѣніемъ элементъ свободныхъ людей, снимающихъ земли на началахъ временной, пожизненной или наслѣдственной аренды, что̀ въ свою очередь объясняетъ констатированную Сэ рѣдкость сервовъ или крѣпостныхъ крестьянъ какъ на земляхъ редонскаго аббатства, такъ и въ предѣлахъ владѣній монастыря Св. Георгія въ Реннѣ [1]).

§ 3.

Насколько только что изложенные нами факты служатъ иллюстраціей той мысли, что сохраненіе или оживленіе родовыхъ отношеній является препятствіемъ къ развитію крѣпостничества, на столько же ближайшія наши сообщенія будутъ направлены къ тому, чтобы показать воздѣйствіе, какое ростъ населенія, торговли и промышленности оказываетъ на ускореніе процесса эманципаціи крестьянства и на переходъ послѣдняго отъ земельной крѣпости и обязательнаго труда къ свободному контракту, личному и имущественному. Разительное подтвержденіе этого представляетъ исторія крестьянъ Бельгіи. Что рабство и крѣпостничество извѣстны были здѣсь съ самаго начала, это доказываютъ тексты Салической и Рипуарской Правды; что то и другое продолжало держаться столѣтія спустя, это тоже установлено актами, изданными Лемиръ еще въ прошломъ столѣтіи и Гашаромъ въ нынѣшнемъ, въ приложеніи къ его Исторіи крѣпостничества въ Бельгіи; да и независимо отъ обоихъ названныхъ источниковъ, въ любомъ хартуларіи можно найти

[1]) Henry Sée, стр. 42—44 и 18

многочисленныя доказательства того, что исторія сельскихъ классовъ открылась въ Бельгіи, какъ и повсюду, холопствомъ и земельной крѣпостью. Заглянемъ въ сборникъ грамотъ, принадлежащихъ церкви Св. Ламберта въ Лютихѣ, и мы найдемъ въ нихъ, начиная отъ IX вѣка упоминанія, о servi и mancipii. Въ 826 году, напримѣръ, Людовикъ Благочестивый, жалуя храму curtis dominicata, прибавляетъ, что отъ послѣдней зависятъ манзы литовъ и сервовъ, вмѣстѣ съ mancipii обоего пола [1]). Въ самомъ началѣ слѣдующаго столѣтія мы присутствуемъ при отпущеніи на волю рабовъ, съ соблюденіемъ рекомендованнаго Салической Правдой ритуала, другими словами—путемъ передачи динарія [2]). Отъ XI столѣтія (1079 г.) дошли до насъ въ одной дарственной подробныя свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи крестьянства, характерѣ и размѣрѣ исполнявшихся имъ службъ и платежей. Прежде всего поражаетъ значительность самаго числа крѣпкихъ къ землѣ людей. Въ семи передаваемыхъ церковью имѣніяхъ, ихъ оказывается уже болѣе 1000 дворовъ: въ Варенѣ 100, въ Берлингенѣ 125, въ Жаминѣ 163, въ Кюранжѣ 244, въ трехъ остальныхъ (Lootz, Rummen и Bré)—602. О большинствѣ говорится, что они способны отправлять службу, servire possunt; при этомъ указано, что къ службѣ призываются одинаково оба пола, почему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ въ Варенѣ, ведется отдѣльный счетъ женщинъ и дѣвушекъ. Платежи всѣхъ указанныхъ лицъ регулируются обычаемъ, источникъ котораго лежитъ, однако, въ помѣстномъ распорядкѣ, установленномъ самимъ собственникомъ. Передавая своихъ крестьянъ церкви, графиня Эрменгарда озабочена тѣмъ, чтобы созданный ею помѣстный уставъ сохраненъ былъ неизмѣнно и навсегда [3]).

Въ чемъ же состоялъ, спрашивается, помѣстный уставъ графини Эрменгарды и въ какой мѣрѣ уже во второй половинѣ XI вѣка обезпечено было лютихское крестьянство отъ произвольности вотчинныхъ поборовъ и податей? Надо строго различать личные и имущественные платежи крестьянъ. Первые одинаковы для всѣхъ, вторые представляютъ бо̀льшій или меньшій размѣръ, сообразно величинѣ

---

[1]) Cartulaire de l'église de St Lambert de Liège, Collect. des chr belges, стр 1.

[2]) Ibid., стр 9, грам. 9 янв 900 г. Secundum legem salidam (вмѣсто salicam) denarium de manu episcopi excussimus et sic ea a servitutis vinculo liberavimus —Новое упоминаніе о манципіи въ одной грамотѣ 908—915 г

[3]) Sic tamen firmetur traditio ut legem quam familie mee posui nullatenus perdant sed ita inconvulsam immutatamque retineant (Ibid, стр 39, № 26).

надѣла, измѣняющейся съ помѣстьемъ. Поголовная подать разъ навсегда установлена въ размѣрѣ четырехъ динаріевъ съ мужчины и двухъ съ женщины. Такъ какъ лица духовнаго званія не призваны къ отправленію jus gladii или уголовнаго суда, то настоятелю церкви Св. Ламберта приходится передать исполненіе этой функціи избранному имъ свѣтскому сеньеру, который въ роли такъ называемаго advocatus ecclesiae получаетъ часть штрафовъ, взыскиваемыхъ съ преступниковъ. Чтобы предупредить возможность произвола съ его стороны, разбираемый нами актъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ величину вычета, производимаго въ пользу настоятеля Въ случаѣ ссоръ и дракъ, не сопровождающихся пораненіями, какъ и въ случаѣ поимки воровъ съ поличнымъ, адвокату полагается треть штрафа (tercium denarium); но онъ приступаетъ къ разбирательству дѣла не по собственной иниціативѣ, а по публичному заявленію, proclamatio, дѣлаемому помѣстнымъ бурмистромъ или villicus. Послѣднему принадлежитъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и опредѣленіе приходящейся адвокату суммы. Поголовнымъ сборомъ и штрафами исчерпываются неизмѣнные платежи крестьянства Къ числу измѣнчивыхъ, смотря по помѣстію, рентъ принадлежатъ нижеслѣдующія. Въ Варенѣ 20 манзовъ ставятъ каждые два года помѣщику въ серединѣ мая по два кабана, цѣною въ 12 динаріевъ или одинъ солидъ каждый, и ежегодно въ праздникъ Іоанна Предтечи—по два барашка, цѣною въ шесть динаріевъ. Сверхъ того, съ каждаго манза полагается ежегодно 12 модіевъ хлѣбной помѣси (brasium), три цыпленка, 10 яицъ и 44 динарія. На ряду съ упомянутыми 20-ю манзами, имѣется еще 9 переведеныхъ на оброкъ (censum solventes). Въ общей сложности, съ нихъ поступаетъ ежегодно 2 ливра 13 солидовъ. 45 дворовъ, не имѣя надѣловъ въ общемъ полѣ, владѣютъ только небольшими огороженными участками (curtilia) и производятъ одни приношенія цыплятами, брагою, хлѣбами, платя въ общемъ всего на всего 14 солидовъ въ годъ Наконецъ, 22 манза заняты людьми, которые въ замѣнъ всякихъ приношеній отправляютъ барщину; грамота говоритъ объ этихъ манзахъ, quos tenent servientes. Рынокъ сданъ въ откупъ за два ливра ежегодно; владѣльцы баналитетныхъ мельницъ платятъ ренту мукою, виномъ, кабанами, брагою, булками и охотничьими собаками, взамѣнъ пользовавшихся кормомъ въ теченіе 40 дней поросятъ. Бурмистръ, лѣсничій и откупщикъ рыночныхъ пошлинъ (tellonarius) на Рождество и Пасху дѣлаютъ натуральныя приношенія свиньями, виномъ, цыплятами и хлѣбомъ. Таковы порядки помѣстья Варенъ. Близкіе къ нимъ по характеру мы находимъ въ

Берлингенѣ и Жаминѣ. Здѣсь $5^1/_2$ манзовъ производятъ платежи въ слѣдующіе сроки. въ серединѣ мая два барашка, по шести динаріевъ каждый, въ серединѣ августа 2 свиньи, цѣною въ одинъ солидъ каждая, къ празднику Св. Андрея два кабана, цѣною въ 3 солида, 3 цыпленка и 15 яицъ. Что касается до денежнаго ценза, то онъ платится въ два срока 15 динаріевъ въ день Іоанна Предтечи и 18 въ праздникъ Св Ремигія. Все это — переведенные на оброкъ дворы; рядомъ стоятъ $11^1/_2$ дворовъ на барщинѣ [1]) и 15, имѣющихъ не надѣлы, а однѣ только усадьбы, и платящихъ поэтому только курицами, хлѣбомъ, брагою. Въ помѣстьи Рюменъ различаются также mansi qui serviunt и mansi censuales; одни заняты служителями церкви, другіе—семьями, вышедшими на оброкъ. Тоже—въ помѣстьи Кюранжъ, гдѣ 11 манзовъ, какъ и въ Берлингенѣ, опять переведены на оброкъ и платятъ ежегодно каждый 5 солидовъ. Не упоминаю о взносахъ, поступающихъ съ мельницъ и хлѣбопекарень (cambe), такъ какъ они сдаются обыкновенно на откупъ.

Вотъ хозяйственный распорядокъ бельгійскихъ помѣстій XI столѣтія. Что онъ терпитъ мѣстныя отклоненія, это доказывается простымъ сопоставленіемъ его съ нѣкоторыми грамотами, приводимыми для провинціи Гено Лемиромъ Такъ, требованіе четырехъ динаріевъ поголовнаго сбора съ мужчинъ и двухъ съ женщинъ уступаетъ кое гдѣ мѣсто половинному цензу въ два и одинъ динарій [2]). Изъ другихъ грамотъ того же XI столѣтія мы узнаемъ, что въ Бельгіи существовали помѣщичьи баналитеты, и что на мельницѣ и хлѣбопекарнѣ сеньера omnes incolae venire debebant [3]).

На ряду съ крѣпкими къ землѣ крестьянами, отправляющими барщину или выведенными на оброкъ, встрѣчаются, какъ и во всей сѣверовосточной Франціи, пришлые свободные поселенцы, такъ называемые hospites, не разъ противуполагавшіе себя крестьянамъ, какъ

---

[1]) Въ половинѣ X-го вѣка аббатъ Ставелотъ еще объявляетъ, что изъ 6 дней въ недѣлю только одинъ долженъ быть оставленъ сервамъ для сельскохозяйственныхъ работъ на собственномъ надѣлѣ (Wauters, Les libertés communales, т. I, стр 228)

[2]) Census quoque servorum et ancillarum duo scilicet denarii a viro unus a femina in Nativitati S Mariae annuatim solvantur (Auberti Miraei Cathedralis ecclesiae Antverpiensis decani opera diplomatica et historica, Bruxelles, 1723, editio secunda, т 1, стр. 75)

[3]) Ibid., т. I, стр 159, грам 1070 г. стр 511, грам. 1067 г. Balduinus comes concedit molendinum aquaticum, ita ut nulli liceat habere molendinum aquaticum in Wormhout nisi cui et quamdiu abbas permiserit.

люди свободные [1]). На hospites не распространялись тѣ обязательства брачныхъ и посмертныхъ платежей, которые еще сто лѣтъ спустя взимались въ Бельгіи съ крѣпостныхъ крестьянъ аббатства Сенъ Гислана [2]).

Согласно старинным terriers монастыря Прюмъ, говоритъ Вотерсъ, помѣстное населеніе распадалось на министеріаловъ, или вотчинныхъ управителей, и ремесленниковъ, на колоновъ, или цензитаріевъ, иначе, оброчныхъ крестьянъ, и сервовъ, или крѣпостныхъ; колоны платили отъ манза всего на всего одного кабана или, взамѣнъ этого, 30 динаріевъ, фунтъ льна, три цыпленка и четыре яйца. Чтобы удержать крестьянъ на своихъ земляхъ, помѣщики охотно выводили ихъ на оброкъ, доводя до минимума размѣръ личныхъ платежей въ свою пользу. Такъ, въ Брабантѣ такъ называемые люди Св. Петра, жившіе на земляхъ аббатства этого имени въ Лувенѣ, а во Фландріи—такъ называемые Proostlaete, или люди, зависѣвшіе отъ превота, платили всего одинъ динарій въ годъ и пользовались взамѣнъ защитою графовъ лувенскихъ и фландрскихъ. Proostlaete были съ самаго начала свободными пришельцами или hospites, которыхъ графъ селилъ на своихъ земляхъ. Вотерсъ показываетъ, что въ близкихъ къ нимъ условіяхъ стояли и семьи, платившія во владѣніяхъ аббатства Сенъ Винокъ всего шесть динаріевъ графу фландрскому за покровительство и защиту, а также — монастырскіе обыватели аббатства Св. Петра въ Лилѣ и всѣ тѣ, которые держали землю отъ канониковъ Св. Донаціана въ Брюгге [3]).

Если не говорить о двойномъ цензѣ, взимаемомъ при смѣнѣ сеньера, надѣлы колоновъ вообще свободны отъ поборовъ Этого нельзя сказать о надѣлахъ занятыхъ сервами; они, какъ это показываетъ при-

---

[1]) Въ той же грамотѣ 1070 г. мы читаемъ: in eadem villa (villa Windemu) habent canonici aliam terram cum tribus hospitibus (стр. 159). Въ приводимой Брантсъ грамотѣ лица, которыхъ помѣщикъ объявляетъ своими крѣпостными, протестуя заявляютъ, что они hospites и coloni: servos esse homines penitus negaverunt et se se tantum hospites et coloni confessi sunt (Brants, Etudes d'histoire rurale, въ Revue catholique de Louvain, 1879 г., отдѣльный оттискъ, стр 47)

[2]) Дарственная, заключенная въ 1154 году въ пользу аббатства St Ghislain. Аббатству уступается сервъ, при этомъ перечислены получаемыя съ него выгоды: pro capitali censu duos denarios persolvat, pro licentia veromaritali et mortua manu consuetudine et lege parium suorum, regatur (Doc. pour servir à l'hist. de la servitude en Belgique, par Gachard, въ Comptes rendus des sèances de la commission d'histoire, т. IV, стр. 244)

[3]) Wauters, Libertés communales de la Belgique, т I, стр. 223 и 224

мѣръ крѣпостныхъ Св. Петра въ Гентѣ, облагаемы были еще въ 1040 году произвольнымъ побором въ случаѣ женитьбы на дѣвушкѣ чужого помѣстья и теряли также половину своей движимости въ пользу сеньера при переходѣ манза по наслѣдству. На земляхъ другого аббатства, Сенъ Тронъ, холостой имѣлъ наслѣдникомъ одного помѣщика; женатый въ правѣ былъ передать потомку только половину движимости. Въ большинствѣ мѣстностей обычаемъ или соглашеніемъ установленъ былъ размѣръ какъ выводныхъ денегъ, такъ и посмертнаго выкупа (mammorte). Весьма часто послѣдній не превышалъ собою 12 или даже 6 динаріевъ [1]).

Частныя освобожденія, за которыми послѣдовали вскорѣ и выдачи общихъ вольныхъ, въ теченіе XII и XIII столѣтій уравняли положеніе крѣпостныхъ и свободныхъ поселенцевъ. Brants справедливо указываетъ, что ростъ торговли и промышленности, вызвавшій быстрое развитіе городовъ и надѣленіе ихъ жителей всякаго рода изъятіями изъ поголовнаго обложенія, taille, выводныхъ денегъ и посмертныхъ вычетовъ, возбудилъ въ крестьянахъ вполнѣ понятное стремленіе къ переселенію въ эти первые очаги гражданской свободы, обѣщавшіе имъ и бо̀льшіе заработки и бо̀льшую защиту ихъ имущественныхъ интересовъ.

Грамоты графовъ фландрскихъ не разъ предвидятъ возможность такого выселенія, то допуская, то запрещая его. Такъ, въ одной изъ этихъ грамотъ 1190 года, впервые отпечатанной Гашаромъ, графъ фландрскій Филиппъ объявляетъ, что, буде кто изъ его сервовъ пожелаетъ поселиться среди горожанъ Куртре, на это за нимъ признается право, но подъ условіемъ дальнѣйшаго платежа ценза Точно также, если чей либо сервъ прибудетъ для жительства въ городъ Куртре и останется въ немъ 40 дней, онъ въ правѣ считаться свободнымъ горожаниномъ и избавляется отъ всякаго преслѣдованія [2])

Сплошь и рядомъ, отпуская на волю крѣпостныхъ и удерживая за собою только право требовать съ нихъ такъ называемую curmeda, т. е. лучшую штуку скота при переходѣ участковъ къ наслѣдникамъ, помѣщики грозятъ новымъ обращеніемъ въ неволю тѣмъ изъ

---

[1]) Ibid, стр. 228 и 250 Въ одной грамотѣ 1190-го года, отпечатанной Gachard, мы читаемъ, что поступившіе къ церкви Божіей Матери въ Турнэ крестьяне графа Фландрскаго in quolibet contractu 6 den. (solvunt) et in morte 12 den.

[2]) Si servus Cortracum mansurus advenerit et 40 dies ibidem sine aliqua reclamatione manserit non licebit alicui super eum de cetero reclamare sed liber manebit in oppido et oppidanorum plena libertate gaudebit.

крестьянъ, которые уйдутъ отъ нихъ безъ спроса и такимъ-же образомъ изберутъ себѣ новое мѣстожительство. Такъ, въ грамотѣ 1222 года, которой Арнульфъ де Ландастъ отпускаетъ крѣпостныхъ своего имѣнія (Эйнсъ), расположеннаго въ окрестностяхъ Уденардъ, значится. вздумаютъ они удалиться изъ помѣстья, то станутъ снова моими, какъ прежде [1]).

Обыкновенно переселеніе допускается въ интересахъ и по иниціативѣ верховныхъ правителей страны, озабоченныхъ умноженіемъ числа жителей какъ въ старинныхъ, такъ и во вновь создаваемыхъ бургахъ Въ 1212 году, напримѣръ, Генрихъ I, герцогъ брабантскій, имѣя въ виду привлечь колонистовъ изъ Бреды, признаетъ за поселенцами этого помѣстья право свободнаго пребыванія какъ въ тѣхъ opida, которые основаны были его предками, такъ и въ тѣхъ, которые построены недавно имъ самимъ [2]). И во Фландріи можетъ быть констатировано то же стремленіе привлекать всякаго рода льготами поселенцевъ во вновь возникающія villae liberae или, что то же, francs lieux. На это указываетъ одна грамота 1228 года, въ которой кастелянъ Гента Гугонъ признаетъ за колонистами одной изъ такихъ villae liberae право на полученіе городскаго надѣла въ 100 шаговъ длины и 50 ширины подъ условіемъ ежегоднаго платежа двухъ фландрскихъ солидовъ и двухъ пѣтуховъ [3]).

Въ такихъ условіяхъ трудно было удержать въ помѣстьяхъ нужное число воздѣлывателей при сохраненіи прежней системы крѣпостныхъ отношеній. Собственный интересъ подсказывалъ помѣщикамъ выдачу условныхъ вольныхъ, которыми бы всѣ виды зависимости замѣнены были обязательнымъ пребываніемъ въ помѣстьи, подъ вотчинной властью помѣщика и съ платежомъ ценза, брачныхъ денегъ, лучшей штуки скота при наслѣдованіи родительскому достоянію или выговореннаго взамѣнъ числа динаріевъ; размѣръ самого ценза пониженъ на половину и рѣдко когда превышаетъ два динарія съ человѣка и съ bonnier земли. Почти всѣ вольныя, приводимыя Гашаромъ, говорятъ о переводѣ крестьянъ въ положеніе такихъ свободныхъ обывателей, платящихъ ничтожный цензъ, личный, а иногда и имущественный, да еще случайные сборы при бракахъ и наслѣдованіяхъ (licentia

---

1) Ita quod si discedant a villa, mei remaneant sicut prius (Lemire, т I, стр. 321).

2) Si homines sui ad opida nostra ab antiquo aedificata causa manendi transire voluerint,.... vel in opida quae de novo feceramus intraverint ad manendum si voluerint ibi semper maneant (Ibid , т. I, стр. 409).

3) Ibid , стр 417

maritandi et in morte sua); въ послѣднемъ случаѣ рѣчь идетъ о такъ называемой curvada или melius catellum: мужчина платитъ штуку скота, женщина—одежду (vestimentum)

Эти частныя вольныя, образцы которыхъ мы находимъ уже во второй половинѣ XII вѣка, смѣняются въ XIII общими освободительными грамотами, выдаваемыми крестьянамъ одного или нѣсколькихъ помѣстій, нерѣдко также всѣмъ лицамъ несвободнаго состоянія, занимающимъ казенныя земли [1]).

Вотерсъ признаетъ древнѣйшей изъ такихъ общихъ вольныхъ—выданную въ 1173 году Вальтеромъ де Мортайнь, епископомъ лаонскимъ; она связана съ переходомъ его бывшихъ крѣпостныхъ въ зависимость каѳедральнаго собора въ Турнэ. Въ числѣ грамотъ, поведшихъ къ массовому освобожденію казенныхъ крестьянъ, надо отмѣтить прежде всего ту, которой въ 1227 году графъ Гвельдера Герардъ призналъ за помѣстнымъ населеніемъ Велювель право свободнаго наслѣдованія. Исключеніе сдѣлано только для незаконныхъ дѣтей, иностранцевъ и фризовъ. Далѣе въ 1232 году мы встрѣчаемся съ актомъ отпущенія на волю всѣхъ крестьянъ, живущихъ въ предѣлахъ брюгскаго кастелянства. Эта мѣра, иниціатива которой принадлежитъ фландрской графинѣ Жаннѣ, заключаетъ въ себѣ между прочимъ и отмѣну посмертнаго сбора (beste hoofd, согласно мѣстному прозвищу) Въ 1252 году мать Гви де Дампьеръ, фландрская графиня Маргарита распространяетъ преимущество свободнаго состоянія на всѣхъ крестьянъ своихъ фландрскихъ помѣстій, но съ нѣкоторыми ограниченіями. Взамѣнъ прежняго права наслѣдованія—половинѣ оставленной покойнымъ движимости, она выговариваетъ себѣ право получать лучшую штуку скота или лучшее украшеніе. Выдачѣ не подлежали, однако, ни рабочій волъ, ни кровать, другими словами—необходимѣйшіе предметы хозяйственнаго инвентаря За крестьянами удержано обязательство нести поголовный сборъ въ размѣрѣ 3 динаріевъ съ мужчины и одного съ женщины. На земляхъ церковныхъ обителей обычай требовать «курмедъ» держится всего долѣе, такъ, напримѣръ, на земляхъ аббатства Св. Петра въ Гентѣ; мы встрѣчаемъ его, впрочемъ, и въ нѣкоторыхъ казенныхъ имѣніяхъ, гдѣ онъ отмѣненъ всего на всего въ 1275 году сыномъ Гви де Дампьеръ, Робертомъ.

---

[1]) См Lemire, т I, стр 288, 291, 297, 315, 321, 449; Гашаръ, Documents concernant l'histoire de la servitude en Belgique, грам. № 1. 2, 3, 4. 5, 6, 7, 8, 9, 10, Cartulaire de St. Lambert de Liège, стр 195.—См. также Ancien droit belgique, par Eugéne Defacqz, т. I, стр. 253, и Wauters, Les libertés communales, стр 755

Еще раньше фландрскихъ графовъ, брабантскіе вступили открыто на путь эманципаціи. 22 января 1248 года Генрихъ II брабантскій, купно съ совѣтомъ свѣтскихъ и духовныхъ вассаловъ и съ согласія своего сына и наслѣдника, Генриха III, отмѣняетъ mainmorte на протяженіи всѣхъ своихъ доменовъ, допуская тѣмъ самымъ свободу наслѣдованія и свободу передвиженія; право завѣщанія признано даже за незаконными дѣтьми Графъ отказывается въ то же время и отъ полученія лучшей штуки скота съ наслѣдства.

Въ—Гено, несмотря на частныя мѣры, принятыя къ отмѣнѣ земельной крѣпости графиней Маргаритой въ 1245 г. по отношенію къ крестьянамъ тѣхъ помѣстій, которыя состояли подъ ея спеціальной защитой или avouerie, подчиняясь, другими словами, ея уголовной юстиціи, mainmorte продолжаетъ держаться въ теченіе всего XIII столѣтія; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дозволено откупаться отъ нея ежегоднымъ платежемъ двухъ динаріевъ поголовнаго сбора, шести динаріевъ при заключеніи брака и двѣнадцати при наслѣдованіи. Къ выкупу допускаются, впрочемъ, обыкновенно лишь тѣ, кто владѣетъ землею въ теченіе 21 года и дня [1]).

Не всегда, однако, вольная выдавалась чиншикомъ по собственной иниціативѣ. Нерѣдко онъ видѣлъ себя вынужденнымъ къ этому поведеніемъ крестьянства, прибѣгавшаго къ союзамъ и заговорамъ съ цѣлью добиться свободы. На это намекаетъ, въ частности, слѣдующее распоряженіе, изданное въ 1231 году императоромъ Генрихомъ, по настоянію, какъ значится въ этомъ распоряженіи, епископа льежскаго. Императоръ запрещаетъ всякаго рода communiones opidum, другими словами, союзы городовъ, constitutiones, colligationes, confederationes vel conjurationes,—все это различныя наименованія, обозначающія одинъ и тотъ же фактъ свободнаго соглашенія съ цѣлью добиться вольностей и самоуправленія [2]).

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ многообразныхъ причинъ, которыя всѣ въ большей или меньшей степени вызваны ростомъ народонаселенія, промышленности и торговли, три графства, входящія въ составъ современной Бельгіи, Фландрія, Гено и Брабантъ, уже въ XIII вѣкѣ отрѣшаются отъ строя несвободнаго труда и начала земельной крѣпости.

---

1) Wauters, стр 735 и 736.

2) См Cartulaire de l'église de St Lambert de Liège, стр. 276

§ 4.

Къ числу областей, въ которыхъ крѣпостное право исчезло всего ранѣе, и подъ вліяніемъ скорѣе экономическихъ причинъ, чѣмъ сознательной правительственной дѣятельности, надо отнести и область старинаго поселенія вестоготовъ въ аквитанской Галліи. Хартуларій аббатства Сенъ Серненъ въ Тулузѣ, заодно съ ранѣе изданными сборниками грамотъ, извѣстныхъ уже историку Лангедока Домъ Весету, укрѣпляютъ насъ въ увѣренности, что, несмотря на признаніе тулузскимъ кутюмомъ двоякаго рода сервовъ: такихъ, которые платятъ одинъ личный цензъ, и такихъ, которые несутъ одновременно и цензъ имущественный (homo de corpore et casalagio, homo de corpore sine casalagio),—несмотря даже на упоминаніе частными грамотами о homines proprii [1]),—барщинное хозяйство, если не крѣпостное право, было чуждо тулузской области еще въ XII вѣкѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, ни въ одной изъ 800 приблизительно грамотъ, которыя входятъ въ составъ хартуларія аббатства Сенъ Серненъ и обнимаютъ собою періодъ времени отъ 844 по 1200 годъ, я ни разу не нашелъ упоминанія объ еженедѣльныхъ службахъ крестьянъ, хотя въ тоже время въ нихъ и заходитъ рѣчь, какъ о людяхъ несвободныхъ не по одному рожденію, но и въ силу добровольной передачи себя въ неволю [2]).

Помѣстное населеніе Лангедока составлено изъ свободныхъ и несвободныхъ,—homines liberi et franci [3]),—изъ которыхъ многіе сдѣлались таковыми въ силу отпущенія ихъ на волю,—и лицъ, рожденныхъ въ неволѣ или передавшихся въ нее [4]); это туземцы и поселенцы [5]), изъ которыхъ одни называются homines naturales, а другіе homines acasalads—отъ слова casa, домъ, разумѣется, въ смыслѣ усадьбы, получаемой въ предѣлахъ помѣстья (in ipsa terra). Помѣстье содержитъ въ себѣ оброчныхъ крестьянъ, прекаристовъ, эмфитевтическихъ владѣльцевъ въ лицѣ половниковъ, платящихъ сверхъ десятины такъ называемую tascha; но ни объ одномъ изъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ классовъ нельзя сказать, что бы они

---

[1]) Cartulaire de Saint Sernin de Toulouse, № 297, 1157 г. Recognoverunt se esse homines proprios Ugonis abbatis et successorum eius atque totius conventus ad voluntatem ipsius abbatis et successorum eius.

[2]) Въ грамотѣ № 394 идетъ, напримѣръ, рѣчь о нѣкоемъ Гримардусъ, qui sua propria voluntate fecit se hominem domni Ugonis abbatis въ 1160 году.

[3]) Приложеніе № 12.

[4]) Грам. № 63, февр. 1176 г.

[5]) Грам. № 58 и 171.

являлись даровыми рабочими земельнаго собственника Даже тотъ, кто принимаетъ на себя расчистку лѣса, пустоши и поднятіе нови [1]), несетъ самое большее tascha и десятину, принимая на себя въ тоже время такія обязательства какъ, напримѣръ,—не вывозить произведимаго хлѣба изъ предѣловъ помѣстья [2]).

Не видно, чтобы крѣпостные обложены были особымъ поголовнымъ цензомъ,котораго не платили бы свободные О recaptatio говорится, какъ о платежѣ, производимомъ всякаго рода земельными съемщиками [3]). При передачѣ себя съ имѣніемъ въ руки обители, отдѣльныя лица соглашаются только на слѣдующіе поборы· tascha и обычные цензы [4]). О поголовномъ сборѣ и барщинныхъ службахъ—ни слова, за то попадается выраженіе oblia, очевидно—отъ oblatio; этотъ платежъ производятъ всякаго рода съемщики, въ томъ числѣ и свободные, обыкновенно—въ праздникъ Божьей Матери, въ сентябрѣ [5]). Попадающееся изрѣдка servicium означаетъ не натуральныя службы, а оброкъ, почему каждый разъ сопровождается указаніемъ на извѣстную сумму денегъ, напримѣръ, 4 солида, платимыхъ завѣдующему хозяйственной частью целлерарію всякаго рода съемщиками [6]). Доходы монастыря состоятъ главнымъ образомъ въ натуральныхъ рентахъ, монополіяхъ и поборахъ, нотаріальныхъ и судебныхъ. Чтобы сдѣлать возможнымъ вычетъ церковной десятины независимо отъ выговоренной части продуктовъ, всѣ, кто держатъ землю и въ частности виноградники отъ аббата, лишены права приступать къ сбору урожаевъ иначе, какъ послѣ предварительнаго увѣдомленія о томъ целлерарія, которому порученъ сборъ десятины [7]). При продажахъ и закладахъ монастырскіе съемщики платятъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: динарій съ солида въ первомъ случаѣ и полъ-динарія во второмъ; вотчинный судъ получаетъ 4 динарія, если съемщикъ своей неисправностью поставить монастырскую администрацію въ необходимость привлечь его къ отвѣту [8]). Только въ одной грамотѣ неизвѣстнаго года, но принад-

---

[1]) Объ экзартахъ заходитъ рѣчь въ грамотахъ № 25, 32

[2]) Грам. № 42, 1145 г Et feuatarius non debet trahere blatum de isto feuo nisi consilio domini

[3]) См. грам. 1163 г, которой монастырь самъ принимаетъ обязательство нести два солида recaptatio за снятый имъ Mont Mazalger

[4]) № 63, февр 1176 г

[5]) Грам. № 76, 1156 г

[6]) См. грам № 82, 1144 г.

[7]) Грам № 92, 1149 г

[8]) См. грам. №№ 78 и 82

лежащей, по мнѣнію ея издателя, къ XI столѣтію (приблизительно 1080 году) [1]), попадается слово, наводящее на мысль о существованіи въ прежнее время и отправляющихъ барщину крестьянъ. Собирающійся въ Іерусалимъ грѣшникъ признаетъ, что дѣдъ его и отецъ были ebdomadarii аббатства, прежде чѣмъ сдѣлаться деканами, т. е. десятниками и старостами, prepositi. Все, чѣмъ данное лицо владѣло, считалось простымъ держаніемъ отъ монастыря per ebdomada. Трудно поэтому не признать въ этихъ ebdomadarii обложенныхъ недѣльной барщиной крестьянъ. Подобно прочимъ министеріаламъ, десятники и сотники, взятые изъ ихъ среды, получали свободу отъ сельскохозяйственныхъ работъ, не мѣшавшую сохраненію за ихъ участками прежняго характера зависимаго или несвободнаго владѣнія [2]). Но по мѣрѣ исчезновенія барщины, крестьянскій оброкъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ характеръ вычета части продуктовъ, обыкновенно—четвертой съ пахатей, половины съ виноградниковъ и фруктовыхъ деревьевъ, въ томъ числѣ, орѣховъ [3]). Съ этихъ поръ память о прежнемъ крѣпостномъ состояніи продолжаетъ жить въ одномъ лишь требованіи натуральныхъ приношеній курами, хлѣбами, поросятами, виномъ, иногда переводимомъ на деньги, да еще въ обязательствѣ содержать помѣщика съ большей или меньшей свитой, напримѣръ, тремя или шестью людьми во время его разъѣздовъ [4]).

Recaptatio или acaptatio, т. е. поголовный цензъ и переведенный на деньги servitium продолжаютъ тѣмъ не менѣе считаться въ XI столѣтіи печатью несвободнаго состоянія, какъ это видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ выраженій: acaptatio de terris rusticorum; est suus homo per manus et faciat acaptationem et servitium [5]). Одновременно съ замѣною барщинныхъ отношеній оброчными, развивается система арендованія земель на самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Неутилизированная еще площадь поступаетъ въ руки корчевщиковъ по взаимному согласію помѣщика и тѣхъ, кто за одно съ нимъ пользуется общими имъ сервитутами, напримѣръ, лѣсомъ для топлива и построекъ,—отнюдь, однако, не для продажи,—и выпасомъ для собственныхъ свиней (in boscis bastimentum ad suos homines et ligna ad focum, non ad vendendum et pascaria ad suos porcos et suorum) [6]). Обязанность предварительнаго уговора при

[1]) См стр. CLX

[2]) Грам. № 133.

[3]) См грам. XI стол., № 233 и 235. Et debet quartum de laborato et medietatem de nuces et de vineas.

[4]) Ibid

[5]) См. № 335.

[6]) Грам. № 335.

сдачѣ нови между помѣщикомъ и всѣми, кто пользуется угодьями за одно съ нимъ, выражена иногда формально,—напримѣръ, въ грамотѣ 1128 года: ею признано, что мѣстные жители, habitatores loci, не могутъ приступить къ корчевкѣ лѣса иначе, какъ съ совѣта, cum consilio, а слѣдовательно, и согласія того, кто снимаетъ землю на правахъ монастырскаго ленника и поэтому заступаетъ обитель въ осуществленіи ея владѣльческихъ правъ [1]). Со всѣхъ корчевокъ поступаетъ натуральная рента, представляющая собою также выговоренную часть продуктовъ — четвертую, пятую; въ отличіе отъ ренты съ воздѣлываемыхъ полей, она извѣстна подъ стариннымъ римскимъ наименованіемъ agrerium или agrarium [2]).

Мы можемъ привести даже образецъ такихъ сдачъ изъ подъ выстройки, показывающій, что такъ называемый bail à complant употреблялся въ тулузской области еще въ первой половинѣ XII столѣтія. Въ 1135 году клерикъ Понцій Моренъ сдаетъ землю ad faciendam vineam. Выговорена половина урожаевъ, medietas vindemie и десятина съ одного изъ двухъ сданныхъ участковъ; съ другого участка выговорена только четвертая часть и десятина; это различіе объясняется вѣроятно, тѣмъ, что въ первомъ случаѣ уже послѣдовало насажденіе лозы, а во второмъ нѣтъ [3]). Доставка причитающейся помѣщику части урожая, обыкновенно падаетъ на съемщика [4]).

Съ тѣхъ поръ, какъ крѣпостное хозяйство стало уступать оброчному, развился и фискальный характеръ помѣстной администраціи. Настаивая на признаніи своихъ производительныхъ монополій, монополій помола и хлѣбопеченія, помѣщикъ облагалъ поборами и болѣе или менѣе обособившихся, сложившихся въ самостоятельную корпорацію мясниковъ, macelarii [5]), а также всякаго рода продавцовъ на рынкѣ и внѣ рынка, обложенныхъ такъ называемой ledda [6]).

---

[1]) Et si voluerint ex eo (bosco) aliquid rumpere habitatores loci illius faciant cum consilio Poncii Berengarii, послѣдній, какъ видно изъ той же грамоты, tenet honor de abbate Raimundo (№ 260)

[2]) См., напр., грам. № 307.

[3]) Грам № 437.

[4]) Ibid., № 437 и въ дополненіи № 57

[5]) Въ грамотѣ 1142 г., № 66, говорится объ обязательствѣ мясниковъ бурга Св Сатурнина нести solitum usum et servitium, сколько бы ихъ ни было, мало или много (sive pauci fuerint, sive multi), они должны въ день церковнаго патрона или наканунѣ уплатить целерарію аббатства три тулузскихъ солида; принесшій эти деньги получаетъ денное пропитаніе отъ монастыря.

[6]) Omnes alii ubicumque compararent vel venderent, sive in mercat vel foris mercato, donarent leddam, sicut Goti et alii homines (№ 135, 1004—1010 г.)

Общее заключеніе, которое можетъ быть выведено изъ этого бѣглаго очерка экономической судьбы крестьянства въ предѣлахъ тулузскаго округа, состоитъ въ слѣдующемъ: самопроизвольныя причины, вызвавшія постепенное паденіе крѣпостничества и барщины въ другихъ провинціяхъ Франціи, сказались въ тулузскомъ округѣ вѣками ранѣе, что и заставило здѣсь самихъ помѣщиковъ предпочесть экстензивному и дорого оплачиваемому, если не жалованіемъ, то землею, помѣстному хозяйству—систему свободнаго найма участковъ половникамъ и оброчнымъ.

ГЛАВА XXI.

Землевладѣніе и помѣстное хозяйство въ Нормандіи.

Мы выдѣляемъ въ особую главу очеркъ экономической исторіи норманскаго помѣстья отчасти въ виду того, что работа Леопольда Делиля, въ сопровожденіи изданныхъ цѣлаго ряда въ новѣйшее время полиптиковъ и хартуларіевъ, даютъ возможность проникнуть во всѣ частности подымаемаго нами вопроса,—отчасти же въ виду того исключительнаго положенія, какое въ общей картинѣ средневѣковаго хозяйства занимаетъ эта французская провинція, завоеванная сѣверными выходцами и, въ свою очередь, сдѣлавшаяся колыбелью новыхъ соціальныхъ и политическихъ порядковъ въ подчиненной Вильгельмомъ Завоевателемъ Англіи. Характеристика норманскихъ сельскохозяйственныхъ отношеній поможетъ намъ разобраться въ тѣхъ все еще спорныхъ вопросахъ, которые вызываются строемъ англійскаго помѣстья въ столѣтія, слѣдующія за паденіемъ саксонскаго королевства.

По свидѣтельству Дудона изъ Сенъ-Кантена [1]), Роллонъ, вслѣдъ за военнымъ занятіемъ Нормандіи, приступилъ къ надѣленію землею своихъ товарищей. Спрашивается, видѣть ли въ словахъ Дудона указаніе на обезземеленье всего туземнаго населенія? Вмѣстѣ съ Делилемъ, я склоненъ думать, что нѣтъ; прямое основаніе для этого я вижу въ текстѣ одной грамоты, неизвѣстной Делилю и отпечатанной впервые въ сборникѣ документовъ, принадлежащихъ аббатству Лувье. Въ силу этой грамоты аббатство Св. Таурина получило въ даръ отъ Рихарда, сына Вильгельма норманскаго, въ серединѣ X в.

---

[1]) Свидѣтельство это приводится Delisle въ его Etude sur l'agriculture et les classes agricoles en Normandie, стр. 29

земли и владѣнія въ Эвре, входившія дотолѣ въ составъ герцогскихъ доменовъ, de dominico, какъ выражается цитируемая нами грамота. Объ этихъ земляхъ говорится, какъ о населенныхъ «hospites» и «vavassores». [1]) Изъ этихъ двухъ классовъ лицъ, только «vavassores» являются новымъ элементомъ въ составѣ сельскаго населенія. «Hospites», какъ показываетъ и самое ихъ названіе, встрѣчающееся уже во французскихъ грамотахъ и полиптикахъ IX-го вѣка [2]), осѣли еще задолго до нашествія Роллона. Норманскія грамоты XI-го столѣтія, на-ряду съ частымъ упоминаніемъ о hospites [3]), содержатъ въ себѣ и другія, даже болѣе раннія указанія на удержаніе завоевателемъ франкскихъ порядковъ землевладѣнія. Слова alodium [4]) и sala [5]) попадаются въ нихъ нерѣдко; обоимъ терминамъ придается постоянно то же значеніе, какое они имѣютъ въ знаменитомъ полиптикѣ аббата Ирминона,- памятникѣ, какъ мы знаемъ, начала IX вѣка; другими словами, подъ алодомъ норманскія грамоты разумѣютъ полную и наслѣдственную собственность, а подъ sala — землю въ завѣдываніи помѣщика. Ко всему сказанному прибавимъ еще прямое упоминаніе грамотами XI-го и XII-го в. о земляхъ, занятыхъ франками, т. е. покореннымъ норманами населеніемъ [6])—и у читателя едва ли останется сомнѣніе въ томъ,

---

[1]) Cartulaire de Louviers, publié par Bonnier, т I, стр 1, а 943—996. Ricardus filius Willelmi dux Normanniae, qui abbatiam in honore S. Taurini Ebroicensis instituit, hec que subscribuntur de dominico suo ipsi sancto donavit, scilicet .. et hospites in eadem villa cum libertate terram apud Molas, unde plurimorum vavassorum servitium, redditur.

[2]) См, напр, Guérard, Cartulaire de l'abbaye de St. Père des Chartres, Polyptique de l'abbé Irminon.

[3]) См., напр, грам 1027 г., Cart. de Louviers, стр 3

[4]) Древнѣйшее упоминаніе объ алодѣ я нахожу въ приводимой Делилемъ грамотѣ 1010-го года, въ которой говорится о пожалованіи монастырю нѣкимъ Мэнаръ quinque mansuras alodi Другіе примѣры приведены Делилемъ на 42 стр прим. Къ этимъ примѣрамъ я могу прибавить еще слѣдующіе: a 1066 Et Willelmus filius Osborni dedit pro anima sua prenominate ecclesie quadraginta acres terre in Cambis concedente Odone, cuius fuit alodium (Latin, 5650, Cart. de Caen, f 12. Тамъ же другой примѣръ на fol. 30, C. de l'abb. de S-te Trinité du Mont de Rouen, грам. № 22, 27 того же времени).

[5]) Вильгельмъ Завоеватель, укрѣпляя въ 1080 г за монастыремъ прежнія его владѣнія, между прочимъ, упоминаетъ о слѣдующемъ пожалованіи: Rogerius quoque de monasterii pro matre sua ibidem deo sacrata dedit salam cum cunctis appenditiis suis et dimidiam silvam de monte alboldi atque monasterium de Vals cum decima et terram unius carruce in eadem villa (Chartrier de l'abbaye de S-te Trinité de Caen, B. N. ms., latin, 5650, fol 3).

[6]) In Ingulfi villa quinque francorum hominum terram (dedit) (Cart de Caen,

что завоеваніе французской провинціи не повело къ наслѣдственному обезземеленію туземцевъ. Въ сферѣ имущественныхъ отношеній, оно вызвало во Франціи тѣ самыя послѣдствія, что столѣтіе спустя въ Англіи: побѣдители оставили землю въ рукахъ ея фактическихъ воздѣлывателей; измѣненія коснулись однихъ высшихъ слоевъ сельскаго населенія. Многіе крупные собственники, въ числѣ которыхъ монастыри, сдѣлались жертвою конфискаціи; другіе удержали свои земли, подъ условіемъ владѣть ими впредь на зависимомъ правѣ отъ норманскаго герцога. Наконецъ, доманіальныя владѣнія карловингскихъ правителей перешли по наслѣдству къ правителямъ Нормандіи, составили ихъ dominicum и образовали постоянный фондъ для новыхъ земельныхъ пожалованій. На этихъ то доманіальныхъ земляхъ, часть которыхъ оставалась пустопорожней, равно какъ и на запустѣлыхъ участкахъ помѣстій и произведены были, по всей вѣроятности, тѣ новыя земельныя нарѣзки, о которыхъ упоминаетъ Дудонъ. Его свидѣтельство на этотъ счетъ заслуживаетъ тѣмъ больше довѣрія, что описываемый имъ порядокъ производства нарѣзокъ тотъ самый, котораго придерживались издревле скандинавскія народности и который описанъ въ частности въ древнѣйшихъ юридическихъ памятникахъ этихъ народовъ, а именно—въ законахъ Сканіи, Зеланда и Ютланда XIII в. Единицей земельнаго измѣренія, принимаемой при производствѣ нарѣзокъ, является въ этихъ сводахъ такъ называемый «reb-ning»—отъ слово reb, синонимъ cordeau [1]). Сколько земли предоставляемо было въ отдѣльности каждой семьѣ, объ этомъ мы узнаемъ косвенно изъ того факта, что единицей надѣла въ норманскихъ грамотахъ XI и слѣдующихъ столѣтій служитъ однообразно «carruca» т е. такая площадь, какую можно поднять тяжелымъ плугомъ съ многоголовой упряжью [2]); въ разныхъ мѣстностяхъ площадь эта

---

latin, № 5650, fol. 30) Что подъ этими franci homines разумѣются именно франки, а не просто свободные, видно изъ того, что та же грамота, говоря о послѣднихъ, употребляетъ выраженіе liberi. In felgeroles duorum liberorum hominum terram (dedit). Въ томъ же хартуларіи въ актѣ 1080-го года говорится о terra duorum francorum hominum (fol 3)—Въ одной дарственной записи середины XII вѣка говорится также о terra quam de bosce extraxerat francus de Warel (Chartier de Mortemer (fin XII s), B. N, lat., 18369, f. 78).

[1]) См Anciennes lois du Danemark article de R. Dareste dans le Journal des savants, 1881 г., стр. 112.

[2]) Terra unius carruce (Cart. de Caen, fol 10, a. 1066, fol 3, a. 1088; C. de la Trinité de Rouen, № 27, вторая половина XI в; Chart. S. Ebrulfi, fol 15, B. N. latin, 11055, a 1050), carruca terre (C. de Trinité de Rouen, № 88), carrucata terre (Liber B. Marie de Trappa, XIII s, B. N., latin, 11060, a 1136), выра-

признается тѣми же грамотами равной 60 акрамъ [1]),—при чемъ не нужно забывать, что норманскій акръ, какъ это видно изъ словъ одного документа второй половины XI-го столѣтія, есть не иное что, какъ jugerum, нѣмецкій «Ioch» [2]), или участокъ, который можетъ быть вспаханъ въ одинъ день парою быковъ

Рядомъ съ участками, величиною въ одну каррукy, нерѣдко обозначаемыми описательно словами terra ad excolendum cum octo bobus [3]), грамоты XI вѣка упоминаютъ и объ участкахъ меньшаго размѣра, прибѣгая къ слѣдующаго рода описанію:—terra ad quatuor boves, или tantum terre quantum possunt arare IV boves in anno, terra ad duos boves, terra ad unum bovem, bovata terra [4]) Происхожденіе такихъ участковъ легко объясняется позднѣйшими раздѣлами Обычное право Нормандіи,—какъ это видно изъ «Très anc en coutumier», частной законодательной компиляціи конца XII-го вѣка,—дозволяло такіе раздѣлы по отношенію ко всѣмъ видамъ земельныхъ держаній, за исключеніемъ рыцарскихъ [5]). Поэтому неудивительно, что съ каждымъ новымъ поколѣніемъ число полныхъ надѣловъ или каррукатъ должно было уменьшаться, и мѣсто ихъ стали занимать земли, обозначаемыя или небольшимъ числомъ акровъ,—рѣдко когда тридцатью, всего же чаще десятью и менѣе,—или числомъ необходимыхъ для обработки ихъ быковъ.

То обстоятельство, что пространство меньшей величины, чѣмъ каррука, признается землею четырехъ быковъ, приводитъ насъ къ

женія, которыя одинаково обозначаютъ собою "плугъ земли", другими словами, количество земли, воздѣлываемое однимъ тяжелымъ плугомъ.

[1]) Въ Нормандіи XI-го и XII-го вѣка, говоритъ Делиль, подъ каррукой разумѣли участокъ величиною въ 60 акровъ Это положеніе Делиль подтверждаетъ рядомъ выписокъ изъ актовъ XI и XII-го столѣтій, относящихся къ разнымъ мѣстностямъ провинціи Древнѣйшій изъ нихъ восходитъ къ 1090 году (См. стр 299)

[2]) Въ одной дарственной грамотѣ второй половины XI в „Wilhelmi, Consulis Normaniae", упоминаются sex jugeres terrae, quos acros dicimus (C. de l'abbaye de la S-te Trinité du Mont de Rouen, éd Deville, № 29) Ср Delisle, стр. 536

[3]) Cart de la Trinité-Rouen, № 46—C de Louviers, p. 61 (a. 1195) p 239 (a. 1210).

[4]) C de Louviers, a 1210, p. 239.

[5]) Nec feodum lorice, nec serjanteria, que ad dominum ducis pertinet, nec baronia partientur Vavassoria et laicum tenementum (во французскомъ текстѣ „li vilain tenement") et burgencia juxta consuetudinem patrie partientur (Tardif, Les coutumiers de Normandie, т I, Le très ancien coutumier, pars prima (редакція которой относится Тардифомъ къ 1199—1200 г.), cap. VIII).

заключенію, что carruca была участкомъ, воздѣлываемымъ плугомъ, въ который впрягалось бо́льшее число быковъ. Къ тому же заключенію приводитъ и территоріальный размѣръ карруки. Шестьдесятъ акровъ— участокъ самъ по себѣ довольно значительный.

При трехпольной системѣ хозяйничанія, наиболѣе распространенной въ это время въ Нормандіи [1]), изъ шестидесяти акровъ входившихъ въ составъ каррукаты, сорокъ должны были подвергаться ежегодно фактической обработкѣ. двадцать осенью и двадцать весною. Если принять далѣе во вниманіе, что норманскій акръ равнялся поденному участку, югеру, то мы послѣдовательно прійдемъ къ выводу, что обработка сорока югеровъ однимъ плугомъ была возможна лишь подъ условіемъ впряженія въ послѣдній значительнаго числа рабочихъ животныхъ. Норманскіе рентали XIII-го вѣка даютъ намъ примѣры обработки полей плугами въ шесть и восемь силъ, при чемъ плугъ тянутъ въ равномъ числѣ быки и лошади [2]) Нерѣдки, впрочемъ, и плуги меньшаго размѣра съ впрягою двухъ быковъ и такого же числа лошадей, но эти плуги не называются карруками, а имѣютъ особое наименованіе aratra,—терминъ, отъ котораго и воздѣлываемая плугомъ земля получаетъ названіе terra unius aratri.

Тогда какъ въ пожалованныхъ въ Англіи помѣстьяхъ монахи канскаго аббатства Св. Троицы вводятъ въ употребленіе тяжелый плугъ съ восьми-головой упряжью [3]), плуги съ четырьмя животными постепенно прививаются въ Нормандіи, по мѣрѣ дробленія семейныхъ надѣловъ и возрастающей, благодаря этому, неспособности крестьянскихъ хозяйствъ содержать число головъ, требуемое для карруки. Это не значитъ, однако, чтобы съ послѣдней не было связано и въ это время представленія о какой-то неизмѣнной величинѣ, одинаково опредѣляющей собою и размѣръ участка, и число нужныхъ для обработки его воловъ или лошадей. Стоитъ только повнимательнѣе вчитаться въ то, что говорятъ объ этой мѣрѣ памятники XI в., чтобы вынести то впечатлѣніе, что carruca, въ отличіе отъ aratrum, все еще обозначаетъ собою плугъ съ неизмѣннымъ числомъ впрягаемыхъ въ него головъ, плугъ,—съ помощью котораго сорокъ акровъ ежегодно могутъ подвергнуться фактической обработкѣ. Вотъ, что говоритъ, напр., о ней хроника аббатства Мортемеръ, составленная въ концѣ

---

[1]) Delisle, стр 300
[2]) Ibid, стр 302.
[3]) Delisle, стр. 302

XII-го вѣка. Передавая въ сжатомъ очеркѣ и въ хронологическомъ порядкѣ все, что сдѣлано было отдѣльными аббатами на благо монастыря, составитель хроники однообразно употребляетъ слѣдующія выраженія: куплено имъ было земли для столькихъ то каррукъ и столько то каррукъ прибавлено къ наличному составу — вольный переводъ слѣдующаго предложенія. — terram ad (tantas) carrucas comparavit et ibi carrucas fratribus instauravit [1]).

При обязательности мірскихъ помочей въ пользу сеньера во время оранки и невозможности для крестьянъ, владѣющихъ половинными надѣлами (dimidii villani [2]) поставлять весь требуемый для карруки скотъ, остается на выборъ: или воздѣлывать землю наличнымъ числомъ головъ съ помощью болѣе легкаго плуга (aratrum), или обратиться къ сосѣдской подмогѣ и, присоединяя чужой скотъ къ своему, снаряжать по одной каррукѣ отъ двухъ или болѣе крестьянскихъ хозяйствъ; въ этой послѣдней комбинаціи каждый дворъ работаетъ въ большей или меньшей мѣрѣ, ставитъ то или другое количество головъ, смотря по величинѣ принадлежащаго ему надѣла, кто ставитъ четыре быка, кто — два, а кто и одного [3]).

Прежде чѣмъ покончить съ каррукатой, какъ нормальнымъ размѣромъ крестьянскаго надѣла, мнѣ необходимо еще обратить вниманіе читателя на тотъ фактъ, что въ дарственныхъ и купчихъ XI и XII столѣтій границы отдѣльныхъ каррукатъ нигдѣ не указаны, даруется, положимъ, такая то «вилла» съ такимъ то числомъ каррукъ, и въ текстѣ грамоты однообразно стоятъ слова: «terra ad (tantas) carrucas», и болѣе ни слова. Это обстоятельство далеко не случайное; оно указываетъ на то, что карруката была скорѣе абстрактной, нежели конкретной величиной. Этого мало: вчитываясь въ содержаніе древнѣйшихъ норманскихъ кутюмовъ или частныхъ сборниковъ юридическихъ обычаевъ, встрѣчая въ нихъ постановленія о правѣ свободнаго выпаса скота на нивахъ послѣ жатвы [4]), находя въ тѣхъ

---

[1]) Chartularium de Mortamer (конца XII в.), Bibl. Nat., f. latin, 18369, стр. 2, 12 и др.

[2]) Ibid, стр 15.

[3]) Ibid, стр. 300.

[4]) Terres sont en aucun temps en deffens et en autres sont communes. Toutes terres cultivees sont en deffens de quoy bestes pevent legierement tollir les fruitz. Vuides terres sont en deffens depuis la my mars jusques à la Sainte Croix en septembre. En autres temps elles sont communes se elles ne sont closes ou defendues d'ancienneté, si comme de hayes ou telles choses (Le grand coutumier de Normandie, XIII s., cap. VIII)

же источникахъ косвенныя указанія на легкость, съ какой можетъ быть запахано чужое поле, и необходимость въ этомъ случаѣ не прерывать оранку, а только вознаграждать собственника сверхъ штрафа даровой уступкой ему, вмѣстѣ съ полемъ, и затраченнаго на него труда и сѣмянъ [1]), нельзя не придти къ заключенію и относительно отсутствія частныхъ загородей, и относительно существованія чрезполосицъ. Такимъ образомъ, надѣлы крестьянскихъ дворовъ, какъ общее правило, равны между собою, не имѣютъ опредѣленныхъ границъ, не окружены загородями и, повидимому, разсѣяны участками по разнымъ конамъ, дѣлая возможнымъ существованіе чрезполосицъ. Ко всѣмъ этимъ чертамъ прибавимъ еще слѣдующую. Говоря о послѣдствіяхъ, къ какимъ повела въ Нормандіи свобода раздѣловъ, Делиль указываетъ на примѣръ одной «вавассоріи», въ составъ которой входили 138 отдѣльно расположенныхъ другъ отъ друга участковъ, и которой владѣли 38 лицъ. Самыя эти цифры показываютъ, что численность полосъ, входившихъ въ составъ вавассоріи, объясняется не однимъ стремленіемъ къ индивидуализаціи, къ семейнымъ раздѣламъ. На каждый изъ выдѣлившихся дворовъ приходится среднимъ числомъ не по одному, а по четыре или по пяти участковъ. Чѣмъ объяснить такое явленіе, какъ не тѣмъ, что, при надѣленіи сподвижниковъ Роллона землями, лицамъ свободнаго состоянія, vavassores, предоставлены были равные надѣлы? Въ виду невозможности выдѣлить имъ сплошные участки въ общихъ поляхъ крестьянства, признано было цѣлесообразнымъ ограничиться обозначеніемъ лишь числа ихъ долей, сохранивъ за отдѣльными владѣльцами право получить эти доли въ разныхъ поляхъ или конахъ одного и того же помѣстья. При производствѣ сельскихъ работъ одновременно, при равномъ участіи въ нихъ всѣхъ крестьянскихъ дворовъ, поставляющихъ каждый одно и то же число рабочаго скота, представленная комбинація являлась вполнѣ возможной: когда всѣ земли помѣстья были вспаханы и засѣяны, каждый дворъ получалъ

---

[1]) Arator in aratione sua non disturbabitur, licet aliquis in alterius terra injuste laboret Si vero injuriose potens super impotentem terram suam coluerit, impotens justicie, ad quam terra pertinet conquiratur, et si arator de injuria convictus fuerit, ille ad quem terra pertinet, terram suam habebit aratam, vel etiam seminatam (utile igitur est araturam non disturbare) et arator per catalla sua emendationis incurrat periculum in curia domini fundi juxta morem patriae. Eodem modo, si impotens potentis terram araverit, aratrum non disturbabitur, sed sicut prediximus, per juratores de visineto ultimi augusti cognoscetur sasina (Très ancien coutumier, pars I, cap. XVI)

равный съ сосѣдями участокъ въ разныхъ поляхъ. Такимъ путемъ, наравнѣ съ матеріальнымъ равенствомъ долей, возникала разбросанность послѣднихъ, чрезполосица отдѣльныхъ владѣній и невозможность точнаго обозначенія ихъ границъ,—другими словами, всѣ тѣ черты, которыя отличаютъ норманское землевладѣніе не далѣе какъ въ XII и XIII столѣтіяхъ, эпохи замѣтнаго уже вымиранія предполагаемой нами системы.

Наша гипотеза покажется довольно правдоподобной, если принять во вниманіе, что на новой родинѣ норманы не отставали отъ своихъ исконныхъ порядковъ и что та преданность обычаю, которая выразилась въ производствѣ земельныхъ нарѣзокъ съ помощью cordeau или rebning, должна была проявиться и въ воспроизведеніи, насколько этому не препятствовали обстоятельства, вынесенной изъ родины хозяйственной и обусловленной ею земельной системы Послѣдняя представляетъ между тѣмъ поразительныя аналогіи съ тою, на существованіе которой въ Нормандіи указываютъ одновременно и отсутствіе загородей, и равенство надѣловъ, и наличность чрезполосицы. Судить объ этой системѣ на родинѣ норманов мы можемъ, правда, лишь по законодательнымъ памятникамъ XIII-го вѣка, древнѣйшей эпохи письменной записи обычнаго права, одинаково, въ Швеціи, Даніи и Норвегіи. Но самый фактъ совпаденія во многомъ земельныхъ порядковъ названныхъ трехъ странъ указываетъ на необходимость отнести ихъ происхожденіе къ незапамятной древности. Характерную черту этихъ порядковъ на протяженіи всего скандинавскаго міра составляетъ существованіе, на ряду съ частными землями, земель общинныхъ, носящихъ одинаковое въ Даніи и Норвегіи названіе almenning. Лѣса, болота, пустыри, другими словами—вся земля, никѣмъ не занятая и оставленная безъ обработки, признается almenning и считается въ Даніи XIII в. собственностью общинъ, а въ Норвегіи того же времени—собственностью всего народа и его представителя, короля, отъ котораго общины и частныя лица получаютъ эту землю лишь въ наслѣдственное пользованіе. Что касается частныхъ земель, то онѣ далеко не всѣ снабжены загородями: однѣ усадьбы, обыкновенно расположенныя на возвышенности, вмѣстѣ съ прилегающими къ каждой изъ нихъ садомъ и огородомъ, обнесены тыномъ или плетнемъ, составляя то, что датскіе источники обозначаютъ терминомъ «hunstoll»:—пахатная и луговая земля не защищена загородями. Каждый дворъ владѣетъ участкомъ въ любомъ изъ полей, или «kampi», число которыхъ въ отдѣльныхъ селеніяхъ весьма различно; равенство дворовыхъ на-

дѣловъ выражается поэтому не въ одномъ единствѣ ихъ территоріальнаго протяженія, но и въ одинаковомъ качествѣ входящаго въ составъ ихъ грунта (нечего говорить, что kampi одного и того же селенія замѣтно различаются другъ отъ друга по своему плодородію [1]).

Мы ничего не знаемъ, къ сожалѣнію, о порядкѣ обработки полей въ это время, но все предшествующее вполнѣ примиримо съ существованіемъ общей оранки, а тотъ фактъ, что въ датскихъ округахъ Англіи въ эпоху Думсдебука величина участковъ обозначается, какъ мы увидимъ это впослѣдствіи, исключительно числомъ каррукъ или тяжелыхъ плуговъ съ многоголовою упряжью [2]), наводитъ на мысль, что эти плуги, встрѣчаемые всюду, куда ни проникали скандинавскіе поселенцы,—и въ Нормандіи, и въ восточныхъ графствахъ Англіи,—были извѣстны имъ и на ихъ первоначальной родинѣ.

Мы показали выше, что завоеванія норманновъ во Франціи не сопровождались насильственнымъ обезземеленьемъ туземцевъ. Это обстоятельство не помѣшало, однако, постепенному распространенію и на послѣднихъ тѣхъ хозяйственныхъ и земельныхъ порядковъ, какіе норманы принесли съ собою въ покоренную ими страну. Дѣлаясь верховными собственникамъ помѣстій, нѣкогда принадлежавшихъ франкскимъ сеньерамъ, норманы находили въ этихъ помѣстьяхъ систему зависимаго землевладѣнія, довольно близкую къ ихъ собственной. Земли дѣлились, правда, не на карруки или плуги, а на «bunuaria» и «jornales». при чемъ послѣдніе были приблизительно въ четыре раза меньше, чѣмъ первые; бунуарій же представлялъ собою площадь въ 470 съ лишнимъ квадратныхъ пертикъ (perches) [3]).

Если не говорить объ этихъ различіяхъ, болѣе внѣшнихъ, нежели внутреннихъ, крестьянское землевладѣніе Нормандіи довольно близко подходитъ къ тому, какое описываютъ намъ древнѣйшіе юридическіе памятники скандинавскаго міра. Мы видѣли, что въ IX в.

---

[1]) R. Dareste, Les anciennes lois du Danemark (Journal des savants, 1881 г., стр 112 и слѣд.).—Его же Anciennes lois de la Norvège, 1881 г., стр. 248, и Anciennes lois de la Suède, 1880 г., стр. 565.

[2]) Терминъ hida не употребляется Думсдебукъ при обозначеніи земельныхъ участковъ Линкольншира или смежныхъ съ нимъ графствъ, мѣсто его занимаетъ „carruca“ (Ср. Seebohm, 2-е изд., стр. 84).

[3]) Размѣръ послѣдней колебался между двадцатью и тридцатью кв. шагами, смотря по мѣстности. 28 perches составляли одинъ arpentum, или arpennum (arpent), мѣра, употребительная всего чаще при измѣреніи виноградниковъ (См. Introduction Герара къ полиптику аббата Ирминона, стр. 159, 165, 177 и 182)

крестьяне сѣверной Франціи владѣли равными надѣлами и несли равные платежи и повинности, въ ряду которыхъ встрѣчается между прочимъ обязанность пахать помѣщичье поле и помогать даровой работою въ страдную пору. Эта черта крестьянскаго землевладѣнія сдѣлала возможнымъ пріуроченіе къ нему новыхъ порядковъ. Величина надѣловъ стала обозначаться каррукатами, и указанія, въ родѣ слѣдующаго—столько то крестьянскихъ дворовъ (hospites или villani) занимаютъ одну или нѣсколько каррукатъ—сдѣлались обычными въ норманскихъ грамотахъ [1]) XI и слѣдующихъ столѣтій На ряду съ этимъ, участіе крестьянъ въ земледѣльческомъ трудѣ помѣстья приняло новую форму: вмѣсто того, чтобы пахать опредѣленные участки въ пользу помѣщика, крестьянскіе дворы отнынѣ призваны были впрягать каждый въ помѣщичьи плуги опредѣленное число воловъ и лошадей, смотря по величинѣ своихъ надѣловъ [2]). Эти новые порядки, при всей ихъ распространенности, не вытѣснили, однако, вполнѣ старыхъ; въ XII и слѣдующихъ столѣтіяхъ мы встрѣчаемъ еще упоминаніе объ aratra или небольшихъ плугахъ, съ помощью которыхъ нѣкоторые крестьянскіе дворы пашутъ въ отдѣльности отведенные имъ участки помѣщичьяго поля [3]).

Въ XI вѣкѣ, составляющемъ эпоху, непосредственно предшествующую или близко слѣдующую за завоеваніемъ Англіи, норманское помѣстье рисуется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Вся земля, принадлежащая тому или другому сеньеру, распадается, какъ и въ болѣе раннюю эпоху, на двѣ части: terra in dominio [4]) и terra servilis [5]); первыя составляютъ земли въ личномъ завѣдываніи, обработываемыя съ помощью рабовъ и рабынь, по всей вѣроятности, уцѣлѣвшихъ въ Нормандіи еще отъ временъ римскаго владычества. О рабахъ и рабыняхъ часто говорятъ акты XI-го вѣка. Вмѣстѣ съ землями монастыри получаютъ въ даръ «servos et ancillas», и между уступаемыми такимъ образомъ

---

[1]) Sciendum est quod de dimidia masura ista omnes illi qui associabunt equos ad carrucam debent nobis auxilium ad tremeis et ad yvernage (Reg redituum monasterii S. Marie, f. 20, приведено Делилемъ на стр 135).

[2]) Terra de dominico meo (Ch. de Mortemer, 18389, latin, f 57) См также Cart. de Caen, f. 22: terra in dominio Ср. Delisle, стр. 301.

[3]) Delisle, стр. 32.

[4]) Willelmus et uxor eius ad victum sanctimonialium et ad opus hospitum constituerunt in Cadomo terram duarum carrucarum (Chartier de l'abbaye de la S-te Trinité à Caen (XIIIs), Bibl. Nat, f. latin, 5656, fol 18, De institutione ecclesie).

[5]) In Oistrehon habemus XXIX villanos plenarios et dimidium de terra servili (Chart de Caen, fol. 20, B. N, latin., 5650).

людьми различаются тѣ, которые унаслѣдовали свое состояніе [1]), и тѣ, которые сами передали себя въ неволю (sponte sua ecclesie donatos) [2]). Въ грамотахъ указанъ и путь, которымъ свободные люди становятся alieni juris. Въ числѣ правъ и привиллегій, которыми графъ Анзельмъ надѣляетъ монаховъ въ Рибемонтѣ, стоитъ между прочимъ право принимать новыхъ пришельцевъ (advenae). Пробывши годъ и день въ предѣлахъ монастырскаго помѣстья, чужеродецъ вправѣ былъ, какъ выражается цитируемый нами документъ, «donare se ecclesie»—передать себя церкви [3]) Я перевожу словомъ—рабы—употребляемый графомъ терминъ «servi», для того, чтобы отличить лицъ этого состоянiи отъ тѣхъ villani, или крѣпкихъ къ землѣ крестьянъ, о которыхъ такъ же часто упоминаютъ норманскія грамоты XI вѣка; но, я вовсе не имѣю въ виду сказать, что-бы servi были безземельными рабами.

Извѣстно, что у германцевъ рабы были поселены на земляхъ своихъ господъ и пріурочены къ сельско-хозяйственнымъ службамъ. Тацитъ рисуетъ ихъ намъ землевладѣльцами, и съ такимъ же характеромъ выступаютъ они на всемъ протяженіи норманскихъ помѣстій, въ частности, и во владѣніяхъ аббатства Рибемонтъ. Цитированный выше документъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія на этотъ счетъ; въ немъ прямо говорится о правѣ уступленныхъ монастырю рабовъ свободно пасти свои стада и добывать топливо въ лѣсу, принадлежащемъ графу Анзельму; это же право предполагаетъ въ ихъ лицѣ владѣніе не только усадьбами, но и земельными участками.

Если задаться вопросомъ, какія причины могли повести къ добровольной отдачѣ себя свободныхъ людей въ рабство церкви, то мы едва ли ошибемся, допустивъ, что, на ряду съ религіознымъ рвеніемъ, здѣсь дѣйствовали и другіе мотивы, не менѣе сильные. Слава добрыхъ помѣщиковъ, которой на протяженіи всей средневѣко-

---

[1]) Объ этихъ послѣднихъ нормандскія грамоты говорятъ, какъ о servi ex successione paterna Такъ, въ одной грамотѣ 1202 г мы читаемъ: mulier quaedam recognovit se ex successione paterna branensis ecclesie femina capitalis essere (Cart. de St. Yves de Braine, LL. 1583, Arch Nat., p 93)

[2]) A. 1083 Ego Anselmus Ribodimontensis comes. donamus villam que dicitur Moncellis et servos et ancillas sive ex servili conditione sive sponte sua ecclesie donatos (Cartulaire de Ribemont (XIIIs), Arch. Nat., LL. 1015, f 24)

[3]) Concedimus etiam quod si utriusque sexus advena supervenerit infra unum annum et diem ecclesie predicte se donare sine contradictione vel meo vel meorum successorum poterit (a 1083)—Такія же постановленія встрѣчаемъ мы и въ болѣе поздней грамотѣ 1104 г.

вой Европы пользовались монахи и которой доказательство мы имѣемъ въ народныхъ поговоркахъ, была по всей вѣроятности причиной того, что добровольныя передачи въ рабство встрѣчались всего чаще на земляхъ церковныхъ корпорацій, имѣя своимъ источникомъ условія, которыя дѣлало туземцамъ завоеваніе. Не надо забывать, что изъ собственниковъ многіе обращались въ безъземельныхъ скитальцевъ, готовыхъ отказаться отъ ненужной имъ свободы, подъ условіемъ полученія постоянныхъ средствъ къ жизни. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, эти средства доставляла одна земля, и чтобы получить ее, люди сплошь и рядомъ отрекались отъ своей свободы. То же дѣлали, впрочемъ, изъ за покровительства и мелкіе собственники, положеніе которыхъ становилось все менѣе и менѣе обезпеченнымъ по мѣрѣ развитія феодализма Вотъ почему на земляхъ аббатства Св. Троицы въ XII в. мы встрѣчаемъ владѣльцевъ подъ прозвищемъ «aloers» [1]); каждый изъ нихъ владѣетъ огородомъ, исполняетъ службы въ сосѣднихъ помѣстьяхъ и платитъ монастырю ежегодно извѣстную сумму, частью деньгами, частью продуктами [2]). Эти aloers, какъ показываетъ и самое ихъ названіе, были владѣльцами свободной земли, алода. Ища защиты и покровительства крупныхъ собственниковъ, они добровольно отказывались отъ своей свободы, соглашались на сельскія службы въ пользу помѣщика [3]), подъ условіемъ удержанія

[1]) Sex homines ibi habemus, quos aloers vulgo vocant, quisque eorum tenet ortum suum, faciuntque servicia ad propinqua maneria, et reddunt per annum XVI dinar. et quatuor minas avene (Chartrier de l'abbaye de la S. Trinité de Caen, fol 20)

[2]) См. Delisle, стр 7. Les alloiers ou possesseurs d'aleux.

[3]) Случаи такихъ переходовъ свободныхъ людей въ рабство особенно часто встрѣчаются въ грамотахъ аббатства Marmoutier. Приведу для примѣра содержаніе одной изъ нихъ. a 1032—1064 . quod famulus quidam ex parentibus liberis ortus nomine Baldonatus, amore divino compunctus semet ipsum.. tradidit in servitium S Martino majoris monasterii ea videlicet ratione, ut non solum ipse, verum etiam omnis ex eo nascitura progenies jure perpetuo majori monasterio atque fratribus ejusdem loci conditione servili famuletur — Чтобы сдѣлать такую передачу особенно наглядной и потому ненарушимой, отказывавшійся добровольно отъ свободы, нерѣдко обращался къ производству слѣдующаго дѣйствія, описаннаго въ другой грамотѣ того же монастыря Cordis quoque signorum collum suum circumdedit et pro recognitione super altare IIII-or de capite proprio denarios dedit Та же процедура описана еще обстоятельнѣе въ слѣдующей грамотѣ 1081—96 г.: Veniens igitur in capitulum monachorum posuit super caput suum IIII-or denarios dicens. Per istos IIII-or denarios trado me servitio Sancti Martini monachorumque ejus (См. Liber de servis majoris monasterii (Marmoutier), изд. André Salmon. Tours, 1864 г, стр 1, 19, 12, 22, 25, 43, 115).

за собою въ наслѣдственномъ пользованіи тѣхъ участковъ, которые принадлежали имъ до того въ собственность. Нерѣдко взамѣнъ такой уступки себя и своей собственности въ пользу феодальнаго сеньера, послѣдній награждалъ передавшагося ему рабочимъ инвентаремъ [1]). Подобные случаи можно встрѣтить въ нѣкоторыхъ грамотахъ XII-го вѣка [2]); такъ напр., аббатъ въ Мортемерѣ даруетъ de caritate столько-то солидовъ parisiensis monete или unam bovem лицу сдѣлавшемуся его добровольнымъ сервомъ.

Спрашивается теперь, были ли servi или рабы единственными воздѣлывателями земель, остававшихся въ рукахъ сеньера, или же сельскохозяйственныя работы на него одинаково производились всѣми, кто на правахъ ли vavassores или виллановъ, hospites или бордаріевъ, занимали наслѣдственно большіе или меньшіе участки in terra servili?

Въ хартуларіи аббатства Св Троицы въ Канѣ, составленномъ въ началѣ XIII-го столѣтія, мы находимъ нѣчто подобное ренталю или censier монастырскихъ владѣній какъ въ Нормандіи, такъ и въ Англіи. Судя по тому, что говоритъ этотъ ренталь объ обязанности англійскихъ виллановъ — «operari tota ebdomada или quaque die ebdomadas sine sabbato» [3]), можно думать, что онъ составленъ вскорѣ послѣ надѣленія монастыря Вильгельмомъ I землями въ завоеванной имъ странѣ, но не позже, какъ въ послѣдней четверти XI или въ началѣ XII вѣка. Размѣръ крестьянскихъ службъ, упоминаемыхъ этимъ ренталемъ, гораздо выше того, какой сплошь и рядомъ указывается въ Англіи ренталями XII столѣтія [4]). Мы не ошибемся поэтому если признаемъ, что описываемые въ настоящемъ памятникѣ земельные порядки, тѣ же, какіе дѣйствовали въ Нормандіи въ эпоху, послѣдовавшую непосредственно за завоеваніемъ, другими словами—во вторую половину XI-го вѣка. Другой дошедшій до насъ ренталь, ренталь нѣкоторыхъ земель графовъ Эу, составленъ, какъ видно изъ сдѣланной на немъ по-

---

[1]) Напр · Il fait bon vivre sous le crosse.

[2]) Этотъ мотивъ выставленъ въ одной изъ грамотъ Marmoutier слѣдующими словами: Christianus venit ad majus monasterium et ibi aliquamdiu conversatus est, послѣ чего онъ выразилъ желаніе Beati Martini et monachorum ejus servus fieri et de famulis eorum unus haberi (Ibid., стр 115)

[3]) См., напр, fol 48: Lewinus pro una virgata debet operari quaque die ebdomade sine sabbato.—Fol. 26: Si operari potest, operatur tota ebdomada usque ad sabbatum.

[4]) Такъ, въ Boldon book 1183 г. villani работаютъ круглый годъ всего 3 дня въ недѣлю (стр. 566) и только осенью 4; то же число рабочихъ дней упоминается при перечисленіи обязанностей виллановъ въ Liber Niger аббатства Питерборо, составленномъ въ 1125 г (стр. 157).

мѣтки, въ 1151 г. и, слѣдовательно, знакомитъ насъ съ тѣмъ сельско-правовымъ порядкомъ, который держался въ странѣ въ первой половинѣ XII-го в. Что же, спрашивается, говоритъ намъ эти единственные, въ своемъ, родѣ памятники объ участіи, принимаемомъ въ обработкѣ земель in dominio поселенными въ помѣстьѣ крестьянами. На всѣхъ земляхъ аббатства вилланы одинаково призываются вспахать, заборонить, засѣять хозяйскими сѣменами и убрать ежегодно каждый одинъ акръ помѣщичьяго поля—половину до Рождества, половину послѣ. Въ одномъ мѣстѣ ренталь, говоря объ этой повинности, употребляетъ выраженіе «acra de corvea» и указываетъ этимъ на признаніе такой службы въ XI-мъ вѣкѣ барщиной (corvée). Впрочемъ, акръ земли воздѣлывается ежегодно только тѣми крестьянами, которые владѣютъ полнымъ надѣломъ и извѣстны ренталю подъ именемъ plenarii villani [1]). Кто имѣетъ половинный надѣлъ, пашетъ сѣетъ и убираетъ только половину противъ того, что дѣлаютъ другіе [2]).

Перехожу къ описанію порядковъ, господствующихъ въ той части помѣстной земли, которая называется terra servilis и заключается въ крестьянскихъ надѣлахъ. Ее занимаютъ, на ряду съ вилланами, еще слѣдующіе классы второстепенныхъ владѣльцевъ: vavassores, hospites, censuarii и bordarii. Ни о комъ изъ нихъ ренталь не говоритъ, однако, какъ о людяхъ, непосредственно участвующихъ въ обработкѣ земель in dominio; vavassores и hospites — люди свободнаго состоянія; всѣ обязанности censuarii къ помѣщику—сводятся къ уплатѣ ценза или ренты; bordarii не имѣютъ рабочаго скота, безъ котораго немыслимо, очевидно, исполненіе сельско-хозяйственныхъ службъ.

Итакъ, изъ всего населенія помѣстья только два класса:—servi и villani, призываются къ непосредственному участію въ обработкѣ сеньоріальной земли; они одни пашутъ и боронуютъ сѣютъ и жнутъ. Говоря о двухъ классахъ, я настаиваю тѣмъ самымъ на необходимости различать виллановъ и сервовъ. Но на чемъ основано это

---

[1]) De jovineio—III villani Quisque unam acram arant et seminant de semine abbatie (f 22) —In Willon terra dimidie carruce in dominio. IV villanos plenos .. quisque arat et seminat I acram de corvee (f 23) —In Oretreban habemus XXIX villanos plenarios et dimidium de terra servili. Unusquisque eorum. acram terre arrant per annum, dimidiam pertem eius ante Natale et dimidiam post Natale et (h) erciant et seminant de nostro semine (fol. 20, latin.. 5650. B Nat)

[2]) In Gracia habemus terram duarum carrucarum in dominio et duos dimidios villanos, qui dant . unam acram de corvee (Ibid , f. 21)

различіе? Какъ общее правило, виллапы уподобляются сервамъ, въ чемъ и лежитъ, по моему, корень весьма существенныхъ и въ то же время крайне распространенныхъ заблужденій Servi, какъ мы это видѣли, не болѣе, какъ приуроченные къ сельскимъ службамъ рабы,—рабы, надѣленные съ этою цѣлью помѣщикомъ усадьбами и прилегающими къ нимъ участками, въ большинствѣ случаевъ, не особенно значительными. Они работаютъ на господина круглый годъ; характеръ и время исполненія ихъ работъ вполнѣ зависятъ отъ выбора помѣщика Виллапы прежде всего—наслѣдственные владѣльцы равныхъ по величинѣ надѣловъ, несущіе не произвольныя, какъ servi, а напередъ выговоренныя и неизмѣнныя въ размѣрѣ повинности и платежи Это различіе настолько существенно, что, даже при обозначеніи того и другого класса однимъ терминомъ, какъ это сплошь и рядомъ дѣлаютъ нѣкоторыя норманскія рентали, является возможность точнаго обособленія каждаго изъ нихъ. Перечисляя личный составъ одного изъ монастырскихъ помѣстій,—помѣстья Corpechet,—рентальаббатства Св Троицы въ Канѣ рисуетъ намъ виллановъ людьми, всѣ обязанности которыхъ напередъ условлены и не подлежатъ произвольнымъ измѣненіямъ; только объ одномъ изъ нихъ значится что онъ seminat agros et erciat, и этого краткаго заявленія достаточно, чтобы не вносить упомипаемаго виллана въ общую категорію съ другими, и признать въ немъ «серва» или сельскаго раба, службы котораго опредѣляются помѣщикомъ по его произволу [1])

Изучая отдѣльные виды крестьянскихъ повинностей и платежей, мы выносимъ то впечатлѣніе, что ближайшій источникъ ихъ лежитъ въ тѣхъ правахъ, которыми виллапъ пользуется на землю своего сеньера Мы видимъ также, что повинности нерѣдко замѣняются платежами, и на оборотъ,—такъ что отъ самого виллана зависитъ выбрать тотъ или другой видъ исполненія своихъ служебныхъ обязанностей по отношенію къ помѣщику. Особенность Нормандіи, рѣзко отличающая ее, напримѣръ, отъ саксонской Англіи, составляетъ отсутствіе постоянныхъ, круглый годъ отправляемыхъ повинностей,—надежный признакъ того, что уже близко время совершеннаго исчезновенія крѣпостного права и барщины [2]).

Отъ этихъ общихъ замѣчаній перейдемъ къ обзору различныхъ обязанностей виллана въ отношеніи помѣщика. Первой изъ нихъ является

---

[1]) Fol 21.

[2]) Делиль считаетъ XIII ст временемъ полнаго прекращенія того и другого

встрѣчавшаяся уже намъ ранѣе обязанность воздѣлывать ежегодно по одному акру помѣщичьяго поля; эта обязанность лежитъ только на тѣхъ изъ виллановъ, которые владѣютъ рабочимъ скотомъ: кто имѣетъ больше скота, тотъ обрабатываетъ, какъ мы видѣли, и бо́льшій участокъ, и на оборотъ Такое соотвѣтствіе между рабочимъ инвентаремъ и исполняемою съ его помощью службой невольно наводитъ на мысль. что источникомъ послѣдней служитъ предоставленное виллану сеньеромъ право пасти необходимый въ хозяйствѣ скотъ на помѣстныхъ нивахъ по снятіи съ нихъ урожаевъ.

Другимъ крестьянскимъ преимуществамъ соотвѣтствуютъ точно также подобныя повинности.

Виллань обязанъ однажды въ годъ скосить опредѣленный участокъ степи или луга, обыкновенно—полъ-акра. Эта личная служба можетъ быть замѣнена денежнымъ платежемъ, который въ ренталѣ аббатства Св. Троицы въ Канѣ носитъ названіе «pratagium». Само названіе указываетъ на источникъ этой повинности и замѣняющаго ее платежа Скотъ виллана въ страдную пору не можетъ быть посылаемъ на общее пастбище, такъ какъ такая практика сопровождалась бы значительной затратой времени и препятствовала бы своевременному исполненію производства сельскихъ работъ; необходимо поэтому допустить этотъ скотъ къ пользованію подножнымъ кормомъ на степи или въ лугу помѣщика рядомъ съ помѣщичьимъ скотомъ. Въ средневѣковыхъ грамотахъ отводимый для этой цѣли участокъ нерѣдко обозначается описательно словами «pratum boum» или «pratum averiorum»; за пользованіе имъ владѣлецъ скота призывается или къ участію въ хозяйскихъ покосахъ или къ платежу опредѣленной денежной суммы. Крестьянинъ несетъ II solidos de pratagio,— говоритъ намъ ренталь, перечисляя обязанности виллановъ въ одномъ изъ помѣстій аббатства, а именно въ помѣстьи «Cargechet», или убираетъ взамѣнъ этого полъ акра луга, aut facit dimidiam acram prati. Это значитъ, что отъ виллана зависитъ предпочесть повинности платежъ или платежу повинность [1]).

Грамоты графства Эу довольно обстоятельно описываютъ то отношеніе, въ какое виллань становится къ помѣщику изъ за права пасти скотъ на его нивахъ, въ такъ называемомъ «herbagium». Онъ пользуется имъ въ періодъ времени отъ Рождества до середины мая [2]). Въ вознагражденіе за это виллань обязанъ платить помѣщику

[1]) Fol. 21.

[2]) Vicaria S Andoeni de Blangy· Homines habent herbagium a vigilia Natalis Domini usque ad medium maium (B. N., f latin, 13904, f 10).

по динарію отъ каждой головы крупнаго скота; что же касается до мелкаго, то за трехъ ягнятъ вилланъ вноситъ всего на всего три обола; когда число ягнятъ больше, денежный платежъ замѣняется натуральнымъ· сеньеръ получаетъ одного ягненка изъ числа тѣхъ, которые возросли на его нивахъ [1]).

На нѣкоторыхъ земляхъ аббатства Св. Троицы въ Канѣ, платежи, дѣлаемые виллланами за право выпаса, обозначаются заодно съ тѣми, которые они несутъ въ вознагражденіе за вывозъ лѣса для топлива и построекъ; въ такомъ случаѣ въ ренталѣ прямо стоитъ· столько то динаріевъ de lignis et pratis [2]). Нерѣдко однако попадаются и натуральные платежи; такъ, въ помѣстьѣ Карпеченъ обычаемъ было установлено, что, сколько бы скота вилланъ не выгонялъ на паръ или толоку, уступка сеньеру одной овцы и одного ягненка оплачивала всевозможные убытки монастыря, какъ собственника [3]).

Pastura или право выпаса скота строго различается въ средневѣковыхъ памятникахъ отъ такъ называемаго pasnagium—или права держать свиней въ господскомъ лѣсу. Оно служило основаніемъ для производства виллановъ специальныхъ денежныхъ платежей въ размѣрѣ обыкновенно одного динарія съ каждой штуки [4]).

На ряду съ правомъ выпаса своего скота на толокѣ и въ лѣсу, вилланъ надѣленъ былъ еще правомъ вывоза изъ хозяйскаго лѣса матеріала для построекъ и топлива Это право, подобно предыдущимъ, является основаніемъ для обложенія его добавочной службой, которая, въ свою очередь, замѣняется со временемъ опредѣленными въ размѣрѣ натуральными или денежными взносами; я разумѣю подвозную повинность и тѣ платежи, которые нерѣдко заступаютъ ея мѣсто въ ренталяхъ

Подвозная повинность извѣстна Нормандіи XII и слѣдующихъ столѣтій—подъ наименованіемъ «boscage». Высшимъ размѣромъ ея было доставленіе на помѣщичій дворъ подводы, влекомой двадцатью быками и нагруженной по верхъ лѣсомъ; низшимъ — доставка лѣса съ помощью лошади и безъ посредства телѣги. Этотъ послѣдній видъ повинности извѣстенъ подъ именемъ sommage; дѣйствіе ея въ норман-

---

1) De herbagia totius ville quelibet bestia (det quilibet equis) den' et de quolibet homine ville qui habet III agniculos rex habebit III oboles et si plures habuerit quam III, rex habebit I. (fol 13).

2) In Willon terra III Villani — Quisque reddit X sol 'de lignis et pratis et arietibus (f 23)

3) In Carpecbet.—Quisque villanus reddit—1 berbicem cum agnicolo (f 21).

4) De unoquoque porcorum suorum 1 den' (ibid).

скихъ грамотахъ передается глаголомъ sommagiare; подобно другимъ крестьянскимъ повинностямъ, она подлежитъ часто замѣнѣ натуральными платежами. Такая замѣна встрѣчаться, напр на земляхъ графовъ Эу, какъ это видно изъ дошедшаго до насъ рентала середины XII или начала XIII-го столѣтія. Говоря объ обязанностяхъ homines de Compenseriil по отношенію къ ихъ сеньеру, названный ренталь постановляетъ: тотъ изъ жителей, который вывозитъ изъ лѣсу дрова для топлива, платитъ своему сеньеру ежегодно одинъ секстарій овса, буде дрова эти доставляются имъ съ помощью лошади, не впряженной въ телѣгу, иначе размѣръ платежа возростаетъ до одной мины овса, одного хлѣба на Рождество, восьми яицъ на Пасху. Натуральный сборъ можетъ быть замѣненъ денежнымъ, въ три пенса. Когда для возки дровъ изъ лѣсу крестьянинъ пользовался подводой на четырехъ колесахъ или такъ называемой квадригой, денежный эквивалентъ былъ въ два раза больше [1]).

Такая замѣна подвозной повинности денежнымъ взносомъ и, притомъ, въ два раза большимъ противъ того, какой мы встрѣтили въ графствѣ Эу, допускалась и на земляхъ Канской обители, какъ это видно изъ слѣдующаго односложнаго заявленія, дѣлаемаго ея рентальмъ: «XII d. ad ligna» [2]).

Подвозная повинность въ Нормандіи не всегда состояла въ поставкѣ однихъ дровъ; мѣсто послѣднихъ могъ занимать, напримѣръ, хлѣбъ, препровождаемый вилланами съ помѣщичьяго поля на гумно (in grangiam). Эта повинность также падала на всѣхъ, кто пользовался лѣсомъ для топлива и загородей,—кто, выражаясь языкомъ грамотъ графства Эу, «habet mortuum boscum et residua ad ardendum et claudendum».

Размѣръ этой повинности былъ различенъ, смотря по количеству рабочаго скота, которымъ владѣлъ тотъ или другой крестьянскій дворъ; кто имѣлъ достаточно воловъ, чтобы пахать поле собственной каррукой или тяжелымъ плугомъ съ восьми-головой упряжью, тотъ несъ въ два раза бо́льшую службу нежели тотъ, кто, выражаясь языкомъ тѣхъ же грамотъ, non lucratur ad carrucam. Подобно обязанности достав-

---

[1]) Quilibet vadens ad equm in forestam reddit domino regi (какъ сеньеру) I sextarium avene ad parvam minam et ille, qui vadit ad collum, 1 minam avene ad parvam minam et 1 panem ad Natale et VIII ova ad pascha et ille qui ducit quadrigam (или cadrigan) VI denarios de auxilio ad Natale per animam et vadens ad collum III d de auxilio (Cartulaire du comté d'Eu fol 13 v° a 1151. Bibl. Nat f. latin. № 13904)

[2]) B N. latin. 5650, f 21

лять лѣсъ для топлива, подвозъ хлѣба на гумно замѣнялся во многихъ мѣстахъ ежегоднымъ платежомъ, производимымъ частью натурою, частью деньгами. Въ серединѣ XII-го вѣка платежъ этотъ на земляхъ викаріи Св. Андоина въ Бленжи состоялъ для всѣхъ. владѣющихъ рабочимъ скотомъ, изъ одной мины пшеницы, одного хлѣба, курицы на Рождество и восьми яицъ на Пасху [1]). Не владѣвшіе скотомъ ограничивались уплатой одного секстарія овса, одной курицы и восьми яицъ.

Описанные порядки не составляютъ какой либо мѣстной особенности. Мы находимъ ихъ въ равной степени и на земляхъ аббатства въ Канѣ. Не указаны только причины, по которымъ вилланы несутъ тѣ или другія повинности и платежи Присматриваясь, однако къ этимъ платежамъ внимательнѣе и встрѣчая въ ряду ихъ тотъ же ежегодный взносъ одной мѣры овса, а также куриць на Рождество и яицъ на Пасху, какой предписывается и ренталемъ графовъ Эу, мы не ошибемся, признавъ основаніемъ для этихъ взносовъ правовилланові на пользованіе помѣщичьимъ лѣсомъ для топлива и возведенія загородей [2]). Во многихъ мѣстностяхъ хозяйскій лѣсъ доставлялъ еще виллану матеріалъ для постройки телѣгъ и подводъ, бороны и плуга или карруки [3]); въ такихъ случаяхъ платежи, отмѣчаемые въ ренталяхъ подъ рубрикой de lignagiis, являлись одновременно вознагражденіемъ или эквивалентомъ и за эти добавочныя статьи.

Перечисленные виды общиннаго пользованія и соотвѣтствующія имъ повинности и платежи являются наиболѣе распространенными, но далеко не единственными. Въ тѣхъ помѣстьяхъ, въ которыхъ имѣлись пруды или озера и богатыя рыбою рѣки, вилланы за право

---

[1]) Vicaria sancti Andoeni de blangy — Homines habent mortuum boscum et residua ad ardendum et claudendum et propter hoc reddunt quilibet qui lucratur ad carucam domino regi (какъ феодальному сеньору) unam minam frumenti et panem et 1 gallinam ad Natale et VIII ova ad pascham et ille qui non lucratur ad carucam debet quilibet 1 sextarium avene et 1 panem et 1 gallinam ad Natale et VIII ova ad pascha. (B N latin 13904, f 10)

[2]) Hec sunt redditiones honoris nostre ecclesie Sancte trinitatis Cadame. In Oistrehan... Unusquisque eorum (villanorum) reddit per annum III solidos et dimidium et tres quadzantes frumenti et Vminas brasii et II capones ad Natale domini et XX ova ad pascham, (f. 20 v°) - In Ambha.. quisque villanus reddit. unam minam avene et II capones ad Natale Domini et ova XXX ad pascham (fol. 23)

[3]) Homines qui reddunt garbas debent habere merrementum ad suas carucas et ad suas herchias et cearretas ad garbas adducendas (C. d'Eu fol 18)

пользованія уловомъ несли натуральный взносъ въ размѣрѣ ста штукъ съ тысячи [1]). Виланъ могъ быть освобожденъ сеньеромъ отъ тѣхъ или другихъ повинностей и службъ, обыкновенно—не безвозмездно, а подъ условіемъ добавочнаго взноса, извѣстнаго въ позднѣйшихъ актахъ подъ наименованіемъ surcens; такъ, напримѣръ, онъ могъ быть освобожденъ отъ обязанности молоть хлѣбъ на мельницахъ помѣщика или печь хлѣбъ въ его пекарняхъ [2]) Гораздо рѣже встрѣчаются такіе платежи, которые можно считать выкупомъ низшихъ по характеру повинностей,—напримѣръ, вывоза навоза. Только въ одномъ изъ помѣстій монастыря Св. Троицы въ Канѣ, мы находимъ упоминанія объ уплатѣ виланомъ ежегодно II denarios de fumagio [3]).

По частному уговору съ помѣщикомъ. заносимому въ ренталь, крестьяне могли быть освобождены отъ исполненія всѣхъ или части вышеупомянутыхъ повинностей и платежей. Такая свобода была предоставляема имъ каждый разъ подъ условіемъ принятія ими на себя какого либо спеціальнаго вида службъ,—напримѣръ, службы старосты (prepositus), лѣсничаго (forestarius) или пивовара (braciator) и т. п. Выраженія, въ родѣ слѣдующаго: такой-то est liber a servitio et debitis eo quod facit brasium, или eo quod est prepositus, или forestarius, попадаются подъ часъ въ ренталѣ св. Троицы въ Канѣ [4]).

Повинностями и платежами не исчерпываются еще всѣ обязанности виллановъ; какъ владѣльцы земельныхъ надѣловъ, они призываются къ уплатѣ ежегодной ренты, которая въ норманскихъ грамотахъ всего чаще обозначается словомъ compartum [5]),—прямое указаніе на существованіе въ Нормандіи конца XI-го или XII-го столѣтія той формы отдачи земель въ аренду, которую называютъ половничествомъ. Она хорошо была извѣстна во времена римской имперіи и доселѣ продолжаетъ быть весьма распространеннымъ видомъ утилизаціи полей на Югѣ Франціи, въ сѣверной и средней Италіи. «Champart» извѣстенъ норманскимъ памятникамъ и подъ описательнымъ наименованіемъ «terra ad gerbas», обозначая его такимъ образомъ, грамоты имѣли въ виду указать, что обязанность съемщика состояла въ уплатѣ ежегодно сеньеру извѣстной части колосьевъ (gerbes), обыкновенно—одиннад-

---

[1]) Quando ad miha capiunt allecia reddit quodque *rete* centum (C. de Caen, f. 20)

[2]) Delisle стр 62.

[3]) Cart de Caen, f. 21.

[4]) Ibid,, f 21

[5]) Ibid , f. 21.– См. также Cart. d'Eu f. 53 v⁰ Ego Henricus, comes Augi... do campartum de Villans meis (C. d'Eu).

цатой части, если не говорить о духовныхъ ленахъ, въ которыхъ обычнымъ правиломъ, была уплата десятины. Делиль отказывается видѣть родовое различіе между «шампаромъ» и «метеріей», или половничествомъ, которое упоминается хотя и довольно рѣдко, въ актахъ XII-го вѣка [1]), видовымъ отличіемъ послѣдняго было то, что дѣлаемый половникомъ платежъ несравненно болѣе значителенъ, чѣмъ тотъ, какой производитъ владѣлецъ шампара; всего чаще, собственникъ помѣстья получаетъ половину урожаевъ, рѣдко—одну-треть [2]). Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что крестьянскія повинности и платежи являются всѣ и каждый эквивалентомъ извѣстныхъ имущественныхъ выгодъ, доставляемыхъ земельными собственниками: владѣніе надѣломъ ведетъ къ уплатѣ ренты частью продуктовъ, точно такъ же какъ владѣніе скотомъ—къ принудительной обработкѣ крестьяниномъ опредѣленнаго участка помѣщичьяго поля.

Всѣ и каждый изъ видовъ общиннаго пользованія являются для виллана основаніемъ къ исполненію извѣстныхъ службъ и совершенію извѣстныхъ платежей: кося сѣно на участкѣ напередъ выговоренной и неизмѣнной величины, или платя взамѣнъ деньгами, перевозя хлѣбъ на умно и лѣсъ въ хозяйскіе склады, или откупаясь отъ этой службы натуральнымъ взносомъ, доставляя ежегодно помѣщику извѣстное число барановъ и овецъ, а также рыбу, птицу и яйца для его стола, или платя взамѣнъ этого условленное напередъ число пенсовъ,—крестьянинъ только вознаграждаетъ сеньера за предоставленныя въ его пользованіе доходныя статьи. Его платежи носятъ вполнѣ реальный, а не личный характеръ, скажемъ мы словами дѣятелей великой революціи, и это обстоятельство рѣшительно говоритъ за то, что крестьянинъ пересталъ быть человѣкомъ несвободнымъ, что его зависимое отъ помѣщика положеніе обусловливалось скорѣе характеромъ принадлежащаго ему надѣла, нежели личнымъ состояніемъ. Если оставить въ сторонѣ обязанность виллановъ испрашивать разрѣшеніе помѣщика на выдачу дочерей въ замужество,—это правило было также вызвано къ жизни экономическими

---

[1]) Терминъ metaria употребляется Ancien Coutumier de Normandie какъ противуположеніе hereditas —Cap XX similiter fit recognitio utrum terra est hereditas vel meteria.

[2]) Слово medietarius и medietaria встрѣчаются довольно часто въ актахъ первой половины XIII-го вѣка (Liber domus dei beate Marie de Trappa XIII-го вѣка. Bibl Nation. 11089, fol. 90 a 1208. Tenure on liefferme, англійское feafarm, упоминается въ Нормандіи не ранѣе конца XII-го и начала XIII-го вѣка. Delisle, стр 45, 47 и 50

причинами, нежеланіемъ терять рабочую силу въ лицѣ дѣвушки, вступающей въ бракъ съ чуждымъ помѣстью лицомъ,— то нельзя будетъ не признать, что единственнымъ проявленіемъ личной несвободы виллана было отсутствіе права передвиженія.

Нѣкоторыя норманскія грамоты конца XII и начала XIII столѣтія даютъ, однако, поводъ думать, что прикрѣпленность виллановъ къ землѣ являлась скорѣе результатомъ условій жизни, невозможности найти болѣе выгодный заработокъ, нежели послѣдствіемъ ихъ личнаго состоянія. Въ доказательство приведу слѣдующее, крайне любопытное свидѣтельство. «si rusticam vel ibi manentes, vel inde descedentes, постановляетъ одинъ изъ актовъ, входящихъ въ составъ хартулярія графства Эу, terram suam incultam reliquerint liceat monachis eandem colere ad predictam firmam propriis laboribus aut etiam sumptibus». Въ той же грамотѣ мы читаемъ: terras etiam cultas a cultoribus suis desertas ad campartum solum concesserunt quoad usque cultores earum redeant vel pro eis alii succedant [1]).

И такъ, закрѣпленіе далеко не было полнымъ и не устраняло возможности случайнаго оставленія полей ихъ воздѣлывателями, переселенія ихъ въ другія помѣстья или города. Нечего и говорить, что послѣдніе пользовались правомъ, общимъ всѣмъ средневѣковымъ муниципіямъ,—правомъ сообщать гражданство всякому виллану, проведшему въ ихъ стѣнахъ годъ и день безъ протеста со стороны сеньера. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ крестьянинъ—лицо вполнѣ свободное, sui juris Его свобода въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ доходитъ до права отчужденія своего надѣла, причемъ сеньоръ или пользуется правомъ предпочтительной покупки или получаетъ денежное вознагражденіе. На такія именно отношенія указываетъ слѣдующій отрывокъ изъ хартулярія графства Эу: si vero rusticani terram suam marlatam monachis vendere voluerint possunt qui dem monachi eam emere, et inde illis nichil tribuentis rusticanis vero non liceat nisi pro singulis acris Rottomacensium nummos ad minus eis donaverint [2]).

Все, чѣмъ владѣетъ виланъ, переходитъ послѣ его смерти къ дѣтямъ, которыя дѣлятъ отцовское наслѣдство на равныя доли. Старшему предоставляется лишь право выбора между этими долями [3]). При малолѣтствѣ одного изъ дѣтей, опекуномъ считается не сеньоръ, а ближайшій родственникъ опекаемаго [4]). При отсутствіи прямыхъ

1) Cartulaire d'Eu, f 73 и 72.
2) Ibid., f 73
3) Très ancienne coutume du Normandie, ed. Tardif p. XC.
4) Ibid , c. LXVI

наслѣдниковъ обоего пола, имущество переходитъ къ боковымъ линіямъ; при отсутствіи послѣднихъ—надѣлъ крестьянина становится достояніемъ сеньора, который въ этомъ отношеніи является преемникомъ сельской общины и пользуется ея правомъ на выморочную собственность

Вилланы—не болѣе, какъ одинъ изъ составныхъ элементовъ помѣстнаго населенія. Наряду съ ними in terra servili, иначе говоря, in terra rusticorum сидятъ bordarii и hospites. Спрашивается, кого разумѣютъ норманскія грамоты подъ этими наименованіями, и чѣмъ отличается положеніе обоихъ названныхъ классовъ отъ положенія виллановъ?

Обратимся прежде всего къ bordarii Мы нашли древнѣйшее упоминаніе о нихъ въ одномъ актѣ 1086 г., гдѣ Вильгельмъ Завоеватель укрѣпляетъ за основаннымъ имъ аббатствомъ въ Канѣ всѣ дарованныя ему владѣнія, въ томъ числѣ—tres bordarios in Ambleda [1]). Предшествующіе по времени документы не отличаютъ бордаріевъ отъ прочихъ сельскихъ обывателей, которыхъ обозначаютъ безразлично терминомъ rustici, противуполагая ихъ hospites или liberi homines, другими словами—свободнымъ обывателямъ [2]). И въ XII-мъ вѣка слово bordarii встрѣчается крайне рѣдко. Я не могу привести ни одного примѣра его употребленія хартуляріями монастырей Св. Троицы въ Руанѣ, Божьей матери Траппистовъ Св. Эврульфа, аббатствъ въ Мортемерѣ, Лувье или Бонъ-Поръ. Ни одна грамота любопытнаго сборника графства Эу не намекаетъ также на существованіе въ земляхъ послѣдняго этого класса поселенцевъ Наконецъ, о нихъ не говорится ни разу въ Très ancien Coutumier de Normandie, древнѣйшемъ сборникѣ обычнаго права, преимущественно—средней и южной Нормандіи. Съ другой стороны, ренталь аббатства въ Канѣ, земли котораго лежали въ прибрежной части, на каждомъ шагу упоминаетъ о бордаріяхъ, а на норманскихъ островахъ этотъ терминъ такъ употребителенъ, что замѣняетъ собою нерѣдко даже терминъ villani [3]).

Все это, вмѣстѣ взятое, приводитъ насъ къ тому убѣжденію, что бордарии составляютъ особенность одной сѣверной Нормандіи (такъ называемый Basse Normandie) и острововъ Ламанша, а далеко не общее

---

1) Cartulaire de la S-te Trinité de Caen, fol. 20. Изъ содержанія грамоты видно, что терминомъ coloni обозначаются всѣ вообще лица, поселенныя на земляхъ аббатства.

2) Cartulaire de Louviers

3) Delisle стр 15. Вотъ нѣсколько текстовъ: XX bordarii, quorum VIII reddant IX et III den, IV bordarii, quisque tenet dimidiam acram, serviunt sicut villani.

явленіе на протяженіи всей страны. Вчитываясь въ тѣ отрывочныя замѣчанія, какія посвящаетъ имъ ренталь Св. Троицы вѣ Канѣ, мы приходимъ къ заключенію, что названный памятникъ разумѣетъ подъ бардаріями владѣльцевъ небольшихъ земельныхъ надѣловъ, размѣръ которыхъ подчасъ не превышалъ полу-акра. Въ предѣлахъ одного и того же помѣстья надѣлы бордаріевъ не отличались существенно другъ отъ друга по величинѣ; условія, на которыхъ бардаріи держали свои участки, были довольно близки по характеру къ тѣмъ, на которыхъ допускались къ владѣнію своими надѣлами и вилланы, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можно было даже опредѣлить размѣръ службъ бордаріевъ указаніемъ на службы виллановъ (servunt sicut villani), тогда какъ въ другихъ платежи ихъ, подобно платежамъ виллановъ, состояли въ рентѣ деньгами и частью продуктовъ (столько то солидовъ et compartum), а также въ натуральныхъ приношеніяхъ курами и яйцами. О нѣкоторыхъ бордаріяхъ ренталь говоритъ, что они свободны отъ всякихъ платежей на томъ основаніи, что приурочены къ извѣстнымъ, пожизненно отправляемымъ службамъ; такъ, одинъ состоитъ кузнецомъ, другой сѣятелемъ, третій пастухомъ, четвертый: взамѣнъ всѣхъ повинностей и взносовъ, обязанъ изготовлять и чинить плуги (aratra). Памятники болѣе поздней эпохи, а именно XIII и XIV вѣка, также рисуютъ намъ бордаріевъ исполняющими скорѣе домашнія, нежели сельско-хозяйственныя службы: одни чинятъ постройки, другіе содержатъ помѣщичій садъ и т п.). Прибавимъ къ сказанному, что обязанность виллана убирать ежегодно акръ или полъакра хозяйскаго поля не распространяется на бордарія, точно также какъ и обязанность дѣлать помѣщику взносы за право выпаса,—обстоятельство, объясняемое всего проще тѣмъ предположеніемъ, что большинство бордаріевъ не владѣло рабочимъ скотомъ; это предположеніе находитъ, въ свою очередь, косвенную поддержку въ томъ фактѣ, что бордаріи надѣлены были весьма ничтожными участками, на которыхъ трудно было содержать значительный живой инвентарь.—Таковы характерныя черты бордаріевъ, какъ спеціальнаго класса сельскихъ поселенцевъ. Прежде чѣмъ дать общее заключеніе о томъ, откуда взялся этотъ классъ, я обращу вниманіе читателя еще на слѣдующія два обстоятельства. Ренталь аббатства въ Канѣ говоритъ о бордаріяхъ, какъ о лицахъ, сидящихъ не только на земляхъ владѣльца помѣстья, но и на земляхъ его vavassores. Съ другой стороны, онъ ни словомъ не упоминаетъ о цѣломъ классѣ лицъ, которыхъ существованіе нельзя не допустить въ монастырскихъ помѣстьяхъ XI и XII столѣтій. Говоря это, я разумѣю либер-

товъ или вольно-отпущенниковъ, число которыхъ не могло не быть значительнымъ въ виду частыхъ отпущеній рабовъ на волю какъ владѣльцами помѣстій, такъ и всѣми, кто, въ силу своего свободнаго состоянія, въ правѣ былъ владѣть ими. Отпущенные на волю, какъ извѣстно, не порывали сразу своихъ отношеній къ прежнему господину; они получали отъ него участки въ наслѣдственное пользованіе заодно съ небольшими усадьбами, обязываясь съ своей стороны къ исполненію натуральныхъ службъ и денежныхъ платежей. Принимая во вниманіе все вышеуказанное, я едва ли ошибусь, признавъ въ бордаріяхъ именно этотъ классъ лицъ Въ пользу такого предположенія говоритъ одинаково и служебное положеніе бордаріевъ, и ничтожность занимаемаго ими участка, и отсутствіе въ ренталѣ указаній на существованіе рядомъ съ ними какого либо самостоятельнаго класса вольно-отпущенниковъ. Но если таково происхожденіе бордаріевъ, то откуда, спрашивается, взялось самое ихъ названіе. Коментаторы Думсдебука, этой земельной описи, предпринятой въ Англіи по распоряженію Вильгельма Завоевателя, даютъ двоякое толкованіе этого слова одни производятъ его отъ англійскаго board, (кормить, содержать), другіе—отъ англо-французскаго border (граница); одни думаютъ, что бордаріи получили свое названіе отъ того, что были сельскими слугами на содержаніи у помѣщика, тогда какъ другіе видятъ ближайшее основаніе къ сообщенію имъ этого прозвища въ фактѣ занятія ими пограничныхъ участковъ (тѣхъ, которые лежали on the border, на границѣ помѣстья или манора). Признавая норманское происхожденіе бордаріевъ, мы, само собою понятно, отказываемся принять первое изъ приведенныхъ объясненій. Но и второе кажется намъ не вполнѣ обоснованнымъ. Мы не видимъ, на что опирается утвержденіе, помѣщающее бордаріевъ именно на пограничныхъ земляхъ помѣстья—такъ какъ ренталы ничего не говорятъ положительнаго на этотъ счетъ.

Въ послѣднемъ толкованіи есть, однако, доля правды. Бордаріи получили дѣйствительно свое прозвище отъ пограничнаго положенія ихъ участковъ,—но пограничнаго не съ землею сосѣднихъ помѣстій, а съ тою, которая занята была вилланами одного съ ними «манора». Это замѣчаніе требуетъ нѣкотораго поясненія. Мы видѣли, что виллены были владѣльцами равныхъ долей въ тѣхъ осеннихъ и весеннихъ поляхъ, существованіе которыхъ въ помѣстьяхъ предполагаетъ трехпольная система хозяйничанія. Бордаріи не имѣли доступа къ этимъ полямъ, ихъ участки лежали внѣ границъ послѣднихъ, и это-то обстоятельство, весьма важное при описаніи наличнаго состава по-

мѣстій, и было ближайшимъ поводомъ къ напменованію ихъ владѣльцами пограничными, бордаріями.

Съ XIII-го вѣка терминъ bordarii постепенно вытѣсняется въ норманскихъ грамотахъ терминомъ cotarii, общеупотребительнымъ въ Англіи и, очевидно, занесеннымъ оттуда. Легкость, съ которой произошла такая замѣна, сама указываетъ на то, что между норманскими бордаріями и англійскими котаріями не существовало серьезныхъ общественныхъ различій. И тѣ, и другіе одинаково были владѣльцами крестьянскихъ усадьбъ или котеджей и прилегающихъ къ нимъ небольшихъ земельныхъ участковъ и одинаково призваны были платить помѣщику ренту — частью личными услугами, частью натуральными и денежными платежами. Наконецъ, и тѣ, и другіе, одинаково не владѣли рабочимъ скотомъ и не имѣли даже участія въ осеннихъ и весеннихъ поляхъ надѣльной земли, terrae servilis.

Тогда какъ бордаріи встрѣчаются только въ памятникахъ приморской части Нормандіи и острововъ Гернзе и Джерзе, цензитаріи попадаются одинаково во всѣхъ концахъ завоеванной Норманами страны и, притомъ, съ древнѣйшей эпохи ея занятія ими. Подобно бордаріямъ, цензитаріи владѣютъ землею подворно, неся въ замѣнъ извѣстный цензъ или ренту, обыкновенно—частью получаемыхъ продуктовъ; но участки ихъ несравненно значительнѣе, воздѣлываются каждымъ въ отдѣльности съ помощью содержимаго на нихъ рабочаго скота— что, въ свою очередь, заставляетъ цензитаріевъ покупать у собственника право пользованія помѣщичьимъ лѣсомъ, какъ для построекъ и топлива, такъ и для выпаса [1]). По характеру лежащихъ на нихъ по отношенію къ сеньору обязанностей, цензитаріи распадаются, во 1-хъ, на такихъ, натуральные платежи которыхъ приближаются къ платежамъ бордаріевъ; во 2-хъ, на такихъ, всѣ взносы которыхъ сводятся къ извѣстной части годовыхъ урожаевъ (это—такъ наз. censores ad garbas), наконецъ, 3-ью группу цензитаріевъ составляютъ тѣ, которые платятъ свою ренту деньгами. Мы находимъ первыхъ въ древнѣйшихъ ренталяхъ Нормандіи, въ томъ—числѣ въ ренталѣ аббатства Св. Троицы въ Канѣ. При описаніи личнаго состава одного изъ помѣстій аббатства, составитель ренталя упоминаетъ о 12 цензаріяхъ (censarii) qui garbam reddunt et

1) Homines censores, qui reddunt garbas, debent habere merrementum ad suas carrucas et ad suas herchias et carretas garbarum ad garbas adducendas et suas perticas ad sua chevarz et per ius magister forestanorum debet vendere censoribus placeyt in misterio de quo est censor ad suam domum decenter si censor eum exigat (Cartulaire d'Eu

II gallinas quisque et XX ova. На ряду съ ними стоятъ другіе 12, qui non tenent nisi ortos suos et reddunt similiter II-as gallinas quisque et XX ova Тѣ и другіе, вмѣстѣ взятые, платятъ сообща ежегодно 30 солидовъ и шесть динаріевъ [1]).

Изъ приведеннаго текста видно, что сверхъ опредѣленнаго числа сноповъ, отдаваемыхъ ежегодно сеньеру на основаніи «champart» тѣми изъ его цензитаріевъ, которые взяли у него землю съ половины, всѣ остальные обложены еще двоякаго рода сборами. денежнымъ, или такъ наз цензомъ, и натуральнымъ, состоящимъ въ опредѣленномъ числѣ куръ и яицъ. Въ первомъ Делиль, наравнѣ съ Шампіоньеромъ, видятъ воспроизведеніе римскаго налога того же имени. который изъ государственнаго сбора сдѣлался патримоніальнымъ [2]); въ натуральныхъ же платежахъ, падающихъ одинаково какъ на лицъ, владѣющихъ землей, такъ и на лицъ, недвижимое имущество которыхъ сводится къ усадьбѣ и огороду, трудно не признать ренты за квартиру,—тѣмъ болѣе, что та же рента и въ томъ же размѣрѣ выплачивается и бордаріями, у которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ усадьбъ съ огородами!

Гипотеза Шампіоньера и Делиля возводитъ первоначальное установленіе цензитаріевъ къ періоду, за долго предшествовавшему норманскому нашествію Это положеніе вполнѣ подтверждается фактомъ упоминанія о цензитаріяхъ такими. напр., ранними источниками, какъ Полиптикъ аббата Ирминона. Но на ряду съ этими старинными цензитаріями, мы встрѣчаемъ въ Нормандіи и другихъ, соціальное положеніе которыхъ регулировалось, правда, тѣми же обычаями, но, которые своимъ появленіемъ на свѣтъ обязаны специфическимъ условіямъ, созданнымъ въ теченіе XI-го и XII-го столѣтій фактомъ обращенія прежнихъ лѣсовъ въ луга и нивы. Извѣстно, какую роль сыграли въ этомъ превращеніи на протяженіи всей Европы духовныя корпораціи, и какъ много сдѣлано было ими для утилизаціи естественныхъ силъ природы и расширенія района земледѣлія. Норманскія грамоты только подтверждаютъ то, что со временъ Монталамбера можетъ считаться историческимъ труизмомъ; онѣ говорятъ намъ на каждомъ шагу о надѣленіи монастырей со стороны герцоговъ и другихъ лицъ по преимуществу, глухими, никѣмъ не заселенными чащами съ тѣмъ, чтобы послѣднія были подвергнуты корчеванію. Silva ad extirpandum—обыкновенный предметъ земельныхъ пожалованій въ тече-

---

[1]) Cart. de .. Caen, f. 22.

[2]) Delisle. стр. 60.

ніе всего XI-го и слѣдующаго столѣтій. Вотъ что разсказываетъ, напр., о дѣятельности первыхъ аббатовъ въ Мортемерѣ рукописная хроника этого монастыря, составленная не позже конца XII-го вѣка. Обитель основана была въ 1130 мъ году на иждивеніе нѣкоего Роберта de Candos, который построилъ для монаховъ въ Бельянзи необходимыя жилища, кухню и другія хозяйственныя приспособленія, пріобрѣлъ также для нихъ покупкою три каррукаты земли. годной для обработки. За исключеніемъ 180 югеровъ, полученныхъ монастыремъ въ даръ съ самаго его основанія, всѣ дальнѣйшія земельныя пріобрѣтенія, по крайней мѣрѣ, въ Нормандіи, сдѣланы были самимъ монастыремъ—немногія покупкою, большинство же путемъ корчеванія въ сосѣднихъ лѣсахъ, каждый разъ съ разрѣшенія ихъ владѣльцевъ. Такъ, на разстояніи не болѣе пяти лѣтъ со времени своего возникновенія, монастырь въ Мортемерѣ, чрезъ посредство своего аббата, испрашиваетъ у владѣльцевъ сосѣдняго лѣса право обратить часть его подъ обработку, и, заручившись ихъ разрѣшеніемъ, распахиваетъ въ ближайшій годъ цѣлыхъ двѣсти сорокъ югеровъ Позднѣйшіе аббаты слѣдуютъ этому примѣру, выкорчевывая и засѣвая, кто четыре каррукаты, кто семь. При вступленіи своемъ на престолъ, король Стефанъ, по настоянію монаховъ. признаетъ за ними право собственности на всѣ произведенныя ими «essarta», другими словами, на всю выкорчеванную землю и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставляетъ имъ и на будущее время неограниченное и исключительное право выжигать и вырубать лѣсъ въ окрестныхъ мѣстахъ съ цѣлью увеличенія ихъ посѣвовъ [1])

Корчеванія, о которыхъ такъ много говорится въ Анналахъ аббатства въ Мортемерѣ, начались въ Нормандіи гораздо ранѣе первой половины XII-го столѣтія. Норманскія хартуларіи на каждомъ шагу говорятъ о корчеваніи, производимомъ, по преимуществу, духовными корпораціями въ теченіе всего XI-го столѣтія. Въ грамотахъ Вильгельма, обнародованныхъ до его похода въ Англію, уже упоминаются мѣстечки, самое названіе которыхъ (exarz) указываетъ на ихъ происхожденіе путемъ очистки земли отъ лѣса и кустарника [2]). Обоз-

---

[1]) Confirmacio regis Stephani.. Confirmo eis omnia essarta de Valle Mortui—Maris ita quod quiete et sine omni redditu illa essartent et quod nemo in valle illa aliquid talliet vel essartet, nisi per illos (B N. latin 18369, p 25)

[2]) Chartularium monasterii S. Ebrulfi (b n. latin 11055) f. 15. Грамота начинается словами: Guillelmus Normanorum Dux. Выраженіе rex Anglie, обычное въ грамотахъ, изданныхъ послѣ похода въ Англію, здѣсь не встрѣчается,

наченіе актами X-го вѣка [1]) нѣкоторыхъ даруемыхъ монастырямъ земель терминомъ «tractum» наводитъ на мысль, что и эти земли завоеваны были у природы путемъ корчеванія, такъ какъ самое это дѣйствіе въ средневѣковыхъ грамотахъ всего чаще передается словами trahere ad culturam отсюда и описательный терминъ—tractum ad culturam, служащій синонимъ экзарта [2]). Другое названіе его встрѣчаемое въ частности въ грамотахъ графства Эу, это—«nova londa», въ буквальномъ переводѣ «новая земля» или «новь«. Объ этомъ упоминается, между прочимъ, въ одной грамотѣ середины XII-го вѣка, которой церкви въ Эу предоставляется нѣкимъ Фулькаромъ di Monte nova londa per totam forestam nostram»; вмѣстѣ съ тѣмъ говорится, что связанныя съ поднятіемъ нови дѣйствія уже открыты братіей [3]).

Округляя этимъ путемъ свои владѣнія [4]), монахи Нормандіи обыкновенно производили связанныя съ корчеваніемъ работы не только лично [5]) или съ помощью поселенныхъ на ихъ земляхъ крестьянъ, но и при содѣйствіи свободныхъ колонистовъ, которымъ они сдавали участки лѣса въ наслѣдственное пользованіе, подъ условіемъ обращенія ихъ подъ обработку и ежегодной уплаты извѣстной части продуктовъ или напередъ выговореннаго денежнаго ценза. Такіе именно порядки рисуетъ намъ одна грамота конца XII-го вѣка, въ которой говорится о рѣшеніи, принятомъ въ спорѣ между тремя сосѣдними аббатствами назначеннымъ для третейскаго разбирательства епископомъ. Въ этомъ документѣ упоминается, что колоны (coloni) владѣютъ всею тою землею, которая обращена была ими подъ плугъ съ платой собственнику ея условленнаго числа сноповъ (et coloni — quod ad cultum tunc temporis reduxerant, salvo garba domini, cuius est fundus, in pace possideant [6]).

---

[1]) Cart. de Louviers т 1, стр 2 а. 943—996.

[2]) См. Beseler. Neubruch.

[3]) Объ „essarta“ упоминаютъ также, какъ о существующихъ уже, грамоты 1119-го и 1121-го года (Cartulaire d'Eu, fol 33 и 26).

[4]) Дѣйствія, производимыя съ этою цѣлью, передаются въ одной грамотѣ середины XII-го вѣка глаголами eradicare и extirpare (C. d'Eu f. 71)

[5]) О личномъ производствѣ такихъ работъ братіей говорятъ между прочимъ выраженія, въ родѣ слѣдующаго: sicut fratres iam eradicare et extirpare ceperunt in foresta mea (ibid).

[6]) Привожу въ извлеченіе этотъ актъ: Ego Rainaldus Dei gratia Rotomensis episcopus, notum fieri volo.. quod cum causa inter venerabiles fratres nostros abbatem de Ribodimonte et abbatem Humolariensen et abbatissam de Monsteriolo et Girardum de brenort vertebatur nobis a domino papa delegata est terminanda.—Consilio itaque prudentium virorum et personarum honestarum

Грамоты XII-го и XIII-го вѣковъ богаты указаніями на передачу монастырями земель «ad excollendum»; это — передача нови подъ обработку, съ тѣмъ, чтобы лицо надѣленное и его потомки платили ежегодно «nonam или decimam garbam» (девятый или десятый снопъ), другими словами—девятую или десятую часть урожая [1]). Переходъ этого обязательства вмѣстѣ съ землею на потомковъ перваго воздѣлывателя прямо засвидѣтельствовавъ въ одномъ судебномъ рѣшеніемъ 1227 г.[2]). Лица, вступающія въ такія условія, иногда называются колонами, а иногда кондиціонаріями, всего чаще—просто цензитаріями [3]). Уплата девятаго или десятаго снопа не всегда служитъ условіемъ взятія земель ad excollendum, иначе—подъ обработку. Нерѣдко участки лѣса отдаются монастыремъ въ наслѣдственное пользованіе лицамъ, которыя не принимаютъ на себя другого обязательства, кромѣ того, чтобы платить ежегодно опредѣленное число модіевъ зимняго и весенняго посѣва. Примѣръ даетъ намъ одна грамота 1166-го года, гдѣ значится, что монастырь Св. Ива въ Бренѣ отдалъ одному семейству двѣ рощи «ad excollendum», подъ условіемъ ежегоднаго платежа ценза въ два модія озимаго

---

qui nobiscum aderant in hunc modum inter eos composuimus, quod utrique parti certam partem territorii assignavimus et certas metas hinc inde apponi fecimus ita quod in parte alterius alter absque assensu alterius, cuius est pars, nullatenus intrare presumat et coloni in utriusque parte quod ad cultum tunc temporis reduxerunt, salva garba domini cuius est fundus, in pace possideant. De incultis autem terris vel nemoribus absque assensu domini, cuius est pars, extunc colere vel sartare non possint nec debeant (a. 1178 Archives Nationales. L. L. 1015. Cartulaire de Ribemont XIII s f 29)

[1]) См a. 1165. Concessio terrae ad terragium decimae garbae (fol 58) — a. 1183—(Dedi), terram adexcollendam . quod nonam garbam persolvet ecclesiae, salva decima (fol 65) —(Ibid)

[2]) Вотъ самый текстъ этого рѣшенія: судьи признали—Quod idem tenebat terram illam jure hereditario ab ecclesia beati Nicholai, hac ratione quod prefatus rusticus colet terram illam et de omni fructu illius debet reddere nonam garbam ecclesie beati Nicholai annuatim pro terragio suo et perducere usque in grangiam nostram de Forsis similiter et decimam quam ibi habemus (fol. 34).—Тотъ же наслѣдственный характеръ цензитарной земли выступаетъ и изъ слѣдующаго текста того же хартуларія... Sententia a. 1203 .. Quod predictus Nicholaus de Fuillanis *extirpavit* in Herdinual quinque modiate terre, salvo terragio atque decimaquorum

[3]) Delisle, стр. 7 Conditionarii seu liberi homines etc, II post obitum Nicholai libere ad ecclesiam beati Nicholai revertentur Tria vero possidebit jure hereditario, conservata predicta pactione (ibid. f. 63 v⁰).

хлѣба [1]). Цензитаріи подобнаго рода встрѣчаются также довольно часто на земляхъ аббатства въ Канѣ. Такъ напр., въ помѣстьи Ronvilla мы находимъ одного цензитарія, платящаго четыре секстарія зерномъ, два пшеничнымъ. а два ячменнымъ, и, рядомъ съ нимъ—другого, который платитъ ежегодно монастырю всего одинъ секстарій пшеницы [2]).

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о третьей категоріи цензитаріевъ—о тѣхъ, всѣ обязанности которыхъ сводятся къ уплатѣ извѣстной денежной ренты. Въ эту категорію одинаково могутъ попасть какъ тѣ, которыхъ норманское завоеваніе застало уже въ отдѣльныхъ помѣстьяхъ, такъ и тѣ, которые появляются впервые въ X и слѣдующихъ столѣтіяхъ, по мѣрѣ обращенія лѣсовъ въ пашни и расширенія хлѣбопашества. Естественнымъ путемъ къ возникновенію этой третьей категоріи цензитаріевъ представляется намъ переводъ на деньги слѣдующихъ съ нихъ натуральныхъ сборовъ Разъ это было допущено, цензитарію не оставалось ничего, какъ платить изъ года въ годъ и изъ поколѣнія въ поколѣніе ту самую сумму, которая въ эпоху переложенія натуральнаго сбора на денежный служила денежнымъ эквивалентомъ перваго. Цензитаріи послѣдней группы представляютъ въ норманскихъ помѣстьяхъ явленіе довольно частое Выраженія sub censu VI или X denariorum чередуются въ хартуларіи съ болѣе общимъ обозначеніемъ солидовъ и динаріевъ, платимыхъ совмѣстно тѣмъ или другимъ числомъ цензитаріевъ [3]).

Сравнивая общественное положеніе цензитаріевъ съ тѣмъ, какое занимаютъ вилланы и бордаріи, мы приходимъ къ заключенію, что

---

[1]) ..dedit II nemora ad excollendum Dalmelini et Perte sub annuo censu duorum modiorum hyemalis annone qualis in ipsa terra creverit ad mensuram braie (Arch. Nat. Cartulaire de St Ived de Braine, (XIII s.) LL. 1583, fol 119) —См также Cartulaire de la 'S. Trinité du Mont de Rouen (ed. Deville) № 85., цензъ, упоминаемый въ ней состоитъ изъ одного модія ржи и одного модія овса ежегодно.

[2]) In Ronvilla—habet abbas censarium unum, qui dat IV sextaria annone, II de frumento, II de ordeo, et alium qui dat sextarium frumenti (B. N latin 5650, f 22).

[3]) Въ хартуларіи аббатства Mortemer довольно часты отдачи земель sub censu sex denariorum singulis annis ad festum Sancti Johannis (B N lat. 18369, f. 84).—In Bavent habet abbas .. censarium qui dat XII d.—Въ грамотѣ de institutione monasterii S. Trinitatis in Cadomo (Caen) значится, между прочимъ, что Вильгельмъ Завоеватель даетъ аббатству IV censarios qui reddunt XL solidos (B. N. latin 5650, f 22 и fol. 19).

первые пользуются значительно большею свободою, чѣмъ послѣдніе. Вся ихъ зависимость отъ сеньера сводится къ уплатѣ ренты, натурою или деньгами, смотря по уговору. Сеньеръ не имѣетъ по отношенію къ цензитарію ни одного изъ тѣхъ правъ, какими онъ пользуется по отношенію къ вилланамъ; онъ не можетъ требовать отъ нихъ ни барщины, ни подвозной повинности; цензитарій свободенъ отдать свою дочь замужъ, кому вздумаетъ; его кончина не сопровождается для наслѣдника обязательствомъ платежей; наконецъ, и въ отношеніи къ передвиженію цензитарій менѣе стѣсненъ:—онъ въ правѣ продать свой участокъ третьимъ лицамъ, при чемъ сеньеръ пользуется только правомъ предпочитательной покупки [1]).

Четвертымъ элементомъ въ составѣ помѣстнаго населенія являются hospites, занимающіе участки terra servilis наравнѣ съ вилланами и бордаріями и нерѣдко совпадающіе съ вышеупомянутой группой цензитаріевъ Но кого разумѣютъ норманскія грамоты подъ именемъ hospites? Терминъ этотъ попадается намъ уже въ древнѣйшихъ ренталяхъ Франціи, въ ренталѣ аббатства Бога-Отца въ Шартрѣ и Полиптикѣ Ирминона. Въ этихъ источникахъ слово это, какъ выяснилъ Гераръ, имѣетъ слѣдующее значеніе. Подобно inquilinus, о которомъ Исидоръ говоритъ, какъ о поселенцѣ на чужой землѣ, hospes былъ свободнымъ обывателемъ, осѣвшимся въ предѣлахъ того или другого помѣстья и платившимъ собственнику тѣ или другіе взносы за право пользованія предоставленнымъ ему участкомъ и расположенной на немъ усадьбой. Самый этотъ участокъ носилъ названіе hospitium. Послѣдній могъ быть занятъ, впрочемъ, человѣкомъ и полусвободнаго состоянія, колономъ [2]), литомъ, сервомъ. Вотъ почему наравнѣ съ свободными лицами мы встрѣчаемъ въ hospitia и вышеперечисленныхъ зависимыхъ людей. Но, какъ общее правило, hospes является человѣкомъ лично свободнымъ и призывается къ исполненію извѣстныхъ службъ и платежей лишь по причинѣ занятія имъ чужой земли, а не въ силу факта рожденія отъ лица несвободнаго состоянія. Сеньеръ вправѣ былъ удалить hospites съ занимаемыхъ ими участковъ. Подобно вилланамъ, они облагались въ пользу сеньера личнымъ сборомъ (taille), обыкновенно, въ случаѣ его плѣна или по иной неотложной необходимости. Сеньеръ отчуждалъ ихъ вмѣстѣ съ тою землею, на которой они сидѣли. Обще-

[1]) Si autem contingerit, quod ipsi coloni aliqua occasione terras illius territorii vendere velint aut alienare, non liceat eis nisi domino ipsius territorii vel absque licentia ipsius domini. (Cartulaire de Ribemont, fol. 29).

[2]) Bertoinus colonus tenet ospitium (Irminon t II, p 3)

ственное положеніе hospites не измѣнялось съ переходомъ ихъ изъ однихъ рукъ въ другія; оно продолжало опредѣляться обычаями или письменными соглашеніями, заключенными ими или ихъ предками съ прежнимъ земельнымъ собственникомъ [1]).

Спрашивается, насколько отвѣчаетъ эта характеристика тѣмъ указаніямъ, какія содержатъ въ себѣ норманскія грамоты и рентали касательно hospites? Надо замѣтить прежде всего, что большинство упомянутыхъ источниковъ содержатъ въ себѣ лишь косвенные намеки на то, каково было взаимное отношеніе hospites и ихъ феодальныхъ сеньеровъ. Дарственныя и купчія говорятъ только объ отчужденіи ихъ вмѣстѣ съ землею, при чемъ на покупателя переходитъ право взыскивать съ hospites десятину или другую часть продуктовъ отъ воздѣлываемыхъ ими полей, а также денежный цензъ. Hospites призываются въ тоже время къ отбыванію постойной повинности и къ содержанію на собственный счетъ феодальнаго сеньера и его слугъ при ихъ посѣщеніяхъ и объѣздахъ [2]).

Подобно вилланамъ, hospites въ Нормандіи пользовались далеко не повсюду свободою передвиженія. Утверждать это мы можемъ, опираясь на текстъ слѣдующаго документа. Въ 1151-мъ году продолжительныя препирательства между аббатствомъ Св. Медарда и монастыремъ Божьей Матери въ Бранѣ окончены были соглашеніемъ, въ которомъ, между прочимъ, и выговоривалось, что hospites обоихъ аббатствъ не могутъ переходить съ земель одной обители на земли другой (hospites beati Medardi non poterunt ulterius migrare in terram St. Mariae). Вмѣстѣ съ тѣмъ, земельнымъ собственникамъ отказано въ правѣ переводить ихъ съ своихъ земель на чужія, что, сказано въ грамотѣ, въ прежнее время соблюдалось далеко не строго. (Eodem modo hospites St. Marie non poterunt pro ulla re que accidat inde huc transmovare, quod prius quidem non fiebat [3]).

[1]) Guérard Préface au Cartulaire de l'abbaye de Saint—Père de Chartres p. XXXV.—Polyptique de l'abbé Irminon, т I, стр 424 и слѣд

[2]) Henricus Augensis comes. . въ 1119 жалуетъ между прочимъ IV hospites ad acumesnil et omnem decimam eorum et campartum .. duos hospites et decimam eorum et campartum, Hii sex hospites прибавляетъ цитируемый документъ V-que solidos reddunt ad festam S-ti Remigii (f. 33). О тѣхъ же hospites сказано въ другой грамотѣ того же Генриха, что они debent hospitacionem et procuracionem canonicis per eos transeuntibus (f. 38). Cartulaire d'Eu Fonds latins B. N. 13904 —Отчужденіе hospites вмѣстѣ съ занятой ими землею наглядно выступаетъ изъ текстовъ въ родѣ слѣдующаго: concedimus terram presbiteri cum uno hospite (Cart. monasterii St. Ebrulfi, B. N. Latin 11055; f. 17 (a 1050).

[3]) Arch. Nat. LL. 1583. Cartulaire de St Ived de Braine (XIII s.), fol. 91.

Отсюда мы заключаемъ, что прикрѣпленіе hospites къ разъ занятымъ ихъ предками участкамъ является въ XII-мъ вѣкѣ еще нововведеніемъ, и что въ предшествующія столѣтія они пользовались свободой передвиженія. На это, повидимому, и намекаетъ древнѣйшая изъ дошедшихъ до насъ норманскихъ грамотъ, которая, говоря о даровании аббатству Лувье нѣсколькихъ hospites, соединяетъ каждый разъ съ этимъ терминомъ выраженіе «cum libertate» [1]).

Упомянутое нами соглашеніе между монастырями Св Менарда и Божьей Матери указываетъ и на источникъ происхожденія самого класса hospites. «Чужестранецъ», сказано въ грамотѣ, «который поселится на земляхъ одного изъ аббатствъ, не будетъ имѣть впредь права передвиженія—ни онъ, ни его наслѣдники» [2]). Онъ становится hospes аббатства и раздѣляетъ поэтому всѣ невыгоды, связанныя съ принадлежностью къ этому классу И такъ, hospites—чужеродцы, поселенные феодальными собственниками на земляхъ, не занятыхъ виллана̀ми. Въ отличіе отъ послѣднихъ, они владѣютъ каждый въ отдѣльности и наслѣдственно опредѣленнымъ участкомъ земли [3]), нерѣдко — одной усадьбой; это владѣніе не даетъ имъ права на пользованіе общинными угодьями; если они и допускаются къ послѣднимъ, то каждый разъ въ силу спеціальнаго разрѣшенія сеньера и подъ условіемъ вознагражденія его деньгами или натуральными взносами.

Полиптики IX-го вѣка, въ связи съ норманскими грамотами первой половины слѣдующаго столѣтія [4]), не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что hospites извѣстны были въ Нормандіи до времени завоеванія ея скандинавскими выходцами.

Того же далеко нельзя сказать о другомъ классѣ свободныхъ поселенцевъ, съ существованіемъ которыхъ въ Норманди знакомятъ насъ одинаково ея хартуларіи и рентали,—я разумѣю vavassores.

Въ древнѣйшихъ источникахъ вавассоры извѣстны обыкновенно подъ болѣе общимъ наименованіемъ liberi homines. Первыя по времени грамоты монастырей Св. Троицы въ Канѣ и Божьей Матери въ Руанѣ знаютъ только послѣднихъ; liberi homines противуполагаются въ нихъ,

---

[1]) Cartulaire de Louviers p. 1, a 943—996;—hospites in eadem villa cum libertate.

[2]) C de Braine, f. 91 Forensis quoque veniens in quacumque terra supra dictarum ecclesiarum si mansuram acceperit, alias transire non poterit a. 1151

[3]) Delisle, стр 11.

[4]) Cartulaire de Louviers. Актъ основанія этого аббатства 943 — 996-го года, (стр. 1).

какъ общее правило, всему остальному сельскому населенію, или такъ называемымъ rustici [1]). Изъ документовъ, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи, ренталь аббатства въ Лизье, въ актѣ середины X-го вѣка, говоритъ уже о liberi homines, какъ о самостоятельномъ классѣ помѣстнаго населенія [2]) при чемъ указываетъ на обязательность для нихъ извѣстной службы въ вознагражденіе за землю; съ другой стороны, ренталь аббатства въ Канѣ конца XI или начала XII в. употребляетъ по отношенію къ нимъ выраженія, не оставляющія сомнѣнія въ томъ, что ихъ служба по характеру своему была службой благородной. Перечисляя доходныя статьи, которыми владѣетъ монастырь въ Канѣ, составитель ренталя замѣчаетъ, что въ Фонтанилѣ имѣется одинадцать вавассоровъ, каждый «homo de bona domu» [3]). Права и обязанности ихъ указываются въ другихъ частяхъ ренталя слѣдующимъ образомъ: три раза въ годъ они исполняютъ при сеньерѣ обязанность военной стражи, но сеньеръ не можетъ принудить ихъ слѣдовать за собою внѣ предѣловъ Нормандіи (per totam Normanniam) [4]). Лошадь и вооруженіе падаютъ на ихъ счетъ [5]). На ряду съ военной службой, они призываются къ присутствію и участію въ вотчинномъ судѣ. Объ исполненіи ими какихъ либо сельскохозяйственныхъ повинностей ренталь не говоритъ ни слова; онъ хранитъ также упорное молчаніе и относительно того, платили ли вавассоры какую либо денежную или натуральную ренту или нѣтъ. Такъ какъ на ряду съ этимъ стоитъ обстоятельное перечисленіе повинностей и платежей, падавшихъ на остальныхъ жителей помѣстья, то молчаніе ренталя не терпитъ иного объясненія кромѣ того, что вавассоры были свободны отъ всѣхъ обязанностей подобнаго рода. Если, какъ это слѣдуетъ изъ приводимыхъ Делилемъ текстовъ XII-го вѣка, они и выплачиваютъ по временамъ campartum или census, если мы видимъ ихъ подъ-часъ даже за сельскохозяйственными работами въ пользу сеньера, то все это они дѣлаютъ не въ качествѣ вавассоровъ, а въ качествѣ лицъ, снимающихъ у помѣщика землю на тѣхъ или другихъ условіяхъ. За то, съ другой стороны, они обло-

[1]) Въ одной дарственной записи 1068 г. значится, напр., что даритель dedit omnem terram Gruceth, praeter haec unum scilicet rusticum et alterum liberum cum sua terra (Cart du Mont de Rouen, par Delisle, стр. 459)

[2]) Terra... unde plurimorum vavassorum servitium redditur (a. 943—996)

[3]) f 22.

[4]) Commodat palefridum suum ter in anno ubi abbas voluerit per Normanniam.

[5]) На это, повидимому, указываютъ выраженія, въ родѣ слѣдующихъ: Ricardus de Geio qui habet horreum suum et helmos

жены въ его пользу всякаго рода феодальными сборами, въ частности—relevium или relief, выплачиваемымъ наслѣдниками умершаго вавассора при утвержденіи ихъ правъ помѣщикомъ [1]).

Что касается ихъ земельной собственности, то она далеко не столь значительна, какъ признаетъ это Делиль. Для примѣра укажу на то же помѣстье Фонтенель, въ которомъ каждый изъ одинадцати вавассоровъ владѣетъ однимъ акромъ земли [2]). Впрочемъ, наряду съ этимъ, ренталь говоритъ о вавассорахъ другихъ помѣстій, держащихъ пять, двѣнадцать и даже тридцать акровъ [3]). Подобно виланамъ, вавассоры не знаютъ права первородства и практикуютъ равный раздѣлъ наслѣдства. Старшему принадлежитъ выборъ между долями [4]). Послѣдствіемъ такого порядка вещей и явилась та дробность участковъ, которая отличаетъ собою землевладѣніе вавассоровъ. Образецъ ея мы находимъ у Делиля, который говоритъ о ста тридцати восьми доляхъ, расположенныхъ въ разныхъ поляхъ и принадлежащихъ совмѣстно какимъ-нибудь сорока семьямъ.

Мы разсмотрѣли послѣдовательно тѣ условія, на которыхъ отдѣльные классы помѣстнаго населенія допускаемы были къ землевладѣнію; мы показали, что эти условія были различны, смотря по происхожденію самихъ владѣльцевъ, что они были одни для виллановъ и бордарієвъ, другія для тѣхъ свободныхъ поселенцевъ, которые подъ наименованіями liberi homines, hospites, censitarii и vavassores держали землю отъ феодальныхъ собственниковъ. Мы видѣли, наконецъ, также, что всѣ эти классы, не только составляютъ въ помѣстьяхъ каждый по себѣ отдѣльную группу, но и занимаютъ разныя части помѣстной территоріи; terra ad hospitandum, какъ и terra censaria, и terra vavassorum лежатъ отдѣльно отъ тѣхъ земель, на которыхъ расположены надѣлы виллановъ или помѣстныхъ крестьянъ. Бордаріємъ отведены участки также за предѣлами terra villanorum. Нако-

---

[1]) Delisle, стр. 6.

[2]) XI vavassores, qualiscunque quidam habet acram terre sicut vavassor

[3]) In Granvilla habet ecclesia.. III vavassores, quorum II habent 30 acras terre quisque, tercius vero V',—In Bavent vavasores II qui habent XXIV' acras terre et alius adhuc qui habet II acras et II in elemosina et vavassorem acrarum XII

[4]) Vavassoria... juxta consuetudinem patrie partientur (Très ancien coutumier, Pars prima, cap. VIII—cap. IX) Omnia tenementa, si contingat descendere ad sorores equaliter partientur, ita tamen quod soror primogenita habebit masnagium capitale.—(Pars secunda, cap LXXXIII). Tenementum antecessoris debet dividi inter heredes equaliter... Portionibus factis semper primogenitus habebit electionem.

нецъ, milites или рыцари, въ характеристику общественнаго положенія которыхъ мы не имѣемъ цѣли входить, получали свою землю изъ той части помѣстной территоріи, которая извѣстна была подъ именемъ terra dominica,—слѣдовательно, отдѣльно отъ прочихъ обывателей помѣстья Мы не ошибемся поэтому, если скажемъ, что норманскій маноръ или помѣстье представляется какимъ то искусственнымъ соединеніемъ нѣсколькихъ общинъ и частныхъ владѣній, изъ которыхъ одне восходятъ до глубокой древности, а другія болѣе или менѣе недавняго происхожденія. Къ первымъ слѣдуетъ отнести одинаково общины какъ несвободныхъ, такъ и свободныхъ поселенцевъ, равно виллановъ и hospites. И тѣ, и другіе, принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ поселенцевъ,—первые вербуются изъ передавшихъ себя въ крѣпостничество мелкихъ земельныхъ собственниковъ или отпущенныхъ на волю рабовъ, вторые—изъ поселенныхъ помѣщикомъ чужестранцевъ (forenses). Новѣйшимъ элементомъ въ помѣстьѣ являются цензитаріи, vavassores и milites, первые—какъ преемники виллановъ или воздѣлыватели никѣмъ еще не тронутой «нови», вторые и третьи—какъ солдаты и офицеры оставшагося въ странѣ войска завоевателей

Эти различія весьма существенны для правильнаго пониманія въ частности и того вопроса, который отнынѣ всецѣло займетъ наше вниманіе,—вопроса о характерѣ и происхожденіи общиннаго землевладѣнія въ Нормандіи Только выяснивъ предварительно, изъ какихъ послѣдовательныхъ пластовъ образовалось помѣстное населеніе, можемъ мы отвѣтить на вопросъ, носила ли земельная община въ герцогствѣ съ самаго начала характеръ несвободной, или же свободная община была извѣстна въ этой странѣ издревле, на ряду съ общиной крѣпостныхъ крестьянъ и поселенныхъ на земляхъ рабовъ.

Читателю нужно только вспомнить то, что было сказано нами о такъ называемыхъ hospites, чтобы заключеніе о принадлежности liberi homines къ обычному составу помѣстья не представило для него ни чего неожиданнаго. Ему не слѣдуетъ также терять изъ виду сказаннаго о вилланахъ и ихъ отличіи отъ servi или рабовъ, чтобы получить правильное представленіе о томъ, изъ кого составилась и сама несвободная или крѣпостная община. Едва ли онъ найдетъ возможнымъ въ такомъ случаѣ признать въ членахъ ея однихъ преемниковъ рабовъ, поселенныхъ на римскихъ земляхъ собственниковъ, и онъ согласится со мною, что наравнѣ съ преемниками такихъ рабовъ въ составъ помѣстья вошли въ значительной степени прежніе свободные поселенцы, добровольно передавшіе себя въ зависимость отъ

крупныхъ владѣльцевъ и никогда вполнѣ не закрѣпленные,—даже послѣ сосредоточенія титуловъ на землю въ рукахъ завоевателей норманновъ.

Все, что можетъ быть приписано вліянію послѣднихъ въ этомъ отношеніи, сводится къ тому, что введенная ими, какъ земельными собственниками, система обработки полей тяжелыми плугами съ восьми-головой упряжью значительно измѣнила порядокъ распредѣленія надѣловъ между крестьянами и сдѣлала возможнымъ установленіе нѣкоторой пропорціональности между величиной надѣла и числомъ головъ рабочаго скота, бывшимъ во владѣніи каждаго двора. Система общей вспашки и участія нѣсколькихъ дворовъ совмѣстно въ снаряженіи карруки или тяжелаго плуга дозволили установленіе въ крестьянскомъ землевладѣніи большей равномѣрности и разсѣяли крестьянскія полосы по разнымъ конамъ, нерѣдко отличавшимся другъ отъ друга качествомъ и производительностью почвы Отправляясь отъ признанія чисто долевого характера, какой крестьянское землевладѣніе носило въ Нормандіи XI-го и XII-го столѣтій, читатель согласится съ нами, что оно приближалось болѣе къ типу общиннаго, нежели частнаго, это видно уже изъ того, что при существованіи его никто не могъ указать на границы своихъ владѣній и каждый имѣлъ право на равное съ другими участіе во всѣхъ и каждомъ изъ трехъ полей, существованіе которыхъ предполагаетъ господствующая система хозяйничанія. Въ то же время читатель признаетъ, что эта система, ограниченная въ своемъ дѣйствіи узкою сферою крестьянскаго землевладѣнія, не устраняла возможности параллельнаго существованія въ Нормандіи унаслѣдованной отъ римлянъ частной собственности, свободно переходившей изъ рукъ въ руки, частью при соблюденіи формальностей предписанныхъ на этотъ счетъ церковью, частью путемъ совершенія разнаго рода символическихъ дѣйствій, за которыми обычное право германскихъ и, въ ихъ числѣ, скандинавскихъ народностей признавало силу актовъ укрѣпленія на недвижимость. Подъ первыми я разумѣю, въ частности, обычную въ норманскихъ грамотахъ передачу земельнаго участка super altare (надъ алтаремъ),—практику, введенную, по всей вѣроятности, церковью въ собственныхъ ея интересахъ. Въ тотъ суевѣрный вѣкъ, въ который Нормандія впервые выступаетъ на арену всемірной исторіи, юридическія сдѣлки пріобрѣтали силу отъ малѣйшаго соприкосновенія ихъ съ религіознымъ культомъ. Неудивительно, что передача документа надъ алтаремъ сообщала ему характеръ чего то освященнаго свыше и по тому самому—крѣпкаго и

нерушимаго [1]). Па ряду съ этой практикой мы встрѣчаемъ другую, которая переноситъ насъ въ отдаленную эпоху варварскихъ правдъ; я разумѣю символическія передачи собственности мечемъ, копьемъ или заступившей ихъ со временемъ соломиной—festuca, въ чемъ германцы видѣли наглядное выраженіе того, что лучшимъ титуломъ собственности служитъ военное занятіе. Въ одной грамотѣ Вильгельма I, занесенной въ хартуларій аббатства Св. Троицы, говорится еще о дареніи, совершенномъ при слѣдующихъ условіяхъ: король, говоритъ составитель,—для котораго, повидимому, уже неясно значеніе этого символа,—шутя направилъ при передачѣ ножъ на ладонь аббата въ присутствіи свидѣтелей [2]), Ироническое значеніе, приданное, повидимому описанному обряду самимъ Вильгельмомъ указываетъ на то, что въ его время этотъ способъ передачи былъ уже анахронизмомъ, фактомъ переживанія, всего чаще замѣняемымъ простой traditio надъ алтаремъ. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что въ большинствѣ послѣднихъ по времени грамотъ вовсе нѣтъ рѣчи о совершеніи какого либо символическаго акта. Подпись свидѣтелей и публичность сдѣлки признаются достаточными для ея крѣпости [3]).

Единственнымъ препятствіемъ къ совершенію земельныхъ отчужденій являлась необходимость заручиться согласіемъ всѣхъ ближайшихъ родственниковъ, ведшихъ хозяйство сообща съ главою семьи, нерѣдко жившихъ съ нимъ въ одномъ дворѣ. Далеко не случайностью объясняется частое упоминаніе о женѣ, сыновьяхъ и дочеряхъ, соглашающихся и одобряющихъ продажу или дареніе того или инаго участка въ пользу церкви или монастыря [4]). Оно указываетъ на то,

---

[1]) Cartulaire de Caen, folio 33 .. terram reddidit super altare.—Cart St Ived de Braine a. 1150, f. 59 Vineam super altare per librum posuit. — Cart. de Mortenez—Obtulit super altare partem suam campi (p 64)

[2]) Hae donatio facta est per unum cultellum quem prefatus rex jocularıter dans abbati quasi eius palmae minatus infigere. Ita inquit terra dari debet hoc ergo evidenti signo. Multorumque nobilium qui regio lateri astabant testimomio facta est haec donatio (1069 годъ). Cart. de la S. Trinité du Mont de Rouen, ed. Deville, № 67, стр. 455.

[3]) Unum terrae acrum coram testibus nobis tradidit, читаемъ мы въ одной грамотѣ XII в., помѣщенной въ Cart. de la St. Trinité du Mont de Rouen за № 62.

[4]) Обычная формула гласитъ слѣдующее: concedentibus uxore sua et heredibus. (Cartulaire de Mortemer (конца XII вѣка B. N. latin 18369, p 85). Иногда встрѣчаются также выраженія: Hoc totum laudantibus et approbantibus fratribus et sororibus predicti (разумѣется даритель) (Cartulaire de Braine, гр. 1178 г. ст р. 421).

что земля въ это время считалась болѣе семейной, нежели индивидуальной собственностью. Правда, свобода раздѣловъ вела неизбѣжно къ распаденію большихъ семей; но эти послѣднія все еще продолжали держаться среди высшаго феодальнаго дворянства и рыцарства, на эти сферы свобода раздѣловъ не распространилась. Право первородства, ограниченное указанными сословіями, являлось преградою къ семейнымъ дѣлежамъ, такъ какъ сыновья лица, не оставившаго послѣ себя болѣе одного феода, принуждены были ограничиться равными долями въ ежегодномъ доходѣ имѣнія, сосредоточивая завѣдываніе послѣднимъ, вмѣстѣ съ находящимся въ немъ замкомъ, въ рукахъ старшаго, который становился такимъ образомъ управителемъ общаго достоянія [1]).

Вотъ почему въ грамотахъ XI и XII столѣтій мы встрѣчаемъ подчасъ упоминаніе о heredes, или наслѣдникахъ, какъ о совмѣстныхъ владѣльцахъ; попадаются выраженія, въ родѣ слѣдующаго. dodo etc jus participes [2]). Тѣми же причинами объясняется существованіе въ Нормандіи въ это время полей, самое названіе которыхъ—pratum participationis—способно было бы вызвать нѣкоторое недоумѣніе, навести на мысль о передѣляемыхъ между общинниками лугахъ, если бы въ источникахъ не было яснаго указанія на то, что совмѣстное пользованіе въ нихъ принадлежало оставшимся нераздѣльными наслѣдникамъ [3]).

Если передача населенныхъ даже земель изъ рукъ въ руки считалась дѣйствіемъ вполнѣ дозволеннымъ, то какъ удержалась система общиннаго владѣнія крестьянъ рядомъ съ такой свободой распоряженія. Двѣ причины сдѣлали возможнымъ, на нашъ взглядъ, отправленіе собственниками права отчужденія вмѣстѣ съ землею ея поселенцевъ и одновременное сохраненіе послѣдними въ неприкосновенности ихъ

---

[1]) Le très ancien coutumier Pars prima cap VIII. Miles primogenitus feodum lorice integrum habebit et non partietur; ceteri vero escaetas habebunt aequaliter .. Nec feodum lorice, nec serjanteria, que ad domum ducis pertinet, nec baronia partientur —Pars secunda—si unicum sit feodum, primogenitus illud habebit et aliis faciet partiones vel liberationes quamdiu vixeret secundum quantitatem tenementi (caput LXXXIII). См. Tardif. Les coutumiers de Normandie).

[2]) A. 1145, Cartulaire de Braine, p. 131.

[3]) Ego Margareta... abbatissa monasterii Ribodimontis .. (notum fasio) . quod heredes Andree militis de Ribodimonte medietatem cuiusdam prati quod habebunt juxta nemus Sancti Nicholai, quod pratum partici partionis dicitur, quod etiam de nobis in illa medietate censualiter tenebant, assensu nostro in elemosinam dederunt ecclesie Sancti Nicholai de pratis in perpetuum possidendum (Cartulaire de Ribemont. LL 1015. (Arch. Nat.) f. 34.

старинныхъ общинно-долевыхъ порядковъ. Одна изъ нихъ носитъ чисто фактическій характеръ, другая, напротивъ того, юридическій. Начну съ первой. Сельскохозяйственные порядки, какъ извѣстно, принадлежатъ къ числу наболѣе устойчивыхъ чертъ народной культуры. Перемѣны въ нихъ, если и происходятъ, то не иначе, какъ черезъ столѣтія, подъ вліяніемъ такихъ неотвратимыхъ факторовъ, какъ увеличивающаяся густота населенія и обнаруживающійся, благодаря ей, бо́льшій запросъ на землю и ея продукты. Встрѣчая въ норманскихъ памятникахъ частыя упоминанія о mansi vasti [1]), о terra vacua, о лѣсахъ и пустошахъ, до которыхъ еще не коснулся плугъ, трудно прійти къ заключенію, что наступила уже эпоха необходимаго перехода къ болѣе интензивнымъ системамъ хозяйничанія. Никѣмъ не занятыхъ крестьянскихъ надѣловъ, какъ и не тронутой въ лѣсахъ нови еще слишкомъ много для того, чтобы заставить человѣка затрачивать на удобреніе почвы рѣдкій въ то время капиталъ, не обращаясь предварительно къ утилизаціи свободныхъ природы богатствъ.

XI-ое и XII-ое столѣтія въ Нормандіи являются эпохой расширенія земледѣлія путемъ корчеванія лѣсовъ, образованія экзартовъ и привлеченія къ землѣ новыхъ воздѣлывателей изъ чужихъ странъ (forenses), но вовсе не эпохой замѣны одной системы хозяйничанія другой. А если это такъ, то спрашивается, какую выгоду могли имѣть новые земельные собственники въ измѣненіи тѣхъ общинносельскихъ порядковъ, которые они заставали на купленныхъ ими участкахъ и которые обезпечивали имъ и періодическое отправленіе на ихъ домаціальной землѣ сельскохозяйственныхъ работъ, и своевременное полученіе натуральныхъ и денежныхъ рентъ? Если чувствовался недостатокъ въ чемъ, это — въ рабочихъ рукахъ; если земельные собственники стремились къ чему, это — къ закрѣпленію крестьянскаго населенія. Собственный интересъ побуждалъ ихъ поэтому сохранять неприкосновенной систему долевого землевладѣнія. Такова одна изъ причинъ его удержанія на протяженіи цѣлаго ряда столѣтій.

Укажу теперь другую. Обычное право, всегда являющееся вѣрнымъ отраженіемъ господствующихъ въ странѣ экономическихъ порядковъ, издревле приняло подъ свою защиту необезпеченное закономъ крестьянское землевладѣніе. Гораздо ранѣе всякихъ письменныхъ соглашеній между сеньерами и вилланами, возникли въ Нормандіи тѣ правила о наслѣдственномъ переходѣ крестьянскихъ владѣній,

---

[1]) Cartulaire de Caen.

о неизмѣнномъ размѣрѣ требуемыхъ помѣщикомъ службъ и платежей, какія мы находимъ какъ въ древнѣйшихъ ренталяхъ, такъ и въ знаменитомъ норманскомъ кутюмье конца XII-го и начала XIII-го вѣка,—этой первой частной компиляціи господствующихъ въ странѣ обычаевъ. Такимъ образомъ, наравнѣ съ фактическими, возникли постепенно и юридическія основанія къ удержанію общинно-долевой системы крестьянскаго землевладѣнія; поставлены были препятствія къ произвольному измѣненію или ниспроверженію его земельными собственниками. Съ этими препятствіями принуждены будутъ считаться и послѣдующія поколѣнія; потребуется рядъ законодательныхъ предписаній и пріобрѣтшихъ силу закона судебныхъ рѣшеній, чтобы отмѣнить по частямъ отдѣльныя стороны этого обычая и сдѣлать тѣмъ самымъ возможнымъ переходъ къ новымъ земельнымъ порядкамъ, болѣе соотвѣтствующимъ измѣнившемуся отношенію населенія къ землѣ и вызванному имъ запросу на интензивную культуру.

Мы имѣли пока дѣло съ одной лишь системой пользованія пахотными землями (terra arabilis). Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть возможно обстоятельно порядокъ эксплуатаціи талоки или пара, лѣсовъ, пастбищъ и сравнительно рѣдкихъ еще сѣнокосовъ.

Древній кутюмье Нормандіи различаетъ двѣ категоріи земель: «terres en deffens» и «terres communes»; другими словами—земли, доступъ къ которымъ закрытъ третьимъ лицами, и земли, подлежащія праву пользованія всѣхъ и каждаго изъ жителей общины Первыми признаются поля подъ посѣвомъ, луга и степи, отъ середины марта до праздника Воздвиженія Креста Господня, а также—всѣ тѣ участки, которые издревле обнесены были загородями (clausurae—называютъ ихъ норманскія грамоты XI-го и XII-го вѣка), наконецъ, лѣса, объявленныя in banno, иначе—закрытыми для сосѣдей и ихъ общиннаго пользованія. Все, что на одномъ изъ вышеизложенныхъ основаній не составляетъ terre en deffens, признается «общинной землей» (terre commune). Въ эту категорію входятъ прежде всего нивы и луга по окончаніи жатвы и покоса; съ этого момента и до тѣхъ поръ, пока съ наступленіемъ весны выступятъ новые посѣвы или покажется молодая трава, пахоти и сѣнокосы считаются общимъ выгономъ, на который всѣ и, каждый изъ сельскихъ дворовъ имѣютъ равное право высылать свой рабочій скотъ, и стада овецъ, отнюдь, однако, не козъ или свиней, въ виду причиняемаго послѣдними вреда. Мѣстное названіе для всего этого періода—temps de banon. «Никто, говоритъ

кутюмье, не вправѣ закрыть сосѣдямъ доступа къ своей земли во все то время, пока продолжается temps de banon» [1]).

Наряду съ только что описаннымъ видомъ общиннаго пользованія, норманскія грамоты упоминаютъ и о другомъ, объектомъ котораго служатъ по преимуществу лѣса. Обширное ихъ протяженіе было причиной того, что они утилизировались, главнымъ образомъ, какъ пастбища для всякаго рода животныхъ, начиная отъ свиней и оканчивая рабочимъ скотомъ. Норманскія грамоты различаютъ два вида пользованія лѣсомъ, какъ пастбищемъ: pasnagium, или право посылать въ лѣсъ свиней на желудиный кормъ и herbagium, или право выпаса остальныхъ животныхъ растущею въ лѣсу травою.

И то, и другое право подвергаются лишь тѣмъ ограниченіямъ, какихъ требуетъ дальнѣйшій ростъ самого лѣса. Вотъ почему въ мѣстныхъ кутюмахъ Нормандіи мы встрѣчаемъ нерѣдко постановленія, въ родѣ слѣдующаго. въ молодомъ лѣсу право выпаса отмѣняется на все время, пока деревья не достигнутъ того роста, при которомъ «bestie non possunt summitatem illius attingere»; за этимъ періодомъ лѣсъ, какъ выражается цитируемый нами актъ, «redibit in communi herbagio» [2]).

Служа пастбищемъ, лѣсъ доставляетъ въ то же время топливо и матеріалъ для построекъ. Норманскія грамоты на каждомъ шагу упоминаютъ о nemus ad ardendum et claudendum, nemus ad edificandum, или ad propria hebergagia facienda et ad ignem suum [3]). При этомъ въ нихъ указывается, какой именно сортъ лѣсу идетъ для каждой изъ названныхъ цѣлей. Топливомъ и матеріаломъ для оградъ служитъ одинъ лишь валежникъ, mortuum boscus, который дарственная запись 1179 г. опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: mortuum autem nemus appelamus salices, alnos, fraxinos, aceres et arbores, quas vulgo tremulos et boolios

---

[1]) Ancien coutumier de Normandie cap VIII —Тѣ же постановленія можно встрѣтить и въ Coutume réformée, стр. 81 и 82

[2]) Coutumes d'un village à Gourchelles dans l'ancien doyenné d'Aumale. a 1202. (Delisle, стр. 653).

[3]) Cartulaire de l'abbaye de Notre Dame de Bon Port, publié par Andrieux, стр. 2, a. 1190 и стр. 14, a. 1198 Per totam forestam nostram pasnagium, ignem edificium (dedit), значится въ одной дарственной записи середины XII в. (Cartulaire du comte d'Eu стр 71) Mortuum boscum et residua ad ardendum et claudendum, (ibid., f. 10) —Communes pasturas animalibus eorum et pasnagium porcorum suorum (dedit), читаемъ мы въ другой подобной же грамотѣ отъ 1168 г. (Cart de Mortemer, p 103)—in foresta (damus) ligna ad comburendum et ad edificacionem domorum, читаемъ мы въ одномъ актѣ Генриха, графа Эу, отъ послѣдней четверти XII вѣка. (Cart d'Eu, f. 53)

vocant et quicquid precisum, siccum aut sine radice inventum fuerit [1]),—что въ переводѣ значитъ: валежникомъ мы считаемъ вербу, ольху, ясень, осину, а также все, что найдено было въ лѣсу отрѣзаннаго, сухого и лишеннаго корней. Изъ этихъ словъ видно, что защитой пользовались лишь тѣ деревья, плодъ которыхъ шелъ въ пищу людямъ или животнымъ.

Особый видъ общиннаго пользованія лѣсомъ представляетъ извлеченіе изъ него всего необходимаго для изготовленія плуговъ, боронъ, повозокъ и другихъ употребляемыхъ въ хозяйствѣ орудій и инструментовъ,—въ числѣ послѣднихъ «пертикъ» для производства земельныхъ измѣреній [2]). Народное прозвище для всѣхъ видовъ общиннаго пользованія — aisanciae (aisances) [3]) Упомянемъ, наконецъ, о правѣ пользоваться медомъ и воскомъ дикихъ пчелъ, а также о правѣ ставить собственные улья въ лѣсу. Объ этомъ послѣднемъ норманскія грамоты говорятъ только въ случаѣ надѣленія имъ церковной или монастырской обители Очевидно, однако, до времени уступки духовнымъ корпораціямъ, оно составляло предметъ общиннаго пользованія.

Я сказалъ, что обыкновеннымъ мѣстомъ для пастбища служитъ лѣсъ; это не значитъ, однако, что Нормандіи XI-го и XII-го вѣковъ неизвѣстны были луга, спеціально предназначеные для той же цѣли. Луга эти небольшими участками лежали обыкновенно вблизи полей, отведенныхъ подъ пахоту, что̀ дѣлало возможнымъ не угонять далеко рабочихъ воловъ и лошадей во время продолженія оранки или уборки. Къ пользованію этими лугами допускался, какъ мы видѣли выше, не только хозяйскій скотъ, но и крестьянскій; это обстоятельство имѣло послѣдствіемъ взиманіе съ крестьянъ особыхъ платежей и подчасъ отбываніе ими спеціальнаго вида барщины. Сѣнокосы, о которыхъ идетъ рѣчь, прямо упомянуты нѣкоторыми грамотами подъ описательнымъ наименованіемъ commune, communia [4]), communio [5]), иногда—pascua communes [6]).

---

[1]) LL 1583. Arch. Nat Cart. de St Ived de Braine, (XIII s) fol. 77.

[2]) Quicquid necesse est ad omnia curiarum aratra et ipsorum instrumenta (гр 1158 г. Ibid, стр. 142)—ad suas carucas et ad suas herchias et carretas garbereiz ad garbas adducendas et suas perticas (Cart d'Eu, fol 18).

[3]) Concesserunt etiam (Gervasius de Basochis uxtorque sua Isdemuned) in nemoribus palum et virgam et ignem, ceterasque commoditates quas vulgo aisancias vocant (a. 1158, p 142 Cart. de St Ived de Braine).

[4]) Выраженіе communia de Danevilla встрѣчается въ Cart de S. Sauveur (Delisle, 166 стр)

[5]) Johannes comes Augi.. quod ego dedi in perpetuam hereditatem burgensibus Augi communionem (Cart d'Eu, f 9)

[6]) Грамота 1208-го года Nicholaus Basochiarum dominus In omnibus etiam

Гораздо рѣже, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Франціи, заходитъ въ Нормандіи рѣчь о болотахъ, въ смыслѣ объектовъ общиннаго пользованія для всѣхъ смежныхъ съ ними селъ. Делиль говоритъ, что сборники лѣсныхъ обычаевъ Нормандіи (coutumier des forêts) упоминаютъ о такомъ правѣ [1]). Болота служили здѣсь, какъ и на протяженіи всей средневѣковой Европы, отчасти для пастбища, отчасти для улова рыбы, отчасти, наконецъ, для полученія торфа, какъ матеріала для топлива. Изъ названныхъ доходныхъ статей, одна скоро перешла почти повсемѣстно въ исключительное владѣніе духовныхъ корпорацій,—я разумѣю уловъ рыбы, столь же необходимой для ежедневнаго монастырскаго обихода, какъ и доставляемый пчелами медъ, рано сдѣлавшійся поэтому предметомъ присвоенія. Прежде чѣмъ покончить съ объектами общиннаго пользованія, я долженъ упомянуть еще о такъ называемомъ droit de garenne, или правѣ держать дичь, не всегда только въ лѣсахъ, но и во всякихъ вообще чащахъ, составленныхъ, хотя бы, изъ одного дико растущаго кустарника. Это право всего ранѣе сдѣлалось исключительной привиллегіей земельныхъ собственниковъ и, въ числѣ ихъ, монастырскихъ корпорацій, какъ это видно изъ удержанія этого права за собою феодальнымъ сеньеромъ и неупоминаніе о немъ поэтому въ тѣхъ грамотахъ, которыя перечисляютъ объекты общиннаго пользованія сидящихъ на его земляхъ людей.

Спрашивается еще, не входило ли въ число доходныхъ статей, извлекаемыхъ изъ угодій, право корчевать лѣсъ подъ пашни и луга. Въ дошедшихъ до насъ источникахъ нѣтъ указанія на то, чтобы это право принадлежало въ Нормандіи крестьянству, наравнѣ съ феодальнымъ собственникомъ. Грамоты XI-го и XII-го вѣковъ, предоставляя его подчасъ монастырямъ [2]), на каждомъ шагу выража-

---

pascuis communibus, que sub potestatemea de Cortz sunt in toto tardenois omnia animalia libere depascentur. (Cart de St Ived de Braine, XIII s p 154)

[1]) Delisle, стр 163

[2]) Такъ Fulcar di Monte жалуетъ церкви въ Эу. sartum inter novam londam et sartum bazil ad excolendum, ad extirpandum quoque quicquid nemoris est in nova landa et sarto quod juxta eam est usque ad agros foris positos Et sicut fratres iam eradicare et exstirpare ceperunt in foresta mèa ubicumque fratribus placuerit. (Cart d'Eu, p 71) Quod Gervasius de Basochus uxtorque sua . concesserunt. nemus exstirpandum ad tres carrucas et decem falces ut vulgo dicitur ad pratum faciendum super rivum de Orelun (Cart de Braine, a. 1158, стр. 142). Johannes, comes augi Hugoni Rothomagensi archiepiscopo. Nemus et essartos factos de ipso fuisse ab antiquitate de foresta mea et adhuc sunt et hoc veraciter scimus et homines mei mecum hoc veracissima asser-

ютъ то правило, что корчеваніе лѣса можетъ производиться лишь съ согласія его dominus [1]). Впрочемъ, самый фактъ запрещенія постороннимъ лицамъ очищать землю отъ лѣса указываетъ на то, что подобнаго рода очистки имѣли мѣсто въ прежнее время; если до насъ не дошло на этотъ счетъ болѣе точныхъ извѣстій, то это объясняется позднимъ происхожденіемъ источниковъ, почти всецѣло принадлежащихъ XI-му и XII-му вѣкамъ.

Отъ объектовъ общиннаго пользованія перейдемъ къ лицамъ, допускаемымъ къ нему.

Мы видѣли выше, что ими были безразлично всѣ и каждый изъ вилановъ, полныхъ и половинныхъ. Это право съ вилланами раздѣляли и сервы, что видно прямо изъ текста одной грамоты конца XI-го вѣка, говорящей о pascua et omnes oportunitates ad usum servorum et ancillarum [2]). Но распространялось ли это преимущество и на свободные слои помѣстнаго населенія? Грамоты XI-го и XII-го вѣковъ не оставляютъ сомнѣнія на этотъ счетъ. Выраженія, въ родѣ homines ville, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть всѣхъ вообще поселенцевъ города, или homines censores, т. е. цензитаріи, постоянно встрѣчаются въ грамотахъ, которыя говорятъ объ общинныхъ угодьяхъ [3]).

Иное дѣло, когда рѣчь заходитъ о лицахъ, владѣющихъ по выраженію одного документа 1209 года, правомъ общиннаго пользованія на феодальномъ основаніи, feodaliter, т. е. въ силу надѣленія этого права сеньеромъ, подъ условіемъ совершенія въ его пользу акта покорности (hommage) или уплаты денежнаго взноса. Въ этихъ случаяхъ доказательствомъ принадлежности истцамъ права общиннаго пользованія норманскіе суды признаютъ или письменныя соглашенія съ сеньеромъ или фактъ уплаты денежнаго взноса (redditus). Подтвержденіе сказаннаго мы находимъ въ слѣдующемъ судебномъ приго-

---

cione atestabantur, videlicet Robertus de Augo, avunculus meus . alique barones et homines mei (Cart d'Eu, f. 19).

[1]) Confirmacio regis Stephani de loco Mortuomari et eius libertatibus .. quod nemo in valle Mortuomaris talliet vel essartet nisi per illos (monachos) (Cartulaire de Mortemer, p 25)

[2]) Cartulaire de Ribemont a 1083, f 24.

[3]) Homines dicte ville (Guerrevill) habent suum mortuum nemus et residua ad arderium suum et ad clausturam et suum herbagium quietum etc. (Cart. de Mortemer B N latin 18369, конца XII в, p. 25) — Homines censores qui reddunt garbas debent habere melioramentum ad suas carrucas et ad suas herchias etc., et per ius magister forestariorum debet vendere censoribus placyt in mysterio de quo est censor ad suam domum decenter si censor eum exigat (Cart d'Eu f 18).

ворѣ, исходящемъ отъ Палаты Казначейства Эшикье въ Руанѣ. Жители Понтодемеръ заявили въ 1209-мъ году жалобу на госпиталь Св. Эгидія, утверждая, что администраторы послѣдняго не допускаютъ ихъ къ выпасу стадъ на его земляхъ и доказывая, что право это принадлежитъ имъ на феодальномъ началѣ (feodolitcr). Спрошенные о томъ, совершаютъ ли они въ пользу госпиталя актъ покорности, hommagium, и взносятъ ли въ его казну redditus de pastura, они отвѣтили отрицательно, послѣ чего Эшикье въ Руанѣ постановилъ слѣдующее рѣшеніи: quod quando non cognoscebant quod inde non faciebant aliquem redditum vel hommagium, quod non debebant habere pasturam illam [1]).

Значитъ ли это однако, что право общиннаго пользованія, какъ, повидимому, признаетъ Делиль, имѣло всегда источникомъ добрую волю земельнаго собственника? Ничуть не бывало. Это значитъ только то, что право общиннаго пользованія ограничено древнѣйшими насельниками, каковыми въ старинныхъ селеніяхъ были вилланы, а въ новыхъ тѣ, кто впервые подвергли очисткѣ лѣса и пустоши, другими словами цензитаріи, съемщики помѣстной земли ad excolendum et laborandum. Вотъ почему эти два класса второстепенныхъ владѣльцевъ одни вправѣ подкрѣплять свои притязанія на общинныя угодья ссылками на стародавній обычай; всѣ остальныя лица, какъ позднѣйшіе поселенцы, принятые на земли помѣстья по доброй волѣ господина, отъ него одного могутъ вести свои титулы на пользованіе сельскими угодьями и поэтому призываются судьями каждый разъ къ обоснованію своихъ правъ дѣйствіями, доказывающими надѣленіе ихъ этими правами. Обычное право Нормандіи такъ далеко отъ мысли считать общинное пользованіе чѣмъ то вполнѣ зависимымъ отъ помѣщичьей милости и потому непрочнымъ и измѣнчивымъ въ своихъ границахъ, что признаетъ даже за вилланами право доказывать на судѣ принадлежность имъ этого права и заставляетъ помѣщика измѣнять состоявшіяся на этотъ счетъ соглашенія не иначе, какъ по уговору съ крестьянами. Для примѣра приведемъ случай, относящійся ко временамъ Вильгельма Завоевателя. Поселяне общины де Кантелупо были допущены къ предъявленію въ судъ короля тѣхъ основаній, на которыя они опирали свои притязанія на выпасъ скота на ландахъ общины, другими словами—на пустопорожнихъ земляхъ послѣдней [2]).

---

[1]) Recueil des jugements de l'échiquer de Normandie au XIII s. № 57.

[2]) Pro pastura de la Lande, si homines de Cantelupo possint illam deraisneer in curia Guillelmi Regis.—Cart. Monasterii S. Mariae (см. Delisle, cip 164).

Какъ ни слабо еще проявляется въ занимающую насъ эпоху главная причина всѣхъ послѣдующихъ измѣненій въ характерѣ отношеній человѣка къ землѣ,—я разумѣю возрастающую густоту населенія,—тѣмъ не менѣе районъ распространенія общинныхъ угодій успѣлъ уже подвергнуться значительнымъ сокращеніямъ. Источникъ этихъ послѣднихъ слѣдуетъ видѣть въ той щедрости, съ какой норманскіе герцоги и ихъ феодальные сеньеры раздаютъ церквамъ и монастырямъ право въѣзда въ лѣсъ въ виду извлеченія изъ него матеріала для топлива и построекъ, право выпаса для стадъ, наконецъ, право корчеванія или поднятія нови. Рѣдкая дарственная запись не говоритъ объ одномъ изъ этихъ правъ; всего чаще говорится о всѣхъ вмѣстѣ. Иногда размѣръ предоставляемаго пользованія опредѣленъ съ нѣкоторой обстоятельностью. Монахи, значится въ грамотахъ, могутъ подвергнуть корчеванію только участокъ извѣстной величины, держать въ лѣсу лишь извѣстное число животныхъ, рубить дрова только для собственнаго употребленія; всего же чаще, однако, всѣ эти ограниченія отсутствуютъ, и аббатство пріобрѣтаетъ даже возможность передавать за деньги эти права третьимъ лицамъ [1]). Гервазій и жена его Исдемунда, читаемъ мы въ одной дарственной 1158 года, предоставили церкви Св. Маріи и Св. Эводія въ Бренѣ право выкорчевать лѣсъ для цѣлыхъ трехъ каррукъ и десяти косъ, какъ говорится въ простонародьи (ut vulgo dicitur). Тѣ же лица даютъ монахамъ право извлекать изъ лѣсу столько дровъ, сколько могутъ вывезти ежедневно двѣ лошади.

Въ другомъ однохарактерномъ актѣ 1166 года размѣръ, въ которомъ аббатству предоставлено пользованіе лѣсомъ подъ пастбище, опредѣленъ слѣдующимъ образомъ: монахи въ правѣ содержать въ немъ ежегодно сто овецъ и четыре коровы съ ихъ телятами [2]). Рядомъ съ такими примѣрами, грамоты представляютъ намъ и другіе, со-

---

1) Gervasius de Basochus uxorque sua Isdemunde concesserunt ecclesie Sancte Marie Sanctique Evodii de brana in elemosinam nemus extirpandum ad tres carrucas et decem falces ut vulgo dicitur ad pratum faciendum super rivum de Orelum... Concesserunt etiam in nemoribus .. ad opus abbatie tantum lignorum singulis diebus quantum duobus equis trahi potest. (Cartulaire do S. Ived de Braine, p. 142).

2) Concessit ipse Guillelmus de Sessonia ecclesie St Marie... semper habere in pascuis de blanzi centum oves et III vaccas et sequentes earum annuatim. a. 1166. ibid., p. 119. Si in nemoribus meis pasnagium fuerit, читаемъ мы въ одной жалованной грамотѣ графовъ Эу, viginti porcos ibidem habere poterunt sine solutione pasnagii. Quod si plures habere voluerint precium pasnagii sicut alii mihi persolvore tenebuntur. (Cart. d'Eu).

вершенно противуположнаго характера. Такъ, въ началѣ XIII-го вѣка нѣкій рыцарь, по имени Жервазій Сенъ-Серенъ, жалуетъ монахамъ аббатства Св. Эбрульфа право или самимъ корчевать лѣсъ, или продавать деревья изъ него на сторону по ихъ выбору [1]).

Особенно противились, повидимому, монастыри всякимъ попыткамъ ограниченія ихъ права очистки,—права, безъ котораго, какъ мы замѣтили выше, церковная собственность едва ли достигла бы въ Нормандіи тѣхъ широкихъ размѣровъ, какіе отличали ее здѣсь въ продолженіи всего XI-го столѣтія. Нормандскія грамоты нерѣдко указываютъ на корчеваніе лѣса, какъ на источникъ прекращенія правъ общиннаго въѣзда. Такъ, объ одномъ лѣсѣ, принадлежащемъ графамъ въ Бренѣ, мы читаемъ въ документѣ середины XII-го вѣка, что право пользованія имъ («usuaria») можетъ продолжиться лишь до тѣхъ поръ, пока весь онъ не будетъ подвергнутъ очисткѣ, «donec sit exartat a foresta» [2]). Право очистки считалось принадлежностью земельнаго собственника и могло быть пріобрѣтено третьими лицами лишь отъ него одного. De incultis terris vel nemoribus, читаемъ мы въ одной грамотѣ аббатства въ Рибомонте, absque assensu domini cuius est pars colere vel sartare non possint nec debeant (coloni) [3]).

Отсюда однако не слѣдуетъ, чтобы корчеваніе было неограниченнымъ правомъ земельнаго собственника,—чтобы никто не могъ воспротивиться его осуществленію послѣднимъ. Такой протестъ несомнѣнно доступенъ былъ всѣмъ общиннымъ пользователямъ, права которыхъ сами собою прекращались обращеніемъ лѣса подъ пахоть. Указаніе на это мы находимъ въ одной грамотѣ аббатства въ Бренѣ, запрещающей собственнику вести очистки до предѣловъ, совершенно устраняющихъ искони принадлежащія сельской общинѣ права въѣзда и выпаса,—nec tamen exartando prohiberi passit usuarium [4]). Право сеньера увеличивать произвольно число общинныхъ пользователей, надѣлять въѣздомъ и выпасомъ церкви и монастыри, рыцарскіе лены и свободныя держанія, уменьшать районъ общинныхъ угодій постепеннымъ привлеченіемъ подъ обработку новыхъ земель, очисткой лѣса, осушеніемъ болотъ и т. п.—все это должно было неизбѣжно повлечь за собою сокращеніе размѣровъ общиннаго пользованія. По-

---

[1]) Concedo .. ut liceat prefatis abbati et monachis de isto novissimo dono et de omnibus aliis suprascriptis partibus foreste vendere vel operari (Chart monasterii Sancti Ebrulfi. B. Nat. Latin 11055, fol. 42).

[2]) Cartulaire de Braine, f. 149. a 1159.

[3]) Cartulaire de Ribemont, f. 29. a 1178.

[4]) LL. 1583. Cartul de St Ived de Braine, (XIII s.) f. 149 a. 1159

слѣдствія этого факта не даютъ еще чувствовать себя вполнѣ въ занимающую насъ эпоху; но въ слѣдующую за нею они заставятъ сами общины хлопотать о закрытіи угодій чужеродцамъ и объ ограниченіи правъ пользованія каждаго двора исключительно его потребностями.

§ 3.

Возсоединеніе Нормандіи съ французской короной не внесло существенныхъ измѣненій въ характеръ норманскаго землевладѣнія, такъ какъ оно произошло при удержаніи стариннаго status quo Неудивительно поэтому, если въ теченіе всего XIII-го столѣтія дарственныя и купчія, завѣщанія и судебные приговоры одинаково упоминаютъ о всѣхъ и каждомъ изъ тѣхъ видовъ земельнаго пользованія, существованіе которыхъ отличало съ древнѣйшихъ временъ норманское землевладѣніе; неудивительно, если наряду съ рыцарскимъ держаніемъ, нерѣдко обозначаемымъ описательно терминомъ «держанье копьемъ» (tenementum lorice), мы встрѣчаемъ здѣсь и старинную вассорію, и еще болѣе старинный hospitium, и занесенное изъ Англіи городское держаніе (burgagium), и прежній bordage подъ англійскимъ только названіемъ—котагіумъ, и свободное, и крѣпостное владѣніе (liberum tenementum и villenagium). Неудивительно также, если земля сдается собственниками третьимъ лицамъ на тѣхъ же условіяхъ платежа ценза деньгами или частью продуктовъ, обыкновенно—девятой и десятой, на какихъ она поступала въ руки цензитаріевъ XII-го вѣка. Если въ системѣ земельныхъ отношеній Норманскаго герцогства и можетъ быть отмѣчена какая либо перемѣна, то развѣ та, что землевладѣніе въ этой части Франціи приблизилось къ англійскому образцу,— обстоятельство, легко объяснимое тѣмъ, что норманскіе собственники были въ тоже время владѣльцами латифундій въ Англіи, почему англійскіе хозяйственные порядки и стали оказывать вліяніе на норманскіе.

Подтвержденіе сказаннаго мы находимъ не только въ фактѣ занесенія въ Нормандію, вмѣстѣ съ англійскимъ терминомъ котеджа для обозначенія норманскаго борда, и особаго вида городскаго держанія, представляющаго собою не болѣе, какъ разновидность свободнаго (liberum tenementum—burgagium), но и въ томъ обстоятельствѣ, что отношеніе крестьянъ къ землѣ и къ ея собственнику, ихъ хозяйственныя службы, натуральные и денежные платежи, во многихъ мѣстностяхъ Нормандіи получили ту самую форму, какая столѣтіемъ раньше уже стала отличать ихъ въ Англіи. Число быковъ, впря-

гаемыхъ крестьяниномъ въ тяжелый плугъ съ восьми или шести головной упряжью, сдѣлалось рѣшающимъ обстоятельствомъ при опредѣленіи размѣра надѣловъ, а отъ величины послѣднихъ зависѣло, какъ и въ предшествующія столѣтія, число сельскохозяйственныхъ службъ и количество платимыхъ помѣщику продуктовъ. Для освѣщенія сказаннаго, я приведу слѣдующій отрывокъ изъ ренталя владѣній аббатства Св. Михаила въ Верзонѣ,—ренталя, составленнаго въ серединѣ XIII-го вѣка:—каждый вилланъ, значится въ этомъ документѣ, владѣющій числомъ быковъ достаточнымъ для того, чтобы собственными средствами, безъ чужой помощи, снарядить плугъ или карруку, обязанъ ежегодно вспахать на помѣщичьемъ полѣ одинъ акръ земли до Рождества и одинъ послѣ. Та же обязанность падаетъ совмѣстно на всѣхъ тѣхъ крестьянъ, которые, не имѣя достаточнаго числа быковъ, снаряжаютъ карруку на общія средства, впрягая въ нее каждый то число головъ, какое имѣется въ его владѣніи; при этомъ, крестьянамъ не запрещено входить въ соглашенія на счетъ поставки воловъ или лошадей для впряги съ владѣльцами свободныхъ надѣловъ, обозначаемыми въ ренталѣ наименованіемъ «francі» [1]). Это тѣ же сельскохозяйственные порядки, какіе мы встрѣтили во владѣніяхъ аббатства Св. Троицы въ Канѣ, и встрѣтимъ еще въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ, описанныхъ въ Думсдебукѣ и въ древнѣйшихъ англійскихъ ренталяхъ XI-го и XII-го столѣтій. Крестьянинъ, владѣющій числомъ быковъ, необходимымъ для упряжи въ карруку, получаетъ полный надѣлъ (plenum villenagium), какъ это говорится въ разбираемомъ нами документѣ; владѣніе же полнымъ надѣломъ налагаетъ на него слѣдующія обязанности, сверхъ указаннаго выше участія во вспашкѣ хозяйскаго поля: ежегодно онъ или самъ коситъ полъ-десятины помѣщичьяго луга, или нанимаетъ косаря на свой счетъ для производства такой работы; скошенное сѣно должно быть разбросано по полю и, только высохнувъ на солнцѣ, оно съ помощью вилъ, но отнюдь не граблями, собирается въ кучи и перевозится въ клуню, расположенную вблизи помѣщичьей усадьбы; ежегодно также владѣлецъ полнаго надѣла обязанъ убрать полъ-акра хлѣба, связать его въ снопы и доставить на гумно. Замѣчательно при этомъ, что цитируемый ренталь, а равно и одновременныя съ ними грамоты хранятъ упорное молчаніе относительно барщинъ или личныхъ ра-

[1]) Quilibet vilanus de Versone si habeat carrucam per se, vel etiam cum franco, tenetur facere I acram arature ante Natale et aliam post. Si autem II vel III vel amplius rustici associentur et faciant 1 carrucam, facient sicut predictum est pro 1 carruca (Delisle. p. 672. Etat des revenus de l'abb. du Mont. St. Michel).

ботъ виллановъ въ пользу помѣщика въ теченіе опредѣленнаго числа дней въ недѣлю,— обстоятельство, указанное уже Делилемъ, и не оставляющее сомнѣнія въ совершенномъ исчезновеніи въ Нормандіи крѣпостного права, или servage, уже въ серединѣ XIII вѣка.

Изучая происхожденіе различныхъ видовъ крестьянскихъ повинностей, мы указали на тотъ фактъ, что всѣ онѣ носятъ реальный характеръ, и служатъ эквивалентомъ за различнаго рода имущественныя выгоды, предоставляемыя феодальнымъ собственникомъ. Сказанное находитъ себѣ полное подтвержденіе и въ ренталяхъ XIII-го вѣка. Соотвѣтствіе между числомъ быковъ, впрягаемыхъ крестьяниномъ въ карруку, и величиною участка, подвергаемаго имъ ежегодно вспашкѣ, невольно наводитъ на мысль о томъ, что этотъ видъ повинности является со стороны крестьянина вознагражденіемъ помѣщику за право владѣть рабочимъ скотомъ, доставляемымъ крестьянину въ былое время, быть можетъ, самимъ помѣщикомъ. Что касается до двухъ другихъ видовъ повинностей, то обязанность убирать полъ-десятины сѣна, во всемъ однохарактерная съ той, какую несутъ крестьяне на земляхъ аббатства Св. Троицы въ Канѣ — не болѣе какъ эквивалентъ принадлежащаго крестьянамъ права содержать скотъ на помѣщичьемъ лугу во все время продолженія сельскихъ работъ, тогда какъ обязанность убирать полъ-десятины хлѣба и доставлять его на хозяйское гумно, по аналогіи съ тѣмъ, что имѣло мѣсто въ XII-мъ вѣкѣ, можетъ быть,—не болѣе, какъ вознагражденіе за право извлеченія топлива изъ помѣщичьяго лѣса.

Тотъ же характеръ имущественнаго эквивалента носитъ какъ производимый крестьяниномъ платежъ одного динарія за каждаго изъ состоящихъ въ его владѣніи кабана или свинью, если число ихъ не превышаетъ семи головъ, такъ и уступка помѣщику «tercium pulchriorem porcum», если число ихъ болѣе семи и не выше десяти. Здѣсь уплата деньгами или натурою является вознагражденіемъ за тотъ желудиный кормъ, какой крестьянскія свиньи находятъ въ помѣщичьемъ лѣсу [1]). Остаются, затѣмъ, еще годовые платежи зерномъ,

---

[1]) Quod unusquisque qui tenet plenum villenagium debet invenire falcatorem ad dimidiam acram prati falcandam et pagare eumden de proprio suo Item tenetur expandere fenum, tornare et coadunare prout melius poterit cum furcis sine rastro... et adducere ad manerium... Item debet colligere omni anno dimidiam acram segetis et ligare et tassare in campo et portare in grangiam (Delisle p. 672) Quicumque residet in villenagio et terra campoportaria si habuerit VII porcos, vel minus, reddet pro uno quoque 1 d. tur, si vero VIII porcos vel decem, tenetur reddere tercium pulchriorem.

курами и яйцами, въ которыхъ, какъ мы показали это, слѣдуетъ видѣть своего рода домовую ренту.

Такимъ образомъ, всѣ крестьянскія повинности и платежи находятъ обоснованіе въ предоставляемыхъ крестьянамъ помѣщикомъ имущественныхъ выгодахъ; въ нихъ нѣтъ ничего такого, чтобы указывало на отсутствіе у крестьянина личной свободы, что бы рисовало его скорѣе принадлежностью помѣстья и собственностью его владѣльца, нежели полноправною личностью, расплачивающеюся трудомъ, продуктами и деньгами за поступающія въ его распоряженіе доходныя статьи. Неудивительно послѣ сказаннаго, если тѣ же повинности падаютъ и на свободныхъ поселенцевъ помѣстья, если francі, какъ это видно изъ самого ренталя, наравнѣ съ вилланами, участвуютъ въ общей оранкѣ всякій разъ, когда они владѣютъ нужнымъ для того скотомъ, если hospites (какъ свидѣтельствуютъ записанные въ 1230 году мѣстные обычаи тѣхъ hospites, которые поселены были на земляхъ ордена Госпиталійцевъ въ Писси) [1]), также платятъ домовую ренту курами и хлѣбами, и если, наконецъ, всѣ цензитаріи, взявшіе у сеньера землю съ части продуктовъ или въ шампаръ (ad campartum), раздѣляютъ съ вилланами обязанность вознаграждать помѣщика за выпасъ свиней въ лѣсу и деньгами, и натурою.

Спрашивается теперь, какой свѣтъ бросаютъ вышеописанныя крестьянскія отношенія на самый характеръ землевладѣнія? Норманскіе акты XIII-го вѣка, подобно предшествующимъ имъ во времени, указываютъ на строгое обособленіе въ помѣстьяхъ terra dominica или in dominio, другими словами, обособленіе земель въ личномъ завѣдываніи помѣщика отъ тѣхъ, которыя изъ поколѣнія въ поколѣніе оставались въ рукахъ крестьянъ, иначе—земель in villenagio. Отдѣльно отъ нихъ лежала также terra ad hospitandum въ такихъ помѣстьяхъ, въ которыхъ свободные поселенцы, подъ наименованіемъ hospites [2]), составляли особый классъ помѣстнаго населенія. Земля in villenagio распредѣлена была

---

[1]) Et pro XXIV' pedes tere masure reddet unusquisque hospes XII den' ad festum St. Remigri et II capones ad Natale annuatim. (Coutumes des hôtes de l'hôpital de S Jean de Ierusalem, à Pissi. 1230 a) —Въ приведенномъ примѣрѣ двѣнадцать динаріевъ являются платою за землю, домовую же ренту представляютъ двѣ мины овса и два пѣтуха на Рождество.

[2]) Coutumes des hôtes de l'hôpital de S Jean de Jérusalem, à Pissi, 1230 упоминаетъ о terra ad hospitandum, какъ о той части помѣстной территоріи, на которой поселены 18 hospites, владѣющихъ каждый въ отдѣльности усадебной землей въ размѣрѣ 24 кв. шаговъ и прилегающимъ къ ней акромъ цензитарной земли.

между крестьянами сообразно ихъ хозяйственной способности, другими словами, смотря по числу принадлежавшихъ имъ головъ рабочаго скота,— откуда различіе между plenum villenagium и dimidium villenagium, въ свою очередь, въ два раза превосходившемъ по размѣру надѣлъ той крестьянской семьи, которая держала всего одну пару быковъ [1]). Дворы крестьянъ владѣли, собственно говоря, не опредѣленными земельными участками съ разъ навсегда установленными границами, а большими или меньшими долями состоявшаго подъ пахотою поля; размѣръ долей опредѣлялся числомъ головъ, впрягаемыхъ каждой семьею въ карруку. Пахота производилась въ опредѣленные сроки, два раза въ годъ, осенью до Рождества и весною. Участіе въ ней принимали всѣ владѣльцы рабочаго скота Одни выѣзжали въ поле съ собственнымъ плугомъ, другіе, чтобы снарядить карруку, входили въ соглашеніе съ сосѣдями, припрягая быковъ и лошадей послѣднихъ къ собственнымъ. По окончаніи оранки слѣдовалъ дѣлежъ вспаханнаго поля. Владѣлецъ полной упряжи получалъ и полный надѣлъ (villenagium plenum); остальные довольствовались, кто половиннымъ, кто четвертнымъ, а кто и восьмернымъ надѣломъ, смотря потому, впрягалъ ли онъ въ карруки четырехъ, двухъ или одного быка. Два раза въ годъ повторялся подобный дѣлежъ, осенью—по отношенію къ озимому полю, и весною—по отношенію къ яровому. Такъ какъ имущественное положеніе крестьянскихъ семей не мѣнялось изъ года въ годъ, то ничто не мѣшало надѣленію ихъ одними и тѣми же участками въ теченіе ряда лѣтъ и даже цѣлыхъ поколѣній. Самый переходъ крестьянскаго землевладѣнія изъ долеваго въ частное всего легче объясняется такимъ предположеніемъ. Стоило только измѣниться прежнему отношенію числа населенія къ землѣ, съ его неизбѣжнымъ послѣдствіемъ—возвышеніемъ земельной ренты, стоило только недвижимымъ собственникамъ перейти, въ силу сказаннаго, къ системѣ частныхъ арендъ, сдаваемыхъ тѣмъ же крестьянскимъ семьямъ, обыкновенно на короткіе сроки [2]),—и прежніе долевые

---

[1]) Ренталь аббатства св Михаила считаетъ обычнымъ фактомъ тотъ, когда три крестьянскія семьи складываются между собою для снаряженія карруки, но онъ не устраняетъ возможности и такихъ случаевъ, когда болѣе трехъ семей впрягаютъ свой скотъ въ одну и ту же карруку. (S. autem II vel III vel amplius rustici associantur et faciant 1 carrucam etc)

[2]) Делиль приводитъ рядъ фактовъ, доказывающихъ, что древнѣйшія аренды были краткосрочными. Земельные участки сдаваемы были самое большее на пятнадцать лѣтъ, чаще на тринадцать, двѣнадцать, и девять еще чаще на семь, шесть, пять, три и два года (Delisle, стр. 52)

надѣлы изъ временныхъ становились постоянными, другими словами, долевое общинное землевладѣніе постепенно замѣнялось частнымъ.

Этотъ переходъ становится совершившимся фактомъ уже въ занимающую насъ эпоху на протяженіи цѣлаго ряда помѣстій, и благодаря этому обстоятельству въ грамотахъ XIII вѣка нерѣдко попадаются указанія на неизмѣнныя границы тѣхъ или другихъ участковъ, снимаемыхъ крестьянской семьею подъ условіемъ уплаты, чаще всего, выговореннаго въ соглашеніи количества хлѣба [1]).

Если владѣніе пахотью переходитъ такимъ образомъ все болѣе и болѣе изъ общиннаго въ частное, то того же отнюдь нельзя сказать о тѣхъ составныхъ частяхъ помѣстья, которыя въ латинскихъ грамотахъ этого времени извѣстны подъ названіемъ appendicia и которыя, по принятой у насъ терминологіи, всего лучше передаются словомъ угодья. Первымъ изъ такихъ угодій нужно назвать ту же пахотную землю, разъ она лежитъ подъ паромъ, или не служитъ болѣе своему прямому назначенію, въ виду снятія съ нея урожая. Приведенная нами въ другомъ мѣстѣ статья норманскаго кутюмье, говорящая о такъ называемой «vaine pâture», редактирована въ XIII-мъ вѣкѣ. Правда, описанные въ ней порядки возникли гораздо ранѣе, но несомнѣнно, что они оставались еще въ полной силѣ и въ занимающую насъ эпоху; другими словами, не подлежитъ сомнѣнію, что въ XIII вѣкѣ, какъ и сто лѣтъ ранѣе, за снятіемъ урожаевъ слѣдовало ломаніе загородей и вступленіе талоки подъ общій выгонъ всѣхъ крестьянскихъ дворовъ. Если вспомнить, что пахота, т. е. тотъ видъ сельскохозяйственныхъ работъ, который временемъ своего наступленія опредѣляетъ эпоху всѣхъ остальныхъ, производима была совмѣстно, а слѣдовательно, и единовременно, то дѣлается понятнымъ, почему обычай могъ установить разъ навсегда опредѣленные сроки, въ которые пахотная земля изъ частнаго владѣнія становилась общиннымъ угодьемъ. Старинный coutumier Нормандіи говоритъ о праздникѣ Воздвиженія Креста Господня въ сентябрѣ, какъ о днѣ, съ котораго начинается такъ называемый temps de banon, другими словами, общее пользованіе. Конецъ ему наступаетъ въ серединѣ марта [2]).

Леопольдъ Делиль приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, не позволяющихъ сомнѣваться въ томъ, что такъ называемая vaine pâture была не ми-

---

[1]) Образцы такихъ baux à termage, à louage или à loyer можно найти въ приложеніи, сдѣланномъ Делилемъ къ его Histoire de l'agriculture et des classes agricoles en Normandie.

[2]) Vuides terres sont en deffens depuis la my—mars jusques à la Sainte—Croix en septembre (Ancien coutumier, гл. 8).

лостью сеньера, а правомъ крестьянскихъ обществъ: право это могло быть защищаемо ими въ судахъ, не менѣе всякаго другого, ссылками на стародавній обычай или на письменныя соглашенія съ земельнымъ собственникомъ [1]). Общинному выгону подлежали не однѣ лишь пахотныя земли со времени жатвы, но также и луговыя по окончаніи покоса; съ этого времени прекращалось частное пользованіе и наступало общественное; начальнымъ срокомъ его былъ праздникъ Рождества Іоанна Предтечи, 24 іюля стараго стиля. Къ пользованію выгономъ безвозмездно допускались одни лишь помѣстные крестьяне; остальныя лица пріобрѣтали это право или наймомъ у помѣщика (откуда и самое названіе этихъ лицъ alloués), или же въ силу спеціальнаго разрѣшенія [2]). За крестьянами признавалось также право собирать въ свою пользу граблями все оставшееся на полѣ сѣно, разъ послѣднее не было сложено въ копны и стоги. Это право довольно близко по характеру съ тѣмъ, которымъ, начиная отъ среднихъ вѣковъ и по настоящее время, на протяженіи всей католической Европы, пользовались бѣдные жители общинъ по отношенію къ оставшимся на нивахъ колосьямъ, иначе говоря, это право соотвѣтствовало такъ называемому droit de glanure. Имя ему въ Нормандіи—«droit de râtelage» [3]).

Частныя грамоты и судебные приговоры въ одно слово указываютъ на широкое протяженіе лѣсовъ въ Нормандіи XIII-го вѣка и тѣмъ самымъ косвенно объясняютъ причину, по которой въ это время еще возможно было пользованіе ими не только для топлива и построекъ, но и для пастьбы скота и выпаса свиней.

Въ одномъ рукописномъ хартуларіи аббатства Ожъ XIII вѣка мы находимъ наглядное подтвержденіе того, что въ Нормандіи существовали такія же нераздѣльныя лѣсныя марки, какія одновременно и столѣтія спустя встрѣчалось въ Германіи Тамъ, гдѣ въ настоящее время тянется плодоносная долина, извѣстная своимъ молочнымъ хозяйствомъ и, въ частности, выдѣлкой особыхъ круглыхъ сыровъ или камамбера, подымались чащи деревьевъ, въ которыхъ рядъ частныхъ собственниковъ и помѣстныхъ общинъ, не говоря о казнѣ, имѣли свои права пользованія. Грамоты, говоря о судебномъ разбирательствѣ, послѣдствіемъ котораго было опредѣленіе долей каждаго изъ участниковъ, включаютъ въ число лицъ, пользующихся правомъ въѣзда короля и заступающаго его сенешаля, пріора мона-

[1]) Delisle De l'agriculture en Normandie, стр. 163, 161
[2]) Ibid, стр 272.
[3]) Ibid.

стыря Св. Троицы, госпиталь и пріютъ для прокаженныхъ, рядъ свѣтскихъ феодаловъ и монастырь Св. Мартина, расположенный среди самаго лѣса; наконецъ, рядъ селеній: Гервиль, Азинвиль, Мельвиль, и т. д. Всѣ они надѣленны правомъ получать mortuum boscum et residua ad suum arderium et ad suam clausuram. Тѣ же лица и общины пользуются выпасомъ, herbagium съ праздника Св. Ремигія по середину мая. Такъ какъ лѣсъ—казенный, то въѣздъ въ него обложенъ извѣстными натуральными поборами въ пользу правительства. Подъ этимъ условіемъ къ нему допускаются одинаково и крѣпостные крестьяне manentes, и тѣ свободные мелкіе владѣльцы, которые извѣстны подъ именемъ vavassores [1]).

Забота о сохраненіи лѣсовъ для будущихъ поколѣній вызываетъ, однако, уже и въ это время мѣры, въ родѣ слѣдующихъ: права общиннаго пользованія въ раіонѣ казенныхъ лѣсовъ, какъ это значится въ одномъ рѣшеніи норманскаго Эшкье отъ 1232 года, не находятъ признанія (non possunt se defendere) до тѣхъ поръ, пока выпасъ можетъ служить препятствіемъ для роста деревьевъ [2]).

Такія предписанія, очевидно, вели къ сокращенію правъ общинниковъ. Это послѣдствіе съ каждымъ поколѣніемъ становится тѣмъ болѣе ощутительнымъ, что, движимые религіознымъ рвеніемъ, норманскіе герцоги издавна признали за большинствомъ монастырскихъ корпорацій право свободнаго пользованія въ доманіальныхъ лѣсахъ [3]),

---

[1]) Ms. Bibl Nat. Fonds latins, 18904. Chartularium abbatiae Auge, fol 3 и слѣд.

[2]) A. D. 1233 Facta sunt hec judicia apud Rothomagum in scaccario Rosche .. Preceptum est quod venditores domini regis eant videre boscos per totam Normanniam et reddant hominibus pasturagia et costumas suas quas ibi debent habere, nisi viderint quod boscus non poterit crescere de cetero vel ubi non poterit se defendere ad usus et consuedutines Normannie de boscis domini regis. (Recueil des jugements de l'échiquier de Normandie au XIII s. № 499, стр 119)

[3]) (Judicatum est) quod abbas et conventus Genumeticenses. posunt ponere omnes porcos suos in omnibus forestis de ducatu Normannie, quando voluerint et necesse fuerit eisdem sine pasnagio solvendo, sicut carta Henrici regis testatur. (Ibid, № 793, p 180) См также № 483 (стр 116) Judicatum est quod abbas Savigneiensis habeat quitanciam de pasnagio porcorum suorum ad proprios usus domus sue in foresta de Buro et in aliis forestis domini regis, per cartam suam, ita quod non potest emere causa vendendi (a 1232). — См. также № 480. a. 1232 Preceptum est quod leprosi Sancti Nicholai Baiocensis habeant costumas suas in foresta Baiocensi, sicut continetur in suis cartis — № 391 (a. 1226). Preceptum est quod leprosi Sancti Nicholai Baiocensis per tenorem carte sue quam habent habeant unam quadrigatam lignorum de bosco mortuo in foresta Vernen singulis diebus (p. 190).

и это право утверждено было за ними судами, вопреки неоднократнымъ попыткамъ къ его ограниченію со стороны позднѣйшихъ французскихъ правителей. Пожалованія, о которыхъ идетъ рѣчь, сдѣланы были не одними только герцогами и не въ однихъ доманіальныхъ лѣсахъ. Частные феодальные собственники XI-го и XII-го столѣтій, движимые тѣми же побужденіями, щедрою рукою надѣляли монастыри правами въѣзда и выпаса на протяженіи своихъ дачъ, при чемъ эти права, при обили лѣсовъ, не вели еще къ чувствительному сокращенію ихъ собственныхъ доходовъ Когда, благодаря естественному росту населенія, спросъ на лѣсъ и пастбище значительно увеличился, сеньеры не прочь были взять обратно сдѣланныя ими пожалованія Обстоятельство, это въ свою очередь, повело къ цѣлому ряду процессовъ, которые, какъ это видно изъ дошедшихъ до насъ приговоровъ, разрѣшались въ большинствѣ случаевъ въ пользу аббатствъ, постоянно опиравшихъ свои протязанія на письменные документы. Неудивительно, если при такихъ условіяхъ въ XIII-мъ вѣкѣ начинаетъ уже чувствоваться потребность въ регулированіи путемъ соглашеній правъ частныхъ лицъ и крестьянскихъ обществъ на пользованіе угодьями. Ближайшій поводъ къ этому подавали довольно частыя въ это время препирательства между сельскими общинами и феодальными сеньерами, свѣтскими и духовными. О нихъ не разъ заходитъ рѣчь въ сборникахъ судебныхъ рѣшеній норманскаго парламента или Эшикье въ Руанѣ Самый фактъ открытой защиты крестьянами своихъ правъ общиннаго пользованія важенъ для насъ, какъ доказательство того, что въ правѣ въѣзда и выпаса слѣдуетъ видѣть не результатъ помѣщичьей милости, а снабженное судебной охраной право сельскихъ общинъ. Послѣднія вступаютъ изъ-за этого права въ тяжбы не только съ феодальными сеньерами, но подчасъ и между собою, при чемъ въ оканчивающихъ эти споры рѣшеніяхъ мы находимъ нерѣдко доказательства существованія издревле на одни и тѣ же лѣса правъ нѣсколькихъ общинъ; общины эти въ большинствѣ случаевъ рѣшаютъ раздѣлиться, отмежевать каждая въ свою пользу извѣстный районъ лѣса, въ который жители остальныхъ селъ не имѣли бы права въѣзда. Подчасъ, однако, общины довольствуются опредѣленіемъ размѣра, въ какомъ каждое селеніе участвуетъ въ извлеченіи выгодъ изъ общихъ всѣмъ имъ угодій [1]). Характерный примѣръ существованія на одинъ

[1]) Въ царствованіе Филиппа IV Красиваго т. е. уже въ началѣ XIII-го вѣка общины Горжъ, Бонтъ и Куаньи состояли между собою въ подобнаго рода процессѣ Столѣтіемъ раньше такія же препирательства возникли между жителями Бюскъ и Св Мартина (Delisle стр. 169)

и тотъ же лѣсъ правъ нѣсколькихъ сосѣднихъ съ нимъ общинъ представляетъ предписанная Филиппомъ Августомъ, запись мѣстныхъ обычаевъ лѣсной пустоши въ Мере. Эта запись обнаруживаетъ, что къ пользованію лѣсомъ на разныхъ только правахъ издавна допускаются обычаемъ слѣдующіе села и частные собственники: городскія поселенія Невиль и Бретенвиль, крестьяне помѣстья Пасси, жители деревень Сересъ, Лоре, Эпье и Фортьеръ; одни изъ этихъ селеній, какъ напр., Невиль и Бретенвиль имѣли право рубить только вѣтви, и не должны были трогать самого ствола дерева или его верхушекъ [1]). Полъ-вѣка спустя Эшикье въ Руанѣ призналъ своимъ приговоромъ принадлежность семи селеніямъ, прилегающимъ къ лѣсу въ Ліонсэ, равныхъ правъ на послѣдній [2]). Я останавливаюсь съ нѣкоторой подробностью на приведеніи настоящихъ данныхъ, потому только, что изъ нихъ само собою вытекаетъ существованіе въ Нормандіи XIII-го вѣка еще многихъ слѣдовъ земельныхъ союзовъ, величиною своею превышающихъ размѣры сельской общины и подходящихъ къ германской маркѣ. Въ упомянутыхъ случаяхъ суды признаютъ или равенство правъ отдѣльныхъ общинъ или принадлежность каждой изъ нихъ извѣстнаго лишь вида общиннаго пользованія. Мы можемъ, однако, указать и другіе случаи, въ которыхъ судъ прямо опредѣляетъ размѣръ общиннаго пользованія, рѣшая напр., что крестьяне, поселенные на земляхъ епископа Байе, въ правѣ получать изъ лѣсовъ въ Бурэ ежедневно столько топлива, сколько могутъ доставить его на своихъ спинахъ четыре осла; крестьяне же аббатства въ Монде могутъ вывозить топливо всего на всего на трехъ ослахъ [3]). Граница, которой не должно переступать пользованіе общинными угодьями, опредѣляется личными потребностями; это правило всего опредѣленнѣе высказано въ слѣдующемъ приговорѣ 1219 г. Предметомъ спора было право жителей селенія Св. Дезидерія пасти свиней въ лѣсу аббатства Св. Аудонія въ Руанѣ. Парламентъ этого города рѣшилъ споръ въ томъ смыслѣ, что къ даровому выпасу поселяне могутъ быть допущены лишь тогда, если высылаемыя ими свиньи не будутъ принадлежать къ числу купленныхъ для пере-

---

[1]) Ibid., стр. 155.

[2]) Ibid., стр. 156.

[3]) Ibid., стр. 372 Однохарактерныя предписанія мы находимъ въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ норманскаго Эшикье напр. quod leprosi Nicholai Baiocensis.. habeant unam quadrigatam lignorum de bosco mortuo in foresta Vernei singulis diebus.

продажи [1]). Итакъ, размѣръ, въ которомъ отдѣльные крестьянскіе дворы пользуются выпасомъ, опредѣляется ихъ нуждою (usum proprium). Это правило одинаково примѣнимо къ пользованію лѣсомъ для топлива и построекъ. Рѣшенія Эшикье говорятъ по этому поводу о правѣ имѣть «ignem suum» или «houssum ad clausuras suas» [2]), другими словами—о правѣ содержать огонь топливомъ лишь на собственномъ очагѣ, исправлять лѣснымъ матеріаломъ лишь собственныя постройки и т. п. Ограниченіе права пользованія каждаго двора размѣромъ его потребностей не устраняетъ, однако, возможности отчужденія этого права третьимъ лицамъ, но только въ размѣрѣ даннаго пользованія, т. е. не болѣе того, что необходимо для покрытія нуждъ крестьянскаго хозяйства [3]).

Въ XIII-мъ вѣкѣ мы встрѣчаемъ въ Нормандіи то же разнообразіе предметовъ общиннаго пользованія, что и въ предшествующія столѣтія. Тогда какъ лѣсъ доставляетъ не только топливо и матеріалъ для построекъ, оградъ и сельскохозяйственныхъ орудій—плуговъ, боронъ, вилъ и т. п., но и выпасъ для рабочаго скота, лошадей, овецъ и свиней,—болота и топи, вмѣстѣ съ озерами, рѣками и другими проточными водами служатъ какъ водопоемъ, такъ и мѣстомъ для добыванія топильнаго торфа, тростника для кровлей и т. п. Упомянемъ еще о такихъ видахъ общиннаго пользованія, какъ право сдирать кору (escoriagium) [4]), собирать павшую листву, дикіе фрукты, ягоды, грибы и мохъ; право свозить песокъ и глину, ломать камни и т. п. Въ топливо крестьяне могутъ обыкновенно брать одинъ лишь сухой лѣсъ, да еще сломанный бурей [5]); только при недостачѣ его, имъ дозволяется рубить вѣтви деревьевъ до извѣстной высоты [6]).

[1]) Judicatum est quod homines Sancti Desiderii, qui habent quietanciam pasnagii sui in forestis abbatis Sancti Audoeni Rothomagensis de proprius porcis suis et de porcis quos emerunt ad usum suum, pro quo debent reddere de uno quoque porco unum denarium, non debent habere quietanciam pasnagii de porcis illis quos emerunt ad revendendum, et propter hoc sunt in misericordia versus regem (№ 270 стр 69) См также приговоръ 1232 г за № 483

[2]) Judicatum est quod Nicholaus de Deppa habebit in foresta de Tractu ignem suum ad costumam foreste quam potest vendere et houssum ad clausturas suas et hominibus suis (a 1226 № 386, стр. 98).

[3]) Ibid... costuma forestae.. quam potest vendere..

[4]) Ibid, № 312, p. 79.

[5]) „Le mort bois en étant et le vert en gisant“ говоритъ употребительная въ Нормандіи поговорка (Delisle стр. 372).

[6]) „Nisi mortuum (boscum) inventum fuerit haheant de vivo boscho calphagium suum“—выраженіе, довольно часто встрѣчающееся въ приговорахъ эшикье въ Руанѣ (См. напр № 62, a 1210, стр. 17). См. также Delisle De l'agriculure en Normandie, стр. 373.

Какъ и въ XII-мъ вѣкѣ, охота и, въ большинствѣ случаевъ, рыбная ловля не встрѣчаются въ числѣ доходныхъ статей, предоставляемыхъ крестьянамъ въ общинное пользованіе. Феодальные сеньеры обыкновенно удерживаютъ ихъ исключительно за собою и облагаютъ даже высокими штрафами всѣхъ виновныхъ въ нарушеніи этой самовольно созданной монополіи. То же можетъ быть сказано о правѣ корчевать лѣсъ. Право это, какъ и въ предшествующее столѣтіе, составляетъ монополію земельнаго собственника. Это не значитъ, однако, чтобы оно не знало никакихъ ограниченій, и чтобы пользованіе имъ открывало собственникамъ возможность лишать фактически общинниковъ ихъ правъ на добываніе изъ лѣса топлива или на пользованіе имъ, въ видѣ пастбища. Напротивъ, на каждомъ шагу мы наталкиваемся на свидѣтельства того, что въ лѣсахъ, которыми крестьяне пользуются на правахъ общинныхъ угодій, поднятіе нови не можетъ имѣть мѣсто иначе, какъ съ ихъ открытаго согласія. Для примѣра укажу на слѣдующій фактъ. Въ 1219-мъ году Робертъ де Сенъ-Валеръ и поселенные на его земляхъ крестьяне Сентъ-Обена заявили архіепископу Руанскому, что этотъ послѣдній не долженъ корчевать принадлежащій ему лѣсъ въ Алигермонѣ, такъ какъ въ этомъ лѣсу они имѣютъ право пользованія. Годъ спустя архіепископу удается выманить у нихъ согласіе на очистку, послѣ чего и начинается выжиганіе лѣса и обращеніе земли подъ пашню [1]).

Но не одни крестьяне пользовались лѣсами и пастбищами помѣстья, какъ общинными угодьями. Тоже право могло быть предоставлено земельнымъ собственникомъ и прочимъ обывателямъ помѣстья. Мы находимъ подтвержденіе этого въ мѣстныхъ обычаяхъ Піесси; они свидѣтельствуютъ о томъ, что hospites пользуются травою, за что и обязаны особымъ сборомъ, называемомъ herbagium. Въ ренталѣ аббатства Св. Михаила въ Верзонѣ о правѣ выпаса свиней въ помѣстномъ лѣсу упомянуто, какъ о чемъ то, принадлежащемъ въ равной мѣрѣ и тому, qui residet in villenagio, и тому, qui residet in terra campartaria, т. е. не одному крѣпостному населенію, но и свободному классу цензитаріевъ и шампартье [2]). Въ свою очередь, приговоры парламента въ Руанѣ неоднократно упоминаютъ о принадлежности подобныхъ правъ какъ рыцарскимъ, такъ и городскимъ владѣльцамъ. Законодательство и судебная практика перестаютъ даже, повидимому, проводить различіе между обоими видами пользованія,—

---

1) Delisle, стр. 156.

2) Delisle. Appendice, стр. 666 и 672.

тѣми, которыя принадлежатъ крестьянскимъ общинамъ, и тѣми, субъектами которыхъ являются свободные владѣльцы На самомъ дѣлѣ, различіе между тѣми и другими лежало въ источникѣ ихъ происхожденія· тогда какъ крестьяне основывали свои права на стародавнемъ обычаѣ, остальные классы могли ссылаться лишь на фактъ надѣленія ихъ помѣщикомъ или его предками. Смѣшенію обоихъ видовъ общинныхъ правъ не мало должно было содѣйствовать то обстоятельство, что какъ крестьяне, такъ и свободные владѣльцы одинаково обложены были извѣстными сборами за пользованіе ими, и что, по отношенію къ селамъ позднѣйшаго происхожденія, жалованная грамота земельнаго собственника въ такой же степени являлась источникомъ установленія общинныхъ правъ для крестьянъ, какъ и для поселенцевъ, принятыхъ на земли помѣстья, — для его hospites и milites. Уже въ предшествующемъ § указано было на фактъ непризнанія руанскимъ Эшикье правъ общиннаго пользованія за жителями Понтодемера на томъ лишь основаніи, что послѣдніе, какъ оказалось, «non faciebant aliquem reditum vel hominagium». При этомъ отмѣчалось, что истцы, какъ показываетъ и самый характеръ заявленной ими претензіи, основывали свои притязанія на феодальныхъ началахъ (pastura quam feodaliter habere debebant), т. е. на фактѣ надѣленія ихъ искомыми правами сюзереномъ. На этомъ основаніи я считалъ возможнымъ не согласиться съ Делилемъ и приходилъ къ тому заключенію, что въ XII-мъ вѣкѣ крестьяне владѣли общинными угодьями на основаніи стародавняго обычая, — болѣе древняго, чѣмъ самъ феодальный строй и вызванное имъ къ жизни помѣстное сословіе. Но то, что справедливо въ отношеніи къ XII-му вѣку, далеко не можетъ считаться таковымъ въ примѣненіи къ занимающей насъ эпохѣ. Корень различія лежитъ въ толкованіи, которое въ сочиненіяхъ легистовъ и затѣмъ въ норманскихъ судахъ дано было правамъ крестьянъ на общинныя угодья. Во второй половинѣ XII-го вѣка, когда, благодаря почти полному завершенію процесса феодализаціи, алодіальная собственность дѣлается не болѣе, какъ исключеніемъ, впервые возникаетъ то ученіе, на которомъ съ этого времени и вплоть до середины текущаго столѣтія земельные собственники будутъ основывать свои притязанія на право неограниченно распоряжаться прилегающими къ ихъ помѣстью лѣсами и пустошью. Говоря это, я разумѣю знаменитое положеніе— «nulle terre sans seigneur» (нѣтъ земли, которая бы не зависѣла отъ феодальнаго сеньера),—положеніе, впервые высказанное Боманоромъ, королевскимъ бальифомъ въ Бове. Названный юристъ логически вы-

велъ изъ этой формулы то послѣдствіе, что права общинныхъ пользователей вполнѣ обоснованы лишь въ томъ случаѣ, если можетъ быть доказано совершеніе ими взамѣнъ пользованія извѣстныхъ платежей собственнику угодій — сеньеру [1]). Дошедшіе до насъ приговоры Эшикье въ Руанѣ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что съ середины XIII-го вѣка эта доктрина вполнѣ была усвоена норманскими юристами. Для примѣра я позволю себѣ привести in extenso слѣдующее рѣшеніе [2]). Въ 1221-мъ году парламентъ постановляетъ, что жители (homines) двухъ поселковъ, изъ которыхъ одно названо Лескелинъ, а другое Рейа, какъ имѣющіе равное право пользованія лѣсовъ Ланфранъ, въ силу стародавняго обычая (qui sunt consuetudinarii in bosco Lanfran), должны платить ежегодно аббатству Св. Стефана въ Канѣ «consuetudines et redditus quos debent pro usuario suo», другими словами—опредѣленные обычаемъ взносы за право пользованія, все равно, будутъ ли они осуществлять его или нѣтъ, и это подъ угрозой потери въ противномъ случаѣ самого права (vel ipsi amittent usuarium suum)

Въ то же отношеніе къ общиннымъ правамъ крестьянства становится Эшикье въ Руанѣ и при рѣшеніи въ 1263-мъ году спора между рыбаками Ивиля и монастыремъ въ Жюмежъ. Крестьяне настаиваютъ на правѣ свободнаго улова рыбы. Монастырь отрицаетъ существованіе за ними этого права. Судьи высказываются въ пользу дальнѣйшаго удержанія за крестьянами «commune de peschier», или общиннаго улова, подъ непремѣннымъ условіемъ вознагражденія за то монастыря. На крестьянъ возложена обязанность производить отнынѣ ежегодно четыре «bateries», каждый разъ по требованію аббатства, къ которому должна поступать половина пойманной рыбы [3]).

§ 4.

Представленная нами характеристика помѣстнаго хозяйства въ Нормандіи въ періодъ, предшествующій черной смерти, основана почти исключительно на данныхъ монастырскихъ архивовъ. Невольно возникаетъ сомнѣніе о возможности распространить сказанное нами и на свѣтскія владѣнія? Вопросъ этотъ рѣшить не легко въ виду истребленія большинства феодальныхъ архивовъ въ 1789 году и во всю

1) L'usage n'est pas valable, si l'usager n'en rend cens (Coutumes de Beauvoisis (t. I, стр 341) ch 24

2) Recueil des jugements de l'échiquier de Normandie, № 301, № 827

3) Ibid, стр 192

эпоху тѣхъ жакерій, которыя предшествовали и слѣдовали за знаменитою ночью 4 августа, ставя себѣ сознательной цѣлью истребить тѣ документы, на основаніи которыхъ могъ быть установленъ размѣръ выкупа за отмѣненныя Конституантой сеньоральныя права. Только немногіе хартуларіи и рентали свѣтскихъ собственниковъ избѣжали этой общей участи. Благодаря счастливой случайности, я имѣлъ возможность познакомиться съ содержаніемъ двухъ такихъ хартуларіевъ и ренталей, заключающихъ въ себѣ акты XIII и XIV столѣтій, они служатъ къ характеристикѣ помѣстнаго владѣнія на земляхъ, принадлежавшихъ норманскому роду Марміоновъ, потомки которыхъ въ XV-мъ вѣкѣ приняли фамилію вымершихъ на французской Ривьерѣ Гримальди и унаслѣдовали въ женской линіи права на Монакское княжество. Этимъ объясняется, какъ хартуларіи и рентали, о которыхъ идетъ рѣчь, сохранились въ архивѣ монакскаго дворца и этимъ избѣжали участи подобныхъ-же документовъ въ норманскихъ замкахъ.

Одинъ изъ хартуларіевъ—сеньеріи Фонтенэ-ле Марміонъ—приготовленъ уже къ печати директоромъ монакскаго архива, извѣстнымъ палеографомъ Лесежъ. Другой, отъ котораго сохранился лишь сопровождавшій его ренталь или censier 1248 года, доселѣ остается въ рукописи. Оба въ разной мѣрѣ иллюстрируютъ тѣ же явленія и, при томъ, съ разныхъ сторонъ. Ренталь или censier непосредственно затрогиваетъ вопросъ о крестьянскихъ повинностяхъ и платежахъ; хартуларій касается ихъ лишь случайно, иллюстрируя въ большей мѣрѣ характеръ помѣстной собственности и земельныхъ держаній. И тотъ, и другой рисуютъ картину сельскохозяйственныхъ порядковъ, во всемъ сходную съ тою, какая представлена нами выше.

Одинъ фактъ выступаетъ, между прочимъ, съ наглядностью изъ изученія обоихъ документовъ, это—отсутствіе въ Нормандіи XIII вѣка той обязательной барщины, которая одновременно продолжала еще держаться какъ въ Англіи, такъ и въ большинствѣ французскихъ провинцій. На какомъ-бы мѣстѣ мы случайно не открыли изучаемый нами ренталь, мы однообразно натыкаемся въ немъ на отсутствіе всякихъ указаній на службу крестьянъ втеченіи того или другого числа дней въ недѣлю, ту службу, которая въ однохарактерныхъ источникахъ передается словами—totam ebdomadam preter sabbatum или IIII, III или II dies per ebdomadam debeat laborare domino.

Возьмемъ для примѣра ту часть censier, которая посвящена помѣстью Бриквиль; она составлена въ 1246 г., въ субботу подъ Петровъ день, и открывается перечисленіемъ лицъ, которыя держатъ

землю in feodum, т. е. на началахъ феодальнаго права, какъ свободные. Замѣчательно, что въ числѣ этихъ лицъ мы встрѣчаемъ служебныхъ чиновниковъ помѣстья, владѣнія которыхъ являются своего рода feuda ministerii. Таковъ, напр , участокъ, который in feudo fugantis cervium, т. е. на правахъ ловчаго, держитъ нѣкто Рикардъ, платя цензъ деньгами, пшеницею и 10 курами ежегодно. За Рикардомъ слѣдуютъ вавассоры, держащіе по 6, 7, 9 и болѣе акровъ за цензъ и деньгами, и натуральными продуктами· та-же пшеница и тѣ-же куры. О нѣкоторыхъ говорится, что, сверхъ принадлежащей имъ вавассоріи, они снимаютъ еще у помѣщика участокъ его terra dominica или de dominico, платя за полъ-акра 2 или 3 quartoniers доброй пшеницы (bom frumenti). Платежъ падаетъ на весь дворъ, почему въ ренталѣ за именемъ главы семьи слѣдуютъ нерѣдко слова—et sui participes. Расплата подчасъ производится овсомъ, подчасъ яйцами, подчасъ виноградными выжимками (mustel), подчасъ турскимъ сукномъ (pannus turensis). О нѣкоторыхъ вавассорахъ значится, что они вмѣстѣ со своими participes держатъ, положимъ, 14 акровъ de vavassoria за 7 солидовъ ценза, 6 quartoniers доброй пшеницы и 10 куръ. Тѣ-жа лица снимаютъ участокъ, положимъ, въ полъ-акра у собственника за цензъ и ренту, что̀ дѣлаетъ ихъ крѣпкими къ землѣ, откуда прибавка et est homo domini et non potest dimittere sine feudo predicto; это—зависимые люди, которыхъ помѣщикъ не можетъ, однако, согнать съ ихъ надѣловъ Такимъ образомъ, владѣніе крѣпостной землей отымаетъ у свободнаго, у вавассора право передвиженія

За вавассорами идутъ обыкновенные крестьяне. Они также платятъ деньгами, пшеницею, курами, яйцами, сукномъ, при чемъ размѣръ нѣкоторыхъ приношеній увеличивается или уменьшается сообразно тому, пребываетъ ли ихъ плательщикъ въ помѣстьѣ или нѣтъ; такъ, объ одномъ говорится, что два «quartoniers» пшеницы онъ платитъ pro residencia quam non fecit; впредь онъ будетъ вносить одинъ quartonier donec sit residens. Барщины нѣтъ, но требуются добавочныя службы, какъ напр., подвозъ лѣса (adducunt ligna domini); эти службы могутъ быть выкуплены платежемъ ценза (item pro ficto servicii adducendi ligna domini III solidos census, о нѣкоторыхъ лицахъ говорится, что они vadunt ad fenum ad sicum et molendinum, другими словами, участвуютъ въ общественныхъ помочахъ при уборкѣ какъ хлѣба, такъ и травы подчиняясь при этомъ монополи хозяйскихъ мельницъ [1]).

---

[1]) Самыя эти мельницы сдаются въ аренду одному или нѣсколькимъ лицамъ за цензъ деньгами и пшеницей.

Другіе могутъ покинуть свои надѣлы и прекратить взносы, «et non potest istam (terram) dimittere»; или «debet esse residens». Для платежей установлено обыкновенно два срока, половина на Рождество, половина на праздникъ Св. Михаила—«ad Natale medietatem et ad festum sancti Michaelis medietatem». Къ этимъ срокамъ иногда прибавляется еще два, добавочныхъ: Пасха, на которую слѣдуетъ платежъ яицъ, и Вознесеніе, когда производится приношеніе цыплятъ. Цензомъ оплачивается также право заниматься уловомъ рыбы, а границы, въ какихъ дозволенъ этотъ уловъ, установливаются слѣдующимъ образомъ: quantum cum manu sua prohiceret parvum lapidem, т. е. на сколько можетъ достать брошенный съ берега камушекъ. Отмѣтимъ нѣкоторыя частности, касающіяся земель, называемыхъ lande О нихъ говорится подчасъ, какъ о лежащихъ вблизи усадьбы и обведенныхъ заборомъ (clausum lande); въ тоже время встрѣчаются выраженія: такія-то и такія-то земли site in landis. Не разумѣятся ли подъ ландами песчанаго берега моря то, что извѣстно подъ именемъ Landes въ наши дни? Владѣнія участками этихъ landes всегда является дополненіемъ къ другимъ земельнымъ держаніямъ.

Я сказалъ уже, что о барщинѣ нѣтъ помину. Въ рѣдкихъ случаяхъ говорится о томъ, что повинности (servicia) выкуплены и замѣнены цензомъ, такъ что отъ нихъ осталось только обязательство участвовать въ покосѣ и уборкѣ Такъ, напр., о нѣкоемъ Petrus de Maris сказано, что онъ держитъ 4 акра, одну виргу и 14 пертикъ, за что и платитъ 3 quartonіers доброй пшеницы и 6 куръ; онъ-же вноситъ цензу 12 динаріевъ pro servіcіis excepto feni et molendi servicio [1]). Такимъ образомъ, источникъ ценза указанъ; если не говорить о цензѣ служащемъ рентой за землю, это—выкупъ прежней барщины, выкупъ, не распространенный на общественныя помочи. Обязанность постояннаго пребыванія соблюдается строго; о многихъ говорится, что они дѣлаютъ приплату одного quartonier пшеницы pro residencia, т. е. за пребываніе внѣ предѣловъ помѣстья (quartonier de incremento pro residencia), о другихъ, что они ставятъ поручителей въ томъ, что не покинутъ помѣстья (debet esse residens, prenominati sunt plegii), о третьихъ, что они заплатили штрафъ pro residencia, т. е. за отсутствіе изъ помѣстья (fecit finem de residencia pro II gallinis).

Хартуларій сеньеріи Фонтене ле Марміонъ указываетъ на то, что еще въ XII вѣкѣ собственникъ норманскаго помѣстья пользовался

[1]) О другомъ говорится:—Gullelmus havart III acra VII perticas minus III quartonier et dimidium boni frumenti XVIII census. Item XII census de servicio. Vadit tamen ad fenum et sicum et molendinum.

вотчинной юстиціей, за исключеніемъ jus gladii, или права произносить смертные приговоры,—право, которое норманскіе герцоги, сдѣлавшись англійскими королями, ревниво удерживали за собою [1]).

Феодальное помѣстье переходило по началу первородства (primogenitura postnatorum) и могло подвергнуться отчужденію вмѣстѣ со всѣми своими принадлежностями, «cum pertinenciis», подъ чѣмъ надо разумѣть угодья [2]).

Въ числѣ этихъ угодій встрѣчаются montes, т. е. горныя альпы или выпасы [3]). Помѣщикъ имѣлъ также монополію мельницъ и пекарень и сдавалъ тѣ и другія на откупъ [4]); онъ имѣлъ право на homagium, relevium et auxilium, т. е на присягу въ вѣрности, на полученіе выкупа съ наслѣдника покойнаго вассала и денежныхъ пособій въ установленныхъ обычаемъ трехъ случаяхъ: собственнаго плѣна, посвященія въ рыцари сына и замужества старшей дочери [5]); наконецъ, право на maritagium, или на платежи съ дочерей вассаловъ при вступленіи ихъ въ бракъ [6]).

Земли помѣстья сданы были свободнымъ людямъ участками различной величины, съ обязательствомъ платить денежный цензъ или ренту ячменемъ, овсомъ, пшеницею; сверхъ того, требовались приношенія курами и яйцами [7]). Собственникъ настаиваетъ на соблюденіи его производительныхъ монополій, запрещая обращеніе къ чужимъ мельницамъ и пекарнямъ Снимавшій землю у помѣщика свободный человѣкъ обязывался не покидать своего двора, masnagium, и не отчуждать его безъ согласія сеньера, въ противномъ случаѣ, онъ лишался въ пользу послѣдняго всѣхъ связанныхъ съ его надѣломъ имущественныхъ выгодъ [8]).

Какъ на церковныхъ земляхъ, такъ и въ свѣтскомъ помѣстьѣ Fontenay можно найти рядъ вавассорій, величиною въ 10, 12, 13, 24 и 28 акровъ, владѣльцы которыхъ платятъ деньгами, курами, яйцами. Эти вавассоріи подлежатъ раздѣлу между наслѣдниками, по-

---

[1]) Въ грамотѣ Генриха II отъ 1165-го года значится —precipio quod terra Roberti Marmiun sit quieta de omnibus placitis.. salvis placitis meis de gladio que spectant ad baillivos meos de Faleisia

[2]) Seconde lettre de la vente de Fontenay le Marmion, 1246 г.

[3]) Lettre de la vente que Henri Guelsbert . fit à la dame de Turuy 1247 a.

[4]) Грамоты за № 27 (1284) и 25; грам. № 34 (1317 г.)

[5]) Грамота за № 14, 1249 года.

[6]) Грамота за № 15, 1255 года

[7]) Грамоты за № 16, 17 и 18 (1240 и 1247 и 1233 года), грамоты за № 20 и 22 (1254 и 1278 г).

[8]) Грамота за № 30 (1283 и 84 годовъ).

чему нерѣдко встрѣчаются упоминанія о четвертой или другой части вавассоріи [1]).

Рядомъ съ вавассоріями, мы находимъ менѣе значительные участки цензитаріевъ, живущихъ подчасъ нераздѣльными семьями, со своими «parchonniers», и платящихъ отдѣльно за землю и за усадьбу (masnage). Еще меньшіе участки представляютъ, такъ называемыя bordages— 3 акра, $3^1/_2$, 5, 7, нерѣдко $^1/_2$ и $^1/_4$ акра (Vergies или Verges) [2]). Платежи натурою принимаютъ самые разнообразные виды; свинное мясо (hastes de porc), каплуны (capons), гуси (gaus), хлѣбы (pain), фигурируютъ въ числѣ этихъ платежей на ряду съ воскомъ (cire), шпорами (espérons), подковами (fers a cheval) и гвоздями (clous) Шампаръ, или съемъ земли съ части урожая, въ латинской передачѣ— cultura media, упоминается въ грамотахъ середины XIII-го столѣтія, какъ одинъ изъ способовъ арендованія земель свободными владѣльцами [3]).

Что касается до повинностей или натуральныхъ службъ, то о барщинѣ нигдѣ не говорится ни слова, но за то изрѣдка заходитъ рѣчь о добавочныхъ работахъ, производимыхъ для защиты и уборки нивъ, сбора фруктовъ, возки хлѣба на мельницу, дровъ изъ лѣса и т. д. О характерѣ этихъ обязательствъ всего легче судить по слѣдующему отрывку: Et si aura le dit Iohan une jornée de fourrage en la grange de Moiaus, telle comme ses anchesours lavoient acoustume en avoir en temps passé. Et si aura touz les services tant de prieres de carue et de herches comme de pileis et de queudze les pomes, comme de caumeis, de tasseis, de feneis et de portage de bley au moulin et de depechier les buches a Noel, et de sarcleis et de touz autres services [4]).

Это самое подробное перечисленіе всѣхъ тѣхъ службъ, которыя въ формѣ общественныхъ помочей уцѣлѣли въ нѣкоторыхъ норманскихъ помѣстьяхъ. Грамота говоритъ о нихъ, какъ о практиковавшихся предками теперешнихъ крестьянъ. Къ числу этихъ службъ принадлежатъ: во-первыхъ, сложеніе скирдъ на помѣстномъ гумнѣ въ теченіе одного дня; во-вторыхъ, такъ называемыя prieres de carue et de herches, въ которыхъ не трудно узнать общественныя помочи при рытіи канавъ и сооруженіи загородей; затѣмъ слѣдуютъ дни, посвященные уборкѣ яблокъ, сѣна и т. п.; наконецъ, подводная повин-

---

[1]) См грам за № 33 (1318 г) Lettre de mariage de monsieur Robert Bartran, chevalier, seigneur de Fontenay

[2]) Ibid., Lettre du douaire madame Jehane mère monsieur Bertran, seigneur de Fonteney 1311—12 a 10 Mars См также гр № 105

[3]) Грамота за № 67.

[4]) C'est la lettre de Jehan de Toumuchon 1329 г.—18 juillet .

ность, состоящая въ доставкѣ хлѣба на мельницу и на Рождество дровъ изъ лѣса. Молотьба (sarcleis) также составляетъ особый видъ натуральныхъ услугъ, нѣкогда оказываемыхъ норманскими крестьянами. То обстоятельство, что изъ 127 грамотъ, входящихъ въ составъ хартуларія, только въ одной перечислены всѣ эти виды службъ, само уже свидѣтельствуетъ объ ихъ исчезновеніи въ большинствѣ помѣстій. Одна грамота XIV-го вѣка указываетъ и на путь, который велъ къ прекращенію не только барщины, но и общественныхъ помочей. Онъ состоялъ въ выкупѣ самими крестьянами падавшихъ на нихъ обязательствъ. Опредѣленъ и самый размѣръ выкупа: VIII souls pour IIII jornées de carves, т. е. по 2 солида за день общественныхъ помочей [1]).

Анализъ неизданныхъ еще источниковъ сеньеріальнаго права Нормандіи не измѣнилъ ни мало сдѣланныхъ нами выводовъ; онъ только укрѣпилъ въ насъ увѣренность въ томъ, что заключенія, къ которымъ мы пришли на основаніи разбора церковныхъ и монастырскихъ грамотъ, приложимы и къ свѣтскимъ помѣстьямъ. Въ тѣхъ и другихъ помѣстьяхъ одинаково норманскій крестьянинъ успѣлъ уже сбросить съ себя узы крѣпостного права и изъ прежняго холопа сдѣлался свободнымъ рабочимъ и не менѣе свободнымъ половникомъ и оброчнымъ владѣльцемъ, производившимъ расплату съ помѣщикомъ частью натуральными продуктами, частью деньгами.

КОНЕЦЪ 1-го ТОМА.

[1]) Грамота за № 126.